

Н.В. ГОГОЛЬ

7
КНИГА
2

Н. В. Гоголь

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

им. А.М. ГОРЬКОГО

Н. В. ГОГОЛЬ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ

В двадцати трех томах

МОСКВА НАУКА 2012

Н. В. ГОГОЛЬ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ

Том седьмой

Книга вторая

МОСКВА НАУКА 2012

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус) 1
Г58

Редакционная коллегия:

*Е.И. Анненкова, А.Г. Битов, С.Г. Бочаров,
В.М. Гуминский, И.А. Зайцева, И.В. Карташова,
Ю.В. Манн (главный редактор)*

Тексты и комментарии подготовили:

*Н.Л. Виноградская, П.Ю. Гуревич, Е.Е. Дмитриева,
И.А. Зайцева, Ю.В. Манн, О.К. Супронюк,
А.С. Шолохова*

Ответственный редактор тома

Ю.В. Манн

Рецензенты

И.В. Карташова, Л.М. Розенблюм

Лингвистический консультант издания

А.Д. Шмелев

Подписное

ISBN 5-02-032711-5

ISBN 978-5-02-037547-5 (т. 7, кн. 2)

- © Институт мировой литературы им. А.М. Горького (составление, подготовка текстов, комментарии), 2012
- © Российская академия наук и издательство “Наука”, Полное (академическое) собрание сочинений и писем Н.В. Гоголя в двадцати трех томах, оформление, 2003 (год начала выпуска), 2012
- © Редакционно-издательское оформление. Издательство “Наука”, 2012

Мертвые души

Поэма

Том первый^е

Варианты

МЕРТВЫЕ ДУШИ

*Варианты авторизованных копий (АК2, АК3, АК4),
чернового автографа фрагмента главы X (ЧА5),
чернового автографа фрагмента главы XI (ЧА6),
первого и второго изданий «Мертвых душ» (МД1, МД2)*

С. 5¹

² Мертвые души. Поэма / *Названия нет* (АК2, АК3); а. Мертвые души. Поэма; б. (ценз.²) Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма (АК4); Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма (МД1, МД2)

⟨Глава I⟩

С. 9

² губернского города NN / губернского города М[◊] (АК2)
³ рессорная небольшая бричка / небольшая бричка[◊] (АК2)
³ в какой ездят / в какой обыкновенно ездят[◊] (АК2); в кося ездят (АК3, АК4)
^{5–6} словом, все те ~ средней руки / а. *Слов нет*; б. словом, люди средней руки^{*3 ◊} (АК2)
⁸ и не так, чтобы слишком молод / и не слишком молод[◊] (АК2)
⁹ не произвел в городе совершенно никакого шума / не сделал совершенно никакого шума в городе[◊] (АК2)
^{9–10} не был сопровожден ничем особенным / не был сопровожден никакими особенными обстоятельствами[◊] (АК2)
^{12–13} замечания ~ к сидевшему в нем / замечания, которые по обыкновению относились более к экипажу, нежели к сидевшему в нем[◊] (АК2)

¹ Здесь и ниже указаны страницы кн. 1 наст. изд.

² Здесь и далее это сокращение используется для обозначения цензурной правки.

³ Здесь и далее звездочкой отмечены написанные карандашом варианты (к настоящему времени поблекшие, едва читаемые), которые удалось разобрать полностью.

- 17–18 Да еще, когда бричка подъезжала / Да когда еще бричка подъезжала [◊] (АК2); Да еще, когда бричка подъехала (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 18–19 в белых канифасовых панталонах, весьма узких и коротких / в белых канифасовых панталонах (АК2); в белых канифасовых панталонах [◊] (АК3)
- 19–20 во фраке с покушеньями на моду / а. во фраке с чрезвычайно узенькими фалдами; б. в несколько узком во фраке с покушеньями на моду (АК2); в несколько узком во фраке *⟨оставлено свободное место⟩*^{4 ◊} (АК3)
- 22 придержал рукою картуз / придержал рукою картуз свой (АК2); придержал рукою картуз свой [◊] (АК3)
- 24 въехал на двор / въехал на двор (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 26–27 живым и вертлявым ~ какое у него было лицо / а. Этот половой был что-то такое живое, что даже весьма трудно было в первую минуту заметить лицо его; б. Этот половой был что-то до такой степени вертлявое ^{**5}; в. существом до такой степени живым и вертлявым, что даже весьма трудно было в первую минуту заметить лицо его [◊] (АК2); *⟨оставлено свободное место⟩* и вертлявым до такой степени, что даже нельзя было рассмотреть, какое у него было лицо [◊] (АК3)
- 27–30 Он выбежал проворно ~ и повел проворно / а. Он был весь длинен, как вьюн, и в таком же длинном демикотонном сюртуке со спинкою чуть-чуть не на шее. Он вышел с салфеткой на руке и, встряхнувши волосами, повел проворно; б. Он выбежал проворно с салфеткой в руке, весь длинной и в длинном демикотонном сюртуке со спинкою чуть не на шее, встряхнул волосами и повел проворно (АК2); Он выбежал проворно с салфеткой в руке, весь длинной и в длинном демикотонном сюртуке со спинкою чуть не на шее, встряхнул волосами и повел проворно [◊] (АК3)
- 28 в длинном демикотонном сюртуке / в длинном демикотоновом сюртуке (МД2)
- 30 вверх по всей деревянной галдарее / наверх по так называемой деревянной галдарее [◊] (АК2)
- С. 9–10
- 30–3 показывать ~ как бывают гостиницы / показывать ему его апартамент. Гостиница была такого же самого рода, как бывают гостиницы [◊] (АК2)

⁴ Это означает, что переписчик не разобрал слово (или несколько слов) и оставил свободное место — при последующей работе над рукописью оно было заполнено Гоголем собственноручно.

⁵ Здесь и далее двумя звездочками отмечены написанные карандашом варианты (к настоящему времени поблекшие, едва читаемые), которые удалось разобрать лишь частично.

- 2–3 такая самая, как бывают / такая, как бывают (АКЗ, АК4, МД1, МД2)
- 3 за два рубли / за два рубля (АК4, МД1)
- 4–5 с тараканами, выглядывающими, как чернослив, из всех углов / а. с тараканами, величиной в ржаной хлеб, какой солдаты носят на палках; б. с тараканами, выглядывающими, как чернослив, из всех углов ее (АК2); с тараканами, выглядывающими, как чернослив, из всех углов ее [◊] (АКЗ)
- 5–6 дверь в соседнее помещение, всегда заставленную / дверь в соседнюю комнату, заставленную [◊] (АК2)
- 6–7 где устраивается сосед / а. за которою обыкновенно помещается сосед; б. за которою всегда помещается сосед (АК2); а. за которою всегда помещается сосед; б. где [почти в(сегда?)] устраивается сосед (АКЗ)
- 9–10 фасад гостиницы ~ была очень длинна / а. фасад гостиницы тоже не обещал очень много: он был довольно длинен; б. фасад гостиницы [тоже много не обещал] отвечал ее внутренности: она была очень длинна (АК2); фасад гостиницы отвечал ее внутренности: она очень длинна [◊] (АКЗ)
- 10 в два этажа / в два яруса [◊] (АК2)
- 10 нижний не был / а. Нижний не был; б. Нижний ярус не был [◊] (АК2)
- 11–12 еще более потемневших ~ самих по себе / а. изрядно почерневших и грязноватых; б. еще [сверх того] более потемневших от лихих погодных перемен [как говор(ится?)] и грязноватых [как говорится] уже самих по себе (АК2)
- 12 грязноватых уже самих по себе / грязноватых уже *(оставлено свободное место)* [◊] (АКЗ)
- 12–13 верхний был выкрашен / Верх был покрыт [◊] (АК2)
- 16–17 издали можно бы подумать / издали весьма можно было предполагать [◊] (АК2)
- 19 обсматривал свою комнату / осматривал свою комнату (АКЗ, АК4, МД1, МД2)
- 20–21 прежде всего чемодан из белой кожи, несколько поистасканный / а. прежде всего чемодан из белой кожи, впрочем довольно потемневшей; б. чемодан из белой кожи, несколько поиздержанный (АК2); а. чемодан из белой кожи, несколько поиздержанный; б. чемодан из белой кожи, несколько поистасканный (АКЗ); чемодан из белой кожи, несколько поистасканный (АК4)
- 21 был не в первый раз в дороге / господин был не в первый раз в дороге [◊] (АК2)
- 22 кучер Селифан / кучер его Селифан (АК2); кучер его Селифан [◊] (АКЗ)
- 23 малый / малой (АК2, АКЗ, АК4)
- 23 лет тридцати / лет 30-ти (АКЗ, АК4)
- 23–24 в просторном подержанном / в просторном, но подержанном [◊] (АК2)

- 24 малый немного суровый / а. несколько суровый; б. малой немного суровый (АК2); малой немного суровый (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 25 с очень крупными губами / а. с крупными губами; б. с весьма крупными губами (АК2); с весьма крупными губами[◊] (АК3)
- 26–27 ларчик, красного дерева ~ березы / ларчик, портфель зеленого сафьяна[◊] (АК2)
- 26–27 с штучными выкладками / с штучными *⟨оставлено свободное место⟩*[◊] (АК3)
- 30 стал устраиваться / стал устраиваться (АК3, АК4)
- 31–33 успел притащить ~ лакейским туалетом / а. успел принести свою шинель, имевшую какой-то странный и особенный свой запах, и мешок с разным туалетом, имевшим тот же запах, так что ему нечего было и надписывать на них своего имени, ибо, вероятно, в случае пропажи всякий нашедший их принес бы прямо к нему в руки, потому что и в сертуке его был слышен тот же запах; б. успел притащить свою шинель и вместе с нею какой-то свой особенный запах, который был сообщен также и принесенному вслед затем мешку с разным [туалетом] лакейским туалетом (АК2); а. притащить свою шинель и вместе с нею какой-то свой способный запах, который был сообщен также и принесенному вслед затем мешку с разными *⟨оставлено свободное место⟩*; б. *Как в тексте, со следующим вариантом*⁶ (АК3):
- 33 с разным лакейским туалетом / с разным [своим] лакейским туалетом (АК3)
- 34 трехногую кровать / треногую кровать (МД2)
- 34–37 накрыв ее ~ у хозяйна гостиницы / а. накрыв ее какой-то потемневшей лепешкой, называемой тюфяком, которую удалось ему выпросить у хозяйна гостиницы; б. накрыв ее небольшим подобием тюфяка, плоским, как блин, со всеми [другими] прочими свойствами блина, который удалось ему вытребовать у хозяйна гостиницы (АК2)
- 35 убитым и плоским, как блин / *⟨оставлено свободное место⟩* как блин[◊] (АК3)
- 35–36 и, может быть, так же замаслившимся, как блин / а. со всеми прочими свойства(ми) блина; б. и, может быть, так же замаслившимся. *Рядом на полях читаются стертые карандашные записи: далеко от тюфяка, подушек; Покаместь слуги (АК3); и, может быть, так же замаслившимся (АК4)*
- 38–39 Покаместь слуги ~ отправился / а. В то время, когда устраивались и хлопотали слуги, господин давно уже приказал себя проводить; б. *Как в тексте, со следующим вариантом (АК2):*
- 38 Покамест / Покаместь (АК2, АК3)
- 40 знает очень хорошо / очень хорошо знает[◊] (АК2)

⁶ Здесь и далее эта формула (а также формула: «Как в тексте, со следующими вариантами») означает, что в слое б. текст идентичен основному, за исключением одного (или нескольких) вариантов этого источника, приводимых ниже, в соответствии с номерами строк.

С. 11

- 1 потемневшие вверху / потемневшие сверху [◊] (АК3)
 1 от трубочного дыма / от трубочного дыму (АК3)
 1–3 залосненные снизу спинами ~ купеческими / а. залоснившиеся внизу от спин разных проезжающих и туземных купеческих; б. залосненные спинами разных проезжающих, а еще более туземными купеческими [◊] (АК2)
 2–3 туземными купеческими / *⟨оставлено свободное место⟩* купеческими [◊] (АК3)
 3–4 приходили сюда ~ испивать свою известную пару чаю / а. приходили сюда в немалом количестве пить чай; б. приходили сюда сам-шест и сам-сем [пить] испивать заповедную пару чаю (АК2); приходили сюда сам-шест и сам-сем испивают *⟨оставлено свободное место⟩* пару чаю [◊] (АК3)
 4–5 тот же закопченный потолок / тот же отчасти копченный потолок [◊] (АК2)
 13 на разных исторических картинах / на разных исторических картинах, писанных масляными красками [◊] (АК2)
 14–15 иной раз даже нашими вельможами / а. Может быть, иногда и нашими же вельможами; б. иной раз даже вельможами (АК2); иной раз даже вельможами [◊] (АК3)
 15 накупившими их / купившими их (АК2); *⟨оставлено свободное место⟩* их [◊] (АК3)
 16 по совету vezших их курьеров / по*⟨оставлено свободное место⟩* их курьеров [◊] (АК3)
 25 пулярку жареную / пулярка жареная [◊] (АК2); пулярка жареная (МД2)
 27–28 он заставил слугу / он заставил между тем слугу [◊] (АК2)
 28 рассказывать всякий вздор, о том / рассказывать всякий вздор о том (МД1, МД2)
 31–33 Как в просвещенной Европе ~ есть теперь весьма много почтенных людей / а. Есть много почтенных людей; б. Как в просвещенной Европе, так и в просвещенной, завелось теперь немало почтенных людей (так в рукописи — АК2); Как в просвещенной Европе, так и в просвещенной России есть теперь *⟨оставлено свободное место⟩* почтенных людей [◊] (АК3)
 33–34 чтоб не поговорить с слугою ~ над ним / а. чтоб не поговорить со слугою и пошутить над ним; б. чтоб не поговорить со слугою, а иногда даже весьма забавно пошутить над ним (АК2); а. чтоб не поговорить со слугою, а иногда даже весьма забавно и пошутить над ним; б. чтоб не поговорить со слугою, а иногда даже забавно пошутить над ним (АК3); Как в варианте б. АК3 (АК4)
 35–36 с чрезвычайною точностью / с чрезвычайною точностию (АК4, МД1, МД2)

С. 12

- 1–2 расспросил весьма внимательно о состоянии края / расспросил весьма внимательно о состоянии [◊] (АК2); расспросил внимательно о состоянии края (АК3, АК4, МД1, МД2)

- 3 убийственных каких-нибудь лихорадок / убийственных лихорадок \diamond (АК2); убийственных каких-либо лихорадок (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 4–5 так обстоятельно и с такою точностью / так, и с такою точностью (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 5 одно простое любопытство / одно любопытство \diamond (АК2)
- 7–8 нос его звучал как труба / нос его звучал как трубка (АК3, АК4)
- 13 сел на диван / сел на диване (АК2, АК3, АК4)
- 16–17 в свой номер / в свой номер (АК2, АК3, АК4)
- 18–19 имя и фамилию / имя, фамилию \diamond (АК3)
- 20–21 Коллежский советник / Надворный советник \diamond (АК2)
- 24 казалось, удовлетворен / казалось, совершенно удовлетворен (АК2); казалось, совершенно удовлетворен \diamond (АК3)
- 26 и скромно темнела серая на деревянных / и серая на деревянных \diamond (АК2)
- 27 и полтора этажа / и в полтора этажа (АК2); и в полтора этажа \diamond (АК3)
- 31 было заметно более движения народа и живости / было заметно более движения, живости и народу \diamond (АК2); было заметно более движения, народа, живости (АК3); было заметно более движения народа, живости (АК4)
- 35 Иностранец Василий Федоров / Иностранец Рохманов \diamond (АК2)
- 36 с двумя игроками во фраках / с двумя игравшими во фраках (АК2, АК3, АК4)
- 36 в какие одеваются у нас / какого-то покроя, как одеваются у нас \diamond (АК2)
- 37 Игроки были / а. Они были; б. Игравшие были (АК2); Игравшие были (АК3, АК4)
- 38–39 несколько вывороченными назад руками / вывороченными руками \diamond (АК2)
- 39 и косыми ногами / и ногами (АК2); и ногами \diamond (АК3)
- 40 было подписано / было написано (АК3, АК4, МД1, МД2)
- С. 12–13
- 40–1 Кое-где просто на улице / Кое-где прямо на улице (АК2); Кое-где прямо на улице \diamond (АК3)
- С. 13
- 1 стояли столы с орехами / столы с орехами \diamond (АК2)
- 1–2 мылом и пряниками, похожими на мыло / мылом и пряниками, имевшими вкус мыла \diamond (АК2); мылом, пряниками, похожими на мыло \diamond (АК3)
- 3 Чаще же всего заметно было / Чаще же всего заметил (АК2); Чаще же всего заметил \diamond (АК3)
- 4 двуглавых государственных гербов / государственных двуглавых гербов \diamond (АК2); двуглавых государственных орлов (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 4–5 теперь уже заменены / теперь заменены (АК2); теперь заменены \diamond (АК3)

- 6 была плоховата / была отчасти плоховата \diamond (АК2)
- 9 хоть эти деревца были / несмотря на то, что они были \diamond (АК2); хотя эти деревца были (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 11 гражданского правителя / гражданского правителя губернии \diamond (АК2)
- 15–16 к господину градоначальнику / а. к доброму начальнику; б. к г. гражданскому начальнику \diamond (АК2)
- 21–22 даму недурной наружности / недурной наружности \diamond (АК3)
- 25 в свой номер / в свой номер (АК2, АК3, АК4)
- 27–29 и стал читать ~ давалась драма / и, прищуря немного правой глаз, занялся чтением. Из афиши узнал он, что давалась драма \diamond (АК2); и стал читать, прищуря немного правой глаз, впрочем, замечательного немного было в афишке: давалась драма (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 29–30 Ролла играл г. Поплевин / Роала играл г. Поплевин (АК4); Роллу играл г. Поплевин (МД2)
- 30–32 прочие лица ~ была напечатана / а. Множество еще начитал он разных других лиц, впрочем, не очень интересных, и, когда добрался до цены партера и разобрал внизу афиши, что напечатана; б. до цены партера и до того, что узнал, что афиша была напечатана \diamond (АК2)
- 33–34 потом переверотил на другую сторону / а. переверотил на другую сторону; б. (кар.) потом переверотил и на другую сторону \diamond (АК2)
- 35 свернул опрятно / свернул ее опрятно (АК2); свернул ее опрятно \diamond (АК3)
- 36–39 День, кажется ~ государства. / а. Как был заключен этот день, неизвестно. Холодная ли телятина его увенчала с бутылкою кислых щей или целый ужин, только он по крайней мере заснул весьма крепко.; б. был заключен порцией холодной телятины с хреном и всегда крепким сном \diamond ; в. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 38 во всю насосную завертку / а. во всю насосную прихрапку; б. во всю насосную захрапку (в слове: прихрапку — зачеркнуты две первые буквы, сверху вписано: за — АК2); во всю насосную (оставлено свободное место) \diamond (АК3)
- 39 русского государства / а. русского государства \diamond ; б. российского государства \diamond (АК2)

С. 14

- 1–2 Весь следующий день ~ делать визиты / Весь следующий день приезжий посвятил на обозрение внутренней стороны города, другими словами, отправился делать визиты \diamond (АК2)
- 2 всем городским сановникам / всем сановникам (АК2); всем сановникам \diamond (АК3)
- 3 который, как оказалось, подобно Чичикову / который, оказалось, так же, как и Чичиков \diamond (АК2)
- 6 вышивал иногда по тюлю / вышивал иногда (оставлено свободное место) \diamond (АК3)
- 10 но довольно сказать / а. Довольно сказать то; б. но довольно сказать то (АК2); но довольно сказать то \diamond (АК3)

- 13–14 кому бы еще отдать визит / к кому бы еще заехать сделать визит [◊]
(АК2)
- 14 не нашлось чиновников / не нашлось чиновника (АК2); не нашлось
чиновника [◊] (АК3)
- 15 с сими властителями / с *⟨оставлено свободное место⟩* властителя-
ми [◊] (АК3)
- 16 намекнул как-то вскользь / намекнул как-то *⟨оставлено свободное
место⟩* [◊] (АК3)
- 17–19 те правительства ~ достойны большой похвалы / а. те правительств-ва,
которые выбирают мудрых сановников, всегда достойны большой
похвалы; б. правительства, выбирающие мудрых сановников, до-
стойны большой похвалы (АК2); те правительства, *⟨оставлено
свободное место⟩* мудрых сановников, достойны большой похва-
лы [◊] (АК3)
- 22 два раза / два [◊] (АК3)
- 23 Следствием этого было то, что / Следствием этого было, что (АК2);
Следствием этого было, что [◊] (АК3)
- 27–28 если же говорил / если ж и говорил (АК2); если ж и говорил [◊]
(АК3)
- 28 какими-то общими местами / как-то общими местами (АК2, АК3,
АК4)
- 28–29 с заметною скромностию / и с заметною скромностию (АК2); и с
заметною скромностию [◊] (АК3)
- 29–30 Слова: и разговор его ~ книжные обороты — *вписаны* (АК3)
- 31 испытал много / испытал он много (АК2); испытал он много [◊]
(АК3)
- 32 претерпел по службе / претерпел на службе [◊] (АК3); претерпел на
службе (АК4, МД1, МД2)
- 38–40 Приготовление ~ не везде выдывано. / а. В небольшой комнате
гостиницы происходили приготовления к этой вечеринке почти в
продолжение трех часов и в приезде господине оказалась особен-
ная внимательность к туалету; б. *Как в тексте, со следующими
вариантами* (АК2):
- 38–39 Приготовление к этой вечеринке заняло / Приготовления к этой ве-
черинке заняли (АК2); Приготовление к этой вечеринке заняли [◊]
(АК3)
- 39 два часа времени / три часа (АК2); три часа [◊] (АК3)
- 40 даже не везде выдывано / а. даже не везде выдывано; б. даже не
выдывано (АК2); *⟨оставлено свободное место⟩* не выдывано [◊]
(АК3)
- С. 15
- 5 фыркнув прежде / фыркнул прежде (АК2); фыркнул прежде [◊]
(АК3)
- 6 вылезшие из носу / вылезшие из носа (АК2, АК3, АК4)
- 6–7 два волоска / два волоса (АК2); два волоса [◊] (АК3)
- 7–8 во фраке брусничного цвета с искрой / во фраке, брусничного цвета с
искрой (АК2, АК3, АК4)

- 17 рафинаде / рефенате (АК2); рефенате \diamond (АК3)
 19 дети все глядят, собравшись вокруг / Дети все столпились вокруг (АК2); дети все (оставлено свободное место) вокруг \diamond (АК3)
 24 где густыми кучами / и густыми кучами \diamond (АК2)
 24 Насыщенные / и насыщенные \diamond (АК2)
 24–25 и без того / где без того \diamond (АК2)
 27 потерять одна о другую / потерять себе одна о другую (АК2); потерять себя одна о другую \diamond (АК3)
 28–29 под крылышками / под ножками \diamond (АК3)
 30 над головою / под головкою \diamond (АК3)
 30 повернуться / взглянуть, повернуться \diamond (АК2)
 38 Многие дамы / Дамы многие (АК2, АК3, АК4)

С. 16

- 2 отличить их / отказать их \diamond (АК3)
 2–3 весьма обдуманно / весьма чисто, обдуманно (АК2); весьма часто обдуманно \diamond (АК3)
 3–4 благовидные, весьма гладко выбритые овалы лиц / а. очень благовидные овалы; б. благовидные, весьма гладко выбритые лица (АК2); благовидные, весьма гладко выбритые лица \diamond (АК3)
 5–6 смешили дам так же, как и в Петербурге / смешили дам так же, как и в Петербурге смешат, иные даже заказывали себе фраки в Петербурге (АК2, АК3, АК4)
 12 волос на голове они не носили / Волос они на голове не носили (АК3, АК4); волос они на голове не носили (МД1, МД2)
 14 или прилизаны / или приглажены и прилизаны (АК2, АК3, АК4)
 17 Тоненькие больше служат / Тоненькие служат больше (АК3, АК4, МД1, МД2)
 17–18 по особенным поручениям / по особым поручениям (МД2)
 18 только числятся / числятся только \diamond (АК2)
 18–19 их существование ~ ненадежно / их существование как-то очень эфирно, как-то ненадежно \diamond (АК2)
 21 уж если сядут где / уж если сядут на нем (АК2, АК3, АК4)
 21 сядут надежно и крепко / так сядут крепко \diamond (АК2)
 21–22 место затрещит и угнется / место угнется \diamond (АК2)
 28 близ / близь (АК3, АК4, МД1, МД2)
 31–32 и живет, и хорошо живет / и, как выражаются у нас общим выражением: хорошо живет (АК2); а. и, как выражаются у нас общим выражением: хорошо живет; б. [живет] и живет, и хорошо живет (АК3)
 38–39 так, как будто бы ~ что-то скажу / Слов нет (АК2); а. Слов нет; б. Слова вписаны со следующим вариантом (АК3):
 38–39 как будто бы говорил / как будто бы [он] говорил (АК3)
 40 сурьезного / серьезного (АК4, МД1, МД2)

С. 17

- 1 низенького человечка, но остряка и философа / остряка и философа (АК2); остряка и философа \diamond (АК3); низенького человека, но остряка и философа (АК4, МД1, МД2)

- 1–2 председателя палаты ~ человека / а. председателя палаты; б. председателя палаты, очень рассудительного (АК2); председателя палаты, очень рассудительного \diamond (АК3)
- 5 познакомился он / познакомился (АК2); познакомился \diamond (АК3)
- 11 предаются занятию дельному / а. принимаются за сурьезное дело; б. принимаются за дело сте(пе)нное(?) \diamond (АК2)
- 12 Хотя почтмейстер был / Почтмейстер, который, казалось, был \diamond (АК2)
- 16–17 если же король / а если же король (АК2); а если же король \diamond (АК3)
- 17–18 председатель приговаривал / председатель потом говорил (АК2); председатель потом говорил \diamond (АК3)
- 19–20 выражения ~ просто восклицания / а. восклицания: «Не с чего, так с бубен!»; б. Как в тексте, со следующим вариантом (АК2); выражения / фразы \diamond (АК2)
- 19 пичурущих / пичурущих (АК3); пичурущих \diamond (АК4)
- 21 и даже просто / даже просто \diamond (АК2)
- 24 тоже спорил / спорил тоже \diamond (АК2); также спорил (АК4, МД1, МД2)
- 31 Внимание приезжего / Скоро внимание приезжего (АК2); Скоро внимание приезжего \diamond (АК3)
- 36 прежде всего расспросил он / прежде всего расспросил (АК2); прежде всего расспросил \diamond (АК3)
- 36 сколько у каждого из них душ / сколько у них душ (АК2); сколько у него душ (АК3, АК4)
- 40 щуривший их / жмуривший их (АК2); жмуривший их \diamond (АК3)
- С. 17–18
- 40–1 всякой раз, когда смеялся / всякой раз, как смеялся (АК2); всякой раз, как смеялся \diamond (АК3)
- С. 18
- 2 просил убедительно / просил его очень убедительно (АК2); просил его очень убедительно \diamond (АК3)
- 2–3 приездом в деревню / приездом в его деревню (АК2); приездом в его деревню \diamond (АК3)
- 3 к которой / до которой (МД2)
- 3–4 было только пятнадцать верст / всего только пятнадцать верст (АК2); всего только пятнадцать верст \diamond (АК3)
- 6–7 почтет за священнейший долг / а. почтет это за самый священнейший долг; б. почтет это за священнейший долг (АК2); почтет это за священнейший долг \diamond (АК3)
- 10–11 особливо в нынешнее время ~ выводиться богатыри / тем более, что богатырское время давно, как кажется, миновалось \diamond (АК2); особливо в нынешнее время, когда и на Руси начинают выводиться богатыри (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 23 у вице-губернатора / а. у вице-губернатора; б. у вице-губернатора (АК3); у вице-губернатора (АК4, МД1, МД2)
- 28 чтобы заснуть / чтобы засыпать (АК2, АК3, АК4)

- 29 опытного светского человека / опытного и светского человека (АК2); опытного и светского человека [◊] (АК3)
 32 дельные замечания / дельные сообщения [◊] (АК3)
 39–40 как будто бы сам был и чиновником / как будто бы и сам был чиновником (АК3, АК4)

С. 19

- 1 он умел все это / он все это умел (АК3, АК4, МД1, МД2)
 1 облекать какую-то степенностью / облекать какую-то солидностью (АК2); облекать какую-то солидностью [◊] (АК3)
 2 а совершенно так / и совершенно так (АК2, АК3, АК4)
 4 Все чиновники города / Все чиновники (АК3, АК4, МД1, МД2)
 5 о нем изъяснился / об нем изъяснился (АК3, АК4, МД1, МД2)
 6 он очень дельный человек / он дельный человек (АК3, АК4, МД1, МД2)
 8–9 почтенный и любезный / почтенный, любезный [◊] (АК3)
 15 с коллежским советником / с надворным советником (АК2); *〈оставлено свободное место〉* советником [◊] (АК3)
 16 Гм / Гми (АК3, АК4)
 19 покамест / покаместь (АК2, АК3)
 21–22 не привело в совершенное недоумение почти весь город / не привело в совершенное недоумение почти всего города (МД1, МД2)

〈Глава II〉

С. 20

- 7 сурьезное / серьезное (АК4, МД1, МД2)
 7–8 ближе к сердцу / такое, которое было несравненно ближе к его сердцу (АК2); такое, которое было несравненно ближе к его сердцу [◊] (АК3)
 10 имеющую после раздвинуться шире / а. и раздвинувшуюся потом шире; б. и имеющую потом раздвинуться шире (АК2); а. и имеющую потом раздвинуться шире; б. имеющую потом раздвинуться шире (АК3); имеющую пом *〈так в рукописи〉* раздвинуться шире (АК4)
 12 рано поутру / с раннего утра (АК2); с раннего утра [◊] (АК3)
 13 Петрушке приказано / Петрушке же приказано [◊] (АК2)
 14 будет не лишним / будет не лишнее [◊] (АК2)
 15 с сими двумя / с этими двумя [◊] (АК2)
 15 крепостными людьми / крепостными человеками (АК2); крепостными человеками [◊] (АК3)
 17 или даже третьестепенные / если даже не третьестепенные [◊] (АК2)
 17–18 ходы и пружины поэмы не на них утверждены / ходы и пружины нашего Романа на них не утверждены [◊] (АК2)
 19–20 обстоятельным во всем / обстоятельным во всем, что ни есть в его Поэме [◊] (АК2)

- 20 и с этой стороны / и в этом отношении \diamond (АК2); с этой стороны \diamond (АК3)
- 20–21 сам человек русской, хочет быть / а. сам он человек русской, он хочет быть; б. сам он человек русской, хочет быть; в. сам человек русской, он хочет быть (АК2); сам человек русской, он хочет быть \diamond (АК3)
- 22 потому что не много нужно прибавить / ибо не много останется прибавить \diamond (АК2)
- 28 не затруднялся / а. он, впрочем, вовсе не затруднялся; б. он, впрочем, не затруднялся (АК2); он, впрочем, не затруднялся \diamond (АК3)
- 28–29 похождение ли влюбленного героя / похождение ли это какого-нибудь влюбленного героя \diamond (АК2)
- 29 просто букварь или молитвенник / молитвенник или просто букварь (АК2); молитвенник или просто букварь \diamond (АК3)
- С. 21
- 2 лучше сказать, процесс / лучше, процесс \diamond (АК2)
- 5 на кровати / на кровати (АК2); на кровати \diamond (АК3)
- 6 от такого обстоятельства / от этого \diamond (АК2)
- 6 убитым и тоненьким / убитым, тоненьким \diamond (АК2); убитым, тоненьким \diamond (АК3)
- 6 *После:* как лепешка. — *зачеркнуто:* И так оставаться ему где-нибудь одному вовсе не было скучно, напротив, даже поучительно. (АК2)
- 8 спать не раздеваясь / спать всегда не раздеваясь (АК2); спать всегда не раздеваясь \diamond (АК3)
- 10 своего собственного запаха / особенного запаха \diamond (АК2)
- 10–11 отзывавшийся несколько / отзывавшегося несколько (АК2); отзывавшегося несколько \diamond (АК3)
- 11–12 пристроить где-нибудь свою кровать / а. пристроить свою кровать где-нибудь; б. где-нибудь пристроить свою кровать \diamond (АК2)
- 12 хоть даже в необитаемой / хоть в необитаемой \diamond (АК2)
- 13 перетащить туда шинель / перетащить туда свою шинель \diamond (АК2)
- 13–14 казалось, что в этой комнате / казалось, в этой комнате \diamond (АК2)
- 14–16 человек ~ нос поутру / человек весьма деликатной, иной раз поутру на свежий нос, потянувши к себе воздух (АК2); а. человек весьма деликатной, иной раз поутру на свежий нос, потянувши к себе воздух; б. *Как в тексте, со следующим вариантом* (АК3):
- 15 и даже в некоторых случаях / и [в не(которых?)] даже в некоторых случаях (АК3)
- 16–17 только поморщивался / только поморщивался (АК2); только поморщивался \diamond (АК3)
- 17 встряхивал голову, приговаривая / встряхивал голову и произносил \diamond (АК2)
- 19 а старался / и старался (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 21 прибирал что-нибудь. Что думал он в то время / прибирал что-нибудь в комнате. Может быть, он что-нибудь и думал в это время (АК2); прибирал что-нибудь и думал в это время \diamond (АК3)
- 23–24 Бог ведает / Бог знает (АК2); Бог знает \diamond (АК3)
- 26–27 Кучер Селифан ~ человек... / Кучер Селифан напротив... \diamond (АК2)

- 27–29 Но автор ~ с низкими сословиями. / Но, признаться, автор очень совестится занимать так долго крепостными людьми, лучше Селифана оставить на после. У нас читатели очень неохотно знакомятся с низкими сословиями. ◊ (АК2)
- 29–32 Таков уж ~ дружеских отношений. / а. Да и вообще у русского человека небольшая страсть: познакомиться с человеком, который хотя бы одним чином был его повыше, а уж никак не ниже. И приведи только ему судьба столкнуться где-нибудь с графом или князем, и говорить нечего — там просто рай; б. В стершемся промежуточном слое карандашной правки читаются два слова: прибавки жалованья** ◊ (АК2)
- 29 Таков уж / Таков уже (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 32 Автор даже опасается / а. По этой-то самой причине автор очень опасается; б. и потому автор очень опасается* ◊ (АК2)
- 33 коллежский советник / надворный советник ◊ (АК2)
- 33–34 Надворные советники, может быть, и познакомятся с ним / Конечно, коллежские ассесоры еще, может быть, решатся познакомиться с ним ◊ (АК2)
- 34–35 которые подобрались уже / которые подбираются ◊ (АК2)
- 37–38 пресмыкается у ног его, или, что еще хуже / пресмыкается у него под ногами, а, может быть, еще хуже ◊ (АК2)
- 39–40 Но как ни прискорбно ~ к герою. / Как бы то ни было, но мы, однако ж, возвратимся к Герою. ◊ (АК2)

С. 22

- 1 проснувшись поутру / и проснувшись поутру ◊ (АК2)
- 2 что делалось только / что делал он всегда ◊ (АК2)
- 3 а в тот день случилось воскресенье / а тогда было воскресенье ◊ (АК2); а в тот день случись воскресенье (МД1, МД2)
- 4 щеки / щеки его (АК2); щеки его ◊ (АК3)
- 4–5 сделались ~ гладкости и лоска / сделались гладки, нежны и залоснились, как атлас ◊ (АК2)
- 6 и потом шинель / и сверх его шинель ◊ (АК2)
- 7–8 трактирным слугою / бегавшим очень проворно трактирным слугою ◊ (АК2)
- 8 С громом выехала бричка / а. которая с громом выехала; б. с громом выехавшую ◊ (АК2)
- 11 сиротиньке / сиротеньке (АК2); сиротинке (МД2)
- 13–14 был вдали узрет / увидел Чичиков ◊ (АК2)
- 14 шламбаум / шлагбаум (МД2)
- 16 Чичиков понесся / он понесся ◊ (АК2)
- 17 ушел назад город / минул город ◊ (АК2)
- 17–18 уже пошла писать / пошла писать ◊ (АК2); уже пошли писать (АК4, МД1, МД2)
- 19–20 кусты молодых сосен ~ вереск / а. кусты молодых сосен и обгорелые стволы старых; б. кусты молодых сосен, смешанные со всяким чапыжником, обгорелые стволы старых (АК2); кусты молодых сосен,

- сплетенные со всяким *(оставлено свободное место)*, обгорелые стволы старых \diamond (АКЗ)
- 23–24 в виде висящих, шитых узорами утиральников / в виде висящих утиральников \diamond (АК2); в виде висячих, шитых узорами утиральников (АКЗ, АК4, МД1, МД2)
- 32 то вряд ли ~ на лад / а. то он бы был в немалом затруднении; б. то вряд ли довелось им потравить на лад; в. то вряд ли бы довелось им потравить на лад (АК2)
- 34 бывший поумнее ~ клином / который был постарше и поумнее, а бороду носил клином \diamond (АК2)
- С. 23
- 5 Вот это тебе и есть / Вот это-то и есть (АК2); Вот это-то и есть \diamond (АК3)
- 7 Поехали / Мужика не слушали и поехали \diamond (АК2)
- 9 кажется, сделали / а. пронесли мимо; б. опять пронесли мимо; в. пронеслись вновь мимо (АК2); а. пронеслись вновь мимо; б. пронеслись мимо их \diamond (АК3)
- 10 что если приятель / что когда приятель \diamond (АК2)
- 11 пятнадцать / 15 (АК2, АКЗ, АК4)
- 11 то это значит / то значит (АК4, МД1, МД2)
- 12 верных тридцать / а. верных 25 или на целых 30; б. верных 30, если даже не более^(?); в. верных тридцать, если даже не [слишком] с излишком \diamond (АК2)
- 13 могла заманить / могла занимать (МД2)
- 13–15 стоял одиночкой ~ вздумается подуть / стоял одиночкой на возвышении, открытом со всех сторон \diamond (АК2)
- 17 по-английски / по-агицки (АК2, АКЗ, АК4)
- 17 с кустами сиреней / с кустами сирени \diamond (АК2)
- 18 небольшими купами / небольшими группами \diamond (АК2)
- 19 мелколистные жиденькие вершины / узколистные жиденькие вершины \diamond (АК2)
- 24 по самому скату / у самого скату \diamond (АК2)
- 28–33 две бабы ~ перебрачивались / а. только разве три бабы, плескавшие, стоя на деревянной жердочке, мокрым бельем по воде и перебрачивавшиеся издалека между собою, да двое мальчишек, которые, поднявши рубашонки, брели по пруду, разбрызгивая ногами воду, с таким спокойным видом, как будто занимались делом (*вместо: поднявши рубашонки — намечено карандашом: с поднятыми рубаш(ами?)*); б. *Как в тексте, со следующими вариантами* (АК2):
- 29 подобравши платье / подобравши платья (АКЗ, АК4, МД1, МД2)
- 29 и подтыкавшись со всех сторон / и *(оставлено свободное место)* со всех сторон \diamond (АК3)
- 30 за два деревянные кляча изорванный бредень / за два деревянные кляча [куче^(й?)] [бредень] изорванный бредень (АК2)
- 31 блестела попавшаяся плотва / блестела лыстью попавшаяся плотва (АК2); блестела лыстью попавшаяся плотва \diamond (АК3)
- 34–35 весьма кстати прислужилась / в это время очень кстати прислужилась \diamond (АК2)

- 36 только на старых мундирах / а. на мундирах; б. на старых мундирах * ◊ (АК2)
- 37–38 этого, впрочем ~ по воскресным дням / а. Как в тексте; б. (ценз.) Слова вычеркнуты (АК4); Слов нет (МД1, МД2)
- 40 голова продолблена была / голова его продолблена была ◊ (АК2); голова его продолблена была (МД2)

С. 24

- 3–4 заметил на крыльце ~ который стоял / заметил, что на крыльце стоял сам хозяин ◊ (АК2)
- 5 рассмотреть получше / рассмотреть хорошенько ◊ (АК2)
- 10 Оба приятеля / Оба приятели (АК2)
- 12 переднюю и столовую / переднюю, столовую (АК2, АК3, АК4)
- 13 но попробуем / но попытаемся ◊ (АК2)
- 13 не успеем ли / а. не успеем ли; б. нельзя ли ◊ (АК2)
- 15 что подобное предприятие очень трудно / что это очень трудно ◊ (АК2)
- 25 в науке выпытыванья / в науке выпытывать ◊ (АК2); в науке выпытывания (АК4, МД1, МД2)
- 27 разве мог сказать / разве может сказать (АК2); разве может сказать ◊ (АК3)
- 29 по словам пословицы / как говорит пословица ◊ (АК2)
- 30 следует примкнуть / следует присоединить ◊ (АК2)
- 30–33 На взгляд он был ~ заискивающее / а. Он был, на взгляд, человек видной; в выражении лица его было что-то приятное, но уж слишком сладкое; во всех приемах его видно было что-то снискивающее; б. Как в тексте, со следующим вариантом (АК2):
- 31–32 черты лица его ~ но в эту приятность / в чертах лица его [видно] было много приятного, но в это приятное (АК2); а. в чертах лица его было много приятных, но все это приятное; б. в чертах лица его была видна какая-то приятность, но в эту приятность; в. в чертах лица его были не лишены приятности, но в эту приятность (так в рукописи — АК3)
- 34 Он улыбался заманчиво / а. Он приятно улыбался; б. Он хорошо улыбался (АК2); Он хорошо улыбался ◊ (АК3)
- 34 был белокур / а. лицом был вовсе не дурен. Блондин; б. лицом был ничуть не дурен. Блондин; в. лицом был белокур (так в рукописи — АК2); лицом был белокур ◊ (АК3)
- 35 не можешь не сказать / а. не можешь не сказать; б. (кар.) нельзя было не сказать (АК2)
- 38 почувствуешь скуку / то почувствуешь скуку (АК2, АК3, АК4)
- 39–40 или хоть даже / ни даже ◊ (АК2)
- 40 какое можешь услышать / которое можешь услышать ◊ (АК2, кар.); которое можешь услышать ◊ (АК3)

С. 25

- 1 задирающего его предмета / его предмета ◊ (АК2)
- 1–5 У всякого есть ~ сыграть роль / а. У всякого есть какое-нибудь влечение. Один имеет влечение к борзым собакам; другой мастер

- лихо пообедать, третий охотник сыграть роль; б. *Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):*
- 2 у одного задор / у одного [весь] задор (АК2)
- 2 обратился на борзых собак / обратился на борзые собаки (АК2)
- 3 сильный любитель музыки / сильный виртуоз [◊] (АК2)
- 4 все глубокие места / глубокие места [◊] (АК2)
- 4 в ней / в музыке [◊] (АК2)
- 6 пятый, с желаньем / четвертый, с талантом [◊] (АК2); пятый, с желанием (АК4, МД1, МД2)
- 6-7 грезит о том / а. грезит о том; б. (кар.) грезит только о том (АК2)
- 7-9 напоказ своим приятелям ~ сверхъестественное / а. и чтоб увидели это его знакомые, пятый имеет уже такую руку, которая чувствует влечение непреодолимое; б. *Как в тексте, со следующим вариантом (АК2):*
- 8 приятелям и знакомым / приятелям, знакомым (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 9 желание сверхъестественное / желание почти сверхъестественное (АК2); желание почти сверхъестественное [◊] (АК3)
- 11 рука седьмого / рука шестого [◊] (АК2)
- 15 Богу было известно / только одному Богу было известно [◊] (АК2)
- 27 от дома провести подземный ход / от дома провели подземный ход (МД2)
- 31 лицо принимало / лицо его принимало (АК2); лицо его принимало [◊] (АК3)
- 32-33 одними только словами / только одними словами (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 35-36 в гостиной стояла / в гостиной стояла у него (АК2); В гостиной его стояла [◊] (АК3)
- 36-37 обтянутая щегольской шелковой материей / обтянутая щегольской шелковой материей (МД2)
- 37-39 но на два кресла ~ всякий раз / но одно кресло было сломано и только для вида были приставлены к нему ручка и ножка, и хозяин всякий раз [◊] (АК2)
- 38 стояли обтянутые / стояли обтянуты (АК3, АК4, МД1, МД2)
- С. 25-26
- 40-1 «Не садитесь на эти кресла, они еще не готовы». / «Не садитесь на это кресло, оно худо», а предостережение это делалось постоянно в продолжение шести лет, т.е. с того времени, как сломалось кресло. [◊] (АК2)
- С. 26
- 1 и вовсе не было / и совсем не было [◊] (в процессе правки над союзом «и» или вместо него карандашом вписано «даже» — АК2)
- 1-2 хотя и было говорено / хотя он и говорил [◊] (АК2)
- 2 после женитьбы / после женитьбы своей (АК2); после женитьбы своей [◊] (АК3)
- 3-4 хоть на время поставить мебель / на время хоть какую-нибудь мебель поставить [◊] (АК2)

- 4 очень щегольской / тоже очень щегольской \diamond (AK2)
- 5–6 с перламутным щегольским щитом / а. и перламутным зонтиком; б. перламутным щегольским зонтиком (AK2); перламутным щегольским зонтиком \diamond (AK3)
- 10 более осьми лет / более восьми лет (AK3, AK4, МД1, МД2)
- 11–12 или конфетку / или конфекту \diamond (AK2)
- 19 на ту пору в руках / в то время в руках \diamond (AK2)
- 20–22 что в продолжение его ~ сигарку / а. что в продолжение его можно было прочесть небольшой листок газеты; б. в продолжение которого самый медленный ттец^(?) мог бы прочесть лоскут своей газеты * \diamond (AK2)
- 25–26 глупо и без толку готовится на кухне / не весьма опрятно на кухне (AK2); а. не весьма опрятно на кухне; б. невесть что делается на кухне \diamond (AK3)
- 27 нечистоплотны и пьяницы слуги / нечистоплотны слуги \diamond (AK2); нечистоплотны, пьяницы слуги \diamond (AK3)
- 29 Но все это предметы низкие / а. Но, впрочем, как же им заниматься такими низкими предметами; б. Но [позвольте] ведь это все предметы низкие \diamond (AK2)
- 29 а Манилова воспитана хорошо / Манилова хорошо воспитана (AK2); Манилова хорошо воспитана \diamond (AK3)
- 33 фортепьяно / фортепьяны (AK2); фортепьяны \diamond (AK3)

С. 27

- 1 вязание сюрпризов / вязание кошельков (AK2); вязание кошельков \diamond (AK3)
- 7 не беспокойтесь так для меня / а. не беспокойтесь так для меня; б. (кар.) не беспокойтесь (AK2)
- 7–8 я пройду после / я пройду потом \diamond (AK2)
- 11 пожалуста / пожалоста (AK3, AK4)
- 13–18 Нет уж извините ~ с приятною улыбкою Манилов. / а. Нет, Павел Иванович, это обида. Вы хотите, чтобы я такому приятному гостю позволил пройти после себя. — Ах, Боже мой... Мне, право, совестно. Проходите, сделайте милость, проходите, я после, — говорил Чичиков. — Нет, никак нельзя.; б. Как в тексте, со следующим вариантом (AK2):
- 13 не допущу / не [позволю] допущу (AK2)
- 15 Пожалуста / Пожалоста (AK4)
- 21 вам представить / представить вам \diamond (AK2)
- 27 и сжала батистовый платок / сжала батистовый платок \diamond (AK3)
- 31 После: не вспомнил о нем. — зачеркнуто: На что Чичиков ответил, поворотивши голову несколько набок, с свойственною ему приятностию, что муж ее далеко простирает доброту свою к нему. (AK2)

С. 28

- 1–2 с тою же приятною улыбкою / с такою же приятною улыбкою (AK3, AK4, МД1, МД2)
- 11–12 предпочтеннейший человек / самый почтенный \diamond (AK2)

- 14–15 наблюсти деликатес в своих поступках / обворожить своим обращением [◊] (АК2); наблюсти деликатность в своих поступках (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 34–35 каких только я знал / каких только я знаю (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 38 оказались самыми достойными людьми / оказались самые достойные люди (АК2, АК3, АК4)
- С. 29
- 9 следить какую-нибудь эдакую науку / о какой-нибудь науке (АК2); о какой-нибудь науке [◊] (АК3); следить какую-нибудь эдакую науку (АК4, МД1, МД2)
- 10 парень эдакое / парень этакое (АК4, МД1, МД2)
- 12 кувырнул только рукою / кувырнул только рукою (АК4)
- 16–17 ничего не может быть приятнее, как жить в уединеньи / а. ничего не может быть приятнее уединения; б. ничего не может быть приятнее, как жить в уединении (АК2); ничего не может приятнее, как жить в уединеньи (АК4)
- 24–27 явя в лице своем ~ обрадовать пациента / а. сделавши такую сладкую мину, что уж даже было приторно, как натошак; б. Как в тексте, со следующим вариантом (АК2):
- 25–26 подобное той микстуре / как та микстура (АК2); как та микстура [◊] (АК3)
- 26–27 засластил немилосердно / засластил по милосердию (АК3, АК4)
- 29–30 можно сказать, образцовое / а. можно сказать, редкое, которого я даже в некотором роде недостоин: то есть; б. можно сказать, редкое, образцовое (АК2); можно сказать, редкое, образцовое (АК3, АК4)
- 32 что ж за приятный разговор?.. / как можно, чтобы я льстил себя... [◊] (АК2)
- 34 О! Павел Иванович, позвольте мне быть откровенным / О! Павел Иванович [◊] (АК2)
- С. 30
- 7 сыновья Манилова / дети Манилова [◊] (АК2)
- 8 сажают уже детей за стол / сажают уже за стол [◊] (АК2)
- 9–10 поклонившийся вежливо и с улыбкою / который очень вежливо и с улыбкою поклонился [◊] (АК2)
- 15 а меньшему вчера только минуло шесть / а меньшому вчера только минуло шесть (АК2, АК3, АК4, МД2)
- 17 Фемистоклюс / Менелай [◊] (и далее по тексту главы второй – АК2)
- 18 Слова: который старался ~ в салфетку – вписаны (АК2)
- 18 старался высвободить / старался освободить (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 20–21 отчасти греческое имя ~ на юс / а. совершенно неожиданное имя; б. совершенно греческое и никак неожиданное имя (АК2); совершенно греческое и никак неожиданное имя [◊] (АК3)
- 26 хотел вскочить ему в глаза / хотел ему вскочить в глаза (АК3, АК4, МД1, МД2)

- 29 Учитель опять насторожил внимание. / Учитель опять *(не дописано)* \diamond (АК2); Учитель опять настроил внимание. (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 33 сказал на это Чичиков / прибавил с своей стороны Чичиков \diamond (АК2)
- 34 обратившись тут же / обратившись \diamond (АК2)
- 35 В такие лета и уже такие сведения. / *Слов нет.* (МД1, МД2)
- 39 Алкид / Алкивиад \diamond (и далее по тексту главы второй – АК2)
- С. 30–31
- 40–2 так уж у него ~ тотчас обратит внимание / тотчас обратит внимание \diamond (АК2)
- С. 31
- 13 открывал рот / раздвигал рот \diamond (АК2)
- 13–15 смеялся с усердием ~ суровый вид / а. смеялся с величайшим усердием. Один раз только лицо его приняло суровый вид; б. Как в тексте, со следующим вариантом (АК2):
- 14–15 за хорошее обращение / за хорошее [угощенье] обращение (АК2)
- 16 он строго застучал ~ устремив глаза / а. он, стукнув вилкою по столу, устремил взгляд; б. он, стукнув вилкою по столу, строго устремил взгляд \diamond (АК2); он строго застучал по столу, устремив глаза (АК4, МД1, МД2)
- 17 Это было у места / Это было весьма у места \diamond (АК2)
- 17–18 Фемистоклос укусил за ухо Алкида / а. Менелай укусил за ухо Алкивиада; б. Алкид укусил за ухо Фемистоклоса \diamond (АК2)
- 24 отвечал всякой раз / отвечал (АК2, АК3, АК4)
- 24–25 Покорнейше благодарю / Покорнейше благодарю, не беспокойтесь (АК2); Покорнейше благодарю, не беспокойтесь \diamond (АК3)
- 28 вдруг гость объявил / вдруг Чичиков объявил \diamond (АК2)
- 32 сказал Манилов и повел / сказал Манилов и повел Чичикова \diamond (АК2)
- 32 в небольшую боковую комнату / в небольшую комнату (АК4, МД1, МД2)
- 35 Приятная комнатка / Приятная комната (АК2, АК3, АК4)
- 40 больше всего было табаку / больше всего табаку (АК2); больше всего табаку \diamond (АК3)
- С. 32
- 2–3 горки выбитой из трубки золы / горшки выбитой из трубки золы (АК4)
- 4 это иногда доставляло хозяину / а. это доставляло хозяину; б. это иногда доставляло их хозяину \diamond (АК2)
- 7 вам будет попокойнее / вам попокойнее (АК2, АК3, АК4); вам будет покойнее (МД2)
- 20 курить трубку гораздо здоровее / курить трубку даже гораздо здоровее (АК3, АК4)
- 26–27 точно случается ~ для обширного ума / а. действительно случается и что в натуре есть много вещей, которые даже неизъяснимы какому бы то ни было обширному уму; б. точно, случается [присовокупив

- при этом случае] и что в натуре находится много вещей, неизъяснимых даже для обширного ума (АК2)
- 28–30 проговорил он голосом ~ неизвестно отчего, оглянулся назад / а. при этом снова Чичиков огляделся вокруг, как бы желая знать, не глядит ли кто откуда-нибудь; б. Как в тексте, со следующим вариантом (АК2):
- 28–30 голосом, в котором отдалось ~ выражение / голосом, [до такой степени] в котором отдалось какое-то совершенно иное, почти странное выражение (АК2); голосом, в котором отдалось какое-то странное или почти странное выражение (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 36 Эй, человек / Ей, человек (АК2); Ей, человек [◊] (АК3)
- С. 33
- 1 желтоватый цвет кожи / цвет и мягкость кожи [◊] (АК2)
- 2 знал слишком хорошо, что такое / знал, что такое [◊] (АК2)
- 2–3 Можно было видеть тотчас / а. Видно было по всему; б. Можно было [видеть] тотчас видеть* [◊] (АК2)
- 3–4 как совершают его все / как совершают его вообще все [◊] (АК2)
- 4 был прежде просто / Сначала был просто [◊] (АК2)
- 5–6 Агашке-ключнице / Акулине-ключнице [◊] (АК2)
- 6 сделался сам ключником / и сам сделался ключником [◊] (АК2)
- 6–7 а там и приказчиком / а. а после и приказчиком; б. а потом и приказчиком [◊] (АК2)
- 7–8 поступал, разумеется, как все приказчики / натурально поступал как и все приказчики [◊] (АК2)
- 8 водился и кумился / водился и кумался (АК2)
- 8 с теми, которые / с теми мужиками, которые [◊] (АК2)
- 8–9 на деревне были побогаче / на деревне побогаче (АК2); на деревне побогаче [◊] (АК3)
- 9 подбавлял на тягла победнее / подбавлял тягла тем, которые победнее [◊] (АК2)
- 9 и, проснувшись / проснувшись (АК4, МД1, МД2)
- 9–10 в девятом часу / в 9-м часу (АК2, АК3, АК4)
- 10 пил чай / а. Как в тексте; б. надувался чаем, ⟨1 нрзб.⟩ заедавая белым калачом*; в. пил чай, заедавая белым калачом (АК2); пил чай, заедавая белым калачом [◊] (АК3)
- 11 Послушай, любезный! — сказал Манилов / Послушай, любезный! (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 21–22 Ведь неизвестно, сколько умирало ~ не считал. / Число неизвестное: человек до 80 будет. (АК2); число неизвестное: человек до 80-ти будет [◊] (АК3)
- 24–25 большая смертность ~ умерло / Большая смертность (АК2); большая смертность [◊] (АК3)
- 26 пожалуста / пожалоста (АК3, АК4)
- 26–27 и сделай ~ поименно / подробней реестрик всех по имени (АК2); а. подробней реестрик всех по имени; б. и сделай подробней реестрик всех поименно (АК3); Как в варианте б. АК3 (АК4)
- 28 Да, всех поименно / Да, всех (АК2, АК3, АК4)

- 30–31 спросил ~ Манилов / спросил по уходе приказчика Манилов Чичикова (АК2); спросил по уходе приказчика Манилов Чичикова \diamond (АК3)
- 32–34 Этот вопрос ~ покорное словам. / Чичиков минуты три оставался молча, не отвечая ни слова на сделанный ему запрос. Казалось, как будто ему необыкновенно тяжело было произнести какое-нибудь слово. В лице его выразилось такое затруднительное положение, и во всех чертах его выразилось что-то беспокойно-ищущее чего-то, что всякий, который бы в эту минуту поглядел на него, исполнился бы поневоле ожиданием чего-то не совсем обыкновенного и невольно отразил бы в лице своем почти то же самое затруднение. Казалось, как будто дело было, точно, головоломное. \diamond (АК2)
- 34 напряжение что-то выразить / напряжение это выразить \diamond (АК3)
- 36 каких еще никогда не слышали человеческие уши / а. каких, без всякого сомнения, никогда еще не слышали человеческие уши; б. [которых] каких просто не слышали человеческие уши (АК2); каких просто не слышали человеческие уши \diamond (АК3)
- 37–39 Вы спрашиваете ~ не кончил речи. / а. Я хотел вам предложить... не можете ли вы мне продать крестьян... — сказал Чичиков, да и не кончил речи.; б. *Как в тексте, со следующим вариантом* (АК2):
- 38 я хотел бы купить / я бы хотел купить ** \diamond (АК2)

С. 34

- 1–2 Но позвольте спросить ~ с землею / а. А вы разве покупаете крестьян? — сказал Манилов. — Но позвольте вас спросить, как и какого рода вы хотите купить крестьян: с имением, т.е. с землею; б. А вы разве покупаете крестьян? — сказал Манилов. — Но позвольте вас спросить, как и какого рода желаете вы купить крестьян: с имением, т.е. с землею \diamond (АК2)
- 4 Нет, я не то / Нет, я разумею не то \diamond (АК2)
- 5–9 я желаю ~ сказал Чичиков / а. а, собственно, так сказать, мертвых душ, т.е. таких, которые уже умерли и только по ревизии считаются живыми; б. *Как в тексте, со следующими вариантами* (АК2):
- 6–7 я несколько туг на ухо ~ престранное слово / я, кажется, ослышался (АК2); а. я, кажется, ослышался; б. я несколько туг на ухо, мне послышался престранной звук \diamond (АК3)
- 8 Я желаю / Я полагаю (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 8 которые, впрочем / которые бы, впрочем (АК2, АК3, АК4)
- 8–9 значились бы / числились (АК2); значились \diamond (АК3)
- 10 Манилов выронил / Манилов остолбенел, выронивши \diamond (АК2)
- 10–16 и как разинул рот ~ стараясь высмотреть / а. и с минуту смотрел ему в лицо, выпучив глаза. Наконец он подумал: «Да полно, не шутит ли он», — и, поднявши трубку с чубуком, посмотрел снизу ему в лицо несколько в профиль, как бы стараясь приметить; б. *Как в тексте, со следующим вариантом* (АК2):
- 13 остались недвижны / остались недвижимы (АК3, АК4, МД1, МД2)

- 15–16 Наконец Манилов ~ и поглядел / а. Наконец, поднявши трубку с чубуком, посмотрел; б. Наконец он поднял трубку с чубуком и посмотрел (АК2); Наконец он поднял трубку с чубуком и посмотрел [◇] (АК3)
- 17–19 не пошутил ли он ~ невзначай с ума / а. или, по крайней мере, небольшого движения или желания удержать усмешку. Но в лице Чичикова, напротив, оказывалось такое сурьезное выражение, какое даже в нем редко было видно в обыкновенном положении. Он подумал, уж не сошел ли он как-нибудь вдруг и внезапно с ума; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 17–18 ничего не было видно такого / ничего не было такого (АК2); ничего не было такого [◇] (АК3)
- 19 не спятил ли гость / не спятил ли [◇] (АК2)
- 20 но глаза гостя / но глаза его [◇] (АК2)
- 21–22 не было в них ~ сумасшедшего человека / а. ничего в них не было заметно мутного, или дикого, или этого беспокойно вращаемого беглого огня, который бегаёт в глазах сумасшедшего человека; б. ничего не было заметно в них мутного, или дикого, или этого беспокойно вращаемого огня, какой бегаёт в глазах сумасшедшего человека ^{* ◇} (АК2)
- 22–23 все было прилично и в порядке / а. Напротив, все в нем было как следует, прилично и в порядке, как у всякого благонамеренного человека, и сидел он в креслах ничего, хорошо, как сидит всякий хороший человек. Словом, ничего не было в нем необыкновенного. Правда, в лице только не замечалось того чистосердечно до простодушия (оставлено место для одного слова) и приятной улыбки, произведших такое благоприятное впечатление на всех чиновников в городе. Вместо его было заметно что-то похожее на некоторую робость, на боязливое и даже заботливое ожидание, но все прочее решительно было на своих местах, как было и прежде.; б. все было в нем прилично и в порядке [◇] (АК2)
- 23–24 что такое сделать / что ему сделать (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 25 очень тонкою струею / самую тонкою струею [◇] (АК2)
- 26–28 Итак, я бы желал ~ лучше? / а. Так как же вы?.. — спросил Чичиков; б. Итак, я бы желал знать, можете ли вы такие не живые (так в рукописи) уступить, или...*; в. Как в тексте, со следующим вариантом (АК2):
- 28 передать, уступить ~ лучше / уступить или... (АК2); а. (Оставлено свободное место); б. Слова вписаны (АК3)
- 29 так сконфузился / а. так сконфузился; б. до того сконфузился ^{*} (АК2)
- 29–30 смотрел на него / а. смотрел на него и не в состоянии был пошевелить язык; б. смотрел на него и совсем не знал, что ^{* ◇} (АК2)
- 31 Мне кажется, вы / Я, как вижу, вы [◇] (АК2)
- 31 заметил Чичиков / робко заметил Чичиков [◇] (АК2)
- 32 нет, я не то / нет, я не не то... (так в рукописи — АК2)

- 32 сказал Манилов / а. сказал Манилов; б. (кар.) сказал он наконец (АК2)
- 35 не имею высокого искусства / не имею, так сказать, высокого искусства \diamond (АК2)
- 37 вы изволили / вы это изволили \diamond (АК2)
- 38–39 Нет, — подхватил ~ таков, как есть / Нет, я в существе своем разумею предмет так, как есть \diamond (АК2)
- 39 которые точно уже умерли / которые уже умерли, — отвечал Чичиков \diamond (АК2)

С. 35

- 1 Манилов совершенно растерялся. / Никак не нашелся на это ничего сказать Манилов и совершенно растерялся. \diamond (АК2)
- 1 После: растерялся. — *вписано карандашом*: Так совершенно, как будто бы его кто в грязь посадил (АК2)
- 1–2 нужно что-то сделать, предложить вопрос / нужно сделать какой-нибудь вопрос (АК2); нужно сделать какой-нибудь вопрос \diamond (АК3)
- 5–6 если нет препятствий ~ приступить / если с вашей стороны препятствия никакого нет, то я бы мог приступить \diamond (АК2)
- 8–9 напишем, что они живые ~ в ревизской сказке / а. напишем так, как будто бы это были живые; б. как стоит по ревизии** \diamond (АК2)
- 8 они живые / они живы (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 10–14 хотя за это ~ принялся / а. исполнение обязанности всегда было для меня священно. Хотя я за это и потерпел по службе, но у меня уж такой характер. Манилов в ответ принялся; б. Последние выраженья Манилову очень понравились*; в. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 10–11 и потерпел на службе / и потерпел по службе (АК2); я потерпел по службе (АК3, АК4)
- 11 но уж извините / но извините (АК3, АК4)
- 14 никак не вник / никак не мог (АК2)
- 15 тот начал / он начал (АК2, АК3, АК4)
- 16 как будто он хотел / как будто бы он хотел (АК2); как будто бы он хотел \diamond (АК3)
- 16–17 относительно такого неслыханного обстоятельства / а. Как в тексте; б. (кар.) относительно такого еще не слышанного от сотворения мира обстоятельства (АК2)
- 17 чубук хрипел / чубук храпел (АК3, АК4)
- 20 не насчет того говорю / не насчет этого говорю \diamond (АК2)
- 23 эта негоция / эта, так сказать, негоция \diamond (АК2)
- 27–28 показав во всех чертах / выразив во всех чертах (АК2, АК3, АК4)
- 30–31 в минуту самого головоломного дела / когда дело касалось решения участи миллионов людей \diamond (АК2)
- 32–38 Но Чичиков сказал ~ будет хорошо. / а. Но Чичиков, однако ж, постарался объяснить, что эта негоция никак не будет несоответствующею и что правительство даже в некотором отношении останется довольно и получит сполна все следуемые за совершение купчей пошлины.; б. Как в тексте, со следующим вариантом (АК2):

- 35 казна получит даже выгоды / а. казна получит даже выгоду; б. казна
даже выгоду \diamond (АК2)
- 39 А если хорошо / А если будет довольно \diamond (АК2)
- 1 Теперь остается условиться / Теперь нам остается только условить-
ся \diamond (АК2)
- 2–3 Как в цене ~ деньги за души / а. Но неужели вы полагаете, что я ста-
ну брать деньги за души; б. Как в цене, — сказал опять Манилов,
остановившись. — Неужели вы полагаете, что я стану брать деньги
за души; в. Как в тексте, со следующим вариантом (АК2):
2 и остановился / остановившись (АК2); остановившись \diamond (АК3)
- 2–3 Неужели, впрочем / Неужели (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 5–6 то с своей стороны ~ беру на себя / то я с большой охотой вам их всех
уступаю безынтересно и купчую принимаю на свой счет \diamond (АК2)
- 7–13 Великий упрек ~ сам Манилов / а. Здесь автор, как верный историк,
должен сказать, что после сих слов, произнесенных Маниловым,
Чичиков показал такую радость, которая была даже отчасти не-
прилична его несколько степенной наружности, умеренным летам
и соразмерному чину. Едва ли он даже, позабывши умение хорошо
держаться, не подскочил в креслах, при каком обстоятельстве
лопнула обтягивавшая подушку шерстяная материя, так что Мани-
лов; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
8 удовольствие одолело / удовольствие обуяло \diamond (АК2)
- 10 тут чуть не произвел / тут произвел \diamond (АК2)
- 11 что, как известно, производится / а. что производится некоторыми
людьми; б. что, как известно, производится (АК2); что, как извест-
но, производится некоторыми людьми \diamond (АК3)
- 13 материя, обтягивавшая подушку / материя, обтягивающая подушку
(АК3, АК4)
- 14 в некотором недоумении / в совершенном недоумении \diamond (АК2)
- 15 наговорил тут же столько благодарностей / а. насказал таких бла-
годарностей Манилову; б. насказал таких ему благодарностей;
в. наговорил ему тут же столько благодарностей (АК2); наговорил
ему тут же столько благодарностей \diamond (АК3)
- 16 производил головою отрицательный жест / очень долго производил
головую какой-то отрицательный жест \diamond (АК2)
- 17–18 наконец уже выразился ~ хотел бы доказать / а. наконец уже сказал,
что это решительно не стоит благодарности, что он бы хотел точно
доказать; б. наконец уже сказал, что это [совершенной] сущее (не
закончено); в. Как в тексте, со следующим вариантом (АК2):
17 что он, точно / и что он, точно \diamond (АК2)
- 18–19 а умершие души / но что умершие души \diamond (АК2)
- 20–21 пожав ему руку ~ глубокий вздох / а. пожавши руку Манилову и
испустивши душевный вздох; б. пожал руку Манилову, испустив
даже вздох; в. При таком обстоятельстве был испущен [даже]**;
г. пожав ему руку. При таком обстоятельстве был испущен очень

- глубокий вздох (АК2); пожав ему руку. При таком обстоятельстве был испущен очень глубокий вздох \diamond (АК3)
- 21 он был настроен / он был в это время настроен \diamond (АК2)
- 22–23 не без чувства ~ слова / а. по крайней мере он произнес очень выразительно и с большим чувством следующие слова; б. по крайней мере выразительно и не без чувства произнес следующие слова \diamond (АК2); не без чувства и уважения произнес он наконец следующие слова \diamond (АК3)
- 24–25 Если б вы знали ~ дрянью / Если б вы знали, какую этим услугу оказали \diamond (АК2)
- 25–26 Да и действительно ~ среди свирепых волн... / а. Да, действительно, чего не потерпел я; б. (кар.) и точно, что за жизнь моя, барка без парусов, барка, носимая по волнам (АК2); а. Да, действительно, чего не потерпел я; б. Да и действительно, чего не потерпел я, как барка какая-нибудь среди свирепых волн была жизнь моя \diamond (АК3)
- 29–30 сиротине горемыке / сироте горемыке (АК4, МД1, МД2)
- 31 Оба приятеля / Оба приятели (АК2)
- 32 и долго смотрели / а. и долго смотрели; б. (кар.) и смотрели (АК2)
- 35 уже не знал / просто не знал \diamond (АК2)
- 36–37 и хорошо бы ~ понаведался в город / да для этого не мешало бы и ему самому съездить в город \diamond (АК2)
- 37–38 Потом взял шляпу и стал / После чего, взявши в руку шляпу, стал \diamond (АК2)
- 39–40 вдруг очнувшись и почти испугавшись / почти испугавшись \diamond (АК2)

С. 37

- 2–3 с несколько жалостливым видом / а. с несколько жалостливым видом; б. (кар.) голосом, проникнутым жалостью* \diamond (АК2)
- 4 Потому что мы надоели / Потому что надоели (АК4)
- 6–8 Сударыня! здесь ~ для меня / а. Поверьте, сударыня, — сказал Чичиков, — что приятность времени, проведенного с вами, пребудет в глубине моего сердца и что для меня не было бы; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 7 положил руку на сердце / положил на сердце \diamond (АК2)
- 8 и поверьте, не было бы для меня / и не было бы мне (АК2, кар.); и не было бы \diamond (АК3)
- 9–10 большего блаженства ~ в самом ближайшем соседстве / а. Как в тексте; б. Поверьте, [чего бы] другого бы не желал** \diamond (АК2)
- 12 как бы было / как было бы (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 20–21 расстанюсь не долее как на два дни / не расстанюсь как на две недели \diamond (АК2)
- 24–25 каким-то деревянным гусаром ~ ни руки, ни носа / какими-то деревянными кусочками (АК2); какими-то деревянными кусочками \diamond (АК3)
- 27–28 живете ли вы на свете / есть ли вы на свете (АК2, АК3, АК4)
- 28 непременно привезу / то непременно привезу (АК2); то непременно привезу \diamond (АК3)
- 32 он / Чичиков (АК2, АК3, АК4)

- 32 наклонившись к Алкиду / поклонившись Алкиду (АК3, АК4)
 34–35 этак все будет / этак только все будет (АК2); этак только все будет ◊ (АК3)
 35 туррр ~ та-та-та... / бу, бу, бу... (АК2); бу, бу, бу... ◊ (АК3)
 35–36 Прощай, душенька! Прощай / Прощай, душенька! (АК2); Прощай, душенька! Прощай, душенька! ◊ (АК3)
- С. 38
- 3 хотел спросить вас / хочу спросить вас (АК3, АК4, МД1, МД2)
 6 услышав, что нужно / услышавши, что нужно (АК2); услышавши, что нужно ◊ (АК3)
 7 и поворотить на третий / а. Как в тексте; б. (кар.) и свернуть на третий (АК2)
 10–11 удалявшуюся бричку / удалившуюся бричку (АК2); удалившуюся бричку ◊ (АК3)
 14–15 мысли его перенеслись незаметно / мысли его перешли незаметно (АК2); мысли его перенесли незаметно ◊ (АК3); мысли его перенеслись заметно (так в рукописи – АК4)
 15 занеслись Бог знает куда / занесли Бог знает куда (АК2); занесли Бог знает куда ◊ (АК3)
 17 на берегу какой-нибудь реки / на берегу реки ◊ (АК2)
 17–18 через эту реку / чрез эту реку (АК4, МД1, МД2)
 19–20 видеть даже Москву / видеть даже Петербург и Москву вдруг (АК2); видеть даже Петербург и Москву вдруг ◊ (АК3)
 23–24 будто бы сам Государь ~ пожаловал их генералами / будто бы Государь, узнавши о такой их дружбе, пожаловал их генералами (АК3); а. Как в АК3; б. (ценз.) когда [до(шло?)] узнали о такой их дружбе, то они пожалованы были генералами; в. (рукой Гоголя) само высшее начальство, узнавши о такой их дружбе, пожаловало их генералами (АК4); само высшее начальство, узнавши о такой их дружбе, пожаловало их генералами (МД1, МД2)
 25 чего уже / что уже (АК2); что уже ◊ (АК3)
 26 прервала вдруг / часто прерывала вдруг (АК2, АК3, АК4)

⟨Глава III⟩

С. 39

- 2–8 А Чичиков ~ довольной усмешки. / а. А Чичиков сидел в своей бричке, давно катившейся по большой дороге, в самом довольном расположении духа. Казалось, по-видимому, и нечем бы ему слишком обрадоваться, и сделанное приобретение было не более, как пустяки, но он чувствовал какую-то особенную веселость. Самые приятные соображенья и сметы самые заманчивые, какие-то предположения блуждали по лицу его и оставляли поминутно после себя приятную улыбку; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
 3–6 Из предыдущей главы ~ и душою. / а. Никак не должно изумляться подобному располож(ению), ибо трудно сойтись с человеком

- во вкусах; б. (карандашный набросок на полях). Из предыд(ущей) главы Читатель уже видел, какой странной предмет склонностей и вкуса был у нашего героя. Скоро он погрузился весь в него и телом *(не дописано)*; в. Читатель уже знает, какого рода вкус был у нашего героя(?) и что за предмет**; г. Из главы предыдущей уже видно, из чего состоял главный предмет его вкуса и склонностей *(вкуса и склонностей вписано)*, а потому не диво, что он скоро погрузился весь в него и телом и душою; д. Из предыдущей главы уже [читатель видел, в чем] видно, в чем состоял — *далее, как в тексте (AK2)*
- 6 Предположения, сметы / Сметы, предположения \diamond (AK2)
- 7–8 ибо ежеминутно ~ усмешки / а. (кар.) ибо долго после них на нем сохранялись веселые следы усмешки; б. (кар.) ибо долго еще были [оставляемы] видны на нем веселые следы усмешки; в. ибо ежеминутно означались на [лице его] нем следы довольной усмешки (AK2); ибо ежеминутно означались на нем следы довольной усмешки \diamond (AK3)
- 8–9 Занятый ими / а. занятый ими; б. (кар.) занятый своими *(не закончено — AK2)*
- 9–10 кучер, довольный / а. кучер, который с своей стороны был весьма доволен; б. кучер, казалось, очень довольный* \diamond (AK2)
- 10 Манилова / Машкова (AK2, AK3)
- 10–11 весьма дельные замечания / очень дельные замечания \diamond (AK2)
- 11 чубарому пристяжному коню / серому пристяжному коню \diamond (AK2)
- 11–12 запряженному с правой стороны / находившемуся с правой стороны (AK2); наложившемуся с правой стороны \diamond (AK3)
- 12 чубарый конь / серой конь \diamond (AK2)
- 12 был сильно лукав / был очень лукав \diamond (AK2)
- 13 будто бы везет / что везет \diamond (AK2)
- 13–17 коренной гнедой ~ удовольствие / а. коренной, гнедой масти, с белой лысиной на лбу, трудился совершенно от всего сердца и был охотник тянуть, так что даже в глазах его было заметно получаемое им от того удовольствие; б. *Как в тексте, со следующим вариантом (AK2):*
- 15–16 трудился от всего сердца / трудился от всего сердца и были охотники тянуть (AK2); трудился от всего сердца и были охотники тянуть \diamond (AK3)
- 17 удовольствие / довольствие (AK3, AK4)
- 19 панталонник / панталошек (AK3); панталошек \diamond (AK4)
- 20 он сполняет / он исполняет (AK2); он исполняет \diamond (AK3)
- 20 я ему с охотою дам / я ему дам с охотою (AK2); я ему с охотою дал (AK3, AK4)
- 21 и Заседатель тож хороший конь / *Слов нет (AK2); Слова вписаны (AK3)*
- 24 хлыстнул его кнутом, примолвив / хлыстнул его кнутом, примолвивши \diamond (AK2)
- 25 Бонапарт ты проклятый!.. / а. *Как в тексте; б. (ценз.) Слова вычеркнуты (AK4); Слов нет (МД1, МД2)*

- 25 Потом прикрикнул на всех / а. Засим прикрикнул он на всех; б. (кар. и черн.) Потом, [прикрик]нув на всех (АК2); Потом нул <так в рукописи> на всех \diamond (АК3)
- 25–26 Эй вы / Ей вы (АК2, АК3)
- 26 стегнул по всем по трем / а. стегнул по всем трем; б. стегнул всех троих; в. стегнул по всем трем (АК2); стегнул по всем трем (АК3, АК4)
- 27 но чтобы показать, что был ими доволен / но единственно, чтобы поощрить их и показать, что он ими был довольный \diamond (АК2)
- 27–28 Доставив такое удовольствие / Доставивши им такое удовольствие \diamond (АК2)
- 28 к чубарому / к пристяжному \diamond (АК2)
- 29 что ты скроешь / что скроешь (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 30 оказывали почтение / сказывали почтение (АК2, АК3, АК4)

С. 40

- 3 выпить ли чаю / выпить ли чаго (АК3, АК4)
- 5 отдаст почтение / отдает почтение (АК4)
- 6 он, слышь ты, сполнял / он сполнял \diamond (АК2)
- 6–7 он сколеской советник / и в том чине служил, да не захотел больше служить, потому что ему не понравилась таможня, он надворный советник... \diamond (АК2)
- 8–9 Так рассуждая ~ отвлеченности. / Таким образом рассуждая, Селифан вышел наконец в чрезвычайные отвлеченности. \diamond (АК2)
- 9–10 Если бы Чичиков прислушался, то узнал бы / Если бы Чичиков прислушивался, то он бы узнал очень \diamond (АК2)
- 11–12 мысли его ~ удар грома / мысли его так погрузились в разные приятные соображения, что только один сильный удар грома \diamond (АК2)
- 17 хлыстал он / хлыстал он (АК2); хлыстал он \diamond (АК3)
- 19–20 брызги наконец стали долетать ему в лицо / а. брызги наконец стали долетать в лицо нашему Герою; б. (кар.) брызги стали долетать в лицо нашему Герою (АК2); брызги наконец стали долетать в лицо нашему герою \diamond (АК3)
- 20–21 задернуться кожаными занавесками / опустить <с>верху кожаные занавески \diamond (АК2)
- 22 определенными на рассматривание / для рассматривания \diamond (АК2)
- 22 дорожных видов / видов по дороге (АК2); а. видов по дороге; б. дорожных видов (АК3); дорожных видов (АК4, МД1, МД2)
- 23–24 прерванный тоже ~ смекнул / а. который тоже на самой середине речи был прерван громом и дождем, смекнул; б. прерванный тоже громом** \diamond (АК2)
- 24 не нужно мешкать / не нужно было мешкать \diamond (АК2)
- 25 вытащил тут же из-под козел / Он вытащил из-под козел, на которых сидел \diamond (АК2)
- 26 надел ее в рукава, схватил в руки вожжи и прикрикнул / а. оделся в нее и схватил в руки вожжи, прикрикнул; б. оделся в нее и, схватив в руки вожжи, прикрикнул \diamond (АК2); надел ее в рукава, схватил в руки вожжи, прикрикнул (АК3, АК4)

- 27–28 которая ~ от поучительных речей / а. которая так была убаюкана и такое чувствовала приятное расслабление от его рассказов, что едва переступала ногами. Лошади пустились на рысях.; б. которая [уже было едва переступала] чуть-чуть переступала ногами, ибо чувствовала приятное расслабление от поучительных речей [и была очень убаюкана] (AK2)
- 28–29 Но Селифан никак не мог припомнить / а. Как в тексте; б. Но Селифан совершенно не мог припомнить [◊] (AK2)
- 30–31 Сообразив ~ много было поворотов / а. Сообразивши все обстоятельства и припоминая несколько дорогу, он смекнул, что, кажется, много было поворотов; б. Сообразив и припоминая несколько дороги, он догадался, что было много поворотов [◊] (AK2)
- 31 которые все пропустил он мимо / которые он все проехал мимо [◊] (AK2)
- 32–33 найдется, что сделать / а. всегда найдет, что сделать; б. найдет, что сделать (AK2); найдет, что сделать [◊] (AK3)
- 33–34 то, поворотивши ~ прикрикнул он / а. то он тот же час поворотил свою бричку на первую перекрестную дорогу направо и, прикрикнувши; б. то он тот же час поворотил свою бричку на первую попавшуюся дорогу и прикрикнул; в. то, поворотивши [бри(чку)] направо на первой перекрестной дороге, прикрикнул (AK2); а. то, поворотивши направо по первой перекрестной дороге, прикрикнувши; б. то, поворотивши направо на первую перекрестную дорогу, прикрикнул (AK3); то, поворотивши направо на первую перекрестную дорогу, прикрикнул (AK4)
- 34 Эй / Ей (AK2, AK3)
- 35 и пустился вскачь / Пустился в галоп (AK2); Пустился в галоп [◊] (AK3)
- 36 взятая дорога / взятая им дорога [◊] (AK2)
- 37 Дождь, однако же, казалось, зарядил / Дождь, однако ж, казалось зарядился (AK2); Дождь, однако ж, казалось, зарядился [◊] (AK3)
- 38 быстро замесилась в грязь / мгновенно замешалась в грязь [◊] (AK2)
- 38–39 ежеминутно становилось / заметно становилось [◊] (AK2)
- 39 тяжеле тащить / тяжелее тащить (AK2); тяжелее тащить [◊] (AK3)
- 39–40 Чичиков уже начинал сильно беспокоиться / Чичиков начинал беспокоиться [◊] (AK2)

С. 41

- 1 По расчету его / По его расчету ему [◊] (AK2)
- 1 давно бы пора было приехать / а. давно бы была пора приехать; б. давно бы пора была приехать (AK2)
- 5 Погляди-ка / а. Погляди; б. Погляди-ка ты [◊] (AK2)
- 8 Туда все вошло / Туды все вышло (AK2, AK3); Туда все вышло (AK4)
- 9 побудительные / понудительные (AK2, AK3, AK4)
- 10 от одного конца до другого / а. от одного бесконечного конца до другого; б. от одного конца ее до другого (AK2); от одного конца ее до другого (AK3, AK4)

- 10–12 прилагательные ~ на язык / а. Он называл их сердечными и почтенными, и московскими обывателями, толокенными приятелями и много придавал всяких прилагательных без большого разбора, а что первое попадалось на язык; б. Он называл их ~¹ прилагательных, не разбирая слишком, а что первое попадалось на язык*; в. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 11 всех родов / всех родов и качеств (АК2); всех родов и начиты (так в рукописи) [◇] (АК3)
- 11 без дальнейшего разбора / без дальнейшего разбора, а (АК2, АК3, АК4)
- 12 дошло до того / дошел до того [◇] (АК2)
- 12–13 начал называть их наконец секретарями / а. начал наконец называть их секретарями; б. начал называть их секретарями (АК2); начал называть их секретарями (АК3, АК4)
- 14 стал примечать / начал примечать [◇] (АК2)
- 14–15 бричка качалась ~ и наделяла его / а. бричка стала качаться на все стороны и наделять его; б. бричка начала качаться на все стороны и наделять его [◇] (АК2); бричка качалась на все стороны и наделяла (АК4)
- 15 пресильными толчками / препорядочными толчками (АК2, АК3, АК4)
- 17 Селифан, казалось, сам смекнул / Сам Селифан, как казалось, смекнул [◇] (АК2)
- 19 по какой ты дороге едешь / по какой дороге ты едешь (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 22 Сказавши это, он так покосил бричку / а. отвечал Селифан и вслед за сим хлыснул по всем по трем и покосил так бричку; б. отвечал засим кучер и вслед затем хлыснул по всем по трем и покосил так бричку [◇] (АК2)
- 24 заметил он / он заметил [◇] (АК2)
- 24 Селифан подгулял / Селифан немножко подгулял [◇] (АК2)
- 26–27 говорил Селифан / отвечал Селифан [◇] (АК2)
- 27–28 я никак не опрокину / а. я никак не опрокину; б. я не сделаю (не закончено) [◇] (АК2)
- 28 Засим / Затем (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 29–30 выворотил ее совершенно на бок / переворотил ее совсем на бок [◇] (АК2)
- 30 шлепнулся в грязь / шлепнул в грязь [◇] (АК3)
- 31–32 впрочем ~ изнурены / Это было ему и нетрудно, потому что они бы сами остановились, так они были изнурены [◇] (АК2)
- 32–33 Такой непредвиденный случай ~ изумил его. / Однако ж непредвиденный им случай изумил его. [◇] (АК2)
- 34 подперся в бока / подпершись в бока [◇] (АК2)

¹ В подобных случаях тильда заменяет текст, совпадающий с текстом предыдущего варианта.

- 35–36 сiallyсь оттуда ~ и перекинулась / а. и силился оттуда вылезть.
«Ишь ты, — сказал Селифан по некотором размышлении, — и пере-
кинулась; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 35 и сказал после / и [после] сказал после (АК2)
- 35–36 некоторого размышления / а. размышления; б. небольшого размыш-
ления (АК2); небольшого размышления (АК3, АК4)
- 38 чтоб я был пьян! / чтоб я был пьян, — отвечал Селифан ◊ (АК2)
- С. 41–42
- 40–1 и закусили вместе / и закусить вместе (АК2, АК3, АК4)
- С. 42
- 3 когда ты напился / когда ты напился пьян ◊ (АК2)
- 4 произнес Чичиков / сказал Чичиков (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 8 как высеку / как высеку хорошенько ◊ (АК2); высеку (АК4)
- 8–9 будешь знать ~ человеком / будешь знать», — сказал Чичиков ◊
(АК2)
- 12 Почему ж не посечь / Почему ж и посечь (АК2); а. Почему ж и
посечь; б. Почему ж и не посечь (АК3); Почему ж и не посечь
(АК4)
- 16 Но в это время, казалось / а. Но в это время, казалось; б. (кар.) Но,
казалось (АК2)
- 20 качает иногда во весь дух / катает иногда во весь дух (МД2)
- 23–24 уже некуда было ехать / некуда было ехать ◊ (АК3)
- 26 что, без сомнения, продолжилось бы / а. Как в тексте; б. (кар.)
что продолжилось бы (АК2); что, без сомнения, продолжалось бы
(АК3, АК4, МД1, МД2)
- 29 мелькнул в одном окошке / мелькнул в окошке (АК2); мелькнул в
окошке ◊ (АК3)
- 30–31 принял стучать / принялся стучать ◊ (АК2)
- 31 отворив калитку ~ какая-то фигура / потревоженная какая-то
фигура ◊ (АК2)
- 32 и барин со слугою / <оставлено свободное место> со слугою ◊
(АК3)
- 39 видишь / вишь (АК3, АК4, МД1, МД2)
- С. 43
- 9–10 въехавши на двор / въехавши на двор (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 10–11 который за темнотою трудно было рассмотреть / которого за темно-
тою было трудно рассмотреть (АК2); которого за темнотою трудно
было рассмотреть ◊ (АК3)
- 14 стекал / стучал ◊ (АК3)
- 15 в подставленную бочку / в поставленную бочку (АК2, АК3, АК4)
- 15 Между тем псы заливались / Собаки заливались (АК2); а. Собаки
заливались; б. Между тем псы заливались (АК3); Между тем псы
заливались (АК4)
- 18 как пономарь / а. Как в тексте; б. (ценз.) Слова вычеркнуты
(АК4); Слов нет (МД1, МД2)
- 21 или просто наделенный / а. или наделенный; б. и наделенный (АК3);
и наделенный (АК4); наделенный (МД1, МД2)

- 23 тенора подымаются / тенора поднимаются (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 24–25 порывается кверху, закидывая голову / а. подымает и закидывает голову; б. порывается кверху и закидывает голову (АК2); порывается кверху и закидывает голову [◊] (АК3)
- 26 галстух / галстук [◊] (АК3)
- 27–28 трясутся и дребезжат стекла / а. трясутся стекла; б. трясутся и дребезжат стекла (АК2); трясутся и дребезжат стекла [◊] (АК3)
- 35 комната была обвешана / комната была обклеена (АК2); комната была обклеена [◊] (АК3)
- 36–38 картины с какими-то птицами; между окон старинные маленькие зеркала с темными рамками в виде свернувшихся листьев / картины с какими-то птицами, между окнами маленькие зеркала (АК2); а. картины с какими-то птицами; между окнами маленькие зеркала; б. картины с какими-то птицами; между окон старинные маленькие зеркала с темными рамками в виде завитых листьев (АК3); *Как в варианте б. АК3 (АК4)*; картины с какими-то птицами, между окон; старинные маленькие зеркала с темными рамками в виде свернувшихся листьев (МД1, МД2)
- 38 и за всяким зеркалом / за всяким зеркалом (АК4, МД1, МД2)
- 39 стенные часы / или стенные часы [◊] (АК3)

С. 44

- 1 как будто их кто-нибудь / как будто бы их кто-нибудь (АК2); как будто бы их кто-нибудь [◊] (АК3)
- 5 плачутся на неурожай, убытки / плачутся на убытки, неурожай [◊] (АК2), плачутся на неурожай, убытки (АК3, АК4)
- 6 набирают понемногу деньжонок / набирают понемногу [◊] (АК2)
- 7–8 В один мешочек отбирают все целковики / в один все целковики [◊] (АК2)
- 8 полтиннички / полтинники [◊] (АК3)
- 9 хотя с виду и кажется / хотя и кажется с вида [◊] (АК2)
- 10 да ночных кофточек / да разных ночных кофточек [◊] (АК2)
- 12–13 во время печения ~ само собою / а. во время печения куличей к пасхе или и просто поизотрется само собою; б. во время [загибанья] печения праздничных лепешек со всякими припеками или поизотрется само собою (АК2); во время печения праздничных лепешек со всякими прижками или поизотрется само собою (АК3, АК4)
- 13–17 Но не сгорит ~ другим хламом. / а. *Текста нет*; б. *Текст вписан со следующим вариантом (АК2)*:
- 15–16 а потом достаться ~ сестры / и потом достаться племяннице внучатой сестры (АК2); а. и потом достаться племяннице внучатой сестры; б. и достаться потом в духовной племяннице, внучатной сестре (АК3); и достаться потом в духовной племяннице, внучатной сестре (АК4)
- 22 странным шипением / страшным шипением (МД2)
- 22–23 так что гость было испугался и посторонился / а. что Чичиков испугался и посторонился; б. что гость испугался и посторонился (АК2);

- что гость испугался и посторонился [◊] (АК3); так что гость было испугался (АК4, МД1, МД2)
- 25–26 За шипением / За шипеньем (АК4, МД1, МД2)
- 26 тотчас же последовало хрипенье / последовало тотчас хрипение (АК2); а. тотчас последовало; б. тотчас последовало хрипенье (АК3); тотчас последовало хрипенье (АК4)
- 27 пробили два часа таким звуком / пробили десять таким звуком (АК2, АК3); пробили десять таких звуков (АК4)
- 31 чтобы она не беспокоилась ни о чем / чтобы она не беспокоилась (АК2); чтобы она не беспокоилась [◊] (АК3)
- 32 он ничего не требует / он не хотел бы другого (АК2); он не хотел бы другого [◊] (АК3)
- 33 далеко ли отсюда пути / далеко ли пути (АК2); далеко ли пути [◊] (АК3)
- 39 Нет, не слыхивала, нет такого помещика. / И эдакого помещика нет. (АК2); Слова вписаны (АК3)

С. 45

- 4–5 У кого двадцать душ, у кого тридцать / У кого 20 душ, у кого 30 (АК2, АК3, АК4)
- 8 А верст шестьдесят будет. / А верст 60 будет. (АК2, АК3, АК4)
- 12 расположитесь, батюшка / а. расположитесь, батюшка; б. расположись себе, отец мой [◊] (АК2)
- 13 наслал Бог / послал Бог (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 17–18 Еще слава Богу ~ совсем боков. / Ух матушка, — сказал Чичиков, испутивши продолжительный вздох, — слава те Христос, что всего только засалился, что не отломал себе боков. [◊] (АК2)
- 27–28 как дельвала / как дельвали (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 30–31 настилая сверх перины / насылая сверх перины [◊] (АК2); насылая сверх перины [◊] (АК3); постилая сверх перины (АК4, МД1, МД2)
- 32–33 Прощайте, батюшка / Прощай, батюшка (АК4, МД1, МД2)
- 36 Но гость отказался / Но Чичиков отказался [◊] (АК2)
- 37–39 и он тот же час ~ покойной ночи / а. Чичиков поспешил разоблачиться и отдал всю, как нижнюю, так и верхнюю свою арматуру Фетинье, которая, пожелав ему с своей стороны покойной ночи; б. и он тот же час поспешил раздеться, [отдав всю, как верхнюю, так и нижнюю свою] отдав [ей] Фетинье всю снятую с себя сбрую, как верхнюю, так и нижнюю, и Фетинья, пожелав также с своей стороны покойной ночи (АК2)

С. 46

- 1 он не без удовольствия взглянул / не без удовольствия взглянул он [◊] (АК2)
- 2–3 как видно, была мастерица / казалось, была мастерица (АК2); казалось, была мастерица [◊] (АК3)
- 4 она опустилась / она опустился (АК2, АК3, АК4)
- 4–5 до самого полу / до самого пола (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 5–6 и перья ~ углы комнаты / а. только перья разлетелись во все стороны комнаты.; б. и несколько перьев** ; в. и перья, [поте(сненные)]

- вылетев(?)** ; з. и перья, будучи вытеснены из пределов [такого] погрузившимся в них телом, разлетелись [вдруг] во все углы комнаты. (АК2); а. и перья (оставлено свободное место) из пределов, погрузившись вниз телом, разлетелись во все углы комнаты.; б. и перья, вытесненные им, разлетелись во все углы комнаты [◊] (АК3)
- 6 Погасив свечу / Погасивши свечу [◊] (АК2)
- 8–9 сквозь окна / сквозь окно (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 9 вчера / вчерась [◊] (АК2); вчерась [◊] (АК3)
- 9–10 спали спокойно / спали покойно (АК2, АК3, АК4)
- 10 на стенах и на потолке / по стенам и потолке [◊] (АК2)
- 13 к носовой ноздре / к носовой ноздре его (АК2); к носовой ноздре его [◊] (АК3)
- 17 и писанный масляными красками / а. Как в тексте; б. (кар.) и еще другой портрет, писанный красками (АК2)
- 25 лежало подле него / лежало возле него (АК2); лежало возле него [◊] (АК3, кар.); лежало возле него (АК4, МД1, МД2)
- 29 желаю здравствовать / желаю (оставлено свободное место) [◊] (АК3)
- 31 перед ним / пред ним (АК2, АК3, АК4)
- 32–33 весь был наполнен птицами / весь был наполнен птицей (АК2); весь был наполнен птицей [◊] (АК3)
- 34 расхаживал петух мерным шагом / расхаживал петух мерными шагами (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 35–36 к чему-то прислушиваясь / к чему прислушиваясь (АК2); к чему прислушиваясь [◊] (АК3)
- 37 съела она мимоходом / а. съела она мимоходом; б. съела уже мимоходом [◊] (АК2)
- 40 за которым тянулись просторные огороды / а. Как в тексте; б. за которым был огород-травник, примыкавший другим концом к са(ду) [◊] (АК2); за которым тянулись пространные огороды (АК3, АК4, МД1, МД2)

С. 47

- 1 и прочим хозяйственным овощем / и прочей хозяйственной овощью (АК2); и прочей хозяйственной овощью [◊] (АК3)
- 4 переносились / переносилися (АК2, АК3, АК4)
- 7 на одном из них / на одном из которых (АК2); на одном из которых [◊] (АК3)
- 8–9 хотя были выстроены врассыпную / хотя были врассыпную [◊] (АК2)
- 11 были поддерживаемы / были хорошо оснащены и поддерживаемы [◊] (АК2)
- 11–12 изветшавший тес ~ ворота / а. прогнившее дерево заплатано было новым, ворота; б. изветшавший тес на крышах везде сменен новым. Ворота (АК2); изветшавший тес на крышах везде сменен новым. Ворота [◊] (АК3)
- 13 а в обращенных к нему / и в обращенных к нему (АК2, АК3, АК4)
- 13 крытых сараях / крытых сараев (АК2); крытых сараев [◊] (АК3)
- 15 деревушка не маленька / деревушка, впрочем, не маленька [◊] (АК2)

- 15–16 положил ~ покороче / а. положил с ней познакомиться получше и разговориться покороче; б. положил себе тут же: разговориться с хозяйкой покороче (АК2); положил ее тут же: разговориться с хозяйкой поскорее ◊ (АК3)
- 16–17 Он заглянул / Он тот же час заглянул ◊ (АК2)
- 17 из которой она было высунула голову / из которой выглянула хозяйка ◊ (АК2)
- 18–19 с веселым и ласковым видом / с веселым и весьма ласковым видом ◊ (АК2)
- 21 приподнимаясь с места / приподнявшись с места ◊ (АК2)
- 22 в спальном чепце / в спальном чепце (АК3)
- 22–23 все также было что-то навязано / все также было что-то намотано ◊ (АК2)
- 28–29 что повыше косточки / что пониже косточки (АК2); что *⟨оставлено свободное место⟩* косточки ◊ (АК3)
- 32 скипидаром / скапидаром (АК3, АК4)
- 33 Во фляшке фруктовая / а. Во фляшке-то фруктовое; б. Во фляшке фруктовое (АК2); Во фляшке фруктовое ◊ (АК3)
- 36 с большою свободою / с большою свободою ◊ (АК3)
- 37–39 Надобно сказать ~ в умении обращаться. / а. Должно признаться, что если у нас на Руси не угнались еще во всем за иностранцами, зато в умении обращаться далеко их оставили за собою.; б. *Как в тексте, со следующим вариантом* (АК2):
- 39 то далеко перегнали их / то зато перегнали очень(?) их* ◊ (АК2)
- С. 47–48
- 40–2 Француз или немец ~ он почти / а. Француз или немец как-то во все не умеет взяться и никак не заметит различий и особенностей. Почти; б. Француз или немец век не по(й)мет всех его особенностей и различий, он почти (АК2); Француз или немец век *⟨оставлено свободное место⟩* всех его особенностей и различий, он почти ◊ (АК3)
- С. 48
- 2–3 станет говорить / станет он говорить ◊ (АК2)
- 3–4 с мелким табачным торгашом ~ перед первым / а. с мелким табачным торгашом; б. с мелким табачным торгашом, хотя, конечно, в душе поподличает перед первым более* ◊ (АК2)
- 8–11 с тем, у которого их пятьсот ~ канцелярия / а. и так, пожалуй, хоть восходи до миллиона — все найдутся оттенки. Положим, даже существует, напр(имер), какая-нибудь канцелярия; б. *Как в тексте, со следующим вариантом* (АК2):
- 9–10 словом, хоть восходи / и так, пожалуй, хоть восходи (АК2); пожалуй, хоть восходи ◊ (АК3)
- 13 Прошу посмотреть / А не угодно ли посмотреть ◊ (АК2)
- 13–14 сидит среди своих подчиненных / сидит в своей канцелярии среди своих подчиненных ◊ (АК2)
- 14–15 гордость ~ лицо его / вид такой: и гордость, и благородство, и невесть чего в нем нет ◊ (АК2)

- 20–21 на вечеринке, будь все небольшого чина / на вечеринке то же самое:
 будь все не очень далекого чина \diamond (АК2)
- 21 так и останется / так и остаётся (АК4, МД2)
- 26 говорит громко, басит / говорит громко и басит \diamond (АК2)
- 28 Эхе, хе / а. Эхе, хе; б. Эхе, хе, хе (АК2); Эхе, хе, хе (АК3, АК4)
- 29–30 как уж мы видели / как мы уж видели (АК2, АК3, АК4)
- 31 вливши туда фруктовой / вливши туда фруктовой водки \diamond (АК2)
- 31 повел такие речи / повел он такие речи (АК2); повел он такие речи \diamond
 (АК3)
- 33 без малого 80 / без малого 80-т (АК4, МД1, МД2)
- 35 что Боже упаси / что Боже храни (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 36 избенки крепкие / и избенки все крепкие \diamond (АК2)
- 37–38 приехал в ночное время... / приехал в ночное время и не успел... \diamond
 (АК2)
- 40 имя и отчество / имя и отчество (АК2, АК3, АК4)

С. 49

- 6 отвечал Чичиков, усмехнувшись / отвечал Чичиков, улыгнувшись
 (АК2, АК3); отвечал Чичиков (АК4)
- 9–10 верно, его купил / теперь, верно, купил (АК2); теперь, верно, купил \diamond
 (АК3)
- 12 и пеньки-то / и пеньки (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 14 скажите / скажите, скажите (АК3, АК4)
- 17 И умер такой / И умер видь такой \diamond (АК2)
- 18 После того, правда / После того, хоть правда (АК2); После того,
 хоть правда \diamond (АК3)
- 18 да что с них / да что в них (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 18–19 такая мелюзга / такая мелуэга (АК2); такая мелуэга \diamond (АК3, кар.)
- 20–21 На прошлой неделе / На прошлой недели (АК3)
- 24 от такой беды / от такого горя (АК2); от такого горя \diamond (АК3)
- 25 чересчур / чресчур (АК3, АК4, МД1)
- 28 выехать не на чем / выехать не в чем (АК2); выехать не в чем \diamond
 (АК3)
- 29 воля Божия / воля Божья (АК4, МД1, МД2)
- 36 дам деньгу / дам деньги (АК4, МД1, МД2)
- 39–40 и что необходимо ей нужно растолковать / а. и что нужно прежде рас-
 толковать ей; б. что прежде нужно растолковать ей* \diamond (АК2)

С. 50

- 6 Да ведь / Да видь (АК2); Да видь \diamond (АК3)
- 7 Да кто же говорит / Да кто ж говорит (АК2, АК3, АК4)
- 16 Что ж в них / Что же в них (МД2)
- 17 Меня только / Да видь меня только \diamond (АК2)
- 18 Ну, баба, кажется, крепколая! / Эх ее, какая баба! (АК2); Эх ее,
 какая баба! \diamond (АК3)
- 24–25 примите только в соображение то / примите в соображение только то
 (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 34 не случилось мне продавать / не случилось продавать мне (АК3,
 АК4, МД1, МД2)

- 35 Живых-то я уступила / Живых-то я продала [◊] (АК2)
 35 вот и третьего году / вот и третьего года (АК4, МД1, МД2)
 35–36 протопопу двух девок / Протопову двух девок (АК4, МД1); Прото-
 попову двух девок (МД2)
 38 Я спрашиваю / Я спрашиваю у вас [◊] (АК2)
- С. 51
- 4 Послушайте, матушка... эх какие вы! / Да помилуйте, матушка!
 (АК2); Да пожалуйте, матушка! [◊] (нечеткая правка, возможно
 чтение: Да послушайте, матушка... эх какие вы! – АК3)
 5–8 просто прах. Вы возьмите ~ на бумажную фабрику / просто прах,
 больше ничего. Старая тряпка, которая никуда не годится, и та
 больше стоит, потому что тряпку по крайней мере на бумажную
 фабрику купят [◊] (АК2)
 12 Эх ее, дубинноголовая какая! / Эх дубинноголовая какая (АК2);
 а. Эх дубинноголовая какая; б. Эх ее, дубинноголовая какая! (АК3)
 20 как резиновый мяч / как мяч [◊] (АК2)
 27 По 12-ти руб. / По 12 р. (АК2); По 12 руб. (АК3)
 28–29 По двенадцати не продали. / По [12] двенадцати не продали. (АК2);
 По двенадцати, не правда ли (АК3, АК4)
 31 зато же это мед / зато это мед (АК3, АК4, МД1, МД2)
 32 со старанием / с старанием (АК2); с старанием [◊] (АК3)
 33 в погребу / в погребе (АК4, МД1, МД2)
 34–35 Тут вы ~ не прилагали старания / а. Вы здесь не прилагали с своей
 стороны, так сказать, никакого труда; б. Тут с своей стороны ника-
 кого не прилагали** [◊] (АК2)
 35 старания / старанья (АК3)
 35 чтоб они оставили / чтобы они оставили (АК2, АК3, АК4)
 37 двенадцать рублей / [12] двенадцать рублей (АК2)
 39–40 уже почти не сомневался / почти уже не сомневался (АК3, АК4,
 МД1, МД2)
- С. 52
- 2 маненько повременю / маленько повременю (АК2, АК3, АК4)
 5 Слов: На что они им? – нет (АК4, МД1, МД2)
 7–8 понадобятся / понадобится (АК3, АК4)
 8–9 и смотрела на него почти со страхом / и смотрела на него отчасти со
 страхом [◊] (АК2); да и смотрела на него почти со страхом (АК3,
 АК4)
 10 Эх куда / Эх куда (АК3, АК4)
 29 третьего дни / третьего дня (АК4, МД1, МД2)
 30 после молитвы загадать на картах / загадать на картах после молит-
 вы (АК3, АК4, МД1, МД2)
 31 Бог и насрал его / Бог и послал его (АК3, АК4)
 31 роги-то / рога-то (АК4, МД1, МД2)
 33–34 Из одного христианского человеколюбия хотел / а. Из одного христи-
 янского человеколюбия хотя бы; б. Из одного христианского чело-
 веколюбия хотел (АК2); Из одного христианского человеколюбия
 хотел (МД2)

- 35 да пропади они и околей / да пропади и околей (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 1 Я хотел было закупать / Я хотел было покупать \diamond (АК2)
- 2 и казенные подряды / казенные подряды \diamond (АК3)
- 3–4 и без всякого дальнейшего размышления / хоть и не с большим умислом \diamond (АК2)
- 4–5 подействовали сильно / подействовали столь \diamond (АК3)
- 8 не прекословила / и не прекословила (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 10 из-за него сердиться / из него сердиться (АК2, АК3, АК4)
- 11 Ну, да изволь / Да что с тобой делать, изволь \diamond (АК2)
- 12 только смотри / только, пожалуста, уж смотри \diamond (АК2)
- 13 муки брать оржаной / муки брать ржаной (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 14 пожалуста / пожалоста (АК4)
- 15 говорил он / говорил Герой наш (АК2); говорил Герой наш \diamond (АК3)
- 20 отца Кирила / отца Кирилы (МД2)
- 21–22 чтобы избавить от лишних затруднений / чтобы избавить лишних затруднений (АК4, МД1, МД2)
- 22 взялся сочинить его / взялся сочинить ее (АК3); взялся сочинить (АК4, МД1, МД2)
- 24 если бы он / естли бы он (АК2, АК3)
- 24–25 нужно его задобрить / нужно его задобрить и употчевать получше \diamond (АК2)
- 26 чтоб спекла блинов / чтоб испекла блинов (МД2)
- 26–27 хорошо бы также загнуть пирог / хорошо бы также пирог \diamond (АК2); хорошо бы так загнуть пирог (АК3, АК4)
- 27 его славно загибают / его славно делают, а уж он был бы совсем кста-ти \diamond (АК2)
- 28–31 чтобы привести ~ Чичиков вышел / а. чтобы привести мысль в исполнение, а Чичиков вышел; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 29 в исполненье / в исполнение (АК4, МД2)
- 29 насчет загнутья / насчет загнутия (АК4, МД1, МД2)
- 29–30 пополнить ее другими произведениями / пополнить ее и другими произведеньями (АК2, АК3, АК4)
- 30 пекарни истряпни / пекарни и кухни \diamond (АК2); пекарни истряпки (АК3, АК4)
- 31 вышел тоже в гостиную / вышел в гостиную (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 33 роскошные перины / роскошные тюфяки \diamond (АК2)
- 34 стоял накрытый стол / стоял покрытый стол (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 35 он несколько отдохнул / он прежде чем отпереть ее, несколько отдохнул \diamond (АК2)
- 35 был весь в поту / он был весь в поту (АК4)
- 36 все, что ни было на нем / В самом деле, все, что ни было на нем \diamond (АК2)

- 37 Эж уморила / Эх уморила (АК3, АК4)
 38 Автор уверен / Я знаю \diamond (АК2)
 39 есть читатели такие любопытные, которые пожелают / а. есть читатели до такой степени любопытные, которые пожелают; б. есть читатели [очень] до того любопытные, [которым] которые пожелают \diamond (АК2)

С. 53–54

- 40–6 Пожалуй, почему ж ~ всякие перегородки / а. пожалуй, вот оно: посередине металлическая мыльница, с одной стороны ее узенькие перегородки для бритв, с другой для чернильниц с лоточком для перьев, потом опять перегородки; б. *Как в тексте, со следующими вариантами* (АК2):

С. 54

- 1 почему ж / почему же (АК3, АК4, МД1, МД2)
 2 в самой середине / в самой середине (АК2, АК3, АК4)
 3 квадратные закоулки / четырехугольные уголки (АК2); четырехугольные уголки \diamond (АК3)
 4 чернильницы / чернилицы (АК3, АК4)
 4 с выдолбленной между ними лодочкою / с выдолбленной между [лодочкою для перьев, сургучей] ними лодочкою (АК2)
 5–6 потом всякие перегородки / \langle оставлено свободное место \rangle всякие перегородки \diamond (АК3)
 6 без крышечек / без крышек (АК2, АК3, АК4)
 6–8 для того, что покороче ~ на память / а. наполненные кое-какими мелочами и большим количеством всяких билетов: похоронных, театральных и разных других, которые он имел привычку оставлять на память; б. *Как в тексте, со следующими вариантами* (АК2):
 7 наполненные / наполненное (АК2, АК3, АК4)
 7 билетами визитными / всякими билетами визитными (АК2); всякими билетами визитными \diamond (АК3)
 8–9 Весь верхний ящик / Весь этот ящик \diamond (АК2)
 9–10 под ним находилось пространство / под ним было пространство \diamond (АК2)
 10–14 потом следовал ~ сколько было там денег. / *Текста нет* (АК2); *Текст вписан* (АК3)
 13 засовывался / задвигался (АК4, МД1, МД2)
 13 в ту же минуту / в ту же минуту (АК4, МД1, МД2)
 14 Чичиков тут же занялся / а. Чичиков тут же ими занялся; б. Он тут же ими занялся (АК2); а. Он тут же ими занялся; б. Он тут же занялся (АК3); Он тут же занялся (АК4)
 14–15 и, очинив перо, начал писать / и, взявши в руки перо, начал писать \diamond (АК2)
 16 ящичек / ящик (АК3, АК4, МД1, МД2)
 21 сколько у тебя тут / сколько-то у тебя тут (АК2)
 22 заглянувши к нему / а. заглянувши к нему; б. (*кар.*) заглянув к нему (АК2)

- 24 Хоть бы мне листик подарил / Хоть бы мне листок подарил (АК4, МД1, МД2)
- 32 он заставил ее тут же продиктовать их / и тут же взялась ему продиктовать (АК2); и тут же взялась ему продиктовать [◊] (АК3)
- 33–34 а еще более прозвищами / и особенно придомками [◊] (АК2)
- 34–35 он всякой раз ~ останавливался / а. он иногда подымал бровь, слыша их, и прежде на минуту останавливался; б. он иногда, слыша их, прежде останавливался (АК2); он иногда, слыша их, прежде останавливался (АК3, АК4)
- 35 Особенно поразил его / Особенно остановил его (АК2, АК3, АК4)
- 37 Другой имел прицепленный к имени / а. Потом какой-то другой с придомком; б. другой носил прицепленный к имени (АК2); другой *⟨оставлено свободное место⟩* прицепленный к имени [◊] (АК3)
- 38 иной назывался просто / а. а один назывался просто; б. иной [наз(ывался)] назывался просто (АК2); иной оказался просто (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 38 Колесо Иван / Колесо (АК2); Колесо [◊] (АК3)
- 38–40 Оканчивая писать ~ в масле. / а. Как в тексте; б. (кар.) [Уже(?) ок(анчивая)] услышавши запах чего-то горячего в масле, приятно пощекотавшего его ноздри (АК2)

С. 55

- 1 Прошу покорно закусить / а. Прошу покорно закусить; б. (кар.) А прошу закусить (АК2)
- 1–2 Чичиков оглянулся / а. Как в тексте; б. (кар.) Он оглянулся (АК2)
- 2–5 грибки, пирожки ~ не было / а. грибки, блинчики, пирожки, и невесть чего там не было; б. грибки, блинчики, пирожки, скородумки, сочни, лепешки со всякими припеками: припекой с лучком, припекой с маком, припекой с творогом, и невесть чего не было (АК2)
- 2 грибки / грибки, блинчики [◊] (АК3)
- 3 скородумки, шанишки, пряглы, блины / скородумки *⟨оставлено свободное место⟩* [◊] (АК3)
- 3–4 со всякими припёками / со всякими припехами (АК3, АК4)
- 4 припёкой с лучком / с лучком [◊] (АК3)
- 4 припёкой с маком / припекою с маком [◊] (АК3)
- 4–5 припёкой с творогом, припекой со сняточками / припекой с творогом [◊] (АК3)
- 7–8 съевши тут же с небольшим половину / съевши с небольшим половину [◊] (АК2)
- 9 пирог сам по себе / пирог уже сам по себе [◊] (АК2)
- 9 после всей возни / после всей этой возни [◊] (АК2)
- 13–14 а губы и руки вытер салфеткой / и вытер губы и руки салфеткой [◊] (АК2)
- 16–17 послала Фетинью ~ горячих блинков / а. послала с этим Фетинью, да с тем вместе приказала принести еще горячих блинков; б. послала Фетинью, в то же время приказала принести еще горячих блинков ^{*} [◊] (АК2)

- 16–17 горячих блинков / горячих блинов (АК4, МД1, МД2)
 19 принимаясь за принесенные горячие / принимаясь за вновь принесенные горячие [◊] (АК2)
 22 проговорила она / вскрикнула она (АК2); вскрикнула она [◊] (АК3)
 24 Заложат ~ заложат. / Заложит, матушка, заложит. (АК2, АК3, АК4)
 24 скоро закладывают / скоро закладывает (АК2)
 25 пожалуста / пожалоста (АК4)
 32 понадобится еще птичьих перьев / понадобится птичьих перьев (АК3, АК4, МД1, МД2)
 32–33 к Филиппову посту / к Петрову дню [◊] (АК2)
 39–40 Рассказать-то мудрено / Рассказать мудрено (АК2, АК3, АК4)

С. 56

- 6–7 Коробочка, успокоившись / Коробочка успокоилась (АК3)
 7–16 что было во дворе ее ~ Коробочка стоит / а. что было во дворе у нее, и мало-помалу совершенно переселилась в хозяйственный мир свой, пристально вперила глаза на ключницу, как будто бы хотела что-то сказать ей, обратила внимание на приближавшегося к крыльцу мужика, нетерпеливо желая знать, о чем донесет и что скажет мужик. А вот что скажет мужик... Но к чему знать нам, что скажет мужик, да и зачем так долго заниматься Коробочкой? Манилова ли, Коробочка ли, к чему в них пристально всматриваться? Хозяйственная ли жизнь или не хозяйственная, зачем их сравнивать, лучше мимо и быстрее проходить все. Иначе веселое мигом обратиться в грустное, если только долго остановиться перед ним, и Бог знает, какие тогда набредут мысли, может быть, наконец, даже станешь думать, да точно ли Коробочка стоит; б. (кар.) В варианте а. слова: только долго остановиться — заменены на: застоишься; в. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
 7 что было во дворе ее / что было во дворе (АК2); что было в дороге [◊] (АК3)
 9 побратиму с медом / побратиму с медом или иным чем [◊] (АК2); по<оставлено свободное место> с медом [◊] (АК3)
 9–10 и мало-помалу / [и в] и мало-помалу (АК2)
 10 в хозяйственную жизнь / в [до<машнюю?>] хозяйственную жизнь (АК2)
 10–11 Но зачем так долго / Но <оставлено свободное место> так долго [◊] (АК3)
 11 заниматься Коробочкой / а. заниматься [Коробочкой] [Ко<робочкой>]; б. нам заниматься ею (АК2); нам заниматься ею [◊] (АК3).
 13 дивно устроено / странно устроено (АК2, АК3, АК4)
 14 застоишься перед ним / засто<оставлено свободное место> перед ним [◊] (АК3)
 14–15 и тогда Бог знает что взбредет в голову / и [в голову] тогда Бог знает что взбредет в голову (АК2)

- 16–17 на бесконечной лестнице человеческого совершенствования / а. на бесконечной лестнице человечества; б. (кар.) на бесконечно-ступенной лестнице человечества [◊] (АК2); на бесконечной лестнице человеческого совершенствования (АК4, МД1, МД2)
- 20 сияющей медью / с сияющей медью [◊] (АК2)
- 20 красным деревом и коврами / а. красным деревом и коврами; б. красным деревом, коврами (АК2); красным деревом, коврами (АК3, АК4)
- 20–21 зевающей за недочитанную книгу / [с] зевающею за недочитанной книгой [◊] (АК2); зевающей за недочитанной книгой (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 22–23 где ей предстанет ~ мысли, занимающие / а. где ей предстанет поле блеснуть и объявить вытверженные мнения и мысли, занимающие; б. где предстанет [обширное] ей поле блеснуть умом и высказать вытверженные мысли, занимающие; в. Как в тексте, со следующим вариантом (АК2):
- 23 мысли, мысли, занимающие / мысли, занимающие (АК2); мысли, занимающие [◊] (АК3)
- 25–26 запутанных и расстроенных ~ хозяйственного дела / а. Текста нет; б. запутанных управителями, приказчиками и собственным незнанием дела (АК2); запутанных управителями, приказчиками и собственным незнакомым делом [◊] (АК3)
- 25 незнанию / незнанию (АК4)
- 26–27 а о том ~ модный католицизм / а. а о том, что делается во Франции; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 27 какое направление / [и] какое направление (АК2)
- 27 модный католицизм / католицизм^{**◊} (АК2)
- 27–28 Но мимо, мимо! зачем говорить об этом? / а. Но мимо, мимо. К чему наводить на то, что не пришло бы само собою?...; б. К чему вытаскивать(?) из колен, по какой ездят так долго люди, не давая труда рассматривать(?), правда ли она прямая или несет бог знает куда^{**}; в. Но мимо такие мысли! Зачем сбивать людей с колеи, в которую они въехали, [не размышляя] мало думая, прямо ли ведет колея, куда следует, или [или] несется бог знает куда в сторону. (АК2); а. Но мимо такие мысли, зачем сбивать людей (оставлено свободное место), в которую они въехали, мало думали, прямо ли ведут кол(не дописано), куда следует, или несется бог знает куда, в сторону; б. Но мимо, прочь такой вздор! [◊] (АК3)
- 28 Но зачем же среди / Но отчего же в середине [◊] (АК2)
- 29–30 сама собою, вдруг ~ струя / а. пронесется вдруг какая-то иная струя; б. [иногда] вдруг пронесится иная чудная струя (АК2); а. вдруг приносит иная чудная струя; б. сама собою вдруг принесется иная чудная струя (АК3); Как в варианте б. АК3 (АК4)
- 31 стал другим / а. иное означает лоб, как будто видят что-то глаза, и уже стал другим; б. иное означает лоб, в один миг ока стал другим (АК2); иное означает лоб, в один миг ока стал другим [◊] (АК3)

31–32 и уже другим светом осветилось лицо / а. и уже осветилось лицо;
б. и другим светом уже озарилось лицо*; в. и все осветилось (АК2);
и все осветилось [◊] (АК3)

38 Эй / Ей (АК2, АК3)

С. 57

3 помог взлезть девчонке на козлы / помог девчонке взлезть на козлы
(АК2); а. помог девчонке взлезть на козлы; б. помог взлезть на
козлы девчонке (АК3); помог взлезть на козлы девчонке (АК4)

7 был тяжеленек / был отчасти тяжеленек (АК2); был отчасти тяже-
ленек [◊] (АК3)

10 суров и с тем вместе / сурьезен и вместе (АК2); сурьезен и вместе [◊]
(АК3)

11–12 когда либо в чем провинился / как либо в чем провинился (АК2); как
либо в чем провинился [◊] (АК3)

15 был он молчалив / он был очень молчалив (АК2); он был очень мол-
чалив [◊] (АК3)

17 хотя чубарому коню / хотя серому коню (АК2); хотя серому коню [◊]
(АК3)

19 в руках словоохотного возницы / в руках его (АК2); в руках его [◊]
(АК3)

20–21 из угрюмых уст слышны были на сей раз / из уст угрюмого возницы
слышны были (АК2); из уст угрюмого возницы слышны были [◊]
(АК3)

22–23 сам гнедой ~ недовольны / самой соврасой и пристяжной гнедой
были несколько недовольны (АК2); а. самый соврасый и пристяж-
ной гнедой были несколько недовольны; б. самый гнедой и Заседа-
тель были недовольны (АК3); Как в варианте б. АК3 (АК4)

24 Чубарый / Серый (АК2); Серый [◊] (АК3)

33 девчонка / девушка (АК3, АК4)

35 девчонка / девочка (АК3, АК4)

35 показавши рукою / [у] показавши рукою (АК2); показывая рукою
(АК3, АК4, МД1, МД2)

36 сказал Селифан / отвечал Селифан (АК2); отвечал Селифан [◊]
(АК3)

40 отяжелило экипаж / а. отяжелило бричку; б. отяжелило [пово(зку?)]
экипаж (АК2)

С. 58

2 они не могли выбратсья / Чичиков не мог выбратсья (АК2); Чичиков
не мог выбратсья [◊] (АК3)

3 было бы трудно сделать и это / а. весьма трудно было бы сделать и
это; б. было бы трудно даже и это * [◊] (АК2)

5 их высыплют / их высыпят (АК2); их высыпят [◊] (АК3)

5–6 Селифану довелось ~ не по своей вине / а. Селифану, может быть,
опять пришлось бы поколесить не по своей вине; б. Селифан, веро-
ятно, поколесил вновь * [◊] (АК2)

- 12 помог ей ~ сквозь зубы / а. помог девчонке сойти, сказав ей; б. помог ей сойти, сказав сквозь зубы (АК2); помог ей сойти, сказав сквозь зубы \diamond (АК3)

⟨Глава IV⟩

С. 59

- 3 чтоб дать / чтобы дать (АК2, АК3, АК4)
4 чтоб и самому / чтобы и самому (АК2, АК3, АК4)
4–5 закусить и подкрепиться / подкрепиться и закусить \diamond (АК2)
9 сочинить на послезавтра / сочинить послезавтра \diamond (АК2)
14–15 ломоть осетра ~ колбасу / какую-нибудь запеканную колбасу (АК2); какую-нибудь запеканную колбасу \diamond (АК3)
17–19 и стерляжья уха ~ с сомовьим плёсом / и горячие щи шипят и ворчат у них меж зубами (АК2); а. и горячие щи шипят и ворчат у них меж зубами; б. все равно: горячие щи шипят и ворчат у них меж зубами; в. Как в тексте, со следующим вариантом (АК3):
18–19 с сомовьим плёсом / с сомовым плёсом (АК3)
20 Не один господин / И не один господин (АК2); Н не один господин (АК3 — так в рукописи); И не один господин (АК4)
21–22 пожертвовал бы ~ половину душ крестьян и половину имений / пожертвовал бы сию же минуту половиною душ крестьян и половиною имений (МД2)
25–27 ни за какие деньги ~ средней руки / ни за какие деньги не приобрел такого желудка, какой есть у господина средней руки \diamond (АК2)

С. 60

- 3 резко и живо пестрили / несколько пестрили \diamond (АК2)
5 наверх / наверх (АК3)
5–6 После: в широкие сени — *зачеркнуто*: озаренные светом, проходившим сквозь щели в стенах и досках (АК2)
6 он встретил / Чичиков встретил (АК2); Чичиков встретил \diamond (АК3)
6 со скрипом / со скрыпом (АК2, АК3)
7 и толстую старуху / и вместе с нею исходивший свет и толстую старуху (АК2); и вместе с нею и толстую старуху \diamond (АК3)
8 В комнате попались / В комнате встретили \diamond (АК2)
9–10 каких немало повыстроено / которых немало повыстроено \diamond (АК2); каких немало выстроено (АК4, МД1, МД2)
13 перед образами / пред образами (АК3, АК4, МД1)
15–17 наконец ~ до такой степени / а. наконец образа, убранные душистыми травами и гвоздиками, которые до такой степени все высохли; б. наконец натяканные за образами пучками душистые травы и гвоздики, высохшие до такой степени; в. наконец натяканные пучками за образами душистые травы и гвоздики, высохшие до такой степени \diamond (АК2)
25 принесла тарелку, салфетку / а. принесла тарелку, салфетку; б. (кар.) принесла тарелку и салфетку (АК2)

- 26 дыбилась, как засохшая кора / дубилась, как засохшая кора (АК2, АК3, АК4)
- 26–27 потом нож / а. нож; б. (кар.) потом принесла нож [◊] (АК2)
- 28–29 никак нельзя было поставить / трудно было поставить [◊] (АК2)
- 32 с ними ли живут сыновья / с ними ли живут и сыновья (АК2, АК3, АК4)
- 35 мало подарков получил / немного подарков получил (АК2); немного подарков получил [◊] (АК3)
- 37 узнать, какие в округности находятся у них помещики / узнать, заезжают ли помещики в трактир и какие в округности находятся у них помещики [◊] (АК2)
- 38–39 Чепраков полковник, Собакевич / Чепраков, полковник, Собакевич (АК2); Чепраков, полковник Собакевич (АК3, АК4)
- 39–40 спросил он / спросил он с более живым участием [◊] (АК2)

С. 61

- 1 Манилов будет повеликатней / Манилов куды повеликатней [◊] (АК2)
- 5 подбавки потребует / надбавки потребует (АК2); а. подбавки потребует; б. надбавки потребует (АК3); надбавки потребует (АК4)
- 6 Когда он / Когда Чичиков (АК2); Когда Чичиков [◊] (АК3)
- 6–7 кушая поросенка ~ последний кусок / а. кушая в то же время поросенка, которого оставался уже один последний кусок; б. (кар.) кушав поросенка, которого оставался уже последний кусок; в. продолжая в то же время заниматься поросенком, которого уже оставался один последний кусок, поднятый на вилку и омокнутый в хрен (АК2); кушав поросенка, которого оставался уже последний кусок [◊] (АК3)
- 8 подъехавшего экипажа / какого-то подъехавшего дорожного экипажа (АК2); какого-то подъехавшего дорожного экипажа [◊] (АК3)
- 9 перед трактиром / пред трактиром (АК3, АК4)
- 9 легонькую бричку / а. легинькую бричечку; б. легинькую бричку (АК2); легинькую бричку [◊] (АК3)
- 12–13 просто в полосатом архалуке / а. Как в тексте; б. в полосатом стеганом архалуке (АК2)
- 14–15 с изорванными хомутами и веревочной упряжью / с поистертыми хомутами (АК2); с поистертыми хомутами [◊] (АК3)
- 16 наверх / наверх (АК3)
- 17 разговаривая тут же со слугою / разговаривая со слугою [◊] (АК2)
- 17–18 и махая ~ коляске / а. Как в тексте; б. и в то же время живо махая ехавшей за ними коляске (АК2)
- 21–22 или, что называют, издержанный / а. и несколько поиздержанный; б. несколько поиздержанный (АК2); и несколько поиздержанный [◊] (АК3)
- 22 По загоревшему лицу его / По загоревшей физиономии [◊] (АК2)
- 23 что он знал / что знал (АК2, АК3, АК4)
- 25 на что последний ответил тем же / Чичиков тоже ответил поклоном [◊] (АК2)

- 26–27 разговорились и хорошо познакомились между собою, потому что уже начало / а. разговорились и хорошо познакомились между собою, потому что уже начало; б. Как в тексте; в. разговорились и познакомились, потому что начало; г. (кар.) разговорились и познакомились бы, потому что начало (АК2)
- 29–30 и теперь ехать и прохладно и приятно / а. Как в тексте; б. и ехать сделалось прохладно и приятно (АК2)
- 30–31 сбросив с головы ~ взъерошив / а. сбросив с головы на стол картуз свой и взъерошив; б. Как в тексте; в. (кар.) сбросил с головы на стол картуз свой, молодцевато взъерошив (АК2)
- 33–34 с белыми, как снег, зубами / с белыми зубами (АК2); с белыми зубами [◊] (АК3)
- 37 расставив обе руки / расставив руки (АК2, АК3, АК4)
- 37–38 при виде Чичикова / когда увидел Чичикова [◊] (АК2)

С. 62

- 4 продолжал далее / продолжал (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 4 А я, брат / Я, брат [◊] (АК2)
- 4–5 Поздравь: продулся в пух! / а. Ну, братец, как продулся!; б. Поздравь меня, продулся в пух! (АК2); Поздравь меня, продулся в пух! (АК3, АК4)
- 7–8 тот чуть не ударился / тот несколько ударился [◊] (АК2)
- 9 я уже пересел / я уже перелез (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 9–10 Говоря это ~ товарища. / Здесь он указал на белокурого своего товарища. [◊] (АК2)
- 10 указал пальцем / показал пальцем (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 14 убухал четырех рысаков — просто все спустил / убухал четырех рысаков, которых привел было с тем, чтобы продать, но даже четверню собственную, на которой приехал, спустил [◊] (АК2); убухал четырех рысаков, все спустил (АК3, АК4); убухал четырех рысаков — все спустил (МД1, МД2)
- 14 Ведь на мне нет / а. Ей Богу! Ведь на мне нет; б. На мне нет (АК2); На мне нет [◊] (АК3)
- 20 что отыграл бы / что отыграл (АК2, АК3, АК4)
- 21 сейчас положил бы / как ни в чем не бывало положил бы [◊] (АК2)
- 22 Ты, однако же, и тогда / а. Ты и тогда; б. (кар.) Ты, однако ж, т(огда) [◊] (АК2); Ты, однако, и тогда (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 23 тут же просадил их / тот же час проиграл их [◊] (АК2)
- 24 И не просадил бы! ей-богу, не просадил бы! / И тогда бы выиграл, ей-богу, выиграл [◊] (АК2)
- 25 право, не просадил бы / а. ей-богу, выиграл бы; б. ей-богу, не просадил бы (АК2); ей-Богу, не просадил бы [◊] (АК3)
- 25–26 Не загни я ~ утку / а. Не ставь я девятку, а поставь даму, как было и хотел сделать; б. Не загни я после пароле [утку] на проклятой семерке утку (АК2)
- 28 загнул утку не вовремя / а. я сам был виноват; б. загнул утку, не дождавшись [◊] (АК2)
- 28–29 А ты думаешь / Небось, ты думаешь [◊] (АК2)
- 32–33 Нет, вот попробуй ~ игрок! *вписано со следующим вариантом (АК2):*

- 32 играть дублетом / играть [Нет, по(пробуй?)] дублетом (АК2)
 33 После: брат Чичиков — *зачеркнуто*: сказал он, обратившись к нашему Герою (АК2)
 34 После: в первые дни! — *зачеркнуто*: То есть так покутили, что разлюлю только. (АК2)
 34 Правда, ярмарка / Правда, что ярмарка ◊ (АК2)
 36–37 После: выгоднейшей цене — *зачеркнуто*: прекрасно, брат, словом, так никогда еще не продавали (АК2)
 37 Теперь даже / Верить, что даже теперь ◊ (АК2)

С. 63

- 3 Принеси-ка, брат / Принеси-ка, братец ◊ (АК2)
 4 Поручик Кувшинников / Поручик <оставлено свободное место> ◊ (АК3)
 5 вот уж, можно сказать, во всей форме кутила / Вот уж кутили, так можно сказать, что во всей форме кутили ◊ (АК2)
 6 Какого вина / Каково вино; Каков вино ◊ (АК3)
 7–8 в вино мешает / в вино он мешает ◊ (АК2)
 8–9 сандал ~ затирает / сандал и даже бузиной затирает ◊ (АК2)
 11 ну просто ~ в эмпиреях / так просто, братец, только губки облизывай ◊ (АК2)
 12–13 что пред ним ~ не клико / а. какого у губернатора тебе не дадут: не клико; б. [что у губернатора] [пред] что пред ним губернаторское — далее, как в тексте (АК2)
 14 одну бутылочку французского / а. одну только бутылочку какого-то французского; б. одну бутылочку какого-то французского (АК2); одну бутылочку какого французского ◊ (АК3)
 15 Запах? розетка / Запах, братец, такой: и розетки ◊ (АК2)
 15–16 Уж как покутили!.. / То есть уж как покутили!.. ◊ (АК2); Уж так покутили!.. (АК3, АК4, МД1, МД2)
 18–19 семнадцать бутылок / 17 бутылок (АК2, АК3, АК4))
 20 Ну, семнадцать бутылок / Ни семнадцати бутылок (АК2); Ни семнадцати бутылок ◊ (АК3)
 25 что ты и десяти не выпьешь / что и десяти не выпьешь (АК4, МД1, МД2)
 26 что выпью? / что выпью, — сказал Ноздрев (АК2); а. что выпью Ноздрев (так в рукописи); б. что выпью (АК3)
 30 Ну да поставь, попробуй! / а. Как в тексте; б. (кар.) Ну да попробуй, однако ж. (АК2)
 33 то есть как я жалел / т.е. как я жалел (АК2, АК3)
 36 за каждую копейку / за каждую карту (АК2, АК3, АК4)

С. 63–64

- 37–2 Эх, Чичиков ~ en gros. / а. Ну зачем ты, право, не был? Карет, веришь ли, какая гибель, и все это такое ан-гро.; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):

С. 63

- 37–38 Эх, Чичиков, ну что бы тебе стоило / а. Эх, право**; б. Эх, Чичиков, [Чичиков, ну что бы] душа, что бы тебе стоило (АК2); Эх, Чичиков, думай, что бы тебе стоило ◊ (АК3)

- 39 поцелуй / поцалуи (АК2, АК3, АК4)
 39 смерть люблю тебя / Я тебя смерть люблю (АК2); я тебя, знаешь, люблю \diamond (АК3)
 40 Мижуев, смотри / Вот, Мижуев, смотри (АК2); Вот, Мижуев, смотри \diamond (АК3)

С. 64

- 1–2 А сколько, брат, было карет / [Карет] А сколько, брат, было карет (АК2); А сколько было, брат, карет (АК3, АК4, МД1, МД2)
 2 и все это еп грос / и все это *(оставлено свободное место)* \diamond (АК3)
 4 и прокрутил / и прокутил (АК4, МД1, МД2)
 4–5 еще своих шесть целковых / еще сверх шесть целковых (АК4, МД1, МД2)
 5 А какой, если б ты знал / А какой, брат \diamond (АК2)
 6 на всех почти балах / на всех почти балах и в театре \diamond (АК2)
 6 Одна была такая разодетая / Одна была, братец, такая разодетая \diamond (АК2)
 6–7 рюши на ней ~ чего не было... / а. перья на ней, газы и тюли разные...; б. рюши и трюши* \diamond (АК2)
 7 я думаю только себе / я думаю себе только (АК4, МД1, МД2)
 10 простых баб не пропустил / что даже простых баб не пропустил \diamond (АК2)
 14–21 А я к человечку ~ к Собакевичу. / а. «Теперь я еду... есть одно нужное дело», — отвечал Чичиков. — «Вздор, вздор, братец, что за дело, едем ко мне». — «Не могу, право, не могу». — «Ей-богу, врешь». — «Нет, не шутя говорю». — «Т.е. я готов биться о чем угодно, что врешь. Ну посмотрим нарочно: ну скажи, куда едешь?»; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
 14 А я / Я еду* \diamond (АК2)
 14 к человечку к одному / к человеку одному (АК4)
 15 едем ко мне / поедем ко мне (АК4, МД1, МД2)
 17–18 Оподельдок эдакой Иванович / Оподельдок Иванович (АК3, АК4); Оподелдок Иванович (МД1, МД2)
 19 Право, дело, да еще и нужное. / «Право, дело, да еще и нужное». — «Ну [право, в] вот же, право, врешь, ненужное». — «Не шутя». (АК2); «Право, дело, да еще и нужное». — «Ну вот же, право, врешь, ненужное». — «Не шутя». (АК3); «Право, дело, да еще и нужное». — «Не шутя». (АК4)
 22–32 Здесь Ноздрев ~ сказал Чичиков. / а. Здесь Ноздрев начал хохотать во все горло. — «Что ж тут смешного?» — сказал Чичиков, несколько недовольный таким громким смехом. — «Если б я не знал твоего характера, так мог бы подумать еще, что правда. Ну что вы с ним будете делать?» — «Как что? я обещал его посетить, дал слово.»; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
 23–24 у которого ~ зубы / у которого [все ещ(е)] при таком действии все до [одного] последнего выказываются белые снег зубы (так в рукописи — АК2); у которого при том действии все до последнего выказываются белые, как снег, зубы \diamond (АК3)

- 25–26 вскидывается со сна ~ разобрало!» / вздрагивает [вздремнувший на диване] [с]просонья, всхрапнувши на диване (АК2); а. вздрагивает просонья *(так в рукописи)*, всхрапнувши на диване; б. вскидывается [в] со сна, вытаращив очи (АК3); а. вскидывается со сна, вытаращив очи; б. вскидывается со сна, вытаращив очи, и [наконец] произносит: «Эк его рассмеялся!» (АК4)
- 29 продолжал хохотать во все горло / продолжал [сме(я)ться] хохотать во [всю глотку] (АК2); продолжал хохотать во [◊] (АК3)
- 34 это просто жидомор! / Это просто жид. (АК2); Это просто жид. [◊] (АК3)
- 34–35 жестоко опешишься / жестоко *(оставлено свободное место)* [◊] (АК3)
- 37 поедем-ка сейчас ко мне / поедем ко мне (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 37 балыком попотчую / а. балыком попотчеваю. Так масло и каплет, сквозь четыре бумаги жир прошел.; б. балыком попотчеваю (АК2); балыком попотчеваю (АК3, АК4)

С. 65

- 4, 8 Эй / Ей (АК2, АК3, АК4, МД1, МД2)
- 10–11 Краденой, ни за самого себя не отдавал хозяин. / Краденой, брат! За миллион не отдавал хозяин [◊] (АК2)
- 11–13 Я ему сулил ~ ни Хвостырева. / Я уж отдавал ему за него свою коляску и чалую кобылу, которую ты знаешь... [◊] (АК2)
- 16 как покутили / как покурили (АК4)
- 16–17 Впрочем, давай рюмку водки / а. Дай уж, чорт тебя побери, рюмку водки; б. впрочем, дай рюмку водки (АК2); впрочем, дай рюмку водки (АК3, АК4)
- 20 Дай уж / Давай уж (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 21 как канарейка! / как канарейка», — продолжал Ноздрев [◊] (АК2)
- 28–29 стеганом ~ позамасленней / стеганом на вате (АК2); стеганом на вате [◊] (АК3)
- 31–32 во все четыре лапы / на все четыре лапы (АК4, МД1, МД2)
- 35 не сделал того / не делал того (АК2, АК3, АК4)

С. 66

- 9–10 примолвивши: «Да, хорошая / примолвивши, что хорошая (АК2, АК3, АК4)
- 12 Не желая обидеть ~ сказавши / а. Чичиков, не желая обидеть его, взял и за нос также и сказал, что; б. *Как в тексте, со следующим вариантом* (АК2):
- 12 Чичиков взял и за нос / Чичиков взял щенка(?) и за нос * [◊] (АК2)
- 14 Настоящий мордаш / Чистой Медеян [◊] (АК2)
- 15 на мордаша / на доброго медеяна [◊] (АК2)
- 19 пять верст всего / Ведь пять верст только [◊] (АК2)
- 21–25 «А что ж ~ время дорого». / а. Чичиков подумал про себя таким образом: «Ноздрев малой разбитной, к тому ж и помещик, да еще и проигрался, из этого кое-что можно извлечь. Ну поедем, — сказал он, — чур не задержать только, мне время нужно»; б. *Как в тексте, со следующими вариантами* (АК2):

- 21 заеду я / Поеду-ка я (АК2); а. предумая (так в рукописи); б. заеду-ка я (АК3); заеду-ка я (АК4); заеду и (МД2)
- 22 такой же человек / [он] таков же человек (АК2, в слове таков последняя буква написана неразборчиво); такой же человек (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 23–24 Горазд он ~ выпросить». / а. [Он все] Когда он горазд на все, то, верно, горазд и сбыть с рук все, что хочешь; б. он горазд, как видно, на все, стало быть, горазд сбыть с рук все, что хочешь (АК2); а. он горазд, как видно, на все, стало быть, горазд сбыть с рук все, что хочешь; б. Горазд он, как видно, на все, стало быть, у него даром можно выпросить (АК3); Горазд он, как видно, на все, стало быть, у него даром можно выпросить (АК4)
- 26 вот это так! Вот это хорошо / вот это так! (АК2, АК3, АК4)
- 27 поцеловались / крепко поцеловались (АК2); крепко поцеловались [◊] (АК3)
- 28 втроем и покатим / втроем так и покатим [◊] (АК2)
- 35–36 на первый взгляд есть какое-то упорство / есть на первый раз упорство [◊] (АК2)
- 38 явно противоположно / явно противоречит [◊] (АК2)

С. 67

- 3 словом ~ кончат гадью / а. И часто видел в природе давний раздор между словами: «вблизи и вдали» и много, очень много разницы великой между первым и вторым взглядом, обращенным на один и тот же предмет; б. Слов нет, на полях рядом с зачеркнутым вариантом а. поставлен знак вопроса (АК2); Слова вписаны (АК3)
- 5 надел ему на голову картуз / и надел ему на голову картуз [◊] (над словом ему едва заметно вписано карандашом: сам; возможно чтение: надел сам ему на голову картуз — АК2)
- 11 двугривенник всего / двугривенничек всего (АК2, АК3, АК4)
- 11–12 отвечала старуха / сказала старуха [◊] (АК2); сказала старуха (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 13 предовольно с нее / и предовольно с нее (АК2, АК3, АК4)
- 14–15 взяла деньги с благодарностию / взяла деньги, и с благодарностию (АК3)
- 15–16 отворять им дверь / отворить им двери (АК2); отворить им двери [◊] (АК3)
- 19 и его зять / и его гость (АК2, АК3)
- 19–20 могли очень свободно / могли свободно (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 25–27 сделаем лучше ~ в нашей поэме / мы сделаем лучше, если займемся в это время характеристикой Ноздрева, лица, которое, как увидит впоследствии читатель, будет играть немаловажную роль в нашей поэме [◊] (АК2)
- 28–32 Лицо Ноздрева ~ больно поколачиваемы. / а. Есть много на Руси людей, которых обыкновенно называют разбитными малыми, которые слынут еще в детстве и в школе за хороших товарищей, но которых, однако ж, весьма часто и даже довольно больно поколачивают.; б. Таких людей, верно, встречал всякой из нас на веку своем,

- верно, всякой уже знает, что их называют разбитными малыши, что они слышат еще в детстве и в школе за хороших товарищей и что их, однако ж, при всем том весьма больно поколачивают**[◇] (АК2)
- 33 Они скоро знакомятся / Они чрезвычайно скоро знакомятся[◇] (АК2)
- 33 и не успеешь оглянуться / а. а не успеешь оглянуться; б. (кар.) не успеешь оглянуться (АК2); а не успеешь оглянуться[◇] (АК3)
- 33 как / так (АК3, АК4)
- 34 Дружбу заведут, кажется, навек / Дружбу заведут такую, как будто на столетие[◇] (АК2)
- 36–37 Они всегда ~ народ видный. / Они всегда почти бывают говоруны, кутилы, лихачи и народ видной из себя.[◇] (АК2)
- 38 в осмнадцать и двадцать / в 18 и в двадцать (АК2); в 18 и двадцать (АК3, АК4)
- 38 охотник погулять / Веселой малой, охотник погулять.[◇] (АК2)
- 40 оставивши двух ребятишек / оставивши ему двух ребятишек[◇] (АК2)
- С. 67–68
- 40–1 были ему не нужны / ему были не нужны (АК3, АК4, МД1, МД2)
- С. 68
- 2–6 Дома он ~ к картишкам. / а. Будучи владельцем двух деревень, своей и жениной, он при всем том никогда не просиживал более одного дня дома. Как только где была ярмарка или какой-нибудь модной съезд, вечеринка или бал, нос ли уж у него такой был чуткой, или сама судьба это так судила по пословице: «На ловца зверь бежит», только не успеешь поворотиться, смотришь, и Ноздрев уже стоит, или споря довольно жарко, или бился об заклад, или заводил сумятицу за зеленым столом. Потому что Ноздрев, как и все почти такого рода люди, имел страстишку к картишкам.; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 2 не мог усидеть / не мог высидеть (АК2); не мог сидеть (АК3, АК4)
- 4 он уж ~ был там / а. Он уж был в мгновение ока там; б. Он уж был в одно мгновение ока там (АК2); Он уж был в одно мгновение ока там[◇] (АК3)
- 4–5 спорил и заводил сумятицу / Спорил, заводил сумятицу (АК2, АК3, АК4)
- 5–6 ибо имел, подобно всем таковым, страстишку к картишкам / а. потому что был, как все таковые, охотник** б. ибо [был] ибо имел — далее, как в тексте (АК2)
- 6–9 как мы уже видели ~ часто оканчивалась / а. как мы уже видели у прокурора, играл он не совсем чисто. Он знал очень много разных фокусов, передержек и множество других тонкостей. Но удивительнее всего, что, несмотря на ловкость и живость, всегда случалось каким-нибудь странным образом (или уже такая судьба его была), что эти фокусы как-то обрывались, как будто бы сам сатана отдвигал вдруг ширмы, за которыми они творились и показывал присутствующим весь их механизм, и потому эти банчики всегда почти оканчивались; б. Как в тексте, со следующим вариантом (АК2):

- 8–9 часто оканчивалась / часто окончивалась (АК2); часто окончивалась \diamond (АК3)
- 9–10 или же задавали / или задавали \diamond (АК2)
- 12 Но здоровые и полные щеки / Но здоровье и полные щеки (АК2, АК3, АК4)
- 14 бакенбарды скоро выросли вновь / в непродолжительном времени бакенбарды выросли вновь \diamond (АК2)
- 16 он через несколько времени / что через несколько времени он, глядь \diamond (АК2)
- 19 Ноздрев был ~ человек. / Чтобы выразиться вернее, Ноздрев был исторический человек. \diamond (АК2)
- 21 Какая-нибудь история непременно происходила / какая-нибудь история, но непременно случалась \diamond (АК2)
- 27 И наврет / И врет (АК2); а. И врет; б. И врал (АК3); И врал (АК4)
- 27 вдруг расскажет / Расскажет (АК2); Рассказать \diamond (АК3);
- 30–32 начал пули лить». ~ без всякой причины. / а. начал *(оставлено место для одного-двух слов)*. Всякой знает, что есть много на свете людей, которые имеют страстишку кому-нибудь да нагадить, хотя бы в этом и не было большой нужды, но без этого уж как-то неловко. И люди такие встретятся не только в рядах пониже, но весьма часто между самыми просвещенными, самыми образованными людьми, даже занимающими почетные должности; б. *Как в тексте, со следующим вариантом* (АК2):
- 31 страстишку нагадить ближнему / страстишку — ближнему *(так в рукописи — АК2)*; страстишку ближнему \diamond (АК3)
- 32 даже человек в чинах / человек уже в чинах \diamond (АК2)
- 34 разговорится с вами о предметах глубоких / разговорится с вами о материях высоких, предметах истинных, глубоких \diamond (АК2)
- 34–35 вызывающих на размышления / а. и призывающих на размышления; б. и вызывающих на размышления (АК2); и вызывающих на размышления \diamond (АК3)
- 35 пред / перед (МД2)
- 35–37 и нагадит вам ~ как человек / а. и нагадит вам, и притом нагадит таким образом и в таком размере, как коллежский регистратор, а не как человек; б. *Как в тексте, со следующим вариантом* (АК2):
- 35–36 и нагадит вам / нагадит вам (АК2, АК3, АК4)
- 37 со звездой / со звездою (МД2)
- 38 о предметах высоких и предметах, вызывающих на размышление / о предметах высоких и предметах, вызывающих размышление \diamond (АК2); о предметах, вызывающих на размышление (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 39 пожимая плечами / разинув рот (АК2); разинув рот \diamond (АК3)
- С. 69
- 1–3 распускал небылицу ~ не почитал себя / а. наделивши обыкновенно его какою-нибудь такою небылицею, что просто уши вянут. Но так как исстари замечено, что чем глупее и нелепее дичь, тем более

на нее бывает стрелков, то подобная небывалица всегда имела успех. Если он узнавал, что приятель его женится, то за день до свадьбы успевал родственникам невесты наболтать про жениха столько про его неспособности и разные небывалые связи, что те захлопывали дверь под нос изумленному искателю, никак не могшему постичь причины такой внезапной перемены. Если же узнавал, что приятель его готов совершить выгодную покупку, то являлся как снег на голову, набавлял цену, сам не покупал и расстроивал дело. И это вовсе не происходило оттого, чтобы он был какой-нибудь демон и смотрел на все черными глазами. Ничуть не бывало. Он смотрел на мир довольно веселыми глазами и сделанная им пакость никак не доставляла ему радости, но просто было что-то необходимое, как хлеб, без которого нельзя жить. Сделавши такое дело, он вовсе не почитал [вас] себя; б. Как в тексте, со следующим вариантом (АК2):

- ³ и вовсе не почитал / и вовсе не считал(?) [◇] (АК2)
³ вашим неприятелем / нашим неприятелем (МД2)
⁶ После: никогда ко мне не заедешь». — *зачеркнуто*: В поступках его много было завоевательного. Начнет склонять так настойчиво, что наконец сам не зная каким образом наконец соглашаешься на его просьбу. И не только люди в существе слабые, похожие характером на белокурого его зятя, но даже коротко знавшие его, называвшие его армейским, но удовлетворительным словом: черняк, упорно отвергавшие все его просьбы, эти же самые чрез несколько минут садились вновь играть с ним и потом чрез несколько минут, само собою разумеется, опять угощали его сапогами. (АК2)
- 7–9 то есть человек ~ какое хотите предприятие, менять / а. или попрос-ту: человек на все руки. Познакомившись с вами, он вам предлагал все, что угодно, ехать, куда желаете, и(?) прежде всего менять; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- ⁷ то есть человек на все руки / то есть в смысле: человек на все руки (АК2); то есть в смысле: человек на все руки [◇] (АК3)
- 8–9 хоть на край света / хотя на край света (АК3, АК4)
- ⁹ в какое хотите предприятие / в какое-нибудь предприятие (АК2, АК3, АК4)
- ¹¹ чтобы выиграть / чтобы выиграть что-нибудь [◇] (АК2)
- ¹² от какой-то неугомонной юркости и бойкости характера / от какой-то неугомонной деятельности и живости характера [◇] (АК2)
- 13–14 почастливилось ~ он накупал / почастливилось иногда и он напад-дал на такого молодца, которого мог обчистить кругом, оставивши ему одну только рубашку, тогда он накупал [◇] (АК2)
- ¹⁵ курительных свечек / курительных [◇] (далее оставлено свободное мес-то для одного-двух слов) [◇] (АК2)
- ¹⁷ пистолетов, сеledок, картин / пистолетов, картин [◇] (АК2)
- ¹⁸ фаянсовую посуду / поповских риз, фаянсовую посуду (АК2); попов-ских риз, фаянсовую посуду [◇] (АК3; правка в АК3, т.е. вычерк слов поповских риз, внесена карандашом, затем обведена черни-

- лами; под словами — небрежная пунктирная линия, которую можно истолковать и как знак восстановления зачеркнутого, и как знак, отмечающий первоначальный карандашный вычерк)
- 19–31 Впрочем, редко случалось ~ другим человеком. / а. Две или три телеги едва вмещали всю его покупку. Однако ж редко, очень редко случалось, чтобы все это довозил он в целости домой, но в тот же самый день спускал он их гораздо счастливейшему игроку, прибавив даже собственную трубку с кисетом и муштуком, а иногда и всю четверку, на которой приехал, с хомутами, коляской, кучером, со всем, и отправлялся в коротеньком сертучке искать какого-нибудь приятеля, чтобы попользоваться его экипажем и доехать с ним вместе. Вот каков был Ноздрев. Еще бы можно кое-что прибавить, но, впрочем, мы с ним встретимся еще не один раз; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 19 чтобы это было / чтобы все это было (АК2, АК3, АК4)
- 20 спускалось оно все другому / спускалось все другому (АК2, АК3, АК4)
- 23–24 в коротеньком сюртучке / а. в легиньком сертучке; б. в коротиньком сертучке (АК2); в коротеньком сертучке (АК3, АК4)
- 25 чтобы попользоваться его экипажем / чтобы попользоваться его экипажем и доехать с ним вместе (АК2); чтобы попользоваться его экипажем и доехать с ним вместе [◊] (АК3)
- 25 Вот каков был Ноздрев! / Вот какой был Ноздрев (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 27 теперь уже нет Ноздревых / а. теперь уже нет Ноздрев (окончание фамилии — неразборчиво); б. теперь уже нет Ноздрева (АК3 — вероятнее всего, исправление сделано рукой неустановленного лица); теперь нет уже Ноздрева (АК4, МД1, МД2)
- 27–28 несправедливы будут ~ говорить так / несправедливы Читатели! (АК2); несправедливы читатели [◊] (АК3)
- 28 Ноздрев долго еще не выведется / Ноздрев есть и долго еще не выведется [◊] (АК2)
- 29 Он везде между нами / Он есть (АК2); он и то [◊] (так в рукописи — АК3)
- 30–31 но легкомысленно-непроницательны ~ в другом кафтане пропущено и вписано (АК3)
- 32–33 экипажи подкатили уже к крыльцу дома Ноздрева / экипажи достигли его деревни. Было три часа, когда они вступили в господские комнаты. [◊] (АК2)
- 33–34 В доме не было ~ принятию. / В доме решительно не было никакого приготовления. [◊] (АК2)
- 34 Посередине / Посредине (АК2, АК3, АК4)
- 35–36 бесконечную песню / бесконечную песню, состоявшую из двух гласных: а и о [◊] (АК2)
- 37 мужиков и козлы вон / мужиков и козлов вон (АК2); мужиков и козлов вон [◊] (АК3)

- 39 сообразив это, Чичиков / а. Сообразивши все эти обстоятельства, Чичиков; б. Сообразивши это (АК2); сообразивши это \diamond (АК3)
- 40 увидел, что раньше / увидел ясно, что раньше \diamond (АК2)
- С. 69–70
- 40–1 они не сядут за стол / он никак не мог обедать \diamond (АК2)
- С. 70
- 1 Ноздрев, возвратившись, повел гостей / а. Ноздрев, возвратившись, тот же час повел гостей своих; б. Ноздрев, возвратившись, повел тот же час гостей \diamond (АК2)
- 2 в два часа / в 2 часа (АК2, АК3)
- 3 ничего уж больше / ничего уже больше (АК2, АК3, АК4)
- 5 каурую / чалую \diamond (АК2)
- 8–9 Он и одной не стоит. / он и одной тысячи не стоит \diamond (АК2)
- 14 не захотел биться / не хотел биться (АК2, АК3, АК4)
- 16 тоже хорошие / а. очень тоже хорошие; б. тоже очень хорошие (АК2); очень тоже хорошие \diamond (АК3)
- 18 который, как казалось / и который, как казалось (АК2); и который, как казалось \diamond (АК3)
- 19 как у себя дома / как будто у себя дома \diamond (АК2)
- 20 сказал он / сказал он своим гостям \diamond (АК2)
- 22 *После: совершенным зверем!*» — *зачеркнуто*: После этого повел он их в амбар показывать одеяло, сшитое из натравленных им зайцев. (АК2)
- 25–27 «Я тебе, Чичиков ~ игла!» / а. «Я тебе, Чичиков, покажу теперь пару щенков самой чистой псовой породы», — сказал Ноздрев; б. *Как в тексте, со следующим вариантом* (АК2):
- 26–27 крепость черных мясов ~ изумление / крепости в черных мясах непостижимой (АК2); крепости в черных мясах непостижимой \diamond (АК3)
- 27–28 к выстроенному ~ домику / к низенькому домику \diamond (АК2)
- 29 Вошедши на двор / Вошедши в этот двор \diamond (АК2)
- 29–38 увидели там ~ с ними здороваться / а. увидели там Разбоя, Разора, Насатку, Красотку, Птицу, Змейку, которые, пустивши мельницами хвосты, побежали во весь галоп к ним навстречу и начали здороваться с ними совершенно без всякой церемонии; б. *Как в тексте, со следующими вариантами* (АК2):
- 32 черноухих, сероухих... / черноухих, сероухих [...] [и] [и проче(е)]... (АК2)
- 33–34 порхай / Слова нет (АК2); Слово вписано (АК3)
- 37 полетели прямо навстречу / [они] полетели прямо [к ним, навстречу] навстречу (АК2)
- 38 стали с ними здороваться / стали [здор(оваться)] с ними здороваться (АК2)
- 39 Обругай / Разбой \diamond (АК2)
- С. 71
- 1–3 Осмотрели собак ~ были собаки. / Осмотрели щенков — хорошие были щенки. \diamond (АК2)
- 3 осматривать крымскую суку / осматривать суку \diamond (АК2)

- 4 скоро слдохнуть / скоро издохнуть (АК4, МД1, МД2)
- 5–6 осмотрели и суку / Осмотрели суку (АК2); осмотрели суку [◊] (АК3)
- 6–9 пошли ~ русского мужика / а. пошли осматривать водяную мельницу с изломанным камнем, осмотрели и мельницу; б. Как в тексте, со следующим вариантом (АК2):
- 7 недоставало порхлицы / недоставало порулиц [◊] (так в рукописи — АК3)
- 8 верхний камень / в реки камень [◊] (так в рукописи — АК3)
- 9 выражению русского мужика / выраженью русского мужика (АК2); Слова вписаны на оставленном свободном месте (АК3)
- 13 русаков ~ не видно / зайцев такое множество, что просто земли не видно [◊] (АК2)
- 14 поймал одного / поймал одного из них [◊] (АК2)
- 14–16 «Ну, русака ~ отвечал Ноздрев. / «Ну, зайца ты руками не поймаешь», — заметил зять. — «Ей Богу поймал, — отвечал Ноздрев, — хочешь, я тебе даже покажу, пришедши домой, с него шкурку». [◊] (АК2)
- 23–26 Сначала они ~ меньшая грязь. / а. Чичиков, который ступал сначала осторожно, чтобы не загрязнить своих сапогов, наконец увидел, что это ни к чему не служит, и брел прямо; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 23–24 Сначала они было / Гости сначала было (АК2); Гости сначала было [◊] (АК3)
- 24–25 увидя, что это / увидевши, что это (АК2); увидевши, что это [◊] (АК3)
- 28–29 Все, что ни видишь / все, что ни видим (АК2); а. все, что ни видим; б. все, что ни видишь (АК3)
- 30 который вон синее / который, видим мы, там синее [◊] (АК2)
- 30 все, что за лесом / все это за лесом (АК3, АК4)
- 30 все мое / все это мое (АК2); мое [◊] (АК3)
- 37 был в это время / был в то время (АК3, АК4, МД1, МД2)
- С. 71–72
- 38–2 Эх ты Софрон! ~ покачал головою. / а. Ну да; без меня тут мой приказчик и купил; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- С. 71
- 38 Эх ты Софрон! / Эх ты [Совро(н?)] Софрон (АК2)
- 38–39 ярмарке / ярманке (АК2)
- С. 72
- 2 и покачал головою / и качал головою (АК2); и качал головою [◊] (АК3)
- 2 Гости возвратились / Гости воротились (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 3–6 кабинет, в котором ~ восемьсот рублей / а. кабинет и небольшую в соседстве с ним комнатку, где показал им ружья, тоже с виду не очень казистые, но из которых одно стоило триста, а другое восемьсот рублей; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):

- 3–4 в котором, впрочем, не было / в котором не было [◊] (АК2)
- 5 висели только сабли и два ружья / висели [винтала^(?)] сабли, ружья (АК2); а. висели сабли, ружья; б. висели только сабли, ружья (АК3); висели только сабли, ружья (АК4);
- 6 Зять, обсмотревши / а. Зять, обсмотревши; б. (кар.) Зять, осмотревши (АК3); Зять, осмотревши (АК4, МД1, МД2)
- 7 покачал только головою / покачал головою (АК3, АК4)
Потом были показаны / Потом показал (АК2); Потом показал [◊] (АК3)
- 9–12 Вслед за тем ~ что-то случилось / а. Засим показал Ноздрев своим гостям шарманку и проиграл тут же перед ними несколько разных штук. Шарманка эта играла очень хорошо и имела весьма приятный голос, но в середине ее тоже случилось что-то особенное; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 10 Ноздрев, тут же ~ кое-что. / и тут же провертел пред ними Ноздрев кое-что. (АК2); и тут же провертел пред ними Ноздрев кое-что. [◊] (АК3)
- 10–11 Шарманка играла не без приятности / а. Шарманка была не без приятного голоса **; б. Шарманка [была] играла не без приятности (АК2)
- 11 но в середине ее / но в средине ее (АК4, МД1, МД2)
- 13 неожиданно завершался / а. в свою очередь тоже оканчивался; б. неожиданно завершался с своей стороны * [◊] (АК2)
- 14 каким-то давно знакомым / [давно] каким-то давно знакомым (АК2)
- 14–15 давно перестал вертеть / давно окончил играть [◊] (АК2)
- 15–16 одна дудка ~ она одна / а. одна дудка, чрезвычайно бойкая, которая никак не хотела перестать и долго еще после того свистела одна; б. одна дудка, чрезвычайно бойкая, никак не хотевшая угомониться и свистевшая долго еще одна * [◊] (АК2)
- 16–20 Потом показались ~ графинею / а. Потом показались гостям трубки, не так давно выигранный янтарный муштук (так в рукописи) и кисет, вишитый ему какою-то графинею; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 17–18 трубки деревянные ~ необкуренные / деревянные, глиняные, пенковые, обкуренные и необкуренные трубки [◊] (АК2)
- 17 пенковые / пеньковые (АК3)
- 19 с янтарным мундштуком / с янтарным муштуком (АК2); с янтарным муштуком [◊] (АК3, кар.)
- 19 и кисет / кисет (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 20–21 влюбившеюся в него по уши / а. влюбившейся в него по уши; б. влюбившеюся по уши (АК2); влюбившеюся по уши [◊] (АК3)
- 21 у которой ручки / и у которой ручки (далее вписано и зачеркнуто: самый) (АК2); и у которой ручки [◊] (АК3)
- 21–23 самой субтильной ~ совершенства / а. самый рассубтильный деликатес; б. самый субтильной сюперфлю, выражение, вероятно,

- означавшее высочайшую точку совершенства (АК2); а. самой субдительной *⟨оставлено свободное место⟩* вероятно, означавшее *⟨так в рукописи⟩* высочайшую точку совершенства; б. самой субдительной сюперфлю, слово, вероятно, означавшее высочайшую точку совершенства (АК3); самой субдительной сюперфлю, слово, вероятно, означавшее высочайшую точку совершенства (АК4); самой субдительной сюперфлю, слово, вероятно, означавшее у него высочайшую точку совершенства (МД1, МД2)
- 23 *Перед: Закусивши балыком — зачеркнуто: Потом Поздрев велел подать привезенного им балыка. (АК2)*
- 23 близ / близь (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 24–31 Обед, как видно ~ налег на вина / а. Блюда за столом не играли важной роли, и сам хозяин мало на них обращал внимания; зато очень заботился о винах; б. *Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):*
- 26 кое-что и вовсе не сварилось / кое-что вовсе не сварилось (АК2, АК3, АК4)
- 26–28 повар руководствовался ~ что попадалось под руку / повар руководствовался представившимися на ту пору обстоятельствами, [как бы(?)] клал первое, что попадалось (АК2); повар руководствовался представившимися на ту пору обстоятельствами, клал первое, что попадалось [◊] (АК3)
- 28 он сыпал перец / он сыпал [туда] перцу (АК2); он сыпал перцу [◊] (АК3)
- 28–29 капуста ли попалась / а. попадалась ли под руку капуста; б. капуста ли попалась под руку (АК2); капуста ли попалась под руку [◊] (АК3)
- 29 совал капусту / [он] совал [туда] капусту (АК2)
- 29 пичкал молоко / молоко (АК2); молоко [◊] (АК3)
- 30 было бы горячо / было бы хорошо [◊] (АК2)
- 31 он уже налил / он уж налил (АК3, АК4)
- 32 и по другому го-сотерну / и по другому го-сотерна (АК4, МД1, МД2 — в МД1 и МД2 нельзя исключать возможности слитного написания последнего слова, т.к. знак дефиса приходится на место переноса)
- 33 потому что в губернских и уездных городах / а. *Как в тексте;* б. в губернских и уездных городах [◊] (АК2)
- 33–34 простого сотерну / простого сотерна (АК4, МД1, МД2)
- 35–38 Мадера, точно ~ русские желудки. / а. Эта мадера была нестерпимо крепка, ибо купцы, зная уже вкус обитателей того округа, заправляли ее нещадно ромом и крепкою водкой.; б. *Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):*
- 37 заправляли ее беспощадно ромом / заправляли ее беспощадно родной (АК2); а. заправляли ее беспощадно родной; б. заправляли ее беспощадно водкой [◊] (АК3)

- 37–38 вливали туда и царской водки / а. подлива(ли) даже царской водки ** ; б. вливали и туда и царской водки (АК2); Как в варианте б. АК2 (АК3)
- 39 велел еще принесть / велел принесть \diamond (АК2)
- С. 73
- 1 Он наливал / Он подливал \diamond (АК2)
- 2–4 Чичиков заметил ~ быть осторожным / но сам показывал только для виду, будто наливает и пьет. Это Чичиков заметил и решился быть осторожным. \diamond (АК2)
- 4 и как только Ноздрев / Как только Ноздрев (АК2); Как только Ноздрев \diamond (АК3)
- 5 опрокидывал в ту же минуту / опрокидывал \diamond (АК2)
- 6–7 В непродолжительном времени ~ по словам Ноздрева / Ноздрев велел подать еще какую-то рябиновку, которая, по словам его, имела \diamond (АК2)
- 8–9 к изумлению ~ своей силе / кроме сильного запаха водки ничего не было \diamond (АК2)
- 10 какое даже трудно / которое трудно \diamond (АК2); которое даже трудно (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 11 уже другим именем / другим именем \diamond (АК2)
- 11–22 Обед давно уже кончился ~ не пушу! — сказал Ноздрев. / а. Хотя обед давно кончился, но гости все еще сидели за столом. Чичиков давно бы хотел заговорить с Ноздревым насчет предмета, о котором читатель уже знает, и разведать, что и как у него и в каком числе. Но казалось ему как-то неловко заговорить [об этом] при зяте, который все-таки здесь посторонний человек, хотя он уже давно был в таком положении, что только зевал да клал себе на локоть голову. Наконец, встали из-за стола. Зять почувствовал, что загулялся, и стал отпрашиваться домой, но так лениво и вяло, как будто бы надевал на лошадь хомут клещами. — «Не пушу, не пушу! — говорил Ноздрев, — право, не пушу!» ; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 12 и вины были перепробованы / а. и вины были перепробованы; б. и вины перепробованы (АК2); и вины перепробованы (АК3, АК4)
- 13 Чичиков никак не хотел / Чичиков не хотел \diamond (АК2)
- 13–14 заговорить с Ноздревым при зяте / заговорить [пр(и)] с Ноздревым при зяте (АК2)
- 16 Впрочем, зять / А впрочем, зять (АК2); А впрочем, зять \diamond (АК3)
- 17 нагрузился, кажется, вдоволь / нагрузился изрядно \diamond (АК2); нагрузился, кажется, вдоволь изрядно \diamond (АК3)
- 18 После: клевался носом. — *зачеркнуто*: Наконец, и сам он почувствовал, что находился в состоянии (АК2)
- 20 таким ленивым и вялым голосом / так ленивым и вялым голосом (АК2); так ленивым и вялым голосом \diamond (АК3)
- 21 натаскивал клещами на лошадь хомут / натаскивал на лошадь клещами хомут (АК2); натаскивал на лошадь клещами хомут \diamond (АК3)

- 23–24 Нет, не обижай ~ говорил зять / а. Нет, поеду, мой друг, право, поеду, — говорил зять, — не обижай меня таким образом; б. (кар.) Нет, поеду, мой друг, право, поеду, — говорил зять, — ты не обижай меня таким образом [◇] (АК2)
- 26 Нет, сооружай ~ не могу / Нет, брат, ей Богу, не могу [◇] (АК2)
- 26–27 будет в большой претензии, право / будет в большой претензии, право, будет в претензии [◇] (АК2)
- 27 я должен ей рассказать / я ей должен еще рассказать [◇] (АК2)
- 28–29 ты не держи меня! / ты не держи меня, право, поеду, как честной человек поеду. [◇] (АК2)
- 30–31 Ну ее ~ делать вместе! / Вздор, вздор! Важное дело вы с ней станете делать. [◇] (АК2)
- 30 станете / станем (АК3, АК4)
- 32 Нет, брат! / Нельзя, брат, право, нельзя! [◇] (АК2)
- 32 она такая почтенная и верная / Она такая, право, добрая жена. Уж точно примерная, такая почтенная и верная (АК2); она такая добрая жена. Уж точно примерная, такая почтенная и верная (АК3, АК4)
- 33 поверишь, у меня / что даже, поверишь, у меня [◇] (АК2)
- 34 Я тебя / И тебя (МД2)
- 36–37 Пусть его едет ~ Чичиков Ноздреву. / Да отпусти его, — сказал Чичиков, — и потом прибавил Ноздреву на ухо: что в нем толку? [◇] (АК2)
- 38–39 не люблю таких растепелей! — и прибавил вслух / не люблю таких нюнь [◇] (АК2)
- 39–40 поезжай бабиться с женою, фетюк / поезжай бабиться с женою, я тебя не держу [◇] (АК2); поезжай бабить с женою (АК4)

С. 74

- 1–2 ты не ругай меня ~ жизнью обязан / а. ты не говори так, — отвечал зять, — я ей, можно сказать, жизнью своею обязан; б. ты не говори об ней так небрежно, — отвечал зять, — я ей жизнью обязан * [◇] (АК2)
- 4 нужно все рассказать / а. нужно все подробно рассказать, чтобы ее утешить; б. нужно все подробно рассказать (АК2); нужно все подробно рассказать [◇] (АК3)
- 6–7 тебе совсем ~ так отзываться / ты не отзывайся так о ней [◇] (АК2)
- 12–13 не замечая ~ пустые поля / а. сидя в брочке, и раскланивался, не смекая, что уже давно перед ним были одни пустые поля; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2);
- 12 сам уже давно сидел / уже сам сидел давно [◇] (АК2)
- 13 и перед ним / и [что] перед ним (АК2)
- 13 были одни пустые поля / были [уже] одни пустые поля (АК2)
- 13–14 Должно думать, что жена / а. Как в тексте; б. Вероятно, жена * [◇] (АК2)
- 14 не много слышала / а. не много услышала от него; б. (кар.) не очень много услышала (АК2); не очень много слышала [◇] (АК3)
- 16 Вон как потащился! / Вишь как потащился! [◇] (АК2); Вот как потащился! (АК3, АК4)
- 16–17 конек пристяжной / Пристяжной [◇] (АК2)

- 17–18 Да ведь такой... с ним / Да ведь такая пила; с ним \diamond (АК2); Да ведь с ним (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 18 никак нельзя ~ просто фетюк! / никак нельзя сойтиться \diamond (АК2); нельзя никак сойтиться. Фетюк, просто фетюк! (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 23 несколько погнувши ее / несколько нагнувши ее \diamond (АК2)
- 24 Ну, для препровождения времени / чорт возьми, для препровождения времени \diamond (АК2)
- 26–28 Но Чичиков прикинулся ~ к тебе просьба». / а. Но Чичиков вовсе не был расположен ни пунтировать *(так в рукописи)*, ни держать банку. Ему хотелось скорее кончить дело, за которым приехал, и потому он тут же сказал: «Прежде позволь: у меня есть до тебя маленькая просьба».; б. Как в тексте, со следующим вариантом (АК2):
- 27 как бы вдруг припомнив / вдруг как бы вспомнив (АК2); как бы вспомнив (АК3, АК4)
- 30 Дай прежде слово, что исполнишь. / а. Дай мне слово, что сделаешь то, о чем я тебя стану просить; б. А вот какая* *(не закончено)*; в. Дай мне слово, что сделаешь то, о чем я тебя попрошу.* \diamond (АК2)
- 31 Да какая просьба? / Да что ж ты хочешь просить? \diamond (АК2)
- 36–37 Вот какая просьба ~ еще не вычеркнуты / а. Послушай: ведь у тебя, я чай, есть довольно умерших крестьян, таких, которые не вычеркнуты; б. Вот что** \diamond (АК2):
- 36 у тебя, чай / у тебя есть, чай (АК4, МД1, МД2)
- 38–39 *Примечание:* Фетюк ~ неприличною буквою. — *вписано со следующим вариантом* (АК2):
- 38–39 буквы, почитаемой некоторыми неприличною буквою / буквы, почит[аемой] [от] [некоторыми весьма] неприличною буквою (АК2); буквы, почитали неприличною буквою \diamond (АК3)

С. 75

- 6 Ну да уж нужно ~ нужно. / Ну, да уж это мой секрет. \diamond (АК2)
- 7 Признайся, что? / Ведь я знаю тебя. Признайся, что такое затеял? \diamond (АК2)
- 8–12 Да что ж затеял ~ понюхать! / а. Вот уж и затеял! Совсем ничего; даже просто и не предполагал ничего, а так; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 8 из этакого пустяка / из этакой дряни \diamond (АК2)
- 11 ему всякую дрянь / Вот ему всякую дрянь \diamond (АК2)
- 11–12 хотелось бы пощупать ~ понюхать / нужно понюхать (АК2); а. нужно нюхать; б. хотелось бы понюхать (АК3); хотелось бы понюхать (АК4)
- 14–15 Да что ж тебе ~ фантазия. / а. Да что ж тебе сказать? Здесь и сказать нечего.; б. Как в тексте, со следующим вариантом (АК2):
- 14 Да что ж тебе / Да что же тебе (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 14 ну, просто так / просто так (АК2, АК3, АК4)
- 16 пока не скажешь / пока не скажешь, на что \diamond (АК2)

- 17 вот видишь, вот уж / а. вот видишь, душа, ну вот уж; б. вот видишь, вот (АК2); вот видишь (АК3, АК4)
- 17–18 нечестно с твоей стороны ~ на попятный двор / нечестно с твоей стороны [◊] (АК2)
- 21–23 Что бы такое ~ весу в обществе / а. «Что бы такое мне выдумать сказать ему», — подумал про себя Чичиков и на несколько минут остановился. Он вообще затруднялся, если дело клонилось к тому, чтобы изъяснить причины сей, еще никем доселе не предпринимаемой покупки, тем более, что была, точно, несколько странна. Подумавши несколько, он сказал Ноздреву, что умершие души нужны ему для приобретения весу в обществе; б. Как в тексте, со следующим вариантом (АК2):
- 21 подумал Чичиков / [помыслил] подумал [Ноздрев] Чичиков (АК2)
- 24 хоть бы какие-нибудь / хоть какие-нибудь (АК2); какие-нибудь (АК3, АК4)
- 25–26 не давши окончить ему / не давши окончить (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 27–28 и предлог довольно слаб / и что приведенный им предлог отчасти слаб [◊] (АК2)
- 28–29 сказал он / произнес он [◊] (АК2)
- 31–32 преамбиционные люди ~ связался / преамбиционные люди [◊] (АК2)
- 33 не меньше трехсот душ / не меньше трехсот [◊] (АК2)
- С. 75–76
36–3 Ну вот уж здесь ~ ты большой мошенник / Ну ей же ей, правда, — сказал Чичиков. Уж здесь-то ни на волос не солгал. — Ну я просто голову свою ставлю, что врешь, — сказал Ноздрев. — Ну да почему ж тебе кажется, что я лгу? — сказал Чичиков. — Ну да уж так. Ведь я знаю хорошо тебя: ведь ты такой мошенник [◊] (АК2):
- С. 75
39 Езуит, езуит. / Оставлено свободное место (АК3); Слов нет (АК4, МД1, МД2)
- С. 76
1 что ж я такое / что же я такое (АК3, АК4, МД1, МД2)
4 Если бы / Ежели бы (АК3, АК4, МД1, МД2)
6 Чичиков оскорбился / а. Чичиков оскорбился; б. (кар.) Чичиков совершенно оскорбился (АК2)
7 грубое или оскорбляющее / а. грубое или оскорбляющее; б. грубое или оскорблявшее (АК2); грубое или оскорблявшее [◊] (АК3)
8–11 Он даже не любил ~ обиделся. / а. а тем более бранное слово и притом еще устремленное лично к нему. Он даже не любил ни в каком случае фамильярного с собою обращения, разве в таком только, когда особа была слишком высокого звания. И потому он оскорбился замечанием Ноздрева; б. Как в а., с одним вариантом — вместо: фамильярного — стало: слишком фамильярного; в. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
8 не любил допускать / не любил [позволять] допускать (АК2)
9 фамильярного / фамильярного (АК2, АК3, АК4, МД1, МД2)

- 12 повторил Ноздрев / повторял Ноздрев (АК2, АК3, АК4)
- 15–18 Всему есть границы ~ так продай. / а. Полно, оставь глупые шутки, — произнес Чичиков обиженным голосом.; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 15 сказал Чичиков / сказал он [◊] (АК2)
- 16 пощеголять подобными речами / произносить подобные речи (АК2); произносить подобные речи [◊] (АК3)
- 21–22 Эх, да ты ~ что ли? / Еще бы! Как будто это бриллиант какой-нибудь, что ли. [◊] (АК2)
- 21–22 бриллиантовые / бриллиантовые (АК3)
- 23 Я уж тебя / Ведь я уж тебя [◊] (АК2)
- 24 Помилуй, брат / Помилуй, братец [◊] (АК2)
- 24–25 Ты бы должен просто отдать мне их. / Ты бы должен был подарить мне их. [◊] (АК2)
- 26–27 что я вовсе не какой-нибудь скалдырник / что я не такой, как ты [◊] (АК2)
- 38 каурюю кобылу / чалую кобылу [◊] (АК2)

С. 77

- 1–2 возьму с тебя / возьму я с тебя (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 8–9 и ты получил выгоду / и ты [выиграл] получил выгоду (АК2 — вычерк рукой переписчика)
- 11 от серого коня / от гнедого коня (АК2); от гнедого коня [◊] (АК3)
- 11 от каурой кабылы / от чалой кобылы [◊] (АК2)
- 12–16 продам такую пару ~ не охотник. / продам таких собак, что просто мороз по коже подирает. Зачем же мне собаки? — сказал Чичиков. — Я не охотник. [◊] (АК2)
- 12–13 мороз по коже подирает / мороз по коже подерет [◊] (АК3)
- 15 земли не зацепит / а. земли не заделит; б. земли не заденет (АК3); земли не заденет (АК4, МД1, МД2)
- 19–20 обошлась в полторы тысячи; тебе отдаю / обошлась в полторы тысячи рублей, а тебе отдаю [◊] (АК2)
- 21–22 чтобы, тащась с ней по дорогам / чтобы идти с ней по дорогам (АК2); а. чтобы <оставлено место для одного слова> с ней по дорогам; б. чтобы тащась с ней по дорогам (АК3); чтобы тащась с ней по дорогам (АК4)
- 35 Эх его / Эх его (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 35–38 подумал про себя ~ комкость лап / а. сказал про себя Чичиков и отказался решительно от брички; б. Как в тексте, со следующим вариантом (АК2):
- 38 бочковатость ребр и комкость лап / бочковатость ребр [их] и [лапы] комкость лап (АК2); бочковатость ребр комкость лап [◊] (АК3)

С. 78

- 3–4 Экой ты ~ как водится / а. Дрянь же ты! С тобой нельзя, как я вижу, как водится; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 3 Экой ты, право, такой! / Экой ты такой, право! [◊] (АК2)

- 3–4 я вижу, нельзя как водится / я вижу [нельзя^(?)], нельзя [водиться] как водится (АК2)
- 4–5 такой, право / а. такой, право; б. ну что, такой, право [◊] (АК2)
- 6–7 Да что ж ~ ненужную? / И ты, однако ж, хорош. Зачем мне приобретать ненужную вещь? [◊] (АК2)
- 6 Да что ж / Да что же (АК4, МД1, МД2)
- 6–7 зачем же мне приобретать / зачем же приобретать (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 10–11 Я поставлю всех ~ тоже. / а. Я поставлю все мертвые души на карту; если хочешь, то и живых еще к ним прибавлю. Метнем! Выиграешь — ведь ничем придется.; б. Я поставлю все мертвые души на карту; если хочешь, то и живых тоже. Метнем! Выиграешь — ведь ничем придется. [◊] (АК2)
- 13 взглянул искоса / взглянув искоса (АК3, АК4, МД2)
- 17–21 Никакой неизвестности ~ так и колотит! / а. Ты можешь черт знает сколько выиграть. Черт возьми, какое счастье! — говорил он, начиная метать для возбуждения задора. — Эдакого просто я никогда не выдывал. Еще, еще! так и колотит.; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 17–18 Никакой неизвестности / [Что уж тут] Никакой неизвестности (АК2)
- 19 Вон она! экое счастье! / Вон, экое счастье (АК2); <оставлено место> экое счастье [◊] (АК3)
- 19–20 говорил он, начиная метать / а. продолжал, начиная метать; б. продолжал он, начиная метать; в. говорил он, принявши метать (АК2); говорил он <оставлено место> метать [◊] (АК3)
- 20–21 экое счастье! экое счастье! / Экое счастье! Эко счастье (АК3, АК4)
- 22–24 Чувствовал ~ продавай, проклятая! / а. Верить ли? Сам чувствовал, что предаст, каналья, ей-богу, чувствовал! Что прикажешь делать: зажмурив глаза, поставил; а! думаю себе, пропадай, уж черт тебя возьми.; б. Как в тексте, со следующим вариантом (АК2):
- 22 что продаст / что предаст (АК2, АК3, АК4)
- 22 да уж / да уже (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 34 Что ж делать? так Бог создал. / Чичиков и здесь пожал плечами и сказал, что так уж его Бог создал. [◊] (АК2)
- 35 Фетюк просто! Я думал было прежде / а. Колпак эдакой! Я думал, право; б. Фетюк эдакой! Я думал прежде* [◊] (АК2)
- 36 а ты никакого не понимаешь / а ты, как я вижу, никакого не понимаешь [◊] (АК2)
- 37 С тобой никак нельзя / С тобой никогда нельзя [◊] (АК2)
- С. 79
- 1–2 Да за что же ~ не играю? / а. Да ты, брат, тоже изрядной чудак! Что ж делать, если не играю?; б. Как в тексте, со следующим вариантом (АК2):
- 1 Да за что же / Да что ж (АК2); Да что ж [◊] (АК2)
- 2 одних / одних (МД2)

- 2–3 что дрожишь из-за этакого вздору / что жалеешь подарить такую безделицу [◇] (АК2); что дрожишь из-за этого вздору (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 4–6 хотел было ~ печник гадкой! / а. Хотел было подарить, даром, без всего, право, хотел, но теперь ни за что не получишь, хоть миллион давай — не продам. Такой печник гадкой!; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 4 хотел было / хотел было отдать [◇] (АК2)
- 6 Такой шильник / Такой шильник такой! [◇] (АК2)
- 7–8 поди скажи конюху / скажи конюху (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 10 Последнего заключения ~ не ожидал. / Ты себе волен делать, что хочешь, — сказал Чичиков. [◇] (АК2)
- 13 на такую размолвку / на эту размолвку [◇] (АК2)
- 15–16 с каким-то кипрским / с каким-то [◇] (оставлено свободное место) [◇] (АК3)
- 16–17 которое было то ~ во всех отношениях / до такой степени кислым, что они должны были не иначе пить его, как с водою [◇] (АК2)
- 19 Вот тебе твоя постель! / Вот тебе постель! (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 19–20 Не хочу и доброй ночи желать тебе! / И доброй ночи не хочу тебе желать! [◇] (АК2)
- 21 Чичиков остался по уходе Ноздрева / Чичиков оставался несколько минут по уходе Ноздрева [◇] (АК2)
- 22–23 досадовал на себя, бранил себя за то / а. досадовал на себя; б. досадовал на себя и бранил себя за то [◇] (АК2); досадовал на себя и бранил себя за то [◇] (АК3)
- 23 что к нему заехал / что заехал к нему [◇] (АК2)
- 23–29 Но еще более бранил ~ говорил он сам себе. / а. Еще более раскаивался он в том, что заговорил с ним о деле, которое вовсе не было такого рода, чтоб быть разглашенным, а тем более сделаться предметом каких бы то ни было толков.; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 24 бранил себя за то / бранил [он] себя за то (АК2)
- 24 заговорил с ним о деле / заикнулся с ним о деле (АК2); [◇] (оставлено свободное место) с ним о деле [◇] (АК3)
- 24–25 и поступил неосторожно / что поступил неосторожно [◇] (АК2); поступил неосторожно (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 25–26 дело совсем не такого рода / [◇] (оставлено свободное место) совсем не такого рода [◇] (АК3)
- 28 выйдут еще какие-нибудь сплетни / выйдут [как(ие-нибудь)] еще какие-нибудь сплетни (АК2); выйдут какие ещенибудь сплетни (АК3, АК4)
- 29 Просто дурак я / [дурак] просто дурак я (АК2)
- 29 говорил он сам себе / говорил он сам в себе (АК2); говорил он сам [◇] (оставлено свободное место) [◇] (АК3)
- 30 спал он очень дурно / спал он весьма дурно (АК2); спал он весьма дурно [◇] (АК3)
- 33 Проснулся он ранним утром. / Проснулся он рано утром. [◇] (АК2)

- 35 чрез / через (МД2)
- 35 чтобы приказать Селифану / приказать Селифану (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 36–37 он встретился с Ноздревым / Чичиков встретился с Ноздревым (АК2); Чичиков встретился с Ноздревым [◊] (АК3)
- С. 80
- 3 точно эскадрон переночевал / а. совершенно как будто эскадрон ночевал; б. как будто эскадрон ночевал (АК2); а. как будто эскадрон ночевал; б. как будто эскадрон переночевал (АК3); как будто эскадрон переночевал (АК4)
- 3 Представь: снилось / Снилось [◊] (АК2)
- 7 отодрали наяву / а. отодрали на самом деле; б. отодрали наяву, это было б еще лучше (АК2); отодрали наяву, это было б еще лучше [◊] (АК3)
- 10 сейчас приду / сейчас приду, [весьма позавт(ракаем)] вместе позавтракаем [◊] (АК2)
- 10–11 Нужно только ругнуть / а. Только ругнуть; б. На минуту нужно. Только ругнуть [◊] (АК2)
- 12–13 Когда после того вышел он в столовую / а. Когда он после вышел в столовую; б. Когда после того он вышел в столовую [◊] (АК2)
- 15 половая щетка не притрогивалась вовсе / половая щетка вовсе не притрогивалась, потому что [◊] (АК2)
- 16 валялись хлебные крохи / валялись крохи хлеба (АК2, АК3, АК4)
- 16–17 видна была даже на скатерти / видна даже была на скатерти (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 17 скоро войти / скоро взойти [◊] (АК2)
- 18 ничего не имел у себя под халатом / кажется, ничего не имел под своим халатом [◊] (АК2)
- 20–21 для живописца, не любящего страх господ / для живописца, которые обыкновенно не любят господ (АК2); для живописца, которые обыкновенно не любят господ [◊] (АК3)
- 21–22 прилизанных и завитых ~ под гребенку / а. прилизанных и завитых, как цырульная вывеска, или общипанных и выстриженных под гребенку; б. прилизанных и завитых, подобно цырульным вывескам, [или также, как] или выстриженных под гребенку (АК2); прилизанных и завитых, подобно цырульным вывескам, или выстриженных под гребенку (АК3); прилизанных и завитых, подобно цырульным вывескам, или выстриженных под гребенку (АК4)
- 25 Я уж сказал / Я уже сказал (АК4, МД1, МД2)
- 29 А? Прокинем хоть талию! / ведь одну только талию прокинем [◊] (АК2); а Прокинем хоть талию?; б. Прокинем хоть талию? (АК3); Прокинем хоть талию! (АК4, МД1, МД2)
- 33–35 выиграешь ~ из ревизии / выиграл — будут твои души все, сколько их ни есть, ведь у меня душ семьдесят будет таких, что нужно вычеркнуть из ревизии [◊] (АК2)
- 35 шашечницу / шашешницу (АК2); а. шашасницу; б. шашешницу (АК3)
- 37–38 счастья или фальши / счастья, фальши [◊] (АК3)

С. 81

- 1–2 сыграю с ним в шашки / а. сыграю с ним в самом деле в шашки;
б. сыграю я с ним в шашки (АК2); сыграю я с ним в шашки (АК3,
АК4)
- 2 игрывал я недурно / я игрывал недурно (АК2, АК3, АК4)
- 2 а на шутики / а на шутки [◊] (АК3)
- 4–5 Слов: сказал Чичиков — нет (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 6 в ста рублях! / в ста рублях! — сказал Ноздрев, выиграешь — твои,
проиграешь — мои сто рублей. [◊] (АК2)
- 7 Зачем же? / Зачем же сто? (АК2); Зачем же сто? [◊] (АК3)
- 7 пойдут в пятидесяти / пойдут в пятьдесят (АК2); пойдут в пятьде-
сят [◊] (АК3)
- 12 Сколько же ты / Сколько ж ты (АК2); Сколько ж ты [◊] (АК3)
18. 22. 27 Давненько не брал я / Давненько не брал [◊] (АК2)
- 25 в то же самое время подвинул / в то же время подвинул [◊] (АК2)
- 31 перед самым носом / пред самым носом (АК2, АК3, АК4)
- 32–33 один только Бог знал / один только Бог знает [◊] (АК2, кар.); один
только Бог знает [◊] (АК3)
- 36 Отчего ж / Отчего же (МД2)

С. 82

- 13 После слов: игра начата! — карандашом проставлен знак вставки,
текст вставки не написан (АК2)
- 18 а ты отказаться не можешь / и ты отказаться не можешь (АК2, АК3,
АК4)
- 20 не заставишь сделать / не заставишь [◊] (оставлено свободное
место) [◊] (АК3)
- 26 не стану играть / не стану играть, — сказал Чичиков [◊] (АК2)
- 27 не хочешь играть? / не хочешь играть? — сказал Ноздрев (АК2) [◊]
- 28 с тобой нет возможности играть / с тобой нельзя играть [◊] (АК2); с
тобою нет возможности играть (АК3, АК4, МД2, МД3)
- 36 несмываемым бесчестьем / несмываемым бесчестьем (АК3, АК4,
МД1, МД2)
- 36–37 схватил Ноздрева за обе зазорные его руки / схватил Ноздрева за обе
[руки] зазорные его руки (АК2 — ошибка переписчика); схватил
Ноздрева обе зазорные его руки [◊] (АК3)
- 38–39 порываясь вырваться / и порываясь вырваться [◊] (АК2)

С. 83

- 1 Чичиков, чтобы не сделать / Чичиков решился, чтобы не сделать [◊]
(АК2)
- 2–3 вместе с тем чувствуя / вместе с этим чувствуя (АК2); вместе с этим
чувствуя [◊] (АК3)
- 4 В это же самое время / В это самое время (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 4 и за ним Павлушка / и с ним Павлушка (АК4, МД1, МД2)
- 5–6 было совсем невыгодно / было очень невыгодно [◊] (АК2)
- 7 ты не хочешь оканчивать партии / ты не хочешь оканчивать партии
(АК3, АК4, МД1, МД2)

- 14–15 повторил Ноздрев с лицом, горевшим как в огне / а. повторил Ноздрев, которого лицо горело как в огне; б. [пр(оизнес:?)] повторял Ноздрев, с лицом, горевшим как в огне (АК2); повторял Ноздрев, с лицом, горевшим как в огне (АК3, АК4)
- 20 схватил в руку / схватил в руки (АК2)
- 21 стал бледен как полотно / а. стал бледнеть как мел; б. стал бледен как мел (АК2); стал бледен как мел \diamond (АК3)
- 22 но чувствовал / но чувствовал сам \diamond (АК2)
- 22 шевелились без звука / шевелились без звуков \diamond (АК2)
- 25 Бейте его! — кричал он таким же голосом / и таким же самым точно голосом \diamond (АК2)
- 26–27 кричит своему взводу ~ вперед! / кричит: «Ребята, вперед!» — своему взводу \diamond (АК2)
- 32–33 не помышляя, что вредит / не помышляя, что безумно запальчивым поступком вредит \diamond (АК2)
- 33–34 миллионы ружейных дул / миллион ружейных дул (АК2, АК3, АК4)
- 36–37 свищет роковая пуля ~ глотку / свищет, несясь, роковая пуля захлопнуть его крикливую глотку (АК2, АК3, АК4)
- 37 После: крикливую глотку — *зачеркнуто*: не слышит ничего раззадоренный поручик. Так и Ноздрев не видел и не слышал ничего пред собою. (АК2)
- 38 подступившего под крепость / подступающего под крепость (АК2); а. подступающего под крепость; б. подступавшего под крепость \diamond (АК3)
- 40 Напротив, крепость чувствовала / а. Крепость, напротив, чувствовала; б. (кар.) напротив, чувствовала; в. (кар.) Крепость, напротив, чувствовала (АК2); напротив, чувствовала \diamond (АК3)

С. 84

- 6 бока, плеча / бока и плеча \diamond (АК2)
- 7–8 неожиданным образом ~ звуки колокольчика / а. никак неожиданным образом: брякнули, задребезжав вдруг как будто с неба, звуки колокольчика; б. никак неожиданным образом: Брякнули, вдруг задребезжав как будто с неба, звуки колокольчика (АК2); а. никак неожиданным образом. Брякнули, вдруг задребезжав как будто с неба, звуки колокольчика; б. *Как в тексте, со следующим вариантом* (АК3):
- 7–8 задребезжавшие / задребезжав (АК3, АК4)
- 8 раздался ясно / а. раздался явственно; б. отдался ясно** \diamond (АК2)
- 10 тяжелый храп / а. тяжелый храп; б. усталый(?) храп* \diamond (АК2)
- 13 вошел он в ту самую минуту / он вошел в ту самую минуту (АК2); вошел в ту самую минуту \diamond (АК3)
- 16 господин Ноздрев / г. Ноздрев (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 16–17 сказал незнакомец / сказал он \diamond (АК2)
- 19 едва начинал оправляться / начинал понемногу оправляться (АК2); а. стал понемногу оправляться; б. едва начал оправляться (АК3); едва начал оправляться (АК4)

- 24 сообщенное мне извещение / сообщенное мне из суда извещение \diamond (AK2)
 27 Что за вздор, по какому делу? / Что за вздор? \diamond (AK2)

⟨Глава V⟩

C. 85

- 3 во всю пропалаю / во все пропало (AK2); во все пропало \diamond (AK3)
 3–4 закрывшись полями, отлогостями и пригорками / и закрылась двойной и тройной оградой полей, отлогостей и пригорков \diamond (AK2); и закрывшись полями, отлогостями и пригорками \diamond (AK3)
 4–5 поглядывал назад со страхом / поглядывал назад с каким-то страхом \diamond (AK2)
 5 как бы ожидая / как бы ежеминутно ожидая \diamond (AK2)
 5 налетит погоня / налетит на него погоня \diamond (AK2)
 6–7 Дыхание его ~ оно билось / Почти с трудом переводил он дыхание и, попробовав приложить руку к сердцу, почувствовал, что оно просто бьется \diamond (AK2)
 8–10 смотри ты какой ~ нехорошие слова / а. произнес он наконец, все еще довольно тяжело переводя дух. И назвал Ноздрева совершенно справедливо разбойником, присоединив к тому и другие, отвечающие названия, между которыми попались и нехорошие слова; б. весьма много даже нехороших слов^{**}; в. Как в тексте, со следующими вариантами (AK2):
 9 было посулено Ноздреву / было *⟨оставлено свободное место⟩* Ноздреву \diamond (AK3)
 9 нелегких и сильных желаний / нелегких [желаний] и сильных желаний (AK2); и нелегких и сильных желаний \diamond (AK3)
 9–10 попались даже / [*1 нрзб.*] попались даже (AK2); где попались даже \diamond (AK3)
 11 К тому ж ~ нешуточное. / а. извинить нужно. Притом, как бы то ни было, а положение его, точно, было такого рода, что всякая шутка была вовсе не у места. Дело было очень сурьезное.; б. (кар.) что *⟨1 нрзб.⟩* то дело было совсем не шуточное^{**} \diamond (AK2)
 13 мне бы, может быть, не далось бы более / мне бы, может быть, не далось более (AK2, AK3, AK4); мне, может быть, не далось бы более (МД2)
 14 Пропал бы ~ всякого следа / а. Ведь вот пропал бы ни за что ни про что, как какая-нибудь курица глупая!; б. Как в тексте, со следующим вариантом (AK2):
 14 без всякого следа / без всякого после себя следа (AK2); без всякого после себя следа \diamond (AK3)
 14–15 не оставивши потомков, не доставив / а. Не оставивши после себя потомков и не доставивши; б. Не оставивши после себя потомков, не доставивши (AK2); Не оставивши после себя потомков, не доставивши \diamond (AK3)

- 16 Герой наш ~ потомках. / Герой наш, да будет читателю известно, очень заботился о будущих своих потомках. \diamond (AK2)
- 17–18 Я еще никогда не видал / Я еще не видал (AK3, AK4, МД1, МД2)
- 20 Это его продовольство / Это его то есть продовольство (AK2); Это его то есть продовольство \diamond (AK3)
- 22 думали невыгодно / думали очень невыгодно \diamond (AK2)
- 22–23 не только гнедой ~ не в духе / Не только гнедой и саврасой, но даже сам серой не в духе. \diamond (AK2)
- 25–26 но, однако ж / а. но, однако ж; б. (кар.) однако ж (AK3)
- 26 он жевал / Все ж-таки он жевал \diamond (AK2)
- 27 засовывал длинную морду свою в корытца / засовывал длинную морду свою в корытцо (AK2, AK3, AK4)
- 28 какое у них было / какое и у них было (AK2, AK3, AK4)
- 28 продовольство / продовольствие (AK4, МД1, МД2)
- 29–30 Селифана не было ~ недовольны / Селифана не было в конюшне \diamond (AK2)

С. 86

- 1 все недовольные / все наши недовольные \diamond (AK2)
- 1–2 были прерваны ~ неожиданным образом / были прерваны самым неожиданным образом \diamond (AK2)
- 3–4 на них наскочила коляска / а. на них прямо наскочила коляска; б. на них [уже] наскочила коляска (AK2)
- 4 с шестериком коней / с шестериком лошадей (AK2, AK3, AK4)
- 4–6 и почти над головами ~ чужого кучера / а. и в одно время раздался крик сидевших в ней дам и голос чужого кучера; б. Как в тексте, со следующим вариантом (AK2):
- 4–5 над головами их раздался / над головами их раздался (AK2, AK3, AK4)
- 6 Ах ты, мошенник эдакой / Ах ты, мошенник \diamond (AK2)
- 6 кричал в голос / кричал порядком \diamond (AK2)
- 6–7 сворачивай, ворона, направо! / сворачивай, ворона, налево. (AK2); сворачивай, ворона, налево. \diamond (AK3)
- 9 что он виноват / что он совершенно виноват \diamond (AK2)
- 9 то тут же вымолвил он, приосанясь / а. то он почел необходимым прибавить с своей стороны; б. Как в тексте, со следующим вариантом (AK2):
- 9 вымолвил он, приосанясь / вымолвил, приосанясь (AK2); вымолвил, приосанясь \diamond (AK3)
- 11 осаживать назад бричку / отсаживать назад бричку \diamond (AK2, кар.); отсаживать назад бричку \diamond (AK3, кар.); отсаживать назад бричку (AK4, МД1, МД2)
- 11–12 чтобы высвободиться ~ из чужой упряжи / чтобы освободить таким образом из объятий упряжи \diamond (AK2)
- 13 все перепуталось / а. лошади и упряжь обоих экипажей совершенно перемешались между собою; б. все перемешало (AK2); а. все перемешало; б. все перемешалось \diamond (AK3)
- 13 Чубарый / Серой \diamond (AK3)

- 15 сидевшие в коляске дамы / сидевшие в коляске \diamond (АК3)
- 15–16 с выражением страха в лицах / а. с выражением страха и замешательства; б. с выражением страха в глазах и во всем лице (АК2); с выражением страха в *(оставлено свободное место)* \diamond (АК3)
- 16 Одна была уже старуха / а. *(оставлено свободное место)* одна была старуха; б. (кар.) Из них одна была старуха (АК3); Одна была старуха (АК4, МД1, МД2)
- 17–18 весьма ловко и мило приглаженными на небольшой головке. Хорошенький овал лица / весьма мило приглаженными мадонкой; хорошенькой овал лица \diamond (АК2); весьма ловко и мило приглаженными на небольшой головке. Мадонской хорошенькой овал лица \diamond (АК3)
- 19–26 и, подобно ему ~ глядел на нее несколько минут / а. и в нем была [также] почти та же прозрачная белизна, как в яичке, когда держат его против солнца. Ее ушки почти светились, при этом испуге, слезы на глазах — все это в ней было так мило, что Герой наш глядел на нее несколько минут; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 20–21 оно держится против света / оно держится \diamond (АК2)
- 21 в смуглых руках / в смуглых \diamond (АК2, кар.); в смуглых \diamond (АК3)
- 21 испытующей его / а. испытующей его; б. (кар.) испытывающей его \diamond (АК3)
- 22–23 ее тоненькие ушки тоже сквозили ~ теплым светом / ее [ушки тоже скв(озили?)] тоненькие ушки, тоже сквозившие и обнялись каким-то теплым светом (АК2); а. ее тоненькие ушки, тоже сквозившие, обнялись каким-то *(оставлено свободное место)* светом; б. ее тоненькие ушки тоже сквозили, [обнявшись] рдея проникавшим их теплым светом (АК3); ее тоненькие ушки также сквозили ~ теплым светом (АК4, МД1, МД2)
- 24 испуг в раскрытых, остановившихся устах, на глазах слезы / испуг в [открытых] раскрытых остановившихся устах, [слезы в глазах] на глазах слезы (АК2); испуг в открытых, остановившихся устах, на глазах слезы (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 29 сделал то же / сделал то же с своей стороны (АК2); сделал то же с своей стороны \diamond (АК3)
- 31 чубарому коню / серому коню \diamond (АК2)
- 32–33 непредвиденными судьбами / такими непредвиденными судьбами \diamond (АК2)
- 39 суцая благодать / суцая благодать Божия \diamond (АК2)
- 39 все равно что для немца / все равно что для нас \diamond (АК2)
- С. 86–87
- 40–1 накопилась их бездна, и в деревне остались / а. накопилось их столько, что в деревне остались; б. накопилась их бездна, в деревне остались (АК2); накопилась их бездна, в деревне остались \diamond (АК3)
- С. 87
- 2 чубарому коню / серому коню \diamond (АК2)
- 5–6 сколько ни хлыстал их кучер, они не двигались и стояли как вкопанные / сколько ни хлыстал их кучер и правую и левую рукою, они никак не хотели двинуться с места, стояли как вкопанные \diamond (АК2)

- 7–8 совался с советом / сулся с советом (АК2); сулся с советом [◊] (АК3)
- 10–11 с рыжей бородою / с рыжей бородой (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 15 на пристяжного, а на коренного / на пристяжную, а на коренную (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 16 с черною / с черной (АК2, АК3, АК4)
- 17–18 и брюхом, похожим на тот исполинский самовар / а. и брюхом только втрое больше того самовара; б. и добрым брюхом, как тот исполинский самовар* [◊] (АК2)
- 18 для всего прозябнувшего рынка / для всего озябнувшего рынка [◊] (АК2)
- 19–20 пригнулся под ним до земли / пригнулся до земли [◊] (АК2)
- 20–22 дело пойдет! ~ как корамора! / а. дело пойдет», — кричали мужики; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 21 пришпандорь кнутом / пришпандарь кнутом (АК2, АК3)
- 21 вот того-то / вон того (АК2, АК3, АК4)
- 22–23 увидевши, что дело ~ накаливанье, дядя Митяй и дядя Миняй / а. увидевши, что дело не шло, дядя Митяй и дядя Миняй; б. увидевши, что дело не шло и не помогло [никакое] ни накаливанье, ни шпандариванье, дядя Митяй и дядя Миняй [◊] (АК2); увидевши, что дело не шло и не помогло никакое накаливанье, дядя Митяй, дядя Миняй (АК3, АК4)
- 23–25 сели оба на пристяжного, потом дядя Митяй и дядя Миняй сели оба на коренного / сели оба на коренного (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 25 а на пристяжного / на пристяжного (АК2); на пристяжного [◊] (АК3)
- 36–39 Корамора ~ говорит народ. / а. Слов нет; б. Корамора — большой комар, который иногда залетает один в комнату всякой (1 нрзб.) сидит он** ; в. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 36 вялый комар / [в(ялой³)] и очень вялой комар (АК2); очень вялой комар [◊] (АК3)
- 36–37 иногда залетает в комнату и торчит где-нибудь / залетающий иногда в комнату и сидящий где-нибудь (АК2, АК3, АК4)
- 38 ухватить его за ногу / ухватить его за ноги (АК2); ухватить его за ноги [◊] (АК3)
- 38 в ответ на что он только топырится / и [только] он только топырится (АК2) ; и он только топырится (АК3, АК4); в ответ что он только топырится (МД1, МД2)
- С. 87–88
- 35–1 Селифан, Чичиков, гладь и пустота / Селифан-кучер, Чичиков и пустота [◊] (АК2)
- С. 88
- 5–6 которое хоть раз пробудит / явление, которое хоть раз пробудит (АК2); явление, которое хоть раз пробудит [◊] (АК3)
- 7–8 поперек каким бы ни было печалям / а. впоперек каким бы ни было горечам; б. впоперек каким бы ни было горям (АК2); а. впоперек каким бы ни было горям; б. поперек каким бы ни было печалям (АК3); поперек каким бы ни было печалям (АК4, МД1, МД2)
- 8 плетется жизнь наша / плетется иногда жизнь [◊] (АК2)

- 8–9 весело промчится / а. промчится; б. промчится весело ◊ (АК2)
- 11 заглохнувшей / разглохнувшей ◊ (АК3)
- 13 не надевая шапок / не понадевая шапок (АК2); не понадевая шапок ◊ (АК3)
- 14 пропал из виду / пропал вдали ◊ (АК2)
- 16–17 Попадись на ту пору вместо Чичикова / Попадись вместо Чичикова при этом обстоятельстве ◊ (АК2)
- 17 двадцатилетний юноша / 20-летний юноша (АК2, АК3, АК4)
- 20–23 вперивши бессмысленно ~ что ни есть в мире / а. вперивши бессмысленно очи в пожирающую все, что ни есть на земле, даль, и властительно объятый пронесшимся явлением; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 21–22 ожидающие впереди / имеющиеся впереди (АК2); имеющие впереди ◊ (АК3)
- 22 за промедленья / за промедленья и просрочку ◊ (АК2); за промедление (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 22–23 позабыв и себя, и службу / и себя, и службу (АК2, АК3, АК4)
- 23 что ни есть в мире / что ни есть на свете (АК2, АК3, АК4)
- 25–26 но положительнее / но больше положительнее ◊ (АК2); положительное ◊ (АК3)
- 27 бабенка / бабешка (АК4, МД1, МД2)
- 33 где захочет / а. где захочет; б. (кар.) где захочется (АК2)
- 34–35 и выйдет дрянь / И она непременно будет дрянь ◊ (АК2)
- 35–36 примутся теперь маменьки и тетушки / примутся теперь тетушки ◊ (АК2)
- 36 всяким бабьем / всяким бабьим вздором ◊ (АК2)
- 36–37 сам родной отец не узнает / а. просто ни сам родной брат не узнает; б. выйдет из нее как будто бы другая*; в. сам родной отец не узнал бы (АК2); сам родной отец не узнал бы ◊ (АК3)
- 37–39 Откуда возьмется ~ придумывать / а. В ней возьмется и надутость; она уже будет думать вытверженные наставления; б. Как в тексте, со следующим вариантом (АК2):
- 38 станет ворочаться / станет ворочать (АК2); станет ворочать ◊ (АК3)
- 38 по вытверженным наставленьям / по вытверженным наставлениям (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 39 с кем, и как / с кем как (АК2, АК3, АК4)
- 39–40 как на кого смотреть / а. и как какую смотреть; б. как на какую смотреть (АК2)
- С. 88–89
- 40–1 не сказать больше, чем нужно / не сказать кому чего-нибудь лишнего ◊ (АК2)
- С. 89
- 4–6 богатый ли помещик ~ приобретенным на службе / находится ли на службе государственной или живет помещиком в собственных поместьях ◊ (АК2)
- 8 Это бы могло / Ведь это бы могло ◊ (АК2)

- 8–9 так сказать, счастье / счастье, так сказать [◊] (АК2)
- 9–10 так привлекательно стали рисоваться / так стали привлекательно рисоваться (АК2, АК3, АК4)
- 10–11 он внутренне начал ~ около экипажей / а. он несколько раз досадовал на себя за то, что в продолжение того, как хлопотали около экипажей; б. *Как в тексте, со следующим вариантом* (АК2):
- 11 на самого себя / на себя (АК2); на себя [◊] (АК3)
- 14 обратиться к своему постоянному предмету / обратиться к предмету, постоянно их занимавшему [◊] (АК2)
- 17 посреди виднелся / посреди виднел (АК2); посреди виднел [◊] (АК3)
- 19 как у нас строят / какие у нас строят (АК2, АК3, АК4)
- 20–28 Было заметно ~ а только три. / а. Очень было заметно, что при постройке его архитектор должен был беспрестанно бороться со вкусом хозяина. Портик состоял из четырех непомерно толстых колонн. Дверь, бывшая посередине между двумя средними колоннами, была заколочена, а на место была прорублена по приказанию хозяина другая сбоку. По одну сторону портика было шесть окон, по другую на такой же три, из которых одно маленькое, в виде отдушничка, на самом почти углу, потому что хозяину с этой стороны понадобился темной чуланчик.; б. *Как в тексте, со следующими вариантами* (АК2):
- 21 со вкусом хозяина / со вкусом хозяйна (АК2)
- 24 понадобившееся для темного чулана / понадобившее для темного чулана (АК2); *⟨оставлено свободное место⟩* для темного чулана [◊] (АК3)
- 24–25 Фронтон тоже никак не пришелся / Фронтон никак не пришелся [◊] (АК3)
- 25 посередине дома / посреди дома (АК4, МД1, МД2)
- 27–28 очутилось ~ только три / очутилось не [четыре] шесть колонн, как следовало, а только пять (АК2); а. очутилось не шесть кол(онн), как следовало, а только пять; б. очутилось не шесть колонн, как было назначено, а только пять (АК3); очутилось не шесть колонн, как было назначено, а только пять (АК4)
- 29 решеткой / решеткою (АК2); решеткою [◊] (АК3)
- 29 Помещик, казалось, хлопотал много о прочности. / Хозяин сам, будучи состроен очень прочно, казалось, хотел, чтоб и в хозяйстве все было прочно. [◊] (АК2)
- С. 89–90
- 30–5 были употреблены ~ в ту же минуту спрятались. / а. были употреблены такие толстые бревна, что, казалось, не сгнуть им вовеки. Деревенские избы хозяйством *⟨так в рукописи; ср. в АК1: Деревенские избы, строенья хозяйственные⟩*, все это было крепко, солидно и в порядке. Когда Чичиков подкатил к крыльцу, он заметил выглянувшие из окна разом два лица: одно женское в чепце, узкое и длинное, как огурец, другое мужское, круглое, широкое, несколько красноватое, как бывают хорошие молдавские тыквы. Выглянувши, они

тот же час вслед за тем спрятались.; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):

- 31 вековое стоянье / вековое стояние (АК3, АК4, МД1, МД2)
31–32 Деревенские избы мужиков тож срублены были / Деревенские [му\жицкие?] избы мужиков [были] тоже срублены были (АК2); Деревенские избы мужиков тож срубленные были [◊] (АК3)
32–33 резных узоров / узоров (АК2); ударов [◊] (АК3)
33 прочих затей / прочих затеев (АК2); прочих затеев [◊] (АК3)
36–37 в каком-то крепком и неуклюжем порядке / в каком-то аляповатом крепком порядке (АК2); в каком-то крепком, аляповатом порядке [◊] (АК3)

С. 90

- 1 легкие балалайки / звонкие балалайки (АК2); звонкие балалайки [◊] (АК3)
2–3 посвистывающего / подсвистывающего (АК4)
3 на белогрудых и белошейных / на белогрудых [стройных] [девиц] и белошейных (АК2); на белогрудых и белошеих (МД2)
3–4 девиц, собравшихся послушать / девиц, увешанных борками, [медалям(и)] гривнами, крестами и всякими пронизками, собравшимися послушать (АК2); а. девиц, увешанных борками <оставлено свободное место> собравшимися послушать; б. девиц, увешанных борками, гривнами, крестами и всякими пронизками, собравшимися послушать [◊] (АК3)
4 тихострунного треньканья / тихого треньканья (АК2); тихого треньканья [◊] (АК3)
4–5 Выглянувши, оба лица в ту же минуту спрятались. / Выглянувши, оба лица спрятались в ту же минуту.* [◊] (АК2)
5–6 в серой куртке с голубым стоячим воротником / а. в какой-то необыкновенной куртке с голубым военным воротником; б. в серой куртке с голубым стоящим воротником [◊] (АК2)
6 в сени, куда вышел / в сени, в которые вышел [◊] (АК2)
7 Увидев гостя ~ «прошу!» / а. Собакевич, увидевши гостя, не затруднился никакими вопросами о здоровье, а сказал только: «Прошу покорнейше»; б. Собакевич, увидевши гостя, не затруднился никакими запросами о здоровье, а сказал только: «Прошу покорнейше» [◊] (АК2)
7–8 и повел его / и повел (АК2, АК3, АК4)
10 весьма похожим / очень похожим [◊] (АК2)
10 на средней величины медведя / на среднего роста медведя [◊] (АК2)
11 фрак на нем / <оставлено свободное место> на нем [◊] (АК3)
11–15 совершенно медвежьего цвета ~ много на свете таких лиц / а. совершенно медвежьего цвета, а обшлага рукавов так длинны, что он должен был их поднимать поминутно, когда хотел высунуть оттуда руку. Панталоны на нем были тоже очень широки и страшно длинны, ступни его захватывали такое большое пространство, что чужим ногам всегда становилось тесно. Цвет лица его был очень похож на цвет недавно выбитого медного пятака. Да и вообще все лицо его

несколько сдавало на эту монету; такое же было сдавленное, неуклюжее, только и разницы, что вместо двуглавого орла были губы да нос. Я думаю, читатель небезызвестен, что есть много на свете таких лиц и физиогномий; б. В промежуточном карандашном наброске на полях читаются отдельные слова: всегда произво(дл) потрясенье некоторых досок. Касаясь такими(?) ступнями пола, он всегда почти производил (...) [Цветом лица он походил] [Лицо его было цвета] Здорового лица (1 нрзб.) окладом и уклюжестью своей оно неско(лько) походило на эту монету (...) конечно, вместо штемпеля был означен на лице**; в. совершенно медвежьего цвета, а обшлага рукавов были так длинные, что он должен был их заворачивать ежеминутно [высадить?] желая высадить(?) оттуда руку. Такого же цвета были панталоны, длинные и широкие, не в пример всяким другим, ступая широкими ступнями своими, он производил всякой раз сотрясение половых досок и захватывал так много пространства, что чужим ногам всегда почти было невыгодно относительно мозолей. Такого здорового цвета лица Чичиков еще и не выдывал, это был совершенно цвет только что выбитого медного пятака. Впрочем, даже окладом и уклюжестью оно походило на эту монету; всей разницы только и было, что вместо штемпеля на нем помещались нос, губы и прочее, что бывает на человеческом лице. Всему свету известно, что есть на земле много таких лиц и физиогномий; в. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):

- 12 рукава длинны, панталоны длинны / рукава [пант(алоны)] длинны, панталоны длинны (АК2)
- 13 наступал беспрестанно на чужие ноги / наступал беспрестанно на ноги (АК2, АК3, АК4)
- 13–14 Цвет лица имел каленый, горячий, какой бывает / а. Цвет лица его был темно горячий, какой бывает; б. Цвет лица он имел каленой, горячий, какой бывает (АК2); Цвет лица он имел каленой, горячий, какой бывает [◊] (АК3)
- 19 сверлом / свердлом (АК2, АК3)
- 20–23 Такой же самый крепкий ~ редко глядел / Такое же самое лицо было у Собакевича. Голову он держал более вниз, нежели вверх; шея не ворочалась вовсе, отчего случилось, что он редко глядел [◊] (АК2)
- 27–28 он очень осторожно передвигал / Чичиков очень осторожно передвигал [◊] (АК2)
- 29 и тот же час спросил / и потому спросил Чичикова [◊] (АК2)
- 30–31 Но Чичиков ~ никакого беспокойства. / а. «Нет, покорнейше благодарю, — отвечал Чичиков, — хотя бы и случилось какое беспокойство, то это совершенно ничего не значит». На это Собакевич ничего не отвечал и повел гостя далее.; б. Как в тексте, со следующим вариантом (АК2):
- 30–31 еще не произошло / еще [пока] не произошло (АК2)
- 32–33 Вошел в гостиную ~ «прошу!» / Когда вошли они в гостиную, Собакевич сказал гостю: «Прошу садиться». [◊] (АК2)

- 33 Садясь, Чичиков взглянул на стены / а. Садясь на кресла, Чичиков глянул на стены; б. Садясь в кресла, Чичиков поглядел на стены \diamond (АК2)
- 34 все были молодцы / были молодцы \diamond (АК2)
- 34–35 все греческие полководцы / все почти греческие полководцы \diamond (АК2)
- 38 дрожь проходила по телу / просто дрожь проходила по телу \diamond (АК2)
- 38–39 Между крепкими греками / Между этими крепкими греками \diamond (АК2)

С. 91

- 1 Потом опять / За ним опять \diamond (АК2)
- 2–3 которой одна нога ~ нынешние гостиные / а. такой богатырской величины и роста, что все эти господа, которые ходят по Невскому Проспекту в узеньких сертучках и тросточках, казалось бы, не управились с ее пальцем; б. в частях своих (...) люди перевелись**; в. одна нога которой казалась больше [всех тех] роста тех [франтов] людей, которые [при] наполняют ныне модные гостиные; г. у которой одна нога казалась выше ростом и толще, нежели [весь ще(душный)] всего щедушного корпуса [нынешних молодых] людей, наполняющих модные гостиные (АК2); а. у которой одна нога казалась выше ростом и толще, нежели (оставлено свободное место) корпуса людей, наполняющих модные; б. у которой одна нога казалась выше ростом и толще, нежели всего щедушного корпуса людей, наполняющих модные; в. которой одна нога казалась больше всего туловища щеголей, наполняющих нынешние гостиные (АК3); Как в варианте б. АК3 (АК4)
- 3–5 Хозяин ~ тоже люди крепкие и здоровые. / Хозяин, кажется, будучи сам крепкий и здоровый человек, хотел, чтобы и его комнату украшали люди крепкие и здоровые. \diamond (АК2)
- 8 не успели помолчать двух минут / не успели помолчать две минуты \diamond (АК3)
- 9 хозяйка, дама весьма высокая / хозяйка дома, очень высокая дама \diamond (АК2)
- 10 перекрашенными домашнею краскою / вероятно, перекрашенными какою-то домашнею краскою \diamond (АК2)
- 10–11 Вошла она ~ как пальма. / Вошла она необыкновенно важно и солидно, и голову держала совершенно прямо, как бы боясь уронить ее. \diamond (АК2)
- 13–14 которую она почти впихнула ему в губы / а. которую она ему почти всунула в губы; б. которую почти всунула ему в губы; в. которую последняя вп(ихнула?) — не закончено; г. которую последняя почти впигнула (так!) ему в губы (АК2); которую последняя почти впихнула ему в губы \diamond (АК3)
- 19–23 Феодулия Ивановна ~ ни бровью, ни носом. / а. «Прошу покорнейше садиться», — сказала Феодулия Ивановна очень коротко и сделавши головою движение, весьма похожее на то, какое делают актрисы, представляющие на сцене королей и принцесс. Сделавши

- такое предложение, она села на диван, довольно неуклюжий, который был обтянут материей домашней выделки, цвету очень неопределенного, да и узора тоже никак нельзя было разобрать. Севши на диван, она накрылась большим мериносовым платком с широкою пестрою каймою, очень умно, как рисуют на портретах, и не сдвинула во все время ни глазом, ни бровью, ни носом.; б. *Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):*
- 19–20 попросила садиться, сказавши тоже: «прошу!» / [тоже] попросила садиться, сказавши тоже: «[хочу] прошу» (АК2); попросила садиться: «прошу» [◊] (АК3)
- 20–21 подобно актрисам, представляющим королев / как на театрах актрисы, представляющие королев [◊] (АК2)
- 21–23 Затем она ~ ни бровью, ни носом. / а. (кар.) Затем села на диван, обитый материей домашней выделки, не поправив посбившийся мериносовый платок, после чего не сдвинула во все время ни глазом, ни бровью, ни носом; б. Затем она уселась на диване и накрылась вполоть мериносовым платком и уже не двигнула более ни глазом, ни бровью, ни носом (АК2); а. Затем она уселась на диване и накрылась вполоть мериносовым платком и уже не двигнула более ни глазом, ни бровью; б. *Как в тексте, со следующим вариантом (АК3):*
- 22–23 ни глазом, ни бровью, ни носом / ни глазом, ни бровью (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 27 Почти в течение целых пяти минут ~ хранили молчание / Все трое почти около шести минут хранили совершенное молчание [◊] (АК2)
- 28 производимый носом / произведенный носом [◊] (АК2); произведенный носом (АК3, АК4)
- 29 зернышки / зернушки (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 29–36 Чичиков еще раз ~ похож на Собакевича! / а. Чичиков еще несколько взглядов бросил на комнату и на то, что в ней находилось. Все, на что ни глядел он, было прочно и неуклюже в величайшей степени. Словом, казалось, как будто бы всякое кресло и стул говорили: «и я тоже Собакевич», или, по крайней мере: «и я тоже очень похож на Собакевича». Видя, что никто из хозяев, как казалось, не располагал прервать молчания, он решился начать первый.; б. *В вариант а., после слов: в величайшей степени — сделана вставка на полях: Широкое тяжелое бюро стояло в углу комнаты и занимало почти осьмую часть ее. Видно было, что хозяин тут же и занимался. Оно было наполнено множеством ящиков и покоилось пренелепым образом на четырех претолстых ногах, как медведь.; в. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):*
- 30–31 прочно, неуклюже / прочно и неуклюже [◊] (АК2)
- 31 какое-то странное / какое странное [◊] (АК2)
- 32 в углу гостиной / [тут же] в углу гостиной (АК2)
- 35 каждый предмет, каждый стул, казалось, говорил / а. Но, словом, и стулья, и кресла, и вся мебель, каза(лось), го(ворила); б. каждый из них как будто говорил (АК2); каждый из них как говорил [◊] (АК3)

- 36 или: и я тоже очень похож / или: и я очень похож (АК2); у ней (так!) и я очень похож [◊] (АК3)
- 37 вспоминали / вспомнили (АК3, АК4)
- 37–38 у председателя палаты, у Ивана Григорьевича / у председателя палаты [◊] (АК2)
- 38–39 сказал наконец Чичиков ~ разговора / а. сказал он, обращаясь к Собакевичу; б. сказал наконец Чичиков, видя, что никто не [хочет начинать ра(зговора)] располагается начинать разговора (АК2)
- 39–40 Очень приятно / а. очень приятно; б. Приятно (АК2); Приятно (АК3, АК4)

С. 92

- 5 Ну, может быть, это вам / Это вам [◊] (АК2)
- 7–9 Чичиков немного ~ не без слабостей / а. «А я, право, не предполагал», — сказал Чичиков, сначала несколько озадаченный такую отчасти резкою характеристикой; но потом, поправившись, продолжал; б. Как в тексте, со следующим вариантом (АК2):
- 7 таким отчасти резким / [такой] таким отчасти резким (АК2)
- 11 Губернатор превосходный человек? / Вы говорите, губернатор превосходный человек? — сказал Собакевич. [◊] (АК2)
- 13 Первый разбойник / Это первый разбойник [◊] (АК2)
- 14 Как, губернатор разбойник! / Как, губернатор! [◊] (АК2)
- 14–15 и совершенно не мог понять ~ в разбойники / а. который уж никак не мог предполагать, чтобы губернатор мог когда-либо попасть в разбойники; б. не могший предполагать, чтобы губернатор мог когда-либо попасть в разбойники*; в. Как в тексте, со следующим вариантом (АК2):
- 15 как губернатор мог попасть / как он мог попасть (АК2); как он мог попасть [◊] (АК3)
- 15–18 Признаюсь, этого я бы ~ много. / а. «У! варвар. Вы поглядите ему в лицо: в лице видно разбойничье». — «Помилуйте!» — сказал Чичиков и напомнил, что поступки гражданского правителя совершенно мирные; б. «Варвар. Вы поглядите ему в лицо: в лице видно разбойничье». — «Но позвольте вам сказать: поступки его совершенно не такие, напротив, скорее даже мягкости в нем много». (АК2); Как в варианте б. АК2 (АК3); «Но позвольте вам сказать: поступки его совершенно не такие, напротив, скорее даже мягкости в нем много». (АК4)
- 18 Тут он привел / привел [◊] (АК2)
- 20 и отозвался с похвалой об ласковом выражении лица его / а. и даже что самое лицо его необыкновенно ласковое; б. и отозвался с похвалой об ласковом выражении лица его (АК2)
- 22–23 за копейку зарежет / ей-богу, зарежет [◊] (АК2)
- 24–26 Нет, он с ними ~ мне, признаюсь / а. Чичиков вспомнил, что Собакевич чаще всего бывал у полицмейстера, и потому подумал, что если упомянет он о нем и похвалит его, то этим уж, верно, доставит ему удовольствие. «Что касается до меня, — сказал он, — то признаюсь: мне; б. Как в тексте, со следующим вариантом (АК2):

- 25–26 он, кажется, друг его / он, кажется, друг его, [потому что] ибо часто бывает у него \diamond (АК2)
- 27–28 прямой, открытýй / открытýй, прямой \diamond (АК2)
- 30 еще и пообедает с вами / да еще пообедает с вами \diamond (АК2)
- 35 хотя несколько коротких биографий / хотя и несколько коротких биографий (АК2); хотя и несколько коротких биографий \diamond (АК3); хотя несколько кратких биографий (АК4, МД1, МД2)
- 36–37 нечего упоминать ~ хорошо отзываться / а. нечего и упоминать; б. нечего упоминать (АК2); нечего упоминать \diamond (АК3)
- 38–39 сказала Собакевичу его супруга / сказала Собакевичу супруга Собакевича (АК2); и сказала Собакевичу супруга Собакевича \diamond (АК3, кар.)

С. 93

- 1 Прошу! / Прошу покорнейше \diamond (АК2)
- 1 подошедши /приблизившись (АК2); приблизившись \diamond (АК3)
- 1 к столу / к столу (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 3–6 закусили ~ понеслась хозяйка / а. и, закусив какой-то копченой рыбой, отправились в столовую, куда опять, как плавный гусь, поплыла вперед хозяйка; б. Как в тексте, со следующим вариантом (АК2):
- 5 впереди их / и впереди их (АК2); и впереди их \diamond (АК3)
- 8 родственница / компаньонка или родственница \diamond (АК2)
- 9–10 что-то без чепца ~ в пестром платке / а. что-то без чепца, лет тридцати пяти, в пестром платке; поклонилось очень скоро [и], уместилось на свое место и, казалось, больше ни до чего ему не было нужды; б. какое-то этакое(?)** \diamond (АК2)
- 11 не как предмет, а как / не так, как какой-нибудь предмет, а так как \diamond (АК2)
- 11–12 или пятнышки на предмете / а. или пятнашки на каком-нибудь предмете; б. или пятнашки на предмете (АК2); или пятнашки на предмете (АК3)
- 12–15 Сидят они ~ ого-го! / а. На них, если и остановишь взгляд, то, верно, уж глупо и ненарочно, как иногда вдруг неизвестно по какой причине станешь глядеть пристально на муху, лазящую на стене. В их лицах одно и то же никогда не исчезающее выражение, сидят они на том же месте, на том же стуле, тем же образом сложены у них руки, тот же всегда поворот головы. Их готов причислить к числу мебели в комнате, и только где-нибудь в девичьей или кладовой окажется, что у них есть и речи, и даже кое-какие страстишки.; б. На них ~ на стене. Они сохраняют одно и то же положение, сидят на том же месте, на том же стуле. Их готов причислить к числу мебели в комнате, а где-нибудь в девичьей или кладовой окажется, что есть пресильные страстишки.* в. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 12 Сидят они на том же месте / Сидят они вечно на одном и том же месте \diamond (АК2)
- 13 их почти готов / [их почти] их почти готов (АК2)

- 14–15 в девичьей или в кладовой / в девичьей или кладовой (АК2)
 15 окажется просто / выходит просто [◊] (АК2)
- 17–21 хлебнувши щей ~ чего подадут! / а. хлебнувши две ложки и засучив рукава своего фрака. — Вы эдаких щей не будете есть в городе, — сказал он, обращаясь к Чичикову. — Там вам черт знает чего подадут.; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 17 и отваливши себе / и отрезавши себе (АК2); и отрезавши себе [◊] (АК3)
- 18 блюда, которое подается / блюда, [подающе(гося)] которое подается (АК2)
- 18–19 из бараньего желудка / из баранья желудка (АК2); из баранья желудка [◊] (АК3)
- 19 мозгом и ножками / мозгом и <оставлено свободное место> [◊] (АК3)
- 20 Эдакой няни, — продолжал он / Эдакой няни, — [сказал] продолжал он (АК2)
- 21 черт знает чего / черт знает что (АК4, МД1, МД2)
- 22 однако ж, недурен стол / впрочем, не дурен стол [◊] (АК2)
- 23 из чего все это готовится / из чего это все готовится (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 24 когда узнаете / когда узнаете. Право, я вам это не шутя говорю. [◊] (АК2)
- 25–27 Не знаю, как ~ Ведь я знаю / а. Я не знаю, как они там приготовлены, но на вкус были очень хороши. — Это вам так показалось, — сказал Собакевич, где быть им хорошим? Я знаю; б. Как в тексте, со следующим вариантом (АК2):
- 26 разварная рыба / разварная дичь (АК2); разварная дичь [◊] (АК3)
- 28 выучился у француза / выучился у французов (АК2); выучился у французов [◊] (АК3)
- 34 они его в суп / они все в суп (АК2); они все в суп [◊] (АК3)
- С. 93–94
- 40–1 и устрицы тоже ~ похожа / а. что ты там себе ни говори; б. Как в тексте, со следующим вариантом (АК2):
- С. 94
- 1 я знаю, на что / я знаю, что [◊] (АК2)
- 4–8 какая суток по четыре ~ это все... / а. что, может быть, суток по три на рынке валяется. Я вам скажу, что это заговор, это секта такая; нарочно для того сговорились, чтобы переморить голодом. Вот и доктора все эти французы и немцы — я бы их всех перевешал. Посмотрите, как едят все эти, что побывали в том Петербурге. Выдумали какой-то модной стол, налепят лепешку величиною с пуговицу, даст тебе одну на тарелку, да и ешь ее; а спрашивается, что есть? нечем по губам помазать. Нет, это все выдумки, это все...; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 4 Это все выдумали / Это все вадумали (АК3)
- 5 за это / за то (АК2); за то [◊] (АК3)

- 6 немецкая жидкокостая натура / немецкая [жидкостная] жидкокостная натура (АК2) немецкая жидкокостная натура (АК3, АК4)
- 8 Собакевич даже / даже Собакевич [◊] (АК3)
- 9 покачал головою / а. покачал головою, что делал очень редко, потому что шея его, как уже читатель видел, почти никогда не двигалась; б. что случалось очень редко, ибо шея, как мы видели, довольно плохо ворочалась * [◊] (АК2)
- 9–10 просвещенье, просвещенье, а это просвещенье / просвещение, просвещенье, а это просвещение (АК2); просвещение, просвещение, а это просвещение [◊] (АК3)
- 13–14 да съем в меру, как душа требует / да съем столько, сколько душа желает [◊] (АК2)
- 17 у этого губа не дура / а. этот себе на уме; б. у этого губа не дура, как видно * [◊] (АК2)
- 18–19 вытирая салфеткою руки / вытирая салфеткою руку (МД2)
- 23 В тюрьме ~ чем он / В тюрьме колодники лучше живут (АК2); а. В тюрьме колодники лучше живут; б. *Слов нет*; в. *Как в тексте* (АК3)
- 28 Неужели как мухи! / Скажите, как странно! [◊] (АК2)
- 31–32 вскрикнул Чичиков ~ Но если выехать / а. Здесь автор должен сказать, что у героя его забилось слегка сердечко. — Вот уж я никаким образом не могу понять такого рода жизни. Когда сам не хочешь пользоваться состоянием, в таком случае доставь оным удовольствия ближним, дай бедным, чтобы за тебя молились и были вечно благодарны. Как же, например, если выехать; б. [сказал] воскликнул Чичиков и даже почувствовал небольшое биение сердца. Я никак не могу понять такого рода людей** [◊] (АК2)
- 31 вскрикнул / воскликнул (АК4, МД1, МД2)
- 33 это будет направо или налево / нужно будет взять к нему направо или налево [◊] (АК2)
- 34 не советую и дороги знать / не советую дороги знать (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 35 Извинительней сходить / а. гораздо извинительнее сходить; б. [Лучше] Извинительней сходить (АК2)
- 36 чем к нему / нежели к нему [◊] (АК2)
- 37–38 Нет, я спросил ~ отвечал на это Чичиков. / Чичиков извинился и сказал, что ему все равно, а что ж о дороге спросил только потому, что интересуется вообще познанием всякого рода мест. [◊] (АК2)
- 40 гораздо больше тарелки / величиною больше тарелки [◊] (АК2)
- С. 94–95
- 40–7 потом индюк ~ на другие блюдечки. / а. Этим обед и кончился, но Чичиков, вставши из-за стола, почувствовал в своем животе тяжести на целый пуд. Пошли в гостиную, где было поставлено на столе варенье двух сортов. Из чего состояло это варенье, нельзя было знать; с вида же оно было ни груша, ни слива, дало жестоким образом горло и приготавливалось руками самой хозяйки. Хозяйка на минуту вышла с тем, чтобы наложить еще и на третье блюдечко;

б. где были поставлены какие-то варенье *(так в рукописи)***; в. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):

С. 94

40 индюк / индюх (АК2, АК3, АК4)

С. 95

- 1 яйцами, рисом, печенками / яйцами, печенками \diamond (АК2); яйцами *(оставлено свободное место)*, печенками \diamond (АК3)
- 7 чтобы накласть его / чтобы наворотить его \diamond (АК2)
- 7–8 Воспользовавшись ее отсутствием / Воспользовавшись этим отсутствием ее (АК2); Воспользовавшись этим отсутствием ее \diamond (АК3)
- 8 обратился к Собакевичу / обратился с такими словами к Собакевичу \diamond (АК2)
- 8–9 лежа в креслах / сидя в креслах (АК2); сидя в креслах \diamond (АК3)
- 9 побряхтывал / побряхтивал (АК3, АК4)
- 9 после такого сытного обеда / после такого (АК2 — сытного обеда *ошибочно зачеркнуто при переработке нижнего слоя рукописи*); после такого \diamond (АК3)
- 9–11 и издавал ртом ~ с такими словами / а. и издавал звуки вроде икотки, закрывая поминутно рот рукою; б. Только что *[(1 нрзб.)]* приготовился спросить **; в. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 9–10 и издавал ртом какие-то невнятные звуки / издавая ртом какие невнятные звуки (АК2); издавал ртом какие невнятные звуки \diamond (АК3)
- 10–11 крестясь и закрывая поминутно его рукою / а. в то же время крестясь и закрывая его рукою; б. и в то же время крестясь и закрывая его рукою (АК2); и в то же время крестясь и закрываясь его рукою \diamond (АК3)
- 12 об одном дельце / а. об одном очень нужном для меня деле; б. об одном деле (АК2); об одном деле \diamond (АК3)
- 13–14 возвращаясь с блюдечком ~ в меду! / возвращаясь с какою-то редькою в сахаре \diamond (АК2)
- 15–16 А вот мы его ~ в свою комнату / а. Хорошо, поставь его, душенька; мы съедем, — сказал Собакевич, — а теперь ступай себе в свою комнату. б. А вот мы его после, душенька, — сказал Собакевич, — а теперь ступай пока к себе * \diamond (АК2)
- 16–17 мы с Павлом Ивановичем ~ приотдохнем / Мы сейчас с Павлом Ивановичем скинем фраки. Нужно немножко отдохнуть после обеда. \diamond (АК2)
- 16–17 маленечко / маленько (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 20–22 и хозяйка ушла ~ в чем было дельце / а. Хозяйка ушла. Собакевич, казалось, как будто изменил несколько свое положение в креслах, или, может быть, так только показалось, что изменил. Но в лице его не произошло никакого движения, а только слегка принагнул он голову, как будто приговарываясь слушать, в чем состоит то дело, о котором гость с ним хотел поговорить.; б. (кар.) Хозяйка ушла ~

- приготовляясь слушать, что за смутное дело; в. *Как в тексте, со следующим вариантом (АК2):*
- 21 приготовляясь слышать / приготовляясь слушать (МД2)
- 21–22 в чем было дельце / в чем было дело (АК2); а. в чем было дело; б. в чем было дельцо (АК3); *Как в варианте б. АК3 (АК4, МД1, МД2)*
- 25 сказал, что даже / что даже [◊] (АК2)
- 28 этого государства, в славе которому нет равного / этого государства (АК2); этого государства [◊] (АК3)
- 29 окончившие жизненное поприще / окончивши жизненное поприще (АК4, МД1, МД2)
- 30 наравне с живыми / а. *Как в тексте;* б. (ценз.) наравне с живыми, хотя взамен того и вновь родившиеся не вносятся в подушные списки (АК4); *Как в варианте б. АК4 (МД1, МД2)*
- 32 не увеличить сложность / не увеличить сложности (МД2)
- 34 И что, однако же / и что, однако ж (АК2, АК3, АК4)
- 40 не назвал душ умершими / не назвал души умершими (АК4, МД1, МД2)

С. 96

- 1 все по-прежнему нагнувши голову / все так же нагнувши голову (АК2, АК3, АК4)
- 2 похожеенавыражение / похожеенадвижениеиливыражение (АК2); похожее на движение или выражение [◊] (АК3)
- 2 показалось в лице его / показалось на лице его (АК4, МД1, МД2)
- 3–4 или она у него была, но вовсе не там / или, лучше, она у него была вовсе не там (АК2); или она у него была вовсе не там (АК3, АК4)
- 8–9 не без некоторого волнения / не без кое-какого волнения [◊] (АК2); а. не без некоторого волнения; б. (кар., рукой неуставленного лица) не без некоторого волнения (АК3); не без некоторого волнения (АК4, МД1, МД2)
- 14 сказал Собакевич / сказал Собакевич таким же самым голосом, но однако же с некоторою расстановкою, как будто в это время кое-что смекал [◊] (АК2)
- 15 А если найдутся, то вам, без сомнения / Так вам, без сомнения... [◊] (АК2)
- 15–16 будет приятно от них избавиться / будет приятно от них избавиться? — сказал Чичиков [◊] (АК2)
- 20–23 Черт возьми ~ даже странно... / а. Черт бы тебя побрал, — подумал Чичиков про себя, — со всего хочет содрать плеву! — А по сколько вы бы взяли? — спросил он с некоторою робостию.; б. *Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):*
- 20–21 продает еще прежде / продает прежде (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 21 и проговорил вслух / [а ка(кая)?] и произнес вслух (АК2); и произнес вслух [◊] (АК3)
- 22–23 хотя, впрочем ~ странно... / хотя, впрочем, конечно, это такой (АК2); хотя (оставлено свободное место) это такой [◊] (АК3)
- 24 не запрашивать с вас лишнего / не запрашивать с вас лишнего и напрасно не торговаться [◊] (АК2)

- 26–27 вскричал Чичиков ~ он ослышался / а. вскричал Чичиков, испугавшись, и, раскрывши рот, глядел пристально в самые глаза Собакевичу, не зная, он ли ослышался; б. *Как в тексте, со следующим вариантом (AK2)*:
- 26 разинув рот / раскрывши рот (AK2); а. раскрывши рот; б. раскрыв рот \diamond (AK3)
- 31 однако же / однако ж (AK3, AK4, МД1, МД2)
- 32–39 Моя цена! ~ это тоже и не люди. / а. Чичиков выразился очень основательно и совершенно, как говорится, резонно, что он никак даже не предполагал слышать подобные слова и что так как это вещь, вышедшая, можно сказать, из употребления и уже по самому существу совершенно ничтожная, то, с его стороны, он полагает, положи, как говорится, руку на сердце, что по восьми гривен за душу есть уже самая большая цена, какую можно дать. — Ведь я продаю не лапти, — сказал Собакевич. — Однако ж позвольте и мне тоже сказать, — произнес Чичиков, — рассмотрите и мое положение, с какой стати я стану платить Бог знает какие деньги за людей, уже не существующих.; б. *В этом слое сделано два исправления: в первой фразе — Чичиков заменено на: Герой наш, с его стороны на: с своей стороны; в. Как в тексте, со следующими вариантами (AK2)*:
- 32–33 или ошиблись, или не понимаем / ошиблись или не понимаем (AK3, AK4, МД1, МД2)
- 33 позабыли, в чем состоит / и забыли, в чем состоит (AK2, AK3, AK4)
- 34 положи руку на сердце / положи рукой(?) на сердце (AK2); положи руку на сердце \diamond (AK3)
- 34 по восьми гривен за душу / что по восьми гривен на душу (AK2); что по восьми гривен за душу \diamond (AK3)
- 36 по восьми гривен / по восьми гривенок (AK3, AK4, МД1, МД2)
- 37 по моему суждению / по моим суждению (*так в рукописи — AK2*)

С. 97

- 1 сыщете такого дурака / что сыщете такого дурака \diamond (AK2)
- 3–6 Но позвольте ~ больше не могу. / а. Чичиков изъяснил, что почему ж она ревижская душа, что она на бумаге только стоит ревижскою, а на самом деле только в разорение владельцу. Но что, однако же, он, чтобы не входить в дальнейшие разговоры по этой части и кончить разом дело, готов дать круглым числом по полтора рубля за душу; б. *Как в тексте, со следующими вариантами (AK2)*:
- 3 ревижскими / ревижскими \diamond (AK2)
- 6 по полтора рубли, извольте, дам, / по полтора рубли готов дать \diamond (AK2)
- 7 вы торгуйтесь / вы торгуетесь (AK2, AK3, AK4)
- 9–11 Не могу ~ еще прибавил. / а. Да чего ж вам больше этого. Больше, хоть бы и хотел, не могу дать, — сказал Чичиков; однако ж по полтине прибавил. б. *Как в тексте, со следующими вариантами (AK2)*:
- 9 Михал Семенович / Михаил Семенович (AK3, AK4, МД1, МД2)

- 10 чего уж невозможно / что уж невозможно (АК2); что уж невозможно-
но ◊ (АК3)
- 10 того невозможно сделать / того никак невозможно сделать (АК2,
АК3, АК4)
- 13 Другой мошенник / Ведь иной мошенник ◊ (АК2)
- 14 у меня что ядерный орех / у меня ведь, что ядерной орех ◊ (АК2)
- 14–15 так иной какой-нибудь / так тоже какой-нибудь ◊ (АК2)
- 15 Вы рассмотрите / Вы рассмотрите хорошенько. ◊ (АК2)
- 15–16 вот, например, каретник Михеев! ведь больше / каретник,
напр(имер), Михеев: больше ◊ (АК2)
- 17 И не то, как бывает / И не то что, как бывает ◊ (АК2)
- 18 прочность такая / а прочность такая ◊ (АК2)
- 18 сам и обобьет / а. сам и обьет; б. (кар.) сам ведь и обьет (АК2); сам
и обьет ◊ (АК3)
- 19 с тем, чтобы заметить / чтобы заметить ◊ (АК2)
- 19–21 Михеева, однако же ~ силу речи / а. теперь, однако ж, никакого
нет толку в каретнике Михееве и что он уже не существует на этом
мире; но Собакевич вошел, как говорится, в роль и, не замечая этого,
продолжал; б. Как в тексте, со следующим вариантом (АК2):
- 20–21 в самую силу речи / в самую силу слова и речи (АК2); в самую силу
слова и речи ◊ (АК3)
- 21 рысь и дар слова / рысь и красноречие (АК2); рысь и красноречие ◊
(АК3)
- 22 А Пробка Степан, плотник? / а. А Авдеев, толстое брюхо, как про-
звали его мужики; б. А Пробка Степан, плотник! — продолжал он ◊
(АК2)
- 22 я голову прозакладую / я голову прозакладываю (АК2, АК3, АК4)
- 24–25 трех аршин с вершком ростом / трех аршин с половиною ростом ◊
(АК2)
- 26–28 что и Пробки нет ~ нужно было слушать / что его нет на свете, но
Собакевич не слушал и продолжал ◊ (АК2)
- 29 А Милушкин, кирпичник! / А Парамон кирпичник! ◊ (АК2); Ми-
лушкин, кирпичник! (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 31–32 А Еремей Сорокоплёхин! / А Миняй Протрухин! ◊ (АК2)
- 33–34 Ведь вот какой народ! / Вот какой народ ◊ (АК2)
- 35–39 Но позвольте ~ говорит пословица. / а. Да что ж из этого, — ведь
они мертвые, — сказал Чичиков.; б. Как в тексте, со следующими
вариантами (АК2)
- 37 зачем вы исчисляете все их качества / к чему вы мне все это говори-
те, исчисляя [их] все их качества (АК2); все их качества ◊ (АК3)
- 37 ведь в них толку / ведь с них толку (АК2); ведь с них толку ◊
(АК3)
- 38 ведь это все народ мертвый / они мертвые (АК2); они мертвые ◊
(АК3)

С. 98

- 1–3 как бы одумавшись ~ а потом прибавил / а. и на несколько времени
остановился, так как будто бы опомнился и припомнил, что они, точ-
но, мертвые; б. Как в тексте, со следующим вариантом (АК2):

- 2 припомнив, что они в самом деле / припомнив [в са(мом деле)], что они в самом деле (АК2)
- 3-4 которые числятся / которые гласятся \diamond (АК2)
- 7 машиница / машиница (АК3)
- 11 к висевшим по стене портретам / к висевшим на стене портретам (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 14-15 пришедшему третьему / пришедшему третьему человеку \diamond (АК2)
- 15 знает / очень хорошо знает \diamond (АК2)
- 15-16 не услышит ни ответа / не услышит на это ни ответа \diamond (АК2)
- 18-20 незнакомец не знает ~ уйти прочь / а. третий не знает, нужно ли отвечать ему и сказать что-нибудь о деле, которого он и не знает, и не слышал; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 20 соблюди надлежащее приличие / соблюши надлежащее приличие (АК2); соблюши надлежащее приличие \diamond (АК3);
- 20 и потом уже уйти прочь / и потом уже уйти (АК2, АК3, АК4)
- 27-33 Что он ~ кому нужен? / а. Послушайте, сказал Чичиков, к чему вы говорите такие суммы. Ведь вы сами очень хорошо знаете, что это тряпка и черт знает что. Вы посудите только. На что они? Кому они нужны?; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 28 и прибавил / и сказал \diamond (АК2)
- 31-33 владеете сведениями ~ кому нужен? / и понимаете, в чем дело. Сами знаете, что предмет, о котором идет речь, есть дрянцо. Ну на что? кому они нужны? (АК2); и понимаете, в чем дело, сами знаете, что предмет, о котором идет речь, есть дрянцо, ну на что? кому они нужны? \diamond (АК3)
- 34 вы же покупаете, стало быть, нужен / а. вы же их покупаете, стало быть, они нужны; б. вы же покупаете, стало быть, нужно (АК2); вы же покупаете, стало быть, нужно \diamond (АК3)
- 35 не нашелся / не нашел (АК2); не нашел \diamond (АК3)
- 36 Он стал было говорить / Он начал было говорить \diamond (АК2)
- 38-39 я в дела фамильные ~ ваше дело / это ваше дело, а не мое \diamond (АК2)

С. 99

- 2 Эх, право / Эх его! (АК2); а. Эх его; б. Эх, право (АК3); Эх, право (АК4)
- 2-3 про всякого, как говорит пословица / про всякого (АК2); про всякого \diamond (АК3)
- 5-7 «Ну уж черт его поberi ~ по полтине прибавлю». / а. Чичиков по полтине решил еще прибавить.; б. «[Экой кулак! — сказал про себя Чичиков.] Ну, уж черт его поberi, — подумал про себя [поberi] Чичиков, — по полтине ему прибавлю на орехи». — «Извольте, по полтине прибавлю». (АК2); «Ну, уж черт его поberi, — подумал про себя Чичиков, — по полтине ему прибавлю на орехи». — «Извольте, по полтине прибавлю». \diamond (АК3)
- 11-29 Экой кулак ~ не хотите продать, прощайте! / а. Но помилуйте, никто не станет и продавать его, а всякой, напротив, даже рад будет от него отделаться. — Однако ж знаете, что покупка такого рода не всегда позволительна, и если б эдак рассказал кто-нибудь, положим

я или кто другой, то эдакому человеку может даже неприятность случиться... И никакой не будет доверенности касательно заключения контрактов, ниже вступления в какие-нибудь выгодные обязательства. — «Подлец!» — проговорил про себя, стиснув зубы, Чичиков, однако ж не показал вида, чтобы слова Собакевича произвели на него какого-нибудь впечатления, и отвечал равнодушно: «Как вы себе хотите, я этого ничего не боюсь... я это покупал вовсе не для какой надобности, но единственно для удовольствия». — Уж что он разумел здесь под именем этого удовольствия, автор признается, что он как-то это не очень понимает. — Даю два с половиною, не согласны — так прощайте. — Тридцать пять ассигнациями, и Бог с Вами, берите их себе. — Нет, вы не хотите, как я вижу, продать, — сказал Чичиков и взял в руки шляпу.; б. *Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):*

- 11 сказал про себя Чичиков / сказал с досадою про себя Чичиков (АК2) сказал с досадою про себя Чичиков [◊] (АК3)
- 11–12 и потом продолжал вслух с некоторою досадою / и потом продолжал (АК2); и потом продолжал [◊] (АК3)
- 12 Да что вы / Да что (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 13 сурьезное дело / сурьезное (АК2); сурьезное [◊] (АК3)
- 13 нипочем возьму / нипочем куплю (АК2); нипочем куплю [◊] (АК3)
- 14–15 Еще мне всякой ~ избавиться. / Еще мне всякой заплатит с тем только, чтобы избавиться от них. (АК2); а. Еще мне всякой *⟨оставлено свободное место⟩* с тем только, чтобы избавиться от них; б. Еще мне всякой с охотой сбудет их, чтобы только поскорей избавиться от них (АК3); *Как в варианте б. АК3 (АК4)*
- 15–16 Дурак разве ~ за них подати! / Охота держать их при себе и взносить за них подати. [◊] (АК2)
- 17 Но знаете ли / Но знаете (АК2); Но знаете [◊] (АК3);
- 17–18 такого рода покупки ~ позволительны / такого рода покупка [не всегда позволительна], я это говорю между нами, по дружбе, не всегда позволительна (АК2); такого рода покупка, я это говорю между нами, по дружбе, не всегда позволительна (АК3, АК4)
- 19 никакой доверенности / никакой [вер(ы)] доверенности (АК2)
- 19–20 относительно контрактов или вступления / относительно или вступления (АК2); относительно или вступления [◊] (АК3)
- 22–23 Вишь куды метит ~ с самым хладнокровным видом / Медведь! заметил на это Чичиков [и] внутренно и вслед за этим заметил наружно с самым хладнокровным видом [◊] (АК2)
- 24 не для какой-либо надобности, как вы думаете / не для какой-либо надобности (АК2); не для какой-либо надобности [◊] (АК3)
- 27 подумал Собакевич / подумал [про себя] Собакевич (АК2)
- 29 вы не хотите продать / не хотите продать (АК2); не хотите продать [◊] (АК3);
- 30–32 *Текста:* — Позвольте ~ я сказал все. — *нет* (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 31 Прошу / Пожалуйте сюда [◊] (АК2)

- 32 — К чему беспокойство, я сказал все. / — Зачем же Вам из пустого беспокоиться, я уже вам сказал мое последнее слово. [◊] (АК2)
- 34–36 ибо герой наш ~ на одной ноге / а. потому что Чичиков позабыл побережся. Чичиков подскочил чуть не до потолка, вскрикнув: ай! и показавши в лице своем самое болезненное выражение; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 35 в наказанье за что должен был / [и в награду] и в наказанье за то должен был (АК2); и в наказанье за то должен был [◊] (АК3)
- 35–36 и подскочить на одной ноге / и [слегка] подскочить на одной ноге (АК2)
- 37 Прошу прощения! / Прошу прощенья! (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 37 я, кажется, вас побеспокоил / я, кажется, вас побеспокоил, — сказал Собакевич, заметивший свою неосторожность [◊] (АК2)
- 38 садитесь сюда! Прошу! / садитесь сюда [◊] (АК2)
- 38 усадил его в кресла / а. усадил его на креслах; б. усадил его на кресла (АК2); усадил его на кресла (АК3, АК4)
- С. 99–100
- 39–2 который уже побывал ~ горох крадут? / а. который уже бывал в искусных руках цыгана; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- С. 99
- 39–40 который уже побывал ~ перевертываться / которого уже выучили [вер(теться?)], который умеет и перевертываться (АК2); которого уже <оставлено свободное место> который умеет и перевертываться [◊] (АК3)
- 40 на вопросы / на вопрос (АК2, АК3, АК4)
- С. 100
- 1 А как, миша / а покажи, миша, как [◊] (АК2)
- 3 я напрасно время трачу / я напрасно только время трачу, — говорил Чичиков [◊] (АК2)
- 4 — Посидите одну минуточку / — Посидите одну минуточку, — говорил Собакевич [◊] (АК2)
- 5–8 Тут Собакевич подсел ~ не прибавлю. / а. Тут он приблизился к нему ближе и начал говорить так тихо, как будто секрет: «Для вас по 20 рублей! Ей-богу, из приязни. Пусть хоть сам потерплю, да вам, по крайней мере, докажу мое почтение». — «Два с полтиною», — сказал Чичиков.; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 5–6 сказал ему тихо на ухо / сказал ему на ухо [◊] (АК2)
- 7–8 даже четверти ~ не прибавлю / а. копейки не прибавлю больше; б. даже четверти угла — копейки не прибавлю больше (АК2); а. даже четверти угла; копейки не прибавлю больше; б. даже четверти угла; копейки не прибавлю (АК3); даже четверти угла; копейки не прибавлю (АК4)
- 10–11 глядел со стены ~ на эту покупку / казалось, глядел чрезвычайно внимательно на эту никогда не виданную ему покупку [◊] (АК2)

- 12 Какая ж будет ваша / Какая ж ваша будет (АКЗ, АК4, МД1); Какая же ваша будет (МД2)
- 15 все равно, что пареная репа / все равно, что репа (АК2); все равно, что репа [◊] (АКЗ)
- 16 Уж хоть по три рубли дайте! / а. хоть полтину по крайней мере прибавьте, чтоб вышло ровно 3 рубли; б. [Ну да] уж хоть по три рубли дайте! (АК2)
- 18 Ну, нечего с вами делать / а. Ну нечего с вами делать; б. Ну что с вами делать; в. Ну нечто с вами делать (АК2); Ну нечто с вами делать (АК3, АК4)
- 18–19 извольте! ~ удовольствия ближнему / а. Извольте, извольте, так уж и быть, — сказал Собакевич. — Убыток, ей-богу, убыток, да что ж прикажешь делать, такой уже нрав, не могу, чтобы не доставить удовольствие ближнему.; б. вить уж нрав такой: не могу не доставить удовольствие ближнему*; в. Извольте! Убыток [конечно], да уж — Далее, как в тексте. (АК2)
- 21 — Разумеется. / — Как же, — отвечал Чичиков. (АК2); при копировании реплика пропущена, затем вписано: Разумеется. (АК3)
- 23–24 Так совершилось дело. ~ с купчей крепостью. / а. Оба совершившие сделку условились во времени, когда свидеться в городе для заключения купчей, как водится, что именно назначено было послезавтра.; б. Как в тексте, со следующим вариантом (АК2):
- 23 Так совершилось дело. / Таким образом дело совершилось. (АК2); Таким образом дело совершилось. [◊] (АК3)
- 24–25 Чичиков попросил ~ Собакевич согласился охотно / а. Чичиков попросил выписочку вкратце всех умерших, на что Собакевич согласился охотно; б. Чичиков попросил списочка крестьян. Собакевич охотно согласился [◊] (АК2)
- 25–26 и тут же, подошед к бюро / и подошедши тут же к бюро [◊] (АК2)
- 28 А Чичиков, от нечего делать / В продолжение того времени, как он писал, стоя у бюро, Чичиков, от нечего делать [◊] (АК2)
- 28 занялся, находясь позади / занялся [◊] (АК2)
- 28–29 рассматриваньем / рассматриванием (АК2, АК3, АК4)
- 29 всего просторного его оклада / всего просторного его сзади оклада [◊] (АК2)
- 29 Как взглянул он / а. Как взглянул он; б. Как посмотрел он* (АК2)
- 32 не мог не воскликнуть / не мог никак не воскликнуть [◊] (АК2)
- 32–33 наградил-то тебя как Бог / наградил-то тебя Бог (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 33 как говорят / что говорят [◊] (АК2)
- 35 возня с мужиками / и возня с мужиками (АК2, АК3, АК4)

С. 100–101

- 35–2 и ты чрез них ~ ты с ними в ладу / а. Нет, я думаю, уж так ты родился медведем! Конечно, если б тебя ошлифовали, *⟨далее оставлено свободное место⟩* француза, поучили бы тебя в школах тетрадкам, которые называют науками, да нравственности: сидеть смирно на лавке да подличать перед учителем — конечно, ты бы был немно-

го половчее на вид. Может быть, пошел бы по службе, попал бы в чины, в государственные люди, а все остался бы в душе тот же Собакевич. Только и разницы, что вот теперь какой-нибудь приехавший из Питера франт посмеется над твоею фигурою, скажет, что ты медведь, как оно и точно, а тогда бы не сказал. Да теперь ты уплетешь барана, закусивши ватрушкой в тарелку, а тогда бы ел котлетку в наперсток. А ведь куда бы ты больше зла наделал. Ты теперь копаешься с мужиками, с ними в ладу; б. В вариант а. внесены следующие исправления (кроме первого, все — карандашом): да подличать исправлено на: и подличать; все остался бы в душе тот же Собакевич на: все бы ты остался в душе тот же кулак Собакевич; приехавший из Питера на: заезжий из Петербурга; уплетешь на: уберешь; ватрушкой в тарелку на: ватрушкой в тарелку величиной; А ведь куда бы ты больше зла наделал на: а все бы ты был тот же кулак... **; в. Нет, я думаю, уж тебе суждено прежде рожденья быть тем, что называется кулак. Хоть тебя и пошливуй (так!), хоть [выучить] быть (так!) выучен ты и в школе; г. и ты чрез них сдался то, что называют [кулак] человек-кулак. Лучше ли б ты был, если б тебя воспитали на большую ногу, [последовали(?)] на модный образец, дали бы тебе в учителя француза, пустили в ход, и жил бы ты в Петербурге, а не в захолустьи, подъедая вместо четверти бараньего бока да вотрушки в тарелку котлетки не больше наперстка. Вряд ли было бы лучше, ты теперь копаешься с мужиками; с ними в ладу; д. и ты чрез них сдался то, что называют человек-кулак. Бог ведает, лучше ли б ты был, если б тебя воспитали французы, по моде, пустили в ход, и жил бы ты в Петербурге, а не в захолустье, что толку? вся разница в том, что вместо бока да ватрушки в тарелку, котлетки не больше наперстка, да вот теперь у тебя мужики, ты с ними в ладу; е. И ты [потому только] чрез них сдался то, что называют человек-кулак. [Но нет, мне кажется, все равно] Но лучше ли было бы, если бы воспитали тебя по моде, пустили бы в ход, и жил бы ты в Петербурге, а не в захолустье. Разница в том, что теперь съедаешь ты половину бараньего бока с кашей да вотрушку в тарелку, а тогда ел [какие-нибудь котлеты с тр(юфлями)] бы какие-нибудь котлетки с трюфлями. Теперь у тебя [мужики] под ведомством мужики, ты с ними в ладу (пустили бы в ход *вписано*); ж. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):

С. 100

^{36–37}

был бы тот же / был тот же [◊] (АК2)

³⁷

пустили бы в ход / пустили в ход (АК2); пустили в ход [◊] (АК3)

⁴⁰

ватрушкой / вотрушкою (АК3, АК4, МД1, МД2)

С. 101

^{3–11}

а тогда бы у тебя ~ все кулаки!.. / а. А тогда, займи-ка ты какое-нибудь значительное место, да будь в твоих руках дела государственные или казенные — у, как бы ты с ними славно распорядился. Еще бы и крест за это получил. А уж дал бы ты себя знать всему тому, что не твое. Чиновников своих ты бы так пощелкивал, что только

берегись; ты бы смекнул, что они не твои крепостные. Ты вот теперь ничему не учишься, не станешь и говорить о том, чего не знаешь, разве только выбранишь, да даже и знать ничего не хочешь. Ты просто теперь ломоть цельный, как выпустила тебя мать-натура, из одного, как говорится, бревна; а пошлифуйся ты да попробуй какой-нибудь науки, ты бы дал знать всем тем, которые в самом деле узнали какую-нибудь науку, а потом, чего доброго, сказал бы: дай-ка я себя покажу! да такое бы выдумал мудрое постановление, что многим бы пришлось солоно... Ух, если бы все те Собакевичи, которых уж больше не называют Собакевичами и над которыми не смеются... Здесь Чичиков сильно начал у себя почесывать за ухом; б. службу, чем в деревне <...?> в поместьях своих. Нет, уж кто родился кулаком, тот, видно, останется кулак. Не разогнуться ему <...?> в ладонь, а разогни ему один или другой палец, еще **; в. А тогда, займи-ка ты ~ <как в а.> они не твои крепостные. Нет, кто уж кулак, тому не разогнуться в ладонь. А разогни кулаку один или два пальца — [тогда просто не приведи бог] и того хуже, [ну] попробуй он вершков <вершков вписано> какой-нибудь науки, [да займи к тому какое-нибудь государственное место, дал бы он знать <знать вписано> всем тем, которые узнали в самом деле какую-нибудь науку. Да еще бы сказал потом] дал бы он знать, занявши место повиднее, всем тем, которые узнали в самом деле какую-нибудь науку. Да еще скажет потом: дай-ка себя покажу! да такое выдумает мудрое постановление, что многим придется солоно... Эх, если бы все кулаки... которых в свете не называют кулаками... Здесь Чичиков начал сильно, по русскому обычаю, почесывать у себя за ухом; г. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):

- 4 смекнувши, что они / смекнувши, что ведь они (АК2); что, смекнувши, ведь они [◊] (АК3)
- 4 не твои же крепостные / не твои же крепостные, жалеть их нечего [◊] (АК2)
- 6 А разогни кулаку / А разогни-ка кулаку [◊] (АК2)
- 6–7 выйдет еще хуже / выйдет [и то(го?)] еще хуже (АК2)
- 7 верхушек какой-нибудь науки / вершков какой-нибудь науки (АК2, АК3, АК4)
- 7–8 даст он знать потом / даст он потом знать (АК2); а. даст он потом знать; б. даст он знать (АК3); даст он знать (АК4)
- 9–11 Да еще, пожалуй ~ придется солоно... / а. Как в тексте; б. (ценз.) Текст вычеркнут (АК4); Текст нет (МД1, МД2)
- 12 — Готова записка, — сказал Собакевич / — Готова записка; тут они все, — сказал в это время Собакевич [◊] (АК2)
- 13–14 — Готова? пожалуйста ~ аккуратности и точности / Чичиков молча принял записку и изъявил благодарность легким наклоном головы. Пробежав ее глазами, он удивился аккуратности и точности, с какою она была составлена [◊] (АК2)
- 22–23 Да вот десять рублей есть. / Десятирублевая, впрочем, есть. [◊] (АК2)

- 25–27 Чичиков стал было ~ вынул еще бумажку / Чичиков стал отговариваться, что больше нет у него с собой денег, но Собакевич таким утвердительным тоном сказал, что у него есть деньги, что он, наконец, вынул еще бумажку [◊] (АК2)
- 28 Пожалуй / Ну пожалуй [◊] (АК2)
- 29, 31 расписочку / расписку (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 30 Да на что ж вам / Да на что вам (АК2, АК3, АК4)

С. 102

- 1 ревизские души / души (АК4, МД1, МД2)
- 5–9 ну да между приятелями ~ не хотите? / ну да уж нечего. Между приятелями нечего на это глядеть. Очень рад, что случай мне предоставил такое приятное знакомство. А женского пола не хотите? [◊] (АК2)
- 10 Нет, благодарю. / Нет, покорнейше благодарю. [◊] (АК2)
- 12 Нет, в женском поле не нуждаюсь. / Нет, благодарю; в женском поле я не нуждаюсь. [◊] (АК2)
- 16 говорил Чичиков прощаясь / сказал Чичиков [◊] (АК2)
- 19 Прощайте! / Прощайте, прощайте! [◊] (АК2)
- 20 коли выберется / Если выберется [◊] (АК2)
- 20–21 свободный часик / свободный часок (АК3, АК4)
- 23–24 садясь в бричку / севши в бричку [◊] (АК2)
- 24–30 чертов кулак ~ куда гость поедет. / а. Поперхнулся бы ты осиновым клином! А ведь и в казенной Палате не служил». — Он привстал несколько и оглянулся назад. Дом барской был еще виден, и на крыльце стоял Собакевич, как казалось, приглядывавшийся, куда гость поедет.; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 24 чертов кулак / Черт Кулак! (АК3); Чорт! Кулак! [◊] (АК4, кар.)
- 25 Он был недоволен / а. Он был очень недоволен; б. Он был недоволен; в. Он был очень недоволен (АК2); Он был очень недоволен [◊] (АК3)
- 25 поведением Собакевича / [таким] поведением Собакевича (АК2); поведением Собакевича (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 27 а поступил как бы совершенно чужой / а поступил кабы совершенно чужой (АК2); и поступил как бы совершенно чужой (АК3)
- 27–28 за дрянь взял деньги / дрянь продал (АК2); дрянь продал [◊] (АК3)
- 29–30 приглядывался / приглядывал (АК3); приглядывал [◊] (АК4, кар.)
- 31 до сих пор еще / до сих еще [◊] (АК3)
- 31–32 проговорил он сквозь зубы и велел Селифану / а. проговорил он и велел Селифану; б. проговорил сквозь зубы Чичиков и велел Селифану [◊] (АК2)
- 34–39 Ему хотелось ~ к себе в избу. / а. Ему хотелось порасспросить о дороге к Плюшкину, но не хотелось, чтобы об этом догадался Собакевич. Он выглядывал, не попадется ли где мужик, и, точно, скоро заметил мужика, который (оставлено место для одного-двух слов) претолстое бревно, тащил его на плече к себе в избу. Он подозревал его к себе.; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):

- 34 Ему хотелось заехать к Плюшкину / Ему хотелось [еще] заехать к [тому] Плюшкину (АК2)
- 35–36 чтобы Собакевич знал про это / чтобы Собакевич [это] знал про это (АК2)
- 36 бричка уже была / бричка была уже (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 37–38 поднявши где-то на дороге претолстое бревно / попавши где-то на дороге претолстое бревно (АК2, АК3, АК4, МД1)
- 38–39 подобно неутомному муравью / как неутомимый муравей (АК2); как неутомимый муравей [◊] (АК3)
- 40–41 Эй, борода! ~ господского дома? / а. Эй, борода! Куда дорога к Плюшкину?; б. Как в тексте, со следующим вариантом (АК2): так чтоб не мимо / [только] так, чтоб не мимо (АК2)

С. 103

- 1 затруднился сим вопросом / затруднился таким вопросом (АК2); затруднился сим [◊] (АК3)
- 2 Что ж, не знаешь? / а. Что, не знаешь?; б. Что ж ты? или Плюшкина не знаешь? (АК2); Что ж ты, или Плюшкина не знаешь? (АК3); Слов нет (АК4)
- 4–5 Эх ты! ~ кормит людей? / а. Эх ты, борода! А еще седым волосом подернул. Скрыгу-то Плюшкина не знаешь, того, что скуп?; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 4 еще подернуло / еще подернул (АК2); еще подернул [◊] (АК3)
- 5 что плохо кормит / что [ко(рмит)] плохо кормит (АК2)
- 8 но не употребительное в светском разговоре / но несколько не употребительное в светском разговоре [◊] (АК2)
- 8–9 а потому мы его пропустим / и потому мы его пропустим (АК4)
- 12–26 Выражается сильно ~ с ног до головы! / а. Должно признаться, что русской народ мастер метко выражаться и если наградит кого словом, то очень бывает не рад получивший его. Да, уж от слова нельзя отвязаться. Оно пойдет ему в род, прозвище и фамилию, и он утащит его с собою и в Петербург, и на край света. И как уж потом ни хитри и ни облагораживай эту свою фамилию, как ни вставляй в середину ерчики большие и малые, как ни прибавляй окончания на в и н — ничто не поможет. Конечно, потом, если посчастливится выйти в люди, найдутся люди, которые станут производить фамилию от древнего княжеского рода, печатать об этом брошюрки и трактовать о старинном происхождении как об деле решенном, но все это не поможет, роковая фамилия постоит сама за себя и скажет ясно, из какого гнезда вылетела птица. Произнесенное метко, все равно, что писанное, не выскабливается скобелем, не вырубливается топором; его не выкуришь тоже никаким куревом. А уж куды бывает весовато и сильно слово, что вышло из глубины Руси, где нет ни немецких, ни чухонских, ни всяких племен, а все сам самородок, живой и бойкой русской ум, что как вlepил тебе его, то и носи его на здоровье с собой как паспорт, и уж нечего прибавлять, какой у тебя нос или губы; одной чертой обрисован ты с ног до головы; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):

- 13 в род и потомство, утащит он его / в род и потомство [и как п(отом?)],
утащит он его (АК2)
- 15 как уж потом ни хитри и ни облагораживай / как уж потом ни хитри
(оставлено свободное место) ◊ (АК3)
- 15 свое прозвище / свое поприще (АК4, МД1, МД2)
- 16–17 хоть заставь пишущих ~ древнекняжеского рода / а. Как в тексте;
б. (ценз.) Слова вычеркнуты (АК4); Слов нет (МД1, МД2)
- 17–18 каркнет само за себя прозвище / кракнет сама за себя фамилия (так в
рукописи — АК2); а. кракнет сама за себя фамилия; б. каркнет сама
за себя фамилия (АК3); каркнет сама за себя фамилия (АК4)
- 23 не высиживает его, как наследка / не высиживает [ка(к)] его, как на-
седка (АК2)
- 25 какой у тебя нос / какой и у тебя нос (АК3, АК4)
- 28 рассыпано по святой благочестивой Руси / рассыпано на святой бла-
гочестивой Руси (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 29–30 толпится, пестреет / рассыпано, толпится, пестреет ◊ (АК2)
- 30 и мечется по лицу земли / и (оставлено свободное место) по лицу
земли ◊ (АК2)
- 34 в выраженьи / в выражении (АК2, АК3, АК4)
- 35 познащем / познанием (АК2, АК3, АК4)
- 35–36 отзовется / отличается (АК4); отзовется (МД1)
- 37–38 придумает ~ слово немец / придумает свое, не всякому доступное ум-
но-худощавое слово немца (АК4)
- 39–40 так вырвалось ~ так бы кипело / а. так сметливо бы вырвалось и
вместе так бы кипело; б. так вырвалось бы из-под самого сердца
и вместе так бы кипело (АК2); так вырвалось бы из-под самого
сердца и вместе так бы кипело (АК3, АК4)

⟨Глава VI⟩

С. 104

- 2–8 Прежде, давно ~ поражало. / а. Прежде, в лета моего детства, мне
было весело подвезжать в первый раз к незнакомому месту. Будь
это просто бедный городишка или большое местечко, а уже в них
являлась мне куча занимательного и нового. Всякое строение, вся-
кая едва заметная особенность, словом, все поражало и останавли-
вало меня.; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 2 в лета моей юности / в летней моей юности ◊ (АК3)
- 2–3 мелькнувшего / минувшего ◊ (АК3)
- 4 была ли то деревушка / была ли это деревушка (АК2); была ли это
деревушка ◊ (АК3)
- 5 любопытного / арботного (так!) ◊ (АК3)
- 6–7 все, что носило только на себе напечатленье / все, что [ни] носило
только [печать] на себе напечатленье (АК2)
- 9–11 с половиною фальшивых окон ~ обывательских домиков / тор-
чавший один среди одноэтажных мещанских и обывательских
домиков ◊ (АК2)

- 11–12 правильный купол ~ белым железом / правильный купол \diamond (АК2)
- 14–15 ничто не ускользало от свежего, тонкого вниманья / а. старая ли колымага, которой немазаные колеса испускали визг и свист, все раздражало мое свежее вниманье; б. дрожки**; в. ничто не могло ускользнуть от свежего, тонкого вниманья \diamond (АК2); ничто не ускользало от свежего, тонкого внимания (АК3, АК4)
- 16 я глядел и на невиданный дотоле покррой / а. я следил глазами и невиданный дотоле покррой; б. я глазами \diamond (АК2); а. я глядел (так в рукописи) и на невиданный дотоле покррой; б. я глазел и на невиданный дотоле покррой (АК3)
- 17 и на деревянные ящики с гвоздями / и ящики с гвоздями \diamond (АК2); и на деревянные ящички с гвоздями (АК4)
- 17–18 с серой, желтевшю вдали / с желтевшю издали серою \diamond (АК2); с серой, желтевшю вдали (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 18 с изюмом и мылом / изюмом и мылом \diamond (АК2)
- 18–23 мелькавшие из дверей ~ бедную жизнь их / а. выставленные в дверях ошоенных лавок, и купеческих прикащиков, игравших в шашки; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 18 из дверей овощной лавки / из дверей мелкой овощной лавки (АК2); из дверей мелкой овощной лавки (АК3, АК4)
- 19 вместе с банками / вместе с [двумя] банками (АК2)
- 19–20 глядел и на шедшего в стороне / и на шедшего в стороне (АК2); и на шедшего в стороне \diamond (АК3)
- 20 офицера-постояльца, занесенного / офицера, занесенного (АК4, МД1, МД2)
- 21 на уездную скуку / на скуку (АК2); на скуку \diamond (АК3)
- 22 за ними / за ним (АК3)
- 23 Уездный чиновник / Уездный чиновник какой-нибудь \diamond (АК2)
- 23 пройди мимо / пройдя мимо \diamond (АК3)
- 24 куды он идет / куда он идет (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 25 чтобы, посидевши / чтобы посидеть \diamond (АК2)
- 26 не совсем еще сгустились сумерки / не совсем еще [потемнело] сгустились сумерки (АК2)
- 29 или мальчик / а. а может быть и мальчик; б. или и мальчик* (АК2); или и мальчик \diamond (АК3)
- 29 принесет / приносит \diamond (АК3)

С. 104–105

- 30–2 Подъезжая к деревне ~ старую церковь. / Когда подъезжал я к какой-нибудь деревушке незнакомого помещика, я смотрел с любопытством на какую-нибудь немножко непохожую на обыкновенные ветряную мельницу, на узкую, высокую деревянную колокольню или широко разъехавшуюся, почерневшую, старую деревянную церковь. \diamond (АК2)

С. 105

- 1–2 деревянную колокольню ~ старую церковь / деревянную или широкую, темную деревянную старую церковь \diamond (АК3)

- 2–6 Заманчиво мелькали мне ~ сам помещик / а. Мне заманчиво мелькали через деревья белые трубы и красная крыша помещичья дома, я ожидал нетерпеливо, пока сдвинется и отойдет на сторону по мере приближения скрывающая его густая зелень и он наконец предстанет весь с своею тогда, увы! вовсе не пошлою наружностью, и, осматривая его любопытно, я старался по нем угадать, кто таков помещик; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 2 Заманчиво мелькали мне издали / Мне издали мелькали заманчиво (АК2); Мне издали мелькали заманчиво [◊] (АК3)
- 3 помещичьего дома / помещичья дома (АК2); помещичья дома [◊] (АК3)
- 4–5 пока разойдутся на обе стороны заступавшие его сады / пока [он взглянет весь с] уйдут заступавшие его сады (АК2); пока уйдут заступавшие его сады [◊] (АК3)
- 5 и он покажется / и он глянет (АК2); и он глянет [◊] (АК3)
- 5 весь с своею / весь [с] своею (АК2); весь своею [◊] (АК3)
- 8–9 меньшую сестрицей / меньшею сестрицей (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 9 черноглазы ли они / черноглаза ли она [◊] (АК3)
- 9–11 или хмурен ~ рожь и пшеницу / а. или нахмурен, глядит да читает один календарь; б. или хмурен, как сентябрь в последних числах, глядит в календарь и говорит про свою пшеницу и рожь*; в. или хмурен ~ и говорит про скучную для юности пшеницу и рожь* [◊] (АК2)
- 13 и равнодушно гляжу / и пошло гляжу [◊] (АК2)
- 14 неприятно / неприятно (АК3, АК4)
- 17 о моя свежесть! / о моя святость! [◊] (АК3)
- 18 Покамест / Покаместь (АК2, МД1)
- 19 он и не заметил / он не заметил (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 22 произведенный бревенчатою мостовою / а. происшедший от местами попадавшей бревенчатой мостовой; б. произведенн(ый) бревенчатой мостовою (АК2); произведенной от бревенчатой мостовой (АК3, АК4)
- 22–23 городская каменная была ничто / была ничто каменная городская [◊] (АК2); городская каменная была [◊] (АК3)
- 23 фортепьянные клавиши / фортопьянные клавиши (АК2, АК3, АК4)
- 25 или же случалось / или же иногда случалось [◊] (АК2)
- 26 своими собственными / своими же собственными [◊] (АК2)
- 26–27 собственного же языка / собственного же своего языка [◊] (АК2)
- 27–28 заметил он на всех / заметил он вообще на всех [◊] (АК2)
- 29–32 многие крыши сквозили ~ конечно, справедливо / а. крыши на иных просвечивали, как решето, и воробьи пролетали целыми тучами их напролет; впрочем, дыры были так велики, что и вороны могли пробраться. Кажется, сами хозяева разобрали с них драницы и доски на разные потребности, рассуждая, и весьма справедливо; б. крыши на иных ~ пролетали их напролет (1 нрзб.) густыми тучами; впрочем, дыры были так велики, что, кажется, и вороны могли пробраться.

Видно, сами хозяева ~ рассуждая, и, конечно, справедливо* ; в. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):

29 многие крыши сквозили, как решето / а. [На многи(х)] Многие крыши были вовсе с дырами, как решето; б. многие крыши были дырявы, как решето [◊] (АК2)

29 на иных оставался / на иных [из них] оставался (АК2)

30–31 сами хозяева снесли / сами хозяины снесли (АК2); сама хозяйка снесла [◊] (АК3)

33 бабиться же в ней незачем / а. к тому же незачем в ней и бабиться; б. а бабиться в ней незачем (АК2); а бабиться в ней незачем (АК3, АК4)

34 словом, где хочешь / словом, везде, где хочешь [◊] (АК2)

36 с перилами / с перилами и резными украшениями [◊] (АК2)

36 неизвестно для каких причин / неизвестно для какой причины (АК2); неизвестно для как причины [◊] (АК3)

37 в иных русских избах / в русских избах [◊] (АК2)

37–38 даже не живописно / даже не <оставлено свободное место> [◊] (АК3)

С. 105–106

38–2 Из-за изб тянулись ~ был господский. / а. Из-за изб выходили во многих местах целые длинные ряды скирд хлеба и сена, застоялые, как казалось, долго, ибо цветом походили более на старый, плохо выжженный кирпич, чем на сено, и на верхушках их росла всякая дрянь и даже прицепившийся кое-где сбоку кустарник. Ясно, что сено было то, что называют экономическое; у мужиков оно бы, конечно, не залежалось так долго. Во всем селе было что-то похожее на выгоревшую деревню.; б. Из-за изб ~ всякая дрянь и кое-где сбоку прицепился даже кустарник. Сено, как видно, было экономическое, у мужика бы оно не залежалось ~ деревню*; в. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):

С. 105

38 тянулись во многих местах / тянулись [местами] во многих местах (АК2)

39 цветом походили они / походившие цветом (АК2, АК3, АК4)

С. 105–106

40–1 на верхушке их ~ кустарник / с поросешю на верхушке [всякою] всякой дрянью и даже прицепившимся сбоку кустарником (АК2); с поросешю на верхушке всякой дрянью и даже прицепившимся сбоку кустарником (АК3, АК4)

С. 106

2–3 Из-за хлебных кладей ~ то справа, то слева / а. Через избы, крыши и улицы мелькали то с левой, то с правой стороны; б. Как в тексте, со следующим вариантом (АК2):

2 Из-за хлебных кладей и ветхих избяных крыш / Из-за [кладей, крыш] хлебных кладей и ветхих избяных крыш (АК2); Из-за хлебных кладей и ветхих крыш (АК3, АК4, МД1, МД2)

4 две сельские церкви / две сельские [◊] (АК3)

- 4–5 одна возле другой / стоявшие одна возле другой \diamond (AK2)
- 5–16 опустевшая деревянная ~ осенних перемен / а. деревянная, которая была очень стара, и каменная, казавшаяся очень старой, ибо желтые стены ее были все в пятнах, трещинах и местами обнажены до кирпичей. Через избы, крыши и улицы стал выказываться понемногу господский дом и на несколько минут показался весь в том месте, где цепь изб обрывалась и на место их оставался пустырем какой-нибудь огород, засаженный капустой, с тянущимся вдали частоколом. Каким-то дряхлым инвалидом глядел господский дом: он был длинен, длинен непомерно; кое-где надстроенные над ним антресоли разнообразили однообразную длину его; высокая темная крыша не везде надежно укрывала и защищала его старость, вверху были видны два бельведера, один против другого, которые пошатнулись уже на сторону; обветшалые столбики, на которых опирались их старенькие крышки, давно уже потеряли когда-то покрывавшую их краску; дождь и время отвалили местами со стен дома штукатурку и произвели на них множество пятен, из которых одно походило даже видом на Европу; штукатурная решетка выглядывала довольно часто; б. деревянная ~ оставался пустырем огород ~ один против другого, уже пошатнувшиеся на сторону ~ покрывавшую их краску. Дождь и время во многих местах отвалили со стен дома штукатурку и произвели по ней множество пятен ~ довольно часто*; в. Как в тексте, со следующими вариантами (AK2):
- 5–6 с желтенькими стенами / с желтыми стенами (AK2); с толстыми стенами \diamond (AK3)
- 6 испятнанная, истрескавшаяся / покрытыми пятнами и трещинами \diamond (AK2)
- 7 и наконец глянул весь в том месте / в тех местах \diamond (AK2)
- 8 прервалась / прерывалась (AK2); прорывалась \diamond (AK3)
- 8 остался пустырем / оставался пустырем \diamond (AK2)
- 9 обнесенный низкою, местами изломанною городьбою / огражденный [городьб(ою)] низкою [деревянной городьбою], местами [изломанной городьбой] изломанною городьбою (AK2); а. огражденный низкою местами городьбою; б. обнесенный низкою, местами изломанной городьбою (AK3); Как в варианте б. AK3 (AK4)
- 10 глядел сей странный замок / глядел он (AK2); глядел он \diamond (AK3)
- 11 Местами был он в один этаж, местами в два / а. Как в тексте; б. Где был он в один этаж, где в два (AK2); Где был он в один этаж, где в два \diamond (AK3)
- 11–12 на темной крыше / на темной крыше его \diamond (AK2)
- 12 не везде надежно защищавшей / не везде надежно [укрыва(вшей)] защищавшей (AK2)
- 13 пошатнувшиеся / пошатнувшиеся на стороны \diamond (AK2)
- 14 покрывавшей их краски / покрывав(оставлено свободное место) их краски \diamond (AK3)

- 16 от всяких непогод, дождей, вихрей и осенних перемен / от всяких непогод, дождей (АК2); а. от всяких непогод, дождей; б. от всяких непогод, дождей, вихрей и всяких осенних перемен [◊] (АК3)
- 17 только два / только двое (АК2)
- 22–23 казалось / казалось [◊] (АК3)
- 23 один освежал / один оживлял [◊] (АК2)
- 25 трепетolistными куполами / трепетнолистными куполами (АК2); тре(не дописано) куполами [◊] (АК3)
- 27–28 лишенный верхушки, отломленной бурей / лишенный верхушки, отломленный бурей (АК3)
- 28 из этой зеленой гущи / из этой гущи [◊] (АК2)
- 30 косой, остроконечный излом / и косой, остроконечный излом [◊] (АК2)
- 31 темнел на снежной белизне его / темнел по (оставлено свободное место) белизне его [◊] (АК3); темнел по снежной белизне его (АК4)
- 34 взбегал наконец вверх и обвивал / взбегал наконец наверх и обвивал (АК2); а. взбежал наконец наверх и обвивал; б. взбежал наконец вверх и обвивал (АК3); Как в варианте б. АК3 (АК4)
- 35–36 свешивался вниз и начинал / свешивался и вниз начинал [◊] (АК3)

С. 106–107

- 38–10 Местами расходились ~ свои вершины. / а. Там, где расходились зелено-облачные массы, двухсотлетние липы выказывали свои седые, искривленные, в обхват трем человекам, дулистые стволы, и, не освещенная солнцем, виднелась промеж них дорожка, заросшая зеленью, и по ней краснели изредка красноватые, почти кровавые пятна, свидетельствовавшие, что она когда-то была убита вся мелким кирпичом или усыпана песком. С обеих сторон ее вытыкались густой щетиною седые, иссохшие, вероятно, от страшной глушины, сучья кустарников; ветвь клена протягивала откуда-нибудь сбоку, из-за пней, свои тонкие, распла(с)танные листы, подобные лапам, — и солнце, проскользнувши бог весть откуда и забравшись под какой-нибудь лист, превращало его вдруг в прозрачный и огненный, чудно сиявший в этой густой темноте. В других концах сада выглядывали из зелени дерев где деревянная крышка какой-нибудь старенькой беседки, где полуобрушенные перила почерневшего мостика; несколько высокорослых, не вровень другим, осин подымали на трепетные вершины свои огромные вороньи гнезда.; б. В текст варианта а. карандашом внесены исправления: краснели изредка — изменено на: мелькали местами; С обеих сторон ее — изменено на: Сквозь пролет [широких(?)] корней и стволов(?); в. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 38–1 Местами расходились ~ в черной глубине его / а. По освещенной зеленой стене садов, где темнели ушедшие в тень уступы, местами (1 нрзб.) темнели двери, сообщавши(е?) ей рыхлость, где обращались они в зияющую, темную [и чу(ть?)] пасть, всю окинутую тенью, и чуть-чуть были видны в ней; б. Местами расходились зеленые чащи, озаренные солнцем, [и между ними] и показывали

неосвещенное между них углубление, зиявшее, как темная пасть, вс(я) окинут(ая) тенью, и чуть-чуть заметны были в самой черной глубине [углубленья] (AK2); а. Местами расходились зеленые чащи, озаренные солнцем, и показывали неосвещенное между них углубление, зиявшее, как темная, вся окинутая тенью, и чуть-чуть заметны были в самой черной глубине; б. Местами расходились зеленые чащи, озаренные солнцем, и показывали неосвещенное между них углубление, зиявшее, как темная пасть, вся окинутая тенью, и чуть-чуть заметны были в самой черной глубине сей пасти (AK3); Как в варианте б. АКЗ (AK4)

C. 107

- 2 перилы / пер(не дописано) ◊ (AK3)
- 2 дулистый дряхлый ствол ивы / (оставлено свободное место) дряхлый ствол и в (оставлено свободное место) ◊ (AK3)
- 3 седой чапыжник / седой (оставлено свободное место) ◊ (AK3)
- 3 вытыкавший из-за ивы / вытыкавший из-за не(е) (AK2); а. вытыкавший из-за (оставлено свободное место); б. вытыкавший из-за него (AK3); вытыкавший из-за него (AK4)
- 3–5 иссохшие от страшной глушины, перепутавшиеся и скрестившиеся листья и сучья / иссохшие [снизу сучья дерев] от страшной глушины листья и сучья (AK2); из (оставлено свободное место) от страшной п(оставлено свободное место) листья и сучья ◊ (AK3)
- 5 молодая ветвь клена / ветвь клена ◊ (AK2)
- 6 лапы-листы / а. лапы-листы; б. лапы-листья (AK3)
- 7 превращало его вдруг / превращало его (AK2); превращало ◊ (AK3)
- 8–10 В стороне ~ свои вершины. / несколько высокорослых, не вровень другим, осин подымали на трепетные вершины свои огромные вороньи гнезда (AK2); а. несколько высокорослых, не вровень других, осин подымали на трепетные вершины свои огромные вороньи гнезда; б. В стороне несколько высокорослых, не вровень других, осин подымали огромные вороньи гнезда на трепетные свои вершины.; в. Как в тексте, со следующим вариантом (AK3):
- 9 не вровень другим / не вровень других (AK3, AK4)
- 11 отдернутые и не вполне отделенные ветви / а. отстегнутые, но не вполне отделенные ветви; б. отдернутые и вполне отделенные ветви (AK2); поддернутые и вполне отделенные ветви ◊ (AK3)
- 11–12 висели вниз вместе с иссохшими листьями. Словом, все было хорошо / висели вниз вместе с иссохшими листьями. Словом, все было как-то пустынно-хорошо (AK2); висели вниз вместе с иссохшими — хорошо ◊ (AK3)
- 13–14 как бывает ~ вместе / как бывает только тогда, когда искусство и природа соединятся вместе (AK2); как бывает вместе ◊ (AK3)
- 16 облегчит тяжелые массы / об(оставлено свободное место) тяжелые массы ◊ (AK3)
- 18 и даст чудную теплоту всему / а. и даст свою чудную теплоту всему; б. (кар.) и всему даст чудную теплоту (AK2); и вам даст свою чуд-

ную теплоту всему [◊] (АК3); и дает чудную теплоту всему (АК4, МД2)

20–34 Сделав один или два поворота ~ скоро заметил / а. Сделав еще один поворот в переулок, где видны были какие-то длинные хозяйственные строения, фабрики или запасные магазины, герой наш очутился в широкой улице, в конце которой предстал прямо в лицо ему уже описанной господский дом. Казалось, по мере приближения к нему, он становился еще печальнее. Деревянная высокая решетчатая ограда, окружавшая двор, потемнела совершенно. Время, как будто видя, что никто не старался выкрасить и поновить ее, покрыло ее во многих местах зеленою плесенью, которую любит покрывать старое дерево. Двор был наполнен множеством амбаров и кладовых, флигелями для кухни, для людских, для бани, для погребов. Под боком находился другой двор, куда вели особые ворота и который, казалось, назначен служить рабочим двором. Все показывало, что здесь когда-то текло хозяйство в обширном размере, но все отзывалось теперь чем-то заглохлым. Трава и дикой бурьян росли по широкому двору, и вместо когда-то бывших прочищенных и обделанных дорог, приводивших в сообщение все строения, видны были другие, узенькие, протоптанные ногами пешеходов. В середине двора, верно, был когда-то или цветник или круглой Палисадник, потому что местами еще торчали низенькие столбики маленькой деревянной решеткой, обпо(я)савшей его овальную окружность, да два-три изувеченные кустарники, еще не вовсе съеденные скотом. Все строения глядели как-то необыкновенно пасмурно. Нигде не видно было отворявшихся дверей, что оживляет картину, ни выходявших людей, ни живых хлопот и забот дома. Ворота одни были только растворены, и то потому, что въезжала телега с грузом, покрытым рогожею; в другое время они запирались наглухо, ибо висел огромный железный замок. Возле одного из хозяйственных строений Чичиков скоро заметил; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):

21 перед самим домом / перед самым домом (АК3, АК4, МД1, МД2)

22 Зеленая плесень / Зелень цветения [◊] (АК2)

22 покрыла ветхое дерево / покрыла дерево (АК2); покрыла дерево [◊] (АК3)

24–25 ворота в другие дворы / ворота и другие дворы (АК3, АК4)

25–26 хозяйство текло / хоз(оставлено свободное место) текло [◊] (АК3)

27 ни отворявшихся дверей / ни отворяющихся дверей (АК3, АК4)

28 никаких живых хлопот / и никаких живых хлопот (АК2, АК3, АК4)

29 Только одни главные ворота / Вороты, однако ж (АК2); а. Вороты, однако ж; б. Главные ворота [◊] (АК3)

29–30 и то потому, что въехал / потому что въехал (АК2); потому что въехал [◊] (АК3)

30 с нагруженной телегой / с полною телего(ю) (АК2); с полною телегой (АК3, АК4)

- 31 показавшийся как бы нарочно / как бы нарочно (АК2); как бы нарочно \diamond (АК3)
- 32 в другое время и они были заперты наглухо / в другое, казалось, и они были за[мкну(ты)]перты наглухо (АК2); в другое, казалось, и они были заперты наглухо \diamond (АК3)
- 32–33 ибо в железной петле / [потому] потому что в железной петле \diamond (АК2)
- 33–34 У одного из строений Чичиков скоро заметил / Чичиков скоро заметил (АК2); Чичиков скоро заметил \diamond (АК3)
- 35 приехавшим на телеге / приехавшим на *(оставлено свободное место)* \diamond (АК3)
- 35 Долго он не мог распознать / Он долго не мог распознать (АК2); Он долго не мог распознать \diamond (АК3)
- 35–36 какого пола была фигура / какого рода была фигура \diamond (АК2)
- 36–37 совершенно неопределенное / самое неопределенное (АК2); самое неопределенное \diamond (АК3)
- 37 похожее очень / похоже очень (АК3, АК4)
- 37–38 колпак, какой носят / колпак, какой иногда носят (АК2); колпак, какой иногда носят \diamond (АК3)
- 40 тут же прибавил / пусть же прибавил \diamond (АК3)

С. 108

- 3 потому что она обсмотрела / а. ибо она рассмотрела; б. потому что она рассмотрела (АК2); потому что она рассмотрела (АК3, АК4)
- 8 сказал он / сказал (АК3, АК4)
- 14 с большой прорехой / с большой прорехою (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 17–34 Из сеней он попал в комнату ~ два пера / а. Свет проходил узенькой, тонкой струйкою сквозь ставни, закрывавшие окна, и едва давал заметить наваленные кучи какого-то хлама. Из сеней прошел он в узенькую переднюю, в которой ставни были тоже закрыты, и она $\langle \text{?} \rangle$ освещалась несколько светом, выходявшим из-под дверей другой комнаты, внизу которых оставалось большое отверстие. Вышел из нее, отворив эту дверь, он [был пораж(ен)] очутился, наконец, в светлой комнате, которая, однако же, его несколько поразила. Ему на несколько минут показалось, что он пришел на аукцион или в магазин каких-нибудь старинных вещей и мебели, всегда странно поражающих взоры своею темною наружностью и немалым беспорядком среди светлых, сияющих чистотою и убранством магазинов. Все было в ней скорее нагромождено, чем расставлено. Казалось, будто в доме происходило или мытье полов, или уборка комнат, и сюда снесли на время как ни попало все мебели. У стены стоял стол, пред ним другой; на том и на другом часы с остановившимися маятниками, которым пауки приладили уже свои паутины. Против дверей было бюро темного дерева, выложенное перламутровой мозаикой, которая местами выпала, и в замену ее желтели узенькие желобки, наполненные клеем. На бюро лежало несколько узеньких записочек и всяких бумажных лоскутков, накрытых пожелтелым

каменным прессом с таким же яичком, колокольчик с отломленной ручкой и щеты. К самому бюро придвинут был шкаф, в котором за стеклами были видны потемневшие серебряные стаканы, старинные бокалы и подносы, хрустальные графинчики, связки каких-то бумаг, облитых кофеем, китайские фарфоровые чашки, отломленная ручка кресел, молитвенник и лимон, высохший до такой степени, что казался похожим более на лесной орех, чем на лимон (чем на лимон *вычеркнуто карандашом*). На окне, которого половина была заставлена этим шкафом, валялось несколько книг в старом кожаном переплете с красным обрезом и календарь в бумажной обертке, похожей на те обон, которыми обклеивается на станциях перегорodka, назначенная для скрытия жены станционного смотрителя от взоров проезжающих. Тут же на окне стояла рюмка с какою-то жидкостью и тремя мухами, накрытая письмом. Тут же лежали небольшой кусочек сургучика, два пера; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):

- 17 Из сеней он попал в комнату, тоже темную / Из сеней [взошел] попал он [тоже] в [темную] комнату, тоже темную (АК2); Из сеней попал он в комнату, тоже темную (АК3, АК4)
- 18 чуть-чуть озаренную / чуть-чуть освещенную \diamond (АК2)
- 18–19 светом, выходявшим ~ внизу двери / светом [из], выходявшим из-под широкой щели, [наход(ившейся)] [внизу] находившейся [под] внизу двери (АК2)
- 23 и рядом с ним часы / и тут же возле него часы \diamond (АК2)
- 24 уже приладил паутину / уже прикрепил паутину \diamond (АК2)
- 24–25 Тут же стоял прислоненный боком к стене шкаф / Тут же прислоненный боком к стене стоял шкаф \diamond (АК2)
- 26 перламутною мозаикой / перламутною мозаикой (АК2); перлапутною мозаикой \diamond (АК3)
- 27 и оставила после себя / оставив после себя \diamond (АК2)
- 27–28 одни желтенькие желобки, наполненные клеем / узенькие желтевшие наполненные клеем желобки \diamond (АК2); а. одни жел(оставлено свободное место) желобки, наполненные клеем; б. одни желтинькие желобки, наполненные клеем (АК3)
- 30 прессом с яичком наверху / прессом с (оставлено свободное место) наверху \diamond (АК3)
- 31–32 весь высохший, ростом не более лесного ореха / а. весь высохнувший, как лесной орех; б. весь высохнувший, не более лесного ореха (АК2); весь высохнувший, не более лесного ореха \diamond (АК3)
- 32 отломленная ручка кресел / отломленная ручка \diamond (АК2)
- 34 запачканные / зачканные \diamond (АК3)
- 35 как в чухотке / как в (оставлено свободное место) \diamond (АК3)
- 35–36 зубочистка, совершенно пожелтевшая / и зубочистка, совершенно пожелтевшая (АК2); и зубочистка, совершенно пожелтевшая \diamond (АК3)
- 36–37 до нашествия / в нашествие \diamond (АК3)

- 38–39 По стенам навешано было весьма тесно и bestолоково несколько картин / а. На стульях и креслах были холстяные чехлы, совершенно пожелтевшие. Несколько картин были развешаны на стене без толка и довольно тесно; б. По стенам навешано было весьма тесно и очень bestолоково несколько картин (АК2); По стенам навешано было весьма тесно и очень bestолоково несколько картин [◊] (АК3)

С. 109

- 1 без стекла, вставленный в раму / а. висел без стекла, в рамках; б. висел без стекла, вставленный в огромные рамы; в. без стекла, вставленный в рамы (АК2); а. без стекла, вставленным в рамы; б. без стекла, вставленный в рамы (АК3)
- 3 В ряд с ними занимала полстены / а. и рядом с ним; б. в ряд с ним занимала полстены (АК2); В ряд с ним занимала полстены (АК3, АК4)
- 3–4 огромная почерневшая картина / огромнопочерневшая картина (АК3)
- 5–6 висевшую головою вниз утку / висевшую вниз утку (АК2, АК3, АК4)
- 6 С середины потолка висела / Среди комнаты висела [◊] (АК2)
- 6–7 в холстяном мешке / в холстинном мешке (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 7 сделавшаяся похожею на шелковый кокон / сделавшаяся похожею на *⟨оставлено свободное место⟩* [◊] (АК3)
- 8 В углу комнаты / В углу комнат (АК2, АК3)
- 8–10 была навалена ~ решить было трудно / а. заметил Чичиков нагроможденную кучу, но чего — трудно было решить; б. *Как в тексте, со следующими вариантами* (АК2):
- 10 находилась в куче / было в куче [◊] (АК2); находилось в *⟨оставлено свободное место⟩* [◊] (АК3)
- 12–13 заметнее прочего ~ подошва сапога / а. заметен был угол какой-то рамы, что-то похожее на большую вазу, старая подошва сапога и даже отломленный кусок деревянной лопаты; б. [Резче] Виднее прочего высовывался угол какой-то рамы, черепок вазы, старая подошва сапога и даже отломленный кусок деревянной лопаты; в. заметнее прочего [впрочем] высовывался оттуда отломленный кусок деревянной лопаты (АК2); заметнее прочего высовывался оттуда отломленный кусок деревянной лопаты [◊] (АК3)
- 13–14 Никак бы нельзя ~ в комнате сей / Никак бы нельзя узнать, что в этой комнате [◊] (АК2)
- 15–16 если бы не возвещал ~ поношенный колпак / если бы не старый, поношенный и полинялый колпак [◊] (АК2)
- 16–17 странное убранство / а. странное убранство этой комнаты; б. странное убранство комнаты (АК2); а. старинное убранство комнаты; б. стринное *⟨так в рукописи⟩* ее убранство (АК3); странное ее убранство (АК4)
- 19 скорее ключник, чем ключница / скорее ключник, нежели ключница [◊] (АК2)

- 19–23 ключница, по крайней мере ~ на конюшне лошадей / ибо ключница бороды не бреет, а этот, напротив того, брил, и притом довольно редко, ибо весь подбородок и вся нижняя часть щеки был очень похож на густую скребницу из железной проволоки, которою чистят лошадей. [◊] (АК2)
- 24 с нетерпеньем / с нетерпением (АК2, АК3, АК4)
- 24–25 что хочет сказать ему ключник / что хочет сказать ему этот ключник [◊] (АК2)
- 26–27 недоумением / недоимением (АК3)
- 32 А ведь / А вить (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 36 но такого он еще не выдывал / но эдакого он еще никогда не выдывал [◊] (АК2); но *⟨оставлено свободное место⟩* он еще не выдывал [◊] (АК3)
- 36–38 Лицо его ~ худощавых стариков / В лице его, конечно, ничего не было особенного: оно было такое же, как у всех почти сухеньких стариков [◊] (АК2); Лицо ее не представляло ничего особенного: оно было почти такое *⟨оставлено свободное место⟩*, как у многих худощав*⟨оставлено свободное место⟩* стариков [◊] (АК3)
- 38–39 выступал очень далеко вперед / а. выступал уж несколько далеко вперед; б. выступал [только] очень далеко вперед (АК2)
- 39 всякой раз закрывать его платком / закрывать его платком [◊] (АК2)
- 40 чтобы не заплывать / дабы не заплывать [◊] (АК2)

С. 109–110

- 40–1 маленькие глазки ~ из-под высоко выросших бровей / а. прочее все было решительно так же: рот с тонкими, цепко сжатыми губами несколько провалился в середину, ибо изнутри нечем было подпереть его: оба ряда зубов, верхний и нижний, давно убрались, оставив на место себя, в виде гарнизона, по одному зубу, и то плохому. Какой-то беспокойный огонь бродил в его еще не вовсе потухнувших маленьких глазах. Они бегали из-под высоко выросших бровей; б. а прочее ~ несколько провалившийся в середину, ибо изнутри подпереть его было нечем, зубов *⟨не закончено⟩* Глаза еще не совсем потухли^{**}; в. [мален*⟨ькие⟩*] маленькие глазки еще не потухли и бегали из-под высоко выросших бровей (АК2)

С. 110

- 1 когда, высунувши / как высунувши [◊] (АК3)
- 1–2 из темных нор / из тесных нор [◊] (АК3)
- 2 моргая усом / мор*⟨оставлено свободное место⟩* усом [◊] (АК3)
- 4–8 Гораздо замечательнее ~ четыре полы / а. Замечательнее всего был костюм его: конечно, можно было догадываться, что на нем был халат, но из чего состряпан был халат — этого уже нельзя было догадаться: еще на спине и боках видны были приметы бумажной материи, но обшлага, отвороты на груди и полы вверху до того были замаслены и залоснились, что походили на юфту, из которой шьют матросам сапоги, да и весь халат имел такое странное устройство, что сзади едва ли не висели четыре полы; б. В текст варианта а. внесено одно исправление: этого уже нельзя было догадаться —

- изменено на: этого догадаться не могли(?)^{*}; в. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 5 стараньями / стараниями (АК3, АК4)
- 5 нельзя бы докопаться / нельзя бы (оставлено свободное место) [◇] (АК3)
- 6 из чего состряпан был его халат / из чего состряпан был халат его (АК2); из чего состряпан был халат его [◇] (АК3)
- 8 назади вместо двух болталось четыре полы / [сзади] назади вместо двух [горчало] болталось четыре полы (АК2)
- 11 никак не галстук / никак не галстук (АК3, АК4, МД1)
- 11 Словом / Одним словом [◇] (АК2)
- 12 встретил его, так принаряженного / встретил его, так приодетого [◇] (АК2); встретил (оставлено свободное место) [◇] принаряженного [◇] (АК3)
- 13 то, вероятно, дал бы / а. Как в тексте; б. он, вероятно, дал бы (АК2); он, вероятно, дал бы (АК3, АК4)
- 14 сострадательно / сострадательное [◇] (АК3)
- 15 не мог никак удержаться / а. не мог отказаться; б. не мог никак отказаться (АК2); не мог никак отказаться [◇] (АК3)
- 15–16 чтобы не подать бедному человеку медного гроша / чтобы не подать бедному человеку медный грош (АК2); чтобы не подать бедному человеку медный грош [◇] (АК3)
- 17 была тысяча с лишком душ / была почти тысяча душ [◇] (АК2)
- 17–18 попробовал бы кто / попробовал бы кто-нибудь [◇] (АК2)
- 18–36 столько хлеба ~ каждый день по улицам / а. столько хлеба, сена, столько сукон, шерсти, холста и всех домашних произведений, которыми были завалены его кладовые. Заглянул бы кто-нибудь [в е(го?)] на рабочий двор, где под крытыми сараями лежали целые сотни наделанных на запас колес, бочек, ведер, которые никогда еще не употреблялись, ему бы показалось, что он пришел в ту широкую часть Москвы, где в воскресный день, начиная от Плющихи до Смоленского рынка, все занято торгом деревянной посуды, навезенной мужиками окрестных деревень, где крашеное и некрашенное дерево темнеет и желтеет вплоть до самого Дорогомиловского моста и еще долго выказывается потом урывками по всей дороге до заставы, желтея издавеча между мужичьими зимними шапками, сухопарыми, бородатыми клячонками, пока, наконец, не кончится город и не покажется одна необъятная снежная равнина, вся сверкающая тонкими искрами, вся перерезанная скрипучей цепью обозов, то нагоняющей, то отстающей, и мужички подбегают вслед за телегами, похлопывая в рукавицы, замахиваясь кулаком на лошадок. Как тонкий дымок, струится пар дыхания их в морозном воздухе, а в голове грезится расчет, почем и как продать и где в каком месте стать со своим деревом, приехавши на многолюдный московский рынок. Всех этих произведений стало бы слишком на пять таких имений, какое было у Плюшкина, но человека трудно чем-нибудь насытить. Не довольствуясь этим, он ходил еще каждый день по улицам;

- б. В вариант а. карандашом внесено следующее исправление — вместо: и мужички подбегают ~ московский рынок — написано: за которой плетутся(?) хозяева-мужички подбегая [струя] [пуская (?) разгоряч(енный)] струя пар [навст(речу?)] тонким дымком навстречу морозу [пар ускоренного дыханья] похлопывая в рукавицы и замахиваясь кулаком на много(?) работающих невзрачных лошадок** ; в. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 18 столько хлеба, зерном, мукой / столько хлеба, [в зерне, му(ке)] зерном, мукой (АК2); столько хлеба, зерном, мукою (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 19 сушили / сушильни ◊ (АК3)
- 22 на рабочий двор / на рабочий (АК2); на рабочий ◊ (АК3)
- 24 уж не попал ли он / не попал ли он ◊ (АК2)
- 25–27 куда ежедневно ~ хозяйственные запасы / а. куда отправляются делать [хозяйственный запас] хозяйственные запасы тещи и свекрухи с кухарками позади; б. куда ежедневно отправляются расторопные тещи и свекрухи, с кухарками позади, делать свои хозяйственные запасы (АК2); ежедневно куда отправляются расторопные тещи и свекрухи, с кухарками позади, делать свои хозяйственные запасы ◊ (АК3)
- 30 и прочий дряг / и всякой дряг (АК2); а. и всякой бряг; б. и прочий бряг ◊ (АК3)
- 33–34 их употребить / их употреблять (АК3, АК4)
- 34 два таких имения / два таких имения (АК2); два таких имений ◊ (АК3)
- 35 Не довольствуясь сим / Не довольствуясь (АК2, АК3, АК4)
- 35 он ходил еще / он ходил ◊ (АК3)
- С. 110, 112
- 40, 1 когда видели его / когда завидели его (АК2); когда завидели его ◊ (АК3)
- С. 112
- 2–3 случилось ~ потерять шпору / Какой-то проезжий офицер потерял шпору ◊ (АК2)
- 3 мигом отправилась / тот же час отправилась ◊ (АК2)
- 3 в известную кучу / а. в известную кучу; б. (кар.) в кучу (АК2)
- 3–4 если баба, как-нибудь заезавшись / а. Как в тексте; б. (кар.) заезавалась как-нибудь баба (АК2); если заезавшись ◊ (АК3)
- 5–6 уличал его тут же / тут же уличал его ◊ (АК2)
- 6–7 но если только ~ все кончено / но как только она попадала в кучу ◊ (АК2)
- 12 заезжал к нему пообедать / заезжал к нему сытно пообедать (АК2); заезжал к нему (оставлено свободное место) пообедать (АК3)
- 14 двигались мельницы, валильни / а. двигались мельницы, ва(оставлено свободное место) ◊ (АК3)
- 21–22 навстречу выходили / на(оставлено свободное место) выходили ◊ (АК3)
- 24 мало обращая внимания / мало обращая внимание (АК2, АК3)

- 27 тетерек или уток / уток или тетерек \diamond (АК2)
 29–30 компатриотка / компатриотка (МД2)
 38 обвенчалась с ним / перевенчалась с ним \diamond (АК2)
 38 в деревенской церкви / в какой-то деревенской церкви \diamond (АК2);
 а. в деревенской церкви; б. (кар.) в деревенской церкви (АК3)
 38–39 зная, что отец / Ибо Александра Степановна знала, что отец \diamond
 (АК2)

С. 113

- 1 а преследовать не заботился / и уже не заботился о ней больше \diamond
 (АК2)
 1 стало еще пустее / стало еще пуще (АК2); стало еще пуще \diamond (АК3)
 9–10 прося денег / прося у него денег (АК2); прося у него денег \diamond (АК3)
 12 старик очутился один / старик остался один (АК2, АК3, АК4)
 17 утрачивалось / утрачивалось \diamond (АК3)
 23 остались только два / осталось только двое (АК2); а. остались толь-
 ко два; б. осталось только два (АК3); осталось только два (АК4)
 24 заклеено бумагой / заклеено бумагой (АК3, АК4, МД1, МД2)
 24 уходили из вида / уходили из вида его (АК2, АК3, АК4)
 30–31 клади и стоги ~ разводи на них капусту / а. а на скирдах и копнах
 смело можно было разводить капусту, потому что это был чистый
 навоз; б. Как в тексте, со следующим вариантом (АК2):
 31 хоть разводи на них капусту / хоть разводи капусту (АК2); хотя раз-
 води капусту \diamond (АК3)
 31–32 превратилась в камень / обратилась в камень (АК2); обратилась в
 камень \diamond (АК3)
 32 нужно было ее рубить / ее нужно было рубить \diamond (АК2)
 32–33 к сукнам, холстам и домашним матерьям / к сукнам, полотнам \diamond
 (АК2); к сукнам, холстам и домашним материям (АК3, АК4, МД1,
 МД2)
 33 страшно было притронуться / страшно было приступить \diamond (АК3)
 36–37 чтобы никто / дабы никто \diamond (АК2)
 37 ее не выпил / его не выпил (АК2, АК3)
 38 доход собирался по-прежнему / доход собирался все по-прежнему
 (АК2); доход собирался все по-прежнему \diamond (АК3)

С. 113–114

- 39–1 таким же приносом орехов ~ наткать ткачиха / а. такое же количест-
 во ниток должна была напрясть баба, столько же полотна выткать
 ткачиха; б. Как в тексте, со следующим вариантом (АК2):

С. 113

- 39–40 приносом орехов / прином орехов \diamond (АК3)
 40 столько же поставов холста / такое же количество поставов холста
 (АК2); такое же количество поставов холста \diamond (АК3)

С. 114

- 1–2 сваливалось в кладовые, и все становилось гниль и прореха / свали-
 валось в кладовые и гнило. Все, что ни было у него, становилось
 гниль и прореха (АК2); сваливалось в кладовые, и часто все, что ни
 было у них, становилось гниль и прореха \diamond (АК3)

- 6 до свадьбы / до свободы \diamond (АКЗ)
- 11–12 но даже стыдно / но даже и стыдно \diamond (АКЗ)
- 12 приласкал обоих внучков / приласкал обоих внуков (АКЗ, АК4, МД1, МД2)
- 18 Должно сказать / Должно однако же сказать \diamond (АК2)
- 18 редко попадает / попадает редко \diamond (АК2)
- 19–22 и тем разительнее ~ насквозь жизнь / а. и оно бывает тем изумительней, что тут же в соседстве найдется помещик, черпающий наслаждение широкою чашей, сколько захватила богатырская рука, и веселящийся во всю ширину русской удали и барства; б. Как в тексте, со следующим вариантом (АК2):
- 19 скорее развернуться, нежели съежиться / развернуться, нежели съежиться \diamond (АКЗ)
- 19–20 и тем разительнее бывает оно / тем диче бывает оно (АК2); чем д(оставлено свободное место) бывает (оставлено свободное место) \diamond (АКЗ); и тем поразительнее бывает оно (АК4, МД1, МД2)
- 20–21 подвернется помещик, кутящий / подвер(оставлено свободное место) помещик (оставлено свободное место) \diamond (АКЗ)
- 21–22 прожигующий, как говорится / про(оставлено свободное место), как говорится \diamond (АКЗ)
- 24 принц очутился внезапно среди / принц очутился среди (АК2); принц (оставлено свободное место) среди \diamond (АКЗ)
- 26–31 окруженные стадом флигелей ~ насильственном освещении / а. окруженные целым стадом флигелей и домиков для проезжих гостей, великолепные аллеи тополей приводят их в сообщение, легкой, беспрепятственный стук по укатанным дорогам приезжающих экипажей возвещает вечный, незаходимый праздник, с домашними театрами, балами; сияет всю ночь освещенный площадками сад, и гром музыки оглашает до зари безвременно пробужденную рощу; толпа гуляющих мелькает и веселится [радуясь, как] с радостью ребенка, видя, как прогнана так волшебю темная ночь, и только тому, кто младенческой душой любит девственную чистоту Природы и дрожит за ее нежные тайны, — тому одному только является что-то дикое в сем насильственном освещении; б. окруженные целым стадом ~ театрами, балами; оглашается громом музыки великолепно освещенная огнями роща, и никому из гуляющих^{**}; в. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 26 бельведеров / бельведер \diamond (АКЗ)
- 26–27 окруженные стадом флигелей / окруженные целым стадом флигелей (АК2); окруженные целым стадом флигелей \diamond (АКЗ)
- 27 всякими помещеньями / всякими помещеннями (АК2, АКЗ, АК4, МД2)
- 28–29 убранный огнями и площадками, оглашенный громом музыки / убранный огнями и площадками и оглашенный громом музыки (АК2); а. убранный огнем и площадками и оглашенный громом музыки; б. убранный огнями, площадками, оглашенный громом музыки (АКЗ); убранный огнями, площадками, оглашенный громом музыки (АК4)

- 31–32 когда театрально выскакивает ~ ветвь / театрально выскакивает перед ним из гущи освещенная ветвь \diamond (АК2)
- 32–33 лишенная своей яркой зелени / а. лишенная своей яркой зелени; б. (кар.) лишенная яркой зелени (АК2)
- 34–36 и, далеко трепеща листьями в вышине, уходя глубже в непробудный мрак, негодуют суровые вершины деревьев / а. и угрюмее облакаются в непробудный плащ мрака вершины деревьев, негодующих с вышины; б. негодуют, трепеща в вышине листьями и уходя глубже в непробудный мрак, суровые вершины деревьев (АК2); негодуют, трепеща в вышине листьями и уходя \langle оставлено свободное место \rangle в непробудный мрак, суровые вершины деревьев \diamond (АК3)

С. 115

- 1–2 насышась о добродетели / насышась-де о добродетели (АК2); насышась-де о добродетели \diamond (АК3)
- 2–3 почел долгом / он почел долгом \diamond (АК2)
- 7 преобразивши таким образом речь / оборотивши таким образом речь \diamond (АК2)
- 10 иную, лучшую причину / иную причину (АК2, АК3, АК4)
- 13 неизвестно / известно \diamond (АК3)
- 21–22 кухня у меня такая прескверная / кухня у меня низкая, прескверная (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 22–23 и труба-то совсем развалилась, начнешь топить, еще пожару наделаешь / а. начнешь топить, еще пожару наделаешь; б. попробуй затопить не в пору^(?), того и гляди пож^(ару?)* – не закончено (АК2); начнешь топить, еще пожару наделаешь (АК3, АК4)
- 25 перехватил ватрушку да ломоть бараньего бока / подкрепил себя бараньим боком да перехватил ватрушку \diamond (АК2)
- 27 продолжал Плюшкин / \langle оставлено свободное место \rangle Плюшкин \diamond (АК3)
- 29 пойдешь на старости лет / что пойдешь на старости лет \diamond (АК2)
- 32 у вас более тысячи душ / у вас тысяча душ \diamond (АК2)
- 34–35 видно, хотел пошутить / а. хотел пошутить; б. хотел, вид \langle но \rangle , пошутить \diamond (АК2)
- 35 тысяча душ / тысячи душ (АК4, МД1, МД2)
- 35 а подит-ко / а подит-ка (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 37 здоровенной куш мужиков / большой куш мужиков (АК2, АК3, АК4)
- 38 и много выморил[?] / И не на шутку выморил[?] \diamond (АК2)
- 38–39 воскликнул Чичиков с участием / а. воскликнул Чичиков, даже при этом почувствовав небольшое сердечное движение; б. воскликнул Чичиков, почувствовав даже небольшое биение сердца* \diamond (АК2)
- 40 Да, снесли / Да-с, снесли (АК2); Да-с, снесли \diamond (АК3)

С. 116

- 11 чтобы лгать / чтоб лгать (АК2, АК3, АК4)
- 12–13 Он, казалось ~ восклицанием. / казалось, обидевшийся таким довольно живым восклицанием \diamond (АК2)

- 13–14 что в самом деле неприлично подобное безучастие / а. что с его стороны, в самом деле, неприлично такое безучастие; б. что с его стороны, точно⁽²⁾, неприлично такое безучастие*[◊] (АК2)
- 14–15 и потому вздохнул тут же и сказал, что соболезнует / а. и потому скоро поправил все дело, постарался вздохнуть поглубже и присовокупил, что он совершенно душевно соболезнет; б. и потому постарался вздохнуть и сказать, что соболезу^(ет)*[◊] (АК2)
- 18–19 в руку целует / а. в руку целует; б. в руку целует, право[◊] (АК2)
- 19–20 *После: уши береги. — зачеркнуто: Служа в офицерах (АК2)*
- 21–22 Верно, спустил денежки ~ актриса выманила / а. Служа в офицерах, спустил, верно, в картишки, да театральная актерка выманила; б. *Как в тексте, со следующим вариантом (АК2):*
- 21–22 театральная актриса / театральная актерка (АК2, АК3, АК4)
- 24 не такого рода / не такова рода (АК3, АК4)
- 24 не пустыми словами / не нужными словами[◊] (АК3)
- 25–26 не откладывая дела далее, без всяких обиняков, тут же изъявил готовность принять на себя обязанность / а. не откладывая далее, готов принять на себя обязанность; б. не откладывая далее, тут изъявил готовность принять на себя обязанность (АК2); не откладывая более, тут изъявил готовность принять на себя обязанность[◊] (АК3)
- 28 Предложение / Такое предложение[◊] (АК2)
- 31 Нет, — отвечал Чичиков довольно лукаво, — служил / Но Чичиков отвечал, что служил[◊] (АК2)
- 34–35 вам-то самим в убыток / вам самим-то в убыток (АК4, МД1, МД2)
- 36 Для удовольствия вашего готов и на убыток. / Но Чичиков отвечал, что для удовольствия его готов и на убыток.[◊] (АК2)
- 37 благодетель ты мой / благодетель мой (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 38 не замечая от радости / не заме^(оставлено свободное место) от радости[◊] (АК3)
- 38–39 у него из носа ~ густого кофеля / а. из носа у него весьма некартинно выглянул табак, в виде густого кофеля; б. из носа у него очень некартинно выглянул табак, на образец густого кофеля (АК2); изкоса изкоса у него о чем некартинно ^(так в рукописи) выглянул табак на образец густого кофеля[◊] (АК3)

С. 116–117

- 40–1 показали платьё, не весьма приличное для рассматриванья / показали тоже не весьма приличное для рассматриванья платьё (АК2); показали тоже не весьма приличное для рассматриванья платьё[◊] (АК3)

С. 117

- 1–2 Ах, господи ты мой! ах, святители вы мои!.. / Ах, Господи! Ах... ах!.. (АК2); Ах, господи! Ах... ах!..[◊] (АК3)
- 4 так же мгновенно и пропала / так же мгновенно и прошла (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 6 свернувши его в комок / сверху ^(оставлено свободное место) его в комок[◊] (АК3)
- 6–7 стал им возить себя по верхней губе / а. стал он долго возить им по верхней губе; б. стал им долго возить себя по верхней губе (АК2);

- а. стал им долго возить себя по верхней губе; б. и стал им долго возить себя по верхней губе; в. стал им долго возить себя по верхней губе (АК3); стал им долго возить себя по верхней губе (АК4); стал им водить себя по верхней губе (МД2)
- 8–16 Как же, с позволения вашего ~ полтиной меди отделаешься / а. Да ведь про(?) все это издержки, — сказал он, — и купчую нужно... приказные такие бессовестные... прежде, бывало, полтиной меди отделаешься; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 8 с позволения вашего / с позволенья вашего (АК2, АК3, АК4)
- 9 за всякой год / за один год (АК2); за один год [◊] (АК3)
- 9 платить за них подать / платить за них, что ли (АК2); платить за них *⟨оставлено свободное место⟩* [◊] (АК3)
- 9–10 и деньги будете выдавать мне или в казну? / и деньги-то мне или в казну (АК2); и деньги-то мне или в казну? [◊] (АК3)
- 11 мы совершим на них / мы совершим [◊] (АК2)
- 18–20 Я не знаю ~ не устоишь / Я не знаю, как [это] священники-то не обращают на это внимание; сказал бы какое-нибудь поучение, [да] ведь что ни говор[л], а против слова-то Божия не устоишь (АК2); Я не знаю, как Священники-то не обращают на это внимание; сказал бы какое-нибудь поучение, ведь что ни говори, а против слова-то Божия не устоишь (АК3); а. Как в тексте; б. (ценз.) *Фраза вычеркнута*; в. (рукой Гоголя) Я не знаю, как никто другой не обратит на это вниманье. Ну сказал бы ему как-нибудь душещипательное слово. Ведь словом хоть кого проймешь. Кто что ни говори, а против душещипательного слова не устоишь (АК4); Как в варианте в. АК4 (МД1, МД2)
- 25 гость должен быть / гость его должен быть (АК2); гость его должен быть [◊] (АК3)
- 25–26 и только прикидывается / и прикидывается [◊] (АК2)
- 26 служил по статской / служит по статской [◊] (АК3)
- 29 не спросив / не спросивши (АК2); не спросивши [◊] (АК3)
- 29 были ли они у него или нет / были ли они у него в самом деле или нет (АК2); были ли они у него в самом деле или нет [◊] (АК3)
- 30 Подошел к окну ~ и закричал / Он подошел к окну и постучал пальцами в стекло, закричавши тут же (АК2); Он подошел к окну и постучал пальцами в стекло, закричавши тут же [◊] (АК3)
- 31 Через минуту / Через минуту (МД2)
- 31 было слышно, кто-то вбежал / было слышно, что кто-то вбежал (АК2, АК3, АК4)
- 34 едва не вынул из них ноги / едва не вынул из них ноги своей (АК2); едва не вынул из них *⟨оставлено свободное место⟩* своей [◊] (АК3)
- 36 сколько ни было ее в доме / сколько ни было и в доме (АК3)
- С. 118
- 2 Если бы кто взглянул на это из окошка / Если бы кто взглянул из окошка (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 3 то бы увидел / то он бы увидел (АК2); то он бы увидел [◊] (АК3)

- 4 такие высокие скачки / такие скачки (АКЗ, АК4, МД1, МД2)
- 4–5 какие вряд ли удастся выделать на театрах самому бойкому тановщику / а. какие вряд ли когда-нибудь удавалось выделывать самому бойкому балетному танцовщику; б. какие вряд ли когда-нибудь удавалось выделывать на театрах самому бойкому танцовщику (АК2); какие вряд ли когда-нибудь удавалось выделывать на театрах самому бойкому танцовщику ◊ (АК3)
- 9–10 Тут он произвел небольшое молчание, на которое / Здесь он сделал паузу, на которую ◊ (АК2)
- 10–11 Поставь самовар / после этого Плюшкин прибавил: Поставь самовар ◊ (АК2)
- 12 сухарь из кулича / сухарь ◊ (АК2)
- 17 Да смотри ты, ты не входи, брат, в кладовую / Да смотри, не входи в кладовую ◊ (АК2)
- 19 чтобы еще был получше / чтобы сделался еще получше ◊ (АК2)
- 21 продолжал он / продолжал Плюшкин ◊ (АК2)
- 22–23 убрался вместе со своими сапогами / убрался из комнаты вместе со своими сапогами ◊ (АК2); убрался вместе с своими сапогами (АКЗ, АК4, МД1, МД2)
- 23 Вслед за тем он начал / За сим он начал ◊ (АК2)
- 27 напиток чаю / кажется чаю ◊ (АК3)
- 28 И потому / А потому (АК4, МД1, МД2)
- 32 Чичиков изъявил / Но Чичиков изъявил ◊ (АК2)
- 32 совершить хоть сию же минуту / совершить ее хоть сию же минуту (АК2); совершить и хоть сию же минуту ◊ (АК3)
- 32–33 и потребовал только списка / и потребовал только списочка (АК2); и потребовал только <оставлено свободное место> ◊ (АК3)
- 34 Это успокоило Плюшкина. / Это совершенно успокоило Плюшкина. ◊ (АК2)
- 34–35 он придумывал что-то сделать / он хотел что-то сделать (АК2); он хотел сделать ◊ (АК3)
- 36 рылся долго между стаканами / рылся между стаканами (АК2, АК3, АК4)
- 38 если только не выпили / если только не выпил кто (АК2); если только не выпил кто ◊ (АК3)
- 38–39 А вот разве не это ли он? / а разве не вот ли он где ◊ (АК2); а ведь разве не это ли он ◊ (АК3)

С. 119

- 2–3 Козявки и всякая дрянь было напичкались туда / а. Козявки и всякая дрянь нападало было; б. Козявки и всякая дрянь было напичкалась туда (АК2); казявки и всякая дрянь было напичкалась туда (АК3)
- 8 он и не ест / он не ест (АКЗ, АК4, МД1, МД2)
- 17 вытащил бумажку / вытащил он эту бумажку (АК2, АКЗ, АК4)
- 18–19 Крестьянские имена ~ там всякие / а. и подал Чичикову. Чичиков увидел целую густую кучу крестьянских имен, всяких решительно: были там; б. [густо унизанную] Крестьянские имена густо унизы-

- вали ее, как мошки. Были там всякие (АК2); крестьянские имена густо унизывали ее, как мошки. Были там всякие \diamond (АК3)
- 19 и даже выглянул / и даже вы^(оставлено свободное место) \diamond (АК3)
- 20 Григорий Доезжай-не-доедешь / Григорий Доезжай-не доедешь (АК2); а. Григорий доезжай и не доедешь; б. Григорий доезжай-не доедешь (АК3); Григорий Доезжай не доедешь (МД1)
- 20 всех было / всех их было \diamond (АК2)
- 21 Чичиков улыбнулся / Он даже улыбнулся \diamond (АК2)
- 28 Все мои знакомые перемерли / Все или перемерли (АК2); Все или перемерли \diamond (АК3)
- 29 Ах, батюшки! / Ах, батюшка! (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 29–30 вскрикнул он / вскричал он (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 34 И конечно, к нему. / Чичиков отвечал, что это будет лучше всего. \diamond (АК2); Конечно, к нему. (МД2)
- 35 уж такой / уже такой (АК3, АК4)
- 36–37 скользнул какой-то теплый луч / вскользнул какой-то теплый луч (АК3)

С. 119–120

- 39–6 произведему радостный крик ~ и еще пошлее / а. вынырнувшего в последний раз. Напрасно столпившиеся у берега сестры и братья с глазами, полными испуга, и дрожащими, открытыми устами отчаянно бросают ему веревку и ждут, не мелькает ли опять спина или утомившиеся борением руки, что [нанесло б] вдруг и разом нанесло бы радость, острым ударом хлынувшую к сердцу, и дрогнул бы ярким криком воскреснувший берег — напрасно! Появление было последнее: безответна жестокая, равнодушная стихия, и после того еще становится пустынное, еще страшнее ее недвижная поверхность. Так и лицо Плюшкина, вслед за появлением этого мгновенно озарившего его чувства, — стало еще бесчувственней и еще неподвижней.; б. которому вскрикнула радостным [обступившая] криком вся выбежавшая на берег толпа испуганных собратьев и сестер, кидающих [трепеща сердцем] ему спасительную веревку, но не поднимаются более на поверхность воды ни спина, ни утомившиеся борением руки. Глухо все, и еще страшнее и вдвое пустынное становится [становится] поверхность безответной стихии. Вмиг исчезло [вы^(ражение?)] скользнувшее выра^(же)ние на Плюшкина лице, и оно стало еще бесчувственней, еще пошлей.; в. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):

С. 120

- 1–2 и ждут, не мелькнет ли вновь спина или утомленные бореньем руки / и ждут (АК2); и ждут \diamond (АК3)
- 3 страшнее и пустынное / страшнее, пустынное (АК3, АК4)
- 3–4 затихнувшая поверхность / поверхность (АК2); поверхность \diamond (АК3)
- 4–5 вслед за мгновенно скользнувшим на нем чувством / [вслед за] после скользнувшего на нем выражения (АК2); после скользнувшего на нем выражения \diamond (АК3)

- 6 и еще пошлее / еще пошлее (АК2); еще пошлее \diamond (АК3)
- 7 четверка чистой бумаги / четвертка чистой бумаги (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 9 стал он заглядывать / стал он засматривать (АК2, АК3, АК4)
- 9 и под стол, и на стол, шарил везде / и под стол и на столе шарил везде (АК3, АК4)
- 19 он маракует / он маркает (АК2, АК3)
- 22 Не видал он / Не видал она \diamond (АК3)
- 24 железными рогатками / железными рочажками \diamond (АК3)
- 25 четверки / четвертки (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 26 другой какой бабьей слабостью / в другой какой бабьей слабости (АК2); а. в другой какой бабьей слабостью; б. в другой какой бабьей слабости \diamond (АК3)
- 31–32 Да вон она / да вон он (АК4)
- 33, 40 четверку / четвертку (АК3, АК4, МД2)
- 34 пожевал губами / перевел губами (АК3); перевел губами \diamond (АК4)
- 34 чего ж ты / что ж ты (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 35 а она уж в ответ / а она уже в ответ (АК3, АК4)
- 37 сгорит — да и нет / сгорит — и ничего нет (АК2); сгорит — и ничего нет \diamond (АК3)
- 38 принеси-ка / принеси-ко \diamond (АК3); принеси-ко (АК4, МД1, МД2)

С. 121

- 2 всунул перо в чернильницу / омокнул перо в чернильницу (АК2); омокнул перо в чернильницу \diamond (АК3)
- 3 множеством мух на дне / множеством на дне мух \diamond (АК2)
- 8 ничтожности, мелочности, гадости / а. ничтожности, мелочного; б. ничтожности, мелочного, гадости (АК2); а. ничтожности, мелочного, гадости; б. ничтожности, мелочного, до такой гадости \diamond (АК3)
- 9–18 мог так измениться! ~ бесчеловечной старости. / а. И мог он так измениться? и это все похоже на правду? И это возможно? — Все возможно, все может статься с человеком. Ужасно, страшно может измениться он, и не один ныне пламенный юноша отскочил бы с ужасом, если бы кто-нибудь показал ему его же портрет в старости. Спешите же, спасайте же душу в жестокие годы мужества, отвердевающего все чистое и нечистое, ошесточающего все чувства; спешите уносить человеческие движения — идет, идет она, нерасцепимыми когтями уже вас объемлет она, как гроб, как могила, ничего не отдает назад и обратно, и еще немилосердней, сокрушительней могилы: на могиле хоть напишется: здесь погребен человек, но ничего не прочтешь в хладных, бесчувственных морщинах бесчеловечной старости.; б. если бы показали ему портрет его старости $\langle \dots \rangle$ превращающего в неподвижно $\langle e \rangle$ все добытое в юности $\langle \dots \rangle$ пока грозит [вдали еще] еще вдали оно, это холодное $\langle \dots \rangle$ Безжалостна $\langle \dots \rangle$ Могила жалостливей, мило $\langle \text{сердней} \rangle$, на могиле напишется: здесь погребен человек, но ничего не прочтешь в бесчувственных

морщинах бесчеловечной старости** ; в. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):

- 9 И похоже это на правду? / И похоже это на правду! (АК2, АК3)
9–10 Все похоже на правду / Все похоже на правду в этом мире ◊ (АК2)
11 отскочил бы с ужасом / отскочил бы и с ужасом ◊ (АК3)
12–14 Забирайте же с собою в путь ~ забирайте с собою / Забирайте же с собою, выходя из юношеских лет (АК2); а. Забирайте же с собою, выходя из юношеских лет; б. Забирайте же с собою в путь, выходя из [юношеских?] мягких юношеских лет в суровое ожесточающее мужество, забирайте с собою (АК3)
15–16 грядущая впереди старость ~ обратно / грядущая впереди старость (АК2); грядущая впереди старость ◊ (АК3)
16 милосерднее ее / милосердее ее (АК4)
22–25 А у вас есть ~ и след простыл / Как? Так у вас есть и беглые? — и прибавил мысленно про себя: «а это тоже недурно». — Как же, есть. Зять мой делал было выправки, говорит, будто бы нет и слуху о них, а другие умерли ◊ (АК2)
25–26 мастер притопывать шпорой / мастер только притопывать шпорой ◊ (АК2)
27 А сколько их будет числом? / А сколько их будет числом? — прервал Чичиков. ◊ (АК2)
30 что год, то бегут / что год, то бегают (АК3, АК4, МД1, МД2)
30–31 Народ-то больно прожорлив / народ-то негодной? ◊ (АК2)
36–37 Нет, этого мы ~ и потом объяснил / Ну этим мы сами воспользуемся, — подумал про себя Чичиков и затем истолковал Плюшкину ◊ (АК2)
37–38 что такого приятеля никак не найдется / а. Как в тексте; б. (кар.) такого приятеля (не закончено — АК2)
38 издержки по этому делу / а. Как в тексте; б. (кар.) издержки (АК2)
38–39 будут стоять более; ибо от судов нужно отрезать / а. будут стоять почти то же, что самые крестьяне, что уже самые хлопоты устрашат всякого, ибо от судов всякой, как известно, готов отрезать; б. будут стоять больше, ибо от судов нужно отрезать (АК2); будут стоять (оставлено свободное место), ибо от судов нужно отрезать ◊ (АК3)

С. 121–122

- 40–1 так стиснут ~ такая безделица / а. так стиснут обстоятельствами, то с своей стороны, будучи истинно(?) подвигнут участием, он бы предложил безделицу, но это, впрочем, такая безделица; б. так стиснут, то, будучи подвигнут, он готов дать, и что это такая безделица (АК2); так стиснут, то, будучи подвигнут, он готов дать... но что это такая безделица ◊ (АК3)

С. 122

- 1–2 о которой даже не стоит и говорить / а. о которой [впро(чем?)] даже не стоит и говорить; б. (кар.) а потому не стоит, чтобы и говорить о ней (АК2)

- 3–4 спросил Плюшкин ~ как ртуть / спросил, однако ж, Плюшкин (АК2); а. спросил, однако ж, Плюшкин; б. спросил Плюшкин и весь ожидал: руки задрожали, как ртуть; в. спросил Плюшкин и сам ожидал: руки его задрожали его, как ртуть (АК3)
- 5 по двадцати пяти копеек за душу / по 25 копеек на душу (АК2, АК3, АК4)
- 6 на чистые? / на чистые? — спросил Плюшкин. (АК2); на чистые? спросил Плюшкин. [◊] (АК3)
- 8–18 уж дали бы ~ готов прибавить / а. уж дали бы хоть по полтине. — На это Чичиков отозвался, что он не только по полтине, но даже заплатил бы настоящую цену, то есть по 500 рублей, и с удовольствием бы, с наслаждением бы заплатил — до такой степени подвинут он к нему учаством, но жаль, состояния не хватает, а по 5 копеек он для него готов прибавить; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 8 уж дали бы / уже дали бы (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 10 Почтеннейший! / Да за кого ж вы меня почитаете (АК2); а. Да знают *⟨оставлено свободное место⟩* поч*⟨оставлено свободное место⟩*; б. Послушайте, почтеннейший (АК3); Как в варианте б. АК3 (АК4)
- 10–11 не только по сорока копеек, по пятисот рублей заплатил бы / [Да] не только по 40 копеек, по [пя*⟨ть⟩*сот] 500 рублей заплатил бы (АК2); не только по 40 коп., по 500 руб. заплатил бы (АК3); не только по 40 копеек, по 500 рублей заплатил бы (АК4)
- 12 вижу / ви*⟨оставлено свободное место⟩* [◊] (АК3)
- 12–13 терпит по причине собственного добродушия / терпит [можно сказать] по причине собственного добродушия (АК2)
- 14–15 свесив голову вниз и сокрушительно покачав ее. — Все от добродушия. / свесив голову и слегка покачав ее (АК2); свесив голову, слегка покатав ее [◊] (АК3)
- 16–17 Ну, видите ли, я вдруг постигнул ваш характер. Итак, почему ж не дать бы мне по пятисот рублей за душу / Да; так почему ж не дать мне по 500 рублей на душу (АК2); а. Да, так почему ж не дать мне по 500 рублей на душу; б. Ну, видите ли, я вдруг постигнул ваш характер. Итак, почему ж не дать бы мне по 500 рублей на душу (АК3); Ну, видите ли ~ по 500 рублей на душу (АК4)
- 18 по пяти копеек / по 5 копеек (АК2); по 5 копеек [◊] (АК3)
- 19 в тридцать копеек / в 30 копеек (АК2, АК3, АК4)
- 20–21 хоть по две копеечки ~ пристегну, извольте. / уж хоть по две копеечки прибавьте еще. — По две копеечки, извольте, готов, сказал Чичиков. [◊] (АК2); хоть по две копейки пристегните. — По две копеечки пристегну, извольте. (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 24–30 Семьдесят восемь, семьдесят восемь ~ расхлестать ее. / а. Семьдесят восемь, семьдесят восемь, — это будет двадцать четыре рубля девяносто шесть копеек, — сказал Чичиков вдруг и не заикнувшись. Нужно отдать ему полную справедливость, он был мастер сводить счета и всегда имел побуждение к арифметике. Плюшкин поверял

и два и три раза на счетах, а все выходило так. Заставивши его написать расписку, герой наш тут же отсчитал ему деньги, которые хозяин принял в обе руки так же бережливо, как набожная старуха принимает просфору.; б. *Как в тексте, со следующими вариантами (AK2):*

- 24–25 по тридцати копеек за душу / по 30 копеек на душу (AK2); по 30-ти копеек на душу (AK3); по 30 копеек на душу (AK4)
- 27 Тут же заставил / Тут-то заставил (AK4)
- 29 понес их к бюро / понес их [к (1 нрзб.) борю] к борю (так в рукописи — AK2); понес их к б(оставлено свободное место) ◊ (AK3)
- 30 ежеминутно боясь расхлестать ее / боясь ежеминутно пролить ее (AK2, AK3, AK4)
- 33 покамест / покаместь (AK2)
- 35 приписавшегося ему в родню / приписывающегося ему в родню (AK2, AK3); а. приписывающегося ему в родню; б. причитывающегося ему в родню (AK4)
- 36 Спрятавши деньги / Спрятавши (AK3, AK4)
- 38 вы уж собираетесь / вы уже собираетесь (AK2); вы уже собираетесь ◊ (AK3)

C. 123

- 4 Нет, уж чайку / Нет, уже чайку (AK3, AK4)
- 5–6 не охотник до чаю / не охотник чаю (AK2); не охотник чаю ◊ (AK3)
- 12 странное явление / старанное явление ◊ (AK3)
- 13 проводил его со двора / проводил его (AK2); проводил его ◊ (AK3)
- 17–18 хорошо ли едят люди / хорошо ли едят его люди (AK2); хорошо ли едят его люди ◊ (AK3)
- 20–21 как бы ему возблагодарить гостя / как бы и чем возблагодарить гостя (AK2); как бы (1 нрзб.) возблагодарить гостя ◊ (AK3)
- 24 томпаковые / а. томпаковые; б. томбаковые (AK3); томбаковые (AK4)
- 27 лучше я / лучше ея ◊ (AK3)
- 32 и всего двести / и всего 200 (AK2, AK3, AK4)
- 33–34 кое-какая пожива / а. кое-какая пожива; б. (кар.) кое-какая нажива (AK3)
- 34 но такой прибыточной / но столько и такой прибыточной ◊ (AK2); но такой прибытной (AK3, AK4)
- 34 никак не ожидал / он никак не ожидал (AK2); а. они никак не ожидал; б. он никак не ожидал (AK3); он никак не ожидал (AK4)
- 35 посвистывал, наигрывал губами / насвистывал и наигрывал губами (AK2); посвистывал и поигрывал губами ◊ (AK3)
- 36 играл на трубе / играл на грубе (AK3)
- 38 покачав слегка головой / покрутив слегка головой (AK2); покружив слегка головой (AK3, AK4)

C. 124

- 1 перемешались / перемешивались (AK3, AK4)
- 1–2 шлагбаум / а. швахбаум; б. шлахбаум (AK3)
- 14–15 никогда не позволяла / никогда не позволила (AK2)

- 17–24 вдруг обдадут ~ щеголять пред ним жизнь / а. *Оставлено свободное место*; б. вдруг обдадут как варом какого-нибудь замечтавшегося 20-летнего юношу, когда мчится он возвратными улицами в санках к себе домой. Он полон одного только ^{*}звучного впечатления, произведенного блистательным сценическим представлением, или мерещится в голове его дева за чайным столиком с невинно-простодушными речами, открытыми плечами, тонкими пальцами и смеющимися устами. Он в небесах, закутанный в свою шубу — и вдруг раздаются над ним, как гром, роковые слова и [вдруг] [и в ⟨по?⟩] видит он [вдруг], что [он] на земле и [даже] на сенной и даже близь кабака и вновь пошла по-буднишнему щеголять пред ним жизнь, которую так часто приходится [видеть] наблюдать нам (^{*}только *вписано*); в. *Как в б., с одним вариантом — вместо: дева — написано карандашом: дивная ручка*; г. *Как в тексте со следующими вариантами (AK2)*:
- 17 обдадут / обкрадут [◊] (AK3)
- 17–18 двадцатилетнего юношу / 20-летнего юношу (AK2, AK3); 20-ти летнего юношу (AK4)
- 18 когда, возвращаясь из театра / когда [возвращаясь из театра, лет(ит)], возвращаясь из театра (AK2)
- 19 чудный женский образ с гитарой и кудрями / женский образ с гитарой и чудными кудрями (AK2); женский образ с гитарой, кудрями [◊] (AK3)
- 20 что не грезится / что ни грезится (AK2); что грезится [◊] (AK3)
- 22–23 вновь очутился на земле, и даже на Сенной площади / на земле и на сенной (AK2, AK3, AK4)
- 23 близ / близь (AK2, AK4, МД2)
- 23–24 и вновь пошла по-будничному щеголять пред ним жизнь / и вновь пошла по-буднишнему щеголять пред ним жизнь (AK2); а. и ⟨оставлено свободное место⟩ пошла по-будничному щеголять пред ним ⟨оставлено свободное место⟩; б. и вновь пошла по-будничному щеголять пред ним жизнь; в. (*кар.*) и вновь пошла по-будничному щеголять перед ним жизнь (AK3); и вновь пошла по-будничному щеголять перед ним жизнь (AK4, МД1, МД2)
- 28 стал помогать / помог [◊] (AK2)
- 29 Половой тоже выбежал / и половым, который выбежал (AK2, AK3, AK4)
- 30–31 и салфеткою на плече. Обрадовался ли Петрушка приезду барина, неизвестно / и салфеткой на плече и обрадовался ему необыкновенно. Неизвестно, много ли обрадовался Петрушка (AK2); и салфеткою на плече обрадовался Петрушка [◊] (AK3)
- 36–37 Ну, а ты что? / ну, и ты что? (AK3, AK4)
- 39 шестнадцатый номер / шестнадцатый № (AK2); шестнадцатый № [◊] (AK3)

С. 125

- 1 Неизвестно какой, из Рязани / Неизвестно какой-то из Рязани (AK2)
- 4–5 хоть окна отпер / хотя окна отпер [◊] (AK3)
- 7 но уж не хотел / да уж не хотел (AK2); я(?) уж не хотел [◊] (AK3)

С. 126–128

^{2–23}

Счастлив путник ~ В два часа готово было все. / Первоначальная редакция этого фрагмента в АК2 не сохранилась (л. 102–105 об. были вынуты и заменены новыми), за исключением следующих завершающих ее строк, в двух вариантах (в верхней части л. 106): а. было во время бритья. «Вот посмотри, — говорил он обыкновенно, глядя его рукою, — какой у меня подбородок: совершенно круглый». Но теперь он не занялся ни подбородком, ни туалетом; в уме его сидели мужики, ими была занята голова его. Он вытащил со дна шкатулки свои бумаги, между которыми скоро отыскал листочки, исписанные их именами; б. было во время ~ ни подбородком, ни одеванием, мысли его были заняты мужичками. Он положил себе [немедленно], не затягивая дело, совершить на них как можно скорее купчие крепости и потому, вытащивши из шкатулки все реестрики, [он] занялся в ту же ⟨минуту²⟩ рассмотрением их (последняя фраза варианта б. осталась незачеркнутой, была механически скопирована переписчиком при изготовлении АК3 и впоследствии вычеркнута Гоголем). Окончательная редакция этого фрагмента (на переписанных рукой Гоголя листах) в АК2 сохранилась, ее разночтения с основным текстом приведены ниже¹.

С. 126–127

^{2–34}

Счастлив путник ~ гром других речей... / Первоначальная редакция этого текста в АК3, совпадающая с верхним слоем АК2, не сохранилась, за исключением двух фрагментов (на половине листка, в настоящее время ошибочно приплетенной к АК2, в составе пагинации АК2 — л. 103)² и следующих завершающих ее строк: ⟨пред⟩станут потом в незамеченном ныне свете, и, может быть, будущий поэт (о, какая чудная награда) смятенный остановится перед ними; грозная вьюга вдохновенья обовьет главу его, потекут ⟨оставлено свободное место для не разобранного переписчиком слова — в АК2 это слово: одетье⟩ в блистающие песни еще раз освежать мир... Окончательная редакция этого фрагмента в АК3, написанная рукой Гоголя, сохранилась, ее разночтения с основным текстом приведены ниже.

^{2–3}

Счастлив путник, который после длинной, скучной дороги, с ее холодами / Хорошо после скучной длинной дороги со всеми неотлучны-

¹ Подробнее о переработке фрагмента см. с. 449–450 наст. изд.

² Первый фрагмент — первый абзац главы («Счастлив ~ горе холостяку» — л. 103), второй — часть второго абзаца («раздробленных, повседневных характеров ~ свое одиночество» — л. 103 об.). Отличия этих фрагментов от основного текста приведены ниже, с условным обозначением АК3а; соответствующие фрагменты текста в верхнем слое АК3 (т.е. на переписанных авторской рукой листах) в этих случаях обозначены АК3б. Подробнее о переработке фрагмента см. с. 462–463 наст. изд.

- ми ее спутниками: холодами (АК2); а. Как в АК2; б. Счастлив ездок, который после скучной длинной дороги со всеми неотлучными ее спутниками: холодами (АК3а); Счастлив путник, который после длинной скучной дороги с холодами [◊] (АК3б)
- 4 починками / подчинками (АК2, АК3а); подчинками [◊] (АК3б)
- 5 дорожными / дорожными (АК2); дорожными [◊] (АК3б)
- 6–7 видит наконец ~ знакомые комнаты / а. хорошо, когда после всего этого мелькнет наконец знакомая крыша при потемневшем воздухе с несущимися огоньками и те же знакомые комнаты предстанут; б. хорошо, когда после всего этого мелькнет наконец знакомая крыша при потемневшем воздухе с несущимися навстречу огоньками и те же знакомые комнаты предстанут (АК2); а. Как в варианте б. АК2 с пропуском слова мелькнет — оставлено свободное место; б. видит наконец знакомую крышу при потемневшем воздухе с несущимися навстречу огоньками, и вдруг [предстан(ут?) пред ним] примут гостеприимно его те же знакомые комнаты (над словами: несущимися навстречу огоньками — вписано: при общем сильно(?) — АК3а)
- 7 пред ним / перед ним (МД2)
- 7–8 радостный крик выбежавших навстречу людей / и те же люди, выбежавшие навстречу, шумя и <не закончено> [◊] (АК2); Как в тексте (АК3а); крик выбежавших навстречу людей [◊] (АК3б)
- 8–11 и успокоительные тихие речи ~ горе холостяку! / и тихие успокоительные речи, в один миг изгнавшие из памяти всю черствую дорогу. Счастлив тот, кто семьянин и кого целью родная крыша, горе холостяку! (АК2); а. и такие успокоительные ~ холостяку; б. и обнявшие его на шею прекрасные <не закончено>, и такие успокоительные речи, прерываем(ые?) новыми(?) лобзаниями, при которых все позабыто, что ни было. Есть у него угол, где [может он все позабыть] может позабыть он в(се?). Счастлив тот, кто семьянин и кого целью родная крыша, горе холостяку (АК3а); Как в тексте, со следующим вариантом (АК3б):
- 10 истребить все печальное из памяти / все истребить из памяти (АК3б, АК4)
- 10–11 Счастлив семьянин, у кого есть / Счастлив семьянин и у кого есть (АК3)
- 13 печальную свою действительностью / печальную действительностью (АК2)
- С. 126–127
- 15–16 который из великого омота ~ не признаёт современный суд / навстречу которых летишь [почти] с радостным криком, как будто к родным, как будто душа уже где-то встретила в минуты святых отлучений своих от тела. Завиден удел [его]: сокрыв печальное жизни, он показал человекам [почти] прекрасного человека, он пробудил почти народный восторг, толпою влекутся молодые пылкие души вслед за его торжественной колесницей, его имя произносится с огнем в очах; ему нет равного в силе — он Бог. Но иная судьба и

другой удел Писателя, посягнувшего обнажить до глубины страшную мелочь в жизни, дерзнувшего выставить в очи весь длинный ряд холодных, раздробленных, повседневных характеров, которыми кишит наша презрительно-горько-обыкновенная жизнь! Ему не собрать рукоплесканий, не видеть благодарных слез и признательного восторга взволнованных им душ, к нему не полетит навстречу шестнадцатилетняя девушка с закружившеюся головою и геройским увлечением. Ему не позабыться и [не скрыться] уйдя в свои создания от [то(го), что желал бы позабыть он] того, что ежеминутно пред очами, ему не убежать, оклеветанному [и опозоренному] молвою от [площадного позорного суда] лицемерного и бесчувственного всеобщего суда, отнимающего от него и сердце, и душу, повергнувшего его в ряд [позорящих] оскорбляющих человечество писателей, придающего ему качества им же изображенных героев. — Сурово его поприще и горько чувствует он свое одиночество.

Но всему черед и время! Одно сеется с тем, чтоб быть пожатую ныне, другое сеется с тем, чтоб быть пожатую после. И может быть потом, когда [несколько] много лет промчится над миром, когда истлеет и самый прах писавшего сии страницы, те же люди заговорят иначе, признают и утвердят (заговорят иначе *вписано* — АК2)

С. 126

- 18 своим собратьям / своим братьям (АК3)
 18–19 весь повергался / весь [был занят своими отторгнутыми] повергнулся [◊] (АК3)
 19 возвеличенные образы / возвеличенные образы (АК3); возвеличенные образы (АК4)
 28 слезы ему блещут / слезы блещут [◊] (АК3)
 29 он Бог / а. он Бог; б. (*цenz.*) Слова *вычеркнуты* (АК4); *Слов нет* (МД1, МД2)
 30 вызвать наружу / вызвать [в] наружу (АК3)

С. 127

- 2 мелочей, опутавших нашу жизнь / мелочей, [которыми] опутавших нашу жизнь (АК3)
 3–27 раздробленных, повседневных характеров ~ свое одиночество. / раздробленных, повседневных характеров, которыми кишит наша презрительно-горько-обыкновенная жизнь! Ему не собрать рукоплесканий, не видеть благодарных слез и признательного восторга взволнованных им душ, к нему не полетит навстречу шестнадцатилетняя девушка с закружившеюся головою и геройским увлечением. Ему не позабыться в свои создания от того, что ежеминутно пред очами, ему не убежать, оклеветанному молвою, от лицемерного и бесчувственного общего суда, отнимающего от него сердце и душу, повергнувшего его в ряд оскорбляющих человечество писателей, придающего ему качества им же изображенных героев. — Сурово его поприще и горько чувствует он свое одиночество (*текст перечеркнут* — АК3а); *Как в тексте, со следующими вариантами* (АК3б):

- 4–5 и крепкою силою ~ дерзнувшего / дерзнувшему крепкою силою не-
умолимого реzza [◊] (АКЗ6)
- 7–8 взволнованных им душ / взволнованных ими душ (АКЗ6, АК4)
- 9 увлечением / увлечением (АКЗ6, АК4)
- 12 суда, который назовет / суда, назовущего (АКЗ6, АК4)
- 13 отведет ему / отведущего ему (АКЗ6, АК4)
- 14 придаст ему качества / придающего ему качества (АКЗ6, АК4)
- 15 отнимет от него / отымушего от него (АКЗ6, АК4)
- 16–17 стекла, озирающие солнца / а. Как в тексте; б. (кар.) стекла, ози-
рающие солнца (АКЗ6); стекла, озирающие солнца (АК4)
- 18 ибо не признаёт современный суд, что много нужно / что много нуж-
но (АК2)
- 19 дабы / чтобы [◊] (АК2)
- 19 взятую из презренной жизни / взятую из мелкой презренной жизни
(АК2)
- 20–21 ибо не признаёт современный суд, что высокой восторженный смех /
что высокий восторженный смех (АК2)
- 21–22 с высоким лирическим движеньем / с высоким лирическим движень-
ем души (АК2)
- 22 что целая пропасть / что есть разница великая (АК2); целая пропасть
(АКЗ6, АК4)
- 23–34 Не признаёт сего ~ гром других речей... / Почему знать, может
быть, сии же низкие страницы предстанут потом в незамеченном
ныне свете, и, может быть, будущий поэт (о, какая чудная награда!)
смятенный остановится перед ними; грозная выюга вдохновенья
обовьет главу его, [и неслы(ха)нные песни освежат мир...] потекут
одетые в блистанье песни еще раз освежать мир... (АК2)
- 30–31 неведомые ему слезы / не ведомые им слезы (АКЗ, АК4)
- 32–33 в святой ужас и в блистанье главы / в священной ужас и блистанье
главы (АКЗ, АК4)
- 33–34 почуют в смущенном трепете величавый гром других речей... / почу-
ют в смущенном трепете...³ (АКЗ); почуют в смущенном трепете... [◊]
(АК4)
- 35 прочь набежавшая на чело морщина / набежавшая на чело морщина [◊]
(АКЗ)
- 35–36 и строгий сумрак лица / и что-то похожее на слезу (АК2); а. и что-то
похожее на слезу; б. и все что ни похожее на слезу (АКЗ); и все что
ни похоже на слезу [◊] (АК4)
- 36–37 Разом и вдруг окунемся ~ и бубенчиками / Окунемся [разо(м)]
вдруг и [вновь] разом в жизнь и свет (АК2); Окунемся вдруг и
разом в жизнь и свет (АКЗ); Окунемся вдруг и разом в жизнь и
свет [◊] (АК4)

³ Здесь в АКЗ заканчивается текст, написанный рукой Гоголя, и возобновля-
ется текст, написанный рукой переписчика (см. варианты к с. 126–127, строки
2–34).

- 1 что у него теперь / что им приобретено (АК2, АК3); что им приобретено [◊] (АК4)
- 2 Тут же вскочил он / В ту же минуту вскочил он (АК2, АК3); В ту же минуту вскочил он [◊] (АК4)
- 2 не посмотрел даже / не смотрел даже [◊] (АК3)
- 4–5 ибо весьма часто хвалился / а. Он весьма часто хвалился; б. так что весьма часто хвалился (АК2); так что весьма часто хвалился (АК3); так что весьма часто хвалился [◊] (АК4)
- 12–14 позабыв свою степенность ~ пяткой ноги / произвел по комнате что-то вроде пляски, слегка пошлепывая себя пяткой ноги (АК2); а. произвел по комнате что-то вроде пляски, слегка пошлепывая себя пяткой ноги; б. произвел по комнате два прыжка, [пришлепнув] пришлепнув себя весьма ловко пяткой ноги (АК3); произвел по комнате два прыжка, пришлепнув себя весьма ловко пяткой ноги [◊] (АК4)
- 14 приступил к делу / приступил [◊] (АК2)
- 15 перед шкатулкой потер руки / Подошел к шкатулке, потерши сперва перед нею руки (АК2); а. подошел к шкатулке, потерши сперва перед нею руки; б. подошел к шкатулке и потер перед нею руки (АК3); а. подошел к шкатулке и потер перед нею руки; б. перед шкатулкой он потер руки (АК4)
- 15–17 с таким же удовольствием ~ подходящий к закуске / а. таким же удовольствием, как выехавший на следствие неподкупный земской суд потирает их, подходя к закуске; б. Как в тексте, со следующим вариантом (АК2):
- 15–16 с таким же удовольствием, как потирает их / как потирает их (АК2); как потирает их [◊] (АК3)
- 17–18 и тот же час вынул ~ в долгий ящик. / и занялся разбором [своих] бумаг. — Ему хотелось никак не откладывать дела в долгий ящик. (дела *вписано* — АК2); а. и занялся разбором бумаг, ему хотелось никак не откладывать дела в долгий ящик.; б. Ему хотелось тот же час заняться разбором бумаг. Он положил себе не откладывать дела в долгий ящик.; в. Ему хотелось тот же час заняться разбором бумаг, никак не откладывая дела в долгий ящик. (АК3); а. Ему хотелось тот же час заняться разбором бумаг, никак не откладывая дела в долгий ящик.; б. Ему хотелось поскорее кончить все, не откладывая в долгий ящик. (АК4)
- 18–19 Сам решился ~ и переписать / а. [Он тут же написал все четыре крепости] и заняться сейчас же писаньем крепостей; б. и заняться самому писаньем крепостей (АК2); а. и заняться самому писаньем крепостей; б. и тут же(?) заняться самому писаньем крепостей; в. Он решился сам сочинить и написать крепости (АК3); а. Он решился сам сочинить и написать крепости; б. Сам решился он сочинить крепости, написать, переписать (АК4)
- 19 чтоб / чтобы (МД2)

- 19–20 не платить ничего подъячим / а. не платить за переписку подъячим, ибо не любил даром тратить копейку; б. не платить ничего подъячим, ибо не любил даром тратить копейку (АК2); не платить ничего подъячим, ибо не любил даром тратить копейку [◊] (АК3)
- 20–21 Форменный порядок был ему совершенно известен / Оказалось, что форма крепости была совершенно ему известна. (АК2, АК3); Оказалось, что форма крепости была совершенно ему известна. [◊] (АК4)
- 21 бойко выставил он / Бойко и красиво выставил он (АК2, АК3); Бойко и красиво выставил он [◊] (АК4)
- 22 помещик такой-то / я, помещик такой-то (АК2); я, помещик такой-то [◊] (АК3)
- 23 В два часа готово было все. / В полтора часа с небольшим были готовы все крепости. Потом переписал он набело все списки мужичков, отдельно каждый.⁴ (АК2, АК3); В полтора часа с небольшим были готовы все крепости, потом переписал он набело все списки мужичков, отдельно каждый. [◊] (АК4)
- 23–24 Когда взглянул он ~ на мужиков / Когда разложил он эти листочки перед собой, когда взглянул на имена [всех этих] мужиков (АК2); а. когда разложил он *⟨оставлено свободное место⟩* листочки перед собой, когда взглянул *⟨оставлено место⟩* мужиков; б. Когда, переписавши, взглянул он на эти листики, на мужиков (АК3); Когда, переписавши, взглянул он на эти листики, на мужиков [◊] (АК4)
- 27 После слов: овладело им. — Вписано карандашом: Он глядел на них долго, не будучи в состоянии предаться никакой [вдохновенной] определенной мысли (АК2)
- 28 Каждая из записочек / Каждая из этих записочек (АК2); Каждая из этих записочек [◊] (АК3)
- 29 и через то / и чрез то (АК4, МД1, МД2)
- 31 с придатками и прозвищами / с придомками и прозвищами (АК2); с придомками и прозвищами [◊] (АК3)
- 32–33 выставлены только начальные слова / выставлены одни только начальные слова (АК2); выставлены *⟨оставлено свободное место⟩* начальные слова [◊] (АК3)
- 33 имен и отчеств / имен и отчеств (АК2, АК3, АК4)
- 34–35 ни одно из качеств мужика / ни одно из похвальных качеств мужика (АК2); ни одно из *⟨оставлено свободное место⟩* мужика [◊] (АК3)
- 36–37 к другому приписано ~ не берет» / к другому приписано «дело *⟨оставлено свободное место⟩* берет» [◊] (АК3), к другому приписано было «смыслит и хмельного не берет» (МД1, МД2)
- С. 128–129
- 40–1 сии подробности / эти подробности (АК2); эти подробности [◊] (АК3)

⁴ Здесь в АК2 заканчивается текст, написанный рукой Гоголя, и возобновляется текст, написанный рукой П.В. Анненкова.

- 2 как будто мужики / как будто эти мужики (АК2); как будто эти мужики \diamond (АК3)
- 2 еще вчера были живы / еще вчера были живы, как будто даже были вовсе не мертвы \diamond (АК2)
- 2-3 Смотри долго на имена их / Смотри [на них] долго на имена их (АК2)
- 3 он умилился духом / он наконец умилился духом \diamond (АК2)
- 4 сколько вас здесь напичкано / сколько вас здесь числом \diamond (АК2)
- 4 что вы, сердечные мои / Что-то вы, сердечные мои (АК2); Что-то вы, сердечные мои \diamond (АК3)
- 5-6 невольно остановились / невольно *(оставлено свободное место)* \diamond (АК3)
- 6-7 Неуважай-Корыто ~ Коробочке / Неуважай-Корыто (АК2); Неуважай-Корыто \diamond (АК3)
- 8 Он опять не утерпел, чтоб не сказать / Он не утерпел, чтоб не сказать опять \diamond (АК2)
- 9-10 какую смертью / какую смертью (АК2, АК3, АК4)
- 10 в кабаке ли или среди дороги / Просто ли в кабаке или среди дороги (АК2); а. Просто ли в кабаке или среди дороги; б. в кабаке или среди дороги (АК3); в кабаке или среди дороги (АК4)
- 11-13 Пробка Степан, плотник ~ в гвардию годился бы! / а. Авдеев Толстое Брюхо. А вот он Авдеев Толстое Брюхо! Вот он, тот силач, что в гвардию годился бы! Плотник. Да! Верно, был добрый плотник.; б. Авдеев Толстое Брюхо, плотник [трезвости] примерной трезвости. А вот он Авдеев Толстое Брюхо. Вот он, тот силач, что в гвардию годился бы! Плотник. Да! Верно, был добрый плотник.*; в. Коробка Степан, плотник, искусства и трезвости примерной. А! вот он Степан Пробка, вот тот силач, что в гвардию годился бы! Плотник. Да! Верно, был добрый плотник. (АК2); а. Коробка Степан ~ вот тот *(оставлено свободное место)* что в гвардию ~ добрый плотник; б. Как в тексте, со следующим вариантом (АК3):
- 11 Пробка Степан / Коробка Степан (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 11-12 трезвости примерной / искусства и трезвости примерной (АК3)
- 16 и государственную зашивал / а. и государственную зашивал; б. (ценз.) и ассигнацию зашивал (АК4); и ассигнацию зашивал (МД1, МД2)
- 17 Взмогился ли ты / *(оставлено свободное место)* ли ты \diamond (АК3)
- 18-19 под церковный купол, а может быть, и на крест потащился / а. Как в тексте; б. (ценз.) на колокольню (АК4); на колокольню (МД1, МД2)
- 19 поскользнувшись / подскользнувшись (АК2); подскользнувшись \diamond (АК3)
- 21 почесав рукою в затылке / почесав рукою в затылок (АК3, АК4)
- 26 бил по спине ремнем / бил ремнем по спине (АК3, АК4, МД1, МД2)

- 26–27 не выпускал на улицу повесничать / не выпускал на улицу *(оставлено свободное место)* ◊ (АКЗ)
 32–33 в три-дешева / в три-дешево (АК2); в три-дешево ◊ (АКЗ)

С. 130

- 1 была прописана / была приписана (МД2)
 1 можно было принять ее / можно было принять (АК2); можно было принять ◊ (АКЗ)
 2–3 даже имя ~ Елизаветъ / даже имя не оканчивалось на букву а, то есть было написано не Елизавета, а Елизаветъ (АК2); даже имя не оканчивалось на букву а, то есть было написано не Елизавета, а Елизаветъ ◊ (АКЗ)
 3 Однако же он это не принял в уважение / Чичиков, однако же, этого не уважил (АК2); Чичиков, однако же, ничего не уважил ◊ (АКЗ)
 3–4 тут же ее вычеркнул / тут же вычеркнул ◊ (АКЗ)
 4 Григорий Доезжай-не-доедешь! / Григорий Доезжай-Недоедешь. А вот он и Доезжай-Недоедешь тут. (АК2); а. Доезжай не доедешь. А вот он и Доезжай не доедешь тут.; б. Доезжай не доедешь. А вот он и Доезжай не доедешь! (АК3); Доезжай не доедешь! ◊ (АК4); Григорий Доезжай-недоедешь (МД1, МД2)
 5–6 рогоженную кибитку / рогожную кибитку (АК3, АК4, МД1, МД2)
 6 от дому, от родной берлоги / от дому и родной берлоги (АК2, АК3); от дому и родной берлоги ◊ (АК4)
 11 может быть, и сам / может, и сам (АК3, АК4, МД1, МД2)
 13–14 свою смертью / свою смертью (АК2, АК3, АК4)
 14–15 переводя глаза на бумажку / переводя глаза на ту бумажку (АК2); переводя глаза на ту бумажку ◊ (АК3)
 16–17 то же, что и мертвые / То же, что и мертвый. (АК2); То же, что и мертвый. ◊ (АК3)
 21 Антон Волокита / Меняй Волокита (АК2); *(оставлено свободное место)* Волокита ◊ (АК3)
 27 Такого-то и такого помещика / Такого-то и такого-то помещика (АК3, АК4, МД1, МД2)
 32 не давал он мне / не давал мне (АК2); не давал мне ◊ (АК3)
 33 с прибавкой / с прибавкою (АК3, АК4, МД1, МД2)

С. 131

- 1 пообронил его / и обронил ◊ (АК3)
 4 тоже сундук с медными деньгами / сундук с медными деньгами (АК2, АК3); сундук с медными деньгами ◊ (АК4)
 14 покамест / покаместь (АК2, АК3, МД1)
 17 Весьегонск / Устьсыольск (АК2); а. Устьсыольск; б. Волоколамск (АК3); Волоколамск ◊ (АК4)
 18–19 вот весьегонская тюрьма / устьсыольская тюрьма (АК2); а. устьсыольская тюрьма *(не зачеркнуто)*; б. Во~~(~~локоламская?) тюрьма (АК3); вот сыольская тюрьма ◊ (АК4)

С. 131–132

- 20–22 Абакум Фыров! ~ это был Манилов. / а. Ефрем Петякин. Ты что за птица?.. Но здесь Чичиков взглянул на часы и увидел, что было уже

- несколько поздно. Собрав свои бумаги, он поспешил одеться, не желая никак откладывать дела в долгий ящик и располагая совершить хотя половину купчих крепостей того же утра. Хотя в приятельском расположении Председателя он был совершенно уверен, хотя был уверен, что если дело потребует более времени, назначенного для Присутствия, то Председатель прикажет продлить самое Присутствие, как он захочет, подобно как у Гомера Боги могли всегда приказать продлиться дню на столько, сколько нужно для драки любимых их героев, но все-таки он захотел отправиться пораньше в Палату, уже единственно потому, чтоб быть как-то покойнее, окончив дело, и притом же он был, как уже читатель знает, аккуратен во всем, от большого до малого. На улице он услышал позади себя произнесенное свои имя, оглянулся — пред ним стоял Манилов, очутившийся вдруг и неожиданно, будто с облаков.; б. *Как в тексте, со следующими вариантами (АК2)*:
- 22–27 Тут Чичиков остановился ~ гуляет шумно и весело / а. и весело и шумно гуляет; б. *Как в тексте, со следующими вариантами (АК2)*:
- 23 Над чем он задумался? / Почему он задумался? (АК2, АК3, АК4)
- 23–24 Задумался ли он над участью / Задумался ли он над бурлацкою жизнью ◊ (АК2)
- 25 каких бы ни был лет / каких ни был лет ◊ (АК2)
- 25–26 чина и состояния / чину и состояния (АК2); а. чину и состояния; б. чина и состоянья (АК3); чина и состоянья (АК4)
- 26 когда слышит об разгуле широкой жизни / когда слышит о чудном разгуле широкой запивающей жизни ◊ (АК2); а. *Как в тексте*; б. когда слышит об разгуле вольной широкой жизни ◊ (АК3); когда замыслит об разгуле широкой жизни (АК4, МД1, МД2)
- 28 Цветы и ленты на шляпе / Цветы и ленты на [новой] шляпе (АК2)
- 28–29 веселится бурлацкая ватага / веселится [вата(га)] бурлацкая ватага (АК2)
- 29 прощаясь с любовницами и женами / прощаясь с любовницами, женами (АК2); прощаясь с любовницами, женами ◊ (АК3)
- 29–30 высокими, стройными, в монистах и лентах / *(оставлено свободное место)* и лентах ◊ (АК3)
- 31 между тем / меж тем (АК2); меж тем ◊ (АК3)
- 32 зацепляя крючком / нацепляя крючком (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 34–35 кучи наваленных в пирамиду, как ядра, мешков / кучи наваленных, как ядра, в пирамиду мешков (АК2); кучи наваленных, как ядра, в пирамиду мешков ◊ (АК3)
- 35 выглядывает весь хлебный арсенал / выглядывает [весь] хлебный арсенал (АК2); выглядывает хлебный арсенал ◊ (АК3)
- 36 пока не перегрузится весь / пока не перегрузится (АК3, АК4)
- 36–37 и не понесется гусем ~ бесконечный флот / и гусем понесется [бесконечный] вместе с весенними льдами бесконечный флот (АК2); и гусями понесется вместе с весенними льдами бесконечный флот ◊ (АК3)
- 38 гуляли и бесились / *(оставлено свободное место)* и бесились ◊ (АК3)

- 3–4 сначала загородил околесину, а потом задумался / загородил околесину, наговорил, чего и нет [◊] (АК2)
- 7–8 взял в руки теплый картуз и бумаги под мышку и отправился / [и] взял в руки теплый картуз с ушами и бумаги под мышкой, отправился (АК2); взял в руки теплой картуз и бумаги под мышкою отправился [◊] (АК3)
- 9–10 ибо председатель был / потому что председатель был (АК2, АК3, АК4)
- 11 подобно древнему Зевесу Гомера / подобно древнему Зевесу (АК2); *〈оставлено свободное место〉* древнему Зевесу [◊] (АК3)
- 12 насылавшему быстрые ночи / посылавшему быстрые ночи (МД2)
- 13 дать им средство додраться / дать им случай додраться (АК2); дать им случай додраться [◊] (АК3)
- 14 привести дела к концу / привести дело к концу (АК2, АК3, АК4)
- 15 все беспокойно и неловко / все как-то беспокойно и неловко (АК2); все как-то беспокойно и неловко [◊] (АК3)
- 15–16 все-таки приходила мысль / как бы то ни было, он все-таки чувствовал (АК2); а. как бы то ни было, он все-таки чувствовал; б. как бы то ни было, он все-таки отчасти чувствовал (АК3); Как бы то ни было, он все-таки отчасти чувствовал [◊] (АК4)
- 16–17 души не совсем настоящие ~ поскорее с плеч / души как-то ненастоящие и не такие, как следует, и потому скорее бы эту обузу с плеч (АК2); души как-то ненастоящие и не такие, как следует, и потому скорее бы эту обузу с плеч [◊] (АК3)
- 18–19 таща на плечах медведя, крытого коричневым сукном / таща на плечах медведи, крытые коричневым сукном (АК2, АК3, АК4)
- 20 столкнулся с господином тоже в медведях / столкнулся тоже с господином в медведях (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 22–23 заключили тут же друг друга в объятия / заключили друг друга в объятия [◊] (АК2); заключили тут же друг друга *〈оставлено свободное место〉* [◊] (АК3)
- 23 и минут пять / и минут с пять (АК2); и минут с пять [◊] (АК3)
- 25–27 У Манилова от радости ~ держал он / а. Манилов был решительно вне себя, от удовольствия зажмурил глаза совершенно и на лице оставались только нос да губы. Почти с четверть часа он держал; б. Как в тексте, со следующим вариантом (АК2):
- 25–26 У Манилова от радости ~ совершенно исчезли. / а. зажмурены исчезли совершенно** ; б. Глаза Манилова от радости совершенно исчезли с лица [◊] (АК2)

С. 132–133

- 28–8 В оборотах самых тонких ~ ему сопутствовать. / а. В самых вежливых и приятных словах рассказал он, что приехал в город только поутру, но никак не мог отказать себе в удовольствии увидеть и обнять Павла Ивановича. Ко всему этому был прибавлен такой комплимент, какой разве только в воскресный день где-нибудь на вечере какой-нибудь молодой помощник Столоначальника скажет девице, с которою готовится танцевать. Чичиков уж никак не нашелся ему

на это ответить, все, что ни прибирал он, все в сравнении с ним было мало. Узнавши, за каким делом шел Герой наш в Палату, Манилов изъявил готовность ему сопутствовать; б. Хвостик этой ⟨...?⟩ комплиментом таким⟨?⟩, какой даже не всегда** ; в. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):

С. 132

28–29

как летел обнять Павла Ивановича / что летел обнять Павла Ивановича и сердился на медленность лошадей (АК2); что летел обнять Павла Ивановича и сердился на медленность лошадей ◊ (АК3)

30–31

какой разве только ~ идут танцевать / какой разве только [одной девице прилично] приличен одной девице, с которой идешь танцевать (АК2); какой разве только приличен одной девице, с которой идешь танцевать ◊ (АК3)

С. 132–133

31–6

Чичиков открыл рот ~ поклонился с признательностью. / а. Чичиков уж никак не нашелся ему на это ответить, все, что ни прибирал он, все в сравнении с ним было мало. Однако же он все-таки открыл рот с тем изъявить ⟨так в рукописи⟩ [как] признательность, как вдруг Манилов вынул из-под шубы белую бумагу, свернутую в трубочку, [завязанную] связанную розовой ленточко⟨й⟩, и подал очень ловко двумя пальцами. — Это что? [спросил Чичиков.] — Мужички. — А! — Он тут же развернул ее и пробежал глазами. — Да как хорошо написано, — сказал он. Не нужно и переписывать, да еще и каемка вокруг. Кто это так искусно сделал каемку? — Ну уж не спрашивайте, — сказал Ноздрев ⟨так!⟩. — Вы? — Далее, как в тексте; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2)

С. 132

31

не зная сам, как благодарить / не зная сам, что [на] отвечать (АК2); не зная сам, что отвечать (АК3, АК4)

32

вынул из-под шубы бумагу / вынул из-под шубы белую бумагу (АК2); вынул из-под шубы белую бумагу ◊ (АК3)

33

и связанную розовой ленточкой / связанную розовой ленточко⟨й⟩ (АК2); связанную розовой ленточкой ◊ (АК3); и связанную розовую ленточкой (АК4, МД1, МД2)

33

После: розовой ленточкой — и подал очень ловко двумя пальцами (АК2); а. ⟨оставлено свободное место⟩ очень двумя пальчиками; б. Слова вычеркнуты (АК3)

36

пробежал глазами / и пробежал глазами (АК2); и пробежал глазами (АК3); и пробежал глазами ◊ (АК4)

36–38

и подивился ~ каемка вокруг! / Да как хорошо написано, — сказал он. — Не нужно и переписывать, да еще и каемка вокруг! (АК2); а. Как в АК2; б. Да как ~ сказал он по прочтенье, не нужно ~ вокруг! ◊ (АК3)

40

сказал Манилов / сказал Ноздрев (АК2); сказал Ноздрев ◊ (АК3)

С. 133

6

Узнавши / Манилов, узнавши ◊ (АК2)

7

Манилов изъявил готовность / изъявил готовность (АК2); изъявил готовность ◊ (АК3)

- 8 взялись под руки / взялись под руку (АКЗ, АК4, МД1, МД2)
- 8–9 При всяком небольшом возвышении / При всяком маленьком возвышении (АК2); При всяком *(оставлено свободное место)* возвышении [◊] (АКЗ)
- 10 приподнимал его рукою / приподнимал рукою (АК2); приподнимал рукою [◊] (АКЗ)
- 12–13 Чичиков совестился ~ был тяжеленек. / а. Весьма естественно, что последний не находился, как благодарить, и очень совестился, ибо чувствовал сам, что немножко тяжеленько. б. *Как в тексте, со следующим вариантом* (АК2):
- 12–13 не знал, как благодарить / не знал, как и благодарить [◊] (АКЗ); не зная, как благодарить (АК4, МД1, МД2)
- 13 несколько был тяжеленек / в телесном устройстве частей своих несколько тяжеленько (АК2); в телесном устройстве частей своих несколько тяжеленько [◊] (АКЗ)
- 13–14 Во взаимных услугах / а. В подобных взаимных услугах и изъяснениях; б. В подобных взаимных услугах (АК2); *(оставлено свободное место)* взаимных услугах [◊] (АКЗ)
- 16–18 вероятно для изображения ~ Это были / а. вероятно, для того, чтобы были заметнее пятна и пачканья, которыми был покрыт нижний этаж его, кроме трехэтажного дома, украшали площадь; б. *Как в тексте, со следующими вариантами* (АК2):
- 16–17 вероятно, для изображения чистоты душ помещавшихся в нем должностей / вероятно, для изображения чистоты и невинности [душ, наполнявших] обитавших в нем должностей (АК2); обитавших в нем должностей [◊] (АКЗ)
- 18 огромностью / огромностию (АКЗ, АК4, МД1, МД2)
- 18 Это были / а. *(1 нрзб.)* были; б. *Слов нет* (АК2); *Слова вписаны* (АКЗ)
- 18–19 у которой стоял солдат с ружьем / солдат с ружьем [◊] (АК2)
- 20–22 длинные заборы ~ красивой площади / а. длинные заборы с кое-какими необходимыми заборными надписями, нацарапанными школьниками и уличными шалунами, посеченными за это, без сомнения, в свое время порядочно, если только дали себя поймать на месте злодеяния — вот все, что находилось на этой уединенной или, как у нас выражаются, красивой площади; б. длинные заборы с изве(стными) заборными надписями, нацарапанными углем школьниками и уличными шалунами, в свое время за это посеченными *(...?)* порядочно, если только дали себя поймать на месте злодеяния. Более не находилось ничего на сей уединенной ~ площади^{**}; в. *Как в тексте, со следующим вариантом* (АК2):
- 20–21 надписями и рисунками, нацарапанными углем и мелом / надписями и рисунками, нацарапанными углем и мелом, не показывавшими, однако ж, больших дарований ни в письме, ни в живописи [◊] (АК2)
- 23 иногда высовывались / высовывались (АКЗ, АК4, МД1, МД2)
- 23–24 неподкупные головы жрецов Фемиды / крепкие головы жрецов Фемиды [◊] (АК2); а. неподкупные головы *(оставлено свободное ме-*

- сто); б. неподкупные головы Фемиды (АК3); неподкупные головы Фемиды (АК4)
- 24 и в ту ж минуту прятались опять / но очень скоро прятались опять [◊] (АК2)
- 25 вероятно / а. потому что, вероятно; б. ибо, вероятно* [◊] (АК2)
- 25–26 Приятели не взошли ~ потому что Чичиков / Оба приятеля должны были не идти, а бежать по лестнице, ибо Чичиков [◊] (АК2)
- 28–29 не позволить Чичикову устать / не позволить Павлу Ивановичу устать и утрудиться [◊] (АК2); не позволить Павлу Ивановичу устать и утрудиться [◊] (АК3)
- 29–30 весьма сильно / очень сильно [◊] (АК2)
- 30–31 когда вступили ~ не был поражен чистотою / а. когда наконец вступили в коридор, и на коридоре и на лестнице ощутительно был слышен несколько сжатый воздух, всегда бывающий в тех местах, где пребывают сторожа. Комнаты, стены, двери — все было несколько чернильно.; б. Как в тексте, со следующим вариантом (АК2):
- 31 взор их не был поражен / взор не был [особенно] поражен (АК2); взор не был поражен [◊] (АК3)
- 31–32 не заботились о ней / не заботились о чистоте [◊] (АК2)
- 32 то, что было грязно, так и оставалось грязным / то, что было грязно, в самом деле оставалось грязным [◊] (АК2)
- 32–33 не принимая привлекательной наружности / не принимая никакой привлекательной наружности [◊] (АК2)
- 33 какова есть / какова у нас есть [◊] (АК2)
- 34–35 Следовало бы описать канцелярские комнаты / а. Следуя порядку вещей, должно было бы заняться описанием канцелярий и комнат; б. Следовало бы описать канцелярии и комнаты (АК2); Следовало бы описать канцелярии и комнаты [◊] (АК3)
- 35–36 автор питает / автор должен признаться, что от рождения питает [◊] (АК2)
- 36 робость ко всем присутственным местам / робость относительно всякого рода присутственных мест (АК2); а. робость относительно всякого рода присутственных мест; б. робость относительно к присутственным местам (АК3); робость относительно к присутственным местам (АК4)
- 36–40 Если и случалось ~ совершенно не знает / а. и всегда боялся правосудия, может быть, еще^(?) потому, что чувствует в сокрушенной душе своей, что весьма грешен. Если же и случалось ему проходить подобные места, даже в облагороженном виде, с лакированными полами и столами красного дерева, он всегда потупляя глаза в землю и старался пробежать их как можно скорее, по этой-то причине никогда не мог порядочно заметить; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 36–37 Если и случалось / а. Если и случалось; б. Если случалось (АК2); Если случалось [◊] (АК3)
- 37–38 в блистательном и облагороженном виде / в блистательном виде (АК2); а. в блистательном виде; б. в блистательном и облагорожен-

ном их виде (АК3); в блистательном и облагороженном их виде ◊ (АК4)

- 38 он старался / и тогда даже он старался ◊ (АК2)
38–39 пробежать как можно скорее / пробежать их как можно скорее (АК2); пробежать их как можно скорее (АК3); пробежать их как можно скорее ◊ (АК4)
39–40 а потому совершенно не знает / а. и потому совершенно не знает*; б. [и] а потому он совершенно не знает ◊ (АК2)

С. 134

- 1 Герои наши видели / Герои наши видели только (АК2); Герои наши видели только ◊ (АК3)
1–3 много бумаги ~ светло-серую куртку / а. мельком чернилицы, бумаги, затылки, сертуки, фраки и даже просто какую-то серую куртку; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
1–2 наклонившиеся головы / наклоненные головы (АК2); наклоненные головы ◊ (АК3)
2–3 сертуки губернского покроя / а. сертуки провинциального покроя*; б. сертуки губернского покроя (АК2); сертуки губернского покроя (АК3, АК4)
4–5 положив ее почти / положив почти (АК2); положив почти ◊ (АК3)
5–10 какой-нибудь протокол ~ хриплым голосом / а. вероятно, какое-нибудь не бездельное отношение, да слышались урывками небольшие фразы, как-то; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
5–6 какой-нибудь протокол / [может быть] какой-нибудь протокол (АК2)
7 мирным помещиком / мертвым помещиком ◊ (АК3)
8–9 нажившим себе и детей, и внуков под его покровом / нажившего себе и детей и внуков и ожидающего только, авось Бог пошлет [еще и] правнучат (только вписано – АК2); нажившего себе и детей и внуков и ожидающего только, авось Бог пошлет правнучат ◊ (АК3)
10 Одолжите, Федосей / <оставлено свободное место> Федостий ◊ (АК3)
12 чернильницы / чернилицы ◊ (АК3)
12 Иногда голос / Иногда же голос (АК2); <оставлено свободное место> голос ◊ (АК3)
14 шесть суток не евши / сорок дней не евши ◊ (АК2)
15 Шум от перьев был большой / Шум от перьев был страшный ◊ (АК2)
15–16 несколько телег с хворостом / несколько телег в глубокую осень ◊ (АК2)
16–17 проезжали лес, заваленный на четверть аршина / проезжали по лесу, заваленному на четверть аршина ◊ (АК2)

С. 134–140

- 18–17 Чичиков и Манилов ~ другого просителя. / Первоначальная редакция этого фрагмента в АК2 не сохранилась (л. 111–116 об. были вынуты и заменены новыми), за исключением завершающих

строк (см. варианты к с. 140, строка 18) и начальных строк, в двух вариантах (в нижней части л. 110 об.): а. Один из священнодействующих, тут же находившихся, который с таким усердием приносил жертвы Фемиде, что оба рукава лопнули на локтях и давно лезла оттуда подкладка, за что и получил в свое; б. иссохшими листьями. Один из священнодействующих, тут же находившихся, приносивший с таким усердием жертвы Фемиде ~ получил в свое. Окончательная редакция этого фрагмента, на переписанных рукой Е.В. Погодиной и отмеченных знаком вставки (+В) листах, сохранилась, ее разночтения с основным текстом приведены ниже⁵.

С. 134

- 19 и спросили / и спросил (АК2); и спросил [◊] (АК3)
 22 А мне нужно подать просьбу. / Слов нет (АК2); Фраза вписана (АК3)
 29 и хотели придать / и хотели по свойственной человеку гордости придать (АК2); и хотели по свойственной человеку гордости придать [◊] (АК3)
 31 сказал он / сказал Чичиков (АК2, АК3, АК4)

С. 135

- 8 в другой угол комнаты / на другой угол комнаты (АК2); на другой угол комнаты [◊] (АК3)
 14 как будто бы и не слышал / так как будто бы и не слышал (АК2); так как будто бы и не слышал [◊] (АК3)
 15–16 это был человек уже благоразумных лет / это был уже человек благоразумных лет (АК4, МД1, МД2)
 16–17 вертопляс / шарамыжка (АК2); шарамыжка [◊] (АК3)
 18–20 вся середина лица ~ кувшинным рылом / нижнюю часть лица имел он совершенно выступившуюся вперед вместе с носом, губами и бородою, словом, то, что называют кувшинное рыло (АК2); а. нижнюю часть лица имел совершенно ~ кувшинное рыло; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК3):
 18 вся середина лица / Вся [средняя(я) часть л[ица?]] середина лица (АК3)
 19–20 называют в общежитии кувшинным рылом / называют кувшинным рылом (АК3, АК4)
 23–24 поворотил ~ опять писать / и приложился опять писать (АК2); и приложился опять писать [◊] (АК3)
 25 А у меня дело вот какое / А мне вот (АК2); А мне вот [◊] (АК3)
 29 от других / а от других (АК3, АК4, МД1, МД2)
 40–41 «Другие тоже ~ дело знаю...» / «а другие, конечно, не останутся...» (АК2); а. «а другие, конечно, не останутся...»; б. Как в тексте, со следующим вариантом (АК3):
 40 Другие тоже / [Да уж] другие тоже (АК3)

⁵ Подробнее о переработке фрагмента см. с. 444–445 наст. изд.

С. 136

- 1 Идите к Ивану Григорьевичу / Ну теперь идите (АК2); Ну теперь идите [◊] (АК3)
- 9 он вас проведет / вас проведет (АК2); вас проведет [◊] (АК3)
- 9–10 сказал Иван Антонович / сказал он (АК2); сказал он [◊] (АК3)
- 10–11 один из священнодействующих, тут же находившихся / а. Как в тексте; б. (ценз.) один из тут же находившихся (АК4); один из тут же находившихся (МД1, МД2)
- 12–13 за что и получил в свое время / а. Как в тексте; б. (ценз.) получивший за службу в свое время (АК4); получивший за ту службу в свое время (МД1, МД2)
- 15 провел их в комнату / провел их в главную комнату [◊] (АК2)
- 15 одни / одне (АК2, АК3, АК4, МД1, МД2)
- 26 принял Чичикова / схватил Чичикова (АК2); схватил Чичикова [◊] (АК3)
- 28 у обоих / у обеих (АК2); у обеих [◊] (АК3)
- 28–29 что тут же было отнесено к сидячей жизни / и изъявлено было обоюдно сожаление и отнесено к сидячей жизни (АК2); и изъявлено было обоюдно сожаление и отнесено к сидячей жизни [◊] (АК3); и что тут же было отнесено к сидячей жизни (АК4)
- 29–30 уже был уведомлен Собакевичем о покупке / был предуведомлен о покупке (АК2); а. был уведомлен о покупке; б. был уведомлен о покупке уже Собакевичем (АК3); был уведомлен о покупке уже Собакевичем (АК4)
- 31 несколько смешало / несколько было смешало (АК2); несколько было смешало [◊] (АК3)
- 33 стояли вместе лицом друг к другу / стояли лицом в лицо друг другу (АК2); стояли лицом в лицо друг другу [◊] (АК3)
- 35 спросил / сказал (АК2, АК3, АК4)
- 39 сформованный / сформированный (АК4)

С. 137

- 2 тоже крепкий / также крепкий (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 5 если бы захотели / если захотели (АК2); если захотели [◊] (АК3)
- 11–12 ни разу не был болен / ни разу не был болен, хоть бы какая-нибудь болезнь (АК2, АК3, АК4)
- 29 хотелось бы выехать / хотелось бы даже выехать (АК2); хотелось бы даже выехать [◊] (АК3)
- 36–37 Иван Антоныч / Иван Антонович (АК3, АК4, МД1, МД2)

С. 138

- 1, 3 Иван Антоныч / Иван Антонович (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 1 кувшинное рыло / чувшинное рыло (АК2)
- 3 все эти крепости... / все эти крепости, прикажите их... (АК2); все эти крепости, [прикажите] их... (АК3); все эти крепости их... (АК4, МД1, МД2)
- 4 Да не позабудьте / Да вот не позабудьте (АК2); Да вот не позабудьте [◊] (АК3)

- 4–5 Иван Григорьевич, — подхватил Собакевич / Иван Григорьич (АК2);
Иван Григорьевич [◊] (АК3)
- 13 за ними всеми / за ими всеми (АК2, АК3, АК4)
- 14–21 — Еще я попрошу вас ~ не понравившееся. / «Ай да кулак!» —
подумал про себя Чичиков. (АК2); а. «Ай да кулак!» — подумал
про себя Чичиков.; б. Как в тексте, со следующим вариантом
(АК3):
- 18–19 об этом я вас прошу / [Уж] об этом я вас прошу (АК3)
- 24 с выраженьем большого удовольствия / с большим удовольствием
(АК2); с большим удовольствием [◊] (АК3)
- 31 если он не стал / и если он не стал (АК2); и если он не стал [◊] (АК3)
- 33 выбрал за либерализм, и поделом, всех молодых людей / выбра-
нил, и поделом, либерализм молодых людей (АК2); а. выбрал, и
поделом выбрал, молодых людей; б. выбрал, и поделом за *⟨не
закончено⟩* [◊] (АК3)
- 34 все какая-то нетвердость / какая-то нетвердость (АК2); какая-то
нетвердость [◊] (АК3)
- 40 в каком находится / *⟨оставлено свободное место⟩* находится (АК3)

С. 139

- 4–5 Иван Григорьич / Иван Григорьевич (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 5–6 какое приобретение они сделали? Ведь какой народ! / какое приоб-
ретение, какой народ? (АК2); какое приобретение, какой народ! [◊]
(АК3)
- 23 дай, говорю / дай, говорит (АК2); дай, говорит [◊] (АК3)
- 26 Павел Иваныч / Павел Иванович (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 31 О, там отличные земли / О, там отличные земли, не заселено толь-
ко (АК2); О, там отличные земли, *⟨оставлено свободное место⟩*
только [◊] (АК3)
- 33 А земли в достаточном количестве? / И в достаточном количестве?
(АК2); И в достаточном количестве? [◊] (АК3)
- 37–38 Сказав это, Чичиков взглянул / сказал он и взглянул (АК2); сказал
он и взглянул [◊] (АК3)
- 38 и хотя Собакевич был / и хотя он был (АК2); и хотя он был [◊]
(АК3)
- 40 Ой, врешь / О, врешь (АК2); О, врешь [◊] (АК3)

С. 140

- 2 прокурор-моргун / прокурор с моргающим глазом (АК2); прокурор
с моргающим глазом [◊] (АК3)
- 6–7 сына протопопа отца Кирила / сына отца Кирилла (АК2); сына отца
Кирила [◊] (АК3)
- 11 Иван Антоныч / Иван Антонович (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 14 и Чичикову / а Чичикову (АК4)
- 14–15 самую малость / какую-то самую малость (АК2); какую-то самую
малость [◊] (АК3)
- 16–17 а другая ~ другого просителя / а. а другая отнесена была на счет
какого-то другого просителя. Как это делается, неизвестно, но из-
вестно то, что для дружбы много делается на этом свете; б. а другая

- отнесена была на счет какого-то другого просителя⁶ (АК2); а другая отнесена была на счет какого-то другого просителя[◊] (АК3)
- 18 *Перед словами:* Итак, — сказал председатель — *зачеркнуто*⁷:
а. продолжал уже вслух и подошедши к окну: сегодня нет дождя: хорошее время для посевов; б. он подошел к окну и сказал уже вслух: вот хорошее время для посевов. (АК2)
- 18 Итак, — сказал председатель / Ну! — сказал председатель[◊] (АК2)
- 22–23 бутылочку шипучего / бутылочку[◊] (АК2)
- 24–25 Нет ~ сами поставим / Нет, зачем вам тратить[◊] (АК2)
- 26–27 Покамест / Покаместь (АК2, АК3)
- 27–28 отправимтесь-ка все, так как есть / отправимтесь-ка вчетвером, так как есть (АК2); а. отправимтесь-ка вчетвером, так как есть; б. отправимтесь-ка все, [то] так как есть (АК3)
- 28 он у нас чудотворец / а. *Как в тексте*; б. (ценз.) он у нас чудный человек (АК4); он у нас чудный человек (МД1, МД2)
- 29 мимо рыбного ряда или винного погреба / мимо рыбного ряда или погреба (АК4, МД1, МД2)
- 30 знаете, как закусим / знаете ли, как закусим (АК3, АК4, МД1, МД2)

С. 140–141

- 31–10 От такого предложения ~ к дому полицмейстера. / Гости совершенно согласились с председателем; тут же все четверо отправились к полицмейстеру, и присутствие кончилось целым часом ранее положенного времени, на что, однако же, ни один из чиновников не рассердился, ни начальники, ни подчиненные. (АК2); а. Гости совершенно согласились ~ ранее положенного времени, на то, однако же ~ ни подчиненные.; б. *Как в тексте, со следующими вариантами* (АК3; вариант б. написан авторской рукой на отдельном листе — пронумерован как л. 102 и вишит непосредственно перед началом гл. VII):

С. 140

- 33 присутствие кончилось / присутствие кончилось часом раньше обыкновенного[◊] (АК3)
- 34–35 Иван Антонович ~ учтиво поклонившись / [учтиво] Иван Антонович кувшинное рыло, учтиво поклонившись (АК3)
- 36–37 только одну белинькую / одну только белинькую (АК3)
- 39 препустой и преничтожный народ / самой пустой, ничтожный народ[◊] (АК3)
- 40 Иван Антонович понял / Иван Антонович тут же понял[◊] (АК3)
- 40–41 посетитель ~ больше не даст / от этого больше ничего не получить[◊] (АК3)

⁶ Здесь в АК2 заканчивается текст, написанный рукой Е.В. Погодиной, и возобновляется текст, написанный рукой П.В. Анненкова (см. варианты к с. 134–140, строки 18–17).

⁷ Зачеркнутые слова (на л. 117) завершают эпизод оформления покупки мертвых душ в первоначальном варианте АК2 (см. там же).

С. 141

- 10 добрались наконец гурьбой к дому / добрались наконец гурьбой до дому (АК4)
- 11 был чудотворец / а. был чудотворец; б. (ценз.) был чудный человек (АК4); был чудный человек (МД1, МД2)
- 15–16 появилась на столе белуга, осетры, семга / появились на столе белуги, осетры, семги (АК2); появилась на столе белуга, осетры, семги (АК3, АК4)
- 17–21 сыры, копченые языки ~ взваренцы / и Бог знает сколько всякой всячины (АК2); а. и Бог знает сколько всякой всячины; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК3):
- 19 куда / куды (АК3)
- 20 9-пудового осетра / [богатырского] [7-пудо(вого)] 9-ти пудового осетра (АК3); 9-ти-пудового осетра (АК4, МД1, МД2)
- 21 пряженцы / преженцы (АК3, АК4)
- 21 Полицмейстер был / Полицеймейстер (АК2); Полицмейстер [◊] (АК3)
- 21–22 некоторым образом / а. некоторым образом; б. [в] некоторым образом (АК3)
- 24–28 Вообще он сидел ~ противу всех / а. Он повел дело как-то так умно, получал вдвое более доходов противу всех; б. Дело было поведено так умно, что он получал вдвое более доходов противу всех; в. Как в тексте, со следующим вариантом (АК2):
- 25 и должность свою / должность свою (АК2); должность свою [◊] (АК3)
- 27–28 вдвое более / вдвое больше (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 30 именно за то / прежде именно за то [◊] (АК2)
- 30–31 кумился с ними / кумался с ними (АК2, АК3, АК4)
- 31 драл подчас с них сильно / а. драл бесчеловечно; б. драл изрядно*; в. брал подчас изрядно (АК2); драл подчас изрядно [◊] (АК3)
- 34 что детеныш / что (оставлено свободное место) [◊] (АК3)
- 35 После: словом, молодец! — вписано карандашом и стерто: как выражались купцы (АК2)
- 36 даст порядок / и порядок даст (АК2); и порядок даст [◊] (АК3)
- 41 был помешан / был почти помешан (АК2); был почти помешан [◊] (АК3)

С. 142

- 5–6 совершенную народность / некоторую народность (АК2); некоторую народность [◊] (АК3)
- 10 уже давно начинал / давно начинал (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 11–12 и куды уже Собакевич ~ издали осетра / и Собакевич, несмотря на свою неподвижную и неуклюжую наружность, весьма часто заглядывал в дверь, наметив уже оттуда осетра [◊] (АК2):
- 11 куды / куда (АК4, МД1, МД2)
- 12 лежавшего в сторонке / лежавшего в стороне (АК3, АК4, МД1, МД2)

- 13–16 Гости, выпивши ~ свой характер / а. Гости, выпивши не без удовольствия по рюмке водки, стали каждый, как говорится, обнаруживать свой характер; б. *Как в тексте, со следующим вариантом (АК2):*
- 14 только на сибирских прозрачных камнях / на сибирских прозрачных камнях (АК2); на сибирских прозрачных камнях [◊] (АК3)
- 17 налегая / налетая [◊] (АК3)
- 19 покамест / покаместь (АК2, АК3)
- 20 доехал его всего / доедал его всего [◊] (АК3); доедал его всего (МД2)
- 20–26 так что ~ маленькую рыбку / а. так что, когда гости вспомнили об осетре и подошли было к нему с вилками, увидели, что на блюде лежали только голова да хвост; б. *Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):*
- 22 вот это / это [◊] (АК3)
- 22 произведенье природы / а. произведение; б. произведение природы (АК2); произведение природы (АК3, АК4)
- 23 от произведенья / от произведения (АК2, АК3, АК4)
- 24 всего оставался один только хвост / оставался всего один хвост (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 26 сушеную маленькую рыбку / сушеную севрюжку (АК2); сушеную севрюжку [◊] (АК3)
- 28 Полицмейстер / Городничий [◊] (АК2; исправлено рукой П.В. Анненкова)
- 31 за благоденствие крестьян / а. за здоровье крестьян; б. за благоденствие земель и крестьян [◊] (АК2); благоденствие крестьян [◊] (АК3)
- С. 142–143
- 33–10 Приступили к нему ~ перечокались и в третий раз. / а. *Текста нет; б. Текст, вероятно, был вписан на отдельном листе — в рукописи поставлен знак вставки, сама вставка отсутствует (АК2)*
- С. 142
- 34 стали упрашивать / стали упрашивать его [◊] (АК3)
- 38 Слов: женим его — нет (АК3, АК4)
- С. 143
- 4 как не быть ~ что хотите!.. / как не быть невесте, был бы жених, будет все, все, что хотите [◊] (АК3)
- 17 венгерское / вернегрое [◊] (АК3)
- 18–26 говорили обо всем ~ к Шарлотте / а. не слушая один другого. Герой наш никогда не чувствовал себя в таком веселом расположении. Вообразил себя уже почти настоящим херсонским помещиком, говорил обо всем, приглашал к себе и даже начал читать Собакевичу какие-то любовные стихи; б. *Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):*
- 19–20 вольные мысли, за которые / а. вольные мысли, за которые; б. вольные мысли, за которые бы [◊] (АК2)
- 20 в другое время / в другое (АК2); в другое [◊] (АК3)
- 20 высекли своих детей / высекли своих детей, и весьма больно (АК2); высекли своих детей, и весьма больно [◊] (АК3)

- 21 множество самых затруднительных вопросов / множество всяких [дел] вопросов, над которыми весь век иной ломает голову [◊] (АК2)
- 23 воображал себя / [он] воображал себя (АК2)
- 24 улучшеньях / улучшениях (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 27 ибо после осетра ~ ко сну / потому что вина хоть и не пил, но после осетра чувствовал большой позыв ко сну [◊] (АК2)
- 27–28 Чичиков смекнул и сам / Чичиков смекнул сам (АК2, АК3, АК4)
- 29–37 и воспользовался ~ чтобы сделать всем / а. и на прокурорских уже дрожках доехал к себе в гостиницу, где долго еще у него вертелся на языке всякий вздор, какие-то херсонские деревни, даже дано было приказание Селифану собрать всех мужиков, чтобы сделать всем; б. *Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):*
- 29–30 Прокурорский кучер / у которого кучер (АК2); у которого кучер [◊] (АК3)
- 30 малый опытный / малой опытной (АК2, АК3, АК4)
- 31 правил только одной рукой / правил одной только рукой (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 31–32 а другую, засунув назад, придерживал ею барина / а другою, засунув ее назад, придерживал барина [◊] (АК2)
- 34 невеста с румянцем / невеста, белая, как снег, с самым свежим румянцем (АК2); невеста, белая, как снег, с самым *⟨оставлено свободное место⟩* румянцем [◊] (АК3)
- 35 херсонские деревни, капиталы. Селифану даже / херсонские деревни, капиталы [и невесть что. Селифану]. Селифану даже (АК2)
- 36 хозяйственные приказания / хозяйственные приказания и едва ли даже не было приказу [◊] (АК2)
- 37–38 Селифан молча слушал очень долго и потом вышел из комнаты / а. Селифан слушал, слушал долго и молча вышел из комнаты; б. Селифан молча слушал очень долго, молча вышел из комнаты и ничего *⟨1 нрзб.⟩* как только *⟨?⟩* ска *⟨зал?⟩**; в. Селифан молча слушал очень долго и молча вышел из комнаты (АК2); Селифан молча слушал очень долго и *⟨оставлено место для одного слова⟩* вышел из комнаты [◊] (АК3)
- 39–40 Петрушка принялся / Петрушка тот же час принялся (АК2); Петрушка тот же час принялся [◊] (АК3)
- 40 снимать с него сапоги / а. стаскивать с него сапоги; б. усердно снимать с него сапоги ^{◊*} (АК2)
- 40 и чуть не стащил вместе с ними / а. *Как в тексте;* б. чуть не стащив вместе с ними (АК2); чуть не стащив вместе с ними [◊] (АК3)
- С. 144
- 2 скрипела немилосердно / скрипела и рыпела немилосердно [◊] (АК2)
- 6 Готовясь уже снять их / Готовясь уже снять его [◊] (АК2)
- 7 возвращавшегося из конюшни / который возвращался из конюшни (АК2, АК3, АК4)
- 8 и чутьем поняли друг друга / и как-будто чутьем поняли друг друга [◊] (АК2)

- 8–9 барин-де завалился спать, можно и заглянуть / барин де завалился так спать, что можно и заглянуть [◊] (АК2)
- 10 Петрушка сошел вниз / он сошел вниз (АК2, АК3, АК4)
- 11–12 и балагурия дорогою совершенно постороннем / и болтая совершенно о постороннем (АК2); и *⟨оставлено свободное место⟩* совершенно о постороннем [◊] (АК3)
- 14–15 и вошли в низенькую, стеклянную, закоптившуюся дверь / и вошли в потемневшую стеклянную дверь (АК2); и вошли *⟨оставлено свободное место⟩* дверь [◊] (АК3)
- 15 приводившую почти в подвал / ведшую почти в подвал (АК2, АК3); ведущую почти в подвал (АК4)
- 17–18 во фризовой шинели / во фризовой шинеле (АК2, АК3)
- 25 поперек / поперег (АК2, АК3, АК4, МД1, МД2)
- 26 на той же кровати / на той же кровати (АК2, АК3)
- 28 близ лошадей / близь лошадей (АК2, АК3, АК4, МД2)
- 29 поднявши храп неслышанной густоты / и подняли храп неслышанный [◊] (АК2)
- 29–30 на который барин / барин [◊] (АК3)
- 30–31 отвечал тонким, носовым свистом / отвечал особенным носовым свистом [◊] (АК2)
- 31 все угомонилось, и гостиница объялась / угомонилось все, и вся почти гостиница объялась [◊] (АК2)
- 35–36 к постели / к постеле (АК2, АК3, АК4)
- 37 были хорошо сшиты / были очень хорошо сшиты (АК2); были очень хорошо сшиты [◊] (АК3)
- 37–38 и обсматривал бойко и на диво стачанный каблук / а. и обсматривал весьма тщательно мастерски стачанный каблук. Наконец и там погасла свечка — и все уснуло; б. и обсматривал весьма тщательно бойко стачанный каблук*; в. и обсматривал весьма тщательно на диво стачанный каблук (АК2); и обсматривал весьма тщательно на диво стачанный каблук [◊] (АК3)

⟨Глава VIII⟩

С. 145

- ¹ Глава VIII / Глава VIII-я (АК2, АК3)
- 2–16 Покупки Чичикова ~ Пошли его хоть в Камчатку / а. Совершенные Чичиковым покупки крестьян сделались на несколько дней предметом разговоров в городе. Все занялись вопросом, точно ли выгодно покупать на вывод крестьян. Это произвело множество мнений, из которых многие были дельны и основывались на совершенном знании предмета. Одни говорили, что в южных губерниях земли весьма плодородны и удобны для поселения; другие, что воды мало и крестьяне Чичикова непременно потерпят большой недостаток; утверждали, что переселения ненадежная вещь, что мужики Чичикова разбегутся, ибо известно, что такое мужик: на новой земле, да

- заняться еще хлебопашеством, да ничего у него нет, ни избы, ни за-
бора — убежит как дважды два; на это возражали многие довольно
основательно, что мужику русскому решительно все равно и что он
весьма скоро привыкает ко всему, что пошли его хоть в Камчатку;
б. *Как в тексте, со следующими вариантами (АК2)*:
- 2-3 предметом разговоров. В городе пошли толки, мнения, рассуждения /
предметом разговоров в городе. Пошли толки, прения, рассужденья
(АК2); предметом разговоров в городе пошли толки (*оставлено
свободное место*), рассуждения \diamond (АК3)
- 7 каково будет крестьянам / каково крестьянам \diamond (АК2)
- 8-9 это бы еще ничего, Степан Дмитриевич / это бы ничего, Степан
Дмитриевич (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 17-18 пошел рубить себе новую избу / пошел рядить новую избу \diamond (АК2)
- 18-30 Но, Иван Григорьевич ~ у крестьян Чичикова будут теперь /
а. Многие беспокоились сильно и не без причины за нравственность
крестьян, говорили, что несбыточное дело, чтобы кто-нибудь ре-
шился продать порядочных крестьян без земли, что мужики Чи-
чикова непременно должны быть пьяницы, воры и весьма буйного
поведения. На это возразил кто-то, и едва ли не Председатель Па-
латы, что хотя действительно мужики Чичикова не могут быть хо-
рошей нравственности, но, поселившись на новой земле, они могут
сделаться хорошими подданными, чему уже бывало немало всяких
примеров, что все зависит от хорошего управления и благоразумно
принятых мер. Управляющий казенными фабриками заметил, что
это, однако же, весьма сомнительно, тем более, что у крестьян Чи-
чикова окажутся теперь; б. *Как в тексте, со следующими вариан-
тами (АК2)*:
- 18 ты упустил / вы упустили \diamond (АК2)
- 19 ты не спросил, каков еще мужик / Вы не спросили, каков еще
мужик \diamond (АК2); Ты не спросил еще, каков мужик (АК3, АК4,
МД1, МД2)
- 19-20 Позабыл то, что / Вы позабыли то, что \diamond (АК2)
- 22 празднота́йка / Праздношайка (АК2, АК3)
- 23 поведенья / поведения (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 22 я согласен / я [с вами] согласен (АК2)
- 24 внимание / вниманье (АК2); вниманье \diamond (АК3)
- 27 Уж было / Уже было \diamond (АК2)

С. 146

- 2-4 Я вас уверяю ~ самая привычка / второй враг есть уже самая при-
вычка \diamond (АК2)
- 5-20 Нужно разве ~ для мужиков Чичикова!» / а. и что нужно, чтобы
Чичиков оставался бы и жил среди их сам, иначе они все будут
прегорькие пьяницы и никогда не заведутся тем, что нужно для
хозяйства. На это Председатель отвечал, что Чичикову никакой
нет надобности жить самому среди мужиков своих, что он может
найти хорошего управителя. Кто-то отозвался, что все управите-
ли мошенники; но управляющий заметил, что управители потому

- мошенники, что господа не занимаются своим делом. С этим согласился и Председатель, прибавив, что управителя очень можно найти хорошего, что для этого нужно только уметь различать людей и быть сведущим хоть сколько-нибудь самому. Но Управляющий сказал, что меньше, как за 5 тысяч в год нельзя сыскать хорошего Управителя, но Председатель сказал, что можно и за 3 тысячи, что он знает одного хорошего человека — именно Петра Петровича Самойлова, который совершенно такой Управитель, как нужно для крестьян Чичикова; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 5 чтоб они / чтобы они (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 6–7 чтоб он держал их в ежовых рукавицах, гонял бы их / чтоб он [сам смотрел за ними] держал их в ежовых рукавицах, гонял их (АК2);
 чтоб он держал их в ежовых рукавицах, гонял их [◊] (АК3)
- 7–9 да и не то чтобы ~ и подзатыльника / и не пропускал бы лично, где следует, дать и зуботычину и подзатыльника (АК2); и не пропускал бы лично, где следует, дать и зуботычку [◊] (АК3)
- 9–10 возиться самому ~ найти и управителя / а. возиться с ними самому. Можно найти управителя; б. возиться самому и давать им зуботычины. Можно найти управителя. (АК2); возиться, можно найти и управителя [◊] (АК3)
- 13 хоть сколько-нибудь / хотя сколько-нибудь (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 14 да умеи различать людей / да и умеи различать людей (АК3, АК4)
- 15–16 управляющий сказал ~ хорошего управителя / управляющий сказал, однако же, меньше, как за 5000, вы все-таки не найдете хорошего управителя [◊] (АК2)
- 17 за 3000 / за три тысячи (АК2, АК3, АК4)
- 17 сыскать / сыскать хорошего управителя [◊] (АК2)
- 17 Где же вы / где ж вы (АК2, АК3, АК4)
- 18 разве у себя в носу / у себя в носу, что ли [◊] (АК2)
- 22–23 стали сильно опасаться / особенно когда они принимали в соображение то, что жизнь их должна совершенно перемениться и скольких трудов будет стоить сбить с меньшим убытком крестьянских лошадей, чтобы на место их закупить быков, ибо земли в южных местах, как известно, пашутся волами, и что весьма можно опасаться [◊] (АК2)
- 24 каковы крестьяне / каковые крестьяне (АК3, АК4)
- 26–29 власть капитана-исправника ~ их жительства / а. власть Капитана-Исправника и Земской Полиции, и что Чичиков как человек основательной вероятно примет заблаговременно все нужные меры; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 27 на место себя / вместо себя (АК2); вместо(?) себя [◊] (АК3)
- 28–29 до самого места их жительства / до самого места жительства [◊] (АК2)
- 31 уж чересчур / уже чересчур (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 32 жестокостью / жестокостию (АК2, АК3, АК4)

- 33 Почтмейстер / Полицмейстер (АК3, АК4)
- 35 некоторого рода отцом / так сказать, некоторого рода отцом [◊] (АК2)
- 37 с большою похвалою / с небольшою похвалою [◊] (АК3)
- 37–38 об Ланкастеровой школе взаимного обучения / об Ланкастеровой школе взаимного обучения (АК2); об *〈оставлено свободное место〉* школе взаимного собрания [◊] (АК3)
- 39–40 побуждаемые участием / побеждаемые участием [◊] (АК3); побеждаемые участием (АК4, МД1, МД2)
- 40 сообщали даже / сообщили даже (АК4, МД1, МД2)
- С. 147
- 1–11 предлагали даже конвой ~ Жители города / а. за которые он очень благодарил, примолвив, что не преминет при первом случае ими воспользоваться; насчет же изъявленных опасений при переселении крестьян изъяснился, что хотя, действительно, оно сопряжено с затруднениями, но он надеется, что с Божьей помощью совершится благополучно, по крайней мере, без бунта. Следствие или заключение всех этих толков было весьма полезно для нашего Героя: оно утвердило за ним одно из выгоднейших мнений, какое только может приобрести на этом свете человек, — именно, что он должен быть очень богат, пропустили даже слухи, что он миллионщик. Все жители города; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 6 чувствуют сами добровольное расположение / и чувствуют сами добровольно расположение (АК2); и чувствуют сами добровольно расположение [◊] (АК3)
- 7 бунта ни в каком случае / бунта [он] ни в каком случае (АК2)
- 9 следствия, каких только мог ожидать / следствия [и заключения], какие только мог ожи(дать?) [◊] (АК2); следствия, какие только мог *〈оставлено свободное место〉* [◊] (АК3)
- 10 пронесли слухи, что он / пронесли слухи, что Чичиков [◊] (АК2)
- 12 а теперь после таких слухов / а теперь, само собою разумеется [◊] (АК2)
- 12–13 полюбили еще душевнее / полюбили его еще душевнее [◊] (АК2)
- 13 если сказать правду / сказать правду [◊] (АК2)
- 13–14 народ добрый / а. добрые люди; б. добрый народ * [◊] (АК2)
- 14 После: жили между собою в ладу — вписано карандашом: натурально до тех пока не подымались* (АК2)
- 15–16 печать какого-то особенного простодушия и короткости / печать какого-то простодушия и патриархальности [◊] (АК2); печать какого-то особенного простодушия и кротости (МД2)
- 17 Антипатор Захаревич / *〈оставлено свободное место〉* Захаревич [◊] (АК3)
- 19 шпрехен зи дейч / шпрехен-зи дейтч (АК2); шпрехен-зи дейтч [◊] (АК3)
- 19 Иван Андрейч / Иван Андреич (АК2); Иван Андреевич [◊] (АК3)
- 19–20 все было очень семейственно / все было очень дружественно и семейственно [◊] (АК2); все было очень *〈оставлено свободное место〉* [◊] (АК3)

- 20 Многие были / Все они были люди \diamond (AK2)
- 23 «Бор заснул, долина спит» и слово «чу!» / а. «чу! бор заснул — долина спит»; б. (кар.) «чу! бор заснул — долина спит» и заму(ривал³) (незавершенная правка) (AK2); «чу! бор заснул, долина спит» \diamond (AK3)
- 28 делал весьма длинные выписки, но какого рода они были / делал весьма длинные выписки по целым листам, и в чем состояли эти выписки, и какого рода они были (AK2); делал весьма длинные выписки, и какого рода они были \diamond (AK3)
- 31 судырь ты мой / сударь ты мой (AK2, AK3, AK4)
- 31–32 эдакой какой-нибудь, знаете / эдакой, какой-нибудь, знаете (AK3, AK4)
- 32–33 относительно так сказать / [так] относительно так сказать (AK2)
- 33 и прочими / и проч. (AK2, AK3, AK4)
- 34–35 подмаргиваньем, прищууриваньем / подмаргиванием, прищууриванием (AK4, МД1, МД2)

С. 147–148

- 39–17 Кто был ~ сколько-нибудь изъяснить / а. Насчет благовидности нечего и говорить. Читатель уже сам видел, что они были люди такие, как нужно для занятия степенных и надежных мест, то есть люди полные и здоровые, чахоточного или молокососа между ними никого не было. Итак, расположение их к Чичикову было совершенно искреннее. Но если на них герой наш подействовал сильно, то надо признаться, что на супруг и вообще на дам подействовал еще сильнее. Впечатление это тем было удивительнее, что совершилось вдруг, едва только распространилось мнение по городу, о котором уже сказано выше. Чтобы понять, почему оно случилось вдруг; б. Насчет благовидности уже известно, что они все были люди надежные. Чахоточного между ними никого не было. Словом, все (все *вписано*) был добрый народ, пока натурально не напутывал черт, что, как известно, [разрушает везде согласие, где только ни есть человек] случается везде, где обитает человек. Стало быть, расположение их к Чичикову могло быть совершенно искреннее. Но несравненно большее впечатление — совершенный предмет изумленья — произвел Чичиков на Дам. Чтоб это сколько-нибудь изъяснить; в. Как в тексте, со следующими вариантами (AK2):

С. 148

- 1–2 лежавший, как говорится ~ ни в каком случае / лежавший просто на боку, что любит очень русской человек \diamond (AK2); лежавший, как говорится, весь век на боку, которого даже напрасно было подымать: не встанут ни в каком случае \diamond (AK3)
- 4 Все были такого рода / [напротив] все были такого рода (AK2)
- 4–5 которым жены в нежных разговорах / которым жены [в семейных] в нежных разговорах (AK2)
- 5–6 давали названия / говорили \diamond (AK2); делали названия \diamond (AK3)
- 6 кубышки, толстунчика, пузантика, чернушки / кубышки, толстунчик, пузантик, чернушка \diamond (AK2); кубышка, толстунчиха, пузантика,

- чернушки \diamond (AK3); а. кубышка, толстунчика, пузатика, чернушки; б. кубышка, толстунчика, пузантика, чернушки (AK4)
- 6–7 кики, жужу и проч. / Бобо, жужу и [Кики] [других] проч. (AK2); Бобо, Жужу и проч. \diamond (AK3)
- 8 человек, вкусивший с ними хлеба-соли / человек [даже без обворожительных качеств Чичикова по(…?)], [не имеющий] вкусивший с ними хлеба-соли (AK2)
- 8–9 просидевший вечер за вистом ~ тем более Чичиков / просидевший [за вистом с ними] вечер за вистом, [уже был близким] уже становился чем-то близким, [а] тем более Чичиков (AK2)
- 10 качествами и приемами / качествами и оборотами (AK2); качествами и оборотами \diamond (AK3)
- 11–12 Они так полюбили его, что он не видел средств / Они так полюбили его, что он даже был не рад, потому что не видел даже средств (AK2); а. Они так полюбили его, что он даже был не рад, потому что не видел даже средств; б. Они так полюбили его, что он даже был не рад, потому что не видел средств (AK3); Они так полюбили его, что не видел средств \diamond (AK4)
- 12–14 только и слышал ~ на руках / Одним словом, он был носим, как говорится, на руках. (AK2); Одним словом, он был носим, как говорится, на руках. \diamond (AK3)
- 15 замечательнее было впечатление / замечательнее то впечатление (AK2); замечательнее то впечатление \diamond (AK3)
- 16 изумления / изумленья (AK2, AK3, AK4)
- 17 о самих дамах / о самых дамах (AK2, AK3)
- 17–18 об их обществе / и об их обществе (AK2); и об их обществе \diamond (AK3)
- 19 но для автора это очень трудно / но здесь Автор должен признаться, что это очень трудно \diamond (AK2)
- 20–21 почтение к супругам сановников ~ просто трудно / почтение, которое он всегда чувствовал к супругам сановников всех вообще городов, как губернских, так и уездных, с другой стороны, и то, что эта сторона человеческого рода так образована непонятно, что весьма трудно найти слова, которые бы совершенно определили ее \diamond (AK2)
- 22 никаким образом не могу / право, не могу \diamond (AK2)
- 24–25 Даже странно ~ сидит в нем. / а. нет, прошу великодушно извинения у читателя, просто не подымается никак перо; б. Как в тексте, со следующими вариантами (AK2):
- 24 Даже странно / Право, даже странно \diamond (AK2); Даже странно (AK3 – написано неразборчиво, можно прочитать: страшно); Даже страшно (AK4)
- 24–25 точно будто свинец какой-нибудь сидит в нем / как будто свинец или сорокафунтовое ядро в него засело (AK2); как будто свинец или сорокафунтовое ядро в него засело \diamond (AK3)
- 26 у которого поживее краски / у которого, точно, поживее краски (AK2); у которого точно (оставлено свободное место) краски \diamond (AK3)

- 27 нам придется разве слова два / нам придется разве слегка слова два \diamond (АК2)
- 28 были то, что называют / были очень, как говорится \diamond (АК2)
- 30 Что до того, как вести себя / Что касается до того, как держать себя \diamond (АК2)
- 31 поддержать этикет / поддержать \langle оставлено свободное место \rangle \diamond (АК3)
- 31 множество / и множество (АК2); и множество \diamond (АК3)
- 31–32 приличий самых тонких и особенно наблюсти моду в самых последних мелочах / приличий самых тонких, которых даже приметить нельзя простым глазом \diamond (АК2); приличий самых тонких, а особенно наблюсти моду в самых последних мелочах (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 32–33 в этом они опередили даже / а. в этом, надобно признаться, они даже опередили; б. в этом они даже опередили (АК2); в этом они еще опередили \diamond (АК3)
- 33 дам петербургских и московских / дам и петербургских и московских (АК2); дам и петербургских и московских \diamond (АК3)
- 35–36 в золотых позументах / в золотых презументах (АК3)
- 38 и даже родственницы / и даже \langle оставлено свободное место \rangle \diamond (АК3)
- 38–39 перессорились / перессорилась (АК3)
- С. 148–149
- 40–3 И уж как ни старались ~ за манкировку визита. / а. И так сильно перессорились, что уж никак не могли потом примирить их. Как ни старались мужья и родственники загладить как-нибудь дело, но нашли, что рана была совершенно неизлечима; б. Ссора была так сильна, что уж никак не могли потом примирить их. Как ни старались мужья и родственники загладить дело, но увидали, что рана была совершенно неизлечима (АК2); Как в варианте б. АК2 (АК3); а. Как в варианте б. АК2 с одним вариантом, вместо: уж никак — уже никак; б. Как в тексте (АК4)
- С. 149
- 3–13 обе дамы и остались ~ всякие слабости. / а. обе дамы и остались в нерасположении, по выражению жителей города. В нравах своих дамы города N, подобно многим петербургским, были очень строги, исполнены благородного негодования противу всего порочного и всяких соблазнов, казнили немилосердно и не прощали совершенно никаких слабостей.; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 4–5 Насчет занятия первых мест происходило тоже / а. Насчет занятия первых мест происходило; б. Тоже насчет занятия первых мест происходило \diamond (АК2)
- 6–7 рыцарские великодушные понятия о заступничестве / рыцарские [движен(ья)] великодушные понятия [о защите] о заступничестве (АК2); рыцарские великодушные понятия \langle оставлено свободное место \rangle \diamond (АК3)

- 7 Дуэли, конечно, между ними / Дуэли [конечно] между ними (АК2);
 <оставлено свободное место> между ними [◊] (АК3)
- 8 потому что все были / потому что все [почти] были (АК2)
- 8 гражданские чиновники / гражданские чиновники и народ рассудительной [◊] (АК2)
- 9 один другому старался напакостить / один другому [от души] старался нагадить (АК2); один другому старался нагадить [◊] (АК3)
- 10 В нравах своих дамы / В нравах дамы (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 11 были строги / были [очень] строги (АК2)
- 12–13 всяких соблазнов, казнили без всякой пощады / всяких соблазнов, [которые] казнили без всякой пощады (АК2)
- 13 между ними / между ими (АК4, МД1, МД2)
- 13–14 какое-нибудь то, что называют *другое-третье* / какое-нибудь другое-третье [◊] (АК2)
- 15–16 что происходило / а. что другое-третье происходило; б. что это происходило [◊] (АК2)
- 16–17 сохранялось все достоинство, и самый муж так был приготовлен / а. сохранялось все достоинство, строгость самая суровая, и даже муж так был приготовлен; б. сохранялось все достоинство, и муж так был приготовлен (АК2); сохранялось бы все достоинство, и муж так был приготовлен [◊] (АК3)
- 19–31 *Текст: Еще нужно сказать ~ пожестче упомянутых. — вписан со следующими вариантами (АК2):*
- 19 города N. / города N.N. (АК2); города NN (АК3)
- 20 подобно многим дамам / подобно дамам [◊] (АК2)
- 20–21 необыкновенной осторожностью / необыкновенною осторожностью (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 22–23 а говорили / [но] а [вместо того] говорили (АК2)
- 25–27 И даже нельзя ~ вроде этого. / а. и даже ничего такого, что бы могло [хотя какую-нибудь подать об этом идею] подать хотя какую-нибудь идею об этом, а вместо [этого] того старались [обратить разговор на другое] заменить разговор чем-нибудь другим: я почитала книгу или тому подобное: поехала прогуливаться и [прочее] тому подобное; б. *Как в тексте, со следующим вариантом (АК2):*
- 25–26 что бы подало намек на это / что бы подало идею об этом (АК2); что бы подало <оставлено свободное место> об этом [◊] (АК3)
- 28 была выброшена / было выброшена (АК3)

С. 149–150

- 29–34 *Текст: весьма часто ~ эта истина скреплена была несколькими — в АК4 отсутствует — утрачен соответствующий лист рукописи (с. 249–250 первой пагинации).*

С. 149

- 29 нужно было прибегать / было нужно прибегать (АК3, МД1, МД2)
- 30 зато уж по-французски, там другое дело / зато уж там, по-французски, другое дело (АК3, МД1, МД2)
- 31 которые были гораздо пожестче / которые <оставлено свободное место> гораздо пожестче [◊] (АК3)

- 35 ограничься поверхностью, будем продолжать / а. будем продолжать;
б. ограничимся поверхностью и будем продолжать \diamond (АК2)
- 37 полную справедливость в приятности / полную справедливость
приятности (АК2); такую справедливость приятности \diamond (АК3)

С. 149–150

- 38–4 но с тех пор ~ на всех действует. / а. но они ничего не находили в нем
слишком необыкновенного. Теперь же, после того, как разнеслись
по городу слухи, что он миллионщик, начали находить в нем что-то
не совсем обыкновенное, не потому чтобы были сами интересанки, а
потому что уже миллионщик заключает в одном звуке этого слова,
именно в звуке слова, а вовсе не в денежном мешке, что-то такое,
которое действует и на хороших людей и на людей — ни се, ни то, и
на людей мерзавцев, словом, на всех людей действует.; б. *Как в
тексте, со следующими вариантами* (АК2):

С. 150

- 1 а именно одно слово / а именно слово \diamond (АК2)
- 1–2 в одном звуке этого слова, мимо всякого денежного мешка / в одном
звуке этого [, а ничуть не в денежном мешке] слова, мимо всякого
денежного мешка (АК2)
- 3 ни се ни то / тоже ничто \diamond (АК3); ни то, ни се (МД2)
- 8 непременно / прененно \diamond (АК3)
- 10 приглашен миллионщик / *(оставлено свободное место)* миллион-
щик \diamond (АК3)
- 11–12 однако же в многих гостиных стали говорить / а. но в многих гости-
ных, однако же, стали говорить; б. но, однако же, в многих гостиных
стали говорить явно (АК2); но, однако же, в многих гостиных стали
говорить \diamond (АК3)
- 13 зато таков, как следует / несравненно лучше, нежели красавец,
потому что именно таков, как следует \diamond (АК2)
- 14 толще или тонее / толще, или полнее (МД1, МД2)
- 14–20 При этом было сказано ~ как несколько кусков материй / а. сказано
было даже, что мужчина тоненький есть что-то странное, более
какая-то зубочистка, а не мужчина. В дамских нарядах показались
вдруг многие кое-какие прибавления. Купцы радостно изумились,
увидя, как в гостиной двор начало съезжаться премножество экипа-
жей, образовавших почти гулянье, и как несколько кусков материй;
б. *Как в тексте, со следующими вариантами* (АК2):
- 14–15 При этом было сказано / При этом [выразили] было выражено \diamond
(АК2)
- 17 оказались многие / оказались вдруг многие (АК2); оказались вдруг
многие \diamond (АК3)
- 18 сделалась толкотня / оказалась толкотня (АК2); оказалась толкот-
ня \diamond (АК3)
- 20 увидя, как несколько / увидя несколько (АК2); увидя несколько \diamond
(АК3)
- 21 и не сходявших с рук / и дотоле не могших продаться (АК2); а. и до-
толе не могших продаться; б. и дотоле не продав(авшихся) \diamond (АК3)

- 22 пошли вдруг в ход и были раскуплены на расхват / теперь были совершенно расхватаны \diamond (AK2)
- 26 не измялся туалет / не поизмялся туалет (AK2, AK3)
- 27–28 Сам даже Чичиков ~ необыкновенного внимания. / а. Сам даже Чичиков стал замечать, что внимание к нему как будто бы увеличилось.; б. Как в тексте, со следующим вариантом (AK2):
- 28 такого необыкновенного внимания / такого [от] [уве<личенного?>] необыкновенного внимания (AK2)
- 29 нашел на столе / нашел даже на столе \diamond (AK2)
- 30 ничего нельзя ~ слуга отозвался / он ничего не мог узнать об этом, слуга объявил только \diamond (AK2)
- 32 я должна к тебе писать / я должна писать (AK2); я должна была писать \diamond (AK3)
- 33 есть тайное сочувствие / всегда есть тайное сочувствие \diamond (AK2)
- 34–35 эта истина ~ потом следовало / эта истина была скреплена целым рядом точек, потом следовало \diamond (AK2); а. это истинно скреплена была несколькими точками, занявшими почти полстроки, потом следовало; б. это истина ~ потом следовало (AK3)
- 36–37 так что считаем почти необходимым / а. так что мы почитаем почти необходимым; б. (кар.) так что мы почитаем необходимым (AK2); а. так что мы начинаем почти необходимым; б. так что мы считаем почти необходимым (AK3); а. так что мы считаем почти необходимым; б. (кар.) так считаем почти необходимым (AK4)
- 39 омочает слезами / весьма часто омочает слезами \diamond (AK2)

С. 150–151

- 40–1 которая, протекло двадцать пять лет, как уже не существует на свете / которой протекло 25 лет, как не существует на свете (AK2); а. которой протекло 25 лет, как не существует на свете; б. которая, протекло 25 лет, как уже не существует на свете (AK3); а. которая, протекло 25 лет, как уже не существует на свете; б. которая, протекло 25 лет, как уже не существует на свете (AK4)

С. 151

- 2 не пользуются воздухом / не пользуются воздухом, и следовало что-то весьма похожее на объяснение в сердечных чувствах (AK2); не пользуются воздухом, и следовало что-то весьма похожее на объяснение в сердечных чувствах \diamond (AK3)
- 3 решительным отчаяньем / решительным отчаянием (AK2); решительным *<оставлено свободное место>* \diamond (AK3)
- 7 Воркуя томно, скажут / Воркуя томно скажут (AK2, AK3, AK4, МД1, МД2)
- 9 но это, впрочем / да это, впрочем (AK2); до этого, впрочем \diamond (AK3)
- 10–11 Никакой подписи тоже не было / а. И никакой подписи не было; б. И никакой тоже подписи не было \diamond (AK2)
- 12 В postscriptum / в постскрипте (AK2); *<оставлено свободное место>* \diamond (AK3)
- 15 Это очень его заинтересовало. / а. Это его чрезвычайно заинтересовало.; б. Это очень заинтересовало Чичикова. (AK2); Это очень

- заинтересовало Чичикова. (АКЗ); Это очень заинтересовало Чичикова. [◊] (АК4)
- 15 В анониме / В омониме (АК2); а. *(оставлено свободное место)*; б. В омониме [◊] (АКЗ)
- 15 было так много / было много [◊] (АК2)
- 15–16 заманчивого и подстрекающего любопытство / а. заманчивого и подстрекающего любопытство; б. *(кар., едва заметно)* заманчивого, подстрекающего любопытство (АК4)
- 16–19 что он перечел ~ дело, как видно / а. он перечел вновь письмо, прочитал его потом и в третий раз, и все никак не мог утвердить в голове своей ни одного предположения насчет того, кто бы такая могла быть писавшая. Дело, как видно; б. он перечел вновь ~ в третий раз, но никак не мог утвердить ~ как видно*; в. что он перечел и в другой и в третий раз письмо, и все никак не мог утвердить в голове своей ни одного предположения насчет того, кто бы такая могла быть писавшая. «А любопытно бы, однако ж, [было] знать, кто такая, — сказал он сам в себе. — Чертовски любопытно, я бы, признаюсь, много дал, чтобы узнать». — Словом, дело, как видно (АК2); а. что он перечел и в другой и в третий раз письмо и все, но никак не мог утвердить в голове своей ни одного предположения насчет того, кто бы такая могла быть писавшая. «А любопытно бы, однако ж, знать, кто такая, — сказал он сам себе. — *(оставлено свободное место)* любопытно, я бы, признаюсь, много дал, чтобы узнать». Словом, дело, как видно; б. что он перечел ~ знать, кто бы такая, — сказал он сам себе. Право, любопытно ~ дело, как видно; в. *(кар.)* что он перечел ~ письмо и наконец сказал: «А любопытно ~ кто бы такая была писавшая». Словом, дело, как видно (АКЗ); что он перечел и в другой и в третий раз письмо и все, но никак не мог утвердить в голове своей ни одного предположения насчет того, кто бы такая могла быть писавшая. «А любопытно бы, однако ж, знать, кто бы такая, — сказал он сам себе. Право, любопытно, я бы, признаюсь, много дал, чтобы узнать». Словом, дело, как видно [◊] (АК4, кар.)¹
- 19 более часу он все думал / ибо более часу он все думал [◊] (АК2)
- 19–24 наконец, расставив руки ~ на том же месте. / а. наконец, по долгом размышлении, он расставил руки и, наклоня голову несколько на сторону, сказал: «А очень, очень кудряво написано!» Затем свернул он письмо и положил его в ларчик. Уложенное очень аккуратно, оно поместилось там между афишкой и каким-то пригласительным билетом на свадьбу, покоившимся несколько уже лет на одном и том же месте.; б. *Как в тексте, со следующими вариантами* (АК2):

¹ Отсюда до с. 159 (строка 26) в АКЗ и АК4 следует параллельная карандашная правка (иногда идентичная, чаще — нет), сделанная, вероятно, на стадии подготовки рукописи АК4 к набору. Значительная часть правки (иногда по АКЗ, иногда по АК4) вошла в МД1, МД2.

- 20–21 А письмо очень, очень кудряво написано! / Очень, очень кудряво написано! (АК2); Очень, очень кудряво написано! [◇] (АК3, кар.)
- 21–22 Потом, само собой разумеется, письмо было свернуто / Потом письмо было свернуто (АК2); а. Потом письмо было свернуто; б. (кар.) Вслед за тем оно, разумеется, было свернуто (АК3); а. Потом письмо было свернуто; б. (кар.) Потом, само собою разумеется, письмо было свернуто (АК4)
- 22–23 в соседстве с какою-то афишею / где поместилось⟨?⟩** [◇] (АК2)
- 23–24 семь лет сохранившимся в том же положении и на том же месте / а. уже с давних пор лежавшим на одном и том же месте; б. уже лежавшим в продолжение** [◇] (АК2); а. уже с давних пор лежавшим на одном и том же месте; б. (кар.) [который уже] семь лет сохранившимся в том же положении и на том же месте (АК3); уже с давних пор лежавшим на одном и том же месте [◇] (АК4, кар.)
- 25 принесли к нему / принесли [◇] (АК2)
- 25 приглашение / приглашенье (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 27 иначе никак / ⟨оставлено свободное место⟩ никак [◇] (АК3)
- 29–33 Все постороннее ~ на туалет. / а. Чичиков немедленно исключительно занялся приготовлением к балу, нельзя утаить, что никогда еще не было употреблено им на это столько времени, как в этот раз.; б. Чичиков отнесся с особенным вниманьем к приготовленью к балу [более]. Никогда не было доселе столько ⟨..?⟩ причин заняться туалетом ⟨..?⟩ желанье [увидеть] ⟨..?⟩ и блистать там, где взоры всех будут обращены к нему. Однако**.; в. Что все [прочее] постороннее было оставлено в минуту, и [внимание] все было устремлено на приготовление к балу, это может заключить всякой, потому что еще никогда не было таких побудительных и задирающих причин. На туалет еще никогда доселе не было употреблено столько времени. (АК2); а. Что все постороннее было оставлено в минуту, и все было устремлено на приготовление к балу, это может заключить всякой, потому что еще никогда не было таких побудительных и задирающих причин. На туалет еще никогда доселе не было употреблено столько времени.; б. Что все постороннее было в ту ж минуту оставлено и отстранено прочь и все было устремлено ~ задирающих причин. Зато, может быть, еще никогда не было употреблено столько времени на туалет.; в. (кар.) Все постороннее в ту ж минуту было отстранено прочь. На столе вмиг воодрузилось зеркало, и начался [туалет самый] пред ним туалет самый подробнейший, какой когда-либо был (АК3); а. Как в варианте б. АК3; б. Как в тексте, со следующим вариантом (АК4):
- 30 и все было / все было (АК4, кар.)
- 33 Целый час был посвящен / Почти целый час был употреблен (АК2); а. Почти целый час был употреблен; б. Почти целый час был посвящен [◇] (АК3, кар.); Почти целый час был посвящен [◇] (АК4, кар.)
- 33–34 рассматривание лица в зеркале / рассматривание физиогномии [◇] (АК2); а. Как в тексте; б. (кар.) рассматривание лица (АК3)
- 34 сообщить ему / сообщить лицу [◇] (АК2)

- 35–36 то важное и степенное ~ то просто почтительное / а. иногда важное и сурьезное выражение, иногда сурьезное и почтительное, иногда почтительное, но с некоторою улыбкою, иногда просто почтительное; б. иногда важное и степенное выражение, иногда степенное и почтительное, иногда почтительное, но с некоторою улыбкою, иногда просто почтительное (АК2); иногда важное и степенное выражение, иногда степенное, почтительное, но с некоторою улыбкою, иногда просто почтительное [◊] (АК3, кар.); иногда важное и степенное выражение, иногда почтительное, но с некоторою улыбкою, иногда просто почтительное [◊] (АК4, кар.)

36–37 *Над словами:* отпущено было — вписано карандашом: Смотря (АК2)

37–38 в сопровождении неясных звуков / и произнесено даже несколько неясных звуков (АК2); и произнесено даже несколько неясных звуков [◊] (АК3, АК4)

С. 151–152

39–2 Он сделал ~ даже языком / Он сделал даже самому себе множество приятных сюрпризов каким-нибудь новым положением лица, какое и сам до того не выдывал (АК2); а. Как в АК2; б. (кар.) Он сделал даже ~ положением лица, какого и сам до того не выдывал; в. (кар.) Даже были некоторые движенья и губами и бровями, отчасти и языком (АК3); Как в варианте б. АК3 [◊] (АК4, кар.)

С. 152

- 3 чувствуя притом / а. Как в тексте; б. (кар.) чувствуя внутренно (АК3)
- 4 Наконец он / Наконец, полюбовавшись еще несколько минут своим, действительно, в своем роде, недурным лицом, он [◊] (АК2)
- 14 отвечает на это / а. отвечает на его; б. отвечает на это (АК3)
- 14–15 отвечает земский суд / отвечает земской суд на это (АК3); отвечает земской суд на это (АК4)
- 15 бросил в сторону / бросал в сторону (АК2); бросал в стороны [◊] (АК3)
- 17 Любезнейший / Любезный (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 18 Вот вы где / Вот мы где [◊] (АК3)
- 21 Чичиков / И герой наш (АК2, АК3, АК4)
- 22 Не успел / Не успел он (АК2, АК3, АК4)
- 26–27 держал в одной руке конфетный билет и болонку / держал в одной руке конфетный билет, а в другой болонку (АК2); держал в одной руке конфетный билет, а в другой болонку (АК3, АК4)
- 27–28 и билет и болонку / билет и болонку [◊] (АК3)
- 29 и веселье необыкновенное / и весело необыкновенно [◊] (АК3)
- 29 Не было лица / может быть, не было ни одного лица (АК2); а. может быть, не было ни одного лица; б. Может статься, не было ни одного лица (АК3); Может статься, не было ни одного лица [◊] (АК4)
- 30–31 отражение всеобщего удовольствия / а. Как в тексте; б. отражение удовольствия (АК4, кар.)

- 31 Так бывает на лицах / Такую радость можно видеть только на лицах (АК2); Такую радость можно видеть только на лицах [◊] (АК3)
- 32 приехавшим / а. Как в тексте; б. (кар.) приехавшего (АК3)
- 32 вверенных управлению их мест / вверенных их управлению мест (АК2); а. вверенных их управлению мест; б. (кар.) Слова вычеркнуты (АК3); вверенных их управлению мест (АК4)
- 33–34 многое ему нравится / а. многие ему нравятся; б. многие ему нравится (АК3)
- 35–36 в ответ на это / в ответ на его (АК3)
- 37 те, которые от него подалее и которые, впрочем / те, которые, впрочем (АК4, МД1, МД2)
- 38 услышали / услыхали (АК3, АК4, МД1, МД2)

С. 153

- 3–4 собирался чихнуть после крепкого табаку / собирался чихнуть, понюхавши крепкого табаку, и хотя малейший шум или беспорядок вмиг возвращают на лицо его прежнюю суровую власть и прежний неотразимый вид [◊] (АК2)
- 4 отвечал всем и каждому / отвечал всем и каждому весьма бегло и приятно (АК2); отвечал всем и каждую *〈так в рукописи〉* весьма было и приятно [◊] (АК3)
- 4 и чувствовал / и чувствовал сам (АК2); и чувствовал сам [◊] (АК3)
- 7 очаровал всех / очаровал совершенно всех (АК2); очаровал совершенно всех [◊] (АК3)
- 7–8 обступили его блистающею гирляндою и нанесли / обступили его блистающею, очаровательною гирляндою, нанеся (АК2); отступили его блистающею, очаровательною гирляндою, нанести [◊] (АК3)
- 8 целые облака / целые облака и потоки [◊] (АК2); целые *〈оставлено свободное место〉* [◊] (АК3)
- 9 одна дышала розами / одна веяла розами (АК2); одна взяла розами [◊] (АК3)
- 9 от другой несло / от другого несло (МД2)
- 10 была продушена / а. были продушены; б. были продушена (АК3)
- 10–11 Чичиков подымал ~ да нюхал. / а. так что Чичиков купался и плавал по уши в жасминных и прочих запахах.; б. Словом, Чичикову была роскошь, он купался во всяких запахах, как в ванне. (АК2); а. Словом, Чичикову была роскошь: он купался во всяких запахах, как в ванне.; б. Словом, Чичикову была роскошь: он купался во всяких запахах по горло, как в ванне. (АК3); а. словом, Чичикову была роскошь: он купался во всяких запахах по горло, как в ванне.; б. словом, Чичикову была роскошь: он подымал только нос кверху, да нюхал. [◊] (АК4)
- 11 В нарядах их вкусу было пропасть / Казалось, в нарядах их не было пропущено ничего того, что споспешествует к решительной гибели сердец наших (АК2, АК3); а. Казалось, в нарядах их не было пропущено ничего того, что споспешествует к решительной гибели сердец наших; б. В нарядах их вкусу была пропасть (АК4)

- 11–18 муслины, атласы ~ с собой красавицу! / а. атлас, кисея самых неопределенно-бледных модных цветов блистали в сильном свете, оттененные и озаренные вместе кусками сверкающих лент и цветами. Легкий головной убор из блонды и цветов держался и сидел только на одних ушах, наподобие воздушных мотыльков. (над словами: наподобие воздушных мотыльков *вписано и зачеркнуто*: образец — *незавершенная правка*) ; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 11–12 муслины, атласы, кисеи были таких бледных модных цветов / муслины, атласы, кисеи бледных, бледных модных цветов (АК2); а. муслины, атласы, кисеи бледных, бледных модных цветов; б. муслины, атласы, кисеи бледных модных цветов; в. (кар.) муслины, атласы, кисеи бледных модных цветов, таких тонких цветом (АК3); муслины, атласы, кисеи бледных модных цветов [◊] (АК4)
- 13–14 нельзя было прибрать (до такой степени дошла тонкость вкуса) / нельзя было прибрать, до такой степени дошла тонкость вкуса, сверкали и метались в сильном свете блеском невыносимым (АК2); а. нельзя было прибрать, до такой степени дошла тонкость вкуса, сверкали и метались в сильном свете блеском необыкновенным; б. нельзя было прибрать (до такой степени дошла тонкость вкуса), сверкали блеском необыкновенным (АК3); нельзя было прибрать (до такой степени дошла тонкость вкуса), сверкали блеском необыкновенным [◊] (АК4)
- 14–16 Ленточные банты ~ порядочная голова. / Их легко озаряли [и набрасывали], набрасывая на них тонкий оразительный свет, ленточные банты и цветочные букеты, которые, казалось, совершенно невзначай и без всякого умысла там и там в разных местах платья, — беспорядок, над которым много трудилась порядочная голова. (АК2); а. Их легко озаряли, набрасывая на них тонкий оразительный свет, ленточные банты и цветочные букеты, которые, казалось, совершенно невзначай и без всякого умысла там и там в разных местах платья, — беспорядок, над которым много трудилась порядочная голова.; б. Их легко озаряли ~ без всякого умысла прильнули там и там ~ порядочная голова.; в. Их легко озаряли ленточные банты и цветочные букеты, прильнувшие как будто невзначай, без умысла там и там ~ порядочная голова. (АК3); Их легко озаряли ленточные банты и цветочные букеты (следующая строка *выскоблена, не читается*) там и там в разных местах платья — беспорядок, над которым много трудилась порядочная голова. [◊] (АК4); Ленточные банты и цветочные букеты порхали там и там по платьям в самом картинном беспорядке, хотя над этим беспорядком трудилось много порядочная голова (МД1)
- 16 Легкий головной убор / Лекий головной убор (так в рукописи — АК2); а. (оставлено свободное место) головной убор; б. Легкой головной убор (АК3); Легкой головной убор (АК4)
- 17–18 и, казалось, говорил ~ красавицу!» / Это были просто воздушные мотыльки, севшие на уши и расправившие крылья, чтобы унести

- в неизвестные человеку страны. (АК2, АК3); Это были просто воздушные мотыльки, севшие на уши и расправившие крылья, чтобы унести в неизвестные человеку страны. [◊] (АК4)
- 18–19 Талии были обтянуты / талии были обтянуты, выгнуты (АК2, АК3, АК4)
- 22 приметить / примечать [◊] (АК3)
- 22–23 придумано и предусмотрено с необыкновенною осмотрительностью / а. придумано и обдуманно с необыкновенною осмотрительностью; б. с предусмотрительностью необыкновенною* [◊] (АК2); придумано и предусмотрено с обыкновенною осмотрительностью [◊] (АК3)
- 25 обнажила свои владения / обнажила свое добро [◊] (АК2)
- 26 они способны / а. оно способно; б. они способно (АК2); они способно [◊] (АК3)
- 27–28 с необыкновенным вкусом / с обдуманым вкусом [◊] (АК2)
- 28–29 галстучек из ленты или шарф легче пирожного / а. галстучек из ленты *〈оставлено свободное место〉* легче пирожного; б. галстучек из ленты легче пирожного (АК3); галстучек из ленты легче пирожного (АК4, МД1); галстук из ленты легче пирожного (МД2)
- 29 известного под именем / *〈оставлено свободное место〉* под именем [◊] (АК3)
- 29–30 обнимал и обвивал шею / обнимал шею (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 31 зубчатые стенки из тонкого батиста / зубчатые, из тонкого холста или батиста стенки [◊] (АК2); *〈оставлено свободное место〉* стенки из тонкого батиста [◊] (АК3)
- 31–32 известные под именем / *〈оставлено свободное место〉* под именем [◊] (АК3)
- 33–34 что уже не могло ~ самая погибель / а. что уже не было так заманчиво, а между тем заставляли думать, что оно было еще заманчивей; б. Как в тексте, со следующим вариантом (АК2):
- 34 самая погибель / самая гибель [◊] (АК2)
- 35 надеты не вплоть до рукавов / надеты *〈оставлено свободное место〉* вплоть до рукавов [◊] (АК3)
- 36 возбуждательные части рук / а. аппетитные части рук; б. [как самые] возбуждательные части рук (АК2)
- 37 дышали завидною полнотою / дышали завидною свежестью и полнотою (АК2); дышали завидною *〈оставлено свободное место〉* и полнотою [◊] (АК3)
- 38 надвинуться далее / подвинуться далее (АК3, АК4)
- 38–40 словом, кажется ~ сам Париж! / Словом, ничто не ушло от внимательного вкуса, которым тонко одарен прекрасный пол, все было предусмотрено в совершенстве. (АК2); а. Как в АК2; б. (кар.) Словом, столица, а не губерния, просто Париж; в. (кар.) словом, на всем, казалось, было: «Это столица, а не губерния, это сам Париж» (АК3); Словом, ничто не ушло от внимательного вкуса, которым только одарен прекрасный пол, все было предусмотрено в совершенстве. [◊] (АК4)

С. 153–154

^{40–4} Текст: Только местами ~ оборвется. *вписан со следующими вариантами (АКЗ):*

С. 154

^{1–2} даже какое-то чуть не павлиное перо / даже павлиное перо [◊] (АКЗ)

² После: по собственному вкусу — или платье, составленное из двух платьев, еще блиставших в прошл(ых) веках и покоровившихся весьма плохо модной картинке (АКЗ, в АК4 эти слова вычеркнуты)

С. 154–155

^{5–17} Текст: думал ~ сладкие муки в сердце бедного смертного, что — в АК4 существовал в двух вариантах: первый, за исключением нескольких начальных слов, расположенных в нижней части л. 128 об. (см. ниже, варианты к строкам 5–18), не сохранился, так как следующий лист (129), на котором располагалась вся остальная часть текста, был из рукописи изъят и заменен листом с той же пагинацией, с новым вариантом текста (его расхождения с основным текстом приводятся ниже).

С. 154

^{5–18} думал ~ была сочинительница. / пытался, нельзя ли по какому-нибудь особенному выражению в глазах или в лице узнать, которая из них была сочинительница таинственного письма. Но никаким образом нельзя было узнать ни по выражению в лице, ни по выражению в глазах, которая из них была сочинительница таинственного письма. (АК2); а. пытался, нельзя ли ~ узнать, которая из них была сочинительница таинственного письма.; б. пытался, нельзя ли ~ таинственного письма, но никак нельзя было узнать [по выражению ни] ни по выражению в лице, ни в глазах, которая из них была сочинительниц(а?) письма.; в. (кар.) он было хотел [поглядеть], посматривая на ту и на другую даму, узнать, которая была сочинительница письма, но помешал Галопад. Целая вереница пронеслась мимо, задев его рукавами по носу. Это был вихорь, а не галопад. Тут было все (вариант в. *вписан между строчками вместо фразы: Чичиков, стоя перед ними ~ таинственного письма — АКЗ*); пытался, нельзя ли по какому-нибудь особенному выражению в глазах, или в лице (*зачеркнутое начало первого варианта текста в АК4 на л. 128 об.*)

⁵ Которая, однако же / Которая же, однако же (АК4)

⁸ летел во всю пропалюю / летел во все пропало (АК4)

^{17–18} которая была сочинительница *вписано (АК4)*

^{18–19} Везде было заметно такое чуть-чуть обнаруженное / а. Почти в лице каждой из них он замечал такое неопределенно значительное, с таким чуть заметным лукавством, вскользь обнаруженное выражение; б. В лице каждой — далее, как в варианте а. (АК2); Как в варианте б. АК2 (АК3); Везде было заметное такое чуть-чуть обнаруженное (АК4)

^{19–23} «Нет, — сказал сам ~ ничего не передашь. / а. уж пусть за это Бог простит женщинам, а нам никакими словами нельзя передать тех

намеков и необъясненных выражений, которые исчезают и появляются в их лицах.; б. уж пусть за это Бог простит женщинам, а нам чрезвычайно трудно передать все те излучины намеков и необъясненных выражений, которые исчезают и появляются в их лицах (АК2); а. уж пусть за это Бог простит женщинам, а нам чрезвычайно трудно передать все те *〈оставлено свободное место〉* намеков и необъясненных выражений, которые исчезают и появляются в их лицах.; б. *Как в варианте б. АК2*; в. (кар.) Ну [уж] женщины. Поди ж Расскажи кому(?) , передай все, что на их лицах, слово(м?) , просто не *(незавершенная правка — АКЗ)*

23–36

Одни глаза их ~ читатели высшего общества / а. А что уж такое делается в глазах их — ну там такое бесконечное государство, которому просто конца нет. Уже, чтоб изобразить один блеск их со всеми изменениями, не наберешь слов ни в каком лексиконе; подит-ка пересчитай, каков бывает этот блеск: влажный, бархатный, острый, мягкий, томный, весь совершенно в неге, весь совершенно без неги, и у каждого, не приведи Бог, какое значение — здесь просто станешь в тупик и только после долгого и вместе очень глупого молчания наконец скажешь: «Да, очень галантерейная половина человеческого рода». Сюда, кажется, вошло слово не весьма приличное и отчасти подмеченное на улице, — в этом автор просит извиненья у читателя: его положение бывает иногда так затруднительно, что нельзя обойтись без словца, несколько дерущего уши. Впрочем, если сказать правду, не все слова, произнесенные на улице, достойны быть пораженными всеобщим презрением; что ни говори, они сказаны нашим православным народом, а православный народ скажет иной раз и весьма определительное слово; в том же, что автор употребил его, виноваты сами читатели, и особенно читатели высшего общества; б. А что же такое делается в глазах их — того пересказать еще ни одно(му?) 〈..?〉 там такое бесконечное государство, которому просто нет и границ 〈..?〉 [и в которое] заехал в него, там пропасть 〈..?〉 На Руси таково Авторское положение, что иногда никак нельзя обойтись без словца, несколько дерущего уши^{** 0}; в. [А что уж такое ~ ни в каком лексиконе. И в самом деле, не угодно кому-либо исчислить только, каков бывает этот блеск: во-первых, влажный, потом бархатный, потом острый, потом мягкий, потом томный, потом весь совершенно в неге] А что до глаз — там, говорят, такое бесконечное государство, которому нет совершенно никаких пределов и в которое человек, заехав *〈не закончено〉*. Уже для того, что(бы) изобразить один блеск их, не хватит слов ни в каком [лексико(не)] словаре. [Прошу только перечесть их] Одни названия [этого блеска]: во-первых, влажный, потом бархатный, острый, мягкий, томный, весь совершенно в неге, потом без неги, но пророчащий блаженств(о) необыкновенное², потом — но нет [нельзя, не в силах, просто нет

² Вместо: блаженств(о) необыкновенное — было: блаженства нездешних миров (первоначальный вариант не зачеркнут).

выраженья, и после долгого молчания только(?) и (1 нрзб.) и сказать, что], других нельзя рассказать, да и ничего нельзя сказать, только и можно сказать: галантерная половина человеческого рода! [Сюда, кажется ~ извиненья у читателя: на Руси таково авторское положение, что иногда никак нельзя обойтись без словца, несколько дерущего уши. Впрочем, не всякое слово, произнесенное на улице, достойно презренья, оно произнесено нашим же русским народом, верно и бойко выражающимся, а в том, что Писатель употребил, виноваты читатели, и более всего читатели высшего общества.] Виноват! кажется, вошло [сюда] словцо, подмеченное на улице. Что ж делать? таково на Руси положение писателя. Впрочем, если слово из улицы попало в книгу, в этом виноват не автор, виноваты читатели, и прежде всего читатели высшего общества (*текст, замененный тильдой, совпадает с текстом в варианте а.*) (AK2); а. А что до глаз — там, говорят, такое бесконечное государство, которому нет совершенно никаких пределов и в которое человек, заехав, нехватит слов ни в каком словаре. Их одни названия: во-первых, влажный, потом бархатный, острый, мягкий, томный, весь совершенно (*оставлено свободное место*), потом без (*оставлено свободное место*), но пророчащий блаженства нездешних миров, потом — но нет, других нельзя рассказать, да и ничего нельзя сказать, только и можно сказать: галантерная половина человеческого рода! Виноват, кажется (*оставлено свободное место*) словцо, подмеченное на улице. Что ж делать, таково на Руси положение писателя! Впрочем, если слово из улицы попало в книгу, в этом виноват не автор, виноваты читатели, и прежде всего читатели высшего общества; б. А что до глаз — там такое бесконечное государство, которому нет совершенно никаких пределов и в которое человек, заехав, пропадает без вести, [уже для того, чтобы изобразить один блеск их, нехватит слов ни в каком словаре. Одни названия его...] один блеск их, во-первых влажный, потом бархатный, острый, мягкий, томный, весь совершенно в неге, потом без неги, но пророчащий блаженства нездешних миров, потом — но нет: ничего не приберешь сказать далее, совершенно ничего. Только разве после долгого размышления скажешь [глуша] сглупу что-то в роде подобной фразы: «Галантерная половина человеческого рода!» Виноват, кажется, попало словцо, подмеченное на улице. Что ж делать? Таково на Руси положение писателя! Впрочем, если слово из улицы попало в книгу, не писатель виноват, виноваты читатели, и прежде всего читатели высшего общества; в. (*кар.*) а уж что касается до глаз, так и говорить нечего. Там, говорят, такое бесконечное государство, которому нет совершенно никаких пределов и в которое человек, заехав, пропадает без вести. Да шути с этим как хочешь, а попробуй один только блеск этих глаз рас(сказать?): во-первых, влажный ~ потом — но нет: иной раз стоишь, как дурак, час целый, да тем одним и кончится, что скажешь: «Галантерная по-

- ловина человеческого рода!» Виноват, кажется, в уста нашего Героя попало слово ~ высшего общества (АК3)
- 24–25 и поминай / ну, и поминай [◊] (АК4)
- 28–29 в неге, или без неги / в неге, или же без неги (АК4)
- 38–39 и наделят даже с сохранением / и притом с сохранением [◊] (АК2)
- С. 155
- 3 разве из патриотизма / разве только из патриотизма (АК2, АК3, АК4)
- 4–5 *Фраза:* Вот каковы читатели ~ к высшему сословию! — *вписана* (АК2)
- 6 какая взыскательность / какая требовательность (АК2); какая требовательность [◊] (АК3)
- 7 очищенным и благородным / очищенным *(оставлено свободное место)* [◊] (АК3)
- 8 опустился вдруг с облаков / спустился вдруг с облаков (МД2)
- 9–10 а им бы больше ничего, как только разинуть рты / а. а им бы только разинуть рот; б. а им бы больше ничего, как только разинуть рот (АК2); а им бы больше ничего, как только разинуть роты [◊] (АК3)
- 12 бывают еще мудренее / еще мудренее (АК2); еще мудренее [◊] (АК3)
- 13–14 А Чичиков приходил ~ сочинительница письма. / Чем более Чичиков рассматривал дам, тем приходил в большое затруднение разрешить, которая из них была действительно сочинительница письма, исполненного душевных и сердечных излияний. (АК2); а. Как в АК2; б. (кар.) Как в тексте, со следующими вариантами (АК3):
- 13 приходил между тем / между тем приходил (АК3)
- 13–14 решить / как разрешить (АК3)
- 14 которая из дам / которая (АК3)
- 15 устремить внимательнее взор / устремить еще внимательнее взор (АК2); а. устремить еще внимательнее взор; б. (кар.) устремить немножко внимательнее взор (АК3)
- 15–18 что с дамской стороны ~ нельзя угадать!» / а. что и с их стороны все неопределенные выражения обнаруживались яснее и становились значительнее; выражалось что-то такое, подающее вместе и надежду и в то же время наполняющее сладкими муками сердце бедного смертного, что он просто не знал, что придумать. Впрочем, он находил, что дамы были уже несколько слишком толсты, и вообразил себе, основываясь неизвестно на чем, что писавшая таинственное письмо должна быть непременно тонее.; б. что и с их стороны ~ вообразил себе, неизвестно почему, что писавшая ~ непременно тонее (АК2); а. Как в варианте б. АК2; б. (кар.) Что с дамской стороны тоже обнаруживалось что-то такое, посылающее вместе и надежду и сладкие муки в сердце бедного смертного, что он наконец сказал: «Нет, никак нельзя угадать» (АК3); что с дамской стороны тоже выражалось что-то такое, ниспосылающее вместе и надежду и сладкие муки в сердце бедного смертного, что он просто не знал, что и придумать. Впрочем, он находил, что дамы были уже несколько

- слишком толсты и вообразил себе, неизвестно почему, что писавшая таинственное письмо должна быть непременно тонее. [◊] (АК4)
- 20–26 Он непринужденно ~ в виде коротенького хвостика / а. Он разменялся словами с дамами с непринужденною ловкостью, подходил к той и другой и, переменяя вдруг разговор или обращаясь на другую сторону, он произвел не один раз что-то вроде прыжка, подшаркнувши тут же ногой в виде коротенького хвостика; б. Он разменялся ~ к той и другой дробным, мелким шагом, или, лучше, как говорят, семеня ножками, как обыкновенно делают маленькие старички-щеголи [называемые] на высоких каблуках, называемые мышинными жеребчиками, [увивающиеся около дам и поправляющие галстух и воротнички манишек и] забегающие весьма проворно. Чичиков кроме того шаркнул даже раза два ногою в виде коротенького хвостика; в. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 20–21 Он непринужденно ~ приятными словами / Он разменялся словами с дамами, с непринужденною ловкостью (АК2); а. Как в АК2; б. Он разменивался словами с дамами, с непринужденною ловкостью; в. Он непринужденно и [даже] ловко разменялся с дамами приятными словами (АК3); Он непринужденно и ловко разменялся с дамами приятными словами [◊] (АК4)
- 21–22 подходил к той и другой дробным, мелким шагом / подходил к той и другой [◊] (АК2)
- 25 Посеменявши / Чичиков, посеменявши ногами [◊] (АК2)
- 27 Дамы были очень довольны / Дамы им были очень довольны [◊] (АК2)
- 27–28 и не только отыскивали / а. Как в тексте; б. (кар.) отыскивали (АК3)
- 28 кучу приятностей и любезностей / а. Как в тексте; б. (кар.) кучу любезностей (АК3)
- 28–29 но даже стали находить / а. Как в тексте; б. (кар.) стали находить (АК3)
- 30 что, как известно, очень нравится женщинам / которое, как известно, весьма нравится женщинам [◊] (АК2)
- 33 и когда одной посчастливилось / и когда одной из дам посчастливилось (АК2, АК3); и когда одной из дам посчастливилось [◊] (АК4)
- 35 и многим, желавшим себе сделать / а. и многим, желавшим и себе сделать; б. многим, желавшим и себе сделать (АК2); а. многим, желавшим и себе сделать; б. и многим, желавшим и себе сделать (АК3); и многим, желавшим и себе сделать [◊] (АК4)
- 35–36 показалась уже чересчур отвратительною подобная наглость / показалась уже чересчур отвратительною подобная наглость (АК2, АК3, АК4, МД1, МД2)

С. 156

- 2 Вспомнил он об этом / а. Вспомнил об этом; б. Вспомнил об этом он (АК3); Вспомнил об этом он [◊] (АК4)
- 4–5 произнесла ласковым и несколько даже лукавым голосом / сказала с приятным потряхиван(ием) [◊] (АК2); произнесла несколько ласковым и лукавым голосом (АК3, АК4, МД1, МД2)

- 6 не могу передать слов губернаторши / не могу передать слова губернаторши (АК2); а. не могу передать слова губернаторши; б. Как в тексте; в. (кар.) уж нельзя передать слов Губернаторши (АК3)
- 7 исполненное большой любезности / исполненное светской любезности (АК2); исполненное *⟨оставлено свободное место⟩* любезности \diamond (АК3)
- 7-8 в том духе, в котором изъясняются / в духе которой изъясняются \diamond (АК2); в том духе, в котором *⟨оставлено свободное место⟩* \diamond (АК3)
- 9-10 охотников описывать гостинные ~ высшего тона / любящих описывать гостинные и похвалиться знанием высшего тона \diamond (АК2); а. Как в тексте; б. (кар.) охотников похвастаться знанием гостинных и высшего тона (АК3)
- 10 что неужели овладели / а. Как в тексте; б. (кар.) неужели овладели (АК3)
- 14 вероятно, ничем не хуже / вероятно, тоже ничем не хуже \diamond (АК2)
- 15 Звонские, Линские, Лидины, Гремины / Звонские, Линские, Гремины (АК2); Звонские, Линские, Гремины \diamond (АК3)
- 15-16 всякие ловкие военные люди / другие ловкие военные люди \diamond (АК2); всякие ловкие *⟨оставлено свободное место⟩* люди \diamond (АК3)
- 16-17 поднявши глаза, остановился вдруг, будто огушенный ударом / а. поднявши глаза, остановился вдруг, будто пораженный электрическим ударом; б. поднявши глаза, он остановился вдруг, будто огушенный ударом (АК2); а. Как в варианте б. АК2; б. (кар.) поднял глаза, занкнулся и совершенно оторопел (АК3); поднявши глаза, он остановился вдруг, будто огушенный ударом \diamond (АК4)
- 18 Перед ним стояла не одна губернаторша / Он увидел, что Губернаторша стояла пред ним не одна \diamond (АК2)
- 19 шестнадцатилетнюю девицу / 16-летнюю девицу (АК2); 16 летнюю девушку (АК3); 16-ти летнюю девушку (АК4); шестнадцатилетнюю девушку (МД1, МД2)
- 20 с тоненькими, стройными чертами лица / с тоненькими и стройными чертами лица (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 22 в образец для мадонны / а. в образец для мадонны; б. в образец мадонны (АК2); в образец *⟨оставлено свободное место⟩* \diamond (АК3)
- 22-23 какое только редким случаем попадает на Руси / какое иногда только попадает на нашей Руси \diamond (АК2)
- 23 где любит все оказаться / где любит оказаться (АК2); где любит оказаться \diamond (АК3)
- 27 перепутавшись упряжью / перепутавшись упряжми (АК2); перепутавшись упряжми \diamond (АК3)
- 29 не мог произнести ни одного толкового слова / не мог произнести ответа, приготовленного, вероятно, удачно \diamond (АК2)
- 30-31 ни Гремин, ни Звонский, ни Лидин / ни Гремин, ни Звонский (АК2); ни Гремин, ни Звонский \diamond (АК3)
- 33 только что / только \diamond (АК3)
- 34 Он отвечал / Герой наш сказал \diamond (АК2)

34–36 имел счастье ~ совсем не вышло / имел счастье нечаянным образом познакомиться или встретиться и еще попробовал кое-что прибавить к этому, оно не склеилось, как нужно, и самые движения его сделались уже как-то не так развязны [◊] (АК2)

С. 157

- 1–2 он позабыл ~ такого человека / он позабыл что-то (АК2); а. Как в АК2; б. (кар.) он позабыл что-то, и уж тогда глупее ничего не может быть этого бедного человека (АК3); он позабыл что-то [◊] (АК4)
- 2–3 слетает с лица его / а. Как в тексте; б. (кар.) слетело с лица его (АК3)
- 3 что позабыл он / а. Как в тексте; б. (кар.) что такое позабыл он (АК3)
- 4 но деньги тоже в кармане / деньги тоже в кармане (АК2); деньги тоже в кармане [◊] (АК3)
- 6–7 И вот уже ~ смутно / а. Как в тексте; б. (кар.) и он стоит, хлопая глазами, как сова (АК3)
- 8–9 на кивера и ружья ~ хорошо не видит / а. на вывеску, на будку перед самыми глазами и ничего хорошо не видит, и все стоит он неподвижно на одном и том же месте, весь исполненный полузабывшегося размышления, весь преданный бестолково-заботному ожиданию; б. на кивера и ружья проходящего полка, на вывеску и ничего хорошего не видит, чуждый всему, что ни движется вокруг [◊] (АК2)
- 8–9 и ничего хорошо не видит / а. и ничего хорошего не видит; б. Как в тексте; в. (кар.) [и глазами(?)] и как сова хлопает глазами (АК3)
- 9 Так и Чичиков / Таким самым образом и Чичиков [◊] (АК2)
- 9 вдруг сделался чуждым всему / остановился вдруг будто прикованный и вдруг сделался чуждым всему (АК2, АК3); остановился вдруг будто прикованный и вдруг сделался чуждым всему [◊] (АК4)
- 10 В это время из дамских благовонных уст / а. Как в тексте; б. (кар.) В это время относились несколько раз к нему дамы (незавершенная правка – АК3)
- 11–12 проникнутых насквозь / отличавшихся [◊] (АК2)
- 16–17 Но он отвечал на все решительным невниманием / Но он отвечал на это решительным невниманием [◊] (АК2); а. Как в тексте; б. (кар.) Но все (незавершенная правка – АК3)
- 17 приятные фразы / все приятные фразы [◊] (АК2)
- 18 до того был неучтив / так был неучтив [◊] (АК2)
- 18–19 ушел от них в другую сторону / ушел от них совершенно в другую сторону [◊] (АК2)
- 19–20 с своей дочкой / со своей дочкой (АК2, АК3, АК4)
- 20 дамы, кажется, не хотели / а. дамы, кажется, не хотели; б. (кар.) дамы не хотели (АК2)
- 20–22 каждая внутренно решила ~ было лучшего / а. а внутренно решились употребить всевозможные орудия, весьма опасные для сердец наших, чтобы совершенно поразить его. Каждая втайне решила

- пустить в дело то, что у нее было лучшего; б. *Как в тексте, со следующими вариантами (AK2):*
- 21–22 столь опасные / так опасные (AK2, кар.); так опасные [◊] (AK3)
- 22 и пустить в ход все / пустить в ход все (AK2); пустить в ход все [◊] (AK3)
- 26–27 что лучшая часть лица ~ все вдруг заговорят / а. что это прежде всего так всем и бросится в глаза, что как только она явится, все вдруг заговорят; б. *Как в тексте, со следующим вариантом (AK2):*
- 26 что лучшая часть / лучшая часть [◊] (AK3)
- 26 так первая и бросится / так [и] первая и бросится (AK2)
- 32 а на лицо / а на прочее, то есть на лицо (AK2); а на прочее, то есть на лицо [◊] (AK3)
- 32 волосы, нос, лоб / волосы, [даж(е²)] нос и лоб (AK2); волосы, нос и лоб [◊] (AK3)
- 33–35 как на что-то постороннее ~ внутренний обет / а. разве как на что-то прибавочное и постороннее. Каждая из дам дала себе внутренний обет; б. разве как на что-то прибавочное и постороннее, вот каким образом думают [дамы] иные дамы [в каком деле автор, впрочем, ничуть не виноват]. Каждая из дам дала себе внутренний обет (AK2); разве как на что-то прибавочное и постороннее, вот каким образом думают иные дамы. Каждая дама дала себе внутренний обет [◊] (AK3)
- 35–36 показать во всем блеске / показать во всем *⟨оставлено свободное место⟩* [◊] (AK3)
- 36 что у нее было / что у ней было (AK2); что у ней было [◊] (AK3)
- С. 158**
- 1 небольшого инкомодите / небольшого *⟨оставлено свободное место⟩* [◊] (AK3)
- 2–3 не вытерпела, однако же / но и та, однако же, не вытерпела (AK2, AK3, AK4)
- 4 чтобы почтмейстерша не забрала / чтобы почтмейстерша не забрала уж (AK2, AK3, AK4)
- 7 не смотрел на круги, производимые дамами / а. не смотрел на все те круги, которые производили дамы; б. не смотрел на круги, производимые ими (AK2); не смотрел на круги, производимые ими (AK3); не смотрел на круги, производимые ими [◊] (AK4)
- 8 но беспрестанно подымался на цыпочки / а то и дело подымался на цыпочки (AK2, AK3); а то и дело подымался на цыпочки [◊] (AK4)
- 10 промеж плечей и спин / промеж плечей и по за спинами (AK2); промеж плечей и по за спинами [◊] (AK3)
- 10–11 наконец доискался / и наконец-таки доискался [◊] (AK2)
- 11–12 вместе с матерью ~ чалма с пером / вместе с матерью (AK2); а. вместе с матерью; б. вместе с матерью, над которою величаво колебалась восточная чалма с пером (AK3); вместе с матерью, над которою величаво колебалась восточная чалма с пером [◊] (AK4)
- 14–15 он протеснялся / он выпирался (AK2); он выпирался [◊] (AK3); он протеснился (AK4)

- 18–20 посмотрел на него ~ вдали блондинку / посмотрел на него с изумлением, но он [и] на них и не поглядел, [а] он видел только блондинку (АК2); а. посмотрел на него с изумлением, но он [и] на них не поглядел; он видел только блондинку; б. (кар.) посмотрел на него с изумлением, отчасти смешанным даже с тонкой [сатирой] иронией, но он не замечал ничего и видел только блондинку (АК3); посмотрел на него с изумлением, но он на них не поглядел; он видел только блондинку [◊] (АК4, кар.)
- 21 летать по паркету / летать по *⟨оставлено свободное место⟩* [◊] (АК3)
- 17–27 А уж там в стороне ~ губернаторша с дочкой. / *Текста нет* (АК2); а. *Текста нет*; б. (кар.) а уж там в стороне четыре пары откальвали мазурку. [Он видел только] [Ему мелькнул какой-то] и видно было, как один армейской офицер [который] работал и душою, и телом, и руками, и ногами и отделявал такие па, какие даже и не снились никому. [Чи(чиков)] Он [шмыгнул] прошмыгнул мимо мазурки [и прямо к блондинке], зацепивши ногою каблук армейского офицера и очутился у самой блондинки (АК3); *Текст вписан со следующими вариантами* (АК4):
- 23 и армейский штабс-капитан / и какой-то армейской офицер (АК4)
- 23–24 работал и душою и телом, и руками и ногами / работал и руками, и ногами, и душою, и телом (АК4)
- 24 какие и во сне / каких и во сне (МД2)
- 27–29 Однако ж он подступил ~ какая-то неловкость. / а. Не без некоторого, однако же, чувства робости он подступил к ним.; б. *Как в тексте, со следующим вариантом* (АК2):
- 27 Однако ж он подступил к ним очень робко / а. *Как в тексте*; б. (кар.) Однако же подступил он к ним весьма робко (АК3)
- 27–28 не семенил уже так бойко / не семенил так бойко (АК2); не семенил так бойко [◊] (АК3); не семенил так бойко (АК4, МД1, МД2)
- 29 движеньях / движениях (АК4, МД1, МД2)
- 30–39 Нельзя сказать ~ поле на картине. / *Как в тексте, с приведенными ниже вариантами* (АК2); а. *Как в тексте, с приведенными ниже вариантами*; б. (кар.) Нельзя сказать наверно, точно ли чувство любви в нем пробудилось, но, как он выразился потом, было зде(сь) что-то странное, по крайней мере, ему показалось, что весь бал со всем своим говором и шумом был где-то вдали. Скрипки и трубы нарезывали бог знает где[-то] за горами, все подернулось туманом, [стало] похожим на небрежно замалеванное поле на картине. (АК3); *Как в тексте, с приведенными ниже вариантами* (АК4):
- 31 чувство любви / что-то в роде любви (АК2, АК3); что-то в роде любви [◊] (АК4)
- 31 даже сомнительно / даже почти сомнительно (АК2); даже почти сомнительное (АК3); а. даже почти сомнительное; б. даже сомнительное (АК4); даже сомнительное (МД1, МД2)
- 31 господя такого рода / господя подобного рода [◊] (АК2)

- 32–33 способны были к любви / способны были влюбляться (АК2, АК3);
 способны были влюбляться [◊] (АК4)
- 33–34 но при всем том ~ себе объяснить / а. Впрочем, он чувствовал что-то такое, которое несколько трудно рассказать и которого он даже сам не мог бы себе объяснить: симпатия ли или просто влечение; б. но при всем том он чувствовал ~ рассказать и чего он даже сам ~ просто влечение (АК2); а. но при всем том он чувствовал что-то такое, которое несколько трудно рассказать и чего даже он сам не мог бы себе объяснить *⟨оставлено свободное место⟩* или просто влечение; б. но при всем том он чувствовал что-то такое, которое несколько трудно рассказать и чего даже он сам не мог бы себе объяснить: симпатию ли или просто влечение (АК3); а. *Как в варианте б. АК3*; б. но при всем том здесь было что-то такое странное, что-то в таком роде, [которого] чего он сам не мог себе объяснить (АК4)
- 34–39 ему показалось ~ поле на картине / только весь бал, как он сам потом сознавался, со всем своим говором и шумом ему показался на несколько минут, как будто бы был где-то вдали и подернулся чем-то в роде тумана или сделался похожим на какое-то небрежно замалеванное поле на картине (АК2); *Как в АК2 с одним вариантом: как будто бы был / как будто был (АК3)*; а. *Как в АК3*; б. *Как в тексте, со следующим вариантом (АК4)*:
- 37 скрипки / скрипки (АК4)
- 39 кое-как набросанного поля / и кое-как набросанного поля (АК2, АК3); и кое-как набросанного поля [◊] (АК4)

С. 159

- 2 после выпуска / после выпуска из Института [◊] (АК2)
- 3–4 почти простое платье ~ стройные члены / почти простенькое платье, небрежно, легко и ловко обхватившее везде ее молоденькие, стройные члены (АК2); а. *Как в АК2*; б. почти простое платье, легко и ловко обхватившее везде ее молоденькие стройные члены; в. (кар.) простое платье, легко и ловко обхватившее во всех местах молоденькие стройные члены (АК3); почти простое платье, легко и ловко обхватившее везде ее молоденькие стройные члены [◊] (АК4)
- 4 которые означались / а. *Как в тексте*; б. (кар.) означавшиеся (АК3)
- 6–7 она только одна белела / она одна только белела (АК2, АК3, АК4)
- 7–8 выходила прозрачною ~ непрозрачной толпы / и казалась прозрачною среди мутной толпы (АК2); а. *Как в АК2*; б. (кар.) и казалась прозрачною, светло(ю) среди мутной толпы; в. (кар.) казалась прозрачна, светла, а вся толпа казалась казалась мутна; г. (кар.) и выходила прозрачна, светла из мутной и непрозрачной толпы (АК3); и казалась прозрачною среди мутной толпы [◊] (АК4)
- 9–10 Видно, так уж бывает ~ в поэтов / Бог знает, видно, на несколько минут в жизни и Чичиковы обращаются в поэтов (АК2); а. *Как в АК2*; б. Видно, [уж так бывает] так уж бывает на свете [и видно и], видно, и Чичиковы на несколько *⟨минут⟩* в жизни обращаются в поэтов (АК3); на несколько минут в жизни и Чичиковы обращаются в поэтов [◊] (АК4)

- 10–11 будет уже слишком / в самом деле будет уже слишком (АК2); а. Как в АК2; б. (кар.) будет слишком (АК3); в самом деле будет уже слишком \diamond (АК4)
- 11 По крайней мере / вернее то, что \diamond (АК2)
- 11–12 чем-то вроде / совершенно чем-то в роде (АК2); совершенно чем-то в роде \diamond (АК3); совершенно чем-то в роде (АК4, МД1, МД2)
- 13 он тот же час / он тотчас (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 13 Разговор сначала не клеился / а. разговор сначала *⟨оставлено свободное место⟩*; б. разговор сначала не клеился; в. (кар.) разговор сначала совсем не клеился (АК3)
- 14 и он начал даже получать форс / и он даже начал входить в роль (АК2); и он даже начал входить в роль \diamond (АК3, кар.); а. и он даже начал входить в роль; б. (кар.) он начал даже получать форс (АК4)
- 15 к величайшему прискорбию, надобно заметить / надобно заметить (АК2); надобно заметить \diamond (АК3, АК4, кар.)
- 16 как-то немного тяжеловаты / а. Как в тексте; б. (кар.) тяжеловаты (АК3)
- 17 в разговоре с дамами / в разговорах с дамами (АК4, МД1, МД2)
- 17–18 и никак не далее капитанских чинов / а. и никак не далее капитанско-го чина; б. (кар.) и не далее капитанских чинов \diamond (АК2); а. Как в тексте; б. (кар.) и не далее капитанских чинов (АК3)
- 19 не очень мудреные вещи / немудреные вещи \diamond (АК2)
- 23 ужасно пахнет книгою / сильно пахнет книгою \diamond (АК2)
- 23 если же скажет / если же сказать (АК3); если же сказать \diamond (АК4)
- 25 чтобы читатели видели / чтобы читатели видели яснее (АК2); а. чтобы читатели видели яснее; б. (кар.) чтобы читатель видел (АК3); чтобы читатели видели яснее \diamond (АК4)
- 26 блондинка стала зевать / блондинка стала сильно зевать (АК2); блондинка стала сильно зевать \diamond (АК3, кар.); блондинка стала много зевать \diamond (АК4)

С. 159–160

- 27–4 Герой, однако же ~ своего платья / а. который, впрочем, не замечал и приправлял их приятными выражениями лица, помещая кое-где одну из тех действительно заманчивых улыбок, подмеченных предварительно в зеркале. Всем дамам, бывшим на бале, совершенно не понравилось такое обхождение; одна из них нарочно прошла мимо его, чтобы дать ему это заметить, и даже задела блондинку довольно небрежно толстым руло своего платья; б. *Вариант а. подвергся обширной карандашной правке, в которой можно разобрать лишь замену слов:* Всем дамам, бывшим на бале, совершенно не понравилось — на: Дамам, бывшим на бале, очень, однако же, не понравилось; в. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):

С. 159

- 27 совсем этого не замечал / совсем не замечал \diamond (АК2)
- 30 у Софрона Ивановича Беспечного / у Софрона Ивановича *⟨оставлено свободное место⟩* \diamond (АК3)
- 30 дочь его / дочь *⟨оставлено свободное место⟩* \diamond (АК3)

- 31 с тремя золовками / с двумя золовками [◊] (АК2)
- 35 Катерина Михаловна / Катерина Михайловна (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 36 внучатные сестры / внучатые сестры (АК2); внучатые сестры [◊] (АК3, кар.)
- 37–38 сестра невестки / а. Как в тексте; б. золовка невестки (АК3)
- С. 160
- 4 вокруг плеч / вокруг плечей (АК2); вокруг плечей [◊] (АК3)
- 12 во многих / а. во многих; б. на многих (АК3)
- 17–18 становится вдруг ~ что ни есть на свете / становится вдруг тверже всего, что ни есть на свете, и тогда мужчина со своим рассчитанным благоразумием и поддельною твердостью духа становится [пер(ед?)] пред нею не более как ребенок. Всех можно умолить, самого бесчувственного, холодного в своих жестокостях, прикрывающего свои жестокости личиною долга, и того можно умолить, но нельзя умолить женщины, хотя в характере ее нет жестокости и хотя сердце ее дрогнет произвести холодное, обдуманное злодейство. [◊] (АК2)
- 19 почти неумышленное / может быть, даже совсем неумышленное (АК2); может быть даже <оставлено свободное место> неумышленное [◊] (АК3)
- 20 даже некоторое согласие / некоторое согласие [◊] (АК2); даже согласие (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 20 бывшее было на краю гибели / угрожавшее было разрушиться (АК2); угрожавшее было разрушиться [◊] (АК3)
- 20–21 по случаю завладения стулом / после наглого завладения стулом (АК2); <оставлено свободное место> завладения стулом [◊] (АК3)
- 21–27 В произнесенных им ~ неблагоприятным образом / а. Теперь они стали говорить о нем между собою со стороны такой невыгодной, что не дай Бог никому; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 21–22 каких-то сухих и обыкновенных словах / каких-то сухих словах [◊] (АК2)
- 22 нашли колкие намеки / нашли [множество] колкие намеки (АК2)
- 24 танцевавшее общество / танцевавшее [сатирическое] общество (АК2)
- 25–26 стихи были приписаны / стихи приписаны были (АК2); стихи приписаны были [◊] (АК3)
- 30 А между тем герою нашему / А между тем <оставлено свободное место> [◊] (АК3)
- 30–31 готовился пренеприятнейшая неожиданность / а. готовился неожиданно пренеприятнейший сюрприз; б. готовился пренеприятнейшая неожиданность (АК2); а. готовился пренеприятнейшая неожиданность; б. готовился пренеприятнейший неожиданность; в. готовился пренеприятнейшая неожиданность [◊] (АК3); готовилось пренеприятнейшая неожиданность (МД1)
- 33 философа Диогена / философа Диогена, очень остроумно ответившего Александру Македонскому [◊] (АК2)

33–34 из соседней комнаты / из последней комнаты (АКЗ, АК4, МД1, МД2)

С. 160–161

40–1 подручного путешествия / *〈оставлено свободное место〉* путешествия [◊] (АКЗ)

С. 161

3 немилосердно / а. немилосердно; б. немилосердо (АКЗ); немилосердо (АК4, МД1, МД2)

4 то есть оставить / т.е. оставить (АК2, АКЗ)

9 продолжительна ли женская любовь / *〈оставлено свободное место〉* женская любовь [◊] (АКЗ)

13–14 много натерговал мертвых / а. много мертвых душ накопил; б. много накопил ^{*} [◊] (АК2)

15–16 он торгует мертвыми душами! Ей-богу! / что он покупает мертвые души [◊] (АК2)

16 Послушай, Чичиков! / Послушай, душа Чичиков! [◊] (АК2)

28 нес полутрезвую речь / нес *〈оставлено свободное место〉* речь [◊] (АКЗ)

С. 161–162

36–2 Позволь, душа ~ слова его / а. Ноздрев продолжал врать, его, разумеется, не слушали и отошли подальше, но все же слова его; б. был так сильно оттолкнут, что ^{**} [◊]; в. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):

С. 161

37–38 позвольте, ваше превосходительство / позвольте, Ваше Превосходительство [позво(льте)] (АК2)

38–39 одну безешку ~ щеку твою! / одну безешку тебе в белоснежную щеку твою (АК2); одну безешку в белоснежную щеку твою [◊] (АКЗ)

С. 161–162

40–1 чуть не полетел на землю / чуть не полетел (АК2, АКЗ); чуть не полетел [◊] (АК4)

С. 162

1 не слушали больше / не слушали его (АК2); не слушали *〈оставлено свободное место〉* [◊] (АКЗ)

5–7 все остановились невольно ~ непонятная тишина. / а. все остановились невольно с каким-то деревянным, глупо-вопросительным выражением в лице, какое только видится на карнавальных масках в ту пору, когда скрывшаяся под ними молодежь хочет безотчетно завеселиться, закружиться, потеряться в безотчетном веселии, страшась и убягая всякого вопроса, а маски со своими благообразными, картонными чертами, неподвижно несясь, на лицах, проникнутых движением, — несут какой-то восклицательный знак и как бы спрашивают: к чему это, на что это? Почти такое же бесчувственно-вопросительное и недоумевающее выражение отразилось на всех лицах — и вдруг во всех концах залы по крайней мере минуты на две настала какая-то непонятная тишина.; б. все остановились ~ убягая всякого вопроса, а благообразные [картонные маски, недвижные]

- неподвижные картонные маски на их лицах несут в недвижных чертах своих какой-то бестолково-вопросительный знак, как бы спрашивая: к чему это ~ минуты на две настала непонятная тишина*[◊] (АК2); все остановились с каким-то деревянным, глупо-вопросительным выражением (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 10 увеличало это смущение / увеличило ето смущение (АК2); увеличило ето смущение[◊] (АК3)
- 11 Ноздрев лгун / Ноздрев плут (АК3); Ноздрев плут[◊] (АК4)
- 22 И это непременно обойдет / и непременно это обойдет[◊] (АК2, кар.)
- 22–24 все смертные ~ о нем говорить / а. все смертные, сколько их ни есть там, наговорятся досыта и потом единоголасно признают, что это решительно не стоит никакого внимания и недостойно того, чтобы о нем говорить; б. Как в тексте, со следующим вариантом (АК2):
- 23 наговорятся непременно досыта / наговорятся именно досыта*[◊] (АК2)
- 25 Это вздорное / Это, однако ж, вздорное[◊] (АК2)
- 26–27 Как ни глупы ~ они достаточны / Как ни пуста болтовня дурака, но иногда бывает она достаточна (АК2); *⟨оставлено свободное место⟩* дурака, а иногда бывает они достаточны[◊] (АК3)
- 27–32 Он стал чувствовать ~ кривое колесо / а. Чичиков стал чувствовать себя совсем неловко. Как он ни старался не думать об этом и рассеяться, но в голове его сидел как будто какой гвоздь и как будто сам чорт мелькал перед ним поперег всем мыслям. Он попробовал было сесть в вист, но и тут дело шло не очень удачно; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 27–28 чувствовать себя неловко, неладно / чувствовать себя как-то неловко, гадко (АК2); чувствовать себя неловко, ладно[◊] (АК3)
- 28 точь-в-точь как будто / а. как будто он; б. словно как будто (АК2); а. словно как будто; б. как будто (АК3); как будто[◊] (АК4)
- 30 Он пробовал об этом не думать / Он пробовал [несколько раз] об этом не думать (АК2)
- 32 два раза сходил он в чужую масть / два раза пошел он в чужую масть (АК2, АК3); два раза пошел он в чужую масть[◊] (АК4)
- 37 как на Бога / а. как на Бога; б. (ценз.) как на каменную стену (АК4); как на каменную стену (МД1, МД2)
- 40 сердчишко / сердчишко (МД2)
- С. 163
- 5 ибо сами дамы / ибо сами даже дамы (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 6 скандалёзно / скандальезно (АК2); а. *⟨оставлено свободное место⟩*; б. скандальозно[◊] (АК3)
- 6 Посреди котильона / посреди *⟨оставлено свободное место⟩*[◊] (АК3)
- 7 что уж было / что было уже (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 11–12 даже до приторности / даже *⟨оставлено свободное место⟩*[◊] (АК3)
- 16–17 говядиной, обмакнутой нещадным образом / говядиной, обмакивая все нещадным образом[◊] (АК2)

- 18 он доселе всегда принимал участие / он даже всегда принимал участие (АКЗ, АК4, МД1, МД2)
- 21–22 несравненно раньше / несравненно ранее (АКЗ, АК4, МД1, МД2)
- 24–25 и выглядывавшими иногда из углов тараканами / с особенным запахом и наведывавшимися иногда тараканами (АК2); с особенным запахом и наведывавшимися иногда тараканами [◊] (АКЗ)
- С. 163–164
- 26–28 Неприятно, смутно было у него на сердце ~ отчасти сам. / Взглянувши оком благоразумия на свое положение, он видел, что все это вздор, глупое слово ничего не значит, дело же по милости Божией обделано как следует, но неудовольствие, которое он заметил во взорах дамских, кажется, огорчало его сильнее всего, тем более, что он отчасти был сам этому причиной. (АК2); а. Как в АК2; б. Вариант а. отвергнут, при этом слова: Взглянувши ~ по милости — остались незачеркнутыми. Новый вариант вписан Гоголем собственноручно на дополнительно вложенном листе (л. 138–138 об.), со следующими вариантами (АК3):
- С. 164
- 1 переговаривается с другим / переговаривает с другим (АК4, МД1, МД2)
- 3 и направо и налево / направо и налево (АК4, МД1, МД2)
- 3–4 все из обезьянства! Что француз / все из обезьянства, что француз [◊] (АК4)
- 5 давай же и мы / давайте и мы [◊] (АК4)
- 8 всего слегка коснется / всего коснется [понемно<гу?>] [немножко] слегка [◊] (АК3)
- 11 знаем одно свое дело / знаем [сильно] одно свое дело (АК3)
- 30–31 а постараемся лучше / <оставлено свободное место> лучше [◊] (АК3)
- 34 к самым дверям / к самим дверям (АК2, АК3, АК4, МД1)
- 39 разве только / разве [◊] (АК3)
- С. 165
- 7–8 угощая усердно Ноздрева / и угощая усердно Ноздрева (АК2); и угощая усердно Ноздрева [◊] (АК3)
- 8 теплилась сальная свечка / топилась сальная свечка (АК2); топилась сальная свечка [◊] (АК3)
- 9–10 накрылась нагоревшею черною шапкою, ежеминутно грозя погаснуть / а. накрылась нагоревшею черною шапкою, и пламя вяло раздвоялось под черной шапкой, ежеминутно грозя погаснуть; б. накрылась нагоревшею черною шапкою, вяло [обнимавшею<ся>] объятую<?> тонким раздвоенным пламенем, ежеминутно грозившим погаснуть* (АК2)
- 10 и глядела ему в окна / <оставлено свободное место> ему в окна [◊] (АК3)
- 11–12 и пересвистывались / пересвистывались [◊] (АК3)
- 13 плелась где-нибудь одна фризовая шинель / плелась где-нибудь фризовая шинель (АК3, АК4, МД1, МД2)

- 16–17 в это время ~ нашего героя / а. в это время на другом конце города происходило событие, готовившееся увеличить неприятность положения нашего героя; б. (кар.) Когда *⟨оставлено свободное место⟩* заготовлено^(?) подобно надвигающи^(мся) на небосклонный край тучам *⟨не закончено⟩* (АК2); в это время на другом конце города происходило событие *⟨оставлено свободное место⟩* неприятность положения нашего героя [◊] (АК3)
- 18–31 дребезжал весьма странный экипаж ~ под именем малого. / а. дребезжал весьма странный экипаж, какой вряд ли где можно увидеть, кроме как разве в обширной Русской Империи. Он не был похож на бричку или коляску, справедливее сказать, он ни на что не был похож; зато был наполнен перинами, подушками и узелками с провизией пирогов и хлебов и увешан вязанками каких-то трехугольных домашних кренделей³; б. *Как в тексте, со следующими вариантами* (АК2):
- 20 не был похож ни на тарантас, ни на коляску, ни на бричку / не был похож ни на тарантас, ни на коляску, ни на бричку (АК2, АК3)
- 21 похож на толстощекий выпуклый арбуз / пож *⟨оставлено свободное место⟩* арбуз [◊] (АК3)
- 22–24 [Щеки этого арбуза ~ связанных веревками. / [Щеки этого арбуза,] носившие следы желтой краски, [не] затворялись очень плохо [потому что ручки и замки были, кажется, в плохом состоянии] и кое-как связаны веревками. (АК2); носивших следы *⟨оставлено свободное место⟩* краски, затворялась очень плохо что по причине *⟨оставлено свободное место⟩* ручек и замков и кое-как связаны веревками [◊] (АК3)
- 24–31 Арбуз был наполнен ~ под именем малого. / а. Арбуз с узелками с провизией пирогов и хлебов и увешан вязанками каких-то трехугольных домашних кренделей.; б. *Как в тексте, со следующими вариантами* (АК3; вариант а. является следствием ошибки, возникшей в связи с тем, что в АК2 он был отвергнут, но не зачеркнут; новый вариант текста из АК2 переписчик по ошибке поместил ниже — см. с. 165, строка 38; ошибка была исправлена Гоголем: приведенный фрагмент был исправлен, а текст, попавший не в то место, вычеркнут):
- 25 наполнен ситцевыми подушками в виде кисетов / наполнен ситцевыми подушками всяких сортов и фигур в виде кисетов [◊] (АК2)
- 27 и кренделями / и пирогами [◊] (АК2)
- 28–29 Запятки были заняты лицом / На запятках было утверждено лицо (АК2)
- 29 происхождения / происхождения (АК2)
- 30 с небритой бороною, подернутою легкой проседью / с небритой бороною (АК2); с небритой [с проседью] бороною, [где выглядывала уже проседь] подернутою легкой проседью (АК3)

³ Слова: узелками с провизией ~ домашних кренделей — по ошибке остались не зачеркнутыми и были воспроизведены писарем в АК3 вместо окончательного текста, приведенного в варианте б. (см. вариант к строкам 24–31).

- 30–31 лицо, известное под именем малого / известное под именем: малого (АК2)
- 32 разбудили / разбудил (АК2); разбудил [◊] (АК3)
- 34–38 слышалось только ~ своего рыцарства / слышалось только издали дребезжание странного экипажа, достал из сапога таванку и потянул из нее табак, имевшего цвет и запах сгнившей кожи; после чего, отставивши алебарду, заснул вновь, как стоял, на том же месте [◊] (АК2)
- 35 дребезжание / дребезжанье (АК4, МД1, МД2)
- 38 Лошади, запряженные в это четвероколесие / Лошади, запряженные в это четвероколесие (АК3; после этих слов в АК3 писарем ошибочно переписана из АК2 вставка к более раннему фрагменту: был наполнен ситцевыми подушками ~ под именем малого; впоследствии перечеркнута); Лошади (АК4, МД1, МД2)
- 40 знакома / знакомая [◊] (АК3)

С. 166

- 3–4 пред воротами дома протопопши / пред воротами Протопопши (АК2); пред воротами Протопопши [◊] (АК3)
- 4–5 с платком на голове, в телогрейке / с платком на голове, телогрейке (АК2); с платком на голове, телогрейке [◊] (АК3)
- 5 обоими кулаками / обеими кулаками (АК2, АК3)
- 5–6 так сильно, хоть бы и мужчине / так сильно, как бы и мужчине (АК2); так сильно, как бы и мужчине [◊] (АК3)
- 6–7 Слова: (малой в куртке ~ спал мертвецки) — вписаны (АК2)
- 6 малой / малый (МД2)
- 6–7 стащен за ноги, ибо спал / стащен (оставлено свободное место) спал [◊] (АК3)
- 7–8 ворота, разинувшись, наконец проглотили / ворота, разинувши, наконец проглотили (АК2); ворота, разинувши, наконец проглотили [◊] (АК3)
- 8 неуклюжее / неуклюже (АК3)
- 10 и всякими клетухами / и разными свинушниками (АК2); и разными свинушниками [◊] (АК3)
- 12 скоро после отъезда / вскоре после отъезда (АК3, АК4, МД1, МД2)

⟨Глава IX⟩

С. 167

- 2 Поутру, ранее даже / Поутру довольно рано, ранее даже¹ (АК2); Поутру довольно рано, ранее даже [◊] (АК3)
- 3 из дверей оранжевого деревянного дома / а. из дверей деревянного дома, выкрашенного оранжевою краскою; б. из дверей оранжевого

¹ Текст: Поутру довольно рано, ранее даже ~ и новооткрытая истина пошла гулять по свету, набирая себе последователей и поклонников. (л. 142–150 об. — наст. изд., с. 167–177, строки 2–3) — написан в АК2 рукой Гоголя.

- деревянного <не дописано> (АК2); из дверей оранжевого деревянного <не дописано> [◊] (АК3)
- 7 тот же час / в тот же час (АК4, МД1, МД2)
- 10–12 Дама везла ~ сообщить ее. / а. Сидевшая в коляске дама во всю дорогу не знала, как сладить с собственным языком, чувствовавшим побуждение непреодолимое сообщить только что полученную новость; б. Сидевшая в коляске дама чувствовала побуждение непреодолимое сообщить только что полученную новость и не знала, как сладить с своим языком, который уже несколько раз начинал заговаривать сам собою. (АК2); Сидевшая в коляске дама ~ сам собою. [◊] (АК3)
- 12–13 Всякую минуту выглядывала ~ остается полдороги. / а. Она поминутно выглядывала из окна и [все еще] видела, что все еще остается почти полдороги; б. Поминутно выглядывала она из окна и видела, что все еще остается почти полдороги. (АК2); а. Как в варианте б. АК2; б. Всякую минуту выглядывала она из окна и видела, что все еще остается полдороги. (АК3); Всякую минуту выглядывала она из окна и видела, что все еще остается полдороги. [◊] (АК4)
- 14 Всякой дом / Всякой дом, в котором было не более восьми окон в ряд (АК2); Всякой дом, в котором было не более восьми окон в ряд [◊] (АК3); Всякий дом (АК4, МД1, МД2)
- 14–15 белая каменная богадельня / а. ослепительной белизны богадельня каменная; б. ослепительной белизны каменная богадельня (АК2); ослепительной белизны каменная богадельня [◊] (АК3)
- 18 несносно долго едешь / Бог знает, как долго едешь [◊] (АК2)
- 19 цель была достигнута / цель ее была достигнута [◊] (АК2)
- 20–21 с белыми деревянными барельефчиками / с белыми барельефчиками (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 22 пред самыми окнами / пред самими окнами (АК2); перед самыми окнами (АК4, МД1, МД2)
- 23 находившиеся тоненькие деревца побелели / тоненькие деревца [были покрыты] побелели (АК2); тоненькие деревца побелели [◊] (АК3)
- 25 попугай, качавшийся в клетке / попугай, висевший в клетке [◊] (АК2)
- 25 уцепясь носом за кольцо / уцепясь носом за кольцо в клетке [◊] (АК2)
- 25–26 и две собачонки / а. и моськи; б. и собачонки Марлен(?) и Попури* [◊] (АК2)
- 29 как серживались встарь / а. как серживались встарь во времена прежние за Ревизора и множество других старых грехов и не укорили бы даже его в помещении каких-либо личностей; б. как серживались встарь за множество [лит(ературных?)] прежних литературных г(рехов?) и не укорили бы ~ личностей*; в. как серживались встарь и не укорили бы в помещении каких-либо личностей (АК2); как серживались встарь и не укорили бы в помещении каких-либо личностей [◊] (АК3)

С. 167–168

^{30–1} уж непременно найдется / уж непременно находится [◊] (АК3)

- 2 и непременно рассердится / который и непременно рассердится [◊] (АК2)
- 2-3 не на живот, а на смерть / не на жизнь, а на смерть (АК2); не на жизнь, а на смерть [◊] (АК3)
- 6-13 Назови же по чинам ~ будем называть даму / а. Назвать по чинам — и того хуже. Скажи только Автор: прокурорша — и непременно все прокурорши всех Губернских городов, сколько их ни есть на свете, разобидятся ужасным образом. Такое уж обидчивое государство. И потому во избежание тех и других личностей и разных могущих произойти тех и других следствий мы станем называть даму; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 6-9 Назови же по чинам ~ расположенье в воздухе. / Назови же по чинам, то есть скажи только какая-нибудь прокурорша — и того опасней. В России 50 с лишком Губернских городов и в каждом городе сидит по одной прокурорше, [а] личности же у нас, как известно, совсем не то, что в других государстве (так в рукописи — АК2); а. Как в АК2; б. Как в АК2, со следующими вариантами: Губернских исправлено на: Губернских; в других государстве исправлено на: в другой земле; в. (кар.) Назови же по чинам — Боже сохрани. Теперь все чины и сословия у нас раздражительны страшно; г. (кар.) Назови же ~ Теперь все чины и сословия так [раздраж(ительны?)] раздражились. Таково, видно, уж расположенье в воздухе. (АК3); а. Как в варианте б. АК3; б. Как в тексте, со следующим вариантом (АК4):
- 8 таково уж / таково уже (АК4)
- 9-10 Достаточно сказать только, что есть в одном городе / а. У нас все личность: скажи только Автор, что [был] есть в одном городе; б. у нас достаточно сказать только, что есть в одном городе (АК2); а. У нас достаточно сказать только, что есть в одном городе; б. (кар.) Стоит [даже просто] сказать, что есть в одном городе (АК3); у нас достаточно сказать только, что есть в одном городе [◊] (АК4)
- 10 это уж и личность / а. это уже и личность; б. (кар.) Слов нет (АК3); это уже и личность (АК4, МД1, МД2)
- 10-11 вдруг выскочит господин почтенной наружности и закричит / а. «Как же», — скажет; б. Вдруг выхватится господин почтенной наружности и закричит (АК2); а. вдруг выхватится господин почтенной наружности и закричит; б. (кар.) и в ту же минуту вдруг выхватится господин почтенной наружности и закричит (АК3); Вдруг выхватится господин почтенной наружности и закричит (АК4)
- 11 и закричит / и заключит (МД2)
- 14 так, как она называлась / таким же образом, как она называлась (АК2) таким же образом, как она называлась [◊] (АК3)
- 15-17 Это название ~ в последней степени. / а. Ибо в самом деле она употребляла все, чтобы сделаться самую светскою и самую любезною в обществе дамою, и в том совершенно успела: Сами дамы невольно чувствовали ее превосходство; мужчины подходили к ручке.; б. Это

- название она приобрела совершенно законным образом, ибо в самом деле употребила все, чтобы сделаться [в высочайшей] до такой степени любезною в обществе, [далее] любезнее чего уже нельзя было достигнуть [никакими человеческими средствами] [никак]: Сами дамы ~ к ручке. (АК2) а. Это название она приобрела совершенно законным образом, ибо в самом деле употребила все, чтобы сделаться до такой степени любезною в обществе, любезнее чего уже нельзя было достигнуть. Сама дама невольно чувствовала ее ~ к ручке.; б. Это название она приобрела законным образом, [потому] ибо употребила все ~ нельзя было достигнуть. Сами дамы невольно чувствовали ее ~ подходили к ручке.; в. (кар.) Это название она приобрела законным образом, [потому что] ибо, точно, ничего не пожалела, чтобы сделаться любезною в последней степени. (АК3); Это название она приобрела законным образом, ибо употребила все ~ нельзя было достигнуть. Самые дамы ~ подходили к ручке. [◊] (АК4, тильда заменяет текст, идентичный варианту б. АК3)
- 17–20 Хотя, конечно ~ не приведи Бог / а. Хотя, конечно, сквозь любезность прокрадывалась часто сильная стремительность женского характера, и в иных случаях едкостью нескрытою вооружались ее приятные речи, а уж не приведи Бог; б. Хотя, конечно, сквозь любезность прокрадывалась иногда такая юркая прыть женского характера, которой бы не сдержала никакая уздечка в мире, и хотя подчас в каждом слове ее приятной речи торчало [по небольшой] по [маленькой] булавке, и уж не приведи Бог (АК2); а. Хотя, конечно, сквозь любезность прокрадывалась иногда такая юркая прыть женского характера, которой бы не [держала] удержала никакая уздечка в мире, хотя подчас в каждом слове ее приятной речи торчало по булаве, и уж не приведи Бог; б. (кар.) Хотя, конечно, иногда сквозь любезность прокрадывалась ух! какая юркая прыть женского характера, и хотя в приятном слове торчала ух какая булавка! а уж не приведи Бог (АК3); Хотя, конечно, сквозь любезность прокрадывалась иногда такая юркая прыть женского характера, который бы не сдержала никакая уздечка в мире, хотя подчас в каждом слове ее приятной речи торчало по булаве, и уж не приведи Бог [◊] (АК4)
- 20 что кипело в сердце / что кипело в сердце ее (АК2); а. что кипело в сердце ее; б. (кар.) что было в сердце (АК3); что кипело в сердце ее [◊] (АК4)
- 21–22 пролезла как-нибудь и чем-нибудь в первые / а. пролезла как-нибудь и чем-нибудь в первые; б. (кар.) пролезла чем-нибудь в первые (АК3)
- 22–26 Но все это ~ во всех отношениях. / а. Но все это было прикрыто светскою любезностью, тою же добротой и лаской, какую кстати умеют показать высшего общества дамы, и она достигла своей цели: Все чиновники в городе, и даже не чиновники, а просто люди, наслаждавшиеся приятностью жизни и визитами, [сло(вом)] словом <словом вписано>, все то, что называется мужчинами или кавалерами, все [произнесли в один] не могли не согласиться, что Ан(н)а

Григорьевна есть дама приятная во всех отношениях.; б. Но все это было [наброшено необыкновенною] весьма искусно одето необыкновенно(ю) обходительностью и [любезностью] светскостью. Всякой поступок и движенье в обществе производимо было с необыкновенным вкусом. Даже [томность появлялась] чувство появля(о)сь в глазах, и она достигла своей цели: Все чиновники в городе и люди просто наслаждавшиеся визитами не могли не согласиться, что Ан(н)а Григорьевна дама приятная во всех отношениях. (АК2); а. Но все это было весьма искусно одето необыкновенною обходительностью и светскостью. Всякой поступок и движенье в обществе производимо было с необыкновенным вкусом. Даже чувство появлялось в глазах и своей цели: *(так в рукописи)* Все чиновники в городе и люди просто наслаждавшиеся визитами не могли не согласиться, что Анна Григорьевна дама приятная во всех отношениях.; б. Но все это было ~ Даже чувство появлялось в глазах, и она достигла своей цели: Все занятые службою и люди просто ~ во всех отношениях.; в. Как в тексте, с приведенным ниже вариантом; г. (кар.) Но все это было облечено самою тонкою светскостью, какая только бывает в губерском городе. Все производилось со вкусом, даже самое маленькое движение, [притом туда(?) вошла(?) и мечтатель(ность?)] и все согласились, что она, точно, дама приятная во всех отношениях (АК3)

- 24–25 даже иногда мечтательно умела держать голову / даже мечтала (АК3); даже мечтала [◊] (АК4)
- 26 Другая же дама, то есть приехавшая, не имела / Другая же дама, то есть приехавшая, хотя [конечно] была тоже не без достоинств, но не имела [◊] (АК2)
- 27 а потому будем / и потому будем (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 28–31 разбудил собачонок ~ с лаем понесли / а. разбудил собачонок, спавших на солнце, которые с лаем понесли; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 29–30 мохнатую Адель ~ шерсти / а. Марлен(?) и Попору*; б. мохнатую Эсперанс; в. мохнатую Адель, путавшуюся в собственной шерсти (АК3); мохнатую Адель, путавшуюся в собственной шерсти [◊] (АК4)
- 30–31 Тот и другая с лаем понесли / которые с лаем понесли (АК2); а. которые с лаем понесли; б. И кобелек и Адель с лаем понесли [◊] (АК3)
- 32–34 и очутилась в платье ~ по всей комнате / а. и очутилась в ситцевом платье [само(го)] модного цвета и узора, натянутом без малейшей морщинки на роскошную шнуровку, выгнутую, как латы, и заключившую в себе полную грудь ее, как в [сундуке большом.] большом сундуке; б. и очутилась в ситцевом платье модного узора и цвета, натянутом ~ выгнутую, как медный панцирь, и заключившую в себе, (ка)к в большом сундуке, полную грудь ее (АК2); а. и очутилась ~ как медный пузырь, и заключавшую в себе, как в большом сундуке, полную грудь ее; б. и очутилась ~ как медный панцирь,

- и заключающую в себе, как в большом сундуке, полную грудь ее; *в. Как в тексте, со следующим вариантом (АКЗ):*
- 33 в длинных хвостах / с длинными хвостами [◊] (АКЗ)
- 35–36 выбежала в переднюю / вбежала в переднюю (АКЗ, АК4, МД1, МД2)
- 36 Дамы ухватились за руки / Обе дамы ухватились за руки (АК2);
Где дамы ухватились за руки [◊] (АКЗ)
- 36–39 и вскрикнули ~ нежели у другой / а. вскрикнувши с таким же радостным криком, как молодые институтки, встретившиеся между собою спустя несколько недель после выпуска, когда еще Маминьки не успели объяснить им, что неприлично кричать и слишком сильно радоваться при встречах с теми, которых отец еще неизвестно какого чина и состояния посредственного.; б. вскрикнувши так, как вскрикивают молодые институтки, встретившиеся между собою в свете, когда еще Маминьки ~ что неприлично слишком радоваться при встречах с теми, которых отцы еще неизвестно [какого состояния], имеет ли вес в свете. (*так в рукописи — АК2*); а. вскрикнувши так ~ радоваться при встрече с теми, которых отцы еще неизвестно, имеют ли вес в свете.; б. вскрикнувши так ~ имеют ли вес в свете и какое-нибудь состояние; *в. Как в тексте, со следующими вариантами (АКЗ):*
- 36–37 как вскрикивают институтки / как [молодые институтки] вскрикивают институтки (АКЗ)
- 37 скоро после / вскоре после (АК4, МД1, МД2)
- 38 отец у одной / отец у одной из них [◊] (АКЗ)
- 39–40 Поцелуй совершился звонко ~ залаяли снова / а. Обе дамы, назвавши одна другую по имени, поцеловались еще раз, и, как казалось, довольно звонко, ибо собачонки, которые было приутихли, залаяли снова; б. Обе дамы ~ еще раз, и, кажется, довольно звонко ~ залаяли снова*; *в. Как в варианте а., с одним исправлением:* которые было приутихли *зачеркнуто* (АК2); а. Обе дамы ~ довольно звонко, ибо собачонки залаяли снова; б. Обе дамы ~ довольно звонко, потому что собачонки залаяли снова [◊] (АКЗ)

С. 169

- 1 и обе дамы / Обе дамы (АК2); Обе дамы [◊] (АКЗ)
- 1–2 с диваном, овальным столом / с диваном и овальным столом [◊] (АК2)
- 3–4 вслед за ними побежали ворча мохнатая Адель ~ на тоненьких ножках / а. *Текста нет*; б. потом побежали за ними(?) мохнатая Адель и высокой Попури на тонких ножках* (за ними *вписано*); *в. Как в тексте, со следующим вариантом (АК2):*
- 3 вслед за ними побежали / за ними побежали (АК2); за ними побежали [◊] (АКЗ)
- 4–9 Сюда, сюда ~ я рада, что вы... / Ну как же я рада, что вы приехали, — говорила Во всех отношениях приятная дама (АК2); а. Ну как же я рада, что вы приехали, — говорила во всех отношениях приятная дама; б. Ну как же я рада ~ приятная дама, усаживая гостью; *в. Сюда,*

- сюда. Вот в этот уголок, — говорила хозяйка, усаживая гостью в [покойный] угол дивана. — Как же я рада, что вы!...; 2. Сюда, сюда ~ угол дивана, где лежали две шитые шерстью (шерстью *вписано*) подушки. На одной из них был рыцарь, у которого нос вышел лестницею, [так произошло от канвы] а губы четверугольником. — Как же я рада, что вы!.. (АК3); Сюда, сюда ~ на одной из них (далее *выскоблено*) нос вышел лестницею ~ что вы!.. ◊ (АК4)
- 9–10 Я слышу, что кто-то подъехал / Я слышу, кто-то подъехал (АК4, МД1, МД2)
- 11 вице-губернаторша / виц-губернаторша (МД2)
- 12 хотела было сказать / хотела сказать (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 12 что меня нет дома... / что меня нет дома. Ну как же я рада, право. (АК2); что меня нет дома. Ну как же я рада, право. ◊ (АК3)
- 13–14 Гостья уже хотела ~ сообщить новость. / Ах, если бы вы знали, жизнь моя Анна Григорьевна, как я к вам спешила, — сказала Просто Приятная Дама и почувствовала, что у ней захватило дыхание от нетерпения скорее приступить к делу. (АК2); а. Ах, если бы вы знали ~ дыхание от нетерпенья скорее приступить к делу.; б. Возьмите, вот вам моя подушка, подложите ее под себя. — Благодарю вас, благодарю, Анна Григорьевна, вы так добры... мне очень хорошо и так: [хорошо] диван у вас [такой] самой... Ах, Анна Григорьевна, если б вы только знали, с чем я к вам приехала... [Сказавши это] выговоривши это, Просто приятная дама почувствовала, что у ней захватилось дыхание от нетерпенья скорее приступить к делу. (АК3); Возьмите ~ если бы вы только знали ~ приступить к делу. ◊ (АК4, кар.)
- 15 вдруг дало другое направление разговору / дало вдруг другой поворот направлению, какое готовился принять было разговор ◊ (АК2)
- 16 Какой веселенький ситец / Какой приятный ситец ◊ (АК3)
- 18–22 Да, очень веселенький ~ вообразите себе / а. Но представьте же, Анна Григорьевна, что бы вы теперь сказали, если бы увидели матерчатое, которое привезла мне сестра. Я заранее представляю себе, каково должно быть ваше восхищение. Вообразите себе; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 18 Да, очень веселенький. / Странно, — сказала просто Приятная дама (АК2); а. Странно, — сказала просто приятная дама; б. Да, очень веселенькой; в. Да, не правда ли, что веселенькой (АК3)
- 18–19 однако же, находит / находит (АК2); а. находит; б. однако же, находит; в. находит (АК3)
- 19–20 чтобы не коричневые были крапинки, а голубые / чтобы вместо лиловых крапинок были бы голубые крапинки (АК2); чтобы вместо лиловых крапинок были бы голубые крапинки ◊ (АК3)
- 20 Сестре ее прислали / Сестре ее [привезли] прислали (АК2); Сестре я прислала (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 21–22 очарованье, которого просто нельзя выразить словами / очарованье, какого нельзя представить (АК2); очарованье, какого нельзя представить ◊ (АК3)

- 22 полосочки узенькие, узенькие / полосочки узенькие \diamond (АК2)
- 24 и через полосочку все / и ч(ер)ез клеточку все \diamond (АК2); Слова вписаны рукой Гоголя на оставленном свободным месте (АК3); и через полоску все (АК4, МД1, МД2)
- 24–25 глазки и лапки, глазки и лапки, глазки и лапки / глазки и лапки, глазки и лапки \diamond (АК3)
- 25 Словом, бесподобно! / при свечах такое волшебство! — бесподобно, бесподобно! (АК2); при свечах такое волшебство — бесподобно! \diamond (АК3)
- 27–29 Милая, это пестро. ~ Ах, пестро! / а. И все глазки и лапки? — Все глазки и лапки, но так распредило, что сказать нельзя. — Только мне кажется, что это уж чересчур пестро, я, по крайней мере, не могу себе представить здесь ничего особенного.; б. А глазки и лапки лилового цвета? — Нет, [цвету какого-то какá] глазки пунцовые, а лапки цвету какого-то какá, я уж позабыла, как его называют, но так распредило, что рассказать невозможно. — Но мне кажется, что это уж чересчур пестро. [Если бы лапки были лилового цвета, а глазки какá или глазки лилового цвета, а лапки какие-нибудь другие, тогда бы было лучше] [Если бы глазки] Если бы глазки и лапки были одного цвета, это было было (так в рукописи) лучше, или если уж так, [лучше] то пусть лапки будут пунцового цвета, а глазки то, что вы говорите. (АК2); а. А глазки и лапки лилового цвета? — Нет, глазки пунцового, а лапки цвету какого-то какá (какá карандашом исправлено на какого), я уж позабыла, как его называют, но так распредило, что сказать невозможно. — Но мне кажется, что это уж чересчур пестро. Если бы глазки и лапки были одного цвета, это было лучше, или если уж так, то пусть лапки будут пунцового цвета, а глазки то, что вы говорите.; б. А глазки и лапки лилового цвета? ~ сказать невозможно. — Так уж лучше, чтобы [и] глазки и лапки были обое лилового цвета, а так, воля ваша, это будет совсем пестро, это нехорошо; в. Но это, однако ж, [выйдет, однако ж] мне кажется, чересчур пестро, не будет [как выражаются, эдакой тонкости], понимаете, эдакого тонкого благородства... (АК3); Но это, однако ж, мне кажется, чересчур пестро, не будет, понимаете, эдакого тонкого благородства... \diamond (АК4)
- 31 склонная к отрицанию / склонна к отрицанию (АК2); склонна к отрицанию \diamond (АК3, кар.); склонна к отрицанию (АК4, МД1, МД2)
- 32 весьма многое в жизни / весьма много в жизни (АК4)
- 33–34 Здесь просто приятная дама ~ вскрикнула... / — Ах, нет, Анна Григорьевна, это просто надобно видеть... (АК2); а. Как в АК2; б. Ах, нет... будет; в. Но здесь приятная дама объяснила, что совсем не пестро, и потом восклик(нула) (АК3); а. Ах, нет, будет...; б. (кар.) Как в тексте, со следующим вариантом (АК4):
- 33–34 отнюдь не пестро / совсем не пестро (АК4)
- 37 Ах, это нехорошо, фестончики. / Как фестончики? (АК2); а. Как в АК2; б. (кар.) Ах, это нехорошо, если фестончики (АК3); а. Как фестончики?; б. (кар.) Ах, это нехорошо, если фестончики? (АК4)

пелеринка из фестончиков ~ внизу фестончики / а. и на рукавах фестончики, и вокруг плеч фестончики и внизу фестончики; б. и на рукавах фестончики, и на плечах эполетцы из фестончиков и внизу фестончики (АК2); и на рукавах фестончики, и на плечах эполетцы из фестончиков и внизу фестончики [◊] (АК3)

С. 170

- 1 Нехорошо, Софья Ивановна, если все фестончики. / а. Да это ж выйдет прескверно, если все фестончики.; б. Но это выйдет нехорошо, если все фестончики. (АК2); а. Но это выйдет нехорошо, если все фестончики.; б. Нет, это выйдет нехорошо, если все фестончики.; в. (кар.) Нехорошо, Софья Ивановна, [что(?) вы ни говорите] если фестончики. (АК3); Нет, это выйдет нехорошо, если все фестончики. [◊] (АК4, кар.)
- 2–6 Мило, Анна Григорьевна ~ собирается вокруг / а. Ах, вы не можете представить себе, как мило, шьется в два рубчика и сверху нашивочка. — Зачем же нашивочка. — Нашивочка, Анна Григорьевна, необходима, от этого происходит такое очарование, что просто изобразить себе не можно, ах, ведь прежде вам нужно еще сказать. Уж вот когда, Анна Григорьевна, [изд(адите)] испустите вы длинной ах! я воображаю заранее, какой длинной ах! Вообразите себе только то, что лифчики теперь кроются совершенно, как у мужчин, и даже еще длиннее. — Что вы говорите? — Длинные, длинные, и юбка собирается вокруг совсем так; б. Ох, еще вот вам один <..?> если хотите **; в. Ах, вы не можете ~ <как в а.> в два рубчика, широкие проймы и сверху нашивочка. ~ <как в а.> необходима, от этого все происходит. Но [вот] уж если хотите, чтобы я вас точно изумила, так вот вам — изумляйтесь: вообразите себе только то, что лифчики теперь чуть не длиннее мужских и сделаны мыском. — Что вы? — С одной стороны, это хорошо, потому что талия кажет никак не толще стакана, но, вообразите, что юбка вся собирается вокруг (АК2); а. Ах, вы не можете ~ Зачем это нашивочка? ~ талия кажет[ся] никак не толще стакана ~ собирается вокруг; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК3):
- 2 до невероятности / [уд(ивительно?)] страх мило [◊] (АК3, кар.); страх мило [◊] (АК4, кар.)
- 3–4 вот уж когда вы изумитесь / вот уж когда вы изумитесь [Из(умляйтесь?)] (АК3); вот когда вы изумитесь (АК4, МД1, МД2)
- 6–7 как бывало в старину фижмы / как бывали в старину фижмы (АК2); как бывали в старину фижмы [◊] (АК3); как бывало в старину (слово выскоблено) [◊] (АК4)
- 9–13 Ну уж это просто ~ приятная дама. / Текста нет (АК2); а. Текста нет; б. Но... это уж Бог знает что. — Очень странно.; б. (кар.) Ну уж это, признаюсь, — сказала дама во всех отношениях <так в рукописи>, сделавши жест руками (АК3); а. Текст выскоблен; б. Как в тексте (АК4)
- 14 Уж как вы хотите, я ни за что / Ну уж как вы хотите, но я ни за что (АК2); Ну уж как вы хотите, но я ни за что [◊] (АК3)

- 15–16 Я сама тоже... право, как вообразишь ~ ни на что не похоже! / а. Я сама тоже. Право, странно даже, как вообразишь, до чего иногда доходит мода. Иной раз такие глупости выдумают, что уж точно никакого подобия.; б. Я сама тоже. Право, уж это <..?> такой, право, люди такие глупости выдумают, что уж, точно, никакого подобия**;
- в. Я сама тоже. Право, странно даже, как вообразишь, до чего иногда доходит мода, такие глупости выдумают. Ни на что не похоже! (АК2); а. Как в варианте в. АК2; б. Как в тексте, со следующим вариантом (АК3):
- 15 Я сама тоже... / Я сама... (АК3); Я сама... [◊] (АК4, кар.)
- 16–17 я выпросила у сестры ~ принялась шить / а. Я, однако же, [у] выпросила у сестры выкройку; посмотрю так только, для смеху, как оно выйдет; Меланья моя принялась уже шить.; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 17 нарочно для смеху / нарочно для смеху только (АК2); нарочно для смеху только [◊] (АК3)
- 17 принялась шить / принялась шить, посмотрю, как будет (АК2); принялась шить, посмотрю, как будет [◊] (АК3)
- 17 После слов: принялась шить. — *вписано чернилами (два первых слова) и карандашом:* При этих словах в лице и в глазах Дамы приятной во всех отношениях изобразилась необыкновенная живость. (АК3)
- 21 дайте ее мне ради всего святого / дайте ее мне поскорей, я попробую себе тоже именно не больше как ради смеха [◊] (АК2)
- 22–26 Ах, я уж дала слово ~ предпочтете своим. / а. Только после Прасковьи Федоровны, я уже ей обещала. — Кто ж станет носить после Прасковьи Федоровны! Нет, я и думать не хочу, чтобы вы нанесли мне такую обиду. Кажется, [что] мы с вами в таком отношении, что просто будет с вашей стороны бессовестно...; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 22 Ах, я уж дала слово / а. Жизнь моя, я обещала; б. Жизнь моя, уж обещала* (АК2); Жизнь моя, я обещала [◊] (АК3)
- 24–26 Это уж слишком ~ предпочтете своим. / [Неужели вы решитесь нанести мне такое оскорбление. Это] Это уж слишком странно будет с вашей стороны, если Вы [предпочтете ее мне, кажется] чужих предпочтете своим. (АК2); а. Это уже слишком ~ своим; б. (кар.) Согласитесь, Софья Ивановна, это уже странно будет ~ предпочтете своим. (АК3); Как в варианте а. АК3 (АК4, МД1, МД2)
- 29 я и слышать не хочу / а. Как в тексте; б. (кар.) если вы хотите (не закончено — АК3); а я слышать не хочу (АК4)
- 29–31 это выходит ~ всякое знакомство / а. иначе всякое знакомство между нами кончено; б. между нами все кончено; в. это выходит, вы мне хотите нанести [самую] смертельную обиду (АК2); а. это выходит: вы мне хотите нанести смертельную обиду; б. Как в тексте, со следующим вариантом (АК3):
- 31 видно, вы хотите / видно, вы [уже] хотите (АК3)
- 32 Софья Ивановна / приятная дама [◊] (АК2)

- 35 глупый язык свой / а. язык свой; б. глупой язык; в. глупой язык свой (АК2); глупой язык (АК3); глупый язык (АК4, МД1, МД2)
- 36 Ну что наш прелестник? / Ну что ж наш прелестник? (АК4, МД1, МД2)
- 38 что ж я так сижу перед вами! / Что ж я в самом деле так сижу перед вами! (АК2); Что ж я в самом деле так сижу перед вами! [◊] (АК3)
- 39 Ведь вы не знаете / Ведь вы знаете (АК4, МД1, МД2)
- 40 Тут дыхание гости сперлось, слова / а. Вскричала просто приятная Дама вся в волнении; дыхание ее сперлось и слова; б. Тут дыхание [приятной] Гости [все пришло в волнение] сперлось, слова (АК2)

С. 171

- 2-3 быть бесчеловечной, какова была искренняя приятельница / а. быть безжалостною, как [Дама] Во всех отношениях приятная дама; б. быть безжалостною, какова была искренняя приятельница ее (АК2); быть безжалостною, какова была искренняя приятельница ее [◊] (АК3)
- 5 более нежели обыкновенную / более нежели обыкновенно (АК3); более нежели обыкновенно [◊] (АК4)
- 6 и ему в глаза скажу / и ему даже в глаза скажу это [◊] (АК2)
- 6-7 что он негодный человек, негодный, негодный, негодный / а. что он человек негодный, мерзкий человек, не знающий ни обращения, ни приличий... гадкой, гадкой, гадкой человек». — Так говорила Во всех отношениях приятная дама и еще раз повторила: «гадкой человек», когда уже Просто приятная Дама издала было (было *вписано*) какой-то (то *вписано*) начальный звук, желая произнести от себя слово.; б. что он человек ~ гадкой, гадкой, гадкой человек. (АК2); что он человек ~ не знающий ни обращения, ни приличия... гадкой, гадкой, гадкой человек [◊] (АК3)
- 8-10 — Да послушайте только, что я вам открою ~ неприятный нос... / а. — Да послушайте только, что я открою..., — говорила Просто приятная Дама, от нетерпения едва могшая сидеть на месте, хотя всякое волнение было ей очень вредно: она была нервическая дама. Но во всех отношениях приятная дама была просто бесчеловечна: и тут даже она решилась прервать ее, продолжая с прежнею силою и негодованием. — Распустили слухи, что он хорош, а он даже на урода не похож. Бог знает, что такое: толст, как шкаф, нос картофель...; б. Да послушайте только, что я открою..., — говорила бедная [гостя от] Приятная Дама, от нетерпения едва могшая ~ нервическая дама. Но приятельница была просто бесчеловечна. ~ толст как шкаф, нос... [уж] это такой нос, какого еще и не видано, самой неприятной. (АК2); а. Да послушайте только, что я открою ~ бесчеловечна. ~ а он на урода не похож ~ самой неприятной.; б. Да послушайте только ~ нервическая дама. Дама приятная во всех отношениях была просто бесчеловечна. ~ самой неприятной. [◊] (АК3)
- 11 рассказать мне / рассказать вам (АК4, МД1, МД2)

- 11–12 душенька, Анна Григорьевна / *а. Как в тексте: б. душенька моя (АКЗ, кар.)*
- 13 говорила гостя / говорила бедная Приятная [◊] (АК2)
- 15–17 в разговор обеих дам ~ французские фразы / почти половина разговора между дамами происходила на французском языке (АК2); почти половина разговора между дамами происходила на французском языке [◊] (АК3)
- 21–22 не решается внести фразу / не решается впустить фразу [◊] (АК2)
- 24 Какая же история? / Какая же История? — спросила наконец Дама приятная во всех отношениях. [◊] (АК2)
- 25–26 если бы вы могли ~ я находилась / если бы вы могли... если бы когда-либо человеческое воображение могло представить то положение, в котором я находилась, если бы вы только знали, как я перетревожилась. Уж вот точно происшествие, которого никаким пером нельзя описать. [◊] (АК2)
- 32 что рассказала протопопша / что рассказала протопопша: уж вот точно!.. [◊] (АК2)
- 34–35 и рассказывает, и как рассказывает ~ роман / *а. и говорит; б. и как рассказывает, послушайте только, совершенный роман (АК2); а. и как рассказывает, послушайте только, совершенный роман; б. Как в тексте; в. (кар.) и рассказывает, и как еще рассказывает, послушайте только, совершенный роман (АК3)*

С. 172

- 2 Ах, прелести! / Ах, Боже мой, прелести! [◊] (АК2)
- 6 вроде Ринальда Ринальдина / вроде Ринальд(о)Ринальдино (АК2); вроде Ринальда Ринальдино [◊] (АК3)
- 10–11 они не мертвые, не мертвые, кричит, не мертвые / они не мертвые, не мертвые [◊] (АК2)
- 13 оррёр, оррёр, оррёр / орор, оррор, оррор (АК2); орор, оррор, оррор [◊] (АК3)
- 13–14 представить не можете / представить не можете [ко<..?>] (АК2)
- 14 как я перетревожилась *вписано* (АК2)
- 19 не могу говорить / и говорить не могу [◊] (АК2); не могу и говорить (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 25 Вот уж / Вот уже (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 28–29 каково мое было положение / каково же мое было положение [◊] (АК2)
- 35–36 здесь скрывается / здесь [должно] скрывается (АК2)

С. 173

- 1–2 Ну, а как вы думаете? ~ совершенно потрясена. / *а. Ну а как вы думаете? — спросила в свою очередь Во всех отношениях Приятная Дама. — Я, право, Анна Григорьевна... я не знаю... Это превышает воображение человеческое.; б. Как в тексте, со следующим вариантом (АК3):*
- 1 *а как вы думаете / как вы думаете (АК3, АК4, МД1, МД2)*

- 2 Я, признаюсь, совершенно потрясена. / Я, признаюсь, [нахожусь в] совершенно потрясена. (АК2); Я, признаюсь, совершенно потеряна. (АК4, МД1, МД2)
- 5 приятная дама / просто приятная дама [◊] (АК2)
- 5–6 Она умела только тревожиться / Она умела только тревожиться в подобных случаях [◊] (АК2)
- 10–11 гостя при таких словах вся обратилась в слух / при этих Просто приятная дама вдруг обратилась, как говорится, в один слух [◊] (АК2)
- 12 почти не сидя и не держась на диване / [не] почти [не сидела на диване] не сидя и не держась [ни на чем] на диване (АК2)
- 13 сделалась вдруг тонее / сделалась как будто тонее [◊] (АК2)
- 13–14 стала похожею на легкий пух / стала похожею на какой-то легкой пух [◊] (АК2); стала похожа на легкий пух (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 14 вот так и полетит / так вот вдруг и полетит [◊] (АК2)
- 14 от дуновенья / от малейшего дуновенья [◊] (АК2)
- 15–16 Так русский барин ~ заяц / а. Так охотник, подъезжая к лесу, из которого знает, что вот сию минуту выскочит заяц; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 15 собачей и йора-охотник / йора-охотник (АК2); а. собачей и йора-охотник; б. (цены.) охотник (АК4); охотник (МД1, МД2)
- 16 оттопанный доезжачими / оттопанный доезжачим (АК2); оттопанный доезжачим [◊] (АК3)
- 16–17 превращается весь / обращается весь (АК2)
- 18 к которому вот-вот поднесут огонь / а. Как в тексте; б. (кар.) Над вариантом а. вписано: потом(?) он в свою руку (АК3)
- 18–21 Весь впился ~ ему в уста / а. Недвижно стоит он с дышащими очами, но сам без дыханья, стоит один среди блистающей снежной равнины, сливающейся с горизонтом, а зимний, упругий, как девичьи перси, холод дразнит и колет его молодую кровь, а ветер, поднявшись из лесу, метет ему вихри снежного пуха в уста; б. [Недвижно стоит он, оставив позади стремянных] Оставив далеко(?) позади себя стремян(ных), недвижно стоит он, дыша очами, без дыханья, готовый полететь на добычу своими Крушилами, Грумилами, Махурами, Черкезами (Черкезами вписано), Дopeкаями, Распекаями, которые уже (1 нрзб.) [и места] и лап(?) под собой не чувят; в. Напрасно поднимается против него [поднимается] вся метущая снеговая степь, упругий холод только дразнит и колет молодую кровь его, а ветер только ярит его наметая снежные (не закончено); г. Настигнет он зверя, несмотря [несмотря] на то что поднялась против него вся метущая снеговая степь, пуская [острие] колючие [серебряные] звезды ему в уста; д. Дышат и горят его очи, и видно в них, как (не закончено); е. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 18–19 Весь впился он очами в мутный воздух / Сам не дыша, но с дышащими очами [весь] впился он весь в мутный воздух (АК2)
- 19 и уж настигнет зверя / а. Как в тексте; б. и уж он настигнет зверя (АК2)

- 19–20 допечет / допекёт [◊] (АК2); допекет (АК3, АК4)
- 20 воздымайся / а. воздымайся; б. воздымайсь (АК3)
- 23–29 Мертвые души ~ дело вот в чем / а. Мертвые души, — произнесла во всех отношениях приятная Дама, — есть больше ничего, как выдумка только для прикрытия, а настоящее дело вот в чем; б. Мертвые души, — произнесла во всех отношениях приятная Дама, — это, душа моя, больше ничего ~ дело вот в чем; в. *Как в тексте, со следующим вариантом* (АК2):
- 25 Что, что? ~ вся в волнении. / а. *Как в тексте*; б. (кар.) Гостя произнесла только: «Что?» и вся перешла в глаза к ней; в. (кар.) Гостя произнесла только: «Что?» и вся перенеслась к ней (АК3)
- 26–28 Мертвые души!.. ~ просто выдумано / Это выдумка (АК2); а. Это выдумано; б. Это просто выдумано; в. (кар.) выдумано это (АК3); Это просто выдумано [◊] (АК4)
- 30–31 и во всех отношениях / и уж во всех отношениях [◊] (АК2)
- 32–33 и, точно, перетревожилась / и, точно, перетревожась [◊] (АК2)
- 34 уж этого я бы никак не могла предполагать / а. Вот раскрытие необыкновенное! Уж этого я бы, призна(ю)сь, никак не могла предполагать.; б. Вот раскрытие ~ я бы никак не могла предполагать. (АК2); Вот раскрытие ~ я бы никак не могла предполагать. [◊] (АК3)

С. 174

- 1–2 Знаете, Анна Григорьевна ~ наконец безнравственность. / *Фразы нет* (АК2); а. *Фразы нет*; б. *Фраза вписана со следующими вариантами* (АК3)
- 2 когда видишь, до чего достигла / до чего достигла [◊] (АК3)
- 2 наконец безнравственность / а. наконец безнравственность; б. (кар.) наконец безнравственность, право... (АК3; право вписано карандашом без четкого обозначения места вставки)
- 3 А по мне, так я, признаюсь / а. А по мне, так я, признаюсь; б. (кар.) А по мне (АК3)²
- 6 Ах, жизнь моя, Анна Григорьевна / Ах, Анна Григорьевна, помилуйте [◊] (АК2); а. *Как в тексте*; б. (кар.) Ах, Анна Григорьевна (АК3)
- 8–9 Боже, как манерна! Кто выучил ее, я не знаю / Уж [я не знаю] кто выучил ее [таким], я не знаю [◊] (АК2)
- 11 Душенька! ~ как смерть. / Но я вас могу уверить, Анна Григорьевна, что она статуя и к тому же еще бледна как смерть. (АК2); а. *Как в*

² Реплика: — Знаете, Анна Григорьевна, ведь это просто раздирает сердце, когда видишь, до чего достигла наконец безнравственность. А мужчины от нее без ума. А по мне, так я, признаюсь, ничего не нахожу в ней... — в МД1 и МД2 разбита на две:

— Знаете, Анна Григорьевна, ведь это просто раздирает сердце, когда видишь, до чего достигла наконец безнравственность.

— А мужчины от нее без ума. А по мне, так я, признаюсь, ничего не нахожу в ней... (подробнее см. с. 539 наст. изд.).

- АК2; б. Как в тексте; в. (кар.) Пошадите! Она статуя и бледна как смерть. (АК3)
- 12 Ах, не говорите ~ безбожно. / а. Не говорите, [Соф(ья)] не говорите, Софья Ивановна, и уж этого никак не говорите, чтобы она была бледна, потому что румянится безбожно; б. Ах, не говорите, Софья Ивановна ~ безбожно (АК2); а. Как в варианте б. АК2; б. Как в тексте; в. (кар.) Вот уже чего вы никогда не можете сказать, Софья Ивановна, потому что румянится безбожно. (АК3)
- 13 Ах, что это вы ~ мел, мел / а. Ах, Анна Григорьевна, помилуйте, это совершенный мел, мел, мел; б. Жизнь моя, Ан(на) Григорьевна, она мел, мел (АК2); Жизнь моя, Анна Григорьевна, она мел, мел[◊] (АК3)
- 15 Милая, я сидела возле нее / а. Не спорьте, [жиз(нь)] милая, румянится нестерпимо, я сидела возле нее; б. Не спорьте, милая, я сидела возле нее (АК2); Не спорьте, милая, я сидела возле нее[◊] (АК3)
- 15–16 отваливается, как штукатурка, кусками / а. Как в тексте; б. (кар.) отваливается кусками, как штукатурка (АК3)
- 18–20 Ну позвольте, ну положите ~ у ней есть / Душенька, [жизнь моя] Анна Григорьевна, [она бледна]. Клянусь вам всем, что только есть священного в мире, какую угодно выдумайте клятву, я готова сию минуту лишиться детей, имения и всего, что хотите, если есть у ней (АК2); а. Как в АК2, с одним вариантом — после: сию — вписано: же; б. Как в тексте; в. (кар.) Ну позвольте, согласны вы, чтоб я сей же ча(с) гот(ова) лишиться детей, мужа, всего имения, если у ней есть (АК3)
- 20–21 какого-нибудь румянца / какого-нибудь [таланта] румянца (АК2)
- 22–23 Ах, что вы это ~ всплеснула руками. / а. Милая, Вы в заблуждении, я очень хорошо это знаю, что она бледна, потому что видела собственными своими глазами.; б. Милая, это вам так показалось, я видела собственными своими глазами. (АК2); а. Милая, это вам так показалось, я видела собственными своими глазами.; б. Как в тексте, со следующим вариантом (АК3):
- 22 Софья Ивановна / [Ан(на)] Софья Ивановна (АК3)
- 24–25 Ах, какие же вы ~ всплеснула тоже руками. / Ах, Анна Григорьевна, какие вы! [Ведь] я видела тоже собственными глазами, вот как теперь сижу, вот как теперь гляжу. Вот и вижу, клянусь, вот и вижу сию минуту, что она бледна, как чистейший мел. (АК2); Ах, Анна Григорьевна, какие вы! я видела ~ Вот я вижу, клянусь, вот и вижу сию минуту, что она бледна, как чистейший мел.[◊] (АК3)
- 26–31 Да не покажется ~ как брусника. / Может быть, Читателю покажется странным, что две дамы были [так] несогласны между собою в том, что обе видели почти в одно и то же время. Может быть, он даже подумает, что они нарочно так говорили из охоты поспорить или просто из упрямства — но нужно защитить дам. Нет, они говорили потому, что уверены были обе в справедливости своих слов, а это [уже] нужно отнести [к] более к феноменам [в природе] природы: иногда, точно, бывает так, что Дама глядит на вещь и видит, что она

- белая как снег, а другая дама на ту же самую вещь, но взглянет с такой стороны, что она выйдет совершенно красная, [красная,] красная, как брусника — и видишь потом, что обе правы (АК2); а. Как в АК2; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК3)
- 26 Над словами: Да не покажется — начато карандашом: Это (АК3)
- 26 обе дамы были / обе дамы [вид(ели)] были (АК3)
- 29 взглянет / посмотрит [◊] (АК3)
- 29–30 выйдут совершенно / [буд(ут)] выйдут совершенно (АК3)
- 30 а взглянет другая / а другая [◊] (АК3)
- 30–31 красные, красные, как брусника / красные, красные, как брусника (АК3, АК4)
- 32–34 Ну, вот вам еще доказательство ~ возле Манилова / а. Как не бледная, — продолжала Приятная Дама, когда я сижу еще возле Манилова; б. Как же не бледная, — продолжала ~ возле Манилова [◊] (АК2)
- 34 Посмотрите / Посмотрите-ка (АК4)
- 34 какая она бледная / как она бледна [◊] (АК2)
- 34–35 Право, нужно быть до такой степени бестолковыми / И, право, нужно быть только так бестолковыми [◊] (АК2)
- 36–37 Слова: Ах, как он мне показался противным! *вписаны* (АК2)
- 39–40 Да, однако же ~ равнодушно к нему. / а. Однако ж, Софья Ивановна, признайтесь, Вы были немножко равнодушно к нему.; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 39 однако же / однако ж (АК2); однако ж [◊] (АК3)
- 39–40 были равнодушно / а. были равнодушно; б. (кар.) были сами равнодушно (АК2)

С. 175

- 3 Да я не говорю ~ никого нет. / Полно, Софья Ивановна, немножко было. [◊] (АК2)
- 4–5 Позвольте мне вам заметить / Позвольте мне вам [сказать] заметить (АК2)
- 5–6 а разве со стороны ~ недоступных / а разве с вашей стороны что-нибудь было [◊] (АК2)
- 7 Уж позвольте вам сказать / Уж позвольте мне вам сказать (АК2, АК3, АК4)
- 11–13 Отчего ж ~ к нему поближе. / а. Однако ж, Анна Григорьевна, ведь вы первая захватили стул у дверей.; б. [Да зачем же вы принимаете на свой счет. Есть ведь и другие дамы] Отчего ж вы обиделись, ведь там были и другие дамы, были [такие, которые] даже такие, которые захватили первые стул у дверей, чтобы сидеть к нему поближе. (АК2)
- 11 Отчего ж / Отчего же (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 12 первые захватили стул / захватили первые стулья [◊] (АК3)
- 14 Ну, уж после таких слов / После подобных слов [◊] (АК2)
- 15 должна была неминуемо / неминуемо должна была [◊] (АК2)
- 20–21 подробностей насчет открытия, сделанного ее искреннею приятельницею / подробностей чрезвычайного открытия, сделанного Во всех отношениях приятною Дамою [◊] (АК2)

- 24–25 нечувствительно, в разговоре ~ маленькое желание / в разговоре нечувствительно, вдруг само собою родится маленькое желание [◊] (AK2)
- 26–27 вот, мол, тебе! на, возьми, съешь! / внутренне приговаривая: так вот [те(бе)], мол, тебе, [возь(ми)] вот тебе! на, съешь! [◊] (AK2)
- 27 Разного рода / Да разного рода [◊] (AK2)
- 27–28 бывают потребности в сердцах / бывают потребности [б(ывают?)] [потребности] в сердцах (AK2)
- 28 так и женского пола / так и женского [рода] пола (AK2)
- 30–31 мог решиться / и мог бы решиться [◊] (AK2)
- 31–32 Не может быть ~ участников. / а. Верно, [в] нашлись же такие, которые взялись помогать.; б. Не может быть, чтобы тут не нашлись такие, которые взялись бы помогать*; в. Не может быть, чтобы [здесь не [нашлись] нашлось участников] тут не было участников. (AK2)
- 33 А вы думаете, нет их? / а. Как не найдись, эдакие молодцы найдутся всегда, — сказала Дама приятная во всех отношениях; б. [А что ж вы думаете(те), разве не найдутся т(акие?)] А вы думаете, нет их, что ли* [◊] (AK2)
- 35 Ну да хоть и Ноздрев. / Да хоть бы и Ноздрев. [◊] (AK2)
- 37–38 Вы знаете ~ проиграть в карты. / а. Вы знаете, какой он Сорвиголова.; б. Вы знаете, он родного отца готов продать [или даже проиграть в карты] или, еще лучше, проиграть в карты. (AK2)
- 37–38 родного отца готов продать / родного отца хотел продать (AK3, AK4, МД1, МД2)

С. 176

- 1 я узнаю от вас / узнаю от вас (AK2); узнаю от вас [◊] (AK3)
- 2 Я бы никак не могла предполагать / Я бы никак, признаюсь, не могла предполагать [◊] (AK2)
- 5–8 Как подумаешь, право ~ марш в свете. / а. Ах, Боже мой! Вот уж, точно, непредвиденное... Но скажите, однако ж, по совести, Анна Григорьевна, ну можно ли было, например, предполагать прежде, когда, помните, Чичиков только что приехал к нам в город, можно ли было предполагать, что произведет он подобную Скандальная История... *(так в рукописи)*; б. *Как в тексте, со следующими вариантами* (AK2):
- 5 чего не происходит на свете / чего не происходит в этом мире [◊] (AK2)
- 5–6 ну можно ли было предполагать / ну можно ли было предполагать, Анна Григорьевна, например, прежде (AK2); ну можно ли было предполагать, Анна Григорьевна, например, прежде [◊] (AK3)
- 7 что он произведет / что он производит [◊] (AK3)
- 8–9 как я перетревожила / какое это на меня произвело действие! Клянусь вам, я никогда еще в жизни не была так потревожена (AK2); какое это на меня произвело действие! Клянусь вам, я никогда еще в жизни не была так потревожена [◊] (AK3)
- 9 если бы не ваша / если бы вот не ваша [◊] (AK2)

- 9–10 вот уже, точно, на краю гибели / а. я бы, признаюсь... я просто не знаю, что бы со мною было; б. я бы... вот уж точно была бы, как говорится, на краю гибели. До сих пор не помню, что со мною было (АК2); я бы... вот уж точно была бы, как говорится, на краю гибели. До сих пор не помню, что со мною было [◊] (АК3)
- 10 куды ж / куда ж (АК4, МД1, МД2)
- 10–11 бледна, как смерть / бледна, как [ме⟨л?⟩] смерть (АК2)
- 11–12 вы бледны, как смерть / вы бледны, как мел (АК2); вы бледны, как мел [◊] (АК3)
- 12–13 *После: какой случай! — зачеркнуто:* вот уж точно раскрытие, превосходящее всякое описание. Это уж точно можно сказать, что никаким пером нельзя описать. (АК2)
- 13 Так и Ноздрев здесь, прошу покорно! / а. Так и Ноздрев, прошу покорно!; б. Так и Ноздрев втесался сюда, прошу покорно!^{*} [◊] (АК2)
- 15 и прочее / и проч. (АК2); и проч. [◊] (АК3)
- 17 Она не умела лгать / Надобно сказать правду, она не умела лгать [◊] (АК2)
- 20 тогда умела она / тогда, конечно, умела она [◊] (АК2, кар.)
- 20–21 попробовал бы какой-нибудь дока-адвокат / попробовал бы какой дока-Адвокат (АК2); попробовал бы какой дока-Адвокат [◊] (АК3)
- 22 Слова: попробовал бы он состязаться здесь — *вписаны.* (АК2)
- 24–25 прежде предложили / прежде предположили [◊] (АК3); прежде предположили (АК4, МД1, МД2)
- 26–27 как мы называем / как мы [любим] называем (АК2)
- 27–28 наши ученые рассуждения / ученые наши рассуждения [◊] (АК2)
- 28 ученый подъезжает в них / ученый [пре⟨дстает?⟩] подъезжает в них (АК2)
- 29–30 самым смиренным / самим смиренным (АК2)
- 33 Цитует немедленно / Цитует медленно (АК4)
- 35–36 разговаривает с древними писателями / разговаривает с [тем и другим] древними писателями (АК2)
- 37 отвечает за них, позабывая / отвечает за них и позабывает (АК2, АК3, АК4; в АК2 нечетко, можно прочитать двояко: за них и на них)

С. 177

- 2–3 пошла гулять ~ поклонников / пошла гулять по свету, [об] набирая себе [кучи] последователей и поклонников³ (АК2)
- 5 такое запутанное обстоятельство / отчасти запутанное обстоятельство (АК2) отлично запутанное обстоятельство [◊] (АК3)
- 6 физиономией / физиогномией (АК2, АК3, АК4)
- 6–7 моргавшим глазом / а. мелькающим глазом; б. [хло⟨пающим?⟩] моргавшим глазом (АК2)
- 10–11 хлопать левым глазом ~ сметая оттуда табак / а. и мигать левым глазом; б. Как в тексте, со следующим вариантом (АК2):
- 11 сметая оттуда табак / сметая [отту⟨да⟩] с него табак^{**} [◊] (АК2)

³ Здесь в АК2 заканчивается текст, написанный рукой Гоголя.

- 17 и особенно чиновники / а особенно чиновники (АКЗ, АК4, МД1, МД2)
- 17–18 несколько времени / несколько минут (АК2); несколько минут [◊] (АК3)
- 18–19 Положение их в первую минуту было похоже / и положение их очень было похоже (АК2); и положение их так было похоже [◊] (АК3)
- 20–21 засунули в нос ~ наполненную табаком / поднесли к носу целую горсть табаку [◊] (АК2)
- 21 Потянувши впросонках весь табак к себе / а. Потянувши ее впросонках всю к себе; б. Потянувши впросонках весь табак (АК2)
- 22 Потянувши впросонках весь табак [◊] (АК3)
- 22 он пробуждается / он пробуждает (АК3)
- 23–24 где он, что он / где он (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 24–25 озаренные косвенным лучом солнца стены / озаренные косвенным лучом солнца стены комнаты [◊] (АК2)
- 26 наступившее утро / наступающее утро [◊] (АК2)
- 27 звучащим тысячами птичьих голосов / звучащим тысячью птичьих голосов [◊] (АК2)
- 27–31 и с осветившеюся речкою ~ сидит гусар / а. с освещенной речкой, зовущей на купанье, где, как в зеркале, тонко отразились обступившие ее тростники, и нагие ребятишки с криком, плеща руками по звонкой воде, пугают заснувших на дне ее карасей; и потом уже он наконец чувствует, что в носу у него сидит табак.; б. [и осветившеюся] и с осветившеюся речкою, там там *⟨так в рукописи⟩* пропадающею между [тонкими тростниками] тонких тростников, выхватывающею там и там сверкающими загогулинами и нагими ребятишками, манящими на купанье, звонкими криками потрясающими свежий утренний воздух *⟨не закончено⟩*; в. и с осветившеюся речкою, там там *⟨так в рукописи⟩* пропадающею блещущими загогулинами между тонких тростников, всю [полную нахо⟨дящимися?⟩] усыпанную нагими ребятишками, [манящими на купанье] зазывающими на купанье, и потом уже наконец *⟨наконец вписано⟩* чувствует [он, что], что в носу у него сидит гусар (АК2)
- 28 там и там / там там [◊] (АК3)
- 28 блещущими загогулинами / бырчущими загогулинами [◊] (АК3)
- 31 было в первую минуту / в первую минуту было (АК2, АК3, АК4)
- 32–33 *Фраза:* Всякой, как баран, остановился, выпучив глаза. — *вписана* (АК2)
- 35 они как будто / они [обык⟨новенно?⟩] как будто (АК2)
- С. 177–178
- 37–35 Что ж за притча ~ заварилась каша. / а. Что ж это в самом деле? что ж это толкуют нам, что за притча такая, что же значат, черт побери их, эти мертвые души, почему же, для чего, зачем — зачем же опять во второй раз кричат: мертвые души. К чему же такие непонятные для человеческого ума вещи. Как же можно покупать мертвые души, на какой конец могут послужить эти мертвые души, статочное ли дело, чтобы нашелся кто-нибудь тратить деньги на мертвые души,

когда и на живых не всегда сыщешь покупщика, да и к чему тут, из какого бока-припеку приплелась Губернаторская дочка, зачем, для каких нужд и зачем же, решаешь покупать мертвые души, увозить Губернаторскую дочку, если ж он хотел, точно, увезти Губернаторскую дочку, то какая же надобность покупать мертвые души, неужели он не мог увезти ее без мертвых душ, хотел ли он подарить ей, что ли, эти мертвые души, и что же, в самом деле, какая связь может быть между Губернаторской дочкой и мертвыми душами, не очевидный ли это вздор, нелепость, недостойная просвещения, мерзость, гнусность, подлость, гадость. Как можно выдумывать и распускать это, но почему ж, однако ж, распущено, стало быть, была же какая-нибудь причина, стало быть, есть же что-нибудь, что-нибудь, вероятно, скрывается под этим, что ж такое скрывается, что ж может скрываться, для чего же, почему, из каких причин, черт побери все эти души... Словом, это повело толки, и весь Город заговорил про мертвые души и Губернаторскую дочку, про Чичикова и мертвые души, про Губернаторскую дочку и Чичикова.; б. *Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):*

С. 178

- 1-2 и на какой конец, к какому делу можно приткнуть эти мертвые души / и на какой конец [станешь покупать] мертвые души, на какое житейское назначение могут послужить (АК2); и на какой конец мертвые души, на какое житейское назначение могут послужить [◊] (АК3)
- 6-8 Что ж за направлень ~ смысл был... / Не совестно ли разносить этакую [нелепицу], пусть бы еще хоть какой-нибудь смысл был (АК2); а. Не совестно ли разносить этакую, пусть бы еще хоть какой-нибудь смысл был; б. Не совестно ли разносить этакое ~ был; в. *Как в тексте, со следующим вариантом (АК3):*
- 8 хоть бы какой-нибудь смысл был / хоть какой-нибудь смысл был (АК3, АК4)
- 9 была же какая-нибудь причина / была какая-нибудь причина (АК2); была какая-нибудь причина [◊] (АК3)
- 9-10 Какая же причина ~ причины нет. / Какая же причина, в мертвых душах [нет и причины] даже и причины нет (АК2)
- 11-12 чепуха, белиберда, сапоги всмятку! это просто черт побери!.. / это белиберда, это поношенье человечеству, это просто даже: черт побери... (АК2); а. это белиберда, это поношенье человечеству, это просто даже черт побери...; б. чепуха, белиберда, [ерунда,] сапоги всмятку, это просто черт побери!.. (АК3)
- 14-15 все, что ни есть, поднялось / все, что ни есть, поднялось, вылезли все в городе [◊] (АК2)
- 15-16 взметнулся дотоле, казалось, дремавший город / взметнулся [казало(сь)] дотоле, казалось, дремавший город (АК2); взметнул дотоле, казалось, дремавший город (АК3, АК4)
- 16-17 которые позалеживались / которые [полеживались] позалеживались (АК2)

- 19 прекратили давно уже всякие знакомства / прекратили [всякие зна-
ко(мства)] давно уже всякие знакомства (АК2)
- 20–21 знали только, как выражаются, с помещиками ~ Полежаевым /
знались только с Завалишиным да Полежаевым (АК2); а. знали
только с Завалишиным да Полежаевым; б. знали только, как вы-
ражаются, с Завалишиным да Полежаевым [◊] (АК3)
- 21 знаменитые термины / собственные имена [известные всей России]
(АК2); собственные имена России [◊] (АК3)
- 22–23 которые в большом ходу ~ заехать к Сопикову / которые в таком же
у нас ходу, как уехать к Сопикову (АК2); которые в таком же у нас
ходу, как уехать к Сапукову [◊] (АК3)
- 23–24 означающая всякие мертвецкие сны / а. означающее мертвецкие
сны; б. выражение, означающее всякие мертвецкие сны (АК2);
выражение, означающее всякие мертвецкие сны [◊] (АК3)
- 24 на боку, на спине / и на боку, и на спине (АК2); и на боку, и на
спине [◊] (АК3)
- 24–25 во всех иных положениях / во всяких положениях [◊] (АК2); во всех
иных положениях (АК3, МД1, МД2); во всяких иных положениях
(АК4)
- 25 с захрапами, носовыми свистами / со [всяки(ми?)] всеми храпеньями
[и], носовыми свистами (АК2); со всеми храпеньями, носовыми
свистами [◊] (АК3)
- 26–28 все те, которых ~ кулебяками / В тексте слов нет; на гибели ли-
ста (л. 152) вписано: которых нельзя было выманить из дому
пятисотрублевою ухю с аршинными стерлядью (так в рукописи)
ниже всеми тающими во рту кулебяками (АК2); Слов нет (АК2);
а. Слов нет; б. Как в тексте, со следующим вариантом (АК3):
- 26–27 даже зазывом на раслебку пятисотрублевою ухи / даже пятисотруб-
левою ухю [◊] (АК3)
- 29 город и люден, и велик, и населен / город и люден, и [населен] велик,
и населен (АК2)
- 29–30 *Перед:* Показался какой-то Сысой Пафнутьевич — *зачеркнуто:* В
гостиных показалось много всяких, и высоких, и низеньких, и ка-
кой-то Сои Никитич, и Дормидонт Александрович (АК2)
- 29–30 Показался какой-то / Показался и какой-то (АК2)
- 30–33 Сысой Пафнутьевич ~ и не видано было / а. Сысой Пафнутьевич и
Махдоналд, [и какой-то длинной пока(зался)] и в гостиных с про-
стреленною рукою такого высокого роста (роста вписано), какого
даже и не видано было еще на свете; б. Как в тексте, со следую-
щими вариантами (АК2):
- 30 Махдональд Карлович / Махдоналд (АК2); а. Махдональд;
б. Махдональд Карлович (АК3)
- 30–31 о которых и не слышно было никогда / Слов нет (АК2, АК3); Сло-
ва вписаны (АК4)
- 31 в гостиных заторчал / и в гостиных заторчал (АК2); и в гостиной
заторчал (АК3); и в гостиной заторчал [◊] (АК4)

- 31–32 какой-то длинный, длинный / какой(-то) длинной (АК2, АК3); какой(-то) длинный [◊] (АК4)
- 33 не видно было / не видно было еще на свете (АК2); не видно было еще на свете [◊] (АК3)
- 33–34 На улицах показались крытые дрожки / Появились невиданные экипажи в городе, крытые дрожки [◊] (АК2)
- 34 неведомые линейки, дребезжалки, колесосвистки / [линейки] неведомые линейки (АК2); неведомые линейки (АК3); неведомые линейки [◊] (АК4)
- 36–37 не обратили бы на себя такого внимания / не обратили бы на себя такого внимания и не сделались бы предметом таких долгих и общих разговоров. Но нужно войти в положение, в котором тогда находился город. [◊] (АК2); не обратили бы на себя никакого внимания (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 37–39 но город N. ~ как известно, для города / а. В городе N уже в продолжение целых трех месяцев не происходило ничего такого, что называют в столицах камеражми, а это, как известно, для города; б. Как в тексте, со следующим вариантом (АК2):
- 38 ничего того / ничего такого (АК4, МД1, МД2)
- 39 комеражми / комерами (АК2); комерами [◊] (АК3)
- 40 своевременный / а. (оставлено свободное место)временный; б. [ежед(невный)] своевременный (АК3)
- 40 После: подвоз съестных припасов — зачеркнуто: без которых никакой город не может существовать — и вдруг после такого продолжительного поста, да на голодные зубы ниспошли Бог так жирно разговеться — дурак разве не бросится на такую лакомую еду. (АК2)

С. 179

- 1–4 оказались вдруг ~ Женская занялась / а. оказалось весьма заметно два совершенно противоположных мнения, которые образовали две противоположные партии, мужскую, которая налегла особенно на мертвые души, самую бестолковейшую, не представляющую решительно никакого порядка, и женскую, занявшуюся; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 1 оказались вдруг / оказалось вдруг (АК3, АК4, МД1)
- 1 противоположных / противоположных (АК4, МД1, МД2)
- 2 и образовались вдруг две / [и в] и образовались вдруг две (АК2); и образовались вдруг две (АК3, АК4, МД1)
- 2 противоположные / противоположные (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 2–4 мужская и женская. Мужская партия ~ мертвые души. / а. [На] Мужская и женская. На мужскую партию, впрочем весьма бестолковую, действовали более Мертвые души.; б. Мужская и женская. Мужская партия, [самая бестолковая, обратила внимание] самая бестолковая — далее, как в тексте (АК2)
- 4 Женская занялась / Женская [же] занялась (АК2)
- 8–9 самый определятельный вид / самый ясный вид [◊] (АК2); живой, определенный вид (АК3, АК4, МД1, МД2)

- 9 в ясные и очевидные формы / в пластические и очевидные формы [◊] (АК2)
- 10 вышла оконченная картинка / вышла картинка [◊] (АК2)
- 10–11 Оказалось, что Чичиков / именно, что Чичиков (АК2); а. именно, что Чичиков; б. Именно вышло, что Чичиков (АК3); *Как в варианте б. АК3 (АК4)*
- 12 давно бы отдал / даже бы отдал (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 14–15 это никому не было ведомо / это известно одному Богу [◊] (АК2)
- 19 что у Чичикова нет вовсе никакой жены, но что он / что Чичиков (АК2); что Чичиков [◊] (АК3)
- 21 чтоб получить / чтобы получить (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 21 начать дело с матери / начал дело с матери (АК2); а. начал было с матери; б. начал дело с матерью (АК3); *Как в варианте б. АК3 (АК4)*
- 21 имел с нею / а. имел с нею; б. (кар.) имел уже с нею (АК2)
- 28–33 На Руси же ~ окончательные формы / а. и так как у нас на Руси общества низшие особенно любят поговорить о сплетнях, бывающих в обществах высших, то нет ничего удивительного, что появились, наконец, такие прибавления, которые изумили даже первых, распустивших слух прежде всех. Сюжет, как читатель видит, становился чрезвычайно занимателен, принимал мало-помалу совершенно окончательные формы; б. *Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):*
- 28–29 о сплетнях, бывающих в обществах высших / о сплетнях в обществах высших (АК2); о сплетнях в обществах высших [◊] (АК3)
- 30 не выдввали и не знали / не выдввали и никогда не знали (АК2, АК3, АК4)
- 32 принимал с каждым днем / и принимал с каждым днем (АК2); и принимал с каждым днем [◊] (АК3)
- 39 самый неприятный / самый неприятнейший (АК2); самый неприятельский (АК3, АК4)

С. 180

- 5–7 дамы насели было ~ выдумка / а. дамы употребили всевозможные усилия, чтобы склонить на свою сторону мужчин, утверждая, что мертвые души решительная выдумка; б. *Как в тексте, со следующим вариантом (АК2):*
- 6–7 пытаюсь склонить их на свою сторону и утверждая / пытаюсь склонить их на свою сторону [в рассу(ждениях?)] и утверждая (АК2)
- 8 чтобы отвлечь / чтобы успешнее отвлечь [◊] (АК2)
- 9–10 Многие даже из мужчин ~ пристали к их партии / Чтобы представить это осязательней и очевидней, они употребили какие-то особенные средства, им одним известные, против которых многие мужья никак не могли устоять и пристали к их партии [◊] (АК2)
- 11 от своих же товарищей, обругавших их / со стороны своих же товарищей, их обругавших [◊] (АК2)
- 11–12 именами, как известно, очень обидными / имена, как известно, очень обидными (АК2); имена, как известно, очень обидными [◊] (АК3)

- 13–28 Но как ни вооружались ~ сию минуту узнаем / а. Уцелевшая мужская партия, несмотря на то, что упорствовала сильно, не представляла в своих толках той окончательности и стройности, все было как-то хаосно, безобразно, в самых неопределенных, сбивчивых видах; похищение Губернаторской дочери они называли явной выдумкой, утверждали, что невозможно, чтобы Чичиков отважился на такое рискованное дело, не приличное ни чину, ни званию, дело более военное, гусарское, нежели штатское, что в мертвых-то душах именно должно заключаться что-то, несмотря на всю нелепость подобной истории. Нужно знать, что все обитатели города, и в особенности те, которые находились на службе и занимали почетные места, были в каком-то чутком и нервическом состоянии.; б. *Как в тексте, со следующими вариантами (AK2)*:
- 14–16 Все у них было ~ нехорошо / Все у них было как-то [неотесанно] черство, неотесанно, непригожо, неладно, нестройно, одним словом, нехорошо (AK2); Все у них было как-то черство, неотесанно, неладно, нестройно — одним словом, нехорошо [◊] (AK3)
- 16–17 сбивчивость, неопрятность в мыслях / сбивчивость в мыслях [◊] (AK2)
- 17 одним словом, так и вызначилась во всем / словом, [во всем] так и вызначилась во всем (AK2)
- 18 природа грубая, тяжелая / а. природа грубая, тяжелая; б. природа грубая, [пус<тая>], тяжелая (AK2)
- 23 что положат, то несет / что положат, то несет, [как говорит] выражаясь [словами] пословицами [◊] (AK2)
- 24 нужно обратить внимание / нужно обратить (AK2); нужно и обратиться (AK3, AK4)
- 24–25 есть мертвые души / это мертвые (AK2, AK3, AK4)
- 25–26 в них заключено, однако ж, весьма скверное, нехорошее / в них заключено [и скры<то>], однако ж, [заключено] весьма скверное, нехорошее [заключено], такое даже, [которое] что заставляет опасаться. (AK2); в них заключено, однако ж, весьма скверное, нехорошее, такое даже, что заставляет опасаться. (AK3, AK4)
- 26–28 Почему казалось ~ узнаем / Почему это казалось так мужчинам, сию минуту узнаем. (AK2); а. Почему это казалось так мужчинам, сию минуту узнаем.; б. Почему казалось мужчинам, что в них заключалось нехорошее и скверное, сию минуту узнаем (AK3); *Как в варианте б. AK3 (AK4)*
- 28 в губернию / в их губернию [◊] (AK2)
- 29–30 приводящее чиновников в тревожное состояние / приводящее губернию несколько в тревожное состояние [◊] (AK2)
- 30–34 пойдут переборки ~ на самую смерть». / а. совершенная неизвестность, каков-то будет новый начальник, будет ли он благонамерен к господам чиновникам и как он примет и каким образом возьмется, словом, редко кто в это время бывает покоен, и потому эти слухи уже единственно потому только, что просто слухи, многих тревожили при мысли, что скажет новый генерал-губернатор, когда в

городе их носят вот де какие глупые слухи.; б. *Как в тексте, со следующими вариантами (AK2)*:

32 «Ну что, — думали чиновники, — если / «Ну что, — думали [если] чиновники, — если (AK2)

33–34 да за это одно ~ на самую смерть / вскипятит и взъерепенит, выражаясь должностным слогом [◊] (AK2)

35 вдруг побледнел / неизвестно отчего вдруг побледнел [◊] (AK2)

36 не разумеются ли под словом *мертвые души* больные / что под словом *мертвые души* не разумеются ли больные (AK2, AK3, AK4)

37 в значительном количестве / в значительном качестве (AK3)

37 в лазаретах / и в лазаретах [◊] (AK3)

C. 182

1 сообщил об этом председателю / сообщил об этом предательстве [◊] (AK3)

1–2 это вздор ~ а что если / это вздор и не может быть, но побледнел тоже при мысли, которая пришла внезапно сама собою в голову и выразилась таким вопросом: ну что, если [◊] (AK2)

3–4 а он допустил / и он допустил [◊] (AK2); а он допускает (MD2)

4–5 совершить ~ поверенного Плюшкина / а. совершить на них крепость; б. *Как в тексте, со следующим вариантом (AK2)*:

4–5 поверенного Плюшкина / Поверенного у Плюшкина [◊] (AK2)

6–10 Он об этом больше ничего ~ нет ли здесь / а. Председатель крепко задумался. Слово *мертвые души* так раздалось неясно и неопределенно, что некоторые из занимавших правительные места тоже задумались, подозревая, что нет ли здесь; б. Потом вдруг побледнели вслед за ними *(не закончено)*; в. Все прочие затем тоже [раздумывать] стали раздумывать, отыскиали в себе множество таких грехов, каких даже никогда и не было. Все повыврасталось и показалось в увеличительном виде Слово: *мертвые души* так раздалось неясно и неопределенно, что стали подозревать, нет ли здесь; г. *Как в тексте, со следующими вариантами (AK2)*:

7 и вдруг побледнели и тот и другой / а. и уж те в одну минуту побледнели, губы посинели и затряслись; б. вдруг и тот и другой *(не закончено)*; в. и вдруг побледнели [все(?) чиновники] и тот, и другой (AK2)

7–8 страх прилипчивее чумы и сообщается вмиг / страх прилипчивее чумы и вмиг сообщается от одного другому [◊] (AK2); страх прилипчивого сообщает чумы [◊] (AK3)

8 Все вдруг отыскиали / а. Все вдруг отыскиали в себе; б. у всякого отыскивались [◊] (AK2)

8–9 каких даже и не было / каких даже не было (AK3, AK4, MD1, MD2)

9–10 так раздалось неопределенно / так *(оставлено свободное место)* неопределенно [◊] (AK3)

10 стали подозревать даже / [многие] стали подозревать [◊] (AK2)

10–11 скоропостижно погребенные тела / скоропостижно погибшие и несколько поспешно погребенные найденные тела [◊] (AK2)

- 16–23 Пирушка, как водится ~ на полпальца. / а. на которой пирушке, от удовольствия ли сердечного или просто спьяна, уходили на смерть приятелей своих, устьсыольских купцов, хотя сии последние с своей стороны были также мужики дюжие и были одарены такими объемистыми кулаками, что сольвыгодские приятели долго носили синяки на боках и спинах.; б. на которой пирушке ~ мужики дюжие и владели такими объемистыми кулаками ~ спинах.; в. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 16–17 Пирушка, как водится, кончилась / Дело, как водится, кончилось [◊] (АК2)
- 18 крепкую ссадку на бока / крепкую ссадку на боках своих [◊] (АК2); а. крепкую осаду; б. крепкую осаду на бока (АК3); крепкую осаду на бока (АК4)
- 18 под микитки / под микитками [◊] (АК2)
- 21 даже был вплоть сколот носос / даже вплоть был сколот носос (АК2, АК3, АК4)
- 21 по выражению бойцов / как выражаются кулачные бойцы [◊] (АК2)
- 22–23 то есть весь размозжен нос ~ на полпальца / а. то есть разбит нос; б. то есть размозжен нос; в. то есть весь размозжен нос, так что и не оставалось [ничего на его месте] его на лице и на полпальца; г. то есть весь размозжен нос, так что не оставалось его [и] на лице и на полпальца (АК2)
- 23 купцы повинились / купцы, впрочем, повинились [◊] (АК2)
- 26 выправок и следствий / выправок, следствий (АК2, АК3, АК4)
- 30–31 Боровки, Задирайлово-тож / а. Задирайвало тож; б. Боровки, Задирайвало тож (АК2); Боровки, Задирайвола тож (АК3, АК4)
- 31 снесли с лица земли / а. уконтропошили, по губернскому выражению; б. [доехали] снесли с лица земли (АК2)
- 35–36 имея кое-какие слабости ~ приглядывался / имел кое-какие слабости со стороны сердечной и приглядывался [◊] (АК2)
- 37–38 выразились прямо / и выразились прямо [◊] (АК2)

С. 183

- 2 Задирайлова-тож / Задирайвала тож (АК2); Задирайвала тож (АК3); Задирайвола тож (АК4)
- 2–3 также оправдать / так оправдать [◊] (АК3)
- 7–8 было рассужено сначала наедине в таком смысле / а. было рассужено в таком смысле; б. было рассужено сначала наедине [почти] в таком смысле (АК2); было сначала наедине рассужено в таком смысле (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 10 ему немного в том проку / ему немного в том проку (АК4)
- 14 Задирайлова-тож / Задирайвало тож (АК2); Задирайвала тож (АК3); Задирайвола тож (АК4)
- 15–18 Дело, казалось бы ~ идет теперь дело. / а. Оно конечно и просто и очевидно, однако ж, неизвестно почему, чиновники начали думать, что не сии ли мертвые души разумеются в оных, обоих происшествиях.; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 15–16 Дело, казалось бы / Дело, конечно (АК2); Дело нарочно [◊] (АК3)

- 16–17 чиновники, однако ж, неизвестно почему / чиновники, неизвестно почему (АКЗ, АК4, МД1, МД2)
- 17–18 об этих мертвых душах идет теперь дело / [это были настоящие] [дело идет] об этих [душах] мертвых душах завязалась история (АК2); об этих мертвых душах завязалась история [◊] (АКЗ)
- 18–24 *Рядом с текстом:* Случись же так ~ строжайшее разыскание. — на правом боковом поле карандашом рукой Гоголя написано: [Припомнили] Как на беду, память у всех очистилась необыкновенно, и поприпомнили(?) множество [таких происшествий, случившихся?] бог знает каких происшествий, случивших невесть в какие давние времена. Все они ожили(?) и стали пугалом в глазах, как болячка, начит(анная?) человеком в лечебнике, оказывается и в нем. И в это самое время, когда течение(?) сбилось на корнях, в головах был и пошел гулять на новых просторах открыв(…) страхом, в это самое время (АК2)
- 28–32 Эти две бумаги ~ каждый с своей стороны / а. Эти две бумаги сбили с последнего толка господ чиновников. Конечно, они не могли даже и подумать, чтобы могло что-нибудь из этого относиться к Чичикову, однако ж всякой, как поразмыслил с своей стороны, что внутренне об этом предмете (так в рукописи); б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 29 так и ошеломили всех / так ошеломили всех [◊] (АК2)
- 30 нельзя было предполагать / нельзя было и подумать (АК2); нельзя было [◊] (АК3)
- 35 потерпел по службе / потерпел в службе (АК2); потерпел в службе [◊] (АК3)
- 35 это как-то темно / это как-то неясно (АКЗ, АК4, МД1, МД2)

С. 184

- 2 наружность благонамеренна / имея совершенно благонамеренную наружность и мысли [◊] (АК2)
- 2 но при всем том / [н]о при всем том (АК2); при всем том [◊] (АК3)
- 4–5 задать себе вначале / задать вначале себе [◊] (АК3)
- 9 вскользь / всквозь (АК3)
- 9–10 настоящих / насмещих (так в рукописи — АК3)
- 10–11 своих намерений ~ кто он такой / а. своих намерений; б. своих намерений, [и нельзя] и не сказал ли он кому-нибудь, кто же он такой (АК2); своих намерений, и не сказал ли он кому-нибудь, кто же он такой (АК3); своих намерений, и не сказал ли он кому-нибудь, кто же он такой [◊] (АК4)
- 11 отнесли к Коробочке / отнесли к Коробочке (АК3)
- 13–14 сало тоже ставит / сало ставит (АК2); сало ставит [◊] (АК3)
- 17 повторение почти одного и того же / повторение почти того же (АК2); повторение этого же почти [◊] (АК3)
- 19 он готов ручаться / готов он ручаться (АКЗ, АК4, МД1, МД2)
- 21–22 и отозвался о нем вообще / и [вооб(ще)] отозвался о нем вообще (АК2)
- 23 насчет дружбы / насчет дружбы и симпатии (АК2); а. насчет дружбы и немногие [◊] (АК3)

- 29 то не его вина / то это не его вина \diamond (АК2)
 30 и в том властен / а в этом властен (АК2); а. а во всем властен; б. и во всем властен (АК3); и во всем властен \diamond (АК4)
 33–34 иногда употребляется / и когда употребляется \diamond (АК3)
 С. 184–185
 40–1 никак не вспомнит, не приберет / никак не вспомнит и не приберет (АК2); никак не вспомнит и не приберет \diamond (АК3); никогда не вспомнит, не приберет (АК4, МД1, МД2)
 С. 185
 4 открыли им / показали им (АК2); сказали им (АК3, АК4)
 8–12 какие меры предпринять ~ неблагонамеренных / какие меры предпринять (АК2); какие меры предпринять \diamond (АК3)
 13–14 отца и благодетеля города / отца благодетеля города (АК3, АК4)

⟨Глава X⟩

- С. 186
 10–11 никогда не называвшийся по фамилии, носивший / никогда не называвшийся по фамилии, но принимавший во всем живое участие и носивший \diamond (АК2)
 13–14 не потеряли присутствия духа / не теряли присутствия духа (АК3, АК4, МД1, МД2)
 14–15 почтмейстер один только ~ ровном характере / а. почтмейстер один, может быть, не терял никогда своего ровного и постоянно хладнокровного характера; б. почтмейстер один никогда не изменялся в своем постоянно ровном характере (АК2); почтмейстер один никогда не изменялся постоянно ровном характере \diamond (так в рукописи — АК3)
 15–16 и всегда в подобных случаях / и в подобных случаях (АК2); и в подобных случаях \diamond (АК3)
 18 судырь / сударь (АК2, АК3, АК4)
 20 Иван Андрейч / Иван Андреевич \diamond (АК3)
 21 только разве надуешь / разве только надуешь (АК3, АК4, МД1, МД2)
 22 часом раньше / получасом раньше (АК2); мы часом раньше \diamond (АК3)
 25 пусть / пусть-ка(?) (АК2); пусть-ко (АК3, АК4)
 26 так что вот ~ сам сует / а. да соблазнять всяким мирским соблазном, что вот и не хочешь брать, а он сам сует в руку — тут поневоле подашься; б. Как в тексте, со следующим вариантом (АК2):
 26 сам сует / сам сует в руку \diamond (АК2)
 27 а тут, брат / а здесь \diamond (АК2)
 29 Петрушу / Петрушку (АК2); Петрушку \diamond (АК3)
 30 в самом деле / в важном деле \diamond (АК3)
 30 устоять против черта / устоять против соблазна и черта \diamond (АК2)
 С. 187
 1–2 В собравшемся ~ было отсутствие / Собравшимся на этот раз в совете очень было заметно отсутствие \diamond (АК2)

- 3 Вообще мы / Вообще мы, русские \diamond (АК2)
- 4 Во всех наших собраниях / Во всех наших совещаниях (АК2); Во всех наших сведениях \diamond (АК3)
- 4–5 начиная от ~ сходки до всяких / начиная от крестьянской мирской сходки [, вся(ких)] до всяких (АК2)
- 6–7 если в них нет ~ препорядочная путаница / присутствует препорядочная путаница, если только нет одной слишком умной головы, которая бы заправляла всем (АК2); присутствует препорядочная путаница, если только нет одной слишком умной головы, которая бы заправляла всем \diamond (АК3)
- 8 уже народ такой / просто уже народ такой \diamond (АК2)
- 11–13 Мы вдруг ~ невесть какие. / а. мы составим вдруг общество благотворительное, поощрительное и невесть какое; б. Как в тексте, со следующим вариантом (АК2):
- 11–12 как ветер повеет / словно как ветер повеет (АК2); словно как ветер повеет \diamond (АК3)
- 13 Цель будет прекрасна / цель будет прекрасная (АК2); цель будет прекрасная \diamond (АК3)
- 24–25 совещание было совершенно другого рода / а. совещание было совершенно в другом роде; б. совещание было в другом роде (АК2); обещание было в другом роде \diamond (АК3)
- 26 Не о каких-либо бедных или посторонних шло дело / а. не о каких-либо бедных людях, посторонних; б. не о каких-либо бедных людях, посторонних шло дело (АК2); не о каких-либо бедных людях, посторонних \diamond (АК3)
- 27–29 дело касалось ~ черт знает что такое / а. не о собственной личности каждого из членов: тут по необходимости всеобщее участие сильнее; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 27–28 дело касалось всякого члена ~ равно грозившей / дело касалось личности всякого \diamond (АК2)
- 27 всякого члена / всякого чиновника (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 28 поневоле тут должно быть / все должно было быть необходимо (АК2); все должно было быть необходимо \diamond (АК3)
- 30–31 во мнении собравшихся / в мнении собравшихся (АК3, АК4)
- 31–32 какая-то даже непостижимая нерешительность / какая-то особенная нерешительность \diamond (АК2)
- 35 а, впрочем, черт его знает / а черт его знает \diamond (АК2)
- 40 оставшийся несколько минут погруженным / оставшийся несколько минут погруженный (АК2); оставшийся несколько минут погруженный \diamond (АК3)

С. 188

- 4–5 в одно слово / в одно время (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 5 судырь / сударь (АК2, АК3, АК4)
- 6 тут же в один голос / также в один голос \diamond (АК2)
- 8 вы не знаете, кто таков / вы не знаете, кто такой (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 8 капитан Копейкин / этот капитан Копейкин (АК2); этот капитан Копейкин \diamond (АК3)

13–17 плохо верил ~ понюхавши табуку¹ / плохо верил и даже имел обыкновение приговаривать: «Знаем, батюшка, вы с своими пальцами, может быть, невесть в какие места наведываетесь, а табак — вещь, требующая чистоты». — «Капитан Копейкин, — повторил он, уже понюхавши табуку, встряхнувши рукой и потом щелкнувши пальцем [◊] (АК2); а. Как в тексте; б. плохо верил и даже имел обыкновение приговаривать (вероятно, рукой цензора); в. плохо верил и даже имел обыкновение приговаривать. — «Капитан Копейкин, — повторил он, уже понюхавши табуку (АК4: варианты а. и б. — из первоначальной редакции «Повести», вариант в. — из «цензурной»); плохо верил. — Капитан Копейкин, — сказал почтмейстер, уже понюхавши табуку (МД1, МД2)

17–22 да ведь это ~ начал так / а. да ведь это, впрочем, если рассказывать вам, так это выйдет даже презанимательная для какого-нибудь писателя, в некотором роде, так сказать, целая поэма. Все присутствующие изъявили желание узнать эту историю, или, как выразился почтмейстер, презанимательную для писателя целую поэму — и он начал так; б. да ведь это, впрочем, если рассказывать вам, выйдет даже презанимательная для какого-нибудь писателя, в некотором роде, целая поэма. Все присутствующие изъявили желание узнать эту историю, или, как выразился почтмейстер, презанимательную для писателя, в некотором роде, целую поэму — и он начал так (АК2); Как в б. АК2 с одним вариантом: презанимательная / презанимательным (АК3); а. Как в АК3; б. это разбойник (незавершенная правка рукой цензора); в. Текст вычеркнут рукой цензора; г. Как в АК3 (АК4: варианты а., б., в. — из первоначальной редакции «Повести», вариант г. — из «цензурной»)

С. 188–193

23–21 Повесть о капитане Копейкине² ~ не кто другой... / а. Как в тексте, с приведенными ниже вариантами; б. Текст вычеркнут цензором; в. В вычеркнутый текст внесена правка рукой Гоголя, связанная уже с подготовкой новой, цензурной редакции (отражена в своде вариантов к цензурной редакции «Повести» — см. с. 293–296 наст. изд.) (АК4)

С. 188

24 судырь / сударь (АК2, АК3, в АК4 слово не читается — дефект подлинника)

28 можете вообразить / сударь мой, вы можете себе представить [◊] (АК2)

31 можете представить себе / можете вообразить себе [◊] (АК2)

36 судырь / сударь (АК2); государь [◊] (АК3)

37 монаршей милости / милости монаршей [◊] (АК3)

¹ Об оформлении свода вариантов к тексту на с. 188–193, строки 13–26 подробнее см. с. 542 наст. изд.

² Цензурную редакцию «Повести о капитане Копейкине» (полностью) и свод вариантов к ней см. наст. изд.: кн. 1, с. 799–803; кн. 2, с. 293–296.

- 1 Ну как-то там / Ну как-то *(оставлено свободное место)* [◊] (АК3)
 2 судырь / сударь (АК2, АК3, АК4)
 6 сказочная Шехерезада / а. как сказочная Шехерезада; б. сказочная Шехерезада (АК2); сказочная Шеррезада (АК3, АК4; *текст доцензурной редакции «Повести» в АК4 здесь — на середине слова («Шерре...») — обрывается и продолжается на вынутых и хранящихся отдельно листах — см. с. 495—497 наст. изд.*)
 6 понимаете, эдакая / понимаете, эдакое [◊] (АК3, АК4)
 7–8 проспект / преспект (АК4)
 9 шпиц эдакой / спиц эдакой (АК2); спиц эдакой [◊] (АК3)
 10 эдаким чертом / эдаким гротом [◊] (АК4)
 12 судырь / сударь (АК2, АК3, АК4)
 12 насчет квартиры / нанять квартиры (АК3, АК4)
 13–15 гардины, шторы ~ попираешь капиталы / а. гардины там, шторы, понимаете, ковры, Персия такая; б. *Как в тексте, со следующим вариантом (АК2):*
 14–15 Персия целиком ~ капиталы / [Персия пряником] [целиком Персия] Персия целиком такая — свили(?)³ сотней [без счету], можете представить, без счету (АК2); целиком свили сотней, можете представить, без счету, Персия такая [◊] (АК3)
 17–18 из каких-нибудь десяти синюх / из каких-нибудь четырех синеньких [◊] (АК2); из каких-нибудь десяти синюг (АК3, АК4)
 19 ши / ши эдакие [◊] (АК2)
 20 Видит: заживаться нечего. / ну, заживаться, видит, нечего [◊] (АК2)
 20–22 Расспросил ~ генерал-аншеф такой-то. / на другой же день, сударь мой, решился идти к министру (АК2); а. на другой же день, сударь мой, решился идти к министру; б. На другой ~ к министру [◊] (АК3):
 24–25 еще не возвращались ~ за границей / а. еще не возвращались из-за границы; б. еще не возвращались из Парижа (АК2, в процессе правки варианта а. осталось *незачеркнутым*: за границы); еще не возвращались из Парижа за границы [◊] (АК3)
 26 это составит / все это составит [◊] (АК2)
 27 наташил на себя мундиришку / а. натянул свою мундиришку; б. подергал метелкой мундиришку (АК2); *(оставлено свободное место)* мундиришку [◊] (АК3); наташил на себя мундиришка (АК4)
 28–29 отправился к самому начальнику, к вельможе / отправился к министру (АК2); отправился к министру [◊] (АК3)
 29 Расспросил квартиру. / Расспросил у буточника квартиру. (АК2); Расспросив у буточника квартиру. [◊] (АК3)
 29 «Вон», — говорят, указав ему / «Вон», — говорит, указал ему (АК2); а. «Вон», — говорит, указал ему; б. «Вон», — говорят, указал ему (АК3); «Вон», — говорят, указал ему (АК4)

³ Слово написано неразборчиво, В.И. Шенроком прочитано: съели (см.: Тих. Т. 7. С. 720).

- 31 стеклышки в окнах / стеклушки в окнах (АК3, АК4)
- 32–34 зеркала ~ металлические галантереи / а. зеркала, все эти мраморы, везде металлические галантереи; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 32 так что вазы / так что вазы, понимаете (АК2), так что везде, понимаете \diamond (АК3)
- 32–33 кажутся как бы внаруже / кажется [так в] внаруже (АК2); кажется внаруже \diamond (АК3)
- 33 мог бы, в некотором роде, достать с улицы рукой / а. так что, в некотором роде, казалось бы, с улицы рукой достал; б. мог бы, в некотором роде, казалось бы, с улицы рукой доста(ть) (АК2); мог бы, в некотором роде, *〈оставлено свободное место〉* с улицы рукой *〈оставлено свободное место〉* \diamond (АК3)
- 34 драгоценные мраморы на стенах / везде драгоценные мраморы (АК2); везде драгоценные мраморы \diamond (АК3); драгоценные мраморы на стенах (АК4)
- 35 так что нужно / что нужно \diamond (АК2)
- 35–36 забежать прежде / забежать наперед (АК3, АК4)
- 37 потом уже решишься / потом [ре(шишься)] уже решишься (АК2); потом уже решиться (АК4)
- 37–38 ухватиться за нее, словом, лаки на всем такие / а. ухватиться за нее. Словом, сударь мой, гебены, лаки такие, что просто; б. ухватиться за нее. Ну, словом, [гебены такие] [лаки] лаки на всем такие (АК2); ухватиться за кину *〈так!〉*, словом, лаки на всем такие \diamond (АК3)

С. 190

- 7, 11 генерал / министр (АК2); министр \diamond (АК3)
- 10 как вот входит / а. как вот входит; б. как вдруг все *〈не закончено〉* \diamond (АК2)

С. 190–191

- 11–7 сейчас выйдет ~ в должностном слоге. / а. сейчас выйдет в приемную, а в приемной уж, понимаете, народу, как бобов на тарелке, все это четвертого класса, полковники, а кое-где и толстые золотые макароны на эполетах — генералитет, словом, такой... наконец, министр выходит. Ну подошел к одному, к другому: «Зачем вы, зачем вы, что вам угодно», — наконец к Копейкину. — Копейкин, собравшись с духом: «Так ваше и так ваше превосходительство, проливал, в некотором роде, кровь, лишился, так сказать, руки и ноги, работать не могу — осмелился просить монаршей милости». Министр видит: человек на деревяшке и правый рукав пустой пристегнут к мундиру. — «Хорошо, говорит, понаведаетесь на днях». Вот, сударь мой, не прошло четырех или пяти дней, мой Копейкин является опять; б. сейчас выйдет ~ все это не то, что наш брат холоп, четвертого класса ~ макароны блестят на эполетах — генералитет, словом, такой... Вдруг все засуетилось, пошло по комнате: «Шу, шу, шу», и наконец тишина настала страшная. [Наконец] Входит министр [все это вытянулось в струнку, генерал(ы) и все ждут. Министр, ну, сами поним(аете), представьте], ну, можете представить себе, государ-

ственный человек, в лице... так сказать... ну, сообразно с званием, понимаете... с высоким постом... [Разумеется, все в струнку.] Все [из ул(ицы)?], что ни было, разумеется, в струнку. [Министр... подходит к одному, потом к другому.] Ожидает, трясется(?), ждет решенья, в некотором роде, судьбы. Министр... ну... [подходит] как обыкновенно бывало, как водится(?), так сказать, в обычае... Подходит к одному, к другому: «Зачем вы, зачем вы» ~ Копейкин мой, собравшись с духом, вытянувши свою деревяшку: «Так, ваше превосходительство, проливал кровь, лишился, в некотором роде, руки и ноги ~ является опять; в. Как в тексте, со следующими вариантами (вариант в. написан рукой Гоголя на дополнительно вложенном листе) (AK2):

C. 190

- 12 в приемной уж народу / в приемной уж, понимаете, народу (AK2); в приемной уж, понимаете \diamond (AK3)
- 12–13 Все это не то / Все это [четвер(того)] не то (AK2)
- 15–16 понимаете, пронеслась чуть заметная суета / понимаете, [все на минуту засуетилось] пронеслась чуть заметная суета (AK2)
- 16 как эфир какой-нибудь тонкой *вписано* (AK2)
- 17–18 Вельможа / Министр (AK2); а. Министр; б. Генерал (AK3); Генерал \diamond (AK4, первоначальный вариант *выскоблен*)
- 19–20 с высоким постом / с высоким чином (AK4)
- 20–21 Все, что ни было в передней / Все (AK2); Все \diamond (AK3)
- 21–22 ожидает, дрожит / ожидает, так сказать, с трепетом \diamond (AK2)
- 22 в некотором роде / [и] в некотором роде (AK3)
- 22–23 Министр или вельможа / Министр (AK2); а. Министр; б. Генерал или вельможа (AK3); Генерал или вельможа \diamond (AK4, слово *Генерал* *выскоблено*)
- 24, 35 судырь / сударь (AK3, AK4)
- 25–26 ваше высокопревосходительство / ваше превосходительство (AK4)
- 27 осмеливаюсь просить / осмелился просить (AK2)
- 28 Министр / а. Министр; б. Генерал (AK3); Генерал \diamond (AK4, слово *Генерал* *выскоблено*)
- 30 выходит чуть не в восторге / а. в восторге; б. чуть не в восторге (AK2); чуть не в восторге \diamond (AK3)
- 31 так сказать, с первостатейным вельможею / относительно, так сказать, с министром (AK2); а. относительно, так сказать, с министром; б. так сказать, с первостатейным вельможею, с генерал-аншефом \diamond (AK3)
- 32 решится, в некотором роде / решится, [так] в некотором роде (AK2)
- 33 пенсiona / пансiona (AK2, AK3)
- 33 В духе / а. В духе; б. В духе он \diamond (AK3)
- 33 подпрыгивает / подпригивает (AK2, AK3)
- 33–34 по тротуару / на тротуаре \diamond (AK2)
- 36 пулярку спросил / пулярку спросил, черт побери (AK2); пулярку спросил, черт побери \diamond (AK3)

- 38–39 стройная англичанка, как лебедь / стройная [как] англичанка, как лебедь (АК2)
- С. 190–191
- 40–1 на своей деревяшке: трюх-трюх / [трюх-трук] на своей деревяшке: трюх-трюх (АК2)
- С. 191
- 1–2 пусть после, когда получу / после, когда получу (АК2); после, когда получу [◊] (АК3)
- 2 пенсион / пансион (АК2, АК3)
- 2 теперь я уж / теперь уж я (АК4)
- 3 судырь / сударь (АК2, АК3, АК4)
- 4 дождался выходу / [Министр] Дождался выходу (АК2)
- 4–6 Так и так ~ высокопревосходительства / а. Пришел, говорит, ваше высокопревосходительство, за решением; б. Пришел, говорит, ваше высокопревосходительство, услышать приказ; в. Пришел, говорит, услышать приказ вашего высокопревосходительства (АК2); Пришел, говорит, услышать приказ вашего высокопревосходительства [◊] (АК3)
- 7 в должностном слогe / в должностном слове (АК3)
- 7 Вельможа, можете вообразить / Министр, понимаете (АК2); а. Министр, понимаете; б. Генерал, можете вообразить (АК3); Генерал, можете вообразить [◊] (АК4; слово Генерал выскоблено)
- 7 А! говорит, хорошо, говорит / а! говорит (АК2); а! говорит [◊] (АК3)
- 9 не могу вам сказать более / а. не могу вам сказать; б. (кар.) не могу вам сказать больше [◊] (АК2)
- 13–20 вышел в положении ~ последний кусок доедаю / а. вышел в положении, в некотором роде, сомнительном, не получивши, так сказать, ни да, ни нет, а между тем, можете вообразить себе, столичная жизнь становится для него с каждым часом затруднительнее. Думает себе: «Пойду опять к министру: “Как хотите, ваше высокопревосходительство, последний кусок доедаю”»; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 14 уж думал / уже думал (АК3, АК4)
- 15 пей да веселись / гуляй да веселись (АК2); гуляй да веселись [◊] (АК3)
- 15 а вместо того / а [тут ему] вместо того (АК2)
- 16 да и время не назначено / и время не (на)значено (АК2); а. и время назначено; б. да и время назначено (АК3); да и время назначено (АК4)
- 17 вышел с крыльца, как пудель, понимаете / понимаете, вышел с крыльца, как индейской петух [◊] (АК2)
- 17–18 которого повар облил водой / [на] которого [можете себе вообразить] повар облил водой (АК2)
- 19 пойду в другой раз / [однако ж] пойду в другой раз к министру (АК2); а. пойду в другой раз к министру; б. пойду в другой раз к вельмо(же) [◊] (АК3)

- 21–22 Словом, приходит ~ на Дворцовую набережную / а. Приходит; б. Словом, приходит он, сударь мой, опять (АК2); а. Словом, приходит он, сударь мой, опять; б. Как в тексте, со следующим вариантом (АК3):
- 21 судырь / сударь (АК3, АК4)
- 22 не принимает / министр не принимает (АК2); министр не принимает [◊] (АК3)
- 24–25 А между тем ~ одна в кармане / у моего Копейкина всего навсего остается какой-нибудь полтинник [◊] (АК2)
- 29 повар там / повар там, собака [◊] (АК2)
- 29–31 француз ~ равный снегам / а. белье на нем чистейшее голландское; б. Как в тексте, со следующим вариантом (АК2):
- 30–31 чистейшее голландское / голландское (АК3, АК4)
- 31 фартук / фартук (АК2)
- 33 съел бы от аппетита / съел от аппетита [◊] (АК2)
- 38 слюнки / слюньки (АК2, АК3)
- С. 191–192
- 40–1 а с другой-то ему подносят / а ему подносят (АК2); а ему подносят [◊] (АК3)
- С. 192
- 3 пролезть штурмом, понимаете / пролезть к министру (АК2); пролезть к министру [◊] (АК3)
- 5 со своей деревяшкой / с своей деревяшкой (АК3, АК4)
- 5 Вельможа / Министр (АК2); Министр [◊] (АК3)
- 10 покамест / покаместь (АК2)
- С. 192–193
- 13–4 К фрагменту: «Но, — говорит сановник ~ препроводить его на место жительства». — сохранился черновой автограф (ЧА5), его расхождения с основным текстом приводятся ниже.
- 13–21 «Но, — говорит сановник ~ не кто другой... / а. Он-то хотел прибавить: «А носом и подавно ничего не сделаешь, только разве высморкаешься, да и для того нужно купить платок». Только министр, сударь мой, или уж он ему надоел так, или, в самом деле, он, может, занят был делами государственными, начал, можете себе представить, сердиться⁴: «Ступайте же, говорит, у меня много таких, как Вы, ожидайте спокойно». А мой Копейкин, голод, знаете, пришпорил его: «Как хотите, говорит, Ваше высокопревосходительство, не сойду с места до тех пор, пока не дадите надлежащей резолюции». И, сударь мой! Можете себе представить, министр вышел из себя; в самом деле, до тех пор, может быть, еще не было в летописях мира, так сказать, чтобы какой-нибудь Копейкин осмелился так говорить с министром. Можете себе представить, каков

⁴ Вместо: Он-то хотел ~ сердиться — вписано карандашом: Ну министр, в самом деле, был занят государственными [делами] и Видит, со всех сторон его [ждут] ожидают(?) дела, может быть, что (что вписано) судьба человечества, а тут еще вертится этакой, докучает, сказал

должен быть рассерженный министр, так сказать, государственный человек, в некотором роде. «Грубиян, — закричал он, — где фельдъегерь? Позвать фельдъегеря, препроводить его, говорит, с фельдъегерем на место жительства»⁵. А фельдъегерь уж там, понимаете, и стоит: трех аршинный мужичина какой-нибудь, ручища у него, можете вообразить, самой натурой устроена для ямщиков — словом, дантист эдакой... Вот его, раба Божия, схватили⁶, сударь мой, да в тележку с фельдъегерем. «Ну, — Копейкин думает, — по крайней мере не нужно платить прогонов, спасибо и за то». Вот он, сударь мой, едет на фельдъегере, да, едучи на фельдъегере, в некотором роде, так сказать, рассуждает сам себе: «Когда министр, говорит, сам сказал, чтобы я поискал⁷ средств помочь себе, — хорошо, говорит, я, говорит, найду средства». Ну уж, как только его доставили на место и куды именно привезли, ничего этого неизвестно. Так, понимаете, и слухи о капитане Копейкине канули в реку забвения, в какую-нибудь эдакую Лету, как называют поэты. Но, позвольте, господа, вот тут-то и начинается, можно сказать, нить завязки романа. Итак, куда делся Копейкин, неизвестно, но не прошло, можете представить себе, двух месяцев, как появилась в рязанских лесах шайка разбойников, и атаман-то этой шайки был, сударь мой, не кто другой⁸, как наш капитан Копейкин. Набрал из разных беглых⁹ солдат, некоторым образом, банду целую. Это было, можете себе представить, тотчас после войны, все привыкло, знаете, к распускной жизни, всякому жизнь — Копейка, забубешь^(?) везде такой, хоть трава не расти, — словом, сударь мой, у него просто армия. По дорогам никакого проезда нет, и все это, собственно, так сказать, устремлено на одно только казенное. Если проезжающий по какой-нибудь своей надобности — ну, спросят только, зачем, да и ступай своей дорогой. А как только какой-нибудь фураж казенный,

⁵ *Вместо:* И, сударь мой! ~ на место жительства». — карандашом вписано: Но, сударь мой, вы можете себе *(так!)*, что отвечать *(отвечать вписано)* таким образом министру неприлично. [Это] нашему брату если(?) подведомственный чиновник скажет таким образом, так и то уже грубость, ну а тут какой-нибудь Коп(ейкин). Министр больше ничего, как только взглянул, [а взгляд] а глаз-то, понимаете, огнестрельное оружие, ядро пушечное, душа ушла не туды, куды следует, а в пятки. Но видя, как Копейкин не сдвигается, говорит, и еще довольно милостиво, иной бы, понимаете, такую дал острastку, что дни [ворочалось] три ходило бы в голове все вверх ногами. «Если вы говорите, что вы, точно, здесь проживаете и вам [здесь] нельзя ожидать, то я вас препровожу на казенной счет [препр(оводить?)]. Позвать фельдъегеря, препроводить его на место житель(ства)». *Текст:* Он-то хотел прибавить ~ с фельдъегерем — *перечеркнут чернилами.*

⁶ *Вместо:* схватили — карандашом вписано: взяли

⁷ *Вместо:* сам сказал, чтобы я поискал — *написано:* [наконец] чтобы я поискал сам

⁸ *Текст:* А фельдъегерь уж там, понимаете ~ не кто другой — *отчеркнут на полях чернилами волнистой чертой со знаком вопроса в конце.*

⁹ Было: бедных (*вероятно, описка*)

провиант или деньги — словом, все¹⁰, что носит, так сказать, имя казны — спуска никакого. Ну, можете себе представить, казенный карман опустошается ужасно. Услышит ли, что в деревне приходит срок платить казенный оброк, он уж там. Тот же час требует к себе старосту: «Подайвай, брат, казенные оброки и подати». Ну, мужик видит, эдакой безногой черт, на воротнике-та у него, понимаете, жар-птица, красное сукно — пахнет, черт возьми, оплеухой. «На, батюшка, вот тебе, отвяжись только», думает: «Уж, верно, какой-нибудь капитан-исправник, а, может, еще и хуже». Только, сударь мой, деньги, понимаете, примет он как следует и тут же крестьянам пишет расписку, чтобы, некоторым образом, оправдать их, что деньги, точно, мол, взяты и подати сполна все выплачены, и принял вот такой-то капитан Копейкин, еще даже и печать свою приложит — словом, сударь мой, грабит, да и полно; посыланы были несколько раз команды изловить его, но Копейкин мой и в ус не дует. Голодеры, понимаете, собрались все такие... но, наконец, может быть, испугавшись сам, видя, что дело, так сказать, заварил не на шутку и что преследования ежеминутно усиливались, а, между тем, деньжонок у него набрался капиталец порядочный, он, сударь мой, за границу, и за границу-то, сударь мой, понимаете, в Соединенные Штаты — и пишет оттуда, сударь мой, письмо к Государю красноречивейшее, как только можете вообразить. В древности Платоны и Демосфены какие-нибудь, все это, можно сказать, тряпка, дьячок в сравнении с ним. «Не подумай, Государь, говорит, чтоб я того и того...» Круглоту периодов запустил такую... «необходимость», говорит, была причиной моего поступка, проливал кровь, не щадил, некоторым образом, жизни, и хлеба, как бы сказать, для пропитания нет теперь у меня. Не наказуй, говорит, моих сотоварищей, потому что они невинны, ибо вовлечены, так сказать, собственно мною, а окажи лучше Монаршую свою милость, чтобы впредь, то есть, если там попадутся раненые, так чтобы, примером, за ними [м(ожете?)] эдакое, можете себе представить, смотрение...» — словом, красноречиво необыкновенно. Ну, Государь, понимаете, был тронут — действительно, его Монаршему сердцу было прискорбно, хотя он, точно, был преступник и достоин, в некотором роде, смертельного наказания, но видя, так сказать, как может невинный иногда произойти — подобное упущение¹¹, да и невозможно, впрочем, чтобы в тогдашнее смутное время все было можно вдруг устроить, один Бог, можно сказать, только разве без проступков. Словом, сударь мой, Государь изволил на этот раз оказать беспримерное великодушное, повелел остановить преследование виновных, а в то же время издал строжайшее предписание составить Комитет исключительно с тем, чтобы заняться улучшением участи всех, то есть раненых, — и вот, сударь мой, это была, так сказать, причина, в силу которой положено

¹⁰ Текст: как наш капитан Копейкин. ~ словом, все — *перечеркнуто чернилами.*

¹¹ Так в рукописи.

было основание инвалидному капиталу, обеспечившему, можно сказать, теперь раненых совершенно, так что подобного попечения, действительно, ни в Англии, ни в разных других просвещенных государствах не имеется. Так вот кто, сударь мой, этот капитан Копейкин. Теперь я полагаю вот что: в Соединенных Штатах денежки он, без сомнения, прожил, да вот и воротился к нам, чтобы еще как-нибудь попробовать, не удастся ли, так сказать, в некотором роде, новое предприятие; б. После внесения промежуточной правки (см. ее выше — в подстрочных примечаниях) текст перечеркнут, в АКЗ ему соответствует текст в иной редакции (АК2 — подробнее см. с. 492–494 наст. изд.).

С. 192

- 13 сановник / министр (ЧА5); министр \diamond (АК3)
- 14 согласитесь / вы сами примите, [относительно] так сказать, в со-
ображение \diamond (ЧА5)
- 14 я не могу вас содержать / Я же не могу вас содержать (ЧА5)
- 15 у меня много раненых / у меня много раненых, таких, как
вы \diamond (ЧА5)
- 15 все они / все они тоже \diamond (ЧА5)
- 15–16 Вооружитесь терпением. / Погодите, вооружитесь терпением. \diamond
(ЧА5)
- 16 Приедет Государь *вписано* (ЧА5)
- 19 Вельможе / Министру (ЧА5); Министру \diamond (АК3)
- 22–23 минута упущения / минута опущения (АК3, АК4)
- 23–24 неотвязчивой черт / [этакий] неотвязчивой черт (ЧА5)
- 24 говорит / говорит министр (ЧА5); говорит министр \diamond (АК3)
- 25–26 в некотором роде, тонким / в некотором политичном \diamond (ЧА5)
- 27–28 ваше высокопревосходительство / а. Слов нет; б. ваше высок-во
(ЧА5)
- 29–30 вельможе / а. министру, вельможе!.. человеку, облеченному в сан...;
б. министру, вельможе!.. (ЧА5); министру, вельможе \diamond (АК3)
- 30 так вот / так вот [и] (ЧА5)
- 30 уж и полетел / уж и полетишь (ЧА5)
- 31 черт тебя не отыщет / черт тебя отыщет \diamond (ЧА5)
- 32 скажет чиновник одним чином поменьше подобное / а. скажет чинов-
ник одним чином меньше; б. скажет чиновник одним чином меньше
подобное (ЧА5)
- 32–33 так уж и грубость / так [вот] уж и грубость (ЧА5)
- 33 генерал-аншеф / министр (ЧА5); министр \diamond (АК3)
- 33–34 какой-нибудь капитан Копейкин / капитан Копейкин \diamond (ЧА5)
- 34 и нуль / а. и нуль; б. понимаете, и нуль \diamond (АК3)
- 34 Генерал / Министр (ЧА5); Министр \diamond (АК3)
- 35 а взгляд / [а] взгляд (ЧА5)
- 37 Что же вы / Что ж вы (ЧА5)
- 38–39 Впрочем, сказать правду / Впрочем (ЧА5); Впрочем \diamond (АК3)
- 40 после того улица / после того [вся] улица (ЧА5)

- 2–3 вашей участи / [дела] вашей участи (ЧА5)
- 3 так я вас / так [я] вас (ЧА5); так вас [◊] (АК3)
- 4 препроводить его на место жительства / а. Как в тексте; б. препроводить его (ЧА5)
- 8, 10 судырь / сударь (АК3, АК4)
- 12 генерал / министр [◊] (АК3)
- 18 нить, завязка романа / нить развязка романа [◊] (АК3; окончание в слове завязка в АК3 написано неразборчиво, запятая между словами отсутствует, в связи с чем возможно чтение: нить завязки романа; в АК4: нить, завязка романа; в цензурной редакции МД1: нить завязки романа)
- 21 судырь / сударь (АК3, АК4)
- 22–23 сказал вдруг, прервавши его / сказал на это (АК2, АК3); сказал на это [◊] (АК4)
- 23 ты сам сказал / сам сказал [◊] (АК3)
- 24 без руки и ноги / без руки и без ноги (АК2, АК3, АК4)
- 25–26 со всего размаха ~ телятиной / со всего размаха рукою по лбу, назвавши себя публично при всех телятиной (АК2); со всего размаха рукою по лбу, назвавши себя публично при всех телятиной [◊] (АК3); а. со всего размаха рукой по своему лбу, назвавши себя публично при всех телятиной; б. *Слов нет*; в. рукою себя по лбу, назвавши тут же при всех телятиною и проч.; г. рукою по лбу, назвавши себя тут же при всех телятиною и проч.; д. рукою по лбу, назвавши себя тут же при всех телятиною etc (АК4 — этими строчками завершается текст на извлеченных из АК4 и хранящихся отдельно листах и возобновляется текст собственно АК4: вариант а. — из первоначальной редакции «Повести...» в рукописи АК4; варианты б., в., г. — на извлеченных листах; вариант д. — из «цензурной» редакции «Повести...» — подробнее см. с. 495–497 наст. изд.)
- 27 не пришло ему / не пришло к нему (АК2); не пришло к нему [◊] (АК3)
- 29 поговорка / пословица (АК2, АК3, АК4)
- 29 русский человек / говорящая, что русский человек (АК2); говорящая, что русский человек [◊] (АК3)
- 30 попробовал было вывернуться / пробовал вывернуться (АК2); пробовал вывернуться [◊] (АК3)
- 32 как один изобрел / как изобрел один (АК2); как изобрел один [◊] (АК3)
- 35 отыскать его нельзя было / отыскать нельзя было (АК2); отыскать нельзя было [◊] (АК3)
- 36 Но все очень усумнились / Все, однако же, очень усумнились (АК2); Все, однако ж, очень усумнились [◊] (АК3¹²)
- 37 уже слишком далеко / уж слишком далеко (АК2)

¹² Текст: Но все очень усумнились ~ Конечно, поверить этому (с. 193–194, строки 36–11) — в АК3 написан рукой Гоголя.

- 1 было наконец одно / наконец одно было (АК2)
 1 что не есть ли / не есть ли (АК3); не есть ли [◊] (АК4)
 6 и под собакой / и что под собакой (АК2); и что под собакой [◊] (АК3)
 7 если что не так / вот только что-нибудь не так (АК2)
 7 выпущу эту собаку / выпущу собаку [◊] (АК3)
 7–8 И вот теперь они / и что вот теперь они (АК2, АК3, АК4)
 8–9 и вот он ~ будто бы Чичиков / так вот он и пробрался теперь в Россию, представляя вид, будто Чичиков (АК2); а. [Будто] так вот он теперь и пробирается в Россию будто бы Чичиков; б. и что вот он теперь и пробирается в Россию будто бы Чичиков (АК3); и что вот он теперь и пробирается в Россию будто бы Чичиков (АК4)
 14–15 в кампанию 12 года / в кампанию 12-го года (АК3, АК4)
 18–22 Может быть ~ недалеко от обеих столиц. / а. Здесь Автор должен обратиться к читателю, он, право, не знает, как ему быть, и почти уверен, что назовут все это невероятностью, сказать правду, он с своей стороны считает также это почти невероятным, но, как нарочно, все это было совершенная правда, и тем еще изумительнее, что самый город был не так далеко от обеих столиц. б. *Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):*
 20–21 все именно произошло / все это именно произошло (АК2, АК3, АК4)
 21–22 и тем еще изумительнее ~ от обеих столиц / а. *Как в тексте; б. (ценз.) Слова вычеркнуты (АК4); Слов нет (МД1, МД2)*
 22 был не в глуши / был не в глуши какой-нибудь [◊] (АК2)
 23 Впрочем ~ происходило / Нужно помнить, что все происходило (АК2); Нужно помнить, что все происходило [◊] (АК3)
 23 скоро после / вскоре после (АК4, МД1, МД2)
 30 Почем, батюшка / Почем, батюшки (АК3, АК4, МД1)
 30 мерку овса / меру овса (АК3, АК4, МД1, МД2)
 33 пророка / а. пророка; б. (ценз.) плута(?); в. (ценз.) пройдохи; г. (ценз.) предсказателя (АК4); предвещателя (МД1, МД2)
 34 пророк / а. пророк; б. (ценз.) Слово вычеркнуто; в. (рукой Гоголя) предвещатель (АК4; так и в строке 38)

- 3 тоже невольно подумывали об этом / невольно подумывали тоже (АК2); невольно подумывали тоже [◊] (АК3)
 6 многие открыли даже / многие даже открыли (АК3, АК4, МД1, МД2)
 8–9 спохватились / схватились (АК2); схватились [◊] (АК3)
 12 был, как говорит / и притом, как видно из слов его, был кажется (АК2); а. *Слов нет (ошибка переписчика); б. Как в тексте (АК3); был, как говорится (АК4, МД1, МД2)*
 13–14 стало быть, без сомнения, знает / может быть, знает [◊] (АК2)
 22 мудростью / мудростию (АК2, АК3, АК4)
 22 а бросится / и бросится (АК2, АК3)

- 23–24 изломает, выворотит природу / выломает и изломает природу (АК2); а. выломает и изломает природу; б. изломает природу (АК3); изломает природу (АК4)
- 24 оно понравится / а. оно понравится; б. это понравится (АК2); оно понравится \diamond (так в рукописи – АК3)
- 26–27 обратится наконец к бабе ~ заплевками / обратится наконец к шарлатану \diamond (АК2)
- 28 декохт / декокт (МД2)
- 32 в то время / в это время \diamond (АК2); в это время (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 33 на щепке может / ведь на щепке может \diamond (АК2)
- 33–35 а в нем весу ~ хватается за щепку / а. а в нем весу, слава Богу, без малого четыре пуда, и едва ли не затрещит под ним четырехсаженная доска, но, однако ж, он хватается и за щепку; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 34 четыре пуда, если даже не целых пять / четыре пуда [с половиною, но], если даже не пять (АК2); четыре пуда, если даже не пять (АК3); четыре пуда, если даже не пять \diamond (АК4)
- 34 но не приходит ему / а. не приходит; б. не приходит ему (АК2); не приходит ему \diamond (АК3)
- 40 Ноздрев был занят / Ноздрев был в то время занят \diamond (АК2)

С. 196

- 1 не выходил он из комнаты / не выходил из комнаты (АК2); не выходил из комнаты \diamond (АК3)
- 1–2 получал обед в окошко / получал обед из маленького окошка (АК2); получал обед из маленького окошка \diamond (АК3)
- 2 даже исхудал / исхудал \diamond (АК2)
- 11 прочитал в записке / начитал в записке (АК2); почитал в записке (АК3); почитал в записке \diamond (АК4)
- 12–13 смягчился в ту ж минуту / несколько смягчился (АК2); несколько смягчился \diamond (АК3)
- 13 запер комнату наскоро ключом / запер комнату наскоро на ключ (АК2); запер комнату наскоро на ключ \diamond (АК3);
- 13–14 оделся как попало и отправился к ним / и, одевшись как попало, отправился к ним (АК2); оделся, как попало, отправился к ним \diamond (АК3)
- 15 противоположность / противоположность (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 16–17 сбиты с толку / сбиты с толка (АК2, АК3, АК4)
- 18–19 шаткости и робости / шаткости и робкости \diamond (АК3)
- 19 столько у него твердости и уверенности / столько у него верности (АК2); а. столько у него верности; б. столько у него твердости, уверенности \diamond (АК3)
- 20 даже не заикнувшись / даже и не заикнувшись (АК2); даже и не заикнувшись \diamond (АК3)
- 21 Чичиков накупил / Чичиков накупил, точно (АК2); Чичиков накупил много (АК3, АК4)
- 24 что еще в школе / что и в школе (АК2); что и в школе \diamond (АК3)

- 27 240 пъявок / 400 пиявок (АК2); 400 пъявок (АК3); 400 пъявок ◊ (АК4)
- 28 200 сказалось / 400 сказалось (АК2, АК3)
- 32 опечатали дом его / опечатали его (АК2); опечатали его ◊ (АК3)
- 33–34 переменял их все в одну ночь / переменял в одну ночь (АК2); а. переменял в одну ночь; б. переменял их всех в одну ночь (АК3); переменял их всех в одну ночь (АК4)
- 35 точно ли Чичиков / а. правда ли Чичиков; б. точно ли, что Чичиков ◊ (АК3)

С. 197

- 3–4 находилась та приходская церковь / находились та приходская церковь (МД1)
- 5 75 рублей / 75 р. (АК2, АК3)
- 13 ни на что не имела подобия / не имела никакого подобия (АК2); не имела никакого подобия ◊ (АК3)
- 14 все отошли прочь / отошли прочь (АК2); отошли прочь ◊ (АК3)
- 15 долго еще слушал / наклонивши голову, продолжал еще слушать (АК2); а. Слов нет (пропуск при переписке); б. долго еще слушал (АК3)
- 17 И все согласились в том / И решили чиновники ◊ (АК2)
- 18 молока от него не добиться / молока не добиться (АК2); молока не добиться ◊ (АК3)
- 18–29 *Текст: И остались чиновники ~ как называет Ноздрев. вписан со следующими вариантами (АК2):*
- 19 чем были прежде / нежели были прежде ◊ (АК2)
- 20 что такое был Чичиков / что такое Чичиков ◊ (АК2)
- 20 И оказалось / Даже голова шла кругом при размышлении об этом, и казалось ◊ (АК2)
- 20–21 какого рода создание человек / что такое человек (АК2); а. что такое человек; б. что за создание человек (АК3); что за создание человек (АК4)
- 21–22 мудр, умен и толков он бывает во всем, что касается других, а не себя / а. Часто бывает он и мудр, и умен, и толков в трудных случаях жизни, когда эти трудные случаи случаются с другими; б. Как бывает он мудр, умен и толков ◊ (Как бывает он не зачеркнуто — АК2); как бывает он и мудр, и умен, и толков он бывает во всем, что касается других, а не себя ◊ (АК3)
- 22–23 Какими осмотрительными, твердыми советами / какими осмотрительными и мудрыми советами (АК2); какими осмотрительными и мудрыми советами ◊ (АК3)
- 23 снабдит он в трудных случаях жизни / снабдит он других ◊ (АК2)
- 23–29 *Текст: «Экая расторопная голова! ~ называет Ноздрев. — в АК3 написан рукой Гоголя (вероятно, не был разобран переписчиком, так как в АК2 вписан — тоже рукой Гоголя — неразборчиво).*
- 27–28 и вышел из него / и вышел какой-то ◊ (АК2)
- 30 Слова: Все эти толки, мнения и слухи неизвестно — в АК3 написаны рукой Гоголя.

³⁶ всплеснув руками / сплеснув руками (АК2); сплеснув руками [◇] (АК3)

³⁷ но увидели / но увидели уже [◇] (АК2)

С. 197–198

^{40–1} А между тем ~ в великом человеке / а. Еще одна жизнь убежала из мира, и все свершилось в одну минуту.; б. И появление смерти так же было страшно в малом, как страшно оно и в большом мире. (АК2); И появление смерти так же было страшно в малом, как страшно оно и в большом мире. [◇] (АК3)

С. 198

¹ тот, кто еще / И тот, кто еще [◇] (АК2)

³ был так часто виден между чиновников / был так часто между чиновников (АК2); был так часто между чиновниками [◇] (АК3)

³ со своими / с своими (АК3, АК4, МД1, МД2)

^{8–38} Но это, однако ж ~ устремлен пронзительный перст / а. И все это могло случиться так быстро? И могли так спутаться, сбиться с толку и растеряться чиновники, могли так отдалиться от прямого дела, захватить в такую околесину, сами так напугать себя, напугать такой вздор, что и ребенок даже видит, что это вздор, — и все это правда? И не выдумка это чересчур пересоленная? И много найдется умников, которые скажут: «Нет, это невозможно!» — и раздастся и отдастся во всех прочих рядах, невинно повторяющих чужие речи: «Нет, это невозможно!» И произведут бедных чиновников моих в пошлейших дураков, ибо люди от души щедры на слово «дурак» и готовы несколько раз на день прислужиться им своему ближнему. И будут довольны они, что уничтожили несообразность и обличили в ней автора, и похвалят себя, и поделом: хвала и честь остроумию!

А разверните гремящую летопись мира, что в ней? Сколько в ней предстанет очам столетий, которые бы все уничтожил и изгладил как ненужные, видишь, как не один раз отшатнулось человечество и пошло по косвенной, неверной дороге, тогда как истина сияла яснее солнца, и, кажется, весь открыт был прямой путь, по которому должно бы было потечь оно, но отшатнулось ослепленное, не замечая, и, раз попавши на ложную дорогу, пошло столетиями блуждать и теряться, пока не очутилось вдруг в неведомой глуши, вопрошая испуганными очами: «Где выход, где дорога?» И родились, как посыпавшиеся листья, как черви в дождь, неслыханные следствия от незаконных причин, и произошли дела, которых не признали бы своими сами сотворившие их, а от которых бы со страхом отвратились отдаленные отцы их, как отвращается мать от чудовища, подкинутого на место сына. И видит все это текущее поколение, и видит ясно, и дивится, как можно было подобным образом заблуждаться, и смеется над неразумием своих предков, смеется, не видя, что огненными письменами начертаны сии страницы, что кричит в них каждая буква, что отсюда устремлен из нее пронзительный перст; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):

- 8–11 Но это, однако ж ~ в чем дело! / а. И все это могло случиться так быстро? И могли так спутаться, сбиться с толку и заехать в такую околесину чиновники, могли так отдалиться от прямого дела, сами так напугать себя, напутать такой вздор, когда и ребенок даже видит, что это вздор, — и все это правда?; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 8 это, однако ж / это, однако (АК2); это, однако [◊] (АК3)
- 10 отдалиться от истины / отделиться от истины (АК2, АК3); отделиться от истины [◊] (АК4)
- 10–11 когда даже ребенку видно, в чем дело / [а дела] когда даже ребенку видно, в чем дело (АК2)
- 11 укорят автора / а. укорят автора; б. укорят автора, когда *(не закончено)* [◊] (АК2)
- 15–16 мимо девяти других хороших / мимо девяти других хороших сторон [◊] (АК2); мимо девяти хороших (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 16–18 глядя из своего покойного угла ~ делается внизу / [из] глядя из своего [теплого] покойного угла и верхушки [на все, что делается внизу], откуда открыт весь горизонт на все, что делается внизу (АК2)
- 18 делается внизу / делалось внизу (АК2, АК3, АК4)
- 20 казалось бы, вычеркнул и уничтожил / казалось бы, [уни(чтожил)] вычеркнул и уничтожил (АК2)
- 22 Какие искривленные, глухие / Какие искривленные [пути], глухие (АК2)
- 24 перед / пред (МД2)
- 27 освещенный всю ночь огнями / освещенный [солнцем] ночью огнями (АК2); освещенный ночью огнями [◊] (АК3)
- 34 *После слов: где дорога?*» — *зачеркнуто*: и родились *(родились вписано)*, посыпались грозные следствия бесчисленно, как черви в дожди, как рождаются [черные наросты] в ненастное время черные наросты, [которыми] зовомые спорыньем, которыми вся покрывается нива [на место по], страшные предвестники глада. Отвратились бы, содрогнувшись от таких следствий, отдаленные творцы их, как отвращается мать от чудовища, рожденного на место сына. И видит теперь ясно все текущее поколение, дивится заблуждениям (АК2)
- 35 смеется над неразумием / смеется над неразумением (АК3, АК4)
- 36 не зря / не видя (АК2); не видя [◊] (АК3)

С. 199

- 2 в то время / в это время (АК2); в это время [◊] (АК3)
- 7 молоко с фигой / молоком с фигой [◊] (АК3)
- 8 канфоры / конфоры (АК2); конфары (АК3); канфары (АК4); камфоры (МД2)
- 9 чем-нибудь занять время / как-нибудь занять время [◊] (АК2)
- 10–11 прочитал даже ~ отыскавшийся в чемодане / прочитал даже Герцогиню Лавальер, отыскавшуюся в чемодане [◊] (АК2)
- 11–12 пересмотрел в ларце / пересмотрел даже и в ларце своем [◊] (АК2)
- 13–14 Никак не мог / Никаким образом не мог [◊] (АК2)

- 14 что бы значило / что бы это значило (АК2); что бы это значило \diamond (АК3)
- 15–24 не приехал к нему ~ он уже произнес / а. не приезжает навестить его, тогда как прежде случалось это так часто. Наконец, он обрадовался, как Бог знает чему, когда почувствовал, что можно выйти из комнаты. Выход его, как всякого выздоровевшего человека, был радостен, точно праздник; одевался он с удовольствием, еще с большим удовольствием расположился бриться, ибо любил это занятие. На сей раз, пощупавши свою бороду и посмотревши в зеркало, он не мог удержаться, чтобы не сказать; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 16 то и дело стояли / то и дело [чт(о)] стояли (АК2)
- 17–18 Он пожимал только плечами / Он дивился этому не мало и пожимал только плечами (АК2); и пожимал только плечами \diamond (АК3)
- 19 Бог знает как / Бог знает \diamond (АК2)
- 19 увидел возможность / увидел возможность, наконец \diamond (АК2)
- 20 выйти на свежий воздух / вить (так в рукописи) на воздух (АК2); быть и на воздухе \diamond (АК3)
- 20 Не откладывая, принялся он / [В ту же минуту] Не откладывая времени, он принялся (АК2); Не откладывая времени, он принялся \diamond (АК3)
- 21–22 налил в стакан горячей воды, вынул щетку и мыло / [стал] начал возить щеткой по мылу (АК2); начал возить щеткой по мылу \diamond (АК3)
- 22–23 чему, впрочем, давно была пора / Чему давно была пора \diamond (АК2)
- 23 потому что / потому что уже раз (АК2); потому что раз \diamond (АК3)
- 24 он уже произнес / он произнес (АК2); он произнес \diamond (АК3)
- 24 Эх, какие / Эх его, какие (АК2); Эх, это какие \diamond (АК3)
- 25–26 высыпал довольно густой посев / высыпался довольно густой посев (АК2, АК3, АК4)

С. 199–200

- 26–30 Выбравшись, принялся он ~ велел себе подать чаю. / а. Выбравшись, вымывшись, вытершись самым воскресным порядком, надев чистое белье, а потом панталоны, фрак и вычистившись со всех сторон и метлой и щеткой, отправился он прежде всего сделать визит губернатору. Идя дорогою, он несколько раз улыбался, думая кое о чем приятном. Читатель, может быть, даже догадывается кое о чем; но изумление Чичикова превзошло всякие меры, когда швейцар встретил его весьма лаконическим ответом: «Не принимает». Он натурально заметил ему, что не ошибся ли он как-нибудь и не принял ли его за кого-нибудь другого и чтобы де доложил просто, что вот де Павел Иванович пришел, но швейцар ответил, что он это хорошо знает и что его-то именно и не велено пускать. Это совершенно озадачило его; он отправился в ту же минуту к председателю палаты, но председатель палаты так смутился, увидя его, что не мог связать двух слов и что-то сказал ему такое, что Чичиков усумнился даже в здоровье его головы. Оставив его, зашел к полицмейстеру, к

виц-губернатору, к сему, другому, но все приняли его так странно, такой принужденный, такой непонятный вели разговор, так смутились и растерялись и такая вышла бестолковщина из всего этого, что Герой наш с своей стороны чуть не потерял тоже голову. Он попробовал еще зайти кое к кому, чтобы узнать по крайней мере причину этого, но не добрался никакого толка. Без цели бродил он по городу и в сумерки возвратился домой. От скуки или просто с горя, он приказал подать себе чаю, хотя знал, что чай во многих губернских трактирах запахом бывает похож несколько на табак; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):

С. 199

- 27 чуть не выпрыгнул / чуть не выпрыгнул (АК2); чуть не выпрыгнул [◊] (АК3)
- 30 После: был точно праздничный. — *зачеркнуто*: а. И у〈лицы〉?; б. Все, что ни попадалось, и улицы, и дома, и люди, впрочем, довольно сурьезные, казались смеющимися (АК2)
- 31–32 проходившие мужики / проходившие люди [◊] (АК2)
- 33 После: съездить своего брата в ухо — *зачеркнуто*: все повеселело (АК2)
- 33–34 намерен был сделать / намерен был [отда〈ть〉] сделать (АК2)
- 34–35 много приходило ему всяких мыслей / много приходило ему мыслей [◊] (АК2)
- 35 вертелась в голове блондинка / [Блондинка] вертелась в голове блондинка (АК2)
- 35–37 воображенье начало ~ подсмеиваться над собою / и воображенье уже занялось даже некоторыми шалостями, так что он уже сам начинал над собою посмеиваться слегка (АК2); а. и воображенье уже занялось даже некоторыми шалостями, так что уже сам начинал над собою посмеиваться слегка; б. и воображенье уже занялось даже некоторыми шалостями, так что уже сам начинал он над собою посмеиваться слегка [◊] (АК3)
- 37 очутился он / очутился (АК2); а. очутился; б. был он, когда очутился [◊] (АК3)
- 38 Уже стал / а. и уже стал; б. и уж стал (АК2); а. и уж стал; б. Уж стал (АК3); Уж стал (АК4)
- 38–39 поспешно сбрасывать с себя шинель / сбрасывать с себя шинель (АК2); сбрасывать с себя шинель [◊] (АК3)
- 39 швейцар поразил / [вдруг] швейцар поразил (АК2)

С. 200

- 1–2 ты всмотрись хорошенько в лицо! — говорил ему Чичиков / Ты всмотрись хорошенько в лицо [мне, сказал], — говорил ему Чичиков (АК2)
- 3 ведь я вас не впервой вижу / я вас узнал (АК2); я вас узнал [◊] (АК3)
- 6 отчего? почему? / [Да что] отчего? почему? (АК2)
- 7 Такой приказ ~ следует / [Уж я не знаю, так видно следует] Такой приказ, так уж, видно, следует (АК2)

- 7–8 и прибавил к тому слово / а. прибавил еще к тому слова; б. и прибавил к тому слова (АК2); и прибавил к тому слова \diamond (АК3)
- 8 После чего стал / и потом стал \diamond (АК2)
- 8 пред / перед (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 10 торопился снимать / бежал снимать (АК2); бежал снимать \diamond (АК3)
- 11 Эге! уж коли / Уж коли (АК2); Уж коли \diamond (АК3)
- 11 тебя бары гоняют с крыльца / а. тебя, брат, гоняют от крыльца; б. тебя, брат, баре гоняют от крыльца (АК2); тебя, брат, даже гоняют от крыльца \diamond (АК3)
- 11 так ты, видно / так, видно \diamond (АК2)
- 12 так себе / так себе, что ни попало (АК2); а. *(оставлено свободное место)*; б. *Как в тексте* (АК3)
- 15–16 наговорил ему такую дрянь / наговорил такую дрянь (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 15–16 После: наговорил ему такую дрянь — *зачеркнуто*: так он, ушед от (АК2)
- 16 им обоим сделалось совестно / а. Чичикову сделалось совестно; б. обоим сделалось совестно (АК2); обоим сделалось совестно \diamond (АК3)
- 16–17 Уходя от него, как ни старался Чичиков / а. [и] Чичиков, уходя от него, как ни хотел; б. Чичиков, уходя от него, как ни старался (АК2); [и] Чичиков, уходя от него, как ни старался \diamond (АК3)
- 17 дорогою изъяснить / изъяснить дорогою (АК4, МД1, МД2)
- 17–18 что такое разумел председатель / что такое [хотел ему] разумел председатель (АК2)
- 18 насчет чего могли относиться слова его / насчет чего [посл(...)] могли относиться слова его (АК2); насчет чего могли относиться слова (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 19 ничего не мог понять / но ничего не мог понять (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 19 Потом зашел к другим / так и оставил его. Он зашел к другим (АК2); так и оставил его. Он зашел к другим \diamond (АК3)
- 20 к почтмейстеру / к сему, другому (АК2); а. к сему, другому; б. к тому, другому \diamond (АК3)
- 20–21 или приняли / или [если] приняли (АК2)
- 22 изо всего / из всего (АК3, АК4)
- 23 усомнился / усумнился (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 23 в здоровьи их мозга / в здоровьи [головы] их мозга (АК2)
- 25 Как полусонный бродил он / Как полуумный [сам] бродил он (АК2); Как полоумный бродил он \diamond (АК3)
- 26 не будучи в состоянии / [не зная] не будучи в состоянии (АК2)
- 28 Поздо / Поздно (МД2)
- 29–30 в таком хорошем расположении духа / в таком духе (АК2); в таком духе \diamond (АК3)
- 30 велел себе подать чаю / [потребова(л)] велел себе подать чаю (АК2); велел подать себе чаю (АК3, АК4, МД1, МД2)

32 как вдруг отворилась дверь / хлебнул и чихнул вместе, потому что чай был чистейший табак. Вдруг отворилась дверь \diamond (АК2)

С. 200–201

34–10 Вот говорит пословица ~ нигде не бываешь? / а. — Здравствуй, брат Чичиков, — прокричал он, — а я, признаюсь, не думал тебя застать; проходя дорогой, думаю себе: дай-ка зайду навесить приятеля, смотрю, в окошках огонь... Здравствуй, душа, как поживаешь? — Чичиков отвечал очень сухо и даже показал ясно, что совсем не обрадовался его приходу, но подобных обстоятельств Ноздрев не примечал. — Да что ты, право, так отдалился от всех, — говорил Ноздрев.; б. (рукой Гоголя на дополнительно вложенном листе) Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):

С. 201

- 1 будто я не знаю / будто не знаю (АК2); будто не знаю \diamond (АК3)
- 1 ты куряка / ты куряка страшной \diamond (АК2)
- 1, 2 Эй! / Ей! (АК2, АК3, АК4, МД1)
- 1–2 как, бишь, зовут твоего человека / как, бишь, [тв(оего?)] [твоего] [его] зовут твоего человека (АК2)
- 6 у Дербина / у Дериобина (АК2); у Дериобина \diamond (АК3)
- 8–9 вот если бы / вот [еже(ли)] если бы (АК2)
- 9 этакую / эдакую (АК4, МД1, МД2)
- 13 любит почитать / охотник почитать (АК2, АК3, АК4)
- 16 почему у Чичикова ~ тоже неизвестно / почему у Чичикова сатирический ум — нам тоже никак непонятно \diamond (АК2)
- 17–18 вот уж где смех был / а. Карты, если бы ты увидел, просто блины, только, как говорит Кушинников, шлепать крепостных людей по щекам; и можешь себе представить: какая была умора.; б. я бы их обыграл всех непременно, потому что все игравшие были тюфяки, но мешал просто смех, вообрази, карты совершенные блины \diamond (АК2)
- 21 ведь ты, право ~ со мною / ведь ты тогда, право, преподло поступил со мною \diamond (АК2)
- 21–22 помнишь, как играли в шашки / помнишь, в шашки \diamond (АК2)
- 22–23 Да, брат, ты просто поддеюлил меня. / а. зажилил, душа, право, зажилил; б. да, брат, просто ты поддеюлил у меня (АК2); да, брат, просто ты поддеюлил у меня (АК3); Да, брат, просто ты поддеюлил меня (АК4)
- 23 Но ведь я / Ну ведь я (АК2, АК3, АК4)
- 26 я за тебя горой / я за тебя \diamond (АК3)
- 27–28 ну и, уж нечего ~ пулю порядочную / ну — слил пулю порядочную \diamond (АК2)
- 29–30 приподнявшись со стула / вскочив со стула \diamond (АК2)
- 31 Зачем ты, однако ж / Зачем же ты, однако \diamond (АК2)
- 32–33 нарядили тебя и в разбойники / нарядили тебя в разбойники (АК3, АК4, МД1, МД2)

С. 201–202

35–1 чтобы из-за тебя ~ ничего не выиграешь. / а. Как в тексте; б. (ценз.) Слова вычеркнуты (АК4); Слов нет (МД1, МД2)

С. 201

35–36 а я насчет / а насчет \diamond (АК3)

С. 202

- 3–14 Какое рискованное дело ~ лошади будут мои / а. увезти губернаторскую дочку, я ждал этого, ей-Богу ждал. В первый раз, как увидел я вас на бале вместе, ну, думаю, Чичиков недаром... Послушай, брат, уж так и быть, я венца тебе подержу, и коляска будет моя и переманные лошади; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 4–5 Я, признаюсь, ждал этого / Я, признаюсь, ждал \diamond (АК2)
- 8–9 родственница Бикусова ~ чудо коленкор / только-только что развернулась, так уж эта, точно, можно сказать: чудо коленкор (АК2); а. только-только что развернулась, так уж это точно можно сказать: чудо коленкор; б. Как в тексте, со следующим вариантом (АК3):
- 9 чудо коленкор / славной каленкор (АК3, АК4)
- 12 Ну, полно, брат / [Полно] Ну, полно, брат (АК2)
- 12 экой скрытный человек / а. что скрытной человек; б. что за скрытной человек (АК2); что за скрытной человек \diamond (АК3)
- 13–14 Так и быть: подержу венец тебе / Подержу венца тебе (АК2); а. Подержу венцы тебе; б. Так и быть: подержу венца тебе (АК3)
- 15 ты должен / а. что ты должен; б. чтоб ты должен \diamond (АК3)
- 15 дать взаймы три тысячи / дать три тысячи взаймы (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 17–18 протирали ~ не во сне ли / не знал, наяву ли или во сне (АК2); не знал, наяву ли или во сне \diamond (АК3)
- 21 все это навело на него / все это навлекло на него (АК3, АК4)
- 22–23 мешкать более нечего / мешкать далее нечего (АК2); мешкать далее нечего \diamond (АК3)
- 24–25 Он постарался ~ тот же час Селифана / Сбывши кое-как с рук Ноздрева, он призвал к себе Селифана \diamond (АК2)
- 24 сбить поскорее с рук Ноздрева / сбить поскорее Ноздрева (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 25–26 чтобы завтра же / чтобы завтра \diamond (АК3)
- 26–27 чтобы все было пересмотрено / чтобы с вечера все, что нужно, было приготовлено, все пересмотрено (АК2); все пересмотрено \diamond (АК3)
- 27 и прочее и прочее / и проч. и проч. (АК2, АК3, АК4)
- 30–31 покрывшийся уже порядочно пылью / покрывшийся уже порядочно пылью (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 35 не могло случиться никакой задержки / не могла случиться никакая задержка (АК2); не могла случиться никакая задержка \diamond (АК3)
- 38–39 отпечатывая своими толстыми сапогами мокрые следы / а. отпечатывал своими мокрыми сапогами следы; б. отпечатывая своими мокрыми сапогами следы (АК3); отпечатывая своими мокрыми сапогами следы (АК4, МД1, МД2)
- 39 и долго почесывая / и долго почесывал (АК3, АК4, МД1, МД2)

С. 203

- 2–3 в неприглядном тулупе, опоясанном кушаком / в неприглядном тулупе с опоясанным кушаком (АК2); в неприглядном тулупе с опоясанным кушаком [◊] (АК3)
- 3 во царевом кабаке / в царевом кабаке (АК2, АК3, АК4)
- 5 вечернее стоянье / вечернее стояние (АК2, АК3, АК4)
- 5 держанье / держание (АК2, АК3, АК4)
- 10 близ / близь (АК2, АК3, АК4, МД2)
- 12–13 почесыванье / почесывание (АК2); почесывание [◊] (АК3)

⟨Глава XI⟩

С. 204

- 1 Глава XI / Глава XI-я (АК2, АК3)
- 2 Ничего / Ничто (АК4, МД1, МД2)
- 2–3 как предполагал Чичиков. Во-первых, проснулся он позже / как предполагалось. Чичиков проснулся гораздо позже [◊] (АК2)
- 4 Вставши, он послал тот же час узнать / а. Вставши, в ту же минуту послал он узнать; б. Вставши, он послал [в] тот же час узнать (АК2)
- 7–8 Он рассердился ~ с нетерпением / Он приготовился принять не очень ласково нашего друга Селифана и, полный нетерпения, ожидал только [◊] (АК2)
- 14–15 Ах ты чушка! ~ разве времени? / Ах ты!.. — Здесь было вставлено выражение, в важных случаях необходимое, без которого, как замечают, на Руси дело идет вяло как-то и лениво. — Зачем же ты прежде не вздумал об этом сказать. Не было времени, что ли? [◊] (АК2)

С. 204–205

- 17–2 теперь дорога ухабиста ~ ты знал это, а? а? / а. оно теперь подгрязнило, да и перед, Павел Иванович, у брички совсем расшатался, так что и двух станций не сделает. — Герою нашему, как читатель мог видеть, становилось час от часу не легче. — Ах ты, подлец эдакой, — сказал он, — подвинутый совершенно досадным состоянием души, — какой урод тебя (тебя *вписано рукой Анненкова*), дурака эдакого (было: этакое), на свет пустил, да где-то у тебя глаза были до этих пор; ведь три недели сидели на месте — хоть бы заикнулся, а вот к последнему часу и пригнал, чушка ты проклятая! Именно к последнему часу: тут бы вот садиться да и ехать, а он тут-то именно и нагадил. Ведь ты ж знал все это?; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):

С. 204

- 18 шибель / шибень (АК4, МД1, МД2)
- 19 перед у брички совсем расшатался / [весь] перед совсем расшатался (АК2); перед совсем расшатался [◊] (АК3)
- 21–24 Подлец ты! ~ посторонился. / Подлец ты эдакой! убийца ты мой, — вскрикнул Чичиков, вспыхнув и подошедши к нему кулаками так,

что Селифан даже несколько попятился назад и посторонился. (АК2); а. Подлец ты эдакой! убийца ты мой, — вскрикнул Чичиков, всплеснув и подошедши к нему кулаками так, что Селифан даже попятился несколько назад и посторонился.; б. Как в тексте, со следующим вариантом (АК3):

- 21 Подлец ты! / Подлец ты! убийца ты! (АК3, АК4)
26–27 разбойник ~ страшилище морское / а. страшилище мирское; б. разбойник, чушка ты проклятая, страшилище мирское [Иуда ты проклятой] (АК2); разбойник, чушка ты проклятой, страшилище мирское (АК3, АК4)
27 Три недели сидели / Три [дни сидел(и)] недели сидели (АК2)
29 когда уж почти / а. когда [бы в] теперь, так сказать; б. когда уж [была] почти (АК2)

С. 204–205

- 29–1 а ты вот тут-то / а вот [тут] ты тут-то [◊] (АК2)

С. 205

- 1 и напакостил / и нагадил (АК2); и нагадил [◊] (АК3)
4 зачем же тогда не сказал / зачем же ты мне тогда не сказал [◊] (АК2)
6 казалось, говорил / [как] казалось, как будто безмолвно говорил [◊] (АК2)
7 да не сказал / да и не сказал [◊] (АК2)
9–11 непременно в два часа ~ сильно рассержен. / а. Сказавши эти слова, Чичиков начал откапывать всякие, какие знал, выражения, уже направленные собственно не на Селифана, но неизвестно на кого, и откопал их, против ожидания, такое множество, как и сам не мог предполагать.; б. Как в тексте, со следующим вариантом (АК2):
10 я тебя, я тебя... в рог согну / я тебя, я тебя... [Не обостря, вклучу в землю!] в рог согну (АК2)
12 Селифан оборотился / Селифан уже оборотился [◊] (АК2)
12–13 выполнять приказание / выполнять данное приказание [◊] (АК2); выполнить приказание (АК4, МД1, МД2)
13 и сказал / и Чичиков услышал в прибавку к прежним еще кое-какие извещения [◊] (АК2)
14 сударь, чубарого коня / Павел Иванович, серого-то коня [◊] (АК2)
14 хоть бы продать / хоть продать [◊] (АК2)
15–17 совсем подлец ~ на рынок продавать! / а. подлец, только, можно сказать, помеха другим. — Да, как раз вот теперь, небось, пойду продавать.; б. Как в тексте, со следующим вариантом (АК2):
15–16 просто не приведи Бог / [что] просто не приведи Бог (АК2)
18 только что на вид казистый / только что на вид [◊] (АК2)
18–19 а на деле / а на деле он [◊] (АК2)
19–24 такого коня ~ Селифан вышел. / а. Такого коня то есть нигде не найдешь. — Будет время подумать об этом в другом месте — ступай за кузнецами.; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):

- 20–21 пустился в рассужденья / пустился в рассуждение (АК2, АК3, АК4)
- 22–23 так я тебе ~ не увидишь / а. так я тебя так начну лудить по становой жиле...; б. так я тебе такую дам дерку — [узлом завяжу] сам на себе лица не увидишь (АК2); б. Как в тексте, со следующим вариантом (АК3):
- 22–23 дам потасовку / дам дерку \diamond (АК3)
- 28 покамест / покаместь (АК2)
- 30 Как он ни горячился / Чичиков как ни горячился (АК2); Чичиков как ни горячился \diamond (АК3)
- 33 не только не отступились / и не только не отступились (АК2, АК3, АК4)
- 34 провозились за работой / провозились за работой около брочки \diamond (АК2)
- 35–36 он имел удовольствие испытать / а. Чичиков испытал; б. он имел удовольствие испытать [все] (АК2)
- 39 к сиденью / к сидению (АК2, АК3, АК4)
- С. 205–206
- 39–1 видит из окна проходящих ~ поднимающих глаза / а. видит из окна плетущиеся фигуры, толкующие об своих гривнах и с каким-то глупым любопытством изредка поднимающие глаза; б. Как в тексте, со следующим вариантом (АК2):
- С. 205
- 40 с каким-то / с каким (АК2, АК3, АК4)
- С. 206
- 1 поднимающих глаза / поднимающих глаза (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 1 взглянув на него / взглянувши на него \diamond (АК2)
- 2 что все еще более / что еще более \diamond (АК2); что еще более (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 4 все, что ни видит он / что ни видит он \diamond (АК2)
- 4 и лавчонка против его окон / и лавчонка против его окон, и надоевшая вывеска \diamond (АК2)
- 5 подходящей к окну / подходящей в это время к окну \diamond (АК2)
- 7–8 притупленное внимание / противувольное внимание \diamond (АК2)
- 8 перед / пред (МД2)
- 9 и душит с досады какую-нибудь муху / нельзя сказать, чтобы думая, нельзя сказать, чтобы не думая, и только с досады душит какую-нибудь муху \diamond (АК2)
- 11 перед у брочки / перед \diamond (АК2)
- 12–13 кони приведены с водопоя / кони приведены \diamond (АК2)
- 13–14 пересчитав полученные целковые / считая полученные [деньги] целковые \diamond (АК2)
- 14 пожелав благополучия / пожелавши всякого благополучия \diamond (АК2)
- 14–15 Наконец и брочка была заложена / Брочка, наконец, была заложена \diamond (АК2)
- 16 положены туда / а. были положены в брочку; б. [то⟨же⟩] положены туда (АК2)

- 17 сам герой наконец / сам герой наш [◇] (АК2)
- 18 в том же демикотоновом / в том же демикотонном (АК2); в том же демикутоновом (АК3, АК4)
- 20–21 при всяких других обстоятельствах, сопровождающих выезд / а. при разных других, сопровождающих выезд обстоятельствах; б. при всяких также обстоятельствах, сопровождающих выезд (АК2); при всяких также обстоятельствах, сопровождающих выезд [◇] (АК3)
- 23 даже надоела читателю / надоела читателю (АК4, МД1, МД2)
- 26 на подножке / на ступеньке (АК2); оставлено свободное место, затем вписано рукой Гоголя (АК3)
- 27–28 усевшись получше ~ два горячие калача / а. усевшись на грузинском коврике, заложив за спину себе кожаную подушку, притиснув совершенно два горячие калача; б. уселся получше на грузинском коврике, заложив за спину себе кожаную подушку, притиснув совершенно два горячие калача (АК2); а. уселся получше на грузинском коврике, заложив за спину себе кожаную подушку, притиснул совершенно два горячие калача; б. усевшись получше на грузинском коврике, заложил за спину себе кожаную подушку и притиснул совершенно два горячие калача (АК3); Как в варианте б. АК3 (АК4)
- 28–29 и экипаж пошел опять / а. пошел опять; б. и пошел опять экипаж (АК2); и пошел опять экипаж [◇] (АК3)
- 31 дома, стены, заборы / дома, стены, забор (АК3, АК4, МД1)
- 31–32 которые также / которые тоже (АК2); которые тоже [◇] (АК3)
- 35–36 во всю длину ее / во всю длину улицы [◇] (АК2)
- 36–38 Чичиков, высунувшись ~ хоронят прокурора. / а. Чичиков высунулся, чтоб рассмотреть, кого хоронят. Гроб был открыт и несен на траурном катафалке. С каким-то неизъяснимо странным чувством и почти даже с испугом узнал он прокурора: те же неподвижные черты, какие видны были на нем и при жизни; один нос только, казалось, сделался больше и острее. Густые брови были так же приподняты над закрытыми глазами.; б. Как в тексте, со следующим вариантом (АК2):
- 36–37 высунувшись, велел Петрушке / высунулся [и], велел [Селиф(ану)] Петрушке (АК2); высунулся, велел Петрушке [◇] (АК3)
- 40 таким образом остановлен / таким образом арестован [◇] (АК2)
- С. 207
- 2–5 и пеших и ехавших ~ сквозь стеклышка, находившиеся / а. и пешком и в каретах. Он сам отчасти занялся рассматриванием в стеклышко, находившееся; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 3 а барин, приказавши им / Он приказал [и Петрушке, и Селифану] им (АК2); а. он приказал им; б. а барин, приказав им (АК3); а барин, приказав им (АК4)
- 4 тоже принялся рассматривать / и сам принялся рассматривать [ро(бко)] робко (АК2); и сам принялся рассматривать робко [◇] (АК3)
- 5 сквозь стеклышка / сквозь стеклышки (МД2)

- 6 Он начал было / Заметив их, он начал было (АК2); Заметив их, он начал было \diamond (АК3)
- 8–9 какие обыкновенно ведут / которые обыкновенно плетут \diamond (АК2)
- 16 делали предположения / и делали предположения \diamond (АК2); и делали предположения (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 16 и хлопотали / и говорили (АК2); и говорили \diamond (АК3)
- 20 произнесши от души / и от души произнес (АК2); и от души произнес \diamond (АК3)
- 22 к прискорбию подчиненных / ко всеобщему прискорбию подчиненных (АК2, АК3, АК4)
- 26 всего только и было / всего, может быть, только и было \diamond (АК2)
- 28 однако же / однако ж (АК4, МД1, МД2)
- 30 Бричка между тем поворачивала / Бричка между тем поворотила (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 31–32 предвещавшие конец города / предвещавшие приближавшийся конец города \diamond (АК2)
- 32 Вот уже и мостовая кончилась / уже мостовая кончилась \diamond (АК2)
- 32 шлагбаум / шлахбаум (АК4)
- 33 и ничего нет / и ничего уже нет \diamond (АК2)
- 33–34 по обеим сторонам столбового пути / по обеим сторонам пути столбового \diamond (АК3)
- 35–37 и бойким бородатым хозяином ~ с овсом в руке / а. мужиком, несущим в руке овес, ребятишками, горшками; б. хозяином, бегущим из постоянного двора с овсом в руке (АК2); хозяином, бегущим из постоянного двора с овсом в руке \diamond (АК3)
- 39 мелюзгой / мелузой (АК2, АК3, АК4)
- 39–40 рябые шлагбаумы, чинимые мосты / а. рябые шлагбаумы; б. рябые шлагбаумы, подчиняемые мосты (АК2); рябые шлагбаумы, подчиняемый мост (АК3); рябые шлагбаумы, *〈оставлено свободное место〉* мост \diamond (АК4)

С. 208

- 1–2 зеленый / свинцовый \diamond (АК2 — *рукой П.В. Анненкова*)
- 2 с свинцовым горохом / с свинцовым порохом (АК3); с свинцовым порохом \diamond (АК4)
- 3–4 черные полосы, мелькающие по степям / полосы, лентами мелькающие по степям \diamond (АК2)
- 7–8 бедно, разбросанно и неприятно в тебе / бедно, разбросанно и неприятно в тебе (АК3); а. бедно, разбросанно и неприятно в тебе; б. (*ценз.*) бедна природа в тебе (АК4); бедна природа в тебе (МД1, МД2)
- 8 дерзкие дива природы / дерзкие дивы природы (АК2, АК3, АК4); дерзкие ее дива (МД1, МД2 — *исправление связано с предшествующей цензурной правкой*)
- 11 в шуме и в вечной пыли водопадов / а. покрытые вечным шумом и пылью водопадов; б. среди шума и вечной пыли водопадов (АК2); среди шума и вечной пыли водопадов \diamond (АК3)

- 12 громоздящиеся без конца над нею / далеко пропадающие на дне \diamond (АК2)
- 13–15 не блеснут ~ сквозь них вдали / а. и сквозь наброшенные с плющами и тысячью растений громадные арки не блеснут вдали; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 14 темные арки / арки \diamond (АК2)
- 14–15 опутанные ~ миллионами диких роз / а. опутанные мхами, плющами, виноградными сучьями, дикими розами и маком; б. поросшие виноградными сучьями, плющом, розами и маком (АК2); а. поросшие виноградными сучьями, плющами и розами; б. Как в тексте, со следующим вариантом (АК3):
- 14 плющом / плющами (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 15 сквозь них / сквозь тень \diamond (АК3)
- 18–19 ничто не обольстит / ничто не прельстит \diamond (АК2)
- 19 не очарует взора / а. не очарует в тебе; б. не очарует взора; в. не очарует в тебе; г. не очарует (АК2); не очарует \diamond (АК3)
- 20 раздается немолчно в ушах / раздается в ушах немолчно \diamond (АК3)
- 21–22 от моря и до моря, песня / а. *(оставлено свободное место)*; б. от моря до моря, песня (АК3); от моря до моря, песня (АК4)
- 29 перед твоим пространством / пред твоим пространством (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 33 во глубине моей / в глубине моей (АК3, АК4)
- 34 властью / властью (АК2); властью \diamond (АК3)
- С. 209
- 4 В последний раз / Последний раз \diamond (АК2)
- 5 дрожь прохватила члены / дрожь прохватила тело (АК2, АК3, АК4)
- 6 как соблазнительно крадется дремота / как соблазнительная крадется дремота (АК3)
- 7 сквозь сон слышатся / сквозь сон слышится (АК3, АК4)
- 10–11 остроконечьями / остроконечиями (АК2, АК3, АК4)
- 11 темные бревенчатые и белые каменные дома / темные и белые каменные дома (АК2); темные и белые каменные дома \diamond (АК3)
- 12 будто белые полотняные платки / как белые полотняные платки (АК2, АК3, АК4)
- 25–26 летит тебе в очи / летит к тебе в очи (АК2); летит к тебе в очи \diamond (АК3)
- 27 свежее и жестче / свежее *(оставлено свободное место)* \diamond (АК3)
- 30 слышишь / а. слышит; б. (кар.) слышится (АК4); слышится (МД1, МД2)
- 34 невыносимый аппетит / чертовский аппетит \diamond (АК2)
- 35 хороша подчас / хороша *(оставлено свободное место)* \diamond (АК3)
- 35–36 как погибающий и тонущий / как погибающий, тонущий (АК2); как погибающий, тонущий \diamond (АК3)
- 36–37 великодушно меня выносила / меня великодушно выносила (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 38–39 дивных впечатлений / давних впечатлений \diamond (АК3)

- 1–2 поглядывал только изредка назад / поглядывал только назад (АКЗ, АК4, МД1, МД2)
- 3 ни кузниц, ни мельниц, ни всего того / что ни шлагбаума, ни кузниц, ни всего того [◊] (АК2)
- 5 давно ушли в землю / давно спрятались и ушли в землю [◊] (АК2)
- 6 поглядывал покойно / поглядывал только (АКЗ, АК4, МД1, МД2)
- 6 город N. / город N^x (АК2)
- 7–8 когда-нибудь давно, в детстве / когда-нибудь в детстве [◊] (АК2); давно в детстве (АКЗ, АК4, МД1, МД2)
- 8–9 Наконец и дорога ~ закрывать глаза / а. Иногда только в необъемной картине, в сжатых рамках и уменьшенном виде носились перед ним городское общество, губернатор, бал, висты до петухов, осетрина, белуга, гостиница, странное смущение и последнее конфузное свидание с чиновниками, но и это становилось бледнее, бледнее, подобно последним оттискам какой-нибудь яркой гравюры или тем пятнам, которые мерещатся в глазах наших после того, как мы пристально глядели на понизившееся солнце. Долго еще эти пятна носятся перед нами горячо и ярко, отпечатываясь на всем, что ни видит глаз: на полях, озаренных вечерним блеском, с пробудившимся шумом насекомых и яркими звездами полевых цветов, приподнявшихся на тонких стеблях, на красноватой пыльной дороге, на старенькой крыше сельской лачуги, обросшей дикой полынью, на складываемых скирдах свежего сена, на мужиках, подымающих его на вилы, — словом, на всем круглятся и носятся эти пятна, сначала раскаленные и яркие, потом бледнее и, наконец, уже потухнувши, они все еще видятся пред глазами, как темные свинцовые пули. Наконец Чичиков перестал вовсе думать, стал слегка закрывать глаза (к словам: с пробудившимся шумом насекомых и яркими звездами полевых цветов — *последующие варианты карандашом между строк*: с зашумевшими(?) насекомыми(ми) и яркими звездами тонких цветов*; на тонких стеблях почу(я)вшие вечер яркие искры полевых**); б. Иногда только ~ висты до петухов, закуски с осетрами, гостиница, странное смущение ~ и это становилось чем далее, бледнее, подобно тем пятнам, которые ~ озаренных вечерним блеском, оглашенных трескучим стрекотаньем кузнечиков, на красноватой пыльной дороге ~ обросшей дикой полынью, на метаемых стогах свежего сена, на мужиках, подающих его на вилы ~ уже потухнувши, они все еще бегают перед глазами, как свинцовые пули. Наконец Чичиков перестал вовсе думать, стал слегка закрывать глаза; в. Иногда, впрочем, в какой(-то) сжатой картине и в тесных рамках проносился пред ним вдруг город, общество, дамы, висты до петухов, последнее смущенье городское; г. Чуть мелькали бледно в памяти обеды, висты до петухов, губернатор, бал, кулак Собакевич; д. Иногда вдруг нена(ро)ком(?) (не закончено); е. Иногда вдруг ненароком как, бледнея (не закончено) [◊] (АК2)
- 10 этому даже рад / что этому даже рад [◊] (АК2)

- 10–11 находя таким образом случай / находя случай \diamond (АК2 — исправление рукой П.В. Анненкова)
- 13 тысяча тех мелочей / тысячи тех мелочей (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 14 покамест / покаместь (АК2); покаместь \diamond (АК3)
- 17–18 Очень сомнительно ~ понравился читателям. / а. Автор должен сказать, что он весьма сомневается, чтобы избранный Герой его понравился читателям.; б. Очень сомнительно, чтобы [Герой наш] избранный нами Герой понравился читателям. (АК2)
- 18–19 можно сказать утвердительно / можно сказать наверное \diamond (АК2)
- 19–21 чтоб герой был ~ тогда беда / а. чтоб герой был чудом во всех частях, чтоб это было такое совершенство, чтобы ни душевного, ни телесного пятнышка в нем не было бы видно, и если какая-нибудь безделица, нос как-нибудь не так или иное не хорошо — тогда беда! б. чтоб герой был чудом во всех частях, чтоб он был решительное совершенство, чтобы не было и видно которого-нибудь душевного или телесного пятнышка — тогда беда!* \diamond (АК2)
- 21–22 Как глубоко ни загляни ~ никакой цены. / а. Никакой цены не дастся Автору, как глубоко ни загляни он ему в душу, хоть отрази чище зеркала его образ.; б. Как в тексте, со следующим вариантом (АК2):
- 21 Как глубоко ни загляни автор ему в душу / Как глубоко ни загляни Автор в душу своему герою (АК2); Как глубоко ни загляни Автор в душу своему Герою \diamond (АК3)
- 22–23 полнота и средние лета Чичикова много повредят ему / полнота и средние лета Героя много повредят ему \diamond (АК2)
- С. 210–211
- 25–9 и при всем том он не может ~ добродетельного человека. / а. и он признается, что до сих пор еще не произвел ничего по внушению дамскому и даже чувствовал какую-то странную робость и смущение, когда дама облокотится на письменное бюро его. Теперь кончено все; даже и смущение не забирается в его душу. Воспитанный уединением, суровой внутренней жизнью, не имеет он обычая смотреть по сторонам, когда пишет, и только невольно разве, сами собой, остановятся глаза на висящих по стенам портретах Шекспира, Ариоста, Фильдинга, Сервантеса, Пушкина, отразивших Природу таковую, как она была, а не таковою, как угодно было, чтобы она была. На упреки, почему не избран в герои добродетельный человек, можно отвечать одно только: потому что нужно хоть на время дать роздых бедному добродетельному человеку, потому что добродетельного человека обратили в почтовую лошадь, и нет писателя, который бы не изъездил на нем, понукая ежеминутно кнутом и шпорами, потому что до того изморили его, что вышло теперь из него Бог знает что: одни ребра да кожа, а уже и тени [добродетели] в нем нет никакой добродетели.; б. Что ж делать, не могу на сей раз взять в Герои совершенного человека и при всем том не могу взять в Герои добродетельного, а берем Чичиков(а), но

утешьтесь, погодите [он будет] <...>¹ Может быть, в сей<?> же повести почуеться громкий <громкий *вписано*> рокот иных, еще доселе не бранных струн и грянет миру <...> несметное богатство Русского духа, появится муж, одаренный божескими добродете(лями) <...> русская чудная<?> <чудная *вписано*> Девица, какой не сыскать нигде в мире, со всей чудесной красотой [души] женской, вся из великодушия [которому] <...> и отвержения. И покажутся мертвыми пред ними<?> все добродетельные люди других племен и [языков] народов, как <...> покажется <...> перед живым словом. <...> Подымутся из <...> тайников Русской души движения <...> и узрят, как глубоко заронилось<?> в славянскую природу то, что [легко<?>] скользнуло по природе других <...> Брызнут, брызнут слезы слезы <...> Но [куда?] зачем, к чему [открывать] говорить о том, что будет впереди. Неприлично Автору, будучи уже давно <давно *вписано*> мужем, воспитанному суровою внутреннею жизнью и <...> [уединеньем] живящей трезвостью уединенья, забываться подобно юноше. Всему будет пора и всему <...>. Терпеливо и <...> И так <...> возражают<?> Автору, избра(вшему) добродетельного. Нельзя избрать в героин<?> добродетельного человека, потому что не уважают <...> что пора дать роздых бедному добродет(ельному), потому что [не уважают] обратили в лошадь<?> добродетельного и потому что нет писателя, который бы не объездил добродетельного, понукая его и кнутом и чем ни попало, потому что изморили его до того, что в нем теперь и тени нет добродетельного человека, одни<?> ребра да кожа, потому что не уважают<?> добродетельного человека⁺; в. *Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):*

С. 210

- 26–27 но... может быть, в сей же самой повести / но терпенье! В сей же самой повести, может быть [◊] (АК2)
- 27–29 почуются иные ~ русского духа / а. почуеться рокотанье иных, еще доселе не бранных струн, и несметное богатство русского духа; б. почуются иные, еще доселе не бранные струны, и грянет несметное богатство русского духа (АК2); почуются <оставлено свободное место> еще доселе небранные струны, грянет и несметное богатство русского духа [◊] (АК3)
- 29 пройдет муж / [предстанет миру] пройдет муж (АК2)
- 29 одаренный божескими доблестями / а. одаренный божескими доблестями; б. (ценз.) одаренный божественными доблестями (АК4); одаренный божественными доблестями (МД1, МД2)
- 31–32 стремленья и самоотверженья / стремления и самоотвержения (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 32 И мертвыми покажутся пред ними / [Подымутся русские движения...] и мертвыми покажутся пред ними (АК2)
- 33 люди других племен / люди других племен и народов [◊] (АК2)
- 33 перед / пред (АК3, АК4, МД1)

¹ Отточиями с вопросом в угловых скобках отмечены неразобранные слова.

Мертво и сероно происшедши нашего Федора
Родители были зловреды, но стобобая, или миссия,
был взглядъ, Лиценъ охъ на нихъ неполадитъ, Па-
рошней широтъ была какъ родственника бывшая при
рождении нелегкая короткая или тучина, по-
торней обихованно навиваютъ тучинами, вилимъ
въ руки ребенка возмущено: совсѣмъ тамъ не
такой какъ я думала! Душа въ асфодово пошлю
въ бабу съ материей сторовы, стобило бы и
мудр, о охъ пошлю те въ стовы те въ стовы,
въ стовы просто какъ говорить пошлюца:
ни въ стовы те въ стовы на те про шлого пашу:
Мать при параличъ ввалила на него какъ то
хило-неприсотко, съвое како-то нутное за-
мисленое стовило охоло: Ни друга ни то-
варица въ стовы! Машинная горница
съ пашинкой ни охоло ни стовило стовило ни
въ стовы те въ стовы. Отецъ бешко и геловка
въ стовы стовило и въ стовы стовило и стовило
въ стовы стовило стовило стовило стовило
сово по пошлю те и стовило въ стовило
въ стовы стовило, стовило стовило по
лавке, стовило стовило стовило стовило
въ стовы стовило по стовило и стовило
на стовы, стовило стовило стовило стовило:
Не лги, пошлю стовило стовило и стовило
добродотель, стовило стовило и стовило
по стовило стовило и стовило по стовило
серовый стовило: стовило стовило! стовило стовило
въ стовы стовило стовило стовило стовило стовило
при стовило на стовило стовило стовило стовило
или стовило стовило стовило стовило стовило

«Мертвые души». Черновой автограф фрагмента главы XI, предшествующий нижнему слою третьей авторизованной копии (третья редакция). Л. 1. Российская национальная библиотека. Санкт-Петербург

- 34 и увидят / и узрят \diamond (АК2)
- 35 что скользнуло / а. что скользнуло; б. (кар.) что проскользнуло $\langle\text{?}\rangle$ \diamond (АК3)
- 37–38 воспитанному суровой внутренней жизнью / воспитанному суровым внутренним уединением \diamond (АК2)
- 37–38 воспитанному суровой / а. Как в тексте; б. воспитанному в \diamond (АК3)
- 38 внутренней жизнью / внутренней жизнью \diamond (АК3)
- 38 свежительной трезвостью / живою трезвостью (АК2); а. живою трезвостию; б. свежительной трезвостию (АК3); свежительной трезвостию (АК4)
- 40 не взят в герои / а. не взят в Герои Романа; б. покамест не взят в Герои Романа (АК2); покамест не взят в Герои Романа \diamond (АК3)
- С. 210–211
- 40–1 И можно даже сказать, почему не взят. *вписано* (АК2)
- С. 211
- 1–2 бедному добродетельному человеку / бедному добродетельному (АК2); бедному добродетельному \diamond (АК3)
- 2–3 праздно вращается на устах слово / бледным словом наконец сделался \diamond (АК2)
- 3–4 обратили в рабочую лошадь / обратили в лошадь (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 4–5 который бы не ездил на нем / который бы не съездил на нем (АК2)
- 5 понукая и кнутом / понукая и кнутом его (АК2); понукая и кнутом его \diamond (АК3)
- 5 чем попало / чем ни попало (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 7 и остались / а остались (АК4, МД1, МД2)
- 7–8 ребра да кожа вместо тела / а. ребра да кожа добродетельного человека; б. ребра да кожа от прекрасного $\langle\text{?}\rangle$ тела \diamond (АК2)
- 9 потому что не уважают добродетельного человека / потому что [не уважали, наконец, в душе] не уважают добродетельного человека (АК2)
- 9–10 пора наконец припрячь / пора наконец припречь (АК2, АК3, АК4)
- 10 и подлеца. Итак, припряжем подлеца. / и подлеца. \diamond (АК3); а. Как в тексте; б. (ценз.) и $\langle 1$ нрзб. – *выскоблено, возможно: плутоватого* человека. Итак, припряжем его; в. и плутоватого [человека]. Итак, припряжем его, [и] плутоватого человека! (АК4); и плутоватого. Итак, припряжем его, плутоватого человека! (МД1, МД2)
- 11 Темно и скромно происхождение нашего героя.² / а. Ни об отдаленном происхождении Героя ничего не упомянем; родословная его темна; б. Об отдаленном происхождении ~ темна (АК2)
- 11 происхождение / происхождение (АК3, АК4, МД1, МД2)

² Текст: Темно и скромно ~ Но мы стали говорить довольно громко (с. 211–231, строка 5) — в АК2 представлен одной редакцией, а в последующих источниках — другой (впервые новая редакция этого фрагмента биографии Чичикова зафиксирована в черновом автографе — ЧАб, далее — в АК3, АК4, МД1, МД2).

- 11 Родители были / говорят, родители были (АК2)
- 12 Бог ведает / наверное неизвестно (АК2)
- 12–18 лицом он на них ~ как говорит пословица / а. Лицом на них он, кажется, совсем не походил, по крайней мере, какая-то родственница, находившаяся в их доме по случаю его рождения, выразилась пословицею: родился де; б. Лицом на них он, кажется, не походил ~ находившаяся в доме по случаю ~ родился де (АК2)
- 13 близкая родственница / родственница (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 13–14 бывшая при его рождении / бывшая при рождении (ЧА6); бывшая при рождении [◊] (АК3)
- 17 с матерней стороны / с матерней стороны (ЧА6); с нашей стороны [◊] (АК3)
- 17 а он родился / а он [пошел ни в мать ни в отца, а в] родился (ЧА6)
- 18–19 а в проезжего молодца / а в проезжего молодца (ЧА6); но в проезжего молодца [◊] (АК3)
- 19–27 Жизнь при начале ~ пропись перед глазами / а. Никаких тоже подробностей детства не осталось в его воспоминании. Он помнил только неясно, что отец был какой-то высокий, худощавый и несколько чахоточный человек, который ходил по комнате в весьма длинном сертуке, плевал в песочницу, стоявшую в углу, глубоко вздыхал и бил очень больно линейкою по рукам нашего Героя за всякую ошибку, которую он делал, упражняясь³ в писании вечно находившейся перед ним прописи; б. О детстве своем мало помнил, только помнил слегка отца, чахоточн(ого) человека, который ходил по комнате в длинном сертуке ~ бил его очень больно линейкою по рукам за всякую ошибку ~ прописи *; в. О детстве своем он мало помнил. Помнил только слегка худощавого человека, который ходил по комнате ~ бил очень больно [линейкою его] его линейкою по рукам за всякую ошибку ~ прописи (АК2)
- 19–20 кисло-неприятно / кисло-неприятно [◊] (АК3)
- 23–24 на мерлушках ~ на босую ногу *вписано* (ЧА6)
- 24 беспрестанно вздыхавший / беспрестанно вздыхавший (АК4, МД1, МД2)
- 26 с пером в руках / [вечная пропись перед глаза(ми)] с пером в руках (ЧА6)
- 26 чернилами на пальцах / и чернилом на пальцах [◊] (ЧА6)
- 27–36 Не лги ~ бледную память. / а. добродетель есть сама себе награда; б. [Никогда] Не лги, послушествуй [выс(шему?)] старшим и носи добродетель в сердце (АК2)
- 28 носи добродетель в сердце / носи добродетель [◊] (ЧА6)
- 29 знакомый / И знакомый (ЧА6, АК3, АК4)
- 30 отзывавшийся в то время / раздававшийся в то время [◊] (ЧА6)
- 30–31 однообразием труда / однообразием [◊] (ЧА6)
- 32 и вечно знакомое / и знакомое [◊] (ЧА6)

³ Текст: Об отдаленном происхождении ~ которую он делал, упражняясь — перечеркнут.

32–33 когда вслед за сими словами краюшка уха / когда [при этих] вслед за сими словами [когда край уха] краюшка уха (ЧА6)

35–36 бледную память / бедную память [◊] (ЧА6); бедную память [◊] (АКЗ)

С. 211–215

36–19 Но в жизни все меняется ~ приняться за дело и службу. / а. Как он учился в училище, об этом ничего неизвестно; замечательно то, что он был один из тех, которых несколько трудно было надуть, и вел себя в отношении к товарищам таким образом, что они его угощали, а не он их. Поведения он был очень хорошего: ничего не было в нем буйного или непокорного начальству; напротив, все отзывалось самою похвальною тихостию: никаких беспорядочных движений: перелезть на диво всем через забор, прочитать в скамейке роман во время скучной лекции, издержать без толку деньги в театр — словом, ничего такого, к чему влекутся молодые души. Никогда не являлся он неряхой или растрепой и баллы в поведении получал отличные. Но при всех таких похвальных качествах, он бы мог остаться, как и все другие, наделенные ими, тем, что называют в обширном смысле: хороший человек, т.е. весьма гладенький, обыкновенный, опрятный человек, без всяких резких выпуклостей, если бы не обнаружилось в нем рано одно чувство, внутренне уничтожавшее видимую ровность его характера: это чувство было — маленькое стремление приобретать копейку, означающее, как известно, благоразумного и основательного человека. Еще в те годы, когда человек еще почти ребенок и думает только о том, как бы устроить себе поуже талию в мундире или фраке, он уже питал влечение ко всякого рода движимым и недвижимым имуществам. Изю всего, что когда-либо случалось читать ему на веку, ему более всего нравилась затвердившаяся еще в детстве историйка о молочнице, несшей кувшин и замечтавшейся о том, как она распорядится с деньгами, вырученными за молоко, как сначала заведет она маленькую свинку, как эта свинка, сделавшаяся свиньей, наведет поросенков, как эти поросенки, сде(ла)вшись каждый с своей стороны тоже свиньей, доставят столько денег, что можно будет купить корову, а потом кобылу, а потом пойдет целый завод лошадей и коров, а потом дом с огородами, а потом сады, деревни и проч., что далее, то лучше, как говаривал один помещик, имевший обыкновение начинать есть спаржу с другого конца и потом уже доходивший до верхушки. В этом постепенном возрастании было для него что-то необыкновенно радостное; зато никак не мог он слушать равнодушно окончание истории, когда молочница разбила кувшин, никогда, как сам он сознавался, не был он потом растроган так даже самой «Герцогинею Лавальер» — романом г-жи Жанлис. С такими чувствами, конечно, оставалось ему вступить в гражданскую службу; б. в училище он отличался больше поведеньем, чем наук(ами). [Ничего не заметно было в нем буйного или] Опрятность и тихость составляли <не закончено> Ничего не было в нем буйного или непокорного нача(льству). <...?> Но при всех сих похвальных качествах ~ хороший человек, умеющий [хорошо бриться]

весьма гладко бриться, вести^(?) кое-какие [дела] письменные дела и более ничего; никаких других^(?) умственных выпуклостей, но в нем [обнаружилось рано одно чувство] обнаружилась рано одна страсть, дававшая выражение всему характеру, — стремление приобретать копейку, [которое] означающее, как известно, благоразумного и основательного человека. Еще в те годы, когда человек почти ребенок и думает только, как бы устроить ~ замечтавшейся о том, как она, продавши его, купит [теленка, как теленок вырастет и будет корова] яиц, из яиц пойдут куры, продавши кур, купит теленка, как теленок вырастет и будет корова, [от коровы родятся телята^(?)] [продавши корову, купит] потом пойдут целый завод коров, пот^(ом) завод лошадей, а потом дом с огородами ~ вступить в гражданскую службу** ; в. В училище он отличался больше поведением, чем науками, [опрятность и тихость составляли две главные черты его характера] ничего не было в нем замечено буйного или непокорного начальству. Но при всех сих качествах [он в] из него вышел бы не более, как просто [обыкновенный] хороший человек, то есть умеющий весьма гладко выбриться и [заниматься] заняться кое-какими письменными делами, без всяких иных резких умственных выпуклостей (правка чернилами в слог в. на этом обрывается — АК2)

С. 211

- 37 разлившимися потоками / разлившимися [реками] потоками (ЧА6)
 38–39 которую потащила мухортая пегая лошадка / [в] которую [мухорта(я)] потащила мухортая пегая лошадка (ЧА6)

С. 212

- 1 крепостной семьи / [семьи] крепостной семьи (ЧА6)
 5 добрались до города / добрались [они] до города (ЧА6)
 5 Перед мальчиком / Перед Героем нашим \diamond (ЧА6)
 6 неожиданным / не[о]жданным (ЧА6)
 7 бултыхнула / буддыхнула (ЧА6)
 8–9 которую начинался ~ грязью / и в узкой переулок, весь запруженный грязью (ЧА6); и в узкий переулок, весь запруженный грязью \diamond (АК3)
 9–10 работала она там всеми силами / работала она там \diamond (ЧА6)
 12 расцветшими яблонями / расцвевшими яблонями (ЧА6); расцвевшими яблонями \diamond (АК3)
 13 и садиком ~ маленьким / и низеньким маленьким садиком позади \diamond (ЧА6)
 16–17 всякое утро / всякой день \diamond (ЧА6)
 17 сушившая потом чулки / а. сушившая потом постоянно чулки; б. сушившая постоянно потом чулки \diamond (ЧА6)
 18 потрепала мальчика по щеке / потрепала мальчика [тут же] по щеке (ЧА6)
 18 и полюбовалась его полнотою / полюбовавшись его полнотою (ЧА6); полюбовавшись его полнотою \diamond (АК3)
 19 остаться и ходить / остаться ходить \diamond (ЧА6)
 20 Отец ~ на другой же день / Отец на другой же день \diamond (ЧА6)

- 20–21 выбрался в дорогу / собрался в дорогу (ЧА6); собрался в дорогу \diamond (АКЗ)
- 21 слез не было пролито / слез не было видно \diamond (ЧА6)
- 22–23 дана была ~ наставление / а. но [д(ано?)], что гораздо важнее, дано было умное наставление; б. Как в тексте, со следующим вариантом (ЧА6):
- 22 на расход / на расходы (ЧА6); на расходы \diamond (АКЗ)
- 27–28 если уж пошло на то / если уж пошло \diamond (ЧА6)
- 35 потащился вновь домой / потащился домой (ЧА6); потащился домой \diamond (АКЗ)
- 38 с другого же дни принялся / принялся (ЧА6); принялся \diamond (АКЗ)
- 40 опрятностью / опрятностию (АКЗ, АК4, МД1, МД2)

С. 213

- 1 большой ум / ум \diamond (ЧА6)
- 2 понял дело / понял все (ЧА6); понял все \diamond (АКЗ)
- 2 повел себя / повел себя [точно таким] (ЧА6)
- 3 они его угощали / [больше] они его угощали (ЧА6)
- 3–5 он их ~ продавал им же / а. он никогда ни в каком случае, даже подчас приберегши то, что досталось ему на долю, продавал его [потом] тем же самим, которые его угощали; б. он никогда ~ то, что дали (не закончено) в. Как в тексте, со следующими вариантами (ЧА6):
- 3–4 он их не только никогда / он не только их никогда \diamond (ЧА6)
- 4 угощение / угощение (ЧА6); угощение \diamond (АКЗ)
- 5 продавал им же / продавал [его] им же (ЧА6)
- 5 Еще ребенком он умел / Еще ребенок, он умел (ЧА6, АКЗ, АК4)
- 6 Из данной отцом полтины / Из данной ему отцом на раставанье полтины меди он \diamond (ЧА6)
- 6–8 в тот же год ~ необыкновенную / а. тотчас сделал приращения. [Слепил] Еще ребенок, он уже показал оборотливость; б. тотчас сделал приращения, показав уже в юные лета оборотливость; в. тот же года (так в рукописи) уже сделал к ней приращения, показав таким образом большую оборотливость (ЧА6)
- 7 приращения / приращение \diamond (АКЗ)
- 7–8 показав оборотливость почти необыкновенную / показав таким образом большую оборотливость \diamond (АКЗ)
- 8 слепил из воску снегиря / Слепил из воску [какого-то] снегиря (ЧА6)
- 9–10 в продолжение ~ вот какие / пустился на другие спекуляции \diamond (ЧА6)
- 10–11 накупивши на рынке съестного, садился / накупивши на рынке [хлебов и пряников] кое-чего съестного, он садился \diamond (ЧА6)
- 11–12 побогаче / побогаче (ЧА6)
- 12 замечал, что товарища начинало тошнить / замечал, [начина(ло)] что товарища начинало слегка тошнить \diamond (ЧА6)
- 13–14 будто невзначай / как будто невзначай \diamond (ЧА6)
- 14 раззадоривши его / а. раззадоривши его; б. раззадоривши (ЧА6); раззадоривши \diamond (АКЗ)

- 14–15 брал деньги / брал с него деньги \diamond (ЧА6)
 15 соображаясь / соображаяся (АК3, АК4, МД1, МД2)
 15 провозился он / он провозился (АК3, АК4, МД1, МД2)
 16 без отдыха / не отдыхая \diamond (ЧА6)
 17–18 мышь становилась / мышь наконец становилась \diamond (ЧА6)
 18 ложилась и вставала / и ложилась и вставала \diamond (ЧА6)
 19 продал потом ее тоже / продал потом ее \diamond (АК3)
 19 Когда набралось денег / Когда набралось у него денег \diamond (ЧА6)
 20 мешочек / мешок \diamond (ЧА6)
 22 После: смирно — *зачеркнуто*: как он, и как только [уда(ряли?)]
 раздавался колокольчик, он мигом схватывался с места и подавал
 учителю трех прежде всех (учитель ходил в трехе) (ЧА6)
 23 поведенья / поведения (АК3, АК4, МД1, МД2)
 25 который уже попал / который попал (АК3, АК4, МД1, МД2)
 26–27 только пошевелнуться / только пошевелиться (АК3, АК4, МД1,
 МД2)
 28 Он его гнал и наказывал / Гоним и наказываем он был \diamond (ЧА6)
 33 дарованье / дарование (АК3); дарования (АК4, МД1, МД2)
 37 Солона заткни за пояс / *оставлено свободное место* заткни за
 пояс \diamond (АК3)

С. 214

- 3 был ли кто там / был ли кто в классе \diamond (ЧА6)
 4 Чичиков вдруг постигнул дух начальника / Чичиков вдруг постиг-
 нул [в] дух начальника (ЧА6)
 6 как ни щипали *зачеркнуто и восстановлено* (ЧА6)
 6 как только раздавался звонок / а. Как в тексте; б. и как только
 раздавался звонок (ЧА6); и как только раздавался звонок (АК3,
 АК4)
 10–11 Во все время ~ на отличном счету *вписано* (ЧА6):
 10 пребывания / пребывания (АК3, АК4, МД1, МД2)
 11 и при выпуске / При выпуске (ЧА6); при выпуске \diamond (АК3)
 11 получил / он получил \diamond (ЧА6)
 13 за примерное прилежание и благонадежное поведение / за прилежа-
 ние и поведение (ЧА6, АК3); за прилежание и поведение \diamond (АК4)
 13–15 Вышел из училища ~ бритвы. / а. Слов нет; б. Вышел из учили-
 ща, он очутился юношей с подбородком, потребовавшим бритвы.
 (ЧА6); Вышел из училища, он очутился юношей с подбородком,
 потребовавшим бритвы. \diamond (АК3)
 15–16 умер отец его / а. Как в тексте; б. умер отец (ЧА6); умер отец \diamond
 (АК3)
 16 В наследстве оказались / В наследстве оказалось (ЧА6, АК3,
 АК4)
 17 два старых сюртука / а. два сертука; б. два старых сертука (ЧА6);
 два старых сертука (АК3, АК4, МД1)
 20 с ничтожной землицей / с ничтожной землишкой (ЧА6); с ничтож-
 ной землишкой \diamond (АК3)
 23 другую вину / другое дело \diamond (ЧА6)
 23–24 поведенья / поведения (АК3, АК4, МД1, МД2)

- 27 мерещилась беспрестанно / мерещилось беспрестанно (АКЗ)
 28 узнавши / узнали как-то (ЧА6); узнали как-то \diamond (АКЗ)
 28–32 собрали тут же ~ жила! / Тут же собрали они деньги, какие могли, иные даже продали только что сделанное платье и отправились к Чичикову в твердой уверенности получить от него более, чем от других, как от человека, больше всего обязанного [св(о)му] учителю и притом имеющему в наличности тысячу рублей, о которой [узнал(и)] пронюхали вдруг, но обманулись, однако же, в надежде: Чичиков отговорился неимением и предложил самую малость: пятак серебра или что-то в этом роде. Товарищи бросили ему его в глаза, сказавши: «Эх ты *(оставлено свободное место для одного-двух слов)*», — и отправились к [учителю] [оставленному Педагогу] бедному Педагогу, которого нашли на соломе, высохшего, страшного, су(до)рожно вострепенувшегося при их виде и отворотившего голову <и отворотившего голову *вписано*>. «Вот вам, — сказали они, — все, что могли собрать. Дали бы больше, но больше нет у нас. Один из нас только не дал ничего [вам] и отказался прийти навестить вас: Ваш Павлуша». (ЧА6); а. Как в ЧА6 со следующим вариантом: вместо бросили ему его в глаза — бросили ему в глаза; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АКЗ):
 29 продав даже многое / продав даже [для этог(о)] многое (АКЗ)
 31 товарищи ему бросили / товарищи в лицо \diamond (АКЗ)
 31 сказавши / сказавши ему \diamond (АКЗ)
 32–36 когда услышал ~ прибавя тут же / Слезы градом полились из потухнувших очей, как у бессильного дитяти. [Собрал он] Собрав всю силу голоса, приобретшего потрясающее выражение, он произнес: «При смерти на одре довелось заплакать от радости!» Потом тяжело вздохнул и прибавил тихим, умирающим голосом (ЧА6); а. Как в ЧА6; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АКЗ):
 34 из погасавших очей / из болезненных очей его \diamond (АКЗ)
 35 привел Бог заплакать / довелось заплакать от радости (АКЗ, АК4)
 36 услышав о Чичикове, прибавя тут же / а. прибавив тихим, умирающим голосом; б. тут же прибавив \diamond (АКЗ)
 39 чтобы природа / что природа \diamond (ЧА6)

С. 215

- 1 он не знал / он не почувствовал \diamond (ЧА6)
 2 чтобы не заключалась это / чтобы помощь не заключалась \diamond (ЧА6)
 4 положено было не трогать / положено не трогать \diamond (ЧА6)
 5–7 Но в нем не было ~ жизнь / а. Он не имел даже привязанности собственно к деньгам, [но вдали ему] [скряжничества, скупости не было в его характере] не скупость двигала, но заманчиво мерещилась ему впереди беспрерывно жизнь; б. Как в тексте, со следующими вариантами (ЧА6):
 5 Но в нем не было / Впрочем в нем [однако же] не было (ЧА6); Впрочем, в нем не было \diamond (АКЗ)
 6 к деньгам для денег / к деньгам для денег [или] (ЧА6)
 7 мерещилась / мерещилось \diamond (АКЗ)

- 9–21 вот что ~ нужна протекция! / а. и для достижения сих роскошных благ скупко прятал он *(он вписано)* копейку, готовый отказать во всем как другим, так и себе самому. Несмотря на похвальные аттестаты, он с трудом, однако же, определился в казенную палату, и в самом *(самом вписано)* отдаленном захолустье нужна протекция!;
 б. Как в тексте, со следующими вариантами (ЧА6):
 10 вкусить / но вкусить (ЧА6); но вкусить \diamond (АКЗ)
 11–12 отказываемая до времени / отказываемая \diamond (ЧА6)
 12 проносился мимо его богач / проносился мимо \diamond (ЧА6)
 12–13 на пролетных красивых дрожках, на рысаках / на пролетных красивых дрожках, [*1 нрзб.*] на рысаках (ЧА6)
 17 впечатление, непостижимое / впечатление, почти непостижимое \diamond (ЧА6)
 18 После: не хотел даже отдохнуть — *зачеркнуто*: Не мог успокоиться (ЧА6)
 18–19 так сильно ~ за дело и службу / так хотелось ему начать скорее дело службою (ЧА6); так хотелось ему скорее начать дела службою \diamond (АКЗ)

С. 215–216

- 19–1 Однако же, несмотря на похвальные аттестаты ~ вовсе не ароматический. / а. он вступил в казенную палату какого-то губернского города. Нужно заметить, что палата особенно не отличалась взаимностью своих чиновников: тот глядел на всех волком и грубил начальнику и подчиненным, другой не грубил, но лицо имел престранное, точно дурно выпеченный хлеб: щеку раздуло в одну сторону, подбородок покосило в другую — словом, совсем не так, как хлеб, который удался, а скорее тот, который сам вылез из печи, вспучился на сторону каким-то пузырьем и сверх того в прибавку еще треснул; все служащее сословие плохо брилось, и подбородки в субботний день были похожи на железные напильники, такого же серожелезного цвета.; б. (*кар.*) он вступил в надворный суд. Надворный суд [не] отличался благообразием чиновни(ков). У многих были лица точно дурно выпеченный хлеб: щеку раздуло в одну сторону, подбородок покосило в другую, верхняя губа вздулась пузырьем и в прибавку треснула, словом, совсем некрасиво. Все служащее сословие ~ серожелезного цвета (АК2)

С. 215

- 22 тридцать / 30 (ЧА6)
 23 Но решился он / Но [он] решился он (ЧА6)
 23 службой / службою (АКЗ, АК4, МД1, МД2)
 24–25 И точно ~ неслыханное. / Самоотвержение и ограничение нужд показать неслыханное \diamond (ЧА6)
 24 И точно, самоотвержение / а. самоотвержение; б. самоотвержение, и точно \diamond (АКЗ)
 24 терпенье / терпение (АКЗ, АК4)
 27–28 спал в канцелярских комнатах на столах / а. спал в канцелярских столах комнатах (*так в рукописи*); б. спал на столах в канцелярских комнатах \diamond (АКЗ)

- 29 умел сохранить / он еще умел сохранить \diamond (ЧА6)
 29–30 сообщить лицу / и сообщить лицу \diamond (ЧА6)
 32 невзрачностью и неблагообразьем / невзрачностью лиц \diamond (ЧА6); невзрачностью и неблагообразьем (АКЗ, АК4, МД1, МД2)
 34 губу внесло / губу вздуло \diamond (ЧА6)
 38 в славянской природе / в славенской природе (АКЗ, АК4)
 39–40 уже, как говорится, нализавшись / уже налимонившись (ЧА6); уже налимонившись \diamond (АКЗ); как говорится, нализавшись (АК4, МД1, МД2)

С. 216–218

1–19 Между такими чиновниками ~ чиновное благородство! / Итак, среди таких товарищей немудрено, что новый чиновник много выиграл, благообразием и тою добродетелью, которую всякой отец рекомендует своему сыну и которая известна под именем искательности⁴. Посредством этой благословенной искательности он скоро пробился к непосредственному начальнику своему, какому-то повытчику, человеку суровому, неразговорчивому и вовсе не расположенному оказывать кому-нибудь свою благосклонность, но и повытчик не устоял, подался — и не успели оглянуться невзрачные чиновники, как взрачный уже переехал к нему на квартиру, стал жить с ним, совершенно как в семействе, исправлял должность домоводки, разливал чай, сек сына кухарки — словом, совершенно как у себя. Хозяин был вдовец, но имел зрелую дочь, наследницу благоприобретенного имения. По-видимому, казалось, он прочил ее в невесты Чичикову, и Чичиков, казалось, был тоже не прочь, обращался с ней как с невестой, повытчика называл папенькой и цаловал в руку, но как скоро получил место и сделался сам повытчиком, то переехал на другую квартиру, повытчика перестал звать папенькой и не цаловал больше в руку, а дело о невесте так и прошло, как будто не бывало вовсе. При всем том, однако же, он весьма приятно с ним раскланивался, когда встречался, запрашивал к себе на чай, так что престарелый чиновник, хотя и почесывался в затылке, но не мог не убедиться, что Чичиков, точно, очень приятный человек. С этих пор Герой наш стал думать серьезно, как, подобно всякому благо-разумному человеку, извлечь, что называется, выгоду из службы. С помощью ли увлекательной наружности или чего другого, о котором лучше знает всякий находящийся на службе, только ему удалось наконец получить наживное местечко. Целые две недели после этого присутствовало в лице его самое праздничное выражение. Он переманял даже беспрестанно чистые рубашки, и в глазах его было заметно что-то такое веселое, как у жениха. Радость, однако, была уменьшена принятыми строгими мерами правительства против взяток, но Чичиков и здесь нашелся и доказал старую истину, что русский человек сметлив и в таком случае именно и выкажет свою

⁴ *Вместо:* известна под именем искательности — *стало:* называется искательность (кар.)

изобретательность, когда его хорошенько прижмут. Скоро он из самого преследования извлек выгоды и возблагодарил даже Бога за всякие меры, предпринимаемые против взяток. Если являлся к нему проситель, он принимал его очень вежливо, даже обворожительно, уверял, что все будет сделано, что он не должен беспокоиться ни о чем, и если тот заикался как-нибудь о благодарности, то он обеими руками изъявлял совершенное отрицание, сопровождали многие приятные выражения: помилуйте, как можно; неужели вы думаете, чтобы я имел в виду какую-нибудь корысть; нет, сделайте милость, ничего, ничего не хочу: это наш долг, наша обязанность; будьте покойны: все будет сделано самым скорейшим образом и завтра же поутру вы получите известие⁵; позвольте узнать вашу квартиру, вам и беспокоиться незачем самим — все будет принесено к вам на дом, — так что проситель, очарованный, возвращался домой чуть не в восторге, но ожидает он день — ничего не приносит к нему на дом. «Ну, — думает, — сегодня он, верно, занят», но на другой день тоже, на третий — тоже; проситель решается идти сам в канцелярию, расспросить писарей и прочую мелузгу, и узнает, что дело и не начиналось. Он к [начальнику] Чичикову: «Ах, извините, — говаривал Чичиков, весьма приятно и дружественно схватив просителя за руки, — у нас было столько дел, но будьте покойны, завтра же будет сделано все и принесено к вам прежде обеда»; и все это сопровождалось самыми обворожительными движениями: если распахивалась как-нибудь пола халата, то рука в ту же минуту поспешно придерживала ее, словом, все в самом пристойнейшем виде, а, между тем, проситель ждет у себя на дому день, другой — не приносится дело на дом; он берется за ум: «да полно, нет ли здесь чего?» — расспрашивать того, другого — говорят, нужно дать писарям. — «Помилуйте, почему же не дать: я давно готов четвертак, другой». — «Нет, не четвертак, а по беленькой», — отвечают. — «Как по беленькой писарям! За три писанных строки!» — «Да писарям, — отвечают, — четвертак и придется, а остальное пойдет начальнику». — «Так вот что, — говорит проситель, — давши себе от души название дурака, — так зачем же, черт возьми, я даром сидел две недели!» И ворчит он, полный нехорошего расположения духа, браня на чем свет стоит изменившийся порядок вещей, что прежде было, по крайней мере, известно: принеси правителю красную, да и дело в шляпе, а теперь по беленькой, да еще провозишься две недели, черт бы побрал облагороженное обращение чиновников. (АК2)

С. 216

²⁻³ противоположность / противоположность другим (ЧА6); противоположность другим [◇] (АК3)

³ приветливостью / приветливостию (АК3)

⁵ и завтра же поутру вы получите известие *зачеркнуто карандашом*

- 3–4 и совершенным неупотреблением / и [неупо(треблением)] совершенным неупотреблением (ЧА6)
- 5 под начальство / под начало (ЧА6); под начало \diamond (АКЗ)
- 6 повитчику / повитчику (ЧА6); повитчику \diamond (АКЗ, кар. — и далее по тексту в подавляющем большинстве случаев)
- 8 никогда в жизни / никогда в жизнь (ЧА6, АКЗ, АК4)
- 8–9 не приветствовавший / [и] не приветствовавший (ЧА6)
- 9 запросом о здоровье / вопросом о здоровье \diamond (ЧА6)
- 10 хоть на улице / ни на улице \diamond (ЧА6)
- 11 показал он в чем-нибудь участие / а. обрадовался чему-нибудь; б. показал к чему-нибудь участие (ЧА6); показал в чем-нибудь участие \diamond (АКЗ)
- 11–12 хоть бы напился / хоть бы [раз] напился (ЧА6)
- 13 дикому, искаженному веселью / дикому веселью (АКЗ, АК4, МД1, МД2)
- 13–14 предается разбойник в пьяную минуту / предается разбойник \diamond (ЧА6)
- 14–16 но даже тени ~ страшное являлось / а. Но казалось, в нем ничего не было, ничего: ни злодейского, ни доброго; б. Как в тексте, со следующими вариантами (ЧА6):
- 14–15 Ничего не было в нем ровно / Ничего не было в нем (ЧА6); Ничего не было в нем \diamond (АКЗ)
- 15 ни злодейского, ни доброго / ни злодейского, ни доброго [— словом] (ЧА6)
- 15–16 и что-то страшное / Даже страшное \diamond (ЧА6)
- 16–18 Черство-мраморное ~ сходство / а. Лицо его походило на мраморное, никакой резкой неправильности или особенности, дававшей бы ему с чем-нибудь сходство; б. Черство-мраморное лицо его не имело даже никакой резкой неправильности, особенности, дававшей бы ему с чем-нибудь сходство (ЧА6); а. Как в варианте б. ЧА6; б. Черство-мраморное лицо его не имело даже никакой резкой неправильности, дававшей бы ему с чем-нибудь сходство (АКЗ); Как в варианте б. АКЗ (АК4)
- 18 были черты его / были все черты его (ЧА6); были все черты его \diamond (АКЗ)
- 18–20 Одни только ~ по народному выражению / а. набрасывали на него черствой характер (так в рукописи) только какие-то частые рябины и ухабины, как будто бы по народному выражению; б. Одни только частые рябины и ухабины густо истыкали его, как будто бы по народному выражению (ЧА6); а. Как в варианте б. ЧА6; б. Как в тексте, со следующим вариантом (АКЗ):
- 19 истыкавшие их / истыкавшие их [густо да] (АКЗ)
- 21 молотить горох / молотить на нем горох (ЧА6); молотить на нем горох \diamond (АКЗ)
- 21–22 не было сил человеческих / не было сил [сла<...?>] человеческих (ЧА6)
- 22 и привлечь / и [чем-нибудь] привлечь (ЧА6)

- 23 Чичиков попробовал / Чичиков попробовал и около него \diamond (ЧА6)
 23 принялся угождать / принялся [во всем] угождать (ЧА6)
 27 для его чернильницы / у его чернильницы \diamond (ЧА6); для его чернилицы (АКЗ, АК4)
 27–28 отыскал где-то его шапку / отыскал где-то шапку \diamond (ЧА6)
 29 всякой раз клал ее возле него / а. клал возле него; б. клал ее возле него (ЧА6); клал ее и клал ее возле него \diamond (так в рукописи – АКЗ)
 31 все это осталось / все осталось \diamond (ЧА6)
 32–33 домашнюю, семейственную жизнь / домашнюю и семейственную жизнь \diamond (ЧА6)
 33–34 дочь с лицом, тоже похожим / дочь [на которой тоже] с лицом, тоже похожим (ЧА6)
 35 С этой-то стороны / С этой стороны \diamond (ЧА6)
 35–36 придумал он навести приступ / а. придумал сделать приступ; б. придумал он произвести приступ (ЧА6); придумал он произвести приступ \diamond (АКЗ)
 36 Узнал / Узнав (МД2)
 36 приходила она / приходила \diamond (ЧА6)
 36–37 по воскресным дням / по воскресеньям (ЧА6); по воскресеньям \diamond (АКЗ)
 37 всякой раз / всякой \diamond (ЧА6)
 37–38 чисто одетый, накрахмаливши сильно манишку / чисто одетый и накрахмаливши сильно манишку (ЧА6, АКЗ, АК4)
 39 зазвал его на чай / стал зазывать на чай (ЧА6); стал зазывать на чай \diamond (АКЗ)
 40 устроилось дело так, что Чичиков переехал / устроилось дело так, что Чичиков переехал (ЧА6); устроилось дело, так что Чичиков переехал (МД1, МД2)

C. 216–217

- 40–1 к нему в дом / к нему на дом (ЧА6)

C. 217

- 4–9 Суровый повытчик ~ секретно домой / а. Чичиков вдруг пошел и получил сам место повитчика. Как только получил он повитчика, сундук был в ту же почти минуту [отправлен] [был отправлен] отправлен [домой] секретно домой; б. Чичиков получил давно [жел(анное)] искомое и желанное место повитчика. Как только получил он повитчика, сундук был в ту же почти минуту отправлен секретно домой (ЧА6); а. Как в б. ЧА6; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АКЗ):
 4–5 повытчик стал даже / повытчик [стал за него слугой] стал даже (АКЗ)
 7 В этом, казалось / В этом [только], казалось (АКЗ)
 9 на другой день очутился / на другой же день очутился он (ЧА6); на другой же день очутился он \diamond (АКЗ)
 11–12 как будто вовсе ничего не происходило / как будто [его совсем не было] вовсе ничего не происходило (ЧА6)

- 13 приглашал к себе на чай / приглашал [его] к себе на чай (ЧА6); приглашал его на чай (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 17 Это был самый трудный порог / Это было самый трудный порог (АК3, АК4)
- 18 С этих пор все пошло легче и успешнее. / С этих пор пошло легче и успешнее. (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 19–22 Все оказалось в нем ~ что называют / а. [искательность и умение обращаться оказались в нем] искательностью и уменьем обращаться он овладел во всей силе. В одно и то же время он соединил в себе и приятность в оборотах и [уме] поступках и способность в деловых делах. [Словом, оказался человеком] С такими средствами он добыл себе то, что называют; б. Как в тексте, со следующими вариантами (ЧА6):
- 19 нужно для этого мира / нужно в этом мире (ЧА6); нужно в этом мире \diamond (АК3)
- 20 бойкость в деловых делах / бойкость в деловых делах и наконец: искательность, способность чудная, которая не всякому дается \diamond (ЧА6); бойкость в делах деловых \diamond (АК3)
- 21 добыл он / добыл он себе (ЧА6, АК3, АК4)
- 22 хлебное местечко / наживное местечко (ЧА6); наживное местечко \diamond (АК3)
- 24 преследованья / преследования (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 24 всяких взяток / всяких взятков (ЧА6)
- 24–25 преследований ~ в свою пользу / но он этого не испугался ничуть [не испугал(я)] и тот же час обратил все преследованья в свою пользу (ЧА6); но он этого не испугался ничуть и тот же час обратил все преследования в свою пользу \diamond (АК3)
- 27 как только приходил проситель / как только [яв(лялся?)] приходил проситель (ЧА6)
- 28 с тем, чтобы вытащить / чтобы вытащить (ЧА6); чтобы вытащить \diamond (АК3)
- 30–31 с улыбкою / с улыбкой (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 31–32 Это наш долг / [Мы ничего не берем] Это наш долг (ЧА6)
- 32 мы должны сделать / мы должны это сделать (ЧА6); мы должны это сделать \diamond (АК3)
- 40 говорил Чичиков / говорит Чичиков (АК4)
- С. 218
- 2 все будет сделано / все будет сделано [Про(ситель?)] (ЧА6)
- 3 движениями / движениями (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 4–5 рука в ту же минуту старалась / рука в ту же старалась (ЧА6)
- 7 Выведывает / Выведывать (ЧА6, АК3, АК4)
- 12 остальное пойдет по начальству / остальное пойдет к начальству (АК4, МД1, МД2)
- 13–14 новый порядок вещей, преследование взяток / новый порядок вещей, преследованье взятков (ЧА6); новый порядок вещей, преследование взятков \diamond (АК3, кар.); а. Как в тексте; б. (ценз.) новые обычаи (АК4); новые обычаи (МД1, МД2)

- 15 обращения чиновников / обращения нынешних чиновников (ЧА6);
 а. обращения нынешних чиновников; б. (кар.) обращения чиновников; в. (кар.) обращения нынешних чиновников (АК3); обращения
 нынешних чиновников \diamond (АК4 — нынешних *выскоблено*)
- 17–18 неделю провозишься, пока догадаешься / неделю провозишься \diamond
 (ЧА6)
- 18–19 чиновное благородство / чиновную вежливость \diamond (ЧА6)
- 19–21 Проситель, конечно, прав ~ писаря мошенники. / а. Впрочем, в этом
 нечего винить Чичикова, он поступал сообразно с мнением других,
 не один он выиграл чрез преследование взяток, ибо оказались две
 выгоды: доходов ничуть не меньше, если не больше, но взяточ-
 ником уже никто не назовет, а, напротив, всякой скажет: «О! он
 известный добряк, честнейшая душа, но секретари мошенники.»;
 б. Впрочем, Чичиков [не совсем] был [виноват] не виноват. [Мно-
 гие с тех пор [д(ействовали?)]] также] Многие так действовали и
 [получили двой(ную?)] утвердили за собой даже отличное мнение:
 «О, он добряк, честнейшая душа, но секретари мошенники», —
 говорит обыкновенно народный слух (АК2)
- 21–23 Скоро представилось Чичикову ~ капитального строения. / Скоро
 представилось герою нашему новое поле для извлечения выгод: со-
 ставилась комиссия постройки храма Божия (АК2)
- 22 поле гораздо пространнее / а. пространное поле; б. пространнее поле
 (ЧА6); пространнее поле \diamond (АК3)
- 24 пристроился и он / пристроился Герой наш \diamond (кар., АК2); пристроил-
 ся и Чичиков \diamond (ЧА6)
- 24–25 и оказался одним из деятельнейших членов / а. и оказался весьма ско-
 ро одним из самых деятельных членов; б. и оказался весьма одним
 из деятельных членов (так в рукописи — АК2)
- 25 Комиссия немедленно приступила к делу. / Комиссия, как водится,
 подвизаясь ревностно и усердием, приступила к делу (АК2)
- 25–27 Шесть лет возилась ~ выше фундамента. / а. но климат что ли мешал
 или огромность Божия Храма была причиною — только целые че-
 тыре года они ровняли место для фундамента и никак его не выве-
 ли; б. но климат что ли мешал или огромность Храма ~ не вывели
 (АК2)
- 25–26 возилась около здания / возилась с зданием \diamond (АК3)
- 26 или материал / грунт земли, или материал \diamond (ЧА6)
- 27 выше фундамента / дальше фундамента (ЧА6, АК3, АК4)
- 28–30 А между тем ~ был там получше. / но зато явление случилось другого
 рода: фундамента не вывели, а в других частях города очутилось у
 каждого члена комиссии по каменному дому в три этажа, весьма
 недурной гражданской архитектуры (АК2)
- 29 по красивому дому гражданской архитектуры / по красивому граж-
 данской архитектуры \diamond (АК3)

С. 218–219

- ^{30–4} Члены уже начинали благоденствовать ~ для сообщения гладкости
 коже; уже... / Чиновники начинали благоденствовать и многие

уже заводились семейством (АК2); а. Чичиков завелся рысаками, отличным экипажем. Оказалось, что он был вовсе не чужд земных наслаждений и отказывался от них только силою необыкновенной власти над собою и [непостижимо-настойчивого характера] настойчивостью характера, готового на все жертвы, чтобы достигнуть своего. Оказалось множество разных прихотей, которых прежде вовсе не было видно. [Он был никак не прочь от хорош(его?)], завел повара, купил на фрак такого сукна, какой не носила вся губерния, и стал с этих пор <с этих пор *вписано*> держаться больше коричневых цветов с искрой, [выпис(ывал?)] сделался очень неравнодушен к физиогномии своей, выписывал какое-то дорогое мыло для гладкости кожи и прочего, вытирался по утрам мокрою губкою, напитанной водою, разведенной одеколоном <напитанной водою, разведенной одеколоном *вписано*>. Нервы и чутье сделались в нем так раздражительны, что всякой сколько-нибудь неприятной запах уже [пор(ажал?)] оскорблял его. По этой причине он всегда, когда Петрушка снимал с него сапоги, клал себе в нос гвоздичку. [Словом, Чиновники] Все Члены начинали уже благоденствовать и многие заводились семействами; б. Как в тексте, со следующими вариантами (ЧА6):

С. 218

- 30–31 и стали заводиться / [многие уже] и стали заводиться (ЧА6)
 31 семействами / семейством \diamond (ЧА6); семейством (АК3, АК4, МД1, МД2)
 31 Тут только и теперь только стал Чичиков / [Чичиков понемногу нач(ал)] С этих пор и Чичиков начал \diamond (ЧА6)
 32 из-под суровых законов / а. из суровых, жестких законов; б. из-под суровых, жестких законов (ЧА6); из-под суровых, жестких законов \diamond (АК3)
 32–33 и неумолимого своего самоотверженья / и неумолимого себя [ограничиванья] ограниченья \diamond (ЧА6)
 33 самоотверженья / самоотвержения (АК3, АК4)
 33 Тут только *вписано* (ЧА6)
 34 вовсе не был чужд / всегда не был чужд (АК3, АК4, МД1, МД2)
 35 умел удержаться / а. умел удержаться; б. удержался \diamond (ЧА6)
 35 После: умел удержаться — *зачеркнуто*: непостижимой [силой воли] настойчивостью и силой воли, умевшей отказать себе в них (ЧА6)
 36 когда ни один человек / <*оставлено свободное место*> ни один человек \diamond (АК3)
 36 совершенно не властен / не властен совершенно \diamond (ЧА6)
 37 Оказались кое-какие / Оказались [хотя сначала он тоже очень скромно] кое-какие (ЧА6)
 38 тонкие голландские рубашки / [очень] тонкие голландские рубашки (ЧА6)
 38 сукна купил / сукна [он] купил (ЧА6)
 40 с искрой / с искрою \diamond (ЧА6); с искрою (АК3, АК4, МД1, МД2)

- 40 *После: уже — зачеркнуто: а. покупал он за дорогую цену мыла; б. начал покупать он недешевое мыло (ЧА6)*
- 40 приобрел он / завел он (ЧА6); завел он \diamond (АКЗ)
- С. 219
- 3-4 весьма недешево / весьма дешево (ЧА6); весьма дешево \diamond (АКЗ)
- 4 для сообщения гладкости коже; уже... / для сообщения гладкости кожи (ЧА6); а. для сообщения гладкости коже; б. для сообщения гладкости кожи (АКЗ)
- 5-6 Но вдруг ~ новый начальник / Как вдруг внезапно прежний начальник был сменен, а на место его прислан другой (АК2)
- 5 Но вдруг / а. как вдруг; б. Слова зачеркнуты (ЧА6); Слова вписаны (АКЗ)
- 6-7 человек военный ~ неправдой / а. человек военный, в душе, точно, враг всякого интереса и всего, что называется в обширном смысле неправдой; б. человек военный, в душе истинный враг всякого интереса и всего, что называется неправдой (АК2)
- 6 человек военный / а. человек военный; б. военный \diamond (ЧА6)
- 6 строгий / строгий, прямодушный \diamond (ЧА6)
- 7-10 На другой же день ~ пошла переборка. / а. Новый начальник принялся за все, как водится, со всею строгостию, потребовал отчеты, увидел запутанность, на каждом шагу недочеты, везде недостающие суммы и не мог не остановить при этом внимания на новых зданиях приятной гражданской архитектуры, украсивших город.; б. Новый начальник принялся за все со всею строгостию ~ не мог не остановить внимания ~ город. (АК2)
- 7 На другой же день / Вдруг и неожиданно \diamond (ЧА6)
- 10-13 Чиновники были отставлены ~ для кантонистов / Тут же произведено следствие по всей строгости законов, члены попали под суд, красивые дома поступили в казну на разные богоугодные заведения и школы для кантонистов (АК2)
- 10 Чиновники были отставлены / Чиновники [попали под и] были отставлены (ЧА6)
- 13-16 все распушено было в пух ~ возненавидел его насмерть. / а. все прочее чиновничество напугано, распугано, перепугано и распечено, выражаясь служебным слогом, напропалую. Многие, и в том числе герой наш, были отставлены с самыми запачканными аттестатами и предписаниями не принимать ни в какую службу; б. все прочее чиновничество было напугано ~ были отставлены с запачканными аттестатами ~ службу (АК2); а. все распушено было в пух, и больше всех прочих потерпел Чичиков. Лицо его (его вписано) вдруг неизвестно почему, несмотря на приятность выражения, не [понр(авилось)] показалось начальнику, и возненавидел он его до того, что даже слышать не мог о нем; б. Как в тексте, со следующими вариантами (ЧА6):
- 13 все распушено было в пух / все распушено в пух было \diamond (АКЗ)
- 13 и Чичиков более других / и [Чичикову более достал(ось^д)] Чичиков более других (ЧА6)

- 14 Лицо его, вдруг, несмотря на приятность / Лицо его [как-то] вдруг [неизвестно почему], несмотря на приятность (ЧА6)
- 15–16 иногда даже просто ~ насмерть / иногда у начальников не бывает причин, [все было кончено] возненавидел он его насмерть (ЧА6); а. иногда у начальников не бывает причин, — возненавидел он его насмерть; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК3):
- 15–16 не бывает на это причин / не бывает причин (АК3, АК4)
- 16 После: насмерть.: И грозен был сильно начальник (ЧА6); а. Слов нет; б. И грозен был сильно для всех неумолимый начальник (АК3); Как в б. (АК4)
- 16–22 Но так как все же он ~ как следует / но так как начальник был военный и, стало быть, не знал всех гражданских проделок, то мало-помалу начали входить осторожно к нему в милость, посредством умения угождать и правдивой наружности, секретари и прочие чиновники, и генерал скоро очутился в руках мошенников еще хуже прежних, которых, впрочем, он никак не подозревал мошенниками, но еще радовался, что выбрал людей как следует (АК2)
- 16 так как все же / а. Как в тексте; б. так как все (ЧА6); так как все ◊ (АК3)
- 20 генерал / а. генерал; б. (цenz.) новый правдивый начальник (АК4); новый правдивый начальник (МД1, МД2)
- 20 скоро очутился / [очу(тился)] скоро очутился (ЧА6)
- 21 он вовсе не почитал / вовсе не почитал (ЧА6); вовсе не почитал ◊ (АК3)
- 22–23 и хвастался не в шутку ~ различать способности / а. хвастаясь не на шутку прозорливостию и умением различать людей и совершенным истреблением всяких злоупотреблений, и не подозревал добрый генерал, что он неумышленно наделал их более, чем все предшественники; б. [хвастаясь подчас] хвалясь не в шутку прозорливостию и умением различать людей (АК2)
- 22–23 хвастался не в шутку / хвастался ◊ (ЧА6)
- 23 различать способности / различать людей (ЧА6, АК3, АК4)
- С. 219–220
- 23–2 Чиновники вдруг ~ у него не было. / а. В три или четыре недели все чиновники совершенно применились к нему и все без исключения сделались жестокими гонителями неправды. В это время и Чичиков, несколько оправившись, употребил все старания войти в близкие сношения с одним из ближайших секретарей к его превосходительству; может быть, он имел какой другой чин и назывался иначе, но лучше станем называть всех чиновников прямо секретарями, итак Чичиков с помощью кое-какой тысячонки обратился к секретарю, чтобы обделать и поправить дело, но как ни велика была привязанность генерала к своему секретарю, он однако же отказал наотрез — все, что мог сделать секретарь, это было уничтожение замаранного послужного списка, и на это умный секретарь подвинул начальника уже состраданием, изобразив ему трогательную картину несчастного положения семейства Чичикова, которого у него не было;

б. В три или четыре недели все чиновники применились к нему [и все сделались жестокими преследователями неправды], и все, что ни было под его начальством, сделалось преследователями неправды, накапливая капиталы. Многие из выгнанных чиновников обратились тоже на путь истины и были вновь приняты в службу. В это время и Чичиков умел войти в близкие сношения ~ к его превосходительству, употребив, может быть, то, что называют рекомендательными письмами за подписью князя Хованского. Но однако ж при [своем влиянии] всем сильном влиянии своем секретарь достиг только [того, что] уничтожения замаранного [списка] послужного списка и на это уже подвинул он начальника не иначе, как изобразив ему ~ у него не было (АК2)

С. 219

^{31–32} стоял за него подстрекнутый письмами / стоял за него [первый секретарь ге(нерала?)] [подстрекнут(ый)] подстрекнутый письмами (ЧА6)

^{32–33} генеральский секретарь / а. Как в тексте; б. (ценз.) секретарь (АК4); секретарь (МД1, МД2)

³⁴ ничего решительно не мог / ничего не мог решительно ◊ (ЧА6)

³⁴ Генерал / а. Генерал; б. (ценз.) Начальник (АК4); Начальник (МД1, МД2)

³⁵ которого хоть и водили за нос / [что если и] хоть и водили его за нос ◊ (ЧА6); которого хотя и водили за нос (АК4, МД1, МД2)

^{36–37} в голову ему ~ там была / в голову его засело что-нибудь, то это было ◊ (ЧА6)

³⁸ оттуда вытеребить / оттуда выколотить ◊ (ЧА6)

^{38–39} Все, что мог ~ было уничтожение / «Ну что ж, — сказал Чичиков, — зацепил, поволок, сорвалось — не спрашивай. Не расшибить же лба, [не жаловаться] плачась и жалуясь, этим [не в] ничего не достанешь. Нужно дело делать». И начал, это было уничтожение ◊ (ЧА6)

⁴⁰ на то уже / на то уж ◊ (ЧА6)

⁴⁰ подвинул начальника ~ состраданием / подвинул генерала ◊ (ЧА6)

С. 220

² к счастью / к счастью (АК3, АК4, МД1, МД2)

^{3–26} Ну, что ж! ~ во время таких невзгод. / а. Итак, Герой наш возвратил только право подвизаться вновь на службе государственной, но уже не мог возвратить ни дома красивой гражданской архитектуры, ни прочего. За всеми задабриваниями и угощениями кого следует осталось у него какой-то самый вздор. В продолжение сего печального периода своей жизни он перестал совершенно заниматься своею наружностью; б. Итак, Герой наш ~ гражданской архитектуры, ни места, остался у него какой-то самый вздор. В это время он [очень] даже похудел и упал духом (АК2)

⁴ не пособить / не пособишь (ЧА6, АК3, АК4)

⁶ ограничиться во всем / ограничить себя во всем ◊ (ЧА6)

- 6–7 как ни привольно и ни хорошо было развернулся / как ни привольно и ни сладко он было [прежде] развернулся прежде \diamond (ЧА6)
- 8 там еще приводить / еще приводить \diamond (ЧА6)
- 8 После: в известность. — *зачеркнуто*: В два года он (ЧА6)
- 8–9 как-то не клеилось / как-то клеилось \diamond (ЧА6)
- 10 как-то были / как были \diamond (ЧА6)
- 11 что Чичиков был / Чичиков был \diamond (ЧА6)
- 11–12 какой когда-либо существовал в свете / а. какой существовал [в] когда; б. какой существовал когда-либо (ЧА6); какой существовал когда-либо \diamond (АКЗ)
- 12 Хотя он и должен был / Хотя и должен был \diamond (ЧА6)
- 12–13 вначале протираться / а. Как в тексте; б. вначале протираться он \diamond (ЧА6)
- 13 в грязном обществе / с грязным обществом (ЧА6, АКЗ, АК4)
- 14 любил, чтобы в канцеляриях были столы / [и очень] любил, чтобы [в присутствии] в [канцелярии] канцеляриях были [чистые] столы (ЧА6)
- 15 и все бы было / все [было] бы было \diamond (ЧА6)
- 15 не позволяя себе / не позволял он себе \diamond (ЧА6); не позволял он себе (АКЗ, АК4, МД1, МД2)
- 16 оскорблялся / оскорблялся всегда \diamond (ЧА6); оскорблялся всегда (АКЗ, АК4, МД1, МД2)
- 17 отсутствие должного уважения / недостаток должного уважения \diamond (ЧА6)
- 18 всякие два дни / всякой день \diamond (ЧА6)
- 18–19 переменял на себе белье / переменял на себе рубашку (ЧА6); переменял на себе рубашку \diamond (АКЗ)
- 19 и всякой день / а. по три раза на день; б. по два раза на день (ЧА6); по три раза на день \diamond (АКЗ)
- 19–23 всякой сколько-нибудь ~ как у девушки / *Текста нет* (ЧА6); *Текст вписан со следующими вариантами* (АКЗ):
- 20 сколько-нибудь неприятный запах / неприятный запах \diamond (АКЗ)
- 22 скидывать сапоги / скинуть сапоги (АКЗ, АК4)
- 23 были щекотливые / были щекотливы (АКЗ, АК4)
- 23 как у девушки / [у] как у девушки (АКЗ)
- 23–24 и потому тяжело ему было / [И потому тяжело] было ему (ЧА6); И потому тяжело было ему (АКЗ, АК4); И потому тяжеле ему было (МД2)
- 24 где все отзывалось / где отзывалось \diamond (ЧА6)
- 25–26 однако же похудел / но [даже] однако же похудел (ЧА6); но однако же похудел \diamond (АКЗ)
- 26–35 Уже начинал было ~ в службу по таможене. / а. ⁶ то было уже начинал он полнеть и входить ⁷ в те степенные, приличные формы, в

⁶ Отсюда (начиная с л. 193) и до конца главы текст в АК2 написан рукой Гоголя.

⁷ Вместо: то было уже начинал он полнеть и входить — было: а. то было уже начал он совершенно входить; б. то было уже начинал он приходить

каких читатель нашел его при заключении с ним знакомства⁸. Уже не раз⁹, заглядывая в зеркало, подумывал он¹⁰: о бабенке, о детской, но теперь это был совершенно другой человек, грустное выражение означилось сильно¹¹ на лице его, и когда нечаянно взглянул он как-то в зеркало¹², не вытерпел, чтобы¹³ не сказать: «Мать ты моя пресвятая, какой же я стал гадкой». Но нужно было, однако же, скрепиться духом и начать вновь поприще жизни. Не без затруднений пристроился он при каких-то питейных сборах, но скоро бросил по причине неблагородства службы, сказавши: «Грязная должность, чорт поberi, ничего не вынесешь для души». Надобно заметить, что Чичиков любил службы благородные и был строгой блюститель всякого рода благопристойностей, чтобы не только все чиновники были вежливы, но даже чтобы столы были из красного дерева. Всякой хоть немного дурной запах уже оскорблял его; с этой стороны нервы у него были так же чувствительны, как у девушки: когда Петрушка одевал и раздевал его, он почти всякой раз клал себе в нос гвоздичку. Читателю, без сомнения, приятно узнать, что герой наш всякие два дни переменил чистую рубашку, а в летнее жаркое время даже два раза на день. Итак, служба по питейной части, конечно, ему не могла понравиться¹⁴. В откупчики, другое дело, можно бы попытаться, но надобны деньги и залого, и потому он решился попытаться еще¹⁵ по таможенной части. (АК2)

- 26–27 Уже начинал было / То было уже начинал (ЧА6, АК3, АК4)
 28 при заключенье / при заключении (АК3, АК4, МД1, МД2)
 31 взглянул на себя / взглянул [как-то] на себя (ЧА6)
 33 И после долго / и после [того] долго (ЧА6)
 33 не хотел смотреться / не хотел смотреть в зеркало (ЧА6); не хотел смотреть в зеркало \diamond (АК3)
 34 переносил сильно, терпеливо переносил / переносил сильно, терпеливо (ЧА6); переносил сильно, терпеливо \diamond (АК3)
 35–39 Надобно сказать ~ тетушкам и сестрам. / Нельзя утаить, что этот род службы был издавна предметом тайных его желаний. Он видел, какие редкие вещицы, фарфор, бронзы, материи и батисты получали родственницы и кумушки служивших по таможене чиновников. (АК2)
 36 предмет его помышлений / предмет его желаний \diamond (ЧА6)

⁸ Далее зачеркнуто: то есть в первой главе Поэмы

⁹ Вместо: Уже не раз — было: и уже не раз

¹⁰ Далее зачеркнуто: о многом весьма приятном

¹¹ Вместо: но теперь ~ означилось сильно — было: о кое-каких изменениях в доме, причем всегда долго сохранялась приятная усмешка в лице. Но после описанного нами печального события из него вышел совершенно другой, заботное и грустное выражение означилось

¹² Далее зачеркнуто: то никак

¹³ Далее зачеркнуто: не в(...?)

¹⁴ Вместо: не могла понравиться — было: не понравилась

¹⁵ Было: послужить

- 36–37 заграничными щегольскими вещицами / щегольскими заграничными вещицами (АКЗ, АК4, МД1, МД2)
- 38–39 кумушкам, тетушкам и сестрам / кумушкам и сестрам \diamond (ЧА6)
- 39 Не раз давно уже он говорил со вздохом / И весьма часто, находясь еще в [палате] надворном суде и комиссии построения храма, устав от дел и забот, а иногда просто и от виста, ибо бывают такие неслыханные случаи, что [от] устают даже \langle даже *вписано* \rangle и от виста, итак, устав от подобной суеты, он произносил, бывало, со вздохом (АК2)
- 40 Вот бы куда перебраться / а. Вот куда бы определиться; б. Вот бы куда определиться (АК2)

С. 220–221

- 40–5 и граница близко ~ находилось на границе. / вот где настоящее местечко, и граница близка, и просвещенные люди (АК2)

С. 221

- 2 Надобно прибавить / Нужно отметить \diamond (ЧА6)
- 3–4 сообщавшего необыкновенную белизну / [сообщавшего] сообщавшего необыкновенную белизну (ЧА6)
- 4–5 Бог ведает / Бог [его] ведает (ЧА6); Бог ведал \diamond (АКЗ)
- 5 непременно находилось / [его] непременно [можно] находилось (ЧА6)
- 6–9 Итак, он давно бы хотел ~ синица в руках. / а. Но что-нибудь всегда мешало удовлетворить тогда же такому побуждению, или представлявшиеся текущие тоже не ничтожные приращения, или благоразумная мысль, что таможня все-таки не более, как журавль в небе, а комиссия уже синица в руках.; б. Но что-нибудь ~ тоже хорошие приращения ~ синица в руках. (АК2)
- 9–10 Теперь же решился он ~ добрался. / Теперь же, когда ни палата, ни комиссия не останавливала его более, он предался совершенно одной мысли. С редкою аккуратность \langle ю \rangle и неслышанною отчетливостью он тут же расчислил, во сколько времени можно совершить процесс [значительного] приращенья, и нашел, что, допустивши одни так называемые законные или позволенные доходы по таможе \langle по таможе *вписано* \rangle , можно в десять лет с небольшим получить порядочное значение в свете, не говоря уже о тонких голландских рубашках и об особенном сорте французского мыла, которое уважал он за то, что [оно] сообщало свежесть щекам и нежность коже и \langle и *вписано* \rangle которого названия мы, право, не припомним. (*вместо: уважал он за то — было: Чичиков очень уважал за то*) (АК2)
- 11–12 За службу свою принялся он ~ чиновником. / Новой чиновник едва вступил в должность, как уже был замечен с хорошей стороны начальством, и, в самом деле, казалось, сама определила быть ему таможенным чиновником. (АК2)
- 14 даже не слыхано / даже и не слыхано (АК2)
- 14–15 В три-четыре недели он уже так набил руку / Не более как в три-четыре недели он набил так руку (АК2)
- 16 не мерил / не мерял (АК4, МД1, МД2)
- 18 Что же касается / Что касается (МД2)
- 19 как выражались / как выражаются \diamond (ЧА6)

- 19–20 у него просто было / было у него просто (АК2)
 21 столько терпенья / столько терпения и деятельности (АК2); столько терпения (АК4, МД1, МД2)
 24 избить щелчками / избить шелками (ЧА6)
 25 приятную его наружность / приятную его физиогномию (АК2)
 25 не изменяясь нимало / не изменяясь (АК3, АК4, МД1, МД2)
 26–27 Не угодно ли вам будет / Не угодно ли будет вам (АК2)
 27 и привстать / или привстать \diamond (АК2)
 29 объяснится с вами / осмотрит вас (АК2, ЧА6); осмотрит вас \diamond (АК3)
 30 немного пораспорю / немножко пораспорю (АК2); немного распорю (АК4, МД1, МД2)
 31 хладнокровно / так же хладнокровно (АК2)
 32 Даже начальство изъяснилось / Даже начальники изъяснились (АК2)
 33 а не человек / а не человек, и от него решительно ничто не может укрыться \diamond (АК2)
 34 куда / куды (АК2)
 34–35 не пришло в мысль забраться / не пришла мысль забраться (АК2); не пришлось забраться в мысль \diamond (АК3)
 35 куда позволяется забираться только / [когда] куда [могут] позволено только забираться (АК2)
 38–39 выступивший мелкою сыпью по всему телу / выступивший мелкою сыпью по всему телу после таковой проделки (АК2)
 39 да приговаривал / да приговаривал с изумлением (АК2)
 39 Ну, ну! / Ну, ну, ну! (АК2)
 40 Положение его / И все положение его (АК2)

С. 222

- 3–4 не было от него никакого житья / не было никакого житья (АК2); не было никакого житья \diamond (ЧА6)
 5–26 Честность и неподкупность ~ какие угодно условия. / а. Распоряжа(я)сь и служа таким образом, с помощью расторопности, разных конфискованных товаров и просто отобранных кое-каких вещей, не поступивших в казну во избежание лишней переписки, и прочего, и прочего, словом, с помощью того и другого, удалось ему составить опять капиталаец, который мог бы ему доставить опять значение в свете, если бы не попутал черт, по выражению русского человека. Сейчас расскажем, каким странным образом попутал черт. Приращением означенным порядком показало Чичикову несколько медленнее. Говорят, кто попробовал [такого], что такое приобретение, то уже не успокоится до тех пор, пока или проглотит весь кус, или подавится им. Поэтому решился, не пропуская случая, войти в секретные сношения с образовавшимся вновь обществом контрабандистов.; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
 5 Честность и неподкупность его / Неподкупность и честность его (АК2); Честность и неподкупность (ЧА6); Честность и неподкупность \diamond (АК3)

- 5–6 были неодолимы, почти неестественны / были непреодолимы и почти неестественны (АК2)
- 6–7 Он даже не составил себе небольшого капиталца / даже не составил он себе никакого капитала (АК2)
- 8 не поступающих / но не поступающих (АК2); не поступавших \diamond (ЧА6)
- 8 во избежание / в избежание (АК3, АК4)
- 9–11 Такая ревностно-бескорыстная служба ~ до сведения начальства. / а. На полях следы промежуточной карандашной правки: для этого именно(?), чтобы приобрести знаменитость и славу и потом войти **; б. Такое рвение и бескорыстная служба не могла не заслужить внима(ния) начальства; в. Такое рвение и бескорыстная служба не могла [не засл(ужить)?] не быть предметом общего удивления и [вместе(?)] не могла не заслужить внима(ния) начальства (АК2)
- 11–12 и вслед за тем / а. и вслед за этим; б. и как только получил он чин и повышение (АК2)
- 12–13 прося только средств / и просил [поручить] [да(ть)?] только средств (АК2); и просил только средств \diamond (ЧА6)
- 13 исполнить его самому / [изловить] исполнить ему самому (АК2); [чтобы ем(у)] исполнить его (ЧА6); а. исполнить его; б. исполнить ему самому \diamond (АК3)
- 14 команда ~ всякие поиски / команда и неограниченная власть (АК2); команда, неограниченное право производить всякие поиски (ЧА6, АК3); команда, неограниченное право производить всякие поиски \diamond (АК4)
- 14–15 Этого только ему и хотелось. / Этого только ему хотелось. (АК2); Слова вписаны (ЧА6)
- 15 В то время / В это время \diamond (ЧА6)
- 15–16 образовалось сильное общество ~ образом / образовывалось сильное общество контрабандистов (АК2); [образовавшееся] образовалось сильное общество контрабандистов самым правильным образом (ЧА6); образовалось ~ самым правильным образом (АК3); образовалось ~ самым правильным образом \diamond (АК4)
- 16–17 на миллионы сулило выгоды дерзкое предприятие / на миллионы обещало выгоды дерзкое, но верное предприятие (АК2)
- 17–18 Он давно уже имел сведения о нем / Он давно уже слышал обо всем этом (АК2)
- 18–19 и даже отказал ~ «Еще не время». / и даже отказал подосланным стороною(?) (стороною?) вписано) подкупить его. [Теперь в ту же минуту] сказавши сухо, что [теперь еще] не пора, [в самом деле] как и сказано, он слишком верно действовал (АК2)
- 19–20 Получив же ~ «Теперь пора». / Теперь же в одну минуту в тай(не?) (в тай(не?) вписано) дал он знать обществу, что [могут войти в сношения] теперь пора. (АК2)
- 19 Получив / [Теп(ерь)] Получив (ЧА6)
- 19 распоряженье / распоряжение (АК3, АК4, МД1, МД2)

- 19–20 в ту же минуту дал знать / а. он в одну минуту дал знать; б. в ту же [ми<нуту>] минуту дал он знать (ЧА6); в ту же минуту дал он знать (АК3, АК4)
- 21–27 Тут в один год ~ против соблазна / он видел, что тут в один год получить можно то, чего нельзя выиграть в двадцать лет самой ревностной службы. Против соблазнов не устоял и другой чиновник, его товарищ (АК2); а. тогда бы немного [б] мог он <он вписано> выиграть, будучи все-таки еще простой пешкой. Но теперь, имея [в своей власти] неограниченную власть, он мог предложить какие угодно условия. Он тут же расчел, что в этом деле в один год он мог получить то, [что] чего бы не выиграл в двадцать лет самой ревностной службы. Против соблазна не устоял [и товар<ищ>] и другой чиновник, его товарищ; б. Как в тексте, со следующими вариантами (ЧА6):
- 21 получить то / получить столько того \diamond (ЧА6)
- 22 в двадцать лет самой ревностной службы / а. Как в тексте; б. (ценз.) в двадцать лет (АК4); в двадцать лет (МД1, МД2)
- 22–23 он не хотел вступать / он [если бы и вступил] не хотел вступать (ЧА6)
- 23–24 потому что был не более / потом был [все-таки] не более (ЧА6); потом был не более \diamond (АК3)
- 24 как простая пешка / как простой пешкой \diamond (ЧА6); как простой пешкой (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 24 стало быть / стало бы (ЧА6); стало бы \diamond (АК3, кар.)
- 25–26 какие угодно условия / какие угодно \diamond (ЧА6)
- 28–30 Условия были заключены ~ начались блистательно / а. И точно, представились такие выгоды в один год <в один год вписано>, каких по службе не представилось бы и в десять. Жиды прыгали от радости, когда наконец перетащили на свою сторону самого неутомимейшего из своих гонителей.; б. и оба заключили тайные условия с обществом, которое немедленно приступило к действиям и начало их точно(?) блистательным образом (АК2)
- 29–30 Действия начались блистательно / Начались они блистательно \diamond (ЧА6)
- 30 без всякого сомнения / без сомнения (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 31 историю об остроумном путешествии / историю об остроумно придуманном путешествии (АК2); а. Как в тексте; б. (ценз.) давнишнюю историю об остроумном путешествии (АК4); давнишнюю историю об остроумном путешествии (МД1, МД2)
- 33 на миллион / а. на миллион; б. на пол миллиона \diamond (АК2)
- 35–36 Не участвуй он сам ~ не удалось бы / а. Если бы он не участвовал в сем деле, жидам никогда бы не удалось; б. Как в тексте, со следующим вариантом (АК2):
- 35 Не участвуй он сам / Не участвуй он (АК2)
- 35 в сем предприятии / в этом предприятии (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 36 подобное дело / подобное предприятие (АК2); подобное предприятие \diamond (ЧА6); подобного дела (АК4, МД1, МД2)

- 37 бараньих походов / походов (ЧА6); походов \diamond (АК3)
 38 по четыреста тысяч капиталу / а. едва ли не по [сту] двести тысяч капиталу; б. почти по пятисот тысяч капиталу (АК2)
 39 даже перевалило и за пятьсот / даже оказалось и поболее (АК2)
 39 был побойчее / он был побойчее (АК2)

С. 222–223

- 40–2 до какой бы громадной цифры ~ обоих чиновников / а. до какой бы еще благословенной цифры возрос этот капиталед, если бы черт не сбил с толку обоих чиновников (если бы черт ~ чиновников не *зачеркнуто*); б. до какой бы страшной и ужасающей громадностью цифры не возрос бы, если бы вдру(г) впопер(ек?) всему не пер(е)-бежала какая-то черная кошка (АК2)

С. 223

- 1 нелегкий зверь / черный зверь \diamond (ЧА6)
 1 поперек / а. впоперег; б. поперег (ЧА6); поперег (АК3, АК4, МД1, МД2)
 2 обоих чиновников / обеих чиновников (ЧА6); обеих чиновников \diamond (АК3)
 6–7 неизвестно почему ~ необыкновенно резко / а. но, неизвестно почему, обиделся чрезвычайно и ответил ему очень резко и сильно; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
 6 ответил ему тут же / ответил ему тут \diamond (АК2)
 7 сильно и необыкновенно резко / сильным и необыкновенно резким образом (АК2)
 8–11 И потом еще ~ приданное названье / а. и потом еще прибавил: «вот, мол, что!» Хотя он срезал и уничтожил его совершенно, обратив на него самого приданное название; б. да еще прибавил [для] потом [ему в поношение(д?): «Да вот тоже чт(о)] ему в пику слова: «вот, мол, что!» Хотя он [обре(зал?)] отбрил таким образом его [накругло] кругом, обратив на него же самого приданное название (АК2)
 9 для большей досады: «Да вот / для большего задору: «Вот \diamond (ЧА6)
 9,11 вот, мол, что / вот, мал, что (АК3, АК4, МД1, МД2)
 11 названье / название (АК3, АК4, МД1, МД2)
 11 выраженье / выражение (АК4, МД1, МД2)
 11–12 могло быть сильно / могло иметь сильное значение (АК2)
 12 недовольный сим / не удовольствуясь сим (АК2)
 13–14 была у них ссора за какую-то бабенку / а. произошла у них сильная ссора за какую-то крепостную душу женского пола, крепкую бабенку; б. была у них же ссора за какую-то бабенку (АК2)
 14 свежую и крепкую, как ядреная репа / с свежими щеками (АК2)
 14–15 по выражению таможенных чиновников / как выражались таможенные чиновники \diamond (АК2)
 15 что были даже подкуплены люди / а. что будто даже были подкуплены люди; б. даже были подкуплены люди (АК2); чтобы [дали] были даже [люди] подкуплены люди (ЧА6); чтобы были даже подкуплены люди \diamond (АК3)

- 15–16 чтобы под вечерок ~ поизбить нашего героя / несколько поизбить
нашего Героя под [темный] вечер[ок] в темном переулке (АК2)
- 16–19 но что оба чиновника ~ досочинит сам. / а. но что будто бы крепо-
кою бабенкой не воспользовался ни Чичиков, ни другой чиновник, а
лицо совершенно постороннее, какой-то штабс-капитан Пономарев.
Автор признается, не охотник вмешиваться в семейные дела, ниже
в те, которые имеют вид семейственных, и потому не может сказать
наверно, как было дело [Впрочем, вовсе], а [до] оставляет на волю
читателям досочинить, как кому лучше нравится, сообразно с соб-
ственным; б. *Как в тексте, со следующим вариантом (АК2):*
- 16–17 оба чиновника были ~ воспользовался / оба де были в дураках,
потому что бабенкой попользовался (АК2)
- 16–17 оба чиновника / оба чиновники (ЧА6, АК3, АК4, МД1, МД2)
- 17 бабенкой воспользовался / бабенкой воспользовались \diamond (АК3)
- 19 досочинит сам / досочинит его сам (ЧА6); досочинит его сам \diamond
(АК3)
- 19–20 Главное в том, что / а. Таким образом; б. Дело только в том, что
(АК2); Дело в том, что (ЧА6); Дело в том, что \diamond (АК3)
- 21 Статский советник, хотя и сам пропал / [Хо(тя?)] Статский совет-
ник, хотя и сам пропал (АК2); Статский советник, хоть и сам про-
пал (АК3); а. *Как в АК3; б. (ценз.) Слова вычеркнуты; в. (ценз.)*
Слова восстановлены (АК4); Как в АК3 (МД1, МД2)
- 21–33 но таки упек ~ уголовного суда. / а. но рад был, что упек товарища.
Обоих, как водится, взяли под суд и отставили от службы. Статский
советник по русскому обычаю с горя запил, но надворный устоял, он
пустил опять в ход оборотливость своего ума, ловкость и кое-какие
запасные тысячонки, и так как люди слабы, а деньги сильны (сильны
вписано), хоть и мелкая вещица по весу, то ему удалось, по крайней
мере, обработать так, что его не отставили с таким бесчестьем, как
товарища; б. *Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):*
- 22–24 описали все ~ опомнились они / и все это разрешилось, как гром над
головами, и чиновники как после чаду и хмеля вдруг опомнились
(АК2)
- 22–23 описали все, что у них ни было / описали \diamond (ЧА6)
- 23–24 над головами их / над головами (ЧА6); над головами \diamond (АК3)
- 24 Как после чаду / Тогда только, как после чаду \diamond (ЧА6)
- 24–25 что наделали / что [такое] наделали (ЧА6)
- 25 Статский советник / Статский (АК2)
- 25 по русскому обычаю, с горя запил / а. по русскому обычаю, с горя
запил; б. (ценз.) *Слова вычеркнуты, вместо них вписано 1 нрзб.;*
в. не устоял против судьбы и где-то погиб в глуши (АК4); не устоял
против судьбы и где-то погиб в глуши (МД1, МД2)
- 26–33 Он умел затаить ~ из-под уголовного суда / а. он употребил все день-
ги, какие не успели отобрать, все происки, все тонкие изворот-
ты ума, уже сильно напакти(ко)ванного, словом, подействовал на
всех, производивших следствие, и приятностью [поступков] оборо-
тов, и раскаянием, трогательными речами и, где следует, подкупил

- известными письмами князя Хованского и их, словом, он обработал дело, по крайней мере, так, что отставили не с таким бесчестьем, как товарища; б. он умел затаить часть денежек, [употребил] все происки, все тонкие извороты ума, уже сильно напракти(кованного), опытного, знающего слишком хорошо людей, где подействовал просто приятностью оборотов, где трогательною речью, где всунул денежку кстати, где кстати покурил лестью, которую [любят], как известно, очень любят всякие начальники, словом, умел подействовать и обработать, по крайней мере, дело так, что отставили не с таким бесчестьем, как товарища (АК2)
- 26 Он умел затаить / Он умел [таки] затаить (ЧА6)
- 28 все тонкие извороты ума / все происки, все тонкие извороты ума (ЧА6, АК3, АК4)
- 28 уже слишком опытного / даже слишком опытного \diamond (АК4, кар.)
- 31 словом, обработал дело / и обработал дело (ЧА6); и обработал дело \diamond (АК3)
- 33 увернулся из-под уголовного суда / увернулся уголовного суда \diamond (ЧА6)
- 33–34 Но уже ни капитала / но уж ни капитала (АК2)
- 34 ничего не осталось ему / [словом] ничего не осталось нашему Герою \diamond (АК2)
- 35–36 Удержалось у него ~ черный день / а. Удержалось у него тысячонок десять, которые он скрывал про черный день в таком месте, куда не могли докопаться; б. Удержались только у него одни секретные десять тысячонок, которые были запрятаны таким образом, что никакой пройдоха в мире не нашел бы их; в. Удержались у него тысячонок десять всего, припасенных про черный день (АК2)
- 35–36 тысячонок десять / тысячонок десятков (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 36–37 дюжины две голландских рубашек / дюжины две голландских рубашки (АК2)
- 40 пять или шесть кусков / четыре или пять кусков (АК2)
- 40 для сбережения свежести щек / для сбережения свежести и белизны щек (АК2)

С. 224

- 1 вот в каком положении вновь очутился герой наш / а. вот какого рода было положение нашего Героя; б. вот какое было положение нашего Героя (АК2)
- 1–2 Вот какая ~ ему на голову! / а. Фразы нет; б. Вот какая гроза несчастий обрушилась ему на (не дописано) (АК2)
- 2–3 называл он / назвал он (АК4)
- 3–10 Теперь можно бы ~ назначенную в суп / а. Читатель мог бы, конечно, подумать, что после таких испытаний и превратностей судьбы, тревог и жизненного горя он удалится в какое-нибудь мирное захолустье уездного городишки и кое-как своими кровными десятью тысячками будет наслаждаться небольшими удовольствиями жизни, напиток чаю с каким-нибудь капитан-исправником да выглянуть подчас в ситцевом халате из окна низенького деревянного домика

- на какого-нибудь проезжающего, которого найдет Бог раз в год для доставления разнообразия уездному жителю; б. *Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):*
- 3 Теперь можно бы заключить / [Теперь] можно бы заключить (АК2); Теперь можно бы \diamond (АК3)
- 4 после таких бурь, испытаний / после [стольких] испытаний, бурь (АК2)
- 4–5 и жизненного горя / тревог и жизненного горя (АК2)
- 5–7 он удалится ~ и там заклёкнет навеки / он удалится в какое-нибудь мирное захолустье уездного городишки с остававшими(ся) кровными десятью тысячками и заклёкнет \diamond (АК2)
- 5–6 десятью тысячками / десятью тысячками (АК3, АК4)
- 6 уездного городишки / уездного городишка (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 7 у окна низенького домика / у окна низенького деревянного домика (АК2)
- 7–10 разбирая по воскресным дням ~ назначенную в суп / а. заглядываясь иногда на какого-нибудь проезжающего, которого найдет Бог раз в год для доставления разнообразия уездному жителю; б. разбирая [подер<..²>] [происшедшую драку] [подчас драку] по воскресным дням драку мужиков, происшедшую перед окном, или для освежения пройдясь в курятник пощупать [несущуюся²] курицу, назначенную в суп (АК2)
- 10–11 не шумный ~ не бесполезный век / век не шумный, но в своем роде также не бесполезный (АК2); век не шумной, но в своем роде тоже не бесполезный (ЧА6); не шумной, но в своем роде тоже не бесполезный \diamond (АК3)
- 11–15 Надобно отдать ~ непостижимая страсть. / а. Надобно отдать справедливость, Чичиков был, точно, человек с характером. После всех этих неудач и неприятностей, которые достаточны охладить всякого, страсть к приобретениям в нем не угасла нисколько.; б. Надобно отдать ~ был, точно, с характером. После всех неудач ~ которые были бы достаточны ~ нисколько.; в. *Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):*
- 12 неодолимой силе / непреклонной силе (АК2); непреодолимой силе \diamond (ЧА6); непреодолимой силе (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 14 усмирить навсегда человека / усмирить человека \diamond (АК2)
- 14–15 в нем не потухла непостижимая страсть / не потухла в нем душевная <душевная вписано> жажда и неизъяснимая страсть к приобретениям (АК2)
- 17–23 и, однако же, не мог ~ в рассуждениях его / а. а все, однако же, не мог никак оставить цели, к которой неслись его помышления. В этом отношении он был сущий немец и одарен щедро тою добродетелью, которой недостает у русского человека, именно терпением. Он рассуждал, и, в самом деле, в рассуждениях его; б. *Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):*
- 17–19 и, однако же, не мог ~ крови его. / а. а все, однако же, не мог никак оставить цели, к которой неслись его помышления. Перед таким

- терпением *(не закончено)*; б. а все не мог, однако же, [угомониться и] отказаться от попыток. Словом, он показал терпенье, перед которым было ничто дубинное [или бесчувственное] терпенье немца, которое [уже] все заключается в медленной крови его. (АК2)
- 18 перед / пред (АК3, АК4, МД1)
- 18–19 терпенье немца, заключенное уже / терпенье немца, которое уже заключается (ЧА6, АК3, АК4)
- 20 Кровь Чичикова / Кровь его (АК2)
- 20–21 и нужно было ~ чтобы набросить узду / и много нужно было силы воли набросить узду (АК2)
- 21 чтобы / чтоб (АК4, МД1, МД2)
- 22 погулять на свободе / погулять на воле. [Тут были не немецкие бледные страстишки, которыми ничего не стоит править] (АК2); погулять на воле (ЧА6); погулять на воле [◇] (АК3)
- 22–23 Он рассуждал, и в рассуждениях его / в рассуждениях его (АК2); Он рассуждал, и в рассуждении его (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 23–29 «Почему ж я? ~ Куда я гожусь? / а. «Почему же, — говорил он, — одному мне такое несчастье? Почему же другие, которые приобретают и наживаются тоже пополам с грехом, а иногда и совсем с грехом, почему же другие приобретают и вес, и значительность, и уважение и проводят остаток дней честно в кругу семейства, в совершенном изобилии и благополучии. Чем же я хуже других? зачем же несчастнее других? Ведь я приобретал так же, как и другие, может быть, иногда только иными средствами. Но я никому не причинил вреда, никого не сделал я несчастным, никто не пострадал от меня, я не ограбил вдову, я не пустил кого-либо по миру в одной рубашке, как делают весьма многие, за что же я один должен пить горькую чашу, тогда как другие благоденствуют и наслаждаются всеми благами мира, и что ж я теперь, куда я гожусь теперь, на что может послужить жизнь моя, лишенная значения, приличного чину, летам и званию; б. *Как в тексте, со следующими вариантами* (АК2):
- 24–25 на должности / по должности (МД2)
- 25 все приобретают / все тоже приобретают (АК2)
- 25 Несчастливым я не сделал никого / [Ведь я никому не причинил вреда] Несчастливым я не сделал никого (АК2)
- 25–26 не ограбил вдову / не ограбил вдовы [◇] (ЧА6)
- 26 не пустил никого по миру / не пустил никого по миру в одной рубашке (АК2)
- 26 пользовался я от избытков / Никто не пострадал через меня, [брал я] пользовался я только с богатых от избытков их (АК2)
- 27–28 брал там ~ воспользовались бы / брал я там, где всякой брал бы, [не я, другой [воспользовался] бы попользовался] не воспользуюсь я, другие [воспользовались] воспользуются (АК2)
- 28 За что же другие / Зачем же другие (АК2)
- 28 почему должен я / почему должен (АК2); почему я должен (ЧА6); почему я должен [◇] (АК3)

- 30–31 почтенному отцу семейства / почтенному, пользующемуся уважением человеку \diamond (АК2)
- 31 угрызенья / угрызения (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 31 зная, что даром / чувствуя, что, так сказать, даром \diamond (АК2)
- 34–35 Уже известно ~ чувствительный предмет! / а. Читатель, я думаю, и прежде имел случай заметить, что Герой наш чрезвычайно заботился о потомках. Так уж заведено на этом грешном свете, такая чувствительная струна!; б. Читатель ~ заметить, что Герой наш очень заботился о потомках. Так заведено на этом грешном свете, слишком чувствительная струна! в. Уже известно читателю, что Чичиков заботился сильно о потомках, *(1 нрзб.)* такой чувствительный предмет [на этом свете] (АК2)
- 35–36 и не так бы глубоко / и не так глубоко \diamond (АК2)
- 36–37 неизвестно почему / невесть почему \diamond (АК2)
- 38–39 одним глазом вбок / одним глазом (АК2, ЧА6, АК3, АК4)
- 39 не глядит ли откуда хозяин / не глядит ли откуда-нибудь хозяин (АК2, ЧА6); *Слов нет* (АК4)
- 40 масло ли стоит, свечи ли, сало / масло, свечи \diamond (АК2); мыло ли стоит, свечи ли, сало (АК4, МД1, МД2)

С. 225

- 1 Так жаловался / Таким же образом жаловался (АК2)
- 2 а между тем деятельность / а деятельность между тем (АК2)
- 2–3 в голове его / в голове (АК2)
- 3 и ждало только плана / и ожидало только нового плана \diamond (АК2)
- 4–7 Вновь съёжился он ~ званьем поверенного / а. В ожидании дальнейших видов он решился покаместь заняться званием поверенного по частным делам; б. *Как в тексте, со следующими вариантами* (АК2):
- 4 Вновь съёжился он / Вновь съежился (АК2)
- 4–7 вновь ограничил ~ званьем поверенного / [ограничивая] ограничив себя во всем до последней безделицы, [и покаместь могли относиться иначе(?), чтобы(?)] [и в ожиданье другого, занялся званием поверенного по частным делам] и из чистоты и благопристойного положения опустил(ся) в грязь и низмен(ность) и в ожиданье лучшего принужден был даже заняться званием поверенного (АК2)
- 5 ограничил себя во всем / ограничил себя до последней безделицы \diamond (ЧА6)
- 6 в ожиданье / в ожидании (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 7–9 званьем ~ плохо уважаемым / а. звание, еще не приобретшее права гражданское *(так!)*, толкаемое со всех сторон, дурно уважаемое; б. *Как в тексте, со следующим вариантом* (АК2):
- 7 званьем / званием (АК4, МД1, МД2 – дважды)
- 8 не приобретшим у нас гражданства / не приобретшим [у нас] гражданства (АК2); не приобретшим права гражданства \diamond (ЧА6); не приобретшим у нас гражданства (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 8–9 толкаемым со всех сторон / толканьем со всех сторон \diamond (АК4)

- 9–10 самими доверителями / самими поверившими им дела свои (АК2, ЧА6, АК3, АК4)
- 10 осужденным на пресмыкание / а. осужденное на беспрестанное пресмыкание; б. осужденное на пресмыкание (АК2)
- 10 грубости / грубые слова \diamond (АК2)
- 11 но нужда заставила / [Сре(ди)] но нужда заставила (АК2); но [нуждаться] нужда заставила (ЧА6)
- 11 Из поручений / Среди разных поручений \diamond (АК2)
- 11–12 досталось ему, между прочим, одно / досталось ему, между прочим \diamond (АК2)
- 13–21 Имение было расстроено ~ не без страху. / а. Имение было расстроено: разные скотские падежи, повальная болезнь, истребившая лучших работников, приказчики и, наконец, плохое правление самого хозяина побудили владельца для поправления как самого имения, так и для удовлетворения кое-каких своих надобностей, в которых у русского человека никогда не бывает недостатка, прибегнуть к залогу, бывшему тогда еще делом совершенно новым, на который решались не без страху.; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 13 Имение было расстроено / Имение по русскому обычаю было расстроено (АК2, ЧА6); Имение по русскому обычаю было расстроено \diamond (АК3)
- 14 Расстроено оно было / расстроено (АК2); Расстроено оно было по обыкновенью (ЧА6); Расстроено оно было по обыкновению \diamond (АК3)
- 14 скотскими падежами / скотскими падежами, неурожаями \diamond (АК2)
- 15–16 повальными болезнями, истребившими лучших работников / повальными болезнями (АК2)
- 16–17 и наконец бестолковьем самого помещика / и совершенным бестолковьем в хозяйственных делах помещика (АК2)
- 16 бестолковьем / бестолковием (ЧА6, АК3, АК4)
- 17 убиравшего себе в Москве дом / убиравшего в Москве дом (АК2)
- 17–20 и убившего на эту уборку ~ оставшееся имение. / на которой употребил [все, что(?)] он все, что ни было у него, так не осталось рубашки на нем(?) (2 нрзб.) для понадобилось наконец заложить последнее оставшееся у него (так в рукописи — АК2)
- 20 оставшееся имение / оставшееся имение (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 21 не без страху / не без страха (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 22 расположивши всех / расположивши всех, кого следует (АК2)
- 22–23 без предварительного расположения, как известно / а. ибо без надлежащего расположения; б. [1 нрзб.] без предварительного расположения, как известно (АК2)
- 24 простая справка или выправка / справка или выправка \diamond (АК2); простая выправка \diamond (ЧА6)
- 24–25 все же хоть по бутылке мадеры / а. хоть по бутылке мадеры; б. хоть по бутылке мадеры, а все-так(и); в. все-таки хоть по бутылке мадеры

- (АК2); все-таки хоть по бутылке мадеры (ЧА6, АК3); все-таки хоть по бутылке мадеры \diamond (АК4)
- 26–28 объяснил он ~ привязок / а. спросил он не без боязни, что вот де [какая ист(ория)] какое обстоятельство, между прочим, что половина крестьян почти вымерла, так, пожалуста, чтобы как-нибудь не сделали привязки; б. *Как в тексте, со следующим вариантом* (АК2):
- 27 половина крестьян вымерла / половина крестьян вымерло (АК3)
- 27–28 так чтобы не было каких-нибудь потом привязок / дак пожалуста, чтобы каких-нибудь привязок (АК2); так каких-нибудь не было потом привязок (ЧА6); так каких-нибудь не было потом привязок \diamond (АК3)
- 28 ревизской / ревижской (АК2, ЧА6, АК3)
- 30 Ну так / Ну дак (АК2)
- 30 чего ж вы / что же вы \diamond (АК2); чего же вы (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 30 *После:* сказал секретарь — «Не велика важность, хоть бы и все вымерли (АК2)
- 31 а все в дело годится / и все в дело годится (АК2, ЧА6, АК3); и все в дело годится \diamond (АК4)
- 32–33 осенила вдохновеннейшая мысль / осенила [мысль] самая вдохновенная мысль (АК2); осенила самая вдохновенная мысль \diamond (ЧА6)
- 34 Аким-простота / Аким Плошина (АК2); Аким Плошина \diamond (ЧА6)
- 34 сказал он сам в себе / сказал он сам себе (АК2)
- 35 всех этих / а. всех этих душ; б. (кар.) вон этих всех (АК2)
- 35–36 пока еще не подавали / покамест не подавали еще (АК2)
- 36 приобрети их / а. приобрети их; б. (кар.) накупи их \diamond (АК2)
- 37 по двести рублей / по 250 (АК2, ЧА6); а. по 250 руб.; б. по 200 руб. (АК3); по 200 рублей (АК4)
- 38 двести тысяч / у меня будет 250 тысяч (АК2); 250000 (ЧА6); а. 250000; б. 200000 (АК3); 200000 (АК4)
- 38–39 время удобное / время для того самое удобное (АК2)
- 39 недавно была / не так давно была (АК2)
- 39 народу вымерло / народу [умер(ло)] вымерло (ЧА6)
- 39 *После:* не мало — *зачеркнуто:* подати уплачиваются с каждым годом труднее — так мне с радостью уступит (ЧА6)
- С. 225–226
- 40–1 Помещики попроигрывались в карты, закутили и промотались как следует / помещики попроигрывались, закутили и прокутились \diamond (АК2)
- С. 225
- 40 промотались / прокутились \diamond (ЧА6)
- С. 226
- 1 в Петербург служить / в Петербурге служить (АК3, АК4)
- 1–2 именья брошены, управляются как ни попало / а. именья брошены и управляются как ни попало; б. *Как в тексте, со следующим вариантом* (АК2):
- 1 именья / имения (АК2, АК3, АК4, МД1, МД2)

- 3 уступит их каждый / уступит их всякой (АК2)
- 4 подушных денег / подушенных денег (АК3)
- 4–5 может, в другой раз так случится / а может и так случится (АК2); а, может, вдруг(?) так случится (ЧА6); а. а, может, в другой так случится; б. а, может, в другой раз так случится (АК3); *Как в варианте б. АК3 (АК4)*
- 5 зашибу за это копейку / зашибу копейку (АК2, ЧА6); зашибу копейку ◊ (АК3)
- 5–10 Конечно ~ на вывод, на вывод / *Текста нет (АК2, ЧА6); а. Текста нет; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК3):*
- 6 чтобы как-нибудь еще не досталось / чтобы [иной раз и не д(осталось?)] как-нибудь еще не досталось (АК3)
- 7 не вывести из этого историю / не вывести из этого истории (АК4, МД1, МД2)
- 8 главное, то хорошо / главное, что хорошо ◊ (АК3)
- 8–9 покажется совсем невероятным / покажется всем невероятным (АК4, МД1, МД2)
- 10–13 теперь земли ~ пусть их там живут! / а. Теперь, как нарочно, продаются земли от казны в Херсонской и Таврической губернии по рублю за десятину, туда их всех и переселю я.; б. *Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):*
- 10–11 теперь земли / а земли (АК2, ЧА6); а земли ◊ (АК3)
- 11 в Херсонской и Таврической губернии / в Таврической и Херсонской губерниях (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 11 отдаются даром / продаются даром ◊ (АК2)
- 12 только заселяй / только переселяй ◊ (ЧА6)
- 12–13 Туда я их всех ~ там живут! / я их туда всех и переселю (АК2); Туда я их всех (ЧА6); Туда я их всех ◊ (АК3)
- 13 законным образом / законным порядком (АК2)
- 14 как следует по судам / как следует по судам, это уж мое дело (АК2)
- 14 освидетельствовать крестьян / засвидетельствовать крестьян ◊ (АК2)
- 15 пожалуй, я и тут / пожалуй, [по] я и тут (ЧА6)
- 16 подписаньем / подписанием (АК2, АК3, АК4, МД1, МД2)
- 16 капитана-исправника / капитан-исправника (АК2)
- 17 можно назвать / назвать можно (АК2)
- 17–18 или по имени ~ Павловское / или именем, данным мне при крещении: какое-нибудь сельцо Павловское (АК2)
- 18–19 И вот таким образом составиля / И вот таким образом образовался (АК2)
- 19 странный сюжет / а. странный сюжет, отныне занявший исключительно все помышления; б. странный проект, отныне занявший ~ помышления (АК2)
- 19–20 не знаю / я не знаю (АК2)
- 20–21 а уж как благодарен автор, так и выразить трудно / а уж так благодарен, как и выразить трудно (АК2)

- 21–22 не приходи в голову Чичикову / не приходи в голову Чичикова (АКЗ, АК4, МД1, МД2)
- 22 не явилась бы на свет / не явилась бы на свете (АКЗ, АК4)
- 22 *После:* сия поэма. — *вписано карандашом:* плод неумолимого [далеких(?)] уединения, строгих размышлений [горемычного скитанья по свету], многог(о) самоотверженья и горемы(чного?) странствия по свету и любви к <..?> [предметом любви к близким, неотразимым, родным] неотразимой к тому, чего не ведает <не закончено> влекомый(?) пре(д)метом, составляющим любовь его сердца. *Далее вписано карандашом на полях без обозначения места вставки:* любви неотразимой, той любви [к тому] [которой нет имени на земле] которой нет знает свет, любви к тому, для чего призван в(?) мир(?) писавший сии строки [который... писавшего сии строки], ее же имени нет на свете, ею же объята [душа] душа писавшего сии стро(ки) (АК2)
- 23–24 приступил он к исполнению / а. Герой наш принялся весьма ревностно за исполнение задуманного плана; б. он приступил к исполнению плана (АК2)
- 24–25 и под другими предлогами / просто из удовольствия и под разными другими предлогами ◊ (АК2)
- 25 предпринял он заглянуть / он предпринял заглянуть (АК2); предпринял заглянуть (ЧА6); предпринял заглянуть ◊ (АК3)
- 26 преимущественно / преимущественно (АК2, ЧА6)
- 26 в те, которые / в такие, которые ◊ (АК2)
- 27 от несчастных случаев, неурожаев / от каких-нибудь несчастных случаев, неурожаев ◊ (АК2); от несчастных случаев [или], неурожаев (ЧА6)
- 27–28 и прочего и прочего / и прочего, прочего (АК2, МД1)
- 28 удобнее и дешевле / и удобнее и дешевле (АК2)
- 28–29 закупить потребного народу / закупить потребного народа (АКЗ, АК4, МД1, МД2)
- 29 Он не обращался / Он никак не адресовался ◊ (АК2)
- 29 ко всякому / а. ко всякому; б. к всякому (АК2)
- 30 но избирал / а, напротив, избирал ◊ (АК2)
- 30 или таких / таких ◊ (АК2)
- 31 затрудненьями / затруднениями (АК2, АКЗ, АК4, МД1, МД2)
- 32–33 стараясь прежде ~ приобрести мужиков / а. которых уже он заблаговременно несколько узнал; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):
- 32 стараясь прежде / [И всегда] стараясь прежде (АК2)
- 32–33 чтобы, если можно, более дружбою / чтобы [посредством этого], если можно, дружбою (АК2)
- 33 не покупкою приобрести мужиков / а. не покупкою приобрести мужичков, потому что был бережлив и не любил тратить даром копейку; б. не покупкою ~ даром копейку, да притом и копеек было немного; в. не покупкою приобрести мужичков (АК2)
- 35 не пришлось по его вкусу / не пришлось по их вкусу (АК2)

35–36 это вина Чичикова ~ куда ему вздумается / а. Автор совершенно в стороне, виноват Чичиков, Автору очень хотелось бы выбрать других, и он даже отчасти знает, какие характеры понравились бы читателю, ну да прошу сладить с Чичиковым, у него совершенно другие потребности, здесь же он полный хозяин, куда ему вздумалось; б. [Здесь он совершенно в стороне] [Всему виноват] Это вина Чичикова, [а ему] здесь он полный хозяин, [а не автор] и куда ему вздумалось (АК2)

36 куда ему вздумается / куда ему вздумалось (ЧА6, АК3, АК4)

37 если уж точно / если уже точно (АК2); если точно (АК3, АК4, МД1, МД2)

37 падет обвиненье / падет [на нас] обвинение (АК2); падет обвинение (АК3, АК4, МД1, МД2)

38–39 скажем только то ~ объема дела / а. можно привести только, что никогда вначале не видно широкого течения; б. [приведем] скажем только то, что [никогда вначале не увидишь дела во всем его объеме] никогда именно^(?) не заметишь вначале широкого течения (АК2)

38 то, что никогда / то, никогда \diamond (ЧА6, кар.)

С. 227

1 сначала все серо / все как-то сначала серо \diamond (АК2)

1–2 тянутся бесконечные заводы да фабрики / а. тянутся какие-нибудь стены и заборы, да заводы и фабрики; б. тянутся бесконечные заборы, да заводы, да фабрики (АК2); тянутся бесконечные [заборы да фабрики] заводы да фабрики (ЧА6)

3–5 перспективы улиц ~ громом / а. перспективы улиц с городским блеском, шумом и громом; б. перспективы улиц все в колокольных, [фронтах], колоннах, башнях, со всем своим городским блеском, шумом [трескотней экипажей] [трескотней] и громом (АК2)

4 колоннах, статуях, башнях / колоннах, башнях (ЧА6); колоннах, башнях \diamond (АК3)

5 и всем, что на диво произвела / и все, что на диво произвела \diamond (АК2)

6 Как произвелись ~ уже видел / а. По крайней мере, читатель уже видел, как произвел первые покупки Чичиков; б. Читатель уже видел, как произвелись первые покупки \diamond (АК2)

7–11 как пойдет дело ~ увидит потом / а. как пойдет дело далее и какие будут удачи, потом увидит; б. как пойдет дело далее и какие будут удачи, увидит (АК2); Как пойдет дело далее и какие будут удачи потом — увидит (ЧА6); а. Как пойдет далее и какие будут удачи потом — увидит; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК3):

7 какие будут удачи / какие будут потом удачи (АК3, АК4)

9 как предстанут / а. Как в тексте; б. Как выдвинутся \diamond (АК3)

9–11 как двинутся ~ увидит потом / а. как вся повесть примет величавое лирическое течение — увидит потом; б. (кар.) как двинутся все рычаги широкой повести, раздастся далече горизонт, как вся повесть примет величавое лирическое течение — то увидит потом (АК3);

- а. как вся повесть примет величавое лирическое течение, увидит потом; б. Как в тексте, со следующим вариантом (АК4):
- 11 то увидит потом / увидит потом (АК4)
- 12 предстоит совершить / остается совершить \diamond (АК2)
- 14 кучера Селифана / и кучера Селивана (АК2); и кучера Селифана (ЧА6); и кучера Селифана \diamond (АК3)
- 14 и тройкой коней / с тройкою коней (АК2); с тройкой коней (ЧА6); с тройкой коней \diamond (АК3)
- 14–15 уже известных ~ чубарого / а. которых уже всех читатель знает поименно, фаворита Гнедого, подлеца Серого и пристяжного; б. уже знакомой читателю и связанных уже навсегда(?) Заседателя, Гнедого, подлеца Чубарого (АК2)
- 15 поименно / поимянно (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 16 герой наш, каков он есть / Герой, каков есть (АК2)
- 16 Но потребуют, может быть / а. Может быть, потребуют; б. Но потребуют (АК2)
- 17 одной чертою / одною чертою (АК2)
- 19 Кто же он? стало быть, подлец? / Стало быть, он подлец? (АК2)
- 19–20 Почему ж подлец / Почему же подлец (АК2, МД2)
- 20 зачем же быть так строго к другим / зачем же быть так строго (АК2)
- 21 люди благонамеренные, приятные / а. люди благонамеренные, приятные; б. люди приятные, благонамеренные (АК2)
- 22 выставили / подставили (ЧА6); поставили \diamond (АК3)
- 24 да и те / а. но те; б. но и те (АК2)

С. 227–228

- 24–18 Справедливее всего назвать его ~ неотразимая уверенность / а. Справедливее, полагаю, назвать героя нашего прожектором. У всякого есть свой прожект; неприятно, конечно, покажется только <только вписано> иному Читателю, что проэкт составляет главное в характере его, но у кого же нет одного какого-нибудь стремления, резко оставляющего впечатление на всем характере [и подобно(?)] и обдуманно, подобно холодному бесчувственному Деспоту, истребляющему мало-помалу все другие потребности души. И не только одна сильная, широкая страсть, но не раз незначаящая страстишка к чему-нибудь мелкому разрасталась в человеке и заставляла позабывать его высокие и святые обязанности и в ничтожных побрякушках видеть высокое и святое. Безумно, слепо мы все влечемся к какой-нибудь одной страсти и слепо жертвуем для нее всем; но есть что-то упительное, восторженное, вечно зовущее в сем влечении. И у Автора, пишущего сии строки, есть страсть, страсть заключать в ясные образы приходящие к нему мечты и явления в те чудные минуты, когда, вперивши очи в свой иной мир, несется он мимо земли, и в оных чудных минутах, нисходящих к нему в его бедный чердак, заключена вся жизнь его, и, полный благодарных слез за свой небесной удел, не ищет он ничего в сем мире, но любит свою бедность сильно, пламенно, как любовник свою любовницу. Но Читатель и

сему не поверит, и в том он прав: всякой есть господин и властен верить и не верить. Лучше поверит Читатель одной страсти, преобладающей всеми^(?), не чувствуя, что она просто мода, деспотски разлетевшаяся мода, и в то же время для того же читателя будет вечно что-то отталкивающее в страсти к приобретениям, то есть, конечно, если эта страсть будет сообщена Герою поэмы, в натуре другое дело, в натуре ничего. Множество читателей оттолкнутся от нашего героя, и уже невольная грусть овладела душою Автора. Не потому грустно, не потому тяжело, что будут недовольны Чичиковым, но потому грустно и тяжело, что живет в душе неотразимая, неизменяющая уверенность; б. Справедливее ~ свой прожект. И не только одна ~ разсталась в человеке, и в человеке, казалось бы, рожденном на великие дела, и заставляла позабывать ~ высокое и святое [Бесчисленны, ка(к) морские пески, [стра(сти)] человеческие страсти и все непохожи одна на другую], и бесчисленны, как морские пески, человеческие страсти и все непохожи между собой. И у Автора ~ не ищет он ничего в земном мире ~ свою любовницу. [Но Читатель и сему не поверит ~ верить и не верить. Скорее поверит Читатель и тому, что общее всем, [в] что просто одна только мода, властительно разлетевшаяся над миром, а не страсти.] Но не то тяжело [Автору], что читатели будут недовольны [его] Героем, тяжело то, что живет в душе неотразимая, неизменяющая уверенность (АК2). Рядом, на полях л. 200 об., набросок карандашом: [Которой] Конечно, прожект, страстный увлекающий прожект. Страсть к приобретению виною [все(го?)] того, что, может быть, он произвел некоторые дела не совсем чистые. Конечно, в этой страсти есть уже что-то, (что) отталкивает. Читатель винить рад, встретив такого человека, и когда даже сам знает, что он не очень чистой человек и подружится с ним, а в книге не любит встре(чать). Так странно на свете. Но мудр тот, который не чуждается никаких характеров, но следит глубокомысленно, нисходя до первоначальных причин. Как часто нечувствительно не успел оглянуться Человек — и уже поселился внутри и стал великаном ужасный червь, обратив к себе все жизненные его соки. [Все они приобретаются сначала произвольно] Прекрасное (1 нрзб.) приобретает(ся) сначала произвольно, по желанию и там уже становится [страшным] Деспотом и властителем, [глуб(же?)] и счастлив тот, чей разум и воля изберут прекрасные и выше(?) всех других [глубже и глубже будет он входить]. Но есть страсти, которые даются свыше, и не властен человек ни приобрести, ни отказаться от ней, и есть что-то восторженное, вечно зовущее в сем влечен(и).

С. 227

- ²⁵ хозяин, приобретатель / просто Приобретатель (ЧА6); просто приобретатель [◇] (АК3)
- ²⁶ дает название / дает названия (МД2)
- ^{28–29} на жизненной своей дороге будет дружен / даже будет дружен [◇] (ЧА6)

- 29 будет водить с ним / водить с ним (ЧА6); водить с ним \diamond (АКЗ)
 29–30 проводить приятно время / проводить время \diamond (ЧА6)
 32 но, вперя в него / и, вперя в него (ЧА6); и, вперя в него \diamond (АКЗ)
 33 все превращается в человеке / превращается человек \diamond (ЧА6)
 35 все жизненные соки / все соки и жизнь (ЧА6, АКЗ, АК4)
 36 широкая страсть / страсть \diamond (ЧА6)
 37 разрасталась в рожденном / разрасталась в [человеке] рожденном (ЧА6)

С. 228

- 1 низкие и прекрасные, все вначале покорны человеку / низкие и прекрасные вначале, покорны человеку (АКЗ, АК4, МД1, МД2)
 2 властелинами его / властелинами \diamond (ЧА6)
 3 прекраснейшую страсть / лучшую страсть \diamond (ЧА6)
 3–4 десятерится с каждым часом / десятерится [его б(лаженство)] с каждым часом (ЧА6)
 5 глубже и глубже / глубже \diamond (ЧА6)
 6–7 родились они ~ в свет / родились они в нем в самую минуту рожденья его в мир (ЧА6); родились они в нем в самую минуту рожденья его в мир \diamond (АКЗ)
 7–16 Высшими начертаньями ~ на свет поэме. / а. и есть в них что-то вечно зовущее, не умолкающее во всю жизнь. И у пишущего сии страницы есть страсть, страсть заключать в ясные образы приходящие к нему мечты и явленья в те чудные минуты, когда, вперивши очи в свой иной мир, несется он мимо земли. И в оных чудных минутах, нисходящих к нему в его бедный чердак, заключена вся жизнь его, и, полный благодарных слез за свой небесный удел, не ищет он ничего в сем мире, но любит свою бедность сильно, пламенно, как юный любовник [свою] любит любовницу; б. *Как в тексте, со следующими вариантами (ЧА6):*
 7–8 Высшими начертаньями они ведутся / [и заключено в них] Для высших начертаний, [непостижимых человеку] ему непостижимых, обречены они (ЧА6); Для высших начертаний, ему непостижимых, обречены они \diamond (АКЗ)
 9 Великое земное поприще / Земное великое поприще (АКЗ, АК4, МД1, МД2)
 10–11 в мрачном ли образе ~ возрадующим мир / а. [в виде ли] в мрачном ли образе злодейства или в сиянье небесной добродетели; б. в образе ли злодейства или [явленья] явления, возрадующего мир (ЧА6); а. в образе ли злодейства или явленья, возрадующего мир; б. *Как в тексте, со следующим вариантом (АКЗ):*
 10–11 пронестись светлым явлением / пронестись светлым [чудесным] явлением (АКЗ); пронеслись светлым явлением (МД2)
 12 И, может быть / И, [почему знать] может быть (ЧА6)
 12 в сем же самом / а. в самом; б. в сем самом (ЧА6)
 13 После: не от него — *зачеркнуто*: для иного дела (ЧА6)
 13–14 и в холодном его существовании / и в существовании \diamond (ЧА6)

- 14 заключено то, что потом повергнет в прах / [есть] заключено то, что [заставит потом повергнуть] в прах (ЧА6 — так в рукописи)
- 14–15 на колени человека / на колени повергнет(?) (ЧА6)
- 15 перед мудростью небес / перед [дивной] мудростью [небесного промысла] небес (ЧА6); пред мудростью небес (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 15 *После:* небес. — *зачеркнуто:* а. И еще может быть [тайна] заключена тайна в появленье сего образа в ныне представляющей на свет поэме; б. И еще заключена (ЧА6)
- 15 И еще тайна / и еще [заключена] [великая] тайна [в том] (ЧА6)
- 16 в ныне являющейся на свет поэме / в ныне являющейся [поэме] на свет поэме (ЧА6)
- 17 будут недовольны героем / а. Как в тексте; б. будут им недовольны ◊ (АК3)
- 18, 19 самым / самим (АК2, ЧА6, АК3, АК4, МД1)
- 20 ему в душу / в его душу (АК2)
- 20–21 не шевельни ~ ускользает и прячется / не шевельни [того] на дне [ее] того, что ускользает [и не видимо], прячется (АК2)
- 21–22 сокровеннейших мыслей / сокровеннейших его мыслей (АК2)
- 22 не веряет человек / не поверяет человек (АК2)
- 23–24 и другим людям / и другим помещикам (АК2)
- 25–28 ни лицо, ни весь образ его ~ всю Россию / а. ни лицо, ни фигура не остались бы надолго в их памяти, что он не метался бы вечно пред ними как живой человек, зато по окончании чтения они не встревожены ничем, душа не возмущена и [покойно] они могут совершенно покойно обратиться к мирным занятиям, то есть обратиться к вечному карточному столу, тещаему всю Россию, или неразвлекаемо заняться, что из принесенной кучи необходимого добра [будет более и] будет гармонировать более с цветом волос. И знает вас много, мои добрые читатели, сей неведомый вами Автор.; б. ни лицо, ни фигура ~ неразвлекаемо заняться тонким разбором, что из принесенной кучи всякого добра будет гармонировать ~ неведомый вами Автор; в. ни лицо, ни [весь] образ его не остались бы в памяти, и [не метался бы он] он не метался бы, как живой, перед глазами, зато по окончании чтения [не встревожена душа и можно(?)] душа не встревожена [ничем и можно обратиться вновь к мирным занятиям, то есть к вечному карточному столу, тещаему всю Россию, [или неразвлекаемо заняться тонким разбором кучи всякого добра, созданного модой, Мудрым делом девятнадцатого века, развившего ее в [полном] чудном совершенстве. Счастье великое, подаренное им человечеству в награду за трудные и бедственные его странствия] показать тонкость в разборе дрязга, созданного великою Модою] и можно обратиться вновь к карточному столу, тещаему всю Россию (АК2)
- 26 перед / пред (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 28–30 Да, мои добрые читатели ~ говорите вы / а. Вам бы хотелось, чтобы вас ублаживали, как ребенка, вам бы не желалось, чтобы обнаружи-

вали перед вами бедность жизни, ничтожные страстишки и много, много того, чего так много на свете. «Зачем, — говорите вы, — выводить все это внаружу и обращать в неизгладимые строки?»; б. Вам бы хотелось, чтобы не обнаруживали перед вами ~ в неизгладимые строки?; в. Вам бы хотелось ~ «Зачем, — говорите вы, — выводить все это внаружу и обращать их в неизгладимые строки?»; г. Да. Вам бы не хотелось, Добрые Читатели мои, видеть обнаруженную пред [вами бедность людей] собой человеческую бедность. «Зачем, — говорите вы (АК2)

28–29 вам бы не хотелось / вам бы не [об] хотелось (ЧА6)

32 вовсе неутешительно / вовсе неутешительно видеть \diamond (АК2)

33–40 Пусть лучше ~ бух с аукциона / а. Пусть лучше мы позабудемся хоть на малое время, и вы похожи с вашим стремлением позабыться на помещика, которому пришел докладывать приказчик, что та и другая часть в хозяйстве идет совершенно плохо и что если он не обратит наконец внимания и не пожертвует на поправление хотя часть времени и половину из принесенного оброка, то [и] скоро и поправить нельзя будет [ничего] ничем. «Да зачем, брат, ты говоришь мне это, — отвечает помещик, — ведь я без тебя знаю, что все идет дурно, да дай мне по крайней мере позабыться, я по крайней мере тогда счастлив, я не слышу ничего этого». И вот те деньги, которые хоть сколько-нибудь поправили бы дело, идут на разные средства для приведения себя в забвение, а там вдруг все имение с аукциона; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АК2):

33–34 Зачем ты, брат, говоришь мне / Что ты, брат, говоришь мне \diamond (АК2 — первоначальный вариант остался незачеркнутым)

34 дела в хозяйстве идут скверно / дело в хозяйстве идет скверно (АК2)

35 это знаю без тебя / знаю это без тебя (АК2)

35–37 да у тебя ~ тогда счастлив / а. дай мне по крайней мере позабыть, я тогда счастлив: я не слышу ничего этого; б. Да у тебя разве язык не поворотится сказать что-нибудь иное, что не знаешь(?) ты о другом деле(?), я хочу не знать это, хочу позабыться, я тогда счастлив (АК2)

36 После: других, что ли? — зачеркнуто: не можешь об ином заговорить (ЧА6)

37–38 которые поправили бы сколько-нибудь дело / которые [сколь-ко-нибудь] поправили бы сколько-нибудь дело (АК2); которые бы поправили сколько-нибудь дело (АК3, АК4, МД1, МД2)

39 забвень / забвение (АК2)

39 ум, может быть обретший бы / ум, может быть обревший бы (АК2, ЧА6); ум, может быть, обревший бы \diamond (АК3, кар.); ум, может быть, обревший бы (АК4)

40 имение бух с аукциона / бух имение с аукциона (АК2)

С. 228–229

40–1 пошел помещик забываться / пошел помещик в одном сертучке позабываться \diamond (АК2)

С. 229

- 1–2 готовую на низости / готовую на все низости \diamond (АК2)
 2 сам ужаснулся прежде / а. он ужаснулся сам за несколько времени
 прежде; б. он ужаснулся сам в прежнее время; в. он ужаснулся сам
 прежде (АК2); [он] сам ужаснулся прежде (ЧА6)
 3–4 Еще падет обвинение ~ патриотов / а. Автор [та(кже?)] предчув-
 ствует, что еще с одной стороны упадет на него обвинение: найдутся
 так называемые патриоты; б. Еще с одной стороны будет обвиненье
 на Автора: найдутся так называемые патриоты (АК2)
 3 обвинение / обвиненье (ЧА6, АК3, АК4)

С. 229–230

- 4–22 которые спокойно сидят ~ делают дурное. / которые скажут: «Да
 ведь это, все что ни помещено здесь, все наше, ведь это все грехи
 русские, хорошо ли выставляя их, что же подумают о нас иностран-
 цы». Против такого мудрого обвинения трудно даже найтись, как
 отвечать. [Лучше вместо] Ничего другого нельзя сделать, как разве
 привести только вместо ответа жизнь двух обитателей одного не-
 заметного уголка России: Писта Пистовича и сына его Феописта
 Пистовича. Пист Пистович был характера самого кроткого, какой
 когда-либо был выдван в человеке. Жизнь свою он провел то что
 называют халатным образом, то есть в непрерывном хождении по
 комнате с трубкою в зубах и в постоянном размышлении об одном
 предмете, конечно, несколько странном, именно: «Почему зверь ро-
 дится нагишом, а не так, как птица, т.е. не выдупливается из яйца».
 Феопист Пистович был, напротив того, то, что по-русски называют
 богатырь, и двадцатилетняя плечистая его натура поминутно оказы-
 вала расположение разгуляться; [как-то] ничего он не мог сделать
 слегка, но все или спина у кого-нибудь трещит, или кто-нибудь
 появится с болдырем [на] в лице, в доме все, начиная от ключницы
 до дворовой собаки, бежало прочь, еще издали его завидев; даже
 в своей комнате собственную кровать изломал он в куски. «Да, —
 говаривал всегда Пист Пистович, — когда доходили до него жалобы
 на Феописта Пистовича, — нужно, нужно пожурить Феописта Пи-
 стовича. Да ведь как это сделать, наедине-то его не пристыдишь,
 а человек он, конечно, честолюбивый, и, если бы укорить его при
 другом, третьем, он бы унялся, да то беда, скажешь при одном,
 третьем, а уж весь город узнает и упреками глаза выедет. Пусть
 уж, нелегкая не возьми, остается собакой! ведь не он же один, у
 Степана Прохорыча будет похуже сынишка». И, довольный таким
 умным решением, Пист Пистович отправлялся вновь по комнате
 рассуждать о странности рождения зверя, предаваясь беспрестанно
 остроумным новым догадкам, например: «А любопытно бы знать,
 как бы толста была скорлупа, если бы, положим, слон родился в
 яйце. Ведь, я чай, пушкой ее не прошибешь, а нужно будет изоб-
 рести какое-нибудь новое огнестрельное орудие». Так протекала
 жизнь двух обитателей одного скромного уголка России, жизнь,
 конечно, не бесполезная, потому что прислужилась теперь автору

ответом на мудрое обвинение, которое, вероятно, будет сделано со стороны так называемых патриотов. (АК2)

С. 229

- 5 посторонними делами / а. другими делами; б. [вовсе] посторонними делами (ЧА6)
- 12 это все наше / ведь это все наше \diamond (ЧА6)
- 12–14 Разве весело ~ разве мы не патриоты? / а. Они и без то(го) о нас не совсем хорошего мнения, а что же скажут они теперь, когда свой заговорил вот как.; б. Они и без то(го) о нас нехорошего мнения, что же скажут теперь, когда увидят, что свой заговорил вот как. Да и будто в самом деле уж мы одни такие, ведь и похуже нас есть. (ЧА6); а. Как в варианте б. ЧА6; б. они и без того ~ похуже нас есть и прочее \diamond (АК3)
- 14 На такие мудрые замечания / а. [Насчет таких мудрых] В ответ на такое мудрое замечание; б. На такое мудрое замечание (ЧА6); На такое мудрое замечание \diamond (АК3)
- 15 насчет мнения иностранцев / а. насчет мнения иностранцев; б. насчет мнения иностранцев и прочего \diamond (ЧА6)
- 15–17 признаюсь ~ два обитателя. / [ничего] другого [нельзя] не остается сделать, как разве только привести жизнь двух [отдаленных] обитателей одного отдаленного уголка России (ЧА6); другого не остается сделать, как разве только привести жизнь двух обитателей одного отдаленного уголка России \diamond (АК3)
- 17–18 отец семейства, по имени Кифа Мокиевич / отец [Кифа] семейства, по имени Кифа Мокиевич (ЧА6)
- 18 человек нрава кроткого / человек нрава необыкновенно кроткого (ЧА6); человек нрава необыкновенно кроткого \diamond (АК3)
- 18 проводивший жизнь / проводивший жизнь свою \diamond (АК3)
- 18–19 халатным образом / более халатным образом (ЧА6); более халатным образом \diamond (АК3)
- 19–20 существование его было обращено / вся жизнь его была обращена (ЧА6); вся жизнь его была обращена \diamond (АК3)
- 20–21 занято следующим ~ философическим вопросом / именно занята была следующим вопросом (ЧА6); а. именно занята была следующим вопросом; б. занято следующим вопросом (не зачеркнуто); в. (кар.) занято следующим, как он называл, [политическим^(?)] философическим вопросом (АК3); занято следующим вопросом (АК4)
- 23 Почему ж / Почему же (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 24 Как, право, того / а. Как, право, непостижимо (ЧА6); а. Как, право, непостижимо; б. (кар.) Как, право, того (АК3); Как, право, непостижимо (АК4)
- 25–26 Так мыслил ~ главное дело. / Текста нет (ЧА6); а. Текста нет; б. Так мыслил обитатель Кифа Мокиевич.; в. (кар.) Так мыслил обитатель Кифа Мокиевич. Но (не) в этом еще главное дело. (АК3)¹⁶; Так мыслил обитатель Кифа Мокиевич. (АК4)

¹⁶ Отсюда, начиная с л. 201, в АК3 внесена карандашная правка, не вошедшая в АК4, но учтенная (без изменений или с небольшими изменениями) в МД1.

- 27 Мокий Ки́фович, родной сын / [родной] Мокий Ки́фович, родной сын (ЧА6)
- 30 Ни за что / Как-то ни за что \diamond (ЧА6)
- 31 волдырь выскочит на чьем-нибудь носу / а. волдырь покажется; б. волдырь [у кого-нибудь] выскочит на чьем-нибудь носу (ЧА6); волдырь выскочит на носу чьем-нибудь \diamond (АК3); волдырь вскочит на чьем-нибудь носу (АК4, МД1, МД2)
- 32 В доме / В доме [все] (ЧА6)
- 33 кровать в спальне / кровать в своей спальне \diamond (ЧА6)
- 34–36 Таков был ~ вот в чем / *Текста нет* (ЧА6); а. *Текста нет*; б. (кар.) А, впрочем, он был [и] доброй души [но по глуп(ости)?]. Таков был Мокий Ки́фович, но не в этом еще главное дело, а главное дело вот в чем (АК3); а. *Текста нет*; б. *Текст вписан со следующими вариантами* (АК4):
- 34 *Слов:* Таков был Мокий Ки́фович — *нет* (АК4)
- 35 не в этом еще главное дело / не в этом главное дело (АК4)
- 36 батюшка барин / батюшка \diamond (ЧА6)
- 37 что это у тебя / что у тебя (АК3, АК4, МД1, МД2)

С. 229–230

- 38–6 Да, шаловлив ~ черт их побери, отец! / а. Да, — говорил обыкновенно Кифа Мокиевич, я и сам вижу, что Мокий Ки́фович шаловлив. Не знаю, право, как мне быть. Наедине его не проймешь, а человек он честолюбивой: укори его при другом, третьем, он уймется, да ведь то беда, скажи при двух — весь город узнает, он и без того об нем нехорошего мнения, а [Мокий Ки́фович] теперь заговорит пуще. А Мокий Ки́фович все-таки моя кровь. Что они думают, право: я не отец? Нет, я отец (при двух, все-таки *вписано*); б. *Как в тексте, со следующими вариантами* (ЧА6):

С. 229

- 38–39 Да, шаловлив, шаловлив / да, Мокий Ки́фович шаловлив (ЧА6); Да! Мокий Ки́фович шаловлив \diamond (АК3)

С. 229–230

- 40–1 драться с ним ~ честолюбивый / разве пристыдить его? Конечно, человек он честолюбивый (ЧА6); а. разве пристыдить его? Конечно, человек он честолюбивый; б. драться с ним поздно, а человек он честолюбивой \diamond (АК3)

С. 229

- 40 да и меня ж / да и меня же (АК4, МД1, МД2)

С. 230

- 2–4 да ведь гласность-то ~ занимаюсь философией / [а] да ведь город-то, город что скажет? [Уж теперь он] [Уж] Уж теперь он его назовет совсем собакой, [он ведь] и без того [дурно толкует о нем] колют мне глаза. Что, право, в самом деле они думают, что [я] вот я занимаюсь философией (ЧА6); а. да ведь город-то, город что скажет? Уж теперь он его назовет совсем собакой, и без того колют мне глаза. Что, право, в самом деле они думают, что вот я занимаюсь философией; б. да ведь город-то что заговорит? теперь он его

- назовет совсем собакой, и что, право, думают, мне разве не больно? разве я не отец? что занимаюсь философией (право *вписано*); *в. (кар.)* да ведь гласность-то, вот беда — ведь город потом (*оставлено место для одного слова*), а узнает, так и назовет совсем собакой, и что, право, думают, мне разве не больно? разве я не отец? что занимаюсь философией (*АКЗ*); *а. Как в варианте б. АКЗ*; *б. (кар.) В варианте а. сделано одно исправление: и что право — заменено на: Что, право (АК4)*
- ⁴ да иной раз нет времени / да у меня нет времени (*ЧАБ*); да у меня нет времени \diamond (*АКЗ*)
- ⁵⁻⁶ Ан вот нет ~ черт их побери, отец! / Нет, я отец (*ЧАБ*); Нет, я отец \diamond (*АКЗ*)
- ⁶ У меня Мокий Кифович / У меня [Ки(фа)] Мокий Кифович (*ЧАБ*)
- ⁶⁻⁸ Тут Кифа Мокиевич ~ в совершенный азарт. / *а.* При этом отец всегда бил себя очень сильно в грудь.; *б.* При этом Кифа Мокиевич воспалялся и бил себя очень сильно в грудь. (*ЧАБ*); *а.* При этом Кифа Мокиевич воспалялся и бил себя очень сильно в грудь.; *б. Как в тексте*; *б. (кар.)* Здесь он ударял себя весьма сильно в грудь и приходил в совершенный азарт. (*АКЗ*)
- ⁸ и останется собакой / не останется собакой \diamond (*АКЗ*)
- ⁸⁻¹⁰ так пусть же ~ оставлял Мокия Кифовича / так я по крайней мере его не выдам, уж от меня-то этого никто [этого] не узнает. — Да [что если говорить правду, ведь и похуже его есть], впрочем, есть и похуже его, у первого Степана Прохорыча похуже сынишка. — Так говорил [нежный, истинный] истинный [редкий] отец и, оставивши Мокия Кифовича (*ЧАБ*); *а.* так я по крайней мере его не выдам, уж от меня-то этого никто не узнает. — Да, впрочем, есть и похуже его, у первого Степана Прохоровича похуже сынишка». — Так говорил истинный отец и, оставивши Мокия Кифовича; *б.* так пусть же не от меня об этом узнают. Пусть не я выдал его. — И полный такого примерного чадолюбия [отец], оставивши Мокия Кифовича (Пусть не я выдал его. *вписано*); *в. (кар.)* так пусть же не от меня об этом узнают. Пусть не я выдал его. [И. показавши] Показавши таким образом [отеческое свое] свое отеческое чувство всем(?), он, оставивши Мокия Кифовича (*АКЗ*); *Как в варианте б. АКЗ (АК4)*
- ¹¹ а сам обращался / обращался (*ЧАБ*); *а.* обращался; *б.* он обращался; *в.* Кифа Мокиевич обращался; *г.* он обращался (*АКЗ*); он обращался (*АК4*)
- ¹⁴ *Перед словами:* какое-нибудь — *вписано и зачеркнуто:* в (*ЧАБ*)
- ¹⁵⁻²² Так проводили ~ делают дурное. / *а.* Так протекала жизнь двух обитателей, уже полезная потому, что прислужилась ответом на обвиненье, которое, вероятно, будет со стороны так называемых патриотов; *б.* Так протекала жизнь ~ будет со стороны некоторых горячих патриотов, до времени весьма покойно занимающихся кое-какими приращеньями на счет сумм нежно любимого ими отечества (*ЧАБ*); *а.* Так протекала жизнь двух обитателей, уже полезная потому, что прислужилась ответом на обвиненье, которое, вероятно,

- будет со стороны некоторых горячих патриотов, до времени весьма покойно занимающихся кое-какими приращениями на счет сумм нежно любимого ими отечества; б. *Как в а. с одним вариантом:* прислужилась ответом *изменено на:* прислужилась теперь чем-то в роде ответа; в. Так проводили жизнь два обитателя [одного] мирного уголка, [которые вдруг] неожиданно будто из окошка выглянувшие в конце нашей Поэмы, выглянувшие [скромно] для того, чтобы отвечать скромно на обвиненье со стороны некоторых горячих патриотов, [которые] до времени покойно занимающихся какой-нибудь философией или приращениями на счет сумм нежно любимого ими отечества, которые думают не о том, чтобы не делать дурного, а о том, чтобы только не говорили, что они делают дурное. \diamond (АК3)
- 16 как из окошка / будто из окошка (АК4)
- 23 суть причины обвинений / [б<...?>] суть причины подобного обвинения (АК2)
- 23 другое скрывается / другое таится \diamond (ЧА6)
- 24 Кто же, как не автор / Я вам прямо говорю, мои читатели, ибо кто же, как не Автор \diamond (АК2)
- 24–25 сказать святую правду / а. сказать вам святую правду; б. сказать его святую правду (АК2); сказать [его] святую правду (ЧА6)
- 27 посмеетесь даже от души / посмеетесь, может быть, от души (АК2)
- 28 даже похвалите автора / даже, чего доброго, похвалите Автора (АК2)
- 28–29 Однако ж кое-что ~ человек! / а. однако же, плут, кое-что верно [схватил] подметил; б. однако же этот плут кое-что верно подметил, должен быть веселый человек (АК2)
- 29 ловко подметил / верно подметил (ЧА6); верно подметил \diamond (АК3, кар.); верно подметил \diamond (АК4, кар.)
- 30 И после таких слов / и каждый из вас после таких слов (АК2)
- 30 гордостью / гордостью (АК3, АК4, МД1, МД2)
- 30 обратитесь к себе / обратится к себе (АК2)
- 31 на лице вашем / на лице его (АК2)
- 31 и вы прибавите / и с усмешкой он прибавит (АК2)
- 32 А ведь должно согласиться / А ведь в самом деле (АК2)
- 34–35 полный христианского смиренья ~ с самим собой / полный святого христианского [у<...?>] смирения (АК2)
- 34 христианского / христианского (АК4)
- 36 тяжелый запрос / тяжелый [в<опрос?>] запрос (ЧА6)
- 36 и во мне / и во мне самом (АК2)
- 37 Да, как бы не так! / Как бы не так! (АК2)
- 37 А вот пройди / А вот попробуй пройди только (АК2)
- 38 какой-нибудь его же знакомый / какой же нибудь знакомый его же \diamond (АК3)
- 38–39 имеющий чин / [имею<щий>] среднего роста, имеющий чин (АК2)
- 39 ни слишком малый / а. Слов нет; б. (кар.) не слишком малый; в. и ни слишком малый (ЧА6); и ни слишком малый (АК3, АК4)

С. 230–231

^{40–1} и скажет ему, чуть не фыркнув от смеха / и, чуть не фыркнув от смеха, скажет (АК2)

С. 231

- ² должное званию / должное его званью (АК2); должное его званию (ЧА6); должное его званию \diamond (АК3)
- ³ побежит за ним вдогонку / побежит за ним следом (АК2)
- ⁵ Но мы стали говорить довольно громко / Но мы стали, кажется, говорить довольно громко \diamond (АК2)¹⁷
- ^{5–6} позабыв, что герой наш / позабыв о том, что Герой наш (АК2)
- ⁶ спавший во все время рассказа его повести / а. который спал во все то время, как рассказывалась его повесть; б. спавший во время рассказа его повести (АК2); спавший во все время [как рассказывалась] рассказа его повести (АК3)
- ^{6–7} проснулся и легко может услышать / давно проснулся и, стало быть, легко, [статься] может статься, как-нибудь услышит \diamond (АК2)
- ⁷ так часто повторяемую / так часто [произносимую] повторяемую (АК3)
- ⁸ Он же человек обидчивый и недоволен / а. а он, не мешает еще раз предупредить, человек очень обидчивый и всегда бывает недоволен; б. Он же [как читателю известно] человек обидчивый и недоволен (АК2)
- ^{8–9} если о нем изъясняются неуважительно / а. если о нем изъяснятся неуважительно или просто даже скажут что-нибудь роняющее вес или значение в свете; б. если о нем изъяснятся неуважительно (АК2)
- ⁹ Читателю с полугоря / Читателю, конечно, с полугоря \diamond (АК2)
- ¹⁰ он ни в каком случае не должен / а. он ни в каком случае не должен; б. он не должен (АК2)
- ^{11–12} еще не мало пути и дороги придется им пройти / а. [Как] Что ни говори, пути и дороги немало еще придется им пройти; б. Еще немало пути-дороги придется им пройти (АК2)
- ¹² две большие части впереди / а. Две части еще впереди; б. Две части впереди (АК2); две части впереди \diamond (АК3)
- ¹⁷ зажмуря глаза / зажмурился глазами (АК2)
- ¹⁸ потряхивая вприсонках вожжами по бокам / потряхивая вприсонках по бокам вожжами \diamond (АК3)
- ^{18–19} дремавших тоже лошадей / тоже, казалось, дремавших лошадей (АК2)
- ²⁰ слетел картуз / слетел с головы картуз (АК2); слетел [с головы] картуз (АК3)
- ²⁰ опрокинувшись назад, уткнул свою голову / [опрокинувшись] опрокинулся с козел [своих совершенно] назад, уткнувши голову (АК2); а. опрокинувшись головою назад, уткнул свою голову; б. опрокинувшись [на спину с козел] назад, уткнул свою голову (АК3)

¹⁷ Текст ЧА6 здесь заканчивается. Текст: Но мы стали говорить ~ народы и государства. (т.е. до конца поэмы) в АК3 написан рукой Гоголя.

- 22 отшлепавши несколько раз / отшлепавши несколько раз сряду (АК2)
- 22 чубарого / серого коня \diamond (АК2)
- 23 пустился рысцой / пустился [на рысях] рысцой (АК3)
- 23 помахнувши / помахавши (МД2)
- 25 понесли как пух легонькую бричку / а. понесли легинькую бричку; б. понесли как пух легинькую бричку (АК2); понесли как пух легинькую бричку \diamond (АК3, кар.)
- 31 И какой же русский / и какой же русской \diamond (АК2)
- 32–34 загуляться, сказать иногда ~ восторженно-чудное? / а. загуляться и позабыться, не любить ее, когда что-то восторженно-чудное в ней слышится; б. (кар.) загуляться и сказать иногда: «Черт побери все» не любить ее! не любить ее, когда что-то восторженно-чудное в ней слышится (АК2)
- 33 его ли душе не любить ее / не любить ее (АК3, АК4)
- 34 слышится что-то восторженно-чудное / а. что восторженно-чудное слышится; б. что-то восторженно-чудное слышится (АК3); что-то восторженно-чудное слышится (АК4)
- 37 летит с обеих сторон лес с темными строями елей / летит с обеих сторон лес с [топорным стуком и воронь(им)] темными строями елей (АК3); летит с обеих сторон лес с [топорным стуком и воронь(им)] темными строями елей (АК4)
- 38–39 летит вся дорога невесть куда / невесть куда \diamond (АК2)
- С. 232
- 6 кажись / кажися (АК2)
- 7–8 с одним топором ~ собрал тебя / отработал тебя с одного топора (АК2); [отр(аботал?)] с одним топором да долотом, снярядил и собрал тебя (АК3)
- 8 ярославский расторопный мужик / ярославский мужик \diamond (АК2, кар.)
- 9 ботфортах / ботвортах (АК2)
- 9 борода да рукавицы / борода да тулуп да рукавицы (АК2)
- 10–11 кони вихрем, спицы в колесах / [спицы в] кони вихрем, спицы в колесах (АК3)
- 12–13 и вон она понеслась, понеслась, понеслась!.. / и вот она понеслась, понеслась, понеслась (АК2); Слова вписаны (АК3)
- 15–29 Текст: Не так ли и ты ~ народы и государства. — написан в АК3 после пробела (примерно в три строки)
- 17 остается позади / остается назади (АК2)
- 18 сброшенная с неба / сброшенная с него (АК2)
- 21–22 во всякой вашей жилке / во всякой жилке вашей (АК2)

ПОВЕСТЬ О КАПИТАНЕ КОПЕЙКИНЕ

〈Цензурная редакция〉

Варианты чернового текста цензурной редакции (АК4а), авторизованной копии, представленной в цензуру (АК4б¹), первого и второго изданий «Мертвых душ» (МД1, МД2)

С. 799²

- ³ судырь / сударь (АК4)³
- 6–8 Пролетная голова ~ всего отведал. / Пролетная голова, приведлив, как чорт. Побывал уж, понимаете, на веку своем и на гауптвахтах, и под арестом, уж давно бы его, в некотором роде, выключили из службы, но военное время, понимаете, так нужны⁴ эдакие сорванцы (АК4а); а. *Текста нет*; б. Пролетная голова, привередлив, как чорт, уж и на гауптвахтах побыл, всего отведал (АК4б)
- ⁷ привередлив / приведлив (МД1, МД2)
- 9–10 не успели сделать / не сделано было (АК4а); не сделано было \diamond (АК4б, *ценз.*⁵)
- 10–11 никаких, знаете, эдаких распоряжений / никаких распоряжений (АК4б)
- ¹² в некотором роде, после / в некотором роде, гораздо после (АК4а); в некотором роде, гораздо после \diamond (АК4б, *ценз.*)
- ¹³ нужно работать бы / нужен хлеб (АК4а)
- ¹⁶ судырь / сударь (АК4б)
- ¹⁷ чтобы хлопотать по начальству / хлопотать по начальству (АК4)
- ¹⁸ вспоможенья / вспоможения (АК4)
- ¹⁸ *После:* вспоможенья — вот так и так, жизнью жертвовал, проливал, так сказать, кровь (АК4а); а. что вот де так и так, в некотором роде, так сказать, жизнью жертвовал, проливал кровь...; б. (*ценз.*) Слова зачеркнуты (АК4б)

¹ Здесь и далее в своде вариантов цензурной редакции «Повести о капитане Копейкине» литерные сокращения обозначают следующее: АК4а — вариант содержится в так называемом «черновом» тексте цензурной редакции (написан на листах, отвергнутых цензором, извлеченных из рукописи и хранящихся отдельно); АК4б — вариант содержится в так называемом «белом» тексте цензурной редакции (написан на листах, вложенных в рукопись взамен извлеченных). Сокращение АК4 используется в тех случаях, когда варианты АК4а и АК4б совпадают (подробнее см. с. 495–497, 543 наст. изд.).

² Здесь и ниже указаны страницы кн. 1 наст. изд.

³ Такое же соотношение вариантов сохраняется и далее, за исключением различий, приведенных ниже.

⁴ Слова: так нужны — прочитаны Н.С. Тихонравовым (Тих. Т. 3. С. 496), в настоящее время практически не видны.

⁵ Здесь и далее это сокращение означает, что исправление сделано цензором.

- 18 Как-то там / Ну как-то там (АК4)
 23 Шехерезада / Шеррезада (АК4)
 25 прешпект / преспект (АК4)
- С. 800
- 1–2 нанять квартиру / нанять квартиры (АК4)
 3 судырь / сударь (АК4б)
 5 уж нос слышит / уж нос [понимаете] слышит (АК4а)
 6 банк, понимаете / банк \diamond (АК4а)
 6–7 из каких-нибудь / [состоит] из каких-нибудь (АК4а); состоит из ка-
 ких-нибудь (АК4б)
 7 да серебра мелочь / да серебра [понимаете] мелочь (АК4а)
 7–8 на это не купишь / не купишь \diamond (АК4а); на него не купишь
 (АК4б)
 8 если приложишь тысяч сорок / [да тысяч сорок] если приложишь ты-
 сяч сорок (АК4а)
 10 Ну, как-то там ~ за рубль в сутки *зачеркнуто и восстановлено*
 (АК4а)
 13–14 в Париже, войска не возвращались / в Париже \diamond (АК4а); не возвра-
 щалось еще из Парижа (АК4б)
 15–16 что-нибудь там могут ~ говорит Копейкин / а. что-нибудь там мо-
 гут; б. что-нибудь там могут сделать, по крайней мере, в некото-
 ром роде, получите осведо(мленье) эдакое, на щет того, что как
 то есть. «Что ж», думает капитан Копейкин, «пойду в комиссию»
 (АК4б)
 16 скажу / я скажу \diamond (АК4а)
 17 относительно сказать, жизнью жертвовал / [жизнью жертвовал] от-
 носительно сказать, жизнью жертвовал (АК4а); относительно ска-
 зать, жизнью жертвовал (АК4б)
 17–18 судырь / сударь (АК4б)
 18 вставши / вставший (АК4)
 18 пораньше / поранее (АК4)
 21 отправился в Комиссию / отправился к начальнику Комиссии \diamond
 (АК4а); отправился к самому начальнику в Комиссию \diamond (АК4б,
 ценз.)
 22 Вон / Вот (АК4б)
 24 судырь / сударь (АК4б)
 28 тереть им руки / тереть им [им] руки (АК4а)
 29 с булавой / понимаете, с булавой (АК4)
 35 потому что / потому что, можете представить себе (АК4а); потому
 что, можете представить себе \diamond (АК4б)
 37 едва поднялся с постели / а. поднялся с постели; б. поднялся только
 что с постели (АК4б)
 37 поднес ему / может быть, поднес ему (АК4)
- С. 801
- 10–11 пансиона, что ли / пансион, что ли (АК4б)
 21 кровь-то, знаете, разыгралась / кровь-то, знаете, молодая (АК4)
 25–26 Дня через три-четыре / Дня через четыре (АК4б)

- 26 к начальнику / к начальнику, да (АК4)
 31 ничего не можем сделать / ничего не можем [для вас] сделать (АК4а)
 36–37 с умеренностью / с умеренностию (АК4б)
 37 до дальнейших там разрешений / до дальнейших там, понимаете, разрешений (АК4)
 38 Но Копейкину моему / а. Ну Копейкину, можете вообразить себе; б. Ну Копейкину моему, можете вообразить себе (АК4а); Но Копейкину моему, можете вообразить себе (АК4б)
 38 Он-то уже думал / а. Он-то уже и думал; б. Он то уж думал (АК4б)
 40 а вместо того жди / а вместо того жди, да и время не значено (АК4а); а. а вместо того жди, да и время не значено; б. а вместо того жди, да и время не назначено \diamond (АК4б, последнее исправление — рукой цензора)

С. 802

- 2 как пудель, которого / как пудель, понимаете, которого (АК4)
 3 и уши повисли / и уши повесил (АК4)
 5–6 живи чорт знает как ~ никаких / живи чорт знает как, питайся щами какими-нибудь да огурцом или селедкой из лавочки (АК4а); а. чорт знает как питайся, щами какими-нибудь, да огурцом или селедкой из лавочки; б. (ценз.) чорт знает как питайся, не(?) Бог знает какими сладостями; в. чорт знает как питайся, сладостей-то, понимаете, никаких (АК4б)
 6 человек-то свежий / человек-то, понимаете, свежий (АК4а); человек-то, понимаете, свежий \diamond (АК4б)
 7–8 можете себе представить / можете представить себе (АК4б)
 10 какой-нибудь эдакой / какой-нибудь (АК4)
 23 Ну что / ну что вам \diamond (АК4а)
 26 бутылку французского вина / а. Слов нет; б. бутылку французского (АК4а); бутылку французского \diamond (АК4б)
 27–28 говорит начальник, “извините / говорит [извините] начальник, “извините (АК4а)
 28 терпение / терпенье (АК4)
 29 Вам даны пока средства / Вам даны средства \diamond (АК4а); Вам даны средства (АК4б)
 29 покамест / покаместь (АК4)
 30 вознаграждены как следует / вознаграждены великодушно (АК4а); вознаграждены великодушно \diamond (АК4б)
 31 не было / не было, так сказать \diamond (АК4а)
 32 относительно так сказать / относительно сказать \diamond (АК4а)
 32–33 оставлен без призрения / оставлен без призрения, в некотором роде (АК4а); оставлен без призрения, в некотором роде \diamond (АК4б)
 33 Но если вы хотите / Но уж если \diamond (АК4а)
 36–37 как горох к стене / как горох в стену (АК4)
 37 Шум поднял / Шум поднялся (МД2)

- 38 секретарей / а. правителей, секретарей, в некотором роде; б. правителей, секретарей (АК4а); правителей, секретарей \diamond (АК4б, *цenz.*)
38 гвоздить / гвоздить, понимаете \diamond (АК4а)

С. 803

- 1 Там какой-то чиновник / Генерал там (АК4а); Генерал там \diamond (АК4б, *цenz.*)
6–7 ожидать спокойно, в некотором роде, здесь в столице / ожидать [здесь] [в ст(олице)] спокойно здесь, в некотором роде, в столице \diamond (АК4а)
16 Хорошо, говорит / Хорошо (АК4б)
16 вот ты мол / [когда] вот ты мол (АК4а); вот ты мал (АК4б)
17 чтобы я сам / чтобы я сам [сам] (АК4а)
18 Ну уж как там / Ну уж как только (АК4)
20 в реку забвения / в реку забвенья (АК4)
22–23 начинается ~ нить завязки романа / начинается, можно сказать, нить, завязка романа (АК4)

Комментарий

В настоящий том* входит поэма «Мертвые души» (т. 1), а также предисловие к ней, предпосланное второму изданию (под названием «К читателю от сочинителя»).

Наряду с черновыми редакциями и разновременными набросками, предшествовавшими первому изданию, публикуются материалы более позднего времени, связанные с авторскими планами переработки текста поэмы: заметки «К 1-й части», «Черновые наброски, написанные после издания первого тома “Мертвых душ”», «(Размышления о героях “Мертвых душ”»». В разделе «Другие редакции» воспроизводится цензурная редакция «Повести о капитане Копейкине».

Тексты для настоящего тома подготовлены: Н.Л. Виноградской (главы VI, VIII основного текста; главы VI, VII, VIII второй черновой редакции; свод вариантов к основному тексту глав VI, VIII; предисловие ко второму изданию); П.Ю. Гуревичем (главы IV и V второй черновой редакции; сверка свода вариантов к основному тексту главы IV по рукописным источникам); И.А. Зайцевой (главы I–V, VII, IX–XI основного текста; первая черновая редакция; главы I–III, X, фрагмент главы XI второй черновой редакции; черновые наброски; свод вариантов к основному тексту глав I–III, IV – по печатным источникам, V, VII, IX–XI; тексты: «К 1-й части», «Черновые наброски, написанные после издания первого тома “Мертвых душ”»; «(Размышления о героях “Мертвых душ”»); Е.Г. Падериной (контрольная сверка черновой наброска к верхнему слою второй авторизованной копии – глава VIII, <ЧН18>); О.К. Супрунюк (контрольная сверка свода вариантов с авторизованной копией «Мертвых душ», хранящейся в ИР НБУ, Киев); А.С. Шолоховой (глава IX второй черновой редакции; фрагмент главы XI второй черновой редакции).

Комментарии написаны: Н.Л. Виноградской (разделы комментария к «Мертвым душам»: история второго издания; предисловие ко второму изданию; история иллюстрирования «Мертвых душ»; реальный коммен-

* Том подготовлен при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проекты № 98-04-06103а, 01-04-00172а, 03-04-00076а.

тарий к черновым редакциям глав I, II, VI, VII, VIII); Е.Е. Дмитриевой (разделы комментария к «Мертвым душам»: сценическая история; экранизации; «Мертвые души» в музыке; история интерпретации в зарубежной критике и в литературоведении; переводы; реальный комментарий к черновым редакциям глав IV, V, X, XI); И.А. Зайцевой (разделы комментария к «Мертвым душам»: источники текста; текстологическая история; первое издание и его цензурная история; реальный комментарий к черновым редакциям главы III; комментарий к текстам: «К 1-й части», «Черновые наброски, написанные после издания первого тома “Мертвых душ”»; «〈Размышления о героях “Мертвых душ”〉»); Ю.В. Манном (разделы комментария к «Мертвым душам»: реальные и литературные источники; особенности сюжета и жанра; история интерпретации в отечественной критике и в литературоведении (отклики на второе издание «Мертвых душ» — при участии Н.Л. Виноградской); история философских, социальных и других интерпретаций; реальный комментарий к основному тексту «Мертвых душ» — при участии Е.Е. Дмитриевой); А.С. Шолоховой (реальный комментарий к черновым редакциям главы IX). Материалы цензурной истории «Мертвых душ», хранящиеся в РГИА, выявлены и сверены И.В. Мулиной.

Лингвистический консультант тома — А.Д. Шмелев.

Именной указатель составлен Н.Л. Виноградской и И.А. Зайцевой, при участии А.С. Шолоховой.

Редколлегия приносит благодарность Р.М. Кирсановой (за консультации по истории костюма) и Л.Г. Агамаян (за предоставление материалов к описанию портрета Гоголя работы Э.А. Дмитриева-Мамонова).

Издатели тома благодарят Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва), Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург), Институт рукописей Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского (Киев), Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Российский государственный архив литературы и искусства (Москва), Отдел рукописей и редких книг Санкт-Петербургской государственной театральной библиотеки, Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург) и Центральный исторический архив г. Москвы за предоставленную возможность работы над рукописями и театральными списками «Мертвых душ», а также над материалами, связанными с цензурной историей поэмы.

МЕРТВЫЕ ДУШИ

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА

ПЕРВАЯ РЕДАКЦИЯ

ЧА1 — черновой автограф. Гл. II (без начала и конца), III (без начала, конца и фрагмента диалога Чичикова с Коробочкой), V (начиная со сцены торговли Чичикова с Собакевичем), VI. Хранится: ОР РГБ. Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 13. 39 л. Тетрадь в плотной обложке, многих листов недостает, при реставрации расшита; листы одинарные, двойные, частично сложены в тетради; под текстом — виньетка и волнистая линия рукой Гоголя; л. 38—39 об. не заполнены; чернила. Разм. 21,0/20,7 × 13,4/13,2. Бумага без филиграни и штемпеля, за исключением двойного листа 7—8 (по качеству отличается от всех остальных, с филигранью «J Whatman Turkey Mill», с «белой датой» «1837» — на л. 7, филигрань описана: Клепиков 1959. С. 88. № 1209). Пагинации: 19—56, 100—134 (авторская, постраничная — на лицевой стороне листа, т.е. на нечетных страницах, л. 33—34, 56, 105, 133—134 — на четных, в середине верхнего поля, л. 110 — в верхнем левом углу, с многочисленными пропусками и сбоями, карандашом, первый и два последних листа не пронумерованы); 18—54 (общая с ЧА2, ЧА4, ЧН1—ЧН7, ЧН9—ЧН11, ЧН13—ЧН15, полистная, в правом верхнем углу, чернилами, два последних листа не пронумерованы); 1—39 (архивная, полистная, в правом верхнем углу, карандашом). Пометы рукой А.Е. Викторова «По изд. 1857 г. стр. 18» (на л. 1, простым карандашом, перед текстом), «Гл. III» (на л. 9, синим карандашом, перед текстом главы III), «Гл. V» (на л. 19, синим карандашом, перед текстом главы V); помета рукой неустановленного лица: «Глава 7» (на л. 37 об., простым карандашом, после текста главы VI). Описание рукописи см. также: Тих. Т. 7. С. 829—830; Описание РГБ 1. С. 12.

Впервые опубликовано: РС. 1885. Октябрь. С. 167—205; Декабрь. С. 569—586 (публикация Е.С. Некрасовой); включено в Тих. Т. 7. С. 372—434, 752—776 (под названием «Сохранившиеся отрывки из

первоначальной редакции «Мертвых душ»), в *Ак.* Т. VI. С. 251–328 («Первая сохранившаяся редакция»). Предположительно датируется: начало 1839 — апрель 1840 г.

Ч42 — черновой автограф. Гл. VIII: начало («Каким образом, известно одному Богу ~ И часто жандарм при разъезде, провозгласивши») и фрагмент («своим подбородком, который был совершенно круглой ~ кажется, что первой встречный выхва(тит)»). Хранится: *ОР РГБ. Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 14. 2 л.* Автограф представляет собой двойной лист; чернила. Разм. 20,6 × 13,4. Бумага без филигранны и штемпеля. Пагинации: 69–70 (общая с Ч41, Ч44, ЧН1–ЧН7, ЧН9–ЧН11, ЧН13–ЧН15, в правом верхнем углу, чернилами); 1–2 (архивная, в правом верхнем углу, карандашом). Помета рукой А.Е. Викторова: «156» (простым карандашом, перед текстом). Описание рукописи см. также: *Описание РГБ 1. С. 12.*

Впервые опубликовано: *РС. 1885. Декабрь. С. 586–590*; включено в *Тих.* Т. 7. С. 452–455 (в раздел «Черновые наброски из первой части «Мертвых душ»»), в *Ак.* Т. VI. С. 328–332 (в состав «Первой сохранившейся редакции»). Предположительно датируется: лето—осень 1836 г.

ВТОРАЯ РЕДАКЦИЯ

ЧЕРНОВЫЕ АВТОГРАФЫ И НАБРОСКИ, ПРЕДШЕСТВУЮЩИЕ НИЖНЕМУ СЛОЮ ПЕРВОЙ АВТОРИЗОВАННОЙ КОПИИ (АК1)

ЧН1 — черновые наброски к главам VIII (<1>, <2>); IX (<3>); X (<2>). Хранятся: *ОР РГБ. Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 19. Л. 1–2 об.* Автограф представляет собой двойной лист; чернила. Разм. 21,0 × 13,0. Бумага (та же, что в ЧН2 и ЧН6) со штемпелем в прямоугольной вертикальной рамке (1,8 × 1,5) с закругленными краями: «РАРЕШТЕОТРАН(?)» (на ленте над гербом), герб под короной между львом и единорогом, «DUTCH HEART(..?)» (на ленте под гербом), «HOUARD» (в нижней части рамки). Описан: *Клепиков 1959. С. 112. № 250; Клепиков 1968. С. 137. № 206.* На л. 1 об.—2 — наброски (чернилами и карандашом) по истории Древнего Рима (опубликованы: *Тих.* Т. 7. С. 576; *Ак.* Т. IX. С. 157). Пагинации: 61–62 (общая с Ч41, Ч42, Ч44, ЧН2–ЧН7, ЧН9–ЧН11, ЧН13–ЧН15, в правом верхнем углу, чернилами); 1–2 (архивная, в правом верхнем углу, карандашом). Перед текстами набросков карандашные пометы рукой А.Е. Викторова: «158 VIII», «159», «IX», «X». Описание рукописи см. также: *Описание РГБ 1. С. 12.*

Впервые опубликовано: *Тих.* Т. 7. С. 527–528, 552, 553 (в разделе «Примечания редактора и варианты»); включено в *Ак.* Т. VI. С. 600–602, 611, 640 (в раздел «Сохранившиеся разрозненные черновые отрывки к отдельным главам»). Предположительно датируется: осень 1839 – середина 1840 г.

ЧН2 – черновые наброски к главе IX (<1>, <5>, <6>, <7>). Хранятся: *ОР РГБ.* Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 20. Л. 1–1 об. Автограф представляет собой одинарный лист; чернила. Разм. 21,0 × 13,0. Бумага (та же, что в *ЧН1* и *ЧН6*) со слабо оттисненным штампом (*ОР РГБ.* Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 19, 25). Пагинации: 64 (общая с *ЧА1*, *ЧА2*, *ЧА4*, *ЧН1*, *ЧН3–ЧН7*, *ЧН9–ЧН11*, *ЧН13–ЧН15*, в правом верхнем углу, чернилами); 1 (архивная, в правом верхнем углу, карандашом). Перед текстами набросков карандашные пометы рукой А.Е. Викторова: «183 IX», «184–185». Описание рукописи см. также: *Описание РГБ 1.* С. 12–13.

Впервые опубликовано: *Тих.* Т. 7. С. 532–535 (в разделе «Примечания редактора и варианты»); включено в *Ак.* Т. VI. С. 611–614 (в раздел «Сохранившиеся разрозненные черновые отрывки к отдельным главам»). Предположительно датируется: осень 1839 – середина 1840 г.

ЧН3 – черновые наброски к главе IX (<4>, <13>, <14>, <15>). Хранятся: *ОР РГБ.* Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 21. Л. 1–2 об. Автограф представляет собой двойной лист, л. 1 об.–2 не заполнены; чернила. Разм. 19,7 × 13,6. Бумага (та же, что в *ЧА4*, *ЧН15*) с литерной частью филигранны: *В* (рукописная прописная буква); недостающая часть филигранны, судя по сопоставлению с аналогичной бумагой в беловом автографе «Женитьбы» (*ОР РГБ.* Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 9. Л. 11–25, 27–33), представляет собой изображение птицы с приподнятой лапой. Филигрань воспроизведена: *Тих.* Т. 1. На вклейке перед титульным листом, под № 2а и 2в. Пагинации: 67–68 (общая с *ЧА1*, *ЧА2*, *ЧА4*, *ЧН1*, *ЧН2*, *ЧН4–ЧН7*, *ЧН9–ЧН11*, *ЧН13–ЧН15*, в правом верхнем углу, чернилами); 1–2 (архивная, в правом верхнем углу, карандашом). Перед текстом наброска <4> карандашная помета рукой А.Е. Викторова: «182». Описание рукописи см. также: *Описание РГБ 1.* С. 12–13.

Впервые опубликовано: *Тих.* Т. 7. С. 529, 551–552 (в разделе «Примечания редактора и варианты»); включено в *Ак.* Т. VI. С. 612, 618 (в раздел «Сохранившиеся разрозненные черновые отрывки к отдельным главам»). Предположительно датируется: середина осени 1840 г.

ЧН4 – черновые наброски к главе IX (<16>, <18>). Хранятся: *ОР РГБ.* Ф. 74. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 1–1 об. Автограф представляет собой одинарный лист; нижний край листа поврежден; чернила. Разм. 24,5 × 14,6. Бумага с филигранью: «J Wha(tman) Turke(y Mill)», с «белой датой» «18<..>». Описана: *Клепиков 1959.* С. 88. № 1209. Пагинации:

63 (общая с ЧА1, ЧА2, ЧА4, ЧН1–ЧН3, ЧН5–ЧН7, ЧН9–ЧН11, ЧН13–ЧН15, в правом верхнем углу, чернилами); 1 (архивная, в правом верхнем углу, карандашом). Карандашные пометы рукой А.Е. Викторова: «188–190», «191». Описание рукописи см. также: *Описание РГБ 1*. С. 12–13.

Впервые опубликовано: *Тих.* Т. 7. С. 537–540 (в разделе «Примечания редактора и варианты»); включено в *Ак.* Т. VI. С. 616–620 (в раздел «Сохранившиеся разрозненные черновые отрывки к отдельным главам»). Предположительно датируется: середина осени 1840 г.

ЧН5 – черновые наброски к главам IX (<19>); X (<I>). Хранятся: ОР РГБ. Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 23. Л. 1–1 об. Автограф представляет собой одинарный лист; л. 1 об. заполнен частично; чернила. Разм. 22,0 × 14,2. Бумага тонкая, почтовая, пожелтевшая, без филиграни и штемпеля. Пагинации: 66 (общая с ЧА1, ЧА2, ЧА4, ЧН1–ЧН4, ЧН6–ЧН7, ЧН9–ЧН11, ЧН13–ЧН15, в правом верхнем углу, чернилами); 1 (архивная, в правом верхнем углу, карандашом). Перед текстом наброска <19> карандашная помета рукой А.Е. Викторова: «191–192». Описание рукописи см. также: *Описание РГБ 1*. С. 12–13.

Впервые опубликовано: *Тих.* Т. 7. С. 535–536 (в разделе «Примечания редактора и варианты»); набросок к главе IX включен в *Ак.* Т. VI. С. 620–621 (раздел «Сохранившиеся разрозненные черновые отрывки к отдельным главам»). Предположительно датируется: середина осени 1840 г.

ЧН6 – черновой набросок к главам IX–X (<8>). Хранится: ОР РГБ. Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 25. Л. 1–2 об. Автограф представляет собой двойной лист; чернила. Разм. 21,0 × 13,0. Бумага (та же, что в ЧН1, ЧН2) со слабо оттисненным штемпелем. Пагинации: 55–56 (общая с ЧА1, ЧА2, ЧА4, ЧН1–ЧН5, ЧН7, ЧН9–ЧН11, ЧН13–ЧН15, в правом верхнем углу, чернилами); 1–2 (архивная, в правом верхнем углу, карандашом). Карандашные пометы рукой А.Е. Викторова: «IX 186–188», «191», «193», «202–203». Описание рукописи см. также: *Описание РГБ 1*. С. 12–13.

Впервые опубликовано: *Тих.* Т. 7. С. 540–548 (в разделе «Примечания редактора и варианты»); включено в *Ак.* Т. VI. С. 622–628 (в раздел «Сохранившиеся разрозненные черновые отрывки к отдельным главам»). Предположительно датируется: осень 1839 – середина 1840 г.

ЧН7 – черновые наброски к главе IX (<2>, <9>, <10>, <11>, <12>, <17>, <20>, <21>, <22>, <24>). Хранятся: ОР РГБ. Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 27. Л. 1–2 об. Автограф представляет собой двойной лист бумаги; чернила. Разм. 19,3 × 13,2. Бумага (та же, что в ЧН14, АК1 – л. 107/108, 109,

114, 115а, 116/128) с филигранью: орел на скале в круге, с «белой датой» «1828» (на двойных листах, 107/108 и 116/128, филигрань представлена полностью: на левой стороне — изображение птицы и дата, на второй — литеры: JESJ (вязью)). Филигрань воспроизведена: *Тих.* Т. 1. На вклейке перед титульным листом, под № 1 и 6. Пагинации: 59—60 (общая с ЧА1, ЧА2, ЧА4, ЧН1—ЧН6, ЧН9—ЧН11, ЧН13—ЧН15, в правом верхнем углу, чернилами); 1—2 (архивная, в правом верхнем углу, карандашом). В верхней части л. 2 — три мелких рисунка чернилами (перья, виньетки). Карандашные пометы рукой А.Е. Викторова: «183», «184», «185». Описание рукописи см. также: *Описание РГБ 1.* С. 12—13.

Впервые опубликовано: *Тих.* Т. 7. С. 530—532 (в разделе «Примечания редактора и варианты», наброски 2, 10, 17, 21, 22 — в подстрочных сносках); включено в *Ак.* Т. VI. С. 611, 614—616, 622, 625—626 (в раздел «Сохранившиеся разрозненные черновые отрывки к отдельным главам», наброски 20, 21, 24 — в подстрочных сносках). Предположительно датируется: середина осени 1840 г.

ЧН8 — черновые наброски к главам IX ((23)); X ((3)). Хранятся: *ОР РНБ.* Q.XV.46 (подробнее об этом источнике, обозначенном в наст. изд. *АК1*, см. ниже). На подклеенных листах. Л. 100а об. (одинарный, л. 100а не заполнен); чернила. Разм. 19,5 × 13,7. Бумага без филиграни и штемпеля. Л. 120а (одинарный, л. 120а об. не заполнен); чернила. Разм. 21,3 × 16. Бумага без филиграни и штемпеля.

Впервые опубликовано: *Тих.* Т. 7. С. 549—550, 727—728, 835, 836 (в разделах «Примечания редактора и варианты», «Описание рукописей»); включено в *Ак.* Т. VI. С. 512, 542—543 (в подстрочные сноски ко «Второй редакции»). Предположительно датируется: середина осени 1840 г.

ЧА3 — фрагмент чернового автографа главы XI. Хранится: *ОР РНБ.* Q.XV.46 (подробнее об этом источнике, обозначенном в наст. изд. *АК1*, см. ниже). Л. 138б. Подклеенный, одинарный, сложен вчетверо, на обороте листа текста нет, в нижнем левом углу — мелкие рисунки (веточки, листья), пробы пера (асла Ласла *arestarum* асл); чернила. Разм. 41,5 × 27,0 (три уголка оборваны). Бумага плотная, обветшавшая по краям, с филигранью: орел с распростертыми крыльями в круге. Филигрань воспроизведена: *Тих.* Т. 1. На вклейке перед титульным листом, под № 4. Пагинация на обороте листа: 138, 138б.

Впервые опубликовано: *Тих.* Т. 7. С. 556—561 (в разделе «Примечания редактора и варианты»); включено в *Ак.* Т. VI. С. 869—871 (в «Варианты» к главе XI). Предположительно датируется: начало осени 1840 г.

ЧН9 — черновые наброски к главе XI ((3–6), (8–11), (28), (29)). Хранятся: ОР РГБ. Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 29. Л. 1–2 об. (двойной). Автограф представляет собой двойной лист бумаги; чернила. Разм. 22,3 × 17,8. Бумага серо-голубоватая (та же, что и в ЧН10) без филигранны и штемпеля. Пагинации: 76–77 (общая с ЧА1, ЧА2, ЧА4, ЧН1–ЧН7, ЧН10, ЧН11, ЧН13–ЧН15, в правом верхнем углу, чернилами); 1–2 (архивная, в правом верхнем углу, карандашом). Описание рукописи см. также: *Описание РГБ 1*. С. 13.

Впервые опубликовано: Тих. Т. 7. С. 561–564, 566–569 (в разделе «Примечания редактора и варианты»); включено в Ак. Т. VI. С. 641–647, 688 (в раздел «Сохранившиеся разрозненные черновые отрывки к отдельным главам»). Предположительно датируется: конец осени 1840 г.

ЧН10 — черновые наброски к главе XI ((7), (33)). Хранятся: ОР РГБ. Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 30. Л. 1, 2 об. Автограф представляет собой двойной лист бумаги; л. 1 об.—2 не заполнены; чернила. Разм. 22,3 × 17,8. Бумага серо-голубоватая (та же, что и в ЧН9) без филигранны и штемпеля. Пагинации: 74–75 (общая с ЧА1, ЧА2, ЧА4, ЧН1–ЧН7, ЧН9, ЧН11, ЧН13–ЧН15, в правом верхнем углу, чернилами); 1–2 (архивная, в правом верхнем углу, карандашом). Карандашные пометы рукой А.Е. Викторова: «253 XI». Описание рукописи см. также: *Описание РГБ 1*. С. 13.

Впервые опубликовано: Тих. Т. 7. С. 564–565 (в разделе «Примечания редактора и варианты»); набросок (33) включен в Ак. Т. VI. С. 689 (в раздел «Сохранившиеся разрозненные черновые отрывки к отдельным главам»). Предположительно датируется: конец осени 1840 г.

ЧН11 — черновые наброски к главе XI ((1), (2), (12–27), (30–32), (34)). Хранятся: ОР РГБ. Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 31. 16 л. Автограф представляет собой восемь двойных листов, сложенных в две тетрадки (по четыре двойных листа каждая), при реставрации расшиты; л. 11 об., 12 об. не заполнены; чернила. Разм. 22,3 × 16,5. Бумага с филигранью: GI. Пагинации: 2–16 (общая с ЧА1, ЧА2, ЧА4, ЧН1–ЧН7, ЧН9, ЧН10, ЧН13–ЧН15, в правом верхнем углу, чернилами, первый лист пронумерован вторым). На л. 1, 13, 14 — чернильные пятна. Карандашные пометы рукой А.Е. Викторова: «220 Гл. XI», «222», «223», «224», «227», «228», «231», «233», «236» (дважды), «237», «239», «240» (дважды), «241», «243», «244» (дважды), «245», «246», «247», «248», «249», «252», «253», «253–254». На л. 17 об. — заверительная надпись: «16 листов». Описание рукописи см. также: *Описание РГБ 1*. С. 13.

Впервые опубликовано: Тих. Т. 7. С. 455–474, 553–555, 565, 569–575, 814–826 (в разделах: «Черновые наброски из первой части

“Мертвых душ”»; «Примечания редактора и варианты»); наброски ⟨1⟩, ⟨2⟩, ⟨12–27⟩, ⟨31⟩, ⟨34⟩ включены в *Ак.* Т. VI. С. 640–641, 643–644, 647–675, 689–690 (в раздел «Сохранившиеся разрозненные черновые отрывки к отдельным главам», наброски ⟨24–27⟩, ⟨31⟩ — в подстрочных сносках). Предположительно датируется: конец осени 1840 г.

ЧЕРНОВЫЕ АВТОГРАФЫ И НАБРОСКИ,
ПРЕДШЕСТВУЮЩИЕ ВЕРХНЕМУ СЛОЮ
ПЕРВОЙ АВТОРИЗОВАННОЙ КОПИИ (АК1)

ЧН12 — черновые наброски к главам I (⟨1⟩, ⟨2⟩); VI (⟨1⟩, ⟨2⟩, ⟨3⟩, ⟨4⟩, ⟨5⟩, ⟨6⟩, ⟨7⟩). Хранятся: *ОР РНБ.* Q.XV.46 (подробнее об этом источнике, обозначенном в наст. изд. *АК1*, см. ниже). На приплетенных и подклеенных листах. Л. 1а (одинарный, л. 1а об. не заполнен, на верхнем поле карандашная помета рукой неустановленного лица: «Глава 1, стр. 4»), 1б (одинарный, л. 1б об. не заполнен, на верхнем поле карандашная помета рукой неустановленного лица: «Глава 1, стр. 10»); чернила. Разм. 20,5 × 13,6. Бумага плотная, без филиграни и штампея. Л. 153–154 об. (двойной, л. 153 не заполнен); чернила. Разм. 20,0 × 12,8. Бумага тонкая, почтовая, без филиграни и штампея.

Впервые опубликовано: *Тих.* Т. 7. С. 507–508, 515–516, 518–523 (в разделе «Примечания редактора и варианты»); включено в *Ак.* Т. VI. С. 333–334 (наброски к главе I — в текст «⟨Второй редакции⟩»), 428–430 (наброски к главе VI — в подстрочную сноску ко «⟨Второй редакции⟩»). Предположительно датируется: наброски к главе I — осень 1840 — начало 1841 г.; наброски к главе VI — осень 1840 — первая половина апреля 1841 г.

ЧН13 — черновые наброски к главам II (⟨1⟩); V (⟨1⟩, ⟨2⟩, ⟨3⟩). Хранятся: *ОР РГБ.* Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 16. Л. 1–2 об. Автограф представляет собой двойной лист; чернила. Разм. 17,8 × 11,5. Бумага без филиграни и штампея. Пагинации: 71–72 (общая с *ЧА1*, *ЧА2*, *ЧА4*, *ЧН1–ЧН7*, *ЧН9–ЧН11*, *ЧН14*, *ЧН15*, в правом верхнем углу, чернилами); 1–2 (архивная, в правом верхнем углу, карандашом). Карандашные пометы рукой А.Е. Викторова: «16–17»; «88 гл. V»; «109»; «109–110». Описание рукописи см. также: *Описание РГБ 1.* С. 11–12.

Впервые опубликовано: *Тих.* Т. 7. С. 511–512, 518, 524–525 (в разделе «Примечания редактора и варианты»); включено в *Ак.* Т. VI. С. 595–597 (в раздел «Сохранившиеся разрозненные черновые отрывки к отдельным главам»). Предположительно датируется: осень 1840 — начало 1841 г.

ЧН14 — черновые наброски к главе II ((2), (3), (4), (5), (6)). Хранятся: *ОР РГБ*. Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 15. Л. 1–2 об. Автограф представляет собой двойной лист; чернила. Разм. 19,5 × 13,2. Бумага та же, что в *ЧН7, АК1* — л. 107/108 (двойной), 109, 114, 115а, 116/128 (двойной). Пагинации: 57–58 (общая с *ЧА1, ЧА2, ЧА4, ЧН1–ЧН7, ЧН9–ЧН11, ЧН13, ЧН15*, в правом верхнем углу, чернилами); 1–2 (архивная, в правом верхнем углу, карандашом). Карандашные пометы рукой А.Е. Викторова: «15. Гл. II.»; «15»; «17»; «34». Описание рукописи см. также: *Описание РГБ 1*. С. 11.

Впервые опубликовано: *Тих.* Т. 7. С. 509–515, 517 (в разделе «Примечания редактора и варианты»); включено в *Ак.* Т. VI. С. 591–596 (в раздел «Сохранившиеся разрозненные черновые отрывки к отдельным главам», (5) — в подстрочной сноске). Предположительно датируется: осень 1840 — начало 1841 г.

ЧА4 — черновой автограф финала главы VII в верхнем слое *АК1*: («Барин де храпеть теперь будет не на шутку ~ и все уснуло»). Хранится: *ОР РГБ*. Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 17. Л. 1–1 об. Автограф представляет собой одинарный лист; чернила. Разм. 23,2 × 17,5. Бумага (та же, что в *ЧН3, ЧН15*) с фрагментом литерной части филигрانی в правом верхнем углу листа: завиток от буквы *В*. Пагинации: 73 (общая с *ЧА1, ЧА2, ЧН1–ЧН7, ЧН9–ЧН11, ЧН13–ЧН15*, в правом верхнем углу, чернилами); 1 (архивная, в правом верхнем углу, карандашом). Карандашные пометы рукой А.Е. Викторова: «155 Гл. VII.»; «155–156». Описание рукописи см. также: *Описание РГБ 1*. С. 12.

Впервые опубликовано: *Тих.* Т. 7. С. 525–526 (в разделе «Примечания редактора и варианты»); включено в *Ак.* Т. VI. С. 456–457 (в текст «(Второй редакции)»); в наст. изд. также печатается в составе второй редакции (т.е. в составе *АК1*). Предположительно датируется: осень 1840 г.

ЧН15 — черновой набросок к главе IX ((1)). Хранится: *ОР РГБ*. Ф. 74. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 1–1 об. Автограф представляет собой одинарный лист; л. 1 об. не заполнен; чернила. Разм. 19,5 × 13,8. Бумага (та же, что в *ЧН3, ЧА4*) с фрагментом филигрانی: голова и часть туловища птицы. Пагинации: 65 (общая с *ЧА1, ЧА2, ЧА4, ЧН1–ЧН7, ЧН9–ЧН11, ЧН13–ЧН14*, в правом верхнем углу, чернилами); 1 (архивная, в правом верхнем углу, карандашом). Карандашная помета рукой А.Е. Викторова: «193». Описание рукописи см. также: *Описание РГБ 1*. С. 12–13.

Впервые опубликовано: *Тих.* Т. 7. С. 550–551 (в разделе «Примечания редактора и варианты»); включено в *Ак.* Т. VI. С. 621–622 (в раздел «Сохранившиеся разрозненные черновые отрывки к отдельным главам»). Предположительно датируется: конец 1840 — весна 1841 г.

АК1 — первая авторизованная копия (главы I—VI — рукой переписчиков, главы VII—XI — рукой В.А. Панова, с правкой Гоголя чернилами и карандашом). Глава I (фрагмент), II — полностью, III—VII — не полностью, VIII—XI — полностью. Л. 1а, 1б, 4—4 об. (на л. 4 первые 4 строки — рукой писаря, далее — рукой Гоголя, на л. 4 об. первые 4 строки — рукой Гоголя, далее — рукой писаря), 6—6 об., 8 об., 32—32 об. (первые 12 строчек рукой писаря, далее рукой Гоголя), 41—41 об., 43—43 об., 68—68 об., 76—77 об., 100а об., 105—106 об., 116—116 об., 120а, 125—125 об., 138б, 143—154 об. — автограф. Хранится: *ОР РНБ*. Q.XV.46. 154 л. и дополнительно — семь литерных (1а, 1б, 15а, 100а, 115а, 120а, 138б — смежные, «основные», листы соответственно получили дополнительные, литерные, обозначения: 1в, 15б, 100б, 115б, 120б, 138а); л. 128—128 об., 152 об. не заполнены; между л. 104 и 105 — корешок обрезанного листа; л. 6, 105—106, 153—154 вклеены; чернила, карандаш. В желто-коричневом картонном переплете, с кожаным корешком и уголками. На корешке тиснение золотом: «Н.В. Гоголь. Мертвые души. Т. 1» и марка Публичной библиотеки: «И.Б.». Разм. 23,0 × 18,0 (начиная с л. 58 — 23,3 × 18,0); за исключением оборванных листов (л. 15а — сохранился только его левый нижний уголок; л. 21 — оборвана нижняя половина; л. 51 — сохранилась верхняя левая четверть листа), л. 1а, 1б (20,5 × 13,6), л. 100а (19,6 × 13,8), л. 120а (21,3 × 16,0), л. 125 (22,5 × 16,5), л. 138б (41,5 × 27,0, три уголка оборваны), л. 153—154 (20,0 × 12,8). Бумага: желтоватая, со штемпелем в овальной рамке (разм. 2,2 × 1,8), эмблема — двуглавый орел, литерная часть — «Ярославской фабрики князя Гагарина» (л. 1в — 57, описана: *Клепиков 1968*. С. 122. № 20); чуть светлее, более плотная, без филиграней и штемпелей (л. 6, 41, 43, 58—152), за исключением: л. 1а, 1б, 100а, 120а, 125—125 об., 153—154 об. (без филиграней и штемпелей, другого сорта); л. 107/108, двойной, 109, 114, 115а, 116/128, двойной (та же, что в *ЧН7*, *ЧН14*); л. 138б (см. *ЧАЗ*). Пагинации: авторская, постраничная, в правом верхнем углу — на нечетных страницах, в левом верхнем — на четных, рыжеватыми чернилами (единственный лист главы первой авторской пагинации не имеет; вторая глава пронумерована полностью — с. 1—24, за исключением вклеенного листа, имеющего только архивную пагинацию 6; первые имеющиеся пять листов третьей главы — с. 3—12, остальные листы авторской пагинации не имеют); архивная, полистная, в правом верхнем углу, чернилами (1—154); отдельные листы имеют карандашную пагинацию: 1в. (карандашом — 13), 2 (карандашом — 15), 15б (карандашом — 38), 21 (карандашом — 48), 22 (карандашом — 70), 32 (карандашом — 91), 52 (карандашом — 131), 58 (карандашом — 139). Пометы рукой неустановленного лица на листах с черновыми набросками: «Глава 1, стр. 4» (на л. 1а); «Глава 1, стр. 10» (на л. 1б); перед текстом глав, начало которых не сохранилось: «Глава I,

стр. 13» (на л. 1в); «Глава III, стр. 38» (на л. 156); «Глава IV, стр. 70» (на л. 22); «Глава V, стр. 91» (на л. 32); «Глава VI, стр. 113» (на л. 41); а также в случаях разрыва (т.е. пропусков) в тексте: «Глава V, стр. 100»; «Глава V, стр. 106» (л. 38); «Глава VI, стр. 130» (л. 51); «Глава VI, стр. 131» (л. 52); «Глава VII, стр. 139» (л. 58). На листе, вклеенном за л. 154, — заверительная запись: «Всего в рукописи нумерованных 154 (всего же 160 листов, так как листы 1а, 1б, 1в, 15а, 15б, 100а, 100б, 115а, 115б, 120а, 120б, 138а, 138б; лист 128 белый), у л. 21 и 51 оборвана часть. А. Бычков». На обороте заверительная запись: «В этой рукописи сто шестьдесят (160) листов и один (I) в конце. Библ. И. Бычков». На восьми листах, в настоящее время приплетенных и подклеенных к АК1, — фрагмент чернового автографа главы XI (л. 138б. — см. ЧА3) и одновременные черновые наброски рукой Гоголя: к нижнему слою АК1 (л. 100а об., 120а — см. ЧН8), к верхнему слою АК1 (л. 1а, 1б, 153—154 об. — см. ЧН12), к нижнему и верхнему слоям АК2 (л. 125—125 об. — см. ЧН16). Описание рукописи см. также: *Описание РНБ*. С. 13—14; *Тих.* Т. 7. С. 831—837.

Впервые опубликовано: *РА*. 1865. Вып. 7. Стб. 775—788 (отрывок — «Повесть о капитане Копейкине. (Первоначальная редакция.)»); *Тих.* Т. 7. С. 3—151, 597—606 (полностью, под названием: «Из первого тома “Мертвых душ” (по первой полной редакции)»); включено в *Ак*. Т. VI. С. 333—580. Предположительно датируется: весна 1840 г. — середина февраля 1841 г.

ТРЕТЬЯ РЕДАКЦИЯ

ЧЕРНОВЫЕ НАБРОСКИ К НИЖНЕМУ СЛОЮ ВТОРОЙ АВТОРИЗОВАННОЙ КОПИИ (АК2)

ЧН16 — черновые наброски к главам IX (<1>); XI (<1>); здесь же — к верхнему слою АК2, к главе VI (<1>). Хранятся: *ОР РНБ*. Q.XV.46 (подробнее об этом источнике, обозначенном в наст. изд. АК1, см. выше). На подклеенном л. 125—125 об. (одинарный); набросок к главе VI — в верхней части л. 125; чернила. Разм. 22,5 × 16,5. Бумага без флиграни и штампея.

Впервые опубликовано: *Тих.* Т. 7. С. 523, 549, 730 (в разделе «Примечания редактора и варианты»); включено в *Ак*. Т. VI. С. 771 (к главе VI — в своде вариантов к основному тексту), 820—821 (к главе IX — в своде вариантов к основному тексту), 548—549 (к главе XI — в подстрочной сноске ко «Второй редакции»). Предположительно датируется: середина мая — июнь 1841 г.

ЧЕРНОВЫЕ НАБРОСКИ К ВЕРХНЕМУ СЛОЮ
ВТОРОЙ АВТОРИЗОВАННОЙ КОПИИ (АК2)¹

ЧН17 — черновые наброски к главам VIII (*<1>*, *<2>*); X (*<1>*); XI (*<1>*, *<2>*). Хранятся: *ИР НБУ*. Ф. 324 («Гоголиана»). Ед. хр. «Гог. 3» (подробнее об этом источнике, обозначенном в наст. изд. *АК2*, см. ниже). На л. 212 об.—213, вдоль верхнего края, — набросок *<1>* к главе VIII (л. 212—213 об. — двойной, вклеен в рукопись, л. 212, 213 об. не заполнены, разм. 23,2 x 18,5/18,3, бумага желтоватая, без филиграни и штемпеля, очевидно, Знаменской фабрики), на л. 213 — набросок *<2>* к главе VIII; на л. 210 — набросок *<1>* к главе X (приплетен к рукописи, л. 210 об. не заполнен, разм. 23,3 x 19,2 бумага без филиграни и штемпеля); на л. 209 — наброски *<1>*, *<2>* к главе XI (вклеен в рукопись; л. 209 об. не заполнен; разм. 22,0 x 9,5; бумага без филиграни и штемпеля); чернила. Пагинация архивная, карандашом. Описание рукописи см. также: *Описание Нац. биб. Укр.* С. 14—15.

Первые опубликовано: *Тих.* Т. 3. С. 415—416, 431 (в разделе «Примечания редактора и варианты», первый набросок к главе XI — в подстрочной сноске); *Тих.* Т. 7. С. 839—840 (в разделе «Описание рукописей»); включено в *Ак.* Т. VI. С. 788—789, 833—834 (в раздел «Варианты»). Предположительно датируется: вторая половина октября — первая декада ноября 1841 г.

ЧН18 — черновой набросок к главе VIII (*<3>*). Хранится: Государственный архив Нижегородской области. Ф. 1825. Оп. 1. Ед. хр. 36. 1 л. Автограф представляет собой одинарный лист; чернила. Разм. 26,6 x 21,3/21,1 (при брошюровке в тетрадь 26,6 x 20,1—20,6). Правый нижний угол (2 x 1,6 x 1,6) утрачен. Бумага желтоватая, без филиграни и штемпеля, вероятно, Знаменской фабрики. На остатке приклеенного клочка бумаги более крупным почерком и более толстым пером начато: «Эт<...>».

Первые опубликовано: *Ак.* Т. VI. С. 610 (в разделе «Сохранившиеся разрозненные черновые отрывки к отдельным главам»). Предположительно датируется: вторая половина октября — первая декада ноября 1841 г.

АК2 — вторая авторизованная копия глав I—XI (с обширной авторской правкой). Написана рукой В.А. Панова (главы I—V, л. 5—79 об.) и П.В. Анненкова (главы VI—XI, л. 81—192 об.), за исключением нескольких листов, написанных рукой Е.В. Погодиной (л. 111—116 об. из главы VII) и неустановленных лиц (л. 27—29 об., а также первые 10 строк и окончание слова на 11-й строке л. 30 — начало главы III, л. 103 —

¹ См. также описание *ЧН16*.

из главы VII). Л. 80–80 об. (начало главы VI), 104–105 об. (начало главы VII), 142–150 об. (первая половина главы IX), 162–162 об. (из главы X), 174 (из главы X), 193–205 (вторая половина главы XI) — автограф. Хранится: *ИР НБУ. Ф. 324* («Гоголиана»). Ед. хр. «Гог. 3». 224 л.; на л. 1 — пометы, наклейка, штампы (см. ниже); л. 1–4 об., 42 об., 62 об., 102–102 об., 174 об., 177 об., 205 об. не заполнены; между л. 106 об.—107, 116 об. и 117 — корешки вырезанных листов; л. 206–221 приплетены к рукописи, на л. 206–217 — черновые наброски к верхнему слою *АК2*, нижнему и верхнему слоям *ЧА6*, верхнему слою *АК3* (см.: *ЧН17, ЧН19, ЧН20, ЧН21*); л. 207 об., 209 об., 210 об., 211 об., 212, 213 об., 217 об.—224 об. не заполнены; л. 103, 111–116 об., 162–162 об., 174 вклеены; чернила, карандаш. В переплете из шагреновой кожи темно-синего цвета, с обрамлением по краю (две черные и две позолоченные рамки), в центре тисненая виньетка с надписью золотым тиснением в три строки: «Рукопись Гоголя» «Мертвые души» «I». С форзацем (бумага белая, муар).

Разм. 26,3 × 20; за исключением л. 103 (20,0 × 16,2), 104–105 (26,5 × 20,0), 111–116 (26,3 × 20,0), 162 (26,3 × 20,0), 174 (26,3 × 19,8). Бумага пожелтевшая, без водяных знаков и штемпелей, за исключением л. 103 (как в *АК3*, со штемпелем в овальной рамке с виньеткой внутри: «Г и В» на заштрихованном поле, «НЕВСКОЙ» в верхней части, «ФАБ.С.П.» в нижней части), л. 104–105 об. (сероватая бумага, более плотная, чем основная; по предположению Н.С. Тихонравова, Знаменской фабрики — *Тих. Т. 3. С. 443*), 111–116 (другого сорта, пожелтевшая), 162 (другого сорта, пожелтевшая), 174 (другого сорта, пожелтевшая, гладкая). Размер и описание бумаги вклеенных листов с черновыми набросками см.: *ЧН17, ЧН19, ЧН20, ЧН21*.

Пагинации: авторская, постраничная (с отдельными сбоями), в правом верхнем углу — на нечетных страницах, в левом верхнем — на четных, чернилами (1–384, крайний правый угол последнего листа оторван — на с. 383 сохранились только две первые цифры номера, на с. 384 — ничего, не имеют авторской пагинации — л. 102–105 об., 111–116 об., 162–162 об., 174); архивная, полистная, в правом верхнем углу, карандашом (л. 1–224).

На внутренней стороне верхней крышки переплета в левом верхнем углу — старый архивный шифр карандашом: «№ 3303» (в числителе) «1875» (в знаменателе) (вероятно, номер хранения рукописи в библиотеке Института кн. Безбородко). На л. 1 пометы: «Акт 31, п. 47, 22/Х.34» (в левом верхнем углу чернилами — номер акта, по которому рукопись передана из Нежинского историко-филологического института в Библиотеку Украинской академии наук в Киеве, и дата передачи); «А 2812» (в числителе) «3303» (в знаменателе) (в верхней части листа по центру, чернилами — вероятно, более поздний шифр библиотеки Института); на-

клейка: «Библиотека И.Ф. Института кн. Безбородко. 59. Рукописн. отд.» (в правом верхнем углу, изготовлена типографским способом, фон — розового цвета, рамка и шрифт — черного цвета); печати: «Гоголевского музея при И.Ф. Институте кн. Безбородко» (круглая синяя печать в центре листа); «П. Библиотеки Историко-Филологического Института кн. Безбородко» (круглая черная печать, под первой). На л. 85, в правом верхнем углу, — изготовленная типографским способом наклейка с номером 119.

Описание рукописи см.: *Тих.* Т. 7. С. 837—840; Описание рукописей библиотеки Историко-филологического института князя Безбородко в г. Нежине / Составлено под ред. М. Сперанского. М., 1900. С. 100—101. № 59; *Описание Нац. биб. Укр.* С. 10—13.

Впервые опубликовано: *Время.* 1861. Т. II. Апр. Отд. 1. С. 607—611; в составе статьи Н. Гербеля «О рукописях Гоголя, принадлежащих лицу князя Безбородко» (два отрывка из главы IV: «Чем кто ближе с ним сходился ~ как хлеб, без которого нельзя жить»; «В поступках его много было завоевательного ~ угощали его сапогами»; три отрывка из главы VI: «Там, где расходились зелено-облачные массы ~ огромные вороньи гнезда»; «Сделав еще один поворот в переулоч ~ Возле одного из хозяйственных строений Чичиков скоро заметил...»; «Свет проходил узенькой, тонкой струей сквозь ставни ~ на окне стояла рюмка...»); *Тих.* Т. 7. С. 152—371 (нижний писарский слой), с. 606—752 (авторская правка в виде свода вариантов); частично описана также: *Тих.* Т. 3. С. 482—499 (в своде вариантов к основному тексту); включено в *Ак.* Т. VI. С. 697—878 (в составе свода вариантов к основному тексту; глава XI — в своде вариантов к АК1). Предположительно датируется: март 1840 — первая декада ноября 1841 г.

ЧЕРНОВЫЕ АВТОГРАФЫ И НАБРОСКИ,
ПРЕДШЕСТВУЮЩИЕ НИЖНЕМУ СЛОЮ
ТРЕТЬЕЙ АВТОРИЗОВАННОЙ КОПИИ (АК3)

Ч45 — черновой автограф фрагмента главы X (из «Повести о капитане Копейкине»: «Но, — говорит Министр, — согласитесь ~ Позвать фельдъегеря, препроводить его» — соответствует основному тексту: наст. изд., кн. 1, с. 192—193). Хранится: ОР РГБ. Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 28. Л. 1—1 об. Автограф представляет собой одинарный лист; чернила. Разм. 23,0 × 18,8/18,6. Бумага пожелтевшая, без филигранны и штемпеля. Пагинация: 1 (архивная, в правом верхнем углу, чернилами). Описание рукописи см. также: *Описание РГБ 1.* С. 13.

Впервые опубликовано: *Тих.* Т. 3. С. 529—530 (в разделе «Примечания редактора и варианты»). В наст. изд. печатается в своде вариантов к основному тексту. Предположительно датируется: вторая половина октября — первая декада ноября 1841 г.

ЧЕРНОВЫЕ НАБРОСКИ К НИЖНЕМУ СЛОЮ
ЧЕРНОВОГО АВТОГРАФА ФРАГМЕНТА
ГЛАВЫ XI (Ч46)

ЧН19 — черновые наброски к главе XI (*⟨1⟩, ⟨2⟩, ⟨3⟩, ⟨4⟩, ⟨5⟩*). Хранятся: *ИР НБУ*. Ф. 324 («Гоголиана»). Ед. хр. «Гог. 3» (подробнее об этом источнике, обозначенном в наст. изд. *АК2*, см. выше). На приплетенных к рукописи листах 214—221 об., сложенных в тетрадь: набросок *⟨1⟩* — на л. 214—217 (л. 217 об.—221 об. не заполнены; разм. 23,2 × 18/17,6; бумага серовато-желтоватая, со штемпелем Знаменской фабрики — рамка овальная фигурная, под короной, литерная часть: ЗНАМЕНС. ФАБР.; описан: *Клепиков 1968*. С. 124. № 50); наброски *⟨2⟩, ⟨3⟩, ⟨4⟩, ⟨5⟩* — на л. 211 (расположены на листе в следующей последовательности: *⟨3⟩, ⟨4⟩, ⟨2⟩, ⟨5⟩*); л. 211 об. не заполнен; разм. 22,7 × 19,7; бумага без филиграни и штемпеля, вероятно, Знаменской фабрики). Пагинация архивная, карандашом. Описание рукописи см. также: *Описание Нац. биб. Укр.* С. 15—16.

Впервые опубликовано: *Тих.* Т. 3. С. 417—429, 432—434 (в разделе «Примечания редактора и варианты»); включено в *Ак.* Т. VI. С. 675—687 (в раздел «Сохранившиеся разрозненные черновые отрывки к отдельным главам»), 875—877 (в раздел «Варианты»). Предположительно датируется: вторая половина октября — первая декада ноября 1841 г.

ЧЕРНОВОЙ НАБРОСОК К ВЕРХНЕМУ СЛОЮ
ЧЕРНОВОГО АВТОГРАФА ФРАГМЕНТА
ГЛАВЫ XI (Ч46)

ЧН20 — черновой набросок к главе XI (*⟨1⟩*). Хранится: *ИР НБУ*. Ф. 324 («Гоголиана»). Ед. хр. «Гог. 3» (подробнее об этом источнике, обозначенном в наст. изд. *АК2*, см. выше). На приплетенном к рукописи л. 208 (разм. 22,3 × 13,7; бумага желтовато-коричневая, почтовая, без филиграни и штемпеля; правый верхний угол листа оборван; л. 207—208 — двойной, на л. 207 и 208 об. — черновые наброски к верхнему слою *АК3*, л. 207 об. не заполнен — см. *ЧН21*); чернила. Пагинация архивная, карандашом. Описание рукописи см. также: *Описание Нац. биб. Укр.* С. 14.

Впервые опубликовано: *Тих.* Т. 3. С. 429—430 (в разделе «Примечания редактора и варианты»); включено в *Ак.* Т. VI. С. 685 (в раздел «Сохранившиеся разрозненные черновые отрывки к отдельным главам»). Предположительно датируется: вторая половина октября — первая декада ноября 1841 г.

Ч46 — черновой автограф фрагмента главы XI (биография Чичикова: «Темно и скромно происхождение ~ Но мы стали говорить довольно

громко» — соответствует основному тексту: наст. изд., кн. 1, с. 211—213). Хранится: *ОР РНБ*. Ф. 199 («Гоголь Н.В.»). Ед. хр. 5. 18 л. Автограф представляет собой девять двойных листов, сложенных в две тетрадки (л. 1—12 и 13—18) и сшитых; л. 16—18 об. не заполнены; чернила. Разм. 34,5 × 21,7. Бумага со штемпелем в овальной рамке (разм. 2,1 × 1,6), литерная часть: «SUPERFINE» — на вытянутом прямоугольнике с закругленными боками, вписанном в гербовый щит над короной. Описан: *Клепиков 1959*. С. 113. № 270. Пагинация: архивная, постраничная, в середине нижнего поля, карандашом, на л. 16—18 пагинация отсутствует. На л. 1 помета рукой Н.В. Гербеля: «Рукопись Н.В. Гоголя. Из 1-го тома Мертвых Душ». На л. 15 об. пометы: «Пятнадцать (15) листов. Библиотекарь И. Бычков»; «1902/рук. 127». Рукопись вложена в обложку, на которой указано: «Рукопись, принадлежавшая Н.В. Гербелю и поступившая в Императорскую Публичную Библиотеку в 1902 году»; «(По инвентарю поступлений рукописей 1902 года, № 127)». Описание рукописи см. также: *Описание РНБ*. С. 14 (приобретена Императорской Публичной Библиотекой в 1902 г. — см.: Отчет Императорской Публичной Библиотеки за 1902 г. СПб., 1910. С. 196); *Ак. Т. VI*. С. 888.

Впервые опубликовано: *Ак. Т. VI*. С. 842—855 (в своде вариантов к основному тексту, рукопись обозначена *РГ*). В наст. изд. печатается в своде вариантов к основному тексту. Предположительно датируется: вторая половина октября — первая декада ноября 1841 г.

ЧЕРНОВЫЕ НАБРОСКИ К ВЕРХНЕМУ СЛОЮ ТРЕТЬЕЙ АВТОРИЗОВАННОЙ КОПИИ (АКЗ)

ЧН21 — черновые наброски к главам VII (⟨1⟩, ⟨2⟩, ⟨3⟩); IX (⟨1⟩). Хранятся: *ИР НБУ*. Ф. 324 («Гоголиана»). Ед. хр. «Гог. 3» (подробнее об этом источнике, обозначенном в наст. изд. *АК2*, см. ниже). На приплетенных к рукописи листах: набросок ⟨1⟩ к главе VII — на л. 207 (л. 207 об. не заполнен; разм. 22,3 × 13,7; бумага без филигранный и штемпеля); набросок ⟨2⟩ к главе VII — на л. 206 об. (разм. 23,3 × 18,5; бумага без филигранный и штемпеля, вероятно, Знаменской фабрики); набросок ⟨3⟩ к главе VII — на л. 206; набросок ⟨1⟩ к главе IX — на л. 208 об. (л. 207—208 — двойной, на л. 208 — черновой набросок к верхнему слою *ЧА6* — см.: *ЧН20*); чернила. Пагинация архивная, карандашом. На л. 208 об. с противоположной стороны каллиграфическим почерком написано: «Благодарность, признательность, строгость к самому себе, снисхождение к другим». Описание рукописи см. также: *Описание Нац. биб. Укр.* С. 13—14.

Впервые опубликовано: *Тих. Т. 7*. С. 416, 441—445 (в разделе «Примечания редактора и варианты»); включено в *Ак. Т. VI*. С. 774—

775, 784, 819–820 (в раздел «Варианты»). Предположительно датируется: вторая половина ноября 1841 г.

АКЗ — третья авторизованная копия глав I–XI (несколькими писарскими почерками с правкой Гоголя чернилами и карандашом). Л. 102 (вставка в гл. VII, к л. 115), 103–103 об. (начало гл. VII, вклеен вместо вырезанного листа), 127 (черновые наброски к верхнему слою *АК4*, гл. VIII — см. *ЧН22*), 138–138 об. (вставка в гл. VIII), 164 об. (последние три строки), 165 (первые 19 строк и первое слово двадцатой), 202 об. (последние 7 строк), 203–204 об. (конец главы XI) — автограф. Хранится: *ОР РНБ*. Ф. 588 (собрание «Погодинские автографы»). Ед. хр. 217. 206 л.; чернила, карандаш. В желто-коричневом картонном переплете, с кожаным корешком и уголками. На корешке тиснение золотом: «Н.В. Гоголь. Мертвые души. Из древлехранилища Погодина» и марка Публичной библиотеки: «И.Б.». Разм. 34,6 × 21,2, за исключением л.: 102 (разм. 21,5 × 17,3); 127 (см. *ЧН22*); 138 (разм. 23,0 × 19,0). Бумага со штемпелем в овальной рамке с виньеткой из дубовых листьев внутри (разм. 1,8 × 1,4), литерная часть: НЕВСКОЙ (вверху), Г и В (в середине, на заштрихованном фигурном поле), ФАБ.С.П. (внизу — ср. с близким описанием: *Клепиков 1959*. С. 105. № 123), за исключением л.: 102 (без филигранных и штемпелей); 127 (см. *ЧН22*); 138 (штемпель, как на л. 127, бумага светлее и более плотная). Пагинации: 1–400 (авторская, постраничная, в правом верхнем углу на нечетных страницах, в левом верхнем — на четных, карандашом, л. 102, 127, 138 в пагинацию не включены); 1–204 (архивная, полистная, на нижнем поле, карандашом); сплошная архивная пагинация заканчивается на л. 204, следующий далее лист имеет карандашную пагинацию «II», последний лист — без пагинации. На л. II заверительная запись: «В сей рукописи двести (204) четыре листа. Библиотекарь И. Бычков», а на его обороте запись рукой Гоголя карандашом: «Министр отказом своим доводит Копейкина до отчаяния и делает его разбойником». На л. 127, вpletенном в *АКЗ*, — черновые наброски рукой Гоголя к главе VIII: {1, 2, 3, 4} (см. *ЧН22*). Описание рукописи см. также: *Описание РНБ*. С. 14–15 (поступила от М.П. Погодина в 1852 г.); *Тих.* Т. 7. С. 840–843.

Впервые опубликовано: *Тих.* Т. 3. С. 606–752 (в виде свода вариантов к нижнему слою *АК2*); *Ак.* Т. VI. С. 697–855 (в виде свода вариантов к основному тексту). Предположительно датируется: конец октября — первая половина ноября 1841 г.

ЧЕРНОВЫЕ НАБРОСКИ К ВЕРХНЕМУ СЛОЮ
ЧЕТВЕРТОЙ АВТОРИЗОВАННОЙ КОПИИ (АК4)

ЧН22 — черновые наброски к главе VIII (*⟨1⟩, ⟨2⟩, ⟨3⟩, ⟨4⟩*). Хранятся: *ОР РНБ*. Ф. 588 (собрание «Погодинские автографы»). Ед. хр. 217 (подробнее об этом источнике, обозначенном в наст. изд. *АК3*, см. выше). Л. 127. Вплетен в *АК3*, л. 127 об. не заполнен; чернила. Разм. 23,2 × 18,2. Бумага сероватая, со штемпелем Знаменской фабрики — рамка овальная фигурная, под короной, литерная часть: ЗНАМЕНС. ФАБР. Описан: *Клепиков 1968*. С. 124. № 50.

Впервые опубликовано: *Тих.* Т. 3. С. 446—447; включено в *Ак.* Т. VI. С. 797—798 (в раздел «Варианты»). Предположительно датируется: конец ноября 1841 г.

ЧН23 — черновой набросок к главе IX. Хранится: *ИР НБУ*. Ф. 324 («Гоголиана»). Ед. хр. «Гог. 5» (подробнее об этом источнике см.: *Наст. изд.* Т. 2). Л. 107 (вклеенный, двойной: 106—107); л. 107 об. не заполнен. Разм. 22,8 × 18,5. Бумага серовато-желтая, со штемпелем Знаменской фабрики — рамка овальная фигурная, под короной, литерная часть: ЗНАМЕНС. ФАБР. Описан: *Клепиков 1968*. С. 124. № 50. Пагинации: 113 (первоначальная, карандашом), 107 (архивная, карандашом). Описание рукописи см. также: *Тих.* Т. 1. С. 648; Описание рукописей библиотеки Историко-филологического института князя Безбородко в г. Нежине / Сост. под ред. М. Сперанского. М., 1900. С. 106; *Описание Нац. биб. Укр.* С. 20.

Впервые опубликовано: *Тих.* Т. 1. С. 648—649 (в разделе «Примечания редактора и варианты»); Т. 7. С. 857—858 (в разделе «Описание рукописей»); включено в *Ак.* Т. VI. С. 493—494 (в подстрочную сноску к тексту второй редакции). Предположительно датируется: конец ноября 1841 г.

АК4 — четвертая авторизованная копия глав I—XI (гл. I—III, л. 2—53 — рукой неустановленного лица, гл. IV—XI, л. 54—156 об., 161—194 об. — рукой Е.В. Быковой, л. 157—160 об. — рукой Е.В. Погодиной), с правкой Гоголя, представленная в цензуру, исправленная и одобренная цензором. Хранится: *ОРК и Р НБ МГУ*. 1Ру 399 в. 194 л. В картонном переплете (бумага под мрамор) с кожаным корешком. На корешке тиснение: «Гоголя. Мертвые души»; чернила, карандаш. Текст на л. 156 об. поврежден. Четыре листа с отвергнутым цензором текстом «Повести о капитане Копейкине» (перечеркнут крест-накрест малиновыми чернилами) хранятся отдельно: *РГАЛИ*. Ф. 139. Оп. 2. Ед. хр. 1. 4 л. Л. 157—160 об. (с новой, «цензурной» редакцией «Повести о капитане Копейкине») вставлены в рукопись (вместо отвергнутых цензором и вынутых листов с текстом доцензурной редакции — см. ниже).

Разм. 36,3 × 22; л. 157–160 — 27,7 × 22,0. Бумага (за исключением л. 157–160) со штемпелем в овальной рамке: «ЕС» (готические буквы под короной на заштрихованном овале) «В.Г.П.У. Ф СЕРГИЕВ-СКОЙ» (по овалу), что означает: «Евграф Солеников», «Владимирской губернии Покровского уезда фабрики Сергиевской». Описан: *Клепиков 1959*. С. 108. № 185. Л. 157–160 — с филигранью: FWE. Вариант филигрании описан: *Клепиков 1959*. С. 81. № 1014. Пагинации: 1–388 (авторская, постраничная, карандашом, на нечетных страницах, в правом верхнем углу, в отдельных случаях — и на четных страницах, в левом верхнем углу; 1–194 (архивная, полистная, карандашом, в правом верхнем углу); на листах, извлеченных из рукописи цензором и хранящихся в *РГАЛИ*: 314, 316, 318, 320 (первоначальная — в составе *АК4*, авторская, карандашом, на оборотах листов, в левом верхнем углу); 1–4 (последняя, архивная, карандашом, в правом верхнем углу). На л. 1: «Мертвые души. Поэма Н. Гоголя» (рукой Гоголя); после исправления рукой цензора А.В. Никитенко (с отметкой «NB») — «Похождения Чичикова или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя»; записи и пометы: «Печатать на моей бумаге 2400. Деньги сто рублей в задаток положил. Н. Гоголь» (рукой Гоголя, в нижней части листа); «№ 109. 3 марта 1842» и «1842 г. по жур. печ. № 101» (пометы канцелярии цензурного комитета в верхней части листа и в нижней вдоль корешка). На л. 1 об. цензурное разрешение: «Печатать позволяется с тем, чтобы по напечатании представлено было в Ценсурный Комитет узаконенное число экземпляров. С.Петербург. Марта 9 дня 1842 года. Ценсор А. Никитенко». На всех последующих листах — подпись Никитенко. На л. 160 об., под текстом «цензурной» редакции «Повести о Капитане Копейкине», — подпись: «Ценсор А. Никитенко». На л. 1 об. — две печати: Санкт-Петербургского цензурного комитета и Императорского Московского Университета. Описание рукописи см. также: *Бодянский 1866*. С. 240–241; *Тих.* Т. 3. С. 456, 531–532. Т. 7. С. 861; *Ак.* Т. VI. С. 890–891.

Впервые опубликовано: *МД1* (по верхнему слою, «Повесть о капитане Копейкине» — в цензурной редакции); *Бодянский 1866*. С. 241–246 (описание цензурной правки в сопоставлении текстом первого издания 1842 г.); *Тих.* Т. 3. С. 199–204, 270–276, 482–499 (в виде свода вариантов к основному тексту, «Повесть о капитане Копейкине» — в цензурной редакции, доцензурная редакция — в «Приложениях», под названием «Редакция, зачеркнутая цензором», по копии, снятой Тихонравовым с отвергнутых цензором и извлеченных из рукописи листов); включено в *Ак.* Т. VI. С. 199–205, 581–586, 697–878 (в виде свода вариантов к основному тексту, «Повесть о капитане Копейкине» — в доцензурной редакции, по извлеченным из *АК4* листам, в составе основного текста, цензурная редакция — в качестве самостоятельного раздела); *ЛН*, т. 58. С. 601 (факсимильное воспроизведение титульного

листа); там же, с. 603 (факсимильное воспроизведение л. 156 об.—157). Варианты чернового текста цензурной редакции «Повести о капитане Копейкине» печатаются впервые. Предположительно датируется: около 25 ноября — не позднее 7 декабря 1841 г.

МД1 (первое издание) — Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Москва. В Университетской типографии. 1842 (цензурное разрешение — 9 марта 1842 г., цензор А. Никитенко).

МД2 (второе издание) — Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Издание второе. Москва. В Университетской типографии. 1846 (цензурное разрешение — 25 августа 1846 г., цензор А. Никитенко). На с. V—X предисловие: «К читателю от сочинителя».

Печатается по тексту *МД1* и по *АК4* (по последнему источнику — «Повесть о капитане Копейкине») со следующими исправлениями по *АК2*, *АК3*, *АК4*, *ЧА6*, а также с исправлением опечаток:

〈Глава I〉

С. 5²: Мертвые души — *вместо цензурного варианта*: Похождения Чичикова, или Мертвые души (по *АК4*)

С. 9, строки 17—18: когда бричка подъезжала — *вместо*: когда бричка подъехала (по *АК2*)

С. 9, строка 24: взъехал на двор — *вместо*: въехал на двор (по *АК2*)

С. 10, строки 2—3: такая самая — *вместо*: такая (по *АК2*)

С. 10, строка 3: за два рубля — *вместо*: за два рубля (по *АК2*, *АК3*)

С. 10, строка 19: обсматривал — *вместо*: осматривал (по *АК2*)

С. 11, строка 28: рассказывать всякий вздор, о том — *вместо*: рассказывать всякий вздор о том (по *АК2*, *АК3*, *АК4*)

С. 11, строки 35—36: с чрезвычайною точностью — *вместо*: с чрезвычайною точностию (по *АК2*, *АК3*)

С. 12, строки 1—2: расспросил весьма внимательно — *вместо*: расспросил внимательно (по *АК2*)

С. 12, строка 3: каких-нибудь лихорадок — *вместо*: каких-либо лихорадок (по *АК2*)

С. 12, строки 4—5: так обстоятельно и с такою точностию — *вместо*: так, и с такою точностию (по *АК2*)

² Здесь и ниже указаны страницы кн. 1 наст. изд.

С. 12, строка 40: было подписано — вместо: было написано (по АК2)

С. 13, строка 4: двуглавых государственных гербов — вместо: двуглавых государственных орлов (по АК2)

С. 13, строка 9: хоть эти деревца были — вместо: хотя эти деревца были (по АК2)

С. 13, строка 29: было немного — вместо: немного было (по АК2)

С. 14, строка 8: полицмейстера — вместо: полицеймейстера (и далее по тексту «Мертвых душ» — обоснование см. с. 542 наст. изд.)

С. 14, строка 32: претерпел по службе — вместо: претерпел на службе (по АК2, АК3)

С. 16, строка 7: то есть — вместо: т.е. (и далее по тексту «Мертвых душ»)

С. 16, строка 12: волос на голове они не носили — вместо: волос они на голове не носили (по АК2)

С. 16, строка 17: Тоненькие больше служат — вместо: Тоненькие служат больше (по АК2)

С. 16, строка 28: близ — вместо: близь (по АК2)

С. 16, строка 40: сурьезного — вместо: серьезного (по АК2, АК3)

С. 17, строка 1: низенького человечка — вместо: низенького человека (по АК3)

С. 17, строка 24: тоже спорил — вместо: также спорил (по АК2, АК3)

С. 18, строка 11: начинают уже выводиться — вместо: начинают выводиться (по АК2)

С. 18, строка 23: у вице-губернатора — вместо: у виц-губернатора (по АК2)

С. 19, строка 1: он умел все это — вместо: он все это умел (по АК2)

С. 19, строка 4: Все чиновники города — вместо: Все чиновники (по АК2)

С. 19, строка 5: о нем изъяснился — вместо: об нем изъяснился (по АК2)

С. 19, строка 6: он очень дельный человек — вместо: он дельный человек (по АК2)

С. 19, строки 21–22: не привело в совершенное недоумение почти весь город — вместо: не привело в совершенное недоумение почти всего города (по АК2, АК3, АК4)

〈Глава II〉

- С. 20, строка 7: сурьезное — вместо: серьезное (по АК2, АК3)
- С. 21, строка 19: а старался — вместо: и старался (по АК2)
- С. 21, строка 29: Таков уж — вместо: Таков уже (по АК2)
- С. 22, строка 3: а в тот день случилось воскресенье — вместо: а в тот день случись воскресенье (по АК2, АК3, АК4)
- С. 22, строки 17–18: уже пошла писать — вместо: уже пошли писать (по АК2, АК3)
- С. 22, строка 23: в виде висящих — вместо: в виде висячих (по АК2)
- С. 23, строка 11: то это значит — вместо: то значит (по АК2, АК3)
- С. 23, строка 29: подобравши платье — вместо: подобравши платья (по АК2)
- С. 23, строки 37–38: восстановлены слова, вычеркнутые цензором: этого, впрочем, мирного войска, но отчасти нетрезвого по воскресным дням (по АК2, АК3, АК4)
- С. 24, строка 25: в науке выпытыванья — вместо: в науке выпытывания (по АК2, АК3)
- С. 25, строка 6: пятый, с желаньем — вместо: пятый, с желанием (по АК2, АК3)
- С. 25, строка 8: приятелям и знакомым — вместо: приятелям, знакомым (по АК2)
- С. 25, строки 32–33: одними только словами — вместо: только одними словами (по АК2)
- С. 25, строка 38: стояли обтянутые — вместо: стояли обтянуты (по АК2)
- С. 26, строка 10: более осьми лет — вместо: более восьми лет (по АК2)
- С. 28, строки 1–2: с тою же приятною улыбкою — вместо: с такою же приятною улыбкою (по АК2)
- С. 28, строки 14–15: наблюсти деликатес в своих поступках — вместо: наблюсти деликатность в своих поступках (по АК2)
- С. 28, строки 34–35: каких только я знал — вместо: каких только я знаю (по АК2)
- С. 29, строка 9: следить какую-нибудь эдакую науку — вместо: следить какую-нибудь этакую науку (по АК3)
- С. 29, строка 10: паренье эдакое — вместо: паренье этокое (по АК2, АК3)
- С. 30, строка 18: старался высвободить — вместо: старался освободить (по АК2)
- С. 30, строка 26: хотел вскочить ему в глаза — вместо: хотел ему вскочить в глаза (по АК2)

С. 30, строка 29: Учитель опять насторожил внимание. — вместо: Учитель опять настроил внимание. (по АК2)

С. 30, строки 35–37: В такие лета и уже такие сведения. Я должен вам сказать, что в этом ребенке будут большие способности. — вместо: Я должен вам сказать, что в этом ребенке будут большие способности. (по АК2, АК3, АК4)

С. 31, строка 16: застучал вилкою по столу — вместо: застучал по столу (по АК2, АК3)

С. 31, строка 32: в небольшую боковую комнату — вместо: в большую комнату (по АК2, АК3)

С. 32, строки 29–30: какое-то совершенно иное, почти странное выражение — вместо: какое-то странное или почти странное выражение (по АК2)

С. 33, строка 9: и, проснувшись — вместо: проснувшись (по АК2, АК3)

С. 33, строка 11: Послушай, любезный! — сказал Манилов — вместо: Послушай, любезный! (по АК2)

С. 34, строка 8: Я желаю — вместо: Я полагаю (по АК2)

С. 34, строка 13: остались недвижны — вместо: остались недвижимы (по АК2)

С. 34, строки 23–24: что такое сделать — вместо: что ему сделать (по АК2)

С. 35, строка 8: они живые — вместо: они живы (по АК2)

С. 36, строки 2–3: Неужели, впрочем — вместо: Неужели (по АК2)

С. 36, строки 29–30: сиротине горемыке — вместо: сироте горемыке (по АК2, АК3)

С. 37, строка 12: как бы было — вместо: как было бы (по АК2)

С. 38, строка 3: хотел спросить вас — вместо: хочу спросить вас (по АК2)

С. 38, строка 17–18: через эту реку — вместо: чрез эту реку (по АК2, АК3)

С. 38, строки 23–24: будто бы сам Государь, узнавши о такой их дружбе, пожаловал их генералами — вместо цензурного варианта (когда узнали о такой их дружбе, то они пожалованы были генералами), видоизмененного в МД1: само высшее начальство, узнавши о такой их дружбе, пожаловало их генералами (по АК2)

⟨Глава III⟩

С. 39, строка 25: восстановлены слова, вычеркнутые цензором: Бонапарт ты проклятый!.. (по АК2, АК3, АК4)

С. 39, строка 29: что ты скроешь — вместо: что скроешь (по АК2)

- С. 41, строка 19: по какой ты дороге едешь — *вместо*: по какой дороге ты едешь (по АК2)
- С. 41, строка 28: Засим — *вместо*: Затем (по АК2)
- С. 42, строка 4: произнес Чичиков — *вместо*: сказал Чичиков (по АК2)
- С. 42, строка 26: что, без сомнения, продолжилось бы — *вместо*: что, без сомнения, продолжалось бы (по АК2)
- С. 42, строка 39: видишь — *вместо*: вишь (по АК2)
- С. 43, строки 9–10: взъехавши на двор — *вместо*: въехавши на двор (по АК2)
- С. 43, строка 18: восстановлены слова, вычеркнутые цензором: как пономарь (по АК2, АК3, АК4)
- С. 43, строка 21: старик или просто наделенный — *вместо*: старик, наделенный (по АК2)
- С. 43, строка 23: тенора подымаются — *вместо*: тенора поднимаются (по АК2)
- С. 43, строки 36–37: картины с какими-то птицами; между окон старинные маленькие зеркала — *вместо*: картины с какими-то птицами, между окон; старинные маленькие зеркала (по АК3)
- С. 43, строка 38: и за всяким зеркалом — *вместо*: за всяким зеркалом (по АК2, АК3)
- С. 44, строки 22–23: так что гость было испугался и посторонился — *вместо*: так что гость было испугался (по АК3)
- С. 44, строки 25–26: За шипением — *вместо*: За шипеньем (по АК2, АК3)
- С. 45, строка 13: наслал Бог — *вместо*: послал Бог (по АК2)
- С. 45, строки 27–28: как дельвала — *вместо*: как дельвали (по АК2)
- С. 45, строки 30–31: настилая сверх перины — *вместо*: постилая сверх перины (по АК2, АК3)
- С. 45, строки 32–33: Прощайте, батюшка — *вместо*: Прощай, батюшка (по АК2, АК3)
- С. 46, строки 4–5: до самого полу — *вместо*: до самого пола (по АК2)
- С. 46, строки 8–9: сквозь окна — *вместо*: сквозь окно (по АК2)
- С. 46, строка 25: лежало подле него — *вместо*: лежало возле него (по АК3)
- С. 46, строка 34: расхаживал петух мерным шагом — *вместо*: расхаживал петух мерными шагами (по АК2)
- С. 46, строка 40: просторные огороды — *вместо*: просторные огороды (по АК2)
- С. 48, строка 33: без малого 80 — *вместо*: без малого 80-т (по АК2, АК3)

- С. 48, строка 35: что Боже упаси — вместо: что Боже храни (по АК2)
- С. 49, строка 12: и пеньки-то — вместо: и пеньки (по АК2)
- С. 49, строка 18: да что с них — вместо: да что в них (по АК2)
- С. 49, строка 25: чересчур — вместо: чресчур (по АК2)
- С. 49, строка 29: воля Божия — вместо: воля Божья (по АК2, АК3)
- С. 49, строка 36: дам деньгу — вместо: дам деньги (по АК2, АК3)
- С. 50, строки 24–25: примите только в соображение то — вместо: примите в соображение только то (по АК2)
- С. 50, строка 34: не случилось мне продавать — вместо: не случилось продавать мне (по АК2)
- С. 50, строка 35: вот и третьего году — вместо: вот и третьего года (по АК2, АК3)
- С. 50, строки 35–36: протопопу — вместо: Протопову (по АК2, АК3)
- С. 51, строка 31: зато же это мед — вместо: зато это мед (по АК2)
- С. 51, строка 33: в погребу — вместо: в погребе (по АК2, АК3)
- С. 51, строки 39–40: уже почти не сомневался — вместо: почти уже не сомневался (по АК2)
- С. 52, строка 5: Восстановлены слова: На что они им? (по АК2, АК3)
- С. 52, строка 29: третьего дни — вместо: третьего дня (по АК2, АК3)
- С. 52, строка 30: после молитвы загадать на картах — вместо: загадать на картах после молитвы (по АК2)
- С. 52, строка 31: роги-то — вместо: рога-то (по АК2, АК3)
- С. 52, строка 35: да пропади они и околей — вместо: да пропади и околей (по АК2)
- С. 53, строка 8: не прекословила — вместо: и не прекословила (по АК2)
- С. 53, строка 13: муки брать оржаной — вместо: муки брать ржаной (по АК2)
- С. 53, строки 21–22: чтобы избавить от лишних затруднений — вместо: чтобы избавить лишних затруднений (по АК2, АК3)
- С. 53, строка 22: взялся сочинить его — вместо: взялся сочинить (по АК2)
- С. 53, строка 29: насчет загнутья — вместо: насчет загнутия (по АК2, АК3)
- С. 53, строка 31: вышел тоже в гостиную — вместо: вышел в гостиную (по АК2)

С. 53, строка 34: стоял накрытый стол — вместо: стоял покрытый стол (по АК2)

С. 54, строка 1: почему ж — вместо: почему же (по АК2)

С. 54, строка 13: засовывался — вместо: задвигался (по АК3)

С. 54, строка 13: в ту ж минуту — вместо: в ту же минуту (по АК3)

С. 54, строка 16: ящичек — вместо: ящик (по АК2)

С. 54, строка 24: Хоть бы мне листик подарил — вместо: Хоть бы мне листок подарил (по АК2, АК3)

С. 54, строка 38: иной назывался просто — вместо: иной оказался просто (по АК2)

С. 55, строки 16–17: горячих блинков — вместо: горячих блинов (по АК2, АК3)

С. 55, строка 32: понадобится еще птичьих перьев — вместо: понадобится птичьих перьев (по АК2)

С. 56, строки 16–17: человеческого совершенствования — вместо: человеческого совершенствования (по АК2, АК3)

С. 56, строки 20–21: за недочитанною книгой — вместо: за недочитанной книгой (по АК2)

С. 57, строка 35: показавши рукою — вместо: показывая рукою (по АК2)

⟨Глава IV⟩

С. 60, строки 9–10: каких немало повыстроено — вместо: каких немало выстроено (по АК2, АК3)

С. 60, строка 13: перед образами — вместо: пред образами (по АК2)

С. 62, строка 4: продолжал далее — вместо: продолжал (по АК2)

С. 62, строка 9: я уже пересел — вместо: я уже перелез (по АК2)

С. 62, строка 10: указал пальцем — вместо: показал пальцем (по АК2)

С. 62, строка 14: просто все спустил — вместо: все спустил (по АК2)

С. 62, строка 22: Ты, однако же, и тогда — вместо: Ты, однако, и тогда (по АК2)

С. 63, строки 15–16: Уж как покутили!.. — вместо: Уж так покутили!.. (по АК2)

С. 63, строка 25: что ты и десяти не выпьешь — вместо: что и десяти не выпьешь (по АК2, АК3)

С. 64, строки 1–2: А сколько, брат, было карет — вместо: А сколько было, брат, карет (по АК2)

- С. 64, строка 4: и прокрутил — вместо: и прокутил (по АК2, АК3)
- С. 64, строки 4–5: еще своих шесть целковых — вместо: еще сверх шесть целковых (по АК2, АК3)
- С. 64, строка 7: я думаю только себе — вместо: я думаю себе только (по АК2, АК3)
- С. 64, строка 15: едем ко мне — вместо: поедем ко мне (по АК2, АК3)
- С. 64, строки 17–18: Оподельдок эдакой Иванович — вместо: Оподелдок Иванович (по АК2)
- С. 64, строка 37: поедем-ка сейчас ко мне — вместо: поедем ко мне (по АК2)
- С. 65, строка 20: Дай уж — вместо: Давай уж (по АК2)
- С. 65, строки 31–32: во все четыре лапы — вместо: на все четыре лапы (по АК2, АК3)
- С. 67, строки 11–12: отвечала старуха — вместо: сказала старуха (по АК2)
- С. 67, строки 19–20: могли очень свободно — вместо: могли свободно (по АК2)
- С. 67–68, строки 40–1: были ему не нужны — вместо: ему были не нужны (по АК2)
- С. 68, строка 38: о предметах высоких и предметах, вызывающих на размышление — вместо: о предметах, вызывающих на размышление (по АК2)
- С. 69, строка 25: Вот каков был Ноздрев! — вместо: Вот какой был Ноздрев! (по АК2)
- С. 69, строка 27: теперь уже нет Ноздревых — вместо: теперь нет уже Ноздрева (по АК2)
- С. 71, строка 4: скоро сдохнуть — вместо: скоро издохнуть (по АК2, АК3)
- С. 71, строка 37: был в это время — вместо: был в то время (по АК2)
- С. 72, строка 2: Гости возвратились — вместо: Гости воротились (по АК2)
- С. 72, строка 6: Зять, обсмотревши — вместо: Зять, осмотревши (по АК2)
- С. 72, строка 11: но в середине ее — вместо: но в середине ее (по АК2, АК3)
- С. 72, строка 19: и кiset — вместо: кiset (по АК2)
- С. 72, строки 21–22: самой субтильной сюперфлю — вместо: самой субдительной сюперфлю (по АК2)
- С. 72, строка 32: и по другому го-сотерну — вместо: и по другому го-сотерна (по АК2, АК3)

- С. 72, строки 33–34: простого сотерну — вместо: простого сотерна (по АК2, АК3)
- С. 73, строка 10: какое даже трудно — вместо: которое даже трудно (по АК2)
- С. 74, строки 17–18: Да ведь такой... с ним — вместо: Да ведь с ним (по АК2)
- С. 74, строка 18: никак нельзя сойтиться — вместо: нельзя никак сойтиться (по АК2)
- С. 74, строка 36: у тебя, чай — вместо: у тебя есть, чай (по АК2, АК3)
- С. 75, строка 14: Да что ж тебе — вместо: Да что же тебе (по АК2)
- С. 75, строки 25–26: не давши окончить ему — вместо: не давши окончить (по АК2)
- С. 75, строка 39: Езуит, езуит. Голову ставлю — вместо: Голову ставлю (по АК2)
- С. 76, строка 1: что ж я такое — вместо: что же я такое (по АК2)
- С. 76, строка 4: Если бы — вместо: Ежели бы (по АК2)
- С. 77, строки 1–2: возьму с тебя — вместо: возьму я с тебя (по АК2)
- С. 77, строка 15: земли не зацепит — вместо: земли не заденет (по АК2)
- С. 77, строка 35: Эж его — вместо: Эх его (по АК2)
- С. 78, строка 6: Да что ж — вместо: Да что же (по АК2, АК3)
- С. 78, строки 6–7: зачем же мне приобретать — вместо: зачем же приобретать (по АК2)
- С. 78, строка 22: да уж — вместо: да уже (по АК2)
- С. 79, строки 2–3: что дрожишь из-за этакого вздору — вместо: что дрожишь из-за этого вздору (по АК2)
- С. 79, строки 7–8: поди скажи конюху — вместо: скажи конюху (по АК2)
- С. 79, строка 19: Вот тебе твоя постель! — вместо: Вот тебе постель! (по АК2)
- С. 79, строки 24–25: и поступил неосторожно — вместо: поступил неосторожно (по АК2)
- С. 79, строка 35: чтобы приказать Селифану — вместо: приказать Селифану (по АК2)
- С. 80, строки 16–17: видна была даже на скатерти — вместо: видна даже была на скатерти (по АК2)
- С. 80, строка 25: Я уж сказал — вместо: Я уже сказал (по АК2, АК3)
- С. 80, строка 29: А? Прокинем хоть талию! — вместо: Прокинем хоть талию! (по АК2)

С. 81, строки 4–5: — Изволь, так и быть, в шашки сыграю, — сказал Чичиков. — *вместо*: — Изволь, так и быть, в шашки сыграю. (по АК2)

С. 82, строка 28: с тобой нет возможности играть — *вместо*: с тобою нет возможности играть (по АК2)

С. 82, строка 36: несмываемым бесчестьем — *вместо*: несмываемым бесчестьем (по АК2)

С. 83, строка 4: В это же самое время — *вместо*: В это самое время (по АК2)

С. 83, строка 4: и за ним Павлушка — *вместо*: и с ним Павлушка (по АК2, АК3)

С. 83, строка 7: ты не хочешь оканчивать партии — *вместо*: ты не хочешь оканчивать партии (по АК2)

С. 84, строка 16: господин Ноздрев — *вместо*: г. Ноздрев (по АК2)

⟨Глава V⟩

С. 85, строки 17–18: Я еще никогда не видал — *вместо*: Я еще не видал (по АК2)

С. 85, строка 28: продовольство — *вместо*: продовольствие (по АК2, АК3)

С. 86, строка 11: осаживать назад бричку — *вместо*: отсаживать назад бричку (по АК2, АК3)

С. 86, строка 16: Одна была уже старуха — *вместо*: Одна была старуха (по АК2)

С. 86, строка 23: тоже сквозили — *вместо*: также сквозили (по АК3)

С. 86, строка 24: испуг в раскрытых, остановившихся устах — *вместо*: испуг в открытых, остановившихся устах (по АК2)

С. 87, строки 10–11: с рыжей бородой — *вместо*: с рыжей бородой (по АК2)

С. 87, строка 15: на пристяжного, а на коренного — *вместо*: на пристяжную, а на коренную (по АК2)

С. 87, строки 23–25: сели оба на пристяжного, потом дядя Митяй и дядя Миняй сели оба на коренного — *вместо*: сели оба на коренного (по АК2)

С. 87, строка 38: в ответ на что он только топырится — *вместо*: в ответ что он только топырится

С. 88, строка 22: за промедленья — *вместо*: за промедление (по АК2)

С. 88, строка 27: бабенка — *вместо*: бабешка (по АК2, АК3)

С. 88, строка 38: по вытверженным наставленьям — вместо: по вытверженным наставлениям (по АК2)

С. 89, строка 25: посереди дома — вместо: посреди дома (по АК2, АК3)

С. 89, строка 31: вековое стоянье — вместо: вековое стояние (по АК2)

С. 91, строки 22—23: ни глазом, ни бровью, ни носом — вместо: ни глазом, ни бровью (по АК2)

С. 91, строка 29: зернышки — вместо: зернушки (по АК2)

С. 92, строка 35: коротких биографий — вместо: кратких биографий (по АК2, АК3)

С. 93, строка 1: к столику — вместо: к столу (по АК2)

С. 93, строка 21: черт знает чего — вместо: черт знает что (по АК2, АК3)

С. 93, строка 23: из чего все это готовится — вместо: из чего это все готовится (по АК2)

С. 94, строка 31: вскрикнул — вместо: воскликнул (по АК2, АК3)

С. 94, строка 34: не советую и дороги знать — вместо: не советую дороги знать (по АК2)

С. 95, строки 16—17: маленечко — вместо: маленько (по АК2)

С. 95, строка 29: окончившие жизненное поприще — вместо: окончивши жизненное поприще (по АК2, АК3)

С. 95, строка 30: наравне с живыми — вместо цензурного варианта: наравне с живыми, хотя взамен того и вновь родившиеся не вносятся в подушные списки (по АК2, АК3, АК4)

С. 95, строка 40: не назвал душ умершими — вместо: не назвал души умершими (по АК2, АК3)

С. 96, строка 2: показалось в лице его — вместо: показалось на лице его (по АК2, АК3)

С. 96, строки 8—9: не без некоторого волненья — вместо: не без некоторого волнения (по АК2)

С. 96, строки 20—21: продает еще прежде — вместо: продает прежде (по АК2)

С. 96, строка 31: однако же — вместо: однако ж (по АК2)

С. 96, строки 32—33: или ошиблись, или не понимаем — вместо: ошиблись или не понимаем (по АК2)

С. 96, строка 36: по восьми гривен — вместо: по восьми гривенок (по АК2)

С. 97, строка 9: Михал Семенович — вместо: Михаил Семенович (по АК2)

С. 97, строка 29: А Милушкин, кирпичник! — вместо: Милушкин, кирпичник! (по АК2)

С. 98, строка 11: к висевшим по стене портретам — вместо: к висевшим на стене портретам (по АК2)

С. 99, строка 12: Да что вы — вместо: Да что (по АК2)

С. 99, строки 30–32, вставлен текст: — Позвольте ~ я сказал все. (по АК2)

С. 99, строка 37: Прошу прощения! — вместо: Прошу прощенья! (по АК2)

С. 100, строка 12: Какая ж будет ваша — вместо: Какая ж ваша будет (по АК2)

С. 100, строки 32–33: наградил-то тебя как Бог — вместо: награждал-то тебя Бог (по АК2)

С. 100, строка 40: ватрушкой — вместо: вотрушкой (по АК2)

С. 101, строки 9–11, восстановлены слова, вычеркнутые цензором: Да еще, пожалуй ~ придется солоно... (по АК2, АК3, АК4)

С. 101, строки 29, 31: расписочку — вместо: расписку (по АК2)

С. 102, строка 1: ревизские души — вместо: души (по АК2, АК3)

С. 102, строка 25: поведением Собакевича — вместо: поведением Собакевича (по АК2)

С. 102, строка 36: бричка уже была — вместо: бричка была уже (по АК2)

С. 102, строки 37–38: поднявши где-то на дороге претолстое бревно — вместо: попавши где-то на дороге претолстое бревно

С. 103, строка 15: свое прозвище — вместо: свое поприще (по АК2, АК3)

С. 103, строки 16–17, восстановлены слова, вычеркнутые цензором: хоть заставь ~ древнекняжеского рода (по АК2, АК3, АК4)

С. 103, строка 28: рассыпано по святой благочестивой Руси — вместо: рассыпано на святой благочестивой Руси (по АК2)

С. 103, строка 35: отзовется слово — вместо: отзовется слово (по АК2, АК3).

⟨Глава VI⟩

С. 104, строки 17–18: с серой, желтевшею вдали — вместо: с серой, желтевшей вдали (по АК2)

С. 104, строка 20: офицера-постояльца, занесенного — вместо: офицера, занесенного (по АК2, АК3)

С. 104, строка 24: куды — вместо: куда (по АК2)

С. 105, строки 8–9: меньшою сестрицей — вместо: меньшою сестрицей (по АК2)

С. 105, строка 19: он и не заметил — вместо: он не заметил (по АК2)

С. 106, строка 2: Из-за хлебных кладей и ветхих избяных крыш — *вместо*: Из-за хлебных кладей и ветхих крыш (по АК2)

С. 107, строка 21: перед самым домом — *вместо*: перед самым домом (по АК2)

С. 108, строка 14: с большой прорехой — *вместо*: с большой прорехою (по АК2)

С. 109, строки 6—7: в холстяном мешке — *вместо*: в холстинном мешке (по АК2)

С. 109, строка 32: А ведь — *вместо*: А вить (по АК2)

С. 110, строка 11: галстух — *вместо*: галстук (по АК2)

С. 110, строка 18: столько хлеба, зерном, мукой — *вместо*: столько хлеба, зерном, мукою (по АК2)

С. 113, строка 24: заклеено бумагой — *вместо*: заклеено бумагою (по АК2)

С. 113, строки 32—33: к сукнам, холстам и домашним матерьям — *вместо*: к сукнам, холстам и домашним материям (по АК2)

С. 114, строка 12: приласкал обоих внучков — *вместо*: приласкал обоих внуков (по АК2)

С. 114, строки 19—20: и тем разительнее бывает оно — *вместо*: и тем поразительнее бывает оно (по АК3)

С. 115, строки 21—22: кухня у меня такая прескверная — *вместо*: кухня у меня низкая, прескверная (по АК2)

С. 115, строка 35: тысяча душ — *вместо*: тысячи душ (по АК2, АК3)

С. 115, строка 35: а подит-ко — *вместо*: а подит-ка (по АК2)

С. 116, строки 34—35: вам-то самим в убыток — *вместо*: вам самим-то в убыток (по АК2, АК3)

С. 116, строка 37: благодетель ты мой — *вместо*: благодетель мой (по АК2)

С. 117, строка 4: так же мгновенно и пропала — *вместо*: так же мгновенно и прошла (по АК2)

С. 117, строки 18—20: Я не знаю, как священники-то не обращают на это внимание; сказал бы какое-нибудь поучение, ведь что ни говори, а против слова-то Божия не устоишь — *вместо* *послецензурного варианта*: Я не знаю, как никто другой не обратит на это вниманье. Ну сказал бы ему как-нибудь душеспасительное слово! Ведь словом хоть кого проймешь. Кто что ни говори, а против душеспасительного слова не устоишь (по АК2, АК3, АК4 — *подробнее см. в своде вариантов*)

С. 118, строка 2: Если бы кто взглянул на это из окошка — *вместо*: Если бы кто взглянул из окошка (по АК2)

С. 118, строка 4: такие высокие скачки — *вместо*: такие скачки (по АК2)

С. 118, строки 22–23: убрался вместе со своими сапогами — *вместо*: убрался вместе с своими сапогами (по АК2)

С. 118, строка 28: И потому — *вместо*: А потому (по АК2, АК3)

С. 119, строка 8: он и не ест — *вместо*: он не ест (по АК2)

С. 119, строка 29: Ах, батюшки! — *вместо*: Ах, батюшка! (по АК2)

С. 119, строка 29: вскрикнул — *вместо*: вскричал (по АК2)

С. 120, строка 7: четверка — *вместо*: четвертка (по АК2)

С. 120, строка 25: четверки — *вместо*: четвертки (по АК2)

С. 120, строка 34: чего ж ты — *вместо*: что ж ты (по АК2)

С. 120, строка 38: принеси-ка — *вместо*: принеси-ко (по АК2, АК3)

С. 121, строка 30: что год, то бегут — *вместо*: что год, то бегают (по АК2)

С. 122, строка 8: уж дали бы — *вместо*: уже дали бы (по АК2)

С. 122, строка 20: хоть по две копейки — *вместо*: хоть по две копейки (по АК2)

С. 124, строки 23–24: щеголять пред ним — *вместо*: щеголять перед ним (по АК2)

⟨Глава VII⟩

С. 126, строка 29, восстановлены слова, вычеркнутые цензором: он Бог (по АК2, АК3, АК4)

С. 128, строка 29: и через то — *вместо*: и чрез то (по АК2, АК3)

С. 128, строки 36–37: к другому приписано «дело смылит и хмельного не берет» — *вместо*: к другому приписано было «смылит и хмельного не берет» (по АК2, АК3, АК4)

С. 129, строка 11: Пробка Степан — *вместо*: Коробка Степан (обоснование см. с. 541 наст. изд.)

С. 129, строка 16: и государственную зашивал — *вместо цензурного варианта*: и ассигнацию зашивал (по АК2, АК3, АК4)

С. 129, строки 18–19: под церковный купол, а может быть, и на крест потащился — *вместо цензурного варианта*: на колокольню (по АК2, АК3, АК4)

С. 129, строка 26: бил по спине ремнем — *вместо*: бил ремнем по спине (по АК2)

С. 130, строки 5–6: рогоженную кибитку — *вместо*: рогожную кибитку (по АК2)

С. 130, строка 11: может быть, и сам — *вместо*: может, и сам (по АК2)

С. 130, строки 27: Такого-то и такого помещика — *вместо*: Такого-то и такого-то помещика (по АК2)

- С. 130, строка 33: с прибавкой — вместо: с прибавкою (по АК2)
- С. 131, строка 26: когда заслышит об разгуле широкой жизни — вместо: когда замыслит об разгуле широкой жизни (по АК2, АК3)
- С. 131, строка 32: зацепляя крючком — вместо: нацепляя крючком (по АК2)
- С. 132, строка 20: столкнулся с господином тоже в медведях — вместо: столкнулся тоже с господином в медведях (по АК2)
- С. 132, строка 33: и связанную розовой ленточкой — вместо: и связанную розовую ленточкой (по АК3)
- С. 133, строка 8: взялись под руки — вместо: взялись под руку (по АК2)
- С. 133, строки 12–13: не знал, как благодарить — вместо: не зная, как благодарить (по АК2, АК3)
- С. 133, строка 18: огромностью — вместо: огромностию (по АК2)
- С. 133, строка 23: иногда высовывались — вместо: высовывались (по АК2)
- С. 135, строки 15–16: это был человек уже благоразумных лет — вместо: это был уже человек благоразумных лет (по АК2, АК3)
- С. 135, строка 29: от других — вместо: а от других (по АК2)
- С. 136, строки 10–11: один из священнодействующих, тут же находившихся — вместо цензурного варианта: один из тут же находившихся (по АК2, АК3, АК4)
- С. 136, строки 12–13: за что и получил в свое время — вместо цензурного варианта (получивший за службу в свое время), видоизмененного в МД1: получивший за ту службу в свое время (по АК2, АК3, АК4)
- С. 137, строка 2: тоже крепкий — вместо: также крепкий (по АК2)
- С. 137, строки 36–37: Иван Антоныч — вместо: Иван Антонович (по АК2)
- С. 138, строки 1, 3: Иван Антоныч — вместо: Иван Антонович (по АК2)
- С. 138, строка 3: все эти крепости — вместо: все эти крепости их
- С. 139, строки 4–5: Иван Григорьич — вместо: Иван Григорьевич (по АК2)
- С. 139, строка 26: Павел Иваныч — вместо: Павел Иванович (по АК2)
- С. 140, строка 11: Иван Антоныч — вместо: Иван Антонович (по АК2)
- С. 140, строка 28: он у нас чудотворец — вместо цензурного варианта: он у нас чудный человек (по АК2, АК3, АК4)
- С. 140, строка 29: мимо рыбного ряда или винного погреба — вместо: мимо рыбного ряда или погреба (по АК2, АК3)

С. 140, строка 30: знаете, как закусим — вместо: знаете ли, как закусим (по АК2)

С. 141, строка 11: был чудотворец — вместо цензурного варианта: был чудный человек (по АК2, АК3, АК4)

С. 141, строка 20: 9-пудового осетра — вместо: 9-ти-пудового осетра (по АК2)

С. 141, строки 27—28: вдвое более — вместо: вдвое больше (по АК2)

С. 142, строка 10: уже давно начинал — вместо: давно начинал (по АК2)

С. 142, строка 11: куды — вместо: куда (по АК2, АК3)

С. 142, строка 12: лежавшего в сторонке — вместо: лежавшего в стороне (по АК2)

С. 142, строка 24: всего оставался один только хвост — вместо: оставался всего один хвост (по АК2)

С. 143, строка 24: улучшеньях — вместо: улучшениях (по АК2)

С. 143, строка 31: правил только одной рукой — вместо: правил одной только рукой (по АК2)

〈Глава VIII〉

С. 145, строки 8—9: это бы: еще ничего, Степан Дмитриевич — вместо: это бы ничего, Степан Дмитриевич (по АК2)

С. 145, строка 19: ты не спросил, каков еще мужик — вместо: Ты не спросил еще, каков мужик (по АК2)

С. 145, строка 22: поведенья — вместо: поведения (по АК2)

С. 146, строка 5: чтоб они — вместо: чтобы они (по АК2)

С. 146, строка 13: хоть сколько-нибудь — вместо: хотя сколько-нибудь (по АК2)

С. 146, строка 31: уж чересчур — вместо: уже чересчур (по АК2)

С. 146, строки 31: побуждаемые участием — вместо: побеждаемые участием (по АК2, АК3)

С. 146, строка 40: сообщали — вместо: сообщили (по АК2, АК3)

С. 147, строки 34—35: подмаргиваньем, прищуриваньем — вместо: подмаргиванием, прищуриванием (по АК2, АК3)

С. 148, строки 31—32: и особенно наблюсти моду — вместо: а особенно наблюсти моду (по АК2)

С. 149, строка 10: В нравах своих дамы — вместо: В нравах дамы (по АК2)

С. 149, строка 13: между ними — вместо: между ими (по АК2, АК3)

С. 149, строки 20–21: необыкновенной осторожностью — вместо: необыкновенною осторожностью (по АК2)

С. 149, строка 29: нужно было — вместо: было нужно (по АК2)

С. 149, строка 30: зато уж по-французски, там другое дело — вместо: зато уж там, по-французски, другое дело (по АК2)

С. 150, строка 14: толще или тонее — вместо: толще, или полнее (по АК2, АК3)

С. 151, строка 25: приглашение — вместо: приглашенье (по АК2)

С. 152, строка 17: Любезнейший — вместо: Любезный (по АК2)

С. 152, строка 37: те, которые от него подальше и которые, впрочем — вместо: те, которые, впрочем (по АК2, АК3)

С. 152, строка 38: слышали — вместо: услышали (по АК2)

С. 153, строка 16: трудилась — вместо: трудилось (по АК2, АК3, АК4)

С. 153, строки 28–29: галстучек из ленты или шарф легче пирожного — вместо: галстучек из ленты легче пирожного (по АК2)

С. 153, строки 29–30: обнимал и обвивал шею — вместо: обнимал шею (по АК2)

С. 155, строки 35–36: показалась уже чересчур отвратительною подобная наглость — вместо: показалось уже чересчур отвратительною подобная наглость

С. 156, строки 4–5: произнесла ласковым и несколько даже лукавым голосом — вместо: произнесла несколько ласковым и лукавым голосом (по АК2)

С. 156, строка 19: девицу — вместо: девушку (по АК2)

С. 156, строка 20: с тоненькими, стройными чертами — вместо: с тоненькими и стройными чертами (по АК2)

С. 158, строки 27–28: не семенил уже так бойко — вместо: не семенил так бойко (по АК3)

С. 158, строка 29: движеньях — вместо: движениях (по АК2, АК3)

С. 158, строки 31: сомнительно, чтобы: — вместо: сомнительное, чтобы (по АК2)

С. 159, строки 11–12: чем-то вроде — вместо: совершенно чем-то в роде (по АК3)

С. 159, строка 13: тот же час — вместо: тотчас (по АК2)

С. 159, строка 17: в разговоре — вместо: в разговорах (по АК2, АК3)

С. 159, строка 35: Катерина Михаловна — вместо: Катерина Михайловна (по АК2)

С. 160, строка 20: даже некоторое согласие — вместо: даже согласие (по АК2)

С. 160, строки 30–31: готовилась пренеприятнейшая неожиданность — вместо: готовилось пренеприятнейшая неожиданность (по АК3, АК4)

С. 160, строки 33–34: из соседней комнаты — вместо: из последней комнаты (по АК2)

С. 161, строка 3: немилосердно — вместо: немилосердо (по АК2)

С. 162, строка 5: все остановились неволью — вместо: все остановились (по АК2)

С. 162, строки 6–7: Минуты на две настала какая-то непонятная тишина. Чичиков заметил — вместо: Чичиков заметил (по АК2)

С. 162, строка 37: как на Бога — вместо цензурного варианта: как на каменную стену (по АК2, АК3, АК4)

С. 163, строка 5: сами дамы — вместо: сами даже дамы (по АК2)

С. 163, строка 7: уж было — вместо: было уже (по АК2)

С. 163, строка 18: доселе всегда — вместо: даже всегда (по АК2)

С. 163, строки 21–22: несравненно раньше — вместо: несравненно ранее (по АК2)

С. 164, строка 1: переговаривается с другим — вместо: переговаривает с другим (по АК3)

С. 164, строка 3: и направо и налево — вместо: направо и налево (по АК3)

С. 164, строка 34: к самым — вместо: к самим

С. 165, строка 13: одна фризовая шинель — вместо: фризовая шинель (по АК2)

С. 165, строка 35: дребезжание — вместо: дребезжанье (по АК2, АК3)

С. 165, строка 38: Лошади, запряженные в это четвероколесие — вместо: Лошади (по АК2, АК3)

С. 166, строка 12: скоро — вместо: вскоре (по АК2)

⟨Глава IX⟩

С. 167, строка 7: тот же час — вместо: в тот же час (по АК2, АК3)

С. 167, строки 20–21: с белыми деревянными барельефчиками — вместо: с белыми барельефчиками (по АК2)

С. 167, строка 22: пред — вместо: перед (по АК2, АК3)

С. 168, строка 10: это уж и личность — вместо: это уже и личность (по АК2)

С. 168, строка 27: а потому будем — вместо: и потому будем (по АК2)

С. 168, строки 35–36: выбежала в переднюю — вместо: вбежала в переднюю (по АК2)

- С. 168, строка 37: скоро после — вместо: вскоре после (по АК3)
- С. 169, строки 9–10: Я слышу, что кто-то подъехал — вместо: Я слышу, кто-то подъехал (по АК2, АК3)
- С. 169, строка 12: хотела было сказать — вместо: хотела сказать (по АК2)
- С. 169, строка 20: Сестре ее прислали — вместо: Сестре я прислала (по АК2)
- С. 169, строка 24: и через полосочку — вместо: и через полосу (по АК2, АК3)
- С. 169, строка 31: склонная к отрицанию — вместо: склонна к отрицанию (по АК3)
- С. 170, строки 3–4: вот уж когда вы изумитесь — вместо: вот когда вы изумитесь (по АК3)
- С. 170, строки 24–25: Это уж слишком — вместо: Это уже слишком (по АК2)
- С. 170, строка 35: глупый язык свой — вместо: глупый язык (по АК2)
- С. 170, строка 36: Ну что наш прелестник? — вместо: Ну что ж наш прелестник? (по АК2, АК3)
- С. 170, строка 39: Ведь вы не знаете — вместо: Ведь вы знаете (по АК2, АК3)
- С. 171, строка 11: рассказать мне — вместо: рассказать вам (по АК2, АК3)
- С. 172, строка 19: не могу говорить — вместо: не могу и говорить (по АК2)
- С. 172, строка 25: Вот уж — вместо: Вот уже (по АК2)
- С. 173, строка 1: а как вы думаете — вместо: как вы думаете (по АК2)
- С. 173, строка 2: Я, признаюсь, совершенно потрясена. — вместо: Я, признаюсь, совершенно потеряна. (по АК2, АК3)
- С. 173, строки 13–14: стала похожею на легкий пух — вместо: стала похожа на легкий пух (по АК2)
- С. 173, строка 15: собачей и йора-охотник — вместо цензурного варианта: охотник (по АК3, АК4)
- С. 174, строки 1–4: — Знаете, Анна Григорьевна, ведь это просто раздирает сердце, когда видишь, до чего достигла наконец безнравственность. А мужчины от нее без ума. А по мне, так я, признаюсь, ничего не нахожу в ней... — вместо двух реплик:
- Знаете, Анна Григорьевна, ведь это просто раздирает сердце, когда видишь, до чего достигла наконец безнравственность.
- А мужчины от нее без ума. А по мне, так я, признаюсь, ничего не нахожу в ней... (по АК3)
- С. 175, строка 11: Отчего ж — вместо: Отчего же (по АК2)

С. 175, строки 37–38: родного отца готов продать — *вместо*: родного отца хотел продать (по АК2)

С. 176, строка 10: куды ж — *вместо*: куда ж (по АК2, АК3)

С. 176, строка 25: предложили только — *вместо*: предположили только (по АК2, АК3)

С. 177, строка 17: и особенно чиновники — *вместо*: а особенно чиновники (по АК2)

С. 177, строки 23–24: где он, что он — *вместо*: где он (по АК2)

С. 178, строки 24–25: во всех иных положениях — *вместо*: во всех иных положениях (по АК2)

С. 178, строки 36–37: не обратили бы на себя такого внимания — *вместо*: не обратили бы на себя никакого внимания (по АК2)

С. 178, строка 38: ничего того — *вместо*: ничего такого (по АК2, АК3)

С. 179, строка 1: оказались вдруг — *вместо*: оказалось вдруг (по АК2)

С. 179, строка 1: противоположных — *вместо*: противоположных (по АК2, АК3)

С. 179, строка 2: и образовались вдруг две — *вместо*: и образовались вдруг две (по АК2)

С. 179, строка 2: противоположные — *вместо*: противоположные (по АК2)

С. 179, строки 8–9: самый определительный вид — *вместо*: живой, определенный вид (по АК2)

С. 179, строка 12: давно бы отдал — *вместо*: даже бы отдал (по АК2)

С. 179, строка 21: чтоб получить — *вместо*: чтобы получить (по АК2)

С. 182, строки 8–9: каких даже и не было — *вместо*: каких даже не было (по АК2)

С. 183, строки 7–8: было рассужено сначала наедине — *вместо*: было сначала наедине рассужено (по АК2)

С. 183, строки 16–17: чиновники, однако ж, неизвестно почему — *вместо*: чиновники, неизвестно почему (по АК2)

С. 183, строка 35: это как-то темно — *вместо*: это как-то неясно (по АК2)

С. 184, строка 19: он готов ручаться — *вместо*: готов он ручаться (по АК2)

С. 184–185, строки 40–1: никак не вспомнит, не приберет — *вместо*: никогда не вспомнит, не приберет (по АК3)

〈Глава X〉

С. 186, строки 13–14: не потеряли присутствия духа — *вместо*: не теряли присутствия духа (по АК2)

С. 186, строка 21: только разве надуешь — *вместо*: разве только надуешь (по АК2)

С. 187, строка 27: всякого члена — *вместо*: всякого чиновника (по АК2)

С. 188, строки 4–5: в одно слово — *вместо*: в одно время (по АК2)

С. 188, строка 8: вы не знаете, кто таков — *вместо*: вы не знаете, кто такой (по АК2)

С. 188, строки 13–17: плохо верил и даже имел обыкновение приготавливать: «Знаем, батюшка: вы пальцами своими, может быть, невесть в какие места наведываетесь, а табак — вещь, требующая чистоты». — Капитан Копейкин, — повторил он, уже понюхавши табак — *вместо*: плохо верил. — Капитан Копейкин, — сказал почтмейстер, уже понюхавши табак (по АК2, АК3, АК4)

С. 189, строка 12: насчет квартиры — *вместо*: нанять квартиры (по АК2)

С. 189, строки 17–18: из каких-нибудь десяти синюх — *вместо*: из каких-нибудь десяти синюг (по АК2)

С. 189, строка 27: натащил на себя мундиришку — *вместо*: натащил на себя мундиришка (по АК3)

С. 189, строка 29: говорят, указав ему — *вместо*: говорят, указал ему

С. 189, строка 31: стеклышки в окнах — *вместо*: стеклушки в окнах (по АК2)

С. 189, строка 34: драгоценные мраморы — *вместо*: драгоценные мраморы (по АК2, АК3)

С. 189, строки 35–36: забежать прежде — *вместо*: забежать наперед (по АК2)

С. 189, строка 37: потом уже решишься — *вместо*: потом уже решиться (по АК2, АК3)

С. 190, строка 19–20: с высоким постом — *вместо*: с высоким чином (по АК2, АК3)

С. 190, строки 25–26: ваше высокопревосходительство — *вместо*: ваше превосходительство (по АК2, АК3)

С. 191, строка 2: теперь я уж — *вместо*: теперь уж я (по АК2, АК3)

С. 191, строка 14: уж думал — *вместо*: уже думал (по АК2)

С. 191, строка 16: да и время не назначено — *вместо*: да и время назначено

- С. 191, строки 30–31: чистейшее голландское — вместо: голландское (по АК2)
- С. 192, строка 5: со своей деревяшкой — вместо: с своей деревяшкой (по АК2)
- С. 194, строки 21–22, восстановлены слова, вычеркнутые цензором: и тем еще изумительнее, что город был не в глуши, а, напротив, недалеко от обеих столиц (по АК2, АК3, АК4)
- С. 194, строка 23: скоро после — вместо: вскоре после (по АК2, АК3)
- С. 194, строка 30: Почем, батюшка — вместо: Почем, батюшки (по АК2)
- С. 194, строка 30: мерку овса — вместо: меру овса (по АК2)
- С. 194, строка 33: пророка — вместо послецензурного варианта: предвещателя (по АК2, АК3, АК4 — подробнее см. в своде вариантов)
- С. 194, строка 34: пророк — вместо послецензурного варианта: предвещатель (по АК2, АК3, АК4 — подробнее см. в своде вариантов; так и в строке 38)
- С. 195, строка 6: многие открыли даже — вместо: многие даже открыли (по АК2)
- С. 195, строка 12: был, как говорит — вместо: был, как говорится (по АК3)
- С. 195, строка 32: в то время — вместо: в это время (по АК2)
- С. 196, строка 15: противоположность — вместо: противоположность (по АК2)
- С. 197, строки 3–4: находилась та приходская церковь — вместо: находились та приходская церковь (по АК2, АК3, АК4)
- С. 198, строка 3: со своими — вместо: с своими (по АК2)
- С. 198, строки 15–16: мимо девяти других хороших — вместо: мимо девяти хороших (по АК2)
- С. 200, строка 8: пред — вместо: перед (по АК2)
- С. 200, строки 15–16: наговорил ему такую дрянь — вместо: наговорил такую дрянь (по АК2)
- С. 200, строка 17: дорогою изъяснить — вместо: изъяснить дорогою (по АК2, АК3)
- С. 200, строка 18: насчет чего могли относиться слова его — вместо: насчет чего могли относиться слова (по АК2)
- С. 200, строка 19: ничего не мог понять — вместо: но ничего не мог понять (по АК2)
- С. 200, строка 23: усомнился — вместо: усумнился (по АК2)
- С. 200, строка 30: велел себе подать чаю — вместо: велел подать себе чаю (по АК2)
- С. 201, строка 9: этакую — вместо: эдакую (по АК2, АК3)

С. 201, строки 32–33: нарядили тебя и в разбойники — вместо: нарядили тебя в разбойники (по АК2)

С. 201–202, строки 35–1, восстановлены слова, вычеркнутые цензором: чтобы из-за тебя чего-нибудь не вышло; а я насчет генерал-губернатора такого мнения, что если он подымет нос и заважничает, то с дворянством решительно ничего не сделает. Дворянство требует радушия, не правда ли? Конечно, можно запрятаться к себе в кабинет и не дать ни одного бала, да ведь этим что ж? Ведь этим ничего не выиграешь. (по АК2, АК3, АК4)

С. 202, строка 15: дать взаймы три тысячи — вместо: дать три тысячи взаймы (по АК2)

С. 202, строка 24: сбить поскорее с рук Ноздрева — вместо: сбить поскорее Ноздрева (по АК2)

С. 202, строки 30–31: покрывшийся уже порядочно пылью — вместо: покрывшийся уже порядочно пылью (по АК2)

С. 202, строки 38–39: отпечатывая своими толстыми сапогами мокрые следы — вместо: отпечатывая своими мокрыми сапогами следы (по АК2)

С. 202, строка 39: почесывая — вместо: почесывал (по АК2)

⟨Глава XI⟩

С. 204, строка 2: Ничего — вместо: Ничто (по АК2, АК3)

С. 204, строка 18: шибель — вместо: шибень (по АК2, АК3)

С. 205, строки 12–13: выполнять приказание — вместо: выполнить приказание (по АК2, АК3)

С. 206, строка 1: подымающих — вместо: поднимающих (по АК2)

С. 206, строка 2: все еще более — вместо: еще более (по АК2)

С. 206, строка 23: даже надоела читателю — вместо: надоела читателю (по АК2, АК3)

С. 206, строка 31: дома, стены, заборы — вместо: дома, стены, забор (по АК2)

С. 207, строка 16: делали предположения — вместо: и делали предположения (по АК2)

С. 207, строка 28: однако же — вместо: однако ж (по АК2, АК3)

С. 207, строка 30: Бричка между тем поворачивала — вместо: Бричка между тем поворотила (по АК2)

С. 208, строки 7–8: бедно, разбросанно и неприятно в тебе — вместо цензурного варианта: бедна природа в тебе (по АК2)

С. 208, строка 8: дерзкие дива природы — вместо: дерзкие ее дива (см. свод вариантов — с. 240 наст. изд.)

С. 208, строка 14: плющом — вместо: плющами (по АК2)

- С. 208, строка 29: перед твоим пространством — вместо: пред твоим пространством (по АК2)
- С. 209, строка 30: слышишь — вместо: слышится (по АК2, АК3)
- С. 209, строки 36—37: великодушно меня выносила — вместо: меня великодушно выносила (по АК2)
- С. 210, строки 1—2: поглядывал только изредка назад — вместо: поглядывал только назад (по АК2)
- С. 210, строка 6: посматривал покойно — вместо: посматривал только (по АК2)
- С. 210, строки 7—8: когда-нибудь давно, в детстве — вместо: давно в детстве (по АК2)
- С. 210, строка 13: тысяча тех мелочей — вместо: тысячи тех мелочей (по АК2)
- С. 210, строка 29: одаренный божескими доблестями — вместо цензурного варианта: одаренный божественными доблестями (по АК2, АК3, АК4)
- С. 210, строки 31—32: стремленья и самоотверженья — вместо: стремления и самоотвержения (по АК2)
- С. 210, строка 33: перед — вместо: пред (по АК2)
- С. 211, строки 3—4: обратили в рабочую лошадь — вместо: обратили в лошадь (по АК2)
- С. 211, строка 5: чем попало — вместо: чем ни попало (по АК2)
- С. 211, строка 7: и остались — вместо: а остались (по АК2, АК3)
- С. 211, строка 10: и подлеца. Итак, припряжем подлеца. — вместо послецензурного варианта: и плутоватого. Итак, припряжем его, плутоватого человека! (по АК2, АК3, АК4 — подробнее см. в своде вариантов)
- С. 211, строка 11: происхождение — вместо: происхождение (по ЧА6)
- С. 211, строка 13: близкая родственница — вместо: родственница (по ЧА6)
- С. 211, строка 24: беспрестанно вздыхавший — вместо: беспрестанно вздыхавший (по ЧА6, АК3)
- С. 212, строка 40: опрятностью — вместо: опрятностию (по ЧА6)
- С. 213, строка 15: соображаясь — вместо: соображаяся (по ЧА6)
- С. 213, строка 15: провозился он — вместо: он провозился (по ЧА6)
- С. 213, строка 23: поведенья — вместо: поведения (по ЧА6)
- С. 213, строка 25: который уже попал — вместо: который попал (по ЧА6)
- С. 213, строки 26—27: только пошевелиться — вместо: только пошевелиться (по ЧА6)
- С. 213, строка 33: дарованье — вместо: дарования (по ЧА6)

- С. 214, строка 10: пребывания — вместо: пребывания (по ЧА6)
- С. 214, строки 23—24: поведенья — вместо: поведения (по ЧА6)
- С. 215, строка 23: службой — вместо: службою (по ЧА6)
- С. 215, строка 32: невзрачностью и неблагообразьем — вместо: невзрачностью и неблагообразием (по ЧА6)
- С. 215, строки 39—40: уже, как говорится, нализавшись — вместо: как говорится, нализавшись (по АКЗ)
- С. 216, строка 13: дикому, искаженному веселью — вместо: дикому веселью (по ЧА6)
- С. 217, строка 13: приглашал к себе на чай — вместо: приглашал его на чай (по ЧА6)
- С. 217, строка 18: С этих пор все пошло легче и успешнее. — вместо: С этих пор пошло легче и успешнее. (по ЧА6)
- С. 217, строка 24: преследованья — вместо: преследования (по ЧА6)
- С. 217, строки 30—31: с улыбкою — вместо: с улыбкой (по ЧА6)
- С. 218, строка 3: движеньями — вместо: движениями (по ЧА6)
- С. 218, строка 12: остальное пойдет по начальству — вместо: остальное пойдет к начальству (по ЧА6, АКЗ)
- С. 218, строки 13—14: новый порядок вещей, преследование взятков — вместо цензурного варианта: новые обычаи (по ЧА6, АКЗ, АК4)
- С. 218, строка 31: семействами — вместо: семейством (по ЧА6)
- С. 218, строка 34: вовсе не был чужд — вместо: всегда не был чужд (по ЧА6)
- С. 218, строка 40: с искрой — вместо: с искрою (по ЧА6)
- С. 219, строка 20: генерал — вместо цензурного варианта: новый правдивый начальник (по ЧА6, АКЗ, АК4)
- С. 219, строки 32—33: генеральский секретарь — вместо цензурного варианта: секретарь (по ЧА6, АКЗ, АК4)
- С. 219, строка 34: Генерал — вместо цензурного варианта: Начальник (по ЧА6, АКЗ, АК4)
- С. 219, строка 35: хоть и водили за нос — вместо: хотя и водили за нос (по ЧА6, АКЗ)
- С. 220, строка 2: к счастью — вместо: к счастью (по ЧА6)
- С. 220, строка 15: не позволял себе — вместо: не позволял он себе (по ЧА6)
- С. 220, строка 16: оскорблялся — вместо: оскорблялся всегда (по ЧА6)
- С. 220, строка 28: при заключенье — вместо: при заключении (по ЧА6)
- С. 220, строки 36—37: заграничными щегольскими вещами — вместо: щегольскими заграничными вещами (по ЧА6)

- С. 221, строка 16: не мерил — вместо: не мерял (по АК2, ЧА6, АК3)
- С. 221, строка 21: столько терпенья — вместо: столько терпения (по ЧА6, АК3)
- С. 221, строка 25: не изменяясь нимало — вместо: не изменяясь (по АК2, ЧА6)
- С. 221, строка 30: немного пораспорю — вместо: немного распорю (по ЧА6, АК3)
- С. 222, строка 19: распоряженье — вместо: распоряжение (по ЧА6)
- С. 222, строка 22: в двадцать лет самой ревностной службы — вместо цензурного варианта: в двадцать лет (по АК2, ЧА6, АК3, АК4)
- С. 222, строка 24: как простая пешка — вместо: как простой пешкой (по ЧА6)
- С. 222, строка 30: без всякого сомнения — вместо: без сомнения (по АК2, ЧА6)
- С. 222, строка 31: историю об остроумном путешествии — вместо цензурного варианта: давнишнюю историю об остроумном путешествии (по ЧА6, АК3, АК4)
- С. 222, строка 35: в сем предприятии — вместо: в этом предприятии (по АК2, ЧА6)
- С. 222, строка 36: подобное дело — вместо: подобного дела (по ЧА6, АК3)
- С. 223, строки 9, 11: вот, мол — вместо: вот, мал (по ЧА6)
- С. 223, строка 11: названье — вместо: название (по ЧА6)
- С. 223, строка 11: выраженье — вместо: выражение (по АК2, ЧА6, АК3)
- С. 223, строки 16–17: оба чиновника — вместо: оба чиновники
- С. 223, строка 21: хотя и сам пропал — вместо: хоть и сам пропал (по ЧА6)
- С. 223, строка 25: по русскому обычаю, с горя запил — вместо послецензурного варианта: не устоял против судьбы и где-то погиб в глуши (по АК2, ЧА6, АК3, АК4 — подробнее см. в своде вариантов)
- С. 223, строки 35–36: тысячонок десять — вместо: тысячонок десяток (по АК2, ЧА6)
- С. 224, строка 6: уездного городишки — вместо: уездного городишка (по АК2, ЧА6)
- С. 224, строка 12: неодолимой силе — вместо: непреодолимой силе (по ЧА6)
- С. 224, строка 18: перед — вместо: пред (по АК2, ЧА6)
- С. 224, строка 21: чтобы — вместо: чтоб (по ЧА6, АК3)
- С. 224, строки 22–23: и в рассужденьях его — вместо: и в рассуждении его (по ЧА6)

- С. 224, строка 31: угрызенья — *вместо*: угрызения (по ЧА6)
- С. 224, строка 40: масло ли стоит, свечи ли, сало — *вместо*: мыло ли стоит, свечи ли, сало (по АК2, ЧА6, АК3)
- С. 225, строка 6: в ожиданье — *вместо*: в ожидании (по ЧА6)
- С. 225, строка 7: званьем — *вместо*: званием (по ЧА6, АК3 — дважды)
- С. 225, строка 8: не приобретшим у нас гражданства — *вместо*: не приобретшим у нас гражданства (по ЧА6)
- С. 225, строка 20: остававшееся имение — *вместо*: оставшееся имение (по ЧА6)
- С. 225, строка 21: не без страху — *вместо*: не без страха (по АК2, ЧА6)
- С. 225, строка 30: чего ж вы — *вместо*: чего же вы (по АК2, ЧА6)
- С. 226, строка 1: именья — *вместо*: имения (по ЧА6)
- С. 226, строка 7: чтобы не вывести из этого историю — *вместо*: чтобы не вывести из этого истории (по АК3)
- С. 226, строки 8–9: покажется совсем невероятным — *вместо*: покажется всем невероятным (АК3)
- С. 226, строка 11: земли в Херсонской и Таврической губернии — *вместо*: земли в Таврической и Херсонской губерниях (по АК2, ЧА6)
- С. 226, строка 16: подписаньем — *вместо*: подписанием (по ЧА6)
- С. 226, строки 21–22: не приди в голову Чичикову — *вместо*: не приди в голову Чичикова (по АК2, ЧА6)
- С. 226, строки 27–28: и прочего и прочего — *вместо*: и прочего, прочего (по ЧА6, АК3, АК4)
- С. 226, строки 28–29: закупить потребного народу — *вместо*: закупить потребного народа (по АК2, ЧА6)
- С. 226, строка 31: затрудненьями — *вместо*: затруднениями (по ЧА6)
- С. 226, строка 37: если уж точно — *вместо*: если точно (по ЧА6)
- С. 226, строка 37: падет обвиненье — *вместо*: падет обвинение (по ЧА6)
- С. 227, строка 15: поименно — *вместо*: поимянно (по АК2, ЧА6)
- С. 228, строка 1: низкие и прекрасные, все вначале покорны человеку — *вместо*: низкие и прекрасные вначале, покорны человеку (по ЧА6)
- С. 228, строка 9: Великое земное поприще — *вместо*: Земное великое поприще (по ЧА6)
- С. 228, строка 15: перед мудростью небес — *вместо*: пред мудростью небес (по ЧА6)
- С. 228, строка 26: перед — *вместо*: пред (по ЧА6)

- С. 228, строки 37–38: которые поправили бы сколько-нибудь дело — *вместо*: которые бы поправили сколько-нибудь дело (по ЧА6)
- С. 229, строка 23: Почему ж — *вместо*: Почему же (по ЧА6)
- С. 229, строка 31: волдырь выскочит на чьем-нибудь носу — *вместо*: волдырь вскочит на чьем-нибудь носу (по ЧА6, АК3)
- С. 229, строка 37: что это у тебя — *вместо*: что у тебя (по ЧА6)
- С. 229, строка 40: да и меня ж — *вместо*: да и меня же (по АК3)
- С. 230, строка 30: гордостью — *вместо*: гордостию (по АК2, ЧА6)

* * *

Первое упоминание о «Мертвых душах» содержится в письме Гоголя Пушкину от 7 октября 1835 г. (из Петербурга в Михайловское): «Начал писать Мертвых душ. Сюжет растянулся на предлинный роман и, кажется, будет сильно смешон. Но теперь остановил его на третьей главе. Ищу хорошего ябедника, с которым бы можно коротко сойтись. Мне хочется в этом романе показать хотя с одного боку всю Русь».

О ходе работы над МД Пушкин, вероятно, узнал первым — по праву человека, не только уговорившего Гоголя приступить к большому сочинению, но и уступившего сам сюжет его. Обстоятельства, сопутствовавшие этому, наиболее подробно описаны Гоголем в «Авторской исповеди»: «...Пушкин заставил меня взглянуть на дело сурьезно. Он уже давно склонял меня приняться за большое сочинение и наконец, один раз, после того, как я ему прочел одно небольшое изображение небольшой сцены, но которое, однако ж, поразило его больше всего мной прежде читанного, он мне сказал: “Как с этой способностью угадывать человека и несколькими чертами выставлять его вдруг всего, как живого, с этой способностью, не приняться за большое сочинение! Это, просто, грех!” Вслед за этим начал он представлять мне слабое мое сложение, мои недуги, которые могут прекратить мою жизнь рано; привел мне в пример Сервантеса, который, хотя и написал несколько очень замечательных и хороших повестей, но, если бы не принял за Донкишота, никогда бы не занял того места, которое занимает теперь между писателями, и, в заключение всего, отдал мне свой собственный сюжет, из которого он хотел сделать сам что-то в роде поэмы и которого, по словам его, он бы не отдал другому никому. Это был сюжет Мертвых душ. (...) Пушкин находил, что сюжет “М(ертвых) д(уш)” хорош для меня тем, что дает полную свободу изъездить вместе с героем всю Россию и вывести множество самых разнообразных характеров». О принадлежности Пушкину замысла МД Гоголь трижды свидетельствует в письмах, написанных по получении известия о гибели поэта (подробнее см. ниже).

Написанные начерно первые главы МД были Пушкину прочитаны (дата чтения неизвестна). Об этом впоследствии напишет сам Гоголь в

«Выбранных местах из переписки с друзьями» (глава XVIII — «Четыре письма к разным лицам по поводу “Мертвых душ”», письмо третье), сообщая при этом важные и уникальные подробности, касающиеся природы этих самых ранних и, по-видимому, утраченных черновиков: «Если бы кто увидал те чудовища, которые выходили из-под пера моего вначале для меня самого, он бы, точно, содрогнулся. Довольно сказать (...) только то, что когда я начал читать Пушкину первые главы из М(ертвых) д(уш), в том виде, как они были прежде, то Пушкин, который всегда смеялся при моем чтении (он же был охотник до смеха), начал понемногу становиться все сумрачней, сумрачней, а наконец сделался совершенно мрачен. Когда же чтение кончилось, он произнес голосом тоски: “Боже, как грустна наша Россия!”». О знакомстве Пушкина с черновиками первых глав МД говорится и в воспоминаниях С.Т. Аксакова: «...Пушкин погиб, зная только наброски первых глав “Мертвых душ”» (Аксаков 1960. С. 31). Дополнительный источник, подтверждающий факт авторского чтения первоначальных черновиков МД Пушкину, — воспоминания родной сестры Пушкина, О.С. Павлищевой (записаны с ее слов сыном, Л.Н. Павлищевым): «Чтение самим Гоголем первых глав его «Мертвых Душ» Пушкину не только примирило великого поэта с похитителем его идеи, но заставило еще более прежнего поощрять Николая Васильевича к его литературным трудам» (Александр Сергеевич Пушкин. 1799—1837 // РС. 1880. Май. С. 80; без подписи). Еще одно, правда, не столь определенное свидетельство, — рассказ слуги Гоголя, Я. Нимченко, переданный Г.П. Данилевским: «Накануне его (Гоголя. — Ред.) отъезда (в 1836 году за границу. — Ред.), по словам Якима, Пушкин просидел у него всю ночь напролет, читая ему свои произведения и слушая отрывки из сочинений Гоголя. Это было последнее свидание» (Данилевский Г. Хуторок близ Диканьки // МВед. 1852. 14 октября. № 124. С. 1279). Несмотря на ряд допущенных неточностей (Гоголь, как известно из сохранившихся документальных источников, накануне отъезда из России с Пушкиным не виделся), все-таки сама встреча Пушкина с Гоголем (последняя или одна из последних), наверное, описана достаточно точно. В этом случае чтение черновых глав МД Пушкину (в числе «отрывков из сочинений») более чем вероятно (подробнее см.: Манн 1987. С. 21—22) П.В. Нащокин подвергал сомнению факт знакомства Пушкина с «Мертвыми душами»: «Нащокин никак не может согласиться, чтобы Гоголь читал Пушкину свои “Мертвые души”. Он говорит, что Пушкин всегда рассказывал ему о всяком замечательном произведении. О Мертвых же душах не говорил» (Из воспоминаний П.И. Бартенева (со слов П.В. Нащокина) // Н.В. Гоголь в письмах и воспоминаниях / Сост. В. Гиппиус. М., 1931. С. 120). Причиной этого умолчания скорее всего послужило нежелание Гоголя (о чем, конечно, скорее всего знал Пушкин) расширять круг лиц,

посвященных в его новый художественный замысел (подробнее см.: Манн 1987. С. 22–23). О чтении Гоголем Пушкину черновых глав МД (равно как и о самом факте передачи сюжета МД Пушкиным Гоголю) см. также в «Записках» А.О. Смирновой, источнике, авторитетность которого традиционно подвергается сомнению — в связи с отсутствием подлинника, наличием различного рода текстологических противоречий и т.д. (Записки А.О. Смирновой. (Неизданные исторические документы.) Из записных книжек... // Северный вестник. 1893. № 3. С. 141; 1894. № 6. С. 200; о проблеме подлинности записок см.: Смирнова-Россет 1989. С. 620–631).

Продитированное письмо Гоголя Пушкину от 7 октября 1835 г., в котором впервые говорится о природе первоначального замысла и ходе его исполнения («остановил (...) на третьей главе»), — единственный прямой источник датировки начала работы над МД.

Другие известные к настоящему времени источники носят не столь определенный характер. Среди них — письмо Гоголя В.А. Жуковскому от 15 июля 1835 г. из Полтавы, в котором, в частности, сообщается: «Сюжетов и планов нагромоздилось во время езды ужасное множество, так что если бы не жаркое лето, то много бы изошло теперь у меня бумаги и перьев. Но жар вдыхает страшную лень, и только десятая доля положена на бумагу и жаждет быть прочтенною Вам. Через месяц я буду сам звонить колокольчик у ваших дверей, крехтя от дюжей тетради». Очевидно, что толкование этих строк может быть различным. Так, В.И. Шенрок считал, что они не говорят об «исключительном погружении в один обширный сюжет», т.е. в сюжет МД (Тих. Т. 7. С. 486). В комментарии к одному из последних изданий переписки Гоголя допускается связь приведенных строк с замыслом МД (Гоголь. Переписка. Т. 1. С. 153). При всех условиях очевидно, что к работе над МД Гоголь в середине июля 1835 г. еще не приступил — в противном случае он скорее всего информировал бы Жуковского более подробно (как обычно делал впоследствии).

Пытаясь обосновать датировку начала работы над МД, Шенрок опирался и на другое соображение, которое считал еще более важным. Оно было связано с осуществленной Н.С. Тихонравовым публикацией «Петербургских записок 1836 года» Гоголя (Тих. Т. 5. С. 508–521). Здесь, в редакционных примечаниях, впервые отмечалось, что «в первоначальном наброске эта статья имела вид дорожных размышлений путешественника» (там же, с. 654). Развивая тезис Тихонравова и анализируя приведенную им черновую редакцию начала статьи (там же, с. 654–655), Шенрок указал на дополнительные признаки принадлежности этого текста к жанру путевых записок и обратил внимание на дословные совпадения приведенного Тихонравовым черновика и второй главы первой черновой редакции МД: «...и пошли писать по обоим сто-

ронам дороги кочки, обгорелые пни сосен, молодой ельник...»; «Бог с ними, с этими видами! На Руси их так много, что уж даже слишком» («Петербургские записки 1836 года» — там же; Ак. Т. VIII. С. 550) — «...как пошла писать, по нашему, русскому обычаю, чушь и дичь по обеим сторонам дороги; кочки, ельник, низенькие, жидкие кусты молодых сосен...»; «Виды известные. На все это Чичиков не глядел вовсе: во-первых, потому, что таких видов на Руси не наберешься...» («Мертвые души» — Тих. Т. 7. С. 487). На основании этих сопоставлений Шенрок сделал вывод, что одним из источников МД послужили путевые записки, которые Гоголь вел летом 1835 г. (там же).

Отмеченные Шенроком совпадения, при всей их важности для творческой истории МД, все-таки не дают оснований для уточнения датировки. Существенно тем не менее, что они не противоречат единственной имеющейся в распоряжении исследователей дате (7 октября 1835 г. — в этот день Гоголем было написано упомянутое выше письмо Пушкину), а лишь подтверждают, что работа над МД могла начаться незадолго до этого времени.

Опираясь главным образом на это письмо, исследователи датируют начало работы над МД весьма неопределенно: середина 1835 г. (*Машинский С.* «Мертвые души» Н.В. Гоголя. М., 1966. С. 19); осень 1835 г. (*Марковский 1902.* С. 146; Ак. Т. VI. С. 882); вторая половина 1835 г. — Н.С. Тихонравов (*Гоголь Н.В.* Соч. Т. 4. СПб., 1893. С. 606), а вслед за ним Шенрок (*Тих. Т. 7.* С. 485—486); 1835 г. (*Смирнова-Чикина 1974.* С. 7; К.И. Халабаев и Б.М. Эйхенбаум — ХЭ. С. 395; *Смирнова Е.А.* 1987. С. 18). В монографии Г.П. Макогоненко начало работы над МД приурочено (без достаточных оснований) к более раннему времени. Исследователь считает, что «сюжет» МД был передан Пушкиным Гоголю в конце 1833 г. или в начале 1834 г. — завершив «Миргород» и «Арабески», Гоголь «немедленно принялся за написание “Мертвых душ”» (*Макогоненко Г.П.* Гоголь и Пушкин. Л., 1985. С. 209—210).

Уточнению датировки препятствует еще одна неясность: неизвестно, при каких обстоятельствах и когда именно Пушкин передал Гоголю сюжет МД. Во всяком случае это могло произойти либо до отъезда Гоголя из Санкт-Петербурга (выехал 1 мая 1835 г.), либо по возвращении (вернулся 1 сентября 1835 г.), но не позднее 6 сентября 1835 г., так как 7 сентября Пушкин уже уехал в Михайловское (впервые отмечено В.В. Гиппиусом — см.: *Гиппиус 1931.* С. 99; см. также: *Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: В 4 т. / Сост. Н.А. Тархова. Т. 4. М., 1999.* С. 340). Вероятность встречи Гоголя с Пушкиным в первую неделю сентября 1835 г. допускается многими исследователями (*Гиппиус 1931.* С. 99; *Манн 1987.* С. 10). Основные доказательства в пользу такой версии содержатся все в том же письме Гоголя Пушкину от 7 октября

1835 г.: об этой встрече говорят и расспросы о первой редакции «Женитьбы» (как о рукописи, врученной Пушкину незадолго до отъезда, а не четыре месяца тому назад), и сообщение о МД — без предварительных разъяснений, как будто бы в продолжение недавно состоявшегося разговора (на последнее обстоятельство также впервые обратил внимание В.В. Гиппиус — *Гиппиус 1931. С. 99*). При этом допущении становятся понятными слова «Начал писать...» — не «пишу», не «продолжаю писать», а именно «начал». Конечно, вовсе не исключено, что сюжет МД мог быть передан Гоголю раньше, скажем, весной 1835 г., до его отъезда из Санкт-Петербурга. Но и это предположение не нарушает логики наших рассуждений: очевидно, что если бы работа над МД была начата до сентября 1835 г., то Гоголь говорил бы об этом с Пушкиным при встрече, а не писал бы спустя месяц как о новости. Принимая во внимание все эти обстоятельства и учитывая обычную для Гоголя интенсивность первоначальной реализации художественных замыслов, можно предположить, что к МД он приступил по возвращении в Санкт-Петербург, после встречи с Пушкиным, т.е. в сентябре 1835 г.

Самые ранние рукописи МД, которые и могли быть прочитаны Пушкину, не сохранились. Поэтому судить о характере первоначального замысла можно только на основании уже процитированного свидетельства самого Гоголя — в письме Пушкину от 7 октября 1835 г. Помимо названия (сразу сложилось в окончательном виде) и жанровой природы МД (они пока видятся Гоголю романом), здесь определен их объем («предлинный»), оговорена некоторая односторонность изображения («с одного боку»), обозначен дух повествования («сильно смешон»). Правда, в восприятии Пушкина, под влиянием вышедших из-под пера Гоголя «чудищ» (по его собственному признанию в процитированной выше «Авторской исповеди»), этот смех уже перерастает в грусть. Развитие сюжета МД Гоголь первоначально представлял себе несколько иначе — во всяком случае для третьей главы он интересовался (в упомянутом письме Пушкину) фигурой ябедника. В последующих редакциях, ни в главе III, ни в других, такого персонажа нет (подробнее см.: *Манн 1987. С. 9–10*).

Судя по всему, уже в октябре 1835 г. (вероятно, на той самой главе III, которая упомянута в письме Гоголя Пушкину от 7 октября 1835 г.) работа над МД была приостановлена, так как с этого времени все силы Гоголя были обращены к «Ревизору», замысел которого также восходит к пушкинской подсказке — в ответ на просьбу в вышеупомянутом письме (подробнее см.: *Наст. изд. Т. 4. С. 553–554*). Работа над комедией, цензурные проблемы, связанные с ее постановкой и изданием, премьерные хлопоты — все это надолго отвлекло Гоголя от МД. Но даже после отъезда из Петербурга (6 июня 1836 г.), удрученный не слишком благосклонным приемом комедии в столице, он долго не возвращался к нача-

тому труду. Лишь 10(22) сентября 1836 г. Гоголь сообщает М.П. Погодину из Женевы о своем намерении перечитать всего Вальтера Скотта, а там, может быть, приняться за перо. Писать Гоголь начал, вероятно, в конце сентября — начале октября 1836 г., поселившись в Веве, — 11(23) октября 1836 г. он впервые упоминает о возобновлении работы над МД в письме А.С. Данилевскому из Лозанны: «Я даже сделался более русским, чем французом, в Веве, и это всё произошло оттого, что я начал здесь писать и продолжал моих “Мертвых душ”, которых было оставил».

Возвращение к работе после большого перерыва (ровно через год) послужило началом нового этапа в работе над МД, особенности которого были четко обозначены в очень подробном и откровенном письме В.А. Жуковскому от 31 октября (12 ноября) 1836 г. из Парижа. Прежде всего Гоголь сообщил о пересмотре написанного, о том, что у него сложился план МД: «Осень в Веве наконец настала прекрасная, почти лето. У меня в комнате сделалось тепло, и я принялся за Мертвых душ, которых было начал в Петербурге. Всё начатое переделал я вновь, обдумал более весь план и теперь веду его спокойно, как летопись». Письмо говорит и об изменении ракурса изображения: если 7 октября 1835 г. Гоголь сообщает Пушкину о своем стремлении показать всю Русь «хотя с одного боку», то Жуковскому спустя год пишет уже о многосторонности замысла: «Какая разнообразная куча! Вся Русь явится в нем!»; «Хотелось бы мне страшно вычерпать этот сюжет со всех сторон». Меняется представление Гоголя о жанровой природе задуманного сочинения: от длинного романа с «сильно смешным» сюжетом (в письме Пушкину от 7 октября 1835 г.) к «поэме», с сюжетом «огромным», «оригинальным». Здесь впервые появляется новое и окончательное, вплоть до издания книги, жанровое определение МД: «поэма» (через две недели, в письме М.П. Погодину от 16(28) ноября из Парижа, Гоголь вновь заговорит о своеобразии жанра своего сочинения, но уже более подробно — см. ниже). Смех от написанных страниц (в Веве по три в день) по-прежнему веселит Гоголя, «успокаивая» его «одинокий день», но осмысление самой природы МД и авторской миссии существенно меняется: «Огромно велико мое творение, и не скоро конец его»; «Это будет первая моя порядочная вещь, вещь, которая вынесет мое имя»; «Кто-то незримый пишет передо мною могущественным жезлом». Гоголь уже предвидит (вероятно, не без влияния опыта «Ревизора») возможную негативную реакцию читателей («Еще восстанут против меня новые сословия и много разных господ; но что ж мне делать! Уже судьба моя враждовать с моими земляками. Терпенье!») и возлагает все упования на суд потомков: «Знаю, что мое имя после меня будет счастливее меня, и потомки тех же земляков моих, может быть, с глазами влажными от слез, произнесут примирение моей тени» (вышеупомянутое письмо Жуковскому).

Судя по всему, именно этот переломный момент в работе над МД Гоголь подробно описывает впоследствии в «Авторской исповеди»: «Я начал было писать, не определивши себе обстоятельного плана, не давши себе отчета, что такое именно должен быть сам герой. Я думал просто, что смешной проект, исполнением которого занят Чичиков, наведет меня сам на разнообразные лица и характеры; что родившаяся во мне самом охота смеяться создаст сама собою множество смешных явлений, которые я намерен был перемешать с трогательными. Но на всяком шагу я был останавливаем вопросами: зачем? к чему это? что должен сказать собою такой-то характер? что должно выразить собою такое-то явление? (...) Не чувствуя существенной надобности в том и другом герое, я не мог почувствовать и любви к делу изобразить его. Напротив, я чувствовал что-то в роде отвращения: всё у меня выходило натянуто, насильно, и даже то, над чем я смеялся, становилось печально.

Я увидел ясно, что больше не могу писать без плана, вполне определенного и ясного, что следует хорошо объяснить прежде самому себе цель сочиненья своего, его существенную полезность и необходимость, вследствие чего сам автор возгорелся бы любовью истинной и сильной к труду своему, которая животворит всё и без которой не идет работа».

Таким образом, с конца октября 1836 г. Гоголь трудился над МД уже в Париже: «Мне даже смешно, — признавался он, — как подумаю, что я пишу Мертвых душ в Париже» (в том же письме Жуковскому).

Работа двигалась успешно: «Мертвые текут живо, свежее и бодрее, чем в Веве, и мне совершенно кажется, как будто я в России: передо мною все наши, наши помещики, наши чиновники, наши офицеры, наши мужики, наши избы, словом вся православная Русь»; «...теперь я погружен весь в Мертвые души» (там же). Гоголь сообщает о своем намерении остаться в Париже на всю зиму, а в начале февраля отправиться в Италию: «...и души потекут тоже за мною» (там же). Уже в этих строчках заметно особое, глубинное срастание автора с собственными героями, своего рода одушевление замысла. Характерно, что и само название Гоголь, как правило, склоняет как существительное одушевленное («Начал писать Мертвых душ» — письмо Пушкину 7 октября 1835 г.; «принялся за Мертвых душ» — упомянутое письмо Жуковскому и т.д.).

Письмо Жуковскому открывает череду просьб Гоголя о доставлении материалов, необходимых для работы над МД: «Не представится ли вам каких-нибудь казусов, могущих случиться при покупке мертвых душ? Это была бы для меня славная вещь потому, как бы то ни было, но ваше воображение, верно, увидит такое, что не увидит мое. Сообщите об этом Пушкину, авось либо и он найдет что-нибудь с своей стороны». Подобные просьбы содержатся в письмах Гоголя к Н.Я. Прокоповичу: от 13(25) января 1837 г. из Парижа (с надеждой на содействие П.В. Анненкова: «Ему есть о чем писать. Верно, в канцелярии случился какой-

нибудь анекдот»); от 22 мая (3 июня) 1837 г. из Рима; от 21 октября (2 ноября) 1837 г. из Рима (здесь он просит обратиться к бывшему соученику по Нежинской гимназии И.Г. Пашенко — «Он может похитить из своей юстиции», и снова к П.В. Анненкову — «Может быть, Анненков еще что-нибудь достанет?»); от 15(27) апреля 1838 г. из Рима (вновь просит И.Г. Пашенко совершить «небольшого роду похищение каких-нибудь казусных дел»; бывший соученик Гоголя по Нежинской гимназии Иван Григорьевич Пашенко служил в ту пору по Министерству юстиции, в чине коллежского секретаря — *Нистрем К.* Книга адресов С. Петербурга на 1837 год. СПб., 1837. С. 997). 16(28) августа 1838 г. Гоголь просит бытовых и этнографических подробностей у матери: «Поговоримте опять о нашей старине, расскажите мне об соседях — и кто из них приезжал к нам в церковь в воскресный день и потом, разумеется, обедал у нас, и в чем был одет, или одета, и что говорил или говорила».

Сюжет МД долгое время сохранялся Гоголем в тайне от всех, за исключением трех человек: «Никому не сказывайте, — просил он Жуковского 31 октября (12 ноября) 1836 г., — в чем состоит сюжет Мертвых душ. Название можете объявить всем. Только три человека, вы, Пушкин да Плетнев, должны знать настоящее дело». Действительно, в суть дела Гоголь больше никого не посвящал: даже Прокоповича (к которому обращался с просьбами о материалах для нового сочинения) и Погодина. Хотя последнему, в письме от 16(28) ноября 1836 г., ряд важных сведений о новом труде все же сообщил: открыл название, отметил необычность жанра (не похож «ни на повесть, ни на роман» и далее прямо: «моя поэма»), обозначил объем (вещь «длинная, длинная, в несколько томов» — о «нескольких томах» здесь говорится впервые), подчеркнул многогранность повествования («Вся Русь отзовется в нем»), оговорил особую роль сочинения в его творчестве («это будет первое мое порядочное творение») и наконец указал на незавершенность замысла (вещь, «которую долго обдумывал и которую долго еще буду обдумывать»). Отметим, что о скрытности Гоголя (в бытность его проживания в Веве) шла речь и в письме А.А. Краевского М.П. Погодину: «Говорит, что бросил страннический посох и принялся за *большое дело*, за какое — не пишет...» (*Барсуков.* Кн. 4. С. 340; *Ак.* Т. XI. С. 376). По словам Ф.И. Буслая, даже зимой 1840–41 гг. В.А. Панов, занятый перепискою МД, ничего не мог сообщить ему о содержании нового произведения Гоголя, так как последний «желал сохранять это дело в тайне» (*Буслав Ф.И. Мои воспоминания // ВЕ.* 1891. Т. IV. Кн. 7. Июль. С. 213).

Следующий, очень тяжелый, этап работы над МД наступил для Гоголя внезапно — в феврале 1837 г., когда в Париж пришло известие о гибели Пушкина. В письме, начатом 17 февраля (1 марта) 1837 г. и продолженном 2, 3, 5 марта, А.Н. Карамзин сообщал Е.А. Карамзиной: «У Смирновых обедал Гоголь: трогательно и жалко смотреть, как на этого

человека подействовало известие о смерти Пушкина. Он совсем с тех пор не свой. Бросил то, что писал, и с тоской думает о возвращении в Петербург, который опустел для него» (Старина и новизна. 1914. Кн. 17. С. 298—299; запись от 2 марта). Лишь месяц спустя, уже в Риме, в письме П.А. Плетневу от 16(28) марта 1837 г. Гоголь отозвался на эту весть, хуже которой, как сам написал, «нельзя было получить из России» и которая подорвала его человеческие и творческие силы: «Боже! Нынешний труд мой, внушенный им, его создание... Я не в силах продолжать его. Несколько раз принимался я за перо — и перо падало из рук моих. Невыразимая тоска!.. » Этими же чувствами наполнено письмо М.П. Погодину от 18(30) марта 1837 г. из Рима: «Всё, что есть у меня хорошего, всем этим я обязан ему. И теперешний труд мой есть его создание. Он взял с меня клятву, чтобы я писал, и ни одна строка его не писалась без того, чтобы он не являлся в то время очам моим. Я тешил себя мыслью, как будет доволен он, угадывал, что будет нравиться ему, и это было моею высшею и первою наградою. Теперь этой награды нет впереди! что труд мой? Что теперь жизнь моя?» Однако спустя две недели Гоголь отчасти преодолевает этот глубокий внутренний надрыв, осмысляя для себя работу над МД как совершенно особую — завещанную Пушкиным: «Я должен продолжать, — пишет он В.А. Жуковскому 6(18) апреля 1837 г. из Рима, — мною начатый большой труд, который писать с меня взял слово Пушкин, которого мысль есть его создание и который обратился для меня с этих пор в священное завещание. Я дорожу теперь минутами моей жизни...». 1 сентября 1837 г. во Франкфурте Гоголь беседовал о МД с А.И. Тургеневым — судя по записи в дневнике последнего, тоже в связи с ролью Пушкина в создании поэмы: «Гоголь был у меня, потом я у него. О Пушкине, о сочинении его: *Мертвые души*...» (*Гиллельсон М. Н.В. Гоголь в дневниках А.И.Тургенева // РЛ. 1963. № 2. С. 138*). Возможно, отзвуки именно этой беседы отразились спустя несколько лет в письме А.И. Тургенева И.С. Аржевитинову (от 17 октября 1842 г.): «Мысль (“Мертвых душ”. — *Ред.*) принадлежит Пушкину: он завещал ее Гоголю» (там же, с. 141). А.И. Тургеневу вторит С.Т. Аксаков — он вспоминает, что в 1839 г. (во время пребывания в России) Гоголь говорил о МД как о труде, «завещанном ему Пушкиным», и в завершении этой работы видел задачу своей жизни (*Аксаков 1960. С. 27*).

Грандиозность замысла и его особая роль в жизни и творчестве Гоголя с этих пор нередко повергают его в опасения, связанные со слабостью физических сил: «Жизни, жизни! еще бы жизни!» (В.А. Жуковскому от 18(30) октября 1837 г. из Рима); «Что если я не окончу труда моего?.. О, прочь эта ужасная мысль! Она вмещает в себе целый ад мук, которых не доведи бог вкушать смертному» (П.А. Вяземскому от 13(25) июня 1838 г. из Рима); болезнь «говорит мне о себе каждую минуту и

мешает мне заниматься. Но я веду свою работу, и она будет кончена...» (М.П. Погодину от 2(14) августа 1838 г. из Неаполя).

К середине 1837 г. (в июле-августе Гоголь жил в Баден-Бадене) работа над МД, по-видимому, существенно продвинулась, но тем не менее обещание Гоголя Н.Я. Прокоповичу (в письме от 9(21) июля 1837 г. из Баден-Бадена) напечатать «крупную вещь» (вероятно, речь шла о МД) в начале следующего года (данное в связи с просьбой одолжить полторы тысячи рублей) выглядит неосуществимым. Однако к этому времени Гоголь, вероятно, чувствовал уверенность в своих силах закончить начатый труд, о чем прежде всего с очевидностью свидетельствует то, что он, наконец, расширяет круг лиц, посвященных в тайну создания МД, выступая с чтением первых глав поэмы. Оно состоялось 2(14) августа 1837 г. в Баден-Бадене у Смирновых в присутствии А.О. Смирновой, А.Н. Карамзина, Л.А. Соллогуба, В.П. Платонова, А.М. Борха (*Кулиш 1856*. Т. 1. С. 209–210; *Смирнова-Россет 1989*. С. 28, 35, 43–44, 602, 642; дата чтения установлена Ю.В. Манном на основании письма А.Н. Карамзина Е.А. Карамзиной от 6(18) августа 1837 г. — *Старина и новизна*. 1916. Кн. 20. С. 164; *Манн 1987*. С. 32). Прочтенные главы (первая и часть второй) произвели глубокое впечатление на слушателей: «Мы были в восторге, хотя что-то было странное в духе каждого из нас»; «Мы оч(ень) много смеялись и были в восторге» (*Смирнова-Россет 1989*. С. 28, 35); Гоголь «принес читать нам новое, еще не оконченное сочинение: это длинный юмористический роман о России. Это лучше всего, до сих пор писанного им, но ничего другого не смею сказать, потому что он читал нам sous le sceau du secret» (под покровом тайны (франц.) — письмо А.Н. Карамзина Е.А. Карамзиной 6(18) августа 1837 г. — *Старина и новизна*. 1916. Кн. 20. С. 164). На следующий день А.О. Смирнова просила Гоголя прочитать из МД далее, но Гоголь «решительно отказал» (*Смирнова-Россет 1989*. С. 29, 35, 44). Таким образом, можно предположить, что к этому времени (т.е. по истечении почти десяти месяцев с момента возобновления работы) были вчерне закончены две первые главы МД.

Осень 1837 г. (в начале октября по старому стилю Гоголь переехал в Рим) была плодотворной. Работа над МД продвигалась, доставляя Гоголю удовольствие: «Я весел, — писал он Жуковскому 18(30) октября 1837 г. из Рима, — душа моя светла. Трещу и спешу всеми силами совершить труд мой». Дорожа «трогательным расположением» Жуковского, Гоголь придавал очень большое значение его отношению к МД: «По крайней мере мысль о том, что вы будете читать его некогда, — признавался он в том же письме, — была одна из первых оживляющих меня во время бдения над ним».

Далее сведения о работе над МД приобретают отрывочный характер. В изложении Н.В. Берга известен рассказ Гоголя об одном из эпизодов

творческой истории поэмы, имевшем место в июле 1838 г. (на пути из Рима в Неаполь и Каstellамаре) в трактире на дороге между городками Дженсано и Альбано: «Не знаю почему, — вспоминал Гоголь, — именно в ту минуту, когда я вошел в этот трактир, захотелось мне писать. Я велел дать столик, уселся в угол, достал портфель и под гром катаемых шаров, при невероятном шуме, беготне прислуги, в дыму, в душной атмосфере, забылся удивительным сном и написал целую главу, не сходя с места. Я считаю эти строки одними из самых вдохновенных. Я редко писал с таким одушевлением» (*Берг Н.В.* Воспоминания о Н.В. Гоголе. 1848—1852 // *РС.* 1872. Т. V. Январь. С. 124; *Гог. восп. совр.* 1952. С. 505—506). При этом известно, что уже в августе 1838 г. Гоголь занемог и это помешало его занятиям: «Сижу над трудом, — писал он 2(14) августа 1838 г. М.П. Погодину из Неаполя, — о котором ты уже знаешь, я писал к тебе о нем, но работа моя вяла, нет той живости». В том же месяце, в Каstellамаре, состоялось очередное авторское чтение МД — семье Репниных: «В Каstellамаре он читал нам первые две главы второго (ошибка памяти. — *Ред.*) тома “Мертвых душ” и тогда, или позже немного, говорил, что первый том — грязный двор, ведущий к изящному строению» (Из воспоминаний княжны В.Н. Репниной. О Гоголе // *РА.* 1890. № 10. С. 229).

Вскоре, в середине августа 1838 г., Гоголь перебрался в Париж, где провел около двух месяцев. Перед отъездом в Рим, 12(24) октября, состоялось третье из известных чтений МД — на этот раз слушателем стал А.И. Тургенев, с которым впервые, судя по всему, Гоголь говорил о МД еще 20 августа (1 сентября) 1837 г. (см. об этом выше). Чтение, состоявшееся 12(24) октября 1838 г., оставило в дневнике яркий след: «Гоголь был у меня и читал отрывки из романа своего “Мертвые души”. Верная, живая картина России, нашего чиновного, дворянского быта, нашей госуд(арственной) и частной, помещичьей нравственности. Покупает мертвых душ — для обмана ими правительства, для залога несуществующих крестьян в ломбард, и потом земли, правитель(ством) для населения продаваемые, — характеры, язык, вся жизнь помещиков, чиновников: все тут; и смешно и больно!» (*Гиллельсон М.* Н.В. Гоголь в дневниках А.И.Тургенева // *РА.* 1963. № 2. С. 138). В тот же день Тургенев записал в дневнике: «Вечер у Свечиной, там одни русские: Голиц(ын), два Гагар(ина), Полуэкто(ова), дочь ее. Много о романе Гоголя...» (там же). Из более поздних записей в дневнике А.И. Тургенева, от 5 декабря 1839 г. (где говорится, что Гоголь читал «опять те же главы») и от 11 декабря 1839 г. (когда Гоголь читал «знакомое» Тургеневу и новую для него главу о Ноздре — там же, с. 139; подробнее см. ниже), следует все-таки, что в октябре 1838 г. Тургенев мог слышать текст трех первых глав поэмы и, возможно, отрывки из следующих. В 1842 г. А.И. Тургенев подтвердил, что впервые слышал МД от Гоголя

в Париже, «отчасти» (А.И. Тургенев — И.С. Аржевитинову, 17 октября 1842 г. — там же, с. 141).

Сохранилось свидетельство об авторском чтении МД в ноябре 1838 г. у Мих.Ю. Виельгорского. 30 ноября 1838 г. последний сообщал В.А. Жуковскому из Рима: «Гоголь бывает у меня и читал начало “Мертвых душ”» (РА. 1902. Кн. 2. Вып. 7. С. 442; с уточнением по автору: Лямина Е.Э., Самовер Н.В. «Бедный Жозеф»: Жизнь и смерть Иосифа Виельгорского: Опыт биографии человека 1830-х годов. М., 1999. С. 387).

Чтения МД продолжились в декабре 1838 г. и январе 1839 г. (в Риме), что зафиксировано в дневниковых записях В.А. Жуковского: «17(29) декабря, суббота. ⟨...⟩ Вечер у великого князя; неудачное чтение Гоголя»; «30 декабря (11 января), пятница. ⟨...⟩ Вечер дома; чтение Гоголево»; «6(18) января, пятница. ⟨...⟩ Вечеру Гоголь читал главу из “Мертвых Душ”. Забавно и больно»; «17(29) января, вторник. ⟨...⟩ чтение Гоголево. “Коробочка”» (Дневники В.А. Жуковского / С примеч. И.А. Бычкова. СПб., 1903. С. 452, 454, 458, 459, 462–463; см. то же: Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. XIV: Дневники. Письма-дневники. Записные книжки: 1834–1847 / Сост. и ред. О.Б. Лебедева и А.С. Янушкевич. М., 2004. С. 144–145, 148, 149, 151; цит. по этому изд.). Отметим, что здесь впервые фигурирует имя одного из персонажей МД, причем, в его окончательном виде — Коробочка. Это говорит, во-первых, о том, что имена главных действующих лиц были определены уже на довольно ранней стадии работы, а, во-вторых, о том, что к этому времени были вчерне готовы три главы. «Мертвые души» упоминаются в записной книжке И.М. Виельгорского — 20 декабря 1838 г.: «Потемкин. Гоголь. Открытие нового Корреджио. Процесс. Мертвые Души» (Шенрок В. Н.В. Гоголь и Виельгорские в их переписке. 1839–1849 г. // ВЕ. 1889. Т. V. Кн. 10. С. 449; то же: Шенрок. Т. 3. С. 255). Биографы И.М. Виельгорского допускают, что Гоголь вновь читал МД у Виельгорских — «на этот раз в присутствии членов свиты наследника (и, возможно, его самого), а также русского посланника в Риме И.А. Потемкина» (Лямина Е.Э., Самовер Н.В. «Бедный Жозеф»: Жизнь и смерть Иосифа Виельгорского: Опыт биографии человека 1830-х годов. М., 1999. С. 396; ср. с только что упомянутым чтением МД у великого князя 17(29) декабря). Не исключено, что главы из МД слушал в Риме и С.П. Шевырев, находившийся там с осени 1838 г. по 10 апреля 1839 г. (Ак. Т. XI. С. 410–411). На этот счет имеется свидетельство (правда, не совсем понятное) Н.А. Мельгунова — в его письме Н.М. Языкову от 11 января 1841 г.: «Разве в самом деле Гоголь не написал романа “Мертвые души”? Откуда же взял Шевырев, который слышал 17-ю(!) главу и многие другие?» (ЛН, т. 58. С. 598). Известен случай (дело было в Риме, в 1839 г.), когда

обещанное авторское чтение (вероятно, речь шла о МД) не состоялось: «Вечер у кн. В(олконской), куда обещал придти Г(оголь) и прочесть что-нибудь из новых своих сочинений. Мы прождали его понапрасну» (Год в чужих краях. (1839). Дорожный дневник М. Погодина. М., 1844. Ч. II. С. 83). Однако Погодину все-таки довелось услышать одно из авторских чтений МД, в Мариенбаде, в июле 1839 г.: «Он (Гоголь. — *Ред.*) чит(ал) отрывки из “Мертв(ых) душ” и уверял, что при жизни они не будут напечатаны» (Заметка М.П. Погодина о Гоголе // *ЛН*, т. 58. С. 794). Ср. упоминание о МД в письме М.П. Погодина Гоголю от 14 июля 1847 г. из Москвы: «...ты в 1839 г. в Мариенбаде уверял меня, что “Мертвые души” при жизни не будешь печатать...» (*Гоголь. Переписка*. Т. 1. С. 436). Отметим здесь, что об одном из чтений МД, не указав никаких подробностей (ни времени, ни имен слушателей), сообщил С.Т. Аксаков: «...кто-то писал из чужих краев, что, выслушав перед отъездом из Рима первую главу “Мертвых душ”, он хохотал до самого Парижа» (*Аксаков 1960*. С. 20—21).

О работе над МД в последующие девять месяцев (зиму и весну Гоголь провел в Риме, лето и начало осени — в Ганау, Мариенбаде и Вене) практически ничего неизвестно. Между тем слух о МД распространялся в литературных кругах (по свидетельству С.Т. Аксакова, «обежал уже всю Россию» — *Аксаков 1960*. С. 20), маня издателей возможностью получить для публикации отрывки из нового сочинения Гоголя. «Не могу ли я через Вас, — спрашивал И.Е. Великопольский 17 августа 1839 г. М.П. Погодина, — достать от него отрывка из его “Мертвых душ” или чего другого?» (речь шла о материалах для задуманного Великопольским альманаха — *ЛН*, т. 58. С. 561—562). 25 сентября (7 октября) 1839 г. Н.А. Мельгунов из Ганау просил Н.М. Языкова: «Если увидите Гоголя, скажите ему, что Одоевский и Краевский просят его также прислать статейку для журнала (“Отечественных записок”. — *Ред.*). Что бы, говорят они, прислать ему “Невесту” (“Женитьбу”. — *Ред.*) или отрывок из “Мертвых душ”?» (там же, с. 562). Гоголь в эту пору подъезжал к Москве, куда прибыл 26 сентября 1839 г. и остановился у М.П. Погодина (вместе с которым, от Вены, и совершил это путешествие). Гоголь провел в России почти восемь месяцев, из них большую часть в Москве и лишь полтора месяца в Петербурге (с 30 октября по 17 декабря 1839 г.), куда ездил по делам семьи (забрать сестер из Патриотического института). По свидетельству С.Т. Аксакова, ни в Москве (где они постоянно виделись), ни в Петербурге (куда ездили вместе) Гоголь не оставлял своих занятий: 27 ноября 1839 г., зайдя к Гоголю, узнал у Жуковского (у которого тот жил), что Гоголь «дома и пишет» («Гоголь писал и был углублен в свое дело, и мы, очевидно, ему помешали; он долго, не зря, смотрел на нас, по выражению Жуковского...» — *Аксаков 1960*.

С. 31–32); «В это время (в Москве, по возвращении из Петербурга. — *Ред.*) мы узнали, что Гоголь очень много работал, но сам он ничего о том не говорил» (там же, с. 36).

Судя по всему, первым, кому Гоголь читал «Мертвые души» в России, был находившийся тогда в Москве В.А. Жуковский: «Вечеру, — отмечает он в дневнике 9 октября 1839 г., — чтение Гоголя» (Дневники В.А. Жуковского / С примеч. И.А. Бычкова. СПб., 1903. С. 506; см. то же: *Жуковский В.А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. XIV: Дневники. Письма-дневники. Записные книжки: 1834–1847. М., 2004. С. 188; цитируется по этому изданию). То, что речь здесь идет именно о чтении поэмы, косвенно подтверждается в воспоминаниях И.И. Панаева (см. ниже) и в письме К.С. Аксакова к Г.С. и И.С. Аксаковым от 24–25 октября 1839 г.: «Через несколько времени после его (Гоголя. — *Ред.*) приезда слышали мы, что он читал Жуковскому у Елагиных» (ЛН, т. 58. С. 570). После смерти Пушкина Жуковский становится для Гоголя главным творческим камертоном. Спустя несколько лет (в письме С.Т. Аксакову от 12(24) июля 1843 г. из Бадена), опровергая слухи о том, что будто бы читал в Риме новое из МД (т.е. из второго тома), Гоголь поясняет: «Прежде всего я бы прочел Жуковскому, если бы что-нибудь было готово».

По обыкновению, Гоголь с раздражением относился к расспросам о его новом сочинении (особо любопытные «получали самые неудовлетворительные и даже неприятные ответы» — Аксаков 1960. С. 21). В семействе Аксаковых, с которыми Гоголь в этот приезд сошелся очень близко, его не беспокоили (там же, с. 20–21). Именно в их доме Гоголь начал систематические «московские чтения» МД, прочитав (с перерывом, связанным с поездкой в Петербург) более чем кому бы то ни было: шесть глав поэмы (по-видимому, все, вчерне законченное). Первое чтение у Аксаковых состоялось 14 октября 1839 г. (С.Т. Аксаков в письме сыновьям, Г.С. и И.С. Аксаковым, датированном вторником 17 октября 1839 г., отмечает, что чтение состоялось в прошедшую субботу, т.е. 14 октября — ЛН, т. 58. С. 566). Гоголь читал сначала «Тяжбу», а потом первую главу МД. «И то и другое, — писал С.Т. Аксаков в упомянутом письме, — чудные создания! Особенно глава из романа! И к этому надобно прибавить, что он так читает или, лучше, играет, как никто! Лучшие актеры, мне известные, перед ним — ученики в театральном искусстве. Восхищение было всеобщее» (там же). С.Т. Аксакову вторит дочь, Вера Сергеевна, в недатированном письме к братьям: «...Гоголь читал нам отрывок из своей комедии и еще другой из какой-то повести, кажется, “Мертвых душ”; жаль, что вас не было; все, что он читал, превосходно, чудно; к тому же он так читает, как никакой актер не сумеет сыграть» (там же, с. 572). К.С. Аксаков в письме к Г.С. и И.С. Аксаковым от 24–25 октября 1839 г. рассказывает об этом

Гоголь, читающий «Мертвые души».

Портрет работы Э.А. Дмитриева-Мамонова. Карандаш. 1839.
Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Санкт-Петербург

событии: «У нас обедало несколько гостей: в том числе Панаев. Вечером приезжала Е.В. Погодина, которая сказала нам, что Гоголь у Нащокина. “Не будет ли он читать у него?” — спросил я. — “Нет, не будет ли он здесь читать?” — отвечала Е.В. (...) Наконец приехал Гоголь, с ним Нащокин и М.С. (Щепкин). Через несколько времени все уселись в гостиной, и Гоголь начал читать нам. — Я и все перерывали его часто хохотом» (там же, с. 570). В воспоминаниях С.Т. Аксаков возвращается к этому чтению: «Я не говорил о том, какое впечатление произвело на меня, на все мое семейство, а равно и на весь почти наш круг знакомых, когда мы услышали первое чтение первой главы “Мертвых душ”. Это был восторг упоения, полное счастье, которому завидовали все, кому не удалось быть у нас во время чтения, потому что Гоголь не вдруг стал читать у других своих знакомых» (Аксаков 1960. С. 38). Очевидец

чтения И.И. Панаев рассказывает: Гоголь объявил, что прочтет первую главу МД, «хоть она еще не обделана...». «Все литературные кружки перед этим, — продолжает Панаев, — уже были сильно заинтересованы слухами о “Мертвых душах”. Гоголь, если я не ошибаюсь, прежде всех читал начало своей поэмы Жуковскому. Говорили, что это произведение гениальное... Любопытство к “Мертвым душам” возбуждено было не только в литературе, но и в обществе. (...) Гоголь читал неподражаемо. (...) Когда он окончил чтение первой главы и остановился, несколько утомленный, обведя глазами своих слушателей, его авторское самолюбие должно было удовлетвориться вполне... На лицах всех ясно выражалось глубокое впечатление, произведенное его чтением. Все были и потрясены и удивлены. Гоголь открывал для своих слушателей тот мир, который всем нам так знаком и близок, но который до него никто не умел воспроизвести с такою беспощадною наблюдательностию, с такою изумительною верностию и с такою художественною силою... И какой язык-то! язык-то! Какая сила, свежесть, поэзия!.. У нас даже мурашки пробегали по телу от удовольствия» (Панаев 1988. С. 207–208). Панаев поясняет, что чтение Гоголя было чем-то средним между двумя манерами: простой, без всяких эффектов, и актерской (там же, с. 208). Прочитанная глава была названа С.Т. Аксаковым гениальной, а К.С. Аксаковым — созданием «гомерической силы» (там же). Панаев рассказывает и о том, что на следующий день К.С. Аксаков делился своими впечатлениями с Белинским, которого посетил вместе с Панаевым: «...после первой главы “Мертвых душ”, — говорил К.С. Аксаков, — нельзя уже сомневаться в том, что Гоголь гений и что он подарит русскую литературу колоссальным произведением, в котором отразится вся Русь» (там же, с. 208). В ответ на это Белинский (впервые услышавший о новом создании Гоголя от очевидцев чтения) сказал: «Черт вас возьми, счастливыц! (...) Я не знаю, чего бы я не дал, чтобы выслушать теперь эту главу...» (там же, с. 209). На этом «аксаковские чтения» — в связи с отъездом в Петербург — были прерваны.

Не исключена возможность авторского чтения МД у Нащокиных. В процитированном выше письме К.С. Аксакова к Г.С. и И.С. Аксаковым от 24–25 октября 1839 г. как будто отрицается факт такого чтения в тот именно день, когда оно состоялось у Аксаковых — 14 октября. Однако вполне вероятно, что тогда или в другое время Гоголь все-таки читал у Нащокиных свою поэму. Косвенным подтверждением этого является история одного из гоголевских портретов — работы Э.А. Дмитриева-Мамонова. Портрет карандашный; на обороте надпись: «Рис. Дмитриев-Мамонов / в доме Нащокиных во время чтения Гоголем “Мертвых душ” / со слов Веры Александровны Нащокиной»; хранится в Литературном музее ИРЛИ (Пушкинского Дома) РАН, поступление 1918 г., от А.А. Журавлева; шифр: ПД-И-210 (данные предоставлены

Л.Г. Агамалян). Описание портрета гласит: «Ниже пояса, $\frac{1}{2}$ влево; длинные волосы, усы и эспаньолка; читает рукопись» (Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского Дома. I. Н.В. Гоголь. М.; Л., 1951. С. 49. № 384; воспр. — между с. 128 и 129). Портрет фигурирует под названием «Н.В. Гоголь, читающий “Мертвые души”» (там же). Описание сопровождается следующим пояснением: «Набросок сделан осенью 1839 г., после возвращения Гоголя из-за границы, в доме Нащокиных, где Гоголь читал “Мертвые души”» (там же). Здесь же указано на очевидное сходство гоголевского портрета с принадлежащим С.Т. Аксакову описанием внешнего облика Гоголя, представшего перед московскими друзьями в 1839 г.: «Прекрасные белокурые густые волосы лежали у него почти по плечам; красивые усы, эспаньолка довершали перемену; все черты лица получили совсем другое значение; особенно в глазах, когда он говорил, выражалась доброта, веселость и любовь ко всем...» (Аксаков 1960. С. 20). Традиция истолкования портрета как карандашной зарисовки, сделанной Дмитриевым-Мамоновым с натуры, во время авторского чтения «Мертвых душ» в доме Нащокиных, восходит к первым воспроизведениям и описаниям этой работы Дмитриева-Мамонова. Так, в материалах юбилейной пушкинской выставки (к 100-летию со дня рождения Пушкина) отмечается, что экспонируемый портрет (собственность А.А. Журавлева) создан в 1839 г. «во время чтения Гоголем “Мертвых душ” у Нащокиных в Москве» (Пушкинская юбилейная выставка в Императорской Академии Наук в С.-Петербурге. Каталог. СПб., 1899. С. 67; Альбом пушкинской юбилейной выставки в Императорской Академии Наук в С.-Петербурге. Май 1899. М., 1899. С. 17). Подобное описание фигурирует и в других источниках: Каталог выставки в память Н.В. Гоголя и В.А. Жуковского. М., 1902. С. 4. № 12 (по-прежнему собственность А.А. Журавлева); Сперанский М. Портреты Гоголя // Гоголевский сборник. Киев., 1902. С. 131 (особо подчеркнуто, что рисунок сделан «несомненно с натуры»). До настоящего времени факт авторского чтения МД у Нащокиных не подтвержден ни эпистолярными, ни мемуарными источниками. Об этом ничего не говорится в рассказах самого П.В. Нащокина, записанных П.И. Бартеневым, хотя «Мертвые души» в них упоминаются — но в другой связи. Нащокин подвергает сомнению факт авторского чтения поэмы Пушкину, мотивируя свою позицию тем, что по обыкновению «Пушкин всегда рассказывал ему о всяком замечательном произведении», а о МД не говорил (Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П.И. Бартеневым в 1851—1860 годах / Вступ. ст. и примеч. М. Цявловского. Л., 1925. С. 45). Очевидно, что аргументы Нащокина вряд ли могут поколебать свидетельство Гоголя о чтении Пушкину первых глав МД (в «Выбранных местах из переписки с друзьями»). Характерно другое — отсутствие в рассказах Нащокина каких бы то ни было

упоминаний об авторском чтении МД ему самому. Нет ни слова об этом и в известных воспоминаниях жены П.В. Нащокина, В.А. Нащокиной (Воспоминания В.А. Нащокиной о Пушкине и Гоголе // Новое время. Иллюстрированное приложение. 1898. 14 октября. № 8129. С. 6—7). При этом очевидно, что во время пребывания своего в Москве Гоголь не только бывал у Нащокина (что отмечено в цитированном выше письме К.С. Аксакова), но и, безусловно, оказался тесно связан с этим человеком общей памятью о погибшем Пушкине. Эти обстоятельства дополнительно как будто бы мотивируют возможность авторского чтения завещанной Пушкиным поэмы одному из его ближайших друзей. Процитированная выше надпись на обороте портрета позволяет предположить, что его владелец, А.А. Журавлев (от которого портрет поступил в Пушкинский Дом), получил информацию об обстоятельствах создания этой работы непосредственно у В.А. Нащокиной (вдовы Нащокина), а возможно, и получил портрет именно от нее — в 1899 г., когда портрет был представлен Журавлевым на пушкинскую юбилейную выставку с приведенным выше описанием, В.А. Нащокина еще была жива, умерла в 1900 г. (воспроизведение портрета см. на с. 360 наст. изд.).

Будучи в Петербурге, Гоголь также читал из МД — известно несколько таких чтений. Об одном из них говорится в письме И.С. Тургенева Т.Н. Грановскому от 4 декабря 1839 г. из Петербурга. Тургенев сообщает о визите к П.А. Плетневу, от которого узнал, что Гоголь, живущий теперь у Жуковского, «прочел им как-то главы две-три из нового своего романа, и — говорит — превосходная вещь этот роман, но он делает это с большим трудом — и печатать не хочет...» (ЛН, т. 58. С. 576). Об авторском чтении (этом же или другом) упоминает П.А. Вяземский (в поздней, рукописной, датированной 1876 г., приписке к опубликованной в 1847 г. статье «Языков. — Гоголь»): «Однажды Гоголь обещал прочесть у меня новую главу “Мертвых душ”. Съехалось несколько приятелей. Был ли он не в духе, не нравился ли ему один из присутствующих, не знаю, но Гоголь заупрямился и не хотел читать. Жуковский более всех приставал к нему, чтобы он читал...» (Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. Л.В. Дерюгиной. М., 1984. С. 187).

Другое чтение состоялось в доме П.А. Валуева 5 декабря 1839 г. О нем известно из дневника А.И. Тургенева: «К Валуевым: здесь Жук(овский), Гоголь, Плетнев. Гоголь читал опять те же главы из *Мертвы(x) душ*: все смеялись...» (Гиллельсон М. Н.В. Гоголь в дневниках А.И. Тургенева // РЛ. 1963. № 2. С. 139). Еще одно чтение имело место 11 декабря 1839 г. Именно о нем В.А. Жуковский уведомлял Н.И. Греча: «... я сам потерял у Карамзиных чтение Гоголя, которому другого дня избрать невозможно, который скоро отсюда уезжает и хочет прочитать главы из нового начатого им романа. Сожалею, а делать нечего»

(Неизданные письма Жуковского к Н.И. Гречу / Сообщ. Б. Коплан // Сб. Пушкинского Дома на 1923 год. Пг., 1922. С. 116). А.И. Тургенев пишет об этом чтении в дневнике: «11 декабря... К Карамз(иным), там читал Гоголь знакомое и новое для меня, напр. *Ноздрев* — до 2-х часов...» (*Гиллельсон М. Указ. соч. С. 139*). Наконец, из воспоминаний П.В. Анненкова известно о чтении МД у Н.Я. Прокоповича (дата не указана): «Он читал без перерыва до тех пор, пока истощился весь его голос и зарябило в глазах. Мы узнали таким образом первые четыре главы “Мертвых душ”... Общий смех мало поразил Гоголя, но изъявление нелицемерного восторга, которое видимо было на всех лицах под конец чтения, его тронуло... Он был доволен» (*Анненков 1989. С. 38–39*).

По возвращении в Москву (21 декабря 1839 г.) Гоголь возобновил чтения у Аксаковых. Уже 23 декабря он прочитал вторую и третью главы. 25 декабря С.Т. Аксаков писал об этом сыновьям в Петербург: «Это просто — чудо. На похвалу слов нет. Смешно до того, что все валялись со смеха. (...) Я не прошу себе, что не попросил Гоголя прочесть что-нибудь в Петербурге» (*ЛН, т. 58. С. 579*). Отцу вторила В.С. Аксакова в письме братьям от 25 декабря 1839 г.: «О чтении Гоголя вы знаете, что можно сказать — чудно. (...) все смеялись, и, точно, нельзя не смеяться; но не одно смешное имеет у него достоинство, всё чудно. (...) когда читал Гоголь, был у Константина Самарин, который тоже слушал и нарисовал после чтения портрет Гоголя, довольно похожий» (там же, с. 577). Десятилетняя дочь Аксаковых Надежда, слушавшая чтение в другой комнате, писала о своем впечатлении братьям: «...это очень смешно...» (там же, с. 579). 6 марта 1840 г. Гоголь прочел главу IV (*Аксаков 1960. С. 37*). Об этом чтении в тот же день В.С. Аксакова сообщила М.Г. Карташевской (*ЛН, т. 58. С. 584*), а 8 марта писала ей же: «...это просто возбуждает удивление, что человек может так творить...» (там же). Вскоре была прочитана и глава V, это случилось в среду (дата неизвестна). В.С. Аксакова писала братьям в письме без даты: «В эту среду Гоголь опять обедал у нас и читал уже шестую главу, это чудо что такое; тут выведен один помещик С о б а к е в и ч — какое это лицо, как обрисовано, и вообще всё тут совершенство. (...) едва ли это будет напечатано. Пересказывать этого невозможно. Хорошо, если бы он нас каждую среду угощал этим!» (пятая глава здесь ошибочно названа шестой — там же, с. 588). Последнее чтение (главы VI) состоялось 13 апреля 1840 г. перед пасхальной заутреней. 15 апреля 1840 г. С.Т. Аксаков подробно писал об этом сыновьям: «В субботу на страстной Гоголь прочел нам огромную седьмую главу (речь идет о главе шестой. — *Ред.*), где выведен скряга Плюшкин. Это лицо превосходит все лица творческой фантазии, какие я только знаю. Это нисколько не смешно, а грустно; это не простой скупец, а человек, прежде порядочно живший, только бережливый, но впоследствии, с потерей жены, детей,

десятки лет поглощенный скаредством, развившимся ужасно в это время, и дошедший до глупости и гнусности невероятной; он только копит, бережет — нужды нет, что на десятки тысяч ежегодно гниет у него хлеба, сена, сукон, холста... Он только собирает в кучу... Это чудо да и только» (шестая глава ошибочно названа седьмой — *ЛН*, т. 58. С. 588). В воспоминаниях С.Т. Аксакова говорится, что «создание Плюшкина» привело всех «в великий восторг» (*Аксаков 1960*. С. 37). При чтении присутствовали также профессор А.О. Армфельд и В.А. Панов, который «пришел в упоение и тут же решился пожертвовать всеми своими расчетами и ехать вместе с Гоголем в Италию» (там же).

Известно о чтении первых глав МД у И.В. Киреевского (там же, с. 40). Слышал чтение МД и Т.Н. Грановский: «Я подбиваю Ивана Киреевского, — писал он весной 1840 г. Я.М. Неверову, — издать альманах (...) Гоголь, вероятно, дал бы отрывок из своего романа. Я слышал чтение нескольких глав — чудо!» (Т.Н. Грановский и его переписка: В 2 т. Т. II. М., 1897. С. 401). Подобная идея, конечно, не могла быть реализована. Несколькими месяцами раньше, 10 января 1840 г., Гоголь отказал в публикации отрывка из МД своему другу М.А. Максимовичу, объяснив, что из романа не хочет «ничего объявлять до времени его появления в свет; притом, отрывок не будет иметь большой цены...». Высказывалось предположение, что Гоголь читал первые главы МД и М.П. Погодину, в доме которого жил, поскольку впоследствии (осенью 1841 г.) начал свое чтение ему уже с главы VII (*Манн 1987*. С. 73).

Таким образом, в России Гоголь познакомил своих друзей с шестью первыми главами МД. По-видимому, именно эта часть поэмы и была тогда вчерне закончена, т.е. над первоначальной связной редакцией шести глав Гоголь трудился около трех лет (осень 1836 — осень 1839 г.). Притом, что свидетельств об авторских чтениях МД в Москве и Петербурге сохранилось немало, довольно трудно установить, какой именно текст читал тогда Гоголь. В большой мере это объясняется тем, что в сохранившихся рукописях первого тома МД начальная стадия работы над поэмой отражена очень неполно. Выше уже отмечалось, что самые первые наброски МД, прочитанные Пушкину в Петербурге, судя по всему, утрачены. Хронологически первый из дошедших до нас рукописных источников МД — это неполный черновой автограф четырех глав поэмы (II, III, V, VI), условно обозначенный нами ЧА1 (*ОР РГБ*. Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 13). Поступил с архивом А.А. Иванова (после кончины в 1877 г. его брата, С.А. Иванова), через М.П. Боткина (Отчет Московского Публичного и Румянцевского Музеев за 1879—1882 г. М., 1884. С. 46—47). Рукопись представляет собой тетрадку (при реставрации расшита) в плотной обложке — светло-зеленой в темную крапинку (возможно, цвет изменился — в описании В.И. Шенрока 1896 г. фигурирует обложка голубого цвета — *Тих*. Т. 7. С. 829). Формат листов колеблется:

ширина — от 13,2 до 13,4; длина — от 20,7 до 21 см. Бумага почтовая, без водяных знаков, за исключением двойного листа (л. 7—8), который отличается по качеству бумаги (более плотная, с желтоватым оттенком) и филигрании: «J Whatman Turkey Mill», с белой датой «1837». Рукопись имеет тройную пагинацию — одну, судя по всему, авторскую и две архивных. Первая архивная пагинация: 18—54 (чернилами, полистная), последние два листа не пронумерованы. Вторая архивная пагинация: 1—39 (карандашная, полистная). Авторская пагинация — карандашом, с отдельными сбоями, фиксирующая номер страницы на лицевой стороне каждого листа (т.е. через одну страницу), в отдельных случаях — и на оборотах. Значительная часть листов в тетради отсутствует (по свидетельству В.И. Шенрока, вероятно, видевшего нерасчитую тетрадь в 1896 г., вырваны — *Тих. Т. 7. С. 829*). В настоящее время тетрадь выглядит следующим образом. Первые 16 страниц (8 листов) отсутствуют; первый сохранившийся лист авторской пагинации не имеет; далее следует текст без пропусков с отдельными ошибками в авторской пагинации: 19—34 (оборот с. 32 пронумерован синим карандашом: 33—34); с. 35—36 (вероятно, один лист) отсутствуют; далее текст без пропусков с отдельными ошибками в авторской пагинации: 37—52; с. 53—54 (вероятно, один лист) отсутствуют; далее с. 55, 56 (55, 56 — постраничная нумерация на одном листе); с. 57—99 отсутствуют; далее текст без пропусков с отдельными ошибками в авторской пагинации: с. 100—134 (оборот с. 132 пронумерован: 133—134). На сохранившихся листах расположены: главы II и III (обе без начала и конца, в главе III отсутствует фрагмент беседы Чичикова с Коробочкой), глава V (начиная со сцены торговли Чичикова с Собакевичем), глава VI.

Первоначально рукопись имела явно беловой характер: написана мелким, но четким, разборчивым почерком; правка, сделанная по ходу письма, невелика по объему и очень аккуратна. Все это позволяет говорить о том, что мы имеем дело не с первоначальным черновым автографом (вероятно, существовавшим), а с перебеленным. Впоследствии в этот беловой текст была внесена существенная правка: чернилами и отчасти карандашом (подробнее см. ниже).

В.И. Шенрок не сомневался в том, что именно эту рукопись в виде тетрадки привез с собой в Россию Гоголь и что именно о ней пишет П.В. Анненков, вспоминая о чтении Гоголем МД у Прокоповича (*Тих. Т. 7. С. 579, 829—830*): Прокопович вытащил из кармана гоголевского фрака «тетрадь почтовой бумаги в осьмушку, мелко-намелко исписанную...» (*Анненков 1989. С. 38*).

Наиболее существенным аргументом, позволяющим отождествить ЧА1 с тетрадью, привезенной Гоголем в Россию, могло бы послужить важное свидетельство П.В. Анненкова. Его воспоминания о чтении первых четырех глав МД у Прокоповича заключаются следующим ин-

тересным эпизодом: «Кто-то сказал, что приветствие Селифана босой девочке, которую он сажает на козлы вместо проводника от Коробочки, — приветствие “ноздря” — не совсем прилично. Все остальные слушатели восстали против этого замечания как выражающего излишнюю щекотливость вкуса и отчасти испорченное воображение, но Гоголь прекратил спор, взяв сторону критика и заметив: “Если одному пришла такая мысль в голову — значит, и многим может прийти. Это надо исправить”» (Анненков 1989. С. 39). Очевидно, что подобная деталь могла бы указать на совершенно конкретную рукопись, однако и эта подсказка не проясняет ситуацию — финал главы III (со словами обращения Селифана к девочке) и в ЧА1, и в следующем источнике (АК1) не сохранился. В АК2 он присутствует, и в нем, в соответствии с намерением Гоголя, фигурирует уже иное обращение: «Эх ты, черноногая».

Тем не менее имеющиеся факты (свидетельство о формате тетради, ее первоначально беловой, как будто предназначенный для авторских чтений, характер, а также то обстоятельство, что тетрадь завершается главой VI, т.е. последней из прочитанных Гоголем в России, — главы I, IV и недостающие листы глав II, III и V, по-видимому, вырваны) позволяют предположить, что ЧА1 является той рукописью, которую Гоголь читал в Москве и в Петербурге осенью 1839 — весной 1840 г. Конечно, нельзя исключить того, что Гоголь мог привезти в Россию не первую черновую редакцию шести глав МД (ЧА1), а вторую (обозначенную нами АК1). Однако это предположение по ряду причин кажется достаточно шатким (подробнее см. ниже, в описании АК1).

Датировать ЧА1 сколько-нибудь аргументированно чрезвычайно сложно, так как ни в письмах Гоголя, ни в иных документах не сохранилось упоминаний об авторской работе именно над этой рукописью. Мы знаем, что Гоголь возобновил работу над МД по отъезде за границу в 1836 г. и что, возвратившись в Россию в октябре 1839 г., он привез с собой связную черновую редакцию первых шести глав (ЧА1). Какие рукописные источники предшествовали созданию ЧА1 (а они, несомненно, существовали), неизвестно. А.О. Смирнова, описывая авторское чтение МД 2(14) августа 1837 г. в Баден-Бадене, пишет, что Гоголь вытащил из кармана тетрадку в четвертку листа (Смирнова-Россет 1989. С. 28, 43). В рассказе об одном из эпизодов творческой истории МД (относящемся к лету 1838 г.), записанном Н.В. Бергом со слов Гоголя, также упоминается тетрадь, с которой Гоголь не расставался, но которую в тот раз достал не из кармана, а из портфеля (Берг Н.В. Воспоминания о Н.В. Гоголе. 1848—1852 // РС. 1872. Т. V. Январь. С. 124; Гог. восп. совр. 1952. С. 505—506). Скорее всего, и Смирнова, и Берг имеют в виду тетрадь с первоначальной черновой редакцией МД, хронологически предшествовавшей сохранившемуся ЧА1. Предположительная датировка ЧА1 может быть связана со следующими косвенными фактами: нижний

слой рукописи носит характер беловика, явно созданного (незадолго до отъезда в Россию) на основе написанного ранее и не дошедшего до нас черного автографа; Гоголь читал первые шесть глав МД в Москве и в Петербурге, скорее всего, именно по ЧА1; находясь в России почти восемь месяцев (с 26 сентября 1839 г. по 18 мая 1840 г.) он, вероятно, продолжал работу над рукописью, которая находилась при нем. Исходя из этого, можно очень приблизительно датировать ЧА1 (т.е. именно работу над этой рукописью, а не над первой черновой редакцией в целом) началом 1839 — апрелем 1840 г. Единственная филигрань в этой рукописи («J Whatman Turkey Mill» — на двойном листе 7—8) с «белой датой» «1837» (на нее впервые обратил внимание В.И. Шенрок — *Тих.* Т. 7. С. 577, 829—830) не противоречит предложенной датировке, так как Гоголь часто использовал «старую» бумагу, особенно для вставок и дополнений. На бумаге с такой же филигранью, но с «белой датой» «1838», написаны тексты, хронологически близкие ЧА1: один из черновых набросков к драме из украинской истории («Выдумать, как запала мысль...»); черновой набросок к главе V — началу главы VI второй редакции «Тараса Бульбы»; черновые наброски к главе IX первого тома «Мертвых душ» (ЧН4), отрывок («Девуцы Чабловы») и ряд других (подробнее см.: *Тих.* Т. 1. С. 577, 624—626, 634). На бумаге с такой же филигранью и с идентичной «белой датой» «1837» написано письмо Гоголя П.А. Плетневу от 27 сентября 1839 г. из Москвы (т.е. как раз в то время, когда могла продолжаться работа над ЧА1) — впервые отмечено И.А. Виноградовым (*Гоголь Н.В.* Тарас Бульба: Автографы, прижизненные издания: Историко-литературный и текстологический комментарий / Изд. подгот. И.А. Виноградов. М., 2009. С. 441).

Косвенным подтверждением предложенной датировки ЧА1 служат дословные совпадения вписанного карандашом нового начала главы VI («Прежде, в лета моей юности, мне было очень весело подъезжать в первый раз к незнакомой деревне. (...) Теперь равнодушно подъезжаю к всякой незнакомой деревне и пошло гляжу на ее пошлую жизнь, и не смешно мне, и куча того, что возбудило и смех и замечательность когда-то, теперь скользит мимо. О моя юность! о моя свежесть!») с заключительными строчками «Ночей на вилле» («...ко мне возвратился летучий свежий отрывок моего юношеского времени, когда молодая душа ищет дружбы и братства между молодыми своими сверстниками (...). И все эти чувства сладкие, молодые, свежие — увы! жители невозвратимого мира — все эти чувства возвратились ко мне. Боже! Зачем? (...) Затем ли пахнуло на меня вдруг это свежее дуновение молодости, чтобы потом вдруг и разом я погрузился еще в большую мертвящую остылость чувств, чтобы я вдруг стал старше целыми десятками, чтобы отчаяннее и безнадежнее я увидел исчезающую мою жизнь. Так угаснувший огонь еще посылает на воздух последнее пламя, озарившее трепетно мрачные

стены, чтобы потом скрыться навеки и...» — отмечено: *Шенрок. Т. 3. С. 261–262*) и особенно с одним из черновых набросков к драме из украинской истории, начинающимся словами «Вдохновенная, небесно ухающая...» («Отдайте, возвратите мне, возвратите юность мою, молодую крепость сил моих, меня, меня свежего — того, который был. О, невозвратно все, что ни есть в свете» — см.: *Наст. изд. Т. 5*). Характерно, что приведенные строки из главы VI МД и из наброска к драме из украинской истории появились только в верхнем слое, т.е. в обоих случаях были вписаны. «Ночи на вилле», как известно, датируются условно: не ранее первых чисел июня 1939 г. (*Ак. Т. 3. С. 719*; существует и иная датировка: конец 1841 г. или начало 1842 г. — *Лямина Е.Э., Самовер Н.В. «Бедный Жозеф»: Жизнь и смерть Иосифа Вильегорского: Опыт биографии человека 1830-х годов. М., 1999. С. 487*), наброски драмы из украинской истории — 1839–1840 гг. (см.: *Наст. изд. Т. 5*). Наряду с этими, художественными, параллелями Ю.В. Манном приведена еще одна, эпистолярная, из письма Гоголя М.П. Балабиной от 24 августа (5 сентября) 1839 г.: «Я вспомнил мои прежние, мои прекрасные года, мою юность, мою невозвратимую юность и, мне стыдно признаться, я чуть не заплакал. Это было время свежести (...) молодых сил и порыва чистого (...). Но оставим это. Я не люблю, мне тяжело будить ржавеющие струны во глубине моего сердца. (...) Ужасно найти в себе пепел вместо пламени...» (*Манн 2004. С. 539*). Спустя два года тот же мотив приобретает несколько иное звучание — в письме Гоголя А.С. Данилевскому от 26 июля (7 августа) 1841 г. из Рима: «Я уже ничего не вижу перед собою, и во взоре моем нет животрепящей внимательности новичка. Все, что мне нужно было, я забрал и заключил к себе в глубину души моей».

В.И. Шенрок не без основания сравнил приведенные выше строки из «Ночей на вилле» с другим фрагментом из главы VI, в котором описано «преображение» Плюшкина под влиянием воспоминаний о школьном товарище, председателе палаты (*Шенрок. Т. 3. С. 261–262*). Но при этом Шенрок приводит данный фрагмент в его окончательном виде (по основному тексту поэмы), между тем как в ЧА1 он выглядит еще очень лаконично, хотя идея внезапного душевного пробуждения, за которым следует еще более сильное омертвление чувств, выражена достаточно ясно уже и в этом черновом варианте: «Как же хорошо, что вы мне напомнили-та», сказал Плюшкин. «Как же!.. в школе были приятели». И на этом деревянном лице выразилось не чувство, а какое-то бледное отражение чувства. Явление, подобное появлению на поверхности вод утопающего человека, который вынырнул и мелькнул спиной еще один раз, чтобы погрузиться уже навеки».

О продвижении и развитии замысла поэмы на раннем этапе (от самых первых, прочитанных Пушкину и несохранившихся черновики до ЧА1) мы можем судить только на основании позднейшего свидетельства

самого Гоголя, который следующим образом описывает трансформацию собственной позиции под влиянием приведенной выше пушкинской оценки МД: «Тут-то я увидел, что значит дело, взятое из души, и вообще душевная правда, и в каком ужасающем для человека виде может быть ему представлена тьма и пугающее *отсутствие света*. С этих пор я уже стал думать только о том, как бы смягчить то тягостное впечатление, которое могли произвести Мертвые души. Я увидел, что многие из гадостей не стоят злости; лучше показать всю ничтожность их, которая должна быть навеки их уделом. (...) Вследствие уже давно принятого плана Мертвых душ для первой части поэмы требовались именно люди ничтожные» («Выбранные места из переписки с друзьями», глава XVIII — «Четыре письма к разным лицам по поводу “Мертвых душ”», письмо третье). О сложном соотношении этого ретроспективного авторского признания с творческой историей МД (в частности, о методах смягчения «тягостного впечатления», которые в художественном тексте носили не столь прямолинейный характер, а выражались в «приглушении», трансформации автобиографизма, преобразовании личного тона в более «проникновенный, музыкальный», в возведении «открытого способа обрисовки и называния явлений» в «более сложный, иронический план») подробнее см.: Манн 1987. С. 39–45.

Первая сохранившаяся редакция МД (ЧА1) в полной мере подтверждает сообщение Гоголя в письме В.А. Жуковскому от 31 октября (12 ноября) 1836 г. о том, что он «обдумал более весь план» МД и ведет его «спокойно, как летопись». Эта рукопись запечатлела почти сложившуюся сюжетную канву четырех глав поэмы (II, III, V, VI). В своих основных чертах композиция этих глав, повествующих о визитах Чичикова к помещикам (исключая одного Ноздрева, т.е. главу IV — причем, «неприятное свидание с Ноздревым» упомянуто в главе VI), близка к окончательной.

В ЧА1 определились имена персонажей, причем, не только главных (Павел Иванович Чичиков, Селифан, Манилов, Настасия Петровна Коробочка, Собакевич, Плюшкин), но даже второстепенных, эпизодических (Фетинья, Пелагея, Мавра, Прошка, который первоначально был назван Павлушкой) и только упоминаемых (каретник Михеев, сапожник Максим Телятников). В последующем будет скорректирован лишь ряд имен: детей Манилова (в ЧА1 — Менелай и Алкивиад — в верхнем слое АК2 окончательный вариант: Фемистоклос и Алкид), некоторых умерших крепостных Собакевича (в ЧА1 — Авдеев, в окончательном — Пробка Степан; в ЧА1 — кирпичник Парамон, в окончательном — Милушкин; в ЧА1 — Миняй Протрухин, в окончательном — Еремей Сорочкоплексин). Наряду с этим в ходе правки устраняются упоминания реальных, здравствующих лиц — так, в главе II вычеркивается имя Бул-

гарина (что соответствует обычной склонности Гоголя к постепенному устранению из текста имен исторических персонажей).

Уже в нижнем слое *ЧА1* появляются лирические отступления разного рода: связанные с внутренней жизнью автора, его творчеством, его теорией страстей (о трудностях изображения господ, «которые с вида очень похожи между собою» — глава II; о том, что у «всякого человека есть какой-нибудь конек» — в финале этого фрагмента впервые появляется слово «страсть» — там же; об ушедших настроениях юности — глава VI) и относящиеся к России, русскому народу: о том, что Русь превзошла другие нации в «умении обращаться» к выше и нижестоящим (глава III); о способности русского народа давать меткие прозвища и о носителях так называемых древних фамилий (первоначально в начале главы VI, затем — в финале главы V). К развернутым лирическим отступлениям о России примыкают лаконичные характеристики отдельных сторон и особенностей русской жизни: о «видах известных» (глава II — выезд Чичикова из города); об обыкновении многих русских помещиков ставить господский дом на возвышении (там же); о том, что на Руси, «как и во всяком другом государстве, есть очень много таких людей, которых обыкновенно называют *ни рыба, ни мясо*» (там же); о пристрастии к карточной игре (вист «до самих петухов» — там же); о том, что «русской человек в решительные минуты всегда найдет, что сделать» (глава III); о русском вознице, имеющем «доброе чутье вместо глаз» (там же); о «лихих собаках», служащих на Руси «вместо Швейцаров» (там же); о том, что кощеи, подобные Плюшкину, попадают на Руси «довольно редко» (глава VI). Скорее всего, уже в *ЧА1* появилось замечание о способности человека (даже и «государственного») «нагадить» ближнему (глава IV — соответствующий фрагмент этого источника не сохранился, но в следующем источнике, *АК1*, он присутствует в нижнем слое, который в основных чертах совпадает с текстом *ЧА1*).

Как уже отмечалось, первоначально рукопись носила явно беловой характер. Об этом говорит и почерк (ровный, отчетливый), и небольшой объем внесенных по ходу письма исправлений. Впоследствии автограф был выправлен более существенно: это прежде всего касается сцен торговли Чичикова с Маниловым, Коробочкой и Собакевичем. Причем первая из них подверглась значительной переработке — соответствующий лист, судя по всему, был из рукописи изъят и заменен другим, отличным по качеству бумаги (л. 7—8 — подробнее см. выше). Сцена торговли Чичикова с Коробочкой была довольно существенно сокращена — первоначально переговоры между ними носили более продолжительный характер. Сокращения (но не столь обширные) коснулись и «деловых» переговоров Чичикова с Собакевичем. Наряду с этим в рамках *ЧА1* было осуществлено лишь одно композиционное перестроение — изменена граница между главами V и VI. Первоначально глава V заканчивалась сценой прощания Чичикова

с Собакевичем. Текст, следующий далее (возмущение Чичикова жадностью Собакевича, поиски дороги к Плюшкину, разговор с мужиками, рассуждения о прозвищах и «древних» фамилиях), открывал уже главу VI. В ходе правки Гоголь написал новый вариант этого текста (исключив при этом подсчет Чичиковым понесенных от сделки с Собакевичем убытков, а также перебранку Чичикова с Селифаном) и перенес его в конец главы V. Шестая же глава обрела новое, написанное карандашом, начало — лирическое отступление о свойственном автору в лета его юности и ныне ушедшем одушевлении при первом подъезде к незнакомой деревне, с заключительными восклицаниями: «О моя юность! о моя свежесть!»

Немногие, но существенные дополнения вносятся в характеристику Чичикова: сцена торговли с Маниловым предваряется новым абзацем, подчеркивающим смущение главного героя («Тут Чичиков ездил и вертелся минуты четыре на стуле. Наконец достал из кармана платок, высморкался, потом опять положил его в карман. Потом снова вынул и высморкался очень звучно, что он делал весьма искусно, потом принялся складывать очень фигурно в роде бумажника или записной книжки, потом вновь в карман и начал наконец так»); перечень жалоб Чичикова на «горькую» судьбу («чего не натерпелся я, каких гонений, каких преследований не испытал, какого горя не вкусил, а за что, за то, что соблюдаю правды, что был чист на своей совести») дополняется признанием: «подавал руку и вдовице беспомощной, и сиротинке горемыке».

Значительная часть исправлений носит стилистический характер. Интенсивный поиск вариантов (зачастую в сторону сокращения текста) в отдельных случаях дает результаты, близкие к окончательным или окончательные: а. «На все это [не] Чичиков не глядел во все. Во-первых, потому, что [на Руси] таких видов на Руси не наберешься...»; б. «На все это Чичиков, впрочем, не глядел»; в. «На все это Чичиков, впрочем, не глядел, зная, что таких видов много на Руси»; г. «Виды известные» (ЧА1) — а. «Виды известные»; б. «Словом, виды известные» (АК1 — последний вариант вошел в окончательный текст); а. «Дом Господской, по обыкновению многих русских помещиков, стоял на возвышении, но совершенно открытом со всех сторон, так что приделать только к нему крылья и он очень хорошо будет исполнять должность ветряной мельницы»; б. «Дом Господской стоял один как дурак на возвышении, открытом со всех сторон»; в. «Дом Господской стоял одиночкой на возвышении, открытом со всех сторон» (ЧА1) — «Дом господский стоял одиночкой на юру, то есть на возвышении, открытом всем ветрам, каким только вздумается подуть...» (окончательный текст).

В настоящем томе ЧА1 печатается полностью по верхнему слою с приведением правки в подстрочных примечаниях.

С публикацией ЧА1 неразрывно связана проблема публикации другого текста — чернового автографа начальной части и одного из фрагмен-

тов главы VIII (ЧА2 — ОР РГБ. Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 14). Эта проблема издавна носит дискуссионный характер. Одна из традиций, восходящая к первой публикации данного текста Е.С. Некрасовой, связана с истолкованием его как неотъемлемой части первой черновой редакции, т.е. ЧА1 (РС. 1885. Декабрь. С. 586—590). При этом сам двойной листок, содержащий текст, рассматривается как вырванный из ЧА1: «Среди других бумаг Гоголя, хранящихся в папках А.А. Иванова, удалось найти еще один листок, как видно, вырванный из той же белой тетрадки. Он содержит два совсем неизвестных отрывка из VIII-ой главы, выпущенных в последующих редакциях» (там же, с. 586). Такой взгляд нашел отражение и в Ак., где текст опубликован как глава VIII «Первой сохранившейся редакции» (Ак. Т. VI. С. 328—332), при этом в примечаниях указано, что ЧА2 написан на такой же бумаге, что и ЧА1 (там же, с. 883).

Иной подход отличает десятое издание сочинений Гоголя, где текст напечатан отдельно — в разделе «Черновые наброски из первой части “Мертвых душ”» (с подзаголовком «Из VIII главы первого тома») — Тих. Т. 7. С. 452—455. Опровергая вывод о принадлежности указанного листка первой черновой редакции, Шенрок ссылается на разницу в цвете и качестве бумаги (в ЧА1 — светлая, почтовая, в ЧА2 — «гораздо желтее» и простая писчая), на то, что в отличие от тетради листы не имеют авторской пагинации, а также на то, что главой VI тетрадь оканчивается (Тих. Т. 7. С. 810).

Шенрок обратил внимание на очевидную фрагментарность текста («быстрое изменение предмета речи»), говорящую о том, что «мы имеем дело только с наброском, а никак не с отрывком хотя бы первоначально установленной редакции» (там же, с. 812). Он же датировал набросок «первыми месяцами заграничных скитаний Гоголя» (условно говоря, лето—осень 1836 г.) на основании следующих фактов: замечание автора в самом тексте о том, что он находится вне России; использование отдельных частей текста в других главах других редакций; сходство настроения Гоголя в наброске и в его письме Погодину от 10(22) сентября 1836 г. («Я упрям, не хочу видеть тех физиогномий, на которые плевать, несмотря на все их декорации, как бы они ловко ни шаркали ногою» — нижний слой ЧА2; «...на Руси есть такая изрядная коллекция гадких рож, что невтерпеж мне пришлось глядеть на них. Даже теперь плевать хочется, когда об них вспомню» — в письме Погодину; отметим здесь и еще одно буквальное совпадение — с письмом Гоголя Жуковскому от 31 октября (12 ноября) 1836 г.: «...да хранит вас бог (...) от встреч с теми физиогномиями, на которые нужно плевать...»). Шенрок также высказал предположение, что хронологически этот набросок предшествует созданию ЧА1 (Тих. Т. 7. С. 809—813).

Между тем тщательное сопоставление указанного листка (ЧА2) с ЧА1 позволяет сделать некоторые дополнительные наблюдения и вы-

воды. К справедливым суждениям Шенрока, касающимся нумерации и качества бумаги, можно добавить, что ее формат в *ЧА2*, хоть и очень незначительно, но все же отличается от *ЧА1* — в *ЧА2* она на несколько миллиметров короче. Отличаются эти два источника и по почерку, и по цвету чернил (в *ЧА2* более насыщенный оттенок рыжего). Кроме того, следует напомнить, что два последние листа в *ЧА1* (л. 38–39 об.) не заполнены, т.е., скорее всего, текст, завершающийся главой VI, в этом источнике не имел продолжения. Вместе с тем трудно согласиться с интерпретацией *ЧА2* как наброска (Шенрок называет его то наброском, то отрывком) — двойной листок исписан ровным, разборчивым почерком. Характер размещения текста (на л. 1–1 об. — начало главы с обрывом на середине фразы; на л. 2–2 об. — фрагмент, не являющийся его продолжением, но начинающийся с середины фразы, с обрывом на знаке переноса слова) позволяет предположить, что этот двойной листок извлечен из более или менее полного текста главы VIII и в середине этого листка находился другой, несохранившийся — отсюда кажущаяся отрывочность текста. Следует обратить внимание и на то, что в отличие от сохранившихся глав *ЧА1*, близких следующему источнику (*АК1*), текст *ЧА2* от указанного источника очень далек. Более того, большая часть текста в следующие редакции вообще не вошла, за исключением отдельных деталей, перенесенных в другие главы: любование Чичикова собственным подбородком — в сцену пробуждения Чичикова в главе VII (в нижний слой *АК1*); замечание о так называемых «древних фамилиях» — в конец главы V (в ином стилистическом варианте появляется уже в *ЧА1*, затем в нижнем слое *АК1*, и в переработанном виде, близком тексту указанного наброска, — в верхнем слое *АК1*); упоминание о длинном подбородке, который приходится ежеминутно закрывать платком, — в главу VI (в верхний слой *АК1* — отнесено к Плюшкину).

Это позволяет предположить, что *ЧА2* — фрагмент одной из первоначальных редакций главы VIII, впоследствии (при работе над другими редакциями) подвергшийся кардинальной переработке. При этом уже в сам текст *ЧА2* другими чернилами (т.е. не в момент написания) была внесена характерная, своего рода автоцензурная правка: «и я, несмотря на неповоротливость, глядел в глаза и старался» (нижний слой) — «и я старался» (верхний слой); «благоговение, которое питалось в душе к разным правителям канцелярий и министрам» (нижний слой) — «благоговение, которое питалось в душе к разным правителям канцелярий и многим другим достойным людям» (верхний слой); «не хочу видеть тех физиогномий, на которые плевать, несмотря на все их декорации, как бы они ловко ни шаркали ногою» (нижний слой) — «не хочу видеть тех физиогномий, при которых приходит мысль о плевательнице» (промежуточный слой) — «не хочу видеть тех физиогномий, которые мне не нравятся» (верхний слой); «Словом *Вы* называют всех подлецов...»

(нижний слой) — «Словом *Вы* называют всех...» (верхний слой); «...начинают даже производить подлый род свой...» (нижний слой) — «...начинают даже производить род свой» (верхний слой). Характеристику *Ч42* в соотнесении с *Ч41* см. также: *Манн 1987. С. 41–45.*

Определить точное время создания *Ч42* чрезвычайно сложно. По характеру текста («А теперь, как унесло меня море из нашей странной Империи...»), эмоционально (резкие, нервные интонации) и стилистически (вплоть до словесных совпадений с осенними письмами 1836 г. Погодину и Жуковскому) *Ч42* тяготеет к первоначальному периоду работы над *МД* за границей, т.е. к лету—осени 1836 г., как предполагал Шенрок (В.В. Гиппиус считал даже, что *Ч42*, с его «личным по сравнению с позднейшими редакциями тоном», хоть и написан за границей, но связан с самой ранней редакцией *МД*, главы из которой были прочитаны Пушкину — *Гиппиус В. Гоголь. Л., 1924. С. 141*). Вместе с тем некоторые обстоятельства как будто расшатывают эту датировку: использование отдельных фрагментов черногого автографа в поздних рукописях (вплоть до верхнего слоя *АК1*), сам факт принадлежности *Ч42* к далекой от начала главе VIII. И все же «ранняя» датировка *Ч42* (лето—осень 1836 г.) кажется единственно возможной. Правда, в этом случае приходится допустить, что Гоголь, во-первых, решил использовать отдельные фрагменты *Ч42* (в целом отвергнутого) только на одном из поздних этапов работы над рукописью (во второй половине 1840 г.), и, во-вторых, что интересующий нас черновой автограф главы VIII, возможно, был написан раньше других глав, «вне очереди».

18 мая 1840 г. Гоголь выехал из Москвы вместе с В.А. Пановым (*Аксаков 1960. С. 39*). В день отъезда он дал обещание вернуться в Россию через год и привезти первый том *МД*, «совершенно готовый для печати» (там же). «Это обещание, — добавляет С.Т. Аксаков, — он сдержал, но тогда мы ему не совсем верили» (там же). Гоголь возвратился с готовым текстом первого тома через год и пять месяцев. Очевидно, что на этот, не слишком продолжительный, период времени пришлось огромная работа. Уже 29 мая (10 июня), будучи в Варшаве, Гоголь вновь и вновь напоминает о доставлении ему документальных материалов для первого тома. На этот раз он обращается к С.Т. Аксакову с просьбой прислать с К.С. Аксаковым «каких-нибудь докладных записок и дел», добавляя при этом, что и М.С. Щепкин со своей стороны обещался доставить. «Деловые бумаги и разные акты, которых Гоголь добивался постоянно, — поясняет С.Т. Аксаков, — вероятно, были ему нужны для того, чтоб поверить написанные им в “Мерт(вых) душ(ах)” разные судебные сделки Чичикова...» (*Аксаков 1960. С. 42*). В июне 1840 г. С.Т. Аксаков заверил Гоголя, что его просьба будет выполнена: Щепкин «обнимает вас, — писал он, — и обещает доставить много “записок из дел”, к которым

я присоединю свои: все это привезет вам Константин, если не встретится оказии прежде» (Гоголь. *Переписка*. Т. 2. С. 12). Однако поездка К.С. Аксакова за границу так и не состоялась — в связи с несчастьями в семье: 12 августа 1840 г. умер Г.И. Карташевский (муж Н.Т. Карташевской, родной сестры С.Т. Аксакова), а 5 марта 1841 г. Аксаковы потеряли сына Михаила (*Аксаков 1960*. С. 42).

В.А. Панов, сопровождавший Гоголя до Вены, сообщал 21 июня (3 июля) 1840 г. К.С. Аксакову «литературные» подробности этого путешествия: «При въезде в города повторялись на словах сцены из начала 1-й главы “Мертвых душ”» (*ЛН*, т. 58. С. 590). Не совсем понятно, что имел в виду Панов, — вероятно, устные авторские параллели между увиденным в дороге и началом первой главы поэмы. Расставшись с Гоголем в Вене 11 июля нового стиля, Панов воссоединился с ним 21 августа (2 сентября) 1840 г. в Венеции, откуда они отправились в Рим и добрались до места 13 (25) сентября — см. письмо Гоголя С.Т. Аксакову от 25 июня (7 июля) 1840 из Вены; фрагмент письма В.А. Панова К.С. Аксакову из Вены, датированный 26 июня (8 июля) 1840 г. (*ЛН*, т. 58. С. 594); письмо В.А. Панова С.Т. Аксакову от 9(21) ноября 1840 г., с припиской от 14(26) ноября (Сочинения и письма Н.В. Гоголя / Изд. П.А. Кулиша. Т. 5. СПб., 1857. С. 424–425, без приписки; полностью: Письма Н.В. Гоголя / Ред. В.И. Шенрока. Т. 2. СПб., (1901). С. 87–89).

Август—сентябрь 1840 г. ознаменовался переломом во внутренней жизни Гоголя. Он пережил тяжелую, мучительную болезнь (самый трудный период — в Вене, во второй и третьей декадах августа по новому стилю — см.: *Манн 2004*. С. 583), из которой, благодаря неожиданно исцелению (которое воспринял как воскресение), вышел духовно укрепившимся, обновленным: «Я заболел жестоко, и, боже, как заболел» (письмо П.А. Плетневу от 18(30) октября 1840 г. из Рима); «...пишу к вам, потому что здоров, благодаря чудной силе Бога, воскресившего меня от болезни, от которой, признаюсь, я не думал уже встать. Много чудного совершилось в моих мыслях и жизни!» (письмо С.Т. Аксакову от 16(28) декабря 1840 г. из Рима); «Чудно-милостив и велик Бог: я здоров. <...> Многое совершилось во мне в немногое время <...> Я покоен. <...> Я так покоен, что даже не думаю вовсе о том, что у меня ни копейки денег. Живу кое-как в долг. Мне теперь всё трюнь-трава» (письмо М.П. Погодину от 16(28) декабря 1840 г. из Рима); «Я слышу часто чудные минуты, чудной жизнью живу, внутренней огромной, заключенной во мне самом, и никакого блага и здоровья не взял бы. — Вся жизнь моя отныне — один благодарный гимн. — Не пеняйте, что я до сих пор не уплачиваю вам взятых у вас денег. Всё будет заплочено, может быть, нынешней же зимою. Наконец не с потупленными очами я предстану к вам, а теперь я вижу и дивлюсь сам, как живу во всех отношениях ничем,

и не забочусь о жизни, и не стыжусь быть нищим» (письмо В.А. Жуковскому от января—апреля 1841 г. из Рима). Подобными настроениями окрашен весь завершающий период подготовки текста поэмы.

После отъезда из России работа над МД, судя по всему, приобрела очень интенсивный характер. Как уже отмечалось выше, верхний слой ЧА1 и нижний слой следующей сохранившейся рукописи МД (АК1) не идентичны. Исходя из этого, мы должны предположить либо наличие между ними промежуточного, не дошедшего до нас рукописного источника, либо допустить возможность создания АК1 (или хотя бы части этого источника) под диктовку (в Ак. идея существования промежуточного источника подвергается сомнению и высказывается предположение либо о частичной диктовке, либо о создании промежуточных материалов на отдельных, несохранившихся листах — Т. VI. С. 883). Судя по всему, второе предположение (о возможности диктовки) более основательно (подробнее см. ниже).

Очевидно, значительная часть материалов могла быть подготовлена ранее — в Москве и в Петербурге. Гоголь провел в России около восьми месяцев — для заключительной, очень напряженной, стадии работы над МД это огромный отрезок времени. Более того, будучи в Москве, Гоголь сообщил друзьям, что том будет завершён через год: в письме В.А. Жуковскому около 4 января 1840 г. из Москвы («Обожди я год, покамест выйдет мой новый роман...») и в разговоре с Аксаковыми 18 мая 1840 г. в день отъезда из Москвы (обещал привезти готовый для печати том через год — Аксаков 1960. С. 39). Такие обещания, по-видимому, имели под собой серьезные основания, связанные с существенным продвижением замысла. Работа над томом в России могла идти по двум направлениям: правка первых шести глав (по мере их прочтения) и подготовка черновых материалов для следующих — в виде черновых набросков или связной черновой редакции (ЧА1, как неоднократно отмечалось, обрывается на главе VI). Нельзя исключать (хотя с некоторой долей сомнения) возможность создания части рукописи АК1 в Москве и Петербурге (что допускал и В.И. Шенрок — Тих. Т. 7. С. 580). Эта авторизованная копия (с обширной гоголевской правкой), условно говоря, распадается на две части. Первая, включающая главы I—VI (т.е. как раз те, которые Гоголь читал в России), переписана двумя неустановленными лицами (главы I, IV, V — одним, главы II, III, VI — другим), вторая (включающая главы VII—XI) переписана рукой В.А. Панова (т.е. несомненно уже в Риме). При этом характерно, что именно в начальной части главы VII происходит смена бумаги: главы I—VI (л. 1в—54) и начало главы VII (л. 54 об.—57 об.) написаны на бумаге русского производства (штемпель: эмблема — двуглавый орел, литерная часть — «Ярославской Фабрики князя Гагарина»); продолжение главы VII и все последующие главы (л. 58—152) — на бумаге без филиграней и штемпелей (подроб-

нее см.: «Источники текста»). Характер авторской правки в двух частях рукописи также различен: в главах I—VI она внесена четким, твердым, округлым почерком, средней толщины пером; на стыке глав VI и VII (начиная с л. 53 об.) и далее — торопливым, менее разборчивым почерком, более тонким пером. При этом между л. 57 об. и 58 (т.е. именно там, где происходит смена бумаги) в тексте имеет место большой пропуск, т.е. отсутствует несколько листов (архивная пагинация при этом, конечно, не нарушена). На стыке VI и VII глав — еще одна текстологическая загадка: первые восемь строк главы VII написаны рукой того же лица, которой переписаны главы II, III, VI; затем они зачеркнуты и ниже (без пробела) глава VII написана с самого начала (при этом первые восемь строк в несколько измененном виде), уже рукой В.А. Панова. Объяснить эту загадку можно двояко: либо первые шесть глав переписаны в России (постепенно, по мере того, как Гоголь читал их в Москве и Петербурге и, вероятно, исправлял) — но при этом придется допустить, что была готова и глава VII или ее часть, также предоставленная переписчику; либо вся рукопись АК1 изготовлена в Риме — в этом случае она по каким-то причинам сначала была отдана переписчикам (возможно, Гоголь не сразу привлек к работе Панова или поручил ему сначала копирование какой-то другой рукописи), а затем передана Панову. Характерно, что ни к первым шести главам, ни к главе VII нижнего слоя АК1 не сохранилось никаких черновых набросков, в то время как к главам VIII—XI (особенно к трем последним) — великое множество. Этот факт легко объяснить, если допустить создание первой половины АК1 в России: наброски, относящиеся к первым шести (а возможно, и семи) главам были больше не нужны (следовательно, либо оставлены в Москве, либо уничтожены). Косвенным подтверждением того, что первая часть АК1 была изготовлена в России, служит деталь, подмеченная В.И. Шенроком в главе VI МД, а именно описание оживленной торговли в той части Москвы, которая идет «от Плющихи до Смоленского рынка» (Тих. Т. 7. С. 580). Шенрок не без основания связывал эти реалии со свежими впечатлениями автора, жившего во время пребывания в Москве именно в этой части города, — на Девичьем поле, в доме М.П. Погодина (там же). Появляется это описание только в верхнем слое АК1, что может быть объяснено по-разному, в частности, и тем, что глава VI была переписана в Москве, а затем (возможно, на основании ныне утраченных набросков) дополнена соответствующим текстом.

Вероятность того, что первая половина АК1 хотя бы частично была написана под диктовку, подтверждается несколькими фактами. В первой черновой редакции МД (ЧА1) сохранились авторские карандашные пометы — скобки, в которые заключены отдельные фразы или группы фраз. В большинстве случаев в нижнем слое АК1 соответствующие фрагменты представлены в иной редакции. Более того, в двух случаях этот новый

текст написан Гоголем собственноручно: на л. 6—6 об. (дополнительно вложенном в АК1) и на л. 8 об. В одном случае (на л. 4—4 об.) рукой Гоголя в АК1 написан фрагмент, которому в ЧА1 соответствует текст очень «грязный», с элементами незавершенной правки; при этом Гоголь сменяет переписчика буквально на середине фразы и затем на середине фразы (дойдя до чистого, понятного текста) останавливается. Предположить, что в рукописи были оставлены свободные листы (например, если переписчик не мог разобрать текст или отдельные фрагменты не были готовы для переписки), вряд ли возможно, так как на стыках почерка переписчика и почерка Гоголя нет никаких пробелов, «накладок», неизбежных в таких случаях. Остается предположить, что автор и переписчик работали в непрерывном контакте, при котором Гоголь в случае необходимости подменял переписчика и вписывал отдельные фрагменты текста собственной рукой. Другими словами, вероятнее всего то, что Гоголь диктовал текст, а незадолго до этого правил ЧА1.

Другая деталь, подтверждающая эту версию, — недописанная в АК1 фраза: «Учитель опять» (л. 9 об.). Для переписчика здесь не было трудностей — в ЧА1 фраза написана полностью и четко: «Учитель опять настоятельно предупредил свой слух и зрение». Причина пропуска может быть связана с тем, что в момент диктовки прежний вариант не удовлетворил Гоголя, а новый не был сразу найден. Характерно, что и в следующей редакции (АК2) фраза первоначально не имела конца, но позже рукой Гоголя было приписано: «насторожил внимание». Еще один характерный случай: по ошибке реплика Чичикова («Это, я вам скажу, действительно случается?») — конец л. 10 об.) первоначально написана без абзаца, сразу после реплики Манилова, затем зачеркнута и написана на новом листе (л. 11), как полагается, с абзаца, но уже в несколько измененном виде: «Это действительно случается...» (и далее).

Еще раз рука Гоголя сменяет руку переписчика в главе V (большая часть л. 32 и л. 32 об.). Здесь автор собственноручно пишет большой фрагмент текста (следует после отъезда экипажа с «молоденькой незнакомкой»), содержащий размышления о встрече человека хоть раз в жизни с «явленьем, не похожим на все то, что случалось ему видеть» прежде, и описание раздумий Чичикова об исчезнувшей девушке (ее воспитании, происхождении и т.д.). Правда, в данном случае можно говорить о том, что в рукописи специально было оставлено свободное место, так как последние слова на л. 32 об. не согласовывались с текстом, следующим далее (на л. 33), и в месте «стыковки» была сделана корректирующая правка. Видимо, данный фрагмент в ЧА1 был написан неразборчиво, а скорее всего (судя по негативному тону, с каким от имени Чичикова, но вполне в духе самого автора, толкуется о предстоящем светском воспитании незнакомки — «В один год так ее наполнят всяким бабьем...») появился только в АК1, где и был вписан автором. Все эти

текстологические детали становятся понятными при одном условии — если первая половина *АК1* частично была написана под диктовку, а участники этого процесса (диктовавший и писавшие) находились в тесном контакте. Оговорка «частично» касается главы VI, текст которой в *ЧА1* и в нижнем слое *АК1* столь близки, что в данном случае вполне можно допустить факт перебеливания рукописи переписчиком.

Поскольку к созданию следующей рукописи, *АК2*, Гоголь вероятнее всего приступил около середины февраля 1841 г. (подробное обоснование см. ниже), получается, что работе над *АК1* с момента приезда в Рим (т.е. с середины сентября 1840 г. по старому стилю) могло быть уделено около пяти месяцев. Возможно, Гоголь продолжал трудиться над поэмой и в дороге (т.е. в мае—июле, до начала болезни). В письмах Панова С.Т. Аксакову, от 9(21)ноября 1840 г. из Фраскати, с припиской от 14(26) ноября из Рима (Письма Н.В. Гоголя / Ред. В.И. Шенрока. Т. 2. СПб., 1901). С. 87—89), и К.С. Аксакову, от 31 декабря 1840 г. (12 января 1841 г.) из Рима (*ЛН*, т. 58. С. 596, 598) о МД нет ни слова. Известно лишь о том, что Панов на короткое время уезжал из Рима: «Приехавши сюда из Фраскати, куда я отправился дней на пять (...) я нашел Ник. Вас. совершенно уже поправившегося. Он теперь гораздо веселее. Вспоминает всегда с удовольствием об России. А поехал вить для того, чтоб с ней рассориться» (приписка от 14(26) ноября 1840 г.: Письма Н.В. Гоголя / Ред. В.И. Шенрока. Т. 2. С. 89; с уточнениями по автографу — *ОР РГБ. Ф. 3* (Аксаковы). ГАИС. III. К. 1. Ед. хр. 21. Л. 1, 2 об.). Судя по всему, единственным человеком, которого Панов посвятил в свою работу, связанную с МД, был находившийся в ту пору в Риме Ф.И. Буслаев. Последний свидетельствовал, что Панов в ту пору состоял при Гоголе «домашним секретарем, когда нужно было что переписать» (*Буслаев Ф. Мои воспоминания // ВЕ. 1891. Т. IV. Кн. 7. С. 212*; в сокращении: *Гоголь восп. совр. 1952. С. 224*). По приезде в Рим Панов «точас же отыскал» Буслаева, в дальнейшем они виделись периодически, и однажды, после двух или трехнедельного перерыва в этих встречах, Буслаев услышал от Панова следующий рассказ о его работе: «Все это время (...) был я занят великим делом, таким, что ты и представить себе не можешь; продолжаю его и теперь. (...) Гоголь написал великое произведение, лучше всех Лаокоонов и Аполлонов; называется оно “Мертвые души”, а я его теперь переписываю набело» (*Буслаев Ф. Мои воспоминания // ВЕ. 1891. Т. IV. Кн. 7. С. 211—213*; *Гоголь восп. совр. 1952. С. 224*). Предположительно датировать эту встречу Буслаева с Пановым можно на основании следующих фактов: Гоголь и Панов приехали в Рим 25 сентября 1840 г. (по новому стилю), Буслаев приехал чуть позже — в начале октября, выехал из Неаполя в Рим 4 октября (*Буслаев Ф. Мои воспоминания // ВЕ. 1891. Т. IV. Кн. 7. С. 188—189*); 25 ноября писал М.Л. Боде-Колычеву, что находится в Риме два месяца (*ОР РГБ.*

Ф. 35. К. 1. Ед. хр. 13. Л. 23). Таким образом, переписка глав VII—XI (с одновременной авторской работой по подготовке материалов для перебеливания или диктовки) могла приходиться на середину сентября 1840—середину февраля 1841 г. Возможно, часть этого времени была затрачена на создание черновой редакции второй половины рукописи, возможно, работа шла параллельно (т.е. готовые главы копировались, а последние находились еще в процессе создания).

Исходя из всего вышеизложенного, очевидно, что датировать работу над *АК1* сколько-нибудь уверенно чрезвычайно сложно. Известные к настоящему времени факты позволяют допустить вероятность начала работы над *АК1* в Москве и Петербурге весной 1840 г., однако не дают оснований для окончательных выводов. Поэтому до выявления дополнительных доказательств (самым объективным из них могло бы быть установление личности переписчиков первых шести глав рукописи) работу над *АК1* в целом (допуская возможность создания первой половины рукописи в России) приходится предположительно датировать весной 1840—середины февраля 1841 г. (не исключая при этом возможного ограничения этой датировки только «римским» периодом, т.е. временем с середины сентября 1840 г. до середины февраля 1841 г.). Такая датировка не противоречит выводам других исследователей. Так, М.Н. Марковский считал, что первая полная редакция МД была закончена в самом начале 1841 г. (*Марковский 1902. С. 155*), такой же датировки придерживались Н.С. Тихонравов, В.И. Шенрок (*Тих. Т. 7. С. 581*), комментаторы прежнего академического издания (*Ак. Т. VI. С. 883*).

Изготовленные главы второй черновой редакции (подробнее о работе над этой рукописью см. ниже) Гоголь начал интенсивно править (вероятно, параллельно с диктовкой Панову последующих глав). Судя по всему, именно об этой правке Гоголь писал 16(28) декабря 1840 г. из Рима С.Т. Аксакову: «Я теперь приготавливаю к совершенной очистке первый том “Мертвых душ”. Переменяю, перечищаю, многое перерабатываю вовсе и вижу, что их печатание не может обойтись без моего присутствия. Между тем дальнейшее продолжение его выясняется в голове моей чище, величественней, и теперь я вижу, что может быть со временем кое-что колоссальное, если только позволят слабые мои силы. По крайней мере, верно, немногие знают, на какие сильные мысли и глубокие явления может навести незначительный сюжет, которого первые, невинные и скромные главы вы уже знаете». В том же письме Гоголь пишет о той роли, которую сыграло в его жизни сближение с семейством Аксаковых (осенью 1839 — весной 1840 г.): «В моем приезде к вам, которого значения я даже не понимал вначале, заключалось много, много для меня. Да, чувство любви к России, слышу, во мне сильно». Говоря об этом письме Гоголя в своих воспоминаниях, Аксаков приходит к следующему заключению: «Слова самого Гоголя утверждают меня в том мнении,

что он начал писать “Мертвые души” как любопытный и забавный анекдот; что только впоследствии он узнал, говоря его словами, “на какие сильные мысли и глубокие явления может навести незначущий сюжет”; что впоследствии, мало-помалу, составилось это колоссальное здание, наполнившееся болезненными явлениями нашей общественной жизни; что впоследствии почувствовал он необходимость исхода из этого страшного сборища человеческих уродов, необходимость — примирения...» (Аксаков 1960. С. 48–49). Эту трансформацию замысла С.Т. Аксаков частично связывал с пребыванием Гоголя в Москве, в семье Аксаковых, полагая, что именно тогда в Гоголе усилилось «русское движение» (там же, с. 49). В подтверждение этого тезиса С.Т. Аксаков ссылался на упоминаемое выше письмо Гоголя и на некоторые фрагменты первого тома МД: «...в первом томе “Мертв(ых) д(уш)” многие места в этом духе очевидно вставлены и даже не совсем гармонируют с прежними речами» (там же). О характере переработки прочитанных Аксаковым глав в ближайшем к ЧА1 источнике (т.е. в АК1) подробнее см. ниже. 16(28) декабря 1840 г. Гоголь написал о работе над МД и М.П. Погодину: «...занимаюсь переправками, выправками и даже продолжением Мертвых душ, вижу, что предмет становится глубже и глубже. Даже собираюсь в наступающем году печатать первый том, если только дивной силе Бога, воскресившего меня, будет так угодно» (отметим, что о «продолжении» МД, т.е. о работе над вторым томом, говорится впервые). Может быть, именно это сообщение дало основание М.П. Погодину поместить в журнале многообещающее известие: «Гоголь написал уже два тома своего романа *Мертвые души*. Вероятно, скоро весь роман будет кончен, и публика познакомится с ним в нынешнем году» (Литературные новости // Москв. 1841. Ч. 1. № 2. «Смесь». С. 616; без подписи. Ценз. разр. 31 января 1841 г.). Даже по прошествии двух лет, уже после выхода первого тома МД, Гоголь все еще не мог опомниться от подобного редакционного произвола: «...когда, к величайшему изумлению моему, напечатано было в “Москвитянин” извещение, что два тома уже написаны, третий пишется, и всё сочинение выйдет в продолжение года, тогда не была даже кончена первая часть» (письмо Гоголя С.П. Шевыреву от 16(28) февраля 1843 г. из Рима).

В Ак. упомянутые письма Гоголя С.Т. Аксакову и Погодину также связываются с работой над АК1 (Ак. Т. VI. С. 884). Н.С. Тихонравов, а вслед за ним и В.И. Шенрок относили изготовление АК1 переписчиком к началу 1841 г., предполагая, что в вышеупомянутом письме к С.Т. Аксакову от 16(28) декабря 1840 г. шла речь лишь о подготовке к созданию этой рукописи, т.е. о работе над предшествующими источниками (Тих. Т. 7. С. 581). Эта точка зрения практически никак не обоснована. Между тем в пользу предложенной нами более ранней датировки

(в дополнение к изложенным выше аргументам), можно высказать и некоторые предположения чисто логического характера. С одной стороны, вероятно, что в середине февраля 1841 г. Гоголь приступил к работе над следующей рукописью МД, а именно над АК2 (обоснование датировки этого источника см. ниже). С другой стороны, характер рукописи АК1 (содержащей обширнейшую, сложнейшую авторскую правку) говорит о том, что работа над ней потребовала немало времени. Поэтому логичнее предположить, что в середине декабря 1840 г., когда Гоголь сообщил о продвижении дел (в письмах С.Т. Аксакову и Погодину), перед ним лежала именно АК1. Содержащаяся в письме Гоголя С.Т. Аксакову от 16(28) декабря 1840 г. похвала в адрес В.А. Панова («Панов молодец во всех отношениях...»), вероятно, в какой-то мере связана и с его участием в изготовлении этой рукописи.

Сохранившиеся рукописные источники позволяют приблизительно восстановить ход работы Гоголя над первым томом МД после его отъезда из Москвы (18 мая 1840 г.). Выше было высказано предположение, что в России Гоголь читал первые шесть глав МД по тетрадке, условно обозначенной нами ЧА1. Следующая сохранившаяся рукопись первого тома — авторизованная копия: главы I, IV, V — рукой одного переписчика, главы II, III, VI — рукой другого; главы VII—XI — рукой В.А. Панова, с обширной авторской правкой чернилами и карандашом, отдельные листы написаны рукой Гоголя (в нашем обозначении — АК1). Рукопись — в желто-коричневом картонном переплете, с кожаным корешком и уголками. На корешке тиснение золотом: «Н.В. Гоголь. Мертвые души. Т. 1» и марка Публичной библиотеки: «И.Б.». Формат бумаги — 23,0 × 18,0, за исключением оборванных листов и листов с черновыми набросками (см. «Источники текста», а также ниже). В рукописи преобладает бумага двух сортов. В первой половине — желтоватая, со штемпелем в овальной рамке (разм. 2,2 × 1,8): эмблема — двуглавый орел, литерная часть — «Ярославской фабрики князя Гагарина» (л. 1в — 57, хорошо виден на л. 2, 37, 44), во второй — чуть светлее, без филиграней и штемпелей (л. 6, 41, 43, 58—152), за исключением листов с черновыми набросками (см. «Источники текста»); а также л. 107/108 — двойной, 109, 114, 115а, 116/128 — двойной, (с филигранью: на левой половине листа — орел на скале в круге и «белая дата» «1828», на правой половине — литеры: JESJ (вязью), воспроизведена: Тух. Т. 1. На вклейке перед титульным листом, под № 1 и 6). Часть рукописи имеет постраничную авторскую пагинацию чернилами (глава II и часть главы III). Архивная пагинация — чернилами, на всех листах рукописи (л. 1—154). На восьми листах, в настоящее время входящих в АК1, — фрагмент черного автографа главы XI (л. 138б — см. ЧА3) и одновременные черновые наброски: к нижнему слою АК1 (л. 100а об., 120а — см. ЧН8), к верхнему слою АК1 (л. 1а, 1б, 153—154 об. — см. ЧН12), к нижнему

и верхнему слою *AK2* (л. 125–125 об. — см. *ЧН16*). На некоторых листах *AK1* имеются цифровые пометы карандашом (см.: «Источники текста»). Эти пометы, как правило, предваряют черновые наброски (на листах, вшитых в *AK1*) или сопутствуют «неблагополучным» местам текста (т.е. тем, где отсутствует начало главы, недостает фрагмента главы и т.д.). Исследования показали, что эти пометы указывают на номера соответствующих страниц в издании П.А. Кулиша: Сочинения и письма Н.В. Гоголя. Т. 4. СПб., 1857. Очевидно, они принадлежат одному из первых архивариусов, который работал с рукописью, отмечая при этом, к какой странице указанного издания относится тот или иной набросок или «непонятный фрагмент».

В 1865 г. в «Русском архиве» был опубликован отрывок из рукописи *AK1* под названием «Повесть о капитане Копейкине. (Первоначальная редакция.)» — *РА*. 1865. Вып. 7. Стб. 775–788 (по верхнему слою, с приведением предшествующей правки в примечаниях; напечатан текст: «После кампании 12-го года, сударь ты мой ~ не удастся ли какое-нибудь, в некотором роде, новое предприятие...»). При этом в редакционном примечании (за подписью «П(етр) Б(артенев)») была выражена благодарность старшему библиотекарю Императорской Публичной библиотеки А.Ф. Бычкову («за доставление этих любопытных разноречий») и родственникам Гоголя, позволившим (при посредничестве Ф.В. Чижова) поместить их в «Русском архиве» (там же, стб. 775). В заметке самого А.Ф. Быčkova сообщается, что в 1862 г. Императорская Публичная библиотека получила в дар от архитектора С.А. Иванова (из Рима) несколько черновых рукописей Гоголя, «и в том числе отрывки из первой части “Мертвых душ”». В этих отрывках, между прочим, находится и первоначальная редакция “Повести о капитане Копейкине”» (там же). В «Отчете» самой библиотеки также сообщается о подаренных «отрывках из первой части “Мертвых душ”» (Отчет Императорской Публичной Библиотеки за 1862 год. СПб., 1863. С. 48). Остается неясным, почему и в публикации, и в «Отчете...» речь идет об «отрывках» из первого тома МД, тогда как сам опубликованный фрагмент явно является не отрывком, а неотъемлемой частью рукописи *AK1*. Отметим, что в Отделе рукописей библиотеки (ныне: Российская национальная библиотека) хранятся две полные рукописи поэмы (в нашем обозначении *AK1* и *AK3*) и черновой автограф фрагмента главы XI (в нашем обозначении *ЧА6*), что зафиксировано в описании рукописей (*Описание РНБ*. С. 13–15). При этом в описании *AK1* указано, что она поступила их архива А.А. Иванова через С.А. Иванова в 1862 г. (там же, с. 14). «Отрывками» очень условно могли быть названы черновые наброски, вплетенные в *AK1*, но очевидно, что Бычков имел в виду иное — именно входящую в *AK1* «Повесть о капитане Копейкине».

В отличие от *ЧА1*, содержащего текст лишь четырех глав первого тома (глава II — без начала и конца, глава III — без начала, конца и фрагмента диалога Чичикова с Коробочкой, глава V — начиная со сцены торговли Чичикова с Собакевичем, глава VI), *АК1* содержит текст всех одиннадцати глав. Правда, и в этом источнике некоторые главы представлены не полностью: глава I — небольшим фрагментом (на одном листе); в главе III отсутствуют начало и сцена торговли Чичикова с Коробочкой, в IV — первая треть (до характеристики Ноздрева) и финальная часть, в главе V — начало и сцена торговли Чичикова с Собакевичем, в главе VI — начало и фрагмент диалога Чичикова с Плюшкиным, в главе VII — характеристика реестра мужиков, составленного Собакевичем. Отметим, что в публикации В.И. Шенрока глава III выглядит несколько иначе, чем в рукописи *АК1*. Приведенный им текст начинается со слов: «люди. Я с удовольствием поговорю, коли хороший человек» (т.е. примерно на лист ранее, чем в рукописи *АК1*, — *Тух.* Т. 7. С. 19—20). Скорее всего, здесь имеет место текстологическое недоразумение, поскольку напечатанный им «дополнительный» текст полностью идентичен соответствующему тексту главы в *ЧА1*, причем нижнему слою этого источника. Более того, в *ЧА1* текст главы III начинается именно с приведенных выше слов. Таким же образом Шенрок поступает и в других, подобных, случаях — по сохранившемуся тексту *ЧА1* (верхнему его слою) напечатаны недостающие фрагменты *АК1*: вторая половина главы III, начало главы VI.

Сопоставление *ЧА1* с соответствующей частью нижнего слоя *АК1*, как уже отмечалось выше, показывает, что большая часть *АК1* не является простой копией глав, содержащихся в *ЧА1*. Слово «копия» применимо только к тексту главы VI — здесь расхождения между *ЧА1* и нижним слоем *АК1* столь малы, что вполне могут быть истолкованы как погрешности при переписке или диктовке. Сравнительный анализ остальных глав *ЧА1* и *АК1* выявляет их очень большую, часто дословную, текстологическую близость (видимо, в *ЧА1* уцелели именно те главы и части глав, которые на тот период совершенно устраивали автора). Расхождения очень незначительные — в основном стилистического характера. Отличия более существенные связаны с наличием в *АК1* детализированных сравнений и описаний. Одно из них появляется в главе II: «День был не то серый, не то мрачный, а просто цвету мундира гарнизонных солдат, этого, впрочем, мирного войска, но мертвецки пьяного по воскресным дням» (кстати, впервые это сравнение фигурирует еще в *ЧА1* — в промежуточных и незачеркнутых вариантах, но в последнем слое правки отсутствует). Краткое определение петуха как «предвестника переменчивой погоды» (в *ЧА1*) в *АК1* приобретает следующий вид: «...предовозвестник переменчивой погоды, который, несмотря на то, что голова его продолблена была до самого мозга носами других петухов по

известным делам волокитства, горланил очень громко и даже похлопывал крыльями, обдерганными, как старые рогожки» (оба примера — из текста, написанного Гоголем собственноручно на л. 4).

Случай возврата к промежуточному варианту *ЧА1* (в описании цвета дня) не является единственным. Другим, еще более показательным примером может служить история знаменательного признания Чичикова (в беседе с Маниловым). В промежуточном слое *ЧА1* появляются слова: «За правду и потерпел даже», в верхнем слое Гоголь от них отказывается, но в *АК1* — в несколько измененном виде — они появляются снова («потерпел и по службе» — в нижнем слое, «и потерпел по службе» — в верхнем слое) и сохраняются (с небольшими модификациями) во всех рукописях вплоть до прижизненного издания поэмы. Точно так же в верхнем слое *АК1* Гоголь возвращается к сравнению, которое фигурирует в первоначальном варианте *ЧА1*: выражение лица Манилова (в одном из моментов в разговоре с Чичиковым) здесь уподобляется выражению лица министра.

В *АК1* по сравнению с *ЧА1* опущены некоторые сцены, в частности эпизод (в главе III), в котором Чичиков и Селифан поднимают перевернувшуюся бричку и при этом слуга получает от хозяина «порядочный удар в ухо» (таким образом, единственный случай рукоприкладства Чичикова не выходит за рамки первой черновой редакции).

Иные фрагменты, напротив, добавляются. Так, в главе V (здесь сопоставление *ЧА1* и *АК1* — ввиду неполноты текстов — возможно лишь отчасти) в *АК1* появляется новый финал — подробное прибавление к рассуждению о способности русского народа «давать свои имена и прозвища» и о носителях так называемых древних фамилий (причем, дополняется именно «вторая» часть: описанием разговора «о родословной, неизвестно откуда взявшейся», в гостиной аристократического дома, «в кругу разубранных с обдуманною небрежностью дам и подобострастных Вычещенных и выскобленных департаментских франтов»).

Глава I (отсутствующая в *ЧА1*) представлена в нижнем слое *АК1* только одним фрагментом (на л. 1в) — финальной частью, с описанием светских визитов Чичикова и того впечатления, которое он произвел на первых лиц города. Этот финал (судя по всему, устраивавший автора) текстологически достаточно близок к основному тексту, а последняя фраза совпадает с ним дословно. Глава II (в *ЧА1* не имеющая начала и конца) в *АК1* представлена в полном виде. При этом начало (в нижнем, писарском слое рукописи) сильно отличается от окончательного текста (подробнее об этом см. ниже), а финал, напротив, очень ему близок. Глава III, как отмечалось, представлена в нижнем слое *АК1* не полностью: отсутствует начало, а сохранившаяся часть обрывается как раз в самом начале сцены торговли Чичикова с Коробочкой. В *АК1* впервые представлена и глава IV — без первой трети (начинается с характеристики Ноздрева) и

финальной части, но с полностью сложившейся сюжетной основой. Глава V, в ЧА1 начинающаяся сценой торговли Чичикова с Собакевичем, в нижнем слое АК1 представлена текстом, в котором отсутствует начало (до момента разъезда Чичикова с губернаторшей и губернаторской дочкой) и как раз упомянутая сцена торга. Глава VI, представленная в ЧА1 (единственная из всех) в полном объеме, в нижнем слое АК1 утрачивает начало и фрагмент диалога Чичикова с Плюшкиным.

Текст ЧА1, как уже отмечалось, главой VI оканчивается. В АК1 в полном объеме впервые зафиксирован текст и пяти последующих глав, с VII по XI. Разумеется, была создана черновая редакция этих глав — даже в том случае, если они написаны под диктовку, должна была существовать рукопись, которую Гоголь держал в руках, диктуя текст. Вероятнее всего, связанная черновая редакция последних пяти глав полностью сложилась после возвращения Гоголя из России — в противном случае он читал бы в Москве и Петербурге не только первые шесть глав, но и последующие.

Сюжетная схема главы VII в нижнем слое АК1 предстает в основном сложившейся, хотя два важных звена в ней все же отсутствуют: диалоги Чичикова с чиновниками палаты (двумя юными, стариком и главное — с Иваном Антоновичем, который здесь еще не фигурирует) и заключительный эпизод — с описанием похода Петрушки и Селифана в питейное заведение и с финальными строчками о рязанском поручике.

Текстологическая история последующих глав (VIII—XI) может быть воссоздана более полно, так как сохранились относящиеся к ним многочисленные черновые наброски. Большинство их (два — к главе VIII, двадцать четыре — к главе IX, три — к главе X и тридцать четыре — к главе XI) связано с ранним периодом работы над этой частью МД. Соотнесение набросков с первым черновым автографом (ЧА1) невозможно — ввиду отсутствия в нем соответствующих глав. Многие черновые наброски имеют карандашные цифровые пометы (см. «Источники текста»), которые в свое время ввели в заблуждение В.И. Шенрока (а впоследствии и комментаторов шестого тома академического издания — Ак. Т. VI. С. 883). Он предположил, что помета указывает на страницу рукописи, к которой относится данный черновой набросок. Следуя этому ходу рассуждений, Шенрок пришел к выводу о существовании ранней редакции последних пяти глав МД (своего рода продолжения ЧА1), которая была написана после завершения ЧА1 и предшествовала созданию сохранившихся черновых набросков к этим главам (Тух. Т. 7. С. 577). Рассуждения Шенрока нуждаются в уточнении. Первоначальная черновая редакция последних пяти глав, конечно, существовала. Но что касается цифровых помет, то они не имеют никакого отношения к этой редакции. На самом деле (как и в случае с пометами в АК1) они указывают на соответствующие номера страниц в издании П.А. Кулиша: Сочинения

и письма Н.В. Гоголя. Т. 4. СПб., 1857. Сопоставление же набросков со следующим сохранившимся источником (*АК1*), с одной стороны, показывает, что они, несомненно, предшествовали созданию нижнего, писарского, слоя этой рукописи, но, с другой стороны (в большинстве своем), вошли в него в основном в существенно переработанном виде. Это дает основание предположить, что большая часть набросков может относиться к периоду работы над несохранившейся черновой редакцией (или редакциями) указанных глав.

Два из имеющихся набросков, с характеристикой городских чиновников, относятся к главе VIII (*ОР РГБ. Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 19* — в нашем обозначении *ЧН1*). Они размещены на двойном листе бумаги: первый — на л. 1, второй — на л. 2 об. Такое расположение отвечает манере работы Гоголя над рукописями — при «обратном» развороте двойного листа на правой стороне (л. 1) оказывается набросок ⟨1⟩, а на левой стороне (л. 2 об.) — дополняющий его набросок ⟨2⟩. Подобная хронология дополняется сходством чернил и почерка: набросок ⟨2⟩ написан такими же светлыми чернилами и таким же почерком, каким сделана правка в наброске ⟨1⟩ и приписка к нему (последний абзац). На том же листе находятся набросок ⟨3⟩ к главе IX, набросок ⟨2⟩ к главе X и наброски (чернилами и карандашом), связанные с историей Древнего Рима (подробнее о них см. ниже).

Большая часть набросков, предшествующих созданию нижнего слоя *АК1*, относится к главе IX. Можно сказать даже, что эти разрозненные наброски (разные по объему) в совокупности составляют своего рода черновой автограф данной главы. Они размещены на одинарных, двойных и сложенных в тетрадку листах, в настоящее время хранящихся в виде семи архивных единиц в *ОР РГБ (Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 19–23, 25, 27)*, и на одинарном листе, вшитом в *АК1 (ОР РНБ. Q.XV.46. Л. 100а об. — ЧН8)*. Установить точную хронологическую последовательность заполнения этих листов очень сложно. Но вместе с тем текстологическое сопоставление набросков друг с другом и с *АК1* позволяет все же сделать некоторые предположения на этот счет.

К числу самых ранних, судя по всему, можно отнести наброски ⟨1⟩, ⟨5⟩, ⟨6⟩ и ⟨7⟩ (*Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 20* — в нашем обозначении *ЧН2*). Первый из них представляет собой начало главы IX, впоследствии видоизмененное (уже в наброске ⟨2⟩). Три следующих (с описанием встречи двух «дам» и «галантерейного» направления их разговора) отражают наиболее сильные (судя по всему, самые первоначальные) колебания автора в выборе имен-характеристик собеседниц. Судя по расположению текстов и логике изменения дамских имен, можно предположить, что наброски были написаны в такой последовательности: ⟨7⟩ (на л. 1) — здесь приехавшую даму автор называет прокуроршей (от чего впоследствии нарочито откажется), а ту, к которой приехали, — Анной Ивановной,

а затем (в дополнении на полях) — Анной Григорьевной; <6> (на л. 1 об.) — дама, к которой приехали, здесь названа Анной Петровной, Анной Андреевной; <5> (на л. 1 об.) — дама, к которой приехали названа Анной Григорьевной, приехавшая — Прасковьей Петровной, чиновницей; <1> (на л. 1 об.) — приехавшая дама здесь названа «одной из Чиновниц», а та, к которой приехали, — «тоже одной довольно значительно(й) и весьма почтенной Чиновницей».

Следующим, по-видимому, мог быть крошечный набросок <3> (Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 19 — в нашем обозначении ЧН1; уже отмечалось, что на этом же листе расположены два наброска к главе VIII и один набросок к главе X), где прокуроршей названа уже другая дама (ей наносят визит), которую Гоголь тут же, с характерной оговоркой («Виноват, совершенно позабыл...»), переименовывает в «некоторую» чиновницу и затем во избежание путаницы («Чтобы <...> не сбиться») впервые наделяет обеих героинь условными именами: Ихм. Хм. (приехавшая чиновница) и Гм. Гм. (чиновница, к которой приехали). Подобное наименование (приехавшая — Ихм. Ихм., та, к которой приехали, Гм. или Хм. Хм.) сохраняется в написанном теми же чернилами наброске <8> (Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 25 — в нашем обозначении ЧН6), одном из наиболее пространных, намечающем основную сюжетную канву не только главы IX, но и начала главы X — вплоть до «Повести о капитане Копейкине» (рассказ о визите Чичикова к Коробочке — в интерпретации приехавшей дамы, возникновение различных версий, толкующих поведение Чичикова, распространение сплетен о нем по городу, совещание в доме полицмейстера, «догадка» почтмейстера о том, что Чичиков — это капитан Копейкин).

Хронологическая близость перечисленных набросков (ЧН1, ЧН2, ЧН6) подтверждается общим цветом чернил (коричнево-рыжеватые, за исключением наброска <2> к главе X) и сходством бумаги: ее одинаковым качеством, размером (21,0 × 13,0), штампелем в прямоугольной вертикальной рамке (1,8 × 1,5) с закругленными краями: «РАРЕШТЕОТРАН(?)» (на ленте над гербом), герб под короной между львом и единорогом, «DUTCH HEART<...>» (на ленте под гербом), «HOUARD» (в нижней части рамки; штампель четко виден в ЧН1; в ЧН2 и ЧН6 — тиснение очень слабое). У С.А. Клепикова зафиксировано применение штампея в 1842 г. (Клепиков 1968. С. 137. № 206); в 1843–1845 гг. (Клепиков 1959. С. 112. № 250). Уже отмечалось, что ЧН1, помимо набросков к МД, включает в себя (на л. 1 об. — 2) и наброски по истории Древнего Рима (опубликованы: Тих. Т. 7. С. 576; Ак. Т. IX. С. 157. <10>). Последние, вероятнее всего, относятся ко времени преподавательской деятельности Гоголя в Петербургском университете (1834–1835), точнее, к тому времени, когда им был прочитан курс древней истории (1835). На бумаге с указанным штампелем написан черновой автограф явления II и начала явления III действия IV

для редакции второго издания «Ревизора» (ОР РНБ. Ф. 199. Ед. хр. 4. Л. 55 — подробнее см.: Наст. изд. Т. 4. С. 547), который датирован в настоящем издании концом 1840 — началом 1841 г., но только предположительно, т.е. возможность более ранней датировки не исключена (там же, с. 608—609). Исходя из этих фактов, мы можем допустить две возможности: либо указанные наброски к МД написаны одновременно с набросками по истории Древнего Рима (что маловероятно, так как Гоголь возобновил работу над МД лишь осенью 1836 г. в Швейцарии и к концу 1839 г. закончил только первую черновую редакцию первых шести глав), либо бумага указанного сорта (в том числе и листок с набросками по истории Древнего Рима) хранилась у Гоголя с петербургских времен в течение нескольких лет. Второе предположение кажется более вероятным, тем более что случаи многолетнего хранения Гоголем бумаги хорошо известны.

Далее в творческой истории главы IX, очевидно, следовала группа набросков, содержащих дополнения и уточнения к предыдущим. Это наброски <2>, <9—12>, <17>, <20—22>, <24> (ОР РГБ. Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 27 — в нашем обозначении ЧН7); <4>, <13—15> (ОР РГБ. Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 21 — в нашем обозначении ЧН3); <16> (наброски 13—15 являются в свою очередь черновыми набросками к 16), <18> (ОР РГБ. Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 22 — в нашем обозначении ЧН4) и <19> (ОР РГБ. Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 23 — в нашем обозначении ЧН5). Все они (а также упомянутый выше набросок <2> к главе X) написаны чернилами коричнево-рыжеватого оттенка. На этом этапе работы создается новое начало главы, уже очень близкое к нижнему слою АК1 (набросок <2>), а также «прописываются» эпизоды, фигурирующие или отсутствующие в сюжетобразующем наброске <8>: цепь попыток приехавшей дамы остановить собеседницу и наконец-то поделиться привезенной новостью, ее тревоги, сборы и короткий диалог с горничной, истолкование причин непонятного поведения Чичикова у Коробочки, обсуждение губернаторской дочки, пререкания и примирение дам, превращение их предположений в уверенность, допрос губернаторской дочки и др. В этих набросках (за исключением <4>) героини названы следующим образом: «почтенная чиновница» (приехавшая) и «тоже почтенная чиновница» (та, к которой приехали). Их имена и отчества (Софья Ивановна и Анна Григорьевна) складываются здесь окончательно — в таком виде они войдут в нижний слой АК1 и во все последующие источники, вплоть до окончательного текста. Наконец, в более позднем наброске <4> (ЧН3) появляются и те характеристики героинь, которые фигурируют в нижнем слое АК1: «почтенная дама» и «тоже почтенная дама» (с мотивированным отказом от более конкретного поименования). Отметим здесь, что черновые наброски <4> и <13—15> (все входят в ЧН3) написаны на той же бумаге, что и черновой автограф финала

главы VII (*ОР РГБ. Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 17* — в нашем обозначении *ЧА4*), черновой набросок к верхнему слою главы IX (*ОР РГБ. Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 24* — в нашем обозначении *ЧН15*), а также часть белого автографа «Женитьбы» (*ОР РГБ. Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 9. Л. 11–25, 27–33*). Водяной знак на бумаге полностью виден только на двойных листах белого автографа «Женитьбы»: на левой половине листа — птица с приподнятой лапой, на правой (в правом нижнем углу) — литерная часть: *В* (рукописная прописная буква). В *ЧНЗ*, представляющем собой одну вторую одинарного листа, сложенную пополам, видна только буква *В*, в *ЧА4* (одинарный лист, представляющий собой часть листа большего формата) видна лишь небольшая часть филигранны — завиток, при наложении совпадающий с верхним завитком буквы *В* (хотя размеры бумаги при этом наложении не совпадают), в *ЧН15* видна лишь небольшая часть изображения птицы.

Еще одно совпадение филигранны связывает черновые наброски к нижнему слою главы IX (*ЧН7*) с черновыми набросками к верхнему слою главы II (*ЧН14 — ОР РГБ. Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 15*) — они написаны на бумаге с одинаковой филигранью: орел в круге, «белая дата» «1828». На такой же бумаге написаны: семь листов *АК1* (подробнее см.: «Источники текста») и часть упомянутого выше белого автографа «Женитьбы» (л. 1–10, 42). На правой половине двойных листов видна и вторая часть филигранны — литеры: JESJ (вязью). Отметим, что л. 1–9 белого автографа «Женитьбы» написаны рукой В.А. Панова, вероятно, в первые месяцы 1841 г. (покинул Рим в начале мая; подробнее см.: *Наст. изд. Т. 5*).

Завершая разговор о маркированной бумаге, отметим, что два наброска, ⟨16⟩ и ⟨18⟩ (*ЧН4*), написаны на бумаге с филигранью «J Whatman Turke(y Mill)», с «белой датой» «18⟨..⟩». Как было отмечено выше, этот сорт бумаги (с «белыми датами» «1837» и «1838») использовался Гоголем в основном в 1839–1840 гг. Остальные наброски к главе IX написаны на бумаге без филигранный и штемпелей.

Более поздним, по-видимому, является и набросок на отдельном листе, в настоящее время входящим в *АК1* (⟨23⟩ — *ОР РНБ. Q.XV.46. Л. 100а об.* — в нашем обозначении *ЧН8*): в нем отражена реакция губернаторши на городские сплетни и написан новый вариант (более близкий к писарскому слою *АК1*, чем первоначальный, запечатленный в наброске ⟨22⟩ — *ЧН7*) допроса губернаторской дочки.

К главе X сохранилось три черновых наброска: один (⟨2⟩) — к сцене чаепития Чичикова по возвращении в гостиницу после неудачных визитов к городским чиновникам (*ОР РГБ. Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 19* — в нашем обозначении *ЧН1*); другой (⟨3⟩) — к финальной части: укладывание чемодана, почесывание Селифаном «рукою долго в затылке» и авторские размышления по этому поводу (на листе, вшитом в *АК1*, — *ОР РНБ. Q.XV.46.*

Л. 120а — в нашем обозначении ЧН8); третий (⟨1⟩) — обрывочный («дорожные» раздумья героя — ЧН5).

Выше уже отмечалось, что предшествующая АК1 черновая редакция глав VII—XI не сохранилась (не считая охарактеризованного выше фрагмента чернового автографа главы VIII, т.е. ЧА2, который относится к самому первоначальному периоду работы над МД). Практически нам ничего не известно о том, как складывалась творческая история второй половины МД на этом этапе. Между тем существует один очень интересный источник (до сих пор не привлечший к себе особого внимания исследователей), который может пролить некоторый свет на этот период работы над МД. Мы имеем в виду одинарный лист большого формата, в настоящее время входящий в рукопись АК1 (л. 138б; оборот не заполнен; размер 41,5 × 27,0; бумага с филигранью: орел с распростертыми крыльями, в круге — в нашем обозначении ЧА3). В.И. Шенрок опубликовал его в общем ряду набросков к главе XI и при этом никак не прокомментировал (*Тих.* Т. 7. С. 556—561; раздел «Примечания редактора и варианты»). В Ак. этот источник охарактеризован как черновой набросок и опубликован в «Вариантах к главе XI» (Ак. Т. VI. С. 869—871). Как и во многих других случаях, определить точное место этого автографа (фрагмент биографии Чичикова — служба в таможне, изгнание из службы, идея покупки мертвых душ) в иерархии рукописных источников МД не так просто. Конечно, учитывая объем и расположение текста (всего один лист, оборот не заполнен), можно истолковать ЧА3 и как черновой набросок. Но все же есть некоторые обстоятельства, которые перевешивают эти аргументы: большой формат листа (характерный не для набросков, а именно для черновых редакций); первая фраза, судя по всему, начинается не с самого начала; лист исписан сверху донизу мелким, торопливым почерком; правка умеренная; многие мотивы только намечены, но не прописаны тщательно. Все эти признаки характерны для первоначальных гоголевских черновиков. Сопоставление ЧА3 с другими источниками подтверждает предположение о его более раннем происхождении. Начало автографа («встряхнувшись немного, как добрый пудель, которого облили водою») настораживает, так как подобные слова («встряхнувшись, как пудель, которого облили водою») мы встречаем в одном из позднейших черновых автографов (ЧН19, ⟨1⟩), который предшествует нижнему слою АК3. Заметим сразу, что это сравнение появляется в рукописях МД еще раз — применительно к капитану Копейкину (вписано рукой автора в верхнем слое АК2, фигурирует и далее). Однако остальной текст ЧА3 резко отличается от всех последующих источников. Эти отличия очень многообразны. В существе своем они сводятся к тому, что в ЧА3 основные сюжетные линии (поступление в таможню, умение быстро примениться к обстоятельствам, «история с баранами», ссора с компаньоном, изгнание из службы, идея покупки мертвых душ)

твердо намечены, но еще не прописаны подробно, со всеми теми деталями и особенностями, которые появятся уже в первых черновых набросках к нижнему слою главы XI АК1, в частности в <17> и <19>. Характерно, что в ЧАЗ (как это часто бывает в ранних черновых автографах Гоголя) фигурирует несколько географических названий (Краков, Бердичев) и имен персонажей (Никитенков, Чепраков, Акулька), в последующих рукописях Гоголь оставляет только одно имя собственное — счастливого соперника Чичикова в «амурных» похождениях, причем, в наброске <17> (следующем после ЧАЗ по хронологии) сохраняется то же имя, Чепраков; впоследствии: Пономарев (АК1, нижний слой АК2); Шамшарев (верхний слой АК2 и далее). Кроме того, в ЧАЗ представлена первая редакция фрагмента, раскрывающего природу коммерческого замысла Чичикова и творческого замысла автора: «В это самое время пришла ему та мысль, которая внушила Автору этот Роман. Мысль эта состояла вот в чем. Так как из Ревизии не выключаются умирающие крестьяне до самой перемены новых списков, что продолжается несколько лет, и души считаются как бы живые, так закупить таковых душ и заложить их в Ломбард». Все эти факты позволяют нам истолковать указанный источник как фрагмент первоначального (из сохранившихся) чернового автографа главы XI. Датировка его представляет большую трудность. С одной стороны, — это первый из известных нам автографов последней главы, с другой — он написан на бумаге из той же серии, с изображением птицы (имеется в виду именно серия, а не определенный сорт), что и бумага многих черновых набросков к главе IX, а также белого автографа «Женитьбы», работа над которым началась в первые месяцы 1841 г. (см.: Наст. изд. Т. 5). Исходя из этого, а также с учетом датировки черновых набросков к нижнему слою АК1 (подробнее см. ниже), мы предположительно датируем ЧАЗ началом осени 1840 г. (это не противоречит предположительной датировке другого черного наброска, написанного на такой же бумаге и относящегося к «Тарасу Бульбе» — Тих. Т. 1. С. 622, 638).

Многочисленные первоначальные наброски к главе XI в совокупности, как и в случае с главой IX, составляют своего рода черновую редакцию. Они размещены на нескольких листах, в настоящее время хранящихся в виде трех архивных единиц. Две из них представляют собой одинаковые двойные листы серо-голубоватого цвета без филигранных и штемпелей (ОР РГБ. Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 29, 30 — в нашем обозначении соответственно ЧН9 и ЧН10; об использовании такой же бумаги в работе над «Тарасом Бульбой» см.: Тих. Т. 1. С. 639–641). Один двойной лист (ЧН9) заполнен полностью — рядом набросков: о дороге (по наблюдению Н.С. Тихонравова, связаны с устойчивым мотивом спасительности дороги в письмах Гоголя М.П. Погодину и С.Т. Аксакову от октября, декабря 1840 г. — Тих. Т. 1. С. 640–641), о

Руси (<3–6>, <8–9>), об отношении автора к возможности вторжения дам в его творчество, о добродетельном герое и герое-подлеце (<10>, <11>), о Писте Пистовиче и Феописте Пистовиче (<28>, <29>). Другой (ЧН10) заполнен лишь частично — он содержит второй из известных вариантов заключительного фрагмента поэмы (о птице-тройке — <33>) и крошечный набросок о дороге (<7>). Большая часть набросков (в том числе объемных) сгруппирована на 16 листах (с филигранью: GI), сложенных в две тетрадки, по четыре двойных листа каждая (ОР РГБ. Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 31 — в нашем обозначении ЧН11, <1>, <2>, <12–27>, <30–32>, <34>). Здесь начерно прописан целый ряд фрагментов: сборы и отъезд Чичикова из города (включая описание похорон прокурора), размышления автора о характере Чичикова, биография героя (детство и учеба — очень конспективно, врожденное «стремление приоб(ре)тать копейку», интерес к истории молочницы, вступление в службу, сближение с повытчиком, «наживное» местечко и связанные с ним взятки, работа в комиссии, пребывание в таможне, разоблачение, проект покупки мертвых душ), мелкие заметки к пассажи о Писте Пистовиче и Феописте Пистовиче, наконец, третий вариант финала (о птице-тройке). Текст черновых набросков сюжетно, композиционно, а во многих случаях и стилистически довольно близок к нижнему слою АК1 (как уже отмечалось, это первый из сохранившихся источников, в котором представлена связная черновая редакция VII–XI глав). При этом отдельные фрагменты черновых набросков в АК1 все-таки не вошли, например, лирический пассаж о луне: «А Луна, красавица моя старинная, моя верная любовница, Боже мой(ъ), что глядишь ты на меня с такою думою, так любовно и умильно и нежишь меня, душа моя... Твои родственнее душе мое(й), чем все другие ласки. Какая невидимая толпа друзей, поцелуев, речей и пенья в твоём полном обнимающем сиянии» (ЧН9, <8>); об этом фрагменте см. также: Тих. Т. 1. С. 640–641). Другие лирические отступления, впервые появляющиеся в черновых набросках, занимают сразу же прочное место в тексте поэмы. Это, в частности, относится к лирическому отступлению о Руси (оно предстает в набросках в самом первоначальном виде) и к финальному отступлению — о птице-тройке (фрагмент о птице-тройке представлен в набросках тремя вариантами, последний из которых достаточно близок к тексту в АК1, при этом финальной фразы о Руси ни в одном из трех вариантов нет — см. <19>, <33>, <34>). Наброски ЧН9, ЧН10, ЧН11 написаны одинаковыми чернилами, судя по всему, примерно в одно время, что, в частности, подтверждается наличием в них нескольких тематических переплетений. Так, в ЧН11 содержатся самые первоначальные заметки (<24–27>) к законченному наброску о Писте Пистовиче и Феописте Пистовиче, относящемуся к ЧН9 (<28>). Напротив, два наброска в ЧН9 (<10> и <11>) являются предварительными по отношению к наброску <12> в ЧН11. Датировать

наброски можно лишь приблизительно. Их тесная связь с текстом главы в *AK1* позволяет говорить о хронологической близости этих источников.

Следует обозначить особую трудность датировки наброска *<28>* (о Писте Пистовиче и Феописте Пистовиче), связанную с тем, что в *AK1* соответствующий текст написан не писарской, а авторской рукой. Это дало основание В.И. Шенроку заключить, что набросок предшествует не нижнему, писарскому, а верхнему, авторскому, слою *AK1* (*Тих.* Т. 7. С. 561). Между тем характер связи этого наброска с *AK1* (степень близости этих текстов такая же, как и в случаях с другими набросками, которые мы имеем возможность сопоставить с писарским слоем этой рукописи) и его «соседство» с набросками, без сомнения предшествующими нижнему слою *AK1*, все же позволяют отнести его к группе первоначальных набросков к поэме.

В публикации В.И. Шенрока (в той ее части, где приводятся наброски из охарактеризованного выше источника, т.е. из *ЧН11*) имеет место одна текстологическая загадка. Набросок, обозначенный нами как *<21>* (к главе XI), имеет здесь продолжение, а далее приводится еще один набросок, с указанием на то, что он следует в рукописи после небольшого пробела (*Тих.* Т. 7. С. 575—576). Можно было бы предположить, что Шенрок располагал каким-то неизвестным нам источником (т.е. дополнительным листом к двум тетрадкам *ЧН11*). Однако этому предположению противоречит тот факт, что опубликованные Шенроком наброски почти дословно совпадают с соответствующими фрагментами текста в одной из поздних рукописей МД, в нашем обозначении — *AK3* (на л. 199 об., 200 об.—201), причем это совпадение касается и нижнего слоя и внесенной в него правки.

На основании имеющихся данных наброски к нижнему слою *AK1* могут быть датированы с большой долей условности. Точной датировке препятствуют следующие обстоятельства: отсутствие первых черновых автографов глав VII—XI (за исключением одного листа — *ЧАЗ*); существенное текстологическое отличие многих черновых набросков от нижнего слоя *AK1* (в этих случаях можно предположить, что они относятся к более ранним, несохранившимся рукописям); использование немаркированной бумаги или маркированной, но «устаревшей» (как правило, спустя несколько лет после ее выпуска). Последнее относится, в частности, к наброскам *ЧН4*, написанным на бумаге с филигранью «J Wha<tman> Turke<y Mill>» (с «белой датой» «18<..>»). Поскольку (как отмечалось выше) известны случаи использования подобной бумаги с «белыми датами» «1837» и «1838», логично было бы предположить, что данные наброски относятся к более раннему времени, чем наброски *ЧН3*, написанные на той же бумаге, на которой написана часть белого автографа «Женитьбы» — с филигранью: на левой половине листа — птица с приподнятой лапой, на правой (в правом нижнем углу) — литерная часть:

В (ОР РГБ. Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 9. Л. 11—25, 27—33). Однако даже в этом случае мы не можем с твердостью опереться на палеографические данные, поскольку два наброска из ЧНЗ, ⟨13⟩ и ⟨15⟩, являются, в свою очередь, черновыми набросками по отношению к наброску ⟨16⟩ из ЧН4. Это означает, что наброски ЧНЗ — более ранние, чем ЧН4.

Корпус набросков к нижнему слою АК1 в целом может быть датирован достаточно широко: осень 1839 — середина февраля 1841 г. Начальная дата обусловлена тем, что осенью 1839 г. (точнее в середине октября) начались авторские чтения первых шести глав (по ЧА1), а это означало, что открывалась возможность интенсивной подготовки следующих глав (хотя нельзя исключить вероятность создания черновых набросков к «поздним» главам и на более ранних стадиях). Конечная дата соотнесена со временем завершения работы над АК1 — значительная часть листов главы XI написана авторской рукой, что допускает возможность создания набросков почти одновременно с завершением работы над этой рукописью. С некоторой долей условности, опираясь преимущественно на приведенные выше текстологические выводы и частично на палеографический анализ, внутри этой «широкой» датировки с некоторой долей условности можно выделить три группы набросков: более ранние (ЧН1, ЧН2, ЧН6), которые датируем осенью 1839 — серединой 1840 г.; занимающие «промежуточное» положение (ЧНЗ, ЧН4, ЧН5, ЧН7, ЧН8), которые датируем серединой осени 1840 г. (решающие аргументы такой датировки — совпадение в двух случаях, в ЧНЗ и в ЧН7, с бумагой из белого автографа «Женитьбы», тесная текстологическая взаимозависимость набросков, примерные хронологические рамки диктовки или копирования главы IX, к которой относится большинство набросков, — примерно конец осени — начало зимы 1840 г.); более поздние, относящиеся к последней, XI главе (ЧН9, ЧН10, ЧН11), которые датируем концом осени 1840 г. Отсутствие косвенных данных (в частности, эпистолярных и иных свидетельств), необычайная интенсивность работы (когда одни главы находились в процессе правки после перебеливания или диктовки, а другие только создавались) — все это предопределяет предположительный характер датировок. В частности, нельзя исключать как более раннего, так и более позднего происхождения первой группы набросков (что связано с загадочной историей размещения на одном листе набросков к МД и набросков по истории Древнего Рима — подробнее см. выше), а также создания в более поздние сроки (до середины февраля 1841 г.) набросков к главе XI. В настоящем томе все наброски к главам VIII—XI печатаются в разделе: «Черновые автографы и наброски, предшествующие нижнему слою первой авторизованной копии (АК1)».

Принцип расположения набросков в настоящем издании отличается от известных ранее. Публикация черновых набросков к МД была принята дважды. В обоих случаях наброски напечатаны вне хронологии

их создания, последовательно, от главы I до XI: первоначально в составе примечаний к черновым редакциям МД (*Тих.* Т. 7); затем в специальном разделе, «Сохранившиеся разрозненные черновые отрывки к отдельным главам» (*Ак.* Т. VI). В настоящем издании все черновые наброски впервые систематизированы и напечатаны по хронологическому принципу: в специальных разделах, предшествующих тем черновым редакциям МД, к которым относятся. При этом наброски к нижнему и верхнему слоям рукописи печатаются в отдельных разделах. Внутри этих разделов наброски располагаются по главам, а внутри глав — в последовательности, соответствующей движению сюжета в последующих источниках. Иной принцип их расположения внутри раздела (в частности, хронологический) вряд ли осуществим — ввиду невозможности безукоризненно точных датировок (кроме того, он был бы очень труден для читательского восприятия). Тексту наброска предшествует сокращенное наименование рукописного источника, в состав которого он входит (*ЧН1*, *ЧН2* и т.д.), и соответствующий номер листа этого источника. В рамках каждой главы наброски имеют сплошную нумерацию. В разделе «Источники текста» приводится подробное описание каждого рукописного источника с черновыми набросками, с указанием соответствующих глав и номеров набросков в составе глав.

Возвращаясь к характеристике рукописи *АК1*, отметим, что в сюжетном отношении главы VIII и IX (в нижнем, писарском слое) довольно близки к окончательному тексту МД (в главе VIII, правда, пока еще отсутствует негодующий монолог Чичикова о балах). В следующих главах имеются существенные расхождения с окончательным текстом, и касаются они двух особенным образом организованных фрагментов, своего рода «вставных» сюжетных звеньев — «Повести о капитане Копейкине» (подробнее о ней см. ниже, в описании цензурной редакции МД) и биографии Чичикова.

Жизнеописание Чичикова в нижнем слое *АК1* предстает в одном из первоначальных вариантов. Здесь присутствуют сюжетные звенья, от которых впоследствии Гоголь откажется (в частности, любимая Чичиковым история молочницы), но пока отсутствует ряд других, добавленных впоследствии: путешествие из дома к месту ученья, сцена прощания с отцом и подробный рассказ о «коммерческих» успехах юного Чичикова, эпизод, связанный с учителем Чичикова, характеристика пристрастий Чичикова (к определенному цвету сукна, излишествам, воскресному туалету) и т.д. Отдельные эпизоды пока не вполне подробно прописаны, в частности, история сближения Чичикова с понытчиком и сделка с контрабандистами. В нижнем слое *АК1* еще отсутствуют замечания о трудной судьбе Чичикова, о мотивах его меркантильных устремлений.

Написанный писарской рукой нижний слой *АК1* подвергся кардинальной авторской правке — между строк, на полях, на дополнительных

или замещающих вынутые листья. Диапазон исправлений очень велик: от стилистических усовершенствований текста до радикальной переработки больших фрагментов рукописи.

Наиболее тщательно обрабатывались начальные и финальные части отдельных глав. Было написано совершенно новое начало главы II (до отъезда Чичикова из города: «Уже более недели ⟨...⟩ сел в бричку, которая с громом выехала из-под ворот...»). Основой этого текста послужили пять набросков, расположенные на двух двойных листах: четыре ⟨2–5⟩ — на одном и том же (ОР РГБ. Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 15 — в нашем обозначении ЧН14; здесь же расположен набросок ⟨6⟩, относящийся к концу главы; предположительно датируются: осень 1840 — начало 1841 г.) и один ⟨1⟩ — на другом (ОР РГБ. Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 16 — в нашем обозначении ЧН13; здесь же расположены наброски к главе V; предположительно датируются: осень 1840 — начало 1841 г.). Хронология создания набросков, вероятно, такова. Первым из них, по-видимому, был располагающийся особняком набросок ⟨1⟩ — нотация Чичикова Петрушке. Далее был написан набросок ⟨2⟩ — с первым вариантом начальной части главы, затем перечеркнут и заменен наброском ⟨3⟩, который уже непосредственно лег в основу начала главы II в верхнем слое АК1. При этом набросок ⟨3⟩ вобрал в себя (в несколько измененном виде) текст наброска ⟨1⟩. Заметим, что набросок ⟨3⟩ в части, касающейся характеристики лакея Петрушки, неразрывно связан (в том числе и прямым указанием автора: «...очень немного можно прибавить к тому, что Петрушка в коричневом сертуке с барского (плеча. — Ред.) и имел по обычаю людей своего звания крупные черты лица») с наброском к главе I, в котором содержится упоминание и об одежде Петрушки («коричневый сертук, как видно, с барского плеча»), и о его внешности («крупные губы и нос»; ⟨1⟩, написан на отдельном листке, в настоящее время вплетенном в рукопись АК1, ОР РНБ. Q.XV.46. Л. 1а — в нашем обозначении ЧН12). Эта переключка позволяет говорить о хронологической близости набросков. В.И. Шенрок, отметив явное текстологическое совпадение (правда, по непонятным причинам он сопоставлял набросок к главе I не с ⟨3⟩ наброском к главе II, а с гораздо более далеким от него ⟨2⟩ — Тих. Т. 7. С. 507–510), тем не менее хронологически их не связывал. Он считал, что набросок к главе II предшествует верхнему слою АК1 (что вполне обоснованно), а набросок к главе I — предшествует уже следующей редакции (в нашем обозначении АК2). Однако последнее едва ли возможно: оба наброска тесно связаны текстологически, более того, определение цвета сюртука (коричневый) в наброске ⟨1⟩ вписано над строкой, а в наброске ⟨3⟩ содержится уже в нижнем слое, т.е. очевидно, что набросок ⟨1⟩ предшествует ⟨3⟩.

К следующему этапу относятся наброски ⟨4–5⟩ и ⟨6⟩ — все на обороте одного листа (ЧН14, л. 2 об.). Два из них, ⟨4⟩ (с упоминанием о

мотивах поездки Чичикова за пределы города и с кратким предупреждением о характере всей «повести») и совсем маленький ⟨5⟩ (о любви Петрушки к самому «процессу чтения»), занимают соответственно верхнюю и нижнюю часть листа и являются дополнением к наброску ⟨3⟩ — наряду с ним они вошли в написанное авторской рукой новое начало главы II в верхнем слое АК1. Набросок ⟨6⟩, располагающийся в средней части листа и написанный в отличие от других набросков в этой архивной единице не рыжими, а сероватыми чернилами, относится к концу главы — завершающей стадии переговоров Чичикова с Маниловым. Повторим, что наброски к главе II (ЧН14) написаны на той же бумаге, что наброски к нижнему слою главы IX (ЧН7) и первая половина белого автографа «Женитьбы» (подробнее см. выше).

Очень трудно доказательно соотнести с какой-либо редакцией набросок ⟨2⟩ к главе I (написан на отдельном листке, в настоящее время приплетенном к рукописи АК1, ОР РНБ. Q.XV.46. Л. 16 — в нашем обозначении ЧН12). В ЧА1 и АК1 соответствующий текст главы I не сохранился. Это дало основание В.И. Шенроку предположить, что набросок относится к нижнему слою АК2 (Тих. Т. 7. С. 516). На самом деле имеющиеся в нашем распоряжении аргументы позволяют связать этот набросок и с АК1, и с АК2. В пользу первой версии — сорт бумаги (такой же, как в наброске ⟨1⟩ к главе I, который несомненно относится к верхнему слою АК1), сам текст наброска (содержащий сравнение мелькающих черных фраксов с мухами на белом рафинаде — тип развернутого сравнения особенно характерен именно для верхнего слоя АК1); в пользу второй — цвет чернил (в наброске ⟨1⟩ — рыжеватые, в наброске ⟨2⟩ — с сероватым оттенком) и характер пера (в наброске ⟨1⟩ — толстое, в наброске ⟨2⟩ — тонкое). Исходя из этих фактов (с большой долей предположительности) мы рассматриваем набросок ⟨2⟩ как относящийся к верхнему слою АК1.

Гоголь заново трудился и над началом главы V. Непосредственно в АК1 оно не сохранилось, но зато сохранился связанный с этим этапом работы черновой набросок — ⟨1⟩. Он относится к первому абзацу главы и содержит своего рода итог встречи Чичикова с Ноздревым. Набросок расположен на обороте двойного листа бумаги (ОР РГБ. Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 16. Л. 2 об. — ЧН13), здесь же находятся еще два наброска — уже к новому финалу той же главы, также написанному в верхнем слое АК1 (подробнее см. ниже).

Сохранившиеся черновые наброски к верхнему слою АК1 (к главам I, II, V, VI, IX) на основании имеющихся данных можно датировать лишь предположительно. Хронология создания этих набросков ограничена промежутком времени между изготовлением АК1 (нижнего слоя) и диктовкой АК2 — предположительно: осень 1840 г. (даже при условии изготовления первых шести глав АК1 ранее, в России, дальнейшая ра-

бота над ними, скорее всего осуществлялась по приезду в Рим) — май 1841 г. (на июнь и первую половину июля приходилась диктовка глав X и XI, наброски к которым неизвестны). Уточнение датировки каждого из сохранившихся набросков (к главам I, II, V, VI, IX) возможно лишь с учетом примерного времени копирования или диктовки соответствующих глав двух указанных рукописей (подробнее см. ниже, в описании правки АК1). Наброски к I, II и V главам (ЧН12, ЧН13, ЧН14) условно датируются: осень 1840 — начало 1841 г. Дополнительное подтверждение датировки — бумага, на которой написана последняя из указанных групп набросков (ЧН14). На такой же бумаге написаны черновые наброски к нижнему слою главы IX (ЧН7) и, что существенно, часть белого автографа «Женитьбы», создававшегося в Риме. О набросках к главам VI и IX (которые могли быть написаны позже) подробнее см. ниже. Данный блок набросков печатается в специальном разделе: «Черновые наброски к верхнему слою первой авторизованной копии (АК1)».

В верхнем слое АК1 приписывается новый финал к главе VII. Его начало («А Петрушка между тем вынес <...> понял друг друга»), продолжающее текст писарского слоя, написано Гоголем в самой рукописи АК1 — на оставшейся свободной части листа 66 об. Непосредственным продолжением этого начала служит черновой автограф, написанный уже на отдельном листе (ОР РГБ. Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 17. Л. 1—1 об. — в нашем обозначении ЧА4) и содержащий описание путешествия Селифана и Петрушки в подвальное заведение напротив гостиницы, их возвращения, устройства на ночлег и заключительный пассаж о приехавшем из Рязани поручике («Барин де храпеть теперь будет <...> все уснуло»). Повторим, что автограф написан на той же бумаге, что и черновые наброски к нижнему слою главы IX (ЧН3) и вторая половина белого автографа «Женитьбы» (подробнее см. выше). Таким образом, сопоставление бумаги позволяет выявить хронологическую близость отдельных черновых автографов МД и белого автографа «Женитьбы»: наброски к главе II (ЧН14) написаны на той же бумаге, что и первая половина белого автографа «Женитьбы», а автограф нового финала главы VII — на той же бумаге, что вторая половина белого автографа «Женитьбы». В.И. Шенрок опубликовал ЧА4 отдельно, в разделе «Примечания редактора и варианты» (Тих. Т. 7. С. 525—526). Текстологи первого академического издания включили указанный черновой автограф непосредственно в текст — с соответствующим объяснением в сноске (Ак. Т. 6. С. 456—457). Такое решение имеет под собой основания: несомненная смысловая связь текста, вписанного рукой Гоголя в АК1, с текстом автографа на отдельном листе; отсутствие свободного места в АК1, где Гоголь мог бы дописать новое окончание главы; возможность вложить отдельный лист в АК1 (формат ЧА4 очень близок к формату АК1), сам характер ЧА4 — написан ровным, разборчивым почерком,

с минимальной правкой, с полями (т.е. не как черновой набросок). Все это позволяет предположить, что указанный листок с финальной частью главы VII представляет собой вставку в АК1, в настоящее время хранящуюся отдельно. Исходя из этого, текст Ч44 в настоящем томе печатается в составе АК1 с соответствующим пояснением в сноске. Новый финал главы VII предположительно датируется (с опорой на датировку АК1) осенью 1840 г.

В верхнем слое АК1 автор пишет заново финал главы IX (о тщетности усилий чиновников выяснить, что такое Чичиков, и принятом ими решении собраться у полицмейстера: «А вот если о чем-нибудь другом спросить <...> отца и благодетеля города») и начало главы X (все описание «собраний» у полицмейстера, почти вплоть до «Повести о капитане Копейкине»: «Собравшись у Полицмейстера <...> заключал в себе что(то) такое»). Новый текст написан на двойном листе (105 об.—106 об.), вставленном в рукопись вместо извлеченных и несохранившихся листов с текстом нижнего слоя.

В главе XI рукой Гоголя написаны последние десять листов — начиная с размышлений Чичикова о превратностях собственной судьбы (л. 143—152). Вероятнее всего, сначала эти листы (как и предыдущие) были переписаны рукой Панова (текст на л. 142 об. обрывается на середине слова), затем (на уровне правки верхнего слоя) изъяты и заменены другими, написанными уже самим автором. В сюжетном отношении текст на переписанных листах близок к окончательному. Существенно, что здесь, в верхнем слое АК1 (с нижним слоем эту часть главы сравнить невозможно), появляются предуведомления о дальнейшем развитии событий и о предполагаемом объеме всего произведения: «... Читатель уже видел, как произвел первые покупки Чичиков, как пойдет дело далее и какие пойдут удачи потом и что произведет все это — увидят потом»; «...еще немало пути и дороги Нужно им пройти вместе рука об руку. Две части впереди, это не безделица».

В верхнем слое АК1 появляются новые, как правило, подробные характеристики ряда действующих лиц: помимо уже упомянутой аттестации Петрушки (в главе II), это рассуждение о Маниловой (в частности, ее нежелании заниматься «низкими предметами»), о ее взаимоотношениях с мужем, а также описание «проводившего очень покойную жизнь» приказчика Манилова (там же). Последнее (в числе многих других примеров) упомянуто В.В. Гиппиусом, который рассматривал подобные «эпические отступления» (наряду с «ритмически распространенными сравнениями») как проявления присущего МД «закона замедления» действия (*Гиппиус В.* Гоголь. Л., 1924. С. 142—144).

Наряду с этим тщательно разрабатываются и углубляются уже намечившиеся психологические характеристики. Так, в Манилове усилены черты сентиментальности и слащавости: в описании его усадьбы появля-

ется упоминание о беседке «с плоским зеленым куполом, деревянными голубыми колоннами и надписью: “храм уединенного размышленья”»; слова «В выражении лица его было что-то чрезвычайно сладкое» заменяются следующим вариантом: «...в выражении лица его было что-то приятное, но уж слишком сладкое»; радостные излияния Манилова по поводу приезда Чичикова дополняются выражением «Именины Сердца»; замечание «присовокупил Манилов с улыбкою и почти совсем зажмурил глаза, что означало, что он очень был доволен» меняется на: «присовокупил Манилов с улыбкою и от удовольствия почти совсем зажмурил глаза, как кот, у которого слегка пощекотали за ушами пальцем». Добавляются новые краски в описание природы, окружающей усадьбу Манилова: вместо «двух, трех кустов сирени да березы» (нижний слой) — разбросанные «по-аглицки две, три клумбы с кустами сирени и желтых акаций», пять, шесть берез, «небольшими группами кое-где» возносящие «свои узколистные жиденькие вершины» (верхний слой). Характерно, что именно глава II дает наибольшие возможности для сопоставления текстов первой и второй черновых редакций (уцелевших в этом единственном случае почти полностью, за исключением начала в *ЧА1*, как уже отмечено, полностью переработанного в верхнем слое *АК1*).

Появляются новые краски в портрете Коробочки: автор характеризует ее как одну из тех «небольших помещиц, которые плачутся на убытки и неурожай» (эти слова были уже в *ЧА1*), набирая понемногу в пестрядевые мешочки «целковики {...} полтиннички {...} четвертачки», но при этом раскрывает умение этой «небольшой помещицы» основательно исполнять помещичьи обязанности (подробное описание благоустроенного хозяйства: курятника, огорода, крестьянских дворов). Вероятнее всего, именно в верхнем слое появилось рассуждение о бездеятельной жизни «сестры» Коробочки, «недосягаемо огражденной стенами аристократического дома» (соответствующий фрагмент *АК1* не сохранился, но представлен в следующей рукописи, *АК2*, в ее нижнем слое, очень близком к верхнему слою *АК1*).

В характере Ноздрева (не претерпевшем в ходе правки существенных изменений) усиливаются черты навязчивости, назойливости, особенно в разговоре с Чичиковым: расспросы Ноздрева (в ответ на просьбу Чичикова перевести на его имя умерших крестьян) становятся более настойчивыми, наступательными, и это служит предпосылкой для нового сюжетного хода: в оправдание своих действий Чичиков придумывает другое объяснение (покупкой мертвых душ он надеется упрочить свое положение в связи с предстоящей женитьбой), роковым образом переплетающееся с последующими сплетнями городских дам и давнее богатую пищу фантазиям Ноздрева.

В верхнем слое главы V появляется психологизированное (в унисон с природой самого хозяина) описание внутреннего убранства усадьбы

Собакевича: «Все <...> было прочно и неуклюже в величайшей степени. Широкое тяжелое бюро <...> на четырех претолстых ногах, как медведь. <...> всякое кресло и стул говорили: “и я тоже Собакевич <...> очень похож на Собакевича”». Углубляется и усложняется социальная характеристика Собакевича: с одной стороны, подчеркиваются его достоинства как заботливого, рачительного помещика («Деревенские избы, строенья хозяйственные, все это было крепко, солидно и в порядке»), с другой, — усиливается проявление его негативного отношения к новому, столичному, современному: «Вы посмотрите, что они вам подадут» (нижний слой) — «Вот и доктора, все эти французы и немцы — я бы их всех перевешал. Посмотрите, как едят все эти, что побывали в том Петербурге. Выдумали какой-то модной стол» (верхний слой); «а это просвещение... и нечего и говорить» (нижний слой) — «а это просвещение... просто: фук, сказал бы и другое слово, да вот только что за столом неприлично» (верхний слой). Вероятно, в верхнем слое появилось и рассуждение о том, сколько зла сделал бы Собакевич, будь в его руках «дела государственные или казенные». В тексте главы (после вписанных слов: «заялся рассматриванием всего просторного его сзади оклада») поставлен знак вставки, но сама вставка отсутствует — вероятно, утрачена; в следующей по хронологии рукописи (АК2) соответствующий текст присутствует уже в нижнем слое.

Наиболее сильные изменения вносятся в характеристику Плюшкина. Прежде всего создается новый вариант описания его усадьбы: сада, дома и двора. Поскольку в нижнем слое начало главы (до описания господского дома) утрачено, можно лишь предположительно (с опорой на имеющийся текст и на соответствующую часть ЧА1) отметить, что в новом варианте появляются (или усиливаются) элементы поэтизации усадьбы Плюшкина: начиная прежде всего с заброшенного сада (в верхнем слое АК1 мы читаем его описание впервые, хотя тоже без начальных строк) и кончая пейзажами дома и двора, проникнутыми тоской и ностальгией: «...по мере приближения к нему (дому. — Ред.) он еще становился печальнее»; «Все строения глядели как-то необыкновенно пасмурно»; «...здесь когда-~~то~~ текло хозяйство...»; «...вместо когда-то бывших обделанных и прочищенных дорог...»; «когда-то окру~~жавшей~~ его решетки». Создается заново описание покоев Плюшкина. Оно также отличается иным, нежели прежде, более сложным и тонким колоритом: в скоплении мебели, предметов быта появляются черты поэтического нагромождения (своего рода натюрморта — не случайно, что в нижнем слое все это сравнивается с «мелочной лавочкой», а в верхнем — с аукционом или с магазином «каких-нибудь старинных вещей и мебели», в следующей рукописи, АК2, это сравнение вовсе снимается); в непроглядной тьме, сквозь которую Чичиков первоначально пробирается в комнату, появляется свет, причем, не просто освещение, а «слабое сиянье»;

в комнате Плюшкина наряду с высохшим лимоном, ручкой от кресел, пожелтевшей зубочисткой, кусочком «сургучика», двумя перьями, рюмкой «с какою-то жидкостью и тремя мухами» и тому подобными вещицами (за исключением присутствующего уже в нижнем слое молитвенника) появляются и совершенно иные предметы: бронзовые часы, колокольчик с отломанной ручкой, «серебряные стаканы и старинные бокалы и подносы, хрустальные графинчики», «китайские фарфоровые чашки» (в нижнем слое просто графинчики «и другое стекло», чашки), гравюра с изображением какого-то сражения и «картина, писанная масляными красками» (правда, одновременно с этим появляется и знаменитый «старый очень поношенной и полинялый колпак» Плюшкина). В описании внешности Плюшкина появляется значительная деталь: «Какой-то беспокойный огонь бродил в его еще не вовсе потухнувших маленьких глазах». Рассказ о прежней деятельности Плюшкина становится более подробным, вбирая в себя ряд существенных деталей: «зоркий взгляд хозяина», «трудолюбивый паук», «в глазах был виден ум», «опытностью и познанием света была проникнута речь его». В связи с описанием прошлого Плюшкина создается детализированная поэтическая картина московского рынка (единственный московский пейзаж в поэме, причем, зимний). При этом именно в верхнем слое появляется фраза, венчающая историю деградации Плюшкина: «Все становилось гниль и прореха, и сам он обратился в какую-то прореху на человечестве». И ниже, в описании отъезда Чичикова от Плюшкина: «...это странное явление, этот съевшийся старичишка...».

Усложняются психологические характеристики Чичикова. Написан новый вариант сцены с Маниловым (глава II), где Чичиков впервые должен заговорить о покупке МД: здесь резко усилены мотивы неудобства, смущения просителя (если в нижнем слое сообщается, что он «ездил и вертелся минуты четыре на стуле» сморкался, складывал платок, то в верхнем слое подчеркивается: «Казалось, как будто ему необыкновенно тяжело было произнести какое-нибудь слово. В Лице его выразилось такое затруднительное положение, и во все чертах его отразилось что-то беспокойно ищущее чего-то...»). В главе IV дополнительно поясняется, что Чичикову было неловко заговорить с Ноздревым об интересующем его деле в присутствии постороннего человека, здесь же вновь (но со смягчением мотивировки) подчеркивается, что Чичикову было нелегко начать разговор о покупке мертвых душ (в нижнем слое: «...затруднялся, если дело касалось до изъяснения причины приобретения мертвых» — в верхнем слое: «...затруднялся, если дело клонилось к тому, чтобы изъяснить причины сей еще никем доселе не предпринимаемой покупки...»). В первой же беседе о покупке мертвых душ (с Маниловым) появляется замечание о невероятном характере предстоящей сделки: «...Манилов наконец услышал такие странные и необыкновен-

ные вещи, каких, без всякого сомнения, никогда еще не слышали человеческие уши от самого создания мира». В разговоре с Ноздревым эта тема развивается снова: «никем доселе не предпринимаемая покупка», «самый предмет был точно несколько странен». Заново (на основании наброска (6)) написан фрагмент, где Чичиков узнает о безвозмездной передаче Маниловым мертвых душ и совершении им купчей на свой счет. Чувства радости и признательности Чичикова здесь многократно усилены: «Благодетель мой!» сказал Чичиков, схватив обеими своими руками руки Манилова и подпрыгнувши на стуле с живостью, почти несвойственной для человека средних лет, имеющего чин ни слишком большой, ни слишком малый» (нижний слой) — «...после сих слов, произнесенных Маниловым, Чичиков показал такую радость, которая даже была отчасти неприлична его несколько степенной наружности, умеренным летам и соразмерному чину. Едва ли он даже, позабывши умение хорошо держать себя, не подскочил в креслах, при каком обстоятельстве лопнула обтягивавшая подушку шерстяная материя, так что Манилов посмотрел на него в совершенном изумлении. Побужденный признательностью, он наказывал таких благодарностей Манилову...» — верхний слой). Наряду с этим несколько смягчается реакция Чичикова в тот момент, когда он узнает о том, что «горячка выморила» у Плюшкина «большой куш мужиков»: «вскрикнул Чичиков, едва могший скрыть свою радость» (нижний слой) — «почти вскрикнул Чичиков, потому что в самом деле даже почувствовал небольшое сердечное биение от радости» (промежуточный слой) — «вскрикнул Чичиков, почувствовал при этом небольшое сердечное движение» (верхний слой, глава VI). Автор и далее подчеркивает, что сердечное волнение сопутствует герою в моменты, связанные с осуществлением его плана. Так в главе V, в связи с неожиданным сообщением о том, что у Плюшкина много умерших крестьян («Как мухи мрут»), а сам он живет всего в пяти верстах, появляется замечание: «Здесь Автор должен сказать, что у Героя его забилось слегка сердечко». В ходе правки более отточенную форму приобретает замечание об отношении Чичикова к нищим, при этом появляются даже слова о сострадательности героя (в оценках Чичикова едва ли не единственный случай): «...если бы Чичиков встретил этого молодца где-нибудь возле церкви или на улице, его бы первым движением было засунуть руку в карман, с тем чтобы вынуть медный грош» (нижний слой) — «...если бы Чичиков встретил его, так приодетого, где-нибудь возле церкви, то, вероятно, дал бы ему медный грош. Потому что, к чести нашего Героя, нужно заметить, что сердце у него было устроено сострадательно, и он никак не мог отказать подать бедному человеку медной грош» (верхний слой — глава VI). Исправляя фрагмент текста, описывающий подготовку Чичикова к совершению купчей, автор обращает внимание на аккуратность героя: «...во всех делах своих, особенно важных, так и неважных, он был очень аккуратен»

(глава VII). В ходе правки сняты резкие оценки поступков героя. Так, в главе VIII устранено наименование Чичикова дураком: «...и Герой наш на этот раз был просто дурак...» (речь шла о невнимании Чичикова к дамским мнениям).

Характерны изменения эпизода, в котором описано состояние Чичикова в тот момент, когда он видит перед собой все списки умерших мужиков, составленные помещиками: «...невозможно выразить, что почувствовал он в то время. Он почувствовал себя как бы отцом семейства, помещиком, хозяином, и занялся довольно сурьезно важностью своей обязанности, в уме его родились весьма неглупые солидные мысли и меры очень благоразумные. Но это заблуждение продолжалось весьма не долго, он вспомнил, что мужики были мертвые» (нижний слой) — «...какое-то странное, совершенно непонятное ему самому чувство обнял его» (верхний слой). Таким образом, на этом этапе устраняются какие бы то ни было намеки на способность Чичикова (даже в мечтах) к исполнению помещичьего долга. Наряду с этим в процессе правки АК1 Чичиков «лишается» склонности к обобщенным психологическим оценкам (скорее приличным автору) — из интроспективного описания его внутреннего состояния в момент выезда из города устраняется перечень однолинейных характеристик персонажей: «...остряк Почтмейстер, медведь Собакевич, сахар Манилов...» (глава XI).

Более обстоятельно, детально прописывается сцена «окаменения» Чичикова после встречи с губернаторской дочкой на балу. В новом варианте этот эпизод обретает и иной финал: «...Чичиков остановился вдруг как прикованный на одном и том же месте и вдруг сделался чуждым всему, что ни происходило вокруг него» (глава VIII). В этой же главе, в описании состояния Чичикова после сцены разоблачения, впервые появляется мотив действующей «впоперек» герою неясной силы: «В мозгу как будто у него сидело что-то посторон(нее), как будто какой-нибудь злой дух проходил впоперек всему, к чему он ни задумывал обратить мысли...». Впоследствии, в нижнем слое следующего источника (АК2), этот фрагмент несколько видоизменяется («...в голове его сидел как будто какой гвоздь и как будто сам чорт мелькал перед ним поперек всем мыслям»), а в верхнем слое, в ходе кардинальной переработки, вычеркивается вовсе.

В описание выезда Чичикова из города (в главе XI) добавлена фраза: «“Слава тебе, Господи”, подумал Чичиков и перекрестился». Тщательно уточняются, корректируются, а иногда и комментируются психологические оценки Чичикова: «...в характере его, по-видимому, совершенно ровном, было одно такое стремление, которое пересиливало все прочее, это было стремление приобретать копейку» (нижний слой) — «...одно качество, выступавшее совершенно вперед из ряда других качеств и таким образом уничтожавшее видимую ровность его характера.

Это чувство мы назовем стремлением приобрести копейку, что, как известно, означает благоразумного и основательного человека» (верхний слой — глава XI). Многие эпизоды, связанные с Чичиковым, обретают тщательную, филигранную отделку.

В верхнем слое *АК1* появляется ряд новых авторских отступлений (обширных и лаконичных): о «неодолимой страсти: познакомиться с человеком, который бы хоть одним чином был его повыше» (глава II, первоначально — в черновом наброске, *ЧН14*, ⟨3⟩); об особенностях воспитания в женских пансионах (в связи с характеристикой Маниловой в главе II); о лицах, «которые существуют на свете ⟨...⟩ как посторонние крапинки или пятнышки на каком-нибудь предмете» (глава V); о пристрастии к питейным заведениям («...и в совершенно заснувшем Городе, может быть, плелась где-нибудь одна фризловая шинель, горемыка неизвестно какого класса и чина, знающая одну только (увы!) слишком протертую русским забубенным народом дорогу...» — глава VIII); о слове, «несколько дерущем уши», о читателях высшего общества (от которых «не услышишь ни одного порядочного Русского слова», а только французские, немецкие, английские), о русском языке (глава VIII); об обычае высшего общества изъясняться на французском языке и о том, что автор «при всем том никак не решается впустить фразу какого бы ни было чуждого языка в сию Русскую свою Поэму» (глава IX); о том, что русские «не созданы ни для каких представительных заседаний» (глава X); о справедливости пословицы «Русский человек задним умом крепок» (глава X); о заблуждениях городских чиновников, перерастающее в рассуждение о заблуждениях человечества в целом («И все это могло случиться вдруг ⟨...⟩ посмеются потом потомки» — на дополнительно вложенном листе 116—116 об. и в верхней части л. 117 — там же).

Тексты авторских отступлений, содержащихся в нижнем слое *АК1*, как правило, подвергаются очень значительной правке. Перерабатывается отступление о способности людей с высоким положением «нагадить» ближнему: в нижнем слое это государственный человек, рассуждающий «об разных ученых предметах», в верхнем — человек «уже в чинах», «со звездой на груди», толкующий «о материях высоких, предметах истинных, глубоких», который «нагадит таким образом и в таком размере, как коллежский регистратор» (глава IV). В главе пятой пишется новый вариант отступления о мастерстве русского народа «метко выражаться»: в нем (по сравнению с текстом в нижнем слое) существенно сокращена часть, посвященная самим носителям «древних» фамилий, но значительно развернута и усилена характеристика «живого и бойкого русского ума», способного одной чертой обрисовать человека «с ног до головы» (характерно, что заменено и само слово, характеризующее эту способность русского человека: в нижнем слое — «Известно, что Русский народ охотник давать свои имена и прозвища...», в верхнем:

«Должно признаться, что Русской народ *мастер* метко выражаться...»; в основном тексте: «Выражается сильно российской народ!» (курсив наш. — *Ред.*). Развивая эту тему, Гоголь пишет новый финал главы V — о русском слове («Как несметное множество Церквей (...) нет слова, которое было бы так замашисто, бойко, так сметливо бы вырвалось и вместе так бы кипело и живо трепетало, как метко сказанное русское слово»). Основой этого нового текста послужили два наброска — ⟨2⟩ и ⟨3⟩ (*ОР РГБ. Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 16, соответственно на л. 1 об. и л. 2 — в нашем обозначении ЧН13*). При этом, судя по авторской нумерации (набросок ⟨3⟩ имеет авторскую нумерацию: 1) и сопоставлению заключительных слов наброска ⟨2⟩ и начальных наброска ⟨3⟩, они написаны в обратной последовательности, т.е. сначала ⟨3⟩, а затем ⟨2⟩.

Радикально (в несколько этапов) перерабатывается фрагмент главы VI, в котором тип Плюшкина (по определению автора тип помещика-«кашея» — это наименование появляется в *ЧА1*) сопоставляется с типом гуляки и кутилы. В нижнем слое *АК1* — это лаконичный текст (семь строчек), в котором говорится о «разительном» соседстве помещика-«кашея» с «Гусаром гулякой, который задает в своей деревне каждую неделю балы с музыкой или заводит домашний театр из крепостных актеров и танцовщиц». В верхнем слое — это большой фрагмент, здесь Плюшкин сопоставлен уже не с гусаром, а с гулякой-помещиком, при этом характеристика последнего расширена до целой страницы: появляется пассаж о недоумении проезжего при виде такого богатства и великолепия среди окружающего разорения; упоминание о еженедельных балах и домашнем театре из крепостных перерастает в развернутое описание поместья и нескончаемого веселья («вечный, незаходимый праздник»); появляется новый, очень личный мотив глубокого неприятия искусственного, «насильственного» озвучивания и освещения природы (сада): «...громы музыки оглашают до зари безвременно пробужденную рощу»; «...является что-то дикое в сем насильственном освещении...» (при этом естественный, природный свет вызывает любование автора — ср. в той же главе VI, в описании сада Плюшкина: «...солнце, скользнувши небольшой искрой бог весть откуда и забравшись под какой-нибудь лист, превращало его вдруг в прозрачный и огненный, чудно сиявший в этой густой темноте»). Все эти темы первоначально прорабатываются в шести черновых набросках (*ЧН12*), разместившихся на двойном листе (л. 153—154), в настоящее время влетенном в *АК1* (*ЧН12*, предположительно датируются: осень 1840 — первая половина апреля 1841 г.). Гоголь заполняет его в своей излюбленной манере, т.е. на развороте: первоначально крупным, разборчивым почерком он вписывает два наброска, в первом (на левой стороне разворота) вчерне намечены названные выше темы, во втором (на правой стороне) более подробно разработан мотив искусственного освещения. Затем все эти темы «прописываются»

уже более детально (и очень близко к тексту верхнего слоя АК1) в нескольких, более мелких набросках, два из которых (5 и 6) размещены на левой стороне разворота, а два (3 и 4) на правой. На последней странице двойного листа (л. 154 об.) написан еще один набросок (7) — к следующему абзацу (в котором Чичиков обдумывает, как изъяснить Плюшкину причину своего визита) — этот фрагмент в процессе переработки был несколько расширен, детализирован и подвергся существенной стилистической правке.

Подобное разрастание лаконичной формы в развернутое лирическое отступление характерно для творческой истории МД: в наибольшей степени — именно для стадии правки АК1, в какой-то степени и далее (подробнее см.: Манн 1987. С. 78–79).

Отступление о двух типах писателей (в главе VII) не претерпевает кардинальных изменений: появляется новое замечание в защиту высокого смеха («...есть разница между Высокой Поэзией смеха и паясничеством балаганного кривляки») и обретает несколько иной характер финал, в котором идет речь о тех немногих, которые способны отозваться на авторское слово: «...величавые старцы в юношеском возрасте (...) заменят тебе крики толпы» (нижний слой) — «...Поэт, Всевидец и самодержавный владетель Мира, проходящий незамеченным пилигримом по земле (...) может, быть, отзвуются...» (верхний слой).

В верхнем слое АК1 создается новый вариант отступления, обращенного к Руси (глава XI). В нем (в дополнение к словам о воздействии на автора «величавого пространства») появляется ряд новых мотивов: о хватающей за сердце тоскливой песне, о «непостижимой связи» между Русью и автором, об ее вопрошающем, обращенном к нему взоре: «...чего ты хочешь от меня...», «...что глядишь ты мне в очи, и все, что ни есть в тебе, вперило на меня очи...» (подробнее о возникновении здесь новой темы — лирической связи автора и России — см.: Манн 1987. С. 78). Меняются и эпитеты, выбранные для характеристики Руси: «...забубенная, разгульная, распривольная, расчудесная (...) Бездонная» (нижний слой) — «...пустынно раздольная родная (...) звенящ(ая)...» (верхний слой). Сохраняется неизменным только одно определение, самое первое в этом знаменитом отступлении: «Моя».

Сделанные сопоставления позволяют выявить ряд закономерностей движения текста на этом этапе авторской работы. В создании психологических портретов центральных персонажей намечаются две тенденции: характеристики Манилова и Ноздрева не претерпевают существенных изменений, а лишь дополняются и развиваются путем внесения в соответствующие главы огромной стилистической правки; характеристики других лиц, Коробочки, Собакевича, Чичикова и особенно Плюшкина, усложняются, приобретая новые краски (возможно, — залог дальнейшего художественного развития этих ключевых фигур поэмы в следующих,

задуманных автором, томах). В авторских суждениях и оценках приобретает особое звучание тема неисполнения человеком или социальным институтом своего общественного долга, становящаяся одной из основных тем МД — сюда относятся появившиеся только в верхнем слое АК1 описания: Маниловой, приказчика в доме Маниловых, системы воспитания в пансионах, помещика-кутилы (в главе VI) и противостоящие им и тоже появившиеся только в верхнем слое АК1 замечания о рачительности Коробочки и Собакевича. Появляется ряд новых авторских отступлений двоякого рода, развивающих два уже сложившихся (в первой черновой редакции и в нижнем слое второй) начала — ироническое (применительно к отдельным чертам и свойствам человека в целом и русского человека в частности: о «неодолимой страсти» русского человека познакомиться с тем, «который бы хоть одним чином был его повыше») и лирическое, связанное с русской психологией, русской природой, русским словом, Россией в целом (похвала русскому слову). В этом же ключе перерабатываются прежние авторские отступления, причем, в отдельных случаях — с перенесением акцента с одного начала на другое: например, в отступлении о мастерстве русского человека давать прозвища акцент явно переносится с характеристики самих носителей «древних» фамилий (особенно подробной и эмоциональной в нижнем слое АК1) на характеристику русского народа как «мастера метко выражаться» и награждать неотвязным прозвищем, как «пашпортом».

Выше уже отмечалось, что правка в верхнем слое АК1 очень обширна и разнообразна. Она охватывает всю структуру МД, касаясь самых разных сторон художественного мира поэмы. Ниже укажем наиболее характерные.

В ходе авторской правки АК1 (в первом абзаце главы II) появляется новый штрих к жанровому определению МД (в дополнение к наименованиям нижнего слоя: роман, поэма) — как повести, с очертанием ее специфических особенностей («очень длинная и раздвинувшаяся потом шире и просторнее по мере приближения к концу, венчающему дело» — первоначально эти слова появляются в черновом наброске: ЧН14, (4)). При этом чаще всего (в верхнем слое) МД именуются все-таки поэмой.

Автор не оставляет и психологических изысканий общего характера, продолжая разрабатывать собственную теорию человеческих страстей. Он ищет слово для определения главного душевного пристрастия в людях: в нижнем слое (как и в ЧА1) это «конек», в верхнем — «влечение» (глава II). В главе XI, той части, которая написана автором собственноручно, используется слово «стремление» и появляется главное слово в этом длинном ряду: «страсть». Здесь же вносится следующее дополнение в лирическое отступление о человеческих страстях: «Разнообразны, бесчисленны возникают и образуются стремленья в человеческих сердцах, и чем они слепее, тем необходимо своеобразней и тем невероятней

людям». Кроме того, в развитие новой темы о слабости человека перед лицом вышестоящим, автор включает в перечень человеческих увлечений ряд дополнений: склонность «сыграть роль хоть одним вершком повыше той, которая ему назначена», и «более ограниченное» желание другого «пройтись на гулянье с каким-нибудь флигель-адъютантом, и чтоб увидели это его знакомые» (глава II). В неразрывной связи с душеведением Гоголя можно рассматривать и новое отступление — о лицах, «которые существуют на свете не так, как какой-нибудь предмет, а так, как посторонние крапинки или пятнышки на каком-нибудь предмете», но у которых при этом «есть и речи и даже кое-какие страстишки» (глава V).

Обогащается новыми мотивами одна из разносторонних и важнейших тем МД — тема автора. В главе II создается новый вариант пассажа, предваряющего описание людей типа Манилова: «О, это пытка для Автора. Он должен над ним долго продумать, прежде чем приняться за кисть» (нижний слой) — «Эти господа страшно трудны для портретов. Тут придется сильно напрягать внимание, пока заставишь перед собою выступить все тонкие, почти невидимые черты, и вообще далеко придется углублять уже изощренный в науке выпытывать взгляд» (верхний слой, ему предшествует большая промежуточная правка). В главе VIII появляется рассуждение о слове, «подмеченном на улице», и отношении к нему читателей «высшего общества». В отступлении о природе главного героя появляются строки о самом авторе: об устройстве его бытия (воспитан «уединеньем, суровой, внутренней жизнью»), о неподверженности его творчества дамскому влиянию (в нижнем слое: «Он признается даже, что если дама облокотится на письменное бюро его, он уже чувствует маленькую неловкость...» — в верхнем слое: «...даже он чувствовал какую-то странную робость и смущение, когда дама облокотится на письменное бюро его. Теперь, конечно, все прошло. Даже и смущения не чувствует он»), о его участии в связи с тем, что избрал героя, далекого от физического и душевного совершенства: «Никакой цены не дастся Автору, хоть как глубоко ни загляни он в душу, хоть отрази чище зеркала образ человека» (глава XI).

В описании бала (в верхнем слое главы VIII), сразу же после разоблачения Чичикова Ноздревым, т.е. в кульминационной точке интриги с «мертвыми душами», появляется новый эпизод — из разряда характерных для поэтики Гоголя «немых сцен»: «Почти такое же бесчувственное выражение и недоумевающее выражение отразилось на всех лицах (речь идет о сходстве выражения лиц присутствующих с «деревянными» чертами карнаваловых масок. — *Ред.*). И вдруг во всей зале минуты на две по крайней мере восстановилась какая-то непонятная тишина».

Отдельные сцены более тщательно прописываются. Так, приобретает несколько другой оттенок описание настроения Чичикова после неудач-

ных переговоров с Ноздревым. Главное здесь — устранение слишком очевидных намеков на будущее развитие событий: «“Лучше бы уже мне и не заикаться было о душах”, проговорил он почти вслух, “я уверен, что этот человек непременно мне нагадит”» (нижний слой) — «Еще более раскаивался он в том, что заговорил с ним об деле, которое вовсе не было такого рода, чтоб быть разглашенным, а тем более сделаться предметом каких бы то ни было толков» (нижний слой, помимо прочего, — еще один пример замены прямой речи на авторскую — глава IV). Именно в таком, выправленном, виде текст переходит в следующий источник, АК2, но в ходе правки последнего снова изменяется, приобретая при этом и первоначальные черты: «Но еще более бранил себя за то, что заикнулся с ним о деле и поступил неосторожно, как ребенок, как дурак: ибо дело совсем не такого рода, чтобы быть вверену Ноздреву. Ноздрев человек-дрянь, Ноздрев может наврать, прибавить, распустить чорт знает что, выйдут еще какие-нибудь сплетни — нехорошо, нехорошо. “Просто, дурак я”, говорил он сам в себе». Таким образом, в позднем варианте (почти совпадающем с окончательным) происходит частичный (на уровне мотива ненадежности Ноздрева) возврат к первоначальному, что вообще было нередким в творческой манере Гоголя. Возвращаясь к АК1, приведем еще один пример переработки текста — в главе VIII. Здесь вносятся существенные изменения в самый первый абзац, касающийся городских разговоров о покупках Чичикова. «Прения» городских чиновников о судьбе «чичиковских крестьян» становятся более обстоятельными: появляются рассуждения о значении благоразумного управления, о роли «хорошего управителя» и, главное, о долге самого хозяина (устами почтмейстера здесь говорится о «священной обязанности» Чичикова, о том, что «он может быть среди своих крестьян некоторым образом отцом, ввести даже благодетельное просвещение» и т.д.).

Текст поэмы пополняется новыми фрагментами, описаниями и пассажами разного рода. В главе VIII появляется новый большой фрагмент — с детализированным описанием дам на балу: духов, тканей, цвета одежды, головных уборов, а также различных способов поразить мужчину («погубить человека»), выражения лиц, взоров. («Дамы тут же обступили его <...> Галантерейная половина человеческого рода!»). Иронический тон описания в отдельных случаях принимал столь резкий характер, что сам автор смягчал некоторые вырвавшиеся из-под пера оценки: «Длинные перчатки <...> обдуманно оставляли возбуждающие взгляд куски рук» выше локтя (первоначальный вариант) — «Длинные перчатки <...> обдуманно оставляли обнаженными аппетитные части рук» выше локтя (окончательный вариант). В главе X появляется прибавление к предсказанию пророка о приходе в мир антихриста в лице Наполеона — сообщается о заключении пророка в острог, о доверии зараженных мистицизмом (бывшим «тогда в большой моде») людей этому предска-

занию и толковании ими в мистическом духе самого слова «Наполеон» («Пророк за предсказанье ⟨...⟩ над этим пунктом»).

Продолжается насыщение текста социальными характеристиками. Так, в главе VIII к описанию дамского платья, занявшего «полцеркви», прибавлено: «Так что Полицмейстер немедленно дал приказание подвинуть народ далее, то есть поближе к паперти, чтобы не мог как-нибудь измяться туалет». В той же главе появляется новый пассаж о подобострастном смехе чиновников в ответ на «приятную усмешку» начальника, приехавшего осмотреть «вверенные» ему «управления», а также замечание о склонности вымещать досаду на «каком-нибудь ближнем», в том числе и «на Чиновнике, нам подведомственном, который в пору подвернулся...». В главе X, уже в верхнем слое, исправлена фраза с характеристикой совещания у полицмейстера: «...и члены его должны были действовать согласно и с равным рвением, потому что дело было общее и в равной степени касалось каждого» (первоначальный вариант верхнего слоя) — «...и дело касалось вовсе не каких-либо посторонних бедных и, напротив, лично особ каждого из членов» (окончательный вариант верхнего слоя).

В верхнем слое *AK1* происходит окончательное переименование главных героинь главы IX: из «просто почтенной дамы» и «тоже почтенной дамы» в «просто приятную даму» и «даму приятную во всех отношениях». Здесь же впервые появляется подробная характеристика последней.

Одно из существенных направлений работы над МД — отмеченный Ю.В. Манном (с опорой на наблюдения В.И. Шенрока — *Тих.* Т. 7. С. 503) перевод «диалогической формы» изложения в «личную, от лица повествователя» (*Манн 1987. С. 53–56*). На примере главы II (здесь диалог Чичикова с Маниловым сохранился в полном объеме и в *ЧА1*, и в *AK1*) можно утверждать, что правка, в ходе которой обращенные к Манилову реплики Чичикова трансформировались в авторскую речь, имела место именно в ходе переработки нижнего, писарского, слоя *AK1* (подобные примеры есть и в других главах, например, в главе IV, в рамках диалога Чичикова с Ноздревым). Сюда же можно отнести схожую правку в главе VIII — здесь авторской речью заменены цитаты из дамского письма, отправленного Чичикову накануне бала (за исключением четверостишия). В очень редких случаях имеет место обратная тенденция. Так, в верхнем слое следующей по хронологии рукописи, *AK2*, обретают диалогическую форму разговоры о покупках Чичикова (в начале главы VIII), объяснения Чичикова со швейцаром (в главе X — в нижнем слое этот фрагменты носили описательный характер).

Всеобщий характер приобретает детализация текста или, по удачному определению К. Локса, «кропотливость описания» (*Локс К. Проблема стиля в художественной прозе // Проблемы поэтики / Сб.*

статей под ред. В.Я. Брюсова. М.; Л., 1925. С. 57). Появляются новые детализированные сравнения: в частности, мелькающих черных фраков (на вечере у губернатора) с мухами «на белом сияющем» рафинаде (в черновом наброске к главе I, написанном на отдельном листке, в настоящее время входящем в рукопись *АК1 — ОР РНБ. Q.XV.46. Л. 16* — в нашем обозначении *ЧН12, <2>*; соответствующий фрагмент главы в *АК1* не сохранился); «приятной дамы», жаждущей раскрытия тайны Чичикова, — с охотником, ожидающим появления из леса зайца (глава IX); ошеломленных чиновников — с сонным школьником, которому поднесли к носу горсть табаку (в той же главе, с предварительной проработкой нового фрагмента в черновом наброске — *ОР РГБ. Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 24* — в нашем обозначении *ЧН15, <1>*), датируется: конец 1840 — весна 1841 г.). Некоторые сравнения видоизменяются, приобретая более распространенный и подробный характер: низкий собачий лай (вместо лаконичного уподобления хриплому лаю «Генерала перед фрунтом») теперь подробно сопоставляется с хрипом контрабаса на фоне теноров в певческой (глава III). Сравнение бледнеющих воспоминаний Чичикова (при выезде из города) с пятнами, «которые мерещутся в глазах» при взгляде на заходящее солнце и постепенно угасают, разрастается в одну из самых поэтичных в МД пейзажных зарисовок (глава XI). Обрастают деталями описания, характеристики, оценки: «прекрасная мебель» (нижний слой) — «прекрасная мебель, обтянутая щегольской шелковой материей» (верхний слой); «прекрасный бронзовый, вызолоченный и обделанный в перламутр канделябр» (нижний слой) — «щегольской подсвешник из темной бронзы с тремя античными грациями и перламутрным зонтиком» (верхний слой); «гадкой старой подсвешник» (нижний слой) — «просто медный инвалид, хромой, свернувшийся на сторону и весь в сале» (верхний слой — глава II); «бюро» (нижний слой) — «бюро темного дерева, выложенное перламутрной мозаикой, которая во многих местах выпала, и на место ее остались одни только узинькие желобки свежего дерева, наполненные клеем» (верхний слой — глава VI). Во многих случаях такая детализация, насыщение текста подробностями существенно видоизменяет описание: «Очнувшись после весьма крепкого сна, Герой наш довольно бодро вскочил с постели и первую мыслью его была сделанная покупка» (нижний слой) — «Чичиков проснулся ни рано, ни поздно, а как раз в пору. Проснувшись, он кракнул, прижал несколько плеча к голове, потянул ноги и усмехнулся, как человек, который чувствует сам, что выпался и хорошо и вдоволь. Надевши одни спальные сапоги и, не набросив даже на плеча халата, он подошел прямо к своей шкатулке и сначала перед нею потер руки не без наслаждения, а потом отпер. Ему очень хотелось посмотреть на свои приобретения» (верхний слой — глава VII). В отдельных случаях появляются дополнения и уточнения хронологического и географического характера: «Председатель Палаты знал наизусть

“Людмилу” Жуковского...» (нижний слой) — «Председатель Палаты знал наизусть “Людмилу” Жуковского, которая была тогда еще животно-пашею (так в рукописи. — *Ред.*) новостью...» (верхний слой, глава VIII); «...самая столица должна перед ними спрятаться куда-нибудь подальше» (нижний слой) — «...они опередили даже обе столицы, и Московскую и Петербургскую» (верхний слой, глава VIII; при этом в том же абзаце, ниже, сравнение местных дам с петербургскими имеет место в нижнем слое рукописи). Отдельные особо значимые детали приобретают в верхнем слое *AK1* окончательный вид: «фрак брусничного цвета с искрой» (фрагмент чернового автографа главы VIII — *ЧА2*) — «фрак брусничного цвета давал самый богатый отлив» (нижний слой *AK1*, глава II) — «фрак брусничного цвета» (черновой набросок к верхнему слою главы II в *AK1*, тот же фрагмент — *ЧН14*, (3)) — «фрак брусничного цвета с искрой» (верхний слой, глава II, тот же фрагмент). Таким образом, цвет фрака Чичикова впервые фигурирует уже в одном из самых ранних черновых автографов МД (т.е. в *ЧА2*), затем упоминается в несколько ином варианте и в верхнем слое *AK1* становится устойчивой формулой.

При этом в отдельных случаях Гоголь, напротив, отказывается от детализированных сравнений, как, например, в описании жены Собакевича, походка которой первоначально (в нижнем слое) сравнивалась с походкой гусей: «с небольшим раскатом» направо и налево (быть может, сравнение было снято, поскольку ниже оно приводится вновь: «...отправились в столовую, куда опять, как плавный гусь, поплыла вперед хозяйка» — в следующей рукописи, *AK2*, в процессе правки этого фрагмента слово «опять» было вычеркнуто).

Типичными можно считать исправления, уточняющие авторскую мысль, придающие ей отточенную, зачастую окончательную форму. В описании смерти прокурора (глава X): «Все совершилось в одну минуту» (нижний слой) — «Еще одна жизнь убежала из мира, и все совершилось в одну минуту» (верхний слой).

В ряде случаев происходит смягчение некоторых характеристик и оборотов и даже их устранение: «мирное войско» гарнизонных солдат — «мертвецки пьяное по воскресным дням» (в нижнем слое) и «отчасти нетрезвое по воскресным дням» (в верхнем слое — глава II); «Там просто ляпай кистью со всей руки» (нижний слой) — «Там просто бросай краски со всей руки на полотно» (верхний слой — глава II); снимается упоминание о «попе», дающем имена при крещении (глава V); в верхний слой не попадает фраза, в которой отмечено, что возросшее уважение к Чичикову в городе проявлялось и в распоряжении квартальных мести под окнами Чичикова («Это уважение стало обнаруживаться (...) Чичиков даже кашлял» — глава VIII); «...мнением дам, а особенно супруг Сановников как Губернских, так и Уездных Городов нужно очень дорожить» (нижний слой) — «...мнением дам нужно дорожить» (верхний слой, глава VIII).

Имеют место и такие исправления, которые при дальнейшей работе над МД будут отменены: «Мать ты моя пресвятая, какой же я стал гадкий!» (нижний слой) — «Чорт знает что такое, какой же я стал гадкий!» (промежуточный слой) — «Какой же я стал гадкий!» (верхний слой — глава XI). В процессе диктовки следующей рукописи МД (АК2) выражение «Мать ты моя пресвятая» появится здесь вновь, т.е. Гоголь вернется к первоначальному варианту. Характерно, что в 1836 г. выражение «Мать ты моя пресвятая» было вычеркнуто цензором из сценического текста «Ревизора» (см.: Наст. изд. Т. 4. С. 503, 576).

Одно из направлений правки — смягчение или устранение стилистических оборотов сугубо романтического, стилистически возвышенного характера: «Огненные глаза» (нижний слой) — «черные палящие глаза» (верхний слой — глава II); в отступлении о твердости женского характера снимается распространенное сравнение: «И если уже раз затворились пред нами двери рая, то все кончено: бедный наш брат осужден весь век скитаться, как оборванный Иуда вокруг заветных стен, оглашая вечным плачем не весьма веселые пространства доставшегося ему на долю ада, пищею ему будет безнадёжность, а райские двери не отпрутятся...» и т.д. (глава VIII; характерно, что и позже, в процессе работы над следующей по хронологии рукописью, АК2, появляется и тут же снимается упоминание Иуды, точнее, выражение «Иуда ты проклятой», с которым Чичиков обращается к Селифану — глава XI). Следует отметить, что исключение из текста сакральных сравнений имеет место и в других главах, в том числе в главе II, где сняты строки: «...он весь помолодел пятью годами и был бы даже похож на Херувима, если бы не слишком синий подбородок...». О переработке нижнего слоя АК1 см. также: Ак. Т. VI. С. 884—885. Об авторской работе над «Повестью о капитане Копейкине» в рамках АК1 см. с. 488—490 наст. изд.

Следующий по хронологии рукописный источник МД (и последний из написанных за границей) — АК2. История создания этой копии, с обширной авторской правкой, известна достаточно хорошо. Между верхним слоем АК1 и нижним слоем АК2 имеются довольно существенные расхождения. Объясняется это тем, что в работе над АК2 Гоголь прибег к помощи двух помощников, которым диктовал текст. Первый из них — В.А. Панов, рукой которого написаны пять глав (с первой по пятую). Большая часть текста была продиктована Гоголем, но какие-то страницы копировались — об этом говорят пробелы, которые Панов оставлял в рукописи, когда не мог разобрать то или иное слово (Ак. Т. VI. С. 887). Некоторые подробности этой совместной работы остаются не совсем ясными. Ф.И. Буслаев пишет, что Панов поселился сначала в гостинице, но вскоре нанял квартиру на Strada Felice, в этой квартире поселился Гоголь и прожил рядом с Пановым зиму 1840—1841 гг. (Буслаев Ф.

Мои воспоминания // *ВЕ*. 1891. Т. IV. Кн. 7. С. 211–213). П.В. Анненков сообщает о том, что Гоголь и Панов жили в одном доме, в соседних комнатах, на Strada Felice, № 126, а впоследствии комнату Панова занял он сам: «Комната Николая Васильевича была довольно просторна, с двумя окнами, имевшими решетчатые ставни изнутри. Обок с дверью стояла его кровать, посередине большой круглый стол; узкий соломенный диван, рядом с книжным шкафом, занимал ту стену ее, где пробита была другая дверь. Дверь эта вела в соседнюю комнату, тогда принадлежавшую В.А. Панову, а по отъезде его в Берлин доставшуюся мне» (*Анненков 1989*. С. 37, 38). В письмах Панова события представлены несколько иначе. Он отмечает, что Гоголь поселился один на своей прежней квартире (она была именно на Strada Felice, № 126, именно в нее он намеревался вернуться, о чем 8(20) сентября 1839 г. писал А.А. Иванову из Вены, именно этот адрес сообщил П.А. Плетневу в письме от (18)30 октября 1840 г. из Рима), сам же Панов жил на другой: Гоголь «один, на своей прежней квартире» (В.А. Панов — С.Т. Аксакову, 9(21) ноября 1840 г. — см.: *Сочинения и письма Н.В. Гоголя / Изд. П.А. Кулиша*. Т. 5. СПб., 1857. С. 425; с уточнением по автографу: *ОР РГБ*. Ф. 3 (Аксаковы). ГАИС. III. К. 1. Ед. хр. 21. Л. 1 об.; в этом же письме сообщает свой адрес, отличный от гоголевского). В более позднем письме (К.С. Аксакову от 31 декабря 1840 г. (12 января 1841 г.)) Панов более подробно рассказывает об обстоятельствах выбора жилья: «Когда мы приехали сюда с Николаем Васильевичем, он несколько дней был в совершенной нерешимости, где ему нанять квартиру — потому что тогда для него было трудно подняться в полчаса на маленький пригорок и, чтоб взойти десять ступене(й²), надо было двадцать раз остановиться, а прежняя его квартира на горе и в третьем этаже, но к счастью нерешимость была так велика, что он думал, думал и наконец все-таки поселился на старой своей квартире. Мне же он советовал для практики в Итальянском языке взять квартиру, где была бы хозяйка, с которой интересно было бы беседовать. Боткин, который приехал сюда вместе с нами, знал здесь одно семейство, куда тотчас и отвел меня. Таким образом мы с Николаем Васильевичем виделись довольно часто; завтракали, обедали вместе. Но вскоре я стал обедать дома, в семействе хозяев; спустя месяц Николай Васил(ьевич) также начал более сидеть у себя и мы уже виделись гораздо реже, по вечерам, раза три, четыре в неделю» (*ЛН*, т. 58. С. 596; с уточнениями по автографу — *ОПИ ГИМ* (Отдел письменных источников Гос. исторического музея. Москва). Ф. 178. Ед. хр. 35. Л. 92). Частичный ответ на все эти загадки содержится в одном из новейших исследований, где сообщается, что в книге, составленной приходским священником в марте 1841 г., зафиксировано проживание по указанному адресу и Гоголя, и Панова (*Гасперович В. Н.В. Гоголь в Риме: новые материалы // Образ Рима в русской лите-*

ратуре: Международный сборник научных работ. Рим; Самара, 2001. С. 93). Таким образом, получается, что Панов первоначально жил отдельно, а позже переехал на квартиру Гоголя, дата этого переезда неизвестна.

24 апреля (6 мая) 1841 г. Панов выехал из Рима (см. его письмо К.С. Аксакову от 25 мая (6 июня) 1841 г. из Берлина — *ЛН*, т. 58. С. 602), и его место в соседней с гоголевской комнате занял П.В. Анненков. Известно, что помощники Гоголя общались — с уезжавшим в Берлин Пановым Анненков передал письмо М.Н. Каткову (Из переписки П.В. Анненкова с М.Н. Катковым в 1841 и 1842 годах // *РВ*. 1896. Т. 246. Декабрь. С. 46). Датой приезда Анненкова в Рим традиционно считается 16(28) апреля 1841 г. Это число восходит к воспоминаниям самого Анненкова, где он отмечает также, что прибыл в столицу Италии в среду на Страстной неделе, а в самый праздник, вечером (т.е. в воскресенье), в разговоре с Гоголем «положено было», что после отъезда Панова Анненков переберется в его комнату и посвятит «один час каждого дня на переписку, под его диктовку, уже совсем изготовленной первой части “Мертвых душ”» (*Анненков 1989*. С. 34, 63). Между тем свидетельство Анненкова точно лишь отчасти. Он действительно приехал в Рим на Страстной неделе (события которой подробно описывает), однако это случилось раньше указанной им даты, что становится ясным благодаря сопоставлению свидетельства Анненкова с датами православной и католической Пасхи. В 1841 г. и та, и другая приходилась на 30 марта (11 апреля), что зафиксировано периодикой того времени, в частности «Северной пчелой», где упоминается православная Пасха (30 марта (ст. ст.) — *СПч*. 1841. 3 апреля. № 72. С. 285) и соответственно католическая (в рубрике «Новости заграничные» — сообщение с пометкой «Франция. Париж, 9-го Апреля»: «Сегодня, в Страстную Пятницу, заседания (Палаты Депутатов. — *Ред.*) не было» (*СПч*. 1841. 12 апреля. № 80. С. 318)). Именно в день Пасхи, т.е. 30 марта (11 апреля), и была достигнута договоренность о предстоящем переезде Анненкова в комнату Панова и переписке МД под диктовку Гоголя. Наряду с указанной Анненковым датой приезда вызывает сомнение и обозначенный им день — среда Страстной недели. Подневная хронология первой недели пребывания Анненкова в Риме, представленная не только в его воспоминаниях, но еще и в опубликованном в «Отечественных записках» письме (*Анненков П.В. Письма из-за границы: V // ОЗ*. 1841. № 6. Отд. VII. «Смесь». С. 91, 100–101; см. то же: *Анненков П.В. Парижские письма / Изд. подгот. И.Н. Конобеевская. М., 1983. С. 16, 27–29*), не позволяет уместить все описанные им события в пять дней (среда — воскресенье). Известно, в частности, что в день прибытия в Рим Анненков был занят поисками квартиры, затем побывал в русском посольстве, где получил адрес Гоголя, и возвратился к себе под проливным дождем; на следующий день отправился к Гоголю, обедал с ним,

а затем разговаривал до ночи в кафе, после Гоголь проводил Анненкова до дома; наутро Гоголь явился к Анненкову, а затем повел его по Риму (Анненков 1989. С. 34–37, 39–41). При этом в четверг Анненков присутствовал в соборе Святого Петра на церемониях «омовения ног» и угощения бедных священников, а вечером был в Сикстинской часовне (не исключено, что посещал ее и накануне, в среду); присутствовал и на других церемониях, направляемый Гоголем (Анненков П.В. Парижские письма. М., 1983. С. 28; Анненков 1989. С. 62–63). Это все могло получиться в том случае, если Анненков прибыл в Рим не в среду, а немного ранее. Данное допущение согласуется с очень важным указанием самого Анненкова — на то, что праздничные мероприятия начались на третий день его пребывания в Риме (он описывает их начиная со среды, а подробно — с четверга), и в это время он «почти совсем не видал Гоголя» (там же). Исходя из всего сказанного, можно предположить, что Анненков прибыл в Рим в понедельник или во вторник (5 или 6 апреля н. ст.) Святой недели. В этом случае его встреча с Гоголем состоялась 6 или 7 апреля, совместная прогулка по Риму — 7 или 8 апреля, договоренность о переезде Анненкова в комнату Панова и о переписке МД (как отмечалось выше) была достигнута в воскресенье, 11 апреля.

Возникшее недоразумение с датами, по-видимому, объясняется тем, что в работе над воспоминаниями Анненков опирался на собственное (упоминавшееся выше) письмо из Рима, опубликованное (в числе других) в «Отечественных записках» с предварающей датой 28 апреля 1841 г. и начинающееся словами: «Вот я и в Риме...» (Анненков П.В. Письма из-за границы: V // ОЗ. 1841. № 6. Отд. VII. «Смесь». С. 91; см. то же: Анненков П.В. Парижские письма. М., 1983. С. 16). Между тем даже из текста самого письма видно, что Анненков находится в Риме уже некоторое время — по его собственным словам, две недели (там же, с. 27). Следовательно, само письмо написано не в день приезда Анненкова в Рим, а датировка письма не идентична дате этого приезда. 28 апреля 1841 г. действительно приходилось на среду. Это объясняет вторую ошибку датировки приезда в Рим в воспоминаниях Анненкова: ошибочно истолковав дату собственного письма (по его начальным словам) как дату приезда в Рим (28 апреля), он указал день недели, соответствующий этой дате.

Авторские диктовки Анненков тщательнейшим образом описывает в своих воспоминаниях: «...Гоголь крепче притворял внутренние ставни окон от неотразимого южного солнца, я садился за круглый стол, а Николай Васильевич, разложив перед собой тетрадку на том же столе подалее, весь уходил в нее и начинал диктовать мерно, торжественно, с таким чувством и полнотой выражения, что главы первого тома “Мертвых душ” приобрели в моей памяти особенный колорит. Это было похоже на спокойное, правильно разлитое вдохновение, какое порождается

обыкновенно глубоким созерцанием предмета. Николай Васильевич ждал терпеливо моего последнего слова и продолжал новый период тем же голосом, проникнутым сосредоточенным чувством и мыслью. Превосходный тон этой поэтической диктовки был так истинен в самом себе, что не мог быть ничем ослаблен или изменен» (Анненков 1989. С. 64—65). Анненков пишет, что в ходе диктовки он нередко «разражался хохотом», а Гоголь в ответ глядел «хладнокровно, но ласково улыбался и только проговаривал: “Старайтесь не смеяться, Жюль”» (там же, с. 65). «Впрочем, сам Гоголь, — продолжал Анненков, — иногда следовал моему примеру и вторил мне при случае каким-то сдержанным полусмехом, если могу так выразиться. Это случилось, например, после окончания “Повести о капитане Копейкине” (...) Когда, по окончании повести, я отдался неудержимому порыву веселости, Гоголь смеялся вместе со мною и несколько раз спрашивал: “Какова повесть о капитане Копейкине?” — “Но увидит ли она печать когда-нибудь?” — заметил я. — “Печать — пустяки, — отвечал Гоголь с самоуверенностью, — все будет в печати”. Еще гораздо сильнее выразилось чувство авторского самодовольствия в главе, где описывается сад Плюшкина. Никогда еще пафос диктовки, помню, не достигал такой высоты в Гоголе, сохраняя всю художническую естественность, как в этом месте. Гоголь даже встал с кресел (видно было, что природа, им описываемая, носится в эту минуту перед глазами его) и сопровождал диктовку гордым, каким-то повелительным жестом. По окончании всей этой изумительной VI главы я был в волнении и, положив перо на стол, сказал откровенно: “Я считаю эту главу (...) гениальной вещью”. Гоголь крепко сжал маленькую тетрадку, по которой диктовал, в кольцо и произнес тонким, едва слышным голосом: “Поверьте, что и другие не хуже ее”» (там же, с. 65—66).

От П.В. Анненкова известны и некоторые существенные подробности их совместной с Гоголем работы, в частности, эпизод с диктовкой начала главы VI: вместо продиктованного Гоголем слова «щекатурка» Анненков написал «штукатурка», и Гоголь, справившись в «каком-то лексиконе», согласился с предложенным исправлением, сказав: «А за науку спасибо» (там же, с. 65). Сохранившиеся рукописи подтверждают это свидетельство. Написанное рукой Гоголя новое начало главы VI (с упоминавшимся словом «щекатурка») в АК1 не сохранилось, однако в нижнем, писарском, слое этой рукописи данный фрагмент уцелел, и мы находим в нем форму «щекотурка» и ниже — «щекотурочная решетка». В соответствующем фрагменте АК2 рукой Анненкова написано: «штукатурка» и «штукатурная решетка». Такое же соотношение вариантов содержится в главе IX: «щекатурка» (АК1, рукой В.А. Панова в нижнем слое и рукой Гоголя в верхнем) — штукатурка (АК2, рукой Гоголя).

Рукой Анненкова переписаны главы VI—X и чуть больше половины главы XI (вторая половина, начиная с л. 193, написана рукой Гоголя).

Вероятно, эта работа была завершена в середине июля 1841 г. — Анненков, по его собственному свидетельству, выехал из Рима 19 июля — вероятно, по новому стилю (*Анненков П.В. Письма из-за границы: VI // ОЗ. 1841. № 10. Отд. VII. «Смесь». С. 84; см. то же: Анненков П.В. Парижские письма. М., 1983. С. 31*). В воспоминаниях Анненкова говорится, что переписка МД «была совсем приведена к окончанию» в августе, две недели спустя после его отъезда из Рима (*Анненков 1989. С. 86*). Несмотря на все эти подробные свидетельства, датировать работу над АК2 достаточно трудно. Фактами, позволяющими точно установить, когда Гоголь начал диктовать текст Панову, мы не располагаем. В этой ситуации можно полагаться только на следующие предположительные расчеты. Диктовка второй половины рукописи заняла примерно два с половиной месяца (май — середина июля). Если предположить, что примерно за такое же время была написана первая, то начало диктовки следует отнести к середине февраля 1840 г. или даже к марту, поскольку, скорее всего, Панов (по определению Буслаева, «домашний переписчик») мог уделить работе над рукописью больше времени, чем Анненков.

Зиму и весну Гоголь работал над первым томом МД с огромным напряжением, все более укрепляясь в мысли о святости и спасительности этого труда. Малейшие попытки оторвать его от рукописей «Мертвых душ» воспринимал болезненно. Тем не менее одна из таких попыток, связанная со вторым изданием «Ревизора», увенчалась успехом (подробнее см.: *Наст. изд. Т. 4. С. 600–603*). Посылая 5(17) марта 1841 г. С.Т. Аксакову материалы для этого издания (из Рима), Гоголь сетовал: «Если б вы знали, как мне скучно теперь заниматься тем, что нужно на скорую руку, — как мне тягостно на миг оторваться от труда, наполняющего ныне всю мою душу!» Так же тяжела для Гоголя была просьба С.Т. Аксакова прислать что-нибудь в погодинский «Москвитянин»: «Боже, если бы вы знали, — писал он С.Т. Аксакову 13(25) марта 1841 г. из Рима, — как тягостно, как разрушительно для меня это требование, — какую вдруг нагнало оно на меня тоску и мучительное состояние! Теперь на один миг оторваться мыслью от святого своего труда — для меня уже беда. <...> Нет, клянусь, грех, сильный грех, тяжкий грех отвлекать меня! <...> Труд мой велик, мой подвиг спасителен. Я умер теперь для всего мелочного...». Гоголь все сильнее осознает значение своего гигантского труда и свою высокую, пророческую писательскую миссию, что на этот раз позволяет ему совершенно открыто обратиться за материальной помощью к С.Т. Аксакову: «Я теперь прямо и открыто прошу помощи, — пишет он ему 5(17) марта 1841 г., — ибо имею право и чувствую это в душе. Да, друг мой! я глубоко счастлив. Несмотря на мое болезненное состояние, которое опять немного увеличилось, я слышу и знаю дивные минуты. Создание чудное творится и совершается в душе

моей, и благодарными слезами не раз теперь полны глаза мои. Здесь явно видна мне святая воля Бога: подобное внушение не происходит от человека; никогда не выдумать ему такого сюжета! О, если бы еще три года с такими свежими минутами! Столько жизни прошу, сколько нужно для окончания труда моего; больше ни часу мне не нужно. <...> У меня все средства истощились уже несколько месяцев. Для меня нужно сделать заем. Погодин вам скажет. В начале же 42 года выplatится мною всё, потому что одно то, которое уже у меня готово и которое, если даст Бог, напечатаю в конце текущего года, уже достаточно для уплаты». С этими настроениями связана и просьба к К.С. Аксакову и М.С. Щепкину приехать за ним в Италию: «Меня теперь нужно лелеять, — объясняет он в том же письме, — не для меня, нет! Они сделают бесполезное дело. Они привезут с собой глиняную вазу. <...> в этой вазе теперь заключено сокровище; стало быть, ее нужно беречь». С этих пор в Гоголе крепнет уверенность в особой, провиденциальной силе его слова: «Но слушай, теперь ты должен слушать моего слова, ибо вдвойне властно над тобою мое слово, и горе кому бы то ни было не слушающему моего слова» (А.С. Данилевскому, 26 июля (7 августа) 1841 г. из Рима: «О верь словам моим!.. Ничего не в силах я тебе более сказать как только: верь словам моим. Я сам не смею не верить словам моим» (Н.М. Языкову, 15(27) сентября 1841 г. из Дрездена).

В начале весны 1841 г. Гоголь уже с уверенностью пишет С.Т. Аксакову о времени своего приезда в Москву («В начале осени я прижму вас к моей русской груди» — письмо от 5(17) марта 1841 г., «В мае месяце я полагаю выехать из Рима» — письмо С.Т. Аксакову от 13(25) марта 1841 г.) и, как обычно, просит держать в тайне все, чем делится с ним в письмах: «Никому не говорите ничего ни о том, что буду к вам, ни о том, что я тружусь, — словом, ничего» (письмо С.Т. Аксакову от 5(17) марта 1841 г.); «Не говорите о моем приезде никому, и Погодину скажите, чтоб он также не говорил; если же прежде об этом проговорились, то теперь говорите, что это не верно еще. Ничего также не сказывайте о моем труде» (письмо С.Т. Аксакову от 13(25) марта 1841 г.)

* * *

В *АК2* впервые представлен полный текст всех глав МД, в том числе главы I (в *ЧА1* она вообще отсутствует, в *АК1* сохранилась только финальная часть — описание визитов к чиновникам). Как уже отмечалось, большая часть текста *АК2* написана под диктовку. Отличия нижнего слоя этой рукописи от верхнего слоя предыдущей (*АК1*) не слишком велики, но тем не менее (учитывая, что они по большей части возникли в процессе диктовки) достаточно многочисленны. В подавляющем большинстве эти отличия носят стилистический характер. В первых шести главах правка «с голоса» касается преимущественно отдельных

слов (здесь и далее слева приводится вариант АК1, справа — вариант АК2): «ниток» — «нитяных моточков» (глава III); «Часы опять испустили шипение и проколотили 10» — «Часы опять испустили шипение и пробили десять» (глава III). В последующих главах стилистических отличий значительно больше и они зачастую касаются не только отдельных слов, но и словосочетаний, фрагментов фраз, целых фраз: «сапоги были очень увлекательны» — «сапоги, точно, были очень хорошо сшиты» (глава VII); «жизнь их должна потечь другою дорогою» — «жизнь их должна совершенно перемениться» (глава VIII); «Что-то в роде робости пробирает» — «Чувствуется точно робость» (глава VIII); «внимание к нему как-то сделалось гораздо нежнее» — «внимание к нему как будто бы увеличилось» (глава VIII); «и даже рожу сделает птичью» — «и даже физиономию сделает птичью» (глава VIII); «другое скажешь» — «другое запоешь» (глава X); «делаем обед» — «задаем обед» (глава X).

Часть исправлений связана с развитием уже сложившихся ранее тенденций правки текста в МД: стремление к лаконичному, «сжатому» построению фразы: «Благодарю, благодарю, Матушка, приготовьте мне только постель и больше ничего» — «Благодарю, матушка. Ничего не нужно, кроме постели» (глава III); «Индеек и кур пицало и двигалось несметное множество» — «Индейкам и курам не было числа» (глава III); «завели храпенье и пенье совершенно неслыханного рода» — «подняли храп неслыханный» (глава VII); тяготение к стилистической сдержанности: «обвивал до половины белую колонну картинно сломленной березы» — «обвивал до половины сломленную березу» (глава VI); насыщение текста распространенными сравнениями и уподоблениями: «А что уж такое делается в глазах их(?), не приведи Бог» — «А что уж такое делается в глазах их — ну там такое бесконечное государство, которому просто конца нет» (глава VIII); замена диалога авторской речью: «“Благодарю, благодарю, Матушка”, отвечал Чичиков, “пожалуста, ни об чем не беспокойтесь! мне, кроме постели, ничего больше не нужно. А вот вы меня обяжете, когда скажете мне, где я, куда заехал и далеко ли живет помещик Сабакевич?” — “Нет, Отец мой, не слышала такого имени. Такого здесь нет помещика”» — «Чичиков поблагодарил хозяйку, сказавши, что ему не нужно ничего, чтобы она не беспокоилась, что, кроме постели, он не хотел бы другого, и полюбопытствовал только знать, в какие места заехал он и далеко ли пути к помещику Собакевичу, на что старуха сказала, что и не слыхивала такого имени и что такого помещика вовсе нет» (глава III). В этом же ряду находятся характерные «защитно-иронические» оговорки (художественная реакция на различного рода упреки по поводу изображения чиновничьего мира в «Ревизоре»): существует «канцелярия» — существует «канцелярия, не здесь, а в тридевятом Государстве» (глава III).

Заслуживают упоминания и некоторые появившиеся в ходе диктовки существенные детали. Так, дамская половина бального общества обретает характеристики, присущие недоушевленному миру: «Дамы тут же обступили его блистающе очаровательною вереницею» — «Дамы тут же обступили его блистающе, очаровательною гирляндю» (глава VIII; курсив наш. — *Ред.*). Пассаж о двух партиях, женской и мужской (глава IX), в АК2 предварен более «решительным», организующим весь дальнейший текст, вступлением — с четким обозначением «противуположности» двух мнений и соответственно двух «противуположных» партий (предварительно прописано начерно — <ЧН16>, <1>, предположительно, наряду с находящимся на этом же листе наброском к главе XI, датируется: середина мая—июнь 1841 г., т.е. временем создания нижнего слоя соответствующих глав АК2). В упоминаемых парных именах появляется свойственный манере Гоголя звуковой параллелизм: «либо Ивана, либо Машутку» — «либо Праскушку, либо Петрушу» (глава X). Появляются новые реалии: среди книг, прочитанных почтмейстером, упоминается «Ключ к тайнствам натуры» Эккартсгаузена (глава VIII), а в главе X фигурирует прочитанная Чичиковым во время болезни «Герцогиня Лавальер».

В ходе диктовки уточняются некоторые характеристики персонажей. Исчезает уподобление Плюшкина кощею: «такие кощеи» — «подобное явление» (глава VI; заметим при этом, что сравнение Собакевича с кощею, появившееся еще в ЧА1, сохраняется вплоть до основного текста). Кроме того, из владельца восьмисот душ (в АК1) Плюшкин превращается в помещика, у которого «почти тысяча душ». В описании подготовки Чичикова к балу исчезает фраза: «Присевши к зеркалу, он обратил внимание порознь почти на каждый предмет ее (физиономии. — *Ред.*), рассмотрел очень внимательно подбородок, погладил и по щеке, словом, никого не обидел» (глава VIII), но зато появляется новое уточнение, предваряющее описание приготовлений Чичикова к балу: «...нельзя утаить, что никогда еще не было употреблено им на это столько времени, как на этот раз» (глава VIII).

В нижнем слое АК2 появляется отсутствующее в АК1 начало главы VI (со знаменитым лирическим отступлением). На каком этапе был создан этот текст (т.е. в процессе правки АК1 или в процессе диктовки АК2), неизвестно; во всяком случае сопоставить его можно только с соответствующим фрагментом ЧА1. Это сопоставление позволяет выявить и значительные стилистические расхождения, и ряд других существенных отличий: изменение хронологических примет (в ЧА1: «в лета моей юности» — в АК2: «в лета моего детства»); включение нового мотива (фантазия на тему возвращения домой проходящего мимо уездного чиновника); отсутствие фигуры «попа» в перечислительном ряду лиц и предметов, привлекающих авторское внимание; дополнение текста

лирическими деталями («густая зелень», скрывающая помещичий дом, «звонкий девический смех» дочерей, упоминание о «вечной красавице меньшей сестрице»); создание нового, еще более эмоционального, варианта заключительных строк (в *ЧА1*: «...и не смешно мне, и куча того, что возбудило и смех и замечательность когда-то, теперь скользит мимо» — в *АК2*: «Моему охлажденному взору неприятно, мне не смешно, и то, что пробудило бы в прежние годы живое движение в лице, смех и немолчные речи, то скользит теперь мимо, и безучастное молчание хранят мои недвижные уста». При этом последняя фраза («О моя юность! О моя свежесть!») остается неизменной вплоть до окончательного текста.

Совершенно особого разговора требует глава XI. Она диктовалась в самом конце, более того, значительная часть ее, чуть менее половины (л. 193–205), написана рукой автора, следовательно, в этом случае нижний слой текста уже вполне мог запечатлеть те тенденции, которые в предшествующих главах появились позже, только на стадии правки *АК2*. С этой необходимой оговоркой ниже приводятся отличия нижнего слоя *АК2* от верхнего слоя *АК1*.

В главе XI, как и в других, продолжается стилистическая отделка текста. Описания, сравнения, детали приобретают все более отточенный, зачастую афористичный характер: «дамы требуют, чтобы Герой был совершенен во всех частях» — «дамы требуют, чтоб герой был чудом во всех частях»; «Чиновники, присмотревшись несколько к новому начальнику и узнавши дух и мнения его, начали несколько оправляться» — «В три или четыре недели все чиновники совершенно применились к нему и все без исключения сделались жестокими гонителями неправды»; «и так как люди слабы, а деньги хоть и мелкая вещица, но весу довольно» — «и так как люди слабы, а деньги сильны, хоть и мелкая вещица по весу».

В ходе создания нижнего слоя *АК2* устраниваются или смягчаются некоторые обобщенные оценки, касающиеся государственной жизни, текущего века и т.д.: «он поступал сообразно с веком» — «он поступал сообразно с мнением других»; «Герой наш пропустил кое-какие уроны, которые претерпела казна, но у нас, впрочем, составилось мнение, что казна богата» — в *АК2* фразы нет. Тема карточной игры начинает приобретать иронические оттенки: «устав от дел и забот, а иной раз, может быть, и от виста или другой вседневной суеты» — «устав от дел и забот, а иногда просто и от виста, ибо бывают такие неслыханные случаи, что устают даже и от виста, итак, устав от подобной суеты»; «они могут обратиться вновь к мирным занятиям, то есть сесть за вист» — «они могут совершенно покойно обратиться к мирным занятиям, то есть обратиться к вечному карточному столу, тешащему всю Россию». Возрастает негативное отношение автора к всеподчиняющей силе моды: в пассаже о страстях вместо рассуждения о слепой страсти («Разнообразны, бесчисленны возникают и образуются стремленья в человеческих сердцах,

и чем они слепее, тем необходимо своеобразней и тем невероятней людям») появляется другое — о связи страсти с модой: «Лучше поверит Читатель одной страсти, преобладающей всеми(?)», не чувствуя, что она просто мода, деспотски разлетевшаяся мода...».

Точечная, но очень характерная правка затрагивает фрагменты, связанные с оппозициями «автор-читатель», «автор-герой»: «...и знает он вас много, мои Почтенные Чита(те)ли...» — «И знает вас много, мои добрые читатели, сей неведомый вами Автор»; «Все скажу я вам, ибо кто же скажет вам правду, как не Автор...» — «К чему таить слово? Я вам прямо говорю, мои читатели, ибо кто же, как не Автор, должен сказать вам святую правду?»; «...что до Автора, то он никак не должен ссориться с своим героем...» — «...что до Автора, то он ни в каком случае не должен ссориться с своим героем...».

Несколько смягчается манера обращения Чичикова с Селифаном — снято пояснение: «Здесь герой наш назвал его, кажется, рылом». Зато немного ниже появляется следующая фраза: «Сказавши эти слова, Чичиков начал откапывать всякие, какие знал, выражения, уже направленные собственно не на Селифана, но неизвестно на кого, и откопал их, против ожидания, такое множество, как и сам не мог предполагать». В ходе диктовки снимаются слова: «...владение имуществом значительным доставляло просто какую-то негу его чувствам».

Самое заметное исправление в главе XI (и в процессе диктовки рукописи в целом) касается лирического обращения к Руси. Текст его переработан (на основе черного наброска — ЧН16, (1)) довольно существенно. Первая половина переделана кардинально (близко к окончательному варианту): «Русь! Моя пустынно раздольная родная русь. Святым крестом своим осени тебя Святой, звенящ(ая) моя русь...» (AK1) — «Русь! Русь! Вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека тебя вижу: бедно, разбросанно и неприятно в тебе, не развеселят, не испугают взоров дерзкие дивы Природы, венчаные дерзкими дивами Искусства, города с многооконными, высокими дворцами, вросшими в утесы, картинные деревья и плющи, вросшие в дома, покрытые вечным шумом и пылью водопадов; не опрокинется назад голова посмотреть на далеко пропадающие на дне и в вышине каменные глыбы, и сквозь заброшенные с плющами и тысячью растений громадные арки не блеснут вдали вечные линии сияющих гор, несущихся в серебряные, ясные небеса. Открыто-пустынно и ровно все в тебе; как точки, как значки, неприметно торчат среди равнин невысокие твои города; ничто не прельстит и не очарует в тебе, но какая же непостижимая, тайная сила влечет к тебе...» (AK2 — ср. в письме Гоголя Н.Я. Прокоповичу от 27 сентября (н. ст.?) 1836 г. из Женевы: «Если бы мне попало теперь наше подлое и плоское местоположение с бревенчатой избою и сереньким небом, то я бы в состоянии им восхищаться, как новым вид(ом)»). Следующий далее текст отступления

подвергся лишь стилистической правке. Таким образом, оно сложилось в два этапа: «вторая» часть (о Руси, с ее устремленным на автора взором: «Чего же ты хочешь от меня ⟨...⟩ зачем все, что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи?..») — в верхнем слое АК1 (в основных чертах), «первая» (об авторе, с его устремленным на Русь взором: «Вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека тебя вижу...») — в нижнем слое АК2 (ср. с признанием Гоголя в письме С.П. Шевыреву от 16(28) февраля 1843 г. из Рима: «...глаза мои все⟨го⟩ чаще смотрят только в Россию...»). Так, в ходе работы над двумя рукописями, столь важная для Гоголя лирическая тема «Русь-автор» обрела гармоничное звучание.

* * *

Написанная под авторскую диктовку «римская» рукопись (АК2) подверглась обширнейшей правке (подробно охарактеризована ниже). Часть ее, по-видимому, была внесена в текст по мере завершения работы над очередной главой, параллельно с диктовкой следующих. Здесь в выигрышном положении снова оказались ранние главы, которые на всех этапах работы создавались в более спокойных условиях. После отъезда Анненкова Гоголь оставался в Риме еще около месяца — на этот период падает завершение переписки главы XI и, может быть, частичная правка предыдущих. Нельзя отвергать и возможности авторской работы над рукописью на пути в Россию (около двух месяцев, с пребыванием во Флоренции, Генуе, затем в Германии). К концу августа 1841 г. Гоголь прибыл в Ганау, где пробыл около месяца — в обществе Н.М. Языкова и его брата, П.М. Языкова. К этому времени относится письмо Н.М. Языкова А.М. Языкову (от 19 сентября 1841 г. из Ганау, без указания стиля) со следующим сообщением: «Гоголь сошелся с нами ⟨...⟩ он, кажется, написал много нового и едет издавать оное...» (*Языков Н.М. Сочинения. Л., 1982. С. 367*).

Обещание, данное друзьям 18 мая 1840 г., перед отъездом из Москвы (вернуться через год с первым томом МД, «совершенно готовым для печати» — *Аксаков 1960. С. 39*), было выполнено Гоголем почти в срок: осенью 1841 г. он привез в Россию рукопись поэмы, предназначенную для издания. Таким образом, работа над первой частью, с перерывами, в том числе длительными, растянулась на шесть лет (начиная с осени 1835 г.). Позже (в письме к С.П. Шевыреву от 16(28) февраля 1843 г. из Рима) Гоголь признавался, что над первой частью «просидел ⟨...⟩ почти пять лет». При этом Гоголь с благодарностью отмечал, что лишь один Шевырев «заметил долговременную и тщательную обработку» поэмы и добавлял как будто в оправдание: «...не думай, чтоб я был когда-либо предан праздному бездействию; в продолжение этого времени я работал

головой даже и тогда, когда думали, что я вовсе ничего не делаю и живу только для удовольствия своего...».

Около 7(19) октября Гоголь приехал в Петербург. К этому времени относится краткое упоминание А.О. Смирновой о встрече с Гоголем: «В 1841 году он вдруг явился ко мне в хорошем расположении духа, но о “Мертвых душах” не было и помину» (*Смирнова-Россет 1989. С. 29, 36*). У П.А. Кулиша это мемуарное свидетельство предварено следующим замечанием (без ссылки на источник): «Он сперва намерен был печатать “Мертвые души” в Петербурге, но потом раздумал» (*Кулиш 1856. Т. 1. С. 302*). О первоначальном намерении Гоголя печатать МД именно в Петербурге известно также из письма П.А. Плетнева Я.К. Гроту от 7 октября 1841 г.: «Возвратившись из Царского Села в 6-м часу, вдруг вижу вошедшего ко мне Гоголя. Он прибыл на жительство и, напечатав здесь Мертвые души, переселится в Москву...» (*Грот, Плетнев. Переписка. Т. 1. С. 408*). 17 октября Гоголь прибывает в Москву (в письме В.С. Аксаковой к М.Г. Карташевской от 18 октября 1841 г. сообщается, что Гоголь приехал в Москву вчера — *ЛН, т. 58. С. 608*) и останавливается у Погодина, в доме на Девичьем поле. На следующий же день он появляется у Аксаковых. «Гоголя мы уже давно ждали, — вспоминает С.Т. Аксаков, — но, наконец, и ждать перестали, а потому внезапное появление его у нас в доме 18 октября произвело такой же радостный шум, как в 39-году письмо Щепкина, извещавшее о приезде Гоголя в Москву: крик Константина точно так же всех напугал» (*Аксаков 1960. С. 54*). Дружескому и любящему взору С.Т. Аксакова предстал сильно изменившийся человек: «В этот год последовала новая, сильная перемена в Гоголе не в отношении к наружности, а в отношении к его нраву и свойствам; впрочем, и по наружности он стал худ, бледен, и тихая покорность воле божией слышна была в каждом его слове; гастрономического направления и прежней проказливости как будто никогда не бывало. Иногда, очевидно без намерения, слышался юмор и природный его комизм; но смех слушателей, прежде не противный ему или не замечаемый им, в настоящее время сейчас заставлял его переменить тон разговора» (там же). Эта перемена была осознана и самим Гоголем — спустя несколько лет он вспоминал о состоявшейся в ту пору волнительной беседе с М.П. Погодиным: «Я сказал тебе только, что случилось внутри меня что-то особенное, которое произвело значительный переворот в деле творчества моего, что сочиненье мое от этого может произойти слишком значительным. Я сказал, что оно так будет значительно, что ты сам будешь от него плакать и заплачут от него многие в России...» (письмо Гоголя Погодину от 26 июня (8 июля) 1847 г. из Франкфурта).

Верный своему намерению до времени ничего не сообщать о новом сочинении, Гоголь и в Москве, незадолго до представления рукописи в цензуру, по-прежнему просит круг самых близких людей хранить тайну.

«Гоголь точно привез с собой, — вспоминает С.Т. Аксаков, — первый том Мертвых душ, совершенно конченный и отчасти отделанный. Он требовал от нас, чтоб мы никому об этом не говорили, а всем бы отвечали, что ничего готового нет» (Аксаков 1960. С. 55). Только два человека, помимо С.Т. Аксакова, были посвящены в тайну: К.С. Аксаков и М.П. Погодин. Их троих Гоголь назначил первыми слушателями завершённого тома. Остается не вполне ясным, сколько глав прочитал Гоголь: только новые (начиная с главы VII) или все одиннадцать. В свидетельствах очевидцев (как увидим ниже) на этот счет нет полной ясности. С.Т. Аксаков пишет о чтении следующее: «Покуда переписывались первые шесть глав, Гоголь прочел мне, Константину и Погодину остальные пять глав. Он читал их у себя на квартире, то есть в доме Погодина, и ни за что не соглашался, чтоб кто-нибудь слышал их, кроме нас троих» (там же, с. 55). Именно в ту пору Гоголь начал смиренный сбор замечаний по поводу услышанного (а впоследствии — прочитанного): «...беспрестанно требует замечаний...» (С.Т. Аксаков М.Г. Карташевской 1 ноября 1841 г. из Москвы — ЛН, т. 58. С. 606); «Он требовал от нас, — вспоминает С.Т. Аксаков, — критических замечаний не столько на частности, как на общий состав и ход происшествия в целом томе. Я решительно не был тогда способен к такого рода замечаниям; частности, мелочи бросались мне в глаза во время чтения, но и об них я забывал после. Итак, я молчал, но Погодин заговорил. Что он говорил, я хорошенько не помню; помню только, что он, между прочим, утверждал, что в первом томе содержание поэмы не двигается вперед; что Гоголь выстроил длинный коридор, по которому ведет своего читателя вместе с Чичиковым и, открывая двери направо и налево, показывает сидящего в каждой комнате урода. Я принялся спорить с Погодиным, доказывая, что тут никакого коридора и никаких уродов нет, что содержание поэмы идет вперед, потому что Чичиков ездит по добрым людям и скупает мертвые души... но Гоголь был недоволен моим заступлением и, сказав мне: “Сами вы ничего заметить не хотите или не замечаете, а другому замечать мешаете...”, просил Погодина продолжать и очень внимательно его слушал, не возражая ни одним словом» (там же, с. 55—56). Впоследствии С.Т. Аксаков объяснился с Гоголем по этому поводу более подробно: «Я говорил Гоголю после, что, слушая “Мертвые души” в первый раз, да хоть бы и не в первый, и увлекаясь красотами его художественного создания, никакой в свете критик, если только он способен принимать поэтические впечатления, не в состоянии будет замечать какие-нибудь недостатки; что если он хочет моих замечаний, то пусть даст мне чисто переписанную рукопись в руки, чтоб я на свободе прочел ее и, может быть, не один раз. Тогда дело другое» (там же, с. 56). Ввиду крайней спешки с перепиской рукописи для цензуры предоставить рукопись С.Т. Аксакову Гоголь «не хотел и не мог» (там же). Впоследствии Гоголь разъяснил С.Т. Аксакову

(в письме от 6(18) августа 1842 г. из Гастейна), почему избрал в качестве первых слушателей именно трех упомянутых друзей и как воспринял их реакцию: «Бог одарил меня пронизательностью, и я прочел в лице вашем во время чтения почти всё, что мне было нужно. Я не рассердился на вас за неоткровенность. Я знал, что у всякого человека есть внутренняя нежная застенчивость, воспевающая ему сделать замечания насчет того, что, по мнению его, касается слишком тонких, чувствительных струн (...) Я знаю, что самые близкие люди, которые более других чувствуют мои сочинения, я знал, что и они все почти ощутят разные впечатления. Вот почему прежде всего я положил прочесть вам, Погодину и Константину, как трем различным характерам, разнородно примушим первые впечатления. То, что я увидел в замечании их, в самом молчании и в легком движении недоумения, ненароком и мельком проскальзывающего по лицам, то принесло мне уже на другой день пользу, хотя бы оно принесло мне несравненно большую пользу, если бы застенчивость не помешала каждому рассказать вполне характер своего впечатления». Забегая вперед, отметим, что позже, уже после выхода МД в свет и отъезда Гоголя из Москвы, С.Т. Аксаков вновь вернулся к знакомому тексту поэмы: «Мы довольно скоро переехали на дачу. Там перечел я “Мертвые души” вслух своему семейству, прочитывал каждый день по одной главе, и тут только я понял всю великость этого творения. Я открыл в нем много красот, которые ускользнули от меня во время чтения Гоголя и даже моего собственного, всегда отрывочного и не вполне внимательного в суе городеской жизни» (Аксаков 1960. С. 71).

Просьба Гоголя о сохранении тайны его нового сочинения все же оказалась нарушена — в нее были посвящены еще два лица, но, конечно, очень близкие: И.С. Аксаков и М.Г. Карташевская. Первого уведомил брат, К.С. Аксаков (в недатированном письме): «...приехал Гоголь! Мы видаемся с ним часто; он (но это по секрету) читал нам и прочел всю первую часть “Мертвых душ”; это — чудо!» (ЛН, т. 58. С. 608). В письме от 1 ноября 1841 г. С.Т. Аксаков делился новостью с М.Г. Карташевской: «За большой секрет скажу тебе, что только мы двое с Константином слышали 1-й том “Мертвых душ”, всего 11 глав, но, кажется, нет возможности уместить их в одном томе. Последняя глава повергла нас в изумление восторга... В ней выразилась благодатная перемена в целом нравственном бытии автора... Вместо мрачной мизантропии — любовь, мир, спокойствие... И каким глубоко и высоко поэтическим образом все это высказалось (...) вероятно, ты первая в Петербурге получишь этот драгоценный том... (...) Читает только нам двоим и беспрестанно требует замечаний. Эти чтения — секрет для всех» (ЛН, т. 58. С. 606). Очевидно, что в приведенных свидетельствах имеются расхождения, связанные и с перечнем слушателей (в приведенном письме упомянуты только двое, в воспоминаниях С.Т. Аксакова — еще и Погодин), и с числом

прочитанных глав (возможно, в этот раз Гоголь действительно прочитал том полностью, может быть, говоря о прочтении одиннадцати глав, С.Т. и К.С. Аксаковы имеют в виду все московские чтения, т.е. и те, которые состоялись в прошлый приезд Гоголя в Москву). Несмотря на все старания Гоголя до времени утаить весть о МД, слух о предстоящем выходе нового сочинения и даже о первых впечатлениях от авторского чтения скоро проник в столичную прессу: «Нас уверяют, что роман его: “Мертвые души” совсем кончен и приготовлен к печати. Слышавшие отрывки из этого занимательного романа — помирают со смеху» (ЛГ. 1841. 8 ноября. № 127. С. 507. Рубрика «Литературные вести»; без подписи).

Параллельно с чтениями МД продолжается неустанная авторская работа над привезенной рукописью. По своей интенсивности она превосходит даже то необычайное творческое напряжение, которым отмечен весь предыдущий год. «Московский» период работы над АК2 был достаточно подробно описан Н.С. Тихонравовым (Тих. Т. 3. С. 414—458). По его заключению (с некоторыми оговорками — о которых ниже — справедливо), усилия автора по приезду в Москву были направлены на отделку последних четырех глав первого тома. Основанием для такого вывода послужил тщательный анализ палеографии и почерка соответствующих рукописных источников. Сохранившиеся черновые наброски к верхнему слою АК2 (в нашем обозначении — ЧН17, ЧН18), к нижнему и верхнему слою следующего далее черного автографа главы XI, т.е. ЧА6 (в нашем обозначении — ЧН19 и ЧН20), действительно относятся к завершающим главам — VIII, X и, главным образом, XI. Часть этих набросков (в том числе самый обширный, к главе XI, — ЧН19, (1)) написана на бумаге Знаменской фабрики, которой, как полагал Тихонравов, Гоголь пользовался в Москве (Тих. Т. 3. С. 415). Об этой бумаге следует сказать особо, так как ее датировка, представляющая большую сложность, совершенно необходима для того, чтобы разобраться в очень сложной хронологии авторской работы над МД на завершающем этапе.

Знаменская бумажная фабрика фигурирует в «Указателе фабрик и мануфактур Московской губернии за 1843 год», где сообщается, что данное предприятие находится в Московском уезде, при селе Знаменском и принадлежит тайному советнику Пармену Семеновичу Деменькову (Атлас промышленности Московской губернии, составленный Л. Самойловым. М., 1845. С. 34 второй пагинации). Спустя несколько лет владельцем фабрики становится другое лицо — статский советник А.К. Галлер (Указатель селений и жителей уездов Московской губернии / Составлен, по официальным сведениям и документам, К. Нистремом. М., 1852. С. 35). Именно в процессе оформления А.К. Галлером необходимых документов на владение фабрикой было заведено соответствующее канцелярское дело (сохранившееся до наших дней), в котором

содержатся некоторые интересующие нас сведения о времени основания Знаменской фабрики (*ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 24. Ед. хр. 3991. «О выдаче статскому советнику Галлеру свидетельства на содержание писчебумажной машинной фабрики в с. Знаменское Московского уезда. 28 января 1850 — 13 января 1851 гг.»*). Из этого документа становится ясно, что фабрика «устроена в 1840 году» П.С. Деменьковым (Деменковым), а упомянутый выше А.К. Галлер является ее четвертым владельцем — с апреля 1848 г. (там же, л. 2 об.—3; в 1840 г. П.С. Деменьков — чиновник для особых поручений при Министерстве финансов, действительный статский советник, в звании камергера; см.: *Месяцеслов и Общий штат Российской Империи на 1840. Часть первая. СПб., (б.г.). С. 716*). 1840 год как дата основания фабрики фигурирует в данном деле трижды, в том числе в ответе Министерства внутренних дел на запрос из Управления московского военного генерал-губернатора; при этом сообщается, что данный ответ дан «по собрании о ней (фабрики. — *Ред.*) справок» (там же, л. 6—7). Факт участия Министерства внутренних дел в выявлении сведений о фабрике, казалось бы, дает основание полагаться на указанную дату открытия (1840 г.) как на достаточно точную, но вместе с тем она не может считаться абсолютно подтвержденной — в упомянутом ответе сообщается, что у г. Галлера не имеется сведений о том, с чьего разрешения устроена фабрика (л. 7). Эта означает, что все необходимые документы, по-видимому, представлены не были. Известны случаи, когда деятельность подобных предприятий долгое время не регистрировалась. Кроме того, есть основания предполагать, что Гоголь пользовался бумагой Знаменской фабрики и раньше — при создании других произведений (подробнее см.: *Наст. изд. Т. 5*).

Документально подтвержденная дата работы фабрики — 1840 г. — позволяет сделать два предположения о времени создания интересующих нас черновых набросков: Гоголь мог увезти бумагу из России уже в 1840 г. (и в этом случае наброски создавались за границей, по мере завершения диктовки соответствующих глав, т.е. примерно с июня 1841 г.), а мог и воспользоваться ею только осенью 1841 г., в Москве, в процессе непосредственной подготовки МД к изданию. В пользу первой версии как будто бы говорит сам характер черновых набросков: они отражают существенный, трудоемкий этап работы над последними главами, особенно над заключительной. Более того, на основе черновых набросков к главе XI была создана новая редакция биографии Чичикова, зафиксированная в обширном автографе (*ЧА6*). Все это требовало времени, которого в Москве было очень мало. Вместе с тем хорошо известно, что в случае необходимости интенсивность работы Гоголя над рукописями превосходила все допустимые возможности. Кроме того, достаточно трудно предположить, что тут же, по окончании переписки главы XI, Гоголь принялся за кардинальную переделку биографии Чичикова.

Вероятнее всего, между этими двумя стадиями работы был какой-то интервал. Немаловажно и то, что бумага указанного образца используется в черновых набросках не только к верхнему слою *АК2* (которые могли быть созданы и за границей), но и к верхнему слою московских рукописей — *АК3* и *АК4* (эти наброски при всех условиях были написаны в Москве). Все это в целом склоняет чашу весов в пользу второй версии (хотя возможность начала работы над черновыми набросками уже с июня 1841 г. не исключена). Учитывая две известные даты (дату приезда Гоголя в Москву, 17 октября 1841 г., и дату предварительной встречи с цензором И.М. Снегиревым, 9 декабря 1841 г.), а также факт последовательного изготовления и правки в этот промежуток времени двух копий МД (подробнее об этом см. ниже), указанные черновые наброски к верхнему слою *АК2* (*ЧН17*, *ЧН18*), к нижнему и верхнему слою *ЧА6* (*ЧН19* и *ЧН20*) и сам источник *ЧА6*, вслед за Тихонравовым (*Тих.* Т. 3. С. 415), датируются нами второй половиной октября — первой декадой ноября 1841 г. (при этом, вероятнее всего, работа над рукописями *АК2* и *АК3* велась параллельно: первые главы *АК2* были отданы в переписку, а последние были в работе).

Тихонравову принадлежит еще одно важное наблюдение, связанное с московским периодом работы над рукописью. Ему удалось доказать, что именно в Москве была осуществлена кардинальная переработка всего эпизода оформления сделок Чичикова в казенной палате (в главе VII). Такой вывод был сделан на основе анализа почерка — Тихонравов установил, что почерк, которым написаны вставленные в рукопись листы (с новой редакцией указанного эпизода), совпадает с почерком, которым написана цензурная (т.е. явно московская) редакция «Повести о капитане Копейкине» (*Тих.* Т. 3. С. 434—436; подробнее см. ниже).

Таким образом, факт многоэтапной работы Гоголя над *АК2* не вызывает сомнений. Между тем полная и бесспорная дифференциация внесенной в рукопись правки не представляется возможной — в силу многократных авторских приступов к этой работе, неоднократной смены чернил и перьев. С большей или меньшей степенью уверенности могут быть обозначены (на основе дополнительных, косвенных, данных) лишь отдельные случаи более поздних, так называемых московских исправлений. В следующем далее описании правки, внесенной на разных этапах в *АК2*, они будут отмечены особо.

* * *

Написанный под диктовку текст *АК2* подвергся мощнейшей авторской правке. Движение сюжета, композиция, структура диалогов, мир лирических отступлений — все это в основных чертах сложилось в предшествующих рукописях, поэтому в ходе правки *АК2* основные усилия были связаны с отделкой стиля. Диапазон стилистической правки очень

широк — от замены отдельных слов до переработки обширных фрагментов текста. Характерны технические особенности правки: первоначальный вариант зачастую набрасывался карандашом, затем на его основе создавался окончательный вариант пером; в случае правки больших фрагментов текста (одной и даже нескольких страниц) старый вариант вычеркивался полностью (часто построчно), а новый создавался между строк и на полях. В результате многие страницы рукописи приобрели черновой вид. Стилистическая правка очень разнородна, она касается и разного рода описаний (пейзажных, портретных, психологических), и диалогов, и лирических отступлений — словом, пронизывает и во многом окончательно определяет всю сложнейшую словесную ткань поэмы.

Все эти исправления полностью (до малейших деталей) представлены в своде вариантов к основному тексту. Здесь же приведем лишь несколько характерных примеров (в движении от нижнего слоя к верхнему): «показывать ему его апартамент» — «показывать ниспосланный ему Богом покой» (глава I); «приходили сюда в немалом количестве пить чай» — «приходили сюда сам-шест и сам-сем испивать заповедную пару чаю» (глава I); «стоял одиночкой на возвышении, открытом со всех сторон» — «стоял одиночкой на юру, то есть на возвышении, открытом всем ветрам, каким только вздумается подуть» (глава II); «обворожить своим обращением» — «наблести деликатес в своих поступках» (глава II); «героиня греческая Бобелина, такой богатырской величины и роста, что все эти господа, которые ходят по Невскому Проспекту в узеньких сертучках и тросточках, казалось бы, не управились с ее пальцем» — «героиня греческая Бобелина, у которой одна нога казалась выше ростом и толще (...) корпуса людей, наполняющих модные гостиные» (глава V); «роковая фамилия постоит сама за себя» — «каркнет (в рукописи: кракнет. — *Ред.*) сама за себя фамилия во все свое воронье горло» (глава V); «Прежде, в лета моего детства...» — «Прежде, давно, в лета моей юности, в лета невозвратно мелькнувшего моего детства...» (глава VI); «у控тропошили, по губернскому выражению» — «снесли с лица земли» (глава IX). О стилистической природе МД (в ее хронологическом становлении) см. также: *Хохлачева В.Н.* К проблемам стилистики «Мертвых душ» Н.В. Гоголя (на материале сопоставления редакций) // *Очерки по стилистике художественной речи.* М., 1979. С. 114–136.

Стилистическая правка не исчерпывает всего многообразия тех изменений, которые были внесены в текст АК2. Часть их неразрывно связана с некоторыми тенденциями правки предыдущего источника (АК1). Прежде всего это сокращения: «“Не садитесь на это кресло, оно худо”, а предостережение это делалось постоянно в продолжение шести лет, т.е. с того времени, как сломалось кресло» (нижний слой) — «Не садитесь на эти кресла, они еще не готовы» (верхний слой, глава II); характеристика способностей Ноздрева расстроить свадьбу и сделку сокращается до че-

тырех слов (в нижнем слое — пространное описание) (глава IV); «Карты, если бы ты увидел, просто блины, только, как говорит Кушинников, шлепать крепостных людей по щекам; и можешь себе представить: какая была умора» (нижний слой) — «вот уж где смех был» (верхний слой, глава X). Во многих случаях исправления выходят за рамки чисто стилистических и могут быть интерпретированы более широко — как отделка текста: «...слышалось только издали дребезжание странного экипажа, достал из сапога тавлинку и потянул из нее табаку, имевшего цвет и запах сгнившей кожи; после чего, оставивши алебарду, заснул вновь, как стоял, на том же месте» (нижний слой) — «...слышалось только издали дребезжание, поймал у себя на воротнике какого-то зверя и, подошед к фонарю, казнил его тут же у себя на ноге, после чего, оставивши алебарду, опять заснул по уставам своего рыцарства» (верхний слой, глава VIII). Продолжается детализация текста и его обогащение новыми распространенными сравнениями (в отдельных случаях — отделка уже написанного, в других — совсем новое): «комната с тараканами, величиной в ржаной хлеб, какой солдаты носят на палках» (нижний слой) — «комната с тараканами, выглядывающими, как чернослив, из всех углов ее» (верхний слой, глава I); «ларчик» (нижний слой) — «ларчик, красного дерева, с штучными выкладками из карельской березы» (верхний слой, глава I); «сделавши такую сладкую мину, что уж даже было приторно, как натошак» (нижний слой) — «явя в лице своем выражение не только сладкое, но даже приторное, как та микстура, которую ловкий светский доктор засластил немилосердно, воображая ею обрадовать пациента» (верхний слой, глава II); «Надевши одни спальные сапоги...» (верхний слой АК1, очевидно, идентичный несохранившемуся нижнему слою АК2) — «...надел Сафьянные сапоги с резными выкладками всяких цветов, какими бойко торгует город Торжок, благодаря халатным побуждениям русской природы...» (верхний слой АК2, глава VII); «...начал читать Собакевичу какие-то любовные стихи...» (нижний слой) — «...стал читать Собакевичу послание в стихах Вертера к Шарлотте...» (верхний слой, глава VII); экипаж «не был похож на бричку или коляску, справедливее сказать, он ни на что не был похож...» (нижний слой) — экипаж «не был похож ни на тарантас, ни коляску, ни на бричку, а был скорее похож на толстощекий выпуклый арбуз, поставленный на колеса» (верхний слой, глава VIII); «...и сквозь наброшенные с плющами и тысячью растений громадные арки не блеснут вдали» (нижний слой) — «Не блеснут сквозь наброшенные одна на другую темные арки, поросшие виноградными сучьями, плющом, розами и маком, не блеснут сквозь них вдали» (верхний слой, глава XI).

Существенно уточняются характеристики действующих лиц: Манилова (происходит овеществление основного свойства его природы, слащавости, — выражение лица вместо приятного, но «слишком сладкого»

превращается в не лишенное приятности, в которую «казалось, чересчур было передано сахару»); Коробочки (появляется новый акцент на бережливости “старушки” — в дополнение к уже имевшемуся в нижнем слое пассажу о накопительстве). В характеристике Ноздрева появляется новая финальная часть — о распространенности этого человеческого типа и о неумении людей распознать его («Может быть, назовут его характером избитым (...) но легкомысленно-непроницательны люди, и человек в другом кафтане кажется им другим человеком»). Собакевич приобретает новую и окончательную характеристику: «человек-кулак» (в процессе значительной стилистической переработки размышления Чичикова о характере Собакевича, о том, сколько зла мог бы принести он, живя в Петербурге, имея власть, доступ к государственной казне). Портрет Плюшкина утрачивает некоторые неприятные (хотя и метафорически яркие) детали: «...рот с тонкими, цепко сжатыми губами несколько провалился в середину, ибо изнутри нечем было подпереть его: оба ряда зубов, верхний и нижний, давно убрались, оставив на место себя, в виде гарнизона, по одному зубу, и то плохому» (глава VI). Едва заметно, но все-таки очень характерно (в благоприятную сторону) меняется выражение глаз этого персонажа: «Какой-то беспокойный огонь бродил в его еще не вовсе потухнувших маленьких глазах» (нижний слой) — «...маленькие глазки еще не потухнули...» (верхний слой, глава VI).

В психологический облик Чичикова тонкими штрихами добавляются негативные краски (в частности, иронические сравнения: «чуть не произвел даже скачок по образцу козла, что, как известно, производится только в самых сильных порывах радости» — глава II). Наиболее показательны здесь сцены торга Чичикова с помещиками. Гоголь, хотя и подчеркивает дважды (в заново прописанных фрагментах) смущение и неловкость Чичикова — в самом начале разговора с Маниловым (уже здесь голос его обретает «какое-то совершенно иное, почти странное выражение») и особенно в тот момент, когда Манилов спрашивает его о цели странной покупки («Этот вопрос, казалось, затруднил гостя, в лице его показалось какое-то напряженное выражение, от которого он даже покраснел, напряжение что-то выразить, не совсем покорное словам»), — но тем не менее придает ответам Чичикова и его разъяснениям дополнительную жесткость, холодность и расчетливость. Так, резко меняется словесная форма, в которой Чичиков впервые в поэме излагает суть своей просьбы: «Нет, я разумею не то, чтобы совершенно крестьян, сказал Чичиков, а собственно, так сказать, мертвых душ, т.е. таких, которые уже умерли и только по ревизии считаются живыми» (нижний слой) — «Нет, я не то, чтобы совершенно крестьян, сказал Чичиков, я желаю *иметь мертвых...* (...) Я желаю *приобрести мертвых* (курсив наш. — Ред.), которые бы, впрочем, числились по ревизии, как живые» (верхний слой). Так же уверенно и настойчиво Чичиков продолжает бе-

седу: «Так как же вы?.. — спросил Чичиков» (нижний слой) — «Итак, я бы желал знать, можете ли вы мне таковых, не живых в действительности, но живых относительно законной формы, уступить или...» (верхний слой).

В том же ключе (но не столь резко) меняется стиль разговора Чичикова с Ноздревым. Эта тенденция наметилась еще в ходе правки АК1: «А вот знаешь что, душа, мне давно хотелось у тебя попросить об одном. (...) У тебя, душа моя, ведь, верно, есть умершие души, которые еще числятся по ревизии?» (нижний слой) — «Прежде позволь, у меня есть к тебе маленькая просьба (...) Послушай, ведь у тебя, я чай, есть довольно умерших крестьян, таких, которые не вычеркнуты из Ревизии» (верхний слой, глава IV). В АК2: «Прежде позволь: у меня есть до тебя маленькая просьба (...) Послушай: ведь у тебя, я чай, есть довольно умерших крестьян, таких, которые не вычеркнуты из ревизии» (нижний слой) — «А! чтоб не позабыть: у меня к тебе просьба. (...) У тебя, чай, много умерших крестьян, которые еще не вычеркнуты из ревизии?» (верхний слой).

Подобная правка имеет место и в главе V, где в репликах Чичикова (в диалоге с Собакевичем о продаже мертвых душ) появляются вовсе уничижительные характеристики интересующего его «товара»: «Мертвым телом хоть забор подпирай, говорит пословица» (вписано в верхнем слое); «это тряпка и чорт знает что» (нижний слой) — «предмет, о котором идет речь, есть дрянцо» (верхний слой; в следующем источнике, АК3, складывается окончательный вариант: «Ведь предмет просто: фу-фу»).

Таким же образом корректируются реплики Ноздрева — в эпизоде его появления на балу, т.е. в кульминационный момент развития интриги: «...много мертвых душ накупил?» (нижний слой) — «...много наторговал мертвых?» (верхний слой, глава VIII); «...он покупает мертвые души!» (нижний слой) — «...он торгует мертвыми душами!» (верхний слой, глава VIII).

Характерно, что из главы IV вовсе устраняется замечание о смущении Чичикова при расспросах во время торга: «Он вообще затруднялся, если дело клонилось к тому, чтобы изъяснить причины сей, еще никем доселе не предпринимаемой покупки, тем более, что была, точно, несколько странна». Возможно, эта фраза снята, поскольку отчасти дублирует близкое ей замечание в главе II, но там оно не носит обобщенного характера. Может быть, этот вычерк отражал общую тенденцию правки, связанную с приданием характеру Чичикова более твердых, жестких черт. Некоторым подтверждением этого предположения может быть исправление еще одного фрагмента главы IV — того, где описана реакция Чичикова на оскорбительное замечание Ноздрева («Если бы я был твоим начальником, я бы тебя повесил на первом дереве»). В обоих слоях АК2 подчеркнута неприязнь Чичиковым «фамильярного обраще-

ния» («разве только если особа была слишком высокого звания»), но в нижнем слое реакция Чичикова не содержит в себе никаких признаков уверенности, твердости («Полно, оставь глупые шутки», произнес Чичиков обиженным голосом), тогда как в верхнем в его ответе звучат уже предостерегающие нотки: «Всему есть границы, — сказал Чичиков с чувством достоинства. — Если хочешь пощеголять подобными речами, так ступай в казармы, — и потом присовокупил: — не хочешь подарить, так продай».

В верхнем слое главы VIII, в реакции Чичикова на разоблачительные речи Ноздрева, появляются сопутствующий главному герою и звучащий здесь наиболее сильно мотив грязи (подробнее о нем см.: *Белый 1934. С. 98—103; Смирнова Е.А. 1987. С. 127—128*) и мотив «кривого колеса»: «Он стал чувствовать себя как-то неловко, гадко, словно как будто прекрасно вычищенным сапогом вступил вдруг в грязную, вонючую лужу, словом, нехорошо, совсем нехорошо! Он пробовал об этом не думать, старался рассеяться, развлечься, присел в вист, но все пошло, как кривое колесо...» (в нижнем слое иначе: «Чичиков стал чувствовать себя совсем неловко. Как он ни старался не думать об этом и рассеяться, но в голове его сидел как будто какой гвоздь и как будто сам чорт мелькал перед ним поперег всем мыслям. Он попробовал было сесть в вист, но и тут дело шло не очень удачно...»).

Наряду с этим (преимущественно) в «поздних» главах в облике Чичикова появляются и другие краски: усугубляется смущение в общении с губернаторшей и губернаторской дочкой («Однако ж он подступил к ним очень робко, не семеня так бойко и франтовски ногами, даже несколько замялся, и во всех движениях оказалась какая-то неловкость»); в нижнем слое было: «Не без некоторого, однако же, чувства робости он подступил к ним» — глава VIII); способность посмеиваться над собой («Дорогою много приходило ему всяких мыслей на ум, вертелась в голове блондинка, и воображение уже занялось даже некоторыми шалостями, так что он уже сам начинал над собою посмеиваться слегка» — глава X); растерянность и нерешительность: «Как полумудрый бродил он без цели по городу, не будучи в состоянии решить, он ли сошел с ума, чиновники ли потеряли голову, во сне ли все это делается или наяву заварилась дурь почище сна» (слово «полумудрый», вероятно показавшееся автору излишне резким, в следующей рукописи, АКЗ, было заменено на более нейтральное: «полусонный» — там же). В главе восьмой появляется новая и очень характерная оценка Чичикова — о нем впервые говорится как о человеке с «обворожительными качествами и оборотами», «знавшем в самом деле великую тайну нравиться» (в предварительном черновом наброске: Чичиков умел «совершенно очаровать всех и привязать к себе» — ЧН17, (1)). В главе XI, в сцене выяснения отношений Чичикова с Селифаном (по случаю задержки с отъездом из города), с одной стороны, возрастает

объем резких слов, которые господин обрушивает на голову своего слуги, но, с другой стороны, — из этого длинного ряда снимается пояснение: «Здесь было вставлено выражение, в важных случаях необходимое, без которого, как замечают, на Руси дело идет вяло как-то и лениво».

Совершенно особое место в процессе правки *АК2* занимает, как и следовало ожидать, работа над тем фрагментом главы XI, который включает биографию Чичикова и авторские размышления о природе главного героя. Первоначально Гоголь начал вносить правку в саму рукопись *АК2*, но затем отказался от этого намерения (начало «родословной» — на л. 186 об. — отмечено поперечной чертой и затем перечеркнуто) и написал новую редакцию биографии, зафиксированную в собственноручно написанной рукописи (*ОР РНБ*. Ф. 199. Ед. хр. 5 — в нашем обозначении *ЧА6*, датируется, как и черновые наброски к этому фрагменту, второй половиной октября — первой декадой ноября 1841 г.). Созданию этой редакции предшествовала работа, нашедшая отражение в черновых набросках разного объема. Наиболее обширный из них — фрагмент биографии Чичикова: от начала и до вступления в таможню (*ЧН19*), *⟨1⟩*, бумага Знаменской фабрики). Это как раз та часть биографии, которой в *АК2* соответствует текст, написанный рукой П.В. Анненкова (все дальнейшее в *АК2* написано автором собственноручно). Указанная переработка текста, вероятнее всего, была осуществлена (как отмечено Н.С. Тихонравовым — *Тих.* Т. 3. С. 416—417) уже по приезде Гоголя в Москву.

Основные направления переработки текста, завершившейся созданием *ЧА6*, сводятся к следующему. Прежде всего в новой редакции подробно описано раннее детство героя: скромные условия жизни («Маленькая горенка с маленькими окнами, не отворявшимися ни в зиму, ни в лето»), затворничество, отсутствие ровесников («...ни друга, ни товарища...»), отсутствие обычных для этих лет радостей, однообразие занятий («...вечное сиденье на лавке, с пером в руках...»), наказание за невинные шалости («...наскуча однообразием труда, придельвал к букве какую-нибудь кавыку или хвост...»), «всегда суровый голос» отца, обстоятельства прощания с ним («При расставании слез не было пролито из родительских глаз...»), «умные» отцовские наставления, в том числе — «беречь и копить копейку» и т.д. Здесь впервые в рассказе о Чичикове появляются слова: «ребенок», «мальчик», «Павлуша». Более того, история пребывания ребенка в родительском доме окаймлена недвусмысленными авторскими комментариями: «Жизнь при начале взглянула на него как-то кисло-неприятно, сквозь какое-то мутное, занесенное снегом окошко...»; «...вот бедная картина первоначального его детства...».

Другое направление работы над новой редакцией биографии — тщательное, детализированное описание усилий, приложенных Чичиковым

к осуществлению отцовской заповеди беречь и приумножать копейку: коммерческие успехи в городском училище (изготовление и продажа снегиря, дрессировка и продажа мыши, торговля съестным и т.д.); продажа родительского домика; вся история взаимоотношений с учителем (от подбострастия, угождения и до получения аттестата и отказа участвовать в помощи умирающему педагогу); непомерное служебное усердие («...спал в канцелярских комнатах...»); обман неприступного повыхчика (со всеми мельчайшими подробностями этого хитроумного плана). Отметим здесь, что правка фрагмента, связанного с работой Чичикова на таможне, по большей части была выполнена (в том же ключе) еще в верхнем слое АК2 — здесь были прописаны все подробности виртуозной подготовки главного мошенничества Чичикова: отказ от временных и незначительных выгод («...даже не составил он себе никакого капитала» — в нижнем слое АК2 наоборот: «...удалось ему составить опять капиталец...»); умение «рвением и бескорыстной службой» заслужить внимание начальства и добиться повышения в чине, представление проекта по борьбе с контрабандистами, получение неограниченных прав, выбор времени для осуществления операции, выдвижение условий и т.д.

В описании многочисленных мошенничеств Чичикова появляется смягчающая деталь — здание, на постройке которого нажился Чичиков (в составе специально созданной комиссии), переименовано: из «храма Божия» (АК2) в «какое-то казенное весьма капитальное строение» (ЧА6; об истолковании этого и подобных случаев как проявлений автоцензуры см.: *Сербский Г.П.* Авторские недосмотры и автоцензура в первом томе «Мертвых душ» Гоголя // Страницы истории русской литературы: К 80-летию члена-корреспондента АН СССР Н.Ф. Бельчикова. М., 1971. С. 366—375). Кроме того, история разоблачения мошенничества Чичикова на таможне подытоживается (уже в верхнем слое АК2) новой, вписанной, фразой: «Вот какая гроза несчастий обрушилась ему на голову!». В ЧА6 и последующих источниках несколько иначе: «Вот какая громада бедствий обрушилась ему на голову!»

Наконец, третье направление работы над текстом биографии — создание своего рода мини-характеристик различных сторон натуры главного героя. Первое место здесь занимает подробная мотивировка меркантильных устремлений Чичикова: героем двигали не «привязанность собственно к деньгам для денег», не «скряжничество и скупость», а стремление «вкусить» жизнь «во всех дольствах». Наряду с этим раскрываются и многие другие особенности психологической природы Чичикова: способность к самоотвержению ради осуществления главной цели («Еще ребенок, он умел уже отказать себе во всем», «...береглась копейка, скупко отказываемая до времени и себе и другому», «...самоотвержение, терпенье и ограничение нужд показал он неслыханное...», «Но переносил все Герой наш, переносил сильно, терпеливо...»); скрытые

за этим «разные прихоти» (личный повар, изысканное сукно «больше коричневых цветов с искрой», дорогое мыло и т.д.). Фрагмент о пристрастии Чичикова к удовольствиям в процессе работы над ЧАБ был вновь подвергнут исправлению (на основе черного наброска — ⟨ЧН20⟩, ⟨1⟩), в результате которого в новом варианте (в верхнем слое этого источника) появились дополнительные детали, уточнения: добавились замечания о смягчении «долговременного поста», об умении удержаться от наслаждений «в лета пылкой молодости, когда ни один человек совершенно не властен над собою» и т.д.

Следует отметить, что необычайная твердость характера Чичикова подчеркнута еще в процессе исправления той части АК2, которая предшествует ЧАБ: «Надобно отдать справедливость, Чичиков был, точно, человек с характером» (АК2, нижний слой) — «Надобно отдать справедливость непреклонной силе его характера» (АК2, верхний слой) — «Надобно отдать справедливость непреодолимой силе его характера» (ЧАБ, нижний слой) — «Надобно отдать справедливость неодолимой силе его характера» (ЧАБ, верхний слой); «В этом отношении он был сущий немец и одарен щедро тою добродетелью, которой недостает у русского человека, именно терпением» (АК2, нижний слой) — «Словом, он показал терпенье, перед которым было ничто дубинное терпенье немца, которое все заключается в медленной крови его» (АК2, верхний слой).

Еще одна характерная особенность правки биографии Чичикова — заострение чувств неприязни к герою со стороны тех, кто становится объектом или свидетелем его обмана или мошенничества. Так резко меняется реакция обманутого понытчика — «...престарелый чиновник, хотя и почесывался в затылке, но не мог не убедиться, что Чичиков, точно, очень приятный человек» (АК2) — «Так что старый понытчик, несмотря на вечную неподвижность и чорствое равнодушие, всякой раз встряхивал головою и произносил себе под нос: “Надул, надул, чортов сын!”» (ЧАБ; подобная фраза — «Надул, сильно надул...» — завершает и появившуюся только в ЧАБ историю с учителем). В том же русле трансформируется отношение к Чичикову со стороны нового начальника: «...все прочее чиновничество было напугано, распугано, перепугано и распечено, выражаясь служебным слогом, напропалую. Многие, и в том числе герой наш, были отставлены с запачканными аттестатами и предписаниями не принимать ни в какую службу...» (АК2) — «...все распушено было в пух, и Чичиков более других. Лицо его вдруг, несмотря на приятность, не понравилось Начальнику, почему именно, Бог ведает, иногда у начальников не бывает причин, — возненавидел он его насмерть» (ЧАБ).

Особого внимания заслуживает правка, касающаяся цвета фрака Чичикова. Здесь мы должны немного вернуться назад, для того чтобы восстановить «историю» этой важнейшей детали туалета главного героя

в рукописях первого тома МД. В основном тексте фрак упоминается уже в главе I, в описании приготовлений Чичикова к вечеринке (в *ЧА1* и *АК1* соответствующий текст не сохранился). В главе II Чичиков облачается во фрак снова (эпизод сборов Чичикова к Манилову). Здесь интересный нас текст в *ЧА1* снова утрачен, а вот в *АК1* он представлен уже в нижнем слое и выглядит следующим образом: «Герой наш был чрезвычайно чисто одет. Нигде ни пылинки, ни перышка, ни пушинки; фрак брусничного цвета давал самый богатый отлив, так что Чичиков не утерпел, чтобы не высунуть руки из-под шинели и не посмотреть на сукно немного к свету». В черновом наброске, предшествовавшем переделке этого фрагмента в верхнем слое рукописи (*ЧН14*, (3)), фигурирует просто «фрак брусничного цвета», а в самом верхнем слое *АК1* возникает уже устойчивое определение: «фрак брусничного цвета с искрой». В этом одеянии Чичиков далее совершает объезд всех помещиков, однако упоминаний фрака в соответствующих главах нет, хотя Чичиков за время путешествия дважды раздевается и одевается. Это происходит сначала у Коробочки — здесь его костюм именуется «платьем» (определение Чичикова), «кафтаном» (определение Коробочки), «сбруей», «доспехами» и снова платьем (три последние определения — авторские). Второе разоблачение имеет место у Ноздрева, но в данном случае об одежде Чичикова не говорится ни слова, как, впрочем, и в финале главы VI, где Чичиков располагается на ночлег в гостинице. В главе VII, в эпизоде сборов Чичикова в палату, лишь упоминается, что он облачился в «европейский» костюм. Лишь в финале главы VII, причем, только в верхнем слое, снова фигурирует знаменитый фрак: «Петрушка между тем вынес на коридор панталоны и фрак брусничного цвета с искрой». Таким образом, в сохранившихся рукописях «фрак брусничного цвета с искрой» появляется в верхнем слое второй черновой редакции (*АК1*). Остается непонятным, как согласовать с этим черновой автограф начала главы VIII (*ЧА2*), в котором тоже упоминается «фрак брусничного цвета с искрой». Это противоречие можно объяснить двояко: либо фрак брусничного цвета с искрой фигурировал уже в несохранившихся листах *ЧА1* и *АК1* (в главе первой, в описании сборов Чичикова на вечеринку к губернатору), а имеющиеся во второй главе упоминания фрака брусничного цвета с отливом (в нижнем слое *АК1*) и просто брусничного цвета (в черновом наброске) носят вариативный характер; либо упомянутый черновой автограф (*ЧА2*) относится ко времени правки *АК1*. Допустить последнее трудно, поскольку ранняя датировка *ЧА2* (подробнее о ней см. выше) не вызывает сомнений. Характерно, что ни в *АК1*, ни далее в сцене приготовлений Чичикова к балу фрак «брусничного цвета» не упоминается, как, впрочем, и в описании сборов Чичикова на улицу после болезни (глава X). Последнее упоминание фрака в первом томе имеет место в главе XI, причем только на стадии переработки

биографии Чичикова, в промежуточном автографе (в нашем обозначении ЧА6). Здесь цвет фрака трансформируется: в нижнем слое отмечается, что Чичиков «стал держаться больше коричневых цветов с искрой», в верхнем — «более коричневых и красноватых цветов с искрой». Эта трансформация отчасти поясняет достаточно неуловимый оттенок цвета, обозначенного в предыдущих главах: «брусничного цвета с искрой». Что здесь имеется в виду, не вполне ясно. С одной стороны, диапазон цвета брусники довольно широк: от розоватого до коричневатого. С другой стороны, в самом тексте МД есть косвенное подтверждение того, что брусничный цвет ассоциировался у автора с красным — по крайней мере, в главе IX, в разговоре двух дам, содержатся слова: «красные, красные, как брусника». Однако цвета фрака, указанные в главе XI («коричневых и красноватых цветов с искрой»), говорят все-таки в пользу того, что под брусничным цветом подразумевался сложный оттенок коричнево-красноватой гаммы. Во втором томе МД, как известно, цвет фрака Чичикова обозначен иначе: «наваринского дыму с пламенем», «наваринского пламени с дымом» (о происхождении этого цветообозначения см.: *Кирсанова Р.М.* Превращения фрака «наваринского дыму с пламенем» // *Н.В. Гоголь: Материалы и исследования.* М., 1995. С. 230–238).

Еще одно заметное исправление (в верхнем слое АК2) — Чичиков «повышается» в чине: из надворного советника превращается в коллежского (т.е. переходит из седьмого чина в более высокий, шестой).

Психологические наблюдения пополняются новыми примерами. Один из них связан с фигурой неприступного повьтчика. Автор не только дает подробное описание внешности этого странного персонажа, манеры его поведения («образ какой-то каменной бесчувственности и непотрясаемости»), но и заключает все это выводом, который представляет собой очень характерный пассаж гоголевской характерологии: а. «Но казалось, в нем ничего не было, ничего: ни злодейского, ни доброго. Даже страшное являлось в сем отсутствии всего»; б. «Но даже тени не было в нем ничего такого. Ничего не было в нем: ни злодейского, ни доброго, и что-то страшное являлось в сем отсутствии всего» (ЧА6).

На основе карандашного наброска (в АК2, на полях) в ЧА6 создается новый вариант отступления о человеческих страстях. При этом Чичиков (о котором идет речь в самом начале) переименовывается из «прожектора» (АК2) в «приобретателя» (ЧА6), с добавлением нового рассуждения о «приобретении»: «Приобретение — вина всего; из-за него произвелись дела, которым свет дает название *не очень чистых*». Все более устрашающим становится само истолкование страсти (или господствующего стремления в человеке) — в АК2 она уподобляется «бесчувственному Деспоту, истребляющему мало-помалу все другие потребности души», в ЧА6 — «страшному червю, самовластно обратившему к себе все соки и жизнь». Мысль о подчинении человека поселившейся

в нем страсти развивается в новом, появившемся в верхнем слое *АК2* и в *ЧА6*, сравнении страстей с морскими песками: «Бесчисленны, как морские пески, человеческие страсти, и все не похожи одна на другую, и все они, низкие и прекрасные, все вначале покорны человеку и потом уже становятся страшными властелинами его». От имевшей место в *АК2* поэтизации страсти («Безумно, слепо мы все влечемся к какой-нибудь одной страсти и слепо жертвуем для нее всем; но есть что-то упоительное, восторженное, вечно зовущее в сем влечении») автор приходит к признанию высшего происхождения некоторых страстей (независимо от доброй или злой природы) и их «неведомого» блага для человека. В этой связи весь фрагмент в целом обретает новый финал, связанный уже с Чичиковым и дальнейшим развитием действия: «...и, может быть, в сем самом Чичикове страсть, его влекущая, уже не от него, и в холодном его существовании заключено то, что [заставит потом повергнуть] в прах и на колени повергнет(?) перед мудростью небес, и еще тайна, почему сей образ предстал в ныне являющейся на свет поэме» (см. также: *Манн 1987. С. 94*). Мотив авторской страсти, разработанный еще в *АК1* и перешедший в *АК2*, а затем и в *ЧА6*, в этом последнем источнике полностью снимается (в *ЧА6*: [«И у пишущего сии страницы есть страсть, страсть заключать в ясные образы приходящие к нему мечты и явления в те чудные минуты, когда, вперивши очи в свой иной мир, несется он мимо земли. И в оных чудных минутах, нисходящих к нему в его бедный чердак, заключена вся жизнь его (...) не ищет он ничего в сем мире, но любит свою бедность сильно, пламенно, как юный любовник любит любовницу»] — о постепенном угасании элементов романтической стилистики здесь и в других фрагментах МД см.: *Виноградов В.В. Язык Гоголя // Виноградов В.В. Избранные труды: Язык и стиль русских писателей: От Карамзина до Гоголя. М., 1990. С. 294–297*).

В верхнем слое *АК2* текст пополняется совершенно новыми сценами, описаниями, размышлениями. В главе VI на оставленном свободным месте появляется отступление (на основе черногого наброска — *ЧН16*, <1>), датируется, наряду с находящимися на этом же листе набросками к главам IX и XI, серединой мая—июнем 1841 г.) о замечавшемся двадцатилетнем юноше. Это дополнение, судя по тесной связи наброска с двумя другими, относящимися к нижнему слою *АК2* (расположен на одном листе с ними и с одним из них совпадает по почерку), относится еще к «римскому» периоду работы над рукописью. Кардинально перерабатывается весь фрагмент, связанный с оформлением в гражданской палате совершенной Чичиковым сделки (отмечено и подробно проанализировано Н.С. Тихонравовым — *Тих. Т. 3. С. 434–437*). При этом из рукописи извлечены три листа с текстом нижнего слоя (по авторской пагинации — 213–218) и заменены шестью новыми (л. 111–116 об.), написанными рукой Е.В. Погодиной (место вставки — в нижней части

л. 110 об. и в верхней части л. 111 — помечено знаком вставки: крестик и буква «В»). На л. 116 об. — четыре строчки текста, остальная часть листа перечеркнута. Между л. 116 об. и 117 — корешки двух листов (при замене остались незаполненными). Старый текст возобновляется на л. 117. По всей вероятности, текст на вынутых листах в основном соответствовал тексту предыдущей, второй, редакции, так как на л. 117 сохранилась (зачеркнутая Гоголем) реплика Собакевича, полностью совпадающая с репликой второй редакции. В новом тексте содержится ряд дополнительных диалогов — с двумя чиновниками «еще юных лет», со старым чиновником, со знаменитым Иваном Антоновичем кувшинное рыло. Существенно переработаны сцены, касающиеся общения Чичикова с председателем и с Собакевичем. В том же фрагменте обращает на себя внимание дополнительный штрих — опасения Собакевича по поводу собственного здоровья («ни разу не был болен (...) когда-нибудь придется поплатиться за это» — быть может, уже здесь заложен будущий сюжетный ход последующих частей МД: возможность болезни, ее обновляющей силы и т.д.). Эта объемная переработка, как установлено Н.С. Тихонравовым, была осуществлена уже в Москве. Основанием для такого твердого вывода послужило отмеченное им сходство почерка: данная вставка в АК2 и цензурный текст «Повести о капитане Копейкине» (без сомнения, созданный в Москве) написаны одной рукой (Тих. Т. 3. С. 435) — подробнее см. с. 497 наст. изд.

В главе VIII появляется новый пассаж о дамском соперничестве, и в нем вновь звучит тема страсти (здесь — навредить ближнему): «Насчет занятия первых мест происходило тоже множество весьма сильных сцен, внушавших мужьям иногда совершенно рыцарские великодушные понятия о заступничестве. Дуэли между ними не происходило, потому что все были гражданские чиновники, но зато один другому старался нагадить, где было можно, что, как известно, подчас бывает тяжелее всякой дуэли» (в следующей рукописи, АК3, «нагадить» заменено на «напакостить»). В верхнем слое той же главы создаются и другие новые фрагменты, связанные с описанием нравов города N: о «тюрюках» и «байбаках», об именах, которыми награждают жены мужей «в нежных разговорах»; об умении дам города N соблюдать «осторожность и приличие в словах и выражениях» (с приведением соответствующих выражений). Здесь же, на основании черногого наброска (ЧН18, ⟨3⟩), появляется фрагмент с поименованием всех тех особ женского пола (и их родных мужского пола), которым он, как и губернтской дочке, рассказывал «множество приятных вещей». Характер бумаги указанного наброска (вероятно, Знаменской фабрики) позволяет предположить, что это дополнение также появляется в Москве.

В текст главы IX вписан совершенно новый фрагмент, развивающий и усиливающий тему взбурдаженного сплетнями города («...как вихорь

взметнулся дотоле, казалось, дремавший город {...} и заварилась каша»), с описанием различных типов «вылезших из нор» личностей. Здесь появляется ряд дополнительных сведений, связанных с разрастанием городских страхов и опасений, как общих, так и индивидуальных: «...да за это одно может вскипятить не на жизнь, а на самую смерть» (речь идет о возможной реакции нового генерал-губернатора на городские сплетни); «...да еще сам сыграл роль поверенного Плюшкина...» (страхи председателя палаты); «Он (председатель палаты. — *Ред.*) об этом больше ничего, как только сказал тому и другому, и вдруг побледнели и тот и другой. Страх прилипчивее чумы и сообщается вмиг. Все вдруг отыскиали в себе такие грехи, каких даже и не было». В главе IX впервые появляется редкий для МД пассаж с негативной обобщенной характеристикой именно мужской половины человеческого рода: «...так и вызначилась во всем пустая природа мужчины, природа грубая, тяжелая, неспособная ни к домостроительству, ни к сердечным убеждениям, маловерная, ленивая, исполненная бесперывных сомнений и вечной боязни». В главе X создается новое авторское отступление — о способности человека с легкостью давать мудрые советы другим и полной растерянности его самого «в трудных случаях жизни». В этой же главе появляется (в окончательном варианте) описание праздничного настроения Чичикова по выходе его из дома после болезни: «Выход его, как всякого выздоровевшего человека, был точно праздничный. Все, что ни попадалось ему, приняло вид смеющийся, и домы, и проходившие мужики, довольно, впрочем, сурьезные, из которых иной уже успел съездить своего брата в ухо».

В главе XI (на основе карандашного черного наброска) был создан совершенно новый фрагмент, в котором автор — впервые — поведал о предполагаемом развитии событий в МД — «о том, что впереди»: «...почуются иные, еще доселе не бранные струны и грянет несметное богатство Русского духа, пройдет Муж, одаренный Божескими доблестями, или Чудная Русская девица, какой не сыскать нигде в мире, со всей дивной красотой женской души, вся из великодушного стремленья и самоотверженья, и мертвыми покажутся пред ними все добродетельные люди других племен, как мертва книга перед живым словом. Подымутся Русские движения... и увидят, как глубоко заронилось в славянскую природу то, что скользнуло только по природе других народов... » (см. также: *Марковский 1902. С. 163; Манн 1987. С. 94*)

В той же главе (в ЧА6) вносятся дополнительные негативные краски в коллективный портрет чиновников: «...приносили частые жертвы Вакху, показав таким образом, что в славянской природе есть еще много остатков язычества; приходили даже подчас в присутствие, уже, как говорится, налилавшись, отчего в присутствии было нехорошо, и воздух был вовсе не ароматический».

Зачастую из текста устраняются колоритные детали, проникновенные зарисовки, личные признания. Так, в главе VI автор отказывается от упоминания появившихся на доме Плюшкина пятен, «из которых одно походило даже видом на Европу». В той же главе из очень важного для автора описания «насильственного» освещения ночного сада устраняется глубоко личное упоминание — того, «кто младенческой душой любит девственную чистоту Природы и дрожит за ее нежные тайны». В главе VII снято характерное полушутливое авторское «признание» (мотивировка отказа описывать канцелярские комнаты): «...всегда боялся правосудия, может быть, еще(?) потому, что чувствует в сокрушенной душе своей, что весьма грешен». Размышление о женской твердости утрачивает строки: «...и тогда мужчина со своим рассчитанным благоразумием и поддельною твердостью духа становится пред нею не более как ребенок. Всех можно умолить, самого бесчувственного, холодного в своих жестокостях, прикрывающего свои жестокости личиною долга, и того можно умолить, но нельзя умолить женщины, хотя в характере ее нет жестокости и хотя сердце ее дрогнет произвести холодное, обдуманное злодейство» (глава VIII). Из главы XI исключается фрагмент (после нескольких попыток выправить его), в котором угасающие, бледнеющие воспоминания Чичикова обо всем случившемся в городе N сравниваются с пятнами, мелькающими перед глазами при взгляде на заходящее солнце (это сравнение, как уже отмечалось выше, было подробно и поэтично детализировано при работе над предыдущей рукописью, АК1). Снимается текст, в котором раскрываются некоторые тайны и подробности авторского труда, в частности ряд авторских признаний: что он «до сих пор еще не произвел ничего по внушению дамскому», что смущение уже «не забирается в его душу», «когда дама облокотится на письменное бюро его», что «не имеет он обычая смотреть по сторонам, когда пишет, и только невольно разве, сами собой, остановятся глаза на висящих по стенам портретах Шекспира, Ариоста, Фильдинга, Сервантеса, Пушкина, отразивших Природу таковою, как она была, а не таковою, как угодно было, чтобы она была» (глава XI — о причинах исключения этого перечня имен см.: *Манн 1987. С. 61–64*); «И у Автора, пишущего сии строки, есть страсть, страсть заключать в ясные образы приходящие к нему мечты и явления в те чудные минуты, когда, вперивши очи в свой иной мир, несется он мимо земли, и в оных чудных минутах, нисходящих к нему в его бедный чердак, заключена вся жизнь его, и, полный благодарных слез за свой небесной удел, не ищет он ничего в сем мире, но любит свою бедность сильно, пламенно, как любовник свою любовницу» (последний фрагмент вошел из АК2 в ЧА6 с видоизмененным финалом — «как юный любовник любит любовницу», но затем был вычеркнут). В главе XI, после слов авторской благодарности Чичикову за подсказанный сюжет поэмы («И вот таким образом составился в голове

нашего героя сей странный сюжет (...) не явилась бы на свет сия поэма», карандашом вписан текст (не вошедший в последующие источники и ныне едва читаемый), в котором сама поэма охарактеризована как «плод неутомимого уединения, строгих размышлений» и любви особого рода (подробнее см.: свод вариантов к с. 226, строке 22).

В верхнем слое АК2 окончательно утверждается жанровая принадлежность МД — слова «ходы и пружины нашего Романа» заменяются на «ходы и пружины поэмы» (глава II). Еще одно исправление в АК2 касается отступления о разных человеческих пристрастиях (в связи с характеристикой Манилова) — здесь меняется само наименование этих пристрастий: вместо «влечения» (в нижнем слое) — «задор» (глава II). Происходит и перенаименование детей Манилова: их Менелая и Алкивиада в Фемистоклюса и Алкида.

В главе II, в ходе переработки диалога Чичикова и Манилова по поводу покупки мертвых душ, появляется некоторое подобие «немой сцены» — своего рода первой реакции на невероятную просьбу Чичикова. В нижнем слое это было всего лишь лаконичное авторское замечание: «...и с минуту смотрел ему в лицо, выпучив глаза». В результате исправления этого фрагмента появился следующий текст: «...и как разинул рот, так и остался с разинутым ртом в продолжение нескольких минут. Оба приятеля, рассуждавшие о приятностях дружеской жизни, остались недвижимы, вперя друг в друга глаза, как те портреты, которые вешались в старину один против другого по обеим сторонам зеркала». Детали сцены, т.е. зафиксированное время (несколько минут), мимика (разинутый рот), взгляды («вперя друг в друга глаза») — все это во многом (отчасти дословно) совпадает с описанием немой сцены в окончательной редакции «Ревизора». Еще одна немая сцена возникает на балу — в ответ на сообщение Ноздрева о том, что Чичиков покупает мертвые души. Сцена была прописана уже в предыдущей рукописи (АК1), здесь же, в АК2, она подвергается правке, в результате которой утрачивает распространенное сравнение выражений лиц присутствующих с карнавальными масками (см. с. 182—183 наст. изд.) и обретает строгость и лаконизм: «Эта новость так показалась странною, что все остановились невольно с каким-то деревянным, глупо-вопросительным выражением. Минуты на две настала какая-то непонятная тишина» (см. также: Смирнова Е.А. 1987. С. 43).

Вносятся уточнения и дополнения в лирические отступления: в описание праздного образа жизни «сестер» Коробочки (стоящих на более высоких ступенях социальной иерархии) добавляется оценка состояния дел в их поместьях, «запутанных управителями, приказчиками и собственным незнаньем дела». В следующем источнике (АК3) складывается окончательный (более лаконичный) вариант этого фрагмента: «запутанных и расстроенных, благодаря незнанью хозяйственного дела». В этом же ряду находится правка, внесенная в описание разгульного помещика,

живущего рядом с Плюшкиным. Картина безоглядного и безобидного наслаждения и веселья пополняется новыми мотивами — кутежа и прожигания жизни: «...тут же в соседстве найдется помещик, черпающий наслаждение широкою чашей, сколько захватила богатырская рука, и веселящийся во всю ширину русской удали и барства» (нижний слой) — «...тут же в соседстве подвернется помещик, кутящий во всю ширину русской удали и барства, прожигающий, как говорится, насквозь жизнь» (верхний слой, глава VI). Еще один подобный пример — в главе XI, где обвиняемые в разорении имения «приказчики» заменены на «плутов-приказчиков», а нерасторопный владелец, прибегающий к залогу «для поправления как самого имения, так и для удовлетворения кое-каких своих надобностей, в которых у русского человека никогда не бывает недостатка», превращается в бестолкового помещика, вынужденного заложить «последнее оставшееся у него» только потому, что убирал «в Москве дом в последнем вкусе» и убил на эту уборку «все, что ни было у него» (в следующем по хронологии источнике, ЧАБ: «...все состояние свое до последней копейки, так что уж не на что было есть»). В АК2 (вероятно, уже в Москве) в очередной раз (на основе отдельного чернового наброска — ⟨ЧН17⟩, ⟨2⟩) прописывается важный для художественной концепции поэмы диалог разорившегося и мечтающего позабыться помещика с приказчиком — в него вносятся стилистические исправления и новая фраза, раскрывающая причины нравственного разрушения: «...спит ум, может быть, обревший бы внезапный родник великих средств...».

Кардинально переработано начало главы VII, заключающее одно из самых личных авторских отступлений МД — о двух типах путников (семейном и холостом) и двух типах писателей (по определению в АК1 — «грустная элегия»). Редакция нижнего слоя АК2 не сохранилась, редакция верхнего слоя (рукой Гоголя, на л. 104—105) представлена полностью. Композиция «отступления» не изменилась, но текст стал более лаконичным, «сжатым». Первый абзац (о двух типах путников) сократился почти вдвое, причем, главным образом, за счет исключения деталей (сняты описания измученного путника, дорожных станций, покоев родного дома, упоминания «старой няньки» и «старой собаки»). Этот редкий (едва ли не единственный) случай устранения деталей (на фоне общей детализации текста) может объясняться, по-видимому, только лирической интонационной природой авторского отступления, не совместимой с излишними подробностями, «мелочами».

Наиболее существенные изменения коснулись финальной части текста, в которой идет речь о взаимоотношениях современников с писателем, изображающим «всю тину ничтожных мелочей». В верхнем слое АК1 (и, вероятно, в нижнем, несохранившемся, слое АК2) акцент сделан на характеристике отношения общества к такому писателю: «Нерадостный современный (так в рукописи. — Ред.) ждет тебя: Ничтожным и низким

назовут тебя. Участия не будет к тебе современников, презренный угол отведут тебе и твои создания поместят в самый последний слой Литературы. Последний, нестройный, с несвязным Лирическим увлечением талант станет перед тобою и заслонит тебя и будет он казаться гигантом, и не все еще»; «...и о тебе распустят Истории, и это еще не все». В верхнем слое *АК2* этот фрагмент сокращен (в частности, все только что приведенные строки отсутствуют) и резко усилена собственно писательская оценка современного общественного суда: «...ему не убежать оклеветанному [и опозоренному] молвою от лицемерного и бесчувственного всеобщего суда...» (было: «от площадного позорного суда»). Появившиеся здесь слова «оклеветанному молвою» (случайное или не случайное совпадение со строчками из «Смерти поэта» Лермонтова) придают очерченному образу писателя ореол жертвенности, подобный пушкинскому.

Притом, что тексты отступления в *АК1* и *АК2* сильно разнятся, есть несколько ключевых слов (вероятно, особенно важных, глубоко личных), которые остаются неизменными (и так вплоть до окончательного текста): «горе холостяку!»; «он Бог» (о писателе первого типа в глазах современников); «Сурово его поприще и горько чувствует он свое одиночество» (в окончательном тексте: «почувствует»).

Еще одно отличие новой редакции — появление философской и пророческой интонаций: «Но всему черед и время! Одно сеется с тем, чтоб быть пожату ныне, другое сеется с тем, чтоб быть пожату после. И может быть потом, когда много лет промчится над миром, когда истлеет и самый прах писавшего сии страницы, те же люди заговорят иначе, признают и утверждают...». Авторский голос обретает большую твердость и уверенность, и текст закономерно утрачивает жанровое определение («грустная элегия»), данное ему автором в ранней редакции (т.е. в *АК1*). На этом работа над отступлением не закончилась, она была продолжена в процессе подготовки следующих по хронологии рукописей МД — *АК3* и *АК4* (подробнее см. ниже).

Отметим, что в *АК2* авторской рукой написано не только начало главы VII, но и значительная часть главы IX — более половины (л. 142—150 об.). Однако в последнем случае автор просто выступил в роли переписчика, это доказывает сверка текста с соответствующими листами предшествующей рукописи, т.е. *АК1*.

В главе X (на основе чернового наброска — *ЧН17*, (1)) создается (вероятно, уже в Москве) новая редакция отступления о блужданиях человечества. Композиция этого фрагмента остается прежней, но сам текст претерпевает очень существенные изменения. В связи с рассуждениями о слове «дурак» появляется новый комментарий: «Довольно из десяти сторон иметь одну глупую, чтобы быть признану дураком мимо девяти других хороших» (окончательный вариант). Изменено описание трех основных логических звеньев этого авторского рассуждения: кривых

дорог, истинного пути, человеческих блужданий. Определения «дорог» уточняются и превращаются в целую цепочку: «косвенные, неверные» (нижний слой) — «искривленные, глухие, узкие, непроходимые, заносащие далеко в сторону» (вариант верхнего слоя, ставший окончательным). Путь, предначертанный человечеству свыше, очерчен особым, возвышенным слогом: «...весь открыт был прямой путь, по которому должно бы было потечь оно...» (т.е. человечество — нижний слой) — «...весь был открыт прямой путь, подобный пути, ведущему к Великолепной храмине, назначенной царю в чертоги. Всех других путей шире и роскошнее он, озаренный солнцем и освещенный ночью огнями...» (верхний слой; в окончательном тексте только одно отличие: «освещенный всю ночь огнями»; о стилистической переработке этого и других фрагментов — в сторону насыщения текста «формами церковно-книжной семантики» — см.: *Виноградов В.В. Язык Гоголя // Виноградов В.В. Избранные труды: Язык и стиль русских писателей: От Карамзина до Гоголя. М., 1990. С. 296*). Глубоко драматический характер обретает картина блужданий человечества: «...раз попавши на ложную дорогу, пошло столетиями блуждать и теряться, пока не очутилось вдруг в неведомой глуши...» (нижний слой) — «...но мимо его в глухой темноте текли люди. И сколько раз, уже наведенные нисходившим с Небес Смыслом, они и тут умели отшатнуться и сбиться в сторону, умели среди бела дня попасть вновь в непроходимые захолустья, умели напустить вновь слепой туман друг другу в очи и, влачась вслед за болотными огнями, умели-таки добраться до пропасти...» (вариант верхнего слоя, ставший окончательным). Характерно, что неизменным (начиная с нижнего слоя *АК1* и вплоть до окончательного текста) остается знаменитый вопрос, который заблудшие обращают друг к другу: «Где выход, где дорога?» Один пассаж, после некоторых колебаний, автор исключает из текста отступления вовсе: «И родились, как посыпавшиеся листья, как черви в дождь, неслыханные следствия от незаконных причин, и произошли дела, которых не признали бы своими сами сотворившие их, а от которых бы со страхом отвратились отдаленные отцы их, как отвращается мать от чудовища, подкинутого на место сына (нижний слой) — «...и родились, посыпались грозные следствия бесчисленно, как черви в дожди, как рождаются [черные наросты] в ненастное время черные наросты, [которыми] зовомые спорыньем, которыми вся покрывается нива [на место по], страшные предвестники глады. Отвратились бы, содрогнувшись от таких следствий, отдаленные творцы их, как отвращается мать от чудовища, рожденного на место сына» (верхний слой, где затем весь фрагмент вычеркнут).

В *ЧА6* (т.е. в московский период работы над текстом — см.: *Тих. Т. 3. С. 431–432*) представлена созданная на основе нескольких черновых набросков ((*ЧН19*), *⟨2⟩*, *⟨3⟩*, *⟨4⟩*, *⟨5⟩*) новая редакция пассажа

о «так называемых патриотах» и «двух обитателях одного отдаленного уголка России». В ЧАб эти персонажи обретают окончательные, зеркально отражающие друг друга, имена: Кифа Мокиевич и Мокий Кифович (в АК2: Пист Пистович и Феопист Пистович; в черновых набросках: Мокий Иванович и Иван Мокиевич). Их история предвзрета и замыкается двумя совершенно новыми, появившимися только в ЧАб, нелюбезными характеристиками, которыми награждаются упомянутые «патриоты»: «...спокойно сидят себе по углам и занимаются совершенно посторонними делами, накапливают себе капиталы, устраивая судьбу свою на шот других, но как только случится что-нибудь, по мнению их, оскорбительное для отечества, появится какая-нибудь книга, в которой скажется иногда горькая правда, они выбегут со всех углов, как пауки, увидевшие, что запуталась в паутину муха, и подымут вдруг крики...» (кстати и слово «крики», и сами крики приводятся впервые, в АК2 было совсем иначе: «...скажут: “Да ведь это, все что ни помещено здесь, все наше, ведь это все грехи русские, хорошо ли выставлять их, что же подумают о нас иностранцы”»); «...до времени весьма покойно занимающиеся кое-какими приращеньями на счет сумм нежно любимого ими отечества». В характеристике Кифы Мокиевича появляются новые детали, в частности, замечание о том, что он не занимался своим семейством. Важным дополнением является новый мотив в аргументации Кифы Мокиевича (при отказе привести в чувство сына) — ссылка на отцовские чувства: «”Что, право, в самом деле они думают, что вот я занимаюсь философией, да у меня нет времени, так уж я и не отец. Нет, я отец. У меня Мокий Кифович вот тут сидит, в сердце!” — При этом Кифа Мокиевич воспламенялся и бил себя очень сильно в грудь. — “Уж если он и останется собакой, так я по крайней мере его не выдам, уж от меня-то этого никто не узнает”».

Продолжает пополняться ряд лаконичных авторских замечаний о русских обычаях, традициях, нравах, оценках: «как выражаются в иных местах обширного русского государства» (о крепком сне «во всю наносную прихрапку», затем исправлено на: захрапку, в окончательном тексте: завертку — глава I); «по чудному выражению русского мужика» (глава IV); «в надежде, что все вынесут русские желудки» (глава IV); «закусили, как закусывает вся пространная Россия» (глава V). В очень редких случаях мы имеем дело с обратной тенденцией, т.е. с устранением подобных характеристик: о недостатке терпенья у русского человека и о том, что у русского человека никогда не бывает недостатка в «кое-каких своих надобностях», о «русских грехах» (все — в главе XI). Забегая вперед, скажем, что близкие исправления (тоже очень редкие) имеют место и в следующей по хронологии рукописи, АК3: «Имение по русскому обычаю было расстроено» (нижний слой) — «Имение было расстроено» (верхний слой).

В АК2 можно проследить и судьбу некоторых лирических отступлений. Так рассуждение автора о блужданиях человечества по кривым дорогам первоначально начинало складываться в главе III, в финальной части отступления о «сестрах» Коробочки: «Но мимо, мимо. К чему наводить на то, что не пришло бы само собою?..» (АК2, нижний слой) — «Но мимо такие мысли! Зачем сбивать людей с колеи, в которую они въехали, мало думая, прямо ли ведет колея, куда следует, или несется бог знает куда в сторону» (АК2, верхний слой). В следующем источнике (АК3) эти строки подверглись правке и приобрели следующий вид: «Но мимо, прочь такой вздор!» В окончательном тексте: «Но мимо! мимо! зачем говорить об этом?»

Тщательной отделке подвергаются многие важнейшие фрагменты. Автор снова возвращается к описанию сада Плюшкина: какие-то детали меняются (вместо «двухсотлетних лип», которые «выказывали свои седые, искривленные, в обхват трем человекам, дуплистые стволы» — «дуплистый дряхлый ствол ивы»), какие-то возникают вновь (вместо «кустарников» появляется вполне конкретный «седой чапыжник»); обретает более контрастный характер игра света и тени (в нижнем слое: «зелено-облачные массы» и «не освещенная солнцем» дорожка между липами — в верхнем «зеленые чащи, озаренные солнцем» и «неосвещенное между них углубление, зиявшее, как темная пасть») и т.д. Так же тщательно исправляется описание внутреннего убранства плюшкинского дома. Прежде всего, автор снимает сравнение всего этого «великолепия» с «аукционом» или «магазином каких-нибудь старинных вещей и мебели». Нагромождение мебели и мелких предметов сохраняется, но само их описание обретает большую художественную стройность и строгость: вместо двух столов с двумя стоявшими на них часами — стол со стоявшим на нем стулом и часами (более логичное подтверждение сказанного автором в предыдущей фразе: «Казалось, как будто в доме происходило мытье полов...»); вместо перечисленной предметно посуды (серебряные стаканы, старинные бокалы и подносы, хрустальные графинчики, китайские фарфоровые чашки) — лаконичное и систематизированное описание (старинное серебро, графинчики и китайский фарфор); вместо пространного описания всего разбросанного на бюро, в шкафу и на окне — последовательное перечисление лежащих на бюро вещей (в шкафу при этом остается только посуда). Сам перечень предметов немного изменен: исчезает «колокольчик с отломленной ручкой и щеты», «календарь в бумажной обертке» (с подробным сравнением последней с обоями, «которыми обклеивается на станциях перегородка, назначенная для скрытия жены станционного зрителя от взоров проезжающих»). Наиболее значимая потеря — молитвенник. Новое «приобретение» — «кусочек где-то поднятой тряпки».

В той же шестой главе меняется описание московского рынка: вместо оживленной картины воскресной торговли деревянной посудой на территории от Плющихи до Смоленского рынка, и далее до самого Дорогомиловского моста (дополненной зимними пейзажными и бытовыми зарисовками) — представлен подробный ассортимент ежедневного «щепного двора», с подробным перечислением видов деревянной посуды, идущей «на потребу богатой и бедной Руси».

Как и в *AK1*, в отдельных случаях автор смягчает некоторые характеристики, касающиеся конкретных лиц, социальных групп: «Так уже исстари всегда водилось на свете. Богатому ничего не нужно платить; нужно только быть богаты. Ему и место дадут славное, и в ход пустят, и деньги останутся в шкатулке; платит только тот, которому нечем платить» (*AK1*, верхний слой) — «Даже председатель дал приказание из пошлянных денег взять с него только половину, а другая отнесена была на счет какого-то другого просителя» (*AK2*, верхний слой). В этом же ряду стоит вычерк замечания, которое первоначально завершало разъяснение причин столь непомерного интереса города к сплетне о Чичикове длительным отсутствием вестей и «комеражей»: «...и вдруг после такого продолжительного поста, да на голодные зубы ниспошли Бог так жирно разговеться — дурак разве не бросится на такую лакомую еду» (глава IX).

Часть исправлений в *AK2* (в главе IX) имеет отношение к «Ревизору». В одном случае, единственном, это прямая ссылка на комедию — в связи затруднениями автора назвать двух дам «таким образом, чтобы опять не рассердились на него», отмечено: «...как серживались встарь во времена прежние за Ревизора и множество других старых грехов и не укорили бы даже его в помещении каких-либо личностей» (нижний слой). В промежуточном слое *AK2* (карандашная правка): «...как серживались встарь за множество прежних литературных грехов(?) и не укорили бы даже его в помещении каких-либо личностей». В верхнем слое *AK2*: «...как серживались встарь и не укорили бы в помещении каких-либо личностей». В таком же виде этот фрагмент вошел в нижний слой следующего источника, *AK3*, где был исправлен уже окончательно: «...как серживались встарь». Таким образом, упоминание «Ревизора» исчезает на стадии правки *AK2*, а начиная с *AK3* глубокая авторская рана, связанная с восприятием комедии, дает себя знать только лаконичным «как серживались встарь». В том же абзаце, несколькими строками ниже, имеет место еще одно исправление, связанное с той же темой. Рассуждая о трудности безопасного наименования двух дам, автор пишет (в нижнем слое *AK2*): «Назвать по чинам — и того хуже. Скажи только Автор: прокурорша — и непременно все прокурорши всех Губернских городов, сколько их ни есть на свете, разобидятся ужасным образом. Такое уж обидчивое государство». В верхнем слое аргументация становится

еще более резкой: «Назови же по чинам, то есть скажи только какая-нибудь прокурорша — и того опасней. В России 50 с лишком Губерских (так в рукописи. — *Ред.*) городов и в каждом городе сидит по одной прокурорше, личности же у нас, как известно, совсем не то, что в других государств(ах). У нас достаточно сказать только, что есть в одном городе глупой человек — это уж и личность. Вдруг выхватится господин почтенной наружности и закричит: “Ведь я тоже человек, стало быть я тоже глуп”, — словом, вмиг смекнет, в чем дело». С небольшими модификациями этот вариант сохраняется вплоть до цензурной рукописи (АК4) и там (на основе карандашного наброска в АК3) вновь подвергается правке (подробнее см. в своде вариантов). В окончательном тексте: «Назови же по чинам, Боже сохрани, и того опасней. Теперь у нас все чины и сословия так раздражены, что все, что ни есть в печатной книге, уже кажется им личностью: таково уж, видно, расположение в воздухе. Достаточно сказать только, что есть в одном городе глупый человек, это уж и личность: вдруг выскочит господин почтенной наружности и закричит: “Ведь я тоже человек, стало быть я тоже глуп”, словом, вмиг смекнет, в чем дело». Таким образом, все конкретные ссылки (на прокуроршу, на губернский город, на «обидчивое государство» и вообще на государство) в итоге (на уровне правки в АК4) снимаются, авторские мотивировки неуязвимого наименования двух дам (просто приятная и приятная во всех отношениях) приобретают более завуалированный, хотя и не менее острый, характер. В этом же ряду правка в главе XI — из диалога Чичикова с секретарем по поводу умерших ревизских душ устраняется резкая реплика последнего: «Не велика важность, хоть бы и все вымерли».

Дополнительные психологические и философские оттенки обретает фрагмент, в котором идет речь о «появлении смерти» (в связи с уходом из жизни прокурора). Автор обращается к этому очень важному месту вновь и вновь, углубляя трагическую смысловую перспективу заключающего сцену комментария: «Все совершилось в одну минуту» (АК1, нижний слой) — «Еще одна жизнь убежала из мира, и все совершилось в одну минуту» (АК1, верхний слой, АК2, нижний слой) — «И появление смерти так же было страшно в малом, как страшно оно и в большом мире» (АК2, верхний слой, АК3, нижний слой) — «А между тем появление смерти так же было страшно в малом, как страшно оно и в великом человеке...» (АК3, верхний слой — и так вплоть до окончательного текста).

В процессе правки АК2 в ряде случаев снимаются разного рода упоминания нечистой силы, в частности фразы: «Но удивительнее всего, что, несмотря на ловкость и живость, всегда случалось каким-нибудь странным образом (или уже такая судьба его была), что эти фокусы как-то обрывались, как будто бы сам сатана отдвигал вдруг ширмы, за которыми они творились и показывал присутствующим весь их механизм...» (карточная игра Ноздрева — глава IV); «И это вовсе не происходило оттого,

чтобы он был какой-нибудь демон и смотрел на все черными глазами» (характеристика Ноздрева в связи с его способностью расстроить свадьбу или сделку — глава IV). Имеют место и смягчающие стилистические замены (ниже приводятся, начиная с АК1): «чертовский аппетит» (АК1, нижний слой) — «желанный аппетит» (АК1, верхний слой) — «чертовский аппетит» (АК2, нижний слой) — «невыносимый аппетит» (АК2, верхний слой — и так вплоть до основного текста; глава XI); «друг человеческого рода» (АК1) — «чорт» (АК2, нижний слой) — «чорная кошка» (АК2, верхний слой) — «чорный зверь» (ЧА6, здесь исправлено на: «нелегкий зверь» — и так вплоть до основного текста; глава XI).

Уже в главе I, в самом первом абзаце, появляется важный для Гоголя мотив моды — в описании молодого человека возле гостиницы: «во фраке с чрезвычайно узенькими фалдами» (нижний слой) — «в несколько узком во фраке с покушеньями на моду» (верхний слой; в окончательном тексте: «во фраке с покушеньями на моду»). В третьей главе тот же мотив звучит в социально-политическом контексте: мысли светской дамы («сестры» Коробочки) заняты тем, «что делается во Франции» (нижний слой) — тем, «какой политический переворот готовится во Франции, какое направление принял модный католицизм» (верхний слой). В главе VIII пассаж о манерах провинциальных дам также обретает «модный» оттенок: «приличный самых тонких, которых даже приметить нельзя простым глазом» (нижний слой) — «приличный самых тонких, и особенно наблюсти моду в самых последних мелочах» (верхний слой). В самом негативном свете мотив моды представлен в главе XI, но только в промежуточной правке АК2, выполненной (вероятно, уже в Москве) на основе чернового наброска (⟨ЧН17⟩, ⟨1⟩): «...неразвлекаемо заняться, что из принесенной кучи необходимого добра будет гармонировать более с цветом волос» (нижний слой) — «...или неразвлекаемо заняться тонким разбором кучи всякого добра, созданного модой, Мудрым делом девятнадцатого века, развившего ее в чудном совершенстве. Счастье великое, подаренное им человечеству в награду за трудные и бедственные его странствия» (промежуточный слой) — «...показать тонкость в разборе дрязга, созданного великою Модой» (промежуточный слой). В окончательном варианте весь пассаж о моде снят — может быть, для того чтобы не рассеивать впечатления от предшествующих, очень важных для автора строк: «...можно обратиться вновь к карточному столу, тешащему всю Россию». Тема карточной игры, очень важная в МД, получает в ходе правки АК2 дальнейшее развитие — уточняется определение этого рода деятельности: «сурьезное дело» (нижний слой) — «занятие дельное» (верхний слой, глава I). Такая оценка удерживается вплоть до окончательного текста и занимает прочное место среди аналогичных наименований разного рода пустого времяпрепровождения (подробнее см.: Падерина Е.Г. О мотиве дела в первом томе «Мертвых душ» //

Текст и интерпретация. Новосибирск, 2006. С. 68–85). В главе VIII негативная оценка этого рода деятельности (вероятно, уже в московский период работы над рукописью) обретает еще более сильное звучание — здесь впервые говорится о том, что участие в игре может возвести участника в ранг «близкого», «своего»: «Но вообще они были народ добрый, полны гостеприимства, и человек, вкусивший с ними хлеба-соли или просидевший вечер за вистом, уже становился чем-то близким...» (в предвещающем эту правку черновом наброске еще резче: «Черта добродушия и гостеприимства была у всех какою-то общею чертою, что, может быть, заключается уже в самой славянской природе, человек, с которым вкусили они хлеба соли, провели несколько вечеров за картами и бутылкою, делался уже чем-то почти родным» — *ЧН17*, (2)). Мотив карт появляется в характеристике Ноздрева (в диалоге двух дам): «Вы знаете, какой он Сорвиголова» (нижний слой) — «Вы знаете, он родного отца готов продать или, еще лучше, проиграть в карты» (верхний слой, глава IX).

В ходе правки *АК2* окончательно определяется облик знаменитой тройки лошадей — в нижнем слое: «лукавый» серый (пристяжной), гнедой «с белой лысиной на лбу» (именуется то коренным, то пристяжным), саврасый; в верхнем слое: «лукавый» чубарый (пристяжной), гнедой (коренной), каурый по кличке Заседатель (пристяжной). Указанное исправление в *АК2* не было последовательно проведено по всему тексту, окончательная правка была внесена в следующем источнике — *АК3*.

Рукописи МД, в частности *АК2*, содержат уникальный материал, касающийся стилистических особенностей прозы Гоголя, даже совсем «мелких». Это касается, в частности, выражения «в один миг ока» (и подобных). В *АК2* оно появляется в верхнем слое: «и уже стал другим» (нижний слой) — «в один миг ока стал другим» (верхний слой, глава III; в *АК3* вычеркнуто); «в мгновенье ока» (промежуточный слой) — «в одно мгновенье ока» (верхний слой, глава IV — «одно» вписано рукой Гоголя). Чуть позже выражение «в один миг ока» появляется в тексте «Ревизора» — в последнем абзаце статьи «Характеры и костюмы». Окончательный вариант этого абзаца (наряду с последним явлением и Немой сценой) Гоголь привел в письме Н.Я. Прокоповичу от 15(27) июля 1842 г. Вопреки гоголевскому тексту в четвертом томе «Сочинений» Гоголя 1842 г. (подготовлены к изданию Прокоповичем) напечатано: «в один миг» (Наст. изд. Т. 4. С. 9, 448). Сопоставление текстов «Ревизора» и «Мертвых душ» позволяет говорить о типично гоголевской природе этого оборота («в один миг ока»), равно как о произвольности внесенной Прокоповичем правки.

Отметим, что в одной главе (а именно в IV) на л. 44 об.—45 *АК2* есть несколько исправлений, не учтенных в *АК3* (см. с. 57–58 наст. изд.). Природа их не вполне ясна. Возможно, в данном случае Гоголь пользовался *АК2* как черновиком и впоследствии не учел внесенные

поправки. Может быть, этот случай имеет иное, неизвестное нам объяснение. О работе над АК2 см. также: *Тих.* Т. 7. С. 585–596 (здесь же приведены лексические и стилистические параллели между МД и другими сочинениями Гоголя); *Ак.* Т. VI. С. 887–888. Об авторской работе над «Повестью о капитане Копейкине» в рамках АК2 см. с. 490–492 наст. изд.

Существенная часть дополнений и исправлений, внесенных в АК2, непосредственно связана с двумя записными книжками Гоголя — условно датируются 1841–1844 и 1842–1844 гг. (*Ак.* Т. VII. С. 317; IX. С. 539). Первая из них открывается путевыми записками, сделанными Гоголем в дороге, — во время возвращения в Россию из-за границы осенью 1841 г. (*Ак.* Т. VII. С. 425). Это путешествие было совершено в компании П.М. Языкова (брата Н.М. Языкова), уроженца Симбирской губернии, что объясняет появление в книжке немалого числа записей этнографического характера, относящихся именно к этому краю (*Тих.* Т. 6. С. 807; *Ак.* Т. VII. С. 426). Далее появляются записи, связанные с Оренбургской губернией, — здесь сказывается участие уже другого лица — С.Т. Аксакова. В его письме М.Г. Карташевской от 1 ноября 1841 г. из Москвы сообщается: «Три раза в неделю он (Гоголь. — *Ред.*) обедает у нас, и до 9-ти часов мы занимаемся определением и записыванием особенностей нашего богатейшего языка: для него это очень нужно» (*ЛН*, т. 58. С. 606). Вторая из двух упомянутых записных книжек также включает слова и выражения, впоследствии использованные в рукописях МД. Это обстоятельство (с учетом факта представления рукописи МД в цензуру в декабре 1841 г.) позволяет уточнить начальную дату заполнения книжки — не 1842 г. (как указано в *Ак.* Т. IX. С. 658), а несколько раньше: ноябрь 1841 г.

Общий перечень слов и выражений, включенных в текст первого тома МД на основе указанных записных книжек, был впервые составлен и опубликован В.И. Шенроком (*Тих.* Т. 7. С. 590–593; в сокращенном варианте — *Тих.* Т. 6. С. 807–808). Состав этого перечня достаточно сложен, поскольку материалами записных книжек Гоголь пользовался на всем протяжении московского периода подготовки текста МД, точнее говоря, при работе над тремя полными рукописями поэмы (АК2, АК3, АК4) и двумя фрагментарными автографами (ЧА5 и ЧА6). Ниже мы приводим уточненный список тех слов и выражений, которые использованы в процессе правки АК2: чапыжник, кляч, бредень (глава II); сочни, припека, побратима (глава III); загнуть утку (в АК2 и в основном тексте: «Не загни я после пароле на проклятой семерке утку...», «загнул утку не вовремя»), «Играть в дублет» (в АК2 и в основном тексте: «играть дублетом»), «крепость черных мясов» (в АК2 и в основном тексте — дважды, в описании собак Ноздрева), густо-псовые, чисто-псовые, муругие, черные с подпалинами, полво-пегие, муруго-пегие,

красно-пегие, черноухие, сероухие, стреляй, обругай, пожар, скосырь, черкай, северга, касатка, награда, правило, крымская, порхлица (в записной книжке: похлица), Софрон, скалдырник (в записной книжке: сколдырник), брудастая, бочковатость ребр, комкость лап (в основном тексте: «Бочковатость ребр уму непостижимая, лапа вся в комке», в записной книжке: «Лапа в комке») (глава IV); кирпичные стены (в записной книжке: «кирченая изба»), борки (в окончательный текст не вошло), няня, Милушкин, угол (глава V); конек, дранье, капустник, городьба, чапыжник, сушила, губина, бочки, пересеки, лагун, жбан, побратима, мыкольник, коробья, бурак, постав (глава VI); Фыров, суряки, хапуга (VII); семенить, заварное тесто, рассольник (глава VIII); йора, оттопаный, подмикитки и подсочельник (глава IX); спорынья, шушера, поддедюлить (глава X); шибель (глава XI). Большая часть приведенных слов и выражений извлечена из записной книжки 1841–1844 гг., за исключением шести, которые содержатся в записной книжке 1842–1844 гг.: угол, хапуга, подмикитки и подсочельник (слово «подмикитки» впервые появляется в записной книжке 1841–1844 гг., выражение в целом — во второй записной книжке), шушера, поддедюлить, шибель.

Слова из записных книжек, как правило, появлялись в рукописи в процессе переработки разных по объему фрагментов текста. В некоторых случаях слова использовались целыми тематическими группами. Так, например, весь лексический пласт, относящийся к собакам (в главе IV), послужил основой нового описания охотничьей своры Ноздрева — в верхнем слое оно дополнено перечислением собачьих мастей, цветов, новыми кличками, терминами и замечанием о совершенном родстве с ними самого Ноздрева: «...увидели там Разбоя, Разора, Насатку, Красотку, Птицу, Змейку, которые, пустивши мельницами хвосты, побежали во весь галоп к ним навстречу и начали здороваться с ними совершенно без всякой церемонии» (нижний слой) — «...увидели там всяких собак, и густо-псовых, и чисто-псовых, всех возможных цветов и мастей: муругих, черных с подпалинами, полво-пегих, муруго-пегих, красно-пегих, черноухих, сероухих... Тут были все клички, все повелительные наклонения: стреляй, обругай, пожар, скосырь, черкай, допекай, припекай, северга, касатка, награда, попечительница. Ноздрев был среди их совершенно как отец среди семейства: все они, тут же пустивши вверх хвосты, зовомые у собачеев правилами, полетели прямо навстречу гостям и стали с ними здороваться» (верхний слой). В главе VI обширный перечень деревянного скарба («бочки {...} бураки») использован в появившемся в верхнем слое АК2 описании московского щепного двора (см. также: Манн 1987. С. 94). В редких случаях слова из записных книжек встречаются в рукописи дважды: чапыжник (в главах II и VI, в первом случае до окончательного текста слово не дошло, так как при изготовлении АК3 не было разобрано переписчиком) и побратима (в главах III и VI).

Иногда в записные книжки попадают и такие слова, которыми Гоголь пользовался раньше. Так, слово «подтибрить», фигурирующее уже в нижнем слое *АК2* (глава VI), постфактум включено в записную книжку 1842—1844 гг.; а слово «йора» (из верхнего слоя *АК2*, глава IX) встречается в еще более поздней записной книжке — 1846 г.

Несколько слов и выражений появляются в *ЧА6* (новая редакция биографии Чичикова, созданная в процессе переработки главы XI *АК2*): пиголица, хлопанцы, «Чорт по ночам горох молотил на роже...» (в окончательном тексте: «...черт приходил по ночам молотить горох»; все приведенное — из записной книжки 1842—1844 гг.), острога (из записной книжки 1841—1842 гг.). Возможно, есть связь между словом «кекнуть» (из записной книжки 1842—1844 гг., с авторским толкованием: «пропасть, погибнуть») и появившемся в *ЧА6* словом «заклекнет».

В одном случае запись, явно относящаяся к МД, в текст поэмы так и не вошла: «выраженья Ноздрева: “сыграл, как молодой полубог” (на билиарде)» (из записной книжки 1841—1844 гг.).

* * *

Привезенная в Москву рукопись (*АК2*), испещренная авторской правкой, нуждалась в перебеливании. При каких обстоятельствах с *АК2* была сделана следующая по хронологии копия (*АК3*), неизвестно. Изучение самой рукописи (в сопоставлении с *АК2*) позволяет заключить, что она была создана не под диктовку, а путем переписки (об этом говорят многочисленные пропуски, оставленные переписчиками на местах неразобранных слов). Копирование осуществлялось в крайне сжатые сроки — вероятно, в конце октября — первой половине ноября. Только такая датировка вписывается в чрезвычайно плотную хронологическую канву московского периода работы над МД: приезд в Москву 17 октября, завершение правки *АК2* (вероятно, с одновременным началом перебеливания первой половины рукописи), изготовление *АК3*, правка *АК3*, изготовление копии для цензуры (*АК4*), правка *АК4*, передача рукописи 7 декабря цензору И.М. Снегиреву для предварительного просмотра.

Проблема экстренного перебеливания рукописи и создания новой копии могла быть решена лишь одним способом — привлечением к работе сразу нескольких переписчиков. Именно так и было сделано — в изготовлении *АК3*, как показывает изучение почерков, участвовало шесть человек (ранее отмечалось: два человека — *Тих.* Т. 3. С. 437; *Ак.* Т. VI. С. 889), которыми соответственно были переписаны: главы I и III; глава II и частично IV; продолжение главы IV, а также главы V, VII, VIII; глава VI; глава IX и большая часть главы X; часть главы X и глава XI.

Крайне сложный характер оригинала (*АК2*), высокий темп перебеливания, привлечение к переписке мало подготовленных для этой работы людей — все это предопределило печальный и имеющий негативные

последствия текстологический результат: изготовление недоброкачественной, переполненной ошибками (пропусками, инверсиями, неверными прочтениями) промежуточной рукописи (подробную характеристику АКЗ с этой стороны см. ниже, в разделе, посвященном проблеме основного текста МД).

АКЗ — последний рукописный источник, который автор правил без стеснения (в следующей далее цензурной рукописи — АК4 — допускалась лишь минимальная правка). По сравнению с предыдущими авторизованными копиями (АК1, АК2), АКЗ можно назвать относительно «чистой», но все же и в ней имеет место разнохарактерная правка: от «мелкой», стилистической, до объемной, кардинальной. Как неоднократно отмечалось, наиболее существенной правке были подвергнуты последние пять глав (Тих. Т. 3. С. 438; Ак. Т. VI. С. 889).

Стилистические исправления весьма многочисленны — это последние, уточняющие штрихи, как правило, очень интересные именно тем, что сделаны уже на одном из поздних, завершающих этапов работы над текстом. Приведем лишь малую часть (в движении от нижнего слоя рукописи к верхнему): «Он хорошо улыбался» — «Он улыбался заманчиво» (глава II); «рысь и красноречие» — «рысь и дар слова» (глава V); «омакнул перо в чернильницу» — «всунул перо в чернильницу» (глава VI); «угрожавшее было разрушиться» — «бывшее было на краю гибели» (глава VIII); «поросшие виноградными сучьями, плющами и розами» — «опутанные виноградными сучьями, плющами и несметными миллионами диких роз» (глава XI); «уже налимонились» — «уже, как говорится, нализовались» (глава XI). Особое место в этом ряду занимают возвращения к первоначальному стилистическому варианту: а. «пил чай»; б. «надувался чаем, заедая белым калачом»; в. «пил чай, заедая белым калачом» (АК2); а. «пил чай, заедая белым калачом»; б. «пил чай» (АКЗ, глава II).

Как и прежде, текст пополняется новыми деталями: «в белых канифасовых панталонах» — «в белых канифасовых панталонах, весьма узких и коротких» (глава I); «все равно: горячие щи шипят и ворчат у них меж зубами» — «и стерляжья уха с налимами и молоками шипит и ворчит у них меж зубами, заедаемая расстегаем или кулебякой с сомовьим плёсом» (глава IV). В верхнем слое АКЗ впервые описан потайной ящик в ларчике Чичикова: «...потом следовал маленькой потаенный ящик для денег, выдвигавшийся незаметно сбоку шкатулки. Он всегда так поспешно выдвигался и засовывался в ту ж минуту хозяином, что наверно нельзя сказать, сколько было там денег» (глава III).

В процессе правки АКЗ вносятся точечные, но очень существенные дополнения и уточнения в характеристику Чичикова: отмечается особая стилистическая окраска речи Чичикова в тех случаях, когда он говорит о себе (вписаны слова: «разговор его в таких случаях принимал несколько

книжные обороты» — глава III); подчеркивается пристрастие Чичикова к бытовому комфорту (нижний слой: «человек весьма деликатной» — верхний слой: «человек весьма щекотливый и даже в некоторых случаях привередливый», глава II); в «заключительном определении» Чичикова «одной чертою» появляется новое и очень важное слово: «хозяин» (нижний слой: «просто приобретатель» — верхний слой: «хозяин, приобретатель», глава XI). В душевном состоянии Чичикова подчеркиваются (как и в последних главах верхнего слоя АК2) настроения неуверенности, тревоги: «Неприятно, смутно было у него на сердце, какая-то тягостная пустота оставалась там»; «Главная досада была (...) на то, что случилось ему оборваться, что он вдруг показался пред всеми Бог знает в каком виде, что сыграл какую-то странную, двусмысленную роль» (глава VIII). Размышления Чичикова по поводу возникшего в его голове прожекта (связанного с покупкой мертвых душ) пополняются новыми опасениями, тут же развеянными самим героем, но одновременно предвосхищающими дальнейшее развитие событий: «Конечно, трудно, хлопотливо, страшно, чтобы как-нибудь еще не досталось, чтобы не вывести из этого историю. Ну да ведь дан же человеку на что-нибудь ум. А главное, то хорошо, что предмет-то покажется совсем невероятным, никто не поверит» (глава XI). Наиболее объемная правка — вставка, содержащая крайне неблагоприятный отзыв Чичикова о балах (на дополнительно вложенном листе 138—138 об.).

В ходе правки АК3 вновь перерабатывается авторское отступление в начале главы VII. Нижний, писарский, слой текста не сохранился, за исключением нескольких завершающих его строк (на л. 104) и двух фрагментов на половине листа. Эта «половинка» была использована автором как черновик, а впоследствии ошибочно приплетена к АК2 (лист под номером 103; отмечено Н.С. Тихонравовым — *Тих.* Т. 3. С. 440; в *Ак.* верно отмечено, что этот лист написан той же рукой, что и вся глава VII в АК3, — *Ак.* Т. VI. С. 773). Верхний слой текста, написанный авторской рукой (на л. 103—103 об.), представлен полностью (первоначально прописан в черновых набросках, в настоящее время приплетенных к АК2, л. 206 об.—207 — ЧН21, ⟨1⟩, ⟨2⟩, датируются второй половиной ноября 1841 г.). Новый вариант отступления приобрел ряд дополнительных особенностей. Прежде всего претерпела изменение характеристика писателя «первого» типа — она пополнилась рядом негативных, неприглядных черт: «...из великого омута ежедневно вращающихся образов избрал одни немногие исключения (...) не ниспускался с вершины своей к бедным, ничтожным своим братьям и, не касаясь земли, весь повергался в свои далеко отторгнутые от нее и возвеличенные образы. (...) Он окурил упоительным куревом людские очи; он чудно польстил им, сокрыв печальное в жизни, показав им прекрасного человека» (в АК2 только: «Сокрыв печальное жизни...»). Наряду с этим характеристика

писателя «второго» типа обретает очевидно похвальные черты: «крепкая сила неумолимого резца»; «выставить (...) выпукло и ярко»; «божественное пламя таланта» (в дополнение к перешедшим из АК2 словам: «...много нужно глубины душевной (...) возвести ее в перл создания»). В верхнем слое АК3 получает словесное выражение параллель, прежде лишь подразумеваемая, между холостым путником и писателем: «Не признаёт сего современный суд и все обратит в упрек и поношение непризнанному писателю; без разделенья, без ответа, без участия, как бессемейный путник, останется он один посреди дороги». Наконец, на этом этапе создается новый финальный абзац отступления, лаконично (в двух фразах) фокусирующий разносторонний спектр важнейших авторских идей, ощущений, художественных намерений: божественное происхождение авторской миссии («определено мне чудной властью»); характер восприятия собственных героев («странные»); своеобразие взгляда («сквозь видный миру смех и незримые неведомые им слезы»); масштаб поэмы и перспективы ее художественного развития: «И долго еще определено мне чудной властью»; «И далеко еще то время, когда иным ключом грозная вьюга вдохновенья подыметса из облеченной в священной ужас и блистанье главы, и почуют в смущенном трепете...» (см. также: с. 466 наст. изд.; *Марковский 1902. С. 162–163; Манн 1987. С. 89–93*).

В верхнем слое АК3 фрагмент, связанный с оформлением в гражданской палате покупок Чичикова (глава VII), обретает новый финал, в котором Иван Антонович выражает недовольство Чичиковым (в связи с мизерной благодарностью), а Чичиков — Собакевичем: по поводу приписки к перечню проданных мужиков Елисаветы Воробей (вставка на отдельном листке, в настоящее время приплетен к началу главы VII, под номером 102 — первоначально в черновом наброске, в настоящее время приплетенном к АК2, л. 206 — <ЧН21>, <3>, датируется второй половиной ноября 1841 г.).

В главе VIII появляется вставка, углубляющая ироническое описание дамских балльных нарядов: «Только местами вдруг высовывался какой-нибудь невиданный землею чепец или даже какое-то чуть не павиное перо, в противность всем модам, по собственному вкусу или платью, составленное из двух платьев, еще блиставших в прошл(ых) веках и покорившихся весьма плохо модной картинке. Но уж без этого нельзя, таково свойство губернского города: где-нибудь уж он непременно оборвется» (пассаж о платье в следующем источнике, АК4, был снят вовсе).

В главе IX подвергается довольно существенной стилистической правке диалог двух дам. В той же главе и без того длинный перечень горожан, разбуженных сплетнями о Чичикове, пополняется (на основе черногового наброска — <ЧН21>, <1>), датируется второй половиной ноября 1841 г.) еще одним детализированным фрагментом: «...все те, которых

нельзя было выманить из дому даже зазывом на расхлебку пятисотрублевой ухи, с двухаршинными стерлядями и всякими тающими во рту кулебяками...».

В описании сплетен, слухов, охвативших город, усугубляется абсурдность происходящего (напоминающая развитие действия в «Ревизоре»): «и какие меры предпринять» (нижний слой) — «и какие меры предпринять, и что такое он именно: такой ли человек, которого нужно задержать и схватить как неблагонамеренного, или же он такой человек, который может сам схватить и задержать их всех как неблагонамеренных» (глава IX).

Разрастается фрагмент, в котором идет речь о дальнейшем развитии действия в поэме (глава XI). В нижнем слое АКЗ (как и в предыдущем источнике, ЧА6) все ограничивалось лишь лаконичной формулой, призывающей читателя к терпению: «Как пойдет далее и какие будут удачи потом — увидит». В верхнем слое АКЗ — иначе, здесь уже ряд намеков и на будущую судьбу главного героя, и на изменение самого характера повествования: «...как пойдет дело далее, какие будут потом удачи и неудачи Герою, как придется разрешить и преодолеть ему более трудные препятствия, как предстанут колоссальные образы, как вся повесть примет величавое лирическое течение — увидит потом». Однако и на этом автор не останавливается. Дальнейшая отделка текста имеет место уже на стадии правки следующей, цензурной, рукописи, но при этом автор пользуется АКЗ как черновиком и сначала вносит карандашное исправление в этот источник, а уже потом, чернилами, переносит правку (с небольшими изменениями) в цензурную рукопись. Эта правка касается последней части фрагмента — после слов «колоссальные образы» вписан следующий текст: «...как двинутся все рычаги широкой повести, раздастся далече горизонт, как вся повесть примет величавое лирическое течение — то увидит потом» (АКЗ, карандаш) — «...как двинутся сокровенные рычаги широкой повести, раздастся далече ее горизонт, и вся она примет величавое лирическое течение, увидит потом» (АК4, чернила).

Помимо «обычной» правки, вошедшей затем в нижний слой следующей рукописи (АК4), в АКЗ имеются исправления (преимущественно карандашные) совершенно иного рода, связанные с тем, что автор дважды пользовался этим источником как черновиком: когда вносил правку в цензурную рукопись (АК4) и в корректуру (подробнее об этом см. ниже). О характере исправлений в АКЗ см. также: Тух. Т. 3. С. 438—445, 450—455. Об авторской работе над «Повесть о капитане Копейкине» в рамках АКЗ см. с. 492—494 наст. изд.

В работе над АКЗ Гоголь, как и прежде (в случае с АК2), опирался на свои записные книжки. Перечень «заимствованных» из них слов не столь обширен, как в процессе правки АК2, но так же выразителен: привередливый, вереск (глава II); шанишки, прыглы (глава III); кулебяка,

плеск (оба слова включены в дополнение к описанию меню господ средней руки: «заедаемая расстегаем или кулебякой с сомовым плёсом»), жидомор (глава IV); головизна, пряженцы, масляницы (глава VII); клетухи (глава VIII). Приведенные слова содержатся в двух записных книжках: 1841—1844 гг. и 1842—1844 гг. (в последней — четыре слова из одиннадцати: привередливый, шанишки, пряглы, жидомор).

По исправлении АКЗ необходимо было снять копию уже с этой рукописи — для представления в цензуру. Эта работа началась в третьей декаде ноября, как следует из письма Гоголя Прокоповичу от 25 ноября 1841 г. из Москвы: «Пишу к тебе после долгой болезни, которая было меня одолела и которой начало уже получил я в Петербурге. Теперь, слава Богу, мне гораздо лучше, хотя я исхудал сильно. {...} Дело мое, по причине болезни, почти не начи(на)лось. Теперь только началась переписываться рукопись». Переписка заняла около двух недель — 7 декабря Гоголь уже встречался с цензором Снегиревым для предварительной беседы. Исходя из этого, работу над АК4 можно датировать: около 25 ноября — не позднее 7 декабря 1841 г.

В мемуарах С.Т. Аксакова частично отражены некоторые подробности изготовления последней рукописи «Мертвых душ» (в нашем обозначении АК4): «Начались хлопоты с перепискою набело “Мертвых душ”. Я доставил было Гоголю отличного переписчика, бывшего при мне воспитанником в Межевом институте, Крузе; но не знаю, или лучше сказать, не помню, почему Гоголь взял другого переписчика. Прилагаемая записка служит тому доказательством.

“Я к вам приходил, между прочим, с просьбою, которую совершенно позабыл. А именно, нельзя ли послать к Крузе взять у него десть или две чистой бумаги, которая ему теперь не нужна, а будет нужна моему переписчику. Из-за нее остановилось дело. Гоголь”» (Аксаков 1960. С. 55); «...рукопись поспешно переписывалась и немедленно была отослана в цензуру в Петербург» (там же, с. 56). Судя по всему, в поисках переписчика Гоголь прибег к помощи М.П. Погодина, которому напомунал (в недатированной записке, судя по всему, относящейся к ноябрю 1841 г.): «Пожалуста, не забудь дать знать писцу, чтобы пришел. Я с другим уже условился на половину рукописи. Теперь дело остается за ним». На записке карандашная помета рукой Погодина: «Мертвые души» (*Казанович Е.* К истории сношений Гоголя с Погодиным: (Новые материалы) // *Временник Пушкинского Дома.* Пг., 1914. С. 74). Палеографическое изучение рукописи говорит о том, что она изготовлена двумя переписчиками: первые три главы написаны неизвестной рукой, остальные — рукой сестры Гоголя, Е.В.Быковой (установлено И.А. Виноградовым).

Очевидно, что на одном из этапов подготовки МД к изданию Гоголю помогал К.С. Аксаков. В сохранившейся записке (без даты) Гоголь уведомлял его: «Посылаю одну при сем тетрадь, окончание 6 и начало

7-ой главы. Здоровье мое хуже, Михаила Петровича лучше. С трудом мог управиться кое-как с посылаемыми тетрадами». О чем здесь идет речь — об одной из московских рукописей (АКЗ или АК4) или о корректуре — неясно.

В рукопись, изготовленную для предоставления в цензуру (АК4), была внесена небольшая по объему авторская правка — Гоголь воспользовался последней возможностью докорректурного исправления текста. Цензурный экземпляр «Мертвых душ» по понятным причинам выправлен очень аккуратно, более того, в ряде случаев Гоголь воспользовался предыдущей рукописью (АКЗ) как черновиком, набрасывая карандашом предварительные варианты правки, впоследствии внесенной в АК4. Таких примеров немало в главах VIII и IX.

По характеру правка достаточно разнообразна. Наряду с довольно многочисленными стилистическими исправлениями имеет место и правка другого рода: в который раз корректируются формулировки лирических отступлений, уточняются психологические характеристики действующих лиц. Так, в знаменитое начало главы VII вносятся последние штрихи, отражающие и окрепшую веру автора в провиденциальную силу собственного слова (было: «почуют в смущенном трепете...» — стало: «почуют в смущенном трепете величавый гром других речей...»), и возрастание его духовных сил (было: «все что ни похоже на слезу» — стало: «строгий сумрак лица»), и все большее и большее неприятие пустоты жизни (было: «Окунемся вдруг и разом в жизнь и свет» — стало: «Разом и вдруг окунемся в жизнь, со всей ее беззвучной трескотней и бубенчиками»). В той же главе, в описании радостного состояния проснувшегося Чичикова, подчеркивается несоответствие его поведения обычной манере держаться: «произвел по комнате два прыжка, прилепнув себя весьма ловко пяткой ноги» (нижний слой) — «позабыв свою степенность {...} произвел по комнате два прыжка, прилепнув себя весьма ловко пяткой ноги» (верхний слой). В главе VIII в описании губернаторской дочки усиливаются черты ее отличия от толпы, в частности, появляется мотив света: «и казалась прозрачною среди мутной толпы» (нижний слой) — «выходила прозрачною и светлою из мутной и непрозрачной толпы» (верхний слой — наброски этого окончательного варианта были сделаны уже в АКЗ, карандашом).

В отдельных случаях правка касается деталей, подробностей: упомянутый в главе VII Волоколамск (в более ранних рукописях — Усть-сысольск) заменяется на Вельегонск, по предположению современного исследователя, — под влиянием рассказа М.П. Погодина о его пребывании в Вельегонске (*Зелов Н.* Был ли Гоголь в Вельегонске? // *Литературная Россия.* 1967. 7 апреля. № 15. С. 18—19). Это вполне вероятно, так как Погодин, посетивший Вельегонск в конце сентября 1841 г., возвратился в Москву 5 октября (Путевые записки профессора

Погодина по некоторым внутренним губерниям // Москв. 1848. № 12. «Проза». С. 107–108, 122), т.е. незадолго до приезда Гоголя и, скорее всего, рассказывал последнему о своем путешествии; при этом следует заметить, что указанное исправление внесено в рукопись не под влиянием свежих впечатлений (тогда оно попало бы в одну из более ранних рукописей — АК2 или АК3), а несколько позже, уже во время работы над АК4. Подавляющее большинство исправлений можно охарактеризовать как окончательную отделку текста. Так, развернутое описание бальных нарядов (в главе VIII) обретает иной финал — более лаконичный и проникнутый резкой иронией: «Словом, ничто не ушло от внимательного вкуса, которым только одарен прекрасный пол, все было предусмотрено в совершенстве» (нижний слой) — «...словом, кажется, как будто на всем было написано: «Нет, это не губерния, это столица, это сам Париж!» (верхний слой).

Ряд исправлений был предварительно отработан в черновых набросках. Четыре из них относятся к главе VIII («ЧН22», ⟨1–4⟩, датируются концом ноября 1841 г.). Они расположены на одном листе, в настоящее время входящем в состав рукописи АК3: шит между л. 126 и 128, пронумерован как лист 127. Он отличается от остальных листов этой рукописи меньшим размером и явно черновым характером (мелкий, неразборчивый авторский почерк, недописанные слова, недостающие знаки препинания). Все четыре наброска связаны со сценами бала и хронологически предшествуют авторской правке, внесенной в соответствующие фрагменты АК4 после изготовления этой рукописи. При этом наброски соотносятся с текстами АК3 и АК4 по-разному.

Набросок ⟨1⟩ (с упоминанием воздушного головного убора, казалось, говорившего: «Ей, улечу!...») послужил основой правки, внесенной в соответствующий фрагмент АК4.

Текст, соответствующий наброску ⟨2⟩ (с упоминанием «невиданного землею чепца» и павлиньего пера), в несколько иной редакции был вписан Гоголем чернилами уже в АК3 (л. 128, левое боковое поле) и в этом виде вошел в нижний, писарский слой АК4. Остается предположить, что набросок все-таки (наряду с тремя другими) был предназначен, но не использован для исправления соответствующего фрагмента АК4.

Наброски ⟨3⟩ и ⟨4⟩ связаны с параллельной правкой рукописей АК3 и АК4, имеющейся в главе VIII. Она была внесена уже после изготовления АК4, при этом Гоголь пользовался АК3 как своего рода черновиком. В редких случаях эта правка идентична, в большинстве случаев в АК3 она носит чисто предварительный, черновой, часто незаконченный характер (выполнена карандашом), а в АК4 — окончательный (выполнена карандашом и чернилами). Характерным примером может служить набросок ⟨3⟩: в АК3 соответствующая наброску правка лишь намечена (карандашом), а в АК4 набросок послужил непосредственной основой

авторских исправлений. При этом они оказались столь существенными, что соответствующий переработанный лист *АК4* (л. 129) был изъят (не сохранился) и заменен листом с новым текстом, с той же пагинацией. В новом варианте этого фрагмента появилось совершенно новое описание задевшей Чичикова вереницы танцующих, с подробным «комическим перечнем» персон (термин Е.А Смирновой — *Смирнова Е.А. 1987. С. 46*) и очередное описание (Гоголь перерабатывал его из рукописи в рукопись) дамских глаз. набросок ⟨4⟩ (с упоминанием армейского офицера, выделяющего «такие па, какие и не снились никому») вписан параллельно (с небольшими стилистическими отличиями) в *АК3* карандашом и в *АК4* чернилами (о переделке сцен бала как об относящейся к правке *АК3* см.: *Тих. Т. 3. С. 446–450*).

Еще один набросок (⟨*ЧН23*⟩, датируется концом ноября 1841 г.), в настоящее время приплетенный к рукописи «Тараса Бульбы», относится к главе IX. В нем продолжена отделка характерной, впервые появившейся в *АК3*, детали (описание подушки с вышитым на ней рыцарем) и набросан маленький фрагмент диалога двух дам (последняя фраза наброска, относящаяся уже к другому сюжету разговора двух дам, написана через небольшой пробел). Соотношение этого наброска с *АК3* и *АК4* довольно сложное. С одной стороны, упоминание о подушке с необычной вышивкой появляется уже в верхнем слое *АК3* (т.е. как будто бы на основе наброска), с другой, в наброске содержатся такие элементы описания и диалога, которые появляются только в *АК4*. Остается предположить (следуя за Н.С. Тихонравовым — *Тих. Т. 1. С. 649–651*), что верхний слой *АК3* отражает первоначальный этап авторской работы, черновой набросок — промежуточный, а *АК4* — окончательный (о правке *АК4* см. также: *Тих. Т. 3. С. 456–458*).

* * *

Все три авторизованные копии МД (*АК2*, *АК3*, *АК4*) печатаются в настоящем издании в своде вариантов к основному тексту. *АК3* и *АК4* к этому тексту достаточно близки, поэтому подача их в виде вариантов понятна и логична. Ситуация с *АК2* намного сложнее, ибо эта рукопись занимает срединное положение в системе рукописных источников и довольно существенно отстоит от окончательного текста МД. Написанная В.А. Пановым и П.В. Анненковым под авторскую диктовку, она была тут же подвергнута кардинальной переработке и буквально испещрена исправлениями. В этих условиях, казалось, предпочтительнее было бы напечатать рукопись полностью. По этому пути пошел В.И. Шенрок, опубликовавший *АК2* целиком, по нижнему слою, с приведением последующих исправлений в разделе «Примечания редактора и варианты» (*Тих. Т. 7. С. 152–371, 606–752*). Вместе с тем сопоставление рукописных источников МД показало, что следующие за *АК2* авторизован-

ные копии, т.е. *АК3* и *АК4* (особенно первая), содержат в себе огромное количество ошибок, погрешностей переписчиков, т.е. являются во многих отношениях дефектными (подробнее см. ниже). В этих условиях роль *АК2* меняется, так как она, будучи промежуточной (по хронологии) рукописью, во многих случаях дает единственно правильное, авторское, чтение тех или иных слов, фрагментов, сцен, приобретая таким образом значение одного из важнейших источников основного текста. Это обстоятельство определило и способ подачи рукописи (вслед за *Ак. Т. VI*) — именно в своде вариантов к основному тексту, ибо только таким образом удастся воспроизвести всю последовательную цепочку авторских вариантов от *АК2* до *АК4* (и далее *МД1* и *МД2*), в том числе и те сложные случаи, когда в процессе копирования *АК2* были допущены ошибки и погрешности.

Черновой характер *АК2* обусловил и характер свода вариантов этой рукописи — очень объемный и достаточно сложный. Он оформлен в соответствии с правилами, принятыми в настоящем издании (см.: Т. 1. С. 569—570), с двумя дополнениями. Первое касается карандашной правки. Выше уже отмечалось, что в процессе исправления нижнего слоя рукописи Гоголь, как правило, первоначально прописывал новый текст карандашом и только потом вносил окончательную правку чернилами. Иногда исправления, внесенные карандашом и чернилами, совпадают, чаще — незначительно расходятся. Карандашная правка была стерта, к настоящему времени она едва видна, зачастую совершенно поблекла. В тех случаях, когда удалось ее разобрать, она помечается особым знаком — одной звездочкой (если вариант удалось разобрать полностью) и двумя (если вариант разобран частично). Второе дополнение касается оформления так называемых объемных вариантов. В процессе правки *АК2* Гоголь довольно часто перечеркивал целые фрагменты текста и заменял их другими. В настоящем издании, в точном соответствии с рукописью, полностью воспроизводится характер этой правки. Сначала, под литерой *а.*, воспроизводится нижний слой текста, написанный рукой переписчика. Далее, под литерой *б.* (иногда и *в.*, *г.*), воспроизводится последующий вариант (последующие варианты), написанный (написанные) авторской рукой. При этом во многих случаях используются формулы: «*Как в тексте, со следующим вариантом*» или «*Как в тексте, со следующими вариантами*». Это означает, что в слое *б.* (*в.*, *г.*) текст идентичен основному, за исключением одного (или нескольких) вариантов, приводимых ниже, в соответствии с номерами строк.

В вариантах *АК3* впервые отражены допущенные переписчиками ошибки и, там где это имеет место, их последующие исправления автором, т.е. полностью восстановлена вся история каждого фрагмента текста. Это относится и к тем случаям, когда переписчик не мог разобрать слово или несколько слов и оставлял в рукописи свободное место. Для

обозначения таких пропусков используется формула: *«оставлено свободное место»*. В приводимом далее варианте отражена последующая авторская правка такого фрагмента.

При подаче вариантов *АК4* используется формула «ценз.», означающая принадлежность варианта цензору.

* * *

В первых числах декабря 1841 г. изготовление цензурной рукописи МД (*АК4*) было закончено. 7 декабря Гоголь передал ее для предварительного просмотра московскому цензору И.М. Снегиреву — в этот день последний записал в дневнике: «Приезжал ко мне Гоголь с романом своим “Мертвые души”» (Дневник Ивана Михайловича Снегирева. Т. I: 1822—1852. М., 1904. С. 310). Выбор Гоголя пал именно на этого цензора Московского цензурного комитета — вероятно, потому, что пятью месяцами раньше (в отсутствие Гоголя) именно Снегирев цензуровал второе издание «Ревизора» (см.: Наст. изд. Т. 4. С. 614). Известно, что по приезду в Москву Гоголь (в доме Погодина, 6 ноября 1841 г.) подарил Снегиреву «свою комедию с надписанием» (Дневник Ивана Михайловича Снегирева. Т. I: 1822—1852. С. 309). В письме П.А. Плетневу от 7 января 1842 г. Гоголь объяснял, что обратился к Снегиреву, поскольку тот «несколько толковее других». Стремление заручиться предварительным мнением цензора Гоголь объяснял тем, что в случае возникновения у Снегирева каких-либо сомнений сохранялась возможность послать рукопись в Петербург (там же).

По всей вероятности, Гоголь был уверен в успехе дела, так как одновременно начал заниматься решением вопросов, связанных с печатаньем рукописи: «По секрету скажу тебе, — сообщал С.Т. Аксаков И.С. Аксакову 9 декабря 1841 г., — что Гоголь начинает печатание первого тома “Мертвых душ”. Сей час ожидаю его к себе, чтоб вместе с ним ехать в типографию для устройства этого дела, которое он, по необъяснимой странности, содержит в величайшей тайне» (*ЛН*, т. 58. С. 610). Однако слух о МД постепенно распространялся: «Гоголь сидит дома и печатает свои “Мертвые души”...» (А.М. Языков — Н.М. Языкову 22 декабря 1841 г. — там же, с. 610); «Первый том “Мертвых душ” кончен, кажется, но пожалуйста, скажи Ванечке, чтоб он не рапространял этих слухов, а то вдруг где-нибудь напечатают, а до времени это, точно, должно быть в тайне» (В.С. Аксакова — М.Г. Карташевской, 25 декабря 1841 г. — там же).

О дальнейшем ходе дела известно из упомянутого выше письма Гоголя Плетневу от 7 января 1842 г. — по сути, единственного документа, содержащего подробное изложение истории цензурования МД в Москве (со слов Снегирева). Первоначальная реакция цензора была обнадеживающей — через два дня после получения рукописи он «торже-

ственно» объявил Гоголю, что находит рукопись «совершенно благонамеренной» и нужно только переменить «два-три имени», на что Гоголь тут же согласился и внес соответствующие изменения. Какая именно правка была внесена, неизвестно. По заключению Тихонравова (никак не подтвержденному), это две замены в главе VII: «Волоколамска» на «Весьегонск» и «устьсысольской» тюрьмы на «весьегонскую» (Тих. Т. 3. С. 459). Существует, как уже отмечалось выше, и другая версия исправления этих наименований (см. с. 466 наст. изд.). Благоприятный ход дела был внезапно нарушен. Неожиданно, как сообщает Гоголь в упомянутом письме, Снегирева «сбил кто-то с толку» и он вместо предварительного выяснения перспектив прохождения рукописи представил ее в Московский цензурный комитет («...я узнаю, что он представляет мою рукопись в комитет»). Подобное «представление» должно было сопровождаться соответствующей записью в «Книге для записей рукописей и книг», и такая запись действительно существует. Она позволяет установить следующее: рукопись «Мертвых душ», объемом 399 страниц, «Часть 1», поступила в цензурный комитет 12 декабря 1841 г. от Погодина и в тот же день была передана цензору; на левом боковом поле, рядом с регистрационным номером (501) помечено: «С», вероятно, фамилия цензора И.М. Снегирева, которому было официально поручено рассмотрение рукописи (ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 14. Л. 121 об.—122; со ссылкой на указанный архивный источник сведения приведены в работе: Воропаев В.А. К истории публикации «Мертвых душ» // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1984. № 3. С. 12; а также: Воропаев В.А. Три этюда о Гоголе (Из архивных разысканий) // Гоголь: История и современность. М., 1985. С. 459). Графы «Время одобрения или неодобрения», «Время обратной выдачи», «Расписка получившего» не заполнены. Из приведенных сведений остается непонятным, при каких обстоятельствах рукопись была зарегистрирована. По существующим правилам ее должен был представить автор или его доверенное лицо. Судя по записи, таким доверенным лицом явился Погодин. Трудно допустить, что все это могло произойти без участия Гоголя. Возможно, некоторую запутанность ситуации следует объяснить спешкой — если Снегирев торопился успеть представить рукопись на заседание Московского цензурного комитета, состоявшееся именно 12 декабря. Председательствовал помощник попечителя Московского учебного округа Д.П. Голохвастов, присутствовали цензоры М.Т. Каченовский, Н.И. Крылов, В.П. Флеров, И.М. Снегирев. Запись о МД в журнале заседания гласит: «Представлены были: {...} 4. Мертвые души, сочин. И. Гоголя (так. — Ред.), часть 1-я {...} Определено: Поручить рассмотреть Г. Цензору Снегиреву» (ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Ед. хр. 161. Журналы заседаний Московского цензурного комитета. Л. 58, 61 об., 62; сведения о дате заседания, участниках и принятом решении введе-

ны в научный оборот Тихонравовым, без ссылки на соответствующий архивный источник — *Тих.* Т. 3. С. 458). Никаких упоминаний о МД в указанном журнале больше нет.

Между тем в письме Гоголя Плетневу от 7 января 1842 г. содержится подробный пересказ дискуссии, которая разгорелась на заседании цензурного комитета: «Комитет принимает ее таким образом, как будто уже был приготовлен заранее и был настроен разыграть комедию: ибо обвинения все без исключения были комедия в высшей степени». В том же письме Гоголя Плетневу были перечислены «главные пункты, основываясь на которых произошло запрещение рукописи»: занимавший место председателя Голохвастов счел, что самым названием «автор вооружается против бессмертья», так как «мертвой души не может быть»; взяв в толк, что речь идет о ревижских душах, Голохвастов и половина других цензоров заявили, что это выступление против крепостного права; Снегирев пытался уверить, что «о крепостном праве и намеков нет», «что главное дело основано на смешном недоумении продающих и на тонких хитростях покупателя и на всеобщей ералаше, которую произвела такая странная покупка, что это ряд характеров, внутренний быт России и некоторых обитателей, собрание картин самых невозмутительных. Но ничего не помогло»; «цензоры-азиатцы» заявили, что предприятие Чичикова «есть уже уголовное преступление», что его примеру другие последуют; «цензоры-европейцы» заявили, что цена, которую дает Чичиков за крепостных, «возмущает душу», что «после этого ни один иностранец к нам не придет»; были другие мелкие замечания, в частности, по поводу упоминания помещика, который «разорился, убирая себе дом в Москве в модном вкусе», было сказано цензором Каченовским, что «и государь строит в Москве дворец».

Остается неясным, на каком именно заседании состоялось это обсуждение: в день представления рукописи (12 декабря), когда Снегиреву было поручено рассмотреть ее, или позже. Известно, что на следующем заседании цензурного комитета, 19 декабря, о МД речи не было (соответствующий протокол сохранился — *ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Ед. хр. 161. Л. 64–67*). Далее заседания могли состояться 26 декабря 1841 г. и 2 января 1842 г. — о них ничего неизвестно: либо соответствующие журналы не сохранились, либо работа комитета на это время была приостановлена в связи с наступающими рождественскими праздниками. Вполне вероятно, что обсуждение рукописи (не нашедшее отражения в упомянутом журнале) состоялось все-таки 12 декабря. К этому мнению склонялся Н.С. Тихонравов (*Тих.* Т. 3. С. 461), хотя его слова пытались интерпретировать совсем наоборот (будто бы заседания цензурного комитета с обсуждением «Мертвых душ» вовсе не было) и на этом основании сделать вывод, что все рассказанное в письме Плетневу — «юмористическая новелла Гоголя» (*Смирнова-Чикина 1974. С. 20*). Подобные предположения

вряд ли можно считать обоснованными: во-первых, в сложившейся ситуации Гоголю было не до юмора, во-вторых, Гоголь только пересказывал то, что узнал от Снегирева (насколько последний был откровенен, неизвестно), в-третьих, незафиксированное в протоколе обсуждение поэмы могло состояться именно 12 декабря, т.е. до представления официального отзыва цензора (см. также: *Манн 1987. С. 98–100*). Остается непонятным, почему Гоголь медлил до начала января, т.е. более двух недель, ничего не предпринимая. Возможно, причиной была болезнь, настигшая его после неудачи с цензурой: «Никогда так не впору не подвернулась ко мне болезнь, как теперь» (в письме Плетневу от 7 января 1842 г.). Только матери Гоголь в самых общих чертах сообщил немного ранее (в письме от 29 декабря (1841 г.)) о постигших его неудачах: «...встретил множество неожиданных и непредвиденных препятствий». В письме Плетневу от 7 января 1842 г. Гоголь трижды пишет о запрещении рукописи. Между тем, в упомянутой выше регистрационной книге графы, касающиеся цензурного запрещения или одобрения, а также выдачи рукописи автору, не заполнены. Это говорит о том, что запретительного решения не было и автору предоставили возможность забрать рукопись.

После неудачной попытки провести рукопись через Московский цензурный комитет Гоголь принял решение отправить ее в Петербург, т.е. осуществить второй из заранее предусмотренных им вариантов. Доставка МД была доверена В.Г. Белинскому — несмотря на достаточно сложное отношение к критику и самого Гоголя, и особенно его московского окружения. По свидетельству П.В. Анненкова, Гоголь «с первого же знакомства» получил от Белинского «услугу, немаловажную по своим последствиям»: «Гоголь еще не знал, на что решиться, когда, пользуясь случайным пребыванием Белинского в Москве, он назначил ему в доме одного общего знакомого свидание, но, как следовало ожидать, под условием величайшего секрета. Пренебечь ропотом друзей, завязав откровенные сношения с критиком, он не мог даже по убеждениям своим. (...) при первом таинственном свидании Гоголя с Белинским Гоголь решился на пересылку своей рукописи в Петербург, и тогда же обсуждены были меры для сообщения ей правильного и безостановочного хода. Белинский, возвращавшийся в Петербург, принял на себя хлопоты по первоначальному устройству этого дела, и направление, которое он дал ему тогда, может быть, решило и успех его» (*Анненков 1989. С. 95–96*). Встреча Гоголя с Белинским и передача последнему рукописи МД состоялась в первых числах января 1842 г. в доме В.П. Боткина (подробнее см.: *Манн 2004. С. 613–614*). Контакты Гоголя с Белинским не остались в тайне и вызвали непонимание московских друзей Гоголя: «Слухи, что он был у Краевск(ого), посылал к Белинск(ому)» (*Заметка М.П. Погодина о Гоголе // ЛН, т. 58. С. 794*); «Тут случилось, — писал С.Т. Аксаков, — что-то такое, чего я и теперь объяснить не умею.

Гоголь хотел послать первый том “Мертвых душ” в Петербург к Жуковскому или к графу Вельгорскому для того, чтоб найти возможность представить его прямо к государю, ибо все мы думали, что обыкновенная цензура его не пропустит. Вдруг Гоголь переменил свое намерение и послал рукопись в Петербург прямо к цензору Никитенко и, кажется, послал с Белинским, по крайней мере не сказал нам с кем. У нас возникло подозрение, что Гоголь имел сношение с Белинским, который приезжал на короткое время в Москву, секретно от нас, потому что в это время мы все уже терпеть не могли Белинского...» (Аксаков 1960. С. 56). Спустя год Гоголь вспоминал о разговорах и пересудах, связанных с петербургской цензурной историей МД: «Сколько выдумок (...) произошло при мне в Москве насчет Мертв(ых) д(уш), когда они были в Петербурге!» (письмо Гоголя С.П. Шевыреву от 26 марта (7 апреля) 1843 г. из Рима).

Заметим, что в данном случае воспоминания С.Т. Аксакова не совсем точны. Заботы, связанные с продвижением рукописи через столичную цензуру, были возложены Гоголем на трех человек — В.Ф. Одоевского, П.А. Плетнева и А.О. Смирнову, которым Гоголь послал обстоятельные письма с просьбой о помощи. «Белинский сейчас едет, — писал Гоголь В.Ф. Одоевскому между 1 и 7 января 1842 г. — Времени нет мне пере- вести дух, я очень болен и в силу двигаюсь. Рукопись моя запрещена. Прodelка и причина запрещения всё смех и комедия. Но у меня вырывают мое последнее имущество. Вы должны употребить все силы, чтобы доставить рукопись государю. Ее вручат тебе при сем письме. Прочтите ее вместе с Плетневым и Александр(ой) Осиповной и обдумайте, как обделать лучше дело. Обо всем этом не сказывайте до времени никому. Какая тоска, какая досада, что я не могу быть лично в Петербурге! Но я слишком болен. Я не вынесу дороги. Употребите все силы! Ваш подвиг будет благороден. Клянусь, ничто не может быть благороднее! Ради святой правды, ради Иисуса употребите все силы! (...) Плетнев и Смирнова прочтут тебе свои письма. Ты всё узнаешь. Кроме их не вручай никому моей рукопи(си)» (вместо: «Ее вручат тебе при сем письме» — первоначально было: «Ее вручит тебе Белинский»).

В уже цитировавшемся выше письме Гоголя П.А. Плетневу от 7 января 1842 г. наиболее подробно изложена московская часть цензурной истории МД (см. выше). Здесь же Гоголь пишет о тяжести и внезапности постигшего его удара: «Расстроенный и телом и духом пишу к вам»; «Удар для меня никак неожиданный: запрещают всю рукопись». Подытоживая детальный рассказ о попытках провести рукопись через московскую цензуру, Гоголь пишет: «Вот вам вся история. Она почти невероятна, а для меня в добавку подозрительна. Подобной глупости нельзя предположить в человеке. Цензора не все же глупы до такой степени. Я думаю, что против меня что-нибудь есть. Но дело, между прочим, для меня слишком сурезно. Из-за их комедий или интриг мне похмелье».

У меня, вы сами знаете, все мои средства и всё мое существование заключены в моей поэме. Дело клонится к тому, чтобы вырвать у меня последний кусок хлеба, выработанный семью годами самоотверженья, отчужденья от мира и всех его выгод, другого я ничего не могу предпринять для моего существования». Гоголь просил, не предавая дела огласке, «действовать соединенными силами», прочитав находящуюся у Одоевского рукопись МД в узком кругу («человека три-четыре, не больше») и доставить ее к государю. При этом Гоголь надеялся, что А.О. Смирнова будет действовать через великих княжон или «другими путями». Письмо, отправленное Гоголем А.О. Смирновой, не сохранилось. Содержание его известно в ее изложении: «...под весну я получила от него письмо, очень длинное, все исполненное слез, почти стону, в котором жалуется с каким-то почти детским отчаянием на все насмешливые отметки московской цензуры. К письму была приложена просьба к государю, в случае, что не пропустят первый том “Мертвых <душ>”. Эта просьба была прекрасно написана, очень коротко, исполнена достоинства и чувства, вместе доверия к разуму государя, который один велел принять “Ревизора” вопреки мнению его окружавших» (*Смирнова-Россет 1989. С. 29, 36, 44, 642—643*; Смирнова вспоминала, что письмо передала графу Вьельгорскому, а «просьбу» либо отдала ему же, либо вернула Гоголю — там же, с. 29).

Известно, что для обсуждения ситуации с цензурованием МД Смирнова пригласила к себе домой Плетнева: «Еще во вторник писала ко мне Смирнова, — сообщал Плетнев Гроту 22 января (в четверг) 1842 г., — чтобы я приехал к ней обедать для совещания о беде Гоголя, которого роман (Мертвые души) не пропускает московская цензура» (*Грот, Плетнев. Переписка. Т. 1. С. 474*). 23 января 1842 г., после состоявшейся в этот день встречи А.О.Смирновой и Плетнева, последний вновь писал Я.К. Гроту: «Смирнова показала мне письма Гоголя: одно к ней, другое к старому цензору “Ревизора” (Николаю I. — Ред.). Последнее написано с большим чувством и с полным достоинством. Мы условились передать его Великой Княгине Марии Николаевне, для вручения по адресу. Не знаем, какой это возьмет оборот. Что-то скажет министр, если ему будет передано?» (там же). Спустя десять дней (3 февраля) Плетнев информировал Грота о состоянии дел: «Судьба Мертвых душ еще не вдруг решится. М. Вьельгорский хочет предварительно показать (Гоголя письмо) министру, что и благоразумнее. Между тем, чтобы дать тебе идею о цензурных толках в Москве, я <...> перешлю тебе подлинное ко мне письмо Гоголя» (там же, с. 482; «министр» — С.С. Уваров, министр народного просвещения, председатель Главного управления цензуры; спустя несколько дней Грот признавался Плетневу, что письмо Гоголя «грустно читать» — там же, с. 488). 13 февраля 1842 г. Плетнев сообщал Гроту о посредничестве Вьельгорского в продвижении рукописи: «Гоголя роман граф Вьельгорский передал цензуровать Никитенке,

который нашел, что за исключением одного эпизода и нескольких выражений можно его пропустить. Только ждут Дондукова, который уехал на несколько дней в Москву» (там же, с. 489; Дондуков-Корсаков М.А. — попечитель Санкт-Петербургского учебного округа, председатель Санкт-Петербургского цензурного комитета). Предпринимал ли Виельгорский еще какие-то шаги, неизвестно. О его решающей роли в цензурной истории МД вспоминает и А.О. Смирнова: «Я, однако, решилась прибегнуть к совету графа М.Ю. Виельгорского; он горячо взялся за это дело и устроил все с помощью князя Д.А. Дондукова» (*Смирнова-Россет 1989. С. 29*; в инициалах Дондукова — ошибка, правильно: М.А.) Дополнительные подробности цензурной истории МД известны из письма В.Г. Белинского М.С. Щепкину от 14 апреля 1842 г. Прежде всего Белинский констатирует, что к этому времени усилился «цензурный террор», а далее сообщает: «...Одоевский передал рукопись графу Вельгорскому, который хотел отвезти ее к Уварову; но тут готовился бал у великой княгини, и его сиятельству некогда было думать о таких пустяках, как рукопись Гоголя. Потом он вздумал, к счастью, дать ее (приватно) прочесть Никитенко. Тот, начавши ее читать как цензор, промахнул как читатель, и должен был прочесть снова. Прочтя, сказал, что кое-что надо Вельгорскому показать Уварову. К счастью, рукопись не попала к сему министру погашения и помрачения просвещения в России» (*Белинский. Т. XII. С. 103*).

Между тем слух о запрещении «Мертвых душ» московской цензурой постепенно распространялся в гоголевском кругу: «Здесь Гоголь, — писала А.П. Елагина В.А. Жуковскому 23 января (1842 г.), — опять болен и грустен. Хотел печатать роман свой, но цензура не пропустила «Мертвые души», потому что душа бессмертна. — Он собирается опять в Ганау, к Языкову и с ним в Гастейн, а оттуда — в Рим» (*ЛН, т. 58. С. 611*). (6 февраля 1842 г.) В.С. Аксакова сообщала И.С. Аксакову: «Но вот и о Гоголе: до сих пор ты, кажется, ничего не знаешь о его сочинении. Это был величайший секрет. Теперь же, как, вероятно, многие почти это знают и как это письмо идет с дяденькой, можно сказать. Он кончил первый том «Мертвых душ», подал в цензуру, там Крылов остановил и сказал, что не решится пропустить сам; ты можешь вообразить себе, как это его расстроило. Теперь он послал рукопись в Петербург... с кем — не знаем наверное, но чуть ли не с Белинским, с которым, вероятно, он видался у Боткина...» (*ЛН, т. 58. С. 612*; фамилия цензора указана ошибочно — это был не Н.И. Крылов, а И.М. Снегирев).

Для Гоголя между тем начались тягостные дни ожидания. Около 24 января 1842 г., не имея никаких известий из Петербурга, он вновь пишет В.Ф. Одоевскому, прося не медлить с ответом, — трижды повторяет: «не томите» (ответы В.Ф. Одоевского не разысканы). Здесь же он сообщает о позиции попечителя Московского учебного округа,

председателя Московского цензурного комитета С.Г. Строганова: «Гр. Строганов теперь велел сказать мне, что он рукопись пропустит, что за-прещение и пакость случились без его ведома, и мне досадно, что я не дождался этого неожиданного для меня оборота, мне не хочется также, чтобы цензору был выговор» (посылая это письмо с А.Т. Аксаковым, Гоголь уведомляет, что с ним можно переправить рукопись в Москву). К этому времени относится письмо С.Г. Строганова А.Х. Бенкендорфу (от 29 января 1842 г.) с просьбой об исходатайствовании материального вспоможения Гоголю (как «автору “Ревизора” и одному из наших самых известных современных писателей, нуждающемуся в особом содействии») в связи с его «стесненным положением»: «Г. Гоголь, — сообщал Строганов, — строит все свои надежды, чтобы выйти из тяжелого положения, в которое он попал, на напечатании своего сочинения “Мертвые души”. Получив уведомление от московской цензуры, что оно не может быть разрешено к печати, он решил послать ее в Петербург. Я не знаю, что ожидает там это сочинение, но это сделано по моему совету. В ожидании же исхода Гоголь умирает с голоду и впал в отчаяние» (*Лемке М. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. СПб., 1908. С. 135*). Строганов выражал надежду, что Бенкендорф «найдет возможным доложить о нем (Гоголе. — *Ред.*) Императору и получить от него знак его высокой щедрости» (там же). Уже 2 февраля в докладе Николаю I Бенкендорф сообщал о ходатайстве Строганова «за Гогеля (так. — *Ред.*), который известен многими своими сочинениями, в особенности комедией своей “Ревизор”», и спрашивал «Всемиловейшего ⟨...⟩ повеления о выдаче в единовременное пособие пятьсот рублей серебром» (там же, с. 136). Согласие на выдачу такого пособия было получено (там же).

Одновременно Гоголь подключает к хлопотам и Н.Я. Прокоповича, которому пишет между 24 и 27 января: «Наведайся к Плетневу и узнай от него, что и как рукопись моя, и чтобы они мне присылали ее как можно скорее, если дело сделано — и типография и бумага ожидают. Уведоми меня хоть строчкой. Никто ко мне не пишет. Или Белинский неверный человек и не передал им во-время писем и тетради. Я писал к нему и Одоевскому».

27 января 1842 г., получив письмо от А.О. Смирновой (не сохранилось), Гоголь вновь пишет В.Ф. Одоевскому: «Оно меня очень успокоило. Благодарю ее и всех вас много-много. В теперешнюю минуту такое участие для меня очень дорого. ⟨...⟩ Я уведомлен, что здесь хотят пропустить, но это, кажется, только слова, полагаться нельзя. Во всяком случае действуйте как следует...». Однако, узнав из письма Прокоповича, что рукопись хотят передать Уварову, Гоголь потерял надежду. 6 февраля он писал П.А. Плетневу: «Отсоветуйте это делать. Уваро(в) был всегда против меня, хотя я совершенно не знаю, чем возбудил его нерасположение. Оно, казалось, началось со времен Ревизора. Иначе

действовать при теперешних обстоятельствах тоже, кажется, нельзя, и потому прекратите это дело». Гоголь готов смириться со сложившейся ситуацией: «Я вижу, не судьба моему творенью теперь быть напечатану. Да к тому, прошло и время. Я умею покориться. Я попробую еще выносить нужду, бедность, терпеть. ⟨...⟩ Нет, отчаянье не взойдет в мою душу. Непостижим вышний произвол для человека, и то, что кажется нам гибелью, есть уже наше спасенье. Отложим до времени появление в свет труда моего. И теперь уже я начинаю видеть многие недостатки, и когда сравню сию первую часть с теми, которые имеются быть впереди, вижу, что и нужно многое облегчить, другое заставить выступить сильнее, третье углубить. ⟨...⟩ неведомая сила говорит мне, что дадутся мне средства окончить труд мой». Гоголь благодарит всех, говоря о «великодушном участии», «сильной признательности», «благородной прелести» душ, называя при этом имена А.О. Смирновой, Вьельгорского, Одоевского, Вяземского. Он просит вернуть рукопись, но прежде прочитать («впятером») и «карандашом на маленьком лоскутке бумажки» написать «замечания», отметить «все погрешности и несообразности»: «Грех будет тому, кто этого не сделает».

Еще до отправки этого письма Гоголь получил от Плетнева уведомление о том, что рукопись пропускается. «Дай бог, — писал он Плетневу 17 февраля, — чтоб это было так. Но я еще не получил ее, хотя три дни уже прошло после получения вашего письма. Я немножко боюсь, что она попала к Никитенке. Он, кроме своих цензорских должностных взглядов, понимает званье цензора в смысле древних цензоров римских, то есть наблюдателей за чистотою нравов, и потому многие мои выраженья пострадают сильно от него. Словом, я не смею еще предаваться надежде, пока вовсе не окончится дело. Дай бог, чтоб оно было хорошо. Я уже ко всему приготовился и чуть не послал было к вам письма, которое нарочно прилагаю вам при сем. Вы можете во всяком случае прочесть его всем, к кому оно имеет отношение. Нельзя ли на Никитенку подействовать со стороны каких-нибудь значительных людей, приободрить и прищипорить к большей смелости?» Здесь же Гоголь говорит об особом чувстве благодарности Вьельгорскому. Письма от 6 и 17 февраля были отосланы Плетневу одновременно. (17 февраля 1842 г.) Гоголь написал и М.П. Балабиной, сообщая о хороших новостях от Плетнева и одновременно о своей готовности принять любой исход дела: «...я уже был ко всему приготовлен, и к удаче и к неудаче, благодаря провиденью, ниспославшему мне чудную силу и твердость».

С этого момента Гоголь с нетерпением ждет получения рукописи из Петербурга, досадуя на медлительность и проволочки. (24 февраля 1842 г.) он жалуется М.П. Погодину, что из Петербурга нет никаких известий. При этом пишет о своем раскаянии в связи с тем, что не отправил, по совету Погодина, письма к Уварову. В тот же день Гоголь получает

от Прокоповича уведомление о разрешении рукописи (не сохранилось). Он тут же (24 февраля) отвечает ему, что с момента подобного уведомления от Плетнева прошло две недели. При этом Гоголь просит узнать у Плетнева о ходе дела, а самого Плетнева просит заехать к Уварову и князю Дондукову-Корсакову. При этом Гоголь решает и сам писать к С.С. Уварову и М.А. Дондукову-Корсакову (оба письма написаны между 24 февраля и 4 марта 1842 г.). Прося первого о покровительстве, Гоголь объясняет: «Всё мое имущество и состояние заключено в труде моем. Для него я пожертвовал всем, обрек себя на строгую бедность, на глубокое уединение, терпел, переносил, пересиливал сколько мог свои болезненные недуги в надежде, что, когда совершу его, отечество не лишит меня куска хлеба и просвещенные соотечественники преклонятся ко мне участием, оценят посильный дар, который стремится всякий русский принести своей отчизне». «Вот уже пять месяцев, — жалуется Гоголь, — меня томят странные мистификации цензуры, то манящей позволением, то грозящей запрещением...». Он добавляет, что находится «в последней крайности»: «...я прошу правосудия, я своего прошу: у меня отнимают мой единственный, мой последний кусок хлеба». В том же духе составлено письмо М.А. Дондукову-Корсакову: «...дело мое право, и вы никогда не захотите обидеть человека, который в чистом порыве души сидел несколько лет за своим трудом, для него пожертвовал всем, терпел и перенес много нужды и горя и который ни в каком случае не позволил бы себе написать ничего противного правительству...».

4 марта Гоголь сообщил Плетневу, что получил его письмо от 24 февраля, которое «льстит {...} скорою присылкой рукописи». К этому письму Гоголь прилагает написанные им письма Уварову и Дондукову-Корсакову, прося передать первое в случае «надобности», а второе — «во всяком случае». «А Никитенке, — добавлял Гоголь, — передайте мою искреннюю благодарность и особливо, если он так будет добр и умен, что оставит в покое мои бедные выражения, которые решительно никому зла не делают». Письмами Уварову и Дондукову-Корсакову Плетнев не воспользовался, так как 9 марта 1842 г. рукопись была одобрена цензором Никитенко. Весь март Гоголь провел в мучительном ожидании рукописи, то готовый смириться с любым исходом, то крайне обеспокоенный: «Но что бы то ни было, ничем я не могу смутиться и ничто не в силах поколебать меня, и так же далек я от отчаяния, как далек от радости» (Н.Я. Прокоповичу 13 марта (1842 г.)); «Боже, как истомили, как измучили меня все эти ожидания и тревоги!»; «Ничем другим не в силах я заняться теперь, кроме одного постоянного труда моего. Он важен и велик, и вы не судите о нем по той части, которая готовится теперь предстать на свет (если только будет конец ее непостижимому странствию по цензурам). Это больше ничего, как только крыльцо к тому дворцу, который во мне строится. Труд мой занял меня совершенно всего, и оторваться от него на минуту

есть уже мое несчастье» (П.А. Плетневу 17 марта (1842 г.)); жалуется Прокоповичу, что сидит «без всяких средств», просит ответа — «не мучь меня хотя ты» (Н.Я. Прокоповичу 25 марта (1842 г.)); сообщает, что вчера получил письмо от Прокоповича с уведомлением о высылке рукописи еще четвертого марта, просит написать, с кем она была послана и точно ли была принята на почту, добавляет, что сидит «без копейки» (П.А. Плетневу 27 марта (1842 г.)); «всякий другой мог бы давно сойти с ума» (Н.Я. Прокоповичу 30 марта (1842 г.)). Помимо прочего, Гоголя очень беспокоила финансовая сторона дела: он полагал, что выход книги зимой означал бы «четыре или пять месяцев продажи», за которые первое издание могло разойтись, обеспечив к маю нужные деньги на дорогу; теперь же нужная сумма наберется только к зиме (там же). Известно, что в ожидании рукописи Гоголь знакомил своих близких друзей с новым произведением: «Гоголь в последний раз читал (у Киреевских) главу из своего романа и смешил нас ужасно» (Е.М. Хомякова — Н.М. Языкову 22 марта 1842 г. — *ЛН*, т. 58. С. 616).

Находящийся в Петербурге Белинский не упускал из виду ситуацию с гоголевской поэмой — 14 марта 1842 г. спрашивал В.П. Боткина: «Что Гоголь? Печатает ли “Мертвые души”» (*Белинский*. Т. XII. С. 83); 31 марта снова писал Боткину: «“Мертвые души” отправлены в Москву (цензурным комитетом) 7 марта, за № 109, на имя Погодина с передачею Гоголю. Но Гоголь не получал; подозревает Плетнев, Прокопович и я, что Погодин получил, но таит до времени, с целью выманить у него еще статейку для журнала. Нельзя ли разведать в почтамте — получил ли Погодин, и поскорее уведомить меня?» (там же, с. 91); 14 апреля 1842 г. сообщал М.С. Щепкину, что рукопись не отправлена вовремя «по недосмотру Плетнева» (*Белинский*. Т. XII. С. 104). В этом же письме отмечалось, что «Никитенко не решился пропустить только кой-каких фраз да эпизода о капитане Копейкине» (там же, с. 103). 20 апреля 1842 г. Белинский писал непосредственно Гоголю: «Я очень виноват перед вами, не уведомляя Вас давно о ходе данного мне Вами поручения. Главною причиною этого было желание — написать Вам что-нибудь положительное и верное, хотя бы даже и неприятное. Во всякое другое время Ваша рукопись прошла бы без всяких препятствий, особенно тогда, как вы были в Питере. Если бы даже и предположить, что ее не пропустили бы, — то всё же можно наверное сказать, что только в китайской Москве могли поступить с Вами, как поступил г. Снегирев, и что в Петербурге этого не сделал бы даже Петрушка Корсаков, хоть он и моралист и пиетист» (*Белинский*. Т. XII. С. 107; «Петрушка Корсаков» — петербургский цензор П.А. Корсаков, в 1836 г. цензуровал первое издание «Ревизора»). «С нетерпением жду, — продолжает Белинский, — выхода Ваших “Мертвых душ”. Я не имею о них никакого понятия: мне не удалось слышать ни одного отрывка, чему я, впрочем, и

очень рад: знакомые отрывки ослабляют впечатление целого. (...) думаю по случаю выхода "Мертвых душ" написать несколько статей вообще о Ваших сочинениях» (там же, с. 108). Забегая вперед, отметим, что 18 апреля 1842 г. В.П. Боткин уведомил Белинского о том, что рукопись МД получена Гоголем и уже печатается (информация была получена от М.С. Щепкина — см.: Литературная мысль. Альманах. II. Пг., 1923. С. 181).

Некоторые подробности цензурирования МД Гоголь узнал из первых рук — от самого А.В. Никитенко. В письме от 1 апреля 1842 г. он выражал надежду на то, что Гоголь уже получил рукопись поэмы, «отправленную из здешнего ценсурного Комитета на имя М.П. Погодина по адресу, который доставил (...) П.А. Плетнев» (РС. 1889. Т. 63. Август. С. 384). Здесь же Никитенко рассказывал о цензурных исправлениях: «Сочинение это, как вы видите, прошло цензуру благополучно; путь ее узок и тесен и потому не удивительно, что на нем осталось несколько царапин и его нежная, роскошная кожа кой-где поистерлась. Впрочем, надеюсь, что вы отдадите также и справедливость умеренности нашей цензуры: она всячески щадила прекрасное творение, которое исказить придирчивостию слишком осторожную я считал святотатственным посягательством на нашу бедную литературу. Совершенно невозможным к пропуску оказался эпизод Копейкина — ничья власть не могла защитить его от гибели, и вы сами, конечно, согласитесь, что мне тут нечего было делать. Как жаль, что вас нет здесь! Места, которые исключила цензура, или принуждена была заменить своими, вы, вероятно, исправили бы сами так, что и сено было бы цело и козы сыты; я уверен, что мы легко согласились бы с вами, на основании великого правила взаимной уступчивости» (там же, с. 384—385). Никитенко не только сыграл огромную роль в цензурной судьбе МД, но и оказался первым проникновенным читателем гоголевской поэмы: «...не могу удержаться, чтобы не сказать вам несколько сердечных слов — а сердечные эти слова не иное что, как изъявление восторга к вашему превосходному творению. Какой глубокий взгляд в самые недра нашей жизни! Какая прелесть неподдельного, вам одним свойственного комизма! Что за юмор! Какая мастерская, рельефная, меткая обрисовка характеров! Где ударила Ваша кисть, там и жизнь, и мысль, и образ — и образ так и глядит на вас, впериw свои живые очи, так и говорит с вами, как будто сидя возле вас на стуле (...) он живой, живой, дышащий, нерукотворный, Божье и русское создание. Прелесть, прелесть и прелесть! и что это будет, когда все вы кончите; если это исполнится так, как я понимаю, как, кажется, вы хотите, то тут выйдет полная великая Эпопея России XIX века. Рад успехам истины и мысли человеческой, рад вашей славе (...) Да хранит Вас светлый гений всего прекрасного и высшего — не забывайте в Вашем ценсоре человека всею душою Вам преданного и умеющего понимать Вас» (там же, с. 385;

№ 109. 9 марта 1848.

МЗ

Подозрения Чичинова
или

Мертвые души.

Поэма

Н. Гоголя

1705 2. 10. 1848. № 109.

Платон по листу бумаги 2400.
Делать старушки. В задаток почитать.

Н. Гоголь

«Мертвые души». Цензурная рукопись
(четвертая авторизованная копия). Л. 1 (титульный).
Научная библиотека Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова

опубликовано также в издании: Н.В. Гоголь в письмах и воспоминаниях / Сост. В. Гиппиус. М., 1931. С. 225—226; печатается с уточнениями по автографу: ОР РГБ. Ф. 74. К. 8. Ед. хр. 46).

Цензурное разрешение «Мертвых душ» зафиксировано в реестре. Соответствующая регистрационная запись содержит номер рукописи («109»), авторское название («Мертвые души»), указание, от кого поступила рукопись («от Г. Гоголя»), дату передачи цензору («3 марта»), дату цензурного одобрения («9 марта»), имя цензора («Никитенко»), дату выдачи («март 17»), помету об отправлении: «отправлена к Г. Погодину в Москву» (РГИА. Ф. 777. Оп. 27. Д. 206. Л. 9 об.—10). Эти данные дополняют и существенно проясняют общую картину. Во всяком случае становится понятно, что предварительное решение вопроса состоялось задолго до представления рукописи в цензурный комитет: первое обнадеживающее уведомление от Плетнева Гоголь получил уже в середине февраля. Таким образом, в Петербурге усилиями друзей удалось добиться того, что оказалось невозможным в Москве: предварительного согласия цензора пропустить рукопись. Спустя несколько месяцев, 17 октября 1842 г., А.И. Тургенев в письме И.С. Аржевитинову напишет о цензурной судьбе МД: «Здесь (в Москве. — *Ред.*) не пропускали книги — в П(етер)б(урге) постыдились» (Гиллельсон М. Н.В. Гоголь в дневниках А.И. Тургенева // *РЛ*. 1963. № 2. С. 141). Становится ясным, что официальное цензурное разрешение состоялось очень быстро, а при возврате рукописи произошла задержка (на неделю), — видимо, своевременно не был сообщен адрес, по которому можно было отправлять рукопись. Даже спустя несколько месяцев (в письме С.П. Шевыреву от 16(28) февраля 1843 г. из Рима) Гоголь с болью отзывался о хлопотах, связанных с цензурованием поэмы: «И как я вспомню, чего мне стоило вытребовать и получить из Петербурга рукопись “М(ертвых) д(уш)” после того, как она уже целый месяц была пропущена комитетом... И притом Никитенко, при всем доброжелательстве, малороссиянин и ленив, его нужно было подталкивать беспрестанно личными посещениями». Правда, в том же письме Гоголь сознавался: «Из всех цензоров один только Никитенко был подвигнут ко мне участием искренним...». Слова признания содержатся и в письме Гоголя самому А.В. Никитенко от 18(30) октября 1842 г. из Рима: «Скажу вам откровенно: странное замедление выхода Мертвых душ при всех неприятностях принесло мне много прекрасного, между прочим оно доставило мне вас. Да, я дотоле считал вас только за умного человека, но я не знал, что вы заключаете в себе такую любящую, глубоко чувствующую душу. Это открытие было праздником души моей. Вот вам мое душевное излияние».

Обсуждение МД в Санкт-Петербургском цензурном комитете состоялось 3 марта 1842 г. в присутствии председателя М.А. Донду-

кова-Корсакова и семи цензоров (П.И. Гаевского, А.Л. Крылова, А.В. Никитенко, П.А. Корсакова, С.С. Куторги, А.И. Фрейганга, А.Н. Очкина), о чем свидетельствует соответствующий протокол в Журнале заседаний (опубликован не полностью: *Сухомлинов 1889*. С. 307—312; подлинник дела: *РГИА*. Ф. 777. Оп. 27. Д. 35. Л. 16—19; идентичные материалы о прохождении МД, в том числе «Повести о капитане Копейкине», через Санкт-Петербургский цензурный комитет сохранились в составе дела попечителя С.Петербургского учебного округа «о статьях, представляемых на разрешение Комитета Г. цензором Никитенко» — Отдел рукописей СПФ А РАН (Санкт-петербургский филиал Архива Академии наук). Ф. 101. Оп. 1. № 76. Л. 4—6, разыскано Е.Г. Падериной). Совпадение даты рассмотрения рукописи в цензурном комитете с датой ее передачи цензору говорит о быстроте продвижения дела — очевидно, что к 3 марта (т.е. ко дню заседания) Никитенко уже прочитал поэму. Протокол открывается текстом донесения о «рассмотренном им романе, соч. Гоголя, под названием: *Мертвые души*». Приводим его полностью: «Роман сей есть не иное что, как юмористическая и сатирическая картина некоторых темных сторон в быту чиновников какого-то Губернского города и наших провинциальных помещиков, — картина, представляющая эти стороны более в комическом, чем отвратительном виде. Основа романа состоит в том, что чиновник Чичиков скупает у помещиков вымершие ревизские души, под залог коих, как под залог действительного имения, намеревается взять значительную сумму денег в Опекунском Совете» (*РГИА*. Ф. 777. Оп. 27. Д. 35. Л. 17). Решение Санкт-Петербургского цензурного комитета было в целом благоприятным, хотя, как и в московском комитете, не осталось без внимания заглавие поэмы: «Комитет признал позволительным содержание романа, с тем, чтобы заглавие его было переименовано следующим образом: *Похождения Чичикова или Мертвые Души*» (там же).

Далее в журнале приводятся фрагменты текста (их 36), которые Комитет «разрешил к напечатанию» (опубликовано: *Сухомлинов 1889*. С. 307—312). Известно, что довольно много вычерков и исправлений Никитенко внес в текст самостоятельно (подробнее см. ниже), в журнале зафиксированы не они, а лишь те фрагменты, которые вызывали у цензора сомнение: чтобы оставить их в неприкосновенности, он хотел заручиться официальной поддержкой Комитета. Случаи, избранные Никитенко для общего рассмотрения, достаточно разнообразны, но все же поддаются некоторой (хотя и приблизительной) систематизации. Прежде всего это различные пассажи, в той или иной степени умаляющие достоинство властей, в том числе критические отзывы Собакевича (в главе V, в беседе с Чичиковым) обо всех официальных лицах города (там же, с. 311—312). Цензора настораживают даже самые невинные подробности — например, о пристрастии губернатора к вышиванию

(там же, с. 308). Вносятся в «сомнительный» список и двусмысленные рассуждения главного героя (в главе V, в диалоге с Собакевичем) по поводу того законоположения, на котором зиждется вся афера Чичикова (числить умершие ревизские души «до подачи новой ревизской сказки наравне с живыми» — там же). Тщательно фиксируются все негативные характеристики, имеющие обобщенный характер, касающиеся сословий, групп, представителей определенных ведомств и т.д. (помещики, военные, полицейские, просто начальствующие персоны, таможенники, ученые, священники). В этом же ряду находятся упоминания некоторых специфических черт общественной жизни: об «особенностях» представительных заседаний (в главе X — там же, с. 310), о «так называемых патриотах» (в главе XI — там же, с. 311). Не ускользнуло от внимания цензора и упоминание о возможности бунта чичиковских крестьян (в главе VIII — там же, с. 309). В ряде случаев зафиксированы эпизоды, изобличающие лицемерие, лживость (например, упоминание о газетной публикации, в которой деревца «не выше тростника» превращены в «тенистые, широковетвистые деревья» — в главе I — там же, с. 307). К особой группе относятся высказывания, в которых можно усмотреть покушение на благопристойность (среди них описание спины Плюшкина «с большой прорехой пониже» — там же, с. 309). Наряду с локальными примерами в список включены обширные фрагменты (в коротком пересказе): об убитых устьсысольских купцах (в битве с сольвыгодскими) и об оправдании виновных за взятку (там же, с. 310); об убийстве крестьянами заседателя земского суда и их оправдании (там же); о сближении Чичикова с контрабандистами и получении от них огромной взятки (там же, с. 311). Длинный список «сомнительных» мест был пропущен цензурным комитетом почти полностью. Исключение составили только два пункта. В первом из них, где идет речь о законе, касающемся ревизских душ (глава V), к словам «числятся, однако ж, до подачи новой ревизской сказки наравне с живыми» прибавлено смягчающее дополнение («хотя взамен того и вновь родившиеся не вносятся в подушные списки» — там же, с. 308). Во втором (относящемся к главе VII) имеет место корректирующая правка: во фразе «Мужик зашивал государственную в холстинные штаны» слово «государственную» заменено словом «ассигнацию» (там же, с. 309, цитата — по этому источнику).

Есть в списке один непонятный пункт. Он касается фрагмента, включающего слова: «Скоро представилось Чичикову поле для взяток гораздо пространнее...» (*Сухомлинов 1889. С. 310*). Между тем слов «для взяток» нет ни в цензурной рукописи, ни в предшествующих.

Последняя фраза в журнале касается «Повести о капитане Копейкине»: «За сим Комитет признал весь рассказ о Капитане Копейкине подлежащим к исключению» (*РГИА. Ф. 777. Оп. 27. Д. 35. Л. 19*). Никакой мотивировки при этом не приведено.

Цензурная правка МД не ограничивается теми исправлениями, которые были внесены в текст непосредственно на заседании Санкт-Петербургского цензурного комитета и нашли отражение в упомянутом выше журнале. Большая часть исправлений (исходящих непосредственно от А.В. Никитенко и сделанных им, как и предыдущие, собственноручно) в этом документе не фигурирует. Рука цензора прежде всего коснулась пассажей, в той или иной форме фиксирующих неблагополучие, беспорядок в государственном устройстве или общественной жизни: возможные последствия пребывания на высокой должности человека типа Собакевича (вычеркнуты слова: «Да еще, пожалуй, скажет потом: “Дай-ка себя покажу!” Да такое выдумает мудрое постановление, что многим придется солоно...» — глава V); повышение в чине человека лишь за то, что протер локти на службе («за что и получил в свое время коллежского регистратора» — заменено на: «получивший за службу в свое время коллежского регистратора» — глава VII); несопоставимость доходов мошенника и честного человека (возможность для мошенника в один год «получить то, чего не выиграл бы в двадцать лет самой ревностной службы» — «самой ревностной службы» вычеркнуто — глава XI); взяточничество разных видов (в отступлении о прозвищах, в главе V, зачеркнуто: «хоть заставь пишущих людишек выводить его за наемную плату от древнекняжеского рода», в главе XI слова «новый порядок вещей, преследование взяток» — заменено на «новые обычаи»); склонность к пьянству (в главе II вычеркнута характеристика гарнизонных солдат — «этого, впрочем, мирного войска, но отчасти нетрезвого по воскресным дням», в главе XI цензором вычеркнуты слова, относящиеся к чиновнику, вовлеченному Чичиковым в мошенничество на таможне: «по русскому обычаю, с горя запил» — вместо неразборчивой пометы цензора автором вписано: «не устоял против судьбы и где-то погиб в глуши»). В некоторых случаях имеет место смягчение авторского варианта — в частности, путем отнесения происшествия к более далекому времени (в главе XI, в пассаже о деятельности Чичикова на таможне, слова «слышал так часто повторяемую историю об остроумном путешествии» заменено на: «слышал так часто повторяемую давнишнюю историю об остроумном путешествии»). В главе III из монолога Селифана вычеркнуто специфическое обращение к чубарому коню: «Бонапарт ты проклятый!...». Еще об одном характерном примере цензурной правки (восходящей к ошибке переписчика) см. ниже, в разделе, посвященном основному тексту МД (см. с. 534 наст. изд.).

Цензором тщательно устранены упоминания высокопоставленных особ: государя (в финальной части главы II), генерал-губернатора (вместе со всем рассуждением Ноздрева о взаимоотношении генерал-губернатора с дворянством — в главе X).

В одном случае имеет место цензурная правка, отмененная самим же цензором, — слова «Статский советник, хотя и сам пропал» зачеркнуты и восстановлены (глава XI).

Значительная часть вычерков и исправлений касается упоминания Бога, божественного, церкви, священнослужителей. Это прежде всего метафорические и сравнительные обороты: «он Бог» (в лирическом отступлении о двух типах писателей в начале главы VII); «как пономарь» (применительно к собачьему лаю — в главе III); «один из священнодействующих, тут же находившихся» (об одном из чиновников, в главе VII, заменено цензором на: «один из тут же находившихся»); «чудотворец» (о полицмейстере, в главе VII, дважды — заменено цензором на: «чудный человек»); «пророк» (о человеке, сидящем в остроге, — в главе X, трижды, в одном случае последовательно заменено цензором на: «плут(?)», «пройдоха», «предсказатель», в двух других вычеркнуто, автором во всех трех случаях заменено на: «предвещатель»); «как на Бога» (применительно к пиковому королю — в главе VIII, заменено цензором на: «как на каменную стену»); «одаренный божескими доблестями» (о славном «муже» — в главе XI, заменено цензором на: «одаренный божественными доблестями»). Не оставлена без внимания фраза (в главе VII), в которой слово «прибыток» употребляется рядом со словами «церковный купол», «крест» («Взмостился ли ты для большого прибытку под церковный купол, а может быть, и на крест потащился» заменено цензором на: «Взмостился ли ты для большого прибытку на колокольню»). Цензор не считал возможным пропустить рассуждение Плюшкина об обязанностях духовных лиц: «Я не знаю, как священники-то не обращают на это внимание; сказал бы какое-нибудь поучение, ведь что ни говори, а против слова-то Божия не устоишь» (глава VI). Здесь мы сталкиваемся с одним из примеров так называемой послецензурной авторской правки — вместо вычеркнутой фразы Гоголем собственноручно вписано: «Я не знаю, как никто другой не обратит на это вниманье. Ну сказал бы ему как-нибудь душеспасительное слово. Ведь словом хоть кого проймешь. Кто что ни говори, а против душеспасительного слова не устоишь». Это не единственный случай коррекции автором цензурных исправлений. В основном она носит стилистический характер, и только в нескольких случаях Гоголь довольно решительно правит цензурный вариант. Помимо приведенного примера, это один из фрагментов главы XI, касающийся типа героя, избранного автором (в противовес добродетельному человеку). Цензора не устроила авторская характеристика: «Нет, пора наконец припрячь и подлеца. Итак, припряжем подлеца». Она была изменена следующим образом: «Нет, пора наконец припрячь и *1 нрзб.* — *выскоблено*). Итак, припряжем его». Этот вариант не понравился автору, и он возвратился к первоначальному, заменив слово «подлец» (в котором, по-видимому, и заключалось все дело) словом «плутоватый»:

«Нет, пора наконец припрячь и плутоватого. Итак, припряжем его, плутоватого человека!»). Поскольку нет никаких свидетельств о согласованиях подобного рода исправлений с цензором А.В. Никитенко, остается допустить, что Гоголь действовал самостоятельно — на свой страх и риск. Всего в текст МД, исключая «Повесть о капитане Копейкине» (о которой см. ниже), было внесено тридцать два цензурных исправления, из них более всего — в главу VII (семь, из них два одинаковых) и главу XI (десять, из них три одинаковых). Описание цензурной правки МД см. также: *Бодянский 1866*. С. 241—246.

Как уже отмечалось, при цензурном одобрении рукописи МД в целом не была пропущена входящая в главу X «Повесть о капитане Копейкине». Ее текстологическая история складывалась следующим образом.

Возникновение замысла «Повести о капитане Копейкине», судя по всему, относится к одному из ранних периодов работы над МД. Об этом свидетельствует сохранившийся черновой набросок к главе IX и началу главы X (*ЧНБ*, *⟨8⟩*), предположительно датируется осенью 1839 — серединой 1840 г. — подробнее см.: с. 389 наст. изд.), который заканчивается описанием совещания чиновников в доме полицмейстера, точнее, сообщением о внезапной «догадке» почтмейстера (Чичиков «не кто другой, как Капитан Копейкин» — эти слова сохраняются в неизменном виде во всех редакциях — вплоть до окончательной) и, наконец, обрывается как раз на том месте, где почтмейстер по просьбе присутствующих приступает к изложению истории капитана Копейкина. В первой черновой редакции (*ЧА1*), как отмечалось, текст главы X отсутствует, поэтому впервые, в полном объеме, «Повесть о капитане Копейкине» появляется в *АК1*. Эта рукопись запечатлела первоначальную, но вполне сложившуюся редакцию «Повести...», где четко прописаны основные вехи истории Копейкина: ранение в кампанию 1812 г., обращение за помощью к отцу, приезд в Петербург в надежде (в отсутствие официальных распоряжений по поводу инвалидов) получить «Монаршую милость», описание красот столицы и, в частности, дома министра на Дворцовой набережной, визиты к министру, высылка из Петербурга с фельдъегерем, появление шайки разбойников во главе с атаманом Копейкиным, его отъезд в Соединенные Штаты Америки, наконец, его письменное обращение к Государю и как следствие — учреждение комитета для решения участи раненых в войне 1812 г.

Текст нижнего слоя «Повести...» в *АК1* подвергся разносторонней правке. Основная часть исправлений носит стилистический характер, в большей или меньшей мере приближая тот или иной фрагмент к окончательной редакции: «...что вот мол проливал кровь, не щадил жизни...» (нижний слой) — «...что вот мол так и так, в некотором роде, так сказать, жизнью жертвовал...» (верхний слой; выражение «проливал кровь», здесь

отвергнутое, снова появится в следующем источнике, АК2, и сохранится уже до конца); «...всего капитала каких-нибудь четыре синюхи, понимаете» (нижний слой) — «...весь Ассигнационный банк, понимаете, состоит из каких-нибудь четырех синюх» (верхний слой; в окончательном тексте почти также, только вместо «четырёх синюх» — «десяти синюх»); «Войска-то, знаете, и там все прочее — это было еще в Париже» (нижний слой) — «Войска, можете себе представить, еще не возвращались из-за границы» (верхний слой; характерно, что в результате последующих исправлений возник окончательный вариант, совмещающий оба предыдущих: «Войска, можете себе представить, еще не возвращались из Парижа, все было за границей» — АК3); «...все эдакое это разсупе деликасет, как говорится...» (нижний слой) — «...ну разсупе деликасет такой, что вот просто себя, то есть, съел от Аппетита» (верхний слой). В ходе правки «Повести...» (в соответствии с общей тенденцией работы над текстом МД) появляются новые распространенные сравнения: «...арбуз там эдакой...» (нижний слой) — «...арбуз громадище, просто карета какая-нибудь эдакая, лежит и, так сказать, ищет, нет ли где дурака, который бы заплатил сто рублей» (верхний слой).

В верхнем слое появляется вставка с описанием дополнительного визита (второго по счету) Копейкина к министру, в ходе которого инвалиду разъясняют, что по поводу распоряжений насчет раненых «нужно ожидать приезда Государя». По всей вероятности, автору показалось целесообразным пополнить историю взаимоотношений Копейкина с министром еще одной встречей, предшествующей распоряжению больше не принимать просителя.

Вносятся существенные уточнения в характеристики противостоящих друг другу сторон: Копейкина и Государя. Причем в обоих случаях — в сторону смягчения позиций. В описании деяний «армии» Копейкина подчеркивается, что объектом нападений было только казенное добро (в нижнем слое: «...устремлено больше на казенное» — в верхнем слое: «...собственно, так сказать, устремлено на одно только казенное»), а пострадавшие при этом крестьяне во избежание притеснений снабжались соответствующими документами (в нижнем слое: «...крестьянину пишет расписку, чтоб их оправдать...» — в верхнем слое: «...крестьянину пишет расписку, чтоб некоторым образом их оправдать, чтобы крестьянину чего-нибудь не досталось, понимаете...»). Реакция Государя на письменное обращение Копейкина дополняется характерным, примиряющим, уточнением: «Действительно, его Монаршему сердцу было прискорбно» (нижний слой) — «Действительно, его Монаршему сердцу было прискорбно, что человек, так сказать, точно был доведен до последней крайности» (верхний слой).

В верхнем слое появляется фраза, являющаяся своего рода связующим звеном между двумя частями «Повести...» (описанием столичных

мытарств Копейкина и рассказом о его последующих приключениях): «Так, понимаете, и слухи об Капитане Копейкине канули в реку забвения, в какую-нибудь эдакую Лету, как называют поэты. Но только позвольте, Господа, вот тут-то, можно сказать, и начинается, так сказать, нить романа».

Текст «Повести о капитане Копейкине», содержащийся в *АК1*, был впервые напечатан в «Русском архиве» (с сопроводительной заметкой А.Ф. Бычкова), по верхнему слою, с отражением предшествующей правки в подстрочных сносках (Повесть о капитане Копейкине. (Первоначальная редакция.) // *РА*. 1865. Вып. 7. Стб. 775–788; опубликован текст: «После кампании 12-го года, сударь ты мой ~ не удастся ли какое-нибудь, в некотором роде, новое предприятие...»). Заметка Бычкова (старшего библиотекаря Императорской Публичной библиотеки), представившего рукопись для публикации (с разрешения родственников Гоголя), не совсем ясна. В ней сообщается, что публикуемая «первоначальная редакция» «Повести о капитане Копейкине» поступила в упомянутую библиотеку (ныне *РНБ*) из Рима, в дар от С.А. Иванова, среди отрывков из первой части «Мертвых душ» (там же, стб. 775). Между тем текст «Повести...» напечатан в «Русском архиве» именно по рукописи *АК1*. Более того, никаких отрывков, относящихся к «Повести...», в Отделе рукописей библиотеки нет. По нижнему, писарскому слою *АК1* (т.е. в первоначальном виде) «Повесть...» была напечатана В.И. Шенроком — в составе полностью опубликованной им рукописи *АК1*, с приведением последующей правки в примечаниях (*Тих.* Т. 7. С. 121–126, 604–605).

В редакции, выработавшейся в *АК1* в результате авторской правки, «Повесть...» вошла в следующую по хронологии рукопись МД, т.е. в *АК2* (в ее нижний слой, написанный под диктовку Гоголя П.В. Анненковым). Этот этап работы над МД нашел отражение в воспоминаниях Анненкова — первого слушателя повести и одновременно первого человека, подвергшего сомнению возможность ее прохождения через цензуру: «Когда, по окончании повести (т.е. по окончании диктовки. — *Ред.*), я отдался неудержимому порыву веселости, Гоголь смеялся вместе со мною и несколько раз спрашивал: “Какова повесть о капитане Копейкине?” — “Но увидит ли она печать когда-нибудь?” — заметил я. — “Печать — пустяки, — отвечал Гоголь с самоуверенностью, — все будет в печати”» (*Анненков 1989*. С. 65–66). Здесь же Анненков отметил, что написанная им под диктовку Гоголя редакция «Повести...» «в силе и развитии» далеко превосходила напечатанную (там же, с. 65). Н.С. Тихонравову удалось установить (при помощи расчетов, основанных на сопоставлении общего числа переписанных Анненковым листов и времени, затраченного на эту переписку), что диктовка «Повести...» пришлось на июль 1841 г. (*Тих.* Т. 3. С. 523). Тихонравову принадлежит и пер-

вая публикация «Повести...» в редакции *AK2* — по нижнему слою, с приведением последующей правки в примечаниях (*Тих.* Т. 3. С. 264—270, 522—530; впоследствии опубликована в составе *AK2* — *Тих.* Т. 7. С. 330—335).

Сопоставление двух рукописей (верхнего слоя *AK1* и нижнего слоя *AK2*) показывает, что в процессе диктовки в текст «Повести...» была внесена довольно существенная правка, в основном стилистического характера: речь рассказчика, т.е. почтмейстера, пополняется еще больше его излюбленными словечками и выражениями («в некотором роде», «сударь мой», «можете представить себе», «понимаете»), «четыре синюхи» (капитал Копейкина) становятся «четырьмя синенькими» (но в процессе правки *AK2* создается новый вариант, связанный с первоначальным: «десять синюх»); «чиновник для докладов» превращается в «дежурного чиновника» и т.д. Имеют место и более существенные расхождения, касающиеся характеристик и оценок действующих лиц «Повести...». С одной стороны, добавляются жесткие штрихи в психологический портрет министра, официального представителя власти — его ответ Копейкину (во время третьего визита) из довольно мягкого (и почти дублирующего ответ во время их первой встречи) трансформируется в лаконичный и сухой (подчеркивающий растущее от визита к визиту раздражение сановника): «Ну, говорит, для Вас теперь ничего нельзя сделать. Нужно ожидать приезда Государя; тогда, говорит, без сомнения, составится какой-нибудь комитет на счет раненых» (верхний слой *AK1*) — «...“а!” говорит, увидевши Копейкина, “ведь я уже объявил вам, что вы должны ожидать решения”» (нижний слой *AK2*). С другой стороны, поступки самого Копейкина обретают несколько иную трактовку (решился «итти еще раз к Министру» — в *AK1*, решился «во что бы ни стало пролезть к Министру» — в *AK2*), а его действия как атамана шайки получают (в интерпретации почтмейстера) негативную, по существу юридическую оценку, в то время как деяния монарха и государства преподносятся как в высшей степени милостивые: «Действительно, его Монаршему сердцу было прискорбно, что человек, так сказать, точно был доведен до последней крайности. Он дал немедленно же повеление, чтобы больше не преследовать виновных...» (верхний слой *AK1*) — «...действительно, его Монаршему сердцу было прискорбно, хотя он, точно, был преступник и достоин, в некотором роде, смертельного наказания, но видя, так сказать, как может невинный иногда произойти — подобное упущение, да и невозможно, впрочем, чтобы в тогдашнее смутное время все было можно вдруг устроить, один Бог, можно сказать, только разве без проступков. Словом, сударь мой, Государь изволил на этот раз оказать беспримерное великодушие, повелел остановить преследование виновных...» (нижний слой *AK2* — имеющий здесь место дефект текста, по-видимому, отражает факт существенного изменения данного

фрагмента прямо по ходу диктовки). Подчеркнуто в *АК2* и выгодное отличие России от других государств в деле создания инвалидного капитала и опеки над ранеными: «...подобного попечения, действительно, ни в Англии, ни в разных других просвещенных Государствах не имеется».

Авторская правка текста в *АК2* носит существенный, но неравномерный характер. Значительная часть «Повести...» (до описания выхода министра во время первого визита к нему Копейкина) была исправлена незначительно. Следующая затем сцена первой встречи Копейкина с министром и связанные с этим события — все это подверглось кардинальной переработке: Гоголь детализировал и снабдил рядом иронических замечаний описание чиновных просителей («не то, что наш брат холоп»), самого процесса ожидания высокопоставленной персоны и ее внешности («тишина настала страшная», выражение лица «сообразно с званием (...) с высоким постом», «Все (...) в струнку, ожидает, дрожит, ждет решения в некотором роде судьбы») и дополнил «Повесть...» рассказом о том, как обнадуженный Копейкин «кутнул» (Палкинский трактир, «Лондон», театр, попытка преследования англичанки). Весь этот новый текст (взамен зачеркнутого прежнего) написан авторской рукой на отдельном листе (л. 162—162 об.), дополнительно вложенном в рукопись. Эту кардинальную переработку «Повести...» Н.С. Тихонравов не без оснований относил уже ко времени пребывания Гоголя в Москве (до сдачи рукописи в цензуру, т.е. к середине октября — ноябрю 1841 г.), аргументируя свою датировку тем, что вставка (на указанном листе) написана на «желтой писчей бумаге русской фабрики» (Тих. Т. 3. С. 524). Описание второго визита к министру не претерпело столь серьезных изменений. Наиболее существенно появившееся здесь сравнение Копейкина с пуделем, облитым водой.

Кардинальным образом были исправлены (судя по всему, тоже в Москве) сцена третьей, последней, встречи Копейкина с министром и все следующие за ней эпизоды. Переработка этой части «Повести...» затянулась и, судя по всему, не была завершена к моменту копирования главы в следующей по хронологии рукописи МД — *АК3*. В этой последней рукой переписчика был первоначально скопирован из *АК2* готовый к тому моменту текст: «После кампании двенадцатого года (...) какие средства могу сыскать, не имея ни руки, ни ноги» (в *АК3* — л. 159 об.—163). Затем копирование, судя по всему, приостановилось (возможно, в *АК3* было оставлено свободное место) — во всяком случае следующий далее текст «Повести...» («Но, — говорит сановник (...) в самом деле вовсе не Чичиков. Конечно...» — нижняя часть л. 163, 163 об.—165) написан в *АК3* не той рукой, которой написан весь остальной текст главы X. В нижней части л. 165 (начиная со слов: «...поверить этому — чиновники не поверили...») возобновляется текст, написанный уже «знакомой» писарской рукой. Работа над этой

не готовой к копированию частью «Повести...» далее разворачивалась следующим образом. Первоначально Гоголь начал вносить карандашную правку в соответствующий текст *АК2* — в заключительную часть беседы министра с Копейкиным («Он-то хотел ⟨...⟩ препроводить его, говорит, с фельдъегерем...» — л. 164—164 об.), затем перечеркнул этот фрагмент; далее отчеркнул волнистой чертой на полях (а впоследствии перечеркнул) следующий (описание фельдъегеря, путешествие с ним Копейкина, размышления последнего, сообщение об исчезновении Копейкина и появлении в рязанских лесах шайки разбойников: «...на место жительства ⟨...⟩ Атаман то этой шайки был, сударь мой, не кто другой...» — л. 164 об.—165); затем перечеркнул весь следующий далее текст «Повести...» (л. 165—166 об. — см. свод вариантов к основному тексту). «Судьба» этих трех фрагментов была неодинаковой. Вместо первого из них (последнее объяснение Копейкина с министром) был написан черновой автограф, с новой редакцией этой сцены: «Но, — говорит Министр, — согласитесь ⟨...⟩ Позвать фельдъегеря, препроводить его» (*ЧА5* — печатается в своде вариантов к основному тексту, датируется второй половиной октября — первой декадой ноября 1841 г.; в этом черновом автографе, как и в других рукописных источниках этого времени, использованы слова из записной книжки Гоголя 1842—1844 гг.: «полетишь вверх тарашки» (так в *ЧА5*; в *АК3* и *АК4* — «полетел вверх тарашки»); в самой записной книжке зафиксированы два написания: «Вверх тарашки полетел» и (ниже) «вверх тарашкы» — *ОР РНБ*. Ф. 199. Гоголь Н.В. № 6. Л. 38 об.). Позиция министра, во всяком случае, манера обращения с Копейкиным, здесь явно смягчена (вместо прежней реакции — «грубиян» — в *ЧА5*: «согласитесь», «Вооружитесь терпением», «...я могу вам дать честное слово», «Монаршая милость вас не оставит», «Извините», обошелся «довольно милостиво»), поведение же последнего расценивается рассказчиком хотя и с пониманием («голод-то, знаете, пришпорил его»), но все же не без осуждения («говорит, в некотором отношении, грубо»). Текст наброска почти без изменений был вписан в *АК3* неустановленной рукой (уже другого переписчика, которым переписана и глава XI), затем (также почти без изменений) той же рукой вписан текст, отмеченный в *АК2* на полях волнистой чертой («второй» фрагмент), «третий» фрагмент, перечеркнутый в *АК2*, в *АК3* не вошел вовсе, Гоголь полностью отсек его — т.е. всю финальную часть первоначальной редакции, связанную со своего рода самоутверждением Копейкина (деятельность шайки Копейкина, его отъезд в США, письменное обращение к государю, решение участи инвалидов войны 1812 г.). Очевидно, что все описанные исправления были внесены в *АК2* уже в Москве, в ходе создания *АК3*, — возможно, в ожидании цензурных строгостей, может быть, и под влиянием тех, кто слушал авторское чтение главы X в Москве (выше уже отмечалось, что некоторые

сомнения в возможности цензурного разрешения «Повести...» высказал уже ее первый слушатель — П.В. Анненков). Судя по всему, к этому же времени относится запись рукой Гоголя, прямо отражающая авторское отношение к событиям «Повести...», но так и не вошедшая в ее текст: «Министр отказом своим доводит Копейкина до отчаяния и делает его разбойником» (запись находится на отдельном листе, который имеет пагинацию «II» и следует за последним листом рукописи АКЗ, т.е. за л. 204 об.; на лицевой стороне л. II — заверительная запись библиотекаря И.А. Бычкова, на обороте — приведенная гоголевская фраза; опубликована, будучи не полностью разобранный: *Тих. Т. 7. С. 843*).

Таким образом, уже в АКЗ текст «Повести...», как и в окончательной редакции, заканчивается словами: «...атаман-то этой шайки был, сударь мой, не кто другой...». Затем в АКЗ возобновляется текст, непосредственно скопированный с АК2, при этом два абзаца («Только позволь, Иван Андреевич (...) нельзя было») написан той же рукой, что и переработанная часть «Повести...», а следующий абзац («Но все очень усумнились (...) вовсе не Чичиков.») и первое слово следующего («Конечно...») — рукой самого Гоголя. Продолжение фразы («...поверить этому — чиновники не поверили») и последующий текст написаны уже «знакомой» рукой переписчика главы X.

В АКЗ текст «Повести...» подвергся минимальной авторской редакции. Единственная существенная поправка (в духе последних исправлений, внесенных в АК2) касается уточнения статуса влиятельного начальника, к которому обращается Копейкин: из министра (именно так он именуется в АК1, АК2 и нижнем слое АКЗ) Гоголь превращает его в генерал-аншефа, генерала, вельможу, начальника «высшей комиссии», сановника, тем самым устраняя саму возможность соотнесения персонажа с реальным лицом (т.е. министром соответствующего ведомства). Такого же рода правка имела место и в одной из редакций «Ревизора» (см.: *Наст. изд. Т. 4. С. 572*).

Сложившийся в АКЗ окончательный текст «Повести...» вошел в следующий рукописный источник — АК4 (рукопись, представленную в цензурный комитет). Здесь число исправлений минимально. Наиболее показательное (говорящее об авторском предвидении цензурных притеснений) вновь связано с выбором статуса влиятельного лица: в двух случаях остается «генерал», в остальных Гоголь тщательно выскабливает это слово и либо возвращается к ранее отвергнутому («министр»), либо использует нейтральное: «вельможа». Сопоставительный анализ редакций «Повести о капитане Копейкине» см. также: *Докусов А.М. Об одном эпизоде поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» («Повесть о капитане Копейкине»)* // *Очерки по истории русской литературы. Л., 1966. С. 146—154*; *Никишаев Е.Ф. О соотношении двух первых редакций гоголевской «Повести о капитане Копейкине»* // *Научные труды*

Куйбышевского гос. пед. ин-та. Т. 188: Вопросы сатиры в творчестве русских и зарубежных писателей. Куйбышев, 1977. С. 3—17.

Даже в этой, смягченной, редакции, «Повесть о капитане Копейкине» цензурой пропущена не была. Авторский текст «Повести...» в АК4 (на пяти листах — л. 156 об.—160 об. архивной пагинации) цензор отверг (перечеркнул). В ответ на это Гоголь за несколько дней, между 5 и 10 апреля (интервал между получением рукописи МД из Петербурга и отправкой переделанной «Повести...» на имя Плетнева — подробнее см. ниже), создал новую, так называемую цензурную редакцию «Повести...». Переработка текста, главным образом, свелась к смягчению облика власти — в лице высокопоставленного начальника (предстоящего в цензурной редакции более доступным, внимательным, деятельным) и государства в целом (только в цензурной редакции появляется фраза о том, что в России человек, оказавший услуги отечеству, никогда не остается «без призрения») и к снижению образа главного героя, который из бедствующего, доведенного до крайности просителя превращается в дебошира, кутилу, назойливого человека — «наяна» (слово из записной книжки Гоголя 1842—1844 гг.), с неумеренными претензиями к власти предрежащим. Помимо этого, в цензурной редакции отсутствуют какие бы то ни было упоминания о государе и высокопоставленных лицах — вместо слов «министр», «вельможа», «генерал», «генерал-аншеф», «государственный человек» почти везде фигурирует абстрактное: «начальник». Даже указание места жительства влиятельного лица лишается всякой определенности (вместо «Дворцовой набережной» в первоначальной редакции — просто «набережная» в цензурной). Характеристику цензурной редакции (в сопоставлении с предыдущей) см. также: Сухомлинов 1889. С. 312—317; Шенрок. Т. 3. С. 373—379.

Черновик цензурной редакции был написан карандашом, поверх прежнего перечеркнутого цензором текста, т.е. на л. 156 об.—160 об. АК4. На основе этого черновика был создан очень близкий ему беловик на отдельных листах, впоследствии вплетенных в АК4. В связи с этой переработкой фрагмент текста, относящийся к истории капитана Копейкина (сама «Повесть...», а также предшествующие ей и следующие за ней строки) приобрел в АК4 следующий вид.

«Повесть...» размещается в АК4 на пяти листах (л. 156—160 об. второй пагинации). Первый из них (л. 156—156 об.), содержащий начало повести (завершается словами «сказочная Шерре(зада)»), из рукописи не изымался, т.к. предшествующая часть текста на л. 156 к «Повести...» не относится. Расположенное на л. 156 об. и зачеркнутое цензором начало «Повести...» было заклеено листом белой бумаги (Тих. Т. 3. С. 532; Фейнберг И. История одной рукописи: «Повесть о капитане Копейкине» // Фейнберг И. Читая тетради Пушкина. М., 1985. С. 648). В результате удаления наклеенного листа (это было

сделано Тихонравовым — *Тих.* Т. 3. С. 532) текст очень сильно пострадал и сейчас восстанавливается только благодаря возможности сличения его с текстами более ранних редакций и с текстом цензурной редакции. Следующие четыре листа, содержащие первоначальную редакцию «Повести...» и написанную поверх нее черновую редакцию «цензурной» были из АК4 изъяты. Их судьба оказалась сложной. Первоначально (с 1842 г.) листы хранились у М.П. Погодина, который в 1852 г. предоставил их Тихонравову — для снятия копии. Впоследствии именно по этой копии Тихонравов впервые опубликовал окончательную авторскую редакцию «Повести...», отвергнутую цензором (*Тих.* Т. 3. С. 270—276). Здесь же Тихонравов убедительно показал, что текст «Повести...», опубликованный в 1857 г. как первоначальный (Повесть о капитане Копейкине. (*В первоначальном виде.*) — Сочинения и письма Н.В. Гоголя. Изд. П.А. Кулиша. Т. 4. СПб., 1857. С. 548—554), на самом деле является «композицией, произвольно составленной» (*Тих.* Т. 3. С. 524—525). В предваряющей выход тома заметке П.А. Кулиша сообщалось, что публикуемая редакция «Повести о капитане Копейкине» открыта «издателем в одной рукописи Гоголя» (*МВед.* 1857. 20 июня. № 74. Прибавление под названием «Литературный отдел». С. 338). Спустя несколько лет к истории этой публикации вернулся Н.В. Гербель, отметив, что «Повесть...» была напечатана Кулишом по «доставленному» им, т.е. Гербелем, списку, в основу же этого списка легла рукопись МД, приобретенная (вместе с другими автографами Гоголя) у родственников Н.Я. Прокоповича графом Г.А. Кушелевым-Безбородко и принесенная им в дар лицу князя Безбородко (*Гербель Н.* О рукописях Гоголя, принадлежащих лицу князя Безбородко // *Время.* 1861. Т. II. Апрель. Отд. I. С. 606, 611). В описании рукописи было указано, что она «переписана самим автором» (там же, с. 607). Последнее замечание, в свою очередь, повлекло за собой еще одно уточнение — уже со стороны Н.Н. Прокоповича (сына Н.Я. Прокоповича), который сообщил, что приобретенная у их семьи рукопись МД «писана не самим Гоголем {...} она писана Павлом Васильевичем Анненковым, в Риме, под диктовку Гоголя» (*Прокопович Н.Н.* Заметка по поводу статьи «О рукописях Гоголя» // *Время.* 1861. Т. VI. Ноябрь. «Смесь». С. 29). «Римская» рукопись МД, написанная под диктовку Гоголя (как было позже установлено не только П.В. Анненковым, но и В.А. Пановым) и тщательно выправленная автором (в нашем обозначении — АК2), действительно содержит одну из первоначальных редакций «Повести о капитане Копейкине», однако текст, опубликованный в четвертом томе издания Кулиша, не отражает этой редакции, являясь, по справедливому выводу Тихонравова, произвольной компиляцией двух редакций: доцензурной и цензурной.

Возвращаясь к текстологической истории «Повести...», отметим, что извлеченные из цензурной рукописи листы попали из архива Пого-

дина в коллекцию сибирского купца Г.В. Юдина (на внутренней архивной обложке надпись: «Из коллекции Г.В. Юдина, фонд Погодина»), а после смерти последнего в 1912 г. — к его наследникам, а затем в Красноярский краевой исторический архив (на л. 1 — архивный штамп; см.: Ак. Т. VI. С. 891; Фейнберг И. История одной рукописи: «Повесть о капитане Копейкине» // Фейнберг И. Читая тетради Пушкина. М., 1985. С. 645—649). Затем листы были переданы в Москву — в Главное архивное управление (Ак. Т. VI. С. 882), затем в ЦГАДА (ныне РГАДА — Российский государственный архив древних актов; см.: Фейнберг И. Указ. соч.) и, наконец, в ЦГАЛИ (ныне РГАЛИ), где хранятся по настоящее время (РГАЛИ. Ф. 139. Оп. 2. Ед. хр. 1). Листы имеют двойную пагинацию: постраничную, в составе первоначальной авторской пагинации (л. 314, 316, 318, 320) и архивную, полистную (л. 1—4).

Взамен четырех изъятых листов в АК4 был вложен беловик цензурной редакции «Повести...» — также на четырех листах (л. 157—160), отличающихся от всех остальных в рукописи по почерку, формату и сорту бумаги (подробнее см. описание источников). На л. 161 (начинается словами: «со всего размаха рукой по своему лбу...») возобновляется «обычный» текст цензурной рукописи. Н.С. Тихонравов давно обратил внимание на то, что беловик цензурной редакции «Повести...» и шесть листов рукописи АК2 (л. 111—116 об.) написаны одной и той же, но неизвестной, рукой (см. с. 433 наст. изд.). Сличение почерков позволило установить, что в обоих случаях в роли переписчика выступила Е.В. Погодина, жена М.П. Погодина, в доме которого Гоголь в то время жил. Характерно, что новая, так называемая цензурная, редакция «Повести...» написана на бумаге с филигранью «FWE». Такая же филигрань — на двойном листе бумаги с одним из черновых автографов «Шинели» (под названием: «Повесть о чиновнике, крадущем шинели» — ОР РГБ. Ф. 74. К. 2. Ед. хр. 23; см.: Ак. Т. 3. С. 446—450, 675—677). Характерно при этом, что данный автограф (вероятно, под диктовку) написан рукой самого М.П. Погодина (правка и окончание — рукой автора). Вероятно, в обоих случаях бумага была позаимствована из запасов Погодина.

На л. 156 имеются цензурные исправления. Цензор внес правку в текст, предшествующий самой «Повести...», — вычеркнул строки «Знаем, батюшка {...} уже понюхавши табаку...». Первоначально он намеревался продолжить правку (вместо слов: «да ведь это» написал: «это разбойник»), однако отказался от этого намерения, перечеркнув весь далее следующий текст (начиная со слов: «да ведь это» и до конца «Повести...»).

Закончив переработку «Повести...», Гоголь погрузился в хлопоты, связанные с ее цензурным прохождением. 5 апреля 1842 г. он наконец-то

получил отцензурованную рукопись МД, о чем 9 апреля сообщил Прокоповичу: «Задержка произошла не на почте, а от Цензурного комитета. Уведомивши Плетнева, что отправлена 7 марта, Ценз(урный) ком(итет) солгал, потому что 9-го только подписана она цензором. Выбросили у меня целый эпизод Копейкина, для меня очень нужный, более даже, нежели думают они. Я решился не отдавать его никак. Переделал его теперь так, что уж никакая цензура не может придраться. Генералов и всё выбросил и посылаю его к Плетневу для передачи цензору. Пожалуйста, наведайся к нему и узнай. (...) для меня опасна проволочка. Рукопись начата печататься, и потому задержка мне весьма повредит. (...) Теперь рукопись моя, вероятно, таскалась по рукам многих, стало быть, о ней говорят. Я же страх люблю слышать все толки, особенно жесткие толки и взгляды с неблагоприятных сторон. Они мне теперь все нужны до последнего». Уже на следующий день, 10 апреля, Гоголь посылал Плетневу переделанные листы с «Повестью о капитане Копейкине» с соответствующими разъяснениями и поручениями: «Уничтожение Копейкина меня сильно смутило! Это одно из лучших мест в поэме, и без него — прореха, которой я ничем не в силах заплатать и зашить. Я лучше решился переделать его, чем лишиться вовсе. Я выбросил весь Генералитет. Характер Копейкина означил сильнее, так что теперь видно ясно, что он всему причиной сам и что с ним поступили хорошо. Присоедините ваш голос и подвиньте кого следует». Гоголь добавляет, что один Никитенко может теперь пропустить «Копейкина» — из его письма, полученного третьего дня, видно, что он подвигнут участием к автору. «Передайте ему при сем, — просит Гоголь, — прилагаемый ответ и листы Копейкина и упростите без малейшей задержки передать вам для немедленной пересылки ко мне, ибо печатанье рукописи уже началось» .

Благодаря А.В. Никитенко за письмо и разрешение рукописи (в письме от 10 апреля 1842 г.), Гоголь подробно писал ему о значении «Повести о капитане Копейкине» и характере ее переработки под влиянием цензурного запрета: «Но, признаюсь, уничтожение Копейкина меня много смутило. Это одно из лучших мест. И я не в силах ничем залатать ту прореху, которая видна в моей поэме. Вы сами, одаренные эстетическим вкусом, который так отразился в письме вашем, вы сами можете видеть, что кусок этот необходим, не для связи событий, но для того, чтобы на миг отвлечь читателя, чтобы одно впечатление сменить другим, и кто в душе художник, тот поймет, что без него остается сильная прореха. Мне пришло на мысль: может быть, цензура устрашилась генералитета. Я переделал Копейкина, я выбросил всё, даже министра, даже слово: “превосходительство”. В Петербурге за отсутствием всех остается только одна временная комиссия. Характер Копейкина я вызначил сильнее, так что теперь ясно, что он сам причиной своих поступков, а не недостаток сострадания в других. Начальник комиссии даже поступает

с ним очень хорошо. Словом, всё теперь в таком виде, что никакая строгая цензура, по моему мнению, не может найти предосудительного в каком бы ни было отношении. Молю вас возвратить мне это место, и скорее сколько возможно, чтобы не задержать печатанья. У Плетнева вы возьмите рукопись и передайте ее потом ему же для пересылки ко мне».

В письме к А.В. Никитенко от 12 апреля 1842 г. П.А. Плетнев не только «присоединил» свой обычно уравновешенный голос к гоголевскому, но, чувствуя весь драматизм ситуации, решился прибегнуть к эмоциональным аргументам: «Вы растрогали Гоголя своим письмом — и он за то с новою к вам просьбою. Посылаю письмо его к вам и переделанного Копейкина. Ради Бога помогите ему, сколько возможно. Он теперь болен, и я уверен, что если не напечатает “Мертвых душ”, то и сам умрет. Когда решите судьбу рукописи, то не медля ни дня препроводите ко мне для доставления страдальцу. Он у меня лежит на сердце как тяжелой камень» (Н.В. Гоголь в письмах и воспоминаниях / Сост. В. Гиппиус. М., 1931. С. 226).

Уже 15 апреля Гоголь просил Прокоповича справиться у Плетнева о «Копейкине»: «Я боюсь, чтобы не затянулось, а без Копейкина я не могу и подумать выпустить рукописи. Скажи, что я молю отстаивать во что бы то ни было. Просто страм цензуре, потому что теперь в том виде, как я переделал и послал к Плетневу, никакая цензура не может сделать привязки. Если имя Копейк(ин)а их остановит, то я готов его назвать Пяткиным и чем ни попало. Впрочем, имя Копейкина везде в других местах оставила цензура». Далее Гоголь возвращается вновь к своим просьбам о пересказе всех толков о МД: «...рукопись моя, без сомнения, уже побывала во многих руках в Петербурге, стало быть, о ней носятся толки. Пожалуйста, разведай, как и что говорят о ней, и, если можно, перескажи мне с сохранением самой физиогномии замечаний. Это мне очень нужно и полезно».

К заботам о цензурной судьбе «Копейкина» был привлечен и собиравшийся в столицу Погодин. В записной книжке Гоголя 1841–1844 гг. помечено: «С Михал. Петров. о Копейкине. Адрес Никитенка». Судя по всему, Погодину, в случае положительного исхода, поручалось забрать у Никитенко разрешенную рукопись. Как видно из письма Е.В. Погодиной М.П. Погодину от 30 апреля 1842 г., последний выехал из Москвы в Петербург в конце апреля, на короткое время, для встречи и переговоров «с министром», — вероятно, С.С. Уваровым, министром народного просвещения (*ОР РГБ*. Ф. 231. Разд. II. К. 25. Ед. хр. 39. Л. 6–7). В Петербург Погодин прибыл 30 апреля или 1 мая, о чем свидетельствует список приехавших в столицу в эти два дня (см.: Прибавление к С.Петербургским ведомостям. 1842. 3 мая. № 97. С. 1060 — впервые, с ошибочным указанием номера, приведено: Ак. Т. XII. С. 598). В упомянутое письмо Е.В. Погодиной М.П. Погодину от 30 апреля 1842 г.

была вложена записка Гоголя М.П. Погодину, в которой говорилось: «Я до сих пор не получил из Петербурга Копейкина. Печатанье чрез это остановилось. Все почти уже готово. Какой медлительный Никитенко, просто нет мочи. Ну хоть бы дал знать одной строчкой. Пожалуста, добейся толку». Встреча Погодина и Никитенко состоялась, а 7 мая Никитенко отправил Погодину письмо следующего содержания: «Я заболел, и очень сильно, вечером в тот самый день, как Вы были у меня — и хотя сегодня мне легче, но все не могу выйти еще. Вот почему, вместо того чтобы иметь удовольствие лично вручить Вам письмо к Н.В. Гоголю, я теперь посылаю его к Вам с покорнейшею просьбою доставить его по принадлежности; в нем и процenzурованная статья» (*ЛН, т. 58. С. 618*; с уточнениями по автографу — *ОР РГБ. Ф. 231. Разд. II. К. 22. Ед. хр. 28*). Судя по всему, под «статьей» подразумевается «Повесть о капитане Копейкине».

Каким образом и когда была доставлена Гоголю разрешенная «Повесть...», остается неясным. С одной стороны, ее как будто мог привезти с собой Погодин. В упомянутом письме от 30 апреля Гоголь просил его: «Еще: постарайся быть к 9 мая здесь. Этот день для меня слишком дорог, и я бы хотел тебя видеть в этот день здесь» (в автографе после слова «мая» стоит точка, следующее далее слово «здесь» — с маленькой буквы; возможно чтение: «...постарайся быть к 9 мая. Здесь этот день для меня слишком дорог...»). Судя по воспоминаниям С.Т. Аксакова, на именинном обеде Гоголя 9 мая Погодин присутствовал (*Аксаков 1960. С. 66*). Косвенным подтверждением того, что Погодин провел в Петербурге совсем немного времени и быстро вернулся в Москву, служит письмо Н.И. Борхардта Погодину от 12 мая 1842 г. Из этого источника известно, что Борхардт, искавший встречи с Погодиным, не нашел его по адресу, означенному в полицейских ведомостях (здесь о прибытии М.П. Погодина в столицу сообщили с недельной задержкой, с указанием адреса проживания — в Литейной части, по Гагаринской улице, в доме купца Никонова: см. Прибавления к ведомостям С.-П.-Бургской городской полиции. 1842. 7 мая. № 53. С. 158), а по уточненному уже не застал: «...когда узнал ошибку от Г. Никитенко, то вы были уже на возвратном пути» (*ОР РГБ. Ф. 231. Разд. II. К. 5. Ед. хр. 83. Л. 1*). Имя Погодина фигурирует в списке выехавших из Петербурга 7–11 мая (Прибавление к С.Петербургским ведомостям. 1842. 13 мая. № 105. С. 1156 — впервые приведено: *Ак. Т. XII. С. 598*). Эти факты позволяют допустить, что Погодин 7 мая успел получить отправленный ему Никитенко пакет, немедленно выехал из Петербурга и вернулся в Москву 9 мая. Но в таком случае остаются совершенно непонятными следующие строки из письма Гоголя Прокоповичу от 11 мая: «Ты удивляешься, я думаю, что до сих пор не выходят “Мертвые души”. Все дело задержал Никитенко. Какой несносный человек! Более полутора

месяца он держит у себя листки Копейкина и хоть бы уведомил меня одним словом, а между тем все листы набраны уже неделю тому назад (...) Я подожду еще два дни и, если не получу от Никитенка, обращусь вновь в здешнюю цензуру...». Характерно при этом, что в отправленном двумя днями раньше (9 мая) письме А.С. Данилевскому Гоголь даже не упоминает о задержке «Копейкина» и с уверенностью сообщает о скором выходе поэмы: «Через неделю после этого письма ты получишь отпечатанные “Мертвые души”...». Эти факты можно толковать двояко. Либо Погодин все-таки не успел забрать отцензурованную «Повесть...» и она была выслана из Петербурга почтой, либо рукопись была привезена Погодиным уже 9 мая и Гоголь по неизвестным нам причинам утаил это от Прокоповича (в письме от 11 мая).

Забегая вперед, скажем, что настроения «московской цензуры» (на «раскаянье» которой доверчиво уповал Гоголь) на самом деле были несколько иными. С.Г. Строганов (попечитель Московского учебного округа, председатель Московского цензурного комитета), узнав о разрешении МД к печати, 16 июня 1842 г. обратился с «предупредительным» письмом к министру народного просвещения С.С. Уварову — с просьбой снабдить его наставлениями, «какими условиями должно руководствоваться в случае представления рецензий и критик на поэму Гоголя, для напечатания в повременных изданиях и журналах» (Официальная переписка о «Мертвых душах» // Литературный музей. (Цензурные материалы I-го отд. IV секции Государственного архивного фонда.) I / Под ред. А.С. Николаева и Ю.Г. Оксмана. Пг., (1921). С. 44). Здесь же Строганов разъяснил причины своих опасений: «На днях, прочитывая новую поэму Гоголя: *П о х о ж д е н и я Ч и ч и к о в а*, или *м е р т в ы е д у ш и*, я останавливался на многих местах, которые, несмотря на свою занимательность и юмор, не могли, как я думаю, быть дозволены к напечатанию без особенного высшего разрешения и с какою-либо особенною целию. (...) Теперь, новое произведение Гоголя обратило на себя всеобщее внимание и конечно будет подвергнуто разным толкованиям и критике. В сем случае Цензура будет поставлена в затруднение, потому что не имеет указания, при каких обстоятельствах дозволено напечатание означенной поэмы» (там же, с. 43–44). В ответе С.С. Уварова от 18 июля 1842 г. разъяснялось, что «книга *П о х о ж д е н и я Ч и ч и к о в а* рассмотрена и одобрена Цензурою на общих основаниях, и при рассмотрении критик на это сочинение надлежит руководствоваться общими цензурными постановлениями» (там же, с. 45; дело хранится: РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1547. Л. 1–3 об. «Дело о разрешении рецензий и критических статей о поэме Н.В. Гоголя “Мертвые души” на общих основаниях»).

В истории «Повести о капитане Копейкине» есть один совершенно непонятный момент, связанный с датой ее цензурного разрешения.

К рассмотрению «Повести...» Санкт-Петербургский цензурный комитет вернулся с большой задержкой — лишь 19 мая 1842. По-видимому, это было связано с несколькими обстоятельствами: перерывом в заседаниях во время Пасхальной недели (19—25 апреля), болезнью Никитенко (о которой известно из процитированного выше письма Никитенко Погодину от 7 мая) и сменой председателя комитета — на место М.А. Дондукова-Корсакова был назначен Г.П. Волконский. О последнем обстоятельстве (еще до официального распоряжения) П.А. Плетнев уведомлял Я.К. Грота в письме от 29 апреля 1842 г. (*Грот, Плетнев. Переписка*. Т. 1. С. 526). Императорский указ об увольнении Дондукова-Корсакова (по его прошению) и назначении Г.П. Волконского исправляющим должность попечителя Санкт-Петербургского учебного округа был подписан в Царском Селе 7 мая 1842 г., а опубликован спустя десять дней (*СПбВед.* 1842. 16 мая. № 108. С. 463). В заседании, помимо Волконского, участвовали цензоры — те же, что ранее рассматривали «Мертвые души» в целом. Приводим полностью запись в журнале заседаний: «Донесение Г. Цензора Экстра-Ординарного Профессора Никитенки о том, что он в минувшем апреле месяце представлял на разрешение Комитета рассказ о Копейкине в романе Г. Гоголя, под названием: *Похождения Чичикова, или мертвые души* и Комитет позволил не дозволять к печатанию сего рассказа. В нем представлен был раненый Офицер, сражавшийся с честью за отечество, человек бедный, простой, но благородный, приехавший в Петербург хлопотать о пенсии; здесь сначала какой-то из важных Государственных людей принимает его довольно ласково, обещает ему пенсию, но после обращается с ним сурово и наконец на жалобы офицера, что ему нечего есть, отвечает: “так промышляйте сами себе как знаете”. Вследствие этого Копейкин делается атаманом разбойничьей шайки. Ныне Автор (в мае 1842 г.), оставив главное событие в том же самом виде, как оно было, изменил характер главного действующего лица в своем рассказе; он представляет его человеком беспокойным, буйным, жадным к удовольствиям, который заботится не столько о средствах прилично существовать, сколько о средствах удовлетворять своим страстям, так что начальство находится наконец в необходимости выслать его из Петербурга. Комитет определил эпизод сей дозволить к напечатанию в таком виде, как он изложен автором» (опубликовано, не полностью, с небольшими неточностями: *Сухомлинов 1889*. С. 318; подлинник дела: *РГИА*. Ф. 777. Оп. 27. Д. 35. Л. 47 об.). Таким образом, получается, что «Повесть о капитане Копейкине» была завизирована цензором Никитенко до ее официального рассмотрения в комитете. Характерно, что виза состоит только из подписи (которая присутствует и на всех остальных листах разрешенной рукописи), нет ни числа, ни обычных сопроводительных слов об одобрении рукописи (в другом случае, связанном с «Ревизором», дополнительно отцензу-

рованный лист был снабжен всеми этими атрибутами — см.: Наст. изд. Т. 4. С. 545). Разумеется, самостоятельно цензор не мог решиться на такую из ряда вон выходящую «вольность». По всей вероятности, еще до цензурного заседания между Никитенко и новым председателем цензурного комитета Г.П. Волконским была достигнута соответствующая договоренность, отражавшая их общее искреннее расположение к Гоголю. С князем Григорием Петровичем Волконским Гоголь, судя по всему, был знаком с конца 1830-х гг. — в письме В.Н. Репниной от 14 (июня?) 1838 г.) из Рима он дружески упоминает о Г.П. Волконском, находящемся в то время в Неаполе (см. также: *Шенрок*. Т. 3. С. 386). Отец Г.П. Волконского, П.М. Волконский, будучи министром Императорского двора, в конце апреля 1836 г. исполнял императорское повеление о награждении Гоголя подарком «за поднесенный им экземпляр» комедии «Ревизор» (см.: Наст. изд. Т. 4. С. 719).

Одобренная редакция «Повести...» содержит небольшую по объему, но существенную цензурную правку. Основные ее тенденции сводятся к стремлению умалить боевые заслуги Копейкина (зачеркнуты слова: «что вот де так и так, в некотором роде, так сказать, жизнью жертвовал, проливал кровь...»), ослабить критику властей (у Гоголя: «еще не сделано было на счет раненых...» — после правки цензора: «еще не успели сделать на счет раненых...» и т.д.), устранить упоминания высокопоставленных лиц (у Гоголя: «отправился к самому начальнику в Комиссию» — после правки цензора: «отправился в Комиссию» — подробнее см. свод вариантов к цензурному тексту «Повести...»). В одном случае Гоголь внес уточнение в цензурную правку (не совсем четкую), но оно еще более усилило намеченную цензором тенденцию (первоначально у Гоголя: «чорт знает как питайся, щами какими-нибудь, да огурцом или селедкой из лавочки» — после правки цензора: «...чорт знает как питайся, не(?) Бог знает какими сластями» — после правки Гоголя: «...чорт знает как питайся, сластей-то, понимаете, никаких»).

Печатание МД началось сразу же по получении из Петербурга цензурированной рукописи (несмотря на запрет «Копейкина»), т.е. сразу же после 5 апреля. Во всяком случае, 9 апреля Гоголь уже сообщал Прокоповичу о том, что типографская работа началась. Свое решение печатать рукопись в Москве Гоголь разъяснил еще в написанном около 24 января 1842 г. письме В.Ф. Одоевскому: «Я бы готов напечатать в Петербурге, но там напечатанье дороже станет». В воспоминаниях С.Т. Аксакова о цензурной истории и публикации МД сообщается следующее: «Я уверен, что Никитенко не смел пропустить ее сам и что она была показана какому-нибудь высшему цензору, если не государю. Мы не верили глазам своим, не видя ни одного замазанного слова (последнее не соответствует действительности, см. об этом выше. — *Ред.*);

но Гоголь не видел в этом ничего необыкновенного и считал, что так тому и следовало быть. Вначале напечатали две тысячи пятьсот экземпляров. Обертка была нарисована самим Гоголем. Денег у Гоголя не было, потому «Мертвые души» печатались в типографии в долг, а бумагу взял на себя в кредит Погодин. Печатание продолжалось два месяца» (Аксаков 1960. С. 61). Из сохранившейся переписки Гоголя с Погодиным видно, что финансовая сторона издания МД была сопряжена с большими трудностями. В расчетах с В.И. Усачевым (у которого была приобретена бумага) Гоголь прибегал к помощи Погодина, а порой (в отсутствие денег и у последнего) был вынужден изыскивать средства сам (см. записки Гоголя Погодину от конца февраля — начала апреля 1842 г. и записки Погодина к Гоголю — Ак. Т. XII. С. 593, 596). Все это вносило напряжение в их и без того не простые отношения: «Я не был у Усачева, потому что ты сказал, что заплатишь ему деньги, потому что теперь у тебя есть» (Гоголь Погодину — записка от конца февраля — начала марта 1842 г.); Погодин упрекает Гоголя в том, что по его вине он выглядит перед Усачевым месяц или два «человеком несостоятельным» (Ак. Т. XII. С. 596); Гоголь в ответ на это (в записке от марта — начала апреля 1842 г.) просит не беспокоить его в течение двух недель. Между тем из записки Гоголя Погодину (условно датирована в Ак.: между 17 и 23 мая 1842 г.) очевидно, что кредит у Усачева был взят лично Гоголем: в этой записке он просит Усачева обменять находящийся у него билет, данный Гоголем в уплату за бумагу, ценой в тысячу рублей с процентами, на прилагаемый равноценный. Заметим здесь, что на титульном листе цензурной рукописи МД имеется собственноручная помета Гоголя: «Печатать на моей бумаге 2400. Деньги сто рублей в задаток положил. Н. Гоголь».

Дополнительным источником напряжения между Гоголем и Погодиным стало предложение последнего «вместо объявления о выходе Мертв(ых)душ поместить одну главу или две в номере Москвитянина, который тогда выходил!!» (Ак. Т. XII. С. 598). Гоголь отвечал на это: «А насчет Мертвых душ: ты бессовестен, неумолим, жесток, неблагоприятен. (...) Если б у меня было какое-нибудь имущество, я бы сей же час отдал бы всё свое имущество с тем только, чтобы не помещать до времени моих произведений» (вторая половина апреля (до 28-го) 1842 г.). Идея Погодина в крайне иронической форме была как будто бы предугадана Белинским в его письме М.С. Щепкину от 14 апреля 1842 г.: «...рукопись отослана (...) на имя Погодина, а Гоголь ее не получал. Я думаю, что Погодин ее украл, чтоб променять на толкучем рынке на старые штаны и юбки; или чтоб, притаив ее до времени, выманить у (простоудушно обманывающегося насчет сего мошенника) Гоголя еще что-нибудь для своего холопского журнала» (Белинский. Т. XII. С. 103). Отказ Гоголя сильно задел Погодина: «Наконец, — сетовал он, — на мои стр(оки) о

напечат(ани) вместо объяв(ления) главы не получил (согласия). Я даже имел право» (Заметка М.П. Погодина о Гоголе // *ЛН*, т. 58. С. 794). Эта и другие обиды Погодина (в связи с «Мертвыми душами») отозвались в его письме к Гоголю от 14(26) июля 1847 г.: «...передача тобою продажи “Мертвых душ” Шевыреву, когда только что заведена была контора “Москвитянина”, служила врагам моим доказательством, что ты не имеешь доверенности ко мне! (...) Шесть лет я делил с тобою последние свои крохи (...) и вдруг, начав печатать, ты отшатнулся от меня, обратился за деньгами для напечатания к другим (...) и я увидел себя поруганным, отстраненным...» (*ЛН*, т. 58. С. 830). В упомянутой выше «Заметке М.П. Погодина о Гоголе» подобные упреки: «Толков(ал) о мелоч(ах), мимо меня, печатание. Посредн(ики), клиенты — мимо меня» (*ЛН*, т. 58. С. 794).

На время пасхальных праздников (Пасха — 19 апреля) печатанье было приостановлено (см. письмо Гоголя Прокоповичу от 15 апреля 1842 г.). В начале мая Гоголь был занят чтением и правкой корректур: 1 мая после обеда в доме Аксаковых он около двух часов работал в кабинете С.Т. Аксакова над корректурами, в которых «не столько исправляя типографические ошибки, сколько занимался переменою слов, а иногда и целых фраз. Корректур был огромный сверток» (*Аксаков 1960*. С. 64).

Корректурные листы не сохранились, но вся внесенная при чтении корректур правка легко выявляется путем сопоставления двух источников — оригинала набора, т.е. цензурной рукописи (*АК4*), и первого издания поэмы (*МД1*). Это сопоставление показывает, что на стадии работы над корректурой в текст МД было внесено около 600 исправлений (включая те, которые можно предположительно интерпретировать как редакторские и корректорские). Наиболее интенсивной правке подверглись главы III, IV, VI, XI, умеренной — главы VII, VIII, X, наименьшей — I, II, V, IX.

Большая часть исправлений носит стилистический характер. Сюда относятся различного рода инверсии: «Дамы многие» (*АК4*) — «Многие дамы» (*МД1* — см. свод вариантов, с. 19 наст. изд.); «помог взлезть на козлы девчонке» (*АК4*) — «помог взлезть девчонке на козлы» (*МД1* — см. с. 55 наст. изд.); «что-то восторженно-чудное слышится» (*АК4*) — «слышится что-то восторженно-чудное» (*МД1* — см. с. 292 наст. изд.). Нередко имеют место сокращения — чаще всего в тех случаях, когда из двух однородных или близких по смыслу слов остается только одно, наиболее точно выражающее авторскую мысль: «волосы у них были или низко подстрижены, или приглажены и прилизаны» (*АК4*) — «волосы у них были или низко подстрижены, или прилизаны» (*МД1* — см. с. 19 наст. изд.); «можно сказать, редкое, образцовое» (*АК4*) — «можно сказать, образцовое» (*МД1* — см. с. 28 наст. изд.,). В отдельных случаях

вычеркиваются лишние, по авторскому мнению, детали: «тоненькие» мужчины «смешали дам так же, как и в Петербурге смешат, иные даже заказывали себе фраки в Петербурге» (АК4) — «тоненькие» мужчины «смешали дам так же, как и в Петербурге» (МД1 — см. с. 19 наст. изд.). Характерно, что, работая над корректурой, в частности, над главой XI, Гоголь изредка пользовался как своего рода черновиком рукописью АКЗ, в которой карандашом предварительно прописывал окончательные варианты текста.

Во многих случаях правка носит уточняющий, корректирующий характер: «все истребить из памяти» (АК4) — «истребить все печальное из памяти» (МД1 — см. с. 134 наст. изд.); «не зная сам, что отвечать» (АК4) — «не зная сам, как благодарить» (МД1 — см. с. 143 наст. изд.); «довелось заплакать от радости» (АК4) — «привел Бог заплакать» (МД1 — см. с. 252 наст. изд.).

Наиболее распространенный вид исправлений — разнообразные синонимические замены: «выразив во всех чертах» (АК4) — «показав во всех чертах» (МД1 — см. с. 34 наст. изд.); «есть ли вы на свете» (АК4) — «живете ли вы на свете» (МД1 — см. с. 36 наст. изд.); «препорядочными толчками» (АК4) — «пресильными толчками» (МД1 — см. с. 41 наст. изд.); «странно устроено» (АК4) — «дивно устроено» (МД1 — см. с. 52 наст. изд.); «с шестериком лошадей» (АК4) — «с шестериком коней» (МД1 — см. с. 82 наст. изд.) и т.д. В отдельных случаях лексически нейтральное слово заменяется эмоционально окрашенным, иногда — наоборот: «Эк его рассмеялся!» (АК4) — «Эк его разобрало!» (МД1 — см. с. 61 наст. изд.); «театральная актерка» (АК4) — «театральная актриса» (МД1 — см. с. 124 наст. изд.); «Вдруг выхватится господин почтенной наружности и закричит» (АК4) — «вдруг выскочит господин почтенной наружности и закричит» (МД1 — см. с. 188 наст. изд.).

Характерна «мелкая» правка, отражающая тончайшие особенности гоголевского стиля: «Приятная комната» (АК4) — «Приятная комнатка» (МД1 — см. с. 29 наст. изд.); «без крышек» (АК4) — «без крышечек» (МД1 — см. с. 50 наст. изд.). В этом же ряду стоят следующие исправления: «рассмотрела» (АК4) — «обсмотрела» (МД1 — см. с. 115 наст. изд.); «Не довольствуясь» (АК4) — «Не довольствуясь сим» (МД1 — см. с. 120 наст. изд.). Последние примеры очень важны, поскольку они «восстанавливают» в правах лексические детали гоголевского стиля («обсмотреть», «сей»), которые зачастую утрачивались в результате редакторской правки — еще в прижизненных изданиях Гоголя (в частности, в «Сочинениях» 1842 г., подготовленных к печати при участии Прокоповича).

Совершенно особое место занимает правка, связанная с устранением грубых погрешностей, восходящих к ошибкам переписчиков (допу-

ценных при изготовлении АКЗ и отчасти АК4). Ошибки, возникшие при изготовлении АКЗ (в процессе копирования предыдущей рукописи, АК2), исчисляются сотнями (подробнее см. ниже — с. 530–536 наст. изд.). При чтении корректур были замечены и устранены лишь некоторые из них. Прежде всего — бросающиеся в глаза дефекты текста: «нос его звучал как трубка» (АКЗ, АК4) — «нос его звучал как труба» (МД1 — см. с. 16 наст. изд.); «выпить ли чаго» (АКЗ, АК4) — «выпить ли чаю» (МД1 — см. с. 39 наст. изд.); «По двенадцати, не правда ли» (АКЗ, АК4) — «По двенадцати не продали» (МД1 — см. с. 48 наст. изд.); «моему охлажденному взору неприятно» (АКЗ, АК4) — «моему охлажденному взору неприятно» (МД1 — см. с. 105 наст. изд.) и т.д. В некоторых случаях имеет место восстановление излюбленных авторских «словечек» или написаний: «стал устраиваться» (АКЗ, АК4) — «стал устроиваться» (МД1 — см. с. 14 наст. изд.); «Бог и послал» (АКЗ, АК4) — «Бог и насрал» (МД1 — см. с. 48 наст. изд.); «Эх куда» (АКЗ, АК4) — «Эк куда» (МД1 — см. с. 48 наст. изд.) и т.д. Устраняются также те ошибки, которые не могли не привлечь внимания автора — в силу нарушения лексической гармонии стиля: «девушка» (АКЗ, АК4) — «девчонка» (МД1 — см. с. 55 наст. изд.); «девочка» (АКЗ, АК4) — «девчонка» (МД1 — см. с. 55 наст. изд.); оба случая связаны с финальной частью главы III и относятся к «девчонке», которую Коробочка дала в поводыри Селифану. Ошибки устранялись по памяти (т.е. без сверки с предыдущими источниками), поэтому в результате правки нередко появлялся не прежний авторский вариант, а новый — зачастую (по необходимости) поспешный и по выразительности уступающий первоначальному: «покрутив слегка головой» (АК2) — «покружив слегка головой» (АКЗ, АК4) — «покачав слегка головой» (МД1 — см. с. 131 наст. изд.); «самый неприятнейший» (АК2) — «самый неприятельский» (АКЗ, АК4) — «самый неприятный» (МД1 — см. с. 208 наст. изд.) и т.д. Ошибки, допущенные при изготовлении АК4 (не такие многочисленные и, как правило, менее очевидные), исправляются гораздо реже: «Даже страшно» (АК4) — «Даже странно» (МД1 — см. с. 159 наст. изд.).

Часть правки в корректуре с большей или меньшей степенью вероятности можно истолковать как редакторскую или корректорскую. Сюда относятся последовательные исправления цифровых обозначений чисел на словесные, а также следующие замены: «пред» на «перед», «т.е.» на «то есть», «бутошник» на «буточник», номер на «номер», «по-аглицки» на «по-английски», «физиогномия» на «физиономия», «мелузга» на «мелюзга» и т.д.

Работа над корректурой осуществлялась в чрезвычайно сжатые сроки, поэтому значительная часть неточностей (в частности, многочисленные ошибки переписчиков) осталась без внимания. О некоторых,

не замеченных автором, погрешностях окончательного текста МД см. в работе: *Сербский Г.П.* Авторские недосмотры и автоцензура в первом томе «Мертвых душ» Гоголя // Страницы истории русской литературы: К 80-летию члена-корреспондента АН СССР Н.Ф. Бельчикова. М., 1971. С. 366—375. Приведенные в этом исследовании примеры достаточно показательны: в частности, из главы II, где о цвете сюртука Петрушки говорится как об известном читателю факте, между тем, как в главе I, т.е. при первом упоминании, такого сообщения нет (там же, с. 368); или из главы IV, в которой отмечено, что Чичиков познакомился («обедал. — Ред.) с Ноздревым у прокурора, тогда как в главе I говорится об их встрече у полицмейстера (там же, с. 369). Однако следует уточнить, что в самом тексте эти расхождения зачастую не носят такого явного характера. Скажем, в первом случае авторский акцент касается не цвета сюртука (который, действительно, впервые фигурирует только в главе II), а его происхождения — вещь «с барского плеча» (эти слова в обеих главах остаются без изменения).

Ко времени чтения корректур первого тома МД относятся записи Гоголя, связанные с набором, печатью, оплатой разного рода работ: «Ивану Яковлевичу о бумаге» (Иван Яковлевич Диринг (Деринг) — фактор московской университетской типографии, где печатались МД), «Наборщику опустить ниже заголовок» (в рукописи: «заголовку» — Записная книжка 1841—1844 гг.); «Ивану Яковлевичу за бумагу и переплетчику. Литографщику о форме букв»; «В типографию: Взять листы» (Записная книжка 1842—1850 гг.). Часть подобных записей связана уже с поручениями, возложенными Гоголем на Шевырева: «Все деньги 102 рубли, 30 ему заплачено» (о литографшике — там же).

Рисунок для обложки первого тома МД (см. наст. изд., кн. 1, с. 111) был выполнен Гоголем собственноручно (*Аксаков 1960.* С. 61). Н.С. Тихонравов обратил внимание на связь этого рисунка с пометой в записной книге Гоголя 1841—1844 гг.: «Литографщику (так в рукописи. — Ред.) за буквы и картинку» (*Тих.* Т. 3. С. 477). Тихонравову принадлежит и первое (весьма подробное) описание созданной Гоголем «картинки»: с несущимся тарантасом (в верхней части), деталями дороги (домики, верстовой столб), многочисленными атрибутами застолья (бутылки, бокалы, рюмки, рыбные закуски), двумя изображениями «живых людей» («пьяного мужичка», а также танцующей, очевидно на балу, пары) и рассыпанными в изобилии «эмблемами смерти» (там же, с. 477—478). «Лучшим объяснением идеи, выраженной в рисунке», Тихонравов не без оснований считал строки из позднейших, относящихся к первому тому МД, заметок Гоголя: «Как пустота и бессильная праздность жизни сменяется мутною, ничего не говорящею смертью. Как это страшное событие совершается бессмысленно. Не трогающая(?)».

Смерть поражает нетрогающ(ийся?) мир. — Еще сильнее между тем должна предста(виться?) читателю мертвая бесчувственность жизни» (см. с. 757 наст. изд.; Тих. Т. 3. С. 478). В этом же ключе истолковывал замысел авторского рисунка М.Н. Марковский (*Марковский 1902. С. 167–168*). В исследовании Е.А. Смирновой рассматривается связь гоголевского рисунка с эстетической системой барокко, для которой характерно «соединение письменных текстов с разного рода аллегорическими изображениями, обычно отличавшимися пышной орнаментальностью» (*Смирнова Е.А. 1987. С. 76*). Барочные традиции оформления книги Смирнова видит в ряде деталей: расположение надписей «на картушах или в богато декорированных рамах»; «многофигурный» характер композиции; мелкие рисунки над жанровым обозначением сочинения, точнее, над буквой «Э», трактуемые как «простертые крылышки» и «крохотный крестик» («эмблемы святости», отражающие, наряду с помещенной слева лирой, «предельную для светской литературы» высоту жанра) и т.д. (там же, с. 76–77). Индивидуальные особенности обложки Смирнова, как и Тихонравов, усматривает в символическом соединении деталей праздного, бездуховного быта с эмблемами смерти (там же). Особо отмечена Смирновой тема «уроки царям», с которой она связывает два изображения. Первое (над буквами «О» и «Э») интерпретировано как подобие царского трона, второе (в нижней части рисунка) — как крестьянский головной убор, напоминающий корону (там же, с. 78). Еще один изобразительный ряд (сапог, лапоть), по мнению исследовательницы, связан с «мотивом движения», символизирующим, наряду с песней (о которой «в рисунке напоминают народные музыкальные инструменты»), «живую душу русского народа» (там же). В современном исследовании гоголевский рисунок рассматривается как одно из характерных проявлений восходящего к античности философского жанра «венитас» (буквально, «суета») — «разновидность философского натюрморта, в котором предметы (...) связанные со сладостной земной жизнью (...) и предметы, олицетворяющие бренность жизни и разложение, прочитываются как нравоучительные метафоры...» (*Джулиани Р. О жанре и источниках обложки «Мертвых душ» // Н.В. Гоголь и его творческое наследие. Десятые Гоголевские чтения: Материалы докл. М., 2010. С. 77*). Подчеркивается, что «этот жанр как нельзя лучше подходил для выражения нравственного смысла гоголевской поэмы» (там же).

В мае 1842 г. в «Москвитянине» (цензурное разрешение от 6 мая) было опубликовано следующее уведомление — в рубрике «Литературное известие»: «Мы знаем, с каким нетерпением публика ожидает нового романа Гоголя: *Мертвые Души*. Мы можем обрадовать их приятным известием, что этот роман, почти отпечатанный, скоро выйдет в свет. —

Здесь талант нашего романиста предстанет нам еще на высшей степени своего развития, нежели на какой мы видели его прежде. Этого довольно, чтобы возбудить участие к этому роману, которого появление должно составить эпоху в нашей повествовательной литературе» (*Москва*. 1842. Ч. III. № 5. «Смесь». С. 80).

Уже 9 мая Гоголь обещал А.С. Данилевскому: «Через неделю после этого письма ты получишь отпечатанные “Мертвые души”, преддверие немного бледное той великой поэмы, которая строится во мне и разрешит, наконец, загадку моего существования». К первым числам мая набор был завершен: «...все листы набраны уже неделю тому назад, и типография стоит...», — писал Гоголь 11 мая 1842 г. Прокоповичу. Билет на выпуск в свет поэмы Гоголя «Похождения Чичикова или мертвые души» был выдан цензором И.М. Снегиревым, что зафиксировано в «Журнале заседаний Московского цензурного комитета» (*Воропаев В.А.* К истории публикации «Мертвых душ» // *Вестник Московского университета*. Сер. 9. Филология. 1984. № 3. С. 13; а также: *Воропаев В.А.* Три этюда о Гоголе (Из архивных разысканий) // *Гоголь: История и современность*. М., 1985. С. 461 — с ссылкой на архивный источник: *ЦИАМ*. Ф. 31. Оп. 5. Ед. хр. 168. Л. 71). Точная дата выдачи билета неизвестна, вероятно, она близка к 15 мая — в указанном журнале (от 15 мая 1842 г.) перечислены билеты, выданные в течение недели: с 8 по 15 мая. Именно 15 мая Гоголь сообщил Прокоповичу, что книга может выйти через две недели: «...все почти готово». «О книге можно объявить, — писал он. — Постарайся об этом. Попроси Белинского, чтобы сказал что-нибудь о ней в немногих словах, как может сказать не читавший ее». Здесь же Гоголь просит, чтоб Сенковский поместил в литературных новостях известие о скором выходе книги. Гоголь уведомляет Прокоповича, что все экземпляры, предназначенные для Петербурга, отправляет ему — с тем, чтобы он продавал их книгопродавцам за наличные. Просьбу Гоголя Белинский выполнил, поместив в журнале следующее предупреждение о предстоящем выходе МД: «...имевшие случай читать этот роман, или, как Гоголь назвал его, эту поэму, в рукописи или слышать из нее отрывки, говорят, что в сравнении с этим творением всё, доселе написанное Гоголем, кажется бледно и слабо: до такой высоты достиг вполне созревший и развившийся талант нашего единственного поэта-юмориста!» (*ОЗ*. 1842. Т. XXII. № 6. Отд. VI. «Библиографические и журнальные известия». С. 60; без подписи; то же: *Белинский*. Т. VI. С. 199).

Таким образом, по истечении пяти месяцев неустанные хлопоты Гоголя, связанные с изданием первого тома МД, увенчались успехом. Одним из эпилогов к этому трудному, мучительному периоду жизни Гоголя являются знаменитые слова П.В. Анненкова: «Никогда, может быть, не употребил он в дело такого количества житейской опытности, сердцеведения, заискивающей ласки и притворного гнева, как

в 1842 году, когда приступил к печатанию “Мертвых душ”. Плодом его неутомимого возбуждения и стремлений к одной цели при помощи всяких мер, которые, конечно, далеко отстоят от идеала патриархальной простоты сношений, было скоро появление “Мертвых душ” в печати. Тот, кто не имеет “Мертвых душ” для напечатания, может, разумеется, вести себя непогрешительнее Гоголя и быть гораздо проще в своих поступках и выражении своих чувств» (Анненков 1989. С. 50). Сам Гоголь спустя полтора года писал о вышедшей книге: «...этот том, со всеми его недостатками и грехами непростительными, стóбит почти пятилетней работы, стало быть, может назваться вполне выработанным кровью и потом» (П.А. Плетневу 24 сентября (6 октября) 1843 г., Дюссельдорф).

По свидетельству С.Т. Аксакова, до отъезда Гоголя в Петербург (выехал 23 мая 1842 г.) успели переплести «десятка два» экземпляров (Аксаков 1960. С. 66). Один из первых, судя по всему, был подарен П.М. Языкову, которому Гоголь писал 18 мая 1842 г.: «Посылаю вам Мертвые души, они вам будут напоминать обо мне». Из письма Е.М. Хомяковой Н.М. Языкову известно, что 20 мая, в день своих именин, получил книгу А.С. Хомяков: «Гоголь подарил ему, — писала она, — “Мертвые души”, приятнейший подарок!» (ЛН, т. 58. С. 621). 21 мая, в день именин К.С. Аксакова, прямо в доме Аксаковых были получены и подписаны экземпляры персонально К.С. Аксакову («Имениннику от Гоголя»); хранится в музее «Абрамцево»; факсимильное воспроизведение — Аксаков 1960. С. 67, 263) и семье Аксаковых: «Друзьям моим, целой семье Аксаковых» (Аксаков 1960. С. 66; вероятно, именно эту дарственную надпись имеет в виду С.Т. Аксаков в письме Гоголю от 3 июля 1842 г.: «Мы все благодарим Вас сердечно за приписку верхней строчки в нашем экземпляре “Мертвых душ”» — ЛН, т. 58. С. 621). «Это был в то же время, — добавлял С.Т. Аксаков, — прощальный обед с Гоголем. Здесь он в третий раз обещал, что через два года будет готов второй том “Мертвых душ”...» (Аксаков 1960. С. 66). Вероятно, в эти же дни экземпляр МД был подарен А.П. Елагиной — с дарственной надписью: «Авдотье Петровне Елагиной от Гоголя» (Манн Ю.В. «Мертвые души» для А.П. Елагиной // Наше наследие. 2006. № 79—80. С. 188—189). Такое же подношение получила и П.И. Раевская — с дарственной надписью: «Прасковье Ивановне Раевской от автора» (Каталог выставки в память Н.В. Гоголя и В.А. Жуковского. М., 1902. С. 59. № 600; собственность кн. А.Е. Львова).

Два экземпляра книги Гоголь передал с матерью — для вручения одного из них епископу Иннокентию (И.А. Борисову), а второго (через Иннокентия) М.А. Максимовичу. В сопроводительном письме от 22 мая 1842 г. Гоголь сообщал Иннокентию: «Посылаю вам, — писал он в этот день, — труд мой! Взгляните на него дружелюбно. Это бледное начало того труда, который светлой милостью небес будет много не бесполезен.

⟨...⟩ В Риме я пробуду никак не менее двух лет, то есть пока не кончу труд...».

О других авторских экземплярах МД (в том числе предназначенных для вручения в Петербурге) известно из помет в записной книжке Гоголя 1842–1850 гг.: «Никитенке», «Вяземскому», «Взять экземпляры для Корсак(ова), Плет(нева) и Пален», «К Плетневу ⟨...⟩ дать книгу», «Смирновой Мд отвезти», «Шевыреву», «Тарновскому». Здесь же отметки о необходимых столичных визитах, в том числе тем, кто так горячо споспешествовал продвижению МД: Виельгорскому, Никитенко, Смирновой. Есть в этом ряду запись с упоминанием министра народного просвещения: «К Уварову» (предполагаемый визит или посылка книги). Экземпляр с дарственной надписью А.В. Никитенко («Александру Васильевичу Никитенко от Гоголя» — конец записи полустерт) сохранился в составе его библиотеки (*Колосова Г.И.* А.В. Никитенко и Н.В. Гоголь: (По материалам библиотеки А.В. Никитенко, хранящейся в Научной библиотеке Томского государственного университета) // *Н.В. Гоголь: Материалы и исследования.* Вып. 2. М., 2009. С. 102). В Петербурге был также оставлен экземпляр для И.С. Аксакова — у М. Карташевской, которую посетил Гоголь (2 июня Карташевская писала В.С. Аксаковой: «...мне так хочется поскорее их прочесть» — *ЛН*, т. 58. С. 626).

23 мая появилось объявление о продаже в книжной лавке Императорского Московского университета новой книги: «Похождения Чичикова, или МЕРТВЫЕ ДУШИ. Поэма Н. Гоголя, напечатана на велевеновой бумаге в большую 8-ю долю листа, 475 страниц. М. 1842 г.; цена в красивой обертке 10 р. 50 к., в хорош. сафьян. корешке 12 р. асс., за пересылку в города за 3 фун.» (*МВед.* 1842. 23 мая. № 41. С. 288). В названии книги слова «Мертвые души» напечатаны крупными буквами, остальные в два раза мельче. Возможно, здесь сказалось стремление подчеркнуть истинное, авторское заглавие поэмы. В записной книжке Гоголя этого времени фигурирует характерная помета: «Миханлу Петровичу: Объявление» (записная книжка 1842–1850 гг.). Не исключено, что она связана именно с приведенным объявлением, а может быть, и с другим, имеющим отношение к отъезду Гоголя — десятью днями раньше в той же газете, в рубрике «Отъезжающие за границу», под № 7 напечатано: «В Италию и ко Святым местам, 8-го класса Николай Васильевич Гоголь; жительство имеет в доме Погодина на Девичьем поле» (Прибавления к № 38-му *МВед.* (Мая 13-го). С. 567).

Все дальнейшие хлопоты, связанные с распространением книги и финансовыми вопросами, Гоголь возложил в Москве на Шевырева — в записную книгу Гоголя 1842–1850 гг. внесено строгое распоряжение на этот счет (возможно, черновое): «Препоручаю распоряжение продажи Мертвых душ Степану Петровичу Шевыреву — 2400 экземпляров, за

вычетом двадцати процентов для книгопродавцев, берущих по 100 экземпляров». Подведя текущий баланс взятых экземпляров (в том числе тридцати им самим), Гоголь подробно расписывает суммы и порядок выплаты долгов: Свербееву, Шевыреву, Павлову, Хомякову, Погодину («Выплачивать прежде тому, кому будут нужны»), снова Погодину, Аксакову. Последние указания касаются литографщика Сиверса («на Кузнецком мосту возле Лицея»), обязанного изготовить «сорочки» для книг.

Отвечая на записку Погодина (между 17 и 23 мая 1842 г.) с вопросом, может ли с ним встретиться комиссионер Полевого, Гоголь ответил, что не может вести переговоры с книгопродавцами, поясняя при этом: «А дальнейшие все дела будут принадлежать Шевыреву» (уже 24 мая С.Т. Аксаков, выполняя просьбу Гоголя, обратился к Шевыреву как к главному распорядителю с просьбой выдать 25 экземпляров МД под отчет — для раздачи от автора в подарок и в покрытие мелких долгов Гоголя — *Мат. и иссл. 1936. Т. 1. С. 156–157*). В день отъезда в Петербург, как свидетельствует С.Т. Аксаков, Гоголь просил его «старательно вслушиваться во все суждения и отзывы о “Мертвых душах”, предпочтительно дурные, записывать их из слова в слово и все без исключения сообщать ему в Италию», не пренебрегая при этом «мнениями и замечаниями людей самых глупых и ничтожных, особенно людей, расположенных к нему враждебно» (*Аксаков 1960. С. 68–69*). 25 мая 1842 г. С.Т. Аксаков передал просьбу Гоголя находящемуся в Петербурге И.С. Аксакову, сообщая при этом и некоторые подробности, связанные с распространением книги: «“Мертвые души” вышли и расходятся живо! Мы почитаем их с тобой на просторе и на досуге в прелестном Гаврилкове (...) В Петербург выслали 100 экземпляров “Мертвых душ” четвертого дня, а вчера послали еще 262. Я прошу тебя прислушаться ко всем толкам о них, какие только случится тебе услышать. Это нужно для Гоголя и поучительно будет для тебя. Высокость этого гениального творения не смогут понять многие, и потому толков неблагоприятных должна быть куча!» (*ЛН, т. 58. С. 622*). О цензурной истории МД см. также: *Тих. Т. 3. С. 458–481* (первый и очень подробный очерк); *Шенрок. Т. 3. С. 379–385*; *Ак. Т. VI. С. 889–891*; *Манн 1987. С. 95–104*; *Манн 2004. С. 608–616*.

Около 26 мая Гоголь прибыл в Петербург, где остановился, либо у Плетнева — как вспоминает А.О. Смирнова (*Смирнова-Россет 1989. С. 29, 36*), либо у Прокоповича — как предположительно пишет С.Т. Аксаков И.С. Аксакову 25 мая 1842 г. (*ЛН, т. 58. С. 622*). В этот день появилось сообщение о продаже «Мертвых душ» в столице: «В книжных магазинах Ксенофонта Алексеевича Полевого, в С. Петербурге, на Невском Проспекте, против Городской Думы, в доме Рогова, и в Москве, на Тверской, в доме Г-жи Мятлевой, продается на днях

вышедшая книга: МЕРТВЫЕ ДУШИ. Сочинение Н. Гоголя. Книга в тридцать печатных листов, в большую осьмушку. Цена 3 рубля серебром; весовых прилагается за два фунта» (СПч. 1842. 26 мая. № 116. С. 464). В этом объявлении название поэмы (набранное прописными буквами, жирным шрифтом) фигурирует в авторской, доцензурной, редакции. Спустя две с лишним недели объявление о продаже книги поместила другая газета: «Продается в конторе “Отечественных Записок” и “Литературной Газеты”, на Невском проспекте, в доме Петропавловской церкви» (ЛГ. 1842. 14 июня. № 23. С. 470).

По приезде Гоголь повидался со многими из тех, кто принял горячее участие в судьбе его книги: нанес визит В.Ф. Одоевскому (29 мая 1842 г. Плетнев сообщал Гроту: «...у Одоевского, где и обедали с Гоголем...» — *Грот, Плетнев. Переписка*. Т. 1. С. 547), навещал А.О. Смирнову («...приходил ко мне довольно часто и уже очень запросто, очень дружески» — *Смирнова-Россет 1989*. С. 29, 36). Известно об авторском чтении в Петербурге у П.А. Вяземского: Гоголь «изъявил желание прочитать отрывки уже напечатанных “Мертвых душ” и читал у Вяземского разговор двух дам. Никто так не читал, как покойный Николай Васильевич и свои и чужие произведения; мы смеялись неумолкаемо, и, если правду сказать, Вяземский и мы не подозревали всей глубины, таящейся в этом комизме» (*Смирнова-Россет 1989*. С. 29, 36, 44). Вероятно, на одном из этих чтений присутствовал Плетнев — 5 июня он писал В.А. Жуковскому в Дюссельдорф: «Это без сомнения лучшее из всего, что только есть в нашей литературе. Сколько комизму разнообразного, схваченного живьем в натуре и переданного со всею яркостью красок! Особенно это поражает всякого, когда он сам читает» (*Плетнев П.А. Сочинения и переписка*. Т. 3. СПб., 1885. С. 539). П.А. Вяземский 8 июня 1842 г. (уже после отъезда Гоголя) сообщал Н.Н. Пушкиной: «Здесь был Гоголь, привез нам свои “Мертвые души”, первый том, и отправился за границу. Он в нынешний приезд был очень мил и весел» (*ЛН, т. 58*. С. 622). 4 июня, накануне отъезда из Петербурга (выехал 5 июня), Гоголь уведомлял друзей о последних распоряжениях касательно МД: «Экземпляр Мерт(вых) душ еще не поднесен царю. Всё это уже будет сделано по моем отъезде» (Гоголь С.Т. Аксакову, 4 июня 1842 г.); «Об Мертвых душах Прокопович пишет тебе отчет. Я взял у него из вырученных денег 500 рублей для себя, которые понадобились мне сильно. Впрочем, они пополнятся скоро царским подарком, который, говорят, после моего отъезда последует» (Гоголь С.П. Шевыреву, 4 июня 1842 г.). Осенью Гоголь поинтересовался судьбой экземпляров МД, оставленных для царской семьи: «Узнайте, что делают экземпляры Мертвых душ, назначенные мною к представлению государю, государыне и наследнику и оставленные мною для этого у гр. Вьельгорского. В древние времена, когда был в Петербурге Жуковский, мне

обыкновенно что-нибудь следовало. Это мне теперь очень, очень было бы нужно» (письмо П.А. Плетневу от 21 октября (2 ноября) 1842 из Рима). Вероятно, здесь имело место какое-то недоразумение, так как, получив это письмо, Плетнев сам передал экземпляры «Мертвых душ» Вьельгорскому (через его сына, М.М. Вьельгорского) «для поднесения Царской фамилии» (см. письмо Плетнева Я.К. Гроту от 21 ноября 1842 г. из Петербурга — *Грот, Плетнев. Переписка*. Т. 1. С. 646). Не прошло и месяца, как Гоголь отказался от хлопот по этому делу: «Если вы еще не употребляли вашего участия и забот, — писал он Плетневу 16(28) ноября 1842 г. из Рима, — относительно подарка за поднесенные экземпляры книги, то это дело можно оставить. Во-первых, уже потому, что с моей стороны как-то неприлично это, всё же несколько корыстное исканье, а во-вторых, зачем тормошить бедного Вьельгорского, которому, может быть, вовсе неловко?» Однако по прошествии времени Гоголь был вынужден ввиду «стесненного положения» («Денег я не получаю ниоткуда; вырученные за М(ертвые) д(уши) пошли все почти на уплату долгов моих») вновь вернуться к этому вопросу и просить Плетнева хлопотать о вспомоществовании («от государыни или от наследника») за поднесенные экземпляры МД и вышедших «Сочинений» (письмо П.А. Плетневу от 24 сентября (6 октября) 1843 г., из Дюссельдорфа). Известно, что в конце 1843 г. Гоголь получил вспомоществование в тысячу франков от императрицы — вновь благодаря хлопотам В.А. Жуковского (см. письма Гоголя — Жуковскому от 27 декабря 1843 г. (8 января 1844 г.) из Ниццы и Шевыреву от 21 января (2 февраля) 1844 г. из Ниццы).

Обещанный «отчет» Прокоповича С.П. Шевыреву последовал 6 июня. Прокопович подробно рассказывал о ходе дел — о получении книг, продаже их с уступкою двадцати процентов книгопродавцу (за исключением двух экземпляров, взятых с собою Гоголем), о том что из вырученных денег Гоголь взял пятьсот рублей, а в заключение спрашивал, прислать ли вырученные деньги или дожидаться прихода и продажи остальной сотни экземпляров (*ЛН, т. 58. С. 628*). Один из экземпляров, взятых с собою Гоголем, был отправлен В.А. Жуковскому — 14(26) июня 1842 г. Гоголь писал ему из Берлина: «Посылаю вам Мертвые души. Это первая часть».

Книга раскупалась быстро. Одно из первых свидетельств интереса читателей к МД — июньская информация в статье о «Мертвых душах», как будто специально предназначенная для опровержения опасений Гоголя, уверявшего Прокоповича (в письме от 30 марта 1842 г.), что летом книга будет расхотится плохо: «Несмотря, как говорится, на глухую пору в книжной торговле, сочинения Гоголя покупают нарасхват. Книгопродавцы, как ни были велики их ожидания, не могут надивиться, однако ж, быстроте, с какой расхотятся “Похождения Чичикова”»

(Ведомости С.-П.-Бургской городской полиции. 1842. 16 июня. № 48. Рубрика «Литературное обозрение». С. 203; без подписи). О необычайном интересе к новому сочинению Гоголя пишет С.Т. Аксаков: «Несмотря на лето, “Мертвые души” расходятся очень живо и в Москве и в Петербурге» (письмо С.Т. Аксакова Гоголю от 3, 5 июля 1842 г., Гаврилково — *Гоголь. Переписка*. Т. 2. С. 24); «Вскоре после отъезда Гоголя “Мертвые души” быстро разлетелись по Москве и потом по всей России. Книга была раскуплена нарасхват» (*Аксаков 1960*. С. 71). Характерно, что буквально по следам только что вышедшего первого издания МД появилась газетная перепечатка одного из фрагментов поэмы, а именно «Повести о капитане Копейкине» (конечно, в цензурной редакции) — в рамках июньской рецензии (Похождения Чичикова, или Мертвые души. *Поэма Н. Гоголя. Москва. 1842 года // ЛГ*. 1842. 14 июня. № 23. С. 474—476; без подписи). К концу августа относится свидетельство Белинского: «“Мертвых душ” скоро нельзя будет достать ни в одной книжной лавке, несмотря на то, что они печатались в большом числе экземпляров...» (*ОЗ*. 1842. Т. XXIV. № 9. Отд. VI. «Библиографическое известие». С. 27; ценз. разр. 31 августа; без подписи; то же: *Белинский*. Т. VI. С. 348).

Будучи за границей, Гоголь тщательно следил за возвращением московских долгов и, опасаясь того, что «никто не захочет получить первый, отговариваясь, что ему не так нужно», определил «непременный порядок»: Погодину (полагал, что полторы тысячи ему уже заплачено), Свербееву, неизвестному (вероятно, им был С.Т. Аксаков), Н.Ф. Павлову, Хомякову, «вторая серия как следует по писанному» (в письме С.П. Шевыреву от 3(15) августа 1842 г. из Гастейна). К весне 1843 г. тираж был полностью распродан. 23 марта 1843 г. В.С. Аксакова сообщила М.Г. Карташевской, что «“Мертвых душ” уже не оставалось ни одного экземпляра, так что, может быть, приступят ко второму изданию» (*ЛН*, т. 58. С. 658).

В это же время (в письме от 26—29 марта 1843 г.) Шевырев уведомлял Гоголя: «“Мертвые души” все разошлись до последнего экземпляра, который я оставил для тебя. Счет всему подробный пришлю тебе, когда узнаю верно, где ты будешь на лето. Из последней суммы, мною полученной, надобно доплатить долг Погодину, а остальное пойдет в часть уплаты нового долга Аксакову, пославшему тебе 3500 р.; прежний же долг весь ему заплачен, равно как и всем другим» (*Гоголь. Переписка*. Т. 2. С. 297). 5(17) апреля 1843 г., в письме Прокоповичу из Рима, Гоголь снова напоминал о необходимости возвращения долгов: «Мне хотелось, чтобы скорей как можно выплатилась хотя половина моих долгов из продажи М(ертвых) д(уш) и чтобы не брать оттуда для себя ни копейки до того времени». К осени 1843 г. Шевырев полностью завершил все финансовые дела, связанные с МД. 12(24) сентября 1843 г.

Гоголь сообщал об этом Прокоповичу из Дюссельдорфа: «С “Мертвыми душами” (...) он (Шевырев. — Ред.) распорядился прекрасно и во всем до последнего нуля прислал отчет. (...) Напечатание тома “Мертвых душ” мне стало 2 тысячи». Возможно, Гоголь имеет здесь в виду систематические промежуточные отчеты Шевырева, что же касается итогового отчета, то Гоголь запросил его (в краткой форме) лишь в письме от 24 сентября (6 октября) 1843 г. «Отчет» Шевырева датирован 27 октября 1843 г. (*Отчет публ. б-ки 1896*. С. 1–13). Шевырев отчитался перед Гоголем за каждую книжку (тираж составил 2400 экземпляров) и за каждый рубль (там же, с. 10–13). В результате реализации МД и уплаты гоголевских долгов у Шевырева осталось четырнадцать рублей девяносто семь копеек, которые были им внесены в приход продававшихся в то время Сочинений Гоголя (там же, с. 13). Таким образом, готовность Гоголя не брать «для себя ни копейки» от продажи МД была реализована почти буквально.

* * *

По замечанию В.И. Шенрока, еще в 1842 г. ходили слухи о намерении Гоголя приступить ко второму изданию «Мертвых душ». Вероятно, они были вызваны недоразумением: новое издание поэмы «смешали» с «Сочинениями» Гоголя (*Шенрок*. Т. IV. С. 421–422). Действительно, 24 декабря 1842 г. В.П. Боткин писал А.А. Краевскому: «Не забудьте сказать Б(елинско)му, что я, положась на слова Грановского, наврал ему насчет второго издания “Мертвых душ”. Все это вздор, и мне очень досадно, что я было поверил ему», а уже 1 февраля 1843 г. Боткин сообщил тому же адресату о получении «Сочинений» Гоголя (Письма В.Г. Белинского и В.П. Боткина к А.А. Краевскому // *Отчет публ. б-ки 1893*. С. 52, 58; *Шенрок*. Т. IV. С. 421–422).

В гоголевской переписке первое упоминание о втором издании «Мертвых душ» относится, по-видимому, к началу ноября 1842 г. С.Т. Аксаков, отправляя Гоголю брошюру К.С. Аксакова «Несколько слов о поэме Гоголя: “Похождения Чичикова, или Мертвые Души”», набросал карандашом на последней странице: «Я виделся с Шевыревым. Мертвых Душ осталось у него 530 экземпляр. да в Петербурге 100. Он говорит, что к новому году нужно будет второе издание. Что вы на сие скажете?» (*Тих.* Т. 3. С. 500; см. также список рукой неуст. лица: *ОР РГБ*. Ф. 74. К. 8. Ед. хр. 4). Вероятно, мысль о необходимости переиздания поэмы высказывалась Шевыревым и в его несохранившемся письме к Гоголю. Содержание этого письма предположительно устанавливается по ответу Гоголя от 16(28) февраля 1843 г. из Рима (см.: *Тих.* Т. 3. С. 500; *Ак.* Т. 12. С. 620): «Ты говоришь, что пора печатать второе издание “М(ертвых) д(уш)”, но что оно должно выдти необходи-

мо вместе со 2-м томом. Но если так, тогда нужно слишком долго ждать. (...) два года — это самый короткий срок».

Первоначально Гоголь намеревался вносить исправления в первый том «Мертвых душ» параллельно с работой над вторым. Об этом свидетельствуют, в частности, письма 1842—1843 гг. Например, 23 апреля (5 мая) 1843 г. Гоголь писал Жуковскому из Флоренции, что не считает изданную часть поэмы завершенной: «Благодарю вас (...) за два слова о М(ертвых) д(ушах) и за обещание поговорить при свидании об этом предмете подробно. Судя по всему, дело кажется не обойдется без ругани. Это я люблю, тем более, что я не почитаю вовсе дело конченным, если вещь напечатана...». В письме от 16(28) мая 1843 г. из Мюнхена Гоголь обратился к Н.М. Языкову со следующей просьбой: «...перечти еще один раз Мер(твые) души. Во второй раз дело будет очевиднее и всякие ошибки яснее. Мне это слишком нужно. В течение двух лет, т.е. прежде совершенного исправления всего, мне нужно увидеть все дыры и прорухи. Особенно мне нужны теперь вот какие замечания: какая глава сильнее, какая глава слабее другой; где, в каком месте возрастает более сила всего, где устает автор, вял (...) где, по крайней мере, он уступает самому себе, оказавшемуся в других местах. Одним словом, все то, что относится до всего каркаса машины».

Гоголь особенно интересовался мнениями о поэме читателей, не относящихся к числу его друзей и почитателей. 23 мая 1842 г., уезжая за границу, он просил С.Т. Аксакова «старательно вслушиваться во все суждения и отзывы о “Мертвых душах”, предпочтительно дурные, записывать их из слова в слово и все без исключения сообщать ему в Италию» (Аксаков 1960. С. 68—69). Сергей Тимофеевич вспоминал: «Он уверял меня, что это для него необходимо, просил, чтоб я не пренебрегал мнениями и замечаниями людей самых глупых и ничтожных, особенно людей, расположенных к нему враждебно; он думал, что злость, напрягая и изодряя ум самого пошлого человека, может открыть в сочинении такие недостатки, которые ускользали не только от пристрастных друзей, но и от людей, равнодушных к личности автора, хотя бы они были очень умны и образованны» (там же, с. 69). Аксаков выполнил просьбу Гоголя и сообщил ему в письме от 3, 5 июля 1842 г. некоторые сведения о реакции читающей публики на поэму. Гоголь написал в ответ: «...подробные известия обо всем этом мне всегда слишком интересно слышать. Многие замечания, вами приведенные, были сделаны не без основания теми, которые их сделали. Продолжайте сообщать и впредь, как бы они ни казались ничтожны. Мне все это очень нужно» (6(18) августа 1842 г., из Гастейна).

Не меньший интерес проявлял Гоголь к критическим статьям и заметкам, посвященным поэме. Он настойчиво просил друзей и знакомых присылать ему подобные материалы. Например, 12(24) июля 1843 г.

Гоголь писал С.Т. Аксакову из Бадена о том, что ему бы очень хотелось получить из России накопившиеся «критики и разборы» его сочинений. В письме от 7(19) апреля 1843 г. из Рима он просил Н.Я. Прокоповича прислать ему «листки критики, бывшей в Отечест(венных) э(аписках), как на М(ертвые) д(уши), так и на Сочинения», а также сделать для него копии «критик Сенковского и Полевого на то и другое».

В целом отношение Гоголя к критике в этот период — «элемент общего мироощущения» писателя, «созидающего свое эпохальное творение»: «Мертвые души» «не могут быть до конца поняты, пока не будут завершены», а до тех пор негативные и недоброжелательные отзывы о произведении «не только неизбежны, но и предопределены общей стратегией замысла» (Манн 2004. С. 654).

В письме от 26–29 марта 1843 г. Шевырев сообщил Гоголю: «Мертвые Души все разошлись до последнего экземпляра (...). Надобно приниматься за новое издание первого тома» (Отчет публ. б-ки 1896. С. 3). На этот раз московские друзья Гоголя отказались от мысли выпустить два тома вместе — вероятно, сыграли роль уверения писателя в том, что работа над вторым томом займет не менее двух лет (письмо Шевыреву от 16(28) февраля 1843 г. из Рима). Кроме того, коммерческий успех первого тома («Книга была раскуплена нарасхват», — вспоминал С.Т. Аксаков — Аксаков 1960. С. 71) позволял надеяться, что переиздание поправит материальное положение Гоголя. «Если все разошлось и публика, стало быть, требует, то надобно удовлетворить ее желанию», — писал Шевырев (письмо от 26–29 марта 1843 г. — Отчет публ. б-ки 1896. С. 4). Наконец, «ускорение дела» было желательным еще и потому, что «голос публики» мог заглушить «голоса врагов» (там же). Предполагалось, что Гоголь внесет исправления в текст первого тома: «...ты должен перечесть его, а мы должны тебе переслать экземпляр с нашими отметками» (там же).

Гоголь откликнулся на это предложение лишь осенью: согласился на переиздание книги, но отказался вносить в нее поправки. 24 сентября (6 октября) 1843 г. он писал Шевыреву из Дюссельдорфа: «Приступи ко второму изданию М(ертвых) д(уш). Поправок не нужно, кроме разве в языке и слоге, что ты можешь сделать лучше моего. Если же я теперь к чему-нибудь прикоснусь, то многое не останется на месте и займет это не мало времени. Поправки могут быть произведены только тогда, когда я буду умней».

По мысли Н.С. Тихонравова, одной из причин, подтолкнувших Гоголя напечатать второе издание «Мертвых душ» без всяких перемен, стало то, что он не получал от друзей и знакомых «просимых указаний на недостатки первой части» поэмы (Тих. Т. 3. С. 501). Сказалась и нехватка материалов, «вещественной и духовной статистики Руси» (письмо

Гоголя Н.М. Языкову от 9(21) апреля 1846 г. из Рима) — просьбами о подобных сведениях наполнены письма Гоголя этого периода.

Тем не менее решение писателя о выпуске нового издания поэмы было осуществлено не сразу. На письмо Гоголя от 24 сентября (6 октября) 1843 г. Шевырев ответил напоминанием о том, что необходимо получить цензурное разрешение на публикацию: «О втором издании М(ертвых) Д(уш) надобно похлопотать сначала в Петерб(урге). Ты должен написать о том к Плетневу и Одоевскому. Не разрешат, я думаю, не спросяся» (27 октября 1843 г.; *Отчет публ. б-ки 1896*. С. 7–8). Существует мнение, что именно «цензурные препятствия», о которых вел речь Шевырев, привели Гоголя к мысли «приостановить» издание (*Ак. Т. 12. С. 637–638*). Однако, по всей видимости, были приняты во внимание и другие обстоятельства. 21 января (2 февраля) 1844 г. Гоголь писал Шевыреву из Ниццы: «Что касается до 2-го издания М(ертвых) д(уш), то мне кажется, что это дело можно приостановить. Я не предвижу большого расхода. Деньги пока можно взять у Языкова, что, я думаю, ты уже сделал, а потом... утро вечера мудренее. Теперь я так мало забочусь о том, что будет в отношении денежном, как никогда доселе. В конце прошлого года я получил от государыни тысячу франков». Наконец, одним из наиболее существенных факторов, повлиявших на принятие решения, явилось желание Гоголя издать книгу в исправленном виде (см. об этом: *Тих. Т. 3. С. 501*).

Колебания Гоголя по поводу переиздания первого тома могли быть связаны также с тем, что работа над вторым томом осуществлялась «урывками, от случая к случаю» (*Манн 2004. С. 668*). Надежда представить в срок сразу два тома «Мертвых душ» то угасала, то снова оживала. Так, осенью 1843 г., когда было отправлено письмо Шевыреву с согласием на выпуск первого тома в прежнем виде, в работе наступила «непредвиденная пауза» (там же). К зиме же 1844 г., когда было принято решение о «приостановке» издания, ситуация несколько изменилась: Гоголь почувствовал себя бодрее; работа, пусть и медленно, но продвигалась вперед; писатель даже читал отрывки из второго тома А.О. Смирновой (там же. С. 676–678). По свидетельству Н.А. Мельгунова, осенью 1844 г. Гоголь, ощущая подъем творческих сил, намеревался продолжить работу над вторым томом и отказывался «перепечатывать» первый, «пока не издаст по крайней мере второй части» (письмо С.П. Шевыреву от 10(22) октября 1844 г. из Маннгейма — *Кирпичников А.И. Между славянофилами и западниками. Н.А. Мельгунов // Кирпичников А.И. Очерки по истории новой русской литературы (Пушкинский период). 2-е изд., доп. Т. II. М., 1903. С. 199*).

Возможно, к переизданию первого тома «Мертвых душ» Гоголя подталкивало стремление напомнить о своем творчестве читателям, предъявить им «нечто осязаемое» (см.: *Манн 2004. С. 670*). Однако к

весне 1845 г. это стремление приняло несколько иную форму: у Гоголя созрел замысел «Выбранных мест из переписки с друзьями». Именно в связи с этим новым замыслом был впоследствии пересмотрен и план переиздания первого тома поэмы. Два «предприятия» объединялись общими целями. С одной стороны, они заключали в себе «момент самооправдания», «компенсации»; с другой, — «это был пробный шар и для автора, и для публики» перед появлением второго тома: «Публика должна была почувствовать, какое слово к ней будет обращено; автор — должен увидеть, готова ли публика к этому...» (Манн 2004. С. 720).

Однако связь двух этих начинаний, вероятно, установилась не сразу. На планы Гоголя повлиял кризис лета 1845 г. Как считает Н.С. Тихонов, после «страшной болезни, которая едва не свела его в могилу», и неожиданного, чудесного выздоровления в душе писателя «воскресает надежда окончить “Мертвые Души” — т.е. написать вторую и третью часть и вместе “выправить”, переделать по новому плану первую часть» (Тих. Т. 3. С. 501). Об этом свидетельствуют письма Гоголя начала 1846 г. Так, 4(16) марта он писал Жуковскому из Рима: «...первая часть мне потребна при писании второй, и притом нужно ее самую значительно выправить»; 8(20) марта, отвечая отказом на предложение гравера Е.Е. Бернардовского об издании первого тома «Мертвых душ» с иллюстрациями А.А. Агина, гравированными Бернардовским (см. с. 650 наст. изд.), Гоголь писал Плетневу из Рима: «Художнику Бернардовскому объяви отказ. Есть много причин, вследствие которых не могу покамест входить в условия ни с кем. Между прочим, во-первых, потому, что второе издание 1-й части будет только тогда, когда она выправится и явится в таком виде, в каком ей следует явиться <...> я — враг всяких политипажей и модных выдумок. <...> Можно было бы допустить излишество этих родов только в таком случае, когда оно слишком художественно. Но <...> нужно, чтобы для того и самое сочинение было <...> вычищенным, конченным и не наполненным кучею таких грехов, как мое».

Наконец в июле 1846 г. Гоголь почти одновременно обратился с просьбами к Шевыреву и Плетневу. Первому он поручил переиздание «Мертвых душ», второму — публикацию «Выбранных мест из переписки с друзьями». В письме Шевыреву Гоголь выразил уверенность в том, что «экземпляры» нового издания поэмы «разойдутся» благодаря воздействию на читателя «Выбранных мест...»: «После того голоса, который я подам от себя <...> их станут раскупать» (14(26) июля 1846 г., из Швальбаха).

По замыслу Гоголя, второе издание «Мертвых душ» должно было появиться «в том же самом виде», что и первое: его следовало печатать «на такой же бумаге, в той же типографии, в том же числе экземпляров». Позднее на вопрос Шевырева: «Уведомь: какую ты хочешь обвертку? с такою же ли виньеткой, какая была на первом издании? Напиши, чтобы я мог заказать ее Сиверсу поскорее» (Отчет публ. б-ки 1896. С. 24) —

Гоголь ответил: «Виньетку <...> закажи ту же самую Сиверсу»¹ (письмо от 14(26) сентября 1846 г. из Остенде). Все это обеспечивало «узнаваемость» книги.

Основное отличие второго издания от первого состояло в «присовокуплении <...> предисловия», которое Гоголь обещал прислать к концу «печатанья». Это предисловие, озаглавленное «К читателю от сочинителя», содержало «запрос» к «русскому читающему люду»: представителям всех сословий предлагалось сообщить автору об «ошибках и промахах» первого тома поэмы и прислать ему собственные заметки о российской жизни, необходимые для продолжения работы над книгой (о предисловии см. с. 812 наст. изд.).

Преодоление же «цензурных препятствий» Гоголь предлагал начать в Москве и лишь в случае неудачи обратиться к петербургскому цензору: «Посылать же на цензураванье к цензору в Петербург я не думаю, чтобы оказалась надобность <...>. Если же по причине какой-либо новой бестолковщины оказалось бы так, что нужно посылать в Петербург, то пошли к Никитенке и в то же время письмо к Плетневу, чтобы он его поторопил, потому что Никитенко, при всей благосклонности и расположении ко мне, несколько ленив и может замедлить присылкой». Гоголь выделит месяц на печатание второго издания, «дабы оно могло явиться в свет никак не позже 15-го сентября» (письмо от 14(26) июля 1846 г. из Швальбаха).

Выполняя поручение Гоголя, 29 июля 1846 г. Шевырев отправил Плетневу в Петербург экземпляр «Мертвых душ», чтобы тот передал его «прежнему цензору», т.е. Никитенко, и «попросил его от имени Гоголя ускорить подписание и возвращение». «К здешней цензуре нечего обращаться: она не возьмется за решение такой мудреной задачи. Она же не решалась пропускать первого и, вероятно, захочет быть настойчивою, — писал Шевырев. — Гоголь, хотя и уверен в благосклонности и расположении к нему цензора, но еще более надеется на Вашу порядительность. Он желает ускорить, как можно, второе издание. Я принимаю для этого все меры типографские, но теперь главное зависит от цензуры, и еще более от Вас» (*Грот, Плетнев. Переписка. Т. II. С. 965*).

В этот же день Шевырев написал Гоголю, что в предложенный им срок книгу издать не удастся: «Я сейчас из типографии. Она берется напечатать М(ертвые) Д(уши) менее чем в два месяца, но никак не продлить печатания далее двух, след(овательно) во всяком случае

¹ Литограф Сиверс упоминается в записной книжке Гоголя за 1842–1850 гг. в связи с подготовкой первого издания «Мертвых душ»: «Экземпляры по мере изготовления препровождать к Степану Петровичу. Литографщик Сиверс на Кузнецком мосту возле Лицея обязан изготовить их сорочки, экзempl(яров) по 300 в день, после чего получить книги. Все деньги 102 рубли, 30 ему заплачено».

к 15-му сентября кончить печатание не будет никакой возможности. Другой же типографии с такими средствами, как университетская, здесь мы не имеем. Другая задержка в цензуре. В здешнюю нечего и думать отдавать. Она не пропустила первого издания и, желая заслужить имя настойчивой в своих мнениях и последовательной в действиях, никак не согласится на второе. Я говорил с человеком, знающим коротко все ее свойства, и вследствие этого разговора сейчас пишу письмо к Плетневу и отправляю последний экз(емпляр) М(ертвых) Душ, оставленный для тебя. Не знаю, как получится из Питера, но со времени получения считай два месяца типографской работы, может быть менее, но едва ли. Если через две недели получу обратно, то стало быть прежде 15-го октября не может быть отпечатано, или около того времени» (*Отчет публ. б-ки 1896. С. 24; то же: Гоголь. Переписка. Т. 2. С. 322*).

9 августа 1846 г. Плетнев сообщил Шевыреву о том, что «Мертвые души» «уже подписаны тем же цензором, который пропустил и первое издание», и «препровождены обратно» в Москву (*Мат. и иссл. 1936. Т. I. С. 162*; отметим, что официально цензурное разрешение второго издания «Мертвых душ» датировано 25 августа 1846 г.). В ответном письме (21 августа 1846 г.) Шевырев поблагодарил Плетнева «от Гоголя и от себя» за скорое возвращение «Мертвых душ», подписанных цензором, и сообщил: «Я уже печатаю. Гоголь обещает предисловие» (*Грот, Плетнев. Переписка. Т. II. С. 951*).

На письмо Шевырева от 29 июля Гоголь смог откликнуться лишь 14(26) сентября из Остенде: «Предисловие ко второму изданию “М(ертвых) д(уш)” посылаю на днях к Плетневу. От него ты получишь его процензированное».

Действительно, через несколько дней, 21 сентября (3 октября) 1846 г., Гоголь из Франкфурта выслал Плетневу предисловие, сопроводив его просьбой «дать Никитенке подписать и отправить немедленно Шевыреву». Таким образом, предисловие ко второму изданию первой части «Мертвых душ» было написано в период между концом июля и началом октября н. ст. 1846 г. (см.: *Тих. Т. 3. С. 503*). 23 сентября (5 октября) Гоголь сообщил Шевыреву об отправке предисловия в Петербург и попросил исправить в нем «слог»: «Я не мастер на предисловия. Для меня труден этот приличный язык, которым должен разговаривать автор с нынешней публикою, а потому угладь всякое неловкое выражение и устрой всякий неуклюжий период». В этом же письме Гоголь снова указал на взаимосвязь предисловия и «Выбранных мест из переписки с друзьями»: «Мне нужно было сказать дело весьма для меня нужное. После этого почувствуешь и сам, хотя теперь и не смекнешь, почему оно мне нужно. Что книга выйдет несколько позже, это ничего; ей даже и не следует выходить раньше некоторого другого предисловия, не сделавши которого, мне нельзя и в дорогу. Дело это возложено на Плетнева. Это

выбор из некоторых моих писем к друзьям, который должен выйти особой книгой. (...) Может быть, через месяц, то есть, если не в конце октября, то в начале ноября, должна выйти книга, а потому до того времени не выпускай “Мертвые души”».

20 октября (1 ноября) 1846 г. второе издание поэмы было полностью готово к печати. Сообщая об этом Гоголю, Шевырев выразил свое мнение о книге: «Подписав последнюю корректуру второго издания Мертвых Душ и твоего предисловия, беру перо, чтобы поблагодарить тебя еще раз за это сочинение, которое вырастает более при каждом чтении. Вгляделся ты глубоко в неразумную сторону России, с полною любовью к другой еще невидимой, несознанной стороне, открытия которой в художественном мире мы все от тебя ожидаем. Твое предисловие мне пришлось по сердцу: мне кажется из него, что ты растешь духовно. Я желаю, чтоб оно ввело тебя в сношения со всеми возможными Русскими людьми из всех сословий. Но можно ли узнавать Россию, живучи все так далеко от нее? Неужели не чувствуешь потребности побывать опять в ней, чтобы освежить впечатления и собрать новые?» (*Отчет публ. б-ки 1896. С. 27; то же: Гоголь. Переписка. Т. 2. С. 325*).

Шевырев также сообщил, что по просьбе Гоголя внес в предисловие незначительную правку: «Слог в предисловии твоем я весьма немного исправил только в том, что не совсем было гладко или согласно с нашими правилами. А в прочем вся твоя особенность, которою я весьма дорожу, осталась тут — и твой период» (*Отчет публ. б-ки 1896. С. 29; то же: Гоголь. Переписка. Т. 2. С. 326*). Кроме того, Шевырев уведомил Гоголя о том, что через несколько дней тираж будет отпечатан, но, согласно пожеланию писателя, книга выйдет не ранее «Выбранных мест из переписки с друзьями» (*Отчет публ. б-ки 1896. С. 27; то же: Гоголь. Переписка. Т. 2. С. 325*).

Оформление издания также было выполнено в соответствии с замыслом Гоголя. Шевырев писал: «Виньетку я заказал Тромонину, который сделает точно такую же, но лучше, чем Сиверс» (там же; Корнелий (Корнилий) Яковлевич Тромонин (ум. в 1847 г.) — художник, литограф, известный любитель русской старины, автор книг и брошюр по искусству и археологии).

В конце октября 1846 г. книга была напечатана. Шевырев отправил в Петербург несколько экземпляров, один из которых предназначался Никитенко, и сообщил Гоголю 29 октября 1846 г.: «Мертвые Души отпечатаны. Сегодня отправляю экземпляры в Петербург для цензуры. Выпущу, когда выйдет твоя Переписка» (*Отчет публ. б-ки 1896. С. 30; то же: Гоголь. Переписка. Т. 2. С. 330*). В тот же день Шевырев написал Плетневу: «Сегодня отправляю в цензурный комитет 8 экземпляров Мертвых Душ, из которых 6 для цензурного комитета, один для Вас и один для г. цензора. Сделайте милость, позаботьтесь о ско-

рейшей высылке билета. Но Мертвые Души не должны выйти прежде появления той книги, которую Вы печатаете. Потому прошу Вас покорнейше уведомить меня: к какому времени, думаете Вы, поспеют отрывки из Переписки с друзьями?» (Грот, Плетнев. Переписка. Т. II. С. 958). Плетнев «препроводил» присланный Шевыревым экземпляр второго издания «Мертвых душ» Никитенко 4 ноября (см. письмо П.А. Плетнева А.В. Никитенко от 4 ноября 1846 г. — *Мат. и иссл.* 1936. Т. 1. С. 167).

19 ноября (1 декабря) 1846 г. Гоголь обратился к Шевыреву из Неаполя со следующей просьбой: «...устрой, чтобы в “Московских Ведомостях” было напечатано объявление о втором издании “М(ертвых) д(уш)” и выписано целиком предисловие. Я опасаясь, что те, которые имеют уже первое издание и, стало быть, не имеют надобности во втором, не будут иметь случая прочесть предисловия, а мне слишком важны все замечания». В этом же письме Гоголь просил Шевырева пересылать ему все отклики читателей на «запрос», содержащийся в предисловии.

Шевырев ответил Гоголю 30 декабря 1846 г.: «О предисловии я попрошу издателя Московских Ведомостей. Впрочем, О(течественные) записки, незаконно пользуясь экземплярами, присланными в петерб(ургскую) цензуру, уже успели напечатать отрывки из этого предисловия. Цензура петерб(ургская) делает чудесные вещи. Никитенко твои рукописи оглашал всем своим друзьям, приятелям и знакомым. (...) замечания на М(ертвые) Души пересылать тебе буду по мере получения» (*Отчет публ. б-ки 1896. С. 39*, то же: *Гоголь. Переписка. Т. 2. С. 338*). «Отечественные записки» действительно напечатали выдержки из гоголевского предисловия до выхода книги, в рецензии на издание, опубликованной в декабрьском номере за 1846 г. (*ОЗ. 1846. Т. 49. № 12. Отд. VI. С. 57*; о содержании рецензии, написанной В.Н. Майковым, см. с. 602 наст. изд.).

В том же письме Шевырев сообщил: «Два завода М(ертвых) Душ лежат у меня в доме, готовые к распродаже. Ты писал ко мне, чтобы выпустить их в свет после того, как выйдут Выбр(анные) Места. Я ожидаю этого беспрерывно. Между тем книгопродавцы со всех сторон осаждают меня. Но твои приказания строги до малейших подробностей. (...) Когда явится твоя книга в Петербурге, тогда выпущу и М(ертвые) Души» (*Отчет публ. б-ки 1896. С. 38–39*, то же: *Гоголь. Переписка. Т. 2. С. 338*).

Гоголь одобрил такое решение: «Если ты поудержал выпуском в продажу вт(орое) изд(ание) “Мер(твых) душ”, то сделал хорошо, потому что предисловие может быть понятно читателям только по прочтении моей “Переписки”. А без этого все это будет дико, и никто не увидит сильной нужды моей в исполнении моей просьбы» (8(20) января 1847 г., из Неаполя).

ПОХОЖДЕНІЯ ЧИЧКОВА,

ИЛИ

МЕРТВЫЯ ДУШИ.

ПОЭМА

Н. ГОГОЛЯ.

Издание второе.

МОСКАВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1846.

Титульный лист второго издания «Мертвых душ»

Наконец книга поступила в продажу. В первых числах января об этом сообщили газеты (*МВед.* 1847. 7 января. № 3. С. 24; Прибавления к *МВед.* 1847. 7 января. № 3. Отд. II. С. 32). В.С. Аксакова 9 января написала И.С. Аксакову о выходе книги (*ЛН*, т. 58. С. 696). 8 января 1847 г. Шевырев отправил Гоголю «первые вырученные деньги за 2-е издание *М(ертвых) Душ*», сопроводив их обнадеживающим прогнозом: «Издание, судя по началу, не залежится» (*Отчет публ. б-ки 1896.* С. 41).

С публикацией второго издания «Мертвых душ» — а вместе с ним и предисловия «К читателю от сочинителя» — ситуация «читатель и “Мертвые души”» вступила в новую фазу (*Манн 1987.* С. 242). Однако, как отмечает Н.С. Тихонравов, «надежды поэта не сбылись»: «...предисловие принесло Гоголю не много замечаний на первую часть “Мертвых Душ”, да и те не всегда отвечали на запросы предисловия» (*Тих.* Т. 3. С. 504; об откликах на предисловие см. с. 600—603 наст. изд.).

Между текстами первого и второго изданий «Мертвых душ» существуют немногочисленные различия (они отражены в своде вариантов — см. с. 11—292 наст. изд.). Однозначно определить их происхождение трудно: они могли возникнуть и вследствие ошибок набора, и в результате исправлений, внесенных в корректуру. Тем не менее во многих случаях наиболее вероятной причиной появления разночтений можно считать правку, нацеленную на устранение ошибок и опечаток первого издания. По всей видимости, она осуществлялась корректором или редактором без согласования с Гоголем, находившимся в это время за границей. Как известно, Шевырев «проявлял гораздо меньше скромности в своих редакторских обязанностях, чем Прокопович» (*Слонимский А.Л.* Вопросы гоголевского текста // *Изв. АН СССР.* Отд. лит. и яз. 1953. Т. XII. Вып. 5. С. 408). По воспоминаниям Н.В. Берга, «Шевырев исправлял, при издании сочинений Гоголя, даже самый слог своего приятеля, как известно, не особенно заботившегося о грамматике. Однако, исправив, должен был все-таки показать Гоголю, что и как исправил, разумеется, если автор был в Москве. При этом случалось, что Гоголь скажет: “Нет, уж оставь по-прежнему!” Красота и сила выражения иного живого оборота для него всегда стояли выше всякой грамматики» (*Берг Н.В.* Воспоминания о Н.В. Гоголе // *Гоголь в воспоминаниях современников.* М., 1952. С. 504).

«Нормирующий» характер правки второго издания проявлялся, например, в том, что оригинальные авторские варианты употребления слов и аффиксов заменялись стандартными. В результате пропадал характерный для гоголевского стиля эффект «остранения» языковых единиц (см.: *Еремина Л.И.* О языке художественной прозы Н.В. Гоголя. М., 1987. С. 3), стиралась заложенная в словах образность и экспрессия.

Так, в рассуждении о русском вознице (глава III) глагол «качать» был заменен на «катать»: «Русский возница имеет доброе чутье вместо глаз, от этого случается, что он, зажмуря глаза, качает иногда во весь дух и всегда куда-нибудь да приезжает». Здесь под словом «качать» подразумевается «быстро ехать». Однако, по данным словарей, у этого слова отсутствует подобное значение; оно есть лишь у возвратного глагола «качаться», относящегося к областной лексике, и у формы повелительного наклонения «качай», принадлежащей к просторечию (Опыт областного великорусского словаря, изданного Вторым отделением имп. Академии наук. СПб., 1852. С. 81; Словарь русских народных говоров. Вып. 13. Л., 1977. С. 143; Словарь русского языка XVIII века. Вып. 10. СПб., 1998. С. 17). Используя необычную лексическую единицу с яркой стилистической окраской, Гоголь приближает читателя к изображаемому персонажу; кроме того, писатель делает ощутимой внутреннюю форму слова, пробуждающую ассоциации с тряской по кочкам и ухабам. Нейтральное в стилистическом отношении слово «катать», имеющее иной смысловой оттенок, не выполняет подобных художественных функций.

Аналогичные искажения возникли в результате исправления слова «доехал» на «доел» в пассаже о Собакевиче (глава VII): «Собакевич (...) пристроился к осетру» и «в четверть часа с небольшим доехал его всего», «от произведенья природы всего оставался один только хвост; а Собакевич пришипился так, как будто и не он», «Отделавши осетра, Собакевич сел в кресла и уж более не ел, не пил, а только жмурил и хлопал глазами». Слово «доехать» (употребленное здесь в переносном смысле, причем весьма неожиданно в данном контексте) относится к сфере «устно-фамилярной» речи, характерной для изображаемой среды (*Виноградов В.В. Язык Гоголя // Мат. и иссл. 1936. Т. 2. С. 343–344*). В подобном регистре написан весь фрагмент (ср.: «пристроиться», «отделать», «пришипиться», «хлопать глазами»); замена слова нарушила стилистическое единство текста.

В некоторых случаях исправления затрагивали стилистически значимые варианты употребления аффиксов. В главе II поэмы Манилов, предлагая Чичикову расположиться в креслах, говорит: «Здесь вам будет попокойнее». Приставка «по» в слове «попокойнее» подчеркивает (и на фонетическом, и на смысловом уровне) характерные особенности речи и поведения персонажа: манерность, слащавость, излишнюю предупредительность. Во втором издании приставка была отброшена, в результате чего реплика стала менее выразительной («Здесь вам будет покойнее»).

В размышлениях Коробочки просторечное «спечь» было исправлено на нейтральное «испечь»: «...пойти сказать Фетинье, чтоб спекла блинов; хорошо бы также загнуть пирог пресный с яйцом...». Замена приставки, очевидно, шла вразрез со стремлением автора использовать

простонародную бытовую лексику для характеристики персонажа (см. здесь же выражение «загнуть пирог»).

Областное слово «прописать» во втором издании было заменено на невыразительное «приписать», имеющее к тому же иное значение: «“Это что за мужик: Елизавета Воробей. Фу ты пропасть: баба! она как сюда затесалась? Подлец Собакевич, и здесь надул!” Чичиков был прав: это была, точно, баба. Как она забралась туда, неизвестно, но так искусно была прописана, что издали можно было принять ее за мужика, и даже имя оканчивалось на букву ь, то-есть не Елизавета, а Елизаветь». Повествование здесь ведется «в зоне персонажа», поэтому использование стилистически маркированной лексики принципиально важно. Кроме того, в данном контексте глагол «прописать» создает образ любовного, тщательного, аккуратного письма, подчеркивая тем самым особое качество «реестра» крестьян Собакевича.

Один из наиболее ярких примеров отступления от авторского замысла во втором издании поэмы связан с разрушением стилистической игры, крайне существенной для понимания главы II «Мертвых душ». Уже отмечалось, что «в поэтике Гоголя к л ю ч е в о е слово может (...) становиться опорным образом, стержневым для данного текста» (*Еремина Л.И.* О языке художественной прозы Н.В. Гоголя. М., 1987. С. 30; разрядка в оригинале). Именно такую роль играет слово «заманить» в рассказе о посещении Чичиковым деревни Манилова, однако во втором издании оно было заменено близким по звучанию словом «занимать» в предложении: «Деревня Маниловка не многих могла заманить своим местоположением». Тем самым был уничтожен каламбур («Маниловка — «заманить»), в значительной мере определяющий интонацию и смысловую доминанту главы.

Исправление такого рода было внесено и в описание необычного «поведения» часов в доме Коробочки: «Слова хозяйки были прерваны странным шипением, так что гость было испугался и посторонился; шум походил на то, как бы вся комната наполнилась змеями; но, взглянув-ши вверх, он успокоился, ибо смекнул, что стенным часам пришла охота бить. За шипением тотчас же последовало хрипенье, и наконец, понатужась всеми силами, они пробили два часа таким звуком, как бы кто колотил палкой по разбитому горшку...». Вместо эпитета «странный», точно характеризующего не только свойства конкретного «локуса» в пространстве поэмы, но и особенность ее художественного мира в целом, во втором издании появилось слово «страшный», формально соответствующее контексту («...гость было испугался...»), но по сути совершенно не согласующееся с его смысловой и художественной направленностью.

Прочие разночтения в текстах двух изданий не столь существенны. По большей части они сводятся к употреблению разных вариантов написания слов и образования грамматических форм, либо касаются числа и

падежа существительных, времени глаголов и т. д. В ряде случаев издание 1846 г. повторяет вариант какой-либо из предварительных редакций поэмы, отличающийся от окончательного, однако нет оснований полагать, что при подготовке книги использовались рукописи этих редакций. Вероятно, подобные совпадения имеют случайный характер.

* * *

Одна из сложнейших проблем первого тома МД — проблема так называемого основного текста. Казалось бы, первое издание поэмы (1842 г.) по праву может считаться авторским: в его основе лежит представленный Гоголем рукописный источник (писарская копия с его собственноручной правкой — *АК4*), Гоголь сам работает над корректурами, ведет переписку с цензором, участвует в подготовке издания — вплоть до выхода книги в свет. Все это предопределяет высокий статус текста первого издания, его несомненную авторитетность. Вместе с тем представленная выше текстологическая история первого тома МД выявляет целый спектр трудноразрешимых вопросов, непосредственно относящихся к обозначенной проблеме. Самый главный из них связан с неоднократным привлечением к технической работе над текстом переписчиков. В двух первых случаях (с *АК1* и *АК2*) о качестве копий судить достаточно трудно. Что касается *АК1*, то здесь возможны два варианта: либо источник, послуживший оригиналом для данной рукописи, не сохранился, либо рукопись написана под диктовку (это кажется вполне вероятным, особенно в отношении второй половины текста, написанной рукой В.А. Панова). Однако даже в этой рукописи удастся выявить погрешности переписчика — например, в тех случаях, когда имеют место очевидные пропуски (см.: *Ак. Т. VI. С. 895*). Текст *АК2* (во всяком случае большая его часть) несомненно написан под диктовку. Это обстоятельство (наряду с авторитетностью самих «переписчиков» — В.А. Панова и П.В. Анненкова) позволяет предположить, что качество копии достаточно высокое. К тому же, как справедливо отмечалось (*Ак. Т. VI. С. 897*), эта копия была прочитана и подвергнута огромной переработке, т.е. авторизована.

Совсем иначе обстоит дело с третьей, московской, копией — *АК3*. Она создавалась в очень сжатые сроки, в большой спешке. О качестве этого источника можно судить с полной определенностью, так как оригиналом послужила предыдущая, сохранившаяся, копия — *АК2*. Сверка показывает, что в результате копирования было допущено огромное количество грубейших ошибок, неточностей, мелких погрешностей. О низком техническом уровне рукописи говорит даже ее внешний вид — небрежный, с многочисленными описками, поправками и переправками. Как и в других подобных случаях, рукопись не была считана с оригиналом, а тут же подверглась дальнейшей авторской правке. Гоголь работал

над копией, судя по всему, даже не предполагая, какой огромный урон нанесли ее «создатели» тексту «Мертвых душ». Решающую роль в этом грубом искажении текста, вероятно, сыграли два фактора: крайне неразборчивый характер оригинала (трудные почерки В.А. Панова и особенно П.В. Анненкова, в сочетании с объемной, многослойной, сложной для прочтения авторской правкой) и чрезвычайная небрежность, даже малограмотность переписчиков.

Многочисленные искажения текста, допущенные при изготовлении копии, поддаются систематизации и подразделяются на пять групп. Каждая из них представлена ниже лишь несколькими примерами, оформленными по образцу свода вариантов: слева от косой черты — вариант основного текста, справа от нее — вариант АК2 (если он отличается от основного текста), затем — вариант АК3 (отмеченный знаком \diamond в тех случаях, когда после исправления стал совпадать с основным текстом). Первая группа — ошибки, которые были замечены и выправлены Гоголем в полном соответствии с оригиналом (т.е. с АК2):

- С. 15^{28–29} под крылышками / под ножками \diamond (АК3)
С. 18³² дельные замечания / дельные сообщения \diamond (АК3)
С. 127³⁵ прочь набежавшая на чело морщина / набежавшая на чело морщина \diamond (АК3)

Вторая группа — пропуски слов и фрагментов, которые были заполнены Гоголем в полном соответствии с оригиналом (т.е. с АК2):

- С. 10^{26–27} с штучными выкладками / с штучными <оставлено свободное место> \diamond (АК3)
С. 14⁶ вышивал иногда по тюлю / вышивал иногда <оставлено свободное место> \diamond (АК3)
С. 85⁹ было посулено Ноздреву / было <оставлено свободное место> Ноздреву \diamond (АК3)

Третья группа — ошибки, которые были замечены и исправлены Гоголем без учета оригинала, т.е. с созданием новых вариантов текста (подобные примеры см. также: Ак. Т. VI. С. 897):

- С. 38^{14–15} мысли его перенеслись незаметно / мысли его перешли незаметно (АК2); мысли его перенесли незаметно \diamond (АК3)
С. 91³⁵ каждый предмет, каждый стул, казалось, говорил / каждый из них как будто говорил (АК2); каждый из них как говорил \diamond (АК3)

С. 133

^{16–17} вероятно, для изображения чистоты душ помещавшихся в нем должностей / вероятно, для изображения чистоты и невинности обитавших в нем должностей (АК2); обитавших в нем должностей [◊] (АК3)

Четвертая группа — пропуски слов и фрагментов, которые были заполнены Гоголем без учета оригинала (АК2), т.е. с созданием новых вариантов текста (подобные примеры см. также: Ак. Т. VI. С. 896):

С. 11

⁴ испивать свою известную пару чаю / испивать заповедную пару чаю (АК2); испивают *⟨оставлено свободное место⟩* пару чаю [◊] (АК3)

С. 13

³⁸ во всю насосную завертку / во всю насосную захрапку (АК2); во всю насосную *⟨оставлено свободное место⟩* [◊] (АК3)

С. 22

^{19–20} кусты молодых сосен, обгорелые стволы старых, дикой вереск / кусты молодых сосен, смешанные со всяким чапыжником, обгорелые стволы старых (АК2); кусты молодых сосен, сплетенные со всяким *⟨оставлено свободное место⟩*, обгорелые стволы старых [◊] (АК3)

С. 160

^{20–21} по случаю завладения стулом / после наглого завладения стулом (АК2); *⟨оставлено свободное место⟩* завладения стулом [◊] (АК3)

Наконец, последняя группа — ошибки, которые не были замечены Гоголем:

С. 9

²⁴ экипаж въехал на двор / экипаж въехал на двор (АК3)

С. 43

^{9–10} въехавши на двор / въехавши на двор (АК3)

С. 10

¹⁹ обсматривал свою комнату / осматривал свою комнату (АК3)

С. 72

⁶ Зять, обсмотревши / Зять, осмотревши (АК3)

С. 28

^{14–15} наблюсти деликатес в своих поступках / наблюсти деликатность в своих поступках (АК3)

С. 30

²⁹ Учитель опять насторожил внимание. / Учитель опять настроил внимание. (АК3)

С. 32

^{29–30} какое-то совершенно иное, почти странное выражение / какое-то странное или почти странное выражение (АК3)

С. 43

²³ тенора подымаются / тенора поднимаются (АК3)

- С. 46
40 просторные огороды / пространные огороды (АКЗ)
- С. 48
35 что Боже упаси / что Боже храни (АКЗ)
- С. 53
13 муки брать оржаной / муки брать ржаной (АКЗ)
- С. 77
15 земли не зацепит / земли не заденет (АКЗ)
- С. 93
1 подошедши к столику / подошедши к столу (АКЗ)
- С. 95.
16–17 маленечко приотдохнем / маленько приотдохнем (АКЗ)
- С. 101
29 Пожалуйте только расписочку. / Пожалуйте только расписку.
(АКЗ)
31 Все, знаете, лучше расписочку. / Все, знаете, лучше расписку.
(АКЗ)
- С. 137
36–37 Иван Антоныч / Иван Антонович (АКЗ)
- С. 138
1 Иван Антоныч / Иван Антонович (АКЗ)
- С. 139
26 Павел Иваныч / Павел Иванович (АКЗ)
- С. 142
12 осетра, лежавшего в сторонке / осетра, лежавшего в стороне (АКЗ)
- С. 167
20–21 с белыми деревянными барельефчиками / с белыми барельефчиками
(АКЗ)
- С. 169
20 Сестре ее прислали / Сестре я прислала (АКЗ)
- С. 175
37–38 родного отца готов продать / родного отца хотел продать (АКЗ)
- С. 179
2 противоположные / противоположные (АКЗ)
- С. 196
15 противоположность / противоположность (АКЗ)
- С. 209
36–37 великодушно меня выносила / меня великодушно выносила (АКЗ)
- С. 211
3–4 обратили в рабочую лошадь / обратили в лошадь (АКЗ)

Каждый из приведенных примеров можно было бы разбирать отдельно, но и без этого очевидно, что ошибки переписчиков привели к сильнейшему искажению гоголевского текста. В наибольшей степени пострадали необычные, трудные, специфически гоголевские «словечки», словосочетания и формы («въехал», «обсматривал», «наблести

деликатес», «насторожил внимание», «подымаются», «оржаная», «противуположный», стяженные формы имен и отчеств: Антоныч, Иваныч, в других случаях — Григорыч, Михал Семенович). В результате переписки отдельные слова утрачивались, заменялись другими, менялся их порядок (инверсия — одна из самых распространенных ошибок), искажался интонационный строй, трансформировались грамматические формы (в частности, исчезали уменьшительные суффиксы, например, в словах «столик», «маленечко», «сторонка», «расписочка» — в последнем случае утрата уменьшительного суффикса грубо нарушает стилистическую атмосферу диалога Чичикова с Собакевичем) и т.д.

Ошибки приводили не только к обеднению лексической палитры, к стилистической и интонационной коррекции текста, но даже к разрушению художественной логики. Так, в результате одной погрешности был искажен весь психологический рисунок поведения Чичикова в важнейшем эпизоде — первой сцене торговли мертвыми душами (в главе II в диалоге с Маниловым). У Гоголя, в АК2, было: «Я желаю приобрести мертвых...»; в результате копирования в АК3 стало: «Я полагаю приобрести мертвых» (курсив наш. — Ред.). Приведенная ошибка повлекла за собой еще одну несуразность. В конце предыдущей реплики Чичиков уже произносил это же слово, а после вопроса изумленного Манилова только повторил его с дополнительным разъяснением. Таким образом, переписчик разрушил еще и естественный, необходимый в этом случае, повтор.

В другом случае мелкая (на первый взгляд) погрешность при копировании (замена одной буквы на другую) повлекла за собой серьезную цензурную правку. Этот пример относится к главе XI, где в знаменитом лирическом отступлении о Руси рукой автора (в АК2) написано: «бедно, разбросанно и неприятно в тебе». В результате ошибки переписчика в АК3 стало: «бедно, разбросанно и неприятно в тебе». В таком виде слова вошли в следующий источник, АК4, и, конечно, не прошли мимо внимания цензора (слово «неприятно», по-видимому, здесь было особенно раздражающим), который заменил их следующими: «бедна природа в тебе». Так и было напечатано в МД1. В настоящем издании, как и в других случаях, связанных с цензурной правкой, восстановлен авторский вариант (по АК2). Характерно, что и в других случаях это столь дорогое автору слово («неприятно») было камнем преткновения для переписчиков. В главе VI вместо авторских слов (в АК2): «моему охлажденному взору неприятно» — было написано: «моему охлажденному взору неприятно» (АК3, АК4). Эта ошибка была устранена автором в корректуре. И еще раз, снова в главе XI, вместо авторских слов (в ЧА6): «Жизнь при начале взглянула на него как-то кисло-неприятно» — было написано: «Жизнь при начале взглянула на него как-то кисло-неприят-

но» (АКЗ). Только в этом случае данная ошибка была замечена и исправлена автором уже в АКЗ.

В подавляющем большинстве случаев ошибки подобного рода оставались незамеченными, что вполне естественно. Во-первых, как уже отмечалось, Гоголь, как и в других случаях, не считывал копию с оригиналом, а упомянуть всего, конечно, не мог. Во-вторых, работа была ограничена крайне сжатыми хронологическими рамками. В-третьих, Гоголь продолжал интенсивно работать над только что перебеленными главами, что, конечно, отвлекало от «мелочей». Кроме того, мы не знаем, насколько равномерно распределялось авторское внимание между отдельными сценами, скорее всего, как обычно, основные усилия были сосредоточены на совершенствовании наиболее сложных фрагментов текста.

Общий объем ошибок и пропусков, допущенных переписчиками, очень велик — как правило, четыре-пять случаев на страницу печатного текста, в общей сложности — свыше тысячи (см. также: Ак. Т. VI. С. 889, 895—898).

Не свободна от погрешностей и следующая (четвертая по счету и последняя) копия, представленная в цензуру (АК4), хотя в данном случае переписчики (уже другие) работали гораздо аккуратнее и внимательнее. Можно сказать, что это достаточно благополучный текстологический источник. Ошибки здесь, как правило, не носят такого грубого характера, однако и среди них встречаются достаточно серьезные и значимые:

С. 31

¹⁶ застучал вилкою по столу / застучал по столу (АК4)

С. 31

³² в небольшую боковую комнату / в небольшую комнату (АК4)

С. 54

²⁴ Хоть бы мне листик подарил / Хоть бы мне листок подарил (АК4)

С. 60

¹⁰ каких немало повыстроено / каких немало выстроено (АК4)

С. 88

²⁷ бабенка / бабешка (АК4)

С. 103

¹⁵ свое прозвище / свое поприще (АК4)

С. 173

² Я, признаюсь, совершенно потрясена / Я, признаюсь, совершенно потеряна. (АК4)

Подавляющее большинство ошибок в АК4 — так называемые незначительные погрешности, наносящие ощутимый ущерб мельчайшим деталям гоголевского стиля. Как и в АКЗ, это зачастую утрата уменьшительного суффикса:

С. 17

¹ низенького человечка / низенького человека (АК4)

С. 55

^{16–17} горячих блинков / горячих блинов (АК4)

С. 169

²⁴ и через полосочку / и через полосу (АК4)

Наиболее распространенный тип ошибки — видоизменение слова: его корня, суффикса, окончания:

С. 16

⁴⁰ сурьезного / серьезного (АК4)

С. 29

⁹ следить какую-нибудь эдакую науку / следить какую-нибудь этакую науку (АК4)

С. 29

¹⁰ паренья эдакое / паренья этакое (АК4)

С. 49

³⁶ дам деньгу / дам деньги (АК4)

С. 51

³³ в погребу / в погребе (АК4)

С. 52

²⁹ третьего дни / третьего дня (АК4)

С. 52

³¹ роги-то / рога-то (АК4)

С. 142

¹¹ куды / куда (АК4)

С. 176

¹⁰ куды ж / куда ж (АК4)

Очевидно, что подобного рода «мелкие» погрешности приводили к нивелированию особенностей гоголевского стиля и разрушению речевой манеры персонажей.

Исчислить все ошибки, допущенные при последовательном изготовлении четырех копий «Мертвых душ», конечно, невозможно, но, учитывая «печальную» статистику двух последних копий, можно предположить, что общее число посторонних вторжений в гоголевский текст очень велико.

Очевидная дефектность двух последних копий, особенно третьей, ставит перед публикаторами «Мертвых душ» сложнейшую текстологическую проблему: по какому источнику и с какими исправлениями печатать первый том поэмы? Многолетняя история издания МД в полной мере отражает всю сложность этого вопроса. На протяжении долгого времени, вслед за первыми собраниями сочинений, подготовленными П.А. Кулишом и наследниками Гоголя (Сочинения и письма Н.В. Гоголя / Изд. П.А. Кулиша. Т. 4. СПб., 1857; Полное собрание сочинений Н.В. Гоголя / Изд. его наследников. Т. 4. М., 1862), «Мертвые души» печатались (без каких-либо исправлений) по второму прижизненному изданию (1846), хотя оно, как уже отмечалось, вышло без участия ав-

тора. В первом научном издании, осуществленном Н.С. Тихонравовым, поэма Гоголя напечатана по первому прижизненному изданию (1842), с отдельными исправлениями по изданию 1846 г. и с устранением цензурной правки; при этом «Повесть о капитане Копейкине» напечатана в цензурной редакции, т.е. в редакции прижизненного издания 1842 г. (Тих. Т. 3. С. 3–249).

Следующим важным этапом было издание, предпринятое К. Халабаевым и Б. Эйхенбаумом (*Гоголь Н.* Сочинения. Т. III. М.; Л., 1928). Здесь «Мертвые души» напечатаны также по изданию 1842 г., и не только с устранением цензурной правки, но и с восстановлением доцензурной редакции «Повести о капитане Копейкине».

То же самое сделано и в академическом собрании сочинений (Ак. Т. VI. 1951; подготовка текста и комментариев В.А. Жданова и Э.Е. Зайденшнур; по имеющимся сведениям, первоначальная подготовка выполнена до войны В.Л. Комаровичем — см.: *Томашевский Б.В., Фридендер Г.М.* Академическое издание сочинений Н.В. Гоголя // Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. 1952. Т. XI. Вып. 1. С. 56). Кроме того, именно в этом издании впервые обращено внимание на грубейшее искажение текста МД в процессе последовательного изготовления копий (особенно в АКЗ). Текстологи выполнили огромную аналитическую работу, в результате которой был принят следующий принцип подачи текста: все фрагменты, в которых писарские пропуски и ошибки восполнены или исправлены Гоголем без учета второй копии, т.е. с созданием новых вариантов текста, дать в последней авторской редакции; не замеченные Гоголем ошибки переписчиков устранить, т.е. восстановить чтение АК2, которая, как отмечалось выше, может считаться достаточно благополучным источником (Ак. Т. VI. С. 894–898). Но на практике этот принцип в издании не выдержан: одни ошибки (по-видимому, показавшиеся текстологам стилистически значимыми) были исправлены, другие оставлены без внимания. Между тем природа ошибок совершенно одинакова, и поэтому текстологическое решение, связанное с ними, должно быть единым — вне зависимости от того, бросается ли ошибка в глаза или остается совсем незаметной. Уязвимость метода «выборочных» исправлений подтвердило уже следующее научное издание, подготовленное А.Л. Слонимским, который руководствовался теми же текстологическими принципами, но ограничился гораздо меньшим объемом исправлений (*Гоголь Н.В.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 5. М., 1953). Разнообразие текстологических решений (имеющее своим прямым следствием постоянное изменение текста МД) отражает реальную сложность ситуации с рукописными и печатными источниками поэмы: ни один из них не содержит в себе абсолютно надежного, авторитетного текста. Из существующих приоритет принадлежит, конечно, прижизненному (авторскому) изданию 1842 г. Однако, если избрать его в качестве единственного источ-

ника, не внося в текст никаких исправлений, придется напечатать МД под названием, придуманным цензором («Похождения Чичикова, или Мертвые души»), с учетом внесенной им обширной цензурной правки и, наконец, с воспроизведением так называемой цензурной редакции «Повести о капитане Копейкине», т.е. учесть все вынужденные исправления, принятые или собственноручно внесенные Гоголем под цензурным давлением. Другой, в целом благополучный источник, АК2, занимает промежуточное положение в рукописном корпусе МД. В него не вошла значительная по объему правка, внесенная в текст МД на стадии работы над АК3, АК4 и при чтении корректур. Следовательно, и АК2 не может являться основным источником текста. То же самое можно сказать и о рукописях АК3 и АК4 — они не только не отражают последующих этапов авторской правки, но и содержат огромное количество ошибок, возникших по вине переписчиков.

Эта сложная текстологическая ситуация диктует, на наш взгляд, следующее наиболее целесообразное решение — избрать основным источником текста «Мертвых душ» первое издание поэмы (МД1), устранить всю внесенную в него цензурную правку, восстановить «Повесть о капитане Копейкине» в доцензурной редакции и исправить погрешности, допущенные переписчиками. При этом остаются в неприкосновенности те последние варианты, которые были внесены в АК3 и АК4 рукой Гоголя в связи с исправлением ошибок переписчиков. Сюда относятся и вписанные им варианты (на оставленные свободными места), и непосредственные исправления замеченных им погрешностей. Таким образом, исправления, которые вносятся в текст МД1 в настоящем издании, касаются только последней, пятой, группы ошибок — не замеченных Гоголем в АК3 и АК4. Исключения составляют лишь две группы поправок. Первая — те немногочисленные случаи, когда при изготовлении АК3 и АК4 были исправлены очень мелкие, совершенно очевидные описки предыдущего источника (т.е. АК2). Вторая — случаи взаимосвязанной правки, когда сама ошибка оставлена автором без изменения и уже с учетом этого ошибочного написания внесено исправление в ту же или в соседнюю фразу.

Принятые в настоящем издании текстологические решения позволили внести в текст МД, опубликованный в Ак. (т. VI), не только многочисленные уточнения, но в ряде случаев устранить очевидные недоразумения и погрешности.

Один из примеров относится к самому началу главы XI. Здесь, в диалоге Чичикова с Селифаном, фигурирует слово «шибень»: «...теперь дорога ухабиста, шибень такой везде пошел...» (Ак. Т. VI. С. 216; так же и в первом издании — МД1. С. 418). Между тем в АК2 (где это слово вписано рукой Гоголя) и в АК3 имеет место иное чтение: «шибель». Именно в таком виде слово зафиксировано в словарях: «шибель» —

«выбоины, ухабы, кочки и ямки по зимнему пути» (*Даль*. Т. 4. С. 632); «Ухаб, выбоина на дороге» (*Словарь современного русского литературного языка*. Т. 17. М.; Л., 1965. Стб. 1387). Сопоставление с рукописями позволило установить, что «сбой» произошел в *АК4* — при изготовлении этой копии (т.е. при снятии копии с *АК3*, где это слово написано не очень четко) была просто допущена ошибка или описка, исказившая смысл слова и фразы в целом. В настоящем издании восстановлено чтение: «шибель» (по *АК2* и *АК3*).

С более сложным случаем мы сталкиваемся в главе IX. Здесь, в диалоге двух дам, в самостоятельную реплику выделена фраза: «Знаете, Анна Григорьевна, ведь это просто раздирает сердце, когда видишь, до чего достигла наконец безнравственность» (*Ак*. Т. VI. С. 185; так же и в первом издании — *МД1*. С. 357). При обращении к рукописям становится очевидным, что эта фраза появляется только в *АК3* — она вписана рукой Гоголя (л. 147), но не в качестве самостоятельной реплики, что нарушило бы ход диалога, а как дополнение к следующей, уже имеющейся в рукописи фразе: «А мужчины от нее без ума. А по мне, так я, признаюсь, ничего не нахожу в ней...». При внимательном рассмотрении видно, что новая фраза аккуратно вставлена в начало реплики (что помечено в рукописи соответствующей тонкой чертой). Эта вставка не только формально, но и по смыслу сделана автором совершенно четко: по ходу диалога видно, что реплика «А мужчины (...) не нахожу в ней...» (т.е. реплика в ее первоначальном варианте) принадлежит «даме просто приятной» (Софье Ивановне), добавленная к реплике фраза также принадлежит ей, что видно уже из содержащегося в ней обращения: «Знаете, Анна Григорьевна (...) безнравственность». Таким образом, в текст *МД* надолго вкралась существенная ошибка, в результате которой в диалоге появилась лишняя реплика, непонятно кому принадлежащая. В настоящем издании это место исправлено по автографу (т.е. по *АК3*) и выглядит следующим образом: «Знаете, Анна Григорьевна, ведь это просто раздирает сердце, когда видишь, до чего достигла наконец безнравственность. А мужчины от нее без ума. А по мне, так я, признаюсь, ничего не нахожу в ней...» (с. 174 наст. изд., строки 1—4).

В отдельных случаях исправления, вносимые в настоящем издании в текст *МД1*, связаны не с устранением ошибок переписчиков, а с другими обстоятельствами. Так (вслед за *Ак*.), исправлен падеж двух заключительных слов главы I. В *МД1* окончание этой главы представлено следующим вариантом: «...не привело в совершенное недоумение почти всего города» (*МД1*. С. 28). Во всех рукописных источниках иначе: «...не привело в совершенное недоумение почти весь город» (*АК2*, *АК3*, *АК4*). Очевидно, что при подготовке текста *МД* к печати в данном случае, скорее всего, имела место корректорская правка, отражавшая колебания в выборе формы прямого дополнения в винительном падеже.

В настоящем издании это место печатается по рукописным источникам (АК2, АК3, АК4), что одновременно соответствует современным грамматическим нормам.

В одном случае (в тексте главы II) восстановлена фраза, отсутствующая в МД1. В рукописных источниках (АК2, АК3, АК4) соответствующий фрагмент (представленный полностью) выглядит следующим образом: «Умница, душенька! — сказал на это Чичиков. Скажите, однако ж... — продолжал он, обратившись тут же с некоторым видом изумления к Маниловым. — В такие лета и уже такие сведения. Я должен вам сказать, что в этом ребенке будут большие способности». В тексте первого (а за ним и второго) издания опущена фраза: «В такие лета и уже такие сведения». В издании Н.С. Тихонравова фраза восстановлена (Тих. Т. 3. С. 27), в предыдущем академическом издании снова опущена (Ак. Т. VI. С. 30). Детальному анализу этот случай был впервые подвергнут А.Л. Слонимским, который убедительно доказал, что имеющий место случайный пропуск фразы повлек за собой грубое искажение текста: нарушение «связи речи» и «чичиковского речевого стиля» (получается, «будто Чичиков мямлит»), утрату главной мысли высказывания (Слонимский А.Л. Вопросы гоголевского текста // Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. 1953. Т. XII. Вып. 5. С. 415—416). В настоящем издании, вслед за Тихонравовым, приведенный фрагмент печатается в полном объеме, т.е. с восстановлением пропущенной в МД1 фразы.

В главе VIII уточнена по рукописям характеристика, данная Чичикову дамами города N. В тексте МД1 это место выглядит следующим образом: «...будь он немного толще, или полнее, уж это было бы не хорошо». Очевидно, что оборот «толще, или полнее» (который и сам по себе выглядит довольно странно) никак не согласуется с привычной авторской аттестацией Чичикова, заявленной уже в первом абзаце главы I: «...ни слишком толст, ни слишком тонок...». Обращение к рукописным источникам сразу же устраняет возникшее недоумение — в АК2 и АК3 читаем: «...будь он немного толще или тонее, уж это было бы не хорошо». Судя по всему, мы имеем дело либо с промежуточной опiskeй (в АК4, где лист с соответствующим фрагментом не сохранился), либо с опечаткой (при подготовке набора первого издания). Допущенная погрешность в настоящем издании устраняется — с исправлением текста первого издания по рукописным источникам.

В главе VII, в описании купленных Чичиковым крестьянских душ (реестр Собакевича), имеет место такая характеристика: «...к другому приписано было “смыслит и хмельного не берет”» (МД1. С. 260; так же и в Ак. С. 136, строки 8—9). Текст в этом виде вызывает некоторое недоумение, которое рассеивается при обращении к рукописным источникам. В них имеет место иное и совершенно понятное чтение: «...к другому приписано “дело смыслит и хмельного не берет”» (АК2, АК3,

АК4). Очевидно, что здесь была допущена ошибка при подготовке текста к печати. В настоящем издании это место печатается по рукописным источникам.

К тому же фрагменту главы VII относится еще одно внесенное в текст МД1 исправление. Оно связано с фамилией упоминаемого лица — Степана Пробки. О нем говорится в двух соседних фразах, при этом в первой он назван «Коробка Степан», а во второй — «Степан Пробка» (МД1. С. 261). Это разночтение восходит к рукописи АК2 (текст написан авторской рукой) и сохраняется во всех последующих источниках. В настоящем издании (вслед за Ак.) унифицировано: Степан «Пробка» (в таком варианте фамилия фигурирует не только в главе VII — во втором случае, но и в главе V).

В настоящем издании исправлены и допущенные в Ак. единичные опечатки. Так, в главе I, в описании провинциального города, читаем: «...здесь было заметно более движения народа и живописи» (Ак. Т. VI. С. 11, строки 9—10). Этот фрагмент в процессе работы подвергся неоднократной авторской правке, но ни в одном варианте слова «живописи», конечно, нет. Здесь имеет место очевидная опечатка. В настоящем издании печатается: «...здесь было заметно более движения народа и живости» (по МД1, а слово «живости» — и по всем рукописным источникам).

Наряду с этим устранены имеющие место в Ак. немотивированные исправления текста первого издания МД по первому из сохранившихся черновым автографов поэмы (в нашем обозначении — ЧА1). На сомнительность этих исправлений было в свое время обращено внимание В.В. Виноградовым, который не без оснований усмотрел в них произвольное вторжение в окончательный авторский текст (Виноградов В.В. О языке художественной литературы. М., 1959. С. 330). Сюда, в частности, относятся приведенные В.В. Виноградовым примеры из главы III:

С. 47

^{22–23} на шее *все-таки* было что-то намотано (ЧА1) — на шее *все также* было что-то навязано (МД1 — *речь идет только о выделенных нами словах*)

³¹ я-то *мазала* свиным салом (ЧА1) — Я-то *смазывала* свиным салом (МД1)

В Ак. по непонятным причинам здесь отдано предпочтение ЧА1, хотя уже в следующем по хронологии рукописном источнике (АК1), тщательно прочитанном и выправленном Гоголем, имеет место другое чтение («все также» и «смазывала»), сохранившееся в последующих рукописях и в первом прижизненном издании поэмы (МД1). В настоящем томе эти «возвраты» к ЧА1 устранены и в обоих случаях восстановлено чтение по МД1.

При подготовке основного текста в настоящем издании унифицированы некоторые написания. Сокращение «т.е.» везде развернуто и печатается полностью (в большинстве случаев это было сделано еще при подготовке первого издания МД, т.е. в МД1, и лишь в ряде фрагментов правка не была доведена до конца).

Довольно сложную проблему представляет собой унификация имеющегося в тексте МД1 разночтения «полицмейстер-полицеймейстер». Оба написания (как равноправные) зафиксированы в толковых словарях. В самом тексте МД разночтение связано с неоднократной сменой переписчиков. Уже в АК2 встречаются оба написания: у В.А. Панова — «полицмейстер», у П.В. Анненкова — оба варианта. В АК3 сохраняется разнობой, а в отдельных случаях появляется и третий вариант — «полициймейстер». В АК4: у неизвестного переписчика — «полицеймейстер», у Е.В. Быковой — оба написания, но чаще — «полицмейстер». В тексте МД1 расхождение сохранилось. В настоящем издании отдано предпочтение варианту «полицмейстер», поскольку именно так в подавляющем большинстве случаев писал это слово сам Гоголь (в том числе в ЧА1, а также и в тех случаях, когда вписывал слово собственной рукой в изготовленные переписчиками копии МД).

По отношению к другим словам унификация в МД1 носит достаточно последовательный характер. Так, в тексте зафиксировано устойчивое (за единичными исключениями) написание слов: сюртук, покамест, мелюзга. В рукописных источниках преобладает иное чтение: сертук, покаместь, мелузга. Таким формам, как правило, отдает предпочтение сам Гоголь (в созданных им «Материалах для словаря русского языка» фигурирует вариант: «Мализна, мелузга»). Вместе с тем системный характер унификации, не нарушенный автором при чтении корректуры, диктует необходимость сохранения написаний, принятых в МД1.

«Повесть о капитане Копейкине» публикуется в настоящем издании следующим образом. В основном тексте печатается первоначальная, авторская редакция «Повести...» (сохранившаяся на извлеченных из АК4 и хранящихся в РГАЛИ листах), соответственно ее варианты (по АК2, АК3 и АК4) вошли в свод вариантов к основному тексту. Беловик цензурной редакции «Повести...» включает не только саму «Повесть...», но и строки, предшествующие ей и следующие непосредственно за ней (от слов: «Капитан Копейкин, — повторил он, уже понюхавши табуку...» и кончая словами: «телятиной etc»). Таким образом, строки «обрамляющие» «Повесть...», в АК4 сохранились в двух вариантах: первоначальном (на л. 156 и 161) и окончательном, цензурном (на л. 157 и 160). Они включены в общий свод вариантов к основному тексту с соответствующими пояснениями.

Входящая в состав МД1 цензурная редакция «Повести о капитане Копейкине» печатается отдельно, полностью, с одним исправлением:

С. 799, строка 7: привередлив — вместо: приведлив (по АК4б)

В свод вариантов к тексту цензурной редакции «Повести...» включены два рукописных источника: АК4а — варианты чернового текста цензурной редакции (написан карандашом поверх редакции, зачеркнутой цензором, — на листах, извлеченных из рукописи и хранящихся отдельно); АК4б — варианты белого текста цензурной редакции (написан на листах, вложенных в рукопись взамен извлеченных). В тех случаях, когда варианты АК4а и АК4б совпадают, используется сокращение: АК4.

* * *

В качестве источника фабулы (плана) «Мертвых душ» Гоголь назвал только подсказку Пушкина (см. с. 346 наст. изд.). Тем не менее и помимо подсказки Пушкина (в гоголевском изложении) существуют версии, в той или другой степени сопоставимые с этой фабулой. По крайней мере две из этих версий также связывают с именем Пушкина, — они были ему якобы известны. Так, ко времени пребывания его в Бессарабии (1820—1823) приурочивают события, имевшие место в Бендерах: смертные случаи здесь якобы не регистрировались и имена умерших передавались другим лицам, в частности беглым крестьянам, стекавшимся сюда со всех концов России; по этой причине жителей городка называли «бессмертным обществом». Впоследствии, находясь уже в Одессе, Пушкин спрашивал у своего бессарабского знакомого И.П. Липранди: «Нет ли чего новенького в Бендерах?» (обо всем этом рассказал в своих воспоминаниях Липранди — *Липранди И.П. Из дневника и воспоминаний // РА. 1866. Вып. 10. Стб. 1462—1463, 1466—1469*). О другом случае, относящемся к пребыванию Пушкина в Москве, писал П.И. Бартенов в примечаниях к воспоминаниям В.А. Соллогуба: «В Москве Пушкин был с одним приятелем на бегу. Там был также некто П. (старинный фронт). Указывая на него Пушкину, приятель рассказал про него, как он скупил себе мертвых душ, заложил их и получил большой барыш. (...) Это было еще до 1828 года» (*Из воспоминаний графа В.А. Соллогуба // РА. 1865. Вып. 5—6. Стб. 745*). В этом эпизоде (если мемуарист точен) появились уже такие элементы будущего «предприятия» гоголевского персонажа, как скупка и закладывание мертвых душ с целью наживы. Интересно, что эпизод вызвал у Пушкина непосредственную художественную реакцию: «“Из этого можно было бы сделать роман”, сказал он между прочим» (там же). Кстати, свое сообщение Бартенов предваряет фразой: «...рассказывают за верное, что и мысль о Мертвых Душах тоже (речь еще о «Ревизоре». — *Ред.*) принадлежала Пушкину» (там же). Возможно, оба случая — и «бессарабский», и «московский» — Пушкин упомянул во время разговора с Гоголем.

Однако есть сведения, что и Гоголь, независимо от Пушкина, был наслышан об аферах с мертвыми душами. По рассказу дальней родственницы писателя М.Г. Анисимо-Яновской, ее дядя, некто Харлампий Петрович Пивинский, проживавший в 17 верстах от Яновщины, имения Гоголей, и занимавшийся винокурением, был напуган слухами, что подобный промысел будет разрешен только помещикам, владевшим не менее чем пятьюдесятью душами. Пивинский (у которого было только тридцать душ) отправился в Полтаву «да и внес за своих умерших крестьян оброк, будто за живых... А так как своих, да и с мертвыми, далеко до пятидесяти не хватало, то набрал он в бричку горилки, да и поехал по соседям, и закупил у них за эту горилку мертвых душ...» (*Гиллярковский В.А. В Гоголевщине (Из последней поездки) // РМ. 1902. Кн. I. 2-я паг. С. 85*). Анисимо-Яновская утверждает, что эту историю знала «вся миргородчина» (там же, с. 86). О Х.П. Пивинском и роде Пивинских см. также: *Пивинский Ю.Е. Экскурс в прошлое или немного биографии // Українці та Петербург (Украинцы и Петербург). 2009. № 2(28). С. 12–16*. Существуют и другие версии сходного происшествия; одну из них излагает Н.В. Сушков: «...я лет двадцать назад с лишком слышал в Малороссии рассказ о каком-то, не очень помню, дворянине Калине, Малине или Черной Смородине, — да пусть он будет хоть Рябиною, — я слышал, что этот Г. Рябина действительно покупал у соседей умерших крестьян, для причисления их к своей незаселенной земле, чтобы иметь право курить вино» (*Обоз к потомству с книгами и рукописями (Из записок Н.В. Сушкова) // Раут. Исторический и литературный сборник. Кн. 3. М., 1854. С. 382*). Словом, «Мертвые души» — «быль, или нечто близкое к были, как взятое из рассказов современников» (там же).

О другом эпизоде, якобы также известном Гоголю, сообщает его соученик по нежинской Гимназии высших наук П.И. Мартос в письме к упоминавшемуся выше П.И. Бартеневу: «...насчет “Мертвых душ” могу рассказать следующее. (...) В Нежине (...), при гимназии высших наук князя Безбородко, был некто К-ачь, серб; огромного роста, очень красивый, с длиннейшими усами, страшный землепроходец, — где-то купил он землю, на которой находится — сказано в купчей крепости — 650 душ; количество земли не означено, но границы указаны определительно. Не знаю, какое присутственное место решилось совершить купчую крепость на эту землю, заложенную впоследствии К-чем за значительную сумму. Что же оказалось? Земля эта была — запущенное кладбище. Этот самый случай рассказывал Гоголю за границей князь Н.Г. Репнин — это я слышал от самого князя Николая Григорьевича» (*ЛН, т. 58. С. 774*; письмо не датировано; публикация Н.В. Арнольда). По соображениям хронологии сообщение Репнина не могло, как говорят сейчас, инициировать работу над «Мертвыми душами», начатыми еще в Петербурге;

однако известно, что за границей в процессе написания поэмы автор продолжал собирать материал и выспрашивать знакомых относительно разных «казусов», «могущих случиться при покупке мертвых душ» (из письма В.А. Жуковскому от 31 октября (12 ноября) 1836 г. из Парижа). Возможно, с аналогичной просьбой обращался он и к князю Репнину, тем более, что по своей должности малороссийского генерал-губернатора (в 1816—1834 гг.) тот мог сообщить писателю весьма важные сведения. Однако не исключено, что Гоголь знал что-то об этой афере еще с гимназической поры, коли упомянутый К-ч проживал в Нежине.

Проделки К-ча предвосхищают гоголевский текст некоей мрачно-озорной иронией. Ведь не какой-нибудь пустырь указал «землепроходец» в качестве местожительства своих подопечных, а кладбище... Это вызывает в памяти двусмысленный ответ Чичикова на вопрос, нужен ли ему для сопровождения мужиков конвой: Чичиков «от конвоя отказался решительно, говоря (...) что купленные им крестьяне отменно смиренного характера...». Еще разительнее сходство с репликой генерала Бетрищева во втором томе: «Чтобы отдать тебе мертвых душ? Да за такую выдумку я их тебе с землей, с жильем! Возьми себе все кладбище!» Однако было бы рискованно утверждать, что эти пассажи возникли под влиянием проделок К-ча или любых других случаев: сама ситуация, положенная в основу произведения, продуцировала сходные детали и ассоциации, в том числе и относящиеся к сфере «черного юмора».

Известны и другие факты мошенничества или мистификаций, связанные с умершими крепостными крестьянами. В письме М. Туманского (от 15 сентября 1842 г.) его родственнику Я.Я. Бартошу рассказывается, что крупный помещик И.И. Неплюев решил наказать одного своего управляющего в Полтавской губернии — «особенно за купленные им мертвые души» (Маленькая заметка о мертвых душах // КС. 1902. Т. 76. Март. Отд. II. С. 155). О каком-то сходном эпизоде глухо упоминает и В.В. Гиппиус со слов своего пращура — чиновника и переводчика Дмитрия Ивановича Гиппиуса (1812 или 1813—1893 гг.; см.: Гиппиус 1924. С. 137, 231; Русский биографический словарь. М., 1916. Т. 5. С. 227—228). Трудно сомневаться в том, что многие или по крайней мере некоторые из подобных историй дошли до сведения будущего автора «Мертвых душ». Но все это не умаляет решающую роль пушкинского совета в возникновении произведения.

Дело в том, что этот совет содержал в себе указание на эстетические возможности истории с мертвыми душами (точно так же, как и истории с мнимым ревизором в качестве основы для будущей комедии: ведь и эти факты были известны Гоголю независимо от Пушкина). Было определено значение реализуемого замысла с точки зрения иерархии жанров (первоначально речь, видимо, шла о романе, жанре весьма высоким по шкале поэтики), а также с точки зрения его места в творческой

судьбе автора. Аналогия с Сервантесом призвана была пролить свет на это место. «Мертвые души» соотносятся с «Вечерами на хуторе...», «Миргородом» и т.д. так же, как «Дон Кихот» с прежними вещами испанского писателя: будущее произведение упрочит положение Гоголя в русской, да и мировой литературе.

Далее, некоторыми деталями пушкинского совета, в том числе и апелляцией к Сервантесу, были предуказаны такие важнейшие опорные моменты замысла, как «дорога» и «универсальность»; собственно одно неразрывно связано с другим. «На рубеже XVI—XVII веков на дорогу выехал Дон-Кихот, чтобы встретить на ней всю Испанию, от каторжника, идущего на галеры, до герцога» (Бахтин 1975. С. 393). «Мертвые души» также были задуманы как роман «большой дороги» (там же, с. 392—393), ведущий к универсальности. Еще не установились его пространственные границы; трудно сказать, предусматривалось ли уже изображение Петербурга (как в «Повести о капитане Копейкине») или других, отдаленных регионов России (как, по-видимому, Сибири в третьем томе), но все же эти границы были уже настолько широко раздвинуты, что можно было говорить о государстве в целом («вся Русь» — из гоголевского письма Пушкину от 7 октября 1835 г.). Неизвестно также, входило ли уже в намерения Гоголя вывести на авансцену генералитет, министров, «вельмож» (как в той же «Повести о капитане Копейкине») или даже самого императора (который должен был появиться в финале третьего тома), но и социальный диапазон романа также виделся ему гораздо более широким, чем в прежних произведениях («...восстанут против меня новые сословия и много разных господ» — из гоголевского письма В.А. Жуковскому от 31 октября (12 ноября) 1836 г.). Уже изначально огромное пространство осмыслялось как знак России, ее «империальный» топос (см.: Пумпянский Л.В. Ломоносов и немецкая школа разума // XVIII век. Сб. 14. Л., 1983. С. 25), который затем многократно отзовется в окончательном тексте («И грозно объемлет меня могучее пространство, страшною силою отразясь во глубине моей...» и т. д.). Таким образом был задан тот аспект «Мертвых душ», который сближал их с романом путешествия (см.: Страда В. Гоголь и поэтика путешествия // Феномен Гоголя 2011. С. 457—468). Вместе с тем по мере развития замысла, приобретавшего трехчастную структуру, его пространственный масштаб не только расширялся, но и открывал символическую глубину, при которой Русский мир все более обнажал, используя выражение А.В. Сухова-Кобылина, очертания Всемира (см.: Янушкевич А.С. Философия и поэтика гоголевского Всемира — там же, с. 33—49.)

Что касается мотива путешествия, то с самого начала предопределялось и то, что это будет особого рода путешествие, странствие плута, — обстоятельство, сближавшее произведение с другой жанровой традици-

ей — плутовского романа, пикарески. В истории мировой литературы, западноевропейской и русской, от анонимной «Жизни Ласарильо с Тормеса» до «Российского Жилблаза, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова» В.Т. Нарезного, роман путешествия и плутовской роман тесно переплетались; то же самое можно было бы сказать и о «Мертвых душах», если бы уже с первого шага, т.е. с упомянутого разговора Пушкина с Гоголем, в это жанровое целое не была внесена принципиальная поправка. Трудно сказать, начиналось ли произведение непосредственно *in media res*, как в последующих редакциях, но во всяком случае в его основу уже было положено одно центральное событие (афера главного героя) или же цепь событий, связанных с одним, главным. Тем самым Гоголь отступил от линейной, построенной на жизнеописании, композиции плутовского романа, но полностью сохранил тот аспект, который вытекал из выбора данного героя.

Дело в том, что герой-авантюрист или плут, мошенник — «это особая воплощенная точка зрения на мир частной жизни» (Бахтин 1975. С. 276—277), равно как и точка зрения слуги или лакея (там же, с. 276). Все эти точки зрения, каждая по-своему, способствуют раскрытию потаенных сторон жизни, в их наготе и неприглядности (там же, с. 276—277). По крайней мере со второй черновой редакции ампула мошенника дублируется у Гоголя другим ампула — слуги, что порождает особое контрапунктное звучание. Еще Н.А. Полевой, один из первых рецензентов поэмы, посетовал, что слуга Чичикова «провонял и везде носит с собою вонючую атмосферу» (Полевой Н. Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя // *РВ*. 1842. № 5, 6. Отд. III. С. 43). Но стоит напомнить, что сам хозяин вовсе не в восторге от этой особенности своего слуги. Парность персонажей приводит к метафоричности (нечистоплотность Петрушки — метафора моральной нечистоплотности Чичикова — см.: Woodward J.B. *Gogol's Dead Souls*. Princeton (New Jersey), 1978. P. 160) и совмещению свойств — страсти к неразборчивому приобретению и при этом внешней благопристойности. Природою героя должен диктоваться и выбор других персонажей, характер их поступков, бесед и переговоров, в моральном смысле довольно уязвимых, при кажущемся порою приличии и соблюдении формы. Скажем, уже при начале работы Гоголю для второй или третьей главы понадобился «ябедник» (письмо Пушкину от 7 октября 1835 г.). Наконец, принципиальное значение в пушкинской подсказке имело и то, что речь шла об особом рода афере, не столько даже превышающей любую степень легальности, сколько вообще передвигающей все событие в плоскость неких химер и иррациональных величин (торговля «мертвыми душами!»), что открывало перспективу гротескной и вместе с тем философски-религиозной обработки материала. Содержательной емкостью подсказанной Пушкиным фабулы объясняется то, что Гоголь с воодушевлением и, кажется, без

промедления принялся за ее воплощение (ср. точку зрения комментаторов предыдущего академического Полного собрания сочинений Гоголя, согласно которой «в общем идейно-художественном замысле “Мертвых душ” мотив предприятия Чичикова не имел решающего значения» — Ак. Т. VI. С. 901).

Как персонаж, близкий к типу пикара, Чичиков противостоит романтическому герою, с необычностью его внешнего облика и глубиной внутреннего мира, — свойственный такому герою эгоцентризм снижен в Чичикове до мелкой, карикатурной самовлюбленности (сцена перед зеркалом — см.: *Тюпа В.И.* Хлестаков и Чичиков в отношении к романтическому концепту «Я» // *Феномен Гоголя 2011*. С. 452—453).

Возвращаясь к жизненным источникам поэмы, следует остановиться на высказанном Ю.М. Лотманом мнении, будто бы ее замысел восходит, через посредство Пушкина, к другому реальному лицу — Федору Федоровичу Орлову (1792—1834). Отставной полковник, герой Отечественной войны, потерявший в бою ногу Орлов, по некоторым сведениям (не очень достоверным), стал разбойником и был прощен лишь по ходатайству его брата Алексея Орлова, личного друга императора Николая I. Фигура Федора Орлова весьма интересовала Пушкина, который был знаком с ним еще по Кишиневу, и когда поэт «обдумывал план “Русского Пелама”, собираясь ввести в роман Ф. Орлова, в его воображении вставал образ хромоногого, на деревянной ноге, разбойника — героя войны 1812 г.» (*Лотман 1979*. С. 37—38; см. также: *Лотман Ю.М.* Пушкин и «Повесть о капитане Копейкине»: (К истории замысла и композиции «Мертвых душ») // *Лотман Ю.М.* Избранные статьи: В 3 т. Т. 3. Таллин, 1993. С. 44). Идея этого произведения, оставленного Пушкиным осенью 1835 г., якобы, и послужила толчком к «Мертвым душам», причем «наиболее тесное соприкосновение пушкинского замысла и гоголевского воплощения сохранилось в фигуре Ф. Орлова — капитана Копейкина» (*Лотман 1979*. С. 38).

Однако выдвинутую гипотезу нельзя признать сколько-нибудь убедительной, прежде всего потому что в якобы уступленном Гоголю замысле «Русского Пелама» (название условное, так как сохранившиеся наброски произведения автором не озаглавлены) отсутствует именно то, что составляет *суть* пушкинского совета и, соответственно, будущей поэмы, конкретно — идея аферы с мертвыми душами. Это противоречит специфичности пушкинских подсказок вообще: так его замысел произведения, переданный чуть позже Гоголю для комедии, состоял не просто в идее ревизора, но ревизора ложного, из чего вытекают все другие события. Кроме того, гипотеза об Ф. Орлове и «Русском Пелама» опирается на предположение, будто бы зерно «Мертвых душ» составила история героя-разбойника, т.е. будущего капитана Копейкина. Между тем таким зерном могло быть только «предприятие» главного героя, что

ретроспективно подтверждает признание Гоголя в «Авторской исповеди»: «Я начал было писать, не определивши себе обстоятельного плана (...) Я думал просто, что смешной проект, исполнением которого занят Чичиков, наведет меня сам на разнообразные лица и характеры...». Появление фигуры Копейкина предполагает такую продуманность замысла, такую основательность и детализированность обработки, когда уяснена не только основная сюжетная канва, но и эпизоды, связанные с нею (со «смешным проектом») более глубокой, ассоциативной связью, что как раз и имеет место в отношении «Повести о капитане Копейкине». Трудно поверить, что ее идея возникла уже на стадии разговора Пушкина с Гоголем, хотя само знакомство автора «Мертвых душ» с историей Федора Орлова не исключено.

Впрочем, называют и другое реальное лицо, причем уже непосредственно как прототип Копейкина — Илью (Иллариона) Ивановича Ларина, отставного фейерверкера (по другим сведениям — унтер-цейхвахтера или унтер-цейхвартера), также знакомого Пушкину по Кишиневу. Сведения об этом человеке, содержащиеся в бессарабских воспоминаниях А.Ф. Вельтмана (см.: *Майков Л.* Пушкин: Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб., 1899. С. 125–126) и в его же рассказе «Илья Ларин» (Московский городской листок. 1847. 10 января. № 8. С. 29–32), привели исследователя к мысли, что «грубый и беспутный, но честный и прямой Ларин был нечто в роде знаменитого гоголевского капитана Копейкина; и если верно известие, что сюжет “Повести” о нем был сообщен Гоголю Пушкиным, то легко предположить, что при этом последний имел в виду именно своего кишиневского знакомого» (*Майков Л.* Указ. соч. С. 135). Как видим, бытовали какие-то устные сведения («известие») о том, что и сюжет повести о Копейкине был подсказан Гоголю Пушкиным. Если это так, то, скорее всего, подобный сюжет не был вначале связан с «Мертвыми душами»; кроме того, войдя в поэму в качестве ее составной части, он органически соединил реальные истоки с разнообразными литературными и фольклорными.

С одной стороны, история Копейкина была подготовлена давней сатирической и нравоописательной традицией; еще В.В. Гиппиус указал на то, что «образ служакки инвалида, страдающего от бюрократической заносчивости и небрежности», фигурировал в «Жиль Блазе» Лесажа (*Гиппиус 1924.* С. 150). Но Гоголю, безусловно, была более знакома соответствующая традиция в русской литературе, где сложился своего рода топос: заслуженный, израненный военный в передней важного лица («Всеобщая придворная грамматика» Д.И. Фонвизина, «Почта духов» И.А. Крылова, «Вельможа» Г.Р. Державина и т. д.). С другой стороны, «Повесть о капитане Копейкине» примыкала к типу произведений о благородных разбойниках; тут можно назвать неизвестного Гоголю

«Гаркушу, малороссийского разбойника» Нарезного (эта незаконченная повесть была опубликована на русском языке лишь в 1950 г.), а также хорошо известных ему «Разбойников» Шиллера и пушкинского «Дубровского», которого Гоголь мог прочитать лишь на последней стадии работы над поэмой (повесть появилась в 1841 г. — Сочинения Александра Пушкина. Т. 10. СПб., 1841. С. 101—240); о точках соприкосновения «Повести...» и «Дубровского» см., в частности, указанную работу Ю.М. Лотмана (*Лотман 1979. С. 39, 41*).

Наконец, гоголевская повесть ориентировалась и на фольклорный образ «вора Копейкина», персонажа песен, бытовавших во многих губерниях России и собранных в коллекции П.В. Киреевского. В числе его корреспондентов были В.И. Даль и Н.М. Языков; последнего, записывавшего песни в своей родной Симбирской губернии, Киреевский в письме от 21 февраля 1834 г. просил объяснить ему, «кто и когда был в о р К о п е й к и н» (Письма П.В. Киреевского к Н.М. Языкову. М.; Л., 1935. С. 63; варианты фамилии героя — Карпейкин, Копейник — Собрание народных песен П.В. Киреевского. Записи Языковых в Симбирской и Оренбургской губерниях. Т. 1. Л., 1977. С. 225—227. № 332—335). В одном из собраний песен, в котором, в числе прочих, также был помещен цикл песен о Копейкине, есть пояснение редактора, относящееся к творческой истории «Мертвых душ»: «...предлежащие образцы чрезвычайно любопытны еще в том отношении, что, вместе с преданиями, их окружающими, породили под пером Гоголя знаменитый рассказ о проделках необыкновенного *Копейкина* в “Мертвых душах”: герой является там без ноги именно оттого, что по песням оступился ногою (то левою, то правою) и повредил ее; после неудач в Петербурге, появился он атаманом в Рязанских лесах (мы помним лично слышанные живые рассказы Гоголя на вечере у Дм. Н. С-ва (Свербеева. — *Ред.*))» (Песни, собранные П.В. Киреевским, изданы Обществом любителей российской словесности под редакцией и с дополнениями П. Безсонова. [Ч. 3]. Вып. 10. М., 1874. С. 105). Существует точка зрения, что это свидетельство принадлежит не редактору П. Безсонову, а П.В. Киреевскому (см.: *Степанов 1959. С. 44; Машинский С.И. Художественный мир Гоголя. М., 1971. С. 316; Воропаев В.А. Заметки о фольклорном источнике гоголевской «Повести о капитане Копейкине» // ФН. 1982. № 6 (132). С. 37*). Во всяком случае приведенная запись подтверждает интерес Гоголя не только к этим песням, но и «преданиям, их окружающим»; иначе говоря, для него важна была своего рода мифологема Копейкина, выходящая даже за пределы определенного песенного цикла.

К числу подобных «преданий» относится, очевидно, запись анекдота о «капитане Копекникове», сохранившаяся в бумагах семьи д'Аллонвилль и опубликованная французской журналисткой Д. Мари (*Marie D. Le brigand sans le vouloir: Anecdote russe // Revue des études franco-*

russes. 1905. N 2. P. 48—63). На связь этого произведения с «Повестью о капитане Копейкине» (Копекников — конечно, французская транскрипция фамилии Копейкин или одной из ее разновидностей) обратил внимание итальянский исследователь Л. Пачини (*Pacini Savoj L. La «Povest' o Kapitane Korejkiine» // Ricerche Slavistiche. 1959. Vol. VI. P. 96—101*), хотя «маловероятно, чтобы Гоголь знал непосредственно этот “Русский военный анекдот”, (...) опубликованный лишь в 1905 г.» (Степанов 1959. С. 43). Вполне вероятно, однако, знакомство писателя с каким-либо сходным текстом или устной версией, так же как с другими неопубликованными произведениями, имевшими хождение в рукописи.

Среди этих произведений давно обратили на себя внимание письма некоего Кропотова (*РС. 1876. Т. XVII. № 9. С. 181—185*). Редактор журнала, опубликовавший шесть таких писем, указывал в заметке «Мичман Кропотов и его прошения. 1808» (там же, с. 181—182), что это — реальное лицо, служившее во флоте в первые годы царствования Александра I. Уволенный «с не совсем одобрительным аттестатом» (там же, с. 181), Кропотов, добиваясь места, «пустился странствовать по приемным министрам и другим влиятельным лицам» (там же), но — безрезультатно. Тогда Кропотов «вместо прошений по общепринятой канцелярской форме принялся составлять просьбы совершенно в новом роде, излагая их вычурным, цветистым слогом» (там же; ср.: Степанов В.П. Кропотов А.Ф. // *Рус. писатели. Т. 3. С. 165*). Хотя нельзя безоговорочно присоединиться к выводу публикатора писем, будто бы «Кропотов — первообраз гоголевского капитана Копейкина» (*РС. 1876. Т. XVII, № 9. С. 181*), но факт знакомства писателя с его прошениями вполне возможен — списки с этих прошений «в свое время во множестве ходили по рукам» (там же, с. 182).

Фигура Кропотова вместе с сочиненными (или частично приписанными ему — этого тоже нельзя исключать) текстами интересна не только воспроизведением традиционной ситуации: отставной служака-военный, добывающий места или вознаграждения (впрочем, в отличие от других случаев, вполне успешно — «военный министр жалился над чудачком, и Кропотов получил какое-то место в военном ведомстве» — там же, с. 182), но прежде всего самой манерой своих «прошений». Эта манера, в свою очередь, вписывалась в определенный культурный и литературный контекст: существовала традиция экстравагантных, «чудаческих» писаний к власть имущим с кудрявой живописностью слога, стилистическими переборами и нелепицей, нарочитой или искренней (автор публикации приводит другие примеры: так, при Павле I «некто Лузин, отставной кригс-комиссар», подал прошение в нескладных стихах, и император повелел «выдать ему, дураку, две тысячи рублей» — там же, с. 181—182; о Лузине см. также: Степанов Н.П. Из времен императора Павла Петровича // *РА. 1873. Кн. 1. Вып. 4. Стб. 644—645*).

Своей излюбленной тематикой этих стилистических пассажей (нужда, физические лишения, голод) прошения Кропотова предвосхищают Копейкина («Страшный мой неприятель голод, чувствуя превосходство сил своих, штурмует мой желудок и, предвидя скорую свою победу, ворчит ежеминутно: ура!» — *РС*. 1876. Т. XVII. № 9. С. 185; ср. во второй черновой редакции «Повести...» Копейкин, жалуясь министру, что он не может ничего заработать без руки и ноги, прибавляет: «...а носом и подавно ничего не сделаешь; только разве что высморкаешься, да и для того нужно купить платок»). В окончательном тексте «Повести» доля прямой речи Копейкина уменьшилась, однако соответствующие стилистические функции вполне сохранило повествование ее рассказчика — почтмейстера.

Очевидно, в расчеты Гоголя входила актуализация многообразных межтекстуальных связей «Повести...» как в аспекте сходства (сама тематика преступления против закона, бесшабашная удаля и дерзость героя символизирована его почти пословичной фамилией, отозвавшейся, между прочим, во второй черновой редакции произведения: «...все это привыкло, знаете, к распускной жизни, всякому *жизнь копейка...*» — (Курсив наш. — *Ред.*), так и в аспекте различия (в фольклорном цикле — напевное повествование с лирической прямой речью «доброе молодца»; у Гоголя — выдержанная в форме сказа косноязычная манера рассказывания третьего лица, провинциального чиновника; здесь писатель опирался на упомянутую выше другую традицию, представленную, в частности, «прошениями» Кропотова). Некоторые же детали «Повести» по отношению к разбойнику Копейкину выглядели прямой смысловой инверсией: так, ее герой «является (...) без ноги» не оттого, что он «по песням оступился ногою (то левою, то правою) и повредил ее» (мнение публикатора песен), а оттого что под «Красным ли или под Лейпцигом (...) ему оторвало руку и ногу». Следует обратить внимание и на такое обстоятельство: гоголевский персонаж, строго говоря, не «разбойник», но лишь аферист (см.: *Филат Т.В.* Еще раз о плутовском романе и «Мертвых душах» Н.В. Гоголя // *Микола Гоголь і світова культура*. Київ; Ніжин, 1994. С. 65–66); с другой стороны, он, по крайней мере в первом томе, устраивает свои дела за счет «казны», а не частных лиц («Несчастливым я не сделал никого, я не ограбил вдову, я не пустил никого по миру...» и т.д.) — в этом его парадоксальное сближение с Копейкиным из черновой редакции «Повести» и, через него, с литературной и фольклорной фигурой «благородного разбойника». Решив даже, ввиду цензурных осложнений, пожертвовать фамилией персонажа («...я готов его назвать Пяткиным и чем ни попало» — из письма к Н.Я. Прокоповичу от 15 апреля 1842 г. из Москвы), Гоголь, видимо, считал, что сохранится и узнаваемость героя и значительный объем межтекстуальных связей «Повести».

Возвращаясь к реальным основам гоголевского произведения, следует отметить крайнюю скудость указаний относительно его возможных прототипов. Таких указаний гораздо меньше, чем предположений, касающихся действительной основы самой фабулы (аферы с мертвыми душами); чуть ли не единственный, помимо капитана Копейкина, пример — Плюшкин, для которого будто бы «прототипом послужил помещик В., один из богатейших в Полтавском уезде, феноменальный скряга» (*Дунин А.А. Воспоминания о Н.В. Гоголе. I. Прототип Плюшкина // ИВ. 1913. Февраль. С. 500*), чьи сыновья ушли из дома, а дочь бежала с офицером. «Гоголь, прослышав о скряге, пожелал с ним познакомиться» (там же, с. 502), что и произошло. Все это рассказано со слов некоего дворянина Федченко, уроженца, «кажется, Полтавской или Херсонской губернии», отец которого «близко знал Н.В. Гоголя и окрестных помещиков» (там же, с. 500). Гоголь в шутку будто бы даже затеял с помещиком В. разговор о продаже мертвых душ, от которых тот рад был бы избавиться, чтобы не платить подати (там же, с. 503). Достоверность этой истории проверить невозможно за отсутствием других свидетельств; не исключено, что она возникла уже постфактум, под воздействием гоголевского произведения. Другой предполагаемый прототип Плюшкина — «очень богатый орловский помещик М-в, известный больше под именем Спиридона-хлебной матки» (*Пыляев М.И. Замечательные чудачки и оригиналы. СПб., 1898. С. 299*; речь идет о помещике С.Т. Мацнев — см. о нем также: *Болотов А.Т. Памятник претекших времен, или Краткие исторические записки о бывших происшествиях и о носившихся в народе слухах // Записки очевидца: Воспоминания, дневники, письма. М., 1989. С. 102–103*). К «реальным прототипам» Плюшкина отнесен и М.П. Погодин, известный своей скупостью (*Вайскопф 1993. С. 381–382*; исследователь также считает, что сад около погодинского дома на Девичьем поле в Москве и кабинет хозяина нашли отражение в описании сада и комнаты Плюшкина).

Скудость сведений относительно прототипов поэмы объясняется специфичностью гоголевской характерологии. Хотя, по словам писателя, он всецело опирался на реальный материал («...воображение мое до сих пор не подарило меня ни одним замечательным характером», которого «где-нибудь не подметил мой взгляд в натуре» — «Авторская исповедь»), но этот материал был настолько преобразован, обобщен и переоформлен, что затруднительно его строгое приурочивание к определенным лицам, в то время как отдельные черты были замечаемы у многих. Характерно, что с изменением гоголевской характерологии во втором томе поэмы, возрастанием удельного веса психологизма и индивидуализации заметно возросло и количество предполагаемых прототипов.

Относительно реального времени действия поэма содержит разно-речивые сведения. Единственное определенное указание на этот счет

относит события к периоду, наступившему сразу же после завершения Отечественной войны 1812 г. («...все это происходило скоро после достославного изгнания французов»), однако косвенными данными размышляются как верхняя, так и нижняя его границы. Председатель палаты декламировал «Людмилу» Жуковского, «которая еще была тогда непростившею новостью». Хотя полемика по поводу стихотворения длилась по крайней мере еще десятилетие, но речь здесь, очевидно, идет о времени его публикации (1808), т.е. о периоде до 1812 г. Вместе с тем предположение чиновников, что Наполеона «выпустили» «с острова Елены», локализует действие периодом с 1815 г. (год высылки Наполеона на остров Святой Елены) по 1821 г. (год его смерти). Чтение Чичиковым «послания в стихах Вертера к Шарlotte», т.е., очевидно, стихотворения В.И. Туманского «Вертер к Шарlotte (За час перед смертию)», говорит о том, что описываемые события могли иметь место после 1819 г. (в этот год в журнале «Благонамеренный» появилось указанное стихотворение — Благонамеренный. 1819. Ч. 6. № VII. С. 5). Реплика почтмейстера «об Ланкастеровой школе взаимного обучения» также указывает или на тот же 1819 г., когда было открыто в России «Общество училищ взаимного обучения», или же, что логичнее, на более позднее время, когда возросли известность и популярность этого метода (в 1820 г. в Санкт-Петербурге вышло «Описание способа взаимного обучения по системам Белла, Ланкастера и других...» И. Гамеля; тремя-четырьмя годами позже началось бурное распространение списков грибоедовского «Горя от ума» с выпадом графини Хлестовой против «ланкартачных взаимных обучений» — Грибоедов. Т. 1. С. 92). Сдвигают верхнюю границу описываемых событий и реалии, связанные с освободительной войной греков в 1821—1829 гг.: восстание в Миссолонги, сделавшее известным имя его организатора Александра Маврокордато, началось в 1821 г.; имя другой участницы войны Бобелины (Боболины) приобрело широкую популярность после ее убийства в 1825 г.; и т. д. Греческие события находили в России широкий отклик и на исходе десятилетия; их обсуждают персонажи «Ганца Кюхельгартена», датированного Гоголем 1827 г.

Упоминание о том, что «двуглавые государственные гербы» на питейных заведениях заменены другой надписью, маркирует действие поэмы периодом после 1826 г., когда была отменена казенная питейная монополия (Гредингер М. Основы питейной монополии в России: Историко-юридические очерки. Рига, 1895. С. 27). Есть по крайней мере одна реалья, которую с большой долей вероятности можно отнести к более позднему времени — упоминание Чичиковым большой эпидемии («...недавно была эпидемия, народу вымерло, слава Богу, не мало») — возможно, подразумевается холерная эпидемия 1831 г. Если это так, то настоящая деталь входит в противоречие с данными второго тома, а имен-

но упоминанием, что у Хлобуева чуть ли не половина крестьян «померли от эпидемической болезни». Есть все основания считать, что здесь идет речь именно о холерной эпидемии 1831 г., а между тем действие второго тома хронологически отделено от первого тома значительным промежутком времени (см. подробнее в комментариях к т. 8 наст. изд.).

Ряд хронологических ограничений устанавливается реалиями, связанными с осуществлением аферы Чичикова, который официально приобретает крестьян без земли, на вывод и выборочно — только мужского пола. Между тем по именному указу Сенату от 2 мая 1833 г. крестьян было «безусловно запрещено продавать и уступать по дарственным записям отдельно от семейств, как с землею, так и без земли» (*Романович-Славатинский 1870. С. 303; Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века: В 2 т. Т. 2. СПб., 1888. С. 553; см. также: Полн. собр. законов 2. Т. VIII. Отд. 1. С. 246—247. № 6163*). «Конечно, продажа людей на прежних основаниях продолжалась иногда и после этого (...) Но то были уже злоупотребления, за которые виновные подвергались ответственности» (*Романович-Славатинский 1870. С. 344*). Однако в «Мертвых душах» как партнеры по сделке, так и участвующие в ее оформлении чиновники исходят из ее полной легальности. Далее, согласно высочайше утвержденному в 1841 г. мнению Государственного Совета, «покупать крестьян может только лицо, владеющее уже населенным имением, к которому покупаемые и должны быть приписаны; поэтому, при совершении крепостных актов, присутственные места должны потребовать от покупателя крестьян без земли, к какому недвижимому населенному своему имению намерен он приписать тех людей» (*Романович-Славатинский 1870. С. 304; эта норма начала складываться с 1833 г., в связи с установлением нового порядка внесения податей за дворовых людей, — подробнее см. с. 779 наст. изд.*). В «Мертвых душах» же совершение купчей в казенной палате обходится без всех этих формальностей; председатель, узнав о том, что крестьяне куплены на вывод в Херсонскую губернию, удовлетворился лишь вопросом, имеется ли у Чичикова «земли в достаточном количестве». Кстати, на соответствующие неточности обратил внимание С.Т. Аксаков в письме Гоголю от 3 июля 1842 г.: «...крестьяне на вывод продаются с семействами, а Чичиков отказался от женского пола...» (*Гоголь. Переписка. Т. 2. С. 23*). Однако Гоголь оставил эти слова без внимания, по-видимому исходя из того, что действие первого тома происходит до появления закона 1833 г., не говоря уже о распоряжении 1841 г.

Между тем замечания Аксакова характерны для реакции первых гоголевских читателей вообще, в большинстве своем воспринимавших «Мертвые души» как произведение о современности. Этому же мнению придерживались впоследствии и многие литературоведы; так, Н.А. Кот-

ляревский полагал, что Гоголь отнес описываемые события к эпохе войны 1812 г. лишь для того, чтобы обезопасить себя — «мистификация была, конечно, очень наивна, да и не нужна» (*Котляревский 1915. С. 397*).

На основании указанных выше и некоторых других данных предпринимались попытки более точно локализовать действие поэмы. В. Данилов предположил, что «оно происходит несколько лет спустя после 1815 г., когда была объявлена первая после изгнания французов ревизия, седьмая по общему счету, манифест о которой был издан 20 июня» (*Данилов 1923. С. 6*). К еще более конкретным выводам пришла Е.С. Смирнова-Чикина, буквально по годам расписавшая биографию главного героя, начиная с его участия в сооружении «казенного весьма капитального строения», которое идентифицируется с храмом Христа Спасителя в Москве (*Смирнова-Чикина 1974. С. 191*). Закладка храма имела место 12 октября 1817 г. на Воробьевых горах; спустя почти 10 лет, 16 апреля 1827 г., когда обнаружили злоупотребления, комиссия по сооружению храма была упразднена, а двое ее членов преданы суду (*Мостовский М. История Храма Христа Спасителя в Москве. М., 1884. С. 225, 233; Смирнова-Чикина 1974. С. 191*). Принимая эту дату за исходную (в действительности дело тянулось еще восемь лет и было закончено лишь в 1835 г. — *Мостовский М. Указ. соч. С. 234*), исследовательница выстраивает такой ряд: «...Чичиков (...) был отрешен от должности и его имущество было обращено в казну в 1827 г. (...) После долгих хлопот ему удалось добиться при помощи взятки “уничтожения запачканного послужного списка”, перейти на другую службу — в таможенную на польской границе, скажем, в 1828—1829 гг.; там он служил не очень долго, по крайней мере года два — 1828—1830 гг. или 1829—1831 гг.; (...) увернувшись от уголовного суда за проделки на таможне, он (...) “принужден был заняться званием поверенного” (опять в Москве) в 1830—1831 гг., не раньше. Поездки его и первые покупки начались в 1831—1832 гг., перед самой ревизией 1833 г.» (*Смирнова-Чикина 1974. С. 191—192*).

Однако не выдерживает критики уже исходный момент этих расчетов — идентификация «капитального строения» с храмом Христа Спасителя. Можно говорить лишь о том, что историей этого строительства, хорошо известной Гоголю (еще в письме от 10 февраля 1831 г. к матери он упоминал, что «комиссия построения храма в Москве уничтожена по причине страшных сумм, истраченных ее чиновниками»), был подсказан соответствующий эпизод, который, однако, в ходе работы над текстом получил «независимую», самостоятельную роль. Характерно, что в окончательной редакции было снято упоминание «комиссии постройки храма Божия» и здание стало «казенным»; лишь в качестве некоего реликта первоначальной редакции осталось определение домов, построенных чиновниками на ворованные деньги, как домов «гражданской архитек-

туры» — здесь гражданский стиль явно противостоит церковному стилю храма (отмечено В.М. Гуминским в его статье: Гоголь и Александр I (Из комментариев к «Мертвым душам») // Н.В. Гоголь и мировая культура: Вторые Гоголевские чтения: Сб. докладов. М., 2003. С. 118). При этом уже в черновой редакции события происходили не в Москве, где строился храм Христа Спасителя, а в провинциальном «губернском городе».

Вообще же попытки более или менее точно локализовать события поэмы противоречат ее поэтике, в которой достаточно отчетливо проступает главная тенденция — противопоставления или, вернее, *отличения прошлого от настоящего*, без конкретизации этого противопоставления. Намечается эта тенденция с первых страниц: гербы на питейных заведениях *«теперь уже заменены лаконической надписью...»*; сапогам Собакевича *«вряд ли где можно найти отвечающую ногу, особенно в нынешнее время...»*; *«Может быть (...)* станут говорить, что *теперь уже нет Ноздревых»*; *«письмо было написано в духе тогдашнего времени»* (Курсив наш. — Ред.) и т.д. В пределах же этого «прошлого» Гоголь довольно свободно обходится с реалиями, смешивая их и допуская анахронизмы. Очевидно, здесь проявилась общая закономерность его художественного письма, которая запечатлелась также в вольном и противоречивом фиксировании времен года. Отправляясь делать визиты помещикам, Чичиков надел «шинель на больших медведях»; по дороге он видит мужиков в «овчинных тулупах» — все это указывает на то, что события происходят в холодную пору. Но затем Манилов встречает гостя «в зеленом шалоновом сюртуке»; в имении помещика видятся «подстриженный дерн», «клумбы с кустами сирени и желтых акаций», «пруд, покрытый зеленью», т.е. вполне летний пейзаж (отмечено в статье: *Бузескул В.* К какому времени года относятся походжения Чичикова в первом томе «Мертвых Душ»? (К характеристике литературных приемов Гоголя) // Пошана: Сборник Харьковского историко-филологического общества. Т. XVIII. Харьков, 1909. С. 481—484; см. также: *Гиппиус 1924.* С. 148, 232). То, что все это не *lapsus calami*, не «ошибки пера», подтверждается авторской правкой: в первой черновой редакции определенно указывалось, когда происходит действие (*«День, несмотря что лето было на исходе, был еще довольно жарок...»* — курсив наш. — Ред.); затем это ограничение отпало. Детали обстановки, элементы сезонного пейзажа проистекают из сути образа или ситуации, порою противоречия друг другу: для Манилова оказались необходимы пестрые, летние цвета; для Чичикова — краски и подробности, создающие впечатление важности и солидности (в позднейших черновых набросках «шинель на больших медведях» непосредственно соотносится с соответствующей установкой персонажа: *«Набросил шинель на медве(дях), не затем что на дворе было холодно, но чтобы внушить страх канцелярской мелузге»*).

В окончательном тексте упоминание о медведе «на плечах» фигурирует без подчеркивания функции этой детали — см. об этом: *Манн 1996. С. 250–252*).

Разнобой в реалиях, по-видимому, также можно объяснить тем, что они обусловлены определенными темами, подчас противореча друг другу хронологически, но оставаясь в пределах характеристики «прошлого». Важнейшие среди этих тем: Отечественная война 1812 г., связанная с мотивами общенационального единения и подъема на фоне более поздней раздробленности интересов и эгоизма; начальная стадия русского романтизма (первые баллады Жуковского), к которому восходят мотивы жизни сердца, «внутреннего человека», как в их серьезном (преимущественно «авторском»), так и пародийном проявлении (сфера персонажей); греческая тема, имеющая отношение к развитию мотивов телесной силы и богатырства, причем также в их серьезном («Здесь ли не быть богатырю...») и пародийном выражении («богатырь» Собакевич). Принципиальная же оппозиция «прошлое — настоящее» очевидно устраивала автора «Мертвых душ» в самом общем виде, уже самим своим существованием, поскольку создавала эпическую дистанцию, столь характерную для исторического романа (в частности для Вальтера Скотта): эта дистанция усиливала возможности комического освещения событий и героев (взгляд на них с позиции «сегодняшнего дня» — прием, которым активно пользовался Вальтер Скотт), а также мотивировала спокойствие и обстоятельность описания (ср. гоголевские слова о том, что он ведет рассказ «спокойно, как летопись» — из письма В.А. Жуковскому от 31 октября (12 ноября) 1836 г.). Необходимо учитывать также место первого тома во временной перспективе всего замысла: «Гоголь задумывал широкий захват времени для похождения героя; а для этого, раз он начал писать “Мертвые души” в 1835 г., он должен был строить распространение времени не насчет будущего, а только насчет прошедшего» (*Данилов 1923. С. 7*). Предполагалось, что действие последующих томов приблизится к современности.

Реалии места действия также определены в поэме в самом общем виде: «...город был не в глуши, а, напротив, недалеко от обеих столиц»; ближе к Москве, а от Казани дальше (разговор двух мужиков о «колесе»), но какой город — не уточняется; важно, что это типичный губернский город в Средней России. Его характерность подчеркнута с первых страниц («...город никак не уступал другим губернским городам: сильно была в глаза желтая краска на каменных домах...» и т.д.). В контексте же общего художественного строя поэмы с ее гиперболизмом, гротескной окраской, стилистическими переборами усредненность городского облика получала самые различные интерпретации. Один из младших современников Гоголя относил к числу «величайших достоинств» автора «Мертвых душ» «глубокое понимание той местности, о которой говорит-

ся в рассказе» ([*Майков В.Н.*] Сто рисунков из сочинения Н.В. Гоголя «Мертвые души»... // *ОЗ*. 1847. Т. 50. № 2. Отд. VI. С. 76; см. также: *Майков В.Н.* Литературная критика: Статьи и рецензии. Л., 1985. С. 307). Напротив, в начале XX в. С.А. Венгеров совершенно отказал «Мертвым душам» в верности отображения губернского, впрочем, как и всякого другого города, рассматривая поэму в рамках своего тезиса о том, что «Гоголь совершенно не знал реальной русской жизни» (*Венгеров С.А.* Собр. соч. Т. 2. СПб., 1913. С. 117–141). Впрочем, исследователь полагал, что это не столько недостаток, сколько своеобразие художественного почерка: «...в “Мертвых душах” правдоподобие столь искоренено, элемент фантастики столь интегрально входит в концепцию произведения, что и надобности никакой нет в сколько-нибудь точном воспроизведении действительности» (там же, с. 136). Принципиальное значение вопросу о неопределенности места действия поэмы придал И.Ф. Анненский: «Из какой полосы России взяты Коробочки, Митяи и Миняи? (...) Что это в сущности за страна?» (*Анненский И.* Художественный идеализм Гоголя (Речь, произнесенная 21-го февраля 1902 г.) // *Анненский И.* Книги отражений. М., 1979. С. 223–224). Затрудненность ответа объясняется тем, что философское и символическое содержание поэмы не вмещается ни в какие пространственные или временные рамки: «Пусть вместо России он изобразил нам Атлантиду, но от этого стали еще ярче и еще великолепно те дышащие жизнью символы, в которых светятся мириады наблюдений и умов (...) “Мертвые души” не могли бы уместиться ни в одну чисто реальную обстановку» (там же, с. 224).

В отношении литературных источников фабулы «Мертвые души» заметно отличаются от «Ревизора», восходившего чуть ли не к «бродячему сюжету», или, как говорил О.И. Сенковский, к «анекдоту», «тысячу раз напечатанному, рассказанному и обделанному в разных видах» (*БДЧ*. 1836. Т. XVI. Отд. V. С. 42). В силу чисто российской специфичности тематики поэмы (продажа крепостных, ревизская сказка и т.д.) заведомо исключается возможность западноевропейских источников, в то время как для фабулы «Ревизора» такие источники вполне реальны (произведения с *qui pro quo*, например «Лекарь поневоле» Мольера). Что же касается отечественных источников, то в научной литературе фигурирует чуть ли не единственный пример — повесть В.И. Даля «Вакх Сидоров Чайкин, или Рассказ его о собственном своем житье бытѣ, за первую половину жизни своей» (Повести, сказки и рассказы Казака Луганского. Ч. 3. СПб., 1846. С. 137–294). Персонаж этой повести Василий Иванович Порубов, скупив «в губернии до двух сот мертвых душ» (там же, с. 204) и приписав их к «лоскуточку болота» (там же, с. 205), заложил все свое хозяйство в Опекунский совет «по 200 р. душу»

(т.е. по установленной таксе; по той же цене собирается и Чичиков заложить души в Опекунский совет — там же). По мнению исследователя, выдвинувшего настоящую версию, именно Даль сообщил эту историю Пушкину, который передал ее Гоголю (*Бобров Е.А. Два вопроса из творчества Н.В. Гоголя // Изв. Отд. русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1910. Кн. 1. С. 63–77*). Хронологическое несоответствие («Вах Сидоров Чайкин...» появился после «Мертвых душ» — в *БдЧ. 1843. Т. 57. С. 15–134*) устраняется предположением, что «рукопись Даля могла долго пролежать без движения в редакции журнала» (*Бобров Е.А. Два вопроса из творчества Н.В. Гоголя // Изв. Отд. русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1910. Кн. 1. С. 74*). Однако указанного эпизода вообще не было в журнальной редакции повести; появился он лишь в книге: «Повести, сказки и рассказы Казака Луганского» (Ч. 3. СПб., 1846. С. 204–205; отмечено Е.С. Смирновой-Чикиной: *Смирнова-Чикина 1974. С. 189*) и, следовательно, под прямым влиянием «Мертвых душ».

Что касается литературных прообразов гоголевских персонажей, то они указывались неоднократно: так, для Ноздрева — Парамон из романа В.Т. Нарезного «Аристион, или Перевоспитание», Глаздури из «Ивана Выжигина» Ф.В. Булгарина (*Гиппиус 1924. С. 145*); для Манилова — провинциальный фантазер Волгин из водевиля Загоскина «Деревенский философ» и помещик Аглаев из романа Д.Н. Бегичева «Семейство Холмских» (*Вайскопф 1993. С. 370–371*; ср. также: *Лихачев Д.С. Социальные корни типа Манилова // Лихачев Д.С. Избранные работы: В 3 т. Т. 3. Л., 1987. С. 245–256*), для Собакевича — фонвизинский Тарас Скотинин (о чем говорил еще С.П. Шевырев в рецензии на «Мертвые души» — *Шевырев С. Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Статья первая // Москв. 1842. Ч. IV. № 7. С. 216*) и Бурдаш из «Юрия Милославского...» М.Н. Загоскина (*Вайскопф 1993. С. 374*). Отмечались и отдельные черты, предвосхитившие Чичикова, например, у Горянова из романа А.П. Степанова «Постоялый двор. Записки покойного Горянова, изданные его другом Н.П. Маловым» (там же, с. 366–367).

Особенно часто фигурируют предшественники Плюшкина, начиная с античного театра (Плавта), затем Гарпагон в «Скупом» Мольера, лицензиат Кабра в «Истории жизни пройдохи по имени дон Паблос» Ф. Кеведо, пан Тарах в «Аристионе...» Нарезного, Груздев в «Дочери купца Жолобова» И.Т. Калашникова и, конечно, Барон из пушкинского «Скупого рыцаря» (наиболее полная сводка соответствующих данных — в исследовании: *Айзеншток И. К вопросу о литературных влияниях (Г.Ф. Квитка и Н.В. Гоголь) // Изв. Отд. русского языка и словесности Российской академии наук. 1919. Т. XXIV. Кн. 1. С. 23–42*). К перечисленным персонажам добавляются все новые и новые: Гобсек

из одноименной повести и других произведений Бальзака (*Елистратова* 1972. С. 204–205), князь Рамирский из романа Д.Н. Бегичева «Семейство Холмских», Желбинский из романа А.П. Степанова «Постоялый двор...», барон Балдуин Фюренгоф из романа И.И. Лажечникова «Последний новик» и др. (*Вайскопф* 1993. С. 376–381). Обилие параллелей к Плюшкину объясняется тем, что это, пожалуй, единственный из характеров первого тома поэмы, внешне традиционный по установке (скупость); все остальные намного труднее определимы по какому-либо одному качеству. Но и в случае с Плюшкиным (как и с другими персонажами) все же скорее приходится говорить о подключении к определенной типологической традиции, чем о прямом воздействии на Гоголя предшествующих образов.

В качестве произведения, непосредственно повлиявшего на создателя Плюшкина, указывалась и публикация Г.Ф. Квитки-Основьяненко «Скупец. Эпизод из книги: Жизнь и похождения Петра Степанова сына Пустолобова, помещика в трех наместничествах» (Новогодник: Собрание сочинений в прозе и стихах, современных русских писателей, изданный Н. Кукольником. СПб., 1839. С. 22–42; см. также: Жизнь и похождения Петра Степанова сына Столбикова, помещика в трех наместничествах. Рукопись XVIII века: В 3 ч. Ч. 2. СПб., 1841. С. 159–180). Сторонник этой точки зрения подчеркивал сходство во внешности Жиломотова, персонажа Квитки, и Плюшкина (*Баженов Н. Г.Ф. Квитка как вдохновитель Гоголя. К вопросу о литературном заимствовании. Харьков, 1916. С. 6–7*). Однако сходство это скорее проистекает из самой природы такого явления, как скупость, и поэтому Плюшкин, как отметил другой исследователь, «по внешнему виду, напоминает не только Жиломотова, но и Мельмота, и Тараха, и даже Кабру Кеведо...» (*Айзеншток И. К вопросу о литературных влияниях (Г.Ф. Квитка и Н.В. Гоголь) // Изв. Отд. русского языка и словесности Российской академии наук. 1919. Т. XXIV. Кн. 1. С. 40*). Кстати, влияние Ч.Р. Метьюрина на автора «Мертвых душ» мотивируется аналогичными совпадениями: «...заколоченные окна в доме, постоянно запертые ворота усадьбы, куча ломаной мебели и всяких ненужных вещей в комнате героя, давно остановившиеся часы, вплоть до идентичности почерка обоих скупцов, экономивших при письме бумагу» (*Смирнова Е.А. 1987. С. 113*). Но нет никаких оснований видеть в этом «самые неотразимые свидетельства зависимости гоголевского героя от образа старого Мельмота» (там же): все перечисленные детали принадлежат к постоянным, естественно напрашивающимся атрибутам темы скупости и скряжничества. Это все применимо и к другим фигурирующим в исследовательской литературе параллелям: так, обращалось внимание, что реплика одного из крестьян пана Тараха в «Аристионе...» — «у нас и годовая корка хлеба хранится под замком» (*Нарежный В. Аристион, или Перевоспитание. Ч. 2. СПб.,*

1822. С. 36) — предвосхищает знаменитый лежалый сухарь Плюшкина (Данилов В. Земляк и предтеча Гоголя. Отдельный оттиск из журнала «Киевская старина». Киев, 1906. С. 11–12). Можно напомнить и скупого помещика Г.А. из едва ли известного Гоголю «Путешествия критики» С. фон Ферельцта (Путешествия критики, или Письма одного путешественника, описывающего другу своему разные пороки, которых большею частью сам был очевидным свидетелем / Сочинение С. фон Ф. М., 1818): избы его крестьян — «развалившиеся хижины, похожие более на клевы <так!>, нежели на дома» (там же, с. 42); угощает он таким питьем, что гость, «прихлебнул, поморщился и принужден был» отказаться (там же, с. 33) и т.д. Возвращаясь же к Квитке-Основьяненко, надо еще учесть, что хотя Гоголь и был осведомлен о выходе альманаха с его произведением (об этом сообщил ему Василий Прокопович — см. письмо Гоголя А.С. Данилевскому из Рима от 2(14) апреля 1839 г.), но едва ли смог ознакомиться с ним до завершения основной работы над первым томом поэмы (ср.: *Вайскопф 1993. С. 556*; исследователь предполагает, что Гоголь «хотя бы в общих чертах» узнал о рукописи от Погодина, которому автор прислал ее еще в 1833 г.).

Проблема источников формулы «мертвые души», вынесенной в заглавие произведения, имеет различные аспекты: как житейски-бытовой, так и литературный, а также философско-религиозный. Житейски-бытовой аспект предполагает ответ на вопрос, насколько привычна и распространена была эта формула в деловом и повседневном обиходе. В.И. Даль зарегистрировал соответствующее словоупотребление еще в первом издании «Толкового словаря живого великорусского языка»: «*Мертвые души*, люди умершие в промежутке двух народных переписей, но числящиеся, по уплате податей, налицо» (Душа // Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля. Ч. 1. М., 1863. С. 450). Позднее Д.С. Мережковский утверждал: «“Мертвые души” — это было некогда для всех привычное казенное слово на канцелярском языке крепостного права» (Мережковский Д.С. Судьба Гоголя. Ч. I: Творчество // Новый путь. 1903. Январь. С. 65). Однако, скорее всего, случаи подобного словоупотребления возникли под влиянием именно гоголевской поэмы, так же как и процитированные выше строки из письма М. Туманского (это письмо написано 15 сентября 1842 г., т.е. под свежим впечатлением от поэмы, поступившей в продажу к началу лета). Такой знаток отечественной истории и быта, как М.П. Погодин, писал Гоголю 6(18) мая 1847 г.: «“Мертвых душ” — в русском языке нет. Есть души ревизские, прописные, убылые, прибылые» (Гоголь. Переписка. Т. 1. С. 417). Изыскания современных исследователей подтвердили правоту этих слов. «Как нам удалось установить, это выражение не встречалось ни в правительственных актах, ни в указах и других официальных документах,

ни в художественной, научной, справочной литературе» (Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова: Крылатые слова, литературные цитаты, образные выражения: 4-е изд., доп. М., 1988. С. 201). Что касается устного обихода, то абсолютно исключить возможность употребления формулы «мертвая душа» в качестве обозначения «умершей ревизской души», конечно, нельзя; но если это и случалось, то не часто и не систематически. Всем этим объясняется тактика Гоголя в процессе написания его произведения: скрывая от многих содержание и смысл своей новой книги, он разрешал широко оповестить о ее названии, полагая, что оно не будет понято и заинтригует будущего читателя. Пример Ф.И. Буслаява, услышавшего название поэмы в конце 1840 или в начале 1841 г., оправдал эти ожидания: он решил, «что это какой-нибудь фантастический роман или повесть в роде “Вия”» (Гог. восп. совр. 1952. С. 224).

В религиозно-философском аспекте гоголевская формула явилась антитетичной к библейскому понятию о «живой душе». «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою» (Быт. 2:7). Широкий спектр оксюморонных выражений «мертвая жизнь», «живая смерть» приобрел распространение в западноевропейской поэзии, особенно в эпоху Средневековья (Kaiser W. Das sprachliche Kunstwerk: Eine Einführung in die Literaturwissenschaft. Bern; München, 1971. S. 112); нашел он отражение и в русской литературе в виде словосочетания «мертвая душа». «Тому, чем мог бы быть блаженным я, / Не верит мертвая душа моя» ([Кюхельбекер В.К.] Ижорский: Мистерия. СПб., 1835. С. 24; здесь же в финале возникает высокая библейская антитеза этому понятию: Добрый Дух напоминает, что Бог сотворил не для зла «того, в кого живую душу / Свое подобие вложил» — там же, с. 149). Более ранний пример — стихотворение В.К. Кюхельбекера «Видение»: «Но мертвая душа душе моей рекла / И весь я полон был боязненной печали!» (Мнемозина. М., 1824. Ч. 2. С. 49 — опубликовано анонимно; отмечено С.А. Гончаровым). Еще более ранние случаи — в сочинениях Григория Сковороды, в частности в его письме М.И. Ковалинскому (начало второй половины февраля 1763 г.): «Разве не мертва душа, лишенная истинной любви, то есть бога?» (Сковорода Г. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1973. С. 225; отмечено И.А. Виноградовым). На фоне этой уходящей в глубь веков традиции отчетливо видно произведенное Гоголем обновление формулы: во-первых, употребление ее во множественном числе («мертвые души»); во-вторых, придание ей особой, ударной, в буквальном смысле *заглавной* роли и, наконец, соединение воедино и конкретно-бытового и философско-метафорического планов, что предоставляло возможности для взаимодействия и углубления различных смыслов.

Написание «Мертвых душ» сопровождалось довольно интенсивным чтением: Гоголь «начал с таких первоначальных книг, что стыдился

даже показывать и скрывал все свои занятия» («Авторская исповедь»). В числе этих книг, о которых он, впрочем, не «постыдился» сообщить Жуковскому (письмо от 31 октября (12 ноября) 1836 г.), были произведения Мольера, Шекспира и Вальтера Скотта. С Мольером до некоторой степени Гоголь был знаком еще с гимназической скамьи (в гимназии ставились «Лекарь поневоле» и «Скупой»; в последней комедии он, по видимому, участвовал — см.: *Манн 1994. С. 121*), но очевидно, недостаточно, что и послужило причиной сделанного ему Пушкиным «строгого выговора» «за небрежение к этому писателю» (*Анненков 1989. С. 53*). Работая над «Ревизором» и затем над статьей «Петербургская сцена в 1835—36 г.» (окончательный вариант — «Петербургские записки 1836 года»), Гоголь много размышлял о Мольере; эта стадия более углубленного знакомства с французским комедиографом совпала с началом работы над «Мертвыми душами»; кстати, на это же время, на 1837 г., падает и посещение Гоголем в Париже спектаклей «Тартюф» и «Мнимый больной» в Комеди Франсез, где традиционно отмечали день рождения их автора (15 января 1837 г.). Помимо искусства характерологии («О, Мольер, великий Мольер! ты, который так обширно и в такой полноте развивал свои характеры...» — «Петербургские записки 1836 года»), интерес Гоголя стимулировался и стремлением приобрести более основательные навыки в композиции большого эпического произведения с помощью усвоения ему поэтики драмы (об этом ниже).

Этой же цели служил, вероятно, и Шекспир, гоголевские занятия которым, в период работы над поэмой, подтверждаются и сторонними свидетельствами (в октябре 1839 г. во время совместной поездки из Москвы в Петербург Миша Аксаков, сын Сергея Тимофеевича, подсмотрел, что Гоголь читает Шекспира на французском языке — *Аксаков 1960. С. 22*). «Шекспировское искусство развивать крупные черты характеров в тесных границах» Гоголь отмечал еще в начале 1830-х гг. в статье «Шлецер, Миллер и Гердер» (датирована автором 1832 г., вошла в «Арабески», 1835 г.). Что же касается Вальтера Скотта, пиетет к которому Гоголь делил со многими своими современниками («...полнейший, обширнейший гений XIX века» — «О движении журнальной литературы...», 1836 г.), то теперь он приобрел для русского писателя и практическое значение — для овладения архитектоникой романного действия (многие сюжетные ходы гоголевской поэмы являются типично романскими; такова, например, случайная дорожная встреча центрального персонажа, Чичикова, с незнакомкой-красавицей, с которой впоследствии его снова сведет судьба). Вальтер Скотт прививал «умение замечать самые тонкие оттенки» (гоголевские слова о нем в статье «Шлецер, Миллер и Гердер») и вместе с Шекспиром содействовал углублению психологизма. Такой осведомленный в гоголевских интересах и занятиях человек, как С.П. Шевырев, отмечал в связи с «Мертвыми душами», что Шекспир и

Вальтер Скотт помогли открытию «внутреннего человека» (Шевырев С. Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Статья вторая // *Москв.* 1842. Ч. IV. № 8. С. 357, 363–365).

Среди «первоначальных книг» был и Гомер, а именно «Илиада» (чтение этой поэмы в переводе Гнедича зафиксировано и Анненковым, проживавшим вместе с Гоголем в Риме в апреле–июне 1841 г. — *Анненков 1989.* С. 67), к которой автор «Мертвых душ» обратился с той же целью — постижения композиционных тайн большого эпоса (чтобы «выучиться постройке больших творений у великих мастеров, я принялся за них, начиная с нашего любезного Гомера» — из письма к В.А. Жуковскому от 29 декабря 1847 г. (10 января 1848 г.) из Неаполя). Впоследствии, уже под впечатлением «Одиссеи» (с переводом этой поэмы, выполненным Жуковским, Гоголь познакомился не ранее июня 1843 г. — см. письмо Гоголя Н.М. Языкову от 29 мая (10 июня) 1843 г. их Висбадена), автор «Мертвых душ» на первый план выдвинул достоинства гомеровского повествования — «уравновешенное спокойствие», «отчетливость изумительную», «верность картин и живость описаний» («Об Одиссее, переводимой Жуковским», опубликована в 1846 г.; вошла в кн.: *Выбранные места из переписки с друзьями.* СПб., 1847). Очевидно в той или другой степени все это ощущалось Гоголем и раньше, при чтении «Илиады», влияя на повествовательную и стилистическую систему его поэмы, однако же — в сложном эмоциональном спектре, прежде всего в сочетании с иронией.

Некоторый итог своим литературным занятиям и интересам Гоголь подвел во второй черновой редакции последней главы поэмы, где выставлена своего рода галерея образцовых писателей: автор любит смотреть «на висящие перед ним на стене портреты: Шекспира, Ариоста, Фильдинга, Сервантеса, Пушкина, отразивших природу таковою, как она была, а не таковою, как угодно было кому-нибудь, чтобы она была». Помимо демонстративно-полемической установки на неприкрытую правду, эпатирующую современный вкус (этот пассаж должен был предшествовать мысли об антигерое: «А по весьма законной причине не выбран добродетельный человек»), перечисленные имена являются знаковыми и в смысле конкретных художественных импульсов, которые, по представлению Гоголя, испытала его поэма. Новыми (и несколько неожиданными) из западноевропейских писателей здесь являются два имени — Ариосто и Филдинг.

«Неистовый Роланд» Ариосто был достаточно известен в России по переводу С.Е. Раича (Неистовый Орланд Л. Ариоста. Перевод Раича. М., 1832–1837. Ч. 1–3), а также знаменитой статье К.Н. Батюшкова «Ариост и Тасс» (впервые: *ВЕ.* 1816. Ч. LXXXVI. № 6. С. 107–121, подпись: N.N.N.; вошла в его «Опыты в стихах и прозе» — Ч. 1. СПб., 1817. С. 233–249), не говоря уже о множестве журнальных

упоминаний. Тем не менее неизвестно, читал ли Гоголь это произведение до отъезда за границу; позднее же, скорее всего, читал — и читал в оригинале, при своем знании и интересе к итальянскому языку (еще Батюшков рекомендовал Ариосто как «чародея», воплощающего одно из высших достижений итальянского языка (ВЕ. 1816. Ч. LXXXVI. № 6. С. 109); импульсы к занятию Ариосто могли идти к Гоголю и от Шевырева, страстного «италиниста», в своем разборе «Мертвых душ» не раз проводившего параллель к живописному и яркому стилю «Неистового Роланда» — Шевырев С. Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Статья вторая // Москв. 1842. Ч. IV. № 8. С. 359, 363). Что же касается конкретного влияния Ариосто, то Гоголь, по-видимому, ценил в нем «искусство подлинно-эпического замедленного повествования» (Гиппиус 1924. С. 140), которым он стремился овладеть для большой прозаической формы. Нельзя исключать интереса Гоголя и к стилю «Неистового Роланда», совмещавшего, по словам Батюшкова, такие различные элементы, как «мужественное красноречие», чувствительность и естественность комизма, — «он шутит, и шутки его легкие, веселые, игривые» (ВЕ. 1816. Ч. LXXXVI. № 6. С. 108—109). «Шутливый тон» и «легкость» «Неистового Роланда» позднее отметит и Гоголь в «Учебной книге словесности для русского юношества» (датируется 1844—1845 гг.), — так же как и соответствующие качества «Дон Кихота».

Вообще Ариосто и Сервантес (тоже фигурирующий в галерее «портретов») мыслятся Гоголем во взаимной связи друг с другом. Хотя прямых сведений о гоголевском чтении «Дон Кихота» не находится, оно более чем вероятно (особенно в связи с существованием перевода, выполненного В.А. Жуковским: Дон Кишот Ла Манхский. Сочинение Серванта. Переведено с франц. Флорианова перевода В. Жуковским. Т. 1—6. М., 1804—1806.). После же разговора с Пушкиным, который привел в пример испанского писателя, Гоголь должен был еще пристальнее присмотреться к феномену Дон Кихота, что отразилось в тексте поэмы (во втором томе — размышления Костанжогло о «Дон-Кишотах просвещенья») и в теоретических размышлениях «Учебной книги...», впитавших в себя творческий опыт «Мертвых душ». Речь идет о характеристике жанров, которые Гоголь именуется как «меньшие роды эпopeи» и строит на двух взаимосвязанных образцах — «Неистовом Роланде» и «Дон Кихоте». Их жанровые признаки — выбор среднего, неисторического героя («частное и невидное лицо»), сквозное, с помощью этого героя, ведение действия («Автор ведет его жизнь сквозь цепь приключений и перемен...»), сатирическая и даже нравоописательная установка (картина «недостатков, злоупотреблений, пороков и всего, что заметил он (писатель. — Ред.) во взятой эпохе и времени достойного привлечь взгляд всякого наблюдательного современника...») и в связи с этим уни-

версальность масштаба по крайней мере для своего времени и страны («Всемирности нет (как в античной «эпопее». — *Ред.*), но есть и бывает полный эпический объем замечательных частных явлений...»). Всеми этими признаками действительно характеризуется (но не исчерпывается!) жанр гоголевской поэмы; показательно и то, что автор «Учебной книги...» специально оговаривает право одного из упоминаемых им произведений, а именно «Дон Кихота», находиться в ряду «созданий поэтических», несмотря на то что (как и «Мертвые души») написана «в прозе» (связь гоголевского описания «меньших родов эпопеи» с его поэмой неоднократно отмечалась; наиболее полно в исследовании: *Найдич Э.Э.* К вопросу о литературных взглядах Гоголя // *Гоголь: Статьи и материалы.* Л., 1954. С. 120–123).

Автор «Учебной книги...» соотносит «Неистового Роланда» и «Дон Кихота» и по другому признаку: «...Ариосто изобразил почти сказочную страсть к приключениям и к чудесному, которым была занята на время вся эпоха, а Сервантес посмеялся над охотой к приключен(иям), оставшимся, после рококо, в некоторых людях, в то время, когда уже самый век вокруг их переменялся...». Гоголевское сопоставление вписывается в эстетический контекст его времени (ср., например, в «Лекциях по эстетике» Гегеля: «...поэма Ариосто раскрывается еще в соответствии с поэтическими целями средневековья; между тем для более глубокого романа Сервантеса рыцарство составляет нечто прошлое, это прошлое может внедриться в реальную прозу и современную жизнь лишь как отвлеченная мечта и фантастическая нелепость...» — *Гегель Г.В.Ф.* Соч.: В 14 т. Т. XIV: Лекции по эстетике. Кн. 3. М., 1958. С. 286). У Гоголя не заметен позитивный момент трактовки Дон Кихота, свойственный романтикам или, скажем, Генриху Гейне, — Дон Кихот как носитель высокого безумия, жертва трагического разлада мечты и действительности (см. об этом: *Елистратова 1972.* С. 17–18). Гоголь ближе к просветительскому, следовательно критическому пониманию этого образа, представленному в России, скажем, И.И. Дмитриевым в его одноименном переводе басни Ж.П. Флориана «Дон Кихот» (Сочинения Дмитриева. Ч. III. М., 1810. С. 48–50): герой переходит от одного чудачества к другому (ср. приведенные выше слова Костанжогло). Однако сопоставимость героя Сервантеса с центральным персонажем «Мертвых душ» углубляет всю картину (параллель между Дон Кихотом и Чичиковым проведена давно — вскоре после смерти Гоголя: *Водовозов В.И.* О Дон-Кихоте Сервантеса и в особенности о второй части его романа // *ЖМНП.* 1858. № 9. Сентябрь. Отд. V. С. 5; эта параллель продолжена в кн.: *Веселовский 1912.* Т. 2. С. 214–215).

Чичиков — инверсия Дон Кихота, как Дон Кихот — инверсия героев Ариосто. Дон Кихот пускается в странствия ради осуществления рыцарского идеала; Чичиков — ради наживы, он рыцарь копейки. Дон

Кихот влеком иллюзией, Чичиков — трезвым расчетом. Дон Кихот отстал от жизни; Чичиков в высшей степени современен, он мыслит и действует даже с опережением. «Бескорыстная деятельность сделалась невероятною: она принимает такое же значение в мире современном, какое во времена Сервантеса получила деятельность рыцарская» (Киреевский И.В. О необходимости и возможности новых начал для философии // Киреевский И.В. Критика и эстетика. М., 1998. С. 337; на переключку этой реплики и поэмы Гоголя указал В.Е. Багно; см.: Багно В.Е. Гоголь и испанская литература // Гоголь и мир. лит. 1988. С. 193). Однако же — еще одно, чисто гоголевское усложнение смысла: деятельность рыцаря расчета и эгоистической пользы по-своему сродни операциям Дон Кихота с мнимыми величинами, с «ветряными мельницами», с химерами («мертвые души»!) и, кроме того, не сулит ему надежного обогащения, надежного результата.

Что же касается Филдинга, то хотя прямыми свидетельствами чтения Гоголем его произведений мы также не располагаем, но логично допустить те мотивы, по которым упомянуто это имя в «Мертвых душах» (кстати, в черновой редакции «Учебной книги...» была ссылка и на «романы Фильдинга» как на пример, наряду с «Неистовым Роландом» и «Дон Кихотом», «меньших родов эпоеи», причем оговаривалась принадлежность его романов области поэзии, несмотря на их прозаическую форму). В сфере повествования Филдинг мог привлечь Гоголя продолжением тех тенденций, которые он ценил у Ариосто и Сервантеса. «Во всяком случае манера авторского контроля над действием, непрерывного комментария, состоящего из юморо-лирических перебоев, могла владеть Гоголем под впечатлением {...} Фильдинга...» (Гиппиус 1924. С. 140). Эти черты подводили к особому рода повествовательной ситуации, свойственной и «Мертвым душам», — с рассказчиком, дистанцированным от происходящих событий, не воплощенным в конкретное действующее лицо, но в то же время сохранившим за собою право на стилистические перебои и игру (см. подробнее: Манн 1996. С. 308—317).

Еще более многообразным было воздействие Пушкина, чей «портрет» замыкает упомянутую галерею. В «Евгении Онегине», главы которого, по мере их выхода в свет, Гоголь с увлечением и восторгом читал еще с гимназической поры, он нашел современную, причем ярко национальную по колориту форму сочетания событийной линии и авторской лирической партии, серьезности и шутки, элегических воспоминаний и прорывов в будущее. Гоголевскому ощущению этого сочетания соответствует парадоксальная фраза из работы «В чем же наконец существо русской поэзии...», будто бы автор «Евгения Онегина», «столкнувши с места своих героев, сам стал на их месте». В «Мертвых душах» автор, зная свое «место», не узурпирует права героев, но вполне сохраняет параллелизм сюжетного плана и авторской партии — конструктивный принцип,

свойственный западно-европейской романтической поэме вообще, но воспринятый Гоголем прежде всего через Пушкина (его «южные поэмы» и особенно «роман в стихах»). Наиболее наглядно это видно из переклички заключительных двух строф главы VI «Евгения Онегина» с началом главы VI гоголевской поэмы — в обоих случаях сопоставление прошлого и теперешнего состояния автора (ср. соответственно: «О юность легкая моя!» (Пушкин. Т. 6. С. 136) — «О моя юность! о моя свежесть!»), но в «Мертвых душах» это сопоставление с обратным знаком (у Пушкина стремление сохранить былое: «Не дай остыть душе поэта, / Ожесточиться, очерстветь...» и т.д. (Пушкин. Т. 6. С. 137); у Гоголя скорбь по поводу того, что это уже произошло: «...моему охлажденному взору неприютно, (...) безучастное молчание хранят мои недвижные уста» и т.д.). Указывалось также, что упомянутый пассаж из «Мертвых душ» отражает влияние другого произведения — стихотворения В.А. Жуковского «Песня» («Отымают наши радости...», 1820 г. — Смирнова Е.А. 1987. С. 124). Предположение вполне реальное, поскольку запечатленное состояние являлось общим местом элегической и романтической поэзии; новое в гоголевской поэме — его интеграция в эпическое повествование о «других» персонажах и «других» судьбах.

«Мертвые души» демонстрируют это состояние и в серьезном выражении, относящемся к автору, и в резко сниженном, относящемся к другим персонажам; в последнем случае все строится на пародировании пушкинских мотивов. Тут и почин женщины в любовном объяснении, вопреки принятым нормам («Нет, я должна к тебе писать!» — реминисценция из «Письма Татьяны к Онегину» — Пушкин. Т. 4. С. 185); и мотив романтического бегства, разрыва привычных связей с окружением и средой, причем мотив этот усилен тем, что также исходит от женщины («...приглашали Чичикова в пустыню...» — ср. реплику Черкешенки в «Кавказском пленнике»: «Скрываться рада я в пустыне / С тобою, царь души моей!» (Пушкин. Т. 4. С. 104)); и критика светской жизни и цивилизации вообще с позиции «естественной» жизни («Что свет? Толпа людей, которая не чувствует (...) Город, где люди в душных оградах не пользуются воздухом...» — ср. в «Цыганах»: «Там люди, в кучах за оградой, / Не дышат утренней прохладой...» (Пушкин. Т. 4. С. 185)); превращение словосочетания «за оградой» в «душные ограды» — такая же абсурдистская метаморфоза, как хлестаковское «удалимся под сень струй»); и наконец, графически переданный прием умолчания или нарочитого пропуска, обильно используемый в «Евгении Онегине», но восходящий еще к Стерну («...эта истина скреплена была несколькими точками, занявшими почти полстроки...»). Снижение пушкинских реминисценций усиливалось путем их нарочитой комбинации с архаичными мотивами сентиментализма, воспроизведенными к тому же, для приношения к ситуации, косноязычно, с заменой мужского рода женским

(«Две горлицы покажут / Тебе мой холодный прах, / Воркуя томно, скажут, / Что она умерла во слезах» — в оригинале, в стихотворении Н.М. Карамзина «Доволен я судьбою...» («Две песни»): «Он умер во слезах!» (Аонида. М., 1796. Кн. I. С. 47)).

Пушкинский художественный опыт подвел автора «Мертвых душ» и к поэтике повседневного, «обыкновенного» (определение, использованное еще в статье «Несколько слов о Пушкине»; датирована 1832 г., вошла в «Арабески», 1835 г.). В работе «В чем же наконец существо русской поэзии...» в числе «предметов» внимания Пушкина упомянута и «бедная северная деревушка с балалайкой и трепаком у кабака» (цитирование «Отрывков из путешествия Онегина»: «Теперь мила мне балалайка / Да пьяный топот трепака...» и т.д. — *Пушкин*. Т. 6. С. 201). Смысл подобного выбора художественных предметов в их серединности, отсутствии любой экстраординарности и отклонений, как в сторону «злого», «трагического» или «отвратительного», так и в сторону «прекрасного» или «доброего». Этот срединный масштаб время от времени прокламируется и воплощается в гоголевской поэме: «Открыто-пустынно и ровно все в тебе; как точки, как значки, *неприметно* торчат среди равнин невысокие твои города; ничто не обольстит и не очарует взора» и т.д. (Курсив наш. — *Ред.*). «Евгением Онегиным» предвосхищен и один из ракурсов пространственного топоса России, образуемого бесконечной чередой в основном обыкновенных предметов и переходом их таким образом в «необыкновенное» (также категория Гоголя, примененная им к Пушкину), причем череда эта дается путем перечисления, из перспективы «быстрой езды»: в «Евгении Онегине» — Татьяна, в «Мертвых душах» — Чичикова, и в обоих случаях с подключением авторского взгляда («Мелькают мимо бутки, бабы, / Мальчишки, лавки, фонари, / Дворцы, сады, монастыри, / Бухарцы, сани, огороды...» и т.д. (*Пушкин*. Т. 6. С. 155). Ср.: «И опять по обеим сторонам столбового пути пошли вновь писать версты, станционные смотрители, колодцы, обозы, серые деревни с самоварами, бабами...» и т.д.).

В духе поэтики «обыкновенного» переосмысливаются и те мотивы, которые у Пушкина фигурируют в другом, более высоком регистре. Тут особенно показательны отмеченные еще Андреем Белым реминисценции из «Пиковой дамы»: «“Пиковая дама усмехнулась” (...) “Чичиков заметил, что многие дамы перемигнулись... с какою-то злобною, едкою усмешкою, и в выражении... лиц показалось что-то двусмысленное...” (...) “Старуха!” — закричал он в ужасе” (“Пиковая дама”). “Проклятая старуха!” — восклицал Чичиков-Герман в третьей главе» (*Белый 1934*. С. 101). Впоследствии, подхватив «оброненные Белым строчки о Коробочке-графине», Сергей Эйзенштейн утверждал, что «оба сюжета», подсказанные Гоголю Пушкиным, т.е. «Мертвые души» и «Ревизор», «потенциально полны пародийного ядра» (*Эйзенштейн С.М.* Пушкин

и Гоголь // Киноведческие записки: Историко-теоретический журнал. 1997/98. № 36/37. С. 207, 209). Например, «монолог Скупого рыцаря и Чичиков над списками “Мертвых душ”»: «На этом как раз хорошо [видно], как расцветает первично-пародийное в самостоятельно-величественное и поэтичное» (там же, с. 210).

Уверенно можно говорить и об отзвуках наполеоновской темы, как она представлена пушкинским Германном, — в развитии этого мотива применительно к Чичикову (см: *Смирнова Е.А. 1987. С. 115–116*). Полемические отношения связывают и гоголевский образ Петербурга в «Повести о капитане Копейкине» с пушкинской «петербургской повестью» — «Медным всадником» (*Совр. 1837. Т. 5. С. 1–21*; до своей публикации произведение едва ли было известно Гоголю — ср.: *Осповат А.Л., Тименчик Р.Д. «Печальную повесть сохранить...»: Об авторе и читателях «Медного всадника»*. М., 1987. С. 38–39, 330). Вместо торжественного, величественного, определенно возвышенного и красивого города (одна из ипостасей пушкинского Петербурга, хотя и не единственная) — столица, выступающая в двойственном, мерцающем, порою двусмысленном виде. Вместо точки зрения автора, органически вписанного в столичную среду, ощущающего себя здесь «своим» (опять-таки не единственная точка зрения в «Медном всаднике», но весьма существенная) — постоянный взгляд снизу вверх или со стороны, сознание чужака, провинциала, непрошенного гостя, плюс косноязычная и претенциозная манера речи. Полна смысла и ориентация этого взгляда по отношению к «окну» («окно» — значащая категория в начале XIX в., имеющая эстетическую направленность; особенно показательно здесь «Угловое окно» («*Des Veters Eckfenster*») Э.Т.А. Гофмана, 1822). «Если Пушкин созерцает “громады улиц” из своего окна, Петербург Повести показан обратным образом: он рассматривается с улицы, сквозь стекла чужих окон...» (*Смирнова Е.А. 1987. С. 118*). Следует еще добавить, что это специфически гоголевский угол зрения, намеченный в черновом отрывке «Фонарь умирал...», потом в «Шинели» и т.д.

Среди других отечественных писателей в наибольшей степени отразились в «Мертвых душах» Державин и Ломоносов. Произведения обоих поэтов Гоголь хорошо знал еще с гимназической поры благодаря влиянию профессора русской словесности П.И. Никольского, «решительного старовера» (слова другого питомца нежинской Гимназии высших наук Н.В. Кукольника — *Кукольник Н. П.И. Никольский // Лицей князя Безбородко. СПб., 1859. С. 131*). В эстетическом сознании молодого Гоголя новые веяния сочетались с пиететом перед высоким одическим стилем русского XVIII в.; так Державиным, по свидетельству, П.В. Анненкова, он зачитывался в петербургский период своей жизни, т.е. как раз накануне или в начале работы над поэмой (*Анненков 1989. С. 53*). С одной стороны, писатель «благоговел перед созданиями Пушкина за

изящество, глубину и тонкость их поэтического анализа» (там же), с другой — любил «полный звук, ослепительный поэтический образ, мощное, громкое слово» (там же, с. 52–53), достоинства, которые он находил и у Ломоносова. О постоянстве интереса к обоим поэтам свидетельствует собственноручно составленная Гоголем антология «Сочинения Ломоносова и Державина» (ОР РГБ. Ф. 74. К. 2. Ед. хр. 43; опубликовано: Неизданный Гоголь / Подгот. И.А. Виноградов. М, 2001. С. 179–351), хронологически приурочиваемая к периоду с октября 1841 по июнь 1842 г., т.е. ко времени завершения и публикации первого тома «Мертвых душ» (обоснование датировки содержится в исследовании: Колосова Г.А. Гоголь — читатель и критик Ломоносова и Державина (В связи с рукописным сборником Гоголя «Сочинения Ломоносова и Державина») // Русская литература / Учен. зап. Моск. гор. пед. ин-та им. В.П. Потемкина. Т. ХСIV. Вып. 8. М., 1959. С. 247).

Свойственный «Мертвым душам» общерусский масштаб впервые был задан, по мнению Гоголя, именно Ломоносовым. «Всю русскую землю озирает он от края до края с какой-то светлой вышины, любуясь и не налюбуюсь ее беспредельностью и девственной природой» («В чем же наконец существо...»); упомянутая антология помогает определить, какое произведение подразумевалось в первую очередь: под номером V Гоголь выписал строки 154–200 из «Оды на день восшествия на престол (...) императрицы Елисаветы Петровны 1748 года», озаглавив отрывок: «Россия» — Л. 7 об.—8). Тем не менее государственный, «империльный» топос Ломоносова видится Гоголю абстрактным: «Он как бы заботился только о том, чтобы набросать один очерк громадного государства, наметить точками и линиями его границы, предоставив другим наложить краски...» («В чем же наконец существо...»). Под «другими» Гоголь подразумевает прежде всего себя как автора «Мертвых душ»; однако в качестве соединительного звена между ним и Ломоносовым фигурирует Державин, чья художественная заслуга состоит в конкретизации, в реальном наполнении контурного пространства. «То же самодержавное, государственное величие России слышится и у него; но уже видны не одни только географические очерки государства: выступают люди и жизнь. Не отвлеченные науки, но наука жизни его занимает. Оды его обращаются уже к людям всех сословий и должностей...» (там же). Все элементы характеристики Державина станут опорными категориями во втором томе поэмы («наука жизни» — ведущий принцип замечательного учителя Александра Петровича; выполнение своих обязанностей «всеми сословиями и должностями» — лейтмотив заключительной речи генерал-губернатора — см. об этом подробнее в комментариях к восьмому тому наст. изд.). В первой же части поэмы Гоголь ограничивается перспективой и обещаниями вроде следующего: «...пройдет муж, одаренный божескими доблестями...» (ср. замечание о Державине: «...постоянным

предметом его мыслей, более всего его занимавшим, было — начертить образ какого-то крепкого мужа...» — «В чем же наконец существо...»; подробнее о соотношении с «Мертвыми душами» гоголевской концепции творчества Ломоносова и Державина, выразившейся, в частности, в его рукописной антологии, см.: Манн Ю.В. Ломоносов в творческом сознании Гоголя // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. Т. 45. № 6. С. 528—542).

В стилистическом отношении для автора «Мертвых душ» важна была и резкая разноплановость Державина, происходящая «от необыкновенного соединения самых высоких слов с самыми низкими и простыми» («В чем же наконец существо...»), что создавало почву для пародирования его текстов. Едва ли случайно возникновение державинских мотивов в речи Собакевича, прославляющего настоящую русскую еду: «Мне лягушку хоть сахаром облепи, не возьму ее в рот, и устрицы тоже не возьму: я знаю, на что устрица похожа. Возьмите барана, (...) это бараний бок с кашей! Это не те фрикасе, что делаются на барских кухнях из баранины (...) Это все выдумали доктора немцы да французы, я бы их перевешал за это! (...) У меня не так. У меня когда свинина, всю свинью давай на стол; баранина — всего барана тащи, гусь — всего гуся!» (Курсив наш. — Ред.). Ср. в «Похвале сельской жизни» Державина: «А как жаркой еще баран / Младой, к Петрову дню блюденный, / Капусты сочные кочан, / Пирог, груздями начиненный, / И несколько молочных блюд, — / Тогда-то устрицы, го-гу, / Всех мушелей заморских грузы, / Лягушки, фрикасе, рагу, / Чем окормляют нас французы, / И уж ничто не вкусно мне» (Державин Г.Р. Стихотворения. Л., 1957. С. 272; курсив наш. — Ред.; переключка отмечена в ст.: Коцингер С. Значение Державина для творчества Гоголя: некоторые аспекты // Гоголевский сборник. СПб., 1993. С. 189). Пародийная трансформация открывает другую сторону мотива самобытности, превращающегося в патристическую риторику. К этому пародийному адресату прибавляется другой — руссоистский: «Собакевич, враг благоприличий и городской цивилизации, укоренен, так сказать, в естественном состоянии» (Вайскопф 1993. С. 554).

Двойко отражено в тексте поэмы и воздействие Жуковского. С одной стороны, его «стремление к незримому и таинственному» (фраза из статьи «В чем же наконец существо...») преломилось в лирической партии «Мертвых душ», в некоторых гранях образа автора, особенно его элегической настроенности (см.: Смирнова Е.А. 1987. С. 124—125), с другой — в событийном и характерологическом планах, в обрисовке персонажей это трансцендентальное «стремление» приобретает травестированную форму уродливого примитивизма: председатель палаты «мастерски читал многие места» из «Людмилы» Жуковского, «особенно: “Бор заснул, долина спит” и слово “чу!”», так что в самом деле

виделось, как будто долина спит; для большего сходства он даже в это время зажмурился глазами». Для пародии выбрано одно из ключевых слов поэтической системы Жуковского: «...современников этой баллады особенным изумлением поразило слово *чу!*.. Они не знали, что им делать с этим словом, как принять его — за поэтическую красоту или литературное уродство...» (Белинский В.Г. Русская литература в 1844 году // ОЗ. 1845. Т. XXXVIII. № 1. Отд. V. «Критика». С. 3; без подписи; см. то же: Белинский. Т. VIII. С. 433). На этом слове сосредоточил свои полемические стрелы А.С. Грибоедов: «Такие восклицания надобно употреблять гораздо бережнее; иначе они теряют всю силу» (Грибоедов А.С. О разборе вольного перевода Бюргеровой баллады: *Ленора* // СО. 1816. № 30. С. 159). В «Арзамасе», в пику староверам, восклицание «чу!» фигурировало в качестве прозвища в ряду других «знаковых» слов и имен из баллад Жуковского (это имя получил член общества Д.В. Дашков).

Особое внимание Гоголя привлекла «старинная повесть» «Ундина», выполненный Жуковским вольный стихотворный перевод одноименного прозаического произведения Ф. де ла Мотт Фуке (Ундина, старинная повесть, рассказанная на немецком языке в прозе бароном Ф. Ламотт Фуке. На русском в стихах В. Жуковским. СПб., 1837). По прочтении только что вышедшей книги Гоголь отозвался о ней восторженно: «Чудо что за прелесть!» (письмо к В.О. Балабиной от 4(16) июля 1837 г. из Баден-Бадена); эти слова заставляют думать, что «Ундина» гармонировала с творческими устремлениями Гоголя как раз в пору прояснения и перестройки плана «Мертвых душ» («Все начатое переделал я вновь...» — из письма к В.А. Жуковскому от 31 октября (12 ноября) 1836 г. из Парижа). «Ундина» прежде всего развивала традицию авторского сопровождения и комментирования основного действия. Лирические зачины к главам и «отступления» оттеняли неизбежные перемены, которые приходят с жизненным опытом (ср. зачин к главе VI гоголевской поэмы), но кроме того — «старинная повесть» выдвигала на первый план мотив «живой души», таящей в себе источник страданий («Страшное бремя душа! при одном уж ее ожиданьи / Грусть и тоска терзают меня...» — Ундина... С. 96), но страданий благотворных («...блаженны / Слезы мои, как все блаженно тому, кто имеет / Верную душу» — там же, с. 219). Трансцендентальность Жуковского, по более позднему гоголевскому отзыву (в статье «В чем же наконец существо...»), означает «твердое признание незримых сил, хранящих повсюду человека» — мотив, который вплетается в концепцию судьбы центрального персонажа «Мертвых душ» («И, может быть, в сем же самом Чичикове страсть, его влекущая, уже не от него...» и т.д.).

Среди современных Гоголю западноевропейских романистов «Мертвые души» чаще всего сопоставлялись с произведениями Бальза-

ка и Диккенса. Бальзак упомянут Гоголем чуть ли не единственный раз в библиографической заметке «Сорок одна повесть лучших иностранных писателей» (*Совр.* 1836. Т. 1. С. 314); упоминание информационно-нейтральное, но, учитывая огромную популярность французского романиста в России, следует допустить, что и автор «Мертвых душ» был о нем достаточно широко осведомлен. Мериме даже писал в 1851 г. о возможном подражании Бальзаку в изображении провинциальной жизни в «Мертвых душах» (*Мериме П. Николай Гоголь // Мериме П. Статьи о русских писателях.* М., 1958. С. 5–6; см. то же: *Мериме П. Статьи о русской литературе / Изд. подг. А.Д. Михайлов.* М., 2003. С. 13), но это лишь предположение: «прямое воздействие Бальзака на Гоголя» «пока ничем конкретно не засвидетельствовано», и с большим правом можно говорить об их «типологических схождениях» и «расхождениях» (*Елистратова 1972.* С. 76). Что касается Диккенса, то чтение его произведения Гоголем засвидетельствовал Ф.И. Буслаев, проживавший в Риме с октября 1840 г. по апрель 1841 г. (*Гог. восп. совр.* 1952. С. 223, 625) — это было время завершающей работы над первым томом поэмы. К этому моменту на русский язык, помимо нескольких рассказов, было переведено лишь два романа Диккенса — «Посмертные записки Пиквикского клуба» в двух переводах (*СО.* 1838. Т. 6. Ноябрь—декабрь; *БдЧ.* 1840. Т. 40—41. Май—август) и «Приключения Николаса Никльби» (*БдЧ.* 1840. Т. 38—39. Январь—апрель; подробнее об этом см.: *Катарский И. Диккенс в России: Середина XIX века.* М., 1966. С. 27—41), хотя возможно, что Гоголь читал какое-то другое его произведение в переводе на французский, подобно тому как незадолго перед этим он читал по-французски Шекспира. Следует добавить, что пробудивший интерес Гоголя к Диккенсу отличался постоянством; в письме к П.В. Анненкову от 8(20) сентября 1847 г. из Остенде он ссылаясь на Байрона и Диккенса как на доказательства умственного прогресса в современной Англии; какое-то произведение Диккенса Гоголь держал в руках в последние месяцы жизни («Отдал ли он 3-ю часть Диккенса?» — спрашивала Н.С. Аксакова свою мать в письме, датированном осенью 1851 г. — *ЛН, т. 58.* С. 740).

Как и в отношении Бальзака, правомернее говорить не столько о прямом влиянии Диккенса на Гоголя, сколько о точках соприкосновения их творческих манер. Отмечена, в частности, сходная функциональная роль юмора, обусловленная трансформацией романтических стилей в новые, «реалистические»: «...в одежде, во внешности, в обстановке автор видел нечто комическое, снижающее образ человека, разрушающее романтические иллюзии. При этом быт, детали быта приобретали своего рода монументальность и крайнюю характерность, почти заменяли всякую иную характеристику персонажа (дом Собакевича, дом мистера Домби, жилище Гобсека)» (*Чичерин А. Соответствия в истории разных*

литератур // ВЛ. 1965. № 10. С. 175). Общим был и фонд мотивов, из которого черпали и Гоголь, и западноевропейские романисты, — таков прежде всего идущий еще от пикарески мотив преступления: «Аферы Чичикова, так же как превращения Вотрена, похождения Ребекки Шарп, происки Пекснифа, мошенничества Урии Гипа и им подобных», свидетельствовали «об изъеденности всего общества повальной коррупцией» (Елистратова 1972. С. 93).

Но в самом ходе, осуществлении аферы намечается далеко ведущее различие: у Бальзака, например, неудачи или поражения причастного к обману или преступлению «оказываются сознательно или планомерно подготовленными другими людьми, то ли по расчету, то ли ради забавы»; планы же Чичикова расстраиваются не в силу сознательного противодействия других лиц; кажется, «что сами русские просторы обращаются против него» (там же, с. 184). Это различие имеет принципиальный смысл, так как проистекает из общего построения гоголевского художественного мира и составляющих его компонентов: «миражной интриги», завуалированной (или неявной) фантастики и т. д. (об этом: Манн 1996. С. 54 и далее), атмосферы «бытовой фантастичности», подчеркиваемой эпитетом «странный» (см.: Кривонос В. Ш. Гоголь: дом и бездомность // Дом-музей писателя: история и современность: Одиннадцатые Гоголевские чтения. М., 2011. С. 174). Не свойственна «Мертвым душам» и поэтизация домашнего очага, отличающая Диккенса: «Какой бы трудной и извилистой дорогой ни странствовали по жизни его герои, эта дорога, в конце концов, ведет домой (...) Для “Мертвых душ” характерна прямо противоположная концепция покоя и движения, “дороги” и “дома” в обобщающем смысле этих понятий» (Елистратова 1972. С. 128). Дорога не ведет Чичикова к цели, скорее уводит от нее. «Чичиков лишен — если воспользоваться выражением Э. Фромма — “географической карты в мире природы, общества и морали”» (Соливетти К. ДинамиКА (так. — Ред.) и статичность в кривом зеркале «Мертвых Душ» // Феномен Гоголя 2011. С. 474; «выражение Фромма» приводится по кн.: Fromm E. Anatomia della distruttivita umana. Milano, 1975. P. 292). В развертывании действия поэмы важную роль играет и отмеченный еще Андреем Белым мотив колеса, а также связанные с ним детали — «околесина», «боковые ходы», «кривой путь» и т. д. (Белый 1934. С. 96). «Кривое колесо (...) — это символ физического и духовного движения Чичикова...» (Соливетти К. ДинамиКА и статичность в кривом зеркале «Мертвых Душ» // Феномен Гоголя 2011. С. 474; см. также: Шварцбанд С. Несколько замечаний о первой главе «Мертвых душ» // Nel mondo di Gogol': В мире Гоголя. Roma, 2012. P. 218; об эпизодах театральной интерпретации мотива «колеса» см.: Манн Ю. В. «Память-счастье, как и память-боль...»: Воспоминания, документы, письма. М., 2011. С. 113—114).

Наконец, противоположны и способы организации сюжета в целом: главенствующий принцип западноевропейского романа времен Гоголя — «история молодого человека» (выражение, восходящее к названию серии книг «История молодого человека XIX столетия», вышедшей с 1932 г. под редакцией и с предисловием М. Горького), процесс его отрезвления, утраты иллюзий (в том числе и в сфере любви; отсюда повышенная роль любовной интриги), приспособления к жизненным обстоятельствам, отречения от надежд и верований юности (гетовское «*Entsagung*» — его роман: «*Wilhelm Meisters Wanderjahre, oder die Entsagenden*») и т.д. (об этом: *Елистратова 1972. С. 167–168*). В «Мертвых душах» (в первом томе) ни в сфере центрального героя, ни тем более второстепенных (частично лишь за исключением Плюшкина, в молодости причастного к нормальному, «человеческому» уровню психики) нет процесса отрезвления или разочарования; отсутствие иллюзий и циничная трезвость — исходное состояние Чичикова; развитие героя состоит в обнаружении и «совершенствовании» первоначальных способностей, а также в пробуждении противоречащих им иных, позитивных движений (но это уже главным образом за пределами первого и даже второго томов). Отсюда и периферийное место интимных, любовных переживаний (о любовной интриге говорить не приходится), которые функционально уже не должны содействовать отрезвлению героя; напротив, они вносят видимый «беспорядок» в его обычное внутреннее состояние, что, возможно, говорит об их большем и притом позитивном участии в будущем (но это опять-таки уже за пределами известных текстов поэмы).

Из произведений отечественной прозы, помимо уже упоминавшихся выше, с «Мертвыми душами» сопоставлялись «Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева (Ал. Веселовский даже говорил о возможном влиянии книги Радищева на Гоголя, но без достаточных оснований — см.: *Веселовский 1912. Т. 2. С. 218–219*), «Иван Выжигин» Ф.В. Булгарина (Ф<охт> Ю. «Иван Выжигин» и «Мертвые души» // *РА. 1902. Кн. 2. Вып. 8. С. 596–603*; *Энгельгардт Н.А. Гоголь и романы двадцатых годов // ИВ. 1902. № 2. С. 577–579*; *Alkire G.H. Gogol and Bulgarin's Ivan Vyzhigin // Slavic Review. 1969. Vol. 28. N 2. P. 289–296*), «Жизнь и похождения Петра Степанова сына Столбикова» Г.Ф. Квитки-Основьяненко (*Елеонский С.Ф. Из истории русско-украинских отношений в русской литературе XVII — первой половины XIX вв. // Учен. зап. Моск. гор. пед. ин-та им. В.П. Потемкина. Т. XLVIII. Вып. 5. 1955. С. 76–79*) и др. Однако при некотором, скорее всего, непреднамеренном, сходстве подробностей «Мертвые души» отличаются от всех названных произведений интегрированием линейного сюжета, определяемого пространственным и временным перемещением центрального персонажа — в иное, «драматическое» целое. Еще в рамках пикарески хронологически-линей-

ная схема сюжета была осложнена включением новелл о других персонажах, в том числе и о плутах; затем формой литературных воспоминаний и наконец использованием «магического мотива» снятия крыши с целью обнажения внутренности дома (в «Хромом бесе» Л.В. де Гевары, в «Хромом бесе» А.Р. Лесажа и т.д.), благодаря чему повествование превращалось в сатирическое обозрение, без центральной фигуры плута и без свойственного обычно и пикареске, и роману путешествия «Ich-Erzählung» (*Striedter J. Der Schelmenroman in Russland. Ein Beitrag zur Geschichte des russischen Romans vor Gogol'. Berlin, 1961. S. 20–27*). В «Мертвых душах» линейная схема подвергнута еще более решительной трансформации с помощью введения романного элемента, который для Гоголя был тождествен элементу драматическому.

Характеристика «романа» в «Учебной книге словесности...» обычно не рассматривается в связи с «Мертвыми душами» (в отличие от описания «эпопей» и «меньших родов эпопей»), хотя и эта характеристика обусловлена авторским опытом Гоголя. «Роман не есть эпопея. Его скорей можно назвать драмой». «Эпопея», в соответствии с европейской эстетической традицией, фигурирует как знак свободного, экстенсивного повествования: по словам Ф. Шиллера (из его письма к Гете, от 21 апреля 1797 г.), «цель эпического поэта» лежит «в каждой отдельной точке изображаемого им движения; поэтому мы не стремимся с нетерпением к некоей конечной цели, но с любовью следим за каждым шагом» («verweilen uns mit Liebe bei jedem Schritte» — Шиллер И.-Х.-Ф. Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. М.; Л., 1950. С. 636–637; перевод Е.Г. Эткинда). С.П. Шевырев не очень ловко применил эту идею к «Мертвым душам», сравнив ее автора «с богатым Русским хлебосолом», который многое дает «в придачу ко всей Поэме, сверх того, что необходимо входит в ее содержание», а именно «кроме двухаршинной стерляди, Архангельской телятины и прочих солидных блюд, предлагает вам множество закусок, прикусок, подливок и дорогих соусов...» (*Москв. 1842. № 8. С. 374–375*). Между тем роман, как и драма, по Гоголю, «есть сочинение слишком условленное»; все перечисленные затем признаки «условленности» зеркально отражают структуру «Мертвых душ» («Учебная книга словесности...»).

Роман, подобно драме, заключает «в себе строго и умно обдуманную завязку»; «все лица (...) должны быть взяты заранее автором» (там же). Соответственно и в «Мертвых душах» — если не все, то большинство лиц — выпущено на сцену в первой же главе (почти все чиновники, трое помещиков из пяти, разумеется главный герой с обоими его спутниками); и затем сразу же, после экспозиции, намечается «завязка» (сообщение об «одном странном свойстве гостя и предприятии», которые раскроются в ходе дальнейшего рассказа). «Роман, — говорится далее в «Учебной книге словесности...», — не берет всю жизнь (в отличие, скажем, от

пикарески с ее линейной протяженной композицией. — *Ред.*), но замечательное происшествие в жизни, такое, которое заставило обнаружиться в блестящем виде жизнь, несмотря на условленное пространство». Соответственно в кругозоре «Мертвых душ» — также одно «замечательное происшествие» (ход чичиковского «предприятия» в городе NN), которое раскрывает «жизнь» до самых глубин; прошлое же персонажей или не освещается вовсе, или же (как у Чичикова и Плюшкина) дано лишь в форме предыстории, *Vorgeschichte*. В романе, как и в драме, «всяк приход лица, вначале, по-видимому, незначительный, уже возвещает о его участии потом» («Учебная книга словесности...»). И в «Мертвых душах» решающее воздействие на течение событий оказывает повторный «приход» таких лиц, как Коробочка и Ноздрев. Вообще повторяемость некоторых деталей и поступков, в начале и в конце (например визитов Чичикова к различным «городским сановникам»), создает впечатление окольцованности, округленности действия, соответствующее гоголевскому принципу «условленности» (подробнее об этом: *Манн 1996. С. 292—293*). По-видимому, и весь план «Мертвых душ» обдумывался Гоголем как трехчастное соединение *относительно* самостоятельных, завершенных произведений, в рамках большого «гипертекста»; по крайней мере в отношении первого тома это достаточно очевидно.

Близость первого тома «Мертвых душ» к романному (= драматическому) построению усиливается к финалу. По определению Гоголя, «он (роман. — *Ред.*) летит, как драма, соединенный живым интересом самих лиц главного происшествия, в которое запутались действующи(е) лица, и которое кипящим ходом заставляет самые действующи(е) лица развивать и обнаруживать сильней и быстро свои характеры, увеличивая увлечение» («Учебная книга словесности...»). «Кипящий ход» явно дает себя знать и к концу «Мертвых душ» («Как вихорь взметнулся дотопле, казалось, дремавший город!» и т.д.): происходит убыстрение темпа, стремительное движение к развязке. В связи с этим следует подробнее сказать о замеченном уже в исследовательской литературе влиянии на поэму грибоедовского «Горя от ума» (дама приятная во всех отношениях, сочинившая версию о похищении Чичиковым губернаторской дочери, сыграла «ту же роль, какую в третьем акте “Горя от ума” играет Софья Фамусова» — *Поспелов Г.Н. Творчество Н.В. Гоголя. М., 1953. С. 187*). Это влияние многоаспектно: с одной стороны, оно содействует развитию мотива слухов и сплетен, доходящих до верха нелепицы (Чацкий — «пошел в пусурманы», затесался «к фармазонам в клуб» — *Грибоедов. Т. 1. С. 89*; Чичиков — переодетый Наполеон и т.д.) и охватывающих всех и каждого. «Сплетня — это сгущенная ложь; каждый прибавляет и прильгает чуточку, а ложь растет, как снежный ком, грозя порой перейти в снежный обвал (...) Сплетня — это реальный субстрат фантастического» (*Анненский И. О формах фантастического у Гоголя*

(Речь, читанная на годовичном акте гимназии Гуревича 15-го сентября 1890 г.) // Анненский И. Книги отражений. М., 1979. С. 213). Циркуляция и возрастание слухов — один из мотивов гоголевского гротескного стиля. С другой стороны, этот мотив организует действие, убыстряет его темп. Гоголь, считавший, что в целом «Горе от ума» исполняет «плохо сценические условия» («В чем же наконец существо русской поэзии...»), тем не менее воспользовался содержащимся в нем приемом.

В разгар работы Гоголя над первым томом в его творческое сознание входит Данте. До этого времени чтение русским писателем «Божественной комедии» вполне вероятно (существовали русские переводы нескольких фрагментов из поэмы; кроме того, Гоголь мог читать ее по-французски), но документально не подтверждается. Зато общее представление о творчестве итальянского писателя Гоголь, конечно, составил — по многочисленным упоминаниям в русской периодике, по стихотворениям А.С. Пушкина (в частности: «Суровый Дант не презирал сонета...»; опубликовано в усердно читаемом молодым Гоголем «Московском вестнике» в 1830 г. — *МВ*. 1830. Ч. II. № 8. С. 315), по эстетическим и историко-литературным работам, прежде всего диссертации С.П. Шевырева «Дант и его век. Исследование о “Божественной комедии”» (Учен. зап. Имп. Моск. ун-та. 1833. Ч. II. Разд. III. «Критика». № 5—6; 1834. Ч. III—IV. Разд. III. «Критика». № 7—11), которую Гоголь, при его интересе к этому критику, едва ли обошел вниманием. Данте находился в кругозоре Гоголя и в связи с его преподавательской деятельностью в Петербургском университете (с июля 1834 г. по декабрь 1835 г.): его курс включал в себя и итальянскую историю времен Данте, а среди рекомендуемых им источников — «*Antiquitates Italicae medii aevi*» Л.А. Муратори, «*Istorie Fiorentine*» С. Аммирато и «*Istorie Fiorentine*» Н. Макиавелли, содержащие многократные упоминания автора «Божественной комедии». В своем же обстоятельном конспекте книги Г. Галлама «*View of the State of Europe during the Middle Ages*» Гоголь воспроизводит цитату из «Божественной комедии» («Чистилище», песнь VI, строка 148; как установил Н.С. Тихонравов, он пользовался французским переводом сочинения Галлама — *Тих*. Т. 5. С. 638).

Более основательное знакомство Гоголя с Данте относится к первым годам его заграничной жизни; этот процесс стимулировался многими факторами: встречами с В.А. Жуковским (Рим, декабрь 1838 г. — февраль 1839 г.), который увлекался в это время автором «Божественной комедии»; беседами (в тот же период) с С.П. Шевыревым и чтением его переводов («Прекрасно, полно, сильно! Перевод, каков должен быть на русском языке Данта», — писал он Шевыреву 9(21) сентября 1839 г. из Вены), а также сравнительно скорым и успешным овладением итальянским языком 22 мая (3 июня) 1837 г. в письме к Н.Я. Прокоповичу из Рима Гоголь обронил фразу, из которой следует, что он уже пробовал

читать Данте в оригинале: «После итальянских звуков, после Тасса и Данта, душа жаждет послушать русского»). Спустя же некоторое время взгляд мемуариста уже определенно зафиксировал Гоголя за чтением Данте — конечно же, «Божественной комедии» (П.В. Анненков, живший вместе с Гоголем в Риме с апреля по июнь 1841 г., говорит, что тот «перечитывал любимые места из Данте» — *Анненков 1989. С. 67*). Это был период завершения работы над первым томом «Мертвых душ».

В гоголевском тексте «Божественная комедия» отозвалась реминисценцией в главе VII, в сцене «совершения купчей»: реминисценция эта насквозь пародийная, снижающая: странствователь по загробному царству — не Данте, а Чичиков со своим временным спутником Маниловым; в роли Вергилия (у Гоголя — *Вергилий*) — губернский чиновник, коллежский регистратор; в «Божественной комедии» Вергилий оставляет Данте перед вознесением в Рай небесный, куда ему как язычнику путь возбранен; провожатый Чичикова покидает его на пороге иного «святилища» — кабинета председателя гражданской палаты. Травестируется и дантовская символика света, сияния, взаимоотражений, играющая важную роль в изображении Эмпирея и встречи с Богом: теперь это — «как солнце, председатель» и «зерцало», т.е. особая призма с начертанными на ее гранях указами, как бы отражающими свет истины (эффект достигается взаимодействием прямого и переносного значения слова «зерцало», зеркало). Все это соответствовало общему, в значительной части ироническому, тону гоголевского повествования.

Поскольку автор «Мертвых душ» травестировал дантовскую традицию, он вместе с тем актуализировал «божественную комедию» иного рода — «бурлескную поэму, прежде всего любимую Гоголем «Енеиду» И.П. Котляревского», который, в свою очередь, следовал за Н.П. Осиповым, автором поэмы: *Вергилиева Енейда, вывороченная наизнанку. Ч. 1—4. 1791—1796 (Фомичев С.А. «Мертвые души»: инерция замысла и динамика откровений // Феномен Гоголя 2011. С. 432)*.

Очевидны и другие линии сближения «Мертвых душ» с произведением Данте, но уже не в пародийном, но сугубо серьезном плане, образуемом рядом мотивов, прежде всего такими, как неотвратимость Страшного суда и загробного воздаяния; история человеческой души, проходящей через определенные стадии, от состояния греховности к просветлению; конкретизация этого пути в индивидуальной судьбе центрального персонажа. Параллели между обоими произведениями проводили еще современники Гоголя (см., в частности, дневниковую запись Герцена от 29 июля 1842 г. — *Герцен. Т. II. С. 220*; примечания П.А. Вяземского к гоголевскому письму к нему от 30 мая (11 июня) 1847 г. из Франкфурта — *РА. 1866. Вып. 7. Стб. 1081—1082*); позднее они стали предметом специального изучения (см.: *Веселовский 1912. Т. 2. С. 234—243*; *Овсяннико-Куликовский Д.Н. Собр. соч.: В 9 т. Т. 1: Гоголь. М.; Пг., 1923.*

С. 32–33; *Гиппиус* 1924. С. 216–217; *Шкловский В.* Повести о прозе: Размышления и разборы. Т. 2. М., 1966. С. 147–149; *Елистратова* 1972. С. 88–91; *Илюшин А.А.* Реминисценции из «Божественной комедии» в русской литературе XIX в. // Дантовские чтения 1968. М., 1968. С. 153; *Смирнова Е.А.* 1987. С. 126–134; *Манн* 1996. С. 430–441; обстоятельный и всесторонний анализ дантовского архетипа в тексте «Мертвых душ» дан в кн.: *Гольденберг А.Х.* Архетипы в поэтике Н.В. Гоголя. 2-е изд. М., 2012. С. 172–186; 1-е изд.: 2007). Следует при этом подчеркнуть, что параллелизм обоих произведений обусловлен не только прямым влиянием Данте, но, главным образом, тяготением и отталкиванием гоголевской художественной мысли по отношению к художественному миру «Божественной комедии». Этот процесс будет занимать все более видное место по мере конкретного воплощения замысла «Мертвых душ» в трехтомное произведение и следующих отсюда неизбежных аналогий с делением «Божественной комедии» на три части — «Ад», «Чистилище» и «Рай» (подробнее об этом в комментариях к т. 8 наст. изд.).

«Божественная комедия» могла явиться одним из источников жанрового определения «Мертвых душ» как поэмы, поскольку именно в таком качестве произведение Данте часто воспринималось эстетическим сознанием начала XIX в.: поэмой называл «Божественную комедию» А.Ф. Мерзляков в своем восходящем к И. Эшенбургу «Кратком начертании теории изящной словесности» (М., 1822. С. 219), позднее — В.Г. Белинский и др. С.П. Шевырев в упомянутой выше диссертации специально обосновывал закономерность такого определения: «Божественную комедию» отличают «многочисленные отступления и обращения, которые можно с основательностью назвать *Лирическими эпизодами*»; затем — символическая направленность, когда «все художественные формы подчиняются высшему, таинственному значению», — «из всего сказанного проистекает, что Божественная Комедия Данта имеет совершенно свой, особенный тип *Поэмы лиро-символической*» (Учен. зап. Имп. Моск. ун-та. 1834. Ч. III. Разд. III. «Критика». № 9. С. 558, 564, 565). Все эти черты (наличие «лирических эпизодов», символизм) присущи и «Мертвым душам». Кроме того, такие критики, как Мерзляков и Шевырев, конечно, знали, что наименование «священная поэма» («роета сасго») фигурирует и у самого Данте («Рай», песнь XXV, строка I). В этих условиях Гоголь не мог не сознавать, что определением жанра ориентирует свое произведение в отношении «Божественной комедии», однако на него при этом оказывал влияние и общий спектр значений, связанных с этим понятием.

Прежде всего «поэмой» определялась *высшая степень* художественного совершенства; такое значение закрепилось за этим понятием как в западноевропейской, в частности немецкой критике (например, в «Кри-

тических фрагментах» Ф. Шлегеля — см об этом: *Keil R.-D.* Поэма und перл создания — *Gogol's ästhetisches Ideal und die Gattung der Toten Seelen* // «Прими собранье пестрых глав»: *Slavistische und slavenkundliche Beiträge für Peter Brang zum 65. Geburtstag.* Bern; Frankfurt a. M.; New York; Paris, 1989. S. 119 (*Slavica Helvetica.* Bd. 33)), так и в критике русской. В этих случаях понятие фигурировало независимо от конкретного жанра. Поэтому современные поэмы, обычно обозначаемые их авторами как повести (пушкинский «Кавказский пленник» — «повесть», его же «Медный всадник» — «петербургская повесть» и т.д.) или же вообще не имевшие жанрового определения (пушкинские «Бахчисарайский фонтан», «Цыганы» и т.д.), Гоголь воспринимал часто именно как поэмы: «Так повесть Бахчисар(айский) фонтан есть уже поэма по тому теплому роскошному колориту, в который с начала до конца облек ее всю поэт» («Учебная книга словесности...»). «Поэмою» Гоголь называл и «Полтаву», а также «Евгения Онегина» и «Бориса Годунова» («В чем же наконец существо...»). В отношении драматических произведений это словоупотребление поддерживалось давней традицией: Грибоедов писал о «Горе от ума» как о «сценической поэме» (очевидно, в черновых набросках предисловия — Орлов В. Грибоедов // Грибоедов А.С. Сочинения. Л., 1945. 1-я паг. С. XXVI; см.: Грибоедов А.С. ⟨Заметка по поводу комедии «Горе от ума»⟩ // Грибоедов. Т. 2. С. 281; впервые опубликовано (частично): *РА.* 1874. Кн. 1. Вып. 6. Стб. 1542), еще раньше И.А. Крылов назвал «поэмой» «Смех и горе» А.И. Клушина (*Крылов И.* Примечания на Комедию «Смех и горе» // Санкт-Петербургский Меркурий. 1793. Ч. 1. С. 114–130; см. также: *Крылов И.А.* Полн. собр. соч.: В 3 т. Т. 1. М., 1945. С. 399–403) и т.д. Применялось это понятие и к прозе (А.А. Перовский (Антоний Погорельский) в «Замечаниях на разбор Поэмы: Руслан и Людмила...»: «Не стихи составляют отличительный характер Поэзии. Напр. в Поэме: Марфа Посадница, писанной в прозе, несравненно более Поэзии, нежели в Поэме: Искусства и Науки, писанной в стихах» — *СО.* 1820. Ч. 65. № 42. Разд. III: «Антикритика». С. 74; «Искусства и науки» — поэма А.Ф. Воейкова). Кстати, и применительно к гоголевской прозе употребляли это слово: так, В.Г. Белинский называл «поэмой» «Тараса Бульбу» (Горе от ума: Комедия в четырех действиях, в стихах: Сочинение А.С. Грибоедова...// *ОЗ.* 1840. Т. VIII. № 1. Отд. V. «Критика». С. 17–18; см. то же: *Белинский.* Т. III. С. 439). Существовала и масонская традиция в словоупотреблении этого понятия, хотя нельзя сказать, в какой степени она была известна Гоголю (ср.: *Вайскопф* 1993. С. 363).

Слово «поэма» относилось также к явлениям человеческой истории, общественной и духовной жизни, причем в их универсальном охвате. Особенно часто прибегали к такому словоупотреблению представители «философской эстетики», стремившиеся к предельному систематизму,

например Н.И. Надеждин: литература — «эпизод высокой, беспредельной поэмы, представляемой самобытною жизнью человеческого рода» (Надеждин Н.И. *Европеизм и народность, в отношении к русской словесности* // Т. 1836. Ч. XXXI. Кн. 1. С. 16; см. то же же: Надеждин Н.И. *Литературная критика: Эстетика*. М., 1972. С. 399); язык — «это великая, тысячеустная поэма, которой предметом вся природа, которой Гомером целая нация!» (Надеждин Н.И. *Европеизм и народность, в отношении к русской словесности (окончание)* // Т. 1836. Ч. XXXI. Кн. 2. С. 203—204; Надеждин 1972. С. 418). У Гоголя, в начале 1830-х гг. не чуждого этому направлению, встречаются сходные утверждения: «всеобщая история» «должна собрать в одно все народы мира (...) из них составить одну величественную полную поэму» (Гоголь Н. *План преподавания всеобщей истории* // *ЖМНП*. 1834. № 2. Отд. II. С. 189; под названием «О преподавании всеобщей истории» вошла в «Арабески», 1835).

Все это, очевидно, составило условия для определения «Мертвых душ» как поэмы; однако в самом гоголевском выборе заключалось нечто новое, превышающее традицию. Дело в том, что в жанровом отношении это понятие считалось законным лишь применительно к стихотворным произведениям как малой, так и большой формы — обстоятельство, зафиксированное и теоретиками искусства («Поэмою назваться может всякое сочинение, написанное стихами, с подражанием изящной природе» — *Остолопов Н.* *Словарь древней и новой поэзии*. СПб., 1821. Ч. 2. С. 418), и составителями словарей (поэма — «песнопение, стихотворческое сочинение о важном или забавном каком предмете» — *Словарь Академии Российской*. Ч. V. СПб., 1822. Стб. 118). Очевидно, «Божественная комедия» подпадала под такую классификацию. В остальных случаях это понятие приобретало оценочный смысл. У Гоголя же слово «поэма» применительно к большой прозаической форме фигурировало уже не только как синоним художественности, содержательной или эстетической значительности, но как прямое обозначение жанра; фигурировало не в достаточно вольной, порою нарочито перифрастической речи, а на титульном листе книги (Гоголь графически усилил это значение: на созданном по его рисунку титульном листе слово «поэма» доминирует и над названием и над фамилией автора). Определение «Мертвых душ» как поэмы пришло к Гоголю вместе с осознанием их жанровой уникальности (в письме к Пушкину от 7 октября 1835 г. из Петербурга произведение еще названо «романом»; в письме к Погодину от 16(28) ноября 1836 г. из Парижа, после упоминания, что новая вещь «не похожа ни на повесть, ни на роман», появляется слово «поэма»; ср. более ранний текст — в письме Жуковскому от 31 октября (12 ноября) 1836 г. из Парижа сказано: «Каждое утро (...) вписывал я по три страницы в мою поэму...»). Элементами этой уникальности были универсальное задание, преодоле-

важущее (особенно в дальней перспективе) односторонность комического и тем более сатирического ракурса («Вся Русь отзовется в нем» — письмо М.П. Погодину от 16(28) ноября 1836 г.), символическая значительность и обращенность (опять-таки в перспективе развития замысла) к коренным проблемам предназначения России и человеческого бытия. Скрывался в жанровом обозначении и полемический аспект, по некоторой аналогии с «Евгением Онегиным»: последний был написан в стихах, но роман (а не поэма); «Мертвые души» — проза, причем пространная, трехчастная, — но поэма (а не роман). В этом, очевидно, проявилось отталкивание Гоголя от романских форм как современных (западноевропейского романа и отечественного), так и более архаичных, включая пикареску и роман путешествия. По внешнему сходству и объему (три тома!) «Мертвые души» заставляли думать читателя, что он имеет дело именно с романом — автор же рекомендовал свое произведение как поэму. В обозначении жанра был запрятан тот же интригующий, загадочный момент, что и в названии произведения, а также в кажущейся несочетаемости низкого материала и высоких «лирических отступлений». И действительно, как будет показано ниже, жанровое обозначение, наряду с лирическими «отступлениями», стало камнем преткновения для части читателей и критиков.

* * *

Первые же читательские отклики на «Мертвые души», опередившие выступления в прессе, отличались необычайной экспрессивностью и полярностью оценок: «...все говорят, — сообщал Гоголю Константин Аксаков, — что давно не бывало такого страшного шума в литературном мире (...) одни браня, другие хваля» (Аксаков 1960. С. 91). «Между восторгом и ожесточенною ненавистью к “Мертвым душам” середины решительно нет...», — писал автору Н.Я. Прокопович 21 октября 1842 г. из Петербурга (Гоголь. Переписка. Т. 1. С. 109). Постепенно, однако, стала вырисовываться более сложная картина; так, С.Т. Аксаков делил читателей поэмы на три группы: «Первая, в которой заключалась вся образованная молодежь и все люди, способные понять высокое достоинство Гоголя, приняла его с восторгом. Вторая часть состояла, так сказать, из людей озадаченных (...) Третья часть читателей обозлилась на Гоголя. Она узнала себя в разных лицах поэмы и с остервенением вступилась за оскорбление целой России» (Аксаков 1960. С. 71).

Несмотря на некоторую условность этой классификации, многое зафиксировано ею весьма точно, прежде всего преобладание среди читателей Гоголя «молодежи», что подтверждается другими свидетельствами. В.С. Аксакова: «Молодые люди и вообще все в восхищении» (письмо В.С. Аксаковой М.Г. Карташевской от 21 июня 1842 г. из Гаврилково — ЛН, т. 58. С. 628). Н.Я. Прокопович: «Все молодое поколение

без ума от “Мертвых душ”...» (письмо Н.Я. Прокоповича Гоголю от 21 октября 1842 г. — *Гоголь. Переписка*. Т. 1. С. 108). Яркий эпизод этого воодушевления рисуют воспоминания В.В. Стасова, бывшего студентом Петербургского училища правоведения: «Эта книга пришла к нам в руки в конце лета (1842 г. — *Ред.*), когда мы воротились с каникул. Классы еще не начинались (...) Вот мы и употребили свободное время так, как нам было всего дороже: на прочтение залпом “Мертвых душ” всеми нами вместе, одной большой толпой, чтоб прекратить все споры об очереди. (...) и вот в таком-то порядке мы в продолжение нескольких дней читали и перечитывали это великое, неслыханно оригинальное, несравненное, национальное и гениальное создание. Мы были все точно опьянелые от восторга и изумления» (*Гог. восп. совр.* 1952. С. 401—402). Свидетельству Стасова созвучен и рассказ Ф.М. Достоевского, относящийся к более позднему времени, к началу 1845 г., — о том, как в день передачи рукописи «Бедных людей» Некрасову он с приятелем «всю ночь проговорили (...) о “Мертвых душах” и читали их, в который раз не помню. Тогда это бывало между молодежью; сойдутся двое или трое: “А не почитать ли нам, господа, Гоголя!” — садятся и читают, и пожалуй, всю ночь» (*Достоевский Ф.М. Дневник писателя за 1877 год // Достоевский*. Т. 25. С. 29).

Что касается бескомпромиссных критиков поэмы, то С.Т. Аксаковым верно подмечена псевдопатриотическая мотивация и риторика их выступлений. Один из примеров — Ф.И. Толстой: «...я сам слышал, — пишет С.Т. Аксаков, — как известный граф Толстой-Американец говорил при многолюдном собрании в доме Перфильевых, которые были горячими поклонниками Гоголя, что он “враг России и что его следует в кандалах отправить в Сибирь”. В Петербурге было гораздо более таких особ, которые разделяли мнение графа Толстого» (*Аксаков* 1960. С. 40—41). При этом большую роль играл и отмеченный тем же мемуаристом фактор узнавания и «личной обиды». «Я за вас тут сцепилась с симбирским губернатором Булгаковым, — сообщала А.О. Смирнова Гоголю 30 октября 1845 г. из Москвы, — уж он сам так и лезет в мертвые души; видно, узнал себя злодей в какой-нибудь гадости» (Николай Васильевич Гоголь: Письма к нему А.О. Смирновой: 1844—1851 // *РС*. 1890. Июнь. С. 653 — речь идет о симбирском губернаторе Н.М. Булдакове). Особенно ошутим мотив обиды в откликах из провинциальной, помещичьей среды, что было предвидено автором («Еще восстанут против меня новые сословия и много разных господ...» — письмо Гоголя В.А. Жуковскому от 31 октября (12 ноября) 1836 г. из Парижа). «Гоголь получает отовсюду известия, что его сильно ругают русские помещики, — писал Н.М. Языков родным 1 декабря 1842 г.; — вот ясное доказательство, что портреты их списаны им верно и что подлинники задеты за живое!» (*ЛН*, т. 58. С. 640).

Основанием для «нападения» на поэму (выражение Константина Аксакова — в цитированном выше письме К.С. Аксакова к Гоголю — Аксаков 1960. С. 90) служило и ее «неприличие», и «дурной тон» — обвинения, которые сопровождали гоголевское творчество, начиная с «Повести о том, как поссорился...». «Один почтенный наставник юношества, — сообщает Прокопович автору 21 октября 1842 г., — говорил, что “Мертвые души” не должно в руки брать из опасения замараться; что все, заключающееся в них, можно видеть на толкучем рынке» (Гоголь. Переписка. Т. 1. С. 109). Знакомый С.Т. Аксакова, псковский вице-губернатор Н.И. Васьков утверждал, что «часто шутки автора плоски, неблагопристойны и что порядочной женщине нельзя читать всю книгу» (С.Т. Аксаков Гоголю 3, 5 июля 1842 г. из Гаврилкова — Гоголь. Переписка. Т. 2. С. 23).

Среди противников нового произведения Гоголя оказались Н.Ф. Павлов и М.Н. Загоскин; их неприязнь к поэме стала в Москве притчей во языцех. «Загоскины, Павловы и проч. не говорят совсем о “Мертвых Душах” и только презрительно улыбаются, когда услышат издалека одно название, — писал Д.Н. Свербеев Н.М. Языкову 2 января 1843 г. — Порядочными людьми принято впрочем не упоминать об этой поэме при наших повествователях, а то всякий раз выходит какая-нибудь личность» (Шенрок. Т. 4. С. 104).

В приведенной выше классификации мемуариста (С.Т. Аксакова) весьма удачна и формула «озадаченные» читатели (Аксаков 1960. С. 71), т.е. выбитые из колеи привычных ожиданий, застигнутые врасплох. Такая реакция косвенно оттеняла необычайную новизну произведения, начиная с его стилистического многоголосия, которое представлялось слишком смелым и неорганичным даже таким литераторам, как Е.А. Боратынский. В 1842 г., предположительно в июле, он писал из Артемова матери: «“Мертвые души” Гоголя заставили нас много смеяться, но сентиментальные размышления, тирады о России кажутся совершенно неуместными в этом шуточном (burlesque) произведении, украшенном подзаголовком поэмы» (Мат. и иссл. 1936. Т. 1. С. 190; пер. с франц.; оригинал опубл. в кн.: Боратынский Е.А. Материалы к его биографии. Из Татевского архива Рачинских / Введ. и примеч. Ю. Верховского. Петроград, 1916. С. 63; см. также: Летопись жизни и творчества Е.А. Боратынского / Сост. А.М. Песков. М., 1998. С. 388). Очевидно, озадачивала и жанровая дефиниция («подзаголовок»), поскольку произведение, примыкавшее к традиции романа (плутовского, нравоописательного, а также романа путешествия), представляло в целом новое жанровое образование (см. об этом выше, с. 577) и было аттестовано автором как поэма. Некоторые читатели, сообщал К. Аксаков Гоголю, «видят в этом насмешку совершенно в духе Гоголя: *на-те вот, грызись за это слово*» (Аксаков 1960. С. 90). Камнем преткновения слу-

жило и развитие действия и поведение персонажей, казавшиеся неправдоподобными. Так, по свидетельству Н.Л. Боратынской (жены поэта), чиновники в Москве «утверждают, что *присутственные места*, законы судопроизводства и всё, что к этому относится, описано неправильно, что анекдот, на котором основан роман, хотя и взят из действительности, становится неправдоподобным в его (Гоголя. — *Ред.*) изложении; что *Чичиков*, обращаясь к такому количеству лиц и употребляя на это столько времени, сам способствует разоблачению истины; кроме того, такой состоятельный человек, как *Собакевич*, любитель хорошего стола, человек во всяком случае хитрый, как и *Чичиков*, раз уж ему удастся выдать *Елизавет Воробей за мужескую душу* — не захотел бы участвовать в таком подозрительном деле из-за безделицы, которая ему досталась от *Чичикова*» (из письма к С.Л. и Н.В. Путятам, Москва, почт. штемпель — 13 апреля 1843 г. — *Мат. и иссл. 1936*. Т. 1. С. 155—156).

Слышались упреки и в фактических неточностях и анахронизмах, в том числе и от тех, кто положительно или даже восторженно оценивал произведение. Так, С.Т. Аксаков отметил, что «крестьяне на вывод продаются с семействами, а *Чичиков* отказался от женского пола; без доверенности, выданной в присутственном месте, нельзя продать чужих крестьян, да и председатель не может быть в одно и то же время и доверенным лицом, и присутствующим по этому делу» (С.Т. Аксаков Гоголю 3, 5 июля 1842 г., из Гаврилкова — *Гоголь. Переписка*. Т. 2. С. 23—24). Однако Гоголь, видимо, счел эти замечания несущественными и при подготовке следующего издания поэмы (1846 г.) оставил их без внимания. (Общая чрезвычайно высокая оценка С.Т. Аксаковым «Мертвых душ» высказана в цитированном выше его письме Гоголю от 3, 5 июля 1842 г.: «Это мир Божий... Можно ли одним взглядом его рассмотреть? — Какое надобно внимание и разумение, чтоб открыть в нем совершенство творчества в малейших подробностях...» — там же, с. 21—22).

Сразу же после выхода в свет «Мертвые души» стали фактором противостояния и полемики западников и славянофилов, что было зафиксировано вернувшимся в Москву из новгородской ссылки А.И. Герценом (запись в дневнике 29 июля 1842 г.): «Толки о “Мертвых душах”. Славянофилы и антиславянисты разделились на партии. Славянофилы № 1 говорят, что это апотеоза Руси, Илиада наша, и хвалят, след., другие бесятся, говорят, что тут анафема Руси и за то ругают. Обратное тоже раздвоились антиславянисты» (*Герцен*. Т. II. С. 219—220). Остроту дискуссий передает также дневниковая запись от 25 декабря 1842 г. находившегося в Москве А.И. Тургенева: «Спор за славян и за Россию в прошедшем. Против Аксакова (речь идет о Константине Аксакове. — *Ред.*) — за Мертвые души...» (*Тургенев А.И.* Хроника русского: Дневники (1825—1826 гг.). М.; Л., 1964. С. 497).

Но линия противостояния, как это видно уже из приведенных документов, а также из письма К.С. Аксакова к Ю.Ф. Самарину от конца мая 1842 г. (см.: *ЛН*, т. 58. С. 624), не проходила строго между славянофилами и западниками («антиславянистами»), поскольку обнаруживались различные оттенки и мотивы внутри каждой группы. Если, например, К.С. Аксаков считал глубоко оправданной лирическую партию поэмы и, в частности, завершающий пассаж о тройке, что послужило одним из аргументов для параллели между «Мертвыми душами» и гомеровским эпосом (см. об этом далее в комментариях), то другие (как сообщал К.С. Аксаков в письме Н.В. Гоголю) «с горестью» отмечали художественную необубедительность и уязвимость авторской позиции: «Посмотрите (...), какая тяжелая, страшная насмешка в окончании этой книги. (...) Русь, куда несешься ты, сама не знаешь, не даешь ответа» (Аксаков 1960. С. 90). Очевидно, близки к этой точке зрения и «возражения» Н.И. Надеждина, которые он высказал в Петербурге в беседе с М.Г. Карташевской: «...больно читать эту книгу, больно за Россию и русских» (из письма Карташевской к В.С. Аксаковой от 14 ноября 1842 г. — см.: *ЛН*, т. 58. С. 642). Среди критиков «Мертвых душ» оказался и П.Я. Чаадаев, выступавший против поэмы в московских салонах, а также перед гостями в своем доме, как это случилось, в частности, в день его рождения 27 мая 1842 г. По словам К.С. Аксакова (в письме Ю.Ф. Самарину от конца мая 1842 г.), «спор был жаркий; Хомяков защищал; Чаадаев и (М.А.) Дмитриев нападали. Свербеева (Екатерина Александровна, жена Д.Н. Свербеева. — *Ред.*) с жаром защищала, так что Чаадаев говорил ей, что это род опьянения, и сказал ей: “Vous êtes ivre-morte”» (Вы мертвецки пьяны — *ЛН*, т. 58. С. 624). Позиция Чаадаева, возможно, была обусловлена тем, что он усмотрел в поэме славянофильские ноты (см. подробнее: *Манн 1987. С. 120–122*; об отношении Чаадаева к славянофильству см.: *Гурвич-Лищинер С.Д. П.Я. Чаадаев в русской культуре двух веков. СПб., 2006. Отд. 2, 3*). Особенностью восприятия «Мертвых душ» явилось то, что в ходе полемики некоторые ее участники резко изменили свое мнение; так, упомянутый выше Свербеев, хозяин московского салона, и С.В. Перфильев, генерал, начальник Московского корпуса жандармов, из суровых критиков поэмы превратились в ее горячих почитателей (письмо С.Т. Аксакова Гоголю 3, 5 июля 1842 г., Гаврилково — *Гоголь. Переписка. Т. 2. С. 23*; *Аксаков 1960. С. 78*; письма К.С. Аксакова Ю.Ф. Самарину от конца мая 1842 г. и А.М. Языкова Н.М. Языкову 21 июня 1842 г. — *ЛН*, т. 58. С. 624, 630; письмо Д.Н. Свербеева Н.М. Языкову от 2 января 1843 г. — *Шенрок. Т. 4. С. 104*).

Летом 1842 г. Гоголь стал получать известия о том, как встречают произведение в провинции, в частности в Симбирске (сведения, переданные А.М. Языковым через посредство Н.М. Языкова, см. письма

Н.М. Языкова А.М. Языкову от 9(21) июля 1842 г. из Гастейна, А.М. Языкова Н.М. Языкову 3 октября 1842 г. из Станишного // *ЛН*, т. 58. С. 634, 638, 640) и на родине. «Ты спрашиваешь меня, что здесь говорят о твоей поэме. (...) — писал А.С. Данилевский Гоголю с Украины в ноябре 1842 г. — Те немногие, с которыми имею сношение, не нахвалятся ею. Патриоты нашего уезда, питая к тебе непримиримую вражду, теперь благодарны уже за то, что ты пощадил Миргород» (*Гоголь. Переписка*. Т. 1. С. 71). Приходили отклики и из Сибири. Так, сибирский промышленник и писатель, сотрудник «Москвитянина» М.А. Зензинов, сообщая М.П. Погодину из Нерчинска 30 января 1843 г. о том, что он прочел «Мертвые души», прибавляет: «...Гоголь — великий наш Художник-Писатель. Гоголь у нас один, и долго-долго не будет другого Гоголя. Он растет талантом видимо и перед глазами. (...) его поэтические места “Мертвых душ” так патриотически высоки, так глубоки чувством, так прелестно-очаровательны, что, божусь Вам, я немного читывал подобного на русском языке...» (*ЛН*, т. 58. С. 650). Более сложным было впечатление у В.К. Кюхельбекера, который в Акше (Восточная Сибирь) 21 июля 1843 г. написал в дневнике: «На днях прочел я “Мертвые души” Гоголя. Перо бойкое — картины и портреты вроде Ноздрева, Манилова и Собакевича резки, хороши и довольно верны; в других краски несколько густы и очерки сбиваются просто на карикатуру. Где же Гоголь *lyrisch wirst* (впадает в лиризм), он из рук вон плох [пошел] и почти столь же приторен, как Кукольник с своими патриотическими, сентиментальными *piaiseries*» (глупостями. — *Ред.*) (*Кюхельбекер В.К. Путешествие. Дневник*. Статьи / Изд. подг. Н.В. Королева, В.Д. Рак. Л., 1979. С. 415).

Привлекла к себе внимание гоголевская поэма и за границей, в русских кругах Парижа, где чтение первых глав рукописи и возбужденные этим событием слухи уже подготовили почву (Гоголь читал «Мертвые души» еще 24 октября 1838 г. А.И. Тургеневу — *Гиллельсон М. Н. В. Гоголь в дневниках А.И. Тургенева* // *РЛ*. 1963. № 2. С. 138). «Наконец “Мертвые души” вышли из печати. Алекс. Иван. Тургенев, получивший это известие из России, распространил его в Париже, и легко понять, с каким восторгом принято было оно всеми, которые отчасти ознакомились с содержанием и направлением романа» (*Анненков 1989*. С. 97). Сам А.И. Тургенев писал 17 октября 1842 г. И.С. Аржевитинову: «*Мертвые души* читал мне автор, лет 5 или шесть назад в Париже, отчасти; с тех пор я брался за них, но не имел времени кончить, а суждения слышу ежедневно. Это живая картина: не в бровь, а прямо в глаз. Язык всей или почти всей России, и он говорит им. Только последняя страница о тройке, которая опережает всю Европу, — гнусная лесть: но ее, вероятно, написал Гоголь для цензуры; как же ты не узнал в этой книге и Симбирска, и Москвы, и всего русского мира. Конечно, в авторе и в его книге — есть большие недостатки, но книга его пойдет в ряду с воспитателями наши-

ми: с Недорослем, с Бригадиром, с Горе(м) от ума, с Ревизором; она еще важнее; не в слоге дело, а в сущности, в действительности этой поэмы» (Гиллельсон М. Указ. соч. С. 141). Впечатления, вынесенные А.И. Тургеневым — и, очевидно, не только им — из чтения «Мертвых душ», отражает также письмо А.М. Языкова к Н.М. Языкову от 24 февраля (8 марта) 1843 г. из Москвы: «А.И. Тургенев пишет, что в Париже, читая “Мертвые души”, “грустно и гадко”!» (ЛН, т. 58. С. 654). Такое же мнение сложилось и у его брата, политического эмигранта Н.И. Тургенева. В феврале того же года он обращается к А.И. Тургеневу с просьбой: «Не худо, если бы вы привезли сюда комедии Гоголя. Я читал его роман I-й том Чичикова. И грустно, и гадко!» (Тарасова В.М. О времени знакомства Тургенева с Н.И. Тургеневым // Тургеневский сборник. Материалы к Полному собранию сочинений и писем И.С. Тургенева. Вып. 1. М.; Л., 1964. С. 278). Несколько ранее, в ноябре 1842 г., проживавший в Париже Я.Н. Толстой, бывший председатель общества «Зеленая лампа» и член Союза благоденствия, а с 1837 г. тайный агент русского правительства во Франции, писал Вяземскому: «Примите мое истинное благодарение за письмо и присылку книги “Мертвые души”. Этот отличный и живописный роман перенес меня мыслями на берега Волги, к давно оставленным мною Пенатам и доставил приятный отдых, особенно после читанных мною отвратительных картин Евгения Сю, где описан домашний быт извергов, населяющих парижские вертепы» (подразумевается роман Сю «Парижские тайны», 1842—1843; рус. пер.: 1844) (ЛН, т. 58. С. 644). Толстой добавляет, что поначалу, держась «мнения» «Северной пчелы» (о помещенной здесь рецензии Н. Греча на поэму см. ниже), он считал «Мертвые души» «скучною книгою, но, прочтя, удостоверился в противном» (там же). Из Германии отзыв на «Мертвые души» прислал П.Ф. Заикин, петербургский приятель Белинского; летом 1842 г. он писал М.Н. Каткову: «Все, что есть гадкого, гнусного и подлого в России, все здесь обнаружено (...) одним словом, когда я прочел поэму, как будто вышел из этого пошлого, безотрадного общества...» (ЛН, т. 58. С. 636).

Первые печатные оценки «Мертвых душ» прозвучали еще до появления рецензий и статей — в рамках библиографических извещений. Так, автор «Ведомостей С.-П.-Бургской городской полиции», оповещая читателей, что том «Мертвых душ», «почти отпечатанный, скоро выйдет в свет», прибавлял: «Здесь талант нашего романиста представит нам еще на высшей степени своего развития, нежели на какой мы видели его прежде...» (1842. 16 мая. № 39. С. 166; рубрика «Смесь», заметка «Литературное известие»; без подписи). В июньском номере «Отечественных записок» (ценз. разр. около 30 мая) обозреватель (это

был Белинский) сообщал, что давно «и с нетерпением ожидаемый всеми любителями изящного роман Гоголя (...) только что сейчас получен в Петербурге» и что читавшие его в рукописи или слышавшие отрывки говорят: «...в сравнении с этим творением всё, доселе написанное Гоголем, кажется бледно и слабо...» (ОЗ. 1842. Т. XXII. № 6. Отд. VI. С. 60; без подписи; см. то же: *Белинский*. Т. VI. С. 199). В ином тоне преподнесла весть о книжной новинке «Северная пчела»: «Вот вышла в свет поэма Г. Гоголя (...) ни в одном русском сочинении нет столько безвкусия, грязных картин и доказательств совершенного незнания русского языка, как в этой поэме...» (СПч. 1842. 30 мая. № 119. С. 475; рубрика «Журнальная всякая всячина»; без подписи). Итог устных и печатных выступлений о поэме подвел И.В. Киреевский: «После появления “Мертвых душ” Гоголя много говорено было за них и против них не только в литературе, но и во всех кругах читателей; между тем, от восторженных похвал и страстных порицаний осталось, кажется, одно общее убеждение, что Гоголь в словесности нашей есть представитель той новой, великой, до сих пор в ясном виде еще не являвшейся силы, которой неисчислимые результаты могут произвести совершенный переворот в нашей литературе и которую называют *силою русской народности*» (Москва. 1845. Ч. 1. № 1. «Библиография». С. 4; подпись: К.; см. то же: *Киреевский И.В.* Критика и эстетика / Сост., вступ. ст. и примеч. Ю.В. Манна. М., 1979. С. 213).

Заботясь о квалифицированной оценке своего произведения, Гоголь просит написать рецензии Шевырева, очевидно, для «Москвитянина» («Грех будет на душе твоей, если ты не напишешь разбора “Мертвых душ”» — письмо от 3(15) августа 1843 г. из Гастейна), и Плетнева, очевидно, для «Современника» (письмо от 20 октября (2 ноября) 1842 г. из Рима). Обе просьбы были со временем выполнены, но первыми появились статьи в других изданиях. Анонимный рецензент «Литературной газеты» высоко оценил жизненную правдивость произведения, отметил, что «сцены» и «характеры» «удивительно разнообразны», но не удержался от дежурных упреков Гоголю в грубости описаний: «...рассказ его не чужд (...) тех грязноватых шуточек, без которых Гоголь легко мог бы обойтись...» (подразумевается прежде всего «шутка о будочнике», казнящем на ногте зверя, — «Похождения Чичикова, или мертвые души. Поэма Н. Гоголя...» // ЛГ. 1842. 14 июня. № 23. С. 470—476). Более выдержанной по тону и весьма похвальной была обширная анонимная рецензия в «Ведомостях С.-П.-Бургской городской полиции» (1842. 16 июня. № 48. С. 201—203; рубрика «Литературное обозрение»; 23 июня. № 50. С. 211—212; 27 июня. № 51. С. 217—218; автор рецензии, как и упомянутого выше библиографического извещения в той же газете, — предположительно В.С. Межевич — см. комментарий Л. Ланского: *ЛН*, т. 58. С. 632). Рецензент возражал против нападок

на язык и стиль поэмы, производимых с пуристских позиций, с воодушевлением писал «об юморе Гоголя, об его простодушном рассказе, таком безыскусственном, таком небрежном, об этой неподдельной русской веселости, которая часто однако ж щиплет за сердце...», — и приходил к выводу, «что ни в одном русском оригинальном сочинении Русь не изображена так верно, так истинно, с таким изумительным знанием русского народа, русской души, как в “Похождениях Чичикова”» (Ведомости С.-П.-Бургской городской полиции. 1842. 27 июня. № 51. С. 218). Диаметрально противоположное мнение высказал Н.И. Греч в «Северной пчеле», в концентрированной форме изложив все обвинения, которые обычно выдвигались против Гоголя: искажение жизни, преувеличение ее темных сторон («Это какой-то особый мир негодяев, который никогда не существовал и не мог существовать»), «дурной тон» и неприличие описаний (например, «утирание мальчику носа за столом»), неправильности языка (например, выражение «Где так изволил засалиться?»); «...не засалился, а выпачкался», — поправляет рецензент — «Похождения Чичикова, или *Мертвые души*. Поэма Н. Гоголя...» // СПч. 1842. 22 июня. № 137. С. 546; подпись: Г.). За автором поэмы признается талант, но тот им не воспользовался — он «добровольно отказался от места подле образцовых писателей романов, чтоб стать ниже Поль де Кока!» (Там же. С. 547). Таким образом пущенное в ход уже после первых гоголевских повестей уподобление: Гоголь — это русский Поль де Кок — рецензентом «Северной пчелы» еще более девальвируется (автор «Мертвых душ» — «ниже Поль де Кока»). Отношение Греча к «Мертвым душам» соответствовало и позиции издателя газеты Ф.В. Булгарина, который неоднократно нападал на поэму, в частности и в своих беллетристических произведениях (см. например: *Булгарин Ф. Русская ресторация* // Булгарин Ф. Очерки русских нравов, или Лицевая сторона и изнанка рода человеческого. СПб., 1843. С. 41).

Противоречивой оказалась точка зрения другого рецензента — К.П. Масальского (Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя... // СО. 1842. Ч. III. № 6. Июнь. Отд. VI. С. 1—30; без подписи; ценз. разр. 31 мая), с одной стороны, признавшего у Гоголя истинный «комический талант» и то, что он «неоспоримо принадлежит к числу первоклассных русских литераторов» (там же, с. 1), а с другой, — повторившего обвинения в односторонности и вульгарности «картин»: «Все лица автора, начиная с героя, или плуты, или дураки, или подлецы, или невежды и ничтожные люди. (...) Ни одно лицо не возбуждает участия в читателе» (там же, с. 11). Рецензент отозвался и на уже возникшую в читательских откликах параллель между Гомером и Гоголем: «Правда, что между Гомером и Гоголем есть сходство: обе эти фамилии начинаются, как видите, с Го...» (там же, с. 2), а также выразил недоумение по поводу обозначения жанра: «Мы не понимаем: почему *Мертвые души*

названы поэмой. <...> это сочинение так же похоже на поэму, как мы с вами на китайского богдохана» (там же, с. 5). Массальский впервые поставил на обсуждение проблему распространенных сравнений в поэме (там же, с. 23–26), которые вскоре привлекут внимание критики (С. Шевырев, К. Аксаков, В. Белинский), а позднее и литературоведов (Андрей Белый, О. Мандельштам и др.), но истолковал эту особенность гоголевского стиля весьма поверхностно — как непростительное излишество: эти сравнения «чересчур длинны и не только не составляют красот, но напротив того кажутся неуместными...» (там же, с. 23).

Апогеем негативной критики «Мертвых душ» стала рецензия О.И. Сенковского (*БдЧ*. 1842. Т. LIII. № 8. Отд. VI. С. 24–54; без подписи; ценз. разр. 30 июня), в которой уже прозвучавшие упреки получили шутовское, ерническое выражение, начиная с упреков к жанровой дефиниции и к распространенным сравнениям: «Браво, “наша поэма”! восклицаю я в страшном восторге: браво!.. да ты настоящая эпопея!.. — Какое поэтическое сравнение!.. — да как развито!.. да сколько тут чистых, свежих, благовонных цветков поэзии!.. Ей-ей! без всякой лести!.. все знаменитые сравнения у Гомера, Вергилия, Тассо, Ариосто, Мильтона, перед этим великолепным сравнением — говоря твоим изящным языком — *свинтусы, подлецы!*...» (там же, с. 29). Критика произведения была подкреплена еще намеками на антипатриотизм его автора: «Помилуйте! <...> что вы это <...> при каждом неблагоприятном случае, наводите речь на русских! В чем и за что вы непрерывно их обвиняете? <...> Вы систематически унижаете русских людей. Я этого не люблю и не хочу слушать» (там же, с. 32). Издательский тон выступления Сенковского был отмечен Белинским в «Литературном разговоре, подслушанном в книжной лавке», где один из воображаемых собеседников восклицает: «Такой статьи давно не бывало!», а другой — поясняет: “Истинное остроумие <...> не искажает умышленно предмета, чтобы возбудить во что бы то ни стало грубый смех площадной толпы”...» (*ОЗ*. 1842. Т. XXIV. № 9. Отд. VIII. С. 33; без подписи; ценз. разр. 31 августа 1842 г.; см. то же: *Белинский*. Т. VI. С. 352).

В другой статье, специально посвященной «Мертвым душам» (Похождения Чичикова, или Мертвые Души. *Поэма* Н. Гоголя... // *ОЗ*. 1842. Т. XXIII. № 7. Отд. VI. С. 1–12; без подписи; ценз. разр. 30 июня; см. то же: *Белинский*. Т. VI. С. 209–222), Белинский отвергает выдвигаемые против Гоголя обвинения в антипатриотизме и отсутствии народности; при этом он расценивает появление поэмы как коренное изменение всей литературной ситуации: «И вдруг, среди этого торжества мелочности, посредственности, ничтожества, бездарности, среди этих пустоцветов и дождевых пузырей литературных, среди этих ребяческих затей, детских мыслей, ложных чувств, фарисейского патриотизма, приторной народности, — вдруг, словно освежительный блеск

молнии среди томительной и тлетворной духоты и засухи, является творение чисто русское, национальное, выхваченное из тайника народной жизни, столько же истинное, сколько и патриотическое...» (Белинский. Т. VI. С. 217). Предубеждение против «Мертвых душ», считает критик, во многом обусловлено их юмористической природой: «...юмор доступен только глубокому и сильно развитому духу. Толпа не понимает и не любит его» (там же, с. 220). О глубине гоголевского юмора писал в обширной рецензии на поэму и М.П. Сорокин (Похождения Чичикова, или Мертвые Души. Поэма Н. Гоголя... // *СПбВед.* 1842. 22, 23, 24 июля. № 163, 164, 165. С. 718–720, 722–724, 727–728), оспаривая при этом уподобление Гоголя Поль де Коку: в отличие от последнего «у Гоголя взгляд на жизнь и общество столь же верен, сколько и глубок; он не простой забавник, а юморист, грустный и возвышенный, с улыбкою на устах, но со слезой в очах и вздохом в сердце» (*СПбВед.* 1842. 24 июля. № 165. С. 727).

В статьях Шевырева (*Шевырев С.* Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя... // *Москв.* 1842. Ч. IV. «Критика». № 7. С. 207–228; № 8. С. 346–376; ценз. разр. 10 августа 1842 г.) и Плетнева (Чичиков или Мертвые души, Гоголя // *Совр.* 1842. Т. XXVII. Отд. I. С. 19–61; ценз. разр. 30 июня 1842 г.; с мистифицирующей подписью: «С.Ш. 19 июня, 1842. Житомир»; инициалы намекали на приятеля Плетнева С.Д. Шаржинского) был предложен опыт эстетического разбора поэмы, которого ждал от рецензентов Гоголь. Так, Шевырев прослеживает эволюцию «главного мотива» (продажа мертвых душ): вначале он «только забавен», ибо «тут нет ничего никому обидного, ни вредного»; но потом, когда вместе с героем «раздумаетесь над участием всех этих неизвестных существ (...) — глубокая ирония выгланет в мотиве, и невольною думою осенится ваше светлое чело» (*Москв.* 1842. Ч. IV. № 8. С. 350). Такая же постепенность — в раскрытии конкретного характера, прежде всего Чичикова («...Автор (...) берет его от самых пелен, проводит через семью, школу и все возможные закоулки жизни, и нам открывается ясно все его развитие...» — *Москв.* 1842. Ч. IV. № 7. С. 209), в расположении и очередности персонажей («Сначала вы смеетесь над Маниловым, смеетесь над Коробочкою, несколько серьезнее взглянете на Ноздрева и Собакевича, но увидев Плюшкина, вы уже вовсе задумаетесь: вам будет грустно при виде этой развалины человека» — *Москв.* 1842. Ч. IV. № 8. С. 350) и, наконец, такая же постепенность в структуре образа города, — тут критик затрагивает его иррациональную гротескную основу: вначале только забавное и смешное, вроде толков жителей «о душах Чичикова и их нравственности» (там же, с. 350), но потом нелепость происходящего все растет, как «будто сам демон путаницы и глупости носится над всем городом и всех сливает в одно: здесь, говоря словами Жан-Поля, не один какой-нибудь

дурак, не одна какая-нибудь отдельная глупость, но целый мир бессмыслицы, воплощенный в полную городскую массу» (там же, с. 351). В то же время Шевырев более других критиков внимателен к деталям: им, например, подмечено, что Селифан не одинаковым образом покидает помещиков, с которыми его сводит судьба: у Манилова он напился пьян, от Коробочки уезжает «совершенно другим кучером: тут уж заметны в нем порядок и старание»; от Ноздрева выехал «таким же взбалмошным, как и сам хозяин...» (там же, с. 367). Очерчен и круг анималистических ассоциаций в характерологии: Собакевич — это медведь и свинья; Ноздрев — собака, «которая без причины в одно и то же время и лает, и обгрызывается»; Коробочка — белка, собирающая орешки; Плюшкин — муравей, который «одним животным инстинктом все что ни попало тащит в свою нору»; Манилов — потатуй (т.е. птица-удод) и т.д. (*Москв.* 1842. Ч. IV. № 7. С. 220). На естественности развития содержания поэмы и внутренней органичности каждой детали сделал упор и Плетнев (показательно, что прилагательное «внутренний» — излюбленное в его характеристике «Мертвых душ»): «Перейдешь по всем отделениям вещей и лиц, не только начиная от Селифана, но и от самого Чубарого, до легководдушной Институтки и ее отца, и ни в чем не откроешь тени подложного или сомнительного: все возникает из закона *внутренней* жизни...» (*Совр.* 1842. Т. 27. С. 45–46; курсив наш. — *Ред.*). Полное же оправдание жанра произведения как поэмы Плетнев связывает с его развитием и завершением: «На книгу Гоголя нельзя иначе смотреть, как только на вступление к великой идее о жизни человека...» (там же, с. 21); «...следственно поэма, в собственном смысле, еще впереди» (там же, с. 57).

Уже упоминавшийся выше рецензент «Санкт-Петербургских Ведомостей» М. Сорокин также сосредоточил свое внимание на персонажах поэмы, наделяя их подчас выразительными, острыми характеристиками. Манилов — это «человек с сердцем теленка и с философией времен “Бедной Лизы”...» (*СПбВед.* 1842. 23 июля. № 164. С. 722); Ноздрев — это «малой от природы бойкий, живой, откровенный, даже теплый сердцем, но воспитание и разгульная жизнь сделали из него буяна, лгуна, картежника...» (там же). Чичиков — это «артист в своем искусстве. Это *Паганини* на инструменте своего сердца, на котором давным давно перервались все струны, кроме одной...» — корыстолюбия (там же, 22 июля, № 163, с. 720). Однако рецензент, имея в виду сцену встречи Чичикова с губернаторской дочкой, отмечает и другую деталь, тем самым невольно предвосхищая развитие действия: «Уже змея любви начала по маленьку впускать сладкое свое жало в это окостеневшее сердце...» (там же, 23 июля, № 164, с. 724).

Тур рецензий, посвященных «Мертвым душам», заключили статьи Н.А. Полевого (*Похождения Чичикова, или мертвые души. Поэма*

Н. Гоголя... // РВ. 1842. № 5–6. Отд. III. С. 33–57; ценз. разр. 3 ноября) и *Н.Д. Мизко (Голос из провинции о поэме Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души» // ОЗ. 1843. Т. XXVII. Отд. V. С. 27–48; подпись: Н.М.; ценз. разр. 28 февраля)*. Полевой подхватил и довел до крайности все ходовые обвинения — и в неоправданности жанрового обозначения «поэма» («Разумеется, что такое название шутка» — *РВ. 1842. № 5–6. Отд. III. С. 40*), и в тривиальности и неправдоподобии, но прежде всего — в антипатриотизме и «космополитизме» (выражение Полевого! — там же, с. 55): «...почему, в самом деле, современность представляется ему в таком неприязненном виде (...) и для чего не спросить: почему думает он, что каждый русский человек носит в глубине души своей зародыши Чичиковых и Хлестаковых?» (там же, с. 54); «Между тем, как его (Гоголя. — *Ред.*) восхищает всякая дрянь итальянская, едва коснется он не итальянского, все становится у него уродливо и нелепо!» (там же). Напротив, рецензия Мизко строилась на последовательном опровержении бытовавших упреков Гоголю, в том числе и относящихся к жанровой дефиниции: отмечая «высоко-гуманистический взгляд поэта на жизнь, и этот глубоко-национальный пафос его, гордого народным самосознанием духа», рецензент говорит о глубокой оправданности наименования «Мертвых душ» «поэмой» (*ОЗ. 1843. Т. XXVII. Отд. V. С. 46*). Выступление Мизко представляло для Гоголя особую ценность потому (см. его отклик в письме к *Н.М. Языкову* от 29 мая (10 июня) 1843 г., Висбаден), что это был «голос из провинции» (в конце статьи указывалось, что она получена из Екатеринославля), где вкусы массового читателя определялись такими изданиями, как «Северная пчела» и «Библиотека для чтения», враждебно настроенными к «Мертвым душам».

Резонанс, вызванный поэмой Гоголя, был столь сильным, что за перо взялись и критики-непрофессионалы. «К Погодину студенты принесли вдруг три рецензии, и, разумеется, всё похвалы» (*ЛН, т. 58. С. 628*), — сообщала *В.С. Аксакова М.Г. Карташевской* 21 июня 1842 г. из Гаврилково (судьба этих рецензий неизвестна). Принялся за статью о поэме и *М.А. Маркус*, лейб-медик императорского двора. «“Это что-то шекспировское!” — говорил он и (...) в опровержение всех а р и с т о к р а т и ч е с к и х м н е н и й, которые ему удавалось слышать, набросал сам статью о Гоголе и “Мертвых душах” (...) Статья, как я могу предполагать по плану и отрывкам, выйдет замечательная: ведь Маркус знаком почти со всеми европейскими литературами и следит за ними в лице их новейших представителей» (из письма *Н.К. Калайдовича М.П. Погодину* от 14 декабря 1842 г. из Петербурга — там же, с. 642–643, разрядка в оригинале; судьба упомянутой статьи также неизвестна).

Ярким эпизодом истории восприятия «Мертвых душ» явилась полемика *Белинского* и *К.С. Аксакова*. Ее исходный момент — брошюра

Аксакова «Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души» (подпись под текстом: Москва, Июня 16, 1842; ценз. разр. 7 июля), на которую Белинский ответил специальной рецензией (Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души. Москва. 1842 // *ОЗ*. 1842. Т. XXIII. № 8. Отд. VI. С. 46–51; без подписи; ценз. разр. около 30 июля; см. то же: *Белинский*. Т. VI. С. 253–260). Затем последовало «Объяснение» Аксакова (*Москв*. 1842. Ч. V. № 9. С. 220–229; ценз. разр. 25 сентября) и «Объяснение на объяснение...» Белинского (*ОЗ*. 1842. Т. XXV. № 11. Отд. V. С. 13–30; без подписи; ценз. разр. 31 октября; см. то же: *Белинский*. Т. VI. С. 410–433).

Главная мысль Аксакова — о воскрешении в «Мертвых душах» «эпического созерцания», которым в истории мировой культуры владел только Гомер (*Аксаков К*. Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души. М., 1842. С. 4–5). Подразумевается широкий, непредубежденный интерес ко всему существу, полнота жизни, суверенность лиц и явлений, т.е. все то, что, независимо от содержания, относится к манере письма, «к акту творчества» (там же, с. 15). Однако в конечном счете «акт творчества» соотнесен с достоинствами содержания, и, имея в виду будущее развитие поэмы, критик ставил вопрос: «...уж не тайна ли Русской жизни лежит, заключенная в ней..?» (там же, с. 9). Еще категоричнее эту мысль Аксаков выразил в письме к А.Н. Попову: «...явилось такое чудо создания, такая великая, древняя классическая простота, которая смогла явиться разве только в России, у народа цельного {...} назначенного к великим подвигам» (письмо без даты, опубл.: *Кулешов В.И.* Славянофилы и русская литература, М., 1976. С. 203–204). На ограничительную точку зрения К. Аксакова («только в России») и направил Белинский острие своей критики: для него Гоголь — представитель современной формы искусства, развиваемой рядом корифеев европейской и американской литературы. Аксакову поставлено в вину, что он не упомянул «ни о Сервантесе, ни о Вальтере Скотте, ни о Купере» (*Объяснение на объяснение... // Белинский*. Т. VI. С. 415), презрительно высказался о Жорж Санд (там же, с. 422) и т.д. При этом, считает Белинский, современная форма, при всей ее объективности, не может быть позитивна в смысле античного эпоса; отсюда особенность гоголевских распространенных сравнений; так, если у Гомера сравнение «теснимого в битве троянами Аякса с ослом» «простоудушно», то у Гоголя «сравнение, например, франтов, увивающихся около красавиц, с мухами, летящими на сахар, все насквозь проникнуто юмором» (там же, с. 419). Отсюда же, по Белинскому, рискованность обозначения жанра «Мертвых душ» как поэмы; первоначальное терпимое отношение критика к этой дефиниции как к знаку сложности и глубины произведения сменилось опасением: ведь если наименование

жанра предполагает, что отражена «субстанция русского народа» (там же, с. 429), то это задание преждевременное — «субстанциальное начало» русской жизни пребывает «еще таинственным, доселе еще не открывшимся собственному сознанию и неуловимым ни для какого определения» (там же, с. 431). Изменение точки зрения Белинского обусловливалось заявлением Аксакова, что такая субстанция (назначение России к «великим подвигам») потенциально уже существует и непременно будет явлена Гоголем. Заслугой К. Аксакова явилась постановка вопроса о мировом значении творчества Гоголя, однако максимализм в противопоставлении русского писателя западноевропейским вызвал возражения и у литераторов славянофильской или близкой к ней ориентации — у Погодина, отказавшегося опубликовать работу К. Аксакова в «Москвитянине», у Шевырева, Хомякова. Так, А.С. Хомяков в письме к К. Аксакову от 24 июля 1842 г., выразив согласие с мнением о том, что в «Мертвых душах» «заметно воскресение первобытной искренней поэзии», добавлял: «Жаль, что вы не назвали нескольких имен великих поэтов, задавших себе большие задачи, но не вполне разрешивших свои задачи. Это пояснило бы мысль вашу, и даже благоговение, с которым вы назвали бы Гете или Шиллера или Байрона, показало бы, что в вас не пристрастие, а чисто эстетическое чувство» (Сочинения А.С. Хомякова: В 8 т. Т. VIII. М., 1904. С. 329–330). Наконец, некоторое неудовольствие брошюрой Аксакова выразил и Гоголь. Вначале он мотивировал это несвоевременностью публикации («...Погодин был отчасти прав, не поместив ее (...) Я думаю просто, что ей рано быть напечатанной теперь» — из письма к С.Т. Аксакову от 6(18) августа 1842 г. из Гастейна), а потом и недостаточной зрелостью мысли самого критика (хотя «брошюрка» в «основании своем (...) замечательная вещь», но «горе тому, кто объявляет какую-нибудь замечательную мысль, если эта мысль еще ребенок...» — из письма к С.Т. Аксакову от 6(18) марта 1843 г.). Очевидно, категоричность в противопоставлении Гоголя всему ходу движения мировой литературы противоречила тому ощущению преемственности по отношению к Филдингу, Вальтеру Скотту, Пушкину и другим, которое он сам декларировал в пору работы над «Мертвыми душами», в том числе и в черновых редакциях поэмы (о полемике К. Аксакова и Белинского см. подробнее: Манн 1987. Глава XI. Спор Белинского и К. Аксакова. С. 149–165; Анненкова Е.И. Гоголь и К. Аксаков // Пути русской прозы XIX века. Л., 1976. С. 16–29; Кошелев В.А. «Мертвые души» Н.В. Гоголя в трактовке ранних славянофилов // РЛ. 1976. № 3. С. 82–100; Янковский Ю.З. Патриархально-дворянская утопия: Страница русской общественно-литературной мысли 1840–1850-х годов. М., 1981. С. 318–323; Цимбаев Н.Н. Славянофильство. М., 1986. С. 22, 24; Попов В. Славянофилы и русские писатели (Н. Гоголь, С. Аксаков, Л. Толстой, А. Островский). Тогуи, 1988. Гл. «Борьба за Гоголя». С. 41–105).

Выход второго издания поэмы с предисловием «К читателю от сочинителя» (ценз. разр. 25 августа 1846 г.) должен был, по мысли автора, стимулировать читательские отклики — критические замечания, советы и т. д., которые помогли бы при работе над вторым томом и при доработке первого. Один из таких откликов — письмо К.И. Маркова, помещика Лебединского уезда Харьковской губернии, предостерегавшего Гоголя от будущих трудностей: «...вы задумали план громадный и опасный. Из превосходного творения может выйти избитая история, а, может быть, еще более превосходное творение» (*Шенрок*. Т. IV. С. 551—552; датируется 1849 г. — см.: *Ак*. Т. XIV. С. 402). Другой корреспондент Ф.В. Чижев в письме от 4 марта 1847 г. выразил обиду в связи с нелюбезным изображением простого народа: «Чувство боли началось со второй страницы, где вы бросили камень в того, кого ленивый не бьет, — в мужика русского» (*Шенрок В.И. Друзья и знакомые Николая Васильевича Гоголя в их к нему письмах // РС*. 1889. Т. 63. № 8. С. 369).

На просьбу Гоголя обширными письмами ответил также В.И. Белый, служащий Одесской городской думы (опубликованы в работе: *Виноградская Н.Л. Неизвестные письма В.И. Белого к Гоголю // Н.В. Гоголь: Материалы и исследования. Вып. 2. М., 2009. С. 41—74*). В частности, в письме от 27 апреля и 2 мая 1849 г. Белый советовал «расширить рассказ о жизни Чичикова до появления его в свете отставным Чиновником»: «...всего нужнее описать его детство, раскопав семейное гнездо его родителей...» (там же, с. 49). Откликаясь же на рассуждения о «добродетельном человеке» (в главе XI) и обещание вывести в продолжении поэмы другие характеры, Белый горячо убеждал: «Не пишите добродетельных людей, не пишите; велит Вам Бог не пишите! Ибо в Евангелии {...} сказано (Лк. 16: 15): И рече (Иисус) им (фарисеям): вы есте оправдающе себе пред человеки, Бог же весть сердца ваша: яко, еже есть в человецех высоко, мерзость есть пред Богом» (там же, с. 56). Гоголь ответил Белому письмом от 16 мая 1849 г., заметив, что «о детстве Чичикова» он «думал уже сам, предполагая напереть особенно на эту сторону при третьем (исправленном) издании». По поводу же совета не писать «добродетельных людей» писатель разъяснял: «Под именем добродетельных людей я разуме(л) лучших людей. Тут была с моей стороны неточность выраженья. Намеренье мое было показать, как и лучшие люди могут вредить не хуже худших, если не легло в основанье их характеров *главное*, то, что проще и ближе становится человека к исполненью обязанностей» (слово «главное» подчеркнуто в оригинале, цит. по автографу: *ИР НБУ*. Ф. 324. Гог. 438. Л. 148). Откликом на предисловие ко второму изданию «Мертвых душ» явилось также другое письмо одесского жителя (опубликовано значительно позднее без подписи: *Одесский вестник*. 1859. 13 января. № 5. С. 19; традиционно

приписывалось В.И. Белому; подробнее об авторстве см.: *Виноградская Н.Л.* Неизвестные письма В.И. Белого к Гоголю // *Н.В. Гоголь: Материалы и исследования.* Вып. 2. М., 2009. С. 41–45). Автор настоящего письма тоже отмечал неполноту описания детства Чичикова и в связи с этим — что было необычно для русской публицистики того времени — высказывался в защиту «приобретательства»: «Почему же это безнравственно — быть приобретателем? Неужели одно инстинктивное чувство “приобретать”, на котором основаны и живут цивилизованные общества — в состоянии до такой степени обезобразить всего человека? (...). Возьмите, в свете есть целая страна, которая более ничего не делает, как приобретает и приобретает: это — Американские Штаты. Конечно, приобретатель легко может сделаться, в одну минуту! — но зачем же обвинять принцип, а не человека?» (там же, с. 46; см. также об этой полемике: *Замыслова Е.Е.* «Чужое» глазами Гоголя: по страницам поэмы «Мертвые души» и переписки // *Н.В. Гоголь и русское зарубежье: Пятые Гоголевские чтения: Сб. док.* М., 2006. С. 268–269).

С гоголевским предисловием ко второму изданию поэмы связаны также объемные «Материалы для [второго тома] продолжения “Мертвых душ”, доставленные Н.В. Гоголю из провинции, по его печатной просьбе» (не опубликованы; хранятся в *ОР РГБ* в фонде Н.С. Тихонравова — *ОР РГБ.* Ф. 298/1. К. 37. Ед. хр. 4; слова, заключенные в квадратные скобки, зачеркнуты). Эти материалы, присланные Гоголю некоей жительницей Ветлужского уезда Костромской губернии и содержащие воспоминания о столичной светской жизни, вызвали следующий отклик Гоголя (в письме к Плетневу от 15 июля 1851 г.): «Две страницы пробежал: правописание не уважается и грамматика плоха, но есть, показалось мне, наблюдательность и жизнь». Известен также отзыв на предисловие, отправленный 30 апреля 1847 г. из Н. Екатеринослава В. Шелестовым (возможно чтение: В. Шеметов; у Тихонравова — В.Ш.; опубликовано: *Тих.* Т. 3. С. 505–506). Автор письма порицает Гоголя за то, что, извиняясь «поспешностию, с которою вышла (...) книга», он тем не менее второе издание перепечатал «с первого без малейшей перемены» (цит. по автографу — *ОР РГБ.* Ф. 298/IV. К. 1. Ед. хр. 56. Л. 2).

На гоголевский призыв откликнулся также студент Московского университета Дмитрий Малиновский. Прочитав предисловие, он отправил Гоголю через С.П. Шевырева «большой пакет» со своими заметками (Два письма Н.В. Гоголя // *РА.* 1865. Вып. 9. Стб. 1124; *ОР РГБ.* Ф. 74. К. 8. Ед. хр. 36. Л. 2). В ответном письме (около 26 февраля (10 марта) 1847 г., Неаполь) Гоголь одобрил намерение своего корреспондента «описывать современный окружающий (...) люд» по поводу «Мертвых душ». Малиновский и в дальнейшем присылал Гоголю пространные письма, содержащие рассуждения на этические темы, самоанализ, критику произведений писателя. Эти послания вызвали интерес

Гоголя потому, в частности, что «попали в тон» его собственных «настроений и размышлений»: «...поучение и покаяние, характерные для Гоголя последнего периода, собственно понижают и письма Малиновского» (см. об этом неопубликованную статью: «Корреспондент Гоголя — Д.К. Малиновский», подготовленную сотрудниками Отдела рукописей ГБЛ в 1941 г. для сб.: Записки отдела рукописей. Вып. XI: Н.В. Гоголь, И.А. Гончаров — *ОР РГБ*. Ф. 217. К. 7. Ед. хр. 1. Л. 58 об.; см. также: *Малиновский Д.* Нечто о Гоголе // *Русский*. 1868. 30 июля. № 22. С. 1—2; *Малиновский И.Д.* Знакомство Гоголя с моим отцом // *Записки Общества истории, филологии и права при имп. Варшавском университете*. 1902. Вып. 1. С. 75—91).

Далеко не все отклики были зафиксированы в письмах и тем более — стали известны Гоголю; Чернышевский отмечал 24 января 1847 г.: «По поводу предисловия к второму изданию “Мертвых душ” {...} было высказано столько пошлых острот...» (*Чернышевский*. Т. 14. С. 105). В.Г. Белинский счел неуместной саму просьбу Гоголя к читателям разного культурного уровня, в том числе и малообразованным, исправлять текст поэмы («Прошу тебя, читатель, поправить меня») и выразил опасения по поводу обещания издать первый том в переработанном виде: «Боже мой, как вздоржают тогда первые два издания!» (Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Издание второе. Москва. 1846 // *Совр.* 1847. Т. 1. № 1. С. 57—59; см. то же: *Белинский*. Т. X. С. 52—53). Аналогичного мнения придерживался и В.Н. Майков в рецензии на второе издание «Мертвых душ»; приведя просьбу автора к читателям присылать ему «замечания на недостатки поэмы», он добавил: «...мы полагаем, что величайшее достоинство второго издания “Мертвых Душ” заключается в тождестве его текста с текстом первого издания» (*ОЗ*. 1846. Т. 49. № 12. Отд. VI. С. 57; см. то же: *Майков В.Н.* Литературная критика: Статьи. Рецензии. Л., 1985. С. 296; суждения Майкова о гоголевской поэме анализируются в кн: *Демченко А.А.* Н.В. Гоголь в русской критике 40—50-х годов XIX века. Саратов, 2010. Гл.: Гоголь в критическом освещении В.Н. Майкова). Критику гоголевского предисловия продолжил А.Д. Галахов (псевдоним «Сто-один»): «Воля ваша, это насмешка, одна из выходов юмористики, в которой обида и почтение, смирение и гордость так нераздельны, что не знаешь, где оканчивается одно и где начинается другое» (Письмо к Н.В. Гоголю, по поводу предисловия ко второму изданию «Мертвых Душ» // *ОЗ*. 1847. Т. 50. № 2. Отд. V. С. 79). Впоследствии в защиту автора предисловия выступил Г.П. Данилевский, связав просьбу Гоголя к читателям с особенностями его работы: «Мы видим приемы историка {...} и не вспоминаем даже об этом при чтении его истории; — а художнику не прощаем, если он для творческого воспроизведения нашей *современной жизни* входит также

в нашу среду, спрашивает нас самих и у самого животворного ключа нашей общественной жизни изучает ее» (Литературные заметки // *СПбВед.* 1849. 14 сентября. № 204. С. 821; без подписи; см. также: *Свиясов Е.В.* Эпизод полемики о Гоголе 1852 года // *РЛ.* 1980. № 1. С. 127–133).

В 1850–1860-е гг. преобладает тенденция истолкования творчества Гоголя и прежде всего его поэмы как резко обличительного сатирического произведения. Гоголь — «обличитель толпы», он творит, «Питая ненавистью грудь, / Уста вооружив сатирой»; но в то же время есть и оборотная сторона этой ненависти — он «проповедует любовь / Враждебным словом отрицанья» (*Некрасов Н.* Блажен незлобивый поэт... // *Совр.* 1852. № 3. Отд. I. С. 147–148; о развитии в этом стихотворении мотивов зачина главы VII «Мертвых душ» см.: *Мостовская Н.Н.* Гоголь в восприятии Некрасова // *Некрасовский сборник.* [Т.] VIII. Л., 1983. С. 31–32). Согласно Чернышевскому, заслуга Гоголя в том, что он придал русской литературе «стремление в столь плодотворном направлении, как критическое» (Очерки гоголевского периода русской литературы: Статья первая // *Совр.* 1855. Т. 54. № 12. Отд. III. С. 38; без подписи; см. то же: *Чернышевский.* Т. 3. С. 19). По Добролюбову, Гоголь «изобразил всю пошлость жизни современного общества»; тем самым он «очень близко подошел к народной точке зрения, но подошел бессознательно, просто художнической оцупью» (О степени участия народности в развитии русской литературы (Очерк истории русской поэзии, А. Милюкова...) // *Совр.* 1858. Т. 67. № 2. Отд. II. С. 155, 165; подпись: -бов.; см. то же: *Добролюбов Н.А.* Собр. соч.: В 9 т. Т. 2. М.; Л., 1962. С. 261, 271). Сатирический аспект произведения подчеркивал и Герцен в статье «О романе из народной жизни в России (письмо к переводчице “Рыбаков”» («Было от чего сойти с ума, глядя на этот зверинец из дворян и чиновников...» — *Герцен.* Т. XIII. С. 175), проводя параллель между Гоголем и Бомарше: поэма «произвела в России сенсацию, подобную той, которую вызвала во Франции “Женитьба Фигаро”» (там же; статья опубликована в 1859 г. на немецком языке в форме письма к переводчице романа Д. Григоровича «Рыбаки» — «Über den Roman aus dem Volksleben in Russland (Brief an die Übersetzerin der “Fischer”»); см. также: *Герцен.* Т. XIII. С. 158–169). В то же время Герцен видел в поэме «великую силу возрождения» (*Герцен.* Т. XVIII. С. 188): «Гоголь чувствовал — и многие другие чувствовали с ним, — что за мертвыми душами есть души живые» (там же; опубликовано на французском языке под названием: «Nouvelle phase de la littérature russe» («Новая фаза в русской литературе») в газете «La Cloche» (1864. № 44, 45); см. то же: *Герцен.* Т. XVIII. С. 122–170). Высоко оценивая сатирическую направленность «Мертвых душ», радикальная критика порою упрекала автора в «тесноте горизонта» (выражение Чернышев-

ского), в том, что он не видел связи, например, «между невежеством и организацией различных гражданских отношений» (Сочинения и письма Н.В. Гоголя. Издание П.А. Кулиша. Шесть томов. СПб., 1857 // *Совр.* 1857. Т. 94. № 8. Отд. III. С. 92; без подписи; см. то же: *Чернышевский*. Т. 4. С. 633, 632), т.е. не поднимался до уровня революционно-демократических социальных концепций. Крайностью этой точки зрения явилось утверждение Н.В. Шелгунова, что «Мертвые души» утратили отношение к «современности» и имеют только «историческое значение» (*Шелгунов Н.* Талантливая бесталанность («Обрыв». Роман И.А. Гончарова. 1869 г.) // *Дело*. 1869. № 8. С. 31; см. то же: *Шелгунов Н.В.* Литературная критика. Л., 1974. С. 241).

Предметом внимания критики 1850-х и последующих годов стали различные аспекты художественной манеры «Мертвых душ». Аполлон Григорьев отметил отсутствие в поэме (и в гоголевском творчестве в целом) «грандиозности и обаятельности зла»: «...эффектнее, конечно, вообразить себя Ловласом, чем Собачкиным, — скупым рыцарем, чем Плюшкиным...» (*Григорьев А.* Русская изящная литература в 1852 г. // *Москв.* 1853. Т. 1. № 1. Отд. V. С. 2; см. то же: *Григорьев А.* 1967. С. 42). Ф.М. Достоевский многократно отмечал тонкость гоголевской характерологии и отсутствие какой-либо нарочитости и эффектов: «От этого художнику средней руки, не Гоголю, ни за что бы не удался портрет Павла Ивановича, человека с приятными манерами, с ловкостью почти военного человека, безо всяких резкостей в характере и в поступках. Александр Дюма за такие портреты не берется»; «...Манилов с Чичиковым в своих сладостях только раз договорились до “именин сердца”» (Выставка в Академии художеств за 1860–61 год // *Время*. 1861. № 10. Отд. II. С. 160–161; без подписи; см. то же: *Достоевский*. Т. 19. С. 162–163). Льва Толстого привлекала жанровая оригинальность произведения, в которой он видел отражение общей тенденции развития русской литературы: «Начиная от Мертвых Душ Гоголя и до Мертвого Дома Достоевского, в новом периоде русской литературы нет ни одного художественного прозаического произведения, немного выходящего из посредственности, которое бы вполне укладывалось в форму романа, поэмы или повести» (*Толстой Л.Н.* Несколько слов по поводу книги «Война и мир» // *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. Юбилейное издание: В 90 т. 1828–1928. Серия первая: Произведения. Т. 16. М., 1955. С. 7). Впоследствии Толстой вернулся к этой мысли в разговоре с А.Б. Гольденвейзером: «Я думаю, что каждый большой художник должен создавать и свои формы. (...) ...возьмем “Мертвые души” Гоголя. Что это? Ни роман, ни повесть. Нечто совершенно оригинальное» (*Гольденвейзер А.Б.* Вблизи Толстого. [М.], 1959. С. 116; см. также: *Лепилкина О.И.* Л.Н. Толстой о Н.В. Гоголе // *Н.В. Гоголь и русская*

литература XIX века: Межвузовский сборник научных трудов. Л., 1989. С. 71–80).

Тезис о «серединности» гоголевской характерологии получил впоследствии разнообразное развитие. «Именно эта серединность во всех смыслах, — писал о Чичикове В.Г. Короленко, — эта приятная округлость форм и манер, это отсутствие углов не только в фигуре, но и в ⟨...⟩ глубинах совести, — являлась самой характерной чертой всего облика» (Короленко В. Трагедия писателя (Несколько мыслей о Гоголе) // Русское богатство. 1909. № 5. Отд. II. С. 171). «Серединность» таит в себе возможность поражающего действия: этот «средний по тогдашнему времени калибр Чичикова есть, быть может, самая страшная черта “Портрета” тогдашней России, самое решительное ее осуждение» (там же, с. 172; см. также: Короленко В.Г. Трагедия великого юмориста (Несколько мыслей о Гоголе) // Н.В. Гоголь в русской критике: Сб. ст. М., 1953. С. 579–580). О характерном для «Мертвых душ» аспекте серединности со своих позиций писал и Мережковский, сопоставляя Чичикова с Хлестаковым: «Они — два полюса единой силы; они — братья-близнецы, дети русского среднего сословия и русского XIX века, самого срединного, буржуазного из всех веков. И сущность обоих — вечная середина, “ни то, ни се” — совершенная пошлость. ⟨...⟩ Это ⟨...⟩ два современных русские лица, две ипостаси вечного и всемирного зла — чорта». Серединность ведет к эмоциональной и нравственной нивелировке: «Вместо блаженства — благополучие, вместо благородства — благоприличие, то есть внешняя, условная добродетель, ибо для Чичикова, как для истинного позитивиста, нет ни в добре, ни во зле ничего безусловного» (Мережковский Д.С. Судьба Гоголя // Новый путь. 1903. № 1. С. 54, 59; см. также: Мережковский Д.С. Гоголь и черт (Исследование) // В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет. М., 1991. С. 227–228; 231). Позднее точку зрения Мережковского оспорил Зеньковский, при этом объективно он продолжил и заострил мысль Мережковского об аморальности и, следовательно, безрелигиозности гоголевских персонажей: «Едва ли можно свести пошлость к “банальности”, “заурядности”, “серости”, “серединности”... ⟨...⟩ явление пошлости относится к сфере эстетической оценки... ⟨...⟩ Пошлость есть трагический знак опустошения человеческих душ, через обольщение богатством, честолюбием, властолюбием, через расслабление души в пустой сентиментальности (Манилов), в страсти скупости (Плюшкин), в медвежьей сжатости души, грубой и жесткой (Собакевич)» (Зеньковский В. Н.В. Гоголь. Париж, [1961]. С. 53, 59; см. более ранний вариант: Зеньковский В.В. Н.В. Гоголь в его религиозных исканиях // Христианская мысль. 1916. № 7–8. С. 14–15).

Важную роль в концепции поэмы играет, по Зеньковскому, идея «обольщения богатством»: «...это есть основной и самый трудный во-

прос всей темы религиозного преобразования культуры», потому что «на пути религиозной культуры стоит именно “обольщение богатством”, извращающее весь смысл хозяйственной активности». При этом капитализм — только один эпизод такого «обольщения». Гоголь — страстный поборник исправления всего строя человеческих связей и отношений, «т.е. переработки проблем культуры в свете Православия, его учения о свободе, о соборности» (*Зеньковский В. Н.В. Гоголь. Париж, [1861]. С. 42, 28*).

«Главную идею» гоголевской поэмы в сжатом виде сформулировал И.А. Ильин: «Живущее по-обывательски так называемое христианское человечество зашло в тупик, но этого не видит и не понимает — и увязает в болоте. Тупик заключается в том, что люди, предаваясь своему естественному эгоизму, *теряют божественное измерение жизни и предметов* и превращаются в мертвые души (...) На этом пути люди двухмерного бытия, рафинированные мудрецы эгоизма, оказываются во власти смерти всю свою жизнь. (...) Очищение дается через нужду, несчастье, страдание и аскезу. Это и есть центральная, осмысляющая идея Гоголя в “Мертвых душах”» (*Ильин И.А. Гоголь, великий сатирик, романтик и философ жизни (лекция, прочитанная 13 марта 1944 г. в Цюрихе)*; цит. по кн.: *Полторацкий Н. Иван Александрович Ильин: Жизнь, труды, мировоззрение: Сб. ст. Tenaflay (N. J.), 1989. С. 89–90*).

Упомянутые сочинения Мережковского, Зеньковского, Ильина, а также Мочульского (*Мочульский К. Духовный путь Гоголя. Paris, 1934*) и других представляют характерную для конца XIX — первой половины XX в. тенденцию религиозно-философской интерпретации произведений Гоголя и в частности его поэмы, хотя наметилась эта тенденция еще при жизни писателя. Так, архимандрит Феодор (А.М. Бухарев) считал, что в творческой истории «Мертвых душ» запечатлелось «внутреннее Христианское (оно же и общечеловеческое) очищение и совершение...» (Три письма к Н.В. Гоголю, писанные в 1848 году. СПб., 1860. С. 62; см. также: *Феодор (Бухарев А.М.), архим. О духовных потребностях жизни. М., 1991. С. 300*). По словам А.С. Бухаревой, незадолго перед смертью (1871) архимандрит Феодор «пожелал перечитать оба тома “Мертвых душ”», что «успокоительно действовало на него», и он «все говорил про Гоголя: “Это священник!”» (*Бухарева А.С. Воспоминания // Архимандрит Феодор (А.М. Бухарев): pro et contra: Личность и творчество архимандрита Феодора (Бухарева) в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология. СПб., 1997. С. 384*).

В истории интерпретации произведения весьма влиятельной оказалась концепция В.В. Розанова, согласно которой уже название поэмы раскрывает «великую тайну» творчества писателя в целом: «Он был гениальный живописец внешних форм, и изображению их (...) придавал каким-то волшебством такую жизненность, почти скульптурность, что

никто не заметил, как за этими формами ничего в сущности не скрывается, нет никакой души...» (*Розанов В.* Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. Опыт критического комментария. СПб., 1894. С. 14; см. то же: *Розанов В.В.* Мысли о литературе. М., 1989. С. 50). Развитие этих идей см. в приложенной к изданию 1894 г. (с. 176—187) статье «Несколько слов о Гоголе» (впервые опублик.: *МВед.* 1891. 15 февраля. № 46; в 3-м изд. «Легенды о Великом инквизиторе...» — под названием «Пушкин и Гоголь»; см. то же: *Розанов В.В.* Мысли о литературе. С. 158—166). Вывод Розанова способствовал формированию двух оппозиций (намеченных и в розановских работах): «Гоголь и Пушкин» и «Гоголь и Достоевский», причем критерием противопоставления служит наличие (или отсутствие) у персонажей «души», т.е. самосознания, чувства собственного достоинства, «амбиции» и т.д. Например, у В. Иванова: «...мне представляются Достоевский и Гоголь полярно противоположными: у одного лики без души, у другого — лики душ...» (*Иванов В.* Борозды и межи: Опыт эстетические и критические. М., 1916. С. 17; о характере восприятия Гоголя Розановым см. также: *Ерофеев В.В.* Розанов против Гоголя // *Ерофеев В.В.* В лабиринте проклятых вопросов. М., 1990. С. 102—137; *Синявский А.Д.* «Опавшие листья» Василия Васильевича Розанова. М., 1999. С. 286—297; *Кулишкина О.Н.* Розанов о Гоголе: содержание VS форма // *Феномен Гоголя 2011.* С. 657—666).

Против односторонности концепции Розанова выступил А.К. Воронский, отметивший сложность любого из персонажей «Мертвых душ»: «Все двойное в поэме. Безжизненные, окаменевшие души. Но в каждом пусть еле-еле, но все же теплится что-то человеческое»; «Двойная Русь, двойной город» (книга Воронского должна была выйти в 1934 г. в серии «Жизнь замечательных людей», но автор был репрессирован и издание не состоялось. В полном виде опубликовано значительно позже: *Воронский А.* Гоголь. М., 2009. Гл. «Мертвые души». С. 240—280, цитаты на с. 259, 261).

Вместе с тем концепция Розанова заключала в себе мощный стимул для изучения гоголевского стиля, в частности «Мертвых душ». По определению В.В. Виноградова, Розанов наметил три особенности этого стиля: 1. «гротескный характер, состоящий в перебое комическо-повествовательной речи» патетической декламацией; 2. «восковая» символика портрета, «выпячивающего одну черту»; 3. «моторные образы в описании nature morte и вообще вещей» (*Виноградов В.В.* Избранные труды: Поэтика русской литературы. М., 1976. С. 193; об эволюции взглядов самого Розанова на Гоголя см.: *Бочаров С.Г.* Пути гоголевской критики // *Гоголь в русской критике: Антология / Сост. С.Г. Бочаров.* М., 2008. С. 7—9).

В последней четверти XIX в. усиливался интерес к сравнительно-историческому аспекту изучения «Мертвых душ», наиболее полно отразившемуся в монографии Ал.Н. Веселовского «Западное влияние в новой русской литературе» (ВЕ. 1881. № 11; 1882. № 1, 3, 5; отд. изд.: М., 1883; доп. 5-е изд.: М., 1916). Сравнительно-историческое изучение продолжено в работах советского времени, в частности А.А. Елистратовой, В. Багно и др. (названия см. ниже). Позднее, в первой четверти XX в., под влиянием Фрейда возникает опыт психоаналитического истолкования произведений Гоголя и в том числе «Мертвых душ», представленный прежде всего монографией И.Д. Ермакова «Очерки по анализу творчества Н.В. Гоголя (Органичность произведений Гоголя)» (М.; Пг., [1923]). Не довольствуясь выдвинутым ранее общим определением болезни Гоголя («прогенерация» или «циркулярный, или круговой психоз» — см. в частности: *Баженов Н.Н.* Болезнь и смерть Гоголя: Публичное чтение в годичном заседании Московского общества невропатологов и психиатров. М., 1902), Ермаков стремится свести особенности его мировидения и поэтики к конкретным комплексам: комплексу отца, половому влечению («освободиться и летать — символ сексуальной силы и соответствующего акта» — *Ермаков И.Д.* Очерки по анализу творчества Н.В. Гоголя. Указ. соч. С. 27) и т.д. (о влиянии взглядов Ермакова на зарубежное гоголеведение см.: *Наст. изд. Т. 1. С. 661*). Метод психопатологического объяснения применялся и к отдельным персонажам поэмы (*Чиж В.Ф.* Плюшкин как тип старческого слабоумия // *Врачебная газета.* 1902. № 10. С. 217—220; *Каплан Я.Ф.* Плюшкин и Старосветские помещики (По поводу статьи проф. В.Ф. Чижа «Значение болезни Плюшкина») // *Вопросы философии и психологии.* 1903. № 3. С. 599—646 и др. Об истории психопатологического и психоаналитического изучения Гоголя см.: *Сироткина И.* Классики и психиатры: Психиатрия в российской культуре конца XIX—начала XX века / Пер. с англ. автора. М., 2008. Гл. 1: Гоголь, моралисты и психиатры. С. 21—59).

В полемике с религиозно-философскими, формальными и другими концепциями складывалось социологическое истолкование поэмы, выразившееся в прямом выведении ее характерологии и художественного строя из социально-политической конъюнктуры. «Смеясь над героями Гоголя, мы смеемся не над пороками их личной индивидуальной психологии, а над пороком класса, сословия, из которого они вышли». Отсутствие в композиции — разумеется, мнимое отсутствие — «строгой связности» и «органического единства» отражают крепостное хозяйствование и быт: «...жизнь помещиц усадьбы в условиях натурально-крепостного хозяйства отличается крайней разобщенностью. <...> Между усадьбами нет меновых связей, нет прочного материального общения...» (*Переверзев В.Ф.* Творчество Гоголя. М., 1914. С. 208, 108, 111—112; см. также: *Переверзев В.Ф.* Гоголь. Достоевский: Исследования. М., 1982. С. 123,

82—83; одновременно Переверзевым были высказаны тонкие замечания, касающиеся некоторых особенностей стиля, например о роли «амплификации и умолчания» в обрисовке Манилова — *Переверзев В.Ф.* Указ. соч. С. 87—90). Влияние социологического метода испытал Вересаев, противопоставлявший «писателю-идеалисту» «писателя, проникнутого мирозерцанием диалектического материализма» (*Вересаев В.* Как работал Гоголь. М., 1932. С. 4), или утверждавший, что сцена с дядей Митяем и дядей Миняем изображена с точки зрения «барина-помещика» (там же, с. 72), а также в некоторой мере Андрей Белый, прослеживавший эволюцию писателя от ранних повестей к «Мертвым душам»: если в «Страшной мести» живописуется гибель рода, то в поэме «внимание перенесено с рода на класс», предстает «неблагополучие класса», «ощущение гибели второго сословия» (*Белый 1934.* С. 104—105; последнее переиздание книги: М., 2011). Против узости классового подхода еще ранее восставал Бердяев: «Мертвые души не имеют обязательной и неразрывной связи с крепостным бытом...»; и сейчас, после всех реформ, Россия «полна мертвыми душами»; метод Гоголя — «своеобразный эксперимент», вскрывающий суть реальности; «он предваряет искусство А. Белого и Пикассо» (*Бердяев Н.* Духи русской революции. Б. м., б.г. С. 7, 9).

Бердяев близок к поэтологическому истолкованию «Мертвых душ», которое полнее всего, несмотря на некоторую дань вульгарному социологизму, воплотил Андрей Белый, поставивший перед собой задачу «показать процесс, обусловивший мастерство, на законах мастерства», обнаружить «печать лавы на магме» (*Белый 1934.* С. 114) и детально проследивший мельчайшие элементы структуры, вплоть до функционирования цветовой гаммы. Сжатый очерк поэтики произведения (наряду с характеристикой его источников, истории замысла, рецепции и т. д.) предложил и В.В. Гиппиус в книге «Гоголь» (Л., 1924) и позднее в монографии «Творческий путь Гоголя» (*Гиппиус В.В.* От Пушкина до Блока. М.; Л., 1966. С. 46—200). Всесторонний анализ художественного языка и стилистики произведений Гоголя, в том числе «Мертвых душ», содержится в работах В.В. Виноградова, который, развивая направления, намеченные Розановым (см. выше), детально разработал и другие аспекты стилистики: роль пародии (*Виноградов В.В.* Этюды о стиле Гоголя // Вопросы поэтики. Вып. VII. Л., 1926; включено в кн.: *Виноградов В.В.* Избранные труды: Поэтика русской литературы. М., 1976. С. 228—366; *Чудаков А.П.* Ранние работы В.В. Виноградова о поэтике русской литературы // Там же. С. 465—481), «сложные комбинации письменных, сказовых, ораторских форм монолога с диалогом» (*Виноградов В.В.* О теории художественной речи. М., 1971. С. 129) и др.

Особое внимание в новое время привлекало к себе гротескное начало поэмы как в общем ее построении, так и в деталях стилиевой организации (*Мандельштам И.Е.* О характере гоголевского стиля: Глава из истории русского литературного языка. Гельсингфорс, 1902; *Слонимский А.Л.* Техника комического у Гоголя. Пг., 1923). Близок к этому направлению и В. Набоков (*Nabokov V. Nikolai Gogol. Norfolk (Conn.), 1944*; рус. пер. впервые: Новый мир. 1987. № 4. С. 173–227; пер. с англ. Е. Голышевой), книга которого вызвала, в частности, отклик Г. Федотова. Рецензент видит значение работы в том, что она написана конгениальным художником, но считает, что его попытка отрицать «человечески-нравственное содержание Гоголя» обесмысливает искусство и судьбу автора «Мертвых душ», причем при анализе гоголевской поэмы сам Набоков «не может избавиться от внеэстетических, а именно религиозных категорий» («для него — а не для Гоголя только — Чичиков есть выходец из ада») (*Федотов Г. Nicolai Gogol by Vladimir Nabokov... // Новый журнал. 1944. № 9. С. 369–370*; см. также: *Федотов Г.* «Остается по-прежнему нераскрытым и загадочным...» // Литературная Россия. 1989. 31 марта. № 13 (1365). С. 21). Опыт анализа типологии «Мертвых душ» на фоне западноевропейской литературы предпринял Рудольф Касснер: Чичиков — это не продукт разложения революционной стихии, как его современники на Западе, поэтому в нем нет ни романтики, ни дара красноречия; Ноздрев будничен, это вовсе не «сатана лжи», однако без Ноздрева невозможно представить себе черта Ивана Карамазова (*Kassner R. Das neunzehnte Jahrhundert: Ausdruck und Grösse. Erlenbach; Zürich, 1947. S. 202, 207*). Специфику художественных приемов Гоголя, в частности в «Мертвых душах», исследует Д.И. Чижевский, полемизируя с представлением о «правдоподобии» и реалистичности его изображений: «Стилистика Гоголя не только не ставит себе такой задачи, но преследует задачу совершенно противоположную: изобразить невероятное и неправдоподобное» (*Чижевский Д.* Неизвестный Гоголь // Новый журнал. Нью-Йорк, 1951. С. 152). Этой цели служат «метафоры вниз», т.е. сравнения людей и вещей с объектами низшего слоя бытия — например, людей с животными. «Метафоры вниз» особенно часты в «Мертвых душах» (там же, с. 154; статья перепечатана в кн.: Н.В. Гоголь: Материалы и исследования. М., 1995. С. 199–229; *Врубель В.А.* Д.И. Чижевский и его статья «Неизвестный Гоголь» // Там же. С. 188–198; см. также: *Наенко М.К.* Творчество Гоголя в немецкоязычных работах Дмитрия Чижевского // *Феномен Гоголя 2011*. С. 803–810).

Помимо названных выше работ поэме Гоголя посвящены монографии или разделы в монографиях, в частности: *Гуковский Г.А.* Реализм Гоголя, М.; Л., 1959. (Гл. V: «Мертвые души». С. 473–530); *Машинский С.* «Мертвые души» Н.В. Гоголя. М., 1966; *Золотусский И.*

Гоголь. М., 1979. Ч. IV: Странник. Гл. 2: Мертвые души. С. 235–258; 7-е изд.: М., 2009; *Кривонос В.Ш.* «Мертвые души» Гоголя и становление новой русской прозы: Проблемы повествования. Воронеж, 1985; *Он же.* «Мертвые души» Гоголя: Пространство смысла. Самара, 2012; *Лотман Ю.М.* Пушкин и «Повесть о капитане Копейкине»: К истории замысла и композиции «Мертвых душ» // *Лотман Ю.М.* В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь: Книга для учителя. М., 1988. С. 235–251 (см. также: *Киченко А.С.* Творчество Гоголя в наследии Ю.М. Лотмана: Проблемы семиотической интерпретации // *Феномен Гоголя 2011.* С. 811–820); *Багно В.Е.* Дорогами «Дон Кихота». М., 1988. С. 337–345; *Гольденберг А.Х.* «Мертвые души» Н.В. Гоголя и традиции народной культуры. Волгоград, 1991; *Он же.* Архетипы в поэтике Н.В. Гоголя: Монография. Волгоград, 2007; 2-е изд.: М., 2012; *Гончаров С.А.* Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте. СПб., 1997. Гл. III: Категория «мертвой души» и учительная риторика. С. 179–219; *Кожин В.В.* Разгул широкой жизни. «Мертвые души» Н.В. Гоголя // *Кожин В.В.* Победы и беды России. М., 2002. С. 159–177; *Воропаев В.А.* Гоголь над страницами духовных книг. М., 2002; *Манн Ю.* Поэтика Гоголя. М., 1978 (новейшее переиздание в кн.: *Манн Ю.* Творчество Гоголя: Смысл и форма. СПб., 2007); *Звиняцковский В.* Побеждающий страх смехом: Опыт реставрации собственного мифа Николая Гоголя. Киев, 2010.

Отдельным аспектам поэтики «Мертвых душ» посвящены работы: *Дмитриева Е.Е.* Сад Плюшкина, Сад Гоголя // Поэтика русской литературы: К 70-летию проф. Ю.В. Манна: Сб. ст. М., 2001. С. 148–160; *Она же.* Н.В. Гоголь в западноевропейском контексте: между языками и культурами. М., 2011; *Сазонова Л.И.* Литературная аналогия гоголевской птицы-тройки // Поэтика русской литературы: К 70-летию проф. Ю.В. Манна: Сб. ст. М., 2001. С. 161–183; *Раскольников Ф.* «Нечто совершенно оригинальное»: к вопросу о жанре поэмы Гоголя «Мертвые души» // *Раскольников Ф.* Статьи о русской литературе. М., 2002. С. 187–214; *Акимова Н.Н.* Счастье или богатство? Об одном полемическом отклике на поэму Гоголя «Мертвые души» // *Гоголевский сборник.* Вып. 2 (4). СПб.; Самара, 2005. С. 180–199; *Цуркан А.* Роль мотива воспоминаний в «Мертвых душах»: К проблеме гоголевского психологизма // Поэтика русской литературы: Сб. ст. к 75-летию проф. Ю.В. Манна. М., 2006. С. 207–219; *Лучников М.Ю.* Спор о «Мертвых душах» в свете исторической поэтики: О читательских стратегиях восприятия поэмы ее современниками // Там же. С. 220–239; *Соколов Б.* «Мертвые души»: плач по человечеству или надежда на возрождение // *Соколов Б.* Расшифрованный Гоголь: Вий. Тарас Бульба. Ревизор. Мертвые души. М., 2007. С. 209–247; *Горбунов А.Н.* Кривые дороги: Чосер и Гоголь (200-летию памяти Гоголя посвящается) //

Государство, религия, церковь в России и за рубежом. № 1. М., 2009. С. 207–216; *Кривонос В.Ш.* Городской фольклор в «Мертвых душах» Гоголя // Н.В. Гоголь: Материалы и исследования. Вып. 2. М., 2009. С. 357–373; *Зайцева И.А.* Два объяснения с читателем: «Герой нашего времени» и «Мертвые души» // Поэтика русской литературы: К 80-летию проф. Ю.В. Манна: Сб. ст. М., 2009. С. 420–429; *Кривонос В.Ш.* «В некотором роде целая поэма»: «Повесть о Капитане Копейкине» как самопародия // Там же. С. 393–403; *Мацапура В.И.* Н.В. Гоголь: художественный мир сквозь призму поэтики. Полтава, 2009. С. 245–290; *Тамарченко Н.Д.* Гоголь и проблема метаромана: отражение жанровой структуры в повествовании и в сюжете «Мертвых душ» // Гоголевский сборник. Вып. 3(5). СПб.; Самара, 2009. С. 103–112; *Кривонос В.Ш.* «Мертвые души» Гоголя: Русь, Россия, Европа // Там же. С. 113–128; *Гурович Н.М.* Гротескный параллелизм в гоголевских портретах («Мертвые души») // Там же. С. 141–152; *Иваницкий А.И.* Морфология земли и власти. М., 2000; *Solivetti С., Марченков А.* Колесо и окоlesiца в поэме «Мертвые души» Гоголя: опыт герменевтической интерпретации символа // Гоголь и 20 век: Материалы международной конференции, организованной докторской программой ELTE «Русская литература и культура между Востоком и Западом». Budapest, 2010. С. 199–209; *Токарев Д.* Птица-тройка и парижское такси: «гоголевский текст» в романе «Аполлон Безобразов» Б. Поплавского // Там же. С. 231–239; *Печерская Т.И.* Комната Плюшкина: пространственно-семиотическая функция картин // Н.В. Гоголь и русская литература. К 200-летию со дня рождения великого писателя: Девятые Гоголевские чтения. М., 2010. С. 215–221; *Хомук Н.В.* Тело и телесность в «Мертвых душах» Н.В. Гоголя // Н.В. Гоголь и славянский мир (русская и украинская рецепции). Вып. 3. Томск, 2010. С. 210–256; *Виноградская Н.Л.* «...Выше всякой грамматики» (из истории второго издания «Мертвых душ») // *Феномен Гоголя 2011*. С. 553–558; *Зайцева И.А.* «Немногие исключения» (о некоторых особенностях черновых автографов «Мертвых душ») // Там же. С. 543–552; *Гольденберг А.Х.* Архетипические сюжеты в экфрасисе Гоголя // Там же. С. 494–508; *Кривонос В.Ш.* Символическое пространство в «Мертвых душах» Гоголя // Там же. С. 483–493; *Де Лотто Ч.* Заметки о танатологии Гоголя // Там же. С. 509–519; *Страно Д.* Герой и антигерой, роман и антироман (по поводу XI главы «Мертвых душ») // Там же. С. 520–531; *Кривонос В.Ш.* Символические (так. – Ред.) смыслы в «Мертвых душах» Гоголя // *Nel mondo di Gogol': В мире Гоголя*. Roma, 2012. С. 117–126; *Соливетти К.* Сплетня как геральдическая конструкция (Mise en abyme) в «Мертвых душах» // Там же. С. 196–216.

Ряд работ посвящен современному преподаванию «Мертвых душ» в школе, а также восприятию поэмы молодыми читателями (см.

в частности: *Айзерман Л. Павел Иванович Чичиков на рубеже веков // Айзерман Л. Сочинения о жизни и жизнь в сочинениях. М., 2012. С. 78–94).*

Библиографию изданий поэмы «Мертвые души» на русском и иностранных языках (1842–2002) см.: *Немировский Е.Л. Библиография «Мертвых душ» Н.В. Гоголя // Мир библиографии. 2003. № 6. С. 51–63. Библиографию отечественной и зарубежной литературы о «Мертвых душах» см. в изд.: «Мертвые души» Н.В. Гоголя: Указатель литературы: 1842–1942 / Сост. К.П. Богаевская // Philologica. 1998. Т. 5. № 11/13. С. 321–401; *Самойленко Г.В. Гоголь в XX веке: Европа, Средняя Азия и Закавказье: Тематико-библиографический указатель. Нежин, 2009. С. 126–143.**

* * *

Первая инсценировка «Мертвых душ» была сделана три месяца спустя после выхода первого тома поэмы. Цензурное разрешение на переделку для сцены получено 17 августа 1842 г. (см.: О разрешении к постановке пьесы NN «Сцены из новейшей поэмы “Мертвые души”» 17 августа 1842 г. — *РГИА. Ф. 780. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 60*). Суфлерский экземпляр инсценировки «Сцены из Новейшей поэмы “Мертвые души”» известного автора “Ревизора” Г-на Гоголя, составленные NN» с цензурным разрешением хранится в *ОР* и *РК СПб ГТБ*; шифр: *IV/3/55* (из пометки на полях, сделанной рукой суфлера, следует, что спектакль шел 45 минут). 9 сентября 1842 г. «Комические сцены из новой поэмы “Мертвые души” сочинения Гоголя (автора “Ревизора”), составленные Г.***» были играны в Александринском театре в бенефис режиссера театра Н.И. Куликова (*СПбВед.* 1842. 9 сентября. № 204. С. 892; *СПч.* 1842. 9 сентября. № 200. С. 800) вместе с другими пьесами: в афише бенефиса, «которая своею огромностью, разнообразием и затейливостью обещала неслыханное удовольствие любителям театра», значились «и *Русская удаль*, и *Китайская храбрость*, и *Гамма страстей*, и *Майор bon-vivant*, и *Театральный ламповщик*, и *Мертвые души* (само собою разумеется, с пляскою в присядку), и пр., пр., всего не перечтешь. (...) несмотря на тройную цену, накануне нельзя было достать билета» (*Репертуар русского и Пантеон всех европейских театров. 1842. Кн. XIX. Разд. III. «Театральная хроника». С. 18; без подписи*). Автором переделки, скрывшимся под звездочками, был сам бенефициант (см.: *Данилов 1936. С. 157*).

Инсценировка поэмы состояла из двух сцен. В первой, происходившей в доме полицмейстера и основанной на тексте глав IX и X поэмы, гоголевские персонажи еще только говорили о Чичикове (его планах скупки мертвых душ, похищения губернаторской дочери, здесь же рассказывалась история капитана Копейкина). Сам Чичиков появлялся

лишь во второй сцене, сюжетным центром которой стала его встреча с Ноздревым и поспешный отъезд из города; соответственно во второй сцене использовался материал глав X, XI и отчасти IV главы поэмы. Подобная драматургия была рассчитана на сценический эффект, что обличало в авторе инсценировки «опытного драматурга-ремесленника» (Данилов 1936. С. 159). Действующим лицам были даны другие имена и фамилии (Антон Васильевич Сысоев, Полицмейстер; Иван Андреич Дробяжкин, Почтмейстер; Пантелей Миронович Медведев, Председатель палаты; Иван Иванович Завалишин, Инспектор Врачебной Управы; Иван Семеныч Собакевич, помещик; Александр Петрович Ноздрев, помещик); некоторые имена были заимствованы из «Ревизора». В целом инсценировка представляла собой картину нравов в сатирической традиции «Недоросля», «Ябеды», «Горя от ума» и «Ревизора». Вместе с тем в пьесе наблюдалось и последовательное «смещение “Мертвых душ” в плоскость представлений водевильного характера...» (Данилов 1936. С. 158). В позднейшем исследовании, основанном на тщательном анализе текста пьесы, отмечается стремление Куликова ограничить «драматургический произвол» (характерный для инсценировок того времени) и по-своему «прислушаться к творческой логике создателя “Мертвых душ”» (Романова 1997. С. 120).

Спектакль, в котором были заняты крупнейшие актеры (Чичикова играл В.В. Самойлов, Ноздрева — А.М. Максимов, почтмейстера — А.Е. Мартынов, Софью Ивановну — Е.Я. Сосницкая), в 1842 г. выдержал семь представлений на сцене Александринского театра, последнее — 4 ноября 1842 г. (ИРДТ. Т. 3. С. 82, 276; Альтшуллер А.Я. Театр прославленных мастеров: Очерки истории александринской сцены. Л., 1968. С. 51; Альбом).

В целом критика и зрители приняли спектакль отрицательно. При том, что «Мертвые души» были отнесены «к главным пьесам» бенефисного спектакля, завлекшим публику в театр, отмечалось, что они обманули ее ожидания: «Мертвые Души — сцены из поэмы Гоголя, точно представляли нам мертвых душ: от актеров веяло мертвецами, в них не было никакой жизни. Даже сам Мартынов рассказом о Капитане Копейкине не только не сорвал улыбки с уст публики, но чуть не усыпил ее. Что же после того Г-да Толченев 1-й, Прусаков с компаниею? Да они были настоящими живыми мертвецами! Отчего же произошло это? Не доказывает ли это, что в поэме Гоголя нет жизни? Ничуть не бывало, и кто в этом может сомневаться? Это доказывает только, что не все, производящее смех в чтении, может производить то же действие на зрителей со сцены; это доказывает только то, что выписанные из книги разговоры и произнесенные актерами не будут драматическою пьесою...» (Репертуар русского и Пантеон всех европейских театров. 1842. Кн. XIX. Разд. III. «Театральная хроника». С. 18; без подписи). Критика прозвучала и в

адрес оформления спектакля: «На Чичикове надето пальто последнего покроя, между тем, как действие поэмы далеко не в 1842-м году! Петрушка (слуга его) едет в дорогу, а одет в ливрею с галунами! Собакевич в белой шляпе, которые нынешним летом были в моде в Петербурге! Неужели не нашлось какого-нибудь картуза, любимого головного убора степных помещиков?» (там же, с. 19).

«Все это было сыграно дурно, небрежно, оскорбительно для Гоголя...», — писала «Северная пчела» (СПч. 1842. 21 сентября. № 210. С. 839; рубрика «Александринский театр», подпись: В.М.). Рецензент «Литературной газеты» отмечал: «Сцены из Гоголя — на сцене как бы сказать... и сказать почти нечего. О Гоголе — здесь говорить не место: о составителе не стоит говорить; скажем только, что гг. Мартынов и особенно Максимов были прекрасны. Сам Гоголь был бы ими доволен» (ЛГ. 1842. 20 сентября. № 37. С. 766; рубрика «Александринский театр», без подписи). Разгромную рецензию на бенефис Куликова опубликовал анонимно В.Г. Белинский. «Какой-то г. Г*** вырвал несколько разговоров из “Мертвых душ”, перемешал и перебил их, связав своими вставками, которые хотя и состоят из нескольких только фраз, но от взятого целиком у Гоголя отличаются, как глиняный нос, рукою горшечника наклепанный на лицо мраморной статуи древнего художника. Всё это таинственный г. Г*** назвал “Комическими сценами из новой поэмы ‘Мертвые души’” и смело отдал свое литературное похищение, нелепо и пошло совершенное, г-ну Куликову, который и поставил на сцену Александринского театра эти куски, без начала, середины и конца, а потому и без значения и смысла. Такого рода явления возмущают душу... Мы знаем наверное, что Гоголь никому (а тем более какому-то г. Г***) не давал права на такое позорное искажение своей поэмы, писанной совсем не для театра, а потому и не имеющей на театре никакого смысла» (Русский театр в Петербурге // ОЗ. 1842. Т. XXIV. № 10. Отд. VIII. С. 124–125; без подписи; см. то же: Белинский. Т. VI. С. 398 — цитируется по этому изданию). Ср. более поздний отзыв о спектакле: «...как такой гвалт мнений и толков заронил в кого-то недобрую мысль сделать из поэмы комедию “Мертвые души”. Пьеса дана была в Москве, помнится, в бенефис тамошнего актера, г. Самарина, и оттуда, по шоссе, пожаловала на Александринскую сцену, где тоже представлена в чей-то бенефис, играна потом раза три или четыре, и наконец забыта, к немалому утешению всех, уважающих талант автора поэмы» (Репертуар и Пантеон. 1843. Кн. 6. Раздел V. «Критика». С. 93–94; без подписи). Последовательность премьерных спектаклей рецензентом перепутана — в Москве инсценировка Куликова была впервые сыграна двумя днями позднее, чем в Петербурге, — 11 сентября, в Большом театре, в бенефис Самарина; Чичикова играл Немчинов, почтмейстера — М.С. Щепкин, Ноздрева — В.И. Живокини (МВед. 1842. 5 сентября. № 71. С. 530,

с полным перечнем действующих лиц и исполнителей). В 1842 г. на московской сцене спектакль был представлен еще один раз — 17 сентября в Малом театре (*МВед.* 1842. 16 сентября. № 74. С. 554; см. так же: *ИРДТ.* Т. 3. С. 276). Сам Гоголь инсценировкой был возмущен: «До меня дошли слухи, что из Мертвых душ таскают целыми страницами на театр. Я едва мог верить. Ни в одном просвещенном государстве не водится, чтобы кто осмелился, не испрося позволения у автора, перетаскивать его сочинения на сцену. (А я тысячи имею, как нарочно, причин не желать, чтобы из Мертвых <душ> что-либо было переведено на сцену.) Сделайте милость, постарайтесь как-нибудь увидиться с Гедеоновым и объясните ему, что я не давал никакого позволения этому корсару, которого я не знаю даже и имени. Это очень нужно сделать, потому что в выходящем издании моих сочинений есть несколько драматических отрывков, которые как раз могут очутиться на сцене, тогда как на них законное право имеет один только Щепкин. (...) Ради Бога вступитесь за это дело. Оно слишком близко моему сердцу» (письмо Плетневу от 16(28) ноября 1842, Рим). Плетнев обратился к директору Санкт-Петербургских театров А.М. Гедеонову, который в письме от 11 декабря 1842 г. обещал ему не допускать впредь на сцену «никакой пьесы, в которую бы входило что-либо из сочинений господина Гоголя без письменного его согласия» (*Грот К. К* материалам о Гоголе // *Литературный вестник.* 1902. Т. IV. Кн. 5. С. 24; см. также: *Данилов 1936.* С. 162; *Данилов 1936а.* С. 439). Ср. также в письме Гоголя Н.Я. Прокоповичу: «Насчет разных корсарств в мои владения, о которых, признаюсь, мне неприятнее всего было слышать, я пишу письмо к Плетневу, чтобы он переговорил лично с Гедеоновым обо всем этом. А между тем объяви всем и распространи слух, что я слишком задет наглостью переделывателя и намерен искать законным порядком на него управы, что уже, дескать, сочиняю закатистую просьбу к какому-то важному лицу. Это несколько устроит заблаговременно охотников» (письмо от 14 (26) ноября 1842 г., Рим).

Несмотря на противодействия Гоголя, инсценировка Куликова эпизодически возобновлялась и в последующие годы: в Москве в Малом театре в мае 1844 г. (*МВед.* 1844. 27 мая. № 64. С. 416), в декабре 1846 г. (*МВед.* 1846. 12 декабря. № 149. С. 1028) и в Петербурге — в январе 1852 г. (*ИРДТ.* Т. 3. С. 276; Т. 4. С. 350).

Почти одновременно с бенефисом Куликова две сцены из поэмы «Мертвые души» (приезд Чичикова к Собакевичу и Плюшкину) были инсценированы лицеистами Царскосельского лицея и разыграны под руководством И.И. Сосницкого в любительском спектакле на лицейский день 19 октября 1842 г. вместе с комедией А.А. Шаховского «Ссора, или Два соседа». Ф.В. Булгарин в «Северной пчеле» с похвалой отозвался о самой инсценировке и об исполнителях главных ролей («...играли отлично»), особо отметив Н. Данилевского в роли Собакевича и А. Бегера

в роли Плюшкина: «Я даже не имею понятия, чтоб можно было лучше сыграть роль скупца, как сыграл А. Бегер!» (СПч. 1842. 24 октября. № 238. С. 949–950; рубрика «Смесь. Журнальная всякая всячина»; без подписи; см. также: *Кобеко Д.* Императорский Царскосельский лицей. Наставники и питомцы. 1811–1843. СПб., 1911. Т. 1. С. 447–451; *Салтыков в Лицее / Сообщ. М. Калаушина // Литературное наследство. Т. 13–14. М., 1934. С. 478; Данилов 1936. С. 315*). Имеются также свидетельства, что с чтением «Повести о капитане Копейкине» в 1843 г. на литературно-художественных вечерах, организованных М. Щепкиным в одном из частных московских домов, с успехом выступал Пров Садовской (*Ригельман. Вечера для чтения // Москв. 1843. Ч. III. № 5. С. 297*; см. также: *Данилов 1936а. С. 457*), а 8 августа 1851 г. (на концерте в Красносельском военном театре) — А.Е. Мартынов: «...прочел прекрасно...» (*Нестанов П. Вечер 4 июля в лагере при с. Красном // Москв. 1851. № 18. Отд. «Внутренние известия». С. 118*).

В театральном сезоне 1855/56 г. спектакль «Мертвые души» (автор инсценировки не известен) был сыгран русской труппой Тифлисского театра (см.: *Письма старого театрала о Тифлисском театре. V. Минувший сезон // Кавказ. 1856. 8 апреля. № 29. С. 114*; подпись: Z; Театр в Тифлисе с 1845–1856 год. Тифлис, 1888. С. 178).

Уже после смерти Гоголя, во второй половине 1850-х гг., появляются две новых инсценировки поэмы. 12 декабря 1855 г. в Александринском театре были сыграны в бенефис П.И. Григорьева «Похождения Павла Ивановича Чичикова — оригинальные сцены в трех картинах, составленные из второго тома “Мертвых душ” соч. Н. Гоголя П.И. Григорьевым» (см. подробнее: *Наст. изд. Т. 8*). 13 января 1858 г. в «бенефис г-на Иванова» в Киеве в первый раз «представлено было пять картин: из поэмы: “Мертвые души или похождения Чичикова”, переделанные гр. Соллогубом» (*Театральный и музыкальный вестник. 1858. 6 марта. № 11. Разд. «Киевская корреспонденция». С. 128*). Как сообщалось в рецензии, упор в инсценировке был сделан на Чичикове — приобретателе и плуте (актер Славский). Манилова играл Арнольд, Манилову — Полева, в роли Ноздрева выступил сам бенефициант Иванов. В последней картине Иванов прочитал «Повесть о капитане Копейкине». В заключение «дан был “Вечер на хуторе близ Диканьки”» (там же, с. 129–130).

Следующая инсценировка «Мертвых душ» была сделана в 1877 г. П.Я. Рябовым (под псевдонимом Красильников). Оpubл.: *Мертвые души. Сцены в 5 картинах. Составлены из поэмы Н.В. Гоголя Красильниковым (Рябовым П.Я.). Литограф. изд. М., 1877.* Действие инсценировки начиналось в доме Коробочки и шло вначале по тексту главы III «Мертвых душ». В дальнейшем гоголевский порядок появления персонажей менялся: после Коробочки Чичиков оказывался у Собакевича, за-

тем — в третьей картине, построенной на материалах главы VI поэмы, — у Плюшкина; в четвертой картине воспроизводилась сцена с Ноздревым. Пятая картина включала сцены в городе (разговор двух дам, сплетни о Чичикове), завершавшиеся известием о приезде нового губернатора и общим оцепенением, что вновь, как и в пьесе Куликова, сближало новую инсценировку с «Ревизором», делая ее не только «импровизацией на тему» гоголевской комедии, но еще и «произведением, развивающим темы “Ревизора”» (Романова 1997. С. 125). В рецензии на премьерный спектакль (26 августа 1877 г. в Малом театре, в бенефис Рябова) отмечалось: «Пьесы (...) нет; вместо нее ряд сцен, эпизодов, драматизированных картин...» (Театральная газета. 1877. 31 августа. № 77. С. 238; рубрика «Малый театр», подпись: Б.). Пьеса игралась в Москве еще девять раз в августе-декабре 1877 г. (ИРДТ. Т. 5. С. 472). Через короткое время, 14 октября 1877 г., инсценировка «Мертвых душ» была представлена в Александринском театре, в бенефис С.Я. Марковецкого. Постановка получила негативную оценку: «Дикая идея переделывать “Мертвые души” для сцены кончилась в Петербурге такой же неудачей, как в Москве» (Переделка «Мертвых душ» на Петербургской сцене // Театральная газета. 1877. 21 октября. № 124. С. 429; без подписи; с уведомлением о том, что автор «переделки» остался неизвестным). В октябре-ноябре 1877 г. спектакль прошел еще четыре раза (ИРДТ. Т. 5. С. 472). В ряде источников данная инсценировка фигурирует как принадлежащая П.А. Каратыгину (ЕИТ. Сезон 1892—1893 гг. СПб., 1894. С. 134—136; ЕИТ. Сезон 1893—1894 гг. СПб., 1895. С. 126—127; см. также: Данилов 1936а. С. 465), что, как отмечается в предисловии к «репертуарной сводке» в «Истории русского драматического театра», является ошибкой (ИРДТ. Т. 5. С. 412). В ходе подготовки этой «репертуарной сводки» было установлено, что сохранившиеся рукописные тексты московского и петербургского спектаклей 1877 г. (в библиотеке Малого театра и в ОР и РК СПб ГТБ) «идентичны и соответствуют литографированному изданию», указанному выше (М., 1877); таким образом, инсценировка «Мертвых душ» 1877 г. была сделана артистом Малого театра П.Я. Рябовым для его бенефиса в Москве, а затем поставлена в Петербурге (ИРДТ. Т. 5. С. 412). Об использовании инсценировки Рябова (Красильникова) в спектакле, сыгранном в драматическом театре г-жи Абрамовой (М.М. Абрамовой) 4 января 1890 г., см.: МВед. 1890. 8 января. № 8. С. 3—4; рубрика «Театральная хроника», подпись: С. Васильев; ИРДТ. Т. 6. С. 555.

В 1889 г. (15 апреля) на утреннем спектакле, сыгранном в Александринском театре в пользу фонда на сооружение памятника Гоголю, была представлена еще одна инсценировка «Мертвых душ», выполненная А. Потехиным (опубл. позднее: Гоголь Н.В. Мертвые души. Ч. 1. Сцены в 6 картинах. (Перераб. из поэмы Н.В. Гоголя). А. Потехин.

М., 1894). Действие пьесы начиналось в доме Манилова, переходило затем в усадьбу Коробочки, Собакевича, четвертая сцена происходила у Плюшкина, пятая — в трактире, шестая — у «дебошира» Ноздрева, причем все действие завершалось его арестом (описание инсценировки см.: *ЕИТ*. Сезон 1893—1894 гг. СПб., 1995. С. 127; анализ инсценировки см.: *Данилов 1936*. С. 223; *Данилов 1936а*. С. 454—455, 460; *Романова 1997*. С. 126—127; см. также: *ИРДТ*. Т. 6. С. 472). Спектакль, в котором были заняты артисты В.Н. Давыдов (Чичиков), П.М. Свободин (Плюшкин), К.А. Варламов (Собакевич), В.П. Далматов (Ноздрев), просуществовал на сцене Александринского театра до апреля 1890 г. (*ИРДТ*. Т. 6. С. 472; *Альбом*; Новое время. 1889. 16 апреля. № 4715. С. 3; рубрика «Театр и музыка», подпись: А. С-н (А. Суворин); *Гоголь в изобр. иск. 1953*. С. 298—299 (фотографии исполнителей в ролях персонажей «Мертвых душ»); об исполнении сцены из «Мертвых душ» в Гатчинском дворце Далматовым см.: *Михайлов К.Н.* Василий Пантелеймонович Далматов, артист императорских театров. СПб., 1914. Вкл. между с. 168 и 169 — фото Далматова в роли Ноздрева). По поводу премьеры спектакля критика высказалась скептически: «Если Гоголь не подыскал для “Мертвых душ” иной формы, как поэма — стало быть, эта форма отвечает по преимуществу данному произведению...» (*СПбВед.* 1889. 16(28) апреля. № 102. С. 3.). Инсценировка Потехина была впоследствии расширена В.А. Крыловым материалами второго тома «Мертвых душ» и стала пьесой в 8 картинах (опубликована: *Мертвые души*. Ч. 2. Сцены в 8 картинах из поэмы Н.В. Гоголя, переделанные А.А. Потехиным и В.А. Крыловым. Литограф. изд. М, 1894). Премьерное представление двух картин инсценировки (второй и шестой — «У генерала Бетрищева» и «Разговор двух дам») состоялось в Александринском театре 9 декабря 1892 г. (на юбилейном спектакле, игранном в честь пятидесятилетия со дня первого представления комедии «Женитьба»); полностью инсценировка была представлена в том же театре 1 сентября 1893 г. (*ЕИТ*. Сезон 1892—1893 гг. СПб., 1894. С. 134; *ЕИТ*. Сезон 1893—1894 гг. СПб., 1895. С. 116—125; *ИРДТ*. Т. 6. С. 472—473; подробнее см: *Наст. изд.* Т. 8). Впоследствии инсценировка также была представлена иногда полностью, иногда отдельными сценами — см.: *ИРДТ*. Т. 6. С. 472—473 (традиция постановки на театре отдельных сцен из «Мертвых душ» была достаточно распространенной, так, в 1902 г. три сцены из поэмы были сыграны в Ярославском театре — см.: *Театр и искусство*. 1902. № 10. С. 212). О запрещении к постановке пьесы Потехина в 1894 г. см.: *РГИА*. Ф. 776. Оп. 26. Ед. хр. 13. Л. 175. О постановке пьесы Потехина в 1896 г. в театре Корша в бенефис артиста Грекова см.: *Русские ведомости*. 1896. 25 января. № 25. С. 2; разд. «Театр и музыка».

Инсценировка Потехина—Крылова была представлена полностью и в Императорском Новом театре — А.П. Ленским, с его же декорациями, с участием актеров Н.К. Яковлева (Ноздрев), Красовского (Чичиков), Тарасова (Собакевич), Масалитиновой (Коробочка), Загорянского (Плюшкин). Критика высказалась о спектакле вновь отрицательно: «Старые, милые в своем комизме, с детства знакомые образы ⟨...⟩, — писал Ю. Айхенвальд, — воплотились в живые, конкретные фигуры и в своей старомодной обстановке, в своих старомодных костюмах, живыми устами произносили свои смешные, давно знакомые речи. ⟨...⟩ эти отрывки, вырванные из целого, ⟨...⟩ носили какой-то искусственный характер. ⟨...⟩ не было духа самого театра, не было гения драмы» (РМ. 1902. Октябрь. Разд. XXIII. «Современное искусство». С. 259; подпись: Ю.А.). Впрочем, тот же Айхенвальд отмечал блистательную игру Яковлева в сцене «у Ноздрева» и художественное достоинство сценографических решений Ленского: «...под режиссерством г. Ленского ожила и вся обстановка помещичьих усадеб, вся стильность гоголевской кисти» (там же, с. 260; см. также: Театр и музыка // Русское слово. 1902. 7 сентября. № 246. С. 3; В.П. «Мертвые души» // Новости дня. 1902. 9(22) сентября. № 6915. С. 3; Русские ведомости. 1902. 9 сентября. № 249. С. 3; рубрика «Театр и музыка»).

Намерение Малого театра возобновить в юбилейном 1909-м гоголевском году постановку «Мертвых душ» по пьесе Потехина—Крылова вызвало протест общественности. В разделе «Письма в редакцию» журнала «Театр и искусство» было опубликовано письмо за подписью «Анатолий Кремлев»: «В № 2 “Театра и Искусства” (от 11 января 1909 г.) в отделе “Московских вестей” сообщено, что для третьего спектакля по случаю исполнения столетия со дня рождения Гоголя предполагается возобновить шедшую не так давно в Новом театре переделку для сцен “Мертвых душ”. ⟨...⟩ Неужели даже в дни празднования столетней годовщины великого писателя земли русской будет допущено по отношению к нему подобное кощунство? ⟨...⟩ вообще пора бы понять, что подобные варварские переделки недопустимы по отношению к каким бы то ни было художественным произведениям уже по тому одному, что во всяком художественном произведении форма и содержание слиты неразрывно. ⟨...⟩ Я обращаюсь ко всему сценическому и художественному миру с просьбой поддержать мой протест ⟨...⟩ 12—25 января 1909» (Театр и искусство. 1909. № 3. С. 61).

Имеются также сведения о постановке «Мертвых душ» в юбилейном году Алексеевым (Станиславским) в Народном доме Императора Николая II (ср. также письмо Станиславского к Немировичу-Данченко от 9 августа 1900 г., Алупка: «Как можно поставить по новому способу “Мертвые души”!!! — прелесть» — Станиславский К.С. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 7. М., 1960. С. 189). В рецензии на спектакль

отмечалось, что он «делает честь г. Алексееву как режиссеру. Он с любовью и тщательностью инсценировал картины из “Мертвых душ” (...) Среди вообще дружного исполнения следует выделить гг. Бурьянова (Манилов), Никольского (Бетрищев), Скарятин (Ноздрев), Альского (Чичиков), г-жу Райдину (Манилова) (...) все было ярко, живописно» (Театр и искусство. 1909. № 13. С. 238). Персонажи из «Мертвых душ» присутствовали также и в сцене «Апофеоза» — живой картине из ряда гоголевских произведений, «скомпанованной г. Алексеевым мастерски» и заключавшей постановку (там же).

Последняя предреволюционная инсценировка в 5 действиях, 9 картинах, имевшая впоследствии хождение также и на советской сцене, была сделана В.К. Татищевым по первой части поэмы (опубл.: *Гоголь Н.В. Мертвые души. Инсценировка по поэме В.К. Татищева. М., 1916*) и им же поставлена 19 августа 1916 г. в московском театре Корша под названием «Похождения Чичикова» с актером Кумельским в роли Чичикова (см.: *ИРДТ. Т. 7. С. 523*). «Гоголевский текст, — по словам Татищева, — остался в неприкосновенности, что было достигнуто при помощи чтеца: актер в костюме, современном Гоголю, говорил от автора и продолжением его были сценические иллюстрации» (см. также предисловие Татищева к литографированному изданию инсценировки 1919 г.). Прием этот однако был раскритикован в прессе, а инсценировка названа «среднего достоинства иллюстрациями к гоголевской поэме», критиковались при этом и бесцветность Чичикова в исполнении Кумельского, и комната Плюшкина, своей чистотой противоречащая тому, что рассказано о ней у Гоголя, и даже «претензии на стиль — по большей части неудачные» (*Джонсон И. Московские письма // Театр и искусство. 1916. 11 сентября. № 37. С. 745*; о «ретроспективной мечтательности» и «эстетской стилизации помещичьего быта» в спектакле см. также: *Данилов 1936. С. 224*; *Данилов 1936а. С. 455*). Другое суждение о спектакле Татищева как «серьезной попытке сценического воплощения тех нравов и типов, которые так прекрасно очерчены Гоголем», см. в заметке: *Варяг. Мимходом // Театр. 1916. 21, 22 августа. № 1891. С. 7*; см. также: *Демич П. «Из» Гоголя (там же, с. 4—5)*; *Рампа и жизнь. 1916. № 35. С. 9—10*; *С.Р. Театр Корша. Инсценировка «Мертвых душ» // Русское слово. 1916. 20 августа. № 192. С. 4*; *Гоголь в изобр. иск. 1953. С. 298—299* (фотографии исполнителей ролей персонажей «Мертвых душ»).

Таким образом, история предреволюционных постановок «Мертвых душ» предстает как смещение содержания поэмы то в сторону картины нравов (инсценировки Куликова и Татищева), то в сторону пикарески (пьеса Рябова—Красильникова), и уже в начале XX в. — в сторону эстетской стилизации быта, нравов и типажей старой России (инсценировки Потехина—Крылова и Татищева в постановках соответственно Ленского и Татищева). Имелись также и другие инсценировки «Мерт-

вых душ» конца XIX — начала XX в., чья театральная судьба нам не известна. Среди них — «Похождения Чичикова, или Мертвые души». Инсцен. Б. Горелова, 1894; «Мертвые души» П.П. Райского-Ступницкого, 1897; «Похождения Чичикова» К. Бронникова, 1902; «Мертвые души» И.П. Чалова-Чальского, 1912 (хранятся: *ОР и РК СПб ГТБ*).

Первой послереволюционной постановкой «Мертвых душ» стал спектакль режиссера Вл.Н. Соловьева, поставленный в 1924 г. в Молодом театре (Рабочий и театр. 1924. 14 октября. № 4. С. 20). Как примечательный курьез театральной интерпретации «Мертвых душ» первых лет советской власти можно рассматривать инсценировку Сигизмунда Волка «Мертвые души, или Похождения Чичикова. Комедия в 3 действ. 11 картинах» (машинописный список инсценировки хранится в *ОР и РК СПб ГТБ*, шифр I Лар., дата написания отсутствует). Действие гоголевской поэмы в пьесе Волка переносится в эпоху НЭПа, так что наряду с гоголевскими героями, приспособившимися к новой действительности (так, Плюшкин представлен в пьесе как «Мастер из Парижа, принимающий заказы на уничтожение крыс, вшей, блох и тараканов», он же — беспартийный пролетарский труженик, он же управдом), фигурируют персонажи новой исторической действительности: Богданов Костя, Зоя Николаевна (Революционерка, приятная во всех отношениях), Феодулия Ивановна (Интеллигентка), Агенты Угрозыска ГПУ, Милиционер, Члены суда, Беспризорники, Нищие и т.д. Основная идея инсценировки — неистребимость Чичикова («Чичиков жил и будет жить»). Роль мертвых душ выполняют «заборные книжки», которые в целях спекуляции скупает Чичиков, представившийся завхозом бытовой коммуны «Вперед заре навстречу». В финале же Чичиков вместе с Плюшкиным, Собакевичем и другими гоголевскими помещиками оказывается на скамье подсудимых, и Общественный обвинитель Костя Богданов произносит монолог, завершающийся словами: «Но хотя вы и живете при советской власти — новое время, новые дела, — все же живы еще вот такие гоголевские типы, подобные этим, сидящим на скамье подсудимых. Дрянь они людишки, ничтожества, мелочь, но вреда причинить могут много <...> Они: Чичиков, Ноэдрев, Собакевич и другие — не наши люди. Те взлелеяны и воспитаны капиталистической культурой <...> Гоголевским типам не место в советской действительности».

В 1925 г. спектакль «Мертвые души» в 3 действиях и 12 картинах был поставлен В.Г. Сахновским на малой сцене театра им. В.Ф. Комиссаржевской (афишу спектакля см.: Новый зритель. 1925. 31 марта. № 13. С. 32). Постановка оказалась не в духе времени, и большинство критиков высказались о ней отрицательно. П.А. Марков, впоследствии оценивший ее как один из лучших спектаклей режиссера («...вся его тоскливая любовь к России вылилась в этом удивительном, так и

не оцененном спектакле» — *Марков П.* Василий Григоревич Сахновский // *Театр.* 1976. № 5. С. 84), в 1925 г. упрекал Сахновского в том, что тот «сознательно ограничивается раскрытием трагического гоголевского взгляда на русскую жизнь и выключает элементы бытовой сатиры» (*Марков П.* «Мертвые души»: (Театр имени Комиссаржевской) // *Правда.* 1925. 25 марта. № 68. С. 6; см. то же: *Марков П.А.* О театре: В 4 т. Т. 3. М., 1976. С. 265 — цитируется по этому изданию). Другие рецензенты отмечали в спектакле наличие претящего «привкуса мистики и дешевой символики» (*Масс В.* «Мертвые души» в театре им. В.Ф. Комиссаржевской // *Новый зритель.* 1925. 24 марта. № 12. С. 12). Критике были подвергнуты и сценографическое решение спектакля, сведенные до минимума, скучные, «невыразительные декорации» (там же), а также прием «закулисной декламации» — чтения гоголевских отступлений за сценой (*Габрилович Е.* Мертвые души. В театре им. Комиссаржевской // *Жизнь искусства.* 1925. 7 апреля. № 14. С. 5). Назвав в этой связи режиссуру Сахновского литературной, а не театральной, «зараженной приемами какого-то ведекиндовского декаданса» (как пример экспрессионистского толкования Гоголя трактовал впоследствии постановку Сахновского и С.С. Данилов — см.: *Данилов 1936.* С. 243), Габрилович особенно резко отозвался об игре актеров, впрочем, приписав все неудачи режиссеру: «Актеры честно, как умели, изображали очень нехороших и очень смешных людей (...) Персонажи Гоголя заряжены такой дозой авторской ненависти к ним (...) что пройти по транспонировке мимо этой дозы значит в корне извратить театральную физиономию поэмы (...). Актер, самым решительным образом, должен быть здесь судьей, обвинителем» (*Жизнь искусства.* 1925. 7 апреля. № 14. С. 5—6).

В целом левая критика обрушилась на Сахновского за социальную беззубость спектакля. Но даже те, кто отвергали постановку в целом, не могли не признать удачу и цельность созданного молодым М. Астанговым образа Чичикова (с этого начался его актерский взлет), который предстал «не шармёром с приятными манерами», а «рабом безумной идеи» (*Мацкин А.П.* Встречи с Астанговым: Роли и личность // *Михаил Астангов: Статьи и воспоминания.* М., 1971. С. 10), «почти патетическим авантюристом», которому «есть что сказать современному зрителю» (*Марков П.* «Мертвые души»: (Театр имени Комиссаржевской) // *Правда.* 1925. 25 марта. № 68. С. 6; см. то же: *Марков П.А.* О театре: В 4 т. Т. 3. М., 1976. С. 265—266). Другую критику см.: *Н.Л.* К постановке «Мертвых душ» в театре им. Комиссаржевской. (Беседа с главным режиссером В.Г. Сахновским) // *Вечерняя Москва.* 1925. 26 февраля. № 47. С. 3; *Соболев Ю.* «Мертвые души». (Премьера в театре им. В. Комиссаржевской) // *Вечерняя Москва.* 1925. 21 марта. № 65. С. 3; *Марков П.* Третий фронт. (После «Мандата») //

Печать и революция. 1925. Кн. 5–6. С. 284–285; Известия. 1925. 22 марта. №. 66. С. 7; Красная нива. 1925. 19 апреля. № 17. С. 399.

В сценической истории «Мертвых душ» центральное место занимает постановка поэмы на сцене МХАТ, работа над которой длилась в общей сложности более шести лет. В апреле 1926 г. репертуарно-художественная коллегия МХАТ предложила включить в план ближайших работ инсценировку поэмы. В составе намеченных исполнителей фигурировал и сам Станиславский — ему досталась роль Селифана (*Маукин 1984. С. 214–215*). К тому моменту С.И. Ивановым уже был сделан макет оформления многоэпизодного сценического представления с огромным количеством действующих лиц из первой и второй частей «Мертвых душ», а драматургом Д.П. Смолиным составлен проект инсценировки (*Смелянский 1986. С. 215*). Режиссером была назначена Е.С. Телешева, старшим режиссером — В.Г. Сахновский. Безуспешные попытки поставить «Мертвые души» по пьесе Смолина предпринимались до 1930 г.

В мае 1930 г. режиссером-ассистентом спектакля по предложению В.И. Немировича-Данченко был назначен пришедший в МХАТ М.А. Булгаков. «Как только меня назначили в МХТ, — писал Булгаков П.С. Попову 7 мая 1932 г. из Москвы, — я был введен в качестве режиссера-ассистента в “М.Д.” (старший режиссер Сахновский, Телешева и я). Одного взгляда моего в тетрадку с инсценировкой, написанной приглашенным инсценировщиком, достаточно было, чтобы у меня позеленело в глазах. Я понял, что на пороге еще Театра попал в беду — назначили в несуществующую пьесу. (...) Коротко говоря, писать пришлось мне» (*Булгаков. Т. 5. С. 481*). Булгаков отчетливо понимал неразрешимость задачи передать богатый художественный мир поэмы в сценическом действии, поэтому его творческий план заключался «не в инсценировке “Мертвых душ” Гоголя, а в создании пьесы о Гоголе, который видит современную ему Русь из Италии, из “прекрасного далека”» (*Нинев А. После катастрофы // Булгаков. Т. 4. С. 585; курсив в тексте*), для этого в пьесу была введена фигура Автора (Чтеца, Ведущего, Первого), задуманная как главное действующее лицо, направляющее действие и комментирующее биографию Чичикова (там же, с. 586–587; см. также: *Чудакова М.О. Гоголь и Булгаков // Гоголь: История и современность. М., 1985. С. 364–366*). На заседании Художественного совещания при дирекции МХАТ от 7 июля 1930 г. В.Г. Сахновский изложил режиссерский замысел инсценировки (текст выступления см.: *Егоров Б.Ф. М.А. Булгаков — «переводчик» Гоголя (инсценировка и киносценарий «Мертвых душ», киносценарий «Ревизора») // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. Л., 1978. С. 58–60*). Перевод на язык сцены потребовал композиционных переделок: опираясь

на плутовскую основу чичиковской истории, Булгаков выстроил событийный ряд «в обратной для поэмы последовательности: “идея, купил, попался, вырвался”», поскольку, по его выражению, гоголевский «роман написан сзади-наперед» (*Кухта 1990. С. 597–598*); в ряде случаев реплики одних персонажей были переданы другим (см.: *Яновская 1983. С. 204–205; Данилов 1936. С. 268–269*).

Первый вариант инсценировки, которая выглядела в итоге более как оригинальная пьеса, был представлен к 31 октября 1930 г., когда состоялось чтение и обсуждение пьесы с участием В.И. Немировича-Данченко. «Что было с Немировичем, когда он прочитал! ⟨...⟩ Влад. Иван. был в ужасе и ярости. Был великий бой, но все-таки пьеса в этом виде пошла в работу» (письмо П.С. Попову от 7 мая 1932 г., Москва — *Булгаков. Т. 5. С. 482*; см. также: *Виноградская И. Жизнь и творчество К.С. Станиславского: Летопись. Т. 4. М., 1976. С. 222. Примеч. 1*). Репетиции начались 2 декабря 1930 г. (*Кухта 1990. С. 600*).

При этом Сахновский, для которого главным был Гоголь фантазматический, в отличие от булгаковского решения «ориентировал спектакль на гротескного трагического Гоголя, открытого сценой в 1920-е гг.» во многом благодаря Мейерхольду (*Кухта 1990. С. 601*); бытовым сценам он пытался придать «налет страшноватости и какой-то гофманиады»: «по-мейерхольдовски поданный гротеск» проявился, в частности, «в сцене после ужина у губернатора, где обезумевшие от страха гости, взгромоздясь на столы и стулья, искали исчезнувшего Чичикова... в люстре» (*Чушкин 1967. С. 421*). Режиссерской концепции поначалу соответствовала и сценография спектакля: художник В.В. Дмитриев, в прошлом работавший с Мейерхольдом, сделал эскизы декораций, на одном из которых предстал гротескный пейзаж провинциального города со множеством куполов, а на другом — развалины античных руин, напоминающих Рим (см.: *Сахновский 1937. С. 210–211*). Возникшая таким образом первая версия мхатовских «Мертвых душ» Сахновского представляла собой «искусный гротеск в романтическом духе, со следами Италии ⟨...⟩ с замысловато асимметричным губернаторским домом, обитатели которого виделись ему как “старомодные чудачки, проходящие мимо пыльных старинных зеркал”, — откровенная стилизация с примесью иронии» (*Мацкин 1984. С. 296*).

После отъезда Немировича-Данченко за границу подготовка «Мертвых душ» с февраля 1931 г. перешла под руководство Станиславского. Последний, опасаясь, что спектакль «обращается в сплошной ребус», и считая, что вся эта гофманиада принадлежит вчерашнему дню театра, в то время как день сегодняшний означает приоритет смысла над техникой, потребовал «вернуть Гоголя к Гоголю» и фактически устранил Сахновского от постановки (*Мацкин 1984. С. 292*). Образ спектакля, описанный Сахновским в книге «Работа режиссера», остался «заме-

чательным литературным документом, блистательной режиссерской экспликацией» (Смелянский 1986. С. 241). Вначале Станиславский предложил изменить оформление, использовав «живописный принцип», своеобразный крупный план (о режиссерской идее «незаметной декорации» см.: Михайлова А. Образ спектакля. М., 1978. С. 178–182), в соответствии с этим В.В. Дмитриев «ярко выделял только отдельные детали обстановки, на фоне которых предстояло действовать актеру, а остальное сводил к расплывчатому рисунку» (Виленкин В.Я. Русская классическая драматургия на сцене Московского Художественного театра: 1917–1947 гг. // Ежегодник Московского Художественного театра. 1947. М., 1949. С. 222). Но в итоге и эти декорации Дмитриева оказались отвергнутыми (о различных этапах и методах работы Дмитриева над сценографией спектакля с Сахновским и Станиславским см.: Сахновский 1937. С. 241–252; Дмитриев В. Моя работа во МХАТе // Художники театра о своем творчестве. М., 1973. С. 119; эскизы Дмитриева к спектаклю см.: Березкин В.И. В.В. Дмитриев. Л., 1981. С. 114–125; Михайлова А. Образ спектакля. М., 1978. С. 175–181).

Станиславский, отказавшись от «живописных декораций» Дмитриева, повернул решение к безусловному и тотальному изобразительному аскетизму» (Смелянский 1986. С. 240) и назначил художником В.А. Симова, чье сценическое решение было ориентировано на картины провинции николаевской поры (ср., например: «углы комнат, обрамленные занавесками зеленого цвета» — Виленкин В.Я. Русская классическая драматургия на сцене Московского Художественного театра: 1917–1947 гг. // Ежегодник Московского Художественного театра. 1947. М., 1949. С. 222; о Симове см. также: Мацкин 1984. С. 265–278; эскиз костюма Манилова см.: Творчество. 1935. № 7. С. 8). «Отвечая в 1932 г. на резолюцию производственного собрания, обвинявшего создателей “Мертвых душ” в неслыханной задержке выпуска и уничтожении двух вариантов декораций В.В. Дмитриева, Станиславский напишет: “Пьеса начата по плану и с оформлением модным тогда, но теперь неприемлемым”» (Смелянский 1998. С. 130). Многократно менялось и музыкальное оформление спектакля, отбиравшееся из музыкальных фрагментов, песен, романсов и т.п. в соответствии с содержанием основных «картин» — «Пролога», «Вечеринки», «Шарманки» и пр. (см.: Израилевский Б. Музыка в спектаклях Московского Художественного театра. Записки дирижера. М., 1965. С. 124–125).

«Сюжетную линию спектакля» Станиславский решил построить на последовательном развитии замысла Чичикова, чей образ традиционно оказывался «самой неблагоприятной ролью во всех переделках», формируя монотонный ритм; избежать этого можно было «только через сквозное действие», для чего «была несколько изменена сама инсценировка, и самая работа Станиславского с актерами приняла соответствующее на-

правление» (*Топорков 1950. С. 64*). Режиссер решил «показать, как от случайного толчка возникает у Чичикова план покупки мертвых ревизских душ, как этот план расширяется, растет, доходит до апогея и наконец стремительно проваливается» (там же; см. также: *Станиславский К.С. Режиссерская партитура III акта спектакля «Мертвые души» // В поисках реалистической образности. М., 1981. С. 312–317*); «...весь спектакль Станиславский повернул в сторону чичиковской авантюры, той “идеи-заразы”, которая пронеслась по Руси» (*Смелянский 1998. С. 132*; см. также: *Гоголь и театр 1952. С. 73–79*). Опираясь на идею актерского театра в стремлении к естественности и правдивости, он призывал актеров «порыться в своих душах» и найти в себе зло, которое выплескивается при встрече персонажей с Чичиковым (описание репетиций отдельных сцен с актерами см.: *Топорков 1950. С. 67–123*).

Ориентация Станиславского на быт и поиск характерности сказались в вымарке тех ярко театральных сцен, где Булгаков проявил себя как автор: взлетание Чичикова на буфет во время битвы с Ноздревым, воспоминания Плюшкина, трио Первого, Чичикова и Плюшкина, так называемая камеральная сцена — где перепуганные, подавленные чиновники собираются в дом прокурора для совещания по поводу скандальных слухов, распространившихся по всему городу (актер М. Яншин впоследствии говорил, что тому, кто не видел «камеральной сцены», трудно судить о режиссуре Станиславского в поисках вечно живого Гоголя; но в итоге Станиславский эту сцену убрал, возможно, за фантазмагоричность, которая возникала против воли; см. об этом: *Маукин 1984. С. 236–242*). К осени 1932 г. спектакль остается также и без лирических мотивов булгаковской инсценировки, воплощенных в Первом, превратившемся, по сути, к этому моменту в служебную, необязательную фигуру, сугубой иллюстративности которой «справедливо опасался Станиславский» (*Кухта 1990. С. 603*; см. об этом также: *Milne L.M. M.A. Bulgakov and «Dead Souls»: the Problems of Adaptation // The Slavonic and East European Review (London). 1974. Vol. LII. July. N 128. P. 420–440*).

Вторая редакция инсценировки, отразившая новый постановочный замысел Станиславского, сложилась к декабрю 1931 г. (новая идея потребовала также ограничить пространство, на котором разыгрывается действие поэмы, и отбросить эпизодических персонажей — *Рудницкий 1979. С. 166*; сцены с помещиками из новой инсценировки Булгакова в сопровождении текста Ведущего, написанного И. Васильевым, см.: *Н.В. Гоголь: Репертуарный сборник. М., 1951. С. 86–117*; о дальнейшей судьбе текста и отношения к нему Главреперткомом см.: *Кириленко К.Н. Театральное наследие М.А. Булгакова в ЦГАЛИ СССР // Проблемы театрального наследия М.А. Булгакова. Л., 1987. С. 140*). Из-за болезни Станиславского основное репетиционное время ушло

на актерскую школу и чуть меньше месяца осталось на общие сценические репетиции, в результате вместо «разворачивания русской души», о котором мечтал режиссер, возникли виртуозно разработанные «дуэтные концертные сцены» между Чичиковым и помещиками, в которых десятилетиями блистали актеры (Смелянский 1998. С. 130). В ноябре 1932 г. Станиславский сказал актерам: «Я выпускаю спектакль, хотя он еще не “Мертвые души”, не Гоголь, но я вижу в том, что вы делаете, живые ростки будущего гоголевского спектакля. Идите этим путем и вы обретете Гоголя» (Топорков 1950. С. 122).

В.Г. Сахновский, устранившийся от руководства постановкой, к этому времени выступал вторым режиссером и ассистентом Станиславского и незадолго до премьеры опубликовал статью «Гоголь в МХТ СССР им. Горького. Как и почему ставятся “Мертвые души”. Итоги двухлетней работы» (Сов. иск. 1932. 15 ноября. № 52. С. 3); по-видимому, с целью оградить спектакль от жесткой критики он рассказал об этапах работы над спектаклем, затушевав противоречия и акцентируя актуальность: «Перед театром стоял вопрос, сохранить ли в спектакле образ поэмы или идти за постепенным раскрытием страшного и преступного замысла Чичикова, облеченного в формы пошлости {...} Художественный театр затратил все свои силы, отдал все свои дарования, чтобы, включившись в Гоголя, раскрыв свое понимание созданного им, не выключиться из живой жизни наших дней, не перестать быть людьми страны Советов, впитавшими в себя весь опыт и смысл революции, умеющими в искусстве видеть идеи, строящие жизнь» (там же).

Премьера состоялась 28 ноября 1932 г.; роль Чичикова исполнил В.О. Топорков, Ноздрева — И.М. Москвин (о его игре см.: Бескин Э.М. Ноздрев — И.М. Москвин // Сов. иск. 1932. 27 декабря. № 59. С. 3; Любимов Н.М. Былое лето: Из воспоминаний зрителя. М., 1982. С. 103–104), Плюшкина — Л.М. Леонидов (см.: там же, с. 55–56), Собакевича — М.М. Тарханов (см.: там же, с. 63–64), Манилова — М.Н. Кедров (см.: Волков Н. Манилов — М.Н. Кедров // Сов. иск. 1932. 27 декабря. № 59. С. 3; см. то же: Волков Н.Д. Театральные вечера. М., 1966. С. 81–84; см. также: Алексеев Н. Актер, режиссер, учитель // Театр. 1973. №. 2. С. 142–144), Коробочку — А.П. Зуева (см.: Толченова Н. Анастасия Зуева: Образы Гоголя, Чехова, Толстого на сцене МХАТ им. М. Горького // Театр. 1980. № 10. С. 52–54; М.П. Лилина, репетировавшая в основном составе, сыграла только в третьем сезоне, см. об этом: Топорков 1950. С. 108–114; Рудницкий 1979. С. 149), губернатора — В.Я. Станицын. Костюмы и бутафория — И.Я. Гремиславского (Русский драматический театр: Энциклопедия. М., 2001. С. 116, 422).

Поскольку преодоление мейерхольдовского «Ревизора» стало одной из важнейших полемических задач спектакля (История советского

драматического театра: В 6 т. Т. 3: 1926—1932. М., 1967. С. 171; о включении в мейерхольдовскую постановку «Ревизора» 1936 г. сцен из «Мертвых душ» см.: Наст. изд. Т. 4. С. 774), то неудивительно, что первый, кто болезненно воспринял новый спектакль, был сам Мейерхольд. Секретарь В.И. Немировича-Данченко О.С. Бокшанская так описывала «триумф» мхатовской премьеры в письме к нему от 11 декабря 1932 г.: «Пожалуй, только хвалили, других отзывов я не слышала, если не считать плохим отзывом лицо Мейерхольда — ужасающее, скучающее, недовольное. У меня было такое впечатление, что он, смотря на сцену, думал: “Стоило ли мне делать в театре то, что я все это время делал, чтоб все же остался МХАТ в том виде, в каком он существует...”» (Письма О.С. Бокшанской Вл.И. Немировичу-Данченко (1922—1942): В 2 т. Т. 2: 1931—1942. М., 2005. С. 119). Мейерхольд критиковал спектакль за то, что Гоголь предстал бытописателем, не передавая его патетику, внутренние контрасты, «чувство надвигающейся катастрофы, неожиданные сдвиги, причудливое смещение реального и фантастического», в то время как «вне поэтического видения мира (...) вне образной, метафорической природы его творчества и присущего ему гротеска Гоголь немислим», как и «без символической “птицы-тройки”, уносящей Чичикова» (*Чушкин 1967. С. 417, 418*); декорации В.А. Симова он «резко осудил» как «старомодные, скучные, натуралистичные по манере» (там же, с. 419). Упрекая создателей спектакля за общую иллюстративность и следование фабуле, а не сюжету, Мейерхольд придумывал свою, гротесковую, версию некоторых сцен — см., например, о его решении «скандального» поведения Ноздрева «на “дрянь-бале”, как назвал его Чичиков» (там же, с. 418—419).

В том же ключе критиковал спектакль и Андрей Белый. В авторизованной записи его доклада о постановке «Мертвых душ», сделанного во Всероскомдраме, мхатовская постановка предстает неудавшейся антитезой «Ревизору» Мейерхольда, который, в отличие от Станиславского, гениально сумел извлечь из Гоголя «гоголин», т.е. тот живой фермент, который поднимает на недостижимую художественную высоту Гоголя на театральных подмостках. «Надо было вывести на сцену автора, самого Гоголя, и это могло бы быть интересно! Ибо главный герой “Мертвых душ” не Чичиков, а Николай Васильевич Гоголь, и то, что Гоголь думал о Чичикове» (*Белый А. Непонятый Гоголь // Сов. иск. 1933. 20 января. № 4. С. 4*). Особо Белый упрекал постановщиков за неоправданно «добросовестное воспроизведение музейного правдоподобия николаевской эпохи» в ущерб «основному» (там же; см. то же: *Вопросы философии. 1990. № 11. С. 94—99*; о докладе Белого см. также: *Гладков А. Из дневников и «Попутных записей» // Гладков А.К. Театр: Воспоминания и размышления. М., 1980. С. 67—69*; см. также прения по докладу Андрея Белого, состоявшиеся во Всероскомдраме по поводу постановки

«Мертвых душ» в МХАТ: *Сов. иск.* 1933. 2 февраля. № 6. С. 4; рубрика «За 6 дней»).

Театральная критика прежде всего скептически отнеслась к самой идее инсценировать поэму Гоголя, равно как и большие прозаические формы Ф.М. Достоевского или Л.Н. Толстого, в силу принципиальной зависимости драматургии от событийного, т.е. фабульного, в данном случае, ряда. Д. Тальников, в частности, начав рецензию с критики булгаковской инсценировки, напомнил о художественной целесообразности выбранной самим Гоголем формы («именно “поэмы”, а не драмы, комедии»), доказывая неизбежность провала предпринятой переделки для сцены; «ловкие драматургические закройщики» прошлого, объяснял критик, хоть и не достигали художественного результата, все же «кроили на зрителя, на актера (...) на театр, а не литературу», а пьеса МХТ не стала театром, но и перестала быть литературой (Тальников Д. «Мертвые души» в Художественном театре // *Театр и драматургия.* 1933. № 1. С. 60). Вместо «театрального действия» — «изолированные эпизоды», «так называемые “действующие лица” вовсе не действуют», Чичиков явился «чисто поверхностной, внешне связующей нитью событий»; поэма предстала на сцене именно в том виде, который совершенно оправдывает «близорукое» восприятие ее Н. Полевым, увидавшим «только эту сплошную бедность: “опять какой-то мошенник приезжает в город, населенный плутами и дураками, обманывает их и уезжает тихонько”» (Тальников Д. «Мертвые души» в МХТ (Окончание) // *Театр и драматургия.* 1933. № 2. С. 24).

Осторожно, но все же критически, высказался по поводу спектакля и вернувшийся из-за границы В.И. Немирович-Данченко, давая понять, что спектакль вышел совсем не таким, каким он его задумывал: «“Мертвые души” мыслились на сцене как поэма Гоголя, а не как комедия. И для этого нужно было, чтобы у Качалова были большие патетические куски. К сожалению, это не вышло — оттого ли, что это было невозможно или не привилась эта идея, не знаю. Однако в спектакле есть ряд великолепных исполнителей...» (Кальм Д. Мысли о театре: В.И. Немирович-Данченко возвратился в Москву // *Сов. иск.* 1933. 8 августа. № 37. С. 1; об особом «подъеме» и «ненатуралистическом» исполнении Тархановым роли Собакевича см.: Из стенограммы выступления Вл.Ив. Немировича-Данченко на собрании труппы МХАТ 23 августа 1940 г. // Немирович-Данченко В.И. Театральное наследие. Т. 1: Статьи. Речи. Беседы. Письма. М., 1952. С. 175). В остальном критика выражала неприязнь к психологизму Станиславского, допускавшему оттенки в понятии зла, и упрекала режиссера в том, что театр отвернулся от реальности николаевской России (не показан распад поместной среды, отношений между баринем и мужиком) и создал музей исчезнувшего быта на сцене: «Спектакль застрял где-то между комедией нравов, сатирическим

обличением и бесстрастной поэмой о стране и эпохе, в которых “ничего не обольстит и не очарует взора”» (*Крути И.* Поэма, пьеса, спектакль: «Мертвые души» в МХТ им. Горького // *Сов. иск.* 1932. 21 декабря. №. 58. С. 3); беда театра в том, что он «показал Манилова, Чичикова, Ноздрева, но не показал *маниловщину, ноздревщину и чичиковщину*» (*Новицкий П.* Мертвые души // *Известия.* 1932. 22 декабря. № 352. С. 4; выделено в тексте. — *Ред.*). Мысль Новицкого о маниловщине и чичиковщине в 1936 г. повторил С. Данилов: «МХАТ не мог подняться до тех обобщений, которые дает Гоголь, и показал Чичикова, а не “чичиковщину”, Манилова, а не “маниловщину”» (*Данилов 1936а.* С. 460). В.В. Ермилов, один из лидеров распущенного за год до того РАПП, уловил в спектакле «след» Сахновского и Булгакова, который Станиславский так и не сумел «вытравить»: «Слухи о том, что Художественный театр поставил на своей сцене поэму Гоголя “Мертвые души”, следует признать по меньшей мере преувеличенными. На самом деле, он поставил пьесу Булгакова, сработанную им при помощи Сахновского, под явным “влиянием” поэмы Гоголя, но (...) мы очень далеки от оригинала!» (*ЛГ.* 1933. № 1. 5 янв. С. 3); ср. его же рассуждения о том, что спектакль, при отсутствии идеи, демонстрирует «психологический натурализм» и «неумение сорвать маску» (*Ермилов В.* Театр и правда (к дискуссии о «Мертвых душах» на сцене МХАТ) // *Известия.* 1933. 27 февраля. № 57. С. 3).

Спектакль, воспринятый современной ему критикой скорее негативно, пользовался тем не менее неизменным успехом у публики и вскоре был признан нормативным в отношениях с русской классикой (см.: *Сахновский В.Г.* Из статьи о спектакле «Мертвые души» (1937) // *Московский художественный театр в советскую эпоху.* М., 1974. С. 201–204; *Горбунова Е.* Гоголь на сцене советского драматического театра // *Гоголь и театр 1952.* С. 71–79; *Очерки истории русского советского драматического театра.* Т. 1: 1917–1934. М., 1954. С. 532–534; *Виленкин В.Я.* Русская классическая драматургия на сцене Московского художественного Театра // *Ежегодник Московского Художественного театра.* 1947. М., 1949. С. 222). Постановка, в которой сменилось несколько поколений актеров, десятилетиями не сходила со сцены; 14 апреля 1973 г. (через несколько месяцев после 40-летнего юбилея премьеры) состоялось 900-е представление «Мертвых душ» в МХАТ (Спектакль-долгожитель // *Вечерняя Москва.* 1973. 14 апреля. № 88. С. 3; *Театральная Москва.* 1973. № 18. С. 8; о 1000-м представлении см.: *Перов Н.* 1000 раз! // *Советская культура.* 1979. 27 апреля. № 34. С. 8). Об исторической модификации объекта сатиры в спектакле (от «о них» до «еще и о нас») см.: *Владимирова Э.* Платье на каждый день // *Театр.* 1980. № 1. С. 57–58.

В 1988 г. спектакль Станиславского был еще раз возобновлен в МХАТ (сцена на Тверском бульваре) реж. В. Беляковым. В афише возобновленного спектакля значилось: «Мертвые души». Н.В. Гоголь (текст составлен М.А. Булгаковым). Режиссеры: нар. артист РСФСР В. Сахновский, заслуж. артистка РСФСР Е. Телешева. Художник заслуженный деятель искусств В. Симов. Художественный руководитель постановки народный артист СССР К.С. Станиславский. Возобновление 1988 г. Режиссер засл. артист РСФСР В. Беляков. Композитор В. Березин. Художник Н. Богатова (Театр. 1989. № 3. С. 176; см. также: *Черепанов Ю.* Расколото ли горячее сердце? // Советская Россия. 1989. 13 января 1989. № 11. С. 4).

О гастрольных показах мхатовского спектакля «Мертвые души» за рубежом см.: *Atkinson Br.* The Moscow art: Two Excellent Productions There Make Up For a Dull Festival // New York Times. 1936. Sept. 27. P. XI (сведения об этой и нижеследующих рецензиях в газете «Нью-Йорк Таймс» сообщил П. Карпук); *Shabad Th.* Moscow players to appear here: Art Theatre is Returning to U.S. After Forty Years // New York Times. 1962. Mar. 24. P. 15; *Покаряевский Б.* Впервые в Лондоне // Советская культура. 1964. 4 июня. № 66. С. 1 (об открытии гастролей в Лондоне «Мертвыми душами» см. также: *Покаряевский Б.* МХАТ в Лондоне // Советская культура. 1964. 28 мая. № 63. С. 4); *Shabad Th.* Moscow Theater to perform here // New York Times. 1964. Oct. 3. P. 19; *Taubman H.* Moscow Art Troupe offers «Dead Souls» // New York Times. 1965. Feb. 5. P. 34 (см. то же: *Тaubман Г.* Вечно живые «Мертвые души» // За рубежом. 1965. № 10. 5–11 марта. С. 31); *Мартынова А., Кузнецов Г.* Премьера МХАТа: От наших корреспондентов из Нью-Йорка // Советская культура. 1965. 6 февраля. № 16. С. 1; *Мартынова А., Кузнецов Г.* «Воздух МХАТа» // Советская культура. 1965. 9 февраля. № 17. С. 1.

Свою особую театральную историю имела также инсценировка «Мертвых душ», сделанная М. Булгаковым (о шуточной инсценировке Булгаковым сцены из «Мертвых душ» для новогодней елки, устроенной для детей Е.С. Булгаковой в 1934 г., см.: *Чудакова М.* Жизнеописание Михаила Булгакова. М., 1988. С. 550). В 1952 г. текст пьесы Булгакова лег в основу спектакля «Мертвые души», поставленного Э. Смильгисом в Художественном театре Латвийской ССР; «помощь оказали мастера МХАТ нар. арт. СССР В. Топорков и Л. Еремеев» (Театр. 1952. № 7. С. 160; см. также: *Смильгис Э.* Ясность, простота, страстность // Наследие Станиславского и практика советского театра. М., 1953. С. 144–145, 148–150; История советского драматического театра. Т. 5. М., 1969. С. 486, 698). В том же юбилейном году пьеса Булгакова была поставлена в Ленинградском театре комедии (см.: *Семанова М.* Снижение сатирического замысла (Спектакль «Мертвые души» на сцене

театра комедии) // Ленинградская правда. 1952. 30 октября. № 258. С. 3); в драматическом театре им. В.И. Качалова в Казани (о Чичикове в исполнении Н.И. Якушенко см.: Актер и гражданин: Статьи, воспоминания, письма. Казань, 1979. С. 133–134; о гастролях в Москве см.: Гончаров А. Казань—Москва // Театр. 1952. № 8. С. 29–31; Млечин В. Горький и Гоголь на казанской сцене // Вечерняя Москва. 1952. 25 июля. № 175. С. 3; Соловьева И. Актеры и режиссура // Сов. иск. 1952. 26 июля. № 60. С. 3–4); в Русском драматическом театре им. Леси Украинки (см.: Зюков Б., Сенникова Р. Театр имени Леси Украинки. Киев, 1977. С. 65–66). В 1983 г. — в Челябинском драматическом театре им. С.М. Цвиллинга. В 1991 г. — в Драматическом театре Сараево, Югославия (о гастролях в Москве и вольном обращении с первоисточником и инсценировкой см.: Тимофеев Н. Тачанка Чичикова // Культура. 1991. 30 ноября. № 12. С. 9; см. с. 643 наст. изд.). В 2002 г. инсценировка М. Булгакова легла в основу спектакля «Чичиков» в постановке А. Исакова (художник В. Светозаров) на сцене петербургского Театра им. В.Ф. Комиссаржевской (Филатова Л. Фрак брусничный... и брусничный фрак // Петербургский театральный журнал. 2002. № 27. С. 174).

Мхатовская постановка «Мертвых душ» доминировала на театральной сцене не один десяток лет. Спустя два десятилетия (в 1952 г., к 100-летию со дня смерти Гоголя) М. Кнебель решает поставить «Мертвые души» в Центральном детском театре, видя внутреннюю задачу новой постановки в том, чтобы «покорить детскую аудиторию не только сатирой, но и поэзией Гоголя (Кнебель М. Вся жизнь. М., 1967. С. 489). За основу вновь была взята пьеса Булгакова, куда, однако, была введена отсутствовавшая в ней фигура тещи (для исполнения многочисленных лирических отступлений). Последнее вызвало отрицательную оценку критики, которая упрекала создателей спектакля в том, что они «разжевывали» гоголевский текст (Калитин Н. Спектакль не получил признания... // Театр. 1952. № 6. С. 61). Ретроспективно, однако, отмечалось, что «Мертвые души» Кнебель «вошли в число лучших классических спектаклей театра этих лет...» (Гозенпуд А.Н. Центральный детский театр: 1936–1961. М., 1967. С. 188).

В 1966 г. инсценировка поэмы «Мертвые души», решенная средствами пантомимы (отсюда и определение жанра — спектакль-мимодрама), была показана на сцене Московской студии киноактера, либретто и режиссура А. Орлова (см.: Московская правда. 1966. 21 октября. № 245. С. 3; И.М. Молчаливое действие (пантомима «Похождения Чичикова, или Мертвые души» в Московской студии киноактера) // Театр. 1967. № 4. С. 126–128; Левитина В. Движение души // Неделя. 1967. 9–15 апреля. № 16. С. 22; Театр. 1975. № 2. С. 130,

132, 134, 136; *Рутберг И.* У парадного подъезда театра пантомимы // Театр. 1978. № 7. С. 113–120). В 1990 г. спектакль был возобновлен под новым названием «За мертвыми душами» (*Жандарев И.* Что может ностальгия? // Экран и сцена. 1991. 3 января. № 1. С. 3; *Лагина Н.* Гоголь мимики и жеста // Экран. 1991. № 6. С. 6–7). В этой связи уместно вспомнить высказывание французского мима Марселя Марсо, назвавшего Гоголя «самым замечательным автором для искусства пантомимы» (*Владимиров И.Ф.* Гоголь и Булгаков // Н.В. Гоголь: Загадка третьего тысячелетия: Первые гоголевские чтения. Сб. докл. М., 2002. С. 45).

В 1970-е гг. новой заметной инсценировкой поэмы стали поставленные в ленинградском Театре драмы им. А.С. Пушкина (Александринский театр) «Похождения Чичикова, или Мертвые души»; сценический текст А.М. Володина, Р.Д. Тименчика и Н.М. Шейко, постановка Н.М. Шейко, художник М.Ф. Китаев, композитор Р.С. Гринблат (см.: Театр. 1975. № 3. С. 83). Авторы инсценировки последовали за Гукоским, усматривавшим в «Мертвых душах» «соприкосновение сознания Чичикова с сознанием автора»; в его уста был вложен также и авторский текст: «И до такой ничтожности, мелочности, гадости мог снизойти человек?» (*Коваленко Г.В.* И.О. Горбачев: Портрет во весь рост // *Актерское мастерство 1983.* С. 122,123). Роль Чичикова в спектакле исполнил И. Горбачев, до того уже сыгравший Чичикова как «постаревшего Хлестакова» в телефильме Ленинградской студии «Мертвые души» (1969) (см. с. 645 наст. изд.). О том, что Горбачеву все же не удалось уйти от «хлестаковщины» в сыгранном им образе Чичикова, см.: *Билинкис Я.* Инициатива и традиция // Смена. 1975. 7 февраля. № 32. С. 4. Роль Собакевича, как и в телефильме А.А. Белинского, сыграл Ю.В. Толубеев, самый «впечатляющий в галерее образов спектакля» (*Кузьякина Н.* Похождения Чичикова // Ленинградская правда. 1975. 10 января. № 8. С. 3; см. также: *Белая Э.Н.* Ю.В. Толубеев в репертуаре Гоголя и Островского // *Актерское мастерство 1983.* С. 69–72); роль Плюшкина — А. Борисов (*Белая Э.Н.* Добрый талант А.Ф. Борисова // Там же. С. 106–109). В спектакле была занята почти вся труппа театра (около ста действующих лиц): все упомянутые Чичиковым и другими помещиками «мертвые души» появлялись как тени людей с могильными крестами в руках, символами того креста, «который владели они при жизни» (*Алянский Ю.* Мы снова едем в NN // Вечерний Ленинград. 1974. 27 ноября. № 277. С. 3). В основу сюжета инсценировки легло «распутывание тайны Чичикова губернской толпой» (как продолжение завета Станиславского: «Карьера Чичикова (...) вот за чем должен следить зритель» — см. с. 627 наст. изд.); куски авторского текста были отданы актерам, «чтобы они сами представляли своих героев»; при этом голос Автора (в исполнении О. Ефремова) тоже при-

существовал в спектакле (*Маранциман В.* Кто он был на самом деле? // Театр. 1975. № 4. С. 32). Критика отмечала музыкальную стихию спектакля, близкую то к мюзиклу, то к водевилю, и яркую сценографию художника М. Китаева (см.: *Савицкая О.* Художник и сцена // Арс: Российский журнал искусств. Тематический вып.: Александринский — Пушкинский — Александринский. 1995. № 1. С. 79, 81; *Березкин В.* В границах одной школы // Театр. 1975. № 6. С. 69; Март Китаев: Выставка сценографии: Каталог. Л., 1979. С. <14>; о постановке см. также: *Товстоногов Г.* Призвание театра // Вопросы театра: Сб. статей и материалов. М., 1977. С. 53—54).

Еще одним спектаклем, выходящим «за рамки его общеизвестной, хрестоматийной трактовки», стали «Мертвые души», поставленные в 1977 г. в Русском драматическом театре Литовской ССР В.В. Ланским: режиссер попытался «сочетать условное постановочное решение с реалистическим актерским исполнением»: так, Чичиков появлялся в спектакле «как современный молодой человек с книгой Н. Гоголя в руках», читая которую он превращался в героя гоголевской поэмы «Мертвые души» (*Юкова И.* Русский драматический театр Советской Литвы. Вильнюс, 1988. С. 93; макет спектакля см.: Театр. 1977. № 6. Вклейка между С. 80 и 81; см. также: *Бахметьева Е.Л.* «Я приглашаю вспомнить долг...» // Советская Литва. 1977. 14 мая. № 113. С. 4).

Авангардистским театральным прочтением «Мертвых душ», где само сценическое пространство (художник Э.С. Кочергин) было трактовано как метафора «гигантской смирительной камеры», «театральной преисподней» (*Любомудров М.* Языком суровых символов // Советская культура. 1977. 21 июня. № 50. С. 5; *Смелянский 1981.* С. 82), стал спектакль «Ревизская сказка», поставленный в Театре на Таганке Ю. Любимовым (премьера 9 июня 1978 г.) на музыку А. Шнитке. В нем наряду с текстом «Мертвых душ» на равных правах сосуществовали фрагменты других произведений Гоголя — «Шинели», «Записок сумасшедшего», «Выбранных мест из переписки с друзьями», «Развязки “Ревизора”», «Портрета», «Носа». Как писал А.М. Смелянский, сквозь «литературный хаос» свободного сценария «пытался пробиться главный мотив собственной судьбы Гоголя, его неотступный вопрос о “деле литературы” и о том, что значит в России “быть писателем”» (*Смелянский 1981.* С. 84—85). О решении образа Чичикова в спектакле см.: там же, с. 83; *Смелянский А.М.* «Человеческое слышится везде»: Контуры «театра Гоголя» 70-х годов: Полемиические заметки // Литературное обозрение. 1979. № 2. С. 90.

Стенограмму обсуждения спектакля с участием С.А. Макашина, Ю.В. Трифонова, Ю.В. Манна и др. в Управлении культуры Мосгорисполкома 1 июня 1978 г. см.: *Абелюк Е., Леенсон Е.* Таганка: личное

дело одного театра. М., 2007. С. 488—514; см. также: *Манн 2008*. С. 576—577.

В 1979 г. постановка гоголевской поэмы под названием «Дорога» (первоначальное название — «Колесо») была осуществлена А. Эфросом в московском Драматическом театре на Малой Бронной (инсценировка В. Балясного, музыкальное оформление В. Багрова; о причинах трансформации названия см.: *Манн Ю.* Тургенев и другие. М., 2008. С. 571—572). Эта театральная версия стала своеобразным возвращением к первоначальной концепции мхатовского спектакля: путешествия Чичикова сопровождаются странствиями самого Гоголя, который словно бы на наших глазах сочиняет свою поэму, где «еще все не установлено, не отлилось в хрестоматийные формы...» (*Смелянский 1981*. С. 350; см. также: *Смелянский А.* Четыре круга // *Театр*. 1980. № 10. С. 27—28). «Я говорю актерам, что это не “Мертвые души”, а театральная игра в “Мертвые души”. Азартная игра с серьезной, драматической и печальной подоплекой. Хочется, чтобы и тройка присутствовала и сам Гоголь, как это было в первоначальном замысле у Булгакова...» (*Эфрос А.* Продолжение театрального рассказа. М., 1985. С. 49). В спектакле были заняты: М. Козаков (Автор), Н. Волков (Собакевич), О. Яковлева (Коробочка), Л. Дуров (Ноздрев), А. Мартынов (Чичиков), А. Дмитриева (Плюшкин) (*Театр*. 1980. № 6. С. 67; *Комиссаржевский В.* В конце сезона // *ЛГ*. 1980. 4 июня. № 23. С. 8).

Критика особо отмечала своеобразие изобразительного решения спектакля, предложенного художником В. Левенталем. Каждый из героев «помещен в передвижную нишу, смонтированную на фурке. Каждый появляется из своего “футляра” наподобие персонажей паноптикума. И такая единственная в своем роде “кунсткамера” размещается на пустой сцене под большим колесом (видимо, тем самым — от той самой брички?)...» (*Луцкая Е.А.* Валерий Левенталь. М., 1989. С. 143). Но сам режиссер остался спектаклем недоволен: «Не получился “домашний тон”. (...) как сделать, чтобы за игрой не пропадала мудрость?» (*Эфрос А.* Указ. соч. С. 53—54; о спектакле см. также: *Турбин В.* Постыжение правды // *Советская Россия*. 1980. 6 мая. № 104. С. 2; *Смелянский А.* Наши собеседники: Русская классическая драматургия на сцене советского театра 70-х годов. М., 1981. С. 347—366; *Билинкис Я.* Что обещает нынешний сезон? // *Советская культура*. 1983. 29 января. № 13. С. 4; *Кухта Е.А.* Проблемы театра Н.В. Гоголя и советская драматургическая сцена 1970-х годов / *Дис. ... канд. искусствовед. Л.*, 1987. С. 172—184; *Эдлис Ю.* Загадка Эфроса // *Театр*. 1988. № 7. С. 134—135; *Фридриштейн Ю.* Анатолий Эфрос — поэт театра. М., 1993. С. 80—84; *Дмитриева А.* Режиссер на всю жизнь // *ТЖ*. 1998. № 4. С. 16). О нереализованных замыслах Эфроса постановить «Мертвые души» в театре «Современник» с О. Табаковым в роли Чичикова

см.: *Манн 2008*. С. 570–571, в Театре на Таганке — см.: *Яковлева О.* Так было не только со мной // *ТЖ*. 2000. № 1. С. 40.

Со второй половины 1980-х гг. и на протяжении трех десятилетий имел место ряд постановок «Мертвых душ» в разных театрах страны. Здесь можно выделить следующие тенденции. Во-первых, к гоголевской поэме начинают обращаться кукольные театры. Так, «Мертвые души» по киносценарию Булгакова—Пырьева (см. с. 643–644 наст. изд.) были поставлены в 1985 г. в Челябинском областном театре кукол (режиссер В. Вольховский, художник Е. Луценко). Актеры в масках, изображавших лицо Гоголя, работали с куклами. Тем самым решалась проблема «кукольности» гоголевских образов и подчеркивалось, что писатель «в самом деле ведет каждого своего персонажа, что каждый из героев — часть его души» (*Игнатъева М.* Вновь обрести доверие к кукле // *ТЖ*. 1986. № 5. С. 14–15; см. также: *Глебова О.* Волшебники с куклами // *Вечерний Ленинград*. 1987. 15 апреля. № 87. С. 3).

Спектакль по поэме Гоголя с живыми, но словно «оукленными» актерами был поставлен в Новокузнецком драматическом театре в 2001 г. (режиссер О. Пермяков, сценограф Н. Вагин; см.: *Уварова И.П.* Заколдованное место (о последних постановках «Мертвых душ») // *Н.В. Гоголь и театр: Третьи гоголевские чтения: Сб. док. М., 2004*. С. 276). Критиками отмечалось влияние на создателей спектакля культуры «серебряного века», научившей прозревать невидимое: «Видимый мир, вырванный предметами быта, у Вагина стал невидим», а невидимый — «обозреваем», «иначе как бы перед нами явились все эти мертвецы?» (там же, с. 280).

Прием использования кукол наряду с живыми актерами характеризует также и «кукольную фантазмагорию» под названием «Концерт для Чичикова с оркестром», поставленную режиссером А. Денниковым (он же — сценарист и исполнитель основных ролей) в 2006 г. в Театре кукол им. С.В. Образцова (критику данного приема см.: *Заславский Г.* Очередной реванш деятельного кукловода: Андрей Денников снова вышел на сцену Театра имени Образцова // *Независимая газета*. 2006. 24 мая. № 101. С. 8). В спектакле в текст Гоголя дополнительно был введен текст «Пролога на небе» из «Фауста» Гете, «только ценой спора в данном случае стала душа Чичикова» (там же; см. также: *Чернович И.* Андрей Денников — повелитель кукол // *Планета Красота: московский театральный журнал*. 2006. № 7–8. С. 62–65; *Юдина Е.* Г-ну Гоголю, кукле и человеку // *Культура*. 2006. 27 апреля. № 16. С. 11; *Кучеров А.* Андрей Денников: «Без театра мы уподобимся Чичикову» // *ЛГ*. 2006. 19–25 апреля. № 16. С. 9; *Катаева Н.* Катит бричка по России... // *ЛГ*. 2006. 19–25 апреля. № 16. С. 9).

Другая наметившаяся тенденция инсценировок «Мертвых душ» последнего времени — сужение площадки действия, выражающееся в

сведении до минимума участвующих в представлении актеров (вариант: действующих лиц). Моноспектакль по «Мертвым душам» в исполнении А. Филиппенко был поставлен Марком Розовским (см.: *Заславский Г.* «Мертвые души» напротив памятника автору // *Экран и сцена.* 1991. 25 апреля. № 17 (69). С. 4–5; *Алексеева Е.* К Марку Розовскому не полетит навстречу шестнадцатилетняя девушка с закружившеюся головою и геройским увлечением // *Час пик.* 1991. 24 июня. № 25. С. 10; *Гаевская М.* В отсутствие партнера // *Театр.* 1992. № 8. С. 43–44; *Кузнецов О.* Монолог о моноспектаклях // *Экран и сцена.* 1994. 21–28 апреля. № 15. С. 5).

В 1993 г. по мотивам поэмы Гоголя и одноименной пьесы Булгакова режиссером Владом Фурманом в петербургском театре «Русская антреприза им. Андрея Миронова» был поставлен спектакль с участием трех актеров (Сергея Русскина, Николая Дика и Алексея Федыкина), менявшихся по ходу действия «ролями—личинами—масками» (*Скорочкина О.* «Души эти давно умерли, остался пустой звук...» // *Смена.* 1994. 29 января. № 19. С. 5; *Полушко В.* А в бричке-то кто едет? // *СПбВед.* 1993. 25 ноября. № 252. С. 7).

Событием театральной жизни Москвы стала постановка в 1994 г. сцен из поэмы Гоголя в Творческом центре им. Вс. Мейерхольда в спектакле под названием «Нумер в гостинице города NN» (автор идеи и режиссер В. Фокин, композитор А. Бакши, музыкальный руководитель спектакля М. Пекарский, художник-сценограф А. Великанов; в спектакле были заняты А. Леонтьев, В. Еремичев, И. Лях и др. — см.: *Театр.* 1994. № 4. С. 73). Действие постановки, родившейся «из этюдов» (см.: *Леонтьев А.* «Ищу персонажа в себе» (беседовал Павел Подкладов) // *Экран и сцена.* 2001. Май. № 16. С. 7), концентрировалось вокруг фигуры Чичикова, а особая сценография заставляла зрителя преодолевать дистанцию, традиционно существующую между «зрителем» и «актером» (для «Нумера» построили двухэтажный деревянный домик, в котором размещались и зрители, и актеры). Сценический текст спектакля издан: *Партитуры двух спектаклей. «Нумер в гостинице города NN». «Превращение».* М.: Творч. центр им. Вс. Мейерхольда, 1999; см.: *Леонидова И.* Партитура драмы: Спектакли В. Фокина — по «нотам» // *Культура.* 1999. 3–9 июня. № 19. С. 9. Отзывы о спектакле см.: *Минина Е.* Агорафобия // *Театральная жизнь.* 1999. № 1. С. 37; *Боссарт А.* Единственный в мире Авангард Второй: Обывательские хроники // *Столица.* 1994. № 23. С. 51; *Родионова И.* Зрелище для гурманов: «Нумер в гостинице города NN» // *Независимая газета.* 1994. 22 февраля. № 34. С. 7; *Гульченко В.* Источник Гоголя // *Экран и сцена.* 1994. 7–14 апреля. № 13. С. 9, 14; *Боброва Н.* ...И запах нечистой силы: Валерий Фокин предлагает совершенно оригинальную трактовку «Мертвых душ» // *Российская газета.* 1994.

17 марта. № 51. С. 7; *Рассадин Ст.* Возвращение в балаган. И никаких парадоксов: О некоторых новинках театрального сезона // *ЛГ*. 1995. 19 апреля. № 16. С. 8; *Свободин А.* Ночной смотр Чичикова // *ЛГ*. 1994. 20 апреля. № 16. С. 8; *Круглый Л.* Гоголь: «...такие интересные подробности» // *Русская мысль*. Париж, 1996. 1–7 августа. № 4137. С. 15. Из зарубежных откликов на спектакль см.: *Marks P.* In *One Deathly Business, Paying the Consequences* // *New York Times*. 1999. May 15. P. 14; *Freedman J.* An Experimenter Helps the West Warm Up to Gogol // *New York Times*. 1999. May 9. P. 12 (сведения об американских откликах сообщены П. Карпуком).

Другим экспериментальным спектаклем (в студийном духе) с участием минимального количества актеров (в спектакле их занято 5) стала сценическая фантазия Дмитрия Жамойды («Мертвые души». Прочитано близко к тексту автора) на малой сцене «Современника» (преьера — 18 июля 2000 г.). В ней всех помещиков, за исключением Коробочки, изображал, «жонглируя образами-масками», один актер — Кирилл Мажаров. Основным приемом спектакля стала «игра текстовыми ассоциациями, импровизация на темы “Мертвых душ”»: Собакевич преобразался в спектакле в нового русского; у Маниловых любимой семейной шуткой было явление мертвой девушки, усаживающейся на колени гостю; Коробочку сопровождали грозные охранники (*Воронова Е.* Игра на минном поле // *Театральная жизнь*. 2001. № 4. С. 55–56; *Уварова И.П.* Заколдованное место (о последних постановках «Мертвых душ») // *Н.В. Гоголь и театр: Третьи гоголевские чтения: Сб. док. М., 2004. С. 274; см. также: Одина М.* Авось воскреснет: В «Современнике» сыграли «Мертвые души» // *Сегодня*. 2000. 20 июля. № 157. С. 6; *Гаевская М.* Близко к тексту: «Мертвые души» в «Современнике» // *Культура*. 2000. 10–16 августа. № 30. С. 9).

На современном звучании «Мертвых душ» сделали акцент также и создатели спектакля «Чичиков» (режиссер Александр Исаков, художник Валентин Светозаров (Македония)), поставленного по пьесе Булгакова в Театре им. В.Ф. Комиссаржевской (Санкт-Петербург) в 2002 г. Режиссер не только изменил количество гоголевских персонажей (Чичикова в спектакле играют два актера), но и их пол (роль Коробочки исполняет Георгий Корольчук) (о спектакле см.: *Алексеева Е.* Новые герои в зале и на сцене // *СПбВед*. 2002. 13 марта. № 47. С. 5; *Филатова Л.* Фрак брусничный... и брусничный фрак // *Петербургский театральный журнал*. 2002. № 27. С. 171, 175; *Балаганова А.* Дело о мертвых душах оказалось хлопотным: Чичиков раздвоился в театре имени Комиссаржевской // *Смена*. 2002. 21 февраля. № 3. С. 10).

Из масштабных инсценировок последних двух десятилетий следует отметить спектакль «Мистификация», поставленный по пьесе Н. Садур «Брат Чичиков» (текст пьесы см.: *Садур Н.* Брат Чичиков: Пьеса по

мотивам поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Садур Н. Обморок: Книга пьес. Вологда, 1999. С. 351–414; режиссер Марк Захаров в содружестве с Ю. Махаевым, художник-сценограф О. Шейнцис, художник по костюмам М. Данилова) в театре Ленком в феврале 1999 г., и спектакль «Мертвые души. Поэма о Чичикове в двух актах и двух томах», поставленный в 2005 г. в Московском академическом театре им. Вл. Маяковского в Москве по одноименной пьесе В.Ю. Малягина (режиссер С. Арцибашев, художник А. Орлов, текст песен Юлия Кима, композитор В. Дашкевич).

В постановке М. Захарова гоголевский сюжет был существенно переосмыслен, явив собой коллаж текста «Мертвых душ», «Вия», «Записок сумасшедшего», отдельных эпизодов гоголевской биографии и многочисленных аллюзий на современность, где «мотивы великого текста введены в какофонию нынешней российской действительности» (Смелянский А. Сплетня как орудие театрального пролетариата: Сугубо полемические заметки // Культура. 1999. 18–24 февраля. № 6. С. 3). Также и на режиссерском и сценографическом уровне спектакль оказался построенным на цитатах и автоцитатах: пьеса Нины Садур разыграна «подручными средствами», подобранными из костюмов и «сценографических объектов» других ленкомовских спектаклей: «Юнона и Авось», «Чайка», «Жестокие игры» (см.: Гаевская М. Всепоглощающий обман // Театральная жизнь. 1999. № 4. С. 35–36; Гаевская М. «Золотая Маска-2000» // Современная драматургия. 2000. № 3. Июль–сентябрь. С. 67). Образ Чичикова, поданного отчасти как alter ego самого Гоголя (в спектакле он, поддавшись уговорам панночки-ведьмы, возвращается в Россию из Италии), был также решен как двойственный: Чичиков выходит на сцену сатирическим героем, а уходит с нее героем лирическим и даже трагическим, уподобляясь Распятаму на кресте (отсюда финальная метафора спектакля – подъезжающее к переднему краю сцены «гигантское красное колесо», к которому Чичикова привязывают ремнями, – см.: Силюнас В. Колесо Чичикова // Экран и сцена. 1999. Февраль. № 5. С. 5; о спектакле см. также: Тимашева М. Как нам регенерировать Россию? // Экран и сцена. 1999. Февраль. № 5. С. 5; Березкин В. Вернисажи // Театральная жизнь. 2000. № 5. С. 23–24; Мельникова Н. Кому на Руси... // Петербургский театральный журнал. 2000. № 20. С. 85–87; Овчинникова С. Марк Захаров как ниспровергатель геометрии Эвклида // Современная драматургия. 2001. № 1. Январь–март. С. 165).

Лирический образ Чичикова (исполнитель С. Арцибашев) возобладал в постановке «Мертвых душ» Московского академического театра им. Вл. Маяковского (по обоим томам поэмы). Главный герой представлен в спектакле не мошенником, но бедным и слабым человеком, пускающимся во все свои авантюры ради светлого идеала – красавицы-

жены и кучи ребятишек, проплывающих перед ним прекрасным видением (*Шимадина М.* Мертвые души взяли за живое: Звезды Маяковки в гоголевской поэме // *Коммерсант*. 2005. 14 ноября. № 213. С. 22; *Ларина К.* Сын Отечества: «Мертвые души» в Театре Маяковского // *Театральные новые известия*. 2005. 6 декабря. № 12. С. 10–11). Первый акт (первый том) наполнен комическими сценами-аттракционами (даже знаменитые слова о птице-тройке переданы Ноздреву). Второму тому отдан второй акт спектакля, выдержанный в тоне почти трагическом (подробнее см.: *Наст. изд.* Т. 8; о спектакле см. также: *Каминская Н.* Бедный, бедный Павел Иванович! // *Культура*. 2005. 17 ноября. № 45. С. 9; *Щербakov К.* Гоголю слово: «Мертвые души» в Театре имени Маяковского // *Новое время*. 2005. № 47. С. 40–41).

Среди других спектаклей последних лет следует отметить постановку «Голь» в театре «На Литейном» (режиссер Р. Смирнов, художник Э. Капелюш; премьера 18 декабря 1999 г.), в которой использовалась, наряду с «Носом» и другими гоголевскими повестями, «Повесть о капитане Копейкине» (см.: *Соколинский Е.* Гоголь без масок // *Петербургский театральный журнал*. 2000. № 21. С. 34–36); спектакль 2001 г. «Похождения господина Ч.» по пьесе М. Булгакова в Нижегородском театре драмы; инсценировку «Мертвых душ» Черниговским академическим украинским музыкально-драматическим театром им. Т. Шевченко (см.: *Ривкинд Т.* Гордый Гоголь, куда несешься ты?: «Славянские театральные встречи» — 10 // *Культура*. 2002. 20–26 июня. № 25. С. 4); постановки «Мертвых душ» Театром им. И. Франко в Киеве с Богданом Бенюком в роли Собакевича — см.: *Шерман А.* Богдан Бенюк // *Театр*. 2002. № 3. С. 64), Химкинским муниципальным драматическим театром «Наш дом» (спектакль «Чичиков и Ко» — см.: *Иныхин А.* Сколько в Химках Чичиковых? // *ЛГ*. 2005. 6 апреля. № 14. С. 10), Национальным академическим театром им. Я. Купалы в Минске, режиссер Валерий Раевский, в роли Чичикова Олег Гарбуз (спектакль решен в жанре «мистической комедии» — см.: *Катаева Н.* Счастливые дни в зеркале жизни: Национальные театры Европы в «Доме Островского» // *ЛГ*. 2006. 27 декабря. № 52); а также спектакль-балаган «Приходите... завтра!?» по мотивам повести о капитане Копейкине (режиссер Игорь Неупокоев), сыгранный в 2002 г. «Театром Простодушных» (Москва).

Последние по времени инсценировки «Мертвых душ» — спектакль Вл. Тькке по сценарию М. Булгакова, представленный 24 марта 2007 г. на сцене «Балтийского дома», а также «Похождение, составленное по поэме Н.В. Гоголя “Мертвые души”» Театра-студии под руководством О.П. Табакова (премьера 7 апреля 2006 г., режиссер М. Карбаускис, художник С. Бархин; в ролях: С. Безруков — Чичиков, Б. Плотников — Собакевич, О. Табаков — Плюшкин). В последнем случае критика отмечала «фривольное обращение с сюжетом и персонажами» и «прое-

цирование образа Чичикова на “героев нашего времени”» (Лисовец М. Гоголь по-безруковски... // Невское время. 2006. 8 сентября. № 162. С. 10; см. также: Ларина К. Возвышающий обман // Театральные новые известия. 2006. № 5 (май). С. 14–15; Егорова О. Grimасы «Мертвых душ»: Олег Табаков и Сергей Безруков поиграли с Гоголем // Новые известия. 2006. 10 апреля. № 61. С. 5; Должанский Р. Олег Табаков побаловался Плюшкиным: Из «Мертвых душ» сделали «Похождение» // Коммерсант. 2006. 10 апреля. № 62. С. 21). Финальная сцена в спектакле была решена как «эпическая картина» сна героев поэмы, «нечто вроде немой сцены “Ревизора” в ночном варианте» (Карась А. Русь-тройка не несется. Миндаугас Карбаускис поставил в «Табакерке» поэму Гоголя // Российская газета. 2006. 11 апреля. № 74. С. 6; Соколянский А. Гоголь-allegri: В театре Олега Табакова поставили спектакль по «Мертвым душам» // Время новостей. 2006. 11 апреля. № 62. С. 10).

* * *

За рубежом одна из первых известных нам постановок «Мертвых душ» состоялась в 1908 г. в парижском театре «Одеон» (см.: Обзорение театров. 1908. № 306. С. 19. Разд. «Хроника»). В 1957 г. поэма была инсценирована в Токийском драматическом театре Хаю-Дза (Советская культура. 1957. 27 апреля. № 59. С. 4; Театр. 1956. № 4. С. 164). В 1960 г. Роже Планшон (самый «брехтианский» режиссер Франции того времени), привлеченный «умением Гоголя выявлять безумие, присутствующее человеческой логике» (Asso A. *Les Ames mortes* ou la mise en scène de la folie par Adamov // *Les formes de la réécriture au théâtre. Actes du colloque de juin 2004 sous la direction de Marie-Claude Hubert. Presses Universitaires de Provence, 2006. P. 223*), поставил «Мертвые души» в переложении Артюра Адамова, который до того уже перевел поэму на французский язык (см. с. 700 наст. изд.; текст инсценировки: Adamov A. *Les Ames mortes, d'après le poème de Nicolas Gogol. Paris: Gallimard, 1960 (Collection Le Manteau d'Arlequin)*) в Театре де ла Сите де Вилёрбан 22 января 1960 г. и в театре «Одеон» 21 апреля 1960 г. (см.: Е.С. Гоголь во Франции // Театр. 1960. № 10. С. 188–189; Guillot G. Roger Planchon nous parle des *Ames mortes* // *Lettres Françaises. 1960. 18 février*). Инсценировка А. Адамова легла также в основу постановок «Мертвых душ» в Штутгартском театре (Театр. 1960. № 8. С. 192. Рубрика «По театрам мира»; Иностранная литература. 1960. № 3. С. 278) и в Хельсинкском народном театре (Иностранная литература. 1961. № 7. С. 284).

В 1966 г. поэма поставлена Югославским драматическим театром в Белграде (режиссер Мата Милошевич, с Любой Тадичем в роли Ноздрева — см.: Театр. 1966. № 4. С. 164); в 1969 г. — Словацким националь-

ным театром в Братиславе (см.: Словацкий театральный костюм. Братислава, 1974. Ил. 87); в 1973 г. — Театром де ла Сите, Франция (см.: Михеева А. Народные театры в Западной Европе. М., 1973. Вклейка между С. 64 и 65); в 1975 г. — Национальным театром Праги (Narodni divadlo. Praha, 1982. Фото 113); в 1977 г. — Варшавским драматическим театром, постановка Анджея Стржелеки по пьесе М. Булгакова.

В 1983 г. пьеса «Мертвые души» была сыграна в Олне-су-Буа (Aulnay-sous-Bois), Франция, режиссер Мехмет Улюзуа (Mehmet Ulusoy). Отзыв о спектакле см.: Cournot M. «Les Ames Mortes» à Aulnay-sous-Bois. Une soif de désastre // Le Monde. 1983. Février 19.

Другие постановки двух последних десятилетий: 1986 г. — Театр Либерте, Париж; 1991 г. — Драматический театр Сараево, по инсценировке М. Булгакова (Тимофеев Н. Тачанка Чичикова // Культура. 1991. 30 ноября. № 12. С. 9); 1993 г. — Бобиньи, Франция, постановщики Антон Кузнецов и Лоран Лежоп, сценография Г. Лейтнер (труппа Патрика Пино); 1996 г. — театр «Паренти», Милан, режиссер Гуидо де Моничелли (инсценировка в соавторстве с Робертой Арчеллони «в стилистике Мейерхольда» — Батырев С. По мотивам «Мертвых душ» // Культура. 1996. 28 декабря. № 50. С. 14); 1977 — Театр им. Мадача (инсценировка К. Сакони) (Родионов Б. Будапештские премьеры // Известия. 1977. 17 января. № 14. С. 4).

* * *

Первая отечественная экранизация «Мертвых душ» режиссера П.И. Чардынина (он же автор сценария), снятая в 1909 г. торговым домом А. Ханжонкова, была приурочена к 100-летию со дня рождения Н.В. Гоголя. Это был короткометражный фильм, включивший лишь отдельные сцены поэмы, где сам Чардынин сыграл роль Ноздрева. Уже в этой первой экранизации «появилась потребность в авторском слове Гоголя, в фигуре Автора — теще и рассказчика», картина демонстрировалась «под декламацию отрывков из романа в исполнении Я. и Е. Ждановых» (Муратов 1990. С. 54; см. также: Новые фильмы. 1996. Январь. № 1. С. 13—14; Гоголевский кинословарь. С. 17).

В середине 1930-х гг. попытку экранизации «Мертвых душ» предпринял И.А. Пырьев. В качестве сценариста был приглашен М.А. Булгаков, уже выступивший к тому времени как автор инсценировки гоголевской поэмы для театральной сцены (см. с. 624 наст. изд.). В созданной Булгаковым «Экспозиции» определены основные черты новой кинематографической версии «Мертвых душ»: «...«заманчивая завязка, точная фабула и оглушительная развязка» (см.: Егоров Б.Ф. М.А. Булгаков — «переводчик» Гоголя (инсценировка и киносценарий «Мертвых душ», киносценарий «Ревизора») // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. Л., 1978. С. 72; Файман Г.

Кинороман Михаила Булгакова // Искусство кино. 1987. № 7. С. 80). В киносценарии Булгаков попытался реализовать некоторые неосуществленные идеи театральной инсценировки, в частности, восстановить ряд купюр, сделанных в мхатовской версии пьесы (см. с. 627 наст. изд.). Результаты обсуждения первого варианта сценария с И.А. Пырьевым и И.В. Вайсфельдом (зам. директора первой фабрики Москинокомбината) отражены в письме Булгакова к П.С. Попову от 10 июля 1934 г.: «Люся (Е.С. Булгакова. — *Ред.*) утверждает, что сценарий вышел замечательный. Я им (И.В. Вайсфельду и И.А. Пырьеву. — *Ред.*) показал его в черновом виде, и хорошо сделал, что не перебелил. Все, что больше всего мне нравилось, то есть сцена суворовских солдат посреди Ноздревской сцены, отдельная большая баллада о капитане Копейкине, панихида в имении Собакевича и, самое главное, Рим с силуэтом на балконе, — все это подверглось полному разгрому! Удастся сохранить только Копейкина, и то сузив его. Но — Боже! — до чего мне жаль Рима! (...) выслушал все, что мне сказал Вайсфельд и его режиссер, и тотчас сказал, что переделаю, как они желают, так что они даже изумились» (Булгаков. Т. 5. С. 514). Сценарий (в третьем варианте) был представлен на кинофабрику 12 августа и принят 15 августа 1934 г. (Файман Г. Кинороман Михаила Булгакова // Искусство кино. 1987. № 7. С. 88). Публикацию авторского варианта сценария см.: Киносценарии: Литературно-художественный альманах М., 1987. № 4.

К концу марта 1935 г., после долгих переговоров с участием Булгакова сценарий (уже в его режиссерском варианте) был принят к постановке (см.: Егоров Б.Ф. Указ. соч. С. 75—80; Файман Г. Кинороман Михаила Булгакова // Искусство кино. 1987. № 9. С. 80—93; публикацию режиссерского варианта сценария см.: Булгаков М., Пырьев И. Мертвые души: Киносценарий / Коммент. и публ. Ю.П. Тюрина // Москва. 1978. № 1. С. 125—164; то же: Пырьев И.А. Избранные произведения. Т. 2. М., 1978. С. 189—249; см. также: «Мертвые души», киносценарий // Соколов Б. Энциклопедия Булгаковская. М., 1996. С. 336—341.). Однако к тому времени Пырьев уже переключился на съемки фильма «Партийный билет», и лента снята так и не была. В 1965 г. Пырьев вновь вернется к замыслу экранизации «Мертвых душ» (см.: Советская культура. 1965. 21 декабря. № 153. С. 1; рубрика «По Советскому Союзу»), но вместо этого займется экранизацией «Братьев Карамазовых» Достоевского. О кинематографичности и зрелищности похождения Чичикова в фильме, задуманном Пырьевым и так и не осуществленном, см.: Муратов 1990. С. 59—60.

Остался нереализованным и замысел экранизации «Мертвых душ» по сценарию М. Цехановского, отвергнутому в 1948 г. художественным советом «Союзмультифильма» (см.: Кривуля Н.Г. Экранизация про-

изведений Н.В. Гоголя в отечественной анимации // *Гоголь и театр 2004*. С. 323).

В снятом в 1952 г. итальянским режиссером Альберто Латтуадой фильме «Шинель» были использованы мотивы «Повести о капитане Копейкине», а также некоторые эпизоды XI главы поэмы, в частности, похороны прокурора (*Лотто Ч. де. Гоголь в итальянской кинематографии // Гоголь и театр 2004*. С. 308, 315–317; *Лотто Ч. де. Гоголь на итальянском // Гоголевский кинословарь*. С. 278–279).

Первой полнометражной экранизацией «Мертвых душ» в отечественном кинематографе стал снятый на киностудии «Мосфильм» в 1960 г. фильм-спектакль «Мертвые души» (сценарная разработка и постановка Л. Трауберга, главный оператор К. Бровин, художник Е. Куманьков; роли исполняли В.В. Белокуров (Чичиков), В. Станицын (губернатор), Б. Ливанов (Ноздрев), А. Грибов (Собакевич), А. Зуева (Коробочка), Б. Петкер (Плюшкин), Ю. Леонидов (Манилов)). О закончившейся работе над экранизацией см.: *Московская правда*. 1960. 31 июля. № 179. С. 3. Фильм, отличавшийся академизмом, вызвал по большей части ироническое отношение критиков: его упрекали в «старомодности» и даже анахроничности (на самом деле, Трауберг ограничил себя культурно-просветительской и даже «реставраторской» целью: дать широкому зрителю возможность увидеть постановку К.С. Станиславского и В.Г. Сахновского 1932 г.; и потому в фильме снимались в основном артисты МХАТа, участвовавшие в легендарном спектакле, — см.: *Муратов 1990*. С. 61; *Гоголевский кинословарь*. С. 44).

Следующая экранизация поэмы Гоголя была сделана на Ленинградской студии телевидения в 1969 г. Двухсерийный телефильм-спектакль «Мертвые души» (режиссер А. Белинский) был показан в апреле 1969 г. по Центральному телевидению (см.: *Краснов Ю. Вы встречались с Чичиковым? // Вечерний Ленинград*. 1969. 8 апреля. № 83. С. 3). Роль Чичикова исполнил И.О. Горбачев, до того сыгравший уже в театре и в кино роль Хлестакова. По словам рецензента, Чичиков виделся актеру как «постаревший Хлестаков; только то, что для Хлестакова было искренним, наивным и чистым, для Чичикова стало способом и средством существования» (*Коваленко Г.В. И.О. Горбачев: Портрет во весь рост // Актерское мастерство 1983*. С. 122). Роль Манилова сыграл О. Басилашвили, Ноздрева — П. Луспекаев, Собакевича — Ю. Толубеев, сыгравший затем ту же роль и в спектакле Н.М. Шейко «Похождения Чичикова, или Мертвые души» (1974) (см. с. 634 наст. изд.; см. также: *Белая Э.Н. Ю.В. Толубеев в репертуаре Гоголя и Островского // Актерское мастерство 1983*. С. 69–72). Однако несмотря на звездный состав, спектакль «событием не стал, хотя смог бы стать» (*Крейтнер Н. Один месяц телетеатра // Театр*. 1969. № 8. С. 64–65). См. также: *Гоголевский кинословарь*. С. 47.

24 декабря 1979 г. на экранах телевидения прошла премьера фильма-спектакля МХАТ «Мертвые души», режиссер Ф. Гляшин, с участием двух актеров, которых готовил к игре еще Станиславский: А. Зуевой, сыгравшей Коробочку в 1932 г., и Б. Петкера, сменившего в постановке Станиславского Л. Леонидова в роли Плюшкина (см.: *Гоголевский кинословарь*. С. 59).

В телесериале «Мертвые души» 1984 г. автор сценария и режиссер М. Швейцер, продолжая театральные искания А. Эфроса (см. с. 636 наст. изд.), попытался «утвердить на телеэкране жанр художественной исповеди творца», введя в фильм те «больные, трудные и “запретные” темы и вопросы, которые ставились» Гоголем в письмах и заметках (*Муратов 1990*. С. 67, 69). Многие облегченные постановки классики того времени стали предметом скрытой полемики в фильме, особенно «те из них, где смеховая традиция и культура классического наследия (...) низводились до потребительского зрительского уровня...» (там же, с. 68; см. также: *Зоркая Н.* На экране — «Мертвые души» // *Советская культура*. 1984. 24 ноября. № 141. С. 5; *Чегодаев А.* Средствами другого искусства // *Советская культура*. 1984. 4 декабря. № 145. С. 5; *Сергеев Е.* Не до смеха?.. // *Литературная Россия*. 1984. 30 ноября. № 48. С. 17; см. также: *Рыбак Л.* Как рождались фильмы Михаила Швейцера. М., 1984. С. 99–101, 143, 151–161; *Гоголевский кинословарь*. С. 63–68).

В 2005 г. состоялась премьера многосерийного телефильма «Дело о “Мертвых душах”», авторы сценария Ю. Арабов и П. Лунгин, режиссер-постановщик П. Лунгин, художник-постановщик Гр. Широков (см.: *Боссарт А.* Гоголь & Google. ru. Закончен премьерный показ сериала П. Лунгина и Ю. Арабова «Дело о “Мертвых душах”» // *Новая газета*. 2005. 12–14 сентября. № 67. С. 21; *Гоголевский кинословарь*. С. 83–85). О других киноверсиях «Мертвых душ» см.: там же, с. 20, 52–53, 75, 80, 90–91, 136.

* * *

В 1901–1903 гг. на тексты лирических отступлений из «Мертвых душ» фольклорист и композитор А.Д. Кастальский (1856–1926) создал цикл хоров а саррелла «Песни о Родине» (№ 1 — «Поля неоглядные», № 2 — «Эх, тройка, птица-тройка»), «своеобразный опыт “озвучивания”» прозы Гоголя (см.: *Асафьев Б.* Гоголь и музыка // *Асафьев Б.* Избранные труды: В 5 т. Т. IV. М., 1955. С. 155), подхваченный впоследствии И. Сильванским в сюите для фортепиано («цикл сатирических пьес-портретов» в 7 частях) и Г.В. Свиридовым в сочинении для тенора и смешанного хора «Об утраченной юности» (*Тюменева Г.А.* Гоголь и музыка. М., 1966. С. 207, 208).

Самой значительной и на данный момент единственной музыкальной интерпретацией полного текста «Мертвых душ» стала опера Р. Щедрина «Мертвые души», над которой он работал в 1966–1976 гг. Поставлена в 1977 г. в Большом театре Союза ССР, режиссер спектакля Б. Покровский, дирижер Ю. Темирканов, сценография В. Левенталя (см.: Театр. 1977. № 11. С. 98; Б.А. Покровский ставит советскую оперу. М., 1989). Другие постановки: декабрь 1977 г. в государственной опере Брно (Чехословакия) (дирижер Вацлав Носек, режиссер Милан Пашек); в 1979 г. в Ленинградском театре оперы и балета им. Кирова (см.: Ленинградский государственный Ордена Ленина академический театр оперы и балета им. С.М. Кирова. Л., 1981. С. 16; Григорьев Л., Платек Я., Кулиевич М. «Мертвые души» — две премьеры // Музыкальная жизнь. 1979. № 9. С. 18–19), в 1988 г. в Бостоне.

Щедрин называл свое сочинение «оперными сценами» и сам написал к нему либретто, которое характеризуется одновременно приверженностью к буквальному воспроизведению гоголевского текста и вместе с тем многочисленными отступлениями от композиции поэмы. Драматургической кульминацией оперы сделана сцена смерти прокурора (подробнее см.: Платек Я. «Книжечка» для музыки: Опыт анализа. «Мертвые души» — опера Р. Щедрина // Платек Я. Под сенью дружных муз. М., 1987. С. 47–66).

В драматургии спектакля присутствуют две жанровые тенденции — ораториальная, лиро-эпическая («обнаруживает явные фольклорные истоки») и фарсово-комедийная (решается «в оперном ключе»); используются подлинные народные тексты, в том числе и «Не белы снеги», песня, упомянутая в самой поэме Гоголя (см.: Баева А. Советская оперная драматургия последних десятилетий и идеи Стравинского // Музыкальный театр: События, проблемы. М, 1990. С. 53–57; Нестьева М. Советская опера 70–80-х годов (на примере некоторых образцов многоактной оперы) // Музыкальный театр: События, проблемы: Сб. ст. / Ред.-сост. М. Сабина. М., 1990. С. 14–16). Опера предполагала свыше 30 ролей солистов, смешанный хор, заменивший группу скрипок, и гигантский оркестр с привлечением множества необычных инструментов. «Характеристичность гоголевских типов, — говорил Щедрин, — я стремился подчеркнуть не только индивидуализацией каждой вокальной партии, но и игрой оркестровых тембров. (...) Сделано это, чтобы создать своего рода звуковую атмосферу, слуховую “узнаваемость” гоголевских характеров» (Щедрин Р. Поющая проза Гоголя // Литературная Россия. 1977. 8 июля. № 28. С. 10; беседу вел Б. Лавренюк). Для Манилова — это «сладчайшие арии в сопровождении флейты», контрабас и контрфаготы — для Собакевича, меццо-сопрано — для Плюшкина (по авторскому замыслу, партию Плюшкина должен был исполнять женский голос), охотничьи волторны сопровождали голос Ноздрева. И только

Чичиков не имел ни лейтмотива, ни лейттеобра, демонстрируя полную готовность примениться к любым обстоятельствам. Кроме того, опера требовала сцены, разделенной на два яруса, для возможности параллельного действия. Последнее значительно ограничило возможность сценических воплощений оперы после ее первых постановок в Москве, Брно и Ленинграде (см.: *Грибкова А.Б.* Гоголь в музыкальной афише Москвы на рубеже тысячелетий // *Гоголь и театр 2004*. С. 352–355; *Лемэр Ф.Ш.* Музыка XX века в России и в республиках бывшего Советского союза. СПб., 2003. С. 213–214; *Тараканов М.* Поэма Гоголя на оперной сцене // *Советская музыка*. 1977. № 10. С. 85–97). Отзывы о работе В. Левенталья, который оформил каждый эпизод оперы соответствующими живописными стилизациями (сцена у Ноздрева — как изображение сцен охоты «во вкусе Орловского»; эпизод в поместье Манилова — как юмористическое подобие «Смольнянок» Д. Левицкого; сцены в трактире — как натюрморты во «фламандском духе»), см.: *Луцкая Е.* Валерий Левенталь. М., 1989. С. 134–137; 143–147. Из зарубежных откликов на оперу см.: *Zand N.* Création des «Ames Mortes» de Rodion Chedrine au théâtre Bolchoï // *Le Monde*. 1977. Juin 25. Вновь поставлена в Мариинском театре в 2011 г. (реж. В. Бархатов).

В 1997 г. «Мертвые души», наряду с другими произведениями Гоголя, легли в основу балета-диптиха «Невский проспект» на музыку А. Шнитке, поставленного труппой «Кремлевский балет» под руководством Андрея Петрова (использован сюжет: Чичикова вовлекают в inferнальный танец мертвые души) (см.: *Грибкова А.Б.* Гоголь в музыкальной афише Москвы на рубеже тысячелетий // *Гоголь и театр 2004*. С. 355).

* * *

Размышляя о природе иллюстраций и об их связи с художественным текстом, Ю. Тынянов рассматривал поэму Гоголя, «самого конкретно — до иллюзий — писателя», как пример «менее всего поддающегося переводу на живопись» произведения: «гоголевские типы», воплощенные и навязываемые русскому читателю с детства, — «пошлость, ибо вся сила этих героев в том, что динамика слов, жестов, действий не обвешана у Гоголя плотной массой» (*Тынянов Ю.Н.* Иллюстрации // *Книга и революция*. 1923. № 4 (28). С. 16). История иллюстрирования «Мертвых душ» демонстрирует попытки художников уловить уникальную природу гоголевских образов и найти изобразительные средства, позволяющие передать ее языком визуального искусства.

В роли иллюстратора «Мертвых душ» первым выступил сам автор, создавший, как уже отмечалось выше, многоплановый рисунок для обложки первого издания (подробнее см. с. 508–509 наст. изд.). По замечанию Е.А. Смирновой, изображения на обложке, как и весь текст гоголев-

ской поэмы, «могут быть прочитаны двойко»: «в них можно увидеть отдельные реалии ее сюжета, а можно — и некие обобщающие символы» (Смирнова Е.А. 1987. С. 77). Таким образом, писатель сам наметил возможный подход к иллюстрированию (а вместе с тем и к пониманию) поэмы, однако в течение многих лет художники, бравшиеся за создание иллюстраций, следовали в основном по пути буквальной интерпретации гоголевского текста (см. об этой тенденции: Михайлов А.В. Гоголь в своей литературной эпохе // Михайлов А.В. Обратный перевод. М., 2000. С. 315; см. также: Герчук 2009. С. 29–30).

Остается непроясненной история иллюстрирования одного уникального экземпляра поэмы, поступившего в Отдел рукописей Российской национальной библиотеки в 1970-х гг., в составе коллекции В.А. Крылова. Книга представляет собой первое издание «Мертвых душ» (1842 г.) с вплетенными в него иллюстрациями — подлинными рисунками акварелью, тушью и карандашом на ватмане и писчей бумаге (ОР РНБ. Ф. 1224. Оп. II. Ед. хр. 43; Новые поступления в Отдел рукописей и редких книг ГПБ (1974–1978): Каталог. Л., 1980. С. 109). Значительная часть иллюстраций — портреты действующих лиц (выполнены в основном тушью и акварелью), на прочих запечатлены отдельные сюжетные сцены (как правило, тушью). Некоторые иллюстрации снабжены пояснительными подписями чернилами и карандашом. Особый интерес представляют две подписи, позволяющие предположить возможность создания этого экземпляра в родственном Гоголю кругу. В первом случае иллюстрация (запечатлевшая момент подъезда к гостинице запряженной тройкой брички, с сидящими в ней кучером, слугой и барином — акварель, карандаш) подписана: «Дядя Коля» (л. 5, вплетен перед текстом). Во втором случае иллюстрация (несущаяся тройка с одним кучером — акварель, карандаш) имеет подпись: «НВ-ч» (вероятно, сокращенное «Николай Васильевич»), «Дядя Коля» (л. 274, между с. 466 и 467 книжной пагинации; на л. 280, между с. 474 и 475, имеется карандашный эскиз этого рисунка). Обстоятельства и время создания этого экземпляра, равно как и имя автора, остаются неизвестными (см. также: Сажин В. Тысяча мелочей // Новое литературное обозрение. 1993. № 3. С. 199).

Первая попытка издания «Мертвых душ» с иллюстрациями была предпринята гравером Е.Е. Бернадским (1819–1889) в начале 1846 г. (т.е. еще до выхода второго издания поэмы). В феврале он написал П.А. Плетневу и изложил «программу» своей «затеи». Во-первых, он намеревался отдельно опубликовать 100 гравюр на дереве «с большую осмушку листа» 25 еженедельными выпусками по 4 рисунка (их должен был выполнить художник А.А. Агин (1817–1875), но его имя в письме не упоминалось). Во-вторых, Бернадский выражал готовность приобрести на три года право печатать текст «Мертвых душ», чтобы издать

поэму вместе с иллюстрациями, прибавив к 100 большим рисункам «еще сто гравюр маленьких в текст» (*Мат. и иссл. 1936. Т. 1. С. 161*). Принцип иллюстрирования, «сочетавший крупные изображения на отдельных вкладных листах с небольшими рисунками, непосредственно связанными с текстом», был «чрезвычайно распространен в то время»; именно он лежал в основе «графического сопровождения» многочисленных физиологических очерков (*Стернин 1955. С. 58*; см. также: *Стернин 1985. С. 9*). Однако Агин и Бернардский собирались воплотить его по-новому: вопреки сложившейся традиции большие гравюры должны были не только представить главных действующих лиц, но и наметить «основные смысловые акценты в графическом “прочтении” Гоголя», а маленькие рисунки — отразить многочисленные детали и общий фон действия (*Стернин 1955. С. 58*). Бернардский сообщил Плетневу, что в любом случае, с текстом или без него, рассчитывает выпустить иллюстрации не позднее 1 октября 1846 г. (*Мат. и иссл. 1936. Т. 1. С. 161—162*).

16 (28) февраля 1846 г. Плетнев написал Гоголю о предложении Бернардского: «Вот и еще дело, на которое отвечаю скорее и определеннее. Художник Бернардский желает издать первый том “Мертвых душ” со ста политипажными картинками и со ста такими же в тексте виньетками. Я видел часть первых: они очень хороши. Ежели ты согласен позволить ему издание этого тома, он предлагает тебе заплатить *вдруг* 1500 р. сер(ебром) или в два срока 2000 р. сер(ебром), с тем, что до истечения трех лет ты не будешь вновь печатать этого тома и позволишь ему теперь *вдруг* тиснуть 3600 экз. Издание будет выходить еженедельными выпусками, числом 25 выпусков. Отвечай немедленно, согласен ли ты на все это. Или пришли свои условия» (*Гоголь. Переписка. Т. 1. С. 260*). 4 (16) марта 1846 г. Плетнев напомнил Гоголю: «Пожалуйста, реши дело с Бернардским. Он нетерпеливо ждет ответа» (там же).

Гоголь сообщил о своем решении Плетневу в письме от 8 (20) марта 1846 г. из Рима: «Художнику Бернардскому объяви отказ. Есть много причин, вследствие которых не могу покамест входить в условия ни с кем. Между прочим, во-первых, потому, что второе издание 1-й части будет только тогда, когда она выправится и явится в таком виде, в каком ей следует явиться; во-вторых, потому, что по странной участи, постигавшей издание моих сочинений, выходила всегда какая-нибудь путаница или бестолковщина, если я не сам и не при моих глазах печатал. А в-третьих, я — враг всяких политипажей и модных выдумок. Товар должен продаваться лицом, и нечего его подслащивать этим кондитерством. Можно было бы допустить излишество этих родов только в таком случае, когда оно слишком художественно. Но художников-гениев для такого дела не найдешь, да притом нужно, чтобы для того и самое сочинение было классическим, приобретшим полную известность, вычищенным, конченным и не наполненным кучею таких грехов, как мое».

Одной из «многих причин» столь решительного отказа Гоголя явилось негативное отношение к эстетике политипажа — популярной в 1840-е гг. полиграфической техники, ориентированной в основном на массовые издания. Она использовалась для печати карикатур, иллюстраций к произведениям «натуральной школы», путевым очеркам, хроникам, сообщениям о научных открытиях и т.д. (Стернин 1955. С. 28; см. также: Сидоров А.А. Искусство русской книги // Книга в России. Ч. 2: XIX век. М., 1925. С. 199—229). Этот круг ассоциаций никак не соответствовал художественным задачам, которые ставил перед собой Гоголь, продолжая работу над «Мертвыми душами» (см. об этом: Гуминский В.М. «Мертвые души» в иллюстрациях // Гоголь Н.В. Мертвые души: Поэма. М., 2001. С. 392; Динцес 1937. С. 11—12; Стернин 1985. С. 9). По замечанию Е.А. Смирновой, Агин и Бернадский в искусстве 1840-х гг. представляли «физиологическое» направление, «с которого началось массовое увлечение социальной типизацией (...), зачастую не шедшее дальше воспроизведения чисто внешних примет избранного писателем или художником “типа”». Иллюстрации Агина, оказавшись рядом с гоголевским текстом, «неизбежно способствовали бы тому самому истолкованию произведения как жанра, которого автор стремился избежать» (Смирнова Е.А. 1987. С. 76).

Вероятно, распространение сведений о замысле Агина и Бернадского привело к появлению слухов о скором выходе иллюстрированного издания сразу двух томов «Мертвых душ». Слухи эти проникли в прессу, оживив дискуссию о гоголевском творчестве соперничавших литературных «партий». Так, Булгарин писал в «Северной пчеле» от 1 февраля 1846 г.: «Мы слышали, что новый Гомер, Г. Гоголь, прервал свое бездействие и написал второй том своей поэмы *Мертвые Души*, и что эта вторая часть будет напечатана вместе с первой, с политипажными. Любопытны будут картинки! Не нарисуют ли и будочника, описанного в поэме, и пляску у Губернатора, и прочие диковинки?» (СПч. 1846. 1 февраля. № 27. Фельетон. С. 107; подпись: Ф.Б.). «Отечественные записки» полемически откликнулись на это «скороспелое объявление»: «...во-первых, Гоголь, вероятно, никогда не решится напечатать вторую часть своей поэмы первым изданием с политипажными рисунками, потому что она и без этих прикрас облетит весь русский читающий мир, как облетела предшественница ее, первая часть, да, чего доброго, прочтется и образованною Европою; во-вторых, ни г. фельетонисту и никому не может быть известно, не только печатается ли вторая часть “Мертвых Душ”, но даже написана ли она, даже пишется ли» (ОЗ. 1846. Т. XLV. № 3. Отд. VI. «Библиографические и журнальные известия». С. 41; без подписи). Здесь же анонсировалось издание «картинной галереи» Агина и Бернадского. Автор статьи с похвалой отзывался об уже готовых гравюрах, в том числе — портрете Плюшкина, «дрожащего всеми чле-

нами от радости» при получении денег от Чичикова (там же, с. 40–41). Отмечалось, что главный герой поэмы в изображении художников «удивительно верен колоссальной идее, служащей основанием его характеру» (там же, с. 41).

Позднее, в сентябре 1846 г., «Отечественные записки» снова сообщили о предстоящем выходе иллюстраций. Автор заметки утверждал, что художник «с чрезвычайною верностью воплотил» гоголевские «типы», «сделавшиеся отныне как бы нарицательными» (ОЗ. 1846. Т. XLVIII. № 9. Отд. VI. «Библиографические и журнальные известия». С. 38; без подписи). К журналу прилагалась одна из иллюстраций («Чичиков и Манилов разговаривают о мертвых душах»); также были напечатаны объявление о подписке и анонс, написанный от лица авторов. В нем «Мертвые души» назывались произведением, соединившим множество «разнообразных чисто-русских типов».

Сообщения о подготовке издания появились также в других газетах и журналах. Автор заметки в «Русском инвалиде», приветствуя начинание Агина и Бернадского, подчеркивал, что они выбрали предмет, достойный иллюстрирования, — книгу, неизменно привлекающую читателей «верностью характеров и вообще всей действительности, воспроизводимой автором» (Сто рисунков из сочинения Н.В. Гоголя: «Мертвые Души» // Русский инвалид. 1846. 21 сентября. № 210. Фельетон. С. 837; без подписи).

Таким образом, уже в первых отзывах проявилась тенденция восприятия агинских иллюстраций — а с ними и поэмы Гоголя — как изображения русских «типов» и русской действительности. Этот подход оставался доминирующим в течение многих десятилетий.

Первые выпуски издания поступили в продажу, как и планировалось, в ноябре 1846 г. «Иллюстрация» от 2 ноября (№ 41) опубликовала объявление о продаже рисунков (С. 657) и напечатала четыре гравюры (С. 646–647). О выходе издания сообщили также «Русский инвалид» (1846. 1 ноября. № 244. С. 976; 28 ноября. № 266. С. 1064), «Северная пчела» (1846. 18 ноября. № 261. С. 1044), «Библиотека для чтения» (1846. Т. 79. Ч. 2. № 12).

Альбом печатался в петербургской типографии Эдуарда Праца. В финансировании издания принял участие архангельский почетный гражданин Д.М. Горяинов (*Кузьминский К. Классический иллюстратор «Мертвых душ» // Сочинения Н.В. Гоголя / Под ред. В.В. Каллаша. Т. 4. СПб., 1915. С. 8*). На желтых бумажных обложках выпусков изображались герои «Мертвых душ» за чтением книги. Все гравюры печатались с одной стороны листа, под ними помещались подписи — соответствующие цитаты из гоголевского текста. Предполагалось, что читатели смогут вклеивать гравюры в издания поэмы (*Немировский 2004а. С. 66–67; Лики Гоголя 2009. С. 180–181*).

По замечанию К. Кузьминского, «несмотря на общее увлечение “Мертвыми душами”, подписались на издание немногие. Правда, в числе подписчиков были многие лица царской семьи, министры и представители аристократии (имена их были опубликованы в одном из выпусков), но средняя интеллигенция почему-то не откликнулась» (*Кузьминский К. Классический иллюстратор «Мертвых душ» // Сочинения Н.В. Гоголя: В 10 т. / Под ред. В.В. Каллаша. Т. 4. [Пг.], 1915. С. 8).*

Гоголю было известно о выходе издания. 31 октября 1846 г. Шевырев сообщил ему: «Бернардский издает 100 рисунков к “Мертвым душам”. Ты, конечно, об этом слышал. Должны выйти на днях» (*Гоголь. Переписка. Т. 2. С. 333*). Никаких свидетельств об оценке писателем иллюстраций не сохранилось.

После выхода первых выпусков в прессе стали появляться рецензии. «Русский инвалид» назвал издание «великолепным», отметив, что «картинки по отделке не уступают французским» (Петербургская хроника // *Русский инвалид. 1846. 11 декабря. № 276. Фельетон. С. 1103*). Автор заметки высоко оценил динамичные сценки жанрового характера с участием второстепенных персонажей.

Альбом был подробно отрецензирован в «Отечественных записках». Журнал опубликовал разбор первых 12 выпусков, принадлежащий В.Н. Майкову (Сто рисунков из сочинения Н.В. Гоголя «Мертвые души». Изд. Е.Е. Бернардского и А.Г. Рисовал А. Агин, гравировал на дереве Е. Бернардский... // *ОЗ. 1847. Т. L. № 2. Отд. VI. С. 71–88; см. то же: Майков В.Н. Литературная критика: Статьи. Рецензии. Л., 1985. С. 300–324, ниже цитируется по этому изданию). Собственно искусствоведческий анализ неразрывно связан здесь с литературно-критическим и из него вытекает. Помимо общей оценки «Мертвых душ» Майков внимательно рассматривал возможности графической интерпретации текста, обозначая подстерегающие художника сложности. К ним отнесены, в частности, присущая «Мертвым душам» динамика описаний, зачастую исключаяющая возможность адекватного художественного воплощения (кто «решился повторить те страницы <...>, где, кажется, слова не успевают сложиться в речь? Так быстро, так неуловимо движение сцены!..» — там же, с. 306), и сложность портретного воспроизведения гоголевских образов, совмещающих в себе общечеловеческие начала («...прежде всего являются людьми, как бы малы и ничтожны ни были они...»), высочайшую достоверность («страшная жизненность лиц»), скрытый биографизм («...понимаешь все обстоятельства, которые сделали из него то, что он есть в настоящую минуту...») и высокую обобщенность: «...каждое лицо <...> есть в то же время вывод из целой категории людей...» (там же, с. 313, 314, 315). Эта исходная позиция во многом объясняет оценку Майковым главной задачи, которую, по его мнению (на материале первых 12 выпусков), поставили перед собой*

художники, — он посчитал ее самой трудной: «...изобразить преимущественно те сцены, которые находятся в тесной связи с главной интригой поэмы, то есть с покупкою мертвых душ» (там же, с. 316).

В свете этих эстетических предпосылок наиболее острой критике подверглись иллюстрации, в которых была усмотрена грубо противоречащая гоголевским образам («так строго, так мудро начерченным» — там же, с. 314) карикатурность. Это коснулось прежде всего значительной части изображений Чичикова — за исключением сцен, происходящих у Собакевича и Плюшкина, и особенно сцены торговли Чичикова с Собакевичем («Тут лицо Чичикова свачено превосходно...», «Как хороша поза Чичикова!» — там же, с. 319). Отмечены отдельные удачи в изображении Манилова (хотя в ряде случаев «заметно поползновение к карикатуре» — там же, с. 320), Коробочки (но здесь недостает «разнообразия», «игры в чертах» — там же), Ноздрева (лучшие сцены: игра с Чичиковым в шашки и момент приезда капитана-исправника). Безоговорочные похвалы адресованы портретам Собакевича (которого «художник понял лучше других» — там же, с. 321) и особенно — Плюшкина («...решительно лучшая часть издания», идея скупости выражена «во всем ее страшном величии» — там же, с. 322). Из второстепенных персонажей выделены приказчик Манилова и Мижув, из отдельных сценок — Манилов с женою, а также разговор Ноздрева, Чичикова и Мижужева.

Цикл рецензий, опубликованных в «Отечественных записках», продолжила статья Р.Р. Штрэндмана, посвященная трем следующим выпускам рисунков (№ 13, 14, 15). Рецензент отмечал, что в них фигура Чичикова стала ближе к гоголевскому замыслу: «...он изображен миловидным, гладеньким, полненьким», так что зритель смотрит на него «с каким-то непостижимым участием» и сопереживает ему в его «небывалом и страшном» деле (ОЗ. 1847. Т. LI. № 3. Отд. VIII. «Смесь. Внутренние известия». С. 87). Высокой оценки автора статьи заслужили иллюстрации к эпизодам в гражданской палате: «Весь рисунок дышит канцелярией... Лица чиновников прекрасны; ни одно не похоже на карикатуру; напротив, над некоторыми можно призадуматься» (там же, с. 88). В рецензии снова высказывалась мысль о типичности гоголевских персонажей: каждый из них — «представитель целой группы людей, схожих друг с другом во многих чертах, но, несмотря на то, людей разных покровов...» (там же). Художники воплотили это «типичное» в масштабе русского мира: к достоинствам Агина причислена способность «изобретать самые тонкие, самые неуловимые проявления русской природы» (там же, с. 89).

Еще одна рецензия на «Сто рисунков...» (предположительно, В.В. Стасова) появилась в № 6 «Отечественных записок» за 1847 г. (Т. LII. Отд. VIII. С. 168—178). В ней также отмечалось, что худож-

ник по мере работы стал лучше понимать сложный и глубокий характер Чичикова. По мнению рецензента, возможность подобного развития доказывает смысловую неисчерпаемость гоголевской поэмы, которая учит художника «изображать игру страстей под матовою оболочкою», «мысль чуть-чуть пробивающуюся сквозь неподвижную кору одеревеневшего лица» (там же, с. 168—169). Автор заметки рассуждал также о том, в какой мере удалось художнику передать психологическую сложность некоторых эпизодов произведения. Анализ иллюстраций стал здесь поводом для внимательного изучения гоголевского текста, размышлений о природе персонажей «Мертвых душ».

Откликнулся на альбом и И.С. Тургенев, опубликовавший свой отзыв в первом номере «Современника» за 1847 г. (Отд. IV. С. 74). Писатель счел «внешнее исполнение» иллюстраций «чрезвычайно удовлетворительным», но упрекнул художников в незнании провинциальной России. По его мнению, гоголевские «типы» «не вполне дались» Агину, изобразившему «чисто петербургские» лица. Главным же «промахом» стала фигура Чичикова, наделенная, вопреки гоголевскому описанию, излишне резкими и определенными чертами (там же).

Известна также реакция Достоевского на выход иллюстраций. В «Петербургской летописи» он назвал труд художников «прекрасным предприятием», отметив, что «некоторые из политипажей окончены превосходно, так что лучшего трудно желать» (*Достоевский*. Т. 18. С. 28; впервые опубликовано: *СПбВед.* 1847. 1 июня. № 121).

Первоначально иллюстрации выходили регулярно, но на 18-м выпуске издание прервалось в связи с материальными затруднениями (Горяинов прекратил финансирование из-за конфликта с Бернадским) и цензурными препятствиями (см. об этом: *Стернин 1955*. С. 92—100; *Стернин 1985*. С. 10—12). Таким образом, в 1846—1847 гг. были напечатаны 72 рисунка из 100. Полностью агинский цикл увидел свет лишь в 1892 г., когда вышел альбом под названием «Сто рисунков к поэме Н.В. Гоголя “Мертвые души”». В том же году появилось еще одно издание, дополненное четырьмя рисунками (тремя иллюстрациями к «Повести о капитане Копейкине» и афишей-литографией с сообщением о выпуске гравюр; подробнее об истории этих публикаций см.: *Посредник печатного дела*. 1892. № 1. С. 35—36; № 4. С. 8—9, 12; *Стернин 1955*. С. 100—102; *Стернин 1985*. С. 12).

Впервые рисунки Агина были изданы вместе с текстом «Мертвых душ» лишь в 1902 г., когда истек срок авторских прав на произведения Гоголя. До этого наследники, следуя воле писателя, публиковали его сочинения без иллюстраций. Что же касается А.Ф. Маркса, приобретенного в 1893 г. исключительные авторские права на гоголевские тексты, он предпочел издать поэму с иллюстрациями других художников (*Немировский 2004а*. С. 69). В дальнейшем «Мертвые души» неодно-

кратно издавались с иллюстрациями Агина не только в России, но и за рубежом (подробнее см. там же). В 1985 г. в Москве вышло отдельное факсимильное издание 104 гравюр с приложением статьи Г.Ю. Стернина (*Стернин 1985*) и вступительного текста к изданию 1892 г. со статьей Н.С. Лескова (*Сто рисунков из сочинения Н.В. Гоголя «Мертвые души»... М.: Книга, 1985*). В 2001 г. рисунки были напечатаны в большеформатном издании «Мертвых душ», осуществленном рекламно-компьютерным агентством газеты «Труд» (в приложении — статья Н.С. Лескова; примечания и послесловие В.М. Гуминского).

Иллюстрации Агина и Бернадского в значительной мере повлияли на читательское восприятие героев Гоголя. В.Г. Короленко писал: «Первый иллюстратор Гоголя Агин дал нам (...) Плюшкина и Собакевича, которых мы уже не можем представить иначе, как в чертах, им закрепленных» (*Коростин, Стернин 1952. С. 844*). Это влияние не могло не отразиться и на театральных воплощениях гоголевских героев (см.: Новое время. 1889. 16 апреля. № 4715. С. 3; рубрика «Театр и музыка»; подпись: А. С-нь), и на работах других иллюстраторов поэмы, и на мнениях критиков, долгое время рассматривавших рисунки Агина как «точку отсчета» для оценки иллюстраций к «Мертвым душам». Например, Н.С. Лесков в отзыве об издании «Ста рисунков...» 1892 г. сравнивал иллюстрации П.М. Боклевского и П.П. Соколова с агинскими, отдавая предпочтение последним за полноту и точность воспроизведения гоголевских «типов» (*Нива. 1892. № 8. С. 187*). Но и гораздо позднее, в 1938 г., В. Шкловский в статье об иллюстрациях Кукрыниксов к поэме подчеркивал, что они уступают работам Агина в «глубине понимания текста», передаче гоголевского юмора и психологических нюансов действия (*Шкловский В. Иллюстрации Кукрыниксы к «Мертвым душам» // Детская литература. 1938. № 4. С. 31–32*; см. также: *Кауфман Р. Агин и Кукрыниксы: Два издания «Мертвых душ» Н.В. Гоголя // Искусство. 1939. № 1. С. 83–101*).

Одна из причин подобной «долговечности» иллюстраций Агина состоит в том, что ему в некоторой степени удалось уловить и передать внутреннюю динамику изображенных сцен. Иллюстрации наполнены «живым, метко схваченным движением»; каждый из персонажей характеризуется «типичным для него в ту или иную минуту метко переданным жестом» (*Динцес 1937. С. 7–8*), сложно и богато разработанной пластикой фигуры (*Стернин 1955. С. 77*; см. также: *Герчук 2009. С. 30*). При этом Агин часто выбирал для рисунков сцены диалога — именно в них наиболее полно раскрывается психологическая сторона действия (*Стернин 1955. С. 62–66*). Кроме того, благодаря определенной условности агинского рисунка персонажи «Мертвых душ» в передаче художника зачастую выглядят несколько наивно, по-детски. С одной стороны, это смягчает и «гуманизирует» образы, с другой, — придает им

гротескный оттенок. Подобный взгляд на персонажей близок гоголевской антропологии и поэтике. В работах Агина заметно также стремление следовать стилистической манере Гоголя, в частности — перенести в иллюстрации его знаменитые развернутые сравнения. Однако здесь это намерение осуществляется лишь отчасти: условный план сравнений художником учитывается, но не разрабатывается.

Специалисты неоднократно пытались разграничить роли художника и гравера в создании «Ста рисунков...» (см., например: *Динцес Л.А.* Комментарий к иллюстрациям // *Мат. и иссл.* 1936. Т. 2. С. 593—594; *Сидоров А.А.* Рисунок старых русских мастеров. М., 1956. С. 401; *Северюхин* 2008. С. 332). Однако эта проблема едва ли имеет точное решение: вклад каждого можно определить лишь «в самой общей форме» (*Стернин* 1985. С. 14). Так, к достоинствам агинских рисунков относятся ясность и цельность пластической формы (в чем проявилось следование традициям академической школы), меткость психологических «портретов», динамичность. Но и Бернадский не просто повторял рисунок, а «пересказывал и завершал его языком гравюры»: «чеканность форм, разнообразие и выразительность гравюрного штриха, цветовая насыщенность» — все это обогатило рисунки Агина, привело к росту «экспрессивной подвижности» и выразительности графических образов (*Журов А.П., Третьякова Е.М.* Гравюра на дереве. М., 1977. С. 167; *Стернин* 1985. С. 15).

Не меньшую популярность, чем иллюстрации Агина и Бернадского, завоевали «гоголевские типы» П.М. Боклевского (1816—1897). В 1858 и 1863 гг. вышли альбомы с его рисунками к «Ревизору». Вероятно, в этот же период художник начал работу над иллюстрациями к «Мертвым душам» и продолжал ее в течение многих лет, постоянно дополняя и изменяя свои «портреты» гоголевских героев (*Кузьминский* 1910. С. 54). Сохранилось большое количество карандашных эскизов, рисунков и акварелей Боклевского, многие из которых не изданы. Известна, в частности, серия его иллюстраций к поэме, выполненных в 1866 г. (см.: *Динцес* 1937. С. 16—17).

Впервые иллюстрации Боклевского к «Мертвым душам» увидели свет лишь в 1875 г.: журнал «Пчела» напечатал сериюксилографий с акварелей художника, созданных в 1874—1875 гг. (Пчела. 1875. Т. 1). Несколько работ из этого цикла были опубликованы также в «Живописном обозрении» в 1880 г. (№ 2, 4, 10) и 1887 г. (№ 9). В журнальной заметке, сопровождавшей рисунки, говорилось о том, что иллюстратор произведений Гоголя, «поэта живой действительности», должен и сам быть «тончайшим знатоком» действительной жизни, знакомым непосредственно с тем миром, которым «вдохновлялся поэт». Только тогда он сможет «воспроизвести физиономически типы Гоголя», «в видимых

чертах» представить их «нравственный характер и страсти» (Живописное обозрение. 1880. № 2. С. 46–47).

Именно так понимал свою задачу сам Боклевский. По свидетельству А.Г. Костенецкого, он говорил об изображенных им «типах»: «Я помню их, я помню совершенно таких, я их встречал в то время, в массе, кругом. Это не карикатуры, нет, это живые люди. Теперь вы их не встретите, и вам они кажутся искусственными. Но я их знал, я их видел, я жил среди них» (письмо К. Кузьминскому от 5 июня 1909 г. — *Кузьминский 1910*. С. 57–58).

Установка на следование «натуре» сочеталась в работе Боклевского со стремлением как можно точнее передать содержание гоголевского текста. Об этом свидетельствуют, например, его сохранившиеся карандашные рисунки 1880-х гг. из фондов Государственного литературного музея (см.: *Лики Гоголя 2009*. С. 204–212). Так, облик чиновника Ивана Антоновича, «кувшинного рыла», полностью соответствует гоголевскому описанию: это «человек благоразумных лет» с торчащими, как щетина, черными волосами и выступающей вперед «серединой лица». Но Боклевский не ограничивается воспроизведением внешности чиновника; поза и взгляд Ивана Антоновича высвечивают подоплеку его диалога с Чичиковым (там же, с. 205). В основе другой работы этого же цикла лежит гоголевское сравнение правителя канцелярии с орлом и куропаткой. Чиновник изображен сразу в двух ипостасях. На переднем плане — в образе «орла»: осанка и выражение лица выражают чванство и строгость; на заднем плане — в виде робкой и подобострастной «куропатки» (там же). Собакевича, «угрюмого помещика», Боклевский, следуя гоголевскому сравнению, наделяет «звериными», медвежьими чертами: у него низкий лоб, брови нависают над глазами, волосы словно шерсть, голова втянута в плечи. Обыгрываются здесь и другие гоголевские сравнения, связанные с образом Собакевича: толстые пальцы персонажа сжаты в кулак, лицо будто бы вырублено топором, сам он забился в угол и настроенно наблюдает оттуда за окружающим (там же, с. 207).

В 1881 г. иллюстрации Боклевского к «Мертвым душам» впервые вышли отдельным изданием. В Санкт-Петербурге был выпущен «Альбом гоголевских типов...», включающий в себя ксилографии, ранее публиковавшиеся в журналах. Издатель альбома Н.Д. Тяпкин и автор предисловия педагог В.Я. Стоюнин подчеркивали, что художнику удалось, следуя гоголевскому тексту, изобразить «типичных представителей эпохи довольно отдаленной» (*Тяпкин Н.Д. От издателя // Альбом гоголевских типов в рисунках художника П. Боклевского*. СПб., 1881. Б. с.). Издание 1881 г. неоднократно перепечатывалось, при этом акварели Боклевского репродуцировались в технике ксилографии.

В 1895 г. в Москве вышел новый альбом, включающий в себя 34 ранее не публиковавшиеся иллюстрации Боклевского к поэме. Они были напе-

чатаны фототипическим способом, позволившим воспроизвести «тонкую карандашную работу» художника значительно точнее, чем ксилография (Бельский Л. [Предисловие] // Типы из поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души», рисованные художником П.М. Боклевским. М., 1895. Б. с.; см. также: *Немировский 2004б*. С. 70). Однако сам Боклевский был недоволен качеством печати: «...ни одно издание, из появившихся в то время, его не удовлетворяло; он даже глубоко ими возмущался, видя искажение того, чему он посвятил себя в течение долгих, долгих лет» (свидетельство А.Г. Костенецкого — *Кузьминский 1910*. С. 54). В.Г. Короленко, видевший оригиналы работ Боклевского, подчеркивал, что не встречал «лучших иллюстраций к Гоголю»: «...это были рисунки карандашом и соусом, в старинной манере, с необыкновенно тонкой отделкой», «совершенно исчезающей» при печатном воспроизведении (письмо К. Кузьминскому от 17 июня 1909 г. — *Кузьминский 1910*. С. 51–52).

«Русская мысль» напечатала благожелательный отзыв об альбоме. Комментируя мнение о карикатурности иллюстраций Боклевского, высказанное, в частности, еще Н. Лесковым (Об иллюстрациях «Мертвых душ» // *Нива*. 1892. № 8. С. 187), автор рецензии утверждал, что при внимательном изучении рисунков (всех в совокупности, а не каждого в отдельности) «те или иные преувеличения начинают сглаживаться» и создается именно то «общее впечатление», «произвести какое имел в виду Гоголь»: «Из-за всех этих лиц, портретных и карикатурных, безобразных и красивых, выступает нечто очень характерное, очень важное для уразумения того времени и тех типов, которые увековечены *Мертвыми душами*» (*РМ*. 1895. Кн. IV. Библиографический отдел. С. 167–168).

Рисунки Боклевского в значительной мере соответствовали общему характеру восприятия гоголевской поэмы читающей публикой и отчасти поэтому обрели весьма широкую популярность: их можно было встретить на тарелках фабрики Кузнецова, на конфетных обертках, на почтовой бумаге и т.д. (*Кузьминский 1910*. С. 8). Сыграла свою роль и «узнаваемость» образов, многие из которых «слишком приближались к агинским прототипам» (*Северюхин 2008*. С. 342).

Однако в качестве иллюстраций в дореволюционные годы рисунки использовались нечасто. Наиболее полно работы Боклевского были представлены в 5-м и 6-м томах «Иллюстрированного полного собрания сочинений Н.В. Гоголя», опубликованного в 1912–1913 гг. московским книгоиздательством «Печатник» (*Немировский 2004б*. С. 70). В послереволюционный период рисунки Боклевского воспроизводились реже, чем иллюстрации Агина и Бернардовского. Они были напечатаны, например, в издании «Мертвых душ» 1952 г. (М.: ГИХЛ) и в 5-м томе «Собрания сочинений» Гоголя 1952–1953 гг. того же издательства. Здесь акварели воспроизведены в технике автотипии (там же).

Среди иллюстраций к «Мертвым душам» особое место занимают акварели П.П. Соколова (1821–1899). Они отражают поворотный момент в истории иллюстрирования гоголевской поэмы, связанный с отходом от «реалистических» тенденций в сторону искусства нового времени. Соколов, необыкновенно отзывчивый к современным веяниям, прожил длинную жизнь в искусстве и сумел впитать, переосмыслить и синтезировать опыт художников 1840-х и 1860-х–1870-х гг. В конце 1880-х гг. он увлекался творчеством молодого Чехова и намеревался иллюстрировать его рассказы (*Коростин 1949. С. 23*). Вероятно, именно в это время он приступил к работе над иллюстрациями к поэме.

Первоначально Соколов создал серию цветных акварелей на темы «Мертвых душ» и в 1891 г. опубликовал 12 листов из нее в виде альбома одноцветных репродукций, исполненных в технике автотипии (Рисунки Петра Соколова к первой части «Мертвых душ» Н.В. Гоголя. СПб., 1891; оригиналы хранятся в Русском музее). Однако важнейшим достижением Соколова как иллюстратора «Мертвых душ» стали другие, позднейшие работы, более совершенные в художественном отношении. Они выполнены в технике черной акварели, позволившей автору в полной мере проявить свое мастерство в использовании светотени (*Коростин 1949. С. 25*).

Цикл «черных акварелей», включающий в себя около 100 листов иллюстраций к обоим томам поэмы, не был опубликован при жизни художника. Долгое время работы оставались неизвестными. Лишь в советское время часть акварелей была показана на выставке, организованной в конце 1944 г. Отделом редких книг Государственной библиотеки им. В.И. Ленина (ныне — Музей книги РГБ; часть акварелей цикла сейчас хранится в его собрании). В наиболее полном виде сюита иллюстраций демонстрировалась на персональной выставке П.П. Соколова в 1948 г. (*Коростин, Стернин 1952. С. 891*). Некоторые работы были опубликованы в советское время (см.: *Гоголь в изобр. иск. 1953. С. 168–177*; Петр Петрович Соколов. М., 1959), однако качество репродукций не позволяет в полной мере оценить достоинства оригиналов.

Важнейшая черта «черных акварелей» Соколова, отличающая их от всех предшествующих работ, — формирование среды, настроения, атмосферы действия (см.: *Герчук 2009. С. 31*), наличие общего взгляда на предмет изображения. Достигается это с помощью комплекса выразительных средств и приемов, перекликающихся с гоголевскими (см. об этом: *Подобедова О.И. О природе книжной иллюстрации. М., 1973. С. 21, 29–30*).

В частности, художник воплощает собственную «систему иллюстрирования», позволяющую следовать композиции «Мертвых душ»: «...всякой новой группе лиц, вводимых Н.В. Гоголем в поэму, Соколов предпосылает <...> портреты, которые он komponует на отдельных

листах», показывая ближайшее окружение основных персонажей (Подобедова О. [Предисловие] // Петр Петрович Соколов. М., 1959. Б. с.). Расположение фигур на листах не случайно: оно основано на системе сопоставлений и контрастов.

Симметрия и противопоставление являются сквозными организующими принципами соколовского цикла и служат основанием как для общений, так и для выявления индивидуальных черт героев. В частности, Соколов, подобно Гоголю, объединяет в пары персонажей-«двойников». Это дядя Митяй и дядя Миняй, сыновья Петуха, графиня Болдырева и княжна Юзякина, обнимающиеся Чичиков и Манилов и т.д. На фоне родственных друг другу персонажей контрастно выделяются противоположные им по духу. Именно так строится композиция с центральной фигурой Улиньки, окруженной портретами соседей.

Те же принципы используются в тональной организации рисунков. Контрасты и смешения света и тени позволяют художнику отразить драматизм и внутреннее напряжение представленных ситуаций и сцен, расставить смысловые акценты и придать иллюстрациям символическое звучание. Один из ярких примеров — изображение Чичикова в тюрьме. Над сидящим на полу героем, в отчаянии рвущим на себе волосы, — зарешеченное окошко. Льющийся из него свет не падает на Чичикова, помещенного словно бы в круг тьмы. Мрак этот неоднороден, он наполнен энергичными штрихами, напоминающими языки адского пламени.

Важным средством формирования среды являются у Соколова вещи, предметы обстановки. Как и у Гоголя, они «рассказывают, характеризуют», вносят в рисунок новые смысловые оттенки (Коростин 1949. С. 35). При этом художник следует гоголевской образности и стилистике. Так, на одной из иллюстраций Собакевич изображается рядом с большим пузатым шкафом, похожим на хозяина, а супруга помещика — рядом с настенными часами, напоминающими ее прямую тонкую фигуру (там же, с. 34–35). Возле портрета Чичикова нарисована бричка — символ его странствий; в ключевые моменты действия рядом с героем оказывается шкатулка — его заветная «сердцевина»; на нескольких иллюстрациях очертаниям фигуры Чичикова вторят округлые формы мягкого дивана. Большую роль в соколовском цикле играет костюм. Фрак Чичикова означает его светскую «личину», персидский халат и ермолка — любовь к комфорту и роскоши. Форменная одежда чиновников подчеркивает их принадлежность безличной официальной сфере. Особенно выразительно, в полном соответствии с гоголевским текстом, устрашающее облачение жандарма, пришедшего за Чичиковым: «...лошадиный хвост на голове, через плечо перевязь, через другое перевязь, огромный палаш привешен к боку. (...) Целое войско в одном только».

Фигура жандарма с большими усами, но словно без глаз, — знак неумолимой внешней силы, представленной государственной машиной.

Чичиков перед ее лицом кажется беззащитным маленьким человеком. Он как будто застыл, потерял дар речи. Именно так реагируют на внезапное потрясение, вызванное непостижимым поворотом судьбы, персонажи гоголевских «немых сцен». Эти же крайне важные для Гоголя мотивы развиваются Соколовым в иллюстрации «Сбор чиновников у генерал-губернатора». Огромное пространство зала, пронизанного холодным светом, «растворяет» в себе сгрудившихся в углу, замерших в напряженных позах чиновников в черных форменных «футлярах», контрастно выделяющихся на этом фоне. «Официальный» мир сталкивается здесь с частным, нивелируя и обезличивая его. Соотношение индивидуального и общего, личности и надличностных сил — одна из центральных тем соколовского цикла. В русле этой проблематики художник трактует и судьбу Чичикова, и историю капитана Копейкина.

По-новому подходит Соколов и к изображению гоголевских персонажей. Он рассматривает их не как воплощение национальных «типов», определяемых доминирующими чертами, а как сложные и многогранные характеры. При этом индивидуальность каждого передается «смелым, легким, пластичным графическим приемом» (*Кравченко К. Петр Петрович Соколов (1821—1899). М., 1951. С. 28*), раскрывается через нюансы движений, поз, выражений лица. Во многих случаях художник схватывает внутреннее состояние персонажа, лишь несколькими лаконичными штрихами наметив его лицо и фигуру. Живость и конкретность рисунка не исключают некоторой условности, делающей образ открытым, емким в смысловом отношении. Он «впитывает» значения из окружения: игры света и тени, организации пространства, материальной среды, человеческих фигур. Важнейшим источником смыслов является гоголевский текст: связь иллюстраций с тем или иным фрагментом поэмы если и не обозначается явно, в виде подписи, то всегда подразумевается.

Соколов, в отличие от Агина и Боклевского, иллюстрирует лирические отступления и пейзажи «Мертвых душ» (*Коростин 1949. С. 28—29*). Так, акварель «Судьбы двух родов поэзии», основанная на противопоставлении жребия двух писателей, в аллегорической форме передает содержание гоголевских размышлений, открывающих главу VII поэмы. Отступления, посвященные Руси, нашли свое отражение в пейзажах цикла. Значительную роль в них играют настроение, лирическая эмоция, близкая гоголевской. Как и автор поэмы, Соколов стремится к максимальной широте охвата, создавая образ земли «бедной» и «бесприютной», но таящей в себе неизведанную «страшную силу».

Таким образом, новаторство работы Соколова заключается в попытке отойти от буквального понимания гоголевской поэмы, обнаружить в ней более общие, символические значения и универсальную философскую проблематику.

В начале XX в. «Мертвые души» иллюстрировал художник-передвижник В.Е. Маковский (1846—1920). Часть его работ была

опубликована в собрании сочинений Гоголя, выпущенном в 1902 г. под редакцией Е.А. Ляцкого издательством «Народная польза». Подобно П. Соколову, Маковский уделяет много внимания бытовой обстановке эпохи, но «не достигает свойственной тому эмоциональности и поэтической выразительности» (*Северюхин 2008. С. 349*). Его иллюстрации, живые и ироничные, все же «тянут назад к искусству 70–80-х годов XIX века прежде всего своей повествовательностью» (*Журавлева Е.В. Владимир Егорович Маковский: 1846–1920. М., 1972. С. 127*; см. также: *Сидоров А.А. Рисунок русских мастеров (вторая половина XIX в.). М., 1960. С. 218*; *Коростин, Стернин 1952. С. 879–880*; *Динцес 1937. С. 27–28*; *Брешко-Брешковский Н.Н. Владимир Егорович Маковский и его художественная деятельность. СПб., 1902. С. 15–16*).

В тот же период над иллюстрациями к поэме работал молодой Б.М. Кустодиев (1878–1927). Его рисунки предназначались для юбилейного выпуска сочинений Гоголя, осуществляемого по инициативе Вятского губернского земства. Художественным редактором издания был учитель Кустодиева И.Е. Репин. Подобно Боклевскому, Кустодиев избрал жанр портрета. Созданные им типажи «напоминают скорее не книжные иллюстрации, а приблизительные разработки сценического облика героев»; рисунки «отмечены печатью ученичества» (*Северюхин 2008. С. 356*; *Коростин, Стернин 1952. С. 881–882*).

В XIX — начале XX в. иллюстрации к «Мертвым душам» создали и другие художники: Н.В. Иевлев, В.В. Пукирев, В.В. Князев, К.К. Первухин, К.Е. Маковский, В.А. Табурин и др. Можно назвать и живописные произведения «по мотивам» гоголевской поэмы, в частности картину В.Г. Перова «Петр Петрович Петух и его повар», портрет Плюшкина кисти Н.П. Шаховского, работу П.О. Ковалевского «Встреча Чичикова с губернаторской дочкой в пути» и т.д. (подробнее см.: *Северюхин 2008. С. 357–360*; см. также: *Витберг Ф. Указатель иллюстраций к сочинениям Н.В. Гоголя // Литературный вестник. 1902. Т. 3. Кн. 1. С. 92–103*).

Примечательным явлением в истории иллюстрирования поэмы стало издание, осуществленное А.Ф. Марксом (СПб., 1901). Книга вышла как литературное приложение к журналу «Нива». Издатель привлек к работе 12 художников. Было опубликовано 355 иллюстраций, изготовленных методом автотипии, и 10 — методом гелиографуры. Художественными редакторами являлись М.М. Далькевич и П.П. Гнедич. Пейзажи выполнили художники Н.Н. Бажин и Н.Н. Хохряков, бытовые сцены — В.А. Андреев, А.Ф. Афанасьев, В.И. Быстренин, М.М. Далькевич, Ф.С. Козачинский, И.К. Маньковский, Н.В. Пирогов, Е.П. Самокиш-Судковская, узорные инициалы и виньетки — Н.С. Самокиш. Иллюстрации отличались по манере, технике, жанру, размеру и форме. Подобный эклектизм соответствовал духу 1890-х гг. В восприятии современников он позволял передать многогранность

гоголевской поэмы, «подчеркнуть вариативность ее прочтения» (Северюхин 2008. С. 364–377; см. также: Немировский 2004б. С. 72–74; Сидоров А.А. Искусство русской книги // Книга в России. Ч. 2: XIX век. М., 1925. С. 304–305; Лики Гоголя 2009. С. 182–183).

Уникальный цикл гравюр к «Мертвым душам» выполнил в 1923–1926 гг. по заказу А. Воллара Марк Шагал. В 1927 г. тираж гравюр был отпечатан, и тогда же художник подарил один экземпляр Третьяковской галерее, сопроводив надписью: «Дарю Третьяковской галерее со всей моей любовью русского художника к своей родине эту серию из 96 гравюр, сделанных мною в 1923–25 гг. к “Мертвым душам” Гоголя для издателя Ambroise Vollard в Париже». В Национальной библиотеке Франции хранится вторая верстка «Мертвых душ» с иллюстрациями Шагала, имеющая вид сброшюрованной книги с корректорской карандашной правкой на полях (Les Âmes mortes, de Nicolas Gogol. Eaux-fortes de Marc Chagall. Paris: A. Vollard, 1926. 314 р. Шифр: Res G-Y2-274); в конце книги помещена гравюра с изображением человека, держащего в руках открытую книгу, и подписью: «Боже, спаси меня» (указано Е.Е. Дмитриевой). Однако в то время издание не было осуществлено; книга вышла в свет лишь в 1948 г. (Gogol N. Les âmes mortes / Trad. de Henri Mongault. Eaux-fortes originales de Marc Chagall. I–II. Paris: Tériade éditeur, 1948; см. об этом: Апчинская Н.В. Марк Шагал: Графика. М., 1990. С. 112; Шатских А. Гоголевский мир глазами Марка Шагала. Витебск, 1999. С. 5–7).

Шагалу удалось создать неповторимый художественный мир, гениальный гоголевскому, отражающий его фантазмагоричность и ирреальность. В этом мире «обычные причинно-следственные связи недействительны и каждому дню не довлеет его злоба» (Нива Ж. Нежные шаги Марка Шагала // Нива Ж. Возвращение в Европу: Статьи о русской литературе. М., 1999. С. 28; см. также: Апчинская Н.В. Указ. соч. С. 112–127; Герчук 2009. С. 34; Зингерман Б.И. Парижская школа: Пикассо, Модильяни, Сутин, Шагал. М., 1993. С. 300–325; Злыднева Н. Шагал и Гоголь // Европейское искусство XIX–XX веков: исторические взаимосвязи. М., 1998. С. 76–92; Мильдон В. Поэтика Гоголя и иллюстрация // Иллюстрация. М., 1988. С. 92–93, 106–107; Рудаков Ю.А. Марк Шагал — книжный иллюстратор // Рудаков Ю.А. Избранные искусствоведческие труды. СПб., 2001. С. 140–144; Шатских А. Указ. соч. Виноградская Н.Л. «Мертвые души» Марка Шагала // Поэтика русской литературы: Сб. статей. М., 2009. С. 430–440; Zelinsky B. Erzählen durch Illustrieren: Chagalls Radierungen zu Gogols Roman «Die toten Seelen» // Wege zur Kunst und zum Menschen. Bonn, 1987. S. 247–263). В России иллюстрации Шагала вместе с текстом поэмы впервые были изданы лишь в 2004 г. издательством «Фортуна ЭЛ» (предисловие И.П. Золотусского «Гоголиана Марка Шагала» — с. 5–24).

Автором «графического пересказа» гоголевской поэмы стал еще один представитель русского зарубежья — Алексей Ремизов. Его сюрреали-

стические «сновидческие» рисунки вошли в книгу: «Огонь вещей. Сны и предсонье» (Париж, 1954; см. вступ. статью к новейшему изданию: *Обратнина Е.Р.* Метафизический смысл русской классики («Огонь вещей» А.М. Ремизова как опыт художественной герменевтики) // Ремизов А. Огонь вещей: Сны и предсонье. СПб., 2005. С. 5–84).

Иллюстрации известного российского графика Дмитрия Митрохина к «Сочинениям» Гоголя (М.; Л.: Гос. изд-во, 1929), казалось бы, ближе к бытовой предметной реальности, но и в них сильна условность, почти сказочность, рождаемая легким и прозрачным ироничным рисунком (*Кузмин М.* Творчество Д.И. Митрохина // Книга о Митрохине: Статьи. Письма. Воспоминания: Сб. Л., 1986. С. 347–350; Письмо П.Д. Эттингера Д.И. Митрохину от 27 июля 1929 г. — там же, с. 304–305; *Александрова Н.* Д.И. Митрохин // Искусство книги. Вып. 5. М., 1968. С. 146–153; *Федоров-Иваницкий В.Ф.* Волшебник книги // Развитие личности. 2006. № 3. С. 178–185).

Тенденция восприятия «Мертвых душ» как социальной сатиры, сложившаяся в советскую эпоху, нашла свое отражение в работах иллюстраторов поэмы, в частности — в первом иллюстративном цикле советского времени, который был выполнен в середине 1930-х гг. Кукрыниксами (М.В. Куприяновым, П.Н. Крыловым, Н.А. Соколовым) в традиционном для художников жанре карикатуры (*Немировский 2004в.* С. 76). Рисунки были опубликованы в трехтомном собрании сочинений Гоголя, выпущенном Государственным издательством детской литературы в 1937–1938 гг. В 1938 г. с критическим отзывом о рисунках выступил В. Шкловский. Он указал на слишком поверхностный и буквальный характер иллюстраций, не передающих комизма и лирического вдохновения писателя. По мнению Шкловского, не нашли своего отражения в рисунках и особенности стиля поэмы (*Шкловский В.* Иллюстрации Кукрыниксы к «Мертвым душам» // Детская литература. 1938. № 4. С. 31–36). Вскоре был опубликован полемический отклик на статью Шкловского, выражающий официальную точку зрения на иллюстрации Кукрыниксов (*Кауфман Р.* Агин и Кукрыниксы: Два издания «Мертвых душ» Н.В. Гоголя // Искусство. 1939. № 1. С. 83–101). В дальнейшем Кукрыниксы продолжили работу над иллюстрациями к поэме (см.: *Коростин, Стернин 1952.* С. 883) и в 1951–1952 гг. создали еще ряд рисунков сатирического характера (см.: *Гоголь в изобр. иск. 1953.* С. 192–195); некоторые из них были представлены на выставке «Художники — Гоголю», организованной Государственным литературным музеем в апреле–мае 2009 г.

Работы еще одного советского художника А.М. Лаптева (1905–1965) были впервые напечатаны в большеформатном издании «Мертвых душ», выпущенном Детгизом в 1953 г., и в дальнейшем неоднократно публиковались в отечественных и зарубежных изданиях. Это полутоновые иллюстрации,

привязанные к кульминационным моментам повествования, и разнообразные штриховые рисунки. Сюжетно все они разработаны с большой тщательностью (*Немировский 2004в*. С. 78; *Коростин, Стернин 1952*. С. 884; Н.В. Гоголь в портретах, иллюстрациях, документах. Л., 1959. С. 254–260).

В 1974 г. московское издательство «Современник» выпустило «Мертвые души» с иллюстрациями С.А. Алимова, выполненными в своеобразном гротескном стиле, близком гоголевской художественной манере (*Громов Е. С. Алимов*. М., 1990. С. 62–72; *Анисимов Г.* «Зайчик солнечный в зеркале пляшет»: Графика Сергея Алимова // Литературное обозрение. 1980. № 3. С. 91–92). В 2009 г. работы Алимова экспонировались на юбилейных гоголевских выставках.

К юбилею писателя был также приурочен выход нескольких иллюстрированных изданий «Мертвых душ». В 2008 г. петербургское издательство «Вита Нова» выпустило книгу со всеми иллюстрациями из издания А.Ф. Маркса, сопроводив гоголевский текст статьей и комментариями Ю.В. Манна, а также очерком Д.Я. Северюхина об истории иллюстрирования поэмы в 1846–1901 гг. (*Северюхин 2008*). Издательство «Художественная литература» подготовило книгу «Мертвые души: Поэма, рассказанная художником А. Лаптевым» (М., 2008), включающую в себя текст первого тома на русском и английском языках, цикл иллюстраций А.М. Лаптева и «Галерею портретов гоголевских персонажей» Боклевского. Издательство «ЭКСМО» выпустило «Мертвые души» с иллюстрациями Агина и Бернадского, а также рисунками Боклевского (М., 2008). В 2009 г. поэма вышла с иллюстрациями Н. Предеина. О других современных изданиях см.: *Немировский 2004в*. С. 78–79.

«Мертвые души» иллюстрировали не только российские, но и иностранные художники. Во время Второй мировой войны и сразу после нее на волне интереса к СССР поэма часто издавалась за рубежом (там же, с. 76–77). Так, в 1944 г. в США вышел перевод «Мертвых душ» с цветными иллюстрациями Люсиль Коркос (*Gogol N. Chichikov's journey; or, Home life in old Russia*. New York, 1944). Художница интерпретирует гоголевскую поэму как юмористическое нравоописательное произведение. При этом материальная среда и бытовые детали, которым она уделяет немало внимания, часто весьма далеки от российских реалий XIX в. (см.: *Немировский 2004в*. С. 77).

Иллюстрированные издания «Мертвых душ» неоднократно выходили в Чехии. Так, в 1947 г. в Праге была выпущена книга с иллюстрациями Михаила Ромберга, выходца из Украины. По некоторым сведениям, он был знаком с М. Шагалом и вместе с ним планировал подготовить издание «Мертвых душ» (*Клапка И.* Гоголь и Чехия: Гоголевская мистика в книгах и жизни // *Русское слово*. 2009. № 4. С. 11).

Это подтверждается тем, что иллюстрации Ромберга и по стилю, и по трактовке гоголевского текста близки шагаловским работам. Поэма с иллюстрациями чешского художника Властимила Рады вышла в Праге в 1931 г., а затем — в 1952 г. Иллюстрации — цветные акварели и черно-белые штриховые рисунки пером — размещены непосредственно в тексте и на отдельных листах. Среди них есть городские и деревенские виды, портреты, жанровые сцены. Художник в первую очередь уделяет внимание комической стороне произведения, нередко утрируя и упрощая гоголевские образы. В 1968 г. в Праге были изданы «Мертвые души» с иллюстрациями еще одного известного чешского художника Ф. Тихого. Ему удалось почувствовать и передать в своих работах абсурдность и сюрреалистичность гоголевского художественного мира. В этом же ключе интерпретировал «Мертвые души» Адольф Борн. Книга с его цветными иллюстрациями вышла в Праге в 1979 г.

В 1951 г. в Лейпциге был выпущен немецкий перевод «Мертвых душ» с иллюстрациями художника Йозефа Хегенбарта. Это живые, экспрессивные рисунки пером, размещенные непосредственно в тексте (подробнее см.: *Немировский 2004в*. С. 77). Поэму иллюстрировал также известный современный художник Авидгор Ариха. Его рисунки, выполненные в оригинальной манере, близкой абстракционизму, были опубликованы в Лозанне в 1956 г. вместе с французским переводом «Мертвых душ» А. Адамова.

* * *

Первые отклики на «Мертвые души» за рубежом появились еще при жизни Н.В. Гоголя. В предисловии к известному изданию перевода гоголевских повестей, выполненного Луи Виардо совместно с И.С. Тургеневым (см.: *Наст. изд.* Т. 2), Виардо назвал «Мертвые души» «знаменитым нравоописательным романом» («le célèbre roman de moeurs») (*Gogol N. Nouvelles russes / Trad. française publiée par L. Viardot. Paris: Paulin, 1845. P. VI*). В том же году поэма была упомянута в журнале «Illustration» (1845. N 9); см. с. 693 *наст. изд.*; см. также: *Cadot 1967. P. 450*. Косвенным образом упомянул «Мертвые души» и французский писатель-романтик Альфред де Виньи в письме от 9 апреля 1847 г. к Александре Ивановне Косаковской, дочери графа де Лаваль: «Любите ли вы романы г-на Гоголя? Разнообразно ли в них описаны нравы?» («Aimez-vous les romans de Mr de Gogol? — Les moeurs russes y sont-elles variés?» — см.: *Bikoulitch V.B., Nikolski A.D. Une correspondance de Vigny avec la comtesse Kossakovskaïa // Europe. 1978. N 589. P. 54*; см. также: *Grève 1983. P. 206*).

В статье 1847 г. «Пушкин и литературное движение в России» французский критик Шарль Сен-Жюльен, говоря о двух основных тен-

денциях в литературе послепушкинского периода, сатирическо-комической и возвышенно-серьезной, отнес Гоголя к первой и привел в качестве примера «Мертвые души», затронувшие «самую живую и деликатную струну России — крепостное право». Пересказав вкратце сюжет поэмы, к тому времени еще не переведенной (см. с. 692 наст. изд.), Сен-Жюльен назвал как основную заслугу Гоголя то, что он переместил действие своих литературных произведений из высших аристократических кругов в средние классы общества (*Saint-Julien Ch. Pouchkine et le mouvement littéraire en Russie // Revue des Deux Mondes. 1847. Т. 20. 1 octobre. P. 75*; ср. его утверждение в статье «Русская литература в России. Граф В. Соллогуб» о том, что Гоголь в «Мертвых душах» выступил создателем русского романа в той же мере, в какой Пушкин стал создателем русской поэзии: *Saint-Julien Ch. La littérature en Russie: Le comte W. Solohoupe // Revue des Deux Mondes. 1851. Т. 2. P. 70—71*).

Упоминание второго издания «Мертвых душ» появляется в 1848 г. в библиографической периодике (см.: *Bibliographie française et étrangère (Revue indépendante). 1848. Т. XIII. 25 janvier. P. 222*).

С 1851 г. к поэме Гоголя начинает проявлять интерес и Проспер Мери́ме, хотя интерес этот носит неоднозначный характер. В статье «Литература в России», которая во многом стала определяющей в последующем восприятии Гоголя французскими критиками, Мери́ме назвал «Мертвые души» романом-пикареской, жанром отжившим, «достойным минувших времен, когда плуты и мошенники вызывали интерес у читателя, способного пуститься в путешествие по их следам». «Но с тех пор, — писал он, — столько революций реформировало и переформировало общество, ставшее уже пресыщенным в отношении этой формы, что *Gazette des tribunaux* имеет в этом смысле массу преимуществ перед романистами» (*Mérimée P. La littérature en Russie... // Revue des Deux Mondes. 1851. Т. 12. P. 634*). Осудив, таким образом, романическую технику Гоголя, Мери́ме вместе с тем с похвалой отозвался о точном, «дагерротипном», описании нравов провинциальной России, сравнив отдельные сцены из «Мертвых душ» со сценами из Теньера, Рабле и Бальзака (*Ibid. P. 628—629*). Последнее утверждение перекликается отчасти с высказанным впоследствии Мери́ме в письме от 20 апреля 1859 г. к Эрнесту Шарьеру, попросившему написать критический отзыв на свой перевод «Мертвых душ»: «Я не люблю Гоголя, который мне кажется имитатором Бальзака, с ярко выраженным вкусом к уродству. Я сожалею, что вы оказали ему честь своим переводом и в особенности своим продолжением» (опубл.: *Mérimée P. Correspondance générale. Établie et annotée par M. Paturier. Deuxième série. Т. 3. Paris, 1955. N 2731. P. 95—96; Revue d'Histoire littéraire de la France. 1926. Avril—Juin. P. 329*; см. также с. 695 наст. изд.); о том, что Мери́ме увидел в поэме лишь анекдотический характер и не почувствовал ее глубокого содер-

жания, см. комментарий А. Монго к изданию: *Mérimée P. Études de littérature russe. 2 vol. Vol. 1. Paris, 1931. P. LXXXIV–LXXXV*: см. также: *Cadot 1967. P. 442*).

В книге неогегельянца пастора Ж. Рора «Республиканский миссионер в России» «Мертвые души», напротив, трактовались как «произведение столь странное и вместе с тем столь верное, замысел которого столь глубок, а исполнение столь живо, столь отточено и столь смело, линии которого просты и вместе с тем грандиозны как памятники римской эпохи» и где «речь идет отнюдь не только о национальных пороках и странностях: автор заглянул глубже, он описал низость человечества в целом». Именно поэтому Рор отказывался видеть в гоголевской поэме «выпад против крепостничества», а в качестве единственного ее недостатка называл «с сожалением (...) несколько декламационных пассажей», которые, как он считал, были «первым свидетельством распада этого критического и аналитического ума» (*Rohr J.G. Un missionnaire républicain en Russie. Vol. 2. Paris, 1852. P. 82–83*; см. также: *Кадо М. Герцен — читатель книги Ж. Рора «Республиканский миссионер в России» // Проблемы изучения Герцена. М., 1963. С. 501–503*).

В Германии прижизненные отклики на «Мертвые души» во многом оказались обусловленными первым их переводом на немецкий язык, выполненным Ф. Лебенштейном в 1846 г., тенденциозно откорректировавшим подзаголовок поэмы: «Мертвые души. Сатирическо-комическая картина эпохи» (см. подробнее с. 690 наст. изд.). Соответственно поэма была в основном воспринята как «сатирический портрет России эпохи Николая I» (*Никанорова 2007. С. 8*; см. также журнальные статьи: *Russische Literatur // Blätter für literarische Unterhaltung. 1846. Bd. 2. N 226. S. 903*; *Nikolaj Wassilewicz Gogol. (Nekrolog) // Jahrbücher für slawische Literatur, Kunst und Wissenschaft. 1852/1853. H. 1. S. 20*; *Nikolaus Gogol // Blätter für literarische Unterhaltung. 1853. Bd. 1. N 6. S. 129*).

Сходным образом появившийся в 1854 г., в самый разгар Крымской войны, анонимный и весьма вольный перевод «Мертвых душ» в Англии под названием «Домашняя жизнь в России, описанная русским помещиком» (см. подробнее с. 693 наст. изд.) также ориентировал читателя на восприятие поэмы как «аутентичного зеркала» крепостнической России. В предисловии от издателя сообщалось: «Произведение написано русским дворянином, который предложил его на английском языке издателю, и задача издателя сводилась к исправлению словесных ошибок, которые вполне естественны для того, кто пишет на чужом языке. Можно сказать, что история эта уникальна. Она бросает свет на внутренние отношения и ситуацию в русском обществе, которую мог нам описать только русский. (...) Слова Наполеона, “потрите русского и вы найдете татарина”, полностью оправдываются». Далее издатель от имени автора

(к тому времени уже умершего), извинялся за то, что не может назвать его настоящее имя, поскольку автор якобы боится вернуться в Россию после издания подобного произведения, где роман сможет послужить ему разве что «рекомендательным письмом в сибирские дебри» (*Home Life in Russia. By a Russian Noble. Revised by the Editor of Revelations on Siberia. 2 Vol. (London): Hurst and Blackett, 1854. P. 3*).

Дальнейшие зарубежные отклики о «Мертвых душах» на протяжении XIX в. носили скорее спорадический характер и принадлежали, как правило, переводчикам текстов Гоголя, либо авторам биографических статей о Гоголе. Так, Ксавье Мармье, публикуя в 1856 г. переведенную им «Шинель» Гоголя, предварил перевод предисловием, в котором описывал Гоголя как воплощение одной из его мертвых душ (*Au bord de la Néva. Contes russes / Trad. par Xavier Marmier. Paris: Michel Lévy, 1856. P. 214*).

С 1857 г. Гоголь начинает фигурировать в авторитетном французском биографическом справочнике «*Nouvelle Biographie Générale depuis les Temps les plus reculés jusqu'à nos jours. Publié par MM. Firmin Didot Frères*» (Т. 21. Paris, 1857). Автор статьи о Гоголе А. Галицин, называя написание «Мертвых душ» «смелым поступком», но совершенным лишь наполовину, поскольку второй том поэмы не был завершен, определяет как ее основную цель «убить рабство смехом» (*Ibid. P. 74*).

В 1858 г., когда горячо обсуждается готовящаяся реформа по отмене крепостного права, Эжен Моро публикует сделанный им перевод «Мертвых душ» и в предисловии, под которым ставит дату — 1852 г., представляет Гоголя как сурового карателя разлагающегося общества, русского Бальзака, русского Мольера (в Плюшкине он находит многие черты, роднящие его с Гарпагоном), русского Стерна и даже утверждает, что Стерн, будь он русским, сам бы написал «Мертвые души» (*Moreau E. Du traducteur au lecteur // Les Ames mortes. Par Nicolas Gogol / Trad. du russe par E. Moreau. Paris: chez Harvard, 1858. P. 1–2 (Bibliothèque pour tous illustrée)*; см. также с. 694 наст. изд.).

Год спустя, в 1859 г., в предисловии к новому переводу «Мертвых душ» на французский язык переводчик Эрнест Шаррьер определяет гоголевскую поэму как «нравоописательный роман», основанный на самой «пошлой и неприкрашенной реальности» (*Charrière E. Considérations sur Nicolas Gogol et la littérature russe // Gogol N. Les Ames mortes / Trad. E. Charrière. Vol. I. Paris: Hachette, 1859. P. XI*; см. также: с. 695 наст. изд.), а самого Гоголя как вдохновителя крестьянской реформы: «Более чем кто-либо другой, он способствовал этой регенерации всего своего народа» (*Ibid. P. X*). Однако возникающий образ революционера Гоголя Шаррьер тут же корректирует: основной метод Гоголя — это сатира, на которую охотно опирается власть, «если только в ней присутствует здравый смысл и разум». Русская же сатира вообще никогда не забывает о

приличиях и почтении по отношению к тем, кого она бичует (Ibid. P. XI). Тем самым вырисовывается образ писателя, одновременно выразителя русского духа и опоры власти. В этом же ряду следует упомянуть и более позднюю книгу британского автора Макензи Уоллеса «Россия», в которой путешествие автора в Россию (от деревни Ивановки через Новгород, Санкт-Петербург в Москву и оттуда в Центральную Азию) описано по модели «Мертвых душ» (в 15-й и 16-й главах была обрисована галерея помещиков, отчетливо напоминавших персонажей «Мертвых душ»), а сам Гоголь представлен как единственный оригинальный русский писатель, благодаря которому «молодое поколение осознало наконец, насколько продажно чиновничество» и насколько «низменны чувства» русских помещиков, которых Гоголь избрал объектом своей сатиры. «Констатация пороков» побудила «потребность реформы», и освобождение крестьян оказалось таким образом, по мнению автора, «подготовленным литературой», т.е. Гоголем (Wallace M.D. Russia: In three volumes. Vol. 2. Leipzig, 1877. P. 73–74; французский перевод книги под названием «La Russie», ставший событием во Франции, вышел в 1878 г., русский перевод первого тома см.: Уоллэс М. Россия. Т. 1. СПб., 1880).

В конце 1850-х гг. с «Мертвыми душами» знакомится известный французский историк Жюль Мишле. Ср. запись в его дневнике от 22–23 ноября 1859 г.: «Lu Gogol» («Читал Гоголя») (Michelet J. Journal. T. 2. Paris, 1959. P. 497). О том, что речь шла о «Мертвых душах» в переводе Эрнеста Шарьера, см.: Grève 1983. P. 205.

Другой реакцией на перевод «Мертвых душ» и в особенности на вступительную статью Э. Шарьера была статья Барбе д'Оревиля «Les Ames mortes, de Gogol, traduction de E. Charrière», опубликованная в журнале «Le Pays» (1859. 13 juillet), которую он затем включил под названием «Gogol» в книгу: Barbey d'Aurevilly. XIXeme siècle: Les oeuvres et les hommes. Littératures étrangères. Paris, 1890. P. 217–232). Но в то время как Шарьер говорил об атмосфере пошлой реальности в поэме, чтобы затем раскрыть сильные стороны Гоголя как писателя, Барбе д'Оревиля «пускался в опровержение “Мертвых душ”, их автора и России в целом» — «во имя литературного идеализма, консервативных политических идей и чувства французского превосходства» (Grève 1983. P. 221). Гоголь, «как и все люди в его стране, все время кому-то и чему-то подражает», — писал Барбе. Сервантесу — подзаголовком поэмы, Вергилию — ее сожжением, Байрону — своими путешествиями. Чичиков описан слишком поверхностно, а потому лишен жизни. Другие герои — вообще нелепы. «Мертвые души» французский писатель назвал «полным посрамлением России» («le déshonneur universel de la Russie» — Barbey d'Aurevilly. Op. cit. P. 221), а их автора — «святотатственным сатириком», осмелившимся «столь отвратительно обесчестить свою страну» (Ibid. P. 220): «...поэма, удручающая общими местами, кото-

рая доказывает, если Гоголь изображал правдиво и точно, что Россия действительно колосс, но колосс тупости и пошлости» (Ibid. P. 232). Русский перевод статьи см: Барбе д'Оревилли. Николай Гоголь / С примеч. М.П. Алексеева // *Мат. и иссл.* 1936. Т. 1. С. 257–281).

Пример положительной зарубежной оценки «Мертвых душ» мы находим в книге Селеста Курьера «История современной литературы в России», где изображение Гоголем смешных сторон русской природы рассматривалось как результат глубокой любви к своей стране; о последнем свидетельствуют «кропотливые описания слуги, кучера, маленькой деревенской девочки» (*Courrière C. Histoire de la littérature contemporaine en Russie. Paris, 1875. P. 191*). Так же и Луи Леже, будущий профессор Сорбонны, в 1875 г. в своей книге «Славянские штудии: Путешествия и литература» среди других русских писателей упоминает Гоголя, чей роман «Мертвые души» «ставит его между Сервантесом и Лесажем» (*Léger L. Études slaves: Voyages et littérature. Paris, 1875. P. 232*). Э.М. де Вогюэ назовет гоголевскую поэму «энциклопедией современной России, собранием мыслей автора о всех важнейших вопросах его времени» (*Vogüe E.M. Vie de. Le roman russe. Paris, 1886. С. 106*).

Упомянем также как своеобразный курьез бытования «Мертвых душ» во Франции статью о Гоголе, появившуюся в 1872 г. в «Большом универсальном словаре XIX века» Пьера Ларусса, где к названию «Мертвые души» был добавлен подзаголовок «Les Aventures de Chicago» («Приключения Чикагова» — контаминация имен Чичикова и героя войны 1812 г. адмирала Чичагова), а самому Гоголю, помимо «Мертвых душ», было приписано и другое произведение — «Les Trepassés» («Усопшие»), которое было не чем иным, как переименованным названием «Мертвых душ» (*Larousse P. Grand Dictionnaire Universel du XIX siècle. T. VIII (2). Paris, 1872. P. 1349*).

Определенная тенденция толкования гоголевской поэмы как «жесточкой национальной самоиронии», связанная с националистической концепцией «дикой, варварской» России, наметилась начиная с 1880-х гг. в Германии — в результате обострения отношений между Германией и Россией (*Нуканорова 2007. С. 8–9*; см. также: *Honegger J.J. Russische Literatur und Kultur. Ein Beitrag zur Geschichte und Kritik derselben. Leipzig, 1880. S. 269*; *Dühning E. Die Grössen der modernen Literatur: popular und kritisch nach neuen Gesichtspunkten dargestellt. Bd. 2. Leipzig, 1893. S. 308*).

Если в 1900–1940-х гг. в зарубежной критике и наблюдается поворот от прочтения поэмы как явления социального и национального к ее трактовке в религиозно-мистическом аспекте, а также к пониманию ее как явления мировой культуры, то происходит это во многом благодаря влиянию русской символистской критики (Мережковского, Белого, Брюсова), религиозной философии рубежа веков (В. Соловьев,

В. Розанов), а также русской эмигрантской критики (см.: Трудный путь: Зарубежная Россия и Гоголь: Из наследия русской эмиграции. М., 2002; Кривонос В.Ш. Поздний Гоголь в исследованиях первой русской эмиграции // Гоголевский сборник. Вып. 2 (4). СПб.; Самара, 2005. С. 272–279). К тому же размышления о «Мертвых душах» появляются в это время, как правило, в составе более общих работ, посвященных творчеству Гоголя или истории русской литературы XIX в. (особенно много подобного рода работ появляется в дни юбилея Гоголя в 1909 г.; см.: Kutz R. Pilgerfahrt: Zum 100 Geburtstag Nikolai Gogols // Sozialistische Monatshefte. 1909. Н. 8. S. 501–507; Rath W. Gogol: Zu seinem 100 Geburtstag // Kunstwart. 1909. Jg. 20. S. 28; см. также: Brückner A. Geschichte der russischen Literatur. Leipzig, 1909. S. 240–246).

Настоящим прорывом в изучении «Мертвых душ» за рубежом была вторая половина XX в.: поэма Гоголя становится в это время объектом самых разнообразных поэтических, характерологических, семиотических, эстетических и других интерпретаций, на которых, в частности, отрабатываются «современные методы и концепции литературоведческого исследования» (Нуканорова 2007. С. 12).

Одной из центральных проблем в зарубежных исследованиях второй половины XX в., посвященных творчеству Гоголя, становится проблема, связанная с жанровой и родовой особенностью поэмы «Мертвые души». Попытку ее решения мы находим в книге Дональда Фангера «Создание Николая Гоголя» (Fanger D. The Creation of Nikolai Gogol. Cambridge (Mass.); London, 1979; см. в особенности главу «“Dead Souls”: The Mirgor and the Road»). Изучение нарративного принципа «Мертвых душ» заставляет, по мнению Фангера, вспомнить о знаменитом определении, которое дал жанру романа Стендаль: роман — это зеркало, с которым прогуливаются вдоль дороги («un miroir qu'on promène le long d'un chemin» — Ibid. P. 169). В «Мертвых душах» таким зеркалом является Чичиков, которого Гоголь прогуливает по большой дороге (соответственно «Мертвые души» определяются Фангером как «единственный среди европейских романов» текст, к которому полностью применимо определение Стендаля — Ibid.).

Задаваясь вопросом, почему Гоголь все же дал «Мертвым душам» жанровое обозначение поэмы, Фангер изучает употребление Гоголем слова «душа», начиная с «Арабесок» и «Вечеров на хуторе близ Диканьки», что позволяет ему увидеть в «Мертвых душах» интертекст всех предшествующих, но также и последующих текстов Гоголя. Последнее позволяет ему аргументированно принять точку зрения Синявского о том, что «Мертвые души» — это еще и книга о том, как пишутся книги (Ibid. P. 172).

Размышления Фангера о сложной эпической природе «Мертвых душ» были продолжены, в частности, Джеймсом Вудвардом в статье

«Мертвые души» Гоголя: Эпическое как аналогическое» (*Woodward J.B. Gogol's "Mertvye dusi": The epic as analogue // Die Welt des Slawen. 1984. N 29. P. 1–17*), Фредериком Гриффитсом и Стейнли Рабиновичем в исследовании «Романический эпос: Гоголь, Достоевский и национальный нарратив» (*Griffiths F., Rabinowitz S. Novel Epics: Gogol, Dostoevsky, and National Narrative. Evanston, 1990*) и в книге Штефен Мёллер-Салли «Жизнь Гоголя после смерти. Эволюция классика в царской и советской России» (*Moeller-Sally St. Gogol's Afterlife. The Evolution of a Classic in Imperial and Soviet Russia. Evanston (Illinois): Northwestern University Press, 2002*). По иронии судьбы, утверждает Мёллер-Салли, Россия создала свое наиболее значительное эпическое произведение уже после окончания Золотого века — и не классическим гекзаметром Вергилиевой «Энеиды», но в комической форме пикарескного романа, который сам себя на титульной странице провозгласил эпическим. Но при этом, изучая роль автора как культурного героя в поэме «Мертвые души» (прибегнув при этом к методике Мишеля Фуко в его эссе «Что такое автор?» — *Ibid. P. 6*), Мёллер-Салли приходит к выводу, что Гоголь следовал все же скорее гомеровской, чем байроновской стратегии, предпочитая мизансценированию собственной биографии, которая могла бы легко привлечь читающую публику, изображение России во всем ее эпическом размахе (отсюда и страх Гоголя стать публичной фигурой в последней главе «Мертвых душ» — *Ibid. P. 8, 32–33*); о соотносительности «Мертвых душ» с гомеровским эпосом см. также: *Giesemann G. Homer-Reminiszenzen in den Mertvye Duši von N.V. Gogol (Merkmale und Funktionen des epischen Vergleiches) // Ost und West. Frankfurt a.M., 1977. Bd. 2. S. 205–221; Scholz F. Homerische Vergleiche bei N.V. Gogol und L.N. Tolstoj // Slawistische Studien zum XI Internationalen Slawistenkongress in Kiev. Köln; Wien, 1983. S. 506.*

Трансформация жанра пикарески, от которого Гоголь одновременно отталкивался и который модифицировал, стала также предметом ряда западных работ. Так, Петерс Йохен Ульрх в статье «Трансформация плутовского романа: “Мертвые души” Гоголя» (*Ulrich P.J. Die Transformation des Schelmenromans: N.V. Gogol. Mertvye duši // Ulrich P.J. Tendenz und Verfremdung: Studien zum Funktionswandel des russischehn satirischen Romans im 19. und 20. Jahrhundert. Bern, 2000. S. 65–99*) показывает, что «Мертвые души» гораздо ближе к Шиллеру и эстетике немецкого идеализма с ее определением сатиры и сатирического писателя, делающего своим предметом «противоречие между действительностью и идеалом», чем к морально-дидактическому авантюрно-плутовскому роману (по образцу плутовских романов Ф. де Кеведа и М. Алемана).

В. Кошмаль в статье «Модель или действительность? Стирание границ предметного мира в “Мертвых душах” Гоголя» (*Koschmal W. Modell oder Wirklichkeit? Die Entgrenzung der Objektwelt in Gogol's Mertvye*

duši // Russian Literature (Amsterdam). 1982. Vol. XI (4). S. 333–360) увидел главное отличие «Мертвых душ» от традиционного авантюрного романа в центральном приеме Гоголя, который заключается в том, чтобы сделать «через наслоение мотиваций и псевдомотиваций, типизаций и псевдотипизаций поэтическую картину как можно более призрачной и тем самым развеять, стереть границы предметного мира, фантастически-гротесковая реальность которого ставится под сомнение» (с последним утверждением коррелирует и более раннее замечание М. Брауна, назвавшего «Мертвые души» в своей книге «Литературная биография Гоголя» «онтологическим пазлом», который более отражает творческую силу воображения автора, чем «реальную действительность романа» (*Braun M. N.W. Gogol: Eine literarische Biographie. München, 1973. S. 192*; о применении В. Кошмалем для анализа поэмы Гоголя структурно-семиотической методики см.: *Никанорова 2007. С. 14*).

У.М. Тодд в книге «Литература и общество в эпоху Пушкина. Идеология, литературные объединения и сюжеты» (*Todd III W.M. Fiction and Society in the Age of Pushkin: Ideology, Institutions and Narrative. Cambridge, 1986*; рус. пер. книги: *Тодд У.М. Литература и общество в эпоху Пушкина. СПб., 1996*) предложил рассматривать гоголевскую поэму не только как одну из разновидностей пикарески в целом, но и как собрание тесно сплетенных между собой отдельных пикаресок (биографии умерших или сбежавших крестьян, история капитана Копейкина, путешествие Чичикова, превращения и авантюры других представителей дворянского общества). Пикарескный жанр, по его мнению, затрагивает и автора-повествователя, который к середине повествования и сам становится путешественником, бездомным странником. И потому его также, в качестве комического писателя и одновременно героя-пикаро, подстерегают неудачи. Правда, в отличие от классической пикарески, в самом конце гоголевской поэмы оскорбленный пикаро (автор-повествователь) оставляет пикарескный мир и становится проповедником и искателем истины, а его суровые испытания переходят во внутренний опыт (*Ibid. P. 177–186*; о пикарескной основе «Мертвых душ» см. также: *Markof-Belaeff O. Dead Souls and the Picaresque Tradition: A Study in the Definition of Genre. Ann Arbor, 1984*; *Wilson R. The picaresque in Gogol's «Notes of a madman» and «Dead souls» // The Gogol bulletin. 1985. N 1. P. 27–29*).

В рамках изучения связи гоголевской поэмы с традицией плутовского романа нередко исследуются связи «Мертвых душ» с «Дон Кихотом» Сервантеса. Так, Брюс Т. Холл в статье «Капитан Копейкин и плененный капитан Сервантеса: случай метапародии» (*Holl B.T. Captain Kopeikin and Cervantes' Captive Captain: A Case of Metaparody // The Russian Review. 1996. N 55. P. 681–691*), анализируя фабульные совпадения, доказывает, что Гоголь непосредственно заимствовал вставную

новеллу из первой части «Дон Кихота» «The Captive's Tale», превратив ее в «Повесть о капитане Копейкине». Однако гораздо более существенно, что и «Дон Кихот», и «Мертвые души» объединяются жанром, называемым метапародия. Так же, как в «Дон Кихоте», начиная со второй книги романа объектом пародии становятся читатели, думающие, что понимают пародийную основу романа, так и Гоголь в «Повести о капитане Копейкине» пародирует читателей, что вершат суд над ценностями Чичикова и обществом, в котором он живет: «Мы, читатели, которые стояли в стороне и считали, что вершили суд над персонажами “Мертвых душ”, оказываемся уравниваемыми с теми читателями. (...) Мы были столь наивны, что считали роман серьезным диагнозом большой России — так же, как почтмейстер считал “Повесть о капитане Копейкине” серьезным объяснением происхождения Чичикова» (Р. 687—688; о связи «Мертвых душ» с «Жиль Блазом» Лесажа см.: *Leblanc R. Gogol's response: «The adventures of Chichikov or Dead souls» and the picaresque tradition // Leblanc R. The russianization of Gil Blas: A study in literary appropriation. Columbus, 1986. P. 224—256; о «Повести о капитане Копейкине» см. также: Plaskacz B. L'Histoire du Capitaine Kopejkin dans la trame des «Ames mortes» de Gogol // Slavica Gandensia. 1984. N 11. P. 35—42).*

Другой центральной проблемой западных исследований «Мертвых душ», особенно в 1970—1980-е гг., стала проблема художественного метода: в какой контекст вписывается гоголевская поэма — барокко, романтизм, сентиментализм, реализм и проч.?

Так, Ричард Пийс в книге «Загадка Гоголя: Исследование произведений Гоголя и их места в русской литературной традиции» (*Pease R. The enigma of Gogol: An examination of the writings of N.V. Gogol and their place in the Russian literary tradition. Cambridge, 1981*) писал об отражении в «Мертвых душах» (как и в остальном творчестве Гоголя) традиций русского Средневековья, которые органично совпали и с его собственными творческими устремлениями и с характерным для его эпохи — эпохи романтизма и затянувшегося сентиментализма — обращением к Средневековью. У Гоголя, как и в средневековой литературе, внутренняя жизнь человека интересует писателя только в ее внешних проявлениях (своего рода психологизм без психологии). В качестве других точек соприкосновения Пийс называет проповеднические тенденции, характеристику людей по аналогии с животными, а также принцип средневекового смеха: создание изнаночного мира, использование имен-перевертышей. Совмещением у Гоголя средневековой и сентиментальной традиций объясняет Пийс и знаменитую гоголевскую формулу — «сквозь видный миру смех и незримые, неведомые ему слезы». Поскольку сентиментализм был для России совершенно новым (в отличие от европейских стран) культурным и психологическим опытом, у Гоголя произошло слияние прошлых и настоящих тенденций литературы: старый смех и новое сострадание, не

противоречия друг другу, пришли в состояние постоянно колеблющегося взаимодействия (Ibid. P. 277–281).

Исследованию барочной основы «Мертвых душ» (в ряду также и других произведений Гоголя) посвящена диссертация и написанная на ее основе книга Гавриэля Шапино «Николай Гоголь и культурное наследие барокко» (*Shapiro G. Nikolai Gogol and the Baroque Cultural Heritage: The Pennsylvania State University Press, 1993*). Используя в «Мертвых душах» центральный для барокко, но периферийный для 1830–1840-х гг., жанр эмблемы, Гоголь, по мысли исследователя, расширяет ее семантические возможности и придает ей сатирический оттенок. Таково создание аллегории скупости в образе Плюшкина, описание которого воспроизводит иконографию скупости в книге «Иконология, объясненная лицами, или Полное собрание аллегорий, эмблем и проч.» (М., 1803) Иосифа Штебера, имевшейся в библиотеке Д.П. Троицкого (Ibid. P. 118–120). Вместе с тем у Гоголя, как показывает Шапино, происходят и исторические трансформации эмблемы, которая со временем лишается своего символического смысла и превращается в клише: так, эмблема штормящего моря и появляющегося на его фоне корабля — одна из самых часто встречаемых эмблем эпохи барокко — преобразуется в многократные сравнения Чичиковым своей жизни с кораблем в штормящем океане (Ibid. P. 109–110).

Связи «Мертвых душ» с немецкой философской эстетикой Жан-Поля, Новалиса и Шлегеля посвящены книги «Гоголевская эстетика в ее сопоставлении с основными элементами немецкого романтизма» Розмари Дженнес (*Jenness R.K. Gogol's Aesthetics compared to Major Elements of German Romanticism. New York: Peter Lang, 1995*) и «Рамки воображения. Гоголевские “Арабески” и романтический вопрос о жанре» Мелиссы Фрейзиер (*Fraizier M. Frames of the imagination: Gogol's Arabesques and the Romantic Question of Genre. New York, 2000*). В первой из них поэтизация непоэтической жизни, изображение идеала через его противоположность возводится к традиции Гофмана и Жан-Поля, а сама поэма «Мертвые души» трактуется как идеальная арабеска, но вместе с тем и идеальный романтический роман в духе теории Ф. Шлегеля, где эпика, драма, история, поэзия сливаются воедино, а сюжет, вращающийся вокруг «ничего», отвечает требованию построения «истории из ничего» («eine Geschichte aus Nichts» — *Jenness R.K. Op. cit. P. 75–80*). То, что отличает концепцию Гоголя от шлегелевской концепции арабески, утверждает в своей книге Фрейзиер, — это желание, вопреки присущей поэме «фрагментарности», придать ей завершенную материальную форму, снабдив текст второго издания «Мертвых душ» (1846) авторским предисловием. Анализ авторского предисловия с использованием философско-критического инструментария французских

философов Ж. Деррида и Ж. Женетта составляет наиболее интересную и новаторскую часть исследования Фрейзиер.

О преобладании в «Мертвых душах» романтического метода идет речь в статье А. Казакевича, посвященной проблеме анахронизмов и исторических несообразностей поэмы (Казакевич А. Особенности гоголевской поэтики в свете реально-исторического подхода к «Мертвым душам» // *Jubiläumsschrift zum 25-jährigen Bestehen des Instituts für Slawistik der Universität Giessen*. Frankfurt a.M.; Bern; New York, 1987. S. 165–187). Преждевременность греческой темы для периода между 1818 и 1821 гг., к которым приурочивается действие «Мертвых душ», историческая неточность в выведении фигуры губернского откупщика (с 1817 по 1827 г. система губернских откупщиков в России была отменена), а также жандармского полковника (жандармский корпус был создан в 1827 г.) и многие другие мотивы ограничивают возможность хронологической локализации событий «Мертвых душ». В этом, по мнению Казакевича, сказалось чисто романтическое понимание Гоголем сущности истории и роли в ней художника, отбрасывающего все, что не отвечает его эстетическому чувству (Ibid. S. 181).

Смешанный подход к решению проблемы художественного метода «Мертвых душ» демонстрирует Кэти Попкин в книге «Прагматика незначительности: Чехов, Зошченко, Гоголь» (Popkin C. *The Pragmatics of Insignificance: Chekhov, Zoshchenko, Gogol*. Stanford (California), 1993. P. 136–140), рассматривая поэму в контексте барочной поэтики, но вместе с тем и как романтическую арабеску (гоголевский диалог между автором и читателем сравнивается с романтическим диалогом между Ф. Шлегелем с Новалисом).

Сузи К. Франк в монографии «Дискурс возвышенного у Гоголя и лонгиновская традиция» (Frank S.K. *Der Diskurs des Erhabenen bei Gogol' und die longinsche Tradition*. München, 1999), доказывая, что в риторической категории возвышенного скрывается ключ к единству гоголевских произведений (Ibid. S. 17), рассматривает мифопоэтический концепт России в «Мертвых душах» как «историческое возвышенное, перешагивающее за границы самой истории», утопический конструкт, вписывающийся в идеологию романтизма, но одновременно и в имперский контекст образа России, присутствующий в русской литературе начиная с XVIII в. и имеющий всегда религиозно-сотериологическое значение. Живописность, противостоящая абстракции, обобщению и идеализации, особо свойственная лирическим отступлениям в «Мертвых душах», которую в советские времена трактовали как признак реализма, на самом деле также вписывается в одическую традицию возвышенного, представленную в поэзии Ломоносова, Державина и не имеющую с реализмом ничего общего (Ibid. S. 18–19).

Впрочем, термин «романтический реализм» прилагал к «Мертвым душам» еще ранее Д. Фангер в уже упомянутой выше книге «Создание Николая Гоголя» (см. с. 673 наст. изд.), развивая мысль о том, что реализм в русской литературе появился лишь после «Мертвых душ» — в романах Гончарова, Тургенева, Толстого (см.: *Fanger D. Dostoevsky and Romantic realism: A study of Dostoevsky in relation to Balzac, Dickens and Gogol. Chicago; London, 1965*). Аберрация «реализм», писал Фангер, должна остаться на совести критиков, решивших, что «атака на человеческое мошенничество», какую мы находим в «Мертвых душах», должна быть приписана определенной художественной системе. Гоголь же больше принадлежал европейской традиции XVIII в., чем русской XIX в. (*Fanger D. The Creation of Nikolai Gogol. Cambridge (Mass.); London, 1979. P. 204–206*).

Немецкий исследователь Г. Гюнтер в своем фундаментальном труде «Гротеск у Н.В. Гоголя. Формы и функции» (*Günther H. Das Groteske bei N.V. Gogol: Formen und Funktionen. München, 1968*) рассматривал «Мертвые души» с их гротескно окрашенной реальностью как реализацию реалистического гротеска.

Свое решение вопроса о гоголевском «реализме» предложил французский исследователь Жан Бонамур в книге «Русский роман» (*Bonamour J. Le roman russe. Paris, 1978*). Используя юнгианский термин «архетипы» как образ коллективной памяти и заменив им категорию «типы», обыкновенно прилагаемую к персонажам «Мертвых душ», Бонамур сформулировал идею присутствия у Гоголя «воображаемого реализма» («*réalisme imaginaire*»), не сводимого к реализму классическому и психологическому (*Ibid. P. 49*).

Духовно-религиозный контекст «Мертвых душ» — еще одна тема, к которой, в продолжение исследований русских религиозных философов начала XX в. (В. Соловьева, В. Розанова, Н. Бердяева) и, позже, В. Зеньковского, Г. Флоровского, В. Сечкарева, охотно обращаются зарубежные слависты (см. также: *Seidel-Dreffke 1992. S. 82–88*).

По мнению Поля Евдокимова, автора книги «Гоголь и Достоевский или спуск в ад» (*Evdokimov P. Gogol et Dostoievsky ou la descente aux enfers. Desclée de Brouwer, 1961*), Гоголь в лице Чичикова предсказал марксистскую атеистическую практику и способы ее применения в СССР, но также и современную психологию, которая веру в душу считает устаревшей и подвергает сомнению веру в личное спасение, предпочитая всему этому прогресс и чисто земную прокреацию, вне онтологических и божественных оснований (вот почему Чичиков так обеспокоен проблемой своего потомства). И вместе с тем в «Мертвых душах», изображая страшный мир Чичикова, Гоголь оповестил о существовании истинного мира — мира воскресших душ, мира абсолютного Смысла. Таким обра-

зом, Гоголь словно поставил себя в своих произведениях на грань двух миров, там, «где человеку не дано пребывать долго» (Ibid. P. 165).

Немецкая исследовательница Хильдегунда Шрейер в своей фундаментальной диссертации «Религиозное мирозерцание Гоголя и его литературное творчество. Об антагонизме между искусством и тенденцией» (*Schreier H. Gogol's religiöses Weltbild und sein literarisches Werk: Zur Antagonie zwischen Kunst und Tendenz. München, 1977*), говоря (в продолжение теории «задоров» Д. Чижевского) о человеческих страстях и «задорах» и обольщении человека дьяволом как центральной теме «Мертвых душ» (Ibid. S. 113—117), увидела в поэме наиболее репрезентативную иллюстрацию того, что сама она назвала «негативной антропологией» Гоголя, изобразившего жизнь людей, позволивших увлечь себя жизнью «внешней», вне Бога (Ibid. S. 98—102).

В основе монографии Лоренцо Амберга «Церковь, литургия и благочестие в творчестве Н.В. Гоголя» (*Amberg 1986*) — представление о Гоголе как о первом из больших русских писателей, который предпринял попытку ввести религиозную проблематику в созданный им образ человека и общества. Однако в то время, когда между европеизированной интеллигенцией и индифферентной к искусству церковью лежала пропасть, попытка эта, считает Амберг, была обречена на провал. Мир, откуда изгнан Бог, немедленно заполняется демонами, и таким миром без церкви предстал у Гоголя мир «Мертвых душ». Развивая мысль В. Сечкарева, утверждавшего, что в первой части «Мертвых душ» нельзя вычитать ни одного слова о религии (см.: *Setschkarev V. N. V. Gogol: Leben und Schaffen. Berlin, 1953. S. 142*), Амберг объясняет, что это отсутствие религиозных примет жизни в провинциальном городе не есть признак необъективности Гоголя, но его способ описания мира небытия. Оспаривая также и мнение Хильдегунды Шрейер (см. выше), считавшей, что гоголевская негативная эстетика (его искусство) и позитивная этика строго разграничены, Амберг доказывает связь мистицизма Гоголя со средневековым мистицизмом в духе Мейстера Экхарта (так, размышление о страстях в «Мертвых душах» возводится им к идее Ефрема Сирина «О братском наставлении»: все греховные страсти распределены между людьми во всем человеческом роде, чтобы каждый боролся со злом по своему — *Amberg 1986. S. 164—191*).

Художественную реализацию суждения апостола Павла «всякий человек жив» (Рим. 3:4), превратившуюся в приговор человеческой сущности, увидел в «Мертвых душах» Рольф Дитрих Кейль в статье «Гоголь в зеркале библейских цитат» (*Keil R.-D. Gogol im Spiegel seiner Bibelzitate // Festschrift für Herbert Brauer zum 65. Geburtstag. Köln, 1986. S. 193—220*). В другой своей статье, «Гоголь и Павел» (*Keil R.-D. Gogol und Paulus // Die Welt der Slaven. München, 1986. Jg. 31, 1. S. 92*), исследователь обнаруживает в лирическом пассаже из главы VII

«Мертвых душ» о «видном миру смехе» следы влияния на Гоголя апостола (парадокс силы, свершаемой в немощи — см.: 2 Кор. 12:9).

Созвучие путешествия Чичикова, которое из путешествия физического должно превратиться в путь нравственный, «Исповеди» Августина Блаженного обнаруживают в своей книге «Православная интерпретация Гоголя. Недооцененное влияние на первого русского романиста» Леонард Стэнтон и Джеймс Харди (*Stanton L.J., Hardy J.D. Interpreting Nikolai Gogol within Orthodoxy: A neglected influence on the first great Russian Novelist. The Edwin Mellen Press, 2006*), где «Мертвые души» сравниваются также с картиной А. Иванова «Явление Христа народу» и с своеобразным каталогом Человечества (*catalogue of Humanity*) в «Кентерберийских рассказах» Дж. Чосера (*Ibid. P. 19–22, 83–104*).

Вопросы антропологического и онтологического характера в последнее время все более привлекают интерпретаторов «Мертвых душ».

Герои поэмы живут под диктатурой хайдеггеровского безличного *там*: человек в поэме показан как пленник повседневности, утверждает представитель философско-антропологического направления Хорст-Юрген Герик в главе «Мертвые души» (*Gerigk H.J. Die toten Seelen // Der russische Roman / Hrsg. von B. Zelinsky. Düsseldorf, 1979. S. 86–110, см. в особенности S. 100–101; см. также: Тарасова 2002. С. 55–56; Никанорова 2007. С. 14*). Диктатура повседневности освобождает героев от страха перед смертью, хотя сама поэма есть книга о смерти (на эту тему см.: *Kasack W. Gogol und der Tod // Russian literature. 1979. N 7. P. 625–664*). И хотя *безличное ничто* постоянно врывается в жизнь героев, в своем обыденном существовании они оказываются невосприимчивыми к нему. Пять помещиков являют собой формы забвения собственной смерти (как следствие определенных страстей). Соответственно и посещения Чичиковым помещиков рассматриваются как путешествия через разные фазы человеческой жизни: от молодости к старости (о структуре и аллегорической составляющей поездки Чичикова см. также: *Blochel I. Bemerkungen zur Raumkonzeption in Gogol's *Mertvye duši* // Wiener Slavistischer Almanach. 1997. N 39. S. 23–56; Farino E. Структура поездки Чичикова // Russian Literature. 1979. N 7. P. 611–624; Feuer K. Intentional and Emergent Structures in *Dead Souls*: Chichikov: a Case for defense // Journal of Ukrainian studies. 1989. N 14. P. 216–233; Frank S.K. Pathos und Leidenschaften in Gogol's «Die Toten Seelen» // Leidenschaften literarisch / Hrsg. von R.M. Nischik. Konstanz, 1998. S. 203–228; Ebbinghaus A. Über Nozdrevs «ganz und gar nicht zweitrangige Rolle» in Nikolai Gogol's «Toten Seelen» // Tusculum slavicum. Festschrift für P. Thiergen. Zürich, 2005. S. 11–24*).

Проблеме «прекрасного зла», которое, возникнув впервые в гоголевском диалоге «Женщина», реализуется затем в «Мертвых душах» в фигуре губернаторской дочери и которому исследователь дает обо-

значение «комплекса Пандоры», посвящена статья Г. Лангер «Дочери Пандоры: Размышления о концепции “прекрасного зла” (kalòn kakón) в произведениях Гоголя» (*Langer G. Pandoras Töchter: Überlegungen zur Konzeption des «schönen Übels» (kalòn kakón) im Werk Gogol's // Specimina Philologiae Slavicae. 1998. Bd. 117. S. 147–163; см. также: Langer G. Schöne Synthese oder diabolische Mischung? Zum Problem des Schönen in Gogol's Frühwerk // Zeitschrift für slawische Philologie (Heidelberg). 1991. Bd. LI. H. 1. S. 143–173, см. в особенности S. 172).*

Другой форме зла, присутствующего в «Мертвых душах» Гоголя, которую немецкие философы и эстетики, начиная с Гегеля и кончая Ханной Арендт, считали не поддающейся изображению, а именно злу в его банальной повседневности (недемоническому злу, которое незаметно засасывает человека) посвящена книга Хефтриха Урса «Преступление и наказание Гоголя. Попытка истолкования романа “Мертвые души”» (*Urs H. Gogol's Schuld und Sühne: Versuch einer Deutung des Romans Die Toten Seelen. Darmstadt, 2004*). Но при этом сам Гоголь, по мнению исследователя, прибегает к оружию врага: так же незаметно, как враг, выводящий человека на стезю зла, он пытается вернуть его к добру, говоря, вслед за Шиллером, о необходимости эстетического воспитания человека (*Ibid. S. 40–42*).

Еще одна онтологическая тема, которой немецкий исследователь касается во второй части книги под названием «Вина Чичикова», есть вопрос о правде и лжи. Если Отцы церкви приписывали дьяволу как отцу лжи поэтическое искусство, также являющееся обманом, а романтические авторы из подобного родства делали предмет гордости, то для Гоголя оно становится позором. И потому «Мертвые души» замышляются как одиссея героя, пропущенная через призму христианской догматики, согласно которой ложь, «увертливость», так же, как и небрежное отношение к правде, есть зло. А в лицах пяти помещиков дается пять способов обхождения с правдой, которые являют Чичикову зеркало его собственной лжи (*Ibid. S. 131–180; см. также на тему лжи у Гоголя: Schahadat Sch. Rußland – Reich der falschen Zeichen. Die Lüge, das Wort und die Macht bei Gogol', Suchovo-Kobylin, Erdman und Mejerhold // Wiener slawistischer Almanach. 1997. N 44. S. 95–150*).

Содержанием целого ряда работ становится тема пошлости и способы ее выражения в «Мертвых душах». Так, в книге Виктора Эрлиха «Гоголь» (*Erlich V. Gogol. New Haven, 1969*) чичиковское *comme il faut* рассматривается как золотая середина, отсутствие всякой индивидуальности, пошлость, которые в конечном счете и становятся проявлением дьявольского начала персонажа (здесь автор ссылается на известный тезис Ханны Арендт о банальности зла – см.: *Арендт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М., 2008*). Вольфганг Казак в комментарии к своему переводу «Мертвых душ» 1988 г.

(*Gogol N. Gesammelte Werke in 5 Bänden / Hrsg. A. Martini. Bd. 2: Tote Seelen / Übers. W. Kasack. Stuttgart, 1988. S. 540–545 — см. с. 703 наст. изд.*) усматривает в постоянно употребляемом Гоголем обозначении «наш герой» пародирование устаревшего клише изображения добродетельных романтических героев. И хотя Чичиков задуман как антигерой, на самом деле он является настоящим героем своего времени, когда античный идеал героического и сам романтический герой превращаются в пошлость и мелочность.

Теме пошлости и стилистическим приемам ее выражения посвящена и статья Йорга Лемана «Пошлые души Гоголя» (*Lehmann J. Gogol's «Pošlye duši» // Wiener slawistischer Almanach. 1997. N 39. S. 57–83*). Продолжая в этом смысле Набокова, автор выделяет в пошлости два компонента: заурядность, банальность — и низость, глупость. С этой точки зрения рассматриваются герои «Мертвых душ», среди которых выделяются различные подкатегории: Петрушка — неприятельно-примитивный пошляк, Манилов — общее-место-пошляк, Ноздрев — подлый пошляк, Чичиков — посредственный пошляк. По мысли Лемана, пошлое — это мертвое, поэтому мертвые души Гоголя — пошлые души. В конце автор пишет о двойственном характере восприятия дискурса пошлости в «Мертвых душах», «особое обаяние которого для читателя заключается в радости узнавания» (*Ibid. S. 77; см. также: Тарасова 2002. С. 124*). В работе «Мертвые души: порог в иной мир» (*Deutsch J. «Dead souls»: threshold to another world // The Gogol bulletin. 1985. N 1. P. 19–20*) Джудит Дойтш, напротив, усматривает в поэме имплицитно выраженную веру Гоголя в способность человека преодолевать барьеры времени и пространства, связывающие нас с обычным и пошлым миром (возможность такого преодоления времени, очевидно заявленная в финале поэмы, присутствует скрыто на протяжении всего повествования: ср. способность даже эпизодических персонажей неожиданно прекращать свое движение во времени и пространстве, становясь чуждыми происходящему вокруг).

Христиан фон Чильшке в книге «Эпосы тривиального. “Мертвые души” Гоголя и “Бувар и Пекюше” Г. Флобера. Структурное и тематическое сравнение» (*Tschiltschke Ch. von. Epen des Trivialen. N.V. Gogol's «Die Toten Seelen» und G. Flauberts «Bouvard und Pécuchet»: Ein struktureller und thematischer Vergleich. Heidelberg: C. Winter, 1996*) находит точки пересечения поэмы Гоголя с романом Флобера в том, что герои обоих (Чичиков, Бувар и Пекюше) предстают как современные герои, воплощающие собой чудовищное самодовольство посредственности. Опираясь на терминологию Бахтина (*Ibid. S. 39*), автор утверждает: хронотопом «Мертвых душ» становится дорога, хронотопом романа Флобера — библиотека. Но роман Флобера можно рассматривать и как перевертыш гоголевской поэмы: для Гоголя свет есть книга, для

Флобера — книга есть мир. Религиозной картине мира у Гоголя (вере в религиозное искупление) как цели повествования отвечает у Флобера картезианская вера в разум и его искупительные способности (Ibid. S. 16, 57–59, 159–160).

О пошлости как выражении власти общественного мнения в «Мертвых душах» (одного из проявлений неприемлемой для Гоголя просветительской идеологии: нравственную ответственность за свои действия человек не вправе делегировать никому) говорит в уже упомянутой выше книге Хефтрих Урс (см. с. 682 наст. изд.; см. также его статью: *Urs H. Der Dämon im Alltagskleid: zum Begriff der «pošlost'» bei Nikolaj Gogol // Russische Begriffsgeschichte der Neuzeit: Beiträge zu einem Forschungsdesiderat / Hrsg. bei P. Tiergen, unter Mitarbeit von M. Munk. Köln, 2006. S. 127–138*).

В работе А. Хансена-Леве «Гоголь. К поэтике нулевого и пустого места» (*Hansen-Löve A.A. Gogol. Zur Poetik der Null-und Leerstelle // Wiener Slawistischer Almanach. 1997. N 39. S. 183–303*) пошлость соотносится в первую очередь с теорией нулевого места (вообще исследователи постструктуралистского направления выделяют у Гоголя те черты, что кажутся им актуальными для эпохи постмодерна, — см.: *Тарасова 2002. С. 47–48*). Так, в «Мертвых душах» хорошенький овал лица губернаторской дочки с его совершенной округлостью линий означает нулевое отсутствие, а белый цвет (белизна невыразимого), характеризующий женский образ (блондинка на балу), отражает апофатическое ничто, грозящее превратиться в начало демоническое (Ibid. S. 222, 226).

Имеющее давнюю традицию символическое толкование «Мертвых душ», во многом восходящее к русской символистской критике, в последние 50 лет все более облекается в формы формально-поэтологических исследований дискурсивной стратегии Гоголя.

Так, Дж. Вудвард, усматривая в поэме гигантскую аллегорию, «самую сложную в эстетическом отношении нравственную аллегорию в русском языке», которая символизирует не отмирание души вообще, но именно русской души (*Woodward J.B. Gogol's Dead souls. Princeton (N.J.), 1978*), пытается распутать таинственную метафорическую сеть поэмы методом пристального чтения, ища символический ключ к окружающим персонажам предметам, соотношенным с ним этикетным формулам, аллюзиям, эмблемам, ироническим намекам, которые предстают в интерпретации Вудварда не в отдельности, но теснейшим образом связанными со всем строем поэмы. Сходные задачи, хотя на более частном материале, еще раньше ставили перед собой Вольфганг Казак в книге «Техника изображения личности у Гоголя» (*Kasack W. Die Technik der Personendarstellung bei Nikolaj Vasilevič Gogol. Wiesbaden, 1957*), проанализировавший функции личных имен у Гоголя (ср.: *Heldt B. «Dead souls»: Without naming names // Nicolaj Gogol. Text and context /*

Ed. by J. Grayson, F. Witzgell. London, 1989. P. 83–91), и Карл Проффер в книге «Сравнения и гоголевские “Мертвые души”» (*Proffer C. The simile and Gogol's «Dead souls»*. The Hague; Paris. 1967). Его целью был анализ функций сравнений в «Мертвых душах», в сопоставлении с теми сравнениями, что использовали современники Гоголя. См. также фундаментальный труд Сюзанны Фуссо, исследовавшей систему оппозиций в «Мертвых душах»: *Fusso S. Chichikov on Gogol: The structure of opposition in Dead souls*. Yale: Yale university, 1984.

В.М. Тодд в уже упомянутой монографии (см. с. 675 наст. изд.) интерпретировал мимикрию Чичикова, в том числе и словесную, как трагедию требований, предъявляемых к человеку света (*honnête homme*), который призван играть множество ролей и приспособливаться к сознанию своих слушателей: «“Мертвые души” сыграли плохую шутку с дворянской идеологией, которая десятилетиями доминировала в среде русской культурной элиты. Они представили зрелище ее кончины и вместе с тем показали, что все это время она была, как и гоголевский прокурор, мертва» (*Todd III W.M. Fiction and Society in the Age of Pushkin: Ideology, Institutions and Narrative*. Cambridge, 1986. P. 200).

Роберт Мэгуайр в книге «Изучая Гоголя» прочитал поэму «Мертвые души» как серию языковых (речевых) конфронтаций: между Чичиковым и помещиками, Чичиковым и жителями города NN (*Maguire R. Exploring Gogol*. Stanford, 1994. P. 214–254). Штефен Мёллер-Салли (см. с. 674 наст. изд.) в свою очередь показал, как гоголевские пародии на сентиментальный дискурс породили новые вариации сентиментальной школы на гоголевскую тему (*Moeller-Sally St. Gogol's Afterlife: The Evolution of a Classic in Imperial and Soviet Russia*. Evanston (Illinois): Northwestern University Press, 2002. P. 33).

Связь между стилистическими приемами Гоголя и символической темой темноты (*obscurity*) и хаоса проанализировала в книге «Конструирование “Мертвых душ”: анатомия хаоса у Гоголя» Сюзанна Фуссо (*Fusso S. Designing Dead Souls: An Anatomy of Disorder in Gogol*. Stanford, 1993; см. в особенности главы «Plans and Accidents», p. 20–51; «The Uses of Obscurity», p. 52–99).

Вопросам дискурсивной стратегии Гоголя было уделено также большое внимание в книге Кэти Попкин (*Popkin C. The Pragmatics of Insignificance: Chekhov, Zoshchenko, Gogol*. Stanford, 1993). Сюжет «Мертвых душ», писала исследовательница, находится словно в состоянии спячки: Гоголь повествует о том, что, казалось бы, не интересно для читателя и не может удержать его внимания. Соответственно Гоголь предполагает в читателе ту же способность, какую он приписывает Петрушке, — читать ради самого процесса чтения. Феноменология чтения текстов в «Мертвых душах» находит опору в часто используемом Гоголем приеме: отчуждения и непонимания (здесь исследовательница использу-

ет терминологический инструментарий Жака Деррида — Ibid. P. 204). «История капитана Копейкина» являет собой пример универсального непонимания ситуации: ни слушателями, ни читателями, ни самим рассказчиком. Попкин рассматривает различные типы вербальных препятствий, стоящих на пути у читателей, — то, что она называет текстовыми эксцессами, и куда включается мотив дороги, езды, лошадей. Российская запутанность дорог, не позволяющая выбрать наикратчайший путь, также соответствует дискурсивному приему Гоголя (см. также труды, посвященные проблеме слова в «Мертвых душах»: *Lahti K. Artificiality and Nature in Gogol's Dead Souls // Essays on Gogol: Logos and the Russian Word / Eds. S. Fusso, P. Meyer. Evanston, 1992. P. 143–157; Maguire R. Gogol and the tradition of the word: French Universals and Russian Particulars // Voltaire, The Enlightenment and the Comic Mode. Essays in Honour of J. Sareis / Ed. M. Cutler. New York, 1990. P. 109–126*).

Среди других зарубежных работ, посвященных мотивному анализу «Мертвых душ», следует назвать статью Патриции Этвуд «Привычка к чтению: роль книг в “Мертвых душах” Гоголя» (*Atwood P. Habbits of reading: the role of books in Gogol's «Dead souls» // The Gogol bulletin. 1985. N 1. P. 12*), посвященную двум «предметам» читательского интереса Чичикова — посланию в стихах Вертера к Шарлотте и «Герцогине де Лавальер» Жанлис; работу А. Оболенского «Заметки о Гоголе» (*Obolensky A.P. Food-notes on Gogol. Winnipeg, 1972*), главы которой (p. 116–146) посвящены анализу еды и питья как средству художественного описания в «Мертвых душах» (о функции еды в поэме см. также: *Kolb-Seletski N.M. Gastronomy, Gogol and his Fiction // American-Scandinavian review. 1970. N 29. P. 35–57; Le Blanc R.D. The dinner with Chichikov: The fictional meal as narrative device in Gogol's Dead Souls // Modern Language Studies. 1988. N 18/4. P. 68–80*), а также статью Хефтриха Урса «Надпись на стене. Скандальные праздники в “Мертвых душах” Гоголя и “Бесах” Достоевского» (*Urs H. Die Schrift an der Wand: Skandalfeste in Gogol's «Mertvye duši» und Dostoevskijs «Besy» // Prazd'nik. Von Festen und Feiern in slawischen Literaturen / Hrsg. von A. Leitner; D. Burkhart. Frankfurt a.M.; Berlin; New York; Paris; Wien, 1999. S. 55–72*), посвященную двойной феноменологии праздника и скандала в «Мертвых душах».

В отличие от более ранних произведений Гоголя психоаналитическая тенденция прочтения не стала существенной в отношении «Мертвых душ». Так, Микаэл Катц в книге «Сны и подсознание в русской литературе» (*Katz M. Dreams and Unconscious in Nineteenth Century Russian Fiction. Hanover; London, 1984*) лишь бегло развивает высказанную А. Ремизовым мысль о том, что все произведения Гоголя, начиная с «Сорочинской ярмарки» и кончая «Мертвыми душами», могут быть рассмотрены как цепь сновидений (Ibid. P. 66). Леонард Кент в книге

«Подсознательное у Гоголя, Достоевского и их предшественников» (*Kent L.J. The Subconscious in Gogol' and Dostoevskij and its Antecedents. The Hague; Paris, 1969*) вообще обходит «Мертвые души» стороной, называя их лишь однажды «сводом зарисовок» («*compilation of vignettes*» — *Ibid. P. 86*). Симон Карлинский в «Сексуальном лабиринте Николая Гоголя» (*Karlinsky S. The Sexual Labyrinth of Nikolai Gogol. Cambridge (Mass.); London, 1976*) особенно настаивает на выражении женоненавистничества Гоголя в поэме, будто бы проявляющемся во встречах Чичикова с губернаторской дочкой и во встрече двух дам в главе IX. В последнем случае функции этих женщин, говорит Карлинский, не только комические и сатирические: в них Чичиков встречает своих немезид (*Ibid. P. 226—235*); об иррациональном в «Мертвых душах» см. также: *Weiss R.M. The hidden world of Gogol: A study of the irrational in «Dead souls». University of California, 1984.*

К данному направлению в изучении «Мертвых душ» отчасти при- мыкают работы, авторы которых размышляют над автобиографическим подтекстом образа Чичикова у Гоголя, что также в сущности восходит к русской символистской и околосимволистской критике о Гоголе. Так, по мнению Штефен Мёллер-Салли (см. с. 674 наст. изд.), Чичиков «ре- активирует дискурсивную стратегию Гоголя: когда его просят назвать свое имя, он дает его в наибольшем количестве вариаций». Страсть героев к коллекционированию вещей соответствует авторской стратегии собирательного повествования, считает исследовательница. Ср. также предположение Ильи Кутика, основателя неоконформистского движе- ния метареализма в 1980-е гг., что Чичиков является для Гоголя своего рода экзорцизмом его собственной гордости: «Гоголь создает наихудший нуль, чтобы показать, что можно быть хуже, чем он» (*Kutik I. Writing as Exorcism: The personal codes of Pushkin, Lermontov, and Gogol. Evanston (Illinois): Northwestern University Press. 2005. P. 8, 62—67, 71, 77, 99—101*).

Особый раздел в западной гоголиане составляют работы, посвящен- ные вопросу связи Гоголя с русскими и зарубежными писателями XIX— XX вв. Воздействию на Гоголя драматургии Мольера посвящена книга Г. Лейсте «Гоголь и Мольер» (*Leiste H.W. Gogol und Molière: Erländer Beiträge zur Sprach- und Kunstwissenschaft. Bd. II. Nürnberg, 1958*), яв- ляющаяся до сих пор единственной работой на данную тему. В книге Дж. Штейнмана «Заметки о Жераре де Нервале и Николае Гоголе» (*Steinman J. Notes sur Gérard de Nerval et Nicolas Gogol. Paris, 1963*) оба писателя сближаются как воспевшие великие темы космической жизни и попытавшиеся заговорить судьбу искусством. Жан-Поль Вебер в книге «Область тематики» (*Weber J.P. Domaines thématiques. Paris, 1963*) рассматривает Гоголя как автора «Мертвых душ» в одном ряду с Э. По, Нервалем, Лотреамоном, Кафкой, Граком. Вильям Эджертон

в статье «Пародия Лескова на Гоголя: отборное зерно» (*Edgerton W.B. Leskov's Parody on Gogol: otbornoe zerno // Lingua videt: Commentationes slavicae in Honorem V. Kiparsk. Helsinki, 1965. P. 38–43*) показывает, в какой мере повести Н.С. Лескова «Загадочный человек» (1870) и «Отборное зерно» (1883) являются пародиями на «Мертвые души». В основу статьи Ш. Дранач «Метаморфоза как стилистический прием: сюрреалистическая схема в гоголевских и набоковских текстах» (*Dranach Sh.A. Metamorphosis as a stylistic device: surrealist schemata in Gogolian and Nabokovian texts // Language and style. 1984. Vol. 17. N 2*) ложатся наблюдения Набокова над некоторыми принципами гоголевского повествования, оказавшими воздействие на прозу самого Набокова (сюрреалистический способ повествования, наложение животных качеств на человеческие, постоянно встречающийся мотив неожиданного, «вдруг», превращение человека в «гомункула», которое происходит в придаточных предложениях, как в известном описании четы Собакевича: «Подъезжая к крыльцу, заметил он выглянувшие из окна почти в одно время два лица: женское в чепце, узкое, длинное, как огурец, и мужское, круглое, широкое, как молдаванские тыквы, называемые горлянками, из которых делают на Руси балалайки, двухструнные, легкие балалайки, красу и потеху ухватливого двадцатилетнего парня, мигача и щеголя...»). Ср. также статью В. Терраса «Набоков и Гоголь: метафизика небытия» (*Terras V. V. Nabokov and Gogol: the metaphysics of nonbeing // Poetica slavica: Studies in honour of Zbigniew Folejewski. Ottawa, 1981. P. 191–196*), в которой оба писателя изображаются как проникающие в преисподнюю область пустого и полого и выражающие свой опыт в антропоморфных формах. О воздействии Гоголя на прозу других русских писателей XX в. (М.А. Булгакова, В. Войновича и др.) см. также: *Grève C. de. Un grand héritier de Gogol: Boulgakov. L'héritage de Gogol dans les oeuvres des années post-révolutionnaires, 1917–1928 // Slavica Gandensia. 1985. N 12. P. 61–67*; *Kaman E. Die Gogolische Tradition in den frühen Erzählungen Bulgakovs // Studia slavica. Budapest, 1986. T. 32. S. 263–269*; *Terras V. The gogolian trend in Russian literature // Handbook of Russian literature. New Haven, 1985*; *Connolly J.W. Nikolai Gogol at the Metropol // The Gogol bulletin. 1985. N 1. P. 16–18*; *Peppard V. Gogolia substrata in Žizn i neobyčajnye pričljučenija soldata Ivana Čonkina // Russian Language Journal. 1984. N 38. P. 131–138*.

В западном литературоведении Гоголь нередко осмысливается не только как предтеча модернизма, символизма, сюрреализма, тех или иных тенденций в новой и новейшей русской литературе — он еще воплощает в себе и ту русскую идею, которая, пройдя через всю литературу XIX и XX вв., с новой силой отзовется в наши дни. В особенности это касается финальной сцены первого тома «Мертвых душ», провоцирующей критиков на различные прочтения.

Для швейцарского ученого Жоржа Нива, автора книги с характерным названием «Конец русского мифа; очерки русской культуры от Гоголя до наших дней» (*Nivat G. Vers la fin du mythe russe; essai sur la culture russe de Gogol à nos jours. Lausanne, 1981*), финал первого тома «Мертвых душ» являет собой привычную для русского сознания мифологему кочевничества, свидетельство неустойчивости русского человека, русской культуры, русской истории в целом. Пройдя через русскую литературу XIX в., включая и Чехова, миф бескрайней степи нашел свое «логическое завершение» в «Архипелаге ГУЛАГ» А.И. Солженицына, дойдя в нем до образа вселенского абсурда (*Ibid. P. 8*; см. также: *Новосильцов И.* Глава о том, как совет Николая Васильевича Гоголя помог нам спасти людей от Архипелага ГУЛАГа // *Новый журнал. 1980. № 140. С. 241–258*).

По мнению Луи Алена, автора статьи «Воскрешение гоголевской тройки у Пастернака и Гумилева» (*Allain L. Résurgences de la «troïka» de Gogol chez Pasternak et Goumilév // Revue des études slaves. Paris, 1987. Т. 59. P. 777–787*), мажорный по замыслу Гоголя финал первого тома «Мертвых душ» был опровергнут в дальнейшем всем ходом русской истории и русской литературы. Прослеживая, как система образов знаменитой сцены полета тройки повторяется в переосмысленном и перевернутом виде и в романе Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» (сцена смерти Юрия Живаго), и в стихотворении Н.С. Гумилева «Заблудившийся трамвай», Луи Ален видит в обоих произведениях «горькое и меланхолическое» опровержение гоголевских пророчеств о будущем России: летящая гоголевская тройка, превратившись у Гумилева в заблудившийся в бездне времен трамвай, становится символом не воскрешения — как у Гоголя, но смерти, экзистенциальной гибели.

М. Вайскопф, напротив, интерпретирует данную сцену как уходящую своими корнями в теософские пророчества русской масонской литературы конца XVIII — начала XIX в., где «в книге промысла» прочитывалась величественная судьба империи: тем самым пророчества Гоголя о будущем России становятся в один ряд с мессианскими устремлениями русских поэтов-мистиков (в статье приводится и ряд конкретных совпадений между финальной сценой «Мертвых душ», масонской одой Ключарева и поэмой Ф. Глинки «Карелия», в которой, как и у Гоголя, в сумрачном краю появляется «чудесная жар-птица» — эквивалент птицы-тройки — см.: *Вайскопф М.* Путь паломника: (О масонских и теософских источниках Гоголя) // *Russian Literature and History. In Honour of Professor Ilya Serman. Jerusalem, 1989. P. 52–61*; см. также: *Maguire R.* Gogol and the Legacy of the Pseudo-Dionysios // *Russiasness. Studies on Nation's Identity / Ed. R.L. Belknap. Ann Arbor, 1989. P. 44–55*.

О рецепции «Мертвых душ» за рубежом см. также: *Бибихин В.В., Гальцева Р.А., Роднянская И.Б.* Литературная мысль Запада перед

«загадкой Гоголя» // Гоголь: История и современность: (К 175-летию со дня рождения). М., 1985. С. 390–433; *Гураль С.К.* Гоголь в современном американском литературоведении: (Проблемы художественного метода и повествования). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1985; *Никанорова 2007; Тарасова 2002; Grève 1983; Kirsten U.* Das deutsche Gogolbild und seine Tradition im Widerstreit von Reaktion und Fortschritt. Rostock, 1964; *Seidel-Dreffke 1992; Stolze 1974.* S. 20–22, 36–38, 46–56, 62–67, 75–77, 81–85, 98–100, 132–139, 141–188).

* * *

Критиками не раз было замечено, что «в сравнении с Толстым, Достоевским и Чеховым (...) Гоголь (как и Пушкин) перемещается в иноязычную культуру с очень большими потерями» (*Биbihин В.В., Гальцева Р.А., Роднянская И.Б.* Указ. соч. С. 390). В первую очередь это касалось истории перевода поэмы «Мертвые души» (*Сорока О.П.* Жизнь классики (четыре перевода «Мертвых душ») // *Контекст.* 1976. М., 1977. С. 199–236).

Самые первые переводы поэмы появились еще при жизни Гоголя. В 1844 г. Петр Шепелевич (уроженец Пскова) опубликовал вместе с переводом «Записок сумасшедшего» и «Шинели» также и перевод двух первых глав из «Мертвых душ» в журнале «Атенеум», выпускаемом в Вильно (Вильнюсе) польским романистом Юзефом Игнацем Крашевским, отредактировавшим «весьма слабый перевод» П. Шепелевича «с целью более глубокого выявления мысли русского писателя»: *Przygody Czczykowa, czyli Dusze zmarłe: Poemat Mikołaja Gogola / Przełożył P. Szepielewicz // Athenaeum* (Вильно). 1844. Т. VI. S. 148 и далее (*Пиотровская А.Г.* Гоголь и польская литература // *Гоголь и мир. лит.* 1988. С. 124; *Луцаковский 1902.* С. 18).

В 1846 г. в Лейпциге выходит первый полный перевод «Мертвых душ» на немецкий язык, выполненный Филиппом Лебенштейном (который до этого уже переводил повести Гоголя в издании «Russische Novellen» (Leipzig, 1846) под названием: «Die Todten Seelen: Ein satyrisch-komisches Zeitgemälde von Nikolai Gogel / Aus dem Russischen übertragen, mit Anmerkungen versehen und bevorwortet von Ph. Löbenstein. Leipzig: Reclam, 1846 (см. также с. 669 наст. изд.). Издание сопровождалось предисловием переводчика, в котором Лебенштейн объяснял значение перевода гоголевской поэмы для Германии. Такие книги, писал он, лишены «всякой предвзятости, дающие в романической форме ясную картину социальных обстоятельств, исполненную тонкого юмора и живой иронии характеристику русской жизнедеятельности, достойны всяческого уважения». Произведение Гоголя должно было, по мысли переводчика, скорректировать «радужные описания русской жизни», исходившие из консервативного лагеря. Вместе с тем, считал Лебенштейн,

несмотря на неприглядные картины русской действительности, Гоголь в конце первого тома «Мертвых душ» ясно дает понять, что «Россия станет однажды царством философии», и тогда Германия «вынуждена будет отдать пальму первенства в области мысли северному колоссу» (см. об этом: *Kopelw L. Zunächst war Waffenbruderschaft // Russen und Russland aus deutscher Sicht. 19. Jahrhundert: Von der Jahrhundertwende bis zur Reichsgründung. Reihe A. Bd. 3. München: W. Fink Verlag, 1991. S. 49*). Стоявшие под предисловием дата и место «Leipzig im Juni 1844» указывали, скорее всего, на дату начала работы над переводом (см.: *Лямбек 1902. С. 374*).

В самой Германии перевод Лебенштейна, который в отдельных местах довольно сильно отстоял от подлинника (см.: *Никанорова 2007. С. 15–16*), не получил резонанса, на который переводчик рассчитывал. Отзыв, опубликованный в газете «BLU» (1846. 14 августа. N 226), носил скорее снисходительно-покровительственный характер (см. об этом: *Reissner E. Deutschland und die Russische Literatur: 1800–1848. Berlin, 1970. S. 222–224*). В «Отечественных записках» констатировалось, что перевод Лебенштейна «не имел успеха, потому что переводчик ограничился одною буквальною передачею подлинника, не соображаясь с требованием немецкого языка» (*Михайлов М. О новых переводах с русского языка на немецкий (Письмо к редактору «Отечественных Записок».) // ОЗ. 1854. Т. ХСIII. Март. Отд. V. С. 13*). Позднее было отмечено, что в общем «перевод поэмы сделан правильно, но местами он тем дальше стоит от красот подлинника, чем выше самые красоты, чем выше пафос поэмы» (*Некрасова Е.С. Гоголь пред судом иностранной литературы. 1845–1885 // РС. 1887. Сентябрь. С. 556*).

Гоголь, получив известие о переводе первого тома «Мертвых душ» на немецкий язык, писал 27 декабря 1845 г. (8 января 1846 г.) Н.М. Языкову (из Рима): «Известие о переводе “М(ертвых) д(уш)” на немецк(ий) язык мне было неприятно. Кроме того, что мне вообще не хотелось бы, чтобы обо мне что-нибудь знали до времени европейцы, этому сочинению неприлично являться в переводе ни в каком случае до времени его окончания, и я бы не хотел, чтобы иностранцы впали в такую глупую ошибку, в какую впала большая часть моих соотечествен(ников), принявшая “М(ертвые) д(уши)” за портрет России». Правда, тут же он высказывал желание знать, что будет говорить о поэме немецкая критика: «Если тебе попадется в руки этот перевод, напиши, каков он и что такое выходит по-немецки. Я думаю, просто ни то, ни сё. Если случится также читать какую-нибудь рецензию в немецких журналах или просто отзыв обо мне, напиши мне также. Я уже читал кое-что на французском о повестях в “Revue des Deux Mondes” и в “Des Débats”. Это еще ничего. Оно канет в Лету вместе с объявлениями газетными о пилюлях и о новоизобретенной помаде красить волоса, и больше не будет о том и речи.

Но в Германии распространяемые литературные толки долговечней, и потому я бы хотел следовать за всем, что обо мне там ни говорится».

В дальнейшем перевод переиздавался в 1872, 1873, 1875, 1881 и 1920 гг. в лейпцигской серии «Reclam's Universalbibliothek» под N 413, 414, 1466, 1467, причем год издания издателями не указывался, так как «эти издания не должны устареть» (Лямбек 1902. С. 375).

Спустя три года после первого немецкого перевода появился перевод «Мертвых душ» на чешский язык. Автором перевода был Карел Гавличек-Боровский (1821–1856), выпускник пражского философского семинара, поэт и публицист, с именем которого связано рождение сатиры в чешской литературе, приехавший в Москву 5 февраля 1843 г. в качестве домашнего учителя сына и племянника С.П. Шевырева (о Гавличке см.: Соловьева А.П., Доронина Р.Ф. Гоголь и развитие реализма в литературах южных и западных славян // Гоголь и мир. лит. 1988. С. 87–91). Перевод гоголевской поэмы, над которым Гавличек работал в Москве, поощряемый к тому всемерно С.П. Шевыревым, публиковался в N 156–207 газеты «Národní Noviny» за 1849 г.: Gogol M. Mrtvé duše. Část 1 // Feuilleto “Národních Novin”. 1849. N 156–207. В кратком вступлении к поэме Гавличек отмечал, что видит в поэме Гоголя «прежде всего чрезвычайную zábavnost', которая не позволит читателям скучать» (Францев В.А. Н.В. Гоголь в чешской литературе // Памяти В.А. Жуковского и Н.В. Гоголя. Вып. 1. СПб., 1907. С. 68; см. также: Савицкий В.Д. Творчество Гоголя в Чехословакии // Гоголь: Статьи и материалы. Л., 1954. С. 299, 305; о мотивах переводческой деятельности, связанных «с развитием чешской журналистики и национальной мысли в Австро-Венгрии предмартовского периода», см.: Чернова-Бургер И.М. Первые чешские переводы Н.В. Гоголя на перекрестке чешской и русской национальной мысли // Н.В. Гоголь: Загадка третьего тысячелетия: Первые Гоголевские чтения: Сб. док. М., 2002. С. 171).

Отдельной книгой перевод Гавличка вышел лишь в 1894 г.: Gogol M. Mrtvé duše. Praha: Modrá Knihovna (dr. V. Řezníček), 1894, почти 30 лет спустя после выхода в 1862 г. гоголевской поэмы отдельной книгой в переводе Эмануэля Вавры (Балажова А. Восприятие и оценка творчества Н.В. Гоголя в Чехии. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1990. С. 8).

При жизни Гоголя «Мертвые души» были частично переведены еще и на французский язык Проспером Мери́ме, который «попросил посмотреть» свой перевод мадам Лагрене, урожденную В.И. Дубенскую (см.: Mongault H. Gogol et Merimée // Revue de littérature comparée. 1930. Т. 10. P. 703; Мери́ме П. Статьи о русской литературе / Подг. А.Д. Михайлов. М., 2003. С. 5). В 1851 г. Мери́ме опубликовал в журнале «Revue des Deux Mondes» сделанные им переводы отрывка из поэмы (разговор Чичикова с Коробочкой) в составе статьи «Русская

литература: Николай Гоголь», в которую были также включены отрывки из «Ревизора»: *Merimée Pr. La littérature en Russie: Nicolas Gogol. Nouvelles russes. Mertyvia douchi (les Ames mortes). Revizor (l'Inspecteur général) // Revue des Deux Mondes. Paris, 1851. Т. 12. P. 627–650, пер. на с. 635–639; рус. пер. см.: Мериме П. Указ. соч. С. 11–39; упоминание о переводе см.: ОЗ. 1852. Т. LXXXII. Июнь. Отд. VI. «Библиографическая хроника». С. 96; отмечено: *Cadot 1967. P. 450*).*

Перевод Мериме сцен из «Мертвых душ» был затем включен и в вышедшее в 1853 г. издание: *Merimée P. Les deux Héritages suivis de l'Inspecteur général et des Débuts d'un aventurier. Paris: Michel Lévy Frères, 1853*. Существует также предположение, что еще в 1845 г. «Мертвые души» на французский язык собирался переводить И.С. Тургенев; во всяком случае 19 июля 1845 г. в парижской газете «Illustration», где была опубликована, без подписи, статья, по всей видимости Тургенева, «De la littérature russe contemporaine: Pouchkine. Lermontov. Gogol» (см.: *Cadot 1967. P. 428*), объявлялось и о готовящемся переводе «Мертвых душ». «Почему он не появился, сказать пока трудно. Однако не исключено, что Тургеневу стало известно об отрицательном отношении Гоголя к переводу “Мертвых душ” на немецкий язык» (*Генералова 2002. С. 159*).

В Англии первый перевод «Мертвых душ» (как отмечено М.П. Алексеевым) был опубликован без указания имени Гоголя и имени переводчика (в предисловии сообщалось, что книга написана и переведена на английский язык русским дворянином) под названием: *Home Life in Russia. By a Russian Noble. Revised by the Editor of Revelations on Siberia. 2 Vols. (London): Hurst and Blackett, 1854* (см.: *Барбе д'Оревилли. Николай Гоголь / С примеч. М.П. Алексеева // Мат. и иссл. 1936. Т. 1. С. 273; см. также с. 669 наст. изд.*). Переводчик, он же «издатель», не пожелавший себя назвать (анонимом был профессор философии Варшавского университета Лаш Ширма (Lach Szymma) — см.: *Cadot 1967. P. 426*), не только произвольно разбил поэму на главы (первый том содержал 21 главу, второй — 25), но и изменил конец гоголевской поэмы: в финале комиссар полиции останавливал выезжавшего из города Чичикова, вручал ему некий документ, от которого Чичиков делался бледным как смерть, и пересаживал его в мрачную повозку, которая называлась «Сибирская кибитка». О том, что автором книги был Гоголь, было сообщено в рецензии, опубликованной в журнале «Атенеум» (*The Athenaeum (London). 1854. 2 december. N 1414. P. 1454*). Месяц спустя на плагиат отозвались «Отечественные записки»: «В английском Атенеуме прочитали мы известие о мистификации, которая удивляет смелостью человека, решившегося на нее, и вместе заставляет жалеть о том, как мало еще известна в Англии русская литература. В Лондоне вышла недавно книга, под заглавием: “Русская жизнь, сочинение русского дворянина” (...) она

снабжена предисловием, объясняющим, что рукопись этого сочинения была просмотрена английским литератором, исправившим ошибки слога (...). Что же такое эта книга, проданная в рукописи лондонскому книгопродавцу русским дворянином, не желающим объявлять своего имени? — ни более, ни менее, как “Мертвые Души” в нелепом переводе. Ни один из английских критических журналов не знал “Мертвых Душ”, хотя они давно уж переведены на французский и немецкий языки; рецензент Атенеума, один только знакомый несколько с русскою литературою, заметил литературный подлог и изобличил его. Что же делает неизвестный господин, который обманул книгопродавцев, представив им перевод (...) за оригинальное сочинение? Ни мало не теряя спокойствия духа, он пишет своим издателям следующее объяснение (...): “В ответ на вашу записку (...) должен я сказать, что рукопись, мною вам проданная, собственное мое сочинение, основанное на действительном случае, который чрезвычайно хорошо известен всей русской публике и из которого заимствовали сюжет (...) очень многие русские писатели. Я лично знал г. Гоголя (...) он действительно написал прекрасную поэму, содержанием которой послужил этот анекдот; точно так же из этого случая написали повести гг. Гончаров, Григорович, Бутков и многие другие; одним словом, этот сюжет был в России перерабатываем решительно всеми лучшими литераторами, и каждый раз с огромным успехом”» (ОЗ. 1855. Т. ХСVIII. Январь. Отд. VII. С. 30—31; см. также отклик, опубликованный в «Современнике»: Английская переделка «Мертвых душ» Гоголя // *Совр.* 1855. Т. XLIX. № 1. «Иностранные известия». С. 95—96; см. также: *Лугаковский 1902*. С. 20; *Proffer 1964*. P. 420—433).

В 1858 г. отрывок из главы VII «Мертвых душ» (где Гоголь рассуждает о двух типах писателей) публикуется в переводе Петро Славейкова под названием «Двамата писатели» в газете «Цариградски вестник» (1858. 27 сентября. № 398). Тот же отрывок в переводе И. Бобчева был напечатан впоследствии в журнале: *Българска Сбирка*. 1899. С. 481—482 (см.: *Кораблев В.* Гоголь у болгар // *Литературный вестник*. 1902. Т. III. Кн. 3. С. 270).

В том же 1858 г. Эжен Моро публикует во Франции сделанный им перевод «Мертвых душ» в дешевой иллюстрированной серии «Bibliothèque pour tous illustrée» (*Les Ames mortes. Par Nicolas Gogol / Trad. du russe par Eugène Moreau. Paris: chez Harvard, 1858*; первоначально «Моро знакомил французов с поэмой (...) помещая перевод (...)» в газете “Mousquetaire” — см.: *Некрасова Е.С.* Гоголь пред судом иностранной литературы: 1845—1885 // *РС*. 1887. Сентябрь. С. 567; см. также с. 670 наст. изд.). Перевод, хотя и выполненный весьма скрупулезно, был плохо принят французским читателем. Обилие транслитерированных слов и выражений (*briska, rameschik*) делали поэму малопонятной и часто смешной. К тому же сам

текст поэмы, которую переводчик упорно называл «романом», оказался весьма редуцирован: выброшенными остались эпизоды о Кифе Мокиевиче, о теории страстей и проч. В целом и читатели, и критика высмеяли Моро, хотя перевод и был переиздан два года спустя, в 1860 г. (см.: *Stolze 1974. S. 47–49*).

Вслед за переводом Моро и также в 1858 г. вышел новый «авторский» перевод «Мертвых душ» Эрнеста Шарьера в издательстве Hachette: *Gogol N. Les Ames mortes. 2 Vols. / Trad. E. Charrière. Paris: Hachette, 1858 (Bibliothèque des meilleurs romans étrangers)*. В предисловии к изданию Шарьер, русский по матери, проведший некоторое время в России, будучи наставником будущего писателя Владимира Соллогуба, объяснял причину, по которой он выбрал «метод свободного улучшающего перевода» этого «нравоописательного романа»: необходимо, чтобы французский читатель познакомился с «литературной продукцией России», испытывая при том наименьшие затруднения. А потому, в отличие от Моро, который выбрасывал мало понятные фрагменты гоголевской поэмы, Шарьер, напротив, дополнял оригинальный текст по своему разумению, желая приспособить его к «французскому видению»: задача его заключалась в том, чтобы «дорисовать контуры там, где они не дорисованы в оригинале», «придать повествованию движение и порыв там, где оно его лишено». И потому он пытался найти соответствия между французским и русским образом жизни, чтобы у французского читателя возникало ощущение текста, написанного по-французски. Главы «Мертвых душ» получили в переводе дополнительно нумерацию, название и краткое резюме содержания (например: «*Madame Korobotchkine, III, Départ pour de nouvelles expéditions*»). В переводе было сделано также много перестановок (так, в конце главы X неожиданно оказался отрывок из главы XI). Дополнительно переводчик включил в издание перевод апокрифического продолжения «Мертвых душ» А. Ващенко-Захарченко. К заглавию был добавлен подзаголовок, «выдававший замысел переводчика»: «*Les Russes peints par eux-mêmes*» («Русские в собственном изображении») (см. также: *Генералова 2002. С. 165*; сравнение французского перевода с оригиналом см.: *Grève 1983. P. 411–413*; критику перевода Э. Шарьера Александром Лейтесом см.: Октябрь. 1952. Март. С. 147).

В отличие от перевода Моро в целом перевод Шарьера пользовался успехом, во всяком случае до Первой мировой войны он оставался самым известным переводом «Мертвых душ» и переиздавался в 1864, 1885, 1889, 1902, 1906, 1909, 1912, 1915 гг. (правда, в 1870 г. исследователь русской литературы Луи Леже констатировал: «Пятнадцать лет назад дом “Hachette” должен был ликвидировать со скидкой “Мертвые души”, шедевр Гоголя. В это время интерес публики был сосредоточен на Тургеневе» — см.: *Leger L. Nouvelles Études slaves // Histoire et*

littérature. Т. 1. Paris, 1880. P. 111). Гораздо более холодно встретила перевод критика (см. негативные отклики Артюра Арну (Arthur Arnould): *Revue de l'instruction publique de la littérature et des sciences en France et dans les pays étrangers*. Paris, 1859. N 14, и Леона де Вайи (Léon de Wailly): *Illustration*. 1859. 23 juillet. N 856 («Chronique littéraire»)). Известна также сдержанно-скептическая реакция Проспера Мери-ме, на этот раз уже и в отношении оригинала, и в отношении перевода (см. с. 668 наст. изд.).

В 1860–1890-е гг. появляется ряд полных переводов «Мертвых душ» на разные, преимущественно европейские, языки. В 1865 г. поэма выходит в Загребе (*Mrtve duše*. Poema / Prev. N. Stokan. Zagreb, 1865).

В 1871 г. сербский юморист Милован Глишич публикует свой перевод «Мертвых душ», сделанный совместно с Л. Милькович непосредственно с русского языка: Чичиковљеви догађаји или Мртве душе: роман / Прев. Люб. Мильковић и Мил. Глишић. Ч. 1, 2. Београд, 1871. О традиции сербских переводов произведений русской литературы, которые, однако, выполнялись нередко с плохих немецких или французских переводов, см.: *Кораблев В.* Гоголь у сербов // *Литературный вестник*. 1902. Т. III. Кн. 4. С. 383; в этой же статье указывается и на сделанный «лет 30 тому назад», т.е., по-видимому, в начале 1870-х гг. и печатавшийся в сербских газетах «совершенно неудовлетворительный» первый перевод «Мертвых душ» на сербский (там же, с. 384); частичный перевод «Мертвых душ» на сербский (глава V первого тома поэмы), сделанный И. Максимовичем, был опубликован: *Бранково Коло*. 1902. № 12–13. В предисловии к переводу 1872 г. Глишич решительно противопоставлял творчество Гоголя развлекательной литературе (см.: *Соловьева А.П., Доронина Р.Ф.* Гоголь и развитие реализма в литературах южных и западных славян // *Гоголь и мир. лит.* 1988. С. 108; см. также: *Брагин Ю.А.* Гоголь в Сербии // *Славянская филология: Сб. ст. М., 1960. Вып. 3. С. 108; Заболотский П.А.* Гоголь в славянских переводах. (Библиогр. заметка) // *Изв. Отд. русского языка и словесности Имп. Академии наук*. 1911. Т. XVI. Кн. 2. С. 49).

В 1874 г. выходит перевод «Мертвых душ» на венгерский язык, который выполнил Аладар Дьёрдь: *Megholt lelkek: Satyrikus korrajz / Ford. György Aladár*. Budapest, 1874 (см.: *Комлош А.* Путь Гоголя в венгерской литературе // *Венгерско-русские литературные связи*. М., 1964. С. 11–12).

В 1876 г. выходит и полный перевод гоголевской поэмы на польский язык, выполненный графом Зигмунтом Вельгорским: *Martwe dusze: Powieść / Przel. Hr. Z. Zygmunt Kierdej-Wielhorski*. Poznań, 1876; 2-е изд.: 1879 (до этого в вышедшее в 1861 г. издание «Маленьких повестей» Гоголя вошли: «Старосветские помещики», «Нос», «Коляска»,

«Иван Федорович Шпюнька и его тетушка», «Записки сумасшедшего» и др. — переводчик оговаривал в предисловии, что главнейшее «сочинение “Мертвые души”, увековечившее имя Гоголя, слишком обширно для помещения его в “Библиотеку”, поэтому печатаем одни повести» — см.: *Лугаковский 1902*. С. 19). Перевод Вельгорского был существенно искажен прусской цензурой: исключены лирические и мессианские мотивы, включая и окончание первого тома поэмы.

В 1882 г. выходит и перевод «Мертвых душ» на украинский язык, выполненный И.Я. Франко: *Мертві душі або Вандрівки Чичикова. Тема Миколая Гоголя*. Львів, 1882. Перевод этот был не только первым полным переводом «Мертвых душ», но и коренным образом отличался от предыдущих переводов других произведений Гоголя на украинский и другие языки, поскольку «переводил писатель и поэт, прекрасно знающий русский язык во всех его тонкостях, “духовный родич” Гоголя, понимавший его позицию» (см.: *Крутікова Н.Є. Иван Франко про Гоголя // Гоголь і українська література ХІХ ст. Київ, 1954*; см. также: *Арват Ф. Иван Франко как переводчик. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Черновцы, 1968*). Будучи сам поэтом и переводчиком на украинский язык произведений русской классики — Пушкина, Лермонтова, Чернышевского, Салтыкова-Щедрина, Достоевского, Франко показал «Мертвые души» «в зеркале украинского литературного и народно-разговорного языка XIX в.», что сделало перевод также и выдающимся художественным явлением, не утратившим своего значения и в дальнейшем (*Арват Ф.С., Арват Н.Н. О первых украинских переводах произведений Н.В. Гоголя // Пятые Гоголевские чтения: Н.В. Гоголь и русское зарубежье: Сб. док. М., 2006. С. 254*). О характере переводов Франко фразеологизмов и пословиц «Мертвых душ» на украинский язык, а также о последующем восприятии данного перевода как «диалектного» см.: там же, с. 258–261.

Тогда же появляется и самый первый и «единственный», как это подчеркивается на титульном листе, перевод поэмы на итальянский язык, выполненный Л. Перелли под названием «Мертвые души. Современные комико-сатирические сцены» (*Gogol N. Le anime morte: Scene contemporanee comico-satiriche / Unica traduzione italiana. Roma: Stabilimento Tipografico Italiano diretto da L. Perelli, 1882*). Возможно, что подзаголовок был переводом с немецкой версии названия гоголевской поэмы (см. с. 669 наст. изд.). Таким образом, и в Италии Гоголь был представлен читателю как писатель сатирический (см.: *Скандура 2003. С. 384*). О возможных отзвуках этого перевода в прозе Дж. Верги см.: *Olivieri C. «Discorso anomalo» su Verga e la Russia // Il punto su... Verga e il Verismo, a cura di Giuseppe Sorbello (12–13 dicembre 2008. Catania, 2009. P. 63–76*). В том же 1882 г. «Мертвые души» переводятся на финский язык: *Kuolebeet sielus / Suom. S. Suomalainen. Helsingfors,*

1882; в 1885 г. — на голландский: *Doode zielen. Russische tuypen / Vert. en marede fon J.A. Bruins. Amsterdam, 1885.* В 1886 г., после первого курьезного перевода «Мертвых душ» на английский язык (см. выше) в Соединенных Штатах Америки выходит новый «плохой» перевод на английский (*Proffer 1964. P. 420*), на этот раз под адекватным оригиналу заглавием: *Tchitchikoff's journeys, or Dead souls. Vol. 1–2 / Trans. from the Russian by I. Hargood. New York, 1886* (переизд. в Лондоне в 1887 г.). В 1887 г. поэма выходит в Словении: *Mrtve duši: Poema / Prev. L. Podgoriski (Gorenjec). Ljubljana, 1887.*

В 1887 г. в эстонском журнале «Ома Маа» начинает публиковаться перевод «Мертвых душ» на эстонский язык. Перевод был выполнен эстонским филологом Яном Йыгевеком (1860–1924), бывшим в то время фактическим редактором этого журнала. Однако «уже на начале четвертой главы публикация была прервана, хотя в конце последнего переводного отрывка было обещано продолжение» (*Исаков С.Г. Восприятие творчества Гоголя в Эстонии XIX века // Гоголь и литература народов Советского Союза. Ереван, 1986. С. 359*). В критическом отзыве, опубликованном в газете «Постимеэс» (1887. № 13. Разд. «О литературе»), перевод в целом был признан неудачным, стилистически неряшливым, порой курьезным (там же, с. 361). Сохранились сведения, что самая первая попытка перевести «Мертвые души» на эстонский язык была предпринята еще в 1882 г. А. Дидо, но перевод этот тоже не был завершен и не попал в печать (там же, с. 359).

В 1891 г. появляется и новый перевод поэмы Гоголя на болгарский, правда, в отличие от предыдущих, неполный (переведены были только первые четыре главы поэмы): *Мъртвите души / Прев. П. Калчевъ. Пловдивъ, 1891.* Во вступлении переводчик (П. Калчев) писал: «Быть может, кто-нибудь спросит, зачем я выбрал громадную поэму Гоголя для перевода, а не перевожу какого-нибудь другого автора. На такой вопрос остается только пожать плечами: читал я и других авторов, но ни один из них, как мне кажется, не знает так хорошо души человеческой, ни один из них не совершил в души моей такого переворота, ни один из них не волновал меня так сильно, ни один не ударял по струнам моего сердца так, как Гоголь» (см.: *Кораблев В. Гоголь у болгар // Литературный вестник. 1902. Т. III. Кн. 3. С. 269*).

С конца XIX в. и на протяжении всего XX в. появляется большое количество самых разнообразных переводов «Мертвых душ», причем не только на европейские языки. В Италии, после перевода, сделанного Л. Перели, поэма переводилась еще восемь раз. В сделанном в 1918 г. переводе поэмы профессором русского языка неаполитанского Восточного института Федерико Вердинуа (см.: *Le avventure di Ciccioff: Le anime morte / Trad. di F. Verdinois. Lanciano, 1918*) ощутимо сказались традиции французских переводчиков, «считавших русских писателей

излишне многословными и потому часто прибегающих к сокращениям» (Скандура 2003. С. 385). Следующий перевод 1929 г., выполненный В. Фолько, имел несколько произвольный подзаголовок — «Сатирическая поэма (Сцены из жизни русской провинции первой половины 19 века)» (*Le anime morte: Poema satirico (Scene russe della vita di provincia nella prima meta del secolo XIX)* / Trad. dal francese di V. Folco. Milano: Sonzogno, 1929).

Первый полный, идентичный оригиналу перевод на итальянский язык был сделан Маргеритой Сильвестри Лапенна и опубликован в 1932 г. под заголовком «Приключения Чичикова, или Мертвые души. Роман». Заменяя жанровое обозначение поэмы на роман, переводчица тем самым, как и многие другие ее предшественники, причислила гоголевское произведение к жанру приключенческого романа: *Le avventure di Cicikov ovvero Le Anime morte: Romanzo / Prima traduzione integrale e conforme al testo russo con avvertenze storico letterarie e note di Margherita Silvestri Lapenna*. Torino: Slavia, 1932; Firenze: Vallecchi, 1941, 1943, 1944.

В дальнейшем Гоголя переводили Агостино Вилла (*Le anime morte / Prefazione e traduzione di A. Villa*. Torino: Einaudi, 1947; переизд. в 1966 и 1994 гг.: *Le anime morte / Prefazione e traduzione di A. Villa. Introduzione e bibliografia a cura di E. Bazzarelli*. Milano: Mondadori, 1966; *Le anime morte / Con un saggio introduttivo di V. Brjusov*. Trad. di A. Villa. Torino, 1994), Л. Симони Малавази (*Le avventure di Cicikov ovvero Le Anime morte / Trad. di L. Simoni Malavasi*. Milano: Rizzoli, 1957), Г. Ронга-Фаббрович (*Anime morte / Trad. a cura di G. Ronga Fabbrovich*. Torino: UTET, 1961), Наталия Бавастро (*Opere. Vol. terzo / Trad. dall'originale russo di N. Bavastro*. Milano: A. Corticelli Editore, 1948. Contiene: Arabeschi. *Le anime morte / Introd. di S. Vitale*. Trad. di N. Bavastro. Milano: Garzanti, 1967; переизд.: 1973, 1981). Впрочем, по мнению современной исследовательницы, большое количество разных переводов «Мертвых душ» свидетельствует не о стремлении «постичь все тонкости гоголевского текста», но о «характерной особенности итальянского книгоиздательства», где за непрерывными новыми переводами скрывается «элементарное желание издателя сэкономить на авторских правах» (см.: Скандура 2003. С. 384–385; об итальянских переводах «Мертвых душ» см. также: *Scandura C. Letteratura russa in Italia / Un secolo di traduzioni*. Bulzoni editore. Roma, 2002. P. 92–96; *Renton B. La letteratura russa in Italia nel XX secolo // Rassegna sovietica*. 1961. N 3. P. 48–80).

Во Франции после переводов Мериме, Моро и Шарьера появляются: анонимный перевод «Мертвых душ» в издании: «*Les Veillées du hameau*», «*Le Manteau*», «*Les Ames mortes*» / Trad. nouvelle avec une étude sur la vie et l'oeuvre de Gogol. Paris: Gautier, 1887 (*Nouvelle bibliothèque populaire a 10 cent*); с 1920-х гг. — переводы М. Семенова (*Les Ames mortes /*

Trad. M. Semenoff. Paris: Ollendorf, 1922; переизд.: 1935, 1948, в издательстве «Michel»; в 1967 г. в издательстве «Levallois-Perret»: Cercle du bibliophile, серия: «Les chefs d'oeuvres de la littérature russe», и одновременно в издательстве «Baudelaire. Livre club des Champs-Élysées»; в 1990 г. в издательстве «Flammarion» под редакцией Клод де Грев), М. Шандыбина (в отрывках: *Les Ames mortes (extraits)* / Trad. de M. Chandibine. Paris: Hatier, 1931), Ростислава Гофмана (с предисловием Модеста Гофмана: *Les Ames mortes* / Trad. R. Hofmann. Avant-propos de M. Hofmann. Paris: Corrêa, 1946), Мадлен Эристов-Дженгис Хан и Бориса де Шлецера (*Les Aventures de Tchitchikov ou les âmes mortes* / Trad. M. Eristov Gengis Khan et B. de Schloezer. Paris: le Club français du livre, 1952), Виктории Ашер (*Les Ames mortes* / Trad. V. Achères. Introd. de P. Pascal. Paris: Club bibliophile de France, 1957). Однако наиболее значительным, максимально приближенным к оригиналу переводом этого времени стал перевод 1925 г. А. Монго: *Les Aventures de Tchitchikov ou les âmes mortes* / Trad. H. Mongault. Paris: Bossard, 1925. См. также: *Les Aventures de Tchitchikov ou les âmes mortes* / Trad. H. Mongault. Eaux-fortes originales de M. Chagall. Paris: Tériade, 1948 (использованы офорты Шагала из не вышедшего в свет изд. 1926 г. — см. с. 664 наст. изд.). Экземпляр этого издания с дарственной надписью Шагала был подарен Национальной библиотеке в 1953 г.: «A la Bibliothèque nationale j'offre cette oeuvre où revit mon pays natal. Marc Chagall. Paris—Vence. 1952—53» («Национальной библиотеке в дар издание, в котором оживает моя родина. Марк Шагал. Париж—Ванс. 1952—1953») (Bibliothèque nationale. Rés. Gr. Y. 290; см.: *Stolze 1974*. S. 85, 92).

Начиная с 1949 г. перевод Монго лег в основу популярной серии «Livres de poche»: *Gogol N. Les Aventures de Tchitchikov ou les âmes mortes* / Trad. H. Mongault. Paris: Gallimard, 1949 (Librairie générale française. Le livre de poche classique), а впоследствии, с 1967 г. также и наиболее авторитетного критического издания в серии «Плеяда» (*Gogol. Oeuvres complètes* / Éd. G. Aucouturier, trad. De Mongault. Paris: Gallimard, 1967 (Coll. de la Pléiade)).

Ярким «авторским» переводом «Мертвых душ» на французский язык стало выполненное в 1958 г. Артюром Адамовым переложение гоголевской поэмы для постановки Роже Планшона (самого «брехтианского» режиссера Франции того времени) в Театре де ла Сите де Вилёрбан (22 января 1960 г.) и в театре «Одеон» 21 апреля 1960 г. (см. подробнее с. 642 наст. изд.). Опубликовано: *Adamov Ar. Les Ames mortes: quinze tableaux, d'après le poème de Nicolas Gogol*. Paris: Théâtre populaire, 1958; см. также: *Adamov A. Les Ames mortes, d'après le poème de Nicolas Gogol*. Paris: Gallimard, 1960.

В адаптации Адамова поэма представляла разделенной на 15 картин. Но, как это в свое время сделал и М. Булгаков, развязку «пьесы»

Адамов позаимствовал из второго тома поэмы (заключение и освобождение Чичикова). В предисловии к изданию Адамов писал: «Поскольку “Мертвые души” находятся на пересечении острой социальной критики и поэзии (...) мне показалось, что они по своему духу не чужды эпическому и критическому театру, потребность которого мы в настоящее время ощущаем все более и более» (*Adamov A. Les Ames mortes, d'après le poème de Nicolas Gogol. Paris: Gallimard, 1960. Préface. P. 7–8*). Адамова особенно привлекли странствия Чичикова как специфически эпический и театральный мотив, вбирающий в себя «убегающее время и проходящее пространство» («le temps qui fuit et l'espace qui défile») (см. интервью с А. Адамовым: *Le monde. 1960. 21 avril. P. 2*). Дополнительная оригинальность эпической темы в «Мертвых душах» заключалась, по мнению Адамова, еще и в том, что в основе эпопеи лежал не поиск идеала, но вполне рациональная коммерческая операция, и потому он уточнял жанровую дефиницию «Мертвых душ», представив их скорее как ироническую эпопею (*épopée dérisoire*), близкую «Буварю и Пекюше» Флобера (рецензию на перевод и на театральную постановку см.: *Lemarchand J. Les Ames mortes d'Arthur Adamov (d'après Gogol) présenté par le Théâtre de la Cité // Le Figaro littéraire (Paris). 1960. 30 avril. P. 16*; см. также: *Stolze 1974. S. 95*).

В 1962 г. Артюром Адамовым был выполнен также и значительно более близкий к тексту перевод «Мертвых душ», опубликован: [*Gogol N.] Les Ames mortes. Traduit du russe [et préfacé] par A. Adamov. Verviers: Gérard et Cie, [1962]*; перепеч.: *Les âmes mortes / Trad. A. Adamov. Paris: Les libraires associés, 1964* (в издании, которое предваряло полемическое предисловие Гюстава Окутюрье «Восхождение Николая Гоголя», на фронтисписе были использованы иллюстрации к «Мертвым душам» М. Шагала из издания 1948 г.); см. также: *Gogol N. Contes fantastiques (Le Manteau, les Ames mortes, 1 partie) / Trad. par G. Arout, B. Schloezer, A. Adamov. Présentation de G. Haldas. Lausanne: Rencontre, 1966 (Coll. de Pouchkine à Gorki)*.

Отличительная особенность нового перевода первого тома «Мертвых душ» на французский язык, выполненного профессором русской литературы университета Париж IV (Сорбонна) Анн Кольдефи-Фоккар (*Gogol N. Les Ames mortes: Poème / Illustré par M. Chagall. Trad. du russe par A. Coldefy-Faucard. Paris, 2005*), заключается в отказе от традиционного способа транслитерации (калькирования) имен собственных и замене их адаптированными (вымышленными) французскими именами (так, например, Коробочка переводится как *madame Kassolette* и т.д.), а также попытке более адекватного перевода на французский язык стилистического строя поэмы (см.: *Avant-propos de la traductrice // Ibid. P. 10–12*; интервью с переводчицей см.: «Божественная комедия»

на русском материале (беседовал Виталий Нуриев) // НГ ЕХ LIBRIS. Приложение к «Независимой газете». 2008. 4 декабря. № 44. С. 2). О французских переводах Гоголя см. также: Grève 1983. P. 411–413; Морщинер М.С., Пожарский Н.И. Библиография переводов на иностранные языки произведений Н.В. Гоголя. М., 1953. С. 56–57.

В Германии следующим после перевода Ф. Лебенштейна и прошедшего почти незамеченным переводом поэмы Г. Боде и В. Ланге под названием «Tschitschikow's Reiseerlebnisse oder Todte Seelen» (см.: Лямбек 1902. С. 376, с ссылкой на изд.: Zabel E. Russische Litteraturbilder. Berlin, 1899. S. 92; год и место издания не указаны) стал перевод поэмы, выполненный издателем Отто фон Бюк и опубликованный в юбилейном восьмитомном собрании сочинений Гоголя на немецком языке (Die Abenteuer Tschitschikow's ober die Toten Seelen / Übers. von O. Buek. 1 Teil // Gogol N. Sämtliche Werke (8 Bde). Bd. 1. München: G. Müller, 1909; отд. переизд.: Die Toten Seelen: Roman / Übers. O. Buek (2 Teile). München: Müller, 1917). Новая версия во многом повторила переводческие оплошности версии Лебенштейна (Никанорова 2007. С. 16). В последующие десятилетия освоение «Мертвых душ» в Германии стало очень интенсивным. Четыре года спустя после издания фон Бюка выходит перевод Германа Зигфрида Рема с иллюстрациями А. Агина под названием «Скитания Павла Чичикова, или Мертвые души, сатирико-комическая картина», выпущенный «Обществом друзей юмора» (см.: Paul Tschitschikow's Irrfahrten oder Die toten Seelen, Satirisch-komisches Gemälde / Deutsche Bearb. von H.S. Rehm. Mit 25 Zeichn. von A. Agin. Leipzig: Walther, 1913 (Verein der Humorfreunde. Bd. 1)). В 1921 г. «Мертвые души» появляются в печати в переводе филолога Германа Реля (Die Toten Seelen / Aus dem Russischen von H. Röhl. Leipzig, 1921; обе части романа переизд. в 1987 г. в издательстве Insel Verlag Frankfurt am Main). В том же году к переводу поэмы обращается представитель русской эмиграции в Берлине, вообще сыгравший большую роль в пропаганде творчества Гоголя в Германии, А. Элиасберг (Die Abenteuer Tschitschikows oder Die toten Seelen / Übers. von A. Eliasberg. Potsdam, 1921; переизд.: Berlin, 1938), в 1923 г. поэма выходит в переводе А. Лютера. Два последних перевода примечательны как факт обращения к «Мертвым душам» литераторов, близких к символизму и журналу «Вехи».

В 1925 г. в Лейпциге появляется версия «Мертвых душ» в переводе писателя и переводчика Франца Ксавера графа Шафгоча (X. Graf Schaffgotsch. Leipzig, 1925), а незадолго до Второй мировой войны — писателя-эссеиста С. фон Радеcki (Die Toten Seelen, oder Tschitschikoffs Abenteuer / Übers. von S. von Radecki. Berlin, 1938; переизд.: München, 1954). Во время войны «Мертвые души» издаются на немецком языке в Швейцарии в переводе Вальдемара Йоллоса (W. Jollos. Zürich, 1944).

После окончания войны в 1946 г. в Австрии выходит первый послевоенный перевод «Мертвых душ», выполненный Фредериком Бук (F. Bueck. Wien, 1946). После раздела Германии в западной части в 1948 г. выходит перевод Эгона Рейма (E. Reim, 1948), в 1949 г. — писателя и шеф-редактора одной из немецких газет Фреда Оттова с послесловием Д. Чижевского (*Gogol N. Die Toten Seelen / Übers. von F. Ottow. Nachw. D. Tschizevskij. München, 1949*). Это был единственный немецкий перевод «Мертвых душ», который переиздавался более 20 раз, последний — в 2002 г. (издательство «Albatros», серия «Die deutsche Bibliothek»). В Западном Берлине в составе полного собрания сочинений Гоголя «Мертвые души» были опубликованы в 1957 г. в переводе Хайнера Ротфукса (H. Rothfuchs. Wiesbaden; Berlin, 1957).

В ГДР к 100-летию юбилею Гоголя «Мертвые души» были опубликованы в переводе Элизабет и Владимира Вонзиатски (E., W. Wonsiatzky. Leipzig: Reclam, 1952; переизд.: 1958); в 1954 г. появился новый перевод писателя и издателя Корфица Хольма (K. Holm. Berlin: Aufbau Verlag, 1954), в 1970 г. в том же издательстве перевод Михаэля Пфейфера с послесловием Ю.М. Лотмана (*Gogol N. Gesammelte Werke in Einzelbänden / Hrsg. M. Wegner: Die Toten Seelen. Übers. M. Pfeiffer. Berlin; Weimar: Aufbau Verlag, 1970, Nachwort Ju. Lotman*) и в 1981 г. — перевод Вернера Кройцингера (W. Creutzinger. Berlin; Weimar: Aufbau Verlag, 1981).

В истории немецких переводов «Мертвых душ» событием стал перевод профессора славистики Вольфганга Казака, выполненный для пятитомного немецкого собрания сочинений Гоголя в 1988 г.: *Gogol N. Gesammelte Werke in 5 Bänden / Hrsg. A. Martini. Bd. 2. Tote Seelen / Übers. W. Kasack. Stuttgart, 1988*. Главное, что отличает его от предыдущих переводов, — это точнейшее следование оригиналу и обширный комментарий (выполнен в соавторстве с А. Мартини), рассчитанный на параллельное чтение с гоголевским произведением. В предваряющем перевод предисловии Казак рассматривает поэму как повествующую о «герое времени», воплотившем в себе превращение идеального античного героического или романтического героя в антигероя пошлости и лжи. Гоголь, считает он, подобно Бальзаку, понимал, что деньги составят революционную основу нового века и заменят собой даже религию (см. с. 683 наст. изд.). Особо переводчик останавливается на славянофильской, по его определению, составляющей первого тома, говоря, что в поэме только демонические персонажи оказываются связанными с национальной идеей (о немецких переводах «Мертвых душ» см. также: Лямбек 1902. С. 374, 375; Никанорова 2007; Keil R.-D. Nikolai W. Gogol: Mit Selbstzeugnissen und Bilddokumenten dargestellt von Rolf-Dietrich Keil. Hamburg: Verlag GmbH, 1990. S. 142 и далее; Kirsten U. Das deutsche Gogolbild und seine Tradition im Widerstreit von Reaktion und Fortschritt.

Rostock, 1964; *Reissner E.* Deutschland und die Russische Literatur: 1800—1848. Berlin, 1970. S. 213—224; *Schott G.* Ausgewählte Probleme der Wiedergabe russischen Texte, dargestellt an den deutschen Übersetzungen von Gogol's *Toten Seelen*. München, 1966).

В англоязычных странах пристальный интерес к поэме появляется лишь с середины 1910-х гг. В 1915 г. в Лондоне выходит издание поэмы в переводе С. Грэхема с предисловием переводчика: *Dead souls / Transl. by S. Graham. With an introduction by S. Gracham.* London, 1915. В следующем 1916 г. — одновременно в Лондоне и Нью-Йорке перевод «Мертвых душ», выполненный Д. Дж. Хогартом с предисловием Джона Корноса (*Dead souls. By N.V. Gogol / Transl. by D.J. Hogarth. Introd. by J. Cournos.* London, 1916; переизд.: New York: Dent, 1916; New York: Dutton, 1927; London: Dent, 1927; London: Dent, 1931; New York: Dutton, 1937; London: Dent, 1943). Другой английский перевод того же времени был выполнен Констанс Гарнет, переводчицей Достоевского и Толстого, и впоследствии неоднократно переиздавался: *Dead souls, by Nikolai Gogol / Transl. C. Garnett.* London, 1922; переизд.: New York: Knopf, 1923; New York: The Modern Library, 1936 и др. В 1942 г. в Америке выходит перевод «Мертвых душ», выполненный известным переводчиком А. Куприна и Д. Мережковского Гилбером Герни под названием, являющим собой контаминацию названий предыдущих переводов: «Приключения Чичикова, или Домашняя жизнь в Старой России» (см.: *Chichikov's journey, or Home Life in Old Russia by Nikolai Gogol / Transl. and ed. by V.G. Guerney.* New York, 1942; переизд.: 1944, 1946, 1948, 1961, 1965). В предисловии к книге, написанном Клифтоном Фадиманом, где ее появление объяснялось небывалым интересом к России и к силе русского характера, обнаруживающим общие черты с американским характером, вместе с тем давалась мотивировка изменению названия поэмы в английском переводе. Название «Мертвые души», под которым знают поэму Гоголя, — одно из самых неудачных, поскольку может только отвлечь от желания прочесть книгу (при этом Фадиман ссылается на некоего американского профессора, говорившего, что одни только названия русских романов — «Преступление и наказание», «Мертвые души» — способны доказать мрачный характер русской литературы). И потому переводчик возвращается к «красивому названию» поэмы, которое в 1886 г. ему дала Изабель Хэпгуд, прибавив к нему подзаголовок первой английской версии 1854 г., — «Домашняя жизнь в России». Потому что гоголевская поэма — вовсе не о мертвых душах. Это — комический эпос, имеющий более общего с «Записками Пиквикского клуба», чем с Достоевским. В заключение Гоголь определялся как один из наиболее непереводаемых писателей, а его предшествующие переводы на английский язык — как честные и тщательные, но абсолютно лишенные чувства юмора, «в викторианском духе». Новый перевод оценивался при

этом как перевод на современный американский язык середины XX в. В 1996 г. перевод Герни был переиздан под редакцией Сюзанны Фуссо в Йельском университете (*Dead Souls* / Transl. B.G. Guerney, ed. S. Fusso. New Haven: Yale University Press, 1996).

Следующие переводы «Мертвых душ» на английский язык: *Dead souls* / Transl. C.J. Hogarth. London, 1948; *Dead souls* / Transl. A.R. MacAndrew. New York: Signet Classics, 1961; *Dead souls* / Transl. D. Magarshak. Baltimore: Penguin Books, 1961 (переизд.: 1978); *Dead souls* / Transl. H. Michailoff. New York: Washington Square Books, 1964); *Dead souls* / Transl. G. Reavey. New York, 1971; *Dead Souls* / Transl. R. Pevear and L. Volkhonsky. New York: Vintage, 1997. Последний перевод поэмы на английский язык профессора и исследователя русской литературы Роберта Мэгуайра вышел в 2004 г. со вступительной статьей и комментариями переводчика. См.: *Gogol N. Dead souls: A poem* / Transl. with an Introd. and Notes by R. Maguire. Penguin Books, 2004.

Из других переводов «Мертвых душ» в XX в. отметим как наиболее значимые: первый перевод поэмы на японский язык, выполненный в 1917 г. с английского языка писателем Моригой Сохэй (*Рехо К. Смех Гоголя и японская литературная традиция // Гоголь и мир. лит. 1988. С. 287*); перевод на японский язык 1934 г., выполненный японским русистом Уэдой Сусуму (1907–1947), переводчиком М.А. Шолохова и М. Горького; первое издание поэмы на испанском языке 1926 г. (*Gogol N.V. Almas muertas (Aventuras de Chichikov)* / Trad. de Rodolfo J. Staby y V. Díez de la Tejada. Barcelona, 1926; о преимущественном чтении в Испании Гоголя на языке-посреднике, в качестве которого чаще выступали его французские переводы, см.: *Багно В.Е. Гоголь и испанская литература // Гоголь и мир. лит. 1988. С. 196–198*); перевод 1927 г. на польский язык поэмы, сделанный Владиславом Броневским (W. Broniewski), «ведущим пролетарским поэтом Польши», по цензурированной версии под заглавием «*Przygody Cziczikowa albo martwe dusze*»; перевод «Повести о капитане Копейкине», сделанный Юлианом Тувимом в 1938 г. под названием «*Opowieść o Kapitanie Kopiejkinie*», был опубликован лишь в 1950 г. См.: *Gogol M. «Poranek dygnitarza» i inne opowiadania. T. 2. Warszawa, 1950* (см.: *Пиотровская А.Г. Гоголь и польская литература // Гоголь и мир. лит. 1988. С. 134*). Перевод Броневского лег также в основу первого полного издания «Мертвых душ» в Польше. См.: *Gogol M. Martwe dusze / Przełożyli W. Broniewski (tom 1) i K. Leśniewska (tom 2), opracował B. Galster. Wrocław: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich, 1998*; см. также: *Gogol M. Martwe dusze / Tłumaczył W. Broniewski. Kraków, 2008* (за сообщение дополнительных сведений о переводах на польский язык приносим благодарность Михалу Оклоту). В середине 1960-х гг. вышел также перевод Гоголя на голландский язык: *Gogol.*

De Lotgevallen van Tsjitsjikow of Dode Zielen / Vertaald door Charles V. Timmer. Amsterdam, 1965.

На Украине в XX в. были сделаны новые переводы «Мертвых душ»: Мертві душі: Поема / Пер. з рос. Г. Косинки. Харьків, 1934; Мертві душі: Поема // Гоголь М. Вибрані твори. Київ; Харьків, 1935; Мертві душі: Поема / Пер. за ред. К. Шмиговського // Гоголь М. Вибрані твори. Київ, 1948; Мертві душі: Поема / Пер. за ред. І. Сенченка // Гоголь М. Твори: В 3 т. Т. 3. Київ, 1952; Мертві душі. Богдан, 2004 (см.: Микола Гоголь: Українська бібліографія / Уклад., упорядкув.: П. Михеда, Л. Гранатович, Н. Кузьменко. Київ, 2009. С. 46—47).

Особый интерес представляет собой история переводов «Мертвых душ» на китайский язык. Первый китайский перевод был осуществлен классиком современной китайской литературы Лу Синем (1881—1936) с немецкого перевода Отто Бюка и частично с английского перевода с предисловием С. Грэхема и японского перевода Уэды Сусуму (см. выше), который неоднократно переиздавался в Китае (обладая некоторым знанием русского языка, Лу Синь сверял иностранные переводы с оригиналом). Главы первого тома поэмы печатались в журнале «Шицзе вэньку» («Сокровищница мировой литературы») с мая по октябрь 1935 г. (Вып. 1—6). После опубликования первых шести глав Лу Синь написал: «Слышал, что так называемый “смех сквозь слезы” у него на родине уже утратил свою горечь и превратился в здоровый смех. Однако в других странах он по-прежнему нужен, потому что там еще продолжают существовать тени живых людей». В ноябре 1935 г. в Шанхае первый том «Мертвых душ» был издан отдельной книгой в издательстве «Вэньхуа шэнхо» («Культурная жизнь»), в серии «Ивэнь цуншу» («Серия переводов»).

В течение почти 50 лет китайские читатели знакомились с «Мертвыми душами» именно по переводу Лу Синя. В 1980 г. на Тайване в малоизвестном тайбэйском издательстве «Юаньцзинь чубань гунсы» («Дальний пейзаж») вышел перевод Мэн Сян-сэня, сделанный с английского перевода Дэвида Магаршака, в котором очевидно проглядывает незнание переводчиком русской истории. Только в 1983 г. в Пекине в издательстве «Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ» («Народная литература») вышел перевод, выполненный непосредственно с русского Мань Тао и Сюй Цин-дао (существует версия, что перевод был выполнен Мань Тао еще в 1950-х гг., т.е. еще до «культурной революции», и в дальнейшем отредактирован Сюй Цин-дао). В 1996 г. в Ханчжоу вышел в свет еще один перевод с русского, выполненный преподавателем Пекинского педагогического университета Чжэн Хай-лином. С 1999 г. в различных провинциях Китая появилось девять новых переводов, сделанных тоже с русского оригинала и издававшихся в самых разных частях страны, включая и остров Хайнань. Среди них — принадлежащий известному

переводчику русской литературы Тянь Да-вэю, — отобранный позднее для нового издания Собрания сочинений Н.В. Гоголя. В настоящее время известно 17 переводов «Мертвых душ» на китайский язык, в том числе два с языков посредников. Полный перечень переводов гоголевской поэмы на китайский язык и их сравнительный анализ см.: *Рифтин Б.Л.* «Мертвые души» Гоголя в китайских переводах // Восток—Запад: Историко-литературный альманах: 2009—2010. М., 2011. С. 223—248.

* * *

Глава I

С. 9.¹ *...небольшая бричка...* — Бричка — легкая полукрытая повозка. Эта деталь послужила для современников одним из поводов упрекать Гоголя в отступлении от бытовой достоверности. «Странно: как никто в городе, где гостил Чичиков, не заметил, что он разъезжал по гостям в бричке; а таким образом, в спесивом мнении губернской и уездной знати отнюдь не мог заслужить ни малейшего внимания, как бедняк, не имеющий ни дорожной коляски, ни порядочно одетого слуги, ни черного фрака» (Обоз к потомству с книгами и рукописями: Из записок Н.В. Сушкова // Раут. Исторический и литературный сборник. Кн. 3. М., 1854. С. 379).

С. 9. *...ездят ~ штабс-капитаны...* — Штабс-капитан — офицерский чин в пехотных, артиллерийских, инженерных войсках, ниже капитана и выше поручика. Введен в 1801 г.

С. 9. *В бричке сидел господин...* — «...главный герой поэмы появляется после того, как нам уже поведала кое-что о нем его ⟨...⟩ бричка...» (*Барабаш Ю.* Почва и судьба: Гоголь и украинская литература: у истоков. М., 1995. С. 197). По мнению исследователя, в этом проявилась традиция барокко: «В поэтике барокко этот прием известен как “принцип отражения”. Барочный писатель всегда стремился не столько изобразить явление, предмет, историческое или мифологическое лицо, сколько передать представление о нем, выразить его сущность, используя для этого различные косвенные способы и средства...» (там же, с. 198).

С. 9. *...не красавец, но и не дурной наружности...* — По мнению Андрея Белого, эта фраза демонстрирует свойственное «Мертвым душам» «отчетливое проведение фигуры фикции ⟨...⟩ суть ее: в показываемом нет ничего, кроме неопределенного ограничения двух категорий: «все» и «ничто» ⟨...⟩ не больше единицы, не меньше ноля...» (*Белый 1934.* С. 80). Помимо неопределенности подразумеваемого, фигура фикции может заключать в себе также момент неправильности, сбоя, при котором происходит переход в другую систему отсчета, в стороне

¹ Здесь и ниже указаны страницы кн. 1 наст. изд.

от той, где располагаются «единица» и «ноль» (Манн 1996. С. 401; см. также раздел: «Фигура фикции» и проблема художественных типов // Вайскопф 1993. С. 393–394). Любопытный отзвук гоголевской фигуры фикции содержится в «Былом и думах» А.И. Герцена, в его характеристике Наполеона III как «господина средних лет, ни толстого, ни худого» (Герцен. Т. XI. С. 491; отмечено Л.Р. Ланским в статье: Герцен и Франция // Литературное наследство. Т. 96. М., 1985. С. 288). Современный немецкий исследователь рассматривает «фигуру фикции» в аспекте типологии «человека без свойств» (der Mann ohne Eigenschaften; так называется роман Роберта Музиля; опубликованный в 1930–1943 гг.): «Это человек со всеми теми качествами, которые требует от него окружающий мир» (Gerigk H.-J. Nikolaj Gogol: Die Toten Seelen // Der Russische Roman / Hrgb. von B. Zelinsky. Düsseldorf, 1979. S. 99).

С. 9. ...два русские мужика... — Это выражение вызвало вопрос исследователя: «Какие же другие могли быть мужики в русском губернском городе? Французские, немецкие?» (Венгеров С.А. Собр. соч. Т. II: Писатель-гражданин. Гоголь. СПб., 1913. С. 139). Употребление излишнего определения таким образом бросает «яркий свет на основу отношения Гоголя к изображенному им быту, как к чему-то чуждому, поздно узнанному и потому бессознательно этнографически-окрашенному» (там же). По существу Венгеров повторил упрек, высказываемый еще современниками Гоголя. В письме к Гоголю от 3 ноября 1844 г. А.О. Смирнова сообщала, что Ф.И. Толстой и после него Ф.И. Тютчев «заметили, что москвич уже никак бы не сказал “два русских мужика”» (А.О. Смирнова и Н.В. Гоголь: Письма к Гоголю Смирновой. 1844–1851 гг. // РС. 1888. Октябрь. С. 133). Для Андрея Белого этот пример — отчетливое воплощение «фигуры фикции»: «Ничто не сказано; кажется ж: что-то сказано» (Белый 1934. С. 82). При этом надо учесть, что словоупотребление гоголевского времени допускало упоминание национальной принадлежности «русский» в качестве характерологического признака. Так, в одном очерке Ф. Дершау в качестве персонажей фигурируют «русский стихотворец» и «русский книгопродавец», хотя и так ясно, что действие происходит в России; в другом его очерке герой именуется «русским крестьянином» (Дершау Ф. Записки покойного Колечкина. Або, 1843. С. 98, 105, 106, 153 и др.). Кстати, в качестве характерологического признака Гоголь употреблял определение «русский» еще до «Мертвых душ»: «...торговки, молодые русские бабы, спешат по инстинкту...» («Портрет»); «По улицам плетется нужный народ: иногда переходят ее русские мужики...» («Невский проспект») и т.д. (курсив наш. — Ред.; см. также: Манн 1996. С. 242–243).

С. 9. ...доедет то колесо, если б случилось в Москву... — В письме к Гоголю от 6(18) мая 1847 г. М.П. Погодин критиковал этот эпизод с рационалистических позиций: «...не могут они (мужики. — Ред.) спо-

речь о Москве и Казани, ибо на пространство тысячи верст не могут простираться вероятности» (Гоголь. *Переписка*. Т. 1. С. 418). Согласно же Владимиру Набокову, это травестированное выражение гамлетовского вопроса (*Nabokov V. Nikolai Gogol. New York, 1961. P. 76; Набоков В. Николай Гоголь // Новый мир. 1987. № 4. С. 200*). Реминисценцией к диалогу о колесе (а также к умозрительным упражнениям Кифы Мокиевича в главе XI) является следующее место из романа И.С. Тургенева «Накануне» (1859): Николай Артемьевич «любил настойчиво поспорить, например, о том, можно ли человеку в течение всей своей жизни объездить весь земной шар, можно ли ему знать, что происходит на дне морском, — и всегда держался того мнения, что нельзя» (*Тургенев. Т. 6. С. 171*).

С. 9. ...в белых канифасовых панталонах... — Канифас — льняная, прочная, полосатая ткань.

С. 9. ...видна была манишка... — Манишка — съёмная или пришитая нагрудная вставка на мужскую рубашку или женское платье, преимущественно белого цвета (*Кирсанова 1995. С. 166*).

С. 9. ...в длинном демикотонном сюртуке... — Демикотон — плотный хлопчатобумажный атлас. Название происходит от франц. *demi-coton*, дословно — полухлопок (см.: *Кирсанова 2009. С. 250*, а также с. 772 наст. изд.).

С. 10. ...не был выщекатурен... — П.В. Анненков рассказывает, что, переписывая под диктовку автора «Мертвые души» (это происходило в Риме летом 1841 г.), он «вместо продиктованного им (Гоголем. — *Ред.*) слова “щекатурка” — употребил “штукатурка”» (*Анненков 1989. С. 65*). «Гоголь остановился и спросил: “Отчего так?” — “Да правильнее, кажется”. Гоголь побежал к книжным шкапам своим, вынул оттуда какой-то лексикон, приискал немецкий корень слова, русскую его передачу и, тщательно обследовав все доводы, закрыл книгу и поставил опять на место, сказав: “А за науку спасибо”» (там же). Действительно, в главах VI и IX Гоголем использованы формы «штукатурную», «штукатурка» (см. наст. изд., кн. 1, с. 533, 636, 637; кн. 2, с. 111, 200, 420). Однако в данном случае форма этого слова осталась неизменной, что вполне допускалось словоупотреблением того времени (по мнению В. Даля, «*щекотурить* свойственнее языку нашему, чем *штукатурить*» — *Даль. Т. 4. С. 653*).

С. 10. ...помещался сбитенщик... — Сбитенщик — продавец сбитня, горячего напитка с пряностями.

С. 10. ...какой-то свой собственный запах... — Ср. замечание исследователя о том, что нечистоплотность Петрушки — метафора моральной нечистоплотности Чичикова (*Woodward J.B. Gogol's Dead Souls. Princeton; New Jersey, 1978. P. 160*).

С. 11. ...приходили сюда сам-шест и сам-сём... — Вшестером и всемером.

С. 11. ...испить свою известную пару чаю... — Пара чая — чай подавался в двух фарфоровых чайниках: в малом была заварка, в большом — кипяток.

С. 11. ...пулярку жареную... — «Пулярка — кладеная (стриженная) и откормленная курица» (*Даль*. Т. 3. С. 538).

С. 11. ...кто прокурор... — Статус прокурора привлекал к себе особое внимание Гоголя в пору работы над поэмой; в его записной книжке 1841—1844 гг. в частности отмечено: «Совершенно независимое лицо от Губернатора прокурор, не должен даже водиться с Губернатором и подчиняться какому-нибудь его влиянию. Есть блюсти(тель) выгод казны и законов. Его обязанно(сть) давать протесты на все то, что дела(ется) незаконно». Далее в специальной рубрике перечислены виды «взяток прокурора» (указанная записная книжка печатается в наст. изд., т. 12; здесь и далее цитаты приводятся по автографу).

С. 12. ...высмаркивался чрезвычайно громко. ~ нос его звучал как труба. — Характерное нарушение Чичиковым этикета, правил благопристойности. Еще в книге «Показание к житейскому обхождению», напечатанной по повелению Петра I, было сказано: «Не малая гнусность есть, кто часто сморкает, яко бы в трубы трубит...» (*Пыляев М.И.* Старое житье: Очерки и рассказы... 2-е изд. СПб., 1897. С. 94—95; отмечено: *Беспрозванный В., Пермяков Е.* 1997. С. 168).

С. 12. ...Коллежский советник... — Чин 6-го класса по Табели о рангах.

С. 12. ...желтая краска на каменных домах и ~ серая на деревянных. — Согласно правительственным распоряжениям запрещалась яркая окраска казенных и частных домов. «Цоколи окрашивались в серый (дикий) цвет, поле стены в светло-желтый, светло-зеленый, светло-серый или светло-синий цвета. Преобладающим цветом стен был желтый различных оттенков» (*Ожегов С.С.* Типовое и повторное строительство в России в XVIII—XIX веках. М., 1984. С. 92; см. также: *Беспрозванный В., Пермяков Е.* 1997. С. 169).

С. 12. ...дома казались затерянными среди широкой, как поле, улицы... — Ср. описание губернского города, сделанное Кюстином, путешествовавшим по России в 1839 г.: «Ярославль, как и все русские провинциальные города, необычайно разбросан и кажется безлюдным. Его улицы поражают своей шириной (...), а дома отделены друг от друга огромными пустырями, в которых теряется население» (*Кюстин А. де.* Николаевская Россия. М., 1990. С. 261).

С. 12. ...аршавского портного... — Аршавский (простореч.) — варшавский. Ср. с репликой солдата в рассказе Л.Н. Толстого «Севасто-

поль в августе 1855 года»: «...исделают смотр царский в Аршаве...» (Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 100 т. Т. 2. М., 2002. С. 173).

С. 12. ...«Иностранец Василий Федоров»... — Такого рода курьезные надписи и объявления нередко встречались и в действительности. «Иностранец Машинист Иван Федоров (...) желает быть при строении...» (МВед. 1795. 21 марта. № 23. С. 588; указано С.А. Гончаровым). П.А. Вяземский в статье «О Ламартине и современной французской поэзии» упоминал, что где-то, «кажется на Арбате, была следующая вывеска: “Гремислав, портной из Парижа”» (Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика / Сост., подг. текстов, вступ. ст. и коммент. Л.В. Дерюгиной. М., 1984. С. 119; ср.: ЛГ. 1830. 19 августа. № 47; без подписи). Н.А. Полевой в повести «Дурочка» (1839): в Москве, в Зарядье «на большой доске, видел я золотую надпись: “Иностранец военной и протипулярной Партной Рахманов из Санпитебурха”» (Сто русских литераторов. Т. 1. СПб., 1839. С. 479; Полевой Н.А. Избранные произведения и письма. Л., 1986. С. 461). По свидетельству историка Санкт-Петербурга, «на Гороховой улице долго проживал “Портной Иван Доброхотов из иностранцев”» (Пыляев М.И. Замечательные чудачки и оригиналы. СПб., 1898. С. 332). Алогичные сочетания слов в именах и названиях давали повод для суждений по аналогии: «В письмах Н.М. Языкова за 1832 год есть небольшой анекдот о Пушкине, из московской жизни поэта. И.И. Дмитриев в одно из своих посещений английского клуба, на Тверской, заметил, что ничего не может быть страннее самого названия: московский английский клуб. Случившийся тут Пушкин, смеясь, сказал ему на это, что у нас есть названия еще более странные, “какие же?” спросил Дмитриев, “а императорское человеколюбивое общество?” отвечал поэт» (Садовников Д.Н. Отзывы современников о Пушкине: (К материалам для его биографии) // ИВ. 1883. Декабрь. С. 536). Возможная реминисценция приведенной гоголевской фразы — в рассказе И.С. Тургенева «Гамлет Щигровского уезда» (1849) из цикла «Записки охотника»: «...панталонах работы московского портного (...) иностранца Фирса Ключина ...» (Тургенев. Т. 3. С. 250).

С. 12. *Антраша* (от франц. *entrechat*) — в балете легкий прыжок вверх, во время которого танцор несколько раз быстро скрещивает ноги, касающиеся одна другой.

С. 13. ...*пряниками, похожими на мыло...* — Ср. рассказ С.Т. Аксакова (в «Истории моего знакомства с Гоголем», опубликованной полностью в 1890 г.) о случае, имевшем место в октябре 1839 г. во время их совместной поездки из Москвы в Петербург: «Не помню, где-то предлагали нам купить пряников. Гоголь, взявши один из них, начал с самым простодушным видом и серьезным голосом уверять продавца, что

это не пряники, что он ошибся и захватил как-нибудь куски мыла вместо пряников...» (Аксаков 1960. С. 23).

С. 13. ...двуглавых государственных гербов, которые теперь уже заменены лаконической надписью: «Питейный дом». — Высочайшим манифестом «Об отдаче питейной продажи с 1767 года на откуп во всем Государстве, кроме Симбирской Губернии» от 1 августа 1765 г. определялось: «...на питейных домах поставить Наши гербы, яко на домах под Нашим защищением находящихся...» (Полн. собр. законов 1. Т. XVII. С. 201. № 12444). Поскольку «название кабака сделалось весьма подло и бесчестно», то предписывалось «оние места (...) просто питейными домами отныне именовать» (там же). Следовательно, некоторое время название «питейный дом» фигурировало вместе с государственными гербами. Последние «исчезли с вывесок уже в николаевскую эпоху, вероятнее всего — с 1827 г. ...» (Беспрозванный В., Пермяков Е. 1997. С. 170; см. также с. 797 наст. изд.).

С. 13. *Распросивши подробно буточника...* — Бучочник (бучочник) — низшее должностное лицо городской полиции в Российской империи; полицейский сторож, стоящий на посту у караульной будки.

С. 13. ...драма г. Коцебу, в которой Ролла играл г. Поплевин, Кору — девица Зяблова... — Ролла и Кора — персонажи нескольких произведений немецкого драматурга Августа Фридриха Фердинанда фон Коцебу (1761—1819): в пьесе «Дева солнца, драма в пяти действиях» Кора, дева солнца, — дочь Теласко, старика из фамилии Инков; Ролла — бывший полководец; в пьесе «Испанцы в Перу, или Смерть Роллы, трагедия в пяти действиях» Ролла — перуанский полководец, Кора — супруга перуанского полководца Алонцо де Молина (см.: Театр Августа фон Коцебу (...) Сборник пьес. 2-е изд. Ч. 3. М., 1824. С. 2, 170). Скорее всего, Гоголь имеет в виду пьесу «Испанцы в Перу...» («Die Spanier in Peru, oder Rollas Tod»), постановку которой сам он мог видеть в Петербурге (или по крайней мере слышать о ней) в 1830 г. (пьесу играли 29 сентября и 5 октября 1830 г. — см.: ИРДТ. Т. 3. С. 261).

С. 13. ...бутылкою кислых щей... — Кислые щи — род шипучего кваса.

С. 14. ...имел на шее Анну ~ был представлен к звезде... — Орден Св. Анны 2-й степени в виде креста для ношения на шее; звезда — знак ордена Св. Анны 1-й степени и ряда других орденов (подробнее см. с. 731 наст. изд.).

С. 14. ...и даже сам вышивал иногда по тюлю. — Д. Чижевский рассматривает эту фразу как один из примеров алогичного использования Гоголем частицы «даже», указывая на подобный случай в «Евгении Онегине», «произведении, оказавшем несомненное влияние на Гоголя», — «изображение секунданта Ленского, Зарецкого:

... добрый и простой
Отец семейства холостой,
Надежный друг, помещик мирный
И даже честный человек...

Как будто честность — самое редкое и необыкновенное качество человека!» (Чижевский Дм. О «Шинели» Гоголя // Современные записки. 1938. Т. 68. С. 179).

С. 14. ...был у ~ полицмейстера, у откупщика... — Полицмейстер (полицеймейстер) — начальник полиции города. Откупщик — лицо, получившее за определенную плату право на монопольную торговлю. С 1827 г. (после перерыва) в России практиковали винный откуп.

С. 14. ...сказал даже ошибкою два раза ваше превосходительство... — Обращение «Ваше превосходительство» было установлено для чинов и должностей 3-го и 4-го классов, т.е. для тайного советника и действительного статского советника (соответственно для военных чинов: генерал-лейтенанта и генерал-майора, вице-адмирала и контр-адмирала). Для статского советника (чин 5-го класса) полагалось обращение «Ваше высокородие».

С. 14. ...на бостончик... — Бостон — вид карточной азартной игры.

С. 15. ...во фраке брусничного цвета с искрой. — Название условное, поскольку пока не найдено ни одного цветообозначения, полностью совпадающего с гоголевским (из оттенков красного в гоголевские времена особенно были популярны массака, бордоское вино, куропаткин глаз — см.: Кирсанова Р.М. Сценический костюм и театральная публика в России XIX века. М., 1997. С. 25–39). Вместе с тем ношение цветного фрака указывало на то, что его владелец не состоит на государственной службе, поскольку «Положение о гражданских мундирах» от 27 февраля 1834 г. утвердило в качестве форменных цветов исключительно темно-зеленый и темно-синий (Кирсанова 2009. С. 245). Ср. с текстом главы XI: «...стал держаться более коричневых и красноватых цветов с искрой...». См. также с. 441–443 наст. изд.

С. 15. ...форейторские крики... — Форейтор — верховой, сидящий на одной из передних лошадей, запряженных цугом.

С. 15. ...носились ~ как носятся мухи... — Первое в «Мертвых душах» из ряда развернутых так называемых гомерических сравнений, на которые обратила внимание еще современная Гоголю критика. С.П. Шевырев сопоставил сравнение черных фраков и мух с описанием душ в «Божественной комедии» Данте (Чистилище, III, 79–81), ибо итальянский поэт «постиг всю простоту сравнения гомерического и возвратил ему круглую полноту и окончанность...» (Шевырев С. Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. М. {...} 1842. {...}). Статья вторая // Москв. 1842. Ч. IV. № 8. С. 359–360).

Полемизируя с Шевыревым, В.Г. Белинский обратил внимание на ироничность гоголевских сравнений: «Если Гомер сравнивает тесного в битве троянами Аякса с ослом, — он сравнивает его *простодушно*, без всякого юмора (...). У Гоголя же, напротив, сравнение, например, франтов, увивающихся около красавиц, с мухами, летящими на сахар, всё насквозь проникнуто юмором» (Объяснение на объяснение по поводу поэмы Гоголя «Мертвые души» // *ОЗ*. 1842. Т. 25. № 11. Отд. V. «Критика». С. 20; без подписи; см. то же: *Белинский*. Т. VI. С. 419; курсив в оригинале). Проблема гоголевских развернутых сравнений стала предметом специальных исследований (*Proffer C.R.* The Simile and Gogol's Dead Souls. The Hague; Paris. 1967; *Scholz F.* Homerische Vergleiche bei N.V. Gogol' und L.N. Tolstoi // *Slawistische Studien zum IX Internationalen Slawististenkongress in Kiev*. Köln; Wien, 1983. S. 495—515). Гоголевские развернутые сравнения рассматривались также в связи с различными проблемами поэтики. Так, В.В. Гиппиус обратил внимание на роль этих сравнений в эпическом замедлении действия: «Кроме патетических вставок, целям того же замедления служат столь же ритмические распространенные сравнения» (*Гиппиус 1924*. С. 143). Отмечена также параллель к этому месту — сравнение людей с рыбами как выражение суеты в произведении Стефана Яворского «Слово в неделю вторую по святом Дусе» (Проповеди блаженных памяти Стефана Яворского... Ч. 1. М., 1804. С. 202—203; см.: *Смирнова Е.А.* 1987. С. 63—64; см. также: *Манн 1996*. С. 318—320. О функции гоголевских «зоологических метафор» — см.: *Елистратова 1972*. С. 147—148).

С. 17. *Тут же ему всунули карту на вист...* — Вист — карточная игра вчетвером, давшая начало преферансу и венту. Описание игры в вист см.: Новой и совершенной расчотистой картежной игрою, или подробное описание всех употребляемых в обществе картежных игр / Пер. с франц. В Граде Св. Петра, 1791. С. 136.

С. 17. *...предаются занятию дельному.* — Возможно, реминисценция из эпиграфа к первой главе «Пиковой дамы» А.С. Пушкина: «Так, в ненастные дни, / Занимались они / Делом» (*Смирнова Е.А.* 1987. С. 84). По замечанию другого исследователя, «эти страницы сближают Гоголя с непримиримым врагом карт Вл. Одоевским» (*Гиппиус 1924*. С. 157).

С. 17. *...серебряную с финифтью табакерку...* — Финифть — украшение эмалью по металлу.

С. 18. *...на закуске ~ данной городским главою...* — Городской глава (голова) — выборный представитель купцов.

С. 18. *...следствия, произведенного казенною палатою...* — Казенная палата — учреждение, ведавшее финансовыми делами в губернии. Казенная палата «хранит казенные подряды, торги и все, что ныне составляет палату Государственных имуществ: правление казенн(ы)ми»

крестьянами, оброчные статьи — в отдаче на подряд лугов, земель, мельниц, рыболовств. Источник всех взятков с подрядчика(?)» (из записной книжки Гоголя, 1841–1844 гг.).

С. 18. ...об выделке горячего вина... — Подразумевается водка, хлебное вино.

Глава II

С. 20. *Уже более недели...* — Начало этой фразы рассматривалось как проявление «закона замедления» «в построении поэмы во времени»: «Первая глава охватывает, как пролог, две первые недели пребывания Чичикова в губернском городе. Дальше автор следит за героем день за днем, и на протяжении *шести* глав изображает *четыре* таких дня. Начиная с главы VIII, этот план сбивается, стройности временной уже нет...» (Гиппиус 1924. С.144; курсив в оригинале). При общей справедливости этого вывода необходимо отметить, что временные обозначения в поэме не столь определенные (не «две недели», а «более недели»).

С. 20. ...имел ~ *крупный нос и губы*. — Ср. соображения исследовательницы по поводу этой детали портрета: «...крупный нос — принадлежность лиц, зовущихся Петрушкой. Это ведет нас к кукольному Петрушке, заимствовавшему свой громадный нос от итальянского Пульчинеллы. “Очень крупный нос” был неотъемлемым атрибутом и “дурацкой персоны” XVIII в. Петрухи Фарноса» (Смирнова Е.А. 1987. С. 44–45). «Этот же самый Фарнос с незапамятных времен поступил и на кукольную сцену, под уменьшительным именем Петрушки» (Ровинский 1900. Т. II. Стб. 425).

С. 21. ...*зазнаться с тем, который бы хотя одним чином был его повыше...* — Зазнать — «начать знать, познакомиться, спознаться впервые» (Даль. Т. 1. С. 579).

С. 21. *Надворные советники ~ к чиnam генеральским...* — Надворный советник — по Табели о рангах чин 7-го класса, соответствующий чину подполковника. Генеральским же соответствовали чины 4-го — 2-го классов, т.е. действительный статский, тайный и действительный тайный советники.

С. 22. ...*шинель на больших медведях...* — На медвежьем меху. Эта деталь гардероба Чичикова в одном из позднейших набросков к поэме имела такое объяснение: «...не затем что на дворе было холодно, но чтобы внушить страх канцелярской мелузге» (см.: наст. изд., кн. 1, с. 762). В окончательной редакции мотивировка отсутствует, что дало повод к различным интерпретациям, общим знаменателем которых является мысль об алогичном, гротескном характере гоголевского хронотопа: «Действие поэмы происходит в неизвестное время года, по всему видно, что летом, но этому противоречат шубы на больших медведях у

Чичикова и Манилова и овчинные тулупы у мужиков» (*Гиппиус 1924*. С. 148); «Слова о неизвестном времени года можно истолковать двумя способами: *то ли летом, то ли зимой*, или же — *ни летом, ни зимой*. Гоголевское повествование дает читателю право довериться обоим этим толкованиям...» (*Зарецкий 1999*. С. 428). О фольклорном генезисе такого рода неопределенных конструкций см.: *Медриш Д.Н.* «Славянская антитеза» в поэтике Н.В. Гоголя // *Фольклорная традиция и литература: (Межвузовский сборник научных трудов)*. Владимир, 1980. С. 28–34. О связи гоголевских анахронизмов и нарушений логики с характерологией персонажей см.: *Манн 1996*. С. 250–252. Сам факт гоголевских анахронизмов в поэме был отмечен еще профессором древней истории В.П. Бузескулом (*Бузескул В.* К какому времени года относятсяхождения Чичикова в первом томе «Мертвых Душ»? (К характеристике литературных приемов Гоголя.) // *Пошана: Сб. Харьковского историко-филологич. об-ва*. Т. XVIII. Харьков, 1909. С. 481–484; см. также: *Венгеров С.А.* Собр. соч. Т. II. Писатель-гражданин. Гоголь. СПб., 1913. С. 137–138). Развивал эту мысль и А.А. Измайлов: «Скажите, как бы вы посмотрели на людей, которые бы вышли в шубах на улицу в ту пору, когда бабы в брод пруды переходят? Не будет ли это немножко жарко?» (*Измайлов А.А.* Пятна на солнце (Критический шарж) // *Измайлов А.А.* Кривое зеркало: Пародии и шаржи. СПб., 1912. С. 86–87). Об анахронизмах в «Мертвых душах» см. также: *Строганов М.В.* Гоголь: от циклической к линейной концепции истории // *Гоголевский сборник*. СПб.; Самара, 2003. С. 13.

С. 22. *Проходивший поп снял шляпу...* — «Встретил попа — не хорош выход» (*Даль*. Т. 3. С. 309).

С. 22. *...дикой вереск...* — «...жесткое растение, полу кустами, вечно зеленеющее с малинкими цветом *(так в автографе)* растут *(в)* песку в сосновых лесах»; над строкой вписано латинское название вереска: *Egīcē* (из записной книжки Гоголя 1841–1844 гг.).

С. 22. *... вряд ли бы довелось им потрафить на лад.* — Потрафить — «попасть, угодить, угадать...» (*Даль*. Т. 3. С. 358); сделать, как надо, удачно.

С. 23. *...а Заманиловки никакой нет.* — В письме П.А. Федотова сестре, А.А. Федотовой, от конца 1840 — начала 1841 г. встречается реальная параллель к этому названию: «...я весну провожу в самом живописном месте из окрестностей Петербурга, в Парголово, в деревне Заманиловке (каково название?). Тут есть огромный сад на ужасно гористом месте, на озерах, великолепно обработанный, и все места кругом гористые. До Петербурга 18 верст, и он весь, как на ладони. Воздух — прелесть, следовательно, все застроено дачами (на лето из Петербурга все бегут), теснятся сюда, чтобы запастись здоровьем на зиму (все юное, прекрасное, и все дачи наполнены дамами). *(...)* И потому не удивись

меня ни охами, ни вздохами, ни розами, ни незабудками, ни голубками, ни сердцами простреленными, ничем» (цит. по: *Лещинский Я.Д.* П.А. Федотов: Художник и поэт. Л.; М., 1946. С. 123).

С. 23. ...разбросаны по-английски две-три клумбы... — Это описание восходит еще к детским впечатлениям писателя: в устройстве сада в своем родовом имении Васильевка его отец Василий Афанасьевич отдавал предпочтение неправильному, неупорядоченному, «английскому» садоводству, о чем свидетельствует сделанная им запись: «Бакон (т.е. Бэкон. — *Ред.*), Мильтон и Аддисон установили вкус и дарование в аглицком садоводстве...» (*Дурылин С.* Из семейной хроники Гоголя: Переписка В.А. и М.И. Гоголь-Яновских: Письма М.И. Гоголь к Аксаковым. М., 1928. С. 10).

С. 23. ...беседка с ~ надписью «храм уединенного размышления»... — Возможно, и эта подробность была подсказана детскими впечатлениями писателя. По воспоминаниям С.В. Скалон (дочери В.В. Капниста), в Обуховке, имении Капнистов, старичок-француз m-г Asselin построил «храмик». «Храмик этот назывался храмом умеренности; близ него были посажены три дерева: сосна, дикий каштан и дуб» (*ИВ.* 1891. Т. 44. Май. С. 347–348). Этот факт нашел отражение в стихотворении В.В. Капниста «Обуховка» (1818): «Искусство, чтоб польстить очам (...), / Воздвигнуло на горке скромной / Умеренности скромный храм». Соответствующие наименования в изобилии встречались в различных художественных текстах, в том числе и в названиях: *Львов П.Ю.* Храм славы российских ироев... СПб., 1803; Храм смерти, или отчаянная любовь // *Зеркало света.* Т. 6. СПб., 1787. С. 671–682; Храм любви, или Омар и Зенида // *Прозаические цветки, или повесть новейших немецких писателей.* СПб., 1801. С. 4–80. У М.М. Хераскова в романе «Полидор, сын Кадма и Гармонии» (1794) фигурируют «храм мудрости», «храм славы», «храм природы». В романе Д.Н. Бегичева «Семейство Холмских. Некоторые черты нравов и образа жизни, семейной и одинокой, русских дворян» (Ч. 1. М., 1832. С. 51) Аглаев хотел «построить беседку, под названием: Храм Гименя, на одном возвышении, близ дома, откуда видны были уездный город, несколько сел и дом в Надежине» (см.: *Акутин Ю.* Автор «Семейства Холмских» // *Альманах библиофила.* Вып. 5. М., 1978. С. 139–157). «Создавая образ Аглаева, Бегичев подошел к изображению характернейшего типа русского помещика — праздного мечтателя» (*Строганов М.В.* Бегичев Д.Н. // *Русские писатели: Библиографический словарь.* Т. 1. М., 1990. С. 73). См. также: *Дмитриева Е.* Путешествия в усадьбу и усадебное гостеприимство: к проблеме жанрового генезиса «Мертвых душ» // *Гоголь как явление мировой литературы.* М., 2003. С. 234–235. При этом, по мнению Д.С. Лихачева, архитектурные проекты Манилова были если не прямым, то во всяком случае косвенным

отражением «парковых построек в сентиментальном духе» Николая I, строившего особенно в Петергофе увеселительные павильоны, греческие храмы, замки в стиле «рококо» и проч. для развлечения императрицы Александры Федоровны (Лихачев 1987. С. 246–247. См. также с. 720 наст. изд.). Существует также точка зрения, что в «храме уединенного размышления» нашли свое пародийное отражение аллегии Эскартсгаузена из книги «Ключ к таинствам природы» — «Обитель смирения», «Храм самопознания» (Вайскопф М. Путь паломника (О масонских и теософских источниках Гоголя) // Russian literature and history. Jerusalem. 1990).

С. 23. ...два деревянные кляча... — Бредень — небольшой невод, которым ловят рыбу вдвоем, идя бродом; кляч — палки, шестики поперек бредня. Ср.: «Кляч — палка, за которую влекут сеть, тянут невод»; «Бредень — в два человека, без матни» (из записной книжки Гоголя 1841–1842 гг.).

С. 24. ...в зеленом шалоновом сюртуке... — Шалон — род шерстяной материи (от названия французского города Шалона, где изготавливалась эта ткань).

С. 24. ...люди так себе, ни то ни сё... — Ср. в повести Гоголя «Портрет» характеристику обитателей Коломны: «...тот разряд людей, который можно назвать одним словом: пепельный, людей, которые с своим платьем, лицом, волосами, глазами имеют какую-то мутную, пепельную наружность, как день, когда нет на небе ни бури, ни солнца, а бывает просто ни сё, ни то...» (Часть II).

С. 24. ...ни в городе Богдан, ни в селе Селифан... — Эта пословица (вместо: Селифан — Селиван) была приведена в изданном Д.М. Княжевичем «Полном собрании русских пословиц и поговорок, расположенном по азбучному порядку» (СПб., 1822. С. 185); позднее в кн.: Русские народные пословицы и притчи, изданные И. Снегиревым. М., 1848. С. 297; и в других изданиях.

С. 25. У всякого есть свой задор... — Определение «задор» было найдено Гоголем не сразу; первоначально были «конек», «влечение» (см. наст. изд., кн. 1, с. 244, 451; кн. 2, с. 25–26). В качестве параллели к соответствующему месту в поэме можно привести строки из четвертой главы «Евгения Онегина»: «У всякого своя охота, / Своя любимая забота: / Кто целит в уток из ружья, / Кто бредит рифмами, как я, / Кто бьет хлопнушкой мух нахальных...» и т.д. (опубликована вместе с пятой главой в 1828 г.; в окончательный текст приведенные строки не вошли; см.: Пушкин. Т. 6. С. 639, 648–649). В «Мертвых душах» это «не страсти, которые могли бы дать подлинную динамику и развиваться в трагедии. Это задоры, вызывающие призрачную динамику, а в ней — сущность гоголевского комизма» (Гиппиус 1924. С. 159). Однако обращает на себя внимание, что далее, в главе IV, применительно к Ноздреву

говорится об его «странной страсти», о «страстишке» «нагадить ближ- нему», а в главе XI, в связи с определением Чичикова как приобретателя использовано именно слово «страсть»: «И, может быть <...> страсть, его влекущая, уже не от него...» (см. наст. изд., кн. 1, с. 228).

С. 25. ...на гуляньи с флигель-адъютантом... — Флигель-адъютант — почетное звание офицера, состоящего в свите императора.

С. 25. ...заломить угол какому-нибудь бубновому тузу... — В карточной банковской игре «угол» означает четверть ставки; при этом игрок загибает угол карты, которой идут против банкмета.

С. 25. ...подобраться поближе к личности станционного смотрителя... — Ср. в повести А.С. Пушкина «Станционный смотритель»: «Что такое станционный смотритель? Сущий мученик четырнадцатого класса, огражденный своим чином токмо от побоев, и то не всегда...» (Повести покойного Ивана Петровича Белкина, изданные А.П. СПб. 1831. С. 100).

С. 25. ...от дома провести подземный ход... — Подземные ходы считались характерной (хотя и не исключительной) особенностью масонских усадеб, где использовались, как и масонские усадебные храмы, для совершения ритуалов. Так, например, по преданию, от новиковской усадьбы Авдотьино в усадьбу Бутурлина Марьяинка пролегал подземный ход (Новиков В.И. Усадьба Д.П. Бутурлина в Москве // Русская усадьба. Сборник Общества изучения русской усадьбы. Вып. 6 [22]. М., 2000. С. 131). Существовал подземный ход и в имении П.А. Вяземского Остафьево, которое посещал Гоголь (отец Вяземского Андрей Иванович был также близок к масонским кругам). Но самое примечательное, что независимо от реального наличия подземных ходов в той или иной усадьбе, почти каждую русскую усадьбу окружал миф о существовании в ней подземных галерей и тоннелей, и эти легенды задавали тон их литературному осмыслению (Соколов М.Н. Ренессансно-барочные архетипы усадебного зодчества // Русская усадьба: Сборник Общества изучения русской усадьбы. Вып. 9 [25]. М., 2003. С. 153).

С. 26. ...с перламутным щегольским щитом... — Щит (или щиток) — здесь: приспособление для свечи в виде заставки или козырька.

С. 27. Не мешает сделать еще замечание, что Манилова... — Характеристику и образ жизни Маниловой досказывал, домысливал А. Ремизов: «Лизочка “монастырка”, поклонница Коцебу. Ее герои Ролл и Кору. У нее особенный выговор, и это вовсе не институтское, а по природе: она говорила, словно б мелких мушек глотала, и было очень спокойно и любопытно следить за словами. Никакая хозяйка...» (Ремизов А. Огонь вещей: Сны и предсонье. Париж, 1954. С. 69).

С. 27. Почему ж образованному? ~ да уж оттого!.. — Ф.М. Достоевский рассматривал этот эпизод как проявление свойственного Гоголю чувства художественной меры: «Другой, не Гоголь,

по поводу разговора в дверях о том, кому прежде пройти, на вопрос Чичикова, “отчего же он образованный”, непременно заставил бы Манилова наказать какой-нибудь чепухи вроде именин сердца и праздника души. Но художник знал меру, и Манилов отвечал все-таки очень мило, но весьма скромно: “Да уж оттого» (*Достоевский Ф.М.* Выставка в Академии художеств за 1860–61 год // *Время.* 1861. Октябрь. Отд. II. С. 161–162; без подписи; см. то же: *Достоевский.* Т. 19. С. 163).

С. 27. *Чичиков* ~ несколько даже смутился... — О функции мотива смущения в характеристике главного персонажа пишет Е.И. Анненкова: «В последующих главах Чичиков рисуется уже с неизменным оттенком смущения, тайного, хотя бы мгновенного неудовлетворения собой...» (*Анненкова Е.И.* Гоголь и литературно-общественное движение конца 30-х — начала 40-х годов XIX века. Л., 1988. С. 71).

С. 29. ...почитаешь «Сын Отечества». — «Сын Отечества» — журнал, издававшийся в Петербурге в 1812–1844, 1847–1852 гг. Основатель и редактор-издатель — Н.И. Греч. В 1829 г. слился с журналом Ф.В. Булгарина «Северный архив» и выходил под названием «Сын Отечества и Северный Архив». В 1856–1861 гг. под названием «Сын Отечества» в Петербурге выходил журнал, издаваемый А.В. Старчевским.

С. 30. ...нет такого обеда, какой на паркетах и в столицах, у нас просто, по русскому обычаю, щи... — Лукавство данной реплики заключается в том, что игра в «русский стиль», в «русский обычай», была в большой моде при петербургском императорском дворе (*Лихачев 1987.* С. 251), восходя при этом к версальским начинаниям 50-летней давности — времени Марии-Антуанетты, игравшей в своем шале роль простой пастушки, потчевавшей своих гостей собственноручно надоенным ею молоком (см.: *Сиповская Н.* Царственная молочница // *Пинакотекa.* 1997. № 2. С. 65–69).

С. 30. *Фемистоклос* ~ *Алкид*... — Алкид — одно из имен Геракла в греческой мифологии. Фемистокл (ок. 525 — ок. 460 до н.э.) — афинский полководец в период греко-персидских войн, добившийся превращения Афин в морскую державу. В черновых редакциях дети Манилова носят соответственно имена Менелай и Алкивиад (*ЧА1* и *АК1*; в *АК2* исправлено на: Фемистоклос и Алкид). О комическом эффекте, возникающем из столкновения планов (с одной стороны, трансформированные античные имена, с другой — прозаические детали помещичьего быта), см.: *Золотусский И.* Поэзия прозы: Статьи о Гоголе. М., 1987. С. 50.

С. 32. ...в картузах... — Картуз — здесь плотный бумажный мешочек.

С. 32. *В нашем полку был поручик*... — Поручик — младший офицерский чин, выше подпоручика и ниже штабс-капитана.

С. 32. ...изволили подавать ревизскую сказку? — Ревизская сказка, подаваемая помещиком во время переписи (ревизии), заключала именной список крепостных крестьян. Правила оформления ревизских сказок складывались постепенно. Периодические переписи населения (ревизии) в России начались с Петра I, который ввел подушную подать (основной прямой налог в России XVIII—XIX вв.) вместо существовавшего до того подворного обложения (см. именные указы о проведении ревизии и «общей переписи людей податного состояния» от 26 ноября 1718 г. и от 22 января 1719 г. — *Полн. собр. законов 1*. Т. V. С. 597, 618—620. № 3245, 3287; в указе от 31 октября 1723 г. — первая перепись к этому времени еще не была закончена — говорилось, что подушный сбор начнется с 1724 г. — Там же. Т. VII. С. 143. № 4340). Всего ревизий в период с 1719 по 1857 г. было 10 (см.: Труды комиссии, высочайше учрежденной, для пересмотра системы податей и сборов. Т. 1. СПб., 1866). Первоначально, в ревизские сказки включались лица только мужского пола (первая, вторая, а также шестая ревизии), затем и женского (при остальных ревизиях). При этом внесенные в список умершие или беглые крестьяне до следующей переписи числились живыми, и за них следовало платить налог. Ближайшая ко времени создания МД ревизия началась во второй половине 1833 г. (объявлена царским манифестом от 16 июня 1833 г.), а платеж податей по новой ревизии начался с 1 января 1835 г. (*Полн. собр. законов 2*. Т. VIII. Отд. 1. С. 344—360. № 6265). В манифесте пояснялось: «...люди входят в перепись или для платежа податей и отправления других повинностей; или для одного токмо счета народонаселения» (там же, с. 345). О порядке регистрации родившихся и умерших было сказано: «Внесение вновь родившихся и исключение умерших людей ограничивается днем подписания ревизских сказок по принадлежности» (там же, с. 348).

С. 33. ...поступал ~ как все приказчики... — О приказчиках, управителях имения, Гоголь писал матери 27 апреля 1832 г.: «... хорошие управители такая редкость, какой почти невозможно отыскать. Иной бывает добр и имеет много совести, но зато мало понимает свое дело; другой знает свое дело, но зато плут».

С. 33. ...подбавлял на тягла... — Тягло — крестьянское хозяйство (семья) и соответственно норма обложения его повинностями. В составленных Гоголем материалах для объяснительного словаря русского языка есть пометы: «Тягло, подать, бирка, число работающих крестьян»; «Тяглец, мужик, подверженный господской работе» (эти материалы помещаются в т. 9 наст. изд.).

С. 34. ...купить крестьян, с землею или просто на вывод... — См. с. 555, 780 наст. изд.

С. 35. ...совершенно купчей крепости... — Купчая крепость (или крепость) — документ, подтверждающий право на владение какой-либо собственностью.

С. 36. ...подавал руку и вдовице беспомощной и сиротине горемыке!.. — Ср.: «... спасайте угнетенного, защищайте сироту, вступайтесь за вдову» (Ис. 1: 17); «Вдов ты отсылал ни с чем и сирот оставлял с пустыми руками» (Иов, 22: 9). См.: *Кривонос В.Ш.* Притча о Кифе Мокиевиче и ее роль в «Мертвых душах» // Изв. АН СССР. Серия лит. и яз. 1985. Т. 44. № 1. С. 51; *Keil R.-D.* Gogol' und Paulus // Die Welt der Slaven. 1986. Jg. XXXI. S. 98.

С. 38. ...предался размышлению ~ о благополучии дружеской жизни... — Ср. мечтания помещика Аглаева о том, что «его Приютово обратится в долину Темпейскую (...) Потом, как-то нечаянно, пришли ему в голову сочинения Флориана и Геснера, жизнь пастухов, простота сельской жизни, и пр. и пр. Он воспламенился, находил, что ничего не может быть счастливее этого состояния, что всего лучше пасти свое стадо, иметь небольшой садик, в котором бы заключалось все владение... В сих, и подобных тому мечтах он заснул» (*Бегичев Д.Н.*). Семейство Холмских: Некоторые черты нравов и образа жизни, семейной и одинокой, русских дворян. Ч. 3. М., 1832. С. 185; отмечено М. Вайскопфом, см.: *Вайскопф 1993*. С. 371).

С. 38. ...огромнейший дом с таким высоким бельведером, что можно оттуда видеть даже Москву... — Фантазия Гоголя здесь предвосхитила действительность: Николай I приказал построить в Петергофе, недалеко от Бабьего Гона, бельведер для чаепитий с видом на Петербург (*Лихачев 1987*. С. 248). Во второй черновой редакции главы II у Гоголя фигурируют Петербург и Москва: «...можно оттуда видеть даже Петербург и Москву...» (наст. изд., кн. 1, с. 472).

Глава III

С. 39. ...катившейся давно по столбовой дороге. — Столбовая дорога — большая дорога с верстовыми столбами, которыми обозначалось расстояние.

С. 39. ...чубарый конь был сильно лукав ~ Бонапарт ты проклятый!.. — Чубарый — «мешаной, нечистой шерсти, в мелких пезинках; темные пятна по светлой шерсти; примесь рыжей шерсти к серой или к черной и белой» (*Даль*. Т. 4. С. 610). Гнедой — «темнорыжей шерсти или масти, с черным хвостом и гривой» (*Даль*. Т. 1. С. 362). Каурой масти — «стан рыжеватый, светлобуроватый, впрожелть, хвост и грива такие же или светлее...» (*Даль*. Т. 2. С. 98). Андрей Белый отметил параллелизм характеристик чубарого коня и Чичикова: «Свойства чубарого сливаются со свойствами барина, который тоже — подлец, “панта-

лонник” и “Бонапарт”» (*Белый 1934. С. 95*). Сходство между конями, запряженными в бричку, и хозяином, проявится и в дальнейшем развитии действия: «Тройка коней, мчащих Чичикова по России, — предпринимательские способности Чичикова; одна из них — не везет, куда нужно, отчего ход тройки — боковой ход, поднимающий околесину...» (там же). По предположению Е.А. Смирновой, стимулом развития подобного образного плана послужил для Гоголя диалог Платона «Федр», где человеческой душой управляют два начала: «...одно из них — врожденное влечение к наслаждениям; другое — благоприобретенное представление о благе и стремление к нему» (*Платон. Избранные диалоги. М., 1965. С. 198*; см.: *Смирнова Е.А. 1987. С. 135–136*). Подробное обоснование платоновской реминисценции в «Мертвых душах» представлено в работах М. Вайскопфа (*The Bird Troika and the Chariot of the Soul: Plato and Gogol // Essays on Gogol: Logos and the Russian Word. Evanston (Illinois), 1990. P. 126–142*; доклад прочитан в 1988 г. на гоголевской конференции в Университете Уэсли в США; см. также: *Вайскопф 1993. С. 401–403, 558*).

С. 40. ...сколеской советник... — Коллежский советник (см. с. 710 наст. изд.). Этимологическое преобразование Селифаном чина Чичикова («сколеской») важно в контексте развиваемого в поэме мотива колеса: «Круг — равновесие ⟨...⟩ круглота замкнутости в себе: Чичиков; ему предшествует колесо (спицы стерты движеньем)...» (*Белый 1934. С. 87*). Вместе с тем данный пассаж являет собой пример использования Гоголем излюбленной барочной фигуры параномасии (словопреобразования, основанного на частичном морфологическом или звуковом совпадении двух или более слов при выраженном их семантическом расхождении). В таком случае слово «сколеский» вызывает дополнительную ассоциацию со словом «скользкий», что является еще одной характеристикой Чичикова (*Shapiro G. Nikolai Gogol and the Baroque Cultural Heritage. The Pennsylvania State University Press, 1993. С. 229*).

С. 41. ...по какой ты дороге едешь? — Дальнейшее развитие «приема» «околесины»: «...Чичиков едет вбок: детали бокового троечного бега — лишняя деталь эмблемы кривого пути ⟨...⟩. Соедините боковые подъезды тройки с боковым ходом Чичикова и дорожными незадачами (не туда попал), и вы удивитесь цельности приема...» (*Белый 1934. С. 96*; о мотиве лабиринта в связи с «боковыми» ходами см.: *Вайскопф 1993. С. 373*; о тончайшей игре задуманного и неожиданного в связи с тем же мотивом см.: *Манн 1996. С. 275–276*).

С. 41. ...барин барахтался в грязи... — По предположению М. Вайскопфа, грязь в этой сцене «соотнесена ⟨...⟩ с бесовской подоплекой самой Коробочки, ведущей свое происхождение и от клерикальных ведьм “Вечеров”» (*Вайскопф 1993. С. 373–374*; о широком и постепенном развитии мотива «грязи» см.: *Белый 1934. С. 98–103*).

О возможной ассоциации мотива потери Чичиковым дороги и его падения в грязь с живописным сюжетом падения апостола Павла (Савла) с коня на его дороге в Дамаск (в частности, картиной Караваджо «Обращение св. Павла», написанной для римской церкви Санта Мария дель Пополо, в которой Гоголь бывал неоднократно) см.: *Гольденберг А.Х. Архетипы в поэтике Н.В. Гоголя. Волгоград, 2007. С. 148–151.*

С. 43. ...отхватывал наскоро, как пономарь... — В обязанности пономаря, помимо смотрения за чистотой в храме и звоном колокола, входило участие в чтении и пении во время богослужения.

С. 43. ...картины с какими-то птицами... — Роль этих «картин», равно как и «птичьего» мотива в целом, отмечена Е.А. Смирновой: «Все упоминаемые в связи с Коробочкой птицы (индюк, куры, сороки, воробьи) прочно связаны в фольклорной традиции с обозначением глупости, бессмысленной хлопотливости или, попросту говоря, безмозглости — качеств, персонифицированных Гоголем в личности его героини» (*Смирнова Е.А. 1987. С. 40; ср.: Peace R. The Enigma of Gogol. Cambridge; London; New York; New Rochelle; Melbourne; Sydney, 1981. P. 218 и далее; об амбивалентности «птичьего, женского начала» в «Мертвых душах» см.: Тюпа В. Сатирический дискурс Гоголя // Analysieren als Deuten. W. Schmid zum 60. Geburtstag. Hamburg, 2004. S. 424–426).*

С. 44. ...вошла хозяйка, женщина пожилых лет... — Сцена встречи с Коробочкой вызвала различные интерпретации. Была, в частности, проведена параллель к «Пиковой даме» (1834) А.С. Пушкина: «Несчастья начались от заезда к Коробочке (...) Коробочка — рок; ларчик — тоже; как Герман с графиней, сцепились, друг друга пугая...» (*Белый 1934. С. 99*). Указывалось также на сходство Коробочки с Бабой-ягой (*Абрам Терц <Синявский А.Д.> В тени Гоголя. Лондон, 1975. С. 413–415; Фарино Е. Структура поездки Чичикова // Russian Literature. T. VII. 1979. P. 615–616*); отмечено, что «заезд героя к Коробочке текстуально во многом совпадает с той сценой В («Вия». — *Ред.*), где сбившиеся с пути бурсаки попадают в гости к сатанинской «бабусе»» (*Вайскопф 1993. С. 373*; по его предположению, «ближайшим сюжетным субстратом обеих этих сцен послужило изображение ведьмы Вахрамеевны в «Аскольдовой могиле» Загоскина (1833 г.)» — там же).

С. 44. ...в пестрядевые мешочки... — Пестрядь (пестрядина, пеструшка, пестрорядь) — ткань из остатков пряжи разного рода (шерсть, лен, хлопок) и разного цвета, нередко в полоску (*Жирсанова 1995. С. 210*).

С. 44. ...отбирают все целковики ~ четвертачки... — Целковик (целковий) — серебряная монета в один рубль. Четвертачок — четвертак, четверть рубля, серебряная монета достоинством в 25 копеек.

С. 44. ...распоротого салоп... — Салоп (от франц. salope — неряха, неопрятная женщина) — верхняя очень просторная утепленная жен-

ская одежда с широкими рукавами или без рукавов; скреплялась лентами или шнурками (Кирсанова 1995. С. 240).

С. 44. ...со всякими пряженцами... — Пряженцы — «маленькие пирожки с мясом и луком, подается к нему (так в автографе. — Ред.) суп или бульон» (из записной книжки Гоголя 1841—1844 гг.).

С. 44. ...прерваны странным шипением... — По замечанию современника, Гоголь «каждую черту в рассказах своих списывал с природы. Г. Свирибеев в шипевших часах Коробочки (...) узнал старинные часы в столовой своего поместья, потерявшие бой и хрипевшие» (Висковатов-Висковатый Пав. Из рассказов А.О. Смирновой о Н.В. Гоголе // РС. 1902. Сентябрь. С. 487). Толкование этого мотива как вариации на тему *memento mori* см.: Amberg 1986. С. 174.

С. 45—46. ...Фетинья ~ утащила эти мокрые доспехи. — Об ассоциативной связи этой «истории» с эпизодом из «Илиады» Гомера (Фетинья как пародия на морскую богиню Фетиду, раздобывшую доспехи Ахиллу) см.: Альтман М. Заметки о Гоголе // РЛ. 1963. № 1. С. 142.

С. 46. ...писанный масляными красками какой-то старик с красными обшлагами на мундире, как нашивали при Павле Петровиче. — Вступив на престол в 1796 г., Павел I (1754—1801) ввел множество экзотических цветов сукон для мундиров по прусскому образцу. Возможно, здесь имеется в виду какой-либо представитель придворных чинов, так как красные обшлага и воротник полагались именно для них (Кирсанова 2009. С. 246).

С. 46. ...продолжала уписывать арбузные корки... — Ср. замечание исследователя: «...арбузные корки попали со двора украинской усадьбы. В представлениях Гоголя, вынесенных из далекого детства, эти корки — такой неперемный аксессуар деревенского двора, что он переносит их и на дворик великорусского поместья» (Данилов В.В. Украинские реминисценции в «Мертвых душах» Гоголя // Ніжинський державний педагогічний інститут ім. М.В. Гоголя. Наукові записки. Т. I. Чернігів, 1940. С. 81).

С. 48. Висматривает орлом ~ куропаткой такой спешит... — Пример так называемого «творительного превращения», архаичного типа образности, «когда человек не отделял себя от внешней природы» (Потебня А.А. О некоторых символах в славянской народной поэзии... Харьков. 1914. С. 3).

С. 48. ...превращение, какого и Овидий не выдумает... — Поэма римского поэта Публия Овидия Назона (43 до н. э. — 17 н. э.) «Метаморфозы» («*Metamorphoses*», рус. пер. — 1874—1876) содержит многочисленные мифологические и фольклорные сказания о превращениях людей в животных, растения и камни.

С. 48. *Иван Петрович выше ростом...* — Предвестие этого эпизода — в гоголевском «Ревизоре» (ср. реплику Хлестакова Землянике: «...мне кажется, как будто бы вчера вы были немножко ниже ростом...» — действие четвертое, явл. VI). По мнению современного исследователя, Овидиевы «метаморфозы правителя канцелярии {...}, меняющего свой облик и даже рост в зависимости от ранга собеседника», подсказаны Гоголю соответствующим пассажем из романа Н.А. Полевого «Аббадонна» (Аббадонна. Сочинение Николая Полевого. Ч. 2. М., 1834. С. 49–50 — см.: *Вайскопф 1993*. С. 369).

С. 48. ...*коллежская секретарша*. — Жена коллежского секретаря. Коллежский секретарь — по Табели о рангах чин 10-го класса.

С. 49. *Ведь вы ~ заседатель?* — Заседатель — сословный представитель в присутственном месте, например представитель дворянства.

С. 51. ...*морили пчел...* — Морить пчел — одурманивать их дымом, чтобы вынуть соты.

С. 51. ...*да и не серебром, а все синими ассигнациями*. — Имеется в виду двойной счет: с одной стороны, на серебряные деньги, с другой, на ассигнации и медные деньги. В России система бумажных денег (ассигнаций) была введена при Екатерине II — манифестом от 1 февраля 1769 г. В связи с общим кризисом монетной системы и понижением курса ассигнаций (он постоянно колебался, при расчетах 1 рубль ассигнациями приравнялся примерно к 25 копейкам серебром) 20 июня 1810 г. был издан манифест (отразивший идеи М.М. Сперанского), согласно которому главной мерой обращающихся в государстве монет объявлялся серебряный рубль. Следующий манифест (от 1 июля 1839 г.) объявлял серебряную российскую чеканную монету главной государственной платежной монетой и подтверждал статус серебряного рубля как главной меры обращающихся в государстве денег; государственные же ассигнации оставались при этом вспомогательными знаками ценности и для них был установлен обязательный курс: 1 серебряный рубль = 3 рубля 50 копеек ассигнациями (*Мельникова А.С., Уздеников В.В., Шиканова И.С.* Деньги в России: История русского денежного хозяйства с древнейших времен до 1917 г. М., 2000. С. 149, 164, 166–167, 179; на с. 165 объясняется природа финансовых расчетов в данном эпизоде поэмы; см. также: Манифест от 1 июля 1839 г. «Об устройстве денежной системы» // *Полн. собр. законов 2*. Т. XIV. Отд. 1. С. 600–602. № 12497). См. также: *Федосюк Ю.А.* Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века. М., 1999. С. 56–57. Синие ассигнации — пятирублевые ассигнации синего цвета.

С. 53. ...*план и внутреннее расположение шкатулки*. — О соотношении имени персонажа (Коробочка!) и чичиковской «шкатулки» и о символических коннотациях последней см.: *Терновская О.А.* Об одном мифологическом мотиве в русской литературе // Вторичные моделирую-

щие системы. Тарту. 1979. С. 75; *Bitov A. Being Buried Alive; or Gogol in 1973 // Essays on Gogol: Logos and the Russian Word*. Evanston (Illinois), 1992. P. 17 (trans. by S. Fusso). По мнению другого исследователя, эта «метонимическая символика наряду с общим для обеих персонажей принципом накопления, а также мотивами “клада”, двойного дна и пр., указывает на приглушенную связь сюжета с волшебным ларцом ведьмы в (...) романтических текстах (...) то есть с традиционной темой магического испытания...» (*Вайскопф 1993. С. 373*).

С. 54. ...*закоулки для песочницы...* — Песочница — здесь: баночка с крышкой и маленькими отверстиями для очень мелкого и хорошо просеянного песка, которым засыпалось написанное.

С. 54. ...*билетами визитными, похоронными...* — Подразумеваются визитные карточки, извещения о смерти.

С. 54. ...*сколько у тебя тут гербовой бумаги!* — Гербовая бумага с изображением государственного герба использовалась для написания различных документов (купчих крепостей, договоров, завещаний и т.д.) и имела различную стоимость в зависимости от характера документа.

С. 55. ...*скородумки, шанишки, пряглы...* — Скородумка — яичница-глазунья, испеченная вместе с хлебом и ветчиной. Шанишки — «род вотрушки, немного меньше» (из записной книжки Гоголя 1842—1844 гг.). Пряглы — «пышки, оладьи» (там же).

С. 55. ...*со всякими припёками...* — Припека — «посыпка на лепешки, блины, как мак, лук, яйца и пр.» (*Даль. Т. 3. С. 432*). Ср.: «*Лепешки с припекой* — припека бывает с творогом, с маком, с луком» (из записной книжки Гоголя 1841—1844 гг.).

С. 55. ...*припёкой со сняточками...* — Снеток (или сняток; мн. — снетки) — мелкая рыба.

С. 55. ...*мука уж такая не авантажная...* — Авантажный — прибыльный, а также: видный, казистый, красивый (*Даль. Т. 1. С. 3*).

С. 55. ...*о святках и свиное сало будет.* — Святки — праздничное время от Рождества до Крещения (т.е. от 25 декабря до 6 января).

С. 55. ...*к Филиппову посту будут и птичьи перья.* — Филиппов пост — народное наименование Рождественского поста, который начинался после дня памяти св. апостола Филиппа (14 ноября). В это время в средней России обычно били птицу.

С. 56. ...*деревянную побратиму с медом...* — Побратима — «шарообразный сосуд деревянный, с узким горлом; кладут мед, варенья» (из записной книжки Гоголя 1841—1844 гг.).

С. 56. ...*какое направление принял модный католицизм.* — О роли католической идеи в среде русской аристократии после окончания наполеоновских войн см.: *Гречаная Е.П.* Литературное взаимовосприятие России и Франции в религиозном контексте эпохи (1797—1825). М., 2002; *Дмитриева Е.Е.* Обращения в католичество в России в XIX в.:

Историко-культурный контекст // *Arbog mundi*. Вып. 4. Москва, 1996. С. 84–110; Цимбаева Е.Н. Русский католицизм: Забытое прошлое российского либерализма. М., 1999. Об отношении к католической идее самого Гоголя см.: Анненкова Е.И. Католицизм в системе воззрений Н.В. Гоголя // Н.В. Гоголь: Материалы и исследования. М., 1995. С. 22–49.

С. 56. ...*платье из домашней крашенины*... — Крашенина — крашеный и лощеный холст, обычно синего цвета.

С. 58. ...*дал ей медный грош*... — Грош — монета в две копейки, после денежной реформы 1839–1843 гг. — полкопейки.

Глава IV

С. 59. ...*глотающие устёрс*... — Устриц.

С. 59. *Карлсбад* — Бальнеологический, преимущественно питьевой, курорт в Австрийской империи (ныне Карловы Вары в Чехии). Гоголь лечился в Карлсбаде в июле–августе 1845 г.

С. 59. ...*кулебякой с сомовьим плёсом*... — «Плеск (так. — Ред.) — хвост у сома, весь из жира». «Кулебяка — из одного лука и хвоста сомового или плеска, который весь из жиру, которого вбирает <в> себя всего тесто» (из записной книжки Гоголя 1841–1844 гг.).

С. 59. ...*имений, заложенных и незаложенных, со всеми улучшениями на иностранную и русскую ногу*... — Возможная аллюзия на повесть Пушкина «Барышня-крестьянка». Ср. реплику Ивана Петровича Берестова по поводу английской методы обработки полей его соседом Муромским: «Куда нам по-английски разоряться! Были бы мы по-русски хоть сыты».

С. 60. ...*натыканные пучками душистые травы и гвоздики у образов*... — Имеется в виду обычай использовать «засохшие остатки троицкой зелени» (трав и цветов, собираемых на Троицу) в качестве оберега от злых сил (Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М., 1995. С. 375–376).

С. 61. ...*в темно-синей венгерке*... — Венгерка — короткая куртка из сукна, напоминающая гусарскую, с нашитыми поперек груди шнурами с петлями для застегивания. Венгерка была очень популярна среди деревенских помещиков (Кирсанова 1995. С. 62).

С. 61. ...*в полосатом архалуке*. — Архалук — мужской кафтан без пуговиц и без плечевых швов.

С. 61. ...*с которым он вместе обедал у прокурора*... — Очевидно, ошибка памяти: в главе I сказано, что Чичиков обедал у полицмейстера, где и познакомился с Ноздревым (см. с. 507–508 наст. изд.).

С. 62. ...*на обывательских приехал!* — На обывательских — на лошадях, нанятых у частного лица, у обывателя.

С. 62. *Не загни я после пароле на проклятой семерке утку...* — Пароле при игре в банк — ставка, при которой выигрыш увеличивается вдвое. Утка — прибавка к ставке. «Загнуть утку — прибавляет, волен на раз, на два» (из записной книжки Гоголя 1841—1844 гг.).

С. 62. ...*сорвать весь банк.* — В карточной игре выиграть все деньги, находящиеся в банке.

С. 62. ...*попробуй он играть дублетом...* — «Играть в дублет — не отделять от выигрыша, пуская вдвое». «С тобой играть — с бритвы мед лизать, — употребляют с теми, которые играют в дублет» (из записной книжки Гоголя 1841—1844 гг.).

С. 63. *Штабс-ротмистр...* — Офицерский чин 9-го класса, введенный в кавалерии в 1801 г. Выше поручика и ниже ротмистра.

С. 63. *Бордо называет просто бурдашкой.* — Бордо — сорт французского красного легкого вина (от названия города Бордо — одного из центров виноделия во Франции).

С. 63. *Сандал* — сильно пахнущий краситель, изготавливаемый из одноименного дерева.

С. 63. ...*какое-то клико матрадура, это значит двойное клико.* — Клико — один из наиболее известных сортов шампанского, изготавливаемый с 1772 г. домом Клико в Шампани; особый престиж марке придала Николь Барбе Понсарден, взявшая после смерти своего мужа Франсуа Клико в 1805 г. управление домом в свои руки; отсюда и более известное название вина — «Вдова Клико» (ср. у Пушкина в «Евгении Онегине»: «... вдовы Клико или Моета благословенное вино» — глава четвертая, строфа XLV; см.: Онегинская энциклопедия: В 2 т. Т. II. М., 2004. С. 716—717). Клико пользовалось особенной популярностью в России в начале XIX в., однако напиток этот считался дорогим и был доступен не каждому. При этом комизм и алогизм фразы Ноздрева проистекает из сочетания разнородных предметов: клико (шампанское) и матрадура (устаревшая пляска). Двойное клико — еще один неологизм, который в устах Ноздрева, по-видимому, должен был означать «шампанское высший сорт». На самом деле такого названия или обозначения клико не существует. Ср. также комментарий к слову «го-сотерн» (с. 733—734 наст. изд.).

С. 63. ...*бутылочку французского под названием: бонбон.* — *Запах?* розетка и все, что хочешь. — Ноздрев путает здесь бурбон (американская разновидность виски) с бонбон, что по-французски означает «конфета». Ср. новый поворот, который задается теме французских вин и балов в заключительной главе второго тома «Мертвых душ»: «Что ж делать, если завелось так много всяких заманок на свете? И дорогие рестораны с сумасшедшими ценами, и маскарады, и гулянья, плясання с цыганками».

С. 63. ...*и в гальбик, и в банчишку...* — Гальбик — азартная карточная игра. Банчишка, т.е. банк — также азартная карточная игра, «где

один (банкир, банкомет) *держит* банк, отвечает на известную сумму, а другие (понтеры) *ставят* деньги на любую карту» (*Даль*. Т. 1. С. 46). Формально в гоголевские времена азартные игры были запрещены, на самом деле были общераспространенным явлением.

С. 64. ...и все это *en gros*. — По-французски «en gros» означает «оптом» (здесь, как и в предыдущем случае, Ноздрев путается в значении французских слов).

С. 64. *В фортунку крутнул...* — Фортунка — азартная игра, вроде рулетки, только упрощенной. Название происходит от слова «фортуна».

С. 64. ...рюши на ней, и трюши... — Рюш — отделка дамских платьев, блузок, белья, шляп или чепцов в виде присборенной или гофрированной узкой полоски ткани или кружева, пришитой по центру (*Кирсанова* 1995. С. 237). Трюши — возможно, слово образовано от «трю-трю» (франц. trou-trou) — названия легкой ткани, похожей на газ (см.: *Кирсанова* 1995. С. 155).

С. 64. ...попользоваться насчет клубнички. — Клубничка — «о чем-то нескромном, скабресном (вошло в оборот после появления “Мертвых душ” Гоголя)» (*Словарь русского языка*. Т. II. М., 1982. С. 61). Ср. затем у И.С. Тургенева в романе «Дым»: «...десять французов сойдется, беседа неизбежно коснется “клубнички”...» (*Тургенев*. Т. 7. С. 270).

С. 64. *Ах ты Оподельдок эдакой Иванович!* — Буквально оподельдок — жидкая или твердая мазь, применяемая для втирания при ревматических и суставных болях.

С. 64. ...это просто жидомор! — «Жидомор — скряга, жидоморля» (из записной книжки Гоголя 1842–1844 гг.).

С. 65. *Фенарди четыре часа вертелся...* — Фенарди — известный в двадцатые годы XIX в. акробат и фокусник, гастролировавший в России.

С. 66. *Настоящий мордаш...* — Мордашка — «малорослая, головастая и толсторылая» собака, «которая закусывает, что схватит, и виснет пиявкой» (*Даль*. Т. 2. С. 346).

С. 67. ...начнут гладью, а кончат гадью. — Гладь — вышивка сплошными, плотно прилегающими дуг к другу стежками.

С. 67. ...двугривенник всего ~ *Дай ей полтину...* — В соответствии с двойным денежным счетом (с одной стороны, на серебряные деньги, с другой, на медные и ассигнации) и установившимся курсом (подробнее см. с. 726 наст. изд.) серебряный двугривенный (который запросила «старуха») больше полтины (т.е. половины рубля ассигнациями), которую предлагает заплатить ей Ноздрев. Разница составляет 30 копеек медью. О финансовых расчетах в данном эпизоде поэмы см.: *Федосюк Ю.А.* Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века. М., 1999. С. 56.

С. 68. ...за зеленым столом... — Зеленый стол — стол для игры в карты, обтянутый зеленым сукном, на котором мелом производится запись счета.

С. 68. *Ноздрев был в некотором отношении исторический человек. ~ не обходилось без истории.* — Об ироническом употреблении Гоголем слов «история» и «исторический» в «Мертвых душах» см.: Соколянский М.Г. Об историзме «Мертвых душ» // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1998. Т. 57. № 6. С. 25. См. также» с. 762 наст. изд.

С. 68. ...наврет совершенно без всякой нужды... — О характере лжи Ноздрева и ее функции в поэме см.: *Ebbinghaus A. Über Nozdrevs «ganz und gar nicht zweitrangige Rolle» in Nikolai Gogol's «Toten Seelen» // Tusculum slavicum / Festschrift für P. Thiergen. Zürich, 2005. S. 11–23.*

С. 68. ...как простой коллежский регистратор... — Коллежский регистратор — по Табели о рангах низший гражданский чин — 14-го класса.

С. 68. ...со звездой на груди... — Звезда — знак орденов Св. Андрея Первозванного, Св. Александра Невского, Св. Владимира 1-й и 2-й степеней, Св. Станислава 1-й степени, Св. Анны 1-й степени и др.

С. 69. ...накупал ~ курительных свечек... — Курительные свечи — специальные ароматические свечи, обычно из угольного порошка и пахучих смол; зажигались для благоволия и дезинфекции воздуха.

С. 69. ...крупчатой муки... — Крупчатая мука — «лучшая пшеничная, белая и самого тонкого размола, кошельная, т.е. пробитая на мельнице в частое сито» (*Даль. Т. 2. С. 202*).

С. 70. ...козла, которого, по старому поверью, почитали необходимым держать при лошадях... — Согласно народным поверьям, козел относится к чистым животным, так называемых апотропеям (от греч. — «отвращающим беду»). Ему приписывалась способность отгонять и уничтожать нечистую силу. Поэтому крестьяне для защиты скота держали козла на конюшне.

С. 70. ...крепость черных мясов... — Черные мяса — ляжки у борзых.

С. 70. ...щиток — игла!.. — Щиток, или шипец — острая морда у борзых. «*Шипец*, чтоб длинен и тонок» (из записной книжки Гоголя 1841–1844 гг.).

С. 70. ...и густо-псовых, и ~ муруго-пегих... — Густопсовые — собаки «с шерстью длиною по всей собаке»; чистопсовые — «гладкие, с шерстью дли(ною) на хвосте и на ляжках, т.е. на черных мясах»; муругая — «искрасна черная, с черным рылом»; полво-пегие — «по белому желтые пятна»; муруго-пегие — «по желтому черные пятна» (из записной книжки Гоголя 1841–1844 гг.).

С. 70. ...клички ~ скосырь, черкай ~ северга... — Большая часть упомянутых кличек внесена в записную книжку Гоголя 1841–1844 гг.

Скосырь — хват, забияка. Под рубрикой «Слова по *Владимирской губернии*» помечено: «Скосырь — без достоинств, но надменный человек» (из записной книжки Гоголя 1842—1844 гг.). Черкай — для понимания этимологии этой клички важны значения слов: черкать как зачеркивать, вычеркивать, и черкаться как чертыхаться. Северга — стрела, здесь: не-терпеливый, торопыга.

С. 70. ...*хвосты, зовомые у собакеев правíлами...* — Ср. помету Гоголя, сделанную в записной книжке 1841—1844 гг.: «*Хвост* называется правилом; достоинство его в тонкости: хорошее правило то, которое в *серпе*. *Правило в серпе* — хвост, имеющий форму серпа».

С. 71. ...*осматривать крымскую суку...* — «*Крымские* — с длинными ушами висячими» (из записной книжки Гоголя 1841—1844 гг.).

С. 71. ...*недоставало порхлицы...* — Порхлица — «на мельнице железо, в которое вделывается камень, быстро движущийся на веретене, порхающий» (там же).

С. 71. ...*по чудному выражению русского мужика.* — Замечание о порхлице связано с лингвистическими интересами Гоголя, нашедшими наиболее полное выражение в составленных им материалах для словаря русского языка. В авторском предисловии к этой работе говорилось: «В продолжение многих лет занимаясь русским языком, поражаясь более и более меткостью и разумом слов его, я убеждался более и более в существенной необходимости такого объяснительного словаря, который бы выставил, так сказать, лицом русское слово...» (см. также: *Зарецкий* 1999. С. 409, 429).

С. 71. ...*русаков...* — Русак — вид зайца, имеющего зимой и летом мех серой окраски.

С. 71. ...*между перелогами...* — Перелог — «свежее поле, недавно обработанное» (из гоголевских материалов для объяснительного словаря русского языка).

С. 71. ...*границу, состоявшую из деревянного столбика и узенького рва.* — Ноздревская граница, состоящая «из деревянного столбика и узенького рва», представляла собой реликт так называемого «ах-ах», естественной границы в виде рва, пришедшей в пейзажных садах на смену каменной ограде *hortus conclusus* средневекового сада, а также решетчатой ограде французского регулярного парка. Визуально она была практически не заметна и оптически не нарушала перспективу аллей. Но при этом «ах-ах» имели и свою обратную сторону: не будучи границей видимой, они тем не менее создавали неожиданное препятствие во время прогулки, ставя перед гуляющим неодолимую преграду. Все, чего ты желаешь, эмблематически говорили они, находится *по ту сторону*, о которой можно только мечтать, никогда ее не достигая (см.: *Дмитриева Е.* Путешествия в усадьбу и усадебное гостеприимство: к проблеме жанрового генезиса «Мертвых душ» // Гоголь как явление мировой литературы. М., 2003. С. 231—238).

С. 71. *Эх ты Софрон!* — «Софрон — простак» (из записной книжки Гоголя 1841—1844 гг.; «простак» написано по слову «простоват»).

С. 72. ...*турецкие кинжалы ~ по ошибке было вырезано: мастер Савелий Сибиряков.* — Ср. в главе I «Мертвых душ»: «...магазин с картузами, фуражками и надписью: “Иностранец Василий Федоров”...»; ср. также во втором томе поэмы описание портного (шьющего Чичикову фрак), который «был сам из Петербурга и на вывеске выставил: *Иностранец, из Лондона и Парижа*» (заключительная глава).

С. 72. ...«*Мальбруг в поход поехал*» ~ *завершался каким-то давно знакомым вальсом.* — Старинная французская песня, высмеивающая английского полководца герцога Джона Черчилла Мальборо (1650—1722) и переведенная на многие языки, в том числе и на русский. В России песня приобрела широкую популярность во время Отечественной войны 1812 года, при этом неудача Мальбрука ассоциировалась с поражением Наполеона. Включалась в различные песенники, как правило, в раздел «сатирических песен». Ср.: «Забавная песня о Мальбруге (Голос довольно известный)» — Новейший Российский избранный песенник. Ч. 2. М., 1817. С. 247. В сочинении пародий на «Мальбрука» участвовал и Пушкин (Лернер Н.О. Пушкинологические этюды // Звенья. Сб. 5. М.; Л., 1935. С. 50—58). О происхождении песни, истории ее бытования в Европе и России см.: Гольденберг А.Х. О чем поет шарманка Ноздрева? // Н.В. Гоголь и русская литература: К 200-летию со дня рождения великого писателя: Девятыя Гоголевские чтения. М., 2010. С. 187—196; Он же. Итальянский след в поэтике Гоголя, или о ком поет шарманка Ноздрева // Nel mondo di Gogol': В мире Гоголя. Рома, 2012. С. 73—87. Об образе поломанной шарманки, играющей вперемешку обрывки разных мелодий, как метафоре вавилонского смещения языков см.: Моторин А.В. Образы вавилонского смещения в творчестве Н.В. Гоголя // Творчество Н.В. Гоголя: истоки, поэтика, контекст: Межвузовский сборник научных трудов. СПб., 1997. С. 39.

С. 72. ...*трубки ~ пенковые...* — Курительные трубки, изготовленные из пенки, — легкого огнестойкого пористого минерала.

С. 72. ...*субтильной суперфлю...* — Выражение образовано из французских слов: subtil — тонкий, изящный (ср. в «Женитьбе»: «...сам-то такой субтильный, и ножки узенькие, тоненькие») и superflu — излишний, которое Ноздрев и здесь употребляет невпопад. По мнению исследовательницы, в словосочетании «субтильной суперфлю» парадоксальным образом находят выражение принципы повествовательной техники самого Гоголя, где повествование, уходя от фабулы, останавливается на «излишнем» (см.: Popkin С. The Pragmatics of Insignificance: Chekhov, Zoshchenko, Gogol. Stanford (California), 1993. P. 152—155).

С. 72. ...*налил ~ го-сотерну, потому что в губернских и уездных городах не бывает простого сотерну.* — Сотерн — название белого де-

сертного вина по местности, где оно производится, т.е. деревни Sauternes в департаменте Жиронда на юге Франции (официальное название — Chateau d'Yquem). «Го-сотерн» (Haut sauternes) — разновидность сотерна, пользовавшаяся в самой Франции гораздо меньшим спросом, чем просто сотерн. Так что ремарка Гоголя носит откровенно иронический характер, усиливающийся тем, что Ноздрев полагает, будто прилагательное haut (высокий) должно обозначать высокое качество продукта — а на самом деле оно указывает лишь на то, что виноград, из которого сделано вино, произрастает на более возвышенной местности (ср. с неологизмом «двойное Клико» в предшествующих репликах Ноздрева). См. также: Дмитриева Е.Е. Галлицизмы и «макаронизмы» у Гоголя // Н.В. Гоголь и русская литература: К 200-летию со дня рождения великого писателя: Девятые Гоголевские чтения. М., 2010. С. 107—108.

С. 72. ...*бутылку мадеры...* — Мадера — крепкое вино из белых или розовых сортов винограда (название — от острова Мадейра, где выращивают эти виды винограда).

С. 72. ...*вливали туда и царской водки...* — Царская водка — смесь азотной и соляной кислот.

С. 72. ...*бургоньон и шампаньон вместе.* — Искаженные названия французских вин: Bourgogne (бургундское) и Champagne (шампанское).

С. 73. ...*рябиновка...* — Настойка на ягодах рябины.

С. 73. ...*таких растепелей!*.. — Растепель — рохля, кисляк.

С. 73. ...*фетюк!* — Орфографически до декретов от 23 декабря 1917 г. и 10 октября 1918 г. писалось как Фетюк. Гоголь в первых изданиях «Мертвых душ» давал его с заглавной буквы. Слово толковалось как синоним «простофили» (В.В. Виноградов), как «бранное наименование лица по признаку лености, неряшливости или по признаку скупости, жадности, прижимистости», а также как вятский диалектизм в речи Ноздрева: фетюк — угрюмый, неповоротливый (см.: Виноградов В.В. Из истории русской лексики и фразеологии // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. Вып. VI. М., 1954. С. 15, 16; Добродомов И.Г. Ноздрёвское слово «фетюк» или «Фетюк»? // Гоголь и Общество любителей российской словесности. М., 2005. С. 264—265).

С. 76. *Скалдырник* — «Человек, который со всего хочет выгоду схватить; плеву с г{...} содрать» (из записной книжки Гоголя 1841—1844 гг.).

С. 77. ...*брудастая с усами...* — «Брудастая — с усами и с торчащей шерстью» (из той же записной книжки Гоголя).

С. 77. *Бочковатость ребр...* — «Достоинство ребр: бочковатость, выпукловат(ость)» (там же).

С. 77. ...*лапа вся в комке, земли не зацепит!* — Ср. записи Гоголя: «Лапа в комке — сжатая лапа». «Достоинство ног — в прямизне, сухости

и в сжатости пальцев. Когти называются зацепами; чем более она стоит на корточках и менее захватыва(ется) земля» (там же).

С. 78. *Такая, право, ракалия!* — Ракалия — негодяй, пройдоха. В.В. Виноградов видел в данном словоупотреблении Ноздрева «отгоски “армейского” языка» (см.: *Виноградов В.В. Язык Гоголя // Мат. и иссл. 1936. Т. 2. С. 351–352; Добродомов И.Г. Ноздревское слово «фетюк» или «Фетюк»? // Гоголь и Общество любителей российской словесности. М., 2005. С. 264).*

С.78. *Обе талии...* — Талия — здесь: колода карт.

С. 78. *...крап глядел весьма подозрительно.* — Крап — здесь: особые знаки на обратной стороне карты (рубашке), которые шулера наносили для распознавания карты.

С. 79. *Такой шильник...* — Шильник — плут.

С. 80. *Я не стану снимать плевры с черт знает чего.* — Плева — «тончайшая перепонка, в теле животных и растений»; «рубашка зерна и все мелкое, обитое, что отвевается от него по обмолоте» (*Даль. Т. 3. С. 123*). Снимать плевру — здесь: извлекать выгоду.

С. 80. *Прокинем хоть талию!* — Талия — здесь (от франц. глагола *tailler* — метать банк): партия в карты, круг карточной игры до окончания колоды у банкомета или до срыва банка.

С. 81. *Сем-ка я, — подумал про себя Чичиков...* — Сем-ка — А ну-ка, дай-ка.

С. 81. *...щенка средней руки...* — Рука — здесь: обозначение качества. Средней руки — средних достоинств.

С. 81. *...печатку к часам.* — Печатка — здесь: приспособление для запечатывания писем. Печатка, на которой обычно вырезывались инициалы владельца, родовой герб и т.д., прикладывалась к сургучу. Ее можно было носить как брелок на часовой цепочке.

С. 83. *...все пошло кругом в голове его; перед ним носится Суворов ~ «Ребята, вперед!»...* — Ассоциация со взятием Измаила Суворовым, прозванным современниками «Генералом-Вперед». Событие нашло отражение в лубке (*Ровинский 1900. Т. I. Стб. 155*).

С. 84. *Капитан-исправник.* — Начальник уездной полиции; избирался обычно местным дворянством.

Глава V

С. 87. *...пристяжного...* — Пристяжной — О лошади, идущей в пристяжке, т.е. сбоку от оглобель, для помощи коренной.

С. 87. *...коренного!* — Коренной (то же, что коренник) — лошадь, запрягаемая в корень, т.е. в оглобли (при наличии пристяжных), средняя лошадь в тройке.

С. 87. ...сбитень... — Горячий напиток из воды, меда и пряностей (употреблялся до середины XIX в.).

С. 87. ...пришпандорь кнутом вон того-то солового... — Пришпандорить — «приструнить, приневолить, подогнать» (*Даль*. Т. 3. С. 461). Соловый — здесь обозначение масти лошади: желтоватый, со светлым хвостом и гривой.

С. 87. ...корамора! — То же, что карамора (простореч.) — длинноногий комар (см. примечание Гоголя в тексте главы).

С. 89. ...дом вроде тех, как у нас строят для военных поселений и немецких колонистов. — Имеются в виду так называемые аракчеевские поселения (военные поселения А.А. Аракчеева).

С. 89. Фронтон ~ и оттого очутилось не четыре колонны ~ а только три. — Вплоть до середины XIX в. в русских усадьбах барские дома строились по большей части в стиле классицизма (так называемые палладианские застройки, представлявшие собой русскую версию западноевропейского классицизма, архитектура которых сложилась еще в екатерининское царствование, с которым обычно связывается понятие «золотой век» русской усадьбы). Непременным атрибутом данного типа усадебной застройки был колонный портик с симметрично расположенными колоннами (количество их должно было быть парным: четыре, а чаще шесть колонн). См.: *Каждан Т.П.* Художественный мир русской усадьбы. М., 1997. С. 73; *Перфильева Л.А.* Архитектурные увражи Ж.-Ф. Неффоржа и практика усадебного строительства в России второй половины XVIII в. // *Русская усадьба: Сб. Общества изучения русской усадьбы*. Вып. 4 (20). М., 1998. С. 293–299.

С. 89. ...не было кирпичных стен... — Имеется в виду изба, «вытесанная, когда бревна стесаны в гладкую стену» (из записной книжки Гоголя 1841–1844 гг.).

С. 89. ...молдаванские тыквы, называемые горлянками... — Горлянка — тыква, имеющая форму бутылки.

С. 90. ...двадцатилетнего парня, мигача и щеголя... — Данный пассаж приводится нередко как характерный для Гоголя образец синтаксической экспансии, порождающей сонм образов, словно пришедших из мечты и наваждения, что делает гоголевский мир в целом порождением пространства грезы и сна (см.: *Dranach S.A.* *Methamorphosis as a stylistic device: surrealist schemata in Gogolian and Nabokovian texts* // *Language and style*. 1984. Vol. 17. N 2).

С. 90. ...фрака на нем был совершенно медвежьего цвета... — Медвежий цвет, или цвет «медвежьего ушка» является калькой с французского «oreille d'ours». В периодике встречается русифицированное название «орельдурсовый», обозначающее темно-каштановый оттенок коричневого, весьма модный в конце 1820–1830-х гг. В первой половине XIX в. фраки могли быть повседневной мужской одеждой, как и сюр-

туки (см.: *Кирсанова 1995*. С. 172—173, 298—300). Лишь во второй половине столетия фракный покрой закрепился за нарядным мужским костюмом. Ср. размышления Гоголя о петровских временах в письме к Погодину от 1 февраля 1833 г.: «Вообразите, что один бранит Антихристову новизну, а между тем сам (...) бьется из сил скверкать ужиму французокафтанника. Я не иначе представляю себе это, как вообразя попа во фраке».

С. 90. ...греческие полководцы ~ *Маврокордато* ~ *Миаули*, *Канари*. — Маврокордатос Александрос (1791—1865) — во время греческой национально-освободительной революции 1821—1829 гг. был президентом Греции (1822—1823). Миаулис Андреас Вокос (1763—1835) — адмирал; фрегат под его командованием подорвал несколько турецких судов. Канарис Константинос (ок. 1790—1877) — участник тех же революционных событий, прославившийся подвигами в сражениях против турецкого флота. См. упоминание о нем в «идиллии в картинах» «Ганц Кюхельгартен»: «...про дела войны, / Про славного вождя Колокотрони...» (Наст. изд. Т. 1. С. 40, 575). При этом Гоголь описывает портреты лубочные, носившие гротесковый характер, скорее карикатуры, чем портреты (ср. определение народных картинок как карикатур в «Портрете»). См. также: *Лотман Ю.* Художественная природа русских народных картинок // Народная гравюра и фольклор в России XVII—XIX вв.: (К 150-летию со дня рождения Д.А. Ровинского). М., 1976. С. 260.

С. 90. ...поместился *Багратион*, *тощий*, *худенький*... — Согласно Д.А. Ровинскому, в период между 1808 и 1813 гг. было напечатано огромное количество гравированных портретов Багратиона (*Ровинский 1900*. Т. I. Стб. 156).

С. 91. ...героиня греческая *Бобелина*... — Бобелина (Боболина) — видная участница греческой национально-освободительной революции, лично командовавшая кораблем при блокаде Навплии; убила в 1825 г. О популярности в России Бобелины в контексте греческой темы свидетельствует мемуаристка: «Страдания христиан, борьба и подвиги их, самое имя Греков принимали для меня (...) близкое, домашнее значение (...). Али Паша Янинский (Али Паша Янинский (1741—1822) — один из руководителей восстания греков против турков. — *Ред.*) и Бобелина, которая тогда занимала первое место на табакерках и лубочных картинках, были мне так же знакомы и близки, как Петр Великий и Екатерина...» (Воспоминания графини Антонины Дмитриевны Блудовой // *РА*. 1889. Кн. I. № 1. С. 56). Значительно позднее, описывая в одном из очерков 1870-х гг. помещичий дом, И.Ф. Горбунов отмечал, что на стене гостиной висел портрет «греческой героини Бобелины, с обнаженной саблей» в руках (*Горбунов И.Ф.* Полн. собр. соч.: В 2 т. Т. 2. СПб., 1904. С. 86). Соученик Гоголя по нежинской Гимназии высших наук и

специалист по Востоку К.М. Базили подчеркивал условный и стилизованный характер изображений Бобелины: «В портретах Боболины, которые разнеслись по всей Европе и над которыми трудились также наши лубочные художники, она представлена какою-то Амазонкою, страшного вида и в полном вооружении; она никогда не носила оружия и никогда не одевалась в мужское платье; даже ее наружность не имела ничего воинственного...» (*Энциклопедический лексикон*. Т. 6. С. 135–136). Ср. также свидетельство И.С. Аксакова в письме от 10 ноября 1848 г. родным по поводу картинок в станционных домах: «Уже реже и реже встречаются портреты Багратиона и Бобелины; другие странные сюжеты сменяют их, и преимущественно лица и сцены из Шатобрианова романа “Перуанские инки”» (*Аксаков И.С. Письма родным: 1844–1849*. М., 1988. С. 402). О лубочных портретах Бобелины см.: *Ровинский 1900*. Т. I. Стб. 159–160. Однако образ этот мог иметь у Гоголя и литературное происхождение. Бобелина — героиня романа Кристиана Августа Вульпиуса «Бобелина, героиня Греции нашего времени» (рус. пер. 1823 г.): в разговоре двух приятных дам упомянут и заглавный герой романа Вульпиуса «Ринальдо Ринальдини» (отмечено: *Соколянский М.Г. Об историзме «Мертвых душ»* // *Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз.* 1998. Т. 57. № 6. С. 26).

С. 91. ...*держа голову прямо, как пальма*. — Ср.: «Этот стан твой похож на пальму...» (*Песн. 7: 8*).

С. 91. ...*мериносовым платком*... — Мериносовый — из тонкой овечьей шерсти.

С. 92. ...*это Гога и Магога*. — Гога и Магога (или Гог и Магор) — в Библии имена князя и народа, которые, согласно предсказанию пророка Иезекииля, придут с севера с целью уничтожить Израиль после пришествия мессии, но погибнут от Божьего гнева. В переносном значении — сильные, жестокие и коварные люди.

С. 93. ...*домоводка или просто проживающая в доме*... — Домоводка — женщина, которой поручалось ведение домашнего хозяйства. См.: *Даль*. Т. 1. С. 467.

С. 93. ...*кусок няни*... — Ср. запись Гоголя в перечне «блюд»: «*Моня или Няня — желудок, бараний или другой, начинается кашей гречневой, мозгом [легким и печенкой] и ножками*» (из записной книжки 1841–1844 гг.).

С.94. *Это не те фрикасе*... — Фрикасе (франц. *fricassée*) — мелкие кусочки мяса или дичи под соусом.

С. 94. *Это все выдумали доктора немцы да французы ~ и с русским желудком сладят!* — Данная реплика Собакевича в 1857 г. породила лубок под названием «Рускому все здорово» (так в оригинале; отмечено: *Shapiro G. Nikolai Gogol and the Baroque Cultural Heritage. The Pennsylvania State University Press, 1993. P. 102–103; воспроизведено:*

Duchartre P.L. L'imagerie populaire russe et les livrets gravés 1629—1885. Paris, 1961. Fig. 117). Экземпляры литографии А. Морозова 1873 и 1880 гг. см.: РГБ. ИЗО. 5056-38, 16333-53.

С. 95. ...по существующим положениям этого государства ... — «Глубокая идея о мертвых душах основывалась на ложной податной системе, введенной Петром Великим, на знаменитой ревизии душ (...) История и показала, что плата за умерших, пока ревизия не исключала их из списков (...) произвела множество недоразумений и злоупотреблений» (см.: *Аристов Н.Я. Историческое значение сочинений Гоголя // Аристов Н.Я. Сочинения Н.В. Гоголя со стороны отечественной науки. СПб., 1887. С. 26*). В частности, в среде раскольников ревизия душ и подушная раскладка подати трактовалась как деяние антихриста: «Разве не писано в книгах, что антихрист будет требовать денег и податей с мертвых, и разве Петр I не сделал этого введением ревизии? Воистину, это поношение Бога — брать подати с души (бессмертного дыхания Божья), а не с земли!» (*Гакстгаузен А. Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. Т. 1. М., 1870. С. 233*).

С. 98. ...портретам ~ Колокотрони... — Колокотронис Теодор (1770—1843) — главнокомандующий войсками Морей (полуострова Пелопоннес) во время греческой национально-освободительной революции 1821—1829 гг.

С. 100. *Хотите угол?* — Ср.: «Угол — двадц(ати)п(яти)рублевая ассигнация» (из записной книжки Гоголя 1842—1844 гг.).

С. 103. ...чухонских ~ племен... — Чухонцами называли финнов и эстонцев, населявших окрестности Петербурга.

Глава VI

С. 104. *Прежде, давно, в лета моей юности...* — Развитие мотива, запечатленного в частности в «Песне» В.А. Жуковского (опубл. в 1822 г.): «Не одно ланит пылание / Тратим с юностью живой...» (см.: *Смирнова Е.А. Жуковский и Гоголь: (К вопросу о творческой преемственности) // Жуковский и русская культура. Л., 1987. С. 251—252*). При чем если содержание первых ее стрóf стало основой зачина главы, то четвертая строфа подсказала важные Гоголю детали описания самого Плюшкина: «На минуту ли улыбкою / Мертвый лик наш оживет») и его сада («Сверху лист благоухающий / Прах и тление под ним»).

С. 104. ...купца ~ в сибирке... — Сибирка — короткий кафтан с перехватом и сборами, с невысоким стоячим воротником.

С. 105. ...не пошлою наружностью... Пошлый — здесь: неоригинальный, обыкновенный, заурядный. В сходном значении это слово фигурирует, в частности, в «Евгении Онегине» А.С. Пушкина: «...Онегин с Ольгою пошел; / Ведет ее, скользя небрежно, / И накло-

нясь ей шепчет нежно / Какой-то пошлый мадригал...» (глава 5, строфы XLIII—XLIV).

С. 105. *О моя юность! о моя свежестъ!* — Развитие этого мотива — в произведении И.С. Тургенева «О моя молодость! О моя свежестъ!» (датировано июнем 1878 г.; вошло в его цикл «Стихотворения в прозе» — см.: *Тургенев*. Т. 10. С. 181).

С. 105. ...*крыши сквозили, как решето ~ в дождь избы не кроют...* — Ср. сделанное Гоголем описание крестьянской избы: «Изва разделяется на две части: на избу и чулан {...} *Реши, решети* — кладенные вдоль края от одного лбища к другому, сверх которых кроют доск(ами). {...} Бревно наверху кровли от лбища до другого называется *конек*. Крыши кроются *драньем, тесом и соломою...*» (из записной книжки 1841—1844 гг.).

С. 105. ...*заткнуты ~ зипуном...* — Зипун — старинная верхняя крестьянская одежда, имеющая форму кафтана без воротника; изготавливалась из грубого самодельного сукна.

С. 106. *Капустник* — «огород, засеянный капустой» (из той же записной книжки).

С. 106. ...*изломанною городьбою*. — «Городьба — жердями вбиваются колья по два вместе, на расстоянии 4 аршин на полторосажени, потом впоперек кладут жерди, расстоянья на пол аршину между ними, привязываясь ивовыми прутьями» (из той же записной книжки).

С. 106. *Старый, обширный ~ сад...* — По свидетельству П.В. Анненкова, переписывавшего «Мертвые души» под диктовку автора в Риме с мая до середины июля 1841 г., Гоголь читал главу, «где описывается сад Плюшкина», с особенным выражением: «Никогда еще пафос диктовки, помню, не достигал такой высоты в Гоголе, сохраняя всю художественную естественность, как в этом месте» (*Анненков 1989*. С. 66). Перед тем же Анненковым Гоголь развивал живописные принципы пейзажа, близкого саду Плюшкина: «Если бы я был художник, я бы изобрел особенного рода пейзаж {...} Я бы сцепил дерево с деревом, перепутал ветви, выбросил свет, где никто не ожидает его...» (там же, с. 87). О гоголевском топосе сада в контексте европейского искусства см.: *Фуссо С.* Ландшафт «Арабесок» // Гоголь: Материалы и исследования. М., 1995. С. 69—81; *Дмитриева Е.Е.* Сад Плюшкина, Сад Гоголя // Поэтика русской литературы. М., 2001. С. 148—160. В статье Дмитриевой указаны также параллели к «саду Плюшкина» в других произведениях Гоголя, в частности в повести «Вий».

С. 106. ...*ствол березы ~ как ~ колонна...* — Уподобление дерева колонне встречается и у Ф.Р. де Шатобриана: «Удивительно лишь то, что колонны уступают деревьям в разнообразии» (*Шатобриан Ф.Р. де.* Гений христианства // Эстетика раннего французского романтизма / Сост., вступ. ст. и коммент. В.А. Мильчиной. М., 1982. С. 190;

параллель указана Л.В. Дерюгиной в комментариях к «Арабескам» — см.: Наст. изд. Т. 3. С. 695).

С. 106. ...зиявшее как темная пасть... — Мотив зияющей пасти исследован Б.А. Успенским, подчеркнувшим, что Страшный суд на русских иконах изображался «в виде открытой огнедышащей пасти чудовищного змея» и что одно из диалектных значений слова «пасть» — ад (Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982. С. 68; см. также: Смирнова Е.А. 1987. С. 58). Как пасть описывал ад Г. Сковорода (Сад божественных песней, прозябший из зерн Священного писания // Сковорода Г. Повне зібрання творів: У двох томах. Т. 1. Київ, 1973. С. 73, 87). Ср. также традицию изображения ада в виде чудовищной пасти в театре барокко.

С. 107. ...седой чапыжник... — «Чапыжник — мелкой, кривой, дрянной лес, кустами поросший от корней, объединенный скотом» (из записной книжки Гоголя 1841—1844 гг.).

С. 110. ...походили на юфть... — Юфть — сорт мягкой кожи.

С. 111. ...амбары и сушилы... — Сушилы — «верхний этаж над амбарами, ледниками и проч., где лежит пух, окорока, рыба высушенная, овчины, кожи разные...» (из записной книжки Гоголя 1841—1844 гг.).

С. 110. ...всякой овощью, или губиной. — «Губина — все, что под- ходит под губу, съедобное, всякая овощь, кроме хлеба и мяса» (из той же записной книжки).

С. 110. ...щепной двор... — Рынок, где продавались мелкие токар- ные и резные деревянные изделия.

С. 110. ...бочки, пересеки... — Пересек — «бочка, разделе(нная надвое), ушат» (из той же записной книжки).

С. 110. ...ушаты, лагуны... — Лагун — «форма ведра с закрыш- кой» (из той же записной книжки).

С. 110. ...жбаны с рыльцами и без рылеу, побратимы... — Жбан — «сосуд узкий кверху с рыльцем, — для квасу» (из той же записной книжки); рыльце — носик сосуда, жбана; побратима — «шарообразный сосуд деревянный, с узким горлом; кладут мед, варенья» (там же).

С. 110. ...мыкольники, куда бабы кладут свои мочки... — Мы- кольник (мыкальник) — «... из осинов(ого) дерева, овальная большая коробка, где бабы кладут веретена, мочки, намыканные из льну» (там же); мочки — вычесанные пучки льна, приготовленные для пряжи.

С. 110. ...коробья... — «...тонкая посуда из гнутого дерева; шьется дерельком» (из той же записной книжки). Лык — неокрепшее, волок- нистое подкорье.

С. 110. ...бураки из плетеной берестки... — Бурак — из бересто- вой (...) коры, длинный цилиндр с крышкой, во внутрь входящей, для икры и проч.» (там же).

С. 112. *А ведь было время...* — О природе образа Плюшкина и его эволюции см.: *Гиппиус В.* «Мертвые души» Гоголя в школе // *Русский язык в советской школе.* 1931. № 6–7. С. 71–72; *Топоров В.Н.* *Вещь* в антропоцентрической перспективе (апология Плюшкина) // *Топоров В.Н.* *Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное.* М., 1995. С. 7–111; *Манн* 1996. С. 276–288; *За-рецкий* 1999. С. 427–428.

С. 112. *...его конпатриотка...* — Соотечественница.

С. 113. *...сколько же поставов холста...* — «...постав — мера аршин в 25; накладывается на бабу в год два постава» (из записной книжки Гоголя 1841–1844 гг.).

С. 114. *...недоумевающая, какой владетельный принц ~ Театры, балы; всю ночь сияет убранный огнями и плошками, оглашенный громом музыки сад.* — Русская усадьба, в особенности загородная усадьба со второй половины XVIII в., создавалась как увеселительная резиденция и особое пространство игры, праздника, театра. Мемуарная литература содержит свидетельства непомерно грандиозных празднеств, устраивавшихся даже и в достаточно скромных усадьбах. Ср., например, описание празднования дня рождения хозяйки имения в подмосковном имении Н.П. Архарова Иславское, около Звенигорода: «Гости, как водится, съехались накануне торжественного дня. После парадной обедни все вернулись в дом, где слушали пение хора. Затем был сервирован обед на 100 человек. После обеда карты. Вечером русская комедия “Честное слово”, разыгранная домочадцами и приглашённой молодёжью. По окончании комедии гости были приглашены в сад, роскошно иллюминированный. Здесь их ожидал целый ряд сюрпризов: на дороге гостям встретилась избушка на курьих ножках. Один из друзей хозяина крикнул: “Избушка, стань к лесу задом, а к нам передом!” Избушка повернулась и пошла перед гостями, водила их по всему саду, привела к роговой музыке и пропала (...) Затем катанье на пруде с песенниками, появление масок, ужин в полночь, а затем бал. В таком же духе был проведен и следующий день...» (*Шамурин Ю.И.* *Допожарная Москва и подмосковные // Москва в ее прошлом и настоящем.* Вып. 9. М., (1911). С. 49; см. также: *Дмитриева Е.Е., Купцова О.Н.* *Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай.* М.: 2003. Разд. «Усадебный праздник»).

С. 115. *...гостеприимство у нас в таком ходу, что и скряга не в силах преступить его законов...* — О гостеприимстве, которым славятся издавна славяне, Гоголь писал в классном сочинении «В какое время делаются Славяне известны по истории, где, когда и какими деяниями они себя прославили до расселения своего и какое их было расселение» 1828 г. («Около сего времени Славяне Славилась Своим Гостеприимств(в)ом. Летописцы с восторгом повествуют о таковой их добродетели встретившегося путника пришедшего у них просить ночлега хотя был то

сам неприятель принимали с радушием»), заимствовав в свою очередь эти сведения из «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина (глава III, раздел «О физическом и нравственном характере славян древних» — см.: Наст. изд. Т. 1. С. 259, 863).

С. 116. ...пеннику, чай, насмерть придерживается. — Пенник — крепкое хлебное вино.

С. 116. ...не замечая от радости, что у него из носа выглянул весьма некартинно табак... — Ср. эпитафия к главе VIII «Сорочинской ярмарки», взятый из «Энеиды» И. Котляревского: «Пиджав хвист, мов собака; Мов Каин затрусывсь увесь; Из носа потекла кабака» («Поджав хвост, как собака, как Каин, затрясся весь, из носа потек нюхательный табак»). Внесен Гоголем в раздел «Эпитафии» «Книги всякой всячины».

С. 117. ...красную бумажку прибавь... — Красная бумажка — ассигнация в 10 рублей (красного цвета).

С. 117. ...такое сребролюбие! — Характерный для Гоголя прием: инвективы против сребролюбия он вкладывает в уста сребролюбца Плюшкина. Ср. тот же прием в «Ревизоре» (см.: *Amberg 1986. S. 179*).

С. 119. ...однокорытниками были... — Однокорытник — здесь: то же, что однокашник, соученик.

С. 120. ...вижу, что подтибрила. — «Подтибриль», «подсебренить» — «украсть» (из записной книжки Гоголя 1842—1844 гг.).

С. 123. ...какие-нибудь томпаковые... — Томпаковый — сделанный из томпака, сплава меди и цинка.

С. 123. ...в духовной... — Духовная — здесь: духовное завещание, официальный письменный документ, содержащий распоряжения об имуществе на случай смерти владельца.

С. 124. ...к Шиллеру заехал в гости... — Ф. Шиллер, известный в России еще с 1790-х гг., воспринимался как поэт высоких идеалов, «благородных порывов». Характерно высказывание А.И. Герцена в «Записках одного молодого человека» (опубликованы в 1840—1841 гг.): «Шиллер! Благословляю тебя, тебе обязан я святыми минутами начальной юности! Сколько слез лилось из глаз моих на твои поэмы! {...} Ты — по превосходству поэт юношества. Тот же мечтательный взор, обращенный на одно будущее — «туда, туда!»; те же чувства благородные, энергические, увлекательные...» (*Герцен. Т. I. С. 278*). Ср. также строки Пушкина: «Поговорим о бурных днях Кавказа, / О Шиллере, о славе, о любви» («19 октября», 1825). Ср. гоголевские слова в его «Петербургских записках 1836 года» (1837): «...ты, благородный, пламенный Шиллер, в таком поэтическом свете выказавший достоинство человека!» Ср. также воспоминания А.О. Смирновой о Гоголе: «Немец он не любил, но хранил благодарную память и любовь к некоторым из немецких писателей. Особенно благоволил к Шиллеру и Гофману.

⟨...⟩ — Вы браните немцев, — как-то сказала я ему, — ну, а Шиллера все-таки любите; а Шиллер тоже немец. — Шиллер! — отвечал Гоголь. — Да когда он догадался, что был немцем, так с горя умер. А вы думали, отчего он умер?» (Висковатов-Висковатый П. Из рассказов А.О. Смирновой о Н.В. Гоголе // РС. 1902. Сентябрь. С. 492). См. также: Harder H.B. Schiller in Russland. Materialien zu einer Wirkungsgeschichte. 1789—1814. Bad Homburg, 1969; Kostka E.K. Schiller in Russian literature. Philadelphia, 1965; Данилевский Р.Ю. Шиллер и становление русского романтизма // Ранние романтические веяния. Л., 1972. С. 3—95.

С. 124. ...даже на Сенной площади... — Сенная площадь — шумная торговая площадь в Петербурге, получившая свое название от «имени первого продукта», продаваемого здесь, т.е. сена (Пыляев М.И. Старый Петербург: Рассказы из былой жизни столицы. СПб., 1887. С. 259—260; то же: М., 1990. С. 268—269).

Глава VII

С. 126. ...как парит орел... — Образ парящего орла связан с давней поэтической традицией и, в частности, в русской литературе ассоциировался с Г.Р. Державиным. Так у А.С. Пушкина в «Воспоминаниях в Царском Селе» в связи с Державиным сказано: «Ширияся крылами, / Над ним сидит орел молодой» (Пушкин 1999. С. 70, 74). У самого Державина в стихотворении «Утро»: «Над ними в высоте ширяется орел». Преподаватель словесности в Благородном пансионе при Петербургском университете В.И. Кречетов, по свидетельству мемуариста, говорил, «что Державин высоко парит, как орел, и гордо ширяет в поднебесьи...» (Панаев 1988. С. 33). В свою очередь, гоголевский образ стал предметом пародийного обыгрывания Маркизом Глаголем в «Повести о том, как господа Петушков, Цыпленкин и Тетерькин сочиняли повесть»: «... орел, ширяющийся по небу и скрывающийся под громоносными облаками...» (СО. 1843. Кн. 4. Отд. III. С. 15; автор повести — К.П. Масальский; см. подробнее: Виноградов В.В. Этюды о стиле Гоголя // Виноградов В.В. Избранные труды: Поэтика русской литературы. М., 1976. С. 312).

С. 126. ...другая судьба писателя... — Откликом на это место является следующее рассуждение Белинского в статье «Русская литература в 1843 году»: «... поэт, который возбуждает в читателе созерцание высокого и прекрасного и тоску по идеалу изображением низкого и пошлого жизни, в глазах толпы никогда не может казаться жрецом того же самого изящного, которому служат и поэты, изображавшие великое жизни» (ОЗ. 1844. Т. XXXII. № 1. Отд. V. С. 35; без подписи; см. то же: Белинский. Т. VIII. С. 90). Гоголевское сопоставление двух писателей отозвалось также в стихотворении Н.А. Некрасова «Блажен незло-

бивый поэт» (1852), написанном на смерть Гоголя и опубликованном в третьем номере «Современника» (при напечатании стихотворения цензура не разрешила указать, что оно относится к Гоголю; впервые об этом публично в 1855 г. заявил Чернышевский в статье «Очерки гоголевского периода русской литературы» — *Чернышевский*. Т. III. С. 21–22; см. также: *Чуковский К.* Гоголь и Некрасов. М., 1952. С. 40–48).

С. 127. ...*всю глубину холодных, раздробленных, повседневных характеров, которыми кишит наша земная, подчас горькая и скучная дорога...* — Ср. с размышлениями Гоголя о раздробленности современной жизни как символе бездуховности в статье «Об архитектуре нынешнего времени».

С. 127. ...*сквозь видный миру смех и незримые, неведомые ему слезы!* — Формулу «смех сквозь слезы», имеющую характер общего, крылатого выражения, затруднительно возвести к какому-нибудь конкретному прецеденту и автору. А.Д. Кантемир говорил о себе: «Смеюсь в стихах, а в сердце о злонравных плачу» (Сатира IV. О опасности сатирических сочинений. К музе своей // Кантемир А. Собрание стихотворений. Л., 1956. С. 110). Применительно к произведениям Гоголя сходное выражение употребляли многие. Пушкин, в связи с выходом второго издания «Вечеров на хуторе близ Диканьки» писал, что появившаяся в «Миргороде» повесть «Старосветские помещики» заставила читателей «смеяться сквозь слезы грусти и умиления» (Вечера на хуторе близ Диканьки. Повести, изданные Пасичником Рудым Паньком. Издание второе... // *Совр.* 1836. Т. 1. С. 312; без подписи; см. то же: *Пушкин*. Т. 12. С. 27). Белинский считал, что оригинальность у Гоголя «состоит <...> в комическом одушевлении, всегда побеждаемом чувством глубокой грусти» (*Белинский В.* О русской повести и повестях г. Гоголя («Арабески» и «Миргород») // *Телескоп*. 1835. Ч. XXVI. С. 583; см. то же: *Белинский*. Т. 1. С. 297). Шевырев в статье о «Мертвых душах» отмечал, что гоголевский смех «проистекает в нем не от холодного рассудка, который все отрицает и потому над всем смеется, но от глубины чувства, которое в самой природе человеческой двойится на веселье и горе» (*Шевырев С.П.* Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя <...> Статья вторая // *Москв.* 1842. Ч. IV. № 8. С. 348; см. то же: *Русская эстетика и критика 40–50-х годов XIX века*. М., 1982. С. 56). Гоголевский «Театральный разъезд после представления новой комедии» (1842) завершается репликой Автора пьесы о «законах», в силу которых «кто льет часто душевные глубокие слезы, тот, кажется, более всех смеется на свете...». Оригинальность соответствующему гоголевскому словоупотреблению в «Мертвых душах» (как и в «Театральном разъезде...») придают и его контекст, и весь интонационный торжественно-лирический тон (см. также: *Гиппиус* 1924. С. 233; *Бокадоров Н.* Комедии Гоголя (Литературный этюд.) // *Памяти Гоголя: Научно-*

литературный сборник, изданный Историческим обществом Нестора-летописца / Под ред. Н.П. Дашкевича. Киев, 1902. С. 266—270; *Вайскопф* 1993. С. 368). Позднее, в «Авторской исповеди» (1847) Гоголь варьировал эту формулу в связи с читательским восприятием «Ревизора»: «Сквозь смех, который никогда еще во мне не появлялся в такой силе, читатель услышал грусть». Откликом на гоголевскую формулу является следующая черновая заметка В.О. Ключевского, датированная 1892 г.: «Гоголь ни над чем не смеялся и ни о чем не плакал. Это он сам распустил сплетню про свой видимый миру смех и незримые слезы (...). Он был “художник-создатель” и притом христианин, а такой художник не может ни смеяться, ни презирать...» (*Ключевский В.О.* Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 312—313). Вместе с тем, по мнению исследовательницы, гоголевская формула «смеха сквозь слезы» наиболее близка философскому смеху Жан-Поля: «Романтический поэт сравнивает этот малый мир с вечным и создает вид смеха, который содержит элементы горя, но также и возвышенного» (*Jenness R.K. Gogol's Aesthetics compared to Major Elements of German Romanticism.* Peter Lang, 1995. P. 94; ср.: *Жан-Поль.* Приготовительная школа эстетики. М., 1981. С. 170—174).

С. 127. ...*в святой ужас и в блистанье главы...* — Отмечена близость этой фразы к пушкинской: «И внемлет арфе Серафима / В священном ужасе Поэт» («В часы забав иль праздной скуки...» — ЛГ. 1830. 25 февраля. № 12. С. 94; см. комментарий Н.С. Тихонравова: *Тих.* Т. 3. С. 487). В то же время гоголевский пассаж (как и пушкинское стихотворение) развивает стилистику старозаветных пророков (см. об этом: *Бочаров С.Г.* О стиле Гоголя // Типология стиливого развития нового времени. М., 1976. С. 415; *Смирнова Е.А.* 1987. С. 73—74). В научной литературе зафиксирована также эволюция точки зрения и облика воображаемого писателя в соответствующем пассаже поэмы: в «первой заграничной редакции» ему присущи «уверенно-личные тона» и свойственен «пафос обличения»; во «второй заграничной редакции» высказана лишь «надежда, что *будущий поэт* расслышит скрытый пафос в обличении»; и наконец в «московской редакции», «если не говорится прямо, то дается понять, что “грозная вьюга вдохновения” обовьет самого автора “низких страниц”, что от него услышат “в смущенном трепете величавый гром других речей”» (*Гиппиус* 1924. С. 149).

С. 128. ...*сафьянные сапоги ~ город Торжок...* — В Торжке, уездном городе Тверской губернии, находились кожевенные заводы, а также кустарное кружевное производство и так называемое «новоторжское шитье» — золотом, серебром и шелками по сафьяну и бархату.

С. 128. ...*чтоб не платить ничего подъячим.* — Подъячий — здесь: канцелярский служащий в местных государственных учреждениях России.

С. 128. ...*взглянул он потом на эти листики, на мужиков...* — Согласно В.В. Набокову, в следующем далее эпизоде магия имен, приводимых Чичиковым, порождает эффект оживления умерших крестьян (*Nabokov V. Nikolai Gogol. New York, 1961. P. 103; см. также: Набоков В. Николай Гоголь // Новый мир. 1987. № 4. С. 209*). «Эта ворожба, предваряемая магическим танцем Чичикова, вырастает из простой графики номинаций, отождествляемых с “душами”» (*Вайскопф 1993. С. 392; см. также: Абрам Терц. В тени Гоголя. London, 1975. С. 473–476*).

С. 129. ...*он умилился духом и ~ произнес...* — Это место вызвало следующее замечание В.Г. Белинского: «Здесь поэт явно отдал ему (Чичикову. — *Ред*) свои собственные благороднейшие и чистейшие слезы (...) и заставил его высказать то, что должен был выговорить от своего лица» (Объяснение на объяснение по поводу поэмы Гоголя «Мертвые души» // *ОЗ. 1842. Т. 25. № 11. Отд. V. «Критика». С. 26; см. то же: Белинский. Т. VI. С. 427*).

С. 129. ...*целковиков по сту, а может и государственную...* — Целковый или целковик — серебряная монета достоинством в 1 рубль. Государственная — ассигнация достоинством в 100 или 500 рублей.

С. 129. ...*с камрадом.* — Камрад (нем. Kamerad) — товарищ, приятель.

С. 130. ...*пригляделись ~ ременные твои рукавицы...* — Ременные, т.е. кожаные, из ремней.

С. 130. ...*не любит умирать свою смертью!* — И.С. Аксаков цитирует эту фразу, описывая в письме к родным от 27 мая 1844 г. жизнь бродяги, пришлого человека в Астрахани: «...он обыкновенно кончает свой век или снесенный шквалом с палубы в море, или в схватке с раздраженным им же азиатцем, или же задохнется в ларе, где складывается рыба, от недостатка воздуха! Словом, *не любит умирать свою смертью*» (*Аксаков И.С. Письма к родным: 1844–1849. М., 1988. С. 93*).

С. 131. ...*из Царево-Кокшайска ~ в какой-нибудь Весьегонск...* — Царево-Кокшайск — город на реке Малая Когшага в Казанской губернии (ныне город Йошкар-Ола). Весьегонск — уездный город Тверской губернии. В связи с упоминанием в тексте поэмы Весьегонска см.: *Зелов Н. Был ли Гоголь в Весьегонске? // Литературная Россия. 1967. 7 апреля. № 15. С. 18*.

С. 131. *Абакум Фыров!*.. — Фамилия «Фыров» (так же как и «Милушкин») была внесена Гоголем под общим названием «Мужички» в записную книжку 1841–1844 гг. (эта книжка публикуется в т. 12 наст. изд).

С. 131. ...*об разгуле широкой жизни.* — Одно из предвестий описания этого «разгула» — в стихотворении Н.М. Языкова «К Рейну»: «Велик, прекрасен ты! / Но Волга больше, краше, / Великопнее,

пышной, / И глубже, быстрая, и шире, голубая!» (датировано 1 августа 1840 г., опубл.: *Совр.* 1841. Т. 21. № 1. С. 219–221; отмечено: *Вайскопф* 1993. С. 369).

С. 131. ...*веселится бурлацкая ватага*... — В гоголевской записной книжке 1841–1844 гг. содержится описание, предвосхищающее соответствующее место в «Мертвых душах»: «Как весна, обкалывают лед около судов, и суда называются *суряками*. Обколовши, начинают грузить суда и стараются их приготовить, чтобы они вместе со льдом вышли в Волгу. Грузка есть праздник бурлаков; задатки, начинают разгуливать и праздничать, прощаются и расстаются с женами, которые приходят в лентах, разряж(енные) подарением любовников и супругов. Тут же весенние песни и гульба на пристани между хлебами. <...> Бурлаки же в это время гуляют с лентами за шляпой; бабы плетут хороводы. Девки все высокорослы и стройны». Описание веселья «бурлацкой ватаги» в «Мертвых душах» вызвало отклик находившегося в новгородской ссылке А.И. Герцена, записавшего в своем дневнике 11 июня 1842 г.: «Я часто смотрю из окна на бурлаков, особенно в праздничный день, когда, подгулявши, с бубнами и пением, они едут на лодке; крик, свист, шум. Немцу во сне не пригрезится такого гулянья; и потом в бурю — какая дерзость, смелость, летит себе, а что будет, то будет» (*Герцен*. Т. II. С. 214). Влияние гоголевского описания бурлаков заметно и в зарисовке, сделанной И.С. Аксаковым в его письме из Рыбинска от 16 июля 1849 г.: «С каким удовольствием переходят мои глаза на сухопарого мужика, поющего песни! Судорабочие, бурлаки, водоливы со всех губерний приходят сюда летом и гуляют в ожидании новой трудной работы. Правда, что когда они стоят тысячами на берегу, то воздух сгущается невыносимо, но когда они отдельными партиями ходят немного пьяные (это каждый день) по улицам и поют песни, не обращая внимания ни на кого, так на них смотреть весело. <...> Бодрый, веселый, трудящийся народ, без древнего боярского или современного купеческого брюха, без сановитой дородности, без спеси, без претензий! <...> Впрочем, крестьянин везде лучше других» (*Аксаков И.С. Письма к родным: 1849–1856*. М., 1994. С. 32–33).

С. 131. ...*в глубокие суда-суряки*... — Название этих судов происходит от реки Сура, притока Волги. «Вы не знаете, может быть, что такое суряк, — писал И.С. Аксаков родителям 13 июня 1849 г. из Ярославля. — Речные суда имеют пропасть различных форм и названий. Есть тихвинки, мокшаны, расшивы, гусянки, суряки, барки и пр. Суряк не очень велик, но водоходно устроен, барки и мокшаны, кажется, плоскодонные» (*Аксаков И.С. Указ. соч.* С. 17). И в том же письме: «...красивый суряк с тремя надутыми полосатыми парусами шибко идет вверх по Волге, за ним другой, там третий... Так и обдаст бесконечно-

стью царства красоты, всею властью ее, так и готов погрузиться в эту бездну...» (там же).

С. 132. ...*в гражданскую палату...* — Гражданская палата — судебное учреждение, ведавшее имущественными делами — совершением купчих, вводом во владение, торговыми договорами и др.

С. 132. ...*подобно древнему Зевесу Гомера, длившему дни...* — Ср. в «Илиаде» Гомера: Агамемнон обращается к Зевсу с просьбой: «Дай, чтобы солнце не скрылось и мрак не спустился на землю / Прежде, чем в прах я не свергну Приамовых пышных чертогов...» (Песнь вторая, ст. 413—414); «Тою порою Солнцу, в пути неистомному, Гера, / Противу воли его, в Океан низойти повелела» (Песнь восемнадцатая, ст. 239—240).

С. 132. ...*в медведях ~ и в теплом картузе...* — См. с. 715 наст. изд.

С. 133. ...*две-три извозчичьи биржи...* — Извозчичья биржа — место стоянки извозчиков.

С. 134. ...*а не то снимут сапоги...* — Практиковавшееся наказание для мелкого чиновника-писца: у него отбирали сапоги, чтобы он не мог выйти из присутствия, и возвращали только тогда, когда была переписана нужная бумага.

С. 136. ...*вынув из кармана бумажку, положил ее перед Иваном Антоновичем...* — Сцена с Иваном Антоновичем вызвала следующее замечание В.Г. Белинского: «Конечно, какой-нибудь Иван Антонович, кувшинное рыло, очень смешон в книге Гоголя и очень мелкое явление в жизни; но если у вас случится до него дело, так вы и смеяться над ним потеряете охоту, да и мелким его не найдете...» (Белинский В.Г. Объяснение на объяснение по поводу поэмы Гоголя «Мертвые души» // ОЗ. 1842. Т. 25. № 11. Отд. V. «Критика». С. 29; без подписи: см. то же: Белинский. Т. VI. С. 431).

С. 136. ...*Вергилий прислужился Данту...* — Эпизод из «Божественной комедии» подвергся у Гоголя ироническому переосмыслению: странствователь по загробному царству — не Данте, а Чичиков (и его временный спутник Манилов); в роли Вергилия (по старому написанию Вергилий) — губернский чиновник; Вергилий оставляет Данте перед вознесением в Рай небесный, куда ему, как язычнику, вход возбранен; провожатый Чичикова оставляет его на пороге другого «Рая» — кабинета председателя.

С. 136. ...*за зеркалом ~ сидел один, как солнце, председатель.* — Зеркало — трехгранная призма, стоявшая в присутственных местах как символ правосудия; на гранях этой призмы были написаны указы Петра I. В художественной системе поэмы эта деталь продолжает развитие пародийного плана: обыгрывается символика света, сияния, взаимоотражений, играющая у Данте важную роль в изображении Эмпирея и лицезер-

нии божества (вместо всего этого — один «как солнце председатель», а «подле него» — Собакевич).

С. 137. ...и моя жизнь, что за жизнь?.. — См. комментарий к этому месту современного исследователя: «Более ничего не может он (Собакевич. — Ред.) к этому добавить (кроме того, что живет пятый десяток лет и “ни разу не был болен”), но тоска слышится в его словах, хотя и комически звучит вопрос Собакевича {...}. Но у Гоголя всюду так — по форме смешно, а по существу — грустно» (Золотусский И. Поэзия прозы: Статьи о Гоголе. М., 1987. С. 69).

С. 137. ...хоть бы ~ веред или чирей выскочил... — Веред — нарыв, болячка.

С. 138. ...за него все делает стряпчий... — Стряпчий — помощник прокурора в губернии.

С. 138. ...первейший хапуга... — «Хапуга — хватало, самый сильный взяточник» (из записной книжки Гоголя 1842—1844 гг.)

С. 138. Инспектор врачебной управы... — Врачебные управы были учреждены в губернских городах как органы надзора за военными госпитальями, выполняли также функции попечения над состоянием здравоохранения в губернии.

С. 139. ...Милушкин, кирпичник... — См. с. 747 наст. изд.

С. 139. ...в Херсонскую губернию. — Город Херсон был основан по инициативе кн. Потемкина и по указу Екатерины II, вышедшему в 1778 г., с целью «иметь новую гавань и верфь поближе к Черному морю, так как прежние, напр(имер), таганрогская, представляли значительные неудобства по своему мелководию» (Багалей Д.И. Колонизация Новороссийского края и первые шаги его по пути культуры: Исторический этюд. Киев, 1889. С. 35). «Новый город должен был действительно вырасти, как бы из под земли, по мановению руки всеильного князя» (там же, с. 39). С этой целью проводилась активная колонизация херсонских земель посредством переселения казенных и экономических крестьян, однодворцев, казаков, отставных солдат, матросов, дьячков, раскольников, а также беглых крестьян (там же, с. 65, 67—68). Была и «владельческая, помещичья колонизация, материалом для которой служили крепостные, беглые и т.п.» (там же, с. 70).

С. 140. ...с принятием полупроцентовых и за припечатку в «Ведомостях»... — Подразумевается пошлинный сбор за судебное решение о купчих крепостях и за публикацию этого решения в «Сенатских прибавлениях», выходявших как приложения к газете «Сенатские ведомости».

С. 140. ...дали только одну белинькую. — Беленькая — двадцатипятирублевая ассигнация белого цвета.

С. 141. ...пирог с головизною... — «Головизна — пирог с головизной, то есть со всей головой осетра, с хрящем и со щеками и с потрохами;

входит и тешка — нижняя часть» (из записной книжки Гоголя 1841—1844 гг.).

С. 141. ...*пряженцы, масляницы, взваренцы*. — Пряженцы — «маленькие пирожки с мясом и луком; подается к ним суп или бульон» (из записной книжки Гоголя 1841—1844 гг.). Масляницы — «мука в разных мелких кусках опускается в растопленное масло» (из записной книжки Гоголя 1842—1844 гг.). Взваренцы — вареные фрукты и ягоды на меду.

С. 141. ...*в гостиный двор наведывался*... — Гостиный двор — торговые ряды.

С. 141. *Поедет на дрожках*... — Дрожки — легкий открытый рессорный экипаж на одного-двух человек.

С. 141. ...*доиграть когда-нибудь в горку*... — Горка — азартная карточная игра.

С. 142. ...*сидельцы*... — Сиделец — продавец в лавке, находившийся на жалованье у ее владельца.

С. 142. ...*пришипился так, как будто и не он*... — Пришипиться — притаиться. Ср. замечание Гоголя о М.П. Погодине, самовольно опубликовавшем его портрет в «Москвитянине»: «И ведь между прочим пришипился, как бы ничего не было...» (письмо к Н.М. Языкову от 14(26) октября 1844 г. из Франкфурта).

С. 143. ...*говорил ~ о трехпольном хозяйстве*... — Трехпольное хозяйство — система землепользования, при которой пашня делится на три поля, каждое из которых в первый год засевалось озимыми, во второй — яровыми, в третий оставалось под паром.

С. 143. ...*послание в стихах Вертера к Шарлотте*... — Вертер и Шарлотта (Лотта) — персонажи романа И.В. Гете «Страдания юного Вертера» (1774). Однако Чичиков читает не отрывок из романа, написанного прозой, а стихотворный текст, написанный по мотивам произведения Гете. Возможно, подразумевается стихотворение В.И. Туманского «Вертер к Шарлотте (За час перед смертью)», опубликованное в журнале «Благонамеренный» (1819. Ч. VI. № 7. С. 5). О развитии этой темы (предсмертное письмо Вертера) в русской поэзии конца XVIII — начала XIX в. см.: *Жирмунский В.М.* Гете в русской литературе. Л., 1981. С. 41—49.

С. 144. ...*в нагольных тулупах ~ и во фризовой шинели*. — Нагольный тулуп — сшитый кожей наружу и не покрытый тканью. меховую одежду вплоть до XIX в. носили только мехом внутрь. Если такая одежда не покрывалась тканью, то она называлась *нагольной* (от наголо, ничем не покрытый) и почиталась бедной. Обычно ее старались окрашивать в черный или синий цвет, что позволяло сделать бедность менее заметной. Признаком же достаточности служила крытая тканью шуба (*Кирсанова 2009. С. 246*). Фризловая шинель — сшитая из фриза, грубой ворсистой ткани.

С. 144. ...охотник до сапогов... — Это место вызвало следующее замечание современника: «Кто поверит, что этот страстный охотник до сапогов не кто иной, как сам Гоголь? (...) В его маленьком чемодане всего было очень немного, и платья и белья ровно столько, сколько необходимо, а сапогов было всегда три, часто даже четыре пары, и они никогда не были изношены» (*Арнольди Л.И. Мое знакомство с Гоголем // Гог. восп. совр. 1952. С. 482*). С замечанием об автобиографизме этого пассажи корреспондирует просьба Гоголя, высказанная в письме к С.Т. Аксакову от 25 июня (7 июля) 1840 г.: «...купить (...) у лучшего сапожника петербургской выделанной кожи, самой мягкой, для сапог, то есть, одни передки (...); пары две или три».

Глава VIII

С. 146. ...власть капитана-исправника... — См. с. 735 наст. изд.

С. 146. ...об Ланкастеровой школе взаимного обучения. — Ланкастер Джозеф (1778—1838) — английский педагог. Пропагандируемая им система обучения состояла в том, что учитель обучает только лучших учеников, а последние занимаются с более слабыми. Ланкастерская система пользовалась широкой популярностью в России, где в 1819 г. было основано Общество училищ взаимного обучения. Ср. сетования старухи Хлестовой в «Горе от ума» А.С. Грибоедова: «... с ума сойдешь от этих от одних / От пансионеров, школ, лицеев, как бишь их; / Да от ланкартачных взаимных обучений» (действие III, явление 21 — *Грибоедов. Т. 1. С. 92*). См. также с. 554 наст. изд.

С. 147. ...шпрехен зи дейч... — Sprechen Sie deutsch? (нем.) — Говорите ли вы по-немецки?

С. 147. ...«Людмилу» Жуковского, которая еще была тогда непростывшею новостию... — Баллада В.А. Жуковского «Людмила», написанная в 1808 г., впервые появилась в «Вестнике Европы» (1808. № 9. С. 41—49) с подзаголовком «Русская баллада» и с авторским примечанием к заголовку «Подражание Биргеровой Леоноре».

С. 147. ...особенно: «Бор заснул, долина спит» и слово: «чу!»... — Ср. относящееся к этой фразе из баллады Жуковского «Людмила» свидетельство Белинского: «По наивному рассказу, современников этой баллады особенным изумлением поразило слово чу!.. Они не знали, что им делать с этим словом, как принять его — за поэтическую красоту или литературное уродство...» (*Русская литература в 1844 году // ОЗ. 1845. Т. XXXVIII. № 1. Отд. V. «Критика». С. 3; без подписи; см. то же: Белинский. Т. VIII. С. 433*).

С. 147. ...Юнговы «Ночи»... — Подразумевается «Жалоба, или Ночные размышления о жизни, смерти и бессмертии» (1742—1745) английского поэта Эдуарда Юнга (1683—1765). Произведение неод-

нократно переводилось на русский язык. Известен был, в частности, перевод С.Н. Глинки, вышедший третьим изданием: «Юнговы ночи, в стихах» (4 песни) (М., 1820).

С. 147. ...«Ключ к таинствам природы» Эккартсгаузена... — Эккартсгаузен (1752—1803) — немецкий философ и писатель-мистик. Отношение к нему, как и к другим авторитетным мистическим авторам, приобретает в 1830-е гг. «двойственный характер: с одной стороны, недавние кумиры превращаются в знаки отжившей свой век моды» (отсюда упоминание Эккартсгаузена в ироническом контексте), с другой стороны, они «оказываются созвучными новым веяньям» (Виницкий И. Николай Гоголь и Угроз Световостоков: (К истокам «идеи ревизора») // ВЛ. 1996. № 5. Сентябрь—октябрь. С. 181; см. то же: Виницкий И.Ю. Утехи меланхолии // Учен. зап. Моск. культурол. лицез. № 1310. Сер. Филология. Вып. 2. С. 210). См. также: Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж, 1983. С. 130, 136.

С. 147. ...кто «Московские ведомости», кто даже и совсем ничего не читал. — «Московские ведомости» — газета, издававшаяся Московским университетом, выходила с 1756 г. На стилистическую функцию усилительной частицы «даже» в творчестве Гоголя обратил внимание Д. Чижевский: «... “даже” вводит и сопровождает усиление, возрастание, напряжение, которое, однако, Гоголь, разочаровывая и в то же время изумляя читателя, берет назад» (Чижевский Дм. О «Шинели» Гоголя // Современные записки (Paris). 1938. Т. LXVII. С. 181—184).

С. 147. ...был просто байбак... — Байбак — «неповоротливый, мешкотный челов(ек), лентяй и соня» (Даль. Т. 1. С. 38).

С. 150. ...внизу платья такое руло... — Руло — жгут из толстой ткани или валик, набитый ватой или волосом; пришивался к низу дамских платьев для сохранения круглого очертания нижней части юбки (Кирсанова 1995. С. 236—237).

С. 150. ...частный пристав... — Начальник полиции в районе (части) города.

С. 150. Письмо начиналось очень решительно, именно так: «Нет, я должна к тебе писать!» — Ср. начало «Письма Татьяны к Онегину»: «Я к вам пишу — чего же боле? / Что я могу еще сказать?» («Евгений Онегин», глава третья — Пушкин. Т. 6. С. 65).

С. 150. ...несколькими точками, занявшими почти полстроки... — Это место поэмы пародирует особенности пунктуации Карамзина и его последователей — прежде всего использование многоточия, занимавшего подчас действительно всю строку (Смирнова Е.А. 1987. С. 104; см. также: Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Текстологические принципы издания // Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 519—520).

С. 150. *Что жизнь наша? ~ Что свет?* — Излюбленный прием нагнетания вопросов у Карамзина: «Что есть жизнь человеческая? Что бытие наше?» («Сиерра-Морена», 1795; см. то же: Карамзин Н.М. Соч.: В 2 т. Т. 1. Л., 1984. С. 533); «Что наша жизнь? {...} Кто автор?..» («Два сравнения», 1797 — Карамзин Н.М. Полн. собр. стихотворений. 2-е изд. М.; Л., 1966. С. 236).

С. 150. *Что жизнь наша? Долина, где поселились горести. Что свет? Толпа людей, которая не чувствует.* — Ходовые обороты элегической и медитативной поэзии XVIII — начала XIX в. Ср. в частности: «Простите, рощи и долины...» (Батюшков К.Н. Последняя весна. 1815); «Простите, мирные долины...» (Пушкин А.С. Евгений Онегин, глава седьмая, строфа XXVIII; опублик. в 1828 г.). Следует также напомнить, что «Долиной спокойствия» называлась в родовом имении Гоголей-Яновских одна из аллей (Дурылин С. Из семейной хроники Гоголя... М., 1928. С. 10). Ср. далее: «О ты, что в горести напрасно / На Бога ропщешь, человек» (первые две строки «Оды, выбранной из Иова...» М.В. Ломоносова, между 1743 и 1751 гг.; кстати, их цитирует Хлестаков — «Ревизор», действие четвертое, явление XII); «Холодная толпа взирает на поэта, / Как на заезжего фигляра...» (Пушкин А.С. Ответ Анониму, 1830; курсив везде. — Ред.) и т.д. О «толпе» как синониме филистерства в литературе рубежа 1830—1840-х гг. см.: Мордовченко Н. Белинский и русская литература его времени. М.; Л., 1950. С. 106.

С. 150—151. *...протекло двадцать пять лет, как уже не существует на свете...* — Ср. в «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзина: «Вы конечно поблагодарите меня за этот нектар (сказал мне услужливый трактирщик, ставя передо мною бутылку): я получил его в наследство от моего отца, которого уже тридцать лет нет на свете» (письмо с пометой «Майнц, 2 Августа») — Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 91; переключка гоголевского и карамзинского текстов указана в кн.: Смирнова Е.А. 1987. С. 105.

С. 151. *...приглашали Чичикова в пустыню...* — Пустыня — популярный элегический образ, характеризующий одиночество, отъединенность героя (не обязательно с буквальным, предметным обозначением «пустыни»). О расширительном, символическом употреблении этого понятия см., в частности: Соловьев В.С. Значение поэзии в стихотворениях Пушкина // Соловьев В.С. Литературная критика. М., 1990. С. 239.

С. 151. *...оставить навсегда город, где люди в душных оградах не пользуются воздухом...* — Ср. обращение Алеко к Земфире: «Когда бы ты воображала / Неволю душных городов! / Там люди, в кучах за оградой, / Не дышат утренней прохладой...» (Пушкин А.С. Цыганы, опублик. в 1827 г.).

С. 151. ...*Две горлицы покажут ~ Что она умерла во слезах.* — Цитата из стихотворения Н.М. Карамзина «Доволен я судьбою...» (1794; опубликовано в альманахе «Аонида» — 1796. Кн. 1. С. 45—47). Последняя строка изменена с нарочитым нарушением размера стиха (у Карамзина: «Он умер во слезах!»).

С. 152. ...*сделал антраша.* — Антраша — См. с. 711 наст. изд.

С. 152. ...*нижний земский суд отвечает на это...* — Нижний земский суд (наряду с Верхним) был создан в 1775 г. (Учреждения для управления губерний Всероссийской Империи от 7 ноября 1775 г. // *Полн. собр. законов 1. Т. XX. С. 232, 251—252*). 3 июня 1837 г. на основании «Высочайше утвержденного положения о земской полиции» и «Высочайше утвержденного Наказа чинам и служителям земской полиции» структура нижнего земского суда подверглась изменению, при этом «круг действий» суда был строго регламентирован и расширен (*Полн. собр. законов 2. Т. XII. Отд. 1. С. 463—521*).

С. 152. ...*держал в одной руке конфетный билет...* — На конфетных билетах, т.е. бумажках, в которые обертывались конфеты, печатались обычно стихи, изречения и т.д. Ср. пассаж в очерке Ф. Дершав «Русский стихотворец» о Павлуше, сочинившем стихи, обращенные «к ней»: «...и к величайшему его торжеству, Саратовский кондитер похвалил стихи, напечатал их на серой бумаге, разрезал на полоски и приклеил к конфетам» (*Дершав Ф. Записки покойного Колечкина. Або, 1843. С. 103*).

С. 153. *Дамы ~ нанесли с собой целые облака всякого рода благоуханий: одна дышала розами, от другой несло весной и фиалками, третья вся насквозь была продушена резедой...* — «Цветочные ароматы были единственными парфюмерными запахами первой половины XIX в. Рачительным хозяйкам и дамам из общества советовали составлять одеколон в домашних условиях» (*Кирсанова 2009. С. 247*). Так, на страницах «Гирланды, журнала словесности, музыки, мод и театров» (1831. № 7. С. 188) приводился рецепт одеколona, состоящего из спиртового раствора растительных эссенций (там же; см. также: *Кирсанова Р. Аромат родного дома и запах счастья // Ароматы и запахи в культуре. Кн. II. М., 2003. С. 274—279*).

С. 153. ...*муслины ~ были таких бледных модных цветов...* — Муслин (от франц. *mousseline*) — очень тонкая ткань полотняного переплетения, из хлопка, шерсти, льна или шелка (*Кирсанова 1995. С. 180*).

С. 153. *Легкий головной убор держался только на одних ушах и, казалось, говорил: «Эй, улечу, жаль только, что не подыму с собой красавицу!»* — Ср. в «Невском проспекте»: «Они несколько похожи на два воздухоплавательные шара, так что дама вдруг бы поднялась на воздух, если бы не поддерживал ее мужчина...». Последнее сравне-

ние отражало техническую новацию времени: в 1804 г. в Москве был запущен первый воздушный шар (монгольфьер) в России — событие, которое нашло сразу же отражение в лубочных картинках. В 1820—1830-е гг. механик Иван Семенов развлекал нередко публику на ярмарках полетами на воздушном шаре (см.: *Sytova A. The Lubok: Russian folk pictures, 17th to 19th century. Leningrad, 1984. Ил. 71; см. также: Shapiro G. Nikolai Gogol and the Baroque Cultural Heritage. The Pennsylvania State University Press, 1993. С. 102—103*). В свою очередь, гоголевское сравнение женского одеяния с воздушным шаром породило лубок (издан в 1858 г. в Москве П.Н. Шараповым) под названием «Кринолин или средство заменить им при случае воздушный шар» с пояснением: «Два гуляющих в парке нарядных “оцилиндренных” купца дивятся на зрелище: ветер, надув кринолин, поднял на воздух модницу, за ногу которой ухватился франт» (см.: *Иванов Е.П. Русский народный лубок. (М.), 1937. С. 42, 107, л. 53*).

С. 153. ...*маленькие зубчатые стенки ~ известные под именем скромностей*. — Полоска ткани, пришитая изнутри к лифу и прикрывающая вырез, получила название скромности, вероятно, от французского слова *modestie* (скромность, неприязательность). См.: *Кирсанова 1995. С. 39*.

С. 153. ...*как будто на всем было написано: «Нет, это не губерния, это столица, это сам Париж!»* — Ср. в «Авторской исповеди» упоминание Гоголем своих приездов в Россию в период создания первого тома «Мертвых душ»: «Провинции наши меня (...) изумили. Там даже имя Россия не раздается на устах. Раздавалось, как мне показалось, на устах только то, что было прочитано в новейших романах, переведенных с французского». О «добровольном подчинении России французским вкусам» см.: *Ерофеев В. Французский элемент в «Мертвых душах» Н.В. Гоголя // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1988. Т. 47. № 1. С. 31—34*. Ср. также изумление г-жи де Сталь по поводу галломании в России в период нашествия Наполеона: «Я вступила в Россию, когда Французская армия прошла уже далеко в Русские пределы, а между тем иностранка-путешественница не подвергалась никаким неприятностям и притеснениям...» (1812 год: Баронесса Сталь в России // *РА. 1912. № 8. С. 539*; см. то же: *Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. Л., 1991. С. 21*; см. также: *Моторин А.В. Русские писатели о словесных нашествиях иностранцев // Карамзинский сборник: Россия и Европа: Диалог культур. Ульяновск, 2001. С. 211*).

С. 154. ...*душистых шемизеток...* — Шемизетка (франц. *chemisette*) — дамская накидка, легкая блузка или манишка.

С. 154. *Галопад летел во всю пропалую...* — Галопад (галоп, франц. *galopad, galop*) — бальный танец в стремительном темпе.

С. 155. ...семенил ножками... — Семенить — «подступать мелким шагом» (из записной книжки Гоголя 1841—1844 гг.).

С. 155. ...называемые мышинными жеребчиками... — Мышиный — особой конской масти, в переносном значении — седеющий. Реминисценция этого выражения — в стихотворении Н.А. Некрасова «Балет» (1866): «Накрахмаленный денди и щеголь / (То есть: купчик — кутила и мот) / И мышиный жеребчик (так Гоголь / Молодящихся старцев зовет)...».

С. 156. ...какие отпускают ~ Звонские, Линские, Лидины, Гремины... — Набор имен, характерных для произведений 1820—1830-х годов из помещицкой и светской жизни. Так, граф Звонский — персонаж повести М.П. Погодина «Невеста на ярмарке» (полн. изд. 1832); граф Лидин фигурирует в незаконченной комедии А.А. Шаховского «Игроки» (пролог — Атеней. 1828. № 1. С. 27—49; № 2. С. 20—44; первое явление — МВ. 1829. Ч. 1. С. 211—225); в качестве эпизодического персонажа, счастливого любовника, упоминается в поэме А.С. Пушкина «Граф Нулин» («Смеялся Лидин, их сосед, / Помещик двадцати трех лет»; опубл. в 1827 г.), а также фигурирует в водевиле П.Г. Григорьева «Филатка и Мирошка — соперники, или Четыре жениха и одна невеста» (постановка в 1831 г.), в комедии М.Н. Загоскина «Недовольные» (постановка в 1835 г.) и т.д. Кстати, «какая-то Лидина» упоминается и в «Записках сумасшедшего» Гоголя (в письмах Меджи). Гремин — персонаж в повести А.А. Бестужева-Марлинского «Испытание» (1830). К соответствующему месту из «Мертвых душ» часто апеллировали критики, что видно из следующих примеров. «Мы, разумеется, не станем и упоминать о бесчисленном множестве драм и романов, которых (так! — Ред.) Звонские, Линские, Лидины, Гремины несут высокопарную галиматью, словно греческие или римские полководцы в плохих французских трагедиях расиновской школы» (Похождения Чичикова, или мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Москва. 1842 года // ЛГ. 1842. 14 июня. № 23. С. 470; без подписи). В.Г. Белинский в связи с опубликованным в 1842 г. рассказом В.К. Войта «Моряк Утэ, или Эпизод из жизни» заметил: «Герой рассказа — один из тех Звонских, Линских, Лидиных, Греминых и всяких ловких военных людей, о которых упоминает Гоголь...» (Русская беседа. Собрание сочинений русских литераторов в пользу А.Ф. Смирдина. Т. III. СПб., 1842 // ОЗ. 1842. Т. XXIII. № 8. Отд. VI. С. 36—37; без подписи; см. то же: Белинский. Т. VI. С. 244). Говоря о литературе, изображающей «большой свет», А.А. Григорьев писал: «Звонские, Гремины и Лидины, являвшиеся в повестях Марлинского, конечно, очень смешны...» (Григорьев А. По поводу нового издания старой вещи. Горе от ума. СПб., 1862 // Время. 1862. № 8. Отд. II. С. 42; см. то же: Григорьев А. 1967. С. 502). И далее, противопоставляя модным светским героям Чацкого: «Он столько

же непохож на них, сколько непохож на Звонских, Греминых и Лидиных» (Время. 1862. № 8. Отд. II. С. 43; Григорьев А. 1967. С. 504).

С. 156. ...будто оглушенный ударом. — О символике окаменения у Гоголя см.: Манн 1996. С. 329–339.

С. 156. ...овалом лица, какое художник взял бы в образец для мадонны... — Ср. замечание А. Ремизова к этому месту: «Образ Мадонны — перед Чичиковым на балу — проблеск в другой бесстрастный мир, где нечем сгорать, а только светить и светиться, и нет бескорыстной чистой подлости корыстолюбивого человека перед властью» (Ремизов А. Огонь вещей: Сны и предсонье. Париж, 1954. С. 34).

С. 156. Институтка, только что выпущена. — В параллель к этому эпизоду отмечено упоминание об институтке — неоперившемся «птене» в повести В.И. Даля «Бедовик» (ОЗ. 1839. Т. 3. № 5. Отд. III; подпись: В. Луганский. — См.: Вайскопф 1993. С. 369; см. также: Белоусов А.Ф. Институтки в русской литературе // Тыняновский сборник: Четвертые тыняновские чтения. Рига, 1990. С. 85–86).

С. 156. ...а Чичиков все еще стоял неподвижно... — Возможно, реминисценция из «Евгения Онегина» А.С. Пушкина (глава восьмая, строфа XIX): «И недвижим остался он» (отмечено: Смирнова Е.А. 1987. С. 86).

С. 157. ...сладкую долину задумчивости... — Дальнейшее развитие пародийного мотива «долины» (см. с. 754 наст. изд.).

С. 157–158. ...по причине ~ небольшого инкомодите... — От франц.: l'incommodité — неудобство, затруднение.

С. 158. ...в плисовых сапогах... — Плисовый — бархатный.

С. 158. ...весеннее ли расположение действовало на него... — См. с. 715–716 наст. изд.

С. 158. ...ему показалось, как сам он потом сознавался... — Этот эпизод рассматривался в контексте платоновской идеи любви-воспоминания, идеи, нашедшей отражение в диалогах «Федр» и «Пир»: «...земная красота пробуждает в человеческой душе воспоминание о той совершенной красоте, которую она созерцала в первоначальный период своего существования, до воплощения» (Смирнова Е.А. 1987. С. 134; см. также: Вайскопф 1993. С. 403).

С. 159. ...выходила прозрачную и светлую из мутной и непрозрачной толпы. — Возможно, реминисценция мотива появления богини любви и красоты Афродиты, вышедшей из воздушной морской пены вблизи Кипра. Ср. в более раннем произведении Гоголя — статье «Скульптура, живопись и музыка» (вошла в «Арабески», 1835): «...где из пены волн стыдливо выходит богиня красоты...» (Наст. изд. Т. 3. С. 9). Параллель между соответствующей сценой в «Мертвых душах» и эпизодом появления русалки в повести «Вий» провела немецкая исследовательница: русалка — как «Ersatz für die klassische Aphrodite», «die aus dem Meerschäum auftauchende, sinnliche

Schönheit» (*Langer G. Gogol's dumme Philosophen: Der Dialog mit der philosophischen Ästhetik in «Вий» und «Записки сумасшедшего» // Die Welt der Slaven. H. 1. 1996. S. 10*).

С. 159. ...*почувствовал себя ~ чуть-чуть не гусаром*. — Очевидно соотнесение этого места со сценой первой встречи Чичикова с незнакомкой в главе V: «Попадись на ту пору вместо Чичикова какой-нибудь двадцатилетний юноша, гусар ли он, студент ли он...» и т.д. Характерна в настоящем случае оговорка повествователя («*чуть-чуть не гусаром*»; курсив. — *Ред.*). Ср. также комментарий Н.Г. Чернышевского к этой сцене в дневниковой записи 5 августа 1848 г.: «Дивился глубокому взгляду Гоголя на Чичикова, как он видит поэтическое или гусарское движение его души (встреча с губернаторской дочкой на дороге и бале и другие его размышления)...» (*Чернышевский. Т. I. С. 68—69*). Соображения, касающиеся этой сцены, см. также: *Абрамович С. Эротика в «Мертвых душах» // Гоголезнавчі студії. Випуск дев'яятий. Ніжин, 2002. С. 58—59*.

С. 159. ...*он начал даже получать форс...* — Силу, бойкость, щегольство, франтовство (от франц. force — сила).

С. 160. ...*он и раскаялся, но ~ поздно*. — О сюжетной функции оплошности Чичикова писал И. Золотусский: «Не пренебреги Чичиков вниманием городских дам (...) — все было бы прекрасно (...) А он рассиропился, он на балу свои чувства выказал — и тут же был наказан. Не ополчись на него губернский женский мир, сплетни Ноздрева и рассказы Коробочки ничего бы не сделали» (*Золотусский И. Поэзия прозы: Статьи о Гоголе. М., 1987. С. 48—49*).

С. 161. ...*влеплю один безе*. — Безе (франц. baiser) — поцелуй. Данное место прочитывается отдельными исследователями как комическая травестия предательского поцелуя Иуды (см.: *Urs H. Gogols Schuld und Sühne: Versuch einer Deutung des Romans Die Toten Seelen. Darmstadt, 2004. S. 203*).

С. 162. ...*по третьей не бьют...* — Об этом правиле игры, принятом «винтерами», играющими «в вист или винт», см.: *Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний. Т. II. СПб., 1904. С. 103*.

С. 163. *Посреди котильона он сел на пол...* — Котильон (франц. cotillon) — фигурный танец, исполняемый парами.

С. 163. *Эк штука: разрядились в бабы тряпки! ~ чтобы жене достать на шаль...* — Ср. аналогичные мысли в «Выбранных местах из переписки с друзьями»: «Показать таким же самым образом всем модницам, которые не любят никуда появляться в одних и тех же платьях (...) — показать им, что они вовсе не тем грешат, что занимаются этой суетностью и тратят деньги, но тем, что сделали такой образ жизни необходимостью для других...» (глава «Нужно проездиться по России»).

С. 163. ...на разные роброны... — Роброны (франц. *goberonde*) — женское платье с очень широкой юбкой в форме колокола (*Кирсанова 1995. С. 233*).

С. 163. ...какая-нибудь подстёга... — Подстега — «развратная женщина» (*Даль. Т. 3. С. 206*).

С. 165. ...напичкан мешками с ~ кокурками, скородумками и кренделями из заварного теста. — Кокурка — сдобная вотрушка. Скородумка — см. с. 727 наст. изд. «Заварное тесто — тесто, прежде замешанное круто, опущенное в горячую воду и потом запеченное» (из записной книжки Гоголя 1841—1844 гг.).

С. 165. Пирог-курник и пирог-рассольник выглядели даже наверх. — Пирог-курник — сдобный круглый пирог с курицею и яйцами; «замест курицы попадают туда и утка и говядина» (*Даль. Т. 2. С. 224*). «Рассольник — пирог с курицей, гречневой кашей, в начинку подливается рассол. Яйца рубленые» (из записной книжки Гоголя 1841—1844 гг.).

С. 165. ...в куртке из домашней пеструшки... — См. с. 724 наст. изд.

С. 165. ...поймал у себя на воротнике какого-то зверя... — В.Г. Белинский, защищая эту сцену от «чопорного чувства многих читателей», писал: «Изображайте мещанско-филистерскую жизнь немцев, и вы принуждены будете упоминать (...) о педантизме их опрятности; касаясь же жизни русского простонародья, не отличающегося, как известно, излишнею чистоплотностью, значило бы пропустить одну из характеристических черт ее, если б не заметить, что не только в деревнях (...) бабы усердно занимаются казнением зверей у ребятишек, (...) но и в столицах извозчики на биржах и работники на улицах нередко оказывают друг другу подобную услугу единственно из бескорыстной любви к такому занятию...» (Похождения Чичикова, или Мертвые души... // *ОЗ. 1842. Т. XXIII. № 7. Отд. VI. С. 9*; без подписи; см. то же: *Белинский. Т. VI. С. 219*).

С. 165. ...оставивши алебарду... — Алебарда — здесь: длинное копьё с топориком; вооружение будочника.

С. 166. ...мимо небольшой приходской церкви Николая на Недотычках... — Оригинальность бытовавших названий церковей зафиксирована мемуаристом. М.И. Семевский, вспоминая о посещении им А.Н. Островского, писал: «В Сретенском переулке (...) у Николая Воробины (что за клички церковей в матушке Москве попадают — это удивительно), я набрел на собственный деревянный домик Островского» (*ИВ. 1896. Февраль. № 2. С. 602*).

Глава IX

С. 167. ...оранжевого деревянного дома с ~ голубыми колоннами... — Цвета «оранжевый», «голубой» резко противоречат принятой, обычной окраске губернских строений (см. об этом с. 710 наст. изд.).

С. 167. ...в клетчатом щегольском клоке... — Клок (от англ. cloac — плащ, накидка, покров) — женская накидка колоколообразной формы, без рукавов. «Если другие виды накидок, плащей (*тальяма, ротонда, салон*) упоминаются практически в любом из тех произведений рус(ских) писателей 19 в., где речь идет о жизни рус(ского) города, то К(лок) оказался невероятной редкостью, его можно встретить только у Н.В. Гоголя и А.Ф. Вельтмана...» Это объясняется тем, что «мода на клок продержалась лишь в первой трети 19 в.» (Кирсанова 1995. С. 130—131).

С. 167. ...золотым галуном на круглой лощеной шляпе. — Золотой галун — золотая лента узорного ткачества или кружевного плетенья для отделки шляп, одежды и т.д. Бывает также галун серебряный или мишурный (Кирсанова 1995. С. 76).

С. 167. ...богадельня ~ тянулась нестерпимо долго... — Богадельня — «заведение для призора дряхлых, увечных и неисцелимых нищих» (Даль. Т. 1. С.101); приют для престарелых и инвалидов.

С. 167—168. Какое ни придумай имя, уж непременно найдется ~ кто-нибудь носящий его и непременно рассердится... — Ср. реальный эпизод, случившийся с С.Т. Аксаковым: в феврале 1832 г. он был освобожден от должности цензора за разрешение к публикации пародии «Двенадцать спящих буточников. Поучительная баллада И.В. Проташинского» (подписана Елистратом Фитюлькиным). В этом произведении был выведен Тростин, что вызвало жалобу некоего коллежского советника Тростина. В записке от 20 мая 1832 г., поданной московскому генерал-губернатору Д.В. Голицыну, Аксаков уверял, что, во-первых, и «не слыхивал о существовании этого почтенного старика, Тростина». «Во-вторых, если б я целый век жил с ним в одной комнате, то и тогда должен бы был одобрить к напечатанию вышесказанную статью: ибо в ней выведен богатый украинский дворянин и помещик, а настоящий Тростин человек бедный, из разночинцев, живущий пятнадцать лет на скудной пенсии. Нужно ли прибавлять еще, что все наши книги наполнены вымышленными, произвольными фамилиями, которые существуют в России, и что цензор не может знать людей, никому не известных, еще менее их домашних обстоятельств?» (Павлов Н.М. Сергей Тимофеевич Аксаков как цензор // РА. 1898. № 5. С. 91—92; см. также: Машинский С. С.Т. Аксаков. Жизнь и творчество. М., 1973. С. 169—173).

С. 168. ...уже кажется им личностью... — Личность — здесь: личная обида, хула, намек на конкретного человека.

С. 169. *На место их фестончики.* — Фестон (франц. feston) — выступ зубчатой или округлой формы. Фестонами окаймлялись края одежды, занавески, абажура и т.д.

С. 170. ...*как бывало в старину фижмы...* — Фижмы — устройства из китового уса или ивовых прутьев, часто овальной формы; использовались для придания юбкам пышности (Кирсанова 1995. С. 295).

С. 170. ...*совершенная бельфам.* — Бель-фам (франц. belle femme) — красивая женщина.

С. 171. ...*сконапель истоар...* — Транслитерация французского выражения: *se qu'on appelle histoire* (то, что называется историей), демонстрирующая «неверную орфоэпию» французской речи провинциальных дам (должно быть: «истуар»). См.: Ерофеев В. Французский элемент в «Мертвых душах» Н.В. Гоголя // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1988. Т. 47. № 1. С. 34.

С. 171. ...*строил куры?* — От франц. *faire la cour* — ухаживать.

С. 172. ...*вроде Ринальда Ринальдина...* — Ринальдо Ринальдини — персонаж из романа немецкого писателя К.А. Вульпиуса «Ринальдо Ринальдини, атаман разбойников» (Rinaldo Rinaldini, der Räuberhauptmann. Bd. 1–3. Leipzig, 1797–1800; рус. пер.: 1802–1804), воплощающий тип «благородного разбойника». См. также с. 548 наст. изд.

С. 172. ...*просто, оррёр...* — Транслитерация французского слова *horreur* — ужас. Возможно, здесь присутствует также аллюзия на популярные в России в это время готические романы ужасов (см.: Соколянский М.Г. Об историзме «Мертвых душ» // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1998. Т. 57. № 6. С. 27).

С. 173. ...*йора-охотник...* — Йора (ёра) — «беспутный, тунеядный человек, плут и мошенник, развратный шатун» (Даль. Т. 1. С. 520). В записной книжке Гоголя, датируемой 1846 г., есть запись: «Иорник — маленький чиновник, который денег не заплотит, маленький подлец. <Другой> не заплотит, потому что и денег нет, а иора не заплотит, потому что не хочет. Иора герой». Вместе с тем это словоупотребление могло быть свободным от негативных значений — ср. в стихотворении Д.В. Давыдова «Бурцову. Призывание на пунш» (1804): «Бурцов, ера, забияка, / Собутыльник дорогой! / Ради бога и... арака / Посети домишко мой!» (Давыдов Д. Стихотворения / Вступ. ст., сост., подг. текста и примеч. В.Э. Вацуро. Л., 1984. С. 56).

С. 173. ...*оттопанный доезжачими заяц...* — «Оттопать — вогнать опять в лес, чтоб выгнать на барина» (из записной книжки Гоголя 1841–1844 гг.).

С. 173. ...*поднятым арапником...* — Арапник — длинная охотничья плеть с короткой рукояткой.

С. 176. ...не из того ли угла получила имя такая-то страна?.. — В черновых набросках это место звучало так: «...не с то(го) ли, например, угла получила название русь...» (см. наст. изд., кн. 1, с. 358), что являлось полемическим откликом на развиваемую О.И. Сенковским в статье «Скандинавские саги» теорию скандинавского происхождения названия «Русь» (БдЧ. 1834. Т. 1. Отд. III. С. 1—77). Упомянутую статью Гоголь резко критиковал в своей работе «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году»: «...эти саги он ставит краеугольным камнем русской истории и не приводит ни одного доказательства, поверенного критикую...» (впервые: *Совр.* 1836. Т. 1. С. 197). Снятие упоминания «Русь», по-видимому, должно было освободить текст поэмы от конкретного полемического адреса и придать этой полемике более широкий характер. Подобная тенденция наблюдается и в обработке пассажа в главе XI о построении «казенного весьма капитального строения» (см. с. 556 наст. изд.).

С. 177. ...засунули в нос гусара... — Этой забаве предавались и в нежинской Гимназии высших наук, в которой в 1821—1828 гг. учился Гоголь. А.С. Данилевский вспоминает о том, как «гусар» достался некоему Щербаку, знакомцу семейства Гоголя (*Шенрок*. Т. 1. С. 101).

С. 177. ...на какие слепые деньги... — Слепые деньги — деньги, доставшиеся случайно или нечестным путем. Ср. выражения: слепой товар, т.е. «товар, воровски провезенный или вовсе запрещенный к привозу» (*Даль*. Т. 4. С. 229); «Мне, хоть слепеньких, только б денежки» (там же).

С. 178. ...Андроны едут, чепуха, белиберда, сапоги всмятку!.. — Андрон (или андрец, т.е. одр, одрец, ондрец) — «одноколка с волами (жердями, которые сзади тащатся), для таски снопов, сена...» (*Даль*. Т. 1. С. 7; с пометой, что это слово бытует в Костромской и Вятской губерниях). Андроны едут — «говорится, коли кто некстати важничает и дуется» (там же, с пометой, что это выражение из тульской губернии). Иронической фразой Гоголя воспользовался Аполлон Григорьев в полемике с авторами журнала «Русское слово», говоря о том «странном брожении», «которое, пожалуй, может быть окрещено известными выражениями Гоголя: белиберда, Андроны едут, сапоги всмятку...» (*Григорьев Ап.* Парадоксы органической критики. Письмо второе // Эпоха. 1864. Июнь. С. 271; см. то же: *Григорьев А.* Эстетика и критика. М., 1980. С. 159).

С. 178. ...заехать к Сопикову и Храповицкому... — Ср. строки из письма Гоголя к Н.М. Языкову от 15(27) сентября 1841 г. из Дрездена: «Выехавши из Ганау, мы на второй станции посадили к себе в коляску двух наших земляков, русских помещиков, Сопикова и Храповицкого, и провели с ними время до зари».

С. 178. ...неведомые линейки ~ колесосвистки... — Линейка — «пролетки, пролетные дрожки» (Даль. Т. 2. С. 253). Первоначально линейкой назывались простые дрожки с доской для сиденья; позднее линейкой стали именовать городской или пригородный многоместный экипаж с перегородкой внутри. Колесосвистка — повозка с колесами, издающими свистящий звук.

С. 178. ...называют в столицах комеражами... — От франц. *comtéage* — сплетни, пересуды.

С. 180. ...баба, что мешок, что положат, то несет.. — Ср. поговорки, зафиксированные В. Далем: «Бабы рубашки те же мешки: рукава-те завяжи, да что хошь положи!»; «Мужик, что мешок: что положишь, то и несет» (Даль. Т. 2. С. 372).

С. 180. ...пойдут ~ взбудетениванья... — Взбудетенить — «взбудить, дать взбужу, высечь» (Даль. Т. 1. С. 191; с пометой, что это слово из Вологодской и Пермской губерний).

С. 182. ...сольвычегодскими купцами ~ устьсыольским купцам... — Сольвычегодск — уездный город в Вологодской губернии. Усть-Сысьольск — уездный город в Вологодской губернии (после 1930 г. — Сыктывкар).

С. 182. ...пирушку ~ с ~ аршадами... — Аршад (оршад, от франц. *orgeat*) — прохладительный напиток, чаще всего из миндального молока с сахаром. Ср. в «Дневнике лишнего человека» (1850) И.С. Тургенева: на балу в провинции наряду с «лиловым мороженым» подают «слизистый оршад» (Тургенев. Т. 4. С. 194).

С. 182. ...под микитки и в подсочельник... — Микитки (никитки) — «пах, подвздошь, подреберье» (Даль. Т. 2. С. 325). В подсочельник — в живот. Ср.: «Хватить кулаком под микитки — под ребра» (из записной книжки Гоголя 1841—1844 гг.); «Под микитки и под сочельник — под живот» (из записной книжки Гоголя 1842—1844 гг.).

С. 182. ...был-де блудлив, как кошка... — Поговорка, зафиксированная, в частности, В. Далем: «Блудлив, что кошка, а труслив, что заяц» (Даль. Т. 1. С. 99).

Глава X

С. 186. ...Семен Иванович ~ носивший на указательном пальце перстень, который давал рассматривать дамам... — На эту деталь обратил внимание В.Н. Майков в рецензии «Сто рисунков из сочинения Н.В. Гоголя “Мертвые души”...» (ОЗ. 1847. Т. 50. № 2. Отд. VI. С. 73; без подписи; см. то же: Майков В.Н. Литературная критика: Статьи. Рецензии. Л., 1985. С. 302). По мнению Ю.С. Сорокина, комментировавшего сочинения Майкова, очевидно, что «его владелец выдавал перстень за знак причастности к масонам» (там же, с. 382).

С. 186. ... *шпрехен зи дейч, Иван Андрейч...* — Транслитерация немецкого выражения «Sprechen Sie Deutsch?» («Вы говорите по-немецки?»).

С. 187. ...*ученых и прочих комитетов...* — Имеется в виду Ученый комитет, возникший в рамках Министерства духовных дел и народного просвещения, образованного согласно царскому манифесту от 24 октября 1817 г. (в результате присоединения к Министерству народного просвещения дел всех вероисповеданий). Комитету, в частности, поручалось: «Рассмотрение книг, для учебных заведений заготавливаемых»; «Суждение о книгах всякого рода...» и проч. (*Полн. собр. законов 1. Т. XXXIV. С. 814, 815, 824–827. № 27106*). Ср. у А.С. Грибоедова в комедии «Горе от ума» (действие I, явление 7): «А тот чахоточный, родня вам, книгам враг, / В ученый комитет который поселился / И с криком требовал присяг, / Чтоб грамоте никто не знал и не учился?» (*Грибоедов. Т. 1. С. 28*).

С. 187. ...*всякие воксалы...* — Воксал (вокзал; англ. Vauxhall, от Vaux (Дж. Вокс) — фамилия владелицы парка близ Лондона — и hall — зал, помещение для собрания) — здесь: место для общественных увеселений, танцев, концертов, игры в карты. Ср. у А.С. Пушкина: «Пролетело счастья время, / Как, любви не зная бремя, / Я живал да попевал, / Как в театре и на балах, / На гуляньях иль в воксалах / Легким зефиром летал...» («К Наталье», 1813 — *Пушкин 1999. С. 11*).

С. 187. ...*всякой сует какую-нибудь свою куму.* — Парафраза из басни И.А. Крылова «Совет Мышей» (1811): «Молчи! все знаю я сама; / Да эта крыса мне кума», где Крылов, в свою очередь, имел в виду Государственный совет, образованный в 1810 г.

С. 188. ...*Под Красным ли или под Лейпцигом...* — Красный — город Смоленской губернии; во время Отечественной войны 1812 года здесь дважды происходили кровопролитные сражения: 2(14) августа, когда отряд генерала Д.П. Неверовского не допустил прорыва фронта французской конницей маршала И. Мюрата, и 3–6(15–18) ноября, когда русские войска нанесли тяжелый урон отступающей наполеоновской армии. Под Лейпцигом, городом в Саксонии, 16–19 октября 1813 г., во время войны России, Пруссии, Австрии и Швеции против Франции, имела место так называемая Битва народов, в результате которой наполеоновская армия была разгромлена.

С. 188. ...*инвалидный капитал был уже заведен ~ гораздо после.* — Инициатива учреждения Инвалидного капитала, т.е. фонда для выдачи пособий инвалидам Отечественной войны 1812 г., их вдовам и детям, принадлежала коллежскому советнику П.П. Пезаровиусу, который с этой целью в 1813 г. основал газету «Русский инвалид». В первом же номере разъяснялся план использования доходов от реализации издания на поддержку «увечных воинов», с указанием порядка оказания

помощи и размеров вспоможения (максимальное, для тех, кто не имел физических возможностей работать и проживал «в чужих людях», — 25 руб. в год) и просьбой к читателям извещать издателя о нуждающихся в помощи инвалидах (Русский инвалид. 1813. 1 февраля. № 1. Прибавление. С. 5—6). В 1815 г. собранный таким образом капитал (395 тыс. руб.) по просьбе Пезаровиуса был принят «в казенное распоряжение» и передан в ведение созданного к тому времени (указом Александра I от 18 августа 1814 г.) особого Комитета (см. с. 806—807 наст. изд.) — «для приобщения к прочему Инвалидному капиталу» (Полн. собр. законов 1. Т. XXXIII. С. 411. № 26036). Сам Пезаровиус был определен при этом членом указанного Комитета (там же).

С. 189. ...какая-нибудь *Гороховая* ~ *Литейная*... — улицы Петербурга.

С. 189. ...*мосты там висят* ~ *без всякого* ~ *прикосновения*, — словом, *Семирамида*... — Семирамида (ассирийск. Шаммурамат) — царица Ассирии в конце IX в. до н.э.; с ее именем связано сооружение в Вавилоне террасных «висячих садов», считавшихся одним из «семи чудес света». Ср. у Пушкина описание Петербурга: «Мосты повисли над водами...» («Медный всадник»).

С. 189. ...*приютился в Ревельском трактире*... — Путеводитель 1820 г. в числе мест, «где путешествующий может остановиться», указывает на «так называемый *Ревельский* трактир, в Новом переулке...» (Шредер Ф. Новейший путеводитель по Санктпетербургу, с историческими указаниями. СПб., 1820. С. 240). В другом справочном издании (в рубрике «Гостиницы и пристанища для приезжих») приводятся более подробные данные: «Ревельское подворье», 2-я Адмиралтейская часть, Новый переулок, дом № 67 — по новой нумерации (Указатель жилищ и зданий в Санктпетербурге, или Адресная книга... Издал С. Аллер на 1823 год. СПб., 1822. С. 12, 293, 621). Новый переулок — один из гоголевских адресов в Санкт-Петербурге, в зиму 1832—1833 г. 25 ноября 1832 г. в письме к М.П. Погодину Гоголь сообщал свой новый адрес: «...квартира моя II-й Адм(иралтейской части), в Новом переулке, дом Демут-Малиновского, близ Мойки».

С. 189. ...*начальником ее генерал-аншеф*... — Генерал-аншефство — звание полного генерала, существовавшее в русской армии в 1716—1796 гг. Впоследствии заменено чином генерала по родам войск: генерал от инфантерии (пехоты), генерал от кавалерии и т.д.

С. 189. ...*какая-нибудь ручка у дверей*... — Ср. в «Ночи перед Рождеством» в описании царского дворца: «...но эта медная ручка, — продолжал он, подходя к двери и щупая замок, — еще большего достойна удивления» (см.: Наст. изд. Т. 1. С. 177).

С. 189. ...*швейцар* ~ *смотрит генералиссимусом*... — Генералиссимус (от лат. generalissimus — самый главный) — высшее воинское звание,

введенное в России в 1716 г. Присваивалось крайне редко. Генералиссимусами были А.С. Шейн, А.Д. Меншиков, Антон Ульрих (муж правительницы России в 1740–1741 гг. Анны Леопольдовны), А.В. Суворов. Ср. в «Ревизоре» реплику Бобчинского о Хлестакове: «...генерал-то ему и в подметки не станет! а когда генерал, то уж разве сам генералиссимус» (действие третье, явление VII — см.: Наст. изд. Т. 4. С. 45–46).

С. 190. *Зашел в Палкинской трактир...* — Открыт 1 февраля 1808 г. на Невском проспекте, на углу Малой Морской улицы, затем неоднократно переезжал, в том числе на угол Невского и Садовой улицы, на угол Невского и Литейного проспектов (см.: *Столянский П.Н.* Старый Петербург: Адмиралтейский остров. Сад трудящихся: Историко-художественный очерк. М.; Пг., 1923. С. 140; *Алексеев И.* Рестораны Палкина // *Новый журнал.* 2002. № 4. С. 78–79, 84). В адресной книге 1837 г. трактир зарегистрирован по следующему адресу: «Палкина, по Загородной № 22. — Моск. ч. 3 кв.» (*Нистрем К.* Книга адресов С. Петербурга на 1837 год. СПб., 1837. С. 1427). Судя по всему, имеется в виду Загородный Московский проспект (в Московской части), протянувшийся в те годы от Владимирской церкви до Царскосельского проспекта (Нумерация домов в Санктпетербурге... СПб., 1836. С. 195, 374).

С. 190. *...пообедал ~ в «Лондоне»...* — «Лондон» — Одно из старейших (с 1770-х гг.) трактирных (гостиничных) заведений Санкт-Петербурга. С 1781 г. «Лондон» занимал первый (угловой) дом по правой стороне Невского проспекта (Быт пушкинского Петербурга: Опыт энциклопедического словаря. (Т. 1). СПб., 2003. С. 157). В справочном издании 1822 г. зарегистрирован по адресу: 1-я Адмиралтейская часть (Невский проспект), дом № 79 по новой нумерации, принадлежащий жене купца Вебера (*Указатель жилищ и зданий в Санктпетербурге, или Адресная книга...* Издал С. Аллер на 1823 год. СПб., 1822. С. 4, 243, 621); затем значится на Адмиралтейской площади: «Лондон, на Адмир. площ. № 11» (*Нистрем К.* Книга адресов С. Петербурга на 1837 год. СПб., 1837. С. 1427); «напротив Адмиралтейства» (назван в числе немногих «порядочных гостиниц» — *Пушкарев И.* Описание Санктпетербурга и уездных городов в С. Петербургской губернии. Ч. 3. СПб., 1841. С. 103). Описание трактира «Лондон» «в доме Вебера», «где прекрасный французский легкий и вкусный стол припомнит вам парижскую вашу жизнь», см.: *Ф.Б.* (Булгарин Ф.В.). Прогулка по тротуару Невского проспекта // *Литературные листки.* 1824. Ч. I. № 6. С. 227. По свидетельству Булгарина, в то же самое время в доме «на углу Морской» располагался «другой “Лондон”» (его держал бывший хозяин «Лондона» «в доме Вебера», уступивший место новому владельцу, но сохранивший «прежнее название своего заведения, к которому многие привыкли» — там же, с. 227–228). В этом трактире «за весьма

умеренную плату» угощали «русскими кушаньями, усовершенствованными влиянием иностранной кухни» (там же, с. 228).

С. 190. ...пулярку спросил с разными финтерлеями... — Пулярка (франц. *poularde*) — холощенная откормленная курица. Финтерлеи — необычный, изысканный гарнир (от франц. *fin* — нежный, изящный).

С. 191. ...работает там фензерв какой-нибудь... — Фензерв — не совсем точная транслитерация французского *finer herbes* — душистые травы, зелень, которую в мелко изрубленном или сушеном виде добавляют в пищу.

С. 191. ...рассупе деликасет такой... — Неологизм «рассупе» образован из русской приставки «рас», имеющей значение превосходства (ср.: *распрекрасный*), и корня «супе», отсылающего одновременно к русскому «суп» и французскому редуцированному «*superg*», имеющему то же значение, что и «рас» (суперделикатес).

С. 191. ...мимо Милютинских лавок... — Милютинские лавки (иначе: Милютинский ряд) — торговые здания на Невском проспекте, выстроенные А.Я. Милютиным в 1735 г.

С. 192. ...ваше высокопревосходительство... — Обращение к лицам в чине 1-го и 2-го классов (к канцлеру, действительному тайному советнику, фельдмаршалу, генералам родов войск, генерал-адмиралу и адмиралу).

С. 192. ...полетел вверх тарашки... — Вверх тарашками — вверх ногами (Словарь русских народных говоров. Вып. 4. Л., 1969. С. 81). Ср. с записью Гоголя: «*Кувирдышки полетел* то же что вверх тарашки, кувирдышки делать, кувиркаться для потехи. Кувирдаться» (*ОР РНБ. Ф. 199. Гоголь Н.В. № 6. (Записная книжка 1842–1844 гг.) Л. 38 об. Рубрика «Слова во владимирской Губерн(ии)»*).

С. 193. ...дантист эдакой... — Дантист — зубной врач, зубной техник. Эдак — в переносном значении: тот, кто допускает кулачную расправу (бьет по зубам).

С. 194. ...не есть ли Чичиков переодетый Наполеон... — П.А. Вяземский в «Старой записной книжке» отмечал, что еще в военную кампанию 1806 г. «имя Бонапарта (немногие называли его тогда Наполеоном) сделалось очень известным и популярным во всех углах России» (*Вяземский П.А. Полное собрание сочинений: В 12 т. Т. VIII. СПб., 1883. С. 255*). Знакомый Вяземского, А.М. Пушкин, рассказывал, как однажды на почтовой станции в одной из отдаленных губерний заметил в комнате смотрителя портрет Наполеона, приклеенный к стене. «Зачем держишь ты у себя этого мерзавца? — А вот затем, ваше превосходительство (отвечал он), что если неравно, Бонапартий, под чужим именем, или с фальшивой подорожною, придет на мою станцию, я тотчас по портрету признаю его, голубчика, схвачу, свяжу, да и представлю начальству» (там же, с. 256). О сближении гоголевского персонажа с Наполеоном

писал Андрей Белый: «Чичиков приколот к Наполеону...» (Белый 1934. С. 94). См. также: *Зарецкий 1999. С. 417; Гуминский В.М. Гоголь и Наполеон // Н.В. Гоголь: загадка третьего тысячелетия: Первые гоголевские чтения. М., 2002. С. 218–219; Кривонос В. Наполеоновский миф у Гоголя // Гоголь как явление мировой литературы. М., 2003. С. 67–72.*

С. 194. ...выпустили его с острова Елены... — На остров Святой Елены, расположенный в южной части Атлантического океана, Наполеон был сослан летом 1815 г.; здесь он и умер в 1821 г. (см. также с. 554 наст. изд.).

С. 194. «Московские ведомости» и «Сын отечества» зачитывались немилосердо... — «Московские ведомости» — одна из старейших русских газет, издававшаяся в Москве с 1756 г. по 1917 г.; «Сын отечества» — см. с. 720 наст. изд. В период борьбы с Наполеоном оба издания обильно печатали материалы патриотической направленности; в «Сыне отечестве», в частности, появились басни И.А. Крылова «Волк на псарне», «Ворона и курица», «Обоз», карикатуры А.Г. Венецианова и И.И. Терebeneва на Наполеона и т.д.

С. 194. ...не выпустили ли опять Наполеона из острова? — До ссылки на остров Святой Елены Наполеон был еще выслан на средиземноморский остров Эльба, где он находился с мая 1814 по февраль 1815 г.; ссылка была прервана бегством Наполеона и вторичным приходом его к власти, с 20 марта по 22 июня («сто дней»). Ср. с навеянным этими событиями эпизодом в «Старосветских помещиках», где гость Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны «с значительным видом и таинственным выражением лица выводил свои догадки и рассказывал, что француз тайно согласился с англичанином выпустить опять на Россию Бонапарта...».

С. 194. ...нагольном тулупе... — См. с. 751 наст. изд.

С. 194. ...Наполеон есть антихрист... — По мнению Е.А. Смирновой, это место представляет собою реминисценцию рассказа о двух волхвах, ходивших по Волге и Шексне и распространявших свое лжеучение. С ними беседует «некий Ян Вышатиц»: «И рече им Ян: по истине прельстил есть вас бес. Коему Богу веруете? И реша: Антихристу. Он же рече им: то где есть? Они же рекоша: сидит в бездне» (Смирнова Е.А. 1987. С. 50–51). Гоголь пользовался книгой «Сказания русского народа о семейной жизни своих предков, собранные И. Сахаровым» (Ч. 1. СПб., 1836. С. 14), где приведен этот рассказ, заимствованный из Никоновской летописи. Следует добавить, что, по свидетельству современников, уподобление Наполеона антихристу было весьма популярно. «Это название Наполеон носил по всей России. Не подумайте, что оно создано воображением народа. Нет, эта выдумка принадлежала одной из самых просвещенных голов того времени, Н.Н. Новосильцеву; он даже

сочинил о том циркулярное извещение, которое под рукою приказано было читать по воскресеньям в приходах» (Из воспоминаний Н.В. Кукольника // *ИВ*. 1891. Т. XLV. С. 88). Однако едва ли упомянутое сравнение можно приписать единоличному авторству. В «Нескольких главах из украинского романа: *Федюша Мотовильский*» И.Г. Кулжинского, где описывается реакция на Украине на вторжение Наполеона, в частности, отмечено: «Охотники до таинственных толкований находили в имени Наполеона сходство с *Аполлионом*, о котором говорится в *Апокалипсисе*» (Атеней. 1830. Ч. 4. № 22, 23 и 24. С. 213; без подписи. Подразумевается описание вышедшей из дыма саранчи: «Царем над собою она имела ангела бездны; имя ему по-еврейски *Аваддон*, а по-гречески *Аполлион*» — Откр. 9: 11). Об эсхатологических настроениях русского общества в Александровскую эпоху см.: *Флоровский Г.* Пути русского богословия. Париж, 1983. С. 128–147.

С. 195. ...*мистицизмом, который ~ был тогда в большой моде...* — Эти настроения в большой мере стимулировались самим императором Александром I, его решительным уклоном в мистицизм после 1812 г. и, в частности, сближением в 1815 г. с проповедницей баронессой В.Ю. Крюденер (см. подробнее: *Галахов А.* Обзор мистической литературы в царствование императора Александра I // *ЖМНП*. 1875. № 11. С. 87–175; *Валлоттон А.* Александр I / Пер. с франц. М., 1991. С. 297–301; *Корнилов А.А.* Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 99, 117, 127; *Гречаная Е.П.* Литературное взаимовосприятие России и Франции в религиозном контексте эпохи (1797–1825). М., 2002).

С. 195. ...*открыли даже в нем апокалипсические цифры.* — Апокалипсическим числом считалось «число зверя» — 666 (Откр. 13:18); оно обозначало имя антихриста: «...обычно это понимается так, что ему должна равняться сумма числовых значений еврейских или греческих букв имени А(нтихриста). (...) Новейшие гипотезы чаще всего связывают число 666 с именами римских императоров Нерона, Домициана» (*Аверинцев С.С.* Антихрист // *Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. Т. 1.* М., 1987. С. 86). Во время Отечественной войны 1812 г. буквы имени Наполеона переводились некоторыми мистически настроенными русскими патриотами в цифры (в церковнославянском языке цифры пишутся буквами) и получалось в итоге якобы то же число, что у Антихриста. Известны были вычисления профессора Дерптского университета В.Ф. Гецеля, доказывавшие, что в имени императора скрыто число 666, что означает зверя (Антихриста), предел славы которого определен числом 42; отсюда делался вывод, что 1812 г., в котором Наполеон имел от роду 42 года, будет временем его падения (на данные вычисления ссылался в частности Г.Р. Державин в «Гимне лиро-эпическом на прогнание французов из отечества», 1812). В 1812 г. Гецель прислал свои вычисления военному министру Барклаю де Толли с предложением

сие изъяснение разгласить в войске «раздачею ли печатных листов (...) или только изустным от духовенства внушением...» (см.: Императоры Александр I и Николай I: Исторические материалы к ним и их эпохам относящиеся // *РС.* 1883. Декабрь. С. 652. Раздел «Николай I и Апокалипсис»). Барклай де Толли в свою очередь переслал письмо Гецеля командующему Второй армией П.И. Багратиону, который, правда, оставил письмо «без всякого употребления» (там же, с. 651). По воспоминаниям И. Радожицкого, вычисления Гецеля весьма потешали офицеров (Походные записки артиллериста, с 1812 по 1816 год: Артиллерии подполковника И..... Р..... Ч. 1. М., 1835. С. 16–17). Подобными же вычислениями занимается у Толстого в «Войне и мире» Пьер Безухов.

С. 195. ...*декохт из невесть какой дряни...* — Декохт (декокт) — отвар из лечебных трав.

С. 196. ...*можно было бы понадеяться, как на вернейшего друга.* — Ср. с заповедной колодой Ихарева в «Игроках», которой даже имя дано человеческое — Аделаида Ивановна.

С. 196. ...*чистить меделянскому щенку пуп...* — Меделян — большая пастушеская собака, происходящая из Италии (согласно одной из версий, название породы образовано от латинского наименования города Милан — *Mediolanum*); помесь мастиффа со средневропейскими горными собаками — сенбернаром и леонбергером. Ее называют также русской медвежьей собакой, русским мастифом. Меделяны имелись также в царской охотничьей своре.

С. 196. ...*не делатель ли он фальшивых бумажек...* — Подделка денег приобрела в конце XVIII — начале XIX в. широкое распространение. «Простота и несовершенство отделки государственных ассигнаций, обращавшихся с 1786 г., были причиною умножения фальшивых ассигнаций: поддельвателями являлись даже люди из состояний необразованных, как-то: крестьяне и татары» (*Печорин Я.* Наши государственные ассигнации до замены их кредитными билетами // *ВЕ.* 1876. Кн. 8. С. 647). Особенно увеличилось количество фальшивых денег после Отечественной войны 1812 года, так как «французские войска внесли с собою множество фальшивых ассигнаций» (там же), что потребовало решительных мер. 21 августа 1818 г. был высочайше утвержден проект и штат Экспедиции заготовления государственных бумаг; примерно в то же время началось заготовление государственных ассигнаций по новым образцам, высочайше утвержденным 14 февраля 1819 г. (200, 100, 50 и 25 руб.) и 4 июля 1819 г. (10 и 5 руб.) (там же, с. 648).

С. 198. *Видит теперь ясно текущее поколение ~ небесным огнем исчерчена сия летопись ~ отвсюду устремлен пронзительный перст, на него же, на него, на текущее поколение...* — По наблюдению Е.А. Смирновой, в данном пассаже отразился библейский эпизод Валтасарова пира (*Смирнова Е.А.* Национальное прошлое и современность

в «Мертвых душах» // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1979. Т. 38. № 2. С. 93–94). Ср. в письме Гоголя Н.М. Языкову от 14(26) декабря 1844 г. из Франкфурта : «...раздаются уже действия гнева божия и невидимая рука, как на пиру Валтазаровом, чертит огнем грозящие буквы».

С. 199. ...молоком с фигой... — Фига — плод фигового дерева, инжир.

С. 199. ...какой-то том герцогини Лавальер... — «Герцогиня де ла Валиер» — роман французской писательницы С.Ф. Жанлис (1746–1830), вышедший в 1804 г. (рус. пер.: 1804–1805). Портрет герцогини Лавальер, фаворитки Людовика XIV, висел и в доме «старосветских помещиков». Ср. у Ф.М. Достоевского в «Записках из Мертвого дома» описание «молодого разбитного парня <...> из писарей», читавшего «Герцогиню де Лавальер» (Достоевский. Т. 4. С. 180; отмечено: Соколянский М.Г. Об историзме «Мертвых душ» // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1998. Т. 57. № 6. С. 27). См. также с. 795–796 наст. изд.

С. 200. ...шушера какой-нибудь... — «Шушера — ничтожные, малозначащие вещицы и людишки»; «Шушера — ничтожный человек, дрянцо» (из записной книжки Гоголя 1842–1844 гг.).

С. 201. ...поддедюлил меня. — «Поддедюлить — украсть, унести» (из той же записной книжки).

С. 202. ...чудо коленкор! — Коленкор — от франц. calencor — род бумажной крашеной материи, употребляется в словосочетании «другой коленкор» в значении: иное дело, иной разговор. Еще один случай неверного употребления Ноздревым французских слов в качестве экзотизмов.

С. 202. ...подержу венец тебе... — Имеется в виду корона, возлагаемая на вступающего в брак при церковном обряде венчания; ее держит над головою жениха шафер.

Глава XI

С. 204. ...шибель такой везде пошел... — «Шибель — выбоины, бугорки» (из записной книжки Гоголя 1842–1844 гг.).

С. 205. ...толкующих об своих гривнах... — Гривна (гривенник) — 10 копеек.

С. 206. ...при взмахивании картузом пологого, стоявшего в том же демикотоновом сюртуке... — «В трактирах, часто соединенных с небольшой гостиницей, публику обслуживал трактирный слуга, которого называли “половой”. Половые носили одежду белого цвета, сшитую по народному образцу — рубаха и порты. Чаще всего половыми в больших городах устраивались выходцы из Ярославской губернии. Картуз и демикотоновый сюртук — обычная верхняя одежда людей такого социального статуса» (Кирсанова 2009. С. 250). См. также с. 709 наст. изд.

С. 206. ...на грузинском коврике... — Речь идет о безворсовом шерстяном ковре-килиме, обычно двустороннем (Кирсанова 2009. С. 250).

С. 207. ...счастье, если встретишь покойника... — Примета, зафиксированная, в частности, Далем: «Покойника встретить — к счастью» (Даль. Т. 3. С. 243).

С. 208. ...помещицьи рыдваны... — Рыдван — большая карета.

С. 208. Что глядишь ты так... — Высказывалось мнение, что это место является аллюзией на реплику Призрака Гамлету: «Скажи, чего ты хочешь?..» (акт 3, сцена 4; перевод Н.А. Полевого) (Грачев А. Две неявные аллюзии на «Гамлета» (Гоголь, Блок) // XIII Пуришевские чтения: Всемирная литература в контексте культуры. Сб. статей и материалов. (Т.) I. М., 2001. С. 57–58; премьера трагедии в переводе Н. Полевого состоялась в Москве 22 января 1837 г.; почти одновременно появилось издание: Гамлет, принц датский: Драматическое представление. Соч. Вилиама Шекспира. Перевод с английского Николая Полевого. М., 1837).

С. 208. Здесь ли не быть богатырю... — См. комментарий современного исследователя: «Тема богатырства проходит через всю поэму, возникая почти незаметно в первой ее главе (...) и затем развиваясь до подлинного апофеоза в заключительной главе...» (Смирнова Е.А. 1987. С. 29). Различные аспекты гоголевского мотива богатырства освещены в работах: Гольденберг А.Х. Притча о блудном сыне в «Мертвых душах» и древнерусская литературная традиция // Литературное произведение и литературный процесс в аспекте исторической поэтики: Межвузовский сборник научных трудов. Кемерово, 1988. С. 86–96; Еремина В.И. Н.В. Гоголь // Русская литература и фольклор (первая половина XIX в.). Л., 1976. С. 290; Кривонос В.Ш. Мотивы художественной прозы Гоголя. СПб., 1999 (глава XI: Богатырство).

С. 208. ...неестественной властью осветились мои очи... — См. в связи с этим пассажем комментарий С.Г. Бочарова: «Образ Пророка, поэтически объективированный у Пушкина, реализуется после Пушкина в личности Гоголя...» (Бочаров С.Г. О стиле Гоголя // Типология стилевого развития нового времени. М., 1976. С. 415; см. также: Смирнова Е.А. 1987. С. 73).

С. 208. ...я тебя палашом!.. — Палаш — холодное оружие с длинным прямым клинком, к концу — обоюдоострым.

С. 209. ...«Не белы снеги»... — Старинная народная песня, включена в сб.: Новейший российский песенник, содержащий в себе собрание новейших и употребительнейших всякого рода песен. СПб., 1818.

С. 209. А ночь! небесные силы! какая ночь совершается в вышине! — Парафраз этого описания содержится в письме И.С. Аксакова от 10 ноября 1848 г. к родным — письме, рассказывающем о переезде

через залив Буга: «Боже мой, как хорошо, что совершилось между тем на небе! Звезды так ярко и отчетливо сияли на темно-голубом небе, как я никогда не видывал» (Аксаков И.С. Письма к родным: 1844–1849. М., 1988. С. 408). Кстати, это письмо было передано С.Т. Аксаковым для прочтения Гоголю (ЛН, т. 58. С. 714).

С. 209. *Верста с цифрой...* — Верстовой столб. Верстовые столбы получили широкое распространение в России с 1764 г., когда появилась практика указывать расстояние до столицы от каждой почтовой станции и было принято решение о сооружении на всех главных дорогах России каменных (верстовых) столбов по единому образцу. Каменными столбами отмечалась русская путевая верста — расстояние чуть больше километра.

С. 211. *...дворяне ~ столбовые или личные...* — Столбовыми называли потомственных дворян, чей род был занесен в XVI–XVII вв. в родословные книги, в отличие от дворян более позднего происхождения. Личный дворянин — носящий дворянское звание без права передачи его по наследству.

С. 211. *...называют пиголицами...* — «Пиголица — птица-луговка; малого роста женщина» (из записной книжки Гоголя 1842–1844 гг.).

С. 211. *...отец, больной человек...* — Об отражении в образе отца Чичикова некоторых черт Василия Афанасьевича Гоголя см. статью: *Triomphe R. Le père de Nicolas Gogol // Revue des études slaves. 1948. Т. 24. Fasc. 1–4. P. 82–106.*

С. 211. *...в длинном сюртуке на мерлушках и в вязаных хлопанцах...* — Мерлушка, мерлуха — ягнячья шкурка (Даль. Т. 2. С. 320–321). Хлопанцы, хлопунцы — обувь без задников, башмак на высоких каблуках (Там же. Т. 4. С. 550). Ср.: «Хлопанцы — туфли» (из записной книжки Гоголя 1842–1844 гг.)

С. 211. *...носи добродетель в сердце...* — См. с. 794 наст. изд.

С. 211. *...потащила мухортая ~ лошадка...* — Мухортая — гнедая, с желтоватыми подпалинами (Даль. Т. 2. С. 363).

С. 212. *Смотри же, Павлуша, учись...* — Выбор имени центрального персонажа поэмы Чичикова, как считают некоторые исследователи, обусловлен его предстоящей эволюцией и помогает актуализировать ассоциации с судьбой апостола Павла (первоначальное имя Саул, или Савл), с пережитым им на пути в Дамаск чудесным переломом, благодаря которому из гонителя христиан он превратился в их ревностного защитника (Гольденберг А. Житийная традиция в «Мертвых душах» // Литературная учеба. 1982. № 3. С. 155–162; Гольденберг А.Х., Гончаров С.А. Легендарно-мифологическая традиция в «Мертвых душах» // Русская литература и культура нового времени. СПб., 1994. С. 21–48). Следует отметить в этой связи проявляемый Гоголем большой интерес к апостолу Павлу; так, в письме к сестре Ольге Васильевне от

8(20) января 1847 г. из Неаполя, советуя ей читать каждый день Новый Завет, чтобы учиться «помогать» людям, Гоголь добавляет: «Особенно для этого хороши послания апостола Павла. Он всех наставляет и выводит на прямую дорогу, начиная от самых священников и пастырей церкви до простых людей, всякого научает, как ему быть на своем месте и выполнить все свои обязанности...» (О месте апостола Павла в биографии и творчестве Гоголя см. также: *Keil R.-D. Gogol' und Paulus // Die Welt der Slawen. 1986. Jahrgang XXXI. S. 86–99*).

С. 213. *Еще ребенком он умел уже отказать себе во всем.* — Пародирование агиографического клише *puer senex* — ребенок, который уже в раннем детстве проявляет невиданную взрослость. Ср. в черновом наброске к главе XI: «В этом отношении он был так благоразумен, как старик» (см. наст. изд., кн. 1, с. 384).

С. 213. *...хотя он Солона заткни за пояс!* — Солон (638–559 до н.э.) — древнегреческий государственный деятель, которого называли одним из мудрецов древности.

С. 213. *«По мне, уж лучше пей, да дело разумей»...* — Цитата из басни И.А. Крылова «Музыканты» (1808). Эта басня в связи с общей характеристикой творчества И.А. Крылова упомянута и в статье Гоголя «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность» (вошла в «Выбранные места из переписки с друзьями», 1847): «Особенно слышно, как он везде держит сторону ума, как просит не пренебрегать умного человека, но уметь с ним обращаться. Это отразилось в басне “Музыканты”, которую заключил он словами: “По мне, уж лучше пей, да дело разумей!”».

С. 214. *...подавал ~ прежде всех треух...* — Треух — теплая шапка с тремя опускающимися лопастями, на уши и на затылок (*Даль. Т. 4. С. 433*).

С. 214. *...получил полное удостоверение во всех науках...* — Удостоинить — аттестовать (*Даль. Т. 4. С. 475*).

С. 215. *...определился он в казенную палату.* — Казенная палата — губернское учреждение, ведавшее делами о поступлении казенных доходов и расходов, казенными монополиями (соляные и винные откупа); составляла статистические сведения о народонаселении и т.д.

С. 216. *...престарелому повытчику...* — Повытчик — столоначальник в суде, заведующий отделом.

С. 216. *...черт приходил по ночам молотить горох.* — Ср. в записной книжке Гоголя 1842–1844 гг.: «Чорт по ночам горох молотил на роже; его вороны исклевали».

С. 217. *...рекомендательные письма за подписью князя Хованского...* — Хованский Александр Николаевич (1771–1857) — управляющий всеми отделами Государственного ассигнационного банка (в 1816 г.) и Экспедицией заготовления государственных бумаг (с 1818 г.); сенатор.

Приведенное ироническое выражение, означающее дачу взятки, возникло от украинского слова «ховати» — хоронить, прятать. Ср. в повести В.И. Дала «Бедовик»: «...правда наша держится только на убедительных доводах за подписью князя Хованского...» (*Даль В.И. (Казак Луганский). Повести. Рассказы. Очерки. Сказки. М.; Л., 1961. С. 43*). Кстати, утверждение комментатора этой повести В.П. Петушкова, что, возможно, «это выражение ввел в литературный язык Н.В. Гоголь» как автор «Мертвых душ» (там же, с. 447), неверное. Приведенное выражение находится уже в первой публикации «Бедовика», появившейся тремя годами ранее (*ОЗ. 1839. Т. 3. № 5. Отд. III. С. 167*).

С. 218. ...четвертак, а по белянкой... — См. с. 724, 750 наст. изд.

С. 218. ...комиссия для построения какого-то казенного ~ строения. — Высказывалось мнение, что эти строки содержат намек на затнувшееся построение храма в Москве, посвященного Отечественной войне 1812 г. (*Amberg 1986. S. 182*). См. также с. 556—557 наст. изд.

С. 219. ...школы для кантонистов... — Кантонисты — (от нем. *Kantonist* — военнообязанный) — солдатские сыновья, числившиеся со дня рождения за военным ведомством и обучавшиеся в специальных школах, основанных при Петре I, по окончании которых они должны были служить в армии. Система существовала до 1852 г.

С. 219. ...как рыбак острогой преследует... — В составленном Гоголем описании видов «рыбной ловли» отмечено: «Ловля острогой — выезжают с лодкой ночью, к носу лодки укреплен коза, железная жаровня, величиной в большую тарелку, в ней раскладывают огонь. (...) На лодке трое, один у огня, другой гребет веслом, третий бьет острогой (...) опускает в воду тихо и потом бьет вдруг. Нужно метить в голову, чтобы попасть в хвост» (из записной книжки Гоголя 1841—1844 гг.).

С. 220. ...зацепил, поволок, сорвалось, не спрашивай. — Эта поговорка зафиксирована, в частности, в изд.: *Княжевич Д.М.* Полное собрание русских пословиц и поговорок, расположенное по алфавитному порядку. СПб., 1822. С. 83; Русские народные пословицы и притчи, изданные И. Снегиревым (М., 1848. С. 138).

С. 220. ...клял себе в нос гвоздичку... — «Гвоздика — высушенная нераспустившаяся почка цветка гвоздичного дерева — пряность. Кроме кулинарии, использовалась для отдушки нюхательного табака, как средство защиты от вредоносных поветрий» (*Кирсанова 2009. С. 251*).

С. 220. ...все отзывалось пенником... — Пенник — крепкое хлебное вино.

С. 220. ...поглядывая в зеркало, подумывал он о многом... — О мотиве зеркала и зеркальности см.: *Curtius E.R. Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter. Bern; München, 1973. S. 340*; *Левин Ю.И.* Зеркало как потенциальный семиотический объект // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. 1988. Вып. 831: Труды по знаковым системам. XXII:

Зеркало. Семиотика зеркальности. С. 6–24; *Столлович Л.Н.* Зеркало как семиотическая, гносеологическая и аксиологическая модель // Там же. С. 45–51.

С. 222. ...*историю об остроумном путешествии испанских баранов...* — Возможно, Гоголь модифицировал здесь легенду о появлении во Франции испанских мериносовых овец, чей вывоз из Испании был запрещен под страхом смертной казни и которые, минуя таможеню, попали во Францию во владения Рамбуэ и в дальнейшем стали называться овцами породы рамбуэ. Преодолеть запрет на вывоз можно было перекрасив овец, либо «одев» в шкуры менее значимых пород (*Кирсанова 2009*. С. 249). Об ассоциативной связи этой «истории» с эпизодом из «Одиссеи» Гомера (Одиссей и его спутники выбирают из пещеры циклопа, укрывшись под брюхами густорунных баранов) см.: *Альтман М.* Заметки о Гоголе // *РЛ*. 1963. № 1. С. 142; См. также: *Янушкевич М.А.* Типология героя в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души»: Чичиков — «человек случая» и «человек судьбы» // *Феномен русской классики*. Томск, 2004. С. 199–207.

С. 222. ...*под тулупчиками на миллион брабантских кружев.* — Брабантские кружева — «кружева, вырабатывавшиеся в бельгийской провинции Брабант», «плелись из тончайших льняных нитей, которые стоили (...) очень дорого и передавались по наследству как фамильные драгоценности» (*Кирсанова 2009*. С. 249–250). Известно, что «контрабандисты всех времен и стран часто прибегали к “двойному” дну. В истории костюма широко используется рассказ о том, что так называемые “набитые” штаны XVI в. в виде коротеньких мужских штанишек-шаров набивались разнообразными редкими тканями, вывоз которых был запрещен» (там же, с. 249).

С. 223. ...*хотя действительно был попович, неизвестно почему обиделся жестоко...* — Ср. с черновым автографом (ЧАЗ): «...так как всякой Попович, которой перевалил(?) уже за статского советника, уже не называет себя Попович(ем)!» (см. наст. изд., кн. 1, с. 365).

С. 224. ...*заклѣкнет навеки...* — Клекнуть — вянуть, повиснуть, сохнуть (*Даль*. Т. 2. С. 116). Ср. в записной книжке Гоголя 1842–1844 гг.: «Кекнуть — пропасть, погибнуть».

С. 225. ...*похлопотать о заложении в опекунский совет нескольких сот крестьян.* — Речь идет об опекунских советах, ведавших делами (в том числе финансовыми) Воспитательных домов. Воспитательные дома (с Опекунскими советами при них) были учреждены в Москве и Санкт-Петербурге — соответственно 1 сентября 1763 г. и 6 сентября 1772 г. (*Полн. собр. законов 1*. Т. XVI. С. 343–363. № 11908; Т. XIX. С. 569–570. № 13862). 20 ноября 1772 г. при Воспитательных домах (т.е. в Москве и в Санкт-Петербурге) были учреждены так называемые казны: Вдовьи (для выплаты пенсии вдовам), Ссудные (для

производства ссуд на короткие сроки под ручные залоги) и Сохранные (Полн. собр. законов 1. Т. XIX. С. 631–658. № 13909). Сохранным казнам принадлежало главное место по количеству операций. «Устроенные первоначально, как свидетельствует их название, для сохранения частных и казенных капиталов, Казны эти обязались платить на принятые вклады проценты и для сего с своей стороны пускали эти капиталы в обороты, в которых выручали, кроме процентов, следовавших вкладчикам, еще денежные средства к содержанию Воспитательных Домов и подведомственных заведений» (Сборник статистических сведений о России. Кн. II. СПб., 1854. С. 284). При этом ссуды выдавались «под залоги населенных, помещичьих имений и других недвижимостей и под ручные залоги...» (там же, с. 284–285). При залоге помещичьих имений кредит выдавался по числу ревизских душ (по последней переписи). Правила залога периодически корректировались. Так, постановлением от 3 июля 1824 г. увеличивался максимальный срок залога (с 8 и 12 лет до 24) и определялся порядок выплат в зависимости от установленного здесь же класса губерний: 200 рублей за каждую ревизскую душу для губерний первого класса и 150 рублей для губерний второго класса (Полн. собр. законов 1. Т. XXXIX. С. 344–347. № 29937). Следующие далее в тексте МД расчеты Чичикова («...опекунский совет даст по двести рублей на душу...»), судя по всему, ориентированы на указанные суммы. Однако губернии Херсонская и Таврическая, упомянутые в рассуждениях Чичикова как возможное место переселения купленных «крестьян», относились как раз ко второму классу, с оплатой по 150 рублей за ревизскую душу. 27 октября 1829 г. были утверждены «правила С. Петербургской и Московской Сохранных Казен» (Полн. собр. законов 2. Т. IV. С. 754–770. № 3262), где был прописан действовавший и ранее порядок выплаты денег за ревизскую душу только мужского пола (там же, с. 761), а также указан эквивалент выплат за одну ревизскую душу серебром (200 рублей ассигнациями — 50 рублей серебром, 150 рублей — 40 рублей серебром). Манифестом от 1 января 1830 г. («О вкладах и ссудах в Банковских Установлениях») были изменены и уточнены отдельные положения прежних законов, в частности увеличен максимальный срок залога имений — с 24 лет до 26 и 37 лет (Полн. собр. законов 2. Т. V. Отд. 1. № 3399. С. 3–7). 2 октября 1838 г. был принят новый Устав «сохранных казен» Опекунских советов при Воспитательных домах, который свел воедино законодательные изменения в кредитных установлениях предыдущих лет (Полн. собр. законов 2. Т. XIII. Отд. 2. С. 138–170. № 11579). В соответствии с Манифестом от 1 июля 1839 г. «Об устройстве денежной системы» за одну ревизскую душу мужского пола был установлен серебряный эквивалент: от 45 до 75 рублей серебром (Полн. собр. законов 2. Т. XIV. Отд. 1. С. 601. № 12497). Следующие уточнения правил кредитования отражены в

Манифесте от 16 апреля 1841 г. «О назначении нового размера ссудам из кредитных установлений под залог населенных помещичьих имений» (*Полн. собр. законов 2. Т. XVI. Отд. 1. С. 313–314. № 14461*). Этим Манифестом губернии были разделены уже на три разряда (Херсонская и Таврическая остались во втором); за ревизскую душу мужского пола (в зависимости от разряда губернии) были установлены по возрастающей следующие выплаты серебром — 50, 60 и 60–70 рублей (там же, с. 313); сохранялось право перезалога имений, по-прежнему с удержанием при этом старого долга (там же, с. 314).

Для понимания намерений Чичикова следует учесть и то обстоятельство, что до 1841 г. операции Кредитных установлений ведомства Опекунских советов не подлежали «правилам публичной отчетности и поэтому сведения об операциях их, со времени первоначального их учреждения, остаются вне границ статистических исследований» (там же, с. 285). По утверждению С.М. Соловьева, «знаменитый опекунский совет» был «опекуном не сиротским, а общедворянским», закладывание имений было выгодным: проценты «поддерживали сословие землевладельцев» (*Соловьев С.М. Избранные труды. Записки. М., 1983. С. 343–344*).

Вместе с тем правила оформления ревизских сказок во время переписи населения (см. с. 721 наст. изд.) предписывали регистрацию в них (т.е. в ревизских сказках) всех случившихся в промежутке между переписями изменений в численном составе душ мужского пола. Так, в манифесте о восьмой ревизии (от 16 июня 1833 г.), в частности, говорилось: «...в третьей графе означать <...> что такой-то <...> куплен у такого-то <...> В четвертой графе отмечать убыль, равномерно с означением причин и времени, т.е. такой-то в таком-то году <...> умер <...> Тут же означать, кто когда продан <...> и кому именно и проч.» (*Полн. собр. законов 2. Т. VIII. Отд. 1. С. 349*). Таким образом, предпринятые Чичиковым сделки предполагали нарушение закона не только в момент их оформления, но и в дальнейшем.

С. 225. ...помещика, убравшего себе в Москве дом в последнем вкусе... — По версии Гоголя, это место вызвало в Московском цензурном комитете возражение М.Т. Каченовского, якобы заявившего: «Да ведь и государь строит в Москве дворец!» (письмо к П.А. Плетневу от 7 января 1842 г. из Москвы); речь шла о Нескучном дворце, построенном в 1756 г. архитектором П. Иестом для П.А. Демидова; в 1839 г. был куплен Николаем I и перестроен архитекторами И.Л. Мироновским и Е.Д. Тюриным.

С. 226. ...чтобы не платить за них подушных денег... — Подушная подать платилась за крепостных крестьян, зафиксированных при ревизии (переписи) и внесенных в особые списки — ревизские сказки. До очередной переписи выбывшие крестьяне (умершие или беглые) чис-

лились в наличии, и за них также нужно было платить подушную подать. И.С. Аксаков в письме от 6 декабря 1848 г. родным сообщает, что во время поездки по Бессарабии один крестьянин поставил его «в затруднение вопросом: правда ли, что он должен платить подати за своих трех умерших братьев. Надо было сказать, что правда, что до новой ревизии платят за выбылых и не платят за вновь родившихся» (Аксаков И.С. Письма к родным: 1844—1849. М., 1988. С. 435). И добавляет далее: «..правительству слишком невыгодно в настоящее время ограничиться податями только с наличных душ, ибо верно прибыли родившихся после ревизии 1834 года меньше, чем убыли» (там же).

С. 226. *Да ведь я куплю на вывод, на вывод; теперь земли в Херсонской и Таврической губернии отдаются даром, только заселяй.* — Право покупки крепостных людей с землею, а также без земли (т.е. «на вывод») было даровано потомственным дворянам 21 апреля 1785 г. («Грамота на права, вольности и преимущества благородного Российского Дворянства» — *Полн. собр. законов 1.* Т. XXII. С. 348. № 16187; см. также: Свод законов Российской Империи. Т. IX. СПб., 1832. С. 48. Ст. 151). 16 июня 1833 г. Манифестом «О производстве по всей Империи новой народной переписи» покупка крепостных людей без земли была ограничена — в параграфе, определяющем порядок внесения податей за дворовых людей, было означено, что впредь при покупке крепостных без земли должно приписывать их к собственным населенным имениям и означать это в самих купчих крепостях (*Полн. собр. законов 2.* Т. VIII. Отд. 1. С. 352. № 6265; см. также: Продолжение Свода законов Российской Империи. Т. X. (СПб.) (Б.г.). Статья 871. С. 691—692). Спустя несколько лет (2 января 1841 г.) эта норма была отражена в специальном документе: «О воспреещении продажи крепостных людей отдельно от семейств, и о приписке их к населенным имениям» (*Полн. собр. законов 2.* Т. XVI. Отд. 1. С. 15—17. № 14152).

Указанные в тексте губернии (Херсонская и Таврическая) были учреждены после неоднократных территориальных делений и переименований входящих в них земель: 2 февраля 1784 г., образована Таврическая область (*Полн. собр. законов 1.* Т. XXII. С. 17—18. № 15920); 12 декабря 1796 г. упразднена — вошла в состав вновь созданной Новороссийской губернии (*Полн. собр. законов 1.* Т. XXIV. С. 229. № 17634); 8 октября 1802 г. Новороссийская губерния разделена на Николаевскую, Екатеринославскую и Таврическую, последняя включала Симферопольский, Феодосийский и др. уезды, губернский город Симферополь (*Полн. собр. законов 1.* Т. XXVII. С. 272. № 20449); 15 мая 1803 г. Николаевская губерния переименована в Херсонскую, с перенесением губернского города из Николаева в Херсон (там же, с. 603, № 20760). Имевшая место безвозмездная раздача земель в указанных губерниях (в том числе помещикам — под заселение крестьян) регулировалась соот-

ветствующими законодательными актами — см., например: «О правилах раздачи в полуденных Губерниях земель под поселение крестьян» (от 27 ноября 1803 г. — *Полн. собр. законов 1*. Т. XXVII. С. 1029–1030. № 21052); «О распределении земель Новороссийского края» (от 11 апреля 1806 г. — Там же. Т. XXIX. С. 163–167. № 22090). В 1817 г. раздача земли на указанных территориях была прекращена («О нераздаче пустопорожних земель в Новороссийском крае», 16 марта 1817 г. — Там же. Т. XXXIV. С. 106. № 26733). См. также: *Боровой С.О.* О реально-исторической основе сюжета «Мертвых душ» // *ВЛ*. 1966. № 4. С. 252.

С. 227. *Теперь у нас подлецов не бывает, есть люди благонамеренные, приятные...* — Во времена Гоголя слово «благонамеренный» имело двойное значение: как имеющий хорошие, добрые намерения (в таком значении Гоголь употребил его в статье «Об архитектуре нынешнего времени»: «Без этой благонамеренной, беспристрастной терпимости не будет ни истинных талантов, ни истинно величественных произведений» — *Наст. изд.* Т. 3. С. 110), но также и в политическом смысле: придерживающийся официального образа мыслей. В связи с появлением журнала А.Е. Измайлова «Благонамеренный» (1818–1826) слово стало также предметом литературного пародирования в пушкинском кругу. Ср. пушкинское: «С *Благонамеренным* в руках!» («Евгений Онегин», глава третья, строфа XXVII).

С. 227. *...хозяин, приобретатель.* — Ср. отклик Белинского на это определение: «Чичиков, как *приобретатель*, не меньше, если еще не больше Печорина — герой нашего времени» (Таранас: Путевые впечатления. Сочинение графа В.А. Соллогуба. СПб., 1845 // *ОЗ*. 1845. Т. 40. № 6. Отд. V. «Критика». С. 32; без подписи; см. также: *Белинский*. Т. IX. С. 79). О развитии темы приобретательства в литературе 1840-х гг. см.: *Смирнова-Чикина 1974*. С. 136–139. В черновых редакциях Чичиков назван соответственно «прожектором» (см. с. 443 *наст. изд.*).

С. 227. *Бесчисленны ~ человеческие страсти...* — К этому месту относится позднейшая карандашная заметка, сделанная автором на полях экземпляра «Мертвых душ»: «Это я писал в “прелести”, это вздор — прирожденные страсти — зло, и все усилия разумной воли человека должны быть устремлены для искоренения их. Только дымное надмение человеческой гордости могло внушить мне мысль о высоком значении прирожденных страстей — теперь, когда стал я умнее, глубоко сожалею о “гнилых словах”, здесь написанных. Мне чужалось, когда я печатал эту главу, что я путаюсь, вопрос о значении прирожденных страстей много и долго занимал меня и тормозил продолжение “Мертвых Душ”. Жалею, что поздно узнал книгу Исаака Сирина, великого душеведца и прозорливого инокa. Здравая психология, и не кривое, а прямое понимание души встречаем лишь у подвижников-отшельников. То, что говорят

о душе запутавшиеся в хитро сплетенной немецкой диалектике молодые люди, — не более как призрачный обман. Человеку, сидящему по уши в житейской тине, не дано понимания природы души» (*Матвеев П.* Гоголь в Оптиной Пустыни // *РС.* 1903. Февраль. С. 303). К этому тексту есть подстрочное примечание к слову «прелести», принадлежащее, по-видимому, автору-публикатору: «Прелесть — монашеский термин — обозначает почти то же, что и слово оболъщение» (там же). Автограф записи и книга, на полях которой она сделана, не известны. Упомянутая книга Исаака Сирина — «Святаго отца нашего Исаака Сирина, епископа бывшего ниневийскаго, слова духовно-подвижническия, переведенные с греческаго старцем Паисием Величковским. Издание Козельской Оптиной Пустыни» (М., 1854). Издание было подготовлено иеросхимонахом Макарием при участии И.В. Киреевского и, вероятно, стало известным Гоголю еще в рукописи, что могло иметь место не ранее, чем после первого посещения писателем Оптиной пустыни (т.е. в июне 1850 г.), а скорее всего после второго — в июне следующего года — посещения (см.: *Манн Ю.* Иван Киреевский и Гоголь в стенах Оптиной // *ВЛ.* 1991. Август. С. 106—124; см. также: *Frank S.K.* Pathos und Leidenschaften in Gogol's «Die Toten Seelen» // *Leidenschaften literarisch* / Hrsg. von R.M. Nischik. Konstanz, 1998. S. 203—228).

С. 228. ...вам бы не хотелось видеть обнаруженную человеческую бедность. — Ср. с началом второго тома поэмы: «Зачем же изображать бедность, да бедность, да несовершенство нашей жизни...»

С. 229. ...обвинение на автора со стороны так называемых патриотов... — На это место отозвался Н.А. Полевой в статье о «Мертвых душах»: «Берем на себя кажущееся смешным автору название патриотов, даже так называемых патриотов — пусть назовут нас Кифами Мокиевичами, но мы спрашиваем его: почему, в самом деле, современность представляется ему в таком наприяженном виде, в каком изображает он ее в своих *Мертвых душах*, в своем *Ревизоре*...» (*Полевой Н.* Похождения Чичикова, или мертвые души: Поэма Н. Гоголя. М. {...} 1842 г.... // *РВ.* 1842. № 5, 6. Отд. III. «Критика». С. 54).

С. 229. ...жили в одном отдаленном уголке России два обитателя. — О многообразных функциях притчи о Кифе Мокиевиче и Мокии Кифовиче см.: *Кривонос В.Ш.* «Мертвые души» Гоголя и становление новой русской прозы: Проблемы повествования. Воронеж, 1985. С. 118—120; *Кривонос В.Ш.* Мотивы художественной прозы Гоголя. СПб., 1999. С. 212—221; *Манн 1996.* С. 261. В черновых редакциях герои притчи носят соответственно имена Писта Пистовича и сына его Феописта Пистовича.

С. 229. ...Кифа Мокиевич ~ проводивший жизнь халатным образом. — Халатным образом — здесь в значении: не связанный никакими условностями, свободно. Образ бытия «в халате» и «спустя рукава» как

метафора умственной свободы постоянно фигурировал в переписке Пушкина и Вяземского (и, можно предположить, в их устных разговорах). Но, возможно, гоголевский текст и более непосредственно отсылает к стихотворению П.А. Вяземского «Прощание с халатом» (1817), в свою очередь ориентированному на эссе Д. Дидро «Сожаления о моем старом халате, или совет тем, у кого больше вкуса, чем денег» (1772), в котором речь идет, в частности, об особой «свободе перемещения в пространстве и времени, благодаря вымыслу, воссоздающему реальность в сознании автора» (см.: Боковня А.Г. Поэтическая рефлексия П.А. Вяземского. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2007. С. 17).

С. 229. ...*такой приперть!*.. — Приперть — «притеснитель, прижимщик, обидчик, наступник» (*Даль*. Т. 3. С. 433).

С. 229. ...*драться с ним поздно*... — Поздо (нареч.) — поздно (Словарь Академии российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. IV. СПб., 1822. Стб. 1379; *Даль*. Т. 3. С. 231; Словарь русских народных говоров. Вып. 28. СПб., 1994. С. 329; см. также: Наст. изд. Т. 4. С. 101).

С. 232. ...*небо над головою ~ да продирающийся месяц одни кажутся недвижны*. — Возможно, реминисценция пушкинских строк «Сквозь волнистые туманы / Пробирается луна...» («Зимняя дорога», 1826). Ср. в черновом наброске ко второй редакции: «...далекие тучи да месяц, продирающийся сквозь них, кажутся недвижны» (см. наст. изд, кн. 1, с. 416).

С. 232. ...*да и ступай считать версты, пока не зарыбит тебе в очи*. — Ср. в «Евгении Онегине» А.С. Пушкина: «Неутомимы наши тройки, / И версты, теща праздный взор, / В глазах мелькают как забор» (глава седьмая, строфа XXXV).

С. 232. ...*ярославский расторопный мужик*. — Ср. впечатления И.С. Аксакова от ярославцев, переданные в письме от 5 июня 1849 г. из Романова-Борисоглебска родным: «...народ смышлен, сметлив, общителен, людим, если можно так выразиться, в противоположность слову “нелюдим”» (*Аксаков И.С. Письма к родным: 1849–1856*. М., 1994. С. 13).

С. 232. *Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка, несешься?* — Это место вызывало самые различные оценки. Белинский, процитировав заключительные страницы поэмы, заметил: «Грустно думать, что этот высокий лирический пафос, эти гремящие, поющие дифирамбы блаженствующего в себе национального самосознания, достойные великого русского поэта, будут далеко не для всех доступны...» (Похождения Чичикова, или Мертвые души... // *ОЗ*. 1842. Т. 23. № 7. Отд. VI. «Библиографическая хроника». С. 11; без подписи; см. то же: *Белинский*. Т. VI. С. 222). Позднее в полемике с К.С. Аксаковым по поводу «Мертвых душ» (см. об этом с. 598 наст. изд.) Белинский отнесся

сдержаннее к этому пассажи, как и в целом к лирическим «отступлениям» в поэме: «Г-н Константин Аксаков отсылает нас к страницам “Мертвых душ”, где действительно с энтузиазмом описана тройка с телегой: страницы эти мы читали не раз; но они нам ничего не доказали, кроме ухарской, забубенной удали и какой-то беззаботности простого русского народа в деле улучшений...» (Объяснение на объяснение по поводу поэмы Гоголя «Мертвые души» // *ОЗ*. 1842. Т. 25. № 11. Отд. V. «Критика». С. 28; без подписи; см. то же: *Белинский*. Т. VI. С. 430). Показательна также запись М.О. Меньшикова в его дневнике 26 февраля—11 апреля 1918 г.: «“Русь! Куда мчишься ты?” — спрашивал Гоголь. “Под косогор, голубчик! В пропасть!” — могла бы ответить ему Русь. Гоголь немного не дожил до Крымской войны, — Россия скажет миру новое слово! — проповедовали славянофилы. И она сказала...» (Российский архив. 1993. Вып. IV. С. 34). Интересен также отклик на этот эпизод в рассказе В.М. Шукшина «Забуксовал» (1971): отец (совхозный механик) прислушивается, как его сын учит наизусть монолог о тройке, при этом ни он сам, ни школьный учитель (к которому он обращается) не могут разъяснить возникшее недоумение — ведь «птица-тройка» мчит не кого другого, как Чичикова, пройдоху и мошенника (*Шукшин В. Собр. соч.: В 6 кн. Кн. 2. М., 1998. С. 344—348*). В свою очередь, отклик Шукшина стал поводом для дискуссии. С.Т. Вайман полагал, что здесь подразумевается «всякий русский человек» — «величина всеобъемлющая и как раз по этой причине уже не сводимая к конкретному лицу, восседающему на кожаной подушке» (*Вайман С. Кого же увозит в «пропадающую даль» гоголевская «птица тройка»? // Литературная учеба. 1986. № 2. С. 229*). Это рассуждение вызвало возражение В.А. Зарецкого: «Трудно не согласиться с общей мыслью исследователя, но одно из его суждений представляется неубедительным. Куда же денется Чичиков (а с ним заодно — Ноздрев, Собакевич и многие прочие) из России, если она уже сейчас, в гоголевское время, в сущности своей (хоть это часто и не видно) подобна птице, а не уподобится ей лишь в будущем?» (*Зарецкий 1999. С. 405*).

ПЕРВАЯ ЧЕРНОВАЯ РЕДАКЦИЯ (ЧА1)

Глава II

С. 248. *Господина Булгарина сочинения*. — Существует предположение, что эпизоды общения Чичикова и Манилова содержат пародийные аллюзии на статью Ф.В. Булгарина «Встреча с Карамзиным

(Из литературных воспоминаний)», опубликованную в изд.: Альбом северных муз: Альманах на 1828 год. СПб., 1828. С. 137–168 (см.: Кузовкина Т. Функция болгаринского подтекста в произведениях Гоголя 1842 года // Труды по русской и славянской филологии: Литературоведение. (Вып.) IV (Новая серия). Тарту, 2001. С. 185–203; см. также: Кузовкина Т. Феномен Булгарина: Проблема литературной тактики. Тарту, 2007. С. 117–118).

С. 250. «Менелай!» ~ Алкивиад... — Менелай — в греческой мифологии царь Спарты. Алкивиад (450–404 гг. до н.э.) — афинский государственный деятель, полководец.

Глава III

С. 259. ...толокенные приятели. — Значение слова «толокенный» в данном контексте не вполне ясно. Возможные толкования: толокенный лоб, дурак (*Даль*. Т. 4. С. 413); от «толочить, толокти» (в том числе южное) — «утапывать землю; трамбовать», «выпускать скотину, дать ей вытравить и вытоптать поле» (там же); от «толо́ка» (в том числе южное) — «сбор населения к одному хозяину, по кличу, для дружной работы» (там же).

С. 262. ...меня взяли на козлы о Покрова... — Покров Пресвятой Богородицы — «праздник православной церкви (1 октября), установленный в память события, бывшего в Константинополе в середине 10 в.», когда империя вела войну с сарацинами. В указанный день св. Андрею Юродивому и его ученику Епифанию во время всеобщего бедствия в храме явилась Божия Матерь, молящаяся о мире и распростершая свой покров над христианами. Это ободрило греков, и сарацины были отражены (*Христианство: Энциклопедический словарь: В 3 т. Т. 2. М., 1995. С. 359–360*).

С. 265. ...слышен был дишкант... — Дискант или дишкант — «самый высокий из певческих голосов; вообще высокие, тонкие звуки» (*Даль*. Т. 1. С. 437). В окончательном тексте — дискант.

С. 265. ...фрунтом. — Во франц. front, в нем. Front. «Фронт, фронт» — «строй, особ. военный, войсковой строй» (*Даль*. Т. 4. С. 539). В ЧА1 исправлено авторской рукой на: «фронтом».

С. 269. ...отдал верхнюю и нижнюю свою артитуру... — Артитура (лат. armātūra) — «вооружение, военные доспехи» (*Даль*. Т. 1. С. 23). Здесь — в переносном смысле.

С. 277. ...сквозник по 10 рублей фунт. — «Разбор чаю, полуцветочный» (*Даль*. Т. 4. С. 195). Вычеркнуто в процессе правки первой черновой редакции.

С. 283. ...к духову дню будут и птичьи перья... — Духов день. — «так называется иногда праздник Пятидесятницы (совершаемый церко-

вью в десятый день после праздника Вознесения Господня) ⟨...⟩ Чаше, однако, христианский праздник Пятидесятницы называется у нас Троицей, а Д. д. именуется совершаемый в день, непосредственно следующий за Троицей, особый праздник в честь Св. Духа...» (Христианство: Энциклопедический словарь: В 3 т. Т. 1. М., 1993. С. 498). Ср. у В.И. Даля: «...праздник Сошествия Св. Духа, на другой день Пятидесятницы; воскресный день в народе зовут Троицею и Троицыным днем; а понедельник Духовым-днем» (Даль. Т. 1. С. 504). В следующей по хронологии рукописи (АК1) соответствующий фрагмент текста не сохранился, в АК2 здесь первоначально: «...к Петрову дню» (вероятно, имеется в виду день 29 июня (12 июля), когда читается память св. апостола Петра — Христианство: Энциклопедический словарь: В 3 т. Т. 2. М., 1995. С. 335); затем, в этой же рукописи, исправлено окончательно: «...к Филиппову посту...». Правка отражает стремление автора к бытовой точности — именно осенью, перед Рождественским (Филипповым) постом (продолжавшимся с 15 ноября до 25 декабря), в России били птицу (см.: Смирнова-Чикина 1974. С. 79–80). См. также с. 727 наст. изд.

С. 283. ...в пестром платье из домашней выбойки... — Выбойка — «самый грубый ситец, по коему узор набит в одну доску, в одну краску, набойка; бывает и холщевая» (Даль. Т. 1. С. 278).

Глава V

С. 284. ...кашленул прежде начатия речи, отдавши таким образом дань старой привычке всех проповедников. — Кашель проповедника был нередким предметом литературного обыгрывания. Кашляющего проповедника мы встречаем в романе В. Скотта «Пуритане» («Помолчи, прошу тебя, помолчи, добрая женщина, — говорил проповедник, который наконец справился с мучительным приступом кашля...» — Скотт В. Собр. соч.: В 8 т. Т. 2. М., 1990. С. 168. Гл. XIV). Ср. также в записной книжке П.А. Вяземского (запись от 9 ноября 1858 г.): «Слушал в храме St. Gervais проповедь Mussier. ⟨...⟩ Кашель проповедника и кашель слушателей несколько мешали порядочному вниманию. Он считается из первых здесь проповедников» (Вяземский П.А. Старая записная книжка (Книжка 25-я) // Вяземский П.А. Полное собрание сочинений: В 12 т. Т. X. СПб., 1886. С. 214).

С. 284. ...нашего Государства, равного которому в силе и славе ~ нет другого во всем мире, и иностранцы ~ удивляются... — Гоголь пародирует здесь не только славянофильскую, но также и официальную риторику эпохи.

С. 285. ...со всего хочет содрать плевую! — см. с. 735 наст. изд.

С. 285. ...возьму серебром вместо ассигнаций... — см. с. 726, 743 наст. изд.

С. 287. ...дорожиться... — Назначать слишком высокую цену, продавая что-то.

С. 287. ...по осьми гривен на душу очень доста(то)чная цена ~ по Двухгривенному за душу!» вскричал Собакевич. — Гривна — денежносчетная единица, в которой заключалось 10 копеек. Двугривенный — народное название русской разменной монеты достоинством в 20 копеек.

С. 292. ...а если хотите красненькую с синенькую... — В 1786 г. в России были введены 10-рублевые ассигнации, которые печатались на красной бумаге, и 5-рублевые, которые печатались на синей.

С. 293. ...неуклюжей мебели в виде бюро... — Правильно — бюро, несклоняемая форма, от фр. bureau — «род комода <...> с выдвигаемой столешницею и ящиками, для письменных дел» (Даль. Т. 1. С. 158).

С. 297. ...мужик приблизился к нему и снял ~ свою коричневую шляпу [с таким перехватом на середине, как на песочных часах]... — Распространенный фасон шляпы в крестьянской среде. Ср. в рассказе С.В. Максимова (1831—1901) «Сергач»: «...низенький мужичок, в круглой изломанной шляпе с перехватом по середине, перевязанным ленточкой» (Максимов С. Лесная глушь: В 2 т. Т. 1. СПб., 1871. С. 74). Сходное описание дает и Н.С. Лесков в «Печерских антиках (Отрывках из юношеских воспоминаний)» (1883): «Шляпа представляла собою превысокий плюшевый цилиндр, с самым смелым перехватом на середине <...> Сидела она на голове, словно рожон, точно как будто она не хотела иметь ни с чем ничего общего» (Лесков Н.С. Собрание сочинений: В 11 т. Т. 7. М., 1958. С. 186. Гл. 27).

С. 297—298. ... такие носят фамилии, что в первой раз было совестно произнести их при дамах. ~ производят их ~ от Рюрика... — По предположению О.А. Проскурина, данный пассаж мог иметь конкретного адресата. Так, в воспоминаниях А.О. Смирновой-Россет описывается, как однажды в салоне Е.А. Карамзиной А.И. Тургенев, не простивший Д.Н. Блудову участия в Следственной комиссии по делу декабристов, подписавшей смертный приговор его брату Н.И. Тургеневу, будто бы сказал о нем: «Перемените ему фамилию, а то просто гадко, от блуда происходит» (Смирнова-Россет 1989. С. 467). В том же пассаже Смирнова-Россет упоминает и «маленькую книгу о дворянских родах», в которой говорится: самые старинные фамилии — «Осинины, Березины, Ольхины <...>, а потом Смирновы, Дурновы, Хитровы, Мудровы <...> Народ был прост и при крестном имени давал клички, от чего и пошли фамилии» (там же). Гоголь мог узнать о скандальной сцене в салоне Карамзиной еще до своего отъезда из Петербурга в 1836 г., либо же от самого Тургенева — уже за границей. См.: Проскурин О. Непри-

личная фамилия: [Электронный документ] // Кириллица, или Небо в алмазах: Сборник к 40-летию Кирилла Рогова (<http://www.ruthenia.ru/document/539849.html>).

Глава VI

С. 299. ...*Античный покроев сертука*... — Вероятно, устаревший, вышедший из моды покроев.

С. 299. ...*на запачканной стирок или тряпку*... — Стирок (укр.) — полотенце для вытирания посуды.

С. 300. ...*Музей древностей, который еще не так давно продавался в Петербурге с публичного торгова вместе с вещами, принадлежавшими Петру Первому, на которые, однако ж, покупатели глядели сомнительно*. — Имеется в виду «Русский музей» — экспозиция произведений искусства, минералов и раритетов из частного собрания писателя, историка, издателя «Отечественных записок» П.П. Свиньина (1787—1839), открытая им в Санкт-Петербурге. В 1829 г. Свиньин опубликовал «Краткую опись предметов...», составляющих «Музей» (ОЗ. 1829. Ч. 38. Кн. 110. С. 313—376; Ч. 39. Кн. 111. С. 3—77; то же: СПб., 1829). Среди экспонатов значились, в частности, «трюмо из орехового дерева с барельефами», «бесценное произведение державных рук Петра Великого», и «инструмент от токарного станка» Петра (Краткая опись предметов, составляющих Русский Музей Павла Свиньина. СПб., 1829. С. 19, 138; см. также: Корнилова А.В., Корнилова В.В. П.П. Свиньин и его Русский музей // Краеведческие записки: Исследования и материалы. Вып. 7. СПб., 2000. С. 71—74, 97). Весной 1834 г. Свиньин был вынужден продать коллекцию с аукциона (см. сообщения в газетах о предстоящей продаже: Петербургские записки: Воспоминания о Русском Музее // СПч. 1834. 6 марта. № 51. С. 203—204; 7 марта. № 52. С. 208; 8 марта. № 53. С. 212; М.Р. Несколько слов о Русском музее // СПбВед. 1834. 15 марта. № 61. «Смесь». С. 235—236). При этом, как отметил обозреватель «Северной пчелы», в ходе торгов «историческая достопримечательность» экспонатов была «подвержена сомнению», публика требовала доказательств их подлинности, на что аукционист отвечал: «Доказательства не продаются» (В.В.В. Продажа Русского Музеума // СПч. 1834. 17 апреля. № 87. «Смесь». С. 346—347; см. также запись в дневнике А.С. Пушкина от 10 апреля 1834 г.: «Говоря о Свиньине, предлагающем Р(оссийской) Академии свои манускрипты XVI-го века, Ув(аров) сказал: Надобно будет удостовериться, нет ли тут подлога. Пожалуй, Свиньин продаст за старинные рукописи тетрадки своих мальчиков» — Пушкин А.С. (Дневник, 1833—1835 гг.) // Пушкин. Т. XII. С. 325). Сомнения в подлинности раритетов были обусловлены не только репутацией Свиньина, прославившего

выдумщиком и лгуном (ОА, т. I. С. 509—510; Наст. изд. Т. 4. С. 633), но и обилием «недобросовестных собирателей», а также «фальшивок и подделок», наводнивших в то время Петербург (Корнилова А.В., Корнилова В.В. Указ. соч. С. 103; Формозов А.А. Пушкин и древности: Наблюдения археолога. М., 1979. С. 83—84). Предполагается, что Гоголь, сотрудничавший в 1830 г. в «Отечественных записках», имел в виду Свиньина, когда просил мать присылать ему раритеты для «одного вельможи, страстного любителя отечественных древностей», которому хотел он «прислужиться» (письмо от 2 февраля 1830 г. из Санкт-Петербурга; Ак. Т. 10. С. 167, 425; Формозов А.А. Пушкин и древности: Наблюдения археолога. М., 1979. С. 82—83). Однако, по замечанию Ю.В. Манна, этим вельможей, скорее всего, был Л.А. Перовский, глава Департамента уделов, куда Гоголь в 1830 г. устроился на службу, тогда как Свиньин мог сыграть роль посредника, обратив внимание Перовского на молодого писателя (Манн 2004. С. 183—184).

С. 305. ...были сделаны из юхты... — Юхта — то же, что юфть (см. с. 741 наст. изд.).

С. 306. ...экономий... — Экономия — здесь: помещичье хозяйство, имение (Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / Сост. под ред. А.Н. Чудинова. СПб., 1894. С. 968; Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. Т. 17. М.; Л., 1965. Стб. 1760).

С. 306. ...Изыумского Гусарского полка... — Изюмский гусарский полк был сформирован в 1765 г. в г. Изюме (Харьковская область Украины) на основе Изюмского слободского казачьего полка, образованного в 1651 г. Полк отличился во многих боевых кампаниях, включая Отечественную войну 1812 года.

С. 307. ...Конно-егерского полка... — Кавалерийские конно-егерские полки русской армии были сформированы в 1789 г., в период царствования Екатерины II. Император Павел I в 1795 г. упразднил их. В 1812 г. по инициативе Александра I они были образованы вновь и просуществовали до 1833 г.

С. 309. ...баночка с каким декоктом... — См. с. 771 наст. изд.

С. 309. Все равно, как бы кто вздумал сыпать деньги в дырявой кошелек или натопить камином комнату. — Камин — открытая печь с прямым дымоходом — греет лишь, пока топится, и, в отличие от традиционных печей, не аккумулирует тепло.

С. 314. ...синей бумажкой не отделаешься. — См. с. 726 наст. изд.

С. 315. ...не то я тебя впрысну, да и больно впрысну березовым-то веником... — Впрыснуть — посечь розгами.

С. 321. ...оловянную чернильницу с какою заплесневелою жидкостью и множеством мух, обратившихся на дне чернильницы в совер-

шенный пломбдинг. — Пломпудинг (от англ. plum pudding) — традиционное английское блюдо, темно-коричневый пудинг, обычно содержащий муку, хлебные крошки, сало, изюм, орехи и бренди.

С. 324. ...дал бы вам по тысяче и еще даже бумажками. — Бумажками — ассигнациями (см. с. 726 наст. изд.).

С. 324. «Ну, Батюшка, хоть по две копейки-то прибавьте. Ведь это вам всего на всего, может быть, придется рубль с пятиалтынным». — Пятиалтынный — серебряная монета или сумма в 15 копеек. Соглашаясь на просьбу Плюшкина, Чичиков увеличивает общую сумму сделки на полтора рубля ($75 \times 2 = 150$), а не на 1 рубль 15 копеек. Возможно, здесь речь идет о рубле в счете на ассигнации и серебряном пятиалтынном, равном примерно 50 копейкам ассигнациями.

С. 324. Тридцать два раза 75 это будет... это будет 22 рубли. — Правильный результат умножения равен 24-м. Едва ли здесь подразумевается плутовство со стороны Чичикова. Вероятно, Гоголь допустил ошибку в расчетах. См. также наст. изд., кн. 1, с. 556—557.

С. 324. ...две красные ассигнации и полтинник... — Чичиков дал Плюшкину две купюры достоинством в 10 рублей (красного цвета) и серебряный полтинник, равный примерно 2 рублям ассигнациями.

С. 324. ...нес их так же осторожно, как человек благочестивый несет просфиру. — Просвира (просфора) — небольшой круглый хлебец из пшеничного квасного теста, употребляемый в православном ритуале причащения.

Фрагмент чернового автографа главы VIII (Ч42)

С. 329. ...лечил себя от жабы сушеной фигой... — Жаба — ангина; фи́га — инжир.

С. 330. ...зерно-то сам десят... — В десять раз больше посеянного (обл.).

С. 332. ...или ждут тебя на разводе ... — Развод — смотр и распределение по постам воинских подразделений, назначенных в караул.

С. 332. ...величиною в самовар, в котором варят кадетам чай... — Кадеты — воспитанники кадетского корпуса, привилегированного военно-учебного заведения закрытого типа.

С. 333. Очень хорошие бывают иногда ридикули у Купчих и у многих помещиц, живущих в разных уездах и губерниях. Они шиваются из лоскутков в виде треугольников. Купчиха шьет их из всех возможных ситцев, какие только были проданы в лавке Мужа купчихи. Помещица же достает у своих приятельниц и берет с них заранее обещание прислать, когда те будут делать себе новое платье, лоскутик ситца. Из этих лоскутков строится ридикуль. — Речь идет о применении техники лоскутного шитья для изготовления ридикюля из ситца.

ЧЕРНОВЫЕ АВТОГРАФЫ И НАБРОСКИ, ПРЕДШЕСТВУЮЩИЕ НИЖНЕМУ СЛОЮ ПЕРВОЙ АВТОРИЗОВАННОЙ КОПИИ (АК1)

Глава IX

С. 338. ...*выпорхнула в салопе...* — Салоп — верхняя женская одежда (подробнее см. с. 724—725 наст. изд.). «С 30-х гг. XIX столетия салопы считались немодными и сохранились лишь у бедных чиновниц и их дочерей» (Кирсанова 1989. С. 202—203). В процессе работы над черновым наброском слова вычеркнуты и заменены другими: «...выпорх-⟨н⟩ула в приятном манто...». Окончательный вариант сложился во второй редакции: «...выпорхнула дама в клетчатом щегольском клоке...» (см. наст. изд., кн. 1, с. 622).

С. 341. ...*а [цвету] немножко темного, называется кака-дю-дофин...* — *Caca du dorphin* — цветообозначение, «вошедшее в обиход в конце XVIII в. во Франции. Можно перевести как “цвет детской неожиданности”. Связано с беременностью королевы Марии Антуанетты. Сначала она начала носить так называемый *левит*, увиденный ею на сцене у персонажа, изображающего иудейского священника. Крой этого длиннополого костюма, туго застегнутого на груди и распахивающегося от талии до самого низа, показался ей более изящным, нежели мешкообразные наряды для беременных. Затем появился чепец “бебе”, который королева была вынуждена носить потому, что во время беременности она потеряла много волос. И, наконец, с рождения дофина в моду вошел цвет детской неожиданности грязно-желтого, коричневатого цвета. Этот цвет упомянут Л.-С. Мерсье в “Картинах Парижа”, хорошо известных в России с 1780 г.» (Кирсанова 2009. С. 247—248).

С. 341. ...*и там еще что-то такое, трюсидо⟨?⟩ или шушу.* — «На самом деле, торсадо (от франц. *torsade*) — витой шнурок, лента или петля из волос, сплетенная в жгут из двух прядей, весьма популярная в гоголевское время» (Кирсанова 2009. С. 248). «*Шушу* — от французского “*Chou*” (кочан капусты), *chou-chou* (душенька). Шу обычно называли объемные украшения для прически или платья, напоминавшие маленькие капустные кочанчики. Шу-шу — душенька, милочка — ласковое обращение к хорошо знакомой женщине или знакомых женщин друг к другу. В цитируемом отрывке это явно сознательное авторское искажение французских слов, необходимое Н.В. Гоголю для создания речевой характеристики провинциальных дам» (там же).

С. 347. ...*которые прежде пикировались...* — Пикироваться (от франц. *piquer* — колоть, язвить, оскорблять) — обмениваться колкостями, замечаниями.

Глава XI

С. 363. ...на нем уж был мунд(ир) с зелены(м) воротником и шпага. — Речь идет о деталях форменного костюма таможенных чиновников (см.: Кирсанова 2009. С. 251).

С. 363. ... аматеры [запрещенных] брабантских кружев... — Амагер — (от франц. amateur) — любитель. Брабантские кружева — см. с. 777 наст. изд.

С. 364. Весь бердичев, краков и все, кто носил ермолку и бороду... — Бердичев — город на территории современной Украины, с 1569 г. — в составе Польши, с 1793 г. — России. Краков — город в Польше. В обоих городах значительную часть населения составляли евреи.

С. 367. ...казна Богатой человек ~ пообщипают разные подрядные(?) начальники благодетельных заведений, патриоты подрядчики и прочие. — С высказыванием о патриотах перекликается финал главы XI в черновых набросках к нижнему слою ЧАБ ((ЧН19), (2)): «Есть род Патриотов, которые спокойно себе сидят по углам, занимаясь накоплением(?) капиталца, и спокойно занимаются упрочением собственной судьбы на щот других...» (см. наст. изд., кн. 1, с. 745). Ср. в ЧАБ (в дополнение к этому): а. со стороны так называемых патриотов; б. со стороны некоторых горячих патриотов, до времени весьма покойно занимающихся кое-какими приращеньями на счет сумм нежно любимого ими отечества (см. с. 289 наст. изд.).

С. 367. ...как Мефистофель или тот самый искуситель вечный ~ в моде в Европе, как и то тайнственное лицо, посещал(?) тюрьмы, жилища нищеты, и где люди были более готовы решиться на грех. — В эпоху романтизма черт (дьявол, сатана, Мефистофель) входит в моду. Возможно, что Гоголь намекает на гетевского Мефистофеля, персонажа трагедии «Фауст», чья дьявольская сущность искусителя изображалась именно как способность к приспособлению и метаморфозам.

С. 379. ...Вечерние висты до петухов... — См. с. 714 наст. изд.

С. 380. Уж тут я никак не намерен угождать дамским требован(иям) и не пушу ни одну даму к себе в кабинет. — Ср. в другом черновом наброске к нижнему слою АК1: «Я, признаюсь сам, не позволю даме облокотиться на мое письменное бюро. Да если б и облокотилась, то, признаюсь, я бы этого не заметил, я не гляжу в это время по сторонам» ((ЧН9), набросок (11) — см. наст. изд., кн. 1, с. 381).

Представление о том, что литература должна ориентироваться на дам, было достаточно широко распространено в карамзинском кругу. Так, Н.М. Карамзин в статье «Отчего в России мало авторских талантов?» (1802) писал: «Милые женщины, которых надлежало бы только подслушивать, чтобы украсить роман или комедию любезными, счастливыми выражениями, пленяют нас нерусскими фразами. Что ж остается

делать автору? Выдумывать, сочинять выражения <...> Мудрено ли, что сочинители некоторых русских комедий и романов не победили сей великой трудности и что светские женщины не имеют терпения слушать или читать их, находя, что так не говорят люди со вкусом?» (Карамзин Н.М. Избранные сочинения: В 2 т. Т. 2. М.; Л., 1964. С. 185). Впрочем, этот тезис уже оспаривал Пушкин в статье «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И.А. Крылова» (1825): «Что навело холодный лоск вежливости и остроумия на все произведения писателей 18 столетия? Общество M-es du Deffand, Boufflers, d'Erinaу, очень милых и образованных женщин. Но Мильтон и Данте писали не для благосклонной улыбки прекрасного пола» (Пушкин. Т. XI. С. 33). Ср. также «Отрывки из писем, мысли и замечания» (1825): «Жалуются на равнодушие русских женщин к нашей поэзии, полагая тому причиною незнание отечественного языка <...> Дело в том, что женщины везде те же. Природа, одарив их тонким умом и чувствительностью самой раздражительною, едва ли не отказала им в чувстве изящного» (Пушкин. Т. XI. С. 52). А еще ранее, 8 февраля 1824 г., в письме А.А. Бестужеву он резко критиковал посвящение, которым А.О. Корнилович снабдил свою статью «Об увеселениях российского двора при Петре I»: «Корнилович славный малой <...>, но зачем пишет он для снисходительного внимания мил<остивой> госуд<арыни> NN. и ожидает ободрительной улыбки прекрасного пола <...>. Всё это старо, ненужно и слишком уже пахнет Шаликовскою невинностию» (Пушкин. Т. XIII. С. 87).

С. 380. ...плотно зашнурованные талии чиновниц... — К концу 1820-х гг. «платья в ампирном стиле с талией под грудью <...> сменились нарядами с талией на естественном месте, затянутой корсетом. Туго стянутая талия в сочетании с пышными плесами уподобляла женщину цветку в вазе, роль которой выполняли очень пышные юбки» (Кирсанова 2009. С. 247).

С. 381. Если я взгляну, то вверх, где висят передо мною <...> Величавые портреты Шекспира, Ариоста, Фильдинга, Сервантеса, Пушкина. — В нижнем слое текста этого наброска Гоголь ставил имя Пушкина на второе место, сразу после Шекспира: «Шекспира, Пушкина, Ариоста, Фильдинга, Сервантеса» (<ЧН9>, набросок <11> — см. наст. изд., кн. 1, с. 381). Данный пассаж вписывается в традицию стихотворений, в которых лирический герой, отшельник и поэт, оказывается в обществе «великих мертвецов» — поэтов (писателей) прошлого; начало данной традиции было положено Ж.-Б.-Л. Грессе в послании «Картезианская обитель» («La chartreuse», 1735 — Oeuvres de Gresset. Paris, 1811. Vol. 1. P. 44—69), имевшем широкое хождение в России; его вольной переработкой считается стихотворение К.Н. Батюшкова «Мои Пенаты. Послание к Ж<уковскому> и В<яземскому>» (1811—1812; Батюшков К.Н. Опыты в стихах и прозе. М., 1977. С. 260—269),

а также «Городок» (1815) Пушкина (ср. «Друзья мне — мертвецы, / Парнасские жрецы» — Пушкин 1999. С. 88–97, 625–626) и его же послание «К сестре» (1814 — там же, с. 38–40, 587–588). См.: Манн Ю. Галерея «наставников-приитов» в «Мертвых душах»: (Из комментариев к поэме) // Манн Ю. Творчество Гоголя: смысл и форма. СПб., 2007. С. 477–484.

С. 382. ...отразивших природу таковою, как она была, а не каковою угодно было некоторым, чтобы была. — Здесь Гоголь поднимает вопрос о мимесисе (учении о подражании). Проблемы этой в своем обзоре «Поэтики» Аристотеля касался также и С.П. Шевырев в книге «Теория поэзии в историческом развитии у древних и новых народов» (М., 1836. С. 56–62).

С. 383. ...упражняясь в списании вечно находившейся перед ним прописи: «Добродетель есть сама себе награда»... — Данная история из раннего детства Чичикова в определенном смысле завершает тему вербализуемой добродетели, проходящую через весь первый том «Мертвых душ»: Чичиков, приехав в город N, легко рассуждает о добродетели («...говорили ли о добродетели, и о добродетели рассуждал он очень хорошо...» — глава I); об основах добродетелей в пансионах рассуждает повествователь («...три главные предмета составляют основу человеческих добродетелей: французский язык, необходимый для счастья семейственной жизни, фортепьяно, для доставления приятных минут супругу, и, наконец, собственно хозяйственная часть: вязание кошельков и других сюрпризов» — глава II). Сюда же относится и нереализовавшееся желание Чичикова вознести хвалу добродетели Плюшкина («Он уже хотел было выразиться в таком духе, что, наслышась о добродетели и редких свойствах души его, почел долгом принести лично дань уважения, но спохватился и почувствовал, что это слишком» — глава VI), и финальные рассуждения о добродетельном человеке самого Гоголя (см. наст. изд., кн. 1, с. 210–211).

С. 384. ...словом, получившим ныне необыкновенно обширный смысл, именно: Хороший человек. — Ср. размышления кучера Селифана в главе III поэмы: «Я с удовольствием поговорю, коли хороший человек; с человеком хорошим мы всегда свои друзья, тонкие приятели: выпить ли чаю или закусить — с охотою, коли хороший человек. Хорошему человеку всякой отдаст почтение». Ср. также характеристику полицмейстера в главе VII поэмы: «Даже все сидельцы, обыкновенно в это время снявши шапки, с удовольствием посматривали друг на друга и как будто бы хотели сказать: “Алексей Иванович хороший человек!” Словом, он успел приобрести совершенную народность, и мнение купцов было такое, что Алексей Иванович хоть оно и возьмет, но зато уж никак тебя не выдаст».

С. 385. ...известная Историюка Молочницы, несшей кувшин и замечтавшейся ~ разбила кувшин. — Имеется в виду басня

Жана де Лафонтена «Молочница и кувшин с молоком» (Книга VII, басня 9; *La laitière et le pot au lait // Fables de La Fontaine. Paris, 1847. P. 301–302*; рус. пер. М.Л. Гаспарова: Классическая басня. М., 1981. С. 134–135; см. также пер. А.П. Сумарокова: Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе... А.П. Сумарокова: В 10 ч. Ч. VII. М., 1781. С. 295–296 и Д.И. Хвостова: Полное собрание стихотворений графа Дмитрия Ивановича Хвостова: В 5 ч. Ч. III. СПб., 1822. С. 206–208). Об источниках сюжета см.: *Буслаев Ф.И. Перехожие повести и рассказы // Буслаев Ф.И. Мои досуги. Ч. 2. М., 1886. С. 275–282*. Басня была широко известна в гоголевские времена. Скульптурное изображение ее героини Перетты, выполненное П.П. Соколовым, установлено в парке Царского Села (фонтан «Девушка с кувшином»). Пушкин посвятил ему стихотворение «Царскосельская статуя» (1830; впервые опубл. в альманахе: Северные Цветы на 1832. СПб., 1831. [Отд. II]: Поэзия. С. 41). Тему продолжил М.Д. Деларю (Статуя Перетты в царскосельском саду // Комета Белы, альманах на 1833 год. СПб., 1833. Отд. II: Стихи. С. 176–177; см.: *Кибальник С.А. Антологические эпиграммы Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 12. Л., 1986. С. 158–159*). Вероятно, в гоголевском кругу история лафонтеновской молочницы вошла в поговорку. Так, А.О. Смирнова в письме Гоголю от 18 декабря 1844 г. сравнила адресата с замечтавшейся Переттой (*Гоголь. Переписка. Т. 2. С. 132*). Подробнее см.: *Виноградская Н.Л. «Известная историйка» (Из реального комментария к Мертвым душам) // Н.В. Гоголь и его творческое наследие: Десятилетие Юбилейные Гоголевские чтения. М., 2010. С. 105–113*.

С. 385. ...ни одна чувствительная драма и трагедия не трогала его так же... — В жанре чувствительных драм и трагедий писал Август Вильгельм Иффланд, а также Август Коцебу, упомянутый в главе I поэмы (см.: *Eloesser A. Das Bürgerliche Drama. Seine Geschichte im 18. und 19. Jahrhundert. Berlin, 1898. S. 161–193*; *Giesemann G. Kotzebue in Russland: Materialien zu einer Wirkungsgeschichte. Frankfurt a.M., 1971*; *Макаров А.Н. Штюрмерская литература в немецком культурном контексте последней трети XVIII века. М., 1991*; *Дмитриева Е. В.А. Жуковский — переводчик в прозе, или Проблема литературы «серьезной» и литературы «тривиальной» // Жуковский В.А. Розы Мальзерб: Европейская новелла в переводах В.А. Жуковского. Псков, 1995. С. 28–33*).

С. 385. ...даже роман очень трогательн(ый) «Герцогиня Лавальер» Жанлис, который ему случи(лось) прочитать в скучное время. — В окончательной редакции «Мертвых душ» в главе X Гоголь упоминает факт чтения Чичиковым во время своей болезни романа «Герцогиня Лавальер», не называя его автора. В одном из вариантов второй черновой редакции в главе XI о Чичикове говорится, что «ни одна чувствитель-

ная драма не трогала его, ни даже самая Герцогиня Лавальер, сочинение Жанлис, которое он прочитывал в скучное время. Такие сердечные увлечения, означавшие (...) основательного и благоразумного человека, побудили его, не отлагая времени, определить себе карьеру или дорогу» (см. наст. изд., кн. 1, с. 693–694). Воспевание идеала семейного счастья, добродетели, искренности в отношении между людьми составляло содержание большинства романов Жанлис и роднило ее с авторами «слезной драмы», в частности с Коцебу. Популярность Жанлис, как и популярность Коцебу, в России была «приметой времени» (Кафанова О.Б. Н.М. Карамзин — переводчик Жанлис: (Французская «нравоучительная сказка» и пути формирования русской сентиментальной повести) // *Художественное творчество и литературный процесс*. Вып. 4. Томск, 1982. С. 96). Жанлис переводил, в частности, Н.М. Карамзин, публикуя ее в журнале «Детское чтение для сердца и разума» (эти переводы, как известно, стали школой выработки сентиментальной стилистики — там же, с. 99–109), а затем В.А. Жуковский для журнала «Вестник Европы». Хотя Пушкин в плане статьи «О ничтожестве литературы русской» (1833–1834) назвал Жанлис в числе «бездарных пигмеев», которые «овладевают русск(ой) сл(овесностью)» (Пушкин. Т. XI. С. 495–496), он тем не менее просил брата прислать ему в Михайловское в 1825 г. «последнюю *Genlis*» (письмо от первой половины мая 1825 г. — Пушкин. Т. XIII. С. 174); «нормальный» для той поры круг чтения отражен в его шутовском послании сестре 1814 г.: «Чем сердце занимаешь / Вечернею порой? / Жан-Жака ли читаешь? / Жанлиса ль пред тобой?» (Пушкин 1999. С. 38). Характерно и высказывание Беневольского, героя комедии А. Грибоедова и П. Катенина «Студент» (1817), о том, что Жанлис относится к писателям, «водителям» «в блуждалище, которое называют большим светом» (действие I, явление 2 — Грибоедов. Т. 2. С. 48; см. также: Вацуро В.Э. Литературно-философская проблематика повести Карамзина «Остров Борнгольм» // XVIII век. Сб. 8: Державин и Карамзин в литературном движении XVIII — начала XIX века. Л., 1969. С. 201–203. О возможном соотношении нравственной идеи «Герцогини де Лавальер» (история королевской фаворитки как пример восхождения от греховной жизни к Богу) с замыслом духовного преображения Чичикова во втором томе «Мертвых душ» см.: Дмитриева Е.Е. Н.В. Гоголь в западноевропейском контексте: между языками и культурами. М., 2011. С. 379–380.

С. 387. ...неудавшийся хлеб, который ~ вздулся с каким-то болдырем с трещинами... Вероятно, имеется в виду «булдырь» — «волдырь, шишка, нарыв» (Даль. Т. 1. С. 140). Ср. во второй черновой редакции (АК1): «...дурно выпеченный хлеб (...) которой сам вылез из печи, вздувшийся в наконец в нарост и потом еще треснул в прибавку» (нижний слой); «...дурно выпеченный хлеб (...) которой раздулся в

сторону каким-то пузырем и в прибавку треснул» (верхний слой) — см. наст. изд., кн. 1, с. 694.

С. 387—388. ...должность домовода, разливал чай... — См. с. 738 наст. изд.

С. 391. *И выходит, что Мироны в стороне, как выразился Крылов.* — Ср. во второй черновой редакции: «...“но секретари Мошеники”, почти то же, что Мироны. Мироны в стороне, как сказал Крылов» (см. наст. изд., кн. 1, с. 698). Имеется в виду басня И.А. Крылова «Мирон» (1830), герой которой, объявив беднякам, что будет кормить их бесплатно по субботам, спускает в этот день с цепи злых собак. Басня заканчивается дидактическим четверостишием, которое и цитирует Гоголь: «Видать случалось часто мне, / Как доступ не легок в высокие палаты; / Да только всё собаки виноваты — / Мироны ж сами в стороне» (Крылов И.А. Полн. собр. соч.: В 3 т. Т. 3. М., 1946. С. 188).

С. 395. ...определился ~ при питейных сборах, но скоро бросил по причине крайнего неблагородства службы. — Питейными сборами, т.е. налогами на спиртное, ведал Департамент податей и сборов, называемый иногда, по утверждению Гоголя, «департаментом подлостей и вздоров» (см. раннюю редакцию «Шинели» — Ак. Т. 3. С. 446).

С. 396. *По откупам, еще бы другое дело ~ капитал никак не меньше 70 т(ысяч)...* — Ср. во второй черновой редакции: «В откупщики, конечно, он бы пошел, да для этого именно нужно было то, что у него было в плохом состоянии, то есть деньги» (см. наст. изд., кн. 1, с. 702). Винные откупа — система взимания косвенного налога, при которой право торговли вином передавалось частным предпринимателям, платившим государству заранее оговоренную сумму. В России окончательно введены в 1767 г.; действовали до 1861 г. с перерывом в 1817—1827 гг. См. также с. 712 наст. изд.

С. 406. ...Аким Плошина... — Плошина, плоховатость — «Оплошность, несметливость, нерасторопность» (Даль. Т. 3. С. 129).

ЧЕРНОВЫЕ НАБРОСКИ К ВЕРХНЕМУ СЛОЮ ПЕРВОЙ АВТОРИЗОВАННОЙ КОПИИ (АК1)

Глава II

С. 429. ...*Рукописный сон пресвятая богородицы...* — Апокриф «Сон Богородицы», хорошо известный в рукописной традиции, повествует о вещем сне девы Марии, предсказывающем судьбу ее сына Иисуса Христа. Считалось, что апокриф выполняет магическую и охранительную функции.

С. 431. ...*действительные статские советники...* — См. с. 715 наст. изд.

ВТОРАЯ РЕДАКЦИЯ (АК1)

Глава I

С. 441. ...одну в сатинтюрковом, а другую в ситцевом платье. — Сатен-тюрк — плотный одноцветный двойной атлас. Название происходит от французского *satin turc* — атлас турецкий (Кирсанова 1995. С. 249). Ср. повесть В.Ф. Одоевского «Княжна Зизи» (1839): в эпизоде, относящемся к 1820-м гг., героиня называет сатен-тюрк «совсем новой» и очень модной материей (Одоевский В.Ф. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1981. С. 264).

С. 442. ...шло ли дело до винных объездчиков и таможенных надсмотрщиков... — Винные объездчики — государственные служащие или нанятые откупщиком работники, контролирующие транспортировку и продажу спиртного на определенной территории. Как и таможенные надсмотрщики, курирующие провоз товаров через границу, могли состоять в сговоре с контрабандистами и быть замешанными в злоупотреблениях.

Глава II

С. 446. ...Коллежские Асессоры еще может быть решатся познакомиться с ним. — Коллежский асессор — гражданский чин 8-го класса.

С. 452. ...как бы пройтиться на гулянье с каким-нибудь камергером... — Камергер — в России первоначально придворный чин, затем (после 1809 г.) — почетное придворное звание.

Глава IV

С. 487. Но так как исстари замечено, что чем глупее и нелепее дичь, тем более на нее бывает стрелков... — В.В. Виноградов приводит данный пассаж как пример гоголевских каламбуров, в основе которых лежит «слияние омонимов или соединение словесных звеньев от двух разных семантических цепей, связанных с этими омонимами» (дичь — стрелков). См.: Виноградов В.В. О языке художественной литературы. М., 1959. С. 243.

С. 488. ...называвшие его Армейским, но удовлетворительным словом «черняк»... — Черняк — «мужик, крестьянин, чернорабочий»; «кто ходит нечисто, грязно, всегда замаран»; «черный или неизбирательный шар на баллотировке» (Даль. Т. 4. С. 595). Последнее значение слова легло в основу выражения: наложить черняков кому-нибудь, т.е. провалить.

С. 489. ...*курительных смолок*... — «Приготовленная смесь из пахучих смол с душистыми снадобьями для куренья» (*Даль*. Т. 4. С. 236). Употреблялась для избавления от дурных запахов. См. с. 731 наст. изд.

С. 489. ...*муштуком*... — Простонародная форма слова мундштук (от нем. Mundstück).

С. 489–490. ...*видели двух кобыл, одну серую в яблоках, другую чалую*... — Чалый — «серый, с примесью другой шерсти» (о масти лошади) (*Даль*. Т. 4. С. 581).

С. 490. ...*одеяло, сшитое из натравленных им зайцев*. — Причастие «натравленный» — от глагола «натравить», т.е. затравить, пустить собак на зверя, чтобы поймали его.

С. 491. ...*осматривать водяную мельницу с изломанным колесом*... — В России водяные мельницы получили широкое распространение в XVII и XVIII вв., став неотъемлемой приметой также и русских усадеб XVIII в. В XIX в., с появлением паровой машины, они стали постепенно утрачивать значение, с чем, возможно, связан и гоголевский образ мельницы-руины. Вместе с тем водяная мельница была нередким сюжетом живописных полотен XVII и XVIII вв. (ср., например, картины Якоба ван Рейсдаля «Пейзаж с водяной мельницей» (1661), Франсуа Буше «Пейзаж с водяной мельницей» (1755) и др.).

С. 492. ...*у которой ручки ~ были: самой рассубтильный деликатес*. — Деликатес (от франц. *délicatesse*) — изысканное, тонкое кушанье. Слово *субтильный* (от лат. *subtilis* — буквально — тонко сотканный), т.е. тонкий, нежный, хрупкий, Гоголь дает с префиксом -рас. В данном случае мы имеем образец смешения русских морфем с французскими транслитерированными, что вообще характерно для комического стиля Гоголя (см. также с. 768, 808–809 наст. изд.; см. об этом: *Дмитриева Е.Е.* «Смешение французского с нижегородским»: культурная ситуация или языковая неловкость? // Мультилингвизм и генезис текста: лингвистические и культурные аспекты: Материалы международного симпозиума 3–5 октября 2007 г. М., 2010. С. 103–115).

С. 496. *Но Чичиков вовсе не был расположен ни пунтировать, ни держать банку*. — Держать банку (банк, от итал. *banca*) — термин карточного арга, который означает: вести игру, обладая банком. Ср. определение банка у Даля: «Азартная картежная игра, где один (банкир, банкомет), держит банк, отвечает на известную сумму, а другие (понтеры) ставят деньги на любую карту» (*Даль*. Т. 1. С. 46). Понтировать (пунтировать, от франц. — *ponter*, делать ставку) — «играть в банк, штос, против банкмета, ставить куш на карту» (*Даль*. Т. 3. С. 288). Форма «пунтировать» была достаточно распространена в гоголевские времена. Ср. также гораздо более раннее использование термина в стихотворении Г.Р. Державина «На счастье» (1789): «На карты ставят век

златой, / Судьбами смертных пунтируют...» (Державин Г.Р. Сочинения. СПб., 2002. С. 139).

С. 502. *Тебе часовой мастер вставит только вздорную пружинку...* — Вздорная — здесь: сопротивляющаяся (речь идет о пружине, вращающей вал шарманки).

С. 503. *Каким, брат, я тебя уконтентую венгерским!* — Уконтентовать (то же, что уконтовать), т.е. удовлетворить (от франц. — contenter). В. Даль описывает данную форму как особенность рязанского говора (см.: *Даль*. Т. 4. С. 483). Встречается также у М.Е. Салтыкова-Щедрина: «Примерно возьмет в карман гривенник и старается уконтентовать себя на рубль» («За рубежом» — *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собр. соч.: В 20 т. Т. 14. М., 1972. С. 123).

С. 504. *Колпак эдакой!* — Ср. у Даля: «Колпак человек, вялый, глуповатый, простак» (*Даль*. Т. 2. С. 142).

С. 507. *...будто Кувшинников женился ~ на собаке моей, Налетке. ~ да это собака, а не жена...* — Характерная для Гоголя ироническая аллегория взаимоотношений между полами. Ср. в повести «Иван Федорович Шпонька и его тетушка»: «То вдруг снилось ему, что жена вовсе не человек, а какая-то шерстяная материя» (Наст. изд. Т. 1. С. 239).

Глава V

С. 512. *...горичам, из которых плетется иногда жизнь...* — Горичи — то же, что горечи, горести.

С. 514. *По одну сторону портика было шесть окон, по другую на такой же [стене] три ~ в виде отдушничка...* — Комичное отсутствие симметрии, свойственной классическому стилю (см. с. 736 наст. изд.). Отдушничек — отверстие для свободного протока, доступа воздуха, как правило, в подвалах, погребах, под домом. То, что он расположен на фасадной стене, создает дополнительный комический эффект.

С. 517. *Севши на диван, она накрылась большим мериносовым платком ~ как рисуют на портретах...* — Здесь имеются в виду так называемые парадные, официальные, репрезентативные портреты эпохи бидермейера, какие писали в гоголевские времена В.А. Тропинин (1776—1857), П.А. Федотов (1815—1852), А.Г. Венецианов (1780—1847).

С. 523. *...сказала хозяйка, возвращаясь с какою-то редькою в сахаре.* (Было: *...огурцы в сахаре, пополам с вымоченною редькою.*) — Традиционно редька в сахаре почиталась как лекарство от кашля и профилактика от солитера. Огурец с сахаром также применялся как лекарство.

С. 528. *... в гостиной тонкого перлового цвета блещут кенкеты и лампы.* — Перлового цвета — пепельного цвета (от перлового камня, вулканического ископаемого). Кенкет (от франц. quinquet) — «комнат-

ная лампа, в которой горелка устроена ниже масляного запаса» (*Даль*. Т. 2. С. 105).

С. 528. ...*благообразный чиновник, совершенный comme il faut...* — *Comme il faut* (франц.) — надлежащим образом воспитанный, приличный, дословно — «как надо». Выражение, получившее в русском языке право гражданства во многом благодаря А.С. Пушкину, использовавшему его, причем в положительном значении, для характеристики Татьяны Лариной («Она казалась верный снимок / *Du comme il faut...*» — «Евгений Онегин», глава восьмая, строфа XIV). В самой Франции было относительно новым: получило распространение лишь после революции 1789 г. и считалось порождением наполеоновской эпохи, с чем связан был его ярко негативный аспект (см.: *Дмитриева Е.Е.* «Она казалась верный снимок *Du comme il faut...*» // Михайловская Пушкиниана. Вып. 45: Материалы научно-музейных чтений в Государственном Пушкинском заповеднике (2007 год). Сельцо Михайловское; Псков, 2007. С. 140–145).

Глава VI

С. 532. ...*запасные Магазины...* — Магазин (устар.) — здание или помещение для хранения каких-либо запасов, склад (*Словарь русского языка XVIII века*. Вып. 12. СПб., 2001. С. 28–29).

С. 533. *Сено и хлеб, казалось, были господские, или, как говорят, Экономические...* — Экономические — здесь: относящиеся к помещичьему хозяйству, имению.

С. 536. ...*соединивши их таким образом с столбиками треугольниками в роде крепов(?)...* — Креп — приспособление для скрепления, скрепа.

С. 542. ...*в ту широкую часть Москвы ~ начиная от Плющихи до Смоленского рынка...* — Смоленский рынок занимал часть современного Садового кольца от Арбата до Проточного переулка.

С. 542. ...*вплоть до самого Дорогомиловского Моста ~ по всей дороге до заставы...* — Деревянный Дорогомиловский мост через Москву-реку располагался на месте современного Бородинского. От моста к Дорогомиловской заставе вела Дорогомиловская улица.

С. 544. ...*коннонерского полка...* — Канонирские артиллерийские полки существовали в русской армии в период царствования Екатерины II; при Павле I (в 1796 г.) были упразднены.

С. 551. ...*а родственник — на том же солнце онучки сушились...* — «Ближняя родня: на одном солнышке онучи сушили» говорят об очень дальних родственниках (*Даль В.* Пословицы русского народа: Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и проч. М., 1862. С. 413; *Михельсон М.И.* Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний. Т. 1. СПб., 1902. С. 58).

С. 555—556. «А сколько бы вы дали?» ~ поверял губами. — На полях л. 52 рукой Гоголя записаны вычисления стоимости покупаемых Чичиковым душ: умножение в столбик 78 на 32 и 78 на 30; в обоих случаях в расчетах допущена ошибка (воспроизведение указанного листа см.: наст. изд., кн. 1, с. 557).

Глава VII

С. 566. *Надевши одни спальные сапоги...* — Спальные сапоги — вид домашней обуви, сапожки из мягкой кожи (сафьяна, замши) или ткани (бархата, атласа), иногда пестрые, расшитые золотом, серебром или шелком, с цветной отделкой (ср. в основном тексте: «...сафьянные сапоги с резными выкладками всяких цветов, какими бойко торгует город Торжок...»). Вошли в моду (вместе с халатом, феской и шароварами) в начале XIX в. под влиянием романтического увлечения восточной «экзотикой»; эта мода продержалась в течение нескольких десятилетий (Русский костюм 1750—1830. Вып. 1. М., 1960. С. 21; Русский костюм 1830—1850. Вып. 2. М., 1960. С. 15; *Алешина Т.С.* Обувь, шитая золотом и серебром, из Торжка // Памятники русской народной культуры XVII—XIX веков: Тр. ГИМ. Вып. 75. М., 1990. С. 116—130). См., например, повесть А.Ф. Писемского «Тюфяк» (1850), герой которой, встав с постели, надевает «халат и спальные сапоги» (*Писемский А.Ф.* Собр. соч.: В 5 т. Т. 1. М., 1982. С. 269). «Спальные сапоги» упоминаются и в списке вещей в записной книжке Гоголя за 1846—1851 гг.

С. 568. *...все почти были с придомками.* — Придомок — прозвище, дополнение к основной фамилии.

С. 572. *Да и чиновники тогда еще не носили вицмундиров, а всякой надевал что ни попало на свои плечи.* — Унификация форменной одежды гражданских чиновников осуществлялась постепенно, начиная со второй половины XVIII в.; наиболее существенный шаг в этом направлении был сделан в царствование Николая I: в 1834 г. вышло «Положение о гражданских мундирах», предписывавшее классным чиновникам государственных учреждений носить в качестве повседневной одежды вицмундиры или мундирные фраки, а неклассным канцелярским служащим — сюртуки (*Полн. собр. законов 2.* Т. IX. С. 168—172; *Шепелев Л.Е.* Титулы, мундиры и ордена Российской империи. М., 2005. С. 251—252).

С. 581. *...на постели, которая скрипела и рыпела...* — Рыпеть — скрипеть, издавать скрип.

Глава VIII

С. 584—585. *...и каких трудов будет стоить сбыть с меньшим убытком крестьянских лошадей, чтобы на место их быков, ибо земли, как известно, в южных землях пахутся волами.* — В южных

степных районах России с мощными черноземами для пахоты обычно использовали не лошадей, а более выносливых и неприхотливых волов.

С. 600. ...*Очень Галантерейная половина человеческого рода!* — Галантерейный — в переносном смысле — утонченно-вежливый, излишне обходительный, чрезмерно любезный (разг. устар., ирон.); предполагается, что в ироническом смысле слово введено в употребление Гоголем (см. фразу Осипа «Галантерейное, черт возьми, обхождение» в «Ревизоре» — действие II, явление 1) (Словарь русского языка: В 4 т. Т. 1. М., 1981. С. 298; Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка. Т. 1. М., 1993. С. 178; Словарь русского языка, составленный Вторым отделением имп. Академии наук. Т. 1. Вып. 2. СПб., 1892. Стб. 768; Рогожникова Р.П., Карская Т.С. Словарь устаревших слов русского языка: По произведениям русских писателей XVIII—XX вв. М., 2005. С. 147).

С. 612. *И если уже раз затворились пред нами двери рая, то все кончено: бедный наш брат осужден весь век скитаться, как оборванный Иуда вокруг заветных стен, оглашая вечным плачем не весьма веселые пространства доставшегося ему на долю ада, пищею ему будет безнадежность, а райские двери не отпрутятся; в этом он может быть уверен.* — Согласно многочисленным преданиям о посмертной судьбе Иуды Искариота, его душа, не освобожденная Иисусом из ада вместе с душами ветхозаветных праведников, была обречена на адские муки (Соловьев С. Историко-литературные этюды: К легендам об Иуде предателе. Вып. 1. Харьков, 1895. С. 95–100). Рай в христианской литературной, иконографической и фольклорной традиции часто представлялся как «отовсюду огражденное» пространство — обнесенный стенами вертоград или город (Аверинцев С.С. Рай // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 364–365; Покровский Н.В. Евангелие в памятниках иконографии, преимущественно византийской и русской. М., 2001. С. 514). Иуда и другие грешники, с тоской взирающие на недоступную для них райскую обитель, двери которой открыты лишь для праведников, — один из мотивов иконографии Страшного суда (Покровский Н.В. Страшный суд в памятниках византийского и русского искусства // Труды VI археологического съезда. Т. III. Одесса, 1887. С. 298–381).

С. 616. ...*в приемах его уже не было той свободы и тех грассов, которые он приобрел заблаговременно у себя в комнате.* — Грасы (от франц. grâce — грация) — изящество; в языке петиметров — приятность, ловкость, прелесть (Словарь русского языка XVIII в. Вып. 5. Л., 1989. С. 223). Ср. в комедии Я.Б. Княжнина «Чудаки» (действие II, явление 2) галломан Ветромах перечисляет достоинства своей невесты Улиньки: «И все у нас равно: и грасы, и приятства, / И ум...» (Княжнин Я.Б. Комедии и комические оперы. СПб., 2003. С. 222).

С. 617. *Офицеры, дамы, фрачники...* Фрачник — лицо, носящее фрак.

С. 619. *...перед ним топилась сальная свеча, которой светильня давно уже накрылась нагоревшою черною шапкой, и пламя вяло раздвигалось под нею, ежеминутно грозя погаснуть...* — Сальные свечи изготавливались из какого-нибудь животного жира. Они были сравнительно дешевы, но неудобны: «...слегка скрученная светильня из толстых ниток не успевала сгорать, изгибалась и ее конец выступал из пламени, так что свеча начинала тускло гореть и коптить, а сало плавилось и стекало вниз» (Беловинский Л.В. История русской материальной культуры. М., 2003. С. 387–388).

С. 620. *...достал из сапога тавлинку и потянул из нее табак...* — Тавлинка — плоская табакерка из дерева или бересты для нюхательного табака.

Глава IX

С. 623. *...моськи, спавшие на солнце.* — Моська — вероятно, «от мопс в качестве ласкат(ельного)» (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. II. М., 1967. С. 663); «мопс, собака мосячей, мосечной, моськовой породы: тупорылая, курносая, песочной шерсти, с черными подпалинами» (Даль. Т. 2. С. 350). Ср.: «Мопс — порода собак средней, а иногда и малой величины, у коих рыло тупое, черное, нос вздернувшийся, губы отвислые, уши висячие; шерстью по большей части бывают желтоватые, иногда темнее, иногда светлее. Порода сия ленивее всех прочих песьих пород, и потому отменно жиреет» (Словарь Академии российской. Ч. 3. Стб. 847–848).

С. 624. *...в ситцевом платье модного цвета...* — Ситец (от голл. sits) — «хлопчатобумажная ткань полотняного переплетения из отбеленной пряжи. (...) От других тканей подобной выработки отличается набивным орнаментом (...) В утверждении просто приятной дамы, что “ничего еще не было подобного на свете”, есть доля истины, так как столь сложный по описанию орнамент мог быть выполнен с помощью “перротины” (многокрасочной печатной машины. — Ред.), распространившейся незадолго до появления поэмы “Мертвые души”» (Кирсанова 1989. С. 213–214).

С. 626. *...если б вы видели кисейку...* — Кисея — очень тонкая, полупрозрачная, хлопчатобумажная ткань полотняного переплетения. В XIX в. изготавливалась цветной, узорчатой и покрывалась орнаментами. «Именно наличие или отсутствие орнаментации, цвет делали модным то один, то другой сорт кисей» (Кирсанова 1995. С. 126–128).

С. 628. *И там еще что-то такое, трю-шу или шушу...* — См. с. 791 наст. изд.

С. 641. *...входит в сильный форс...* — Форсить — «чваниться, ломаться, величаться; важничать, задавать тону, щеголять, пускать пыль в глаза» (Даль. Т. 4. С. 538).

С. 643 ...статочное ли дело... — Статочность — «возможность, сбыточность, исполнимость, состоятельность дела» (*Даль*. Т. 4. С. 310). Ср.: статья — «случиться, сбываться» (*Словарь Академии российской*. Ч. 6. Стб. 499).

С. 644. ...ниспошли Бог так жирно разговеться! — Говеть — поститься. Ср.: «...церковию преданный устав, состоящий в воздержании от мясных, или так называемых скоромных яств, и в хождении чрез целую неделю в церковь, оканчивающийся исповеданием и приобщением святых таин»; разговеться — в первый день мясоеда вкушать мясное, или скоромную пищу, начинать мясоедие (*Словарь Академии российской*. Ч. 1. Стб. 1155).

С. 649. ...уконтрапошили будто Земскую Полицию... — Ср.: «Укокошить (...) в простор. убить кого до смерти» (*Словарь Академии российской*. Ч. 6. Стб. 934). В следующей по хронологии авторизованной копии (АК2) глагол был снабжен пояснением («уконтрапошили, по губернскому выражению»), а затем исключен и заменен окончательным вариантом: «...снесли с лица земли будто бы земскую полицию...».

Глава X

С. 659. Гебены, лаки везде... — Гебены (от франц. *ébène*) — мебель из черного, эбенового дерева.

С. 663. ...составится какой-нибудь комитет на счет раненых... — Такой комитет был создан в 1814 г. Первоначально, 17 августа 1814 г., появился именной указ «Об отсылке в Сохранную казну Воспитательного дома доставляемых для раненых и инвалидов денег» — «на составление инвалидного капитала» (*Полн. собр. законов 1*. Т. XXXII. С. 875—876. № 25641). На следующий день, 18 августа 1814 г. (в первую годовщину сражения у Кульма), приказом Александра I армиям, был учрежден «Комитет для вспомоществования неимущим изувеченным Генералам, Штаб и Обер-Офицерам» (*Полн. собр. законов 1*. Т. XXXII. С. 876. № 25642). Основная обязанность Комитета состояла в оказании помощи отставным офицерам, участникам «последней войны», не имеющим «другого состояния, кроме определенного при отставке пенсия» (там же). Отчеты Комитета ежегодно печатались в газете «Русский инвалид». 23 марта 1816 г. был высочайшее утверждён доклад графа А.А. Аракчеева «О способах к составлению капитала в пособие изувеченным в отечественную войну Генералам, Штаб и Обер-Офицерам». Собранные деньги предписывалось отсылать в Комитет, учрежденный 18 августа 1814 г. (Там же. Т. XXXIII. С. 575—577. № 26207). Именным указом от 9 ноября 1816 г. Комитету было поручено «призрение вдов и сирот, оставшихся после умерших от ран военных чинов» (там же, с. 1078—1079; № 26514). См. также с. 766 наст. изд.

С. 665. ...и за границу прямо ~ в Соединенные Штаты, и пишет ~ письмо к Государю... — В романтическую эпоху Соединенные Штаты представлялись как воплощение демократии, идеальное пространство для осуществления различных социальных утопий. Так, например, английские поэты Сэмюэл Кольридж и Роберт Саути проектировали в юности создание в Америке демократической коммуны под названием «Пантисократия». Вместе с тем с 1830-х гг. в России уже намечается развенчание данного мифа — статья Пушкина «Джон Теннер» (1836) (*Пушкин*. Т. XII. С. 104–132); стихотворение Е.П. Ростопчиной «Негодование» (1840) (Стихотворения графини Ростопчиной. Т. 1. СПб., 1857. С. 303–304; см.: *Николюкин А.Н.* Пушкинский «Джон Теннер» в системе русской американистики XVIII — начала XIX века // *Болдинские чтения*. [Вып. 9]. Горький, 1984. С. 134–151).

С. 665. ...Платоны и Демосфены какие-нибудь... — Платон (427–347 гг. до н.э.) — древнегреческий философ, основатель Платоновской Академии. Демосфен (383–322 гг. до н.э.) — греческий оратор и политический деятель.

С. 677. ...пулюк так и им слил порядочную... — «Отлить пулю (т.е. схвастать, солгать)» (*Даль*. Т. 3. С. 538).

Глава XI

С. 685. ...церкви с старинными деревянными куполами и тонкими чернеющими остроконечьями... — Речь идет, по всей видимости, о шатровых храмах XVII–XVIII вв., которые в XIX в. воспринимаются уже как архаичные (старинные).

С. 691. Ни об отдаленном происхождении Героя, ни о прародителях, ни о чем не упомянем, родословная его темна. — По всей видимости, полемическая отсылка к стихотворению А.С. Пушкина «Моя родословная» (1830).

С. 692. ...думает только, как повязать(?) галстук(?)... — Аллюзия на поведение денди, которые придавали большое значение завязыванию галстука. Известно, что родоначальник дендизма Джордж Браммелл проводил за этим занятием по несколько часов в день (см.: *Вайнштейн О.Б.* Денди: мода, литература, стиль жизни. М., 2005. С. 90–91, 116–124).

С. 706. Статский Советник по русскому обычаю с горя запил, но Надворный устоял... — Статский советник — чин 5-го класса, надворный — 7-го класса. Во второй («римской») авторизованной копии (АК2) Чичиков повышен в чине на одну ступень: «надворный» исправлено на «коллежский», т.е. чин 6-го класса.

С. 709. Копотливо, чорт возьми... — Копотливо — медлительно, непроворно.

ЧЕРНОВЫЕ НАБРОСКИ К ВЕРХНЕМУ СЛОЮ ВТОРОЙ АВТОРИЗОВАННОЙ КОПИИ (АК2)

Глава VIII

С. 725. ...в Белебеевском уезде... — Белебеевский уезд с центром в г. Белебее (совр. Башкортостан) с 1802 по 1865 г. входил в состав Оренбургской губернии, затем — Уфимской. На территории уезда было расположено имение семьи Аксаковых Надеждино (Куроедово).

Глава X

С. 726. ...пути, который ведет к Великолепны⟨м⟩ Царским палата⟨м⟩ ~ к [великолепному чуду] зодчества ~ [назна]ченному быть жилищем Семейства⟨?⟩ Царя. — По всей видимости, имеется в виду Екатерининский дворец в Царском Селе с примыкающей к нему Камероновой галереей. Ср. у Пушкина: «А там в безмолвии огромные чертоги, / На своды опершись, несутся к облакам. / Не здесь ли мирны дни вели земные боги? / Не се ль Минервы Росской храм?» (Воспоминания в Царском Селе (1814) — Пушкин 1999. С. 69, 615).

ЧЕРНОВЫЕ НАБРОСКИ К НИЖНЕМУ СЛОЮ ТРЕТЬЕЙ АВТОРИЗОВАННОЙ КОПИИ (АК3)

Глава XI

С. 731. ...булдыхнула вместе с повозкой в яму... — Булдыхнуть, или бултыхнуть (обе формы встречаются у Гоголя) — здесь то же, что бултыхнуться — с шумом и плеском упасть или броситься в воду.

С. 734. ...2 овчинные тулупа, крытые синим сукном... — Меховую одежду вплоть до XIX в. носили мехом внутрь. Крытые тулупы обтягивались сверху тканью — обычно сукном синего или черного цвета (см.: Кирсанова 2009. С. 246).

С. 737. ...уже налимонившись, по тамошнему выражению ~ воздух совсем не ароматен. — Налимониться — напиться пьяным (простореч.).

С. 742. Чичиков завелся рысаками. — Рысак — лошадь, обладающая хорошей, резвой рысью.

ВАРИАНТЫ

Глава II

С. 24. ...блестела лыстью попавшаяся плотва... — Лысть — чешуя рыбы. Ср. стихотворение Г.Р. Державина «Фонарь» (1804): «Усатый, тучный рыбий князь, / Осетр, / Из влаги появясь глубокой, / Пернатой лыстью вокруг струясь, / Сквозь водну дверь глядит, гуляет...» (Державин Г.Р. Сочинения. СПб., 2002. С. 316; стихотворение вошло в составленный Гоголем рукописный сборник «Сочинения Ломоносова и Державина» — Неизданный Гоголь / Подгот. И.А. Виноградов. М., 2001. С. 309–313). В своих «Объяснениях на Сочинения...» Державин дал следующее толкование слова: «Лыстью — кожей» (Державин Г.Р. Указ. соч. С. 628). Я.К. Грот включил слово «лысть» в свой «Словарь к стихотворениям Державина», содержащий примеры необычного словоупотребления (Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота: В 9 т. Т. IX. СПб., 1883.С. 392).

Глава III

С. 51. ...сочни... — «род клецек, круглые; в маковом молоке варятся» (записная книжка Гоголя 1841–1844 гг.). Ср. у В.И. Даля: «Сочень, соченик, мн. сочни, сев. вост. пресные, тонкие лепешки {...} постные на конопляном соку», «скромная лепешка, на масле, вернее пряженик», «лепешка с кашей сверху, со сметаной или творогом, род шаньги, ватрушки»; «картофельные пресняки» и т.д. (Даль. Т. 1. С. 264).

Глава IV

С. 59. Карет, веришь ли, какая гибель, и все это такое ан-гро. — Ан-гро — транслитерация французского en gros, т.е. оптом (см. с. 730 наст. изд.).

С. 68. ...водяную мельницу с изломанным камнем... — Имеется в виду мельничный жернов, который действительно делался из камня.

С. 70. ...самой субдительной суперфлю... — Субдительный — еще один гоголевский неологизм. По-видимому, призван обозначать то же, что «субтильный». Выражение было подхвачено Ф.М. Достоевским в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (1863): «Конечно, можно быть и подьячим, и плутом, и бригадиром и в то же время пренаивно и трогательно быть уверену, что кавалер де Роган и есть самый “суб-

дительный суперфлю» (Достоевский. Т. 5. С. 57). См. также с. 799 наст. изд.

С. 78. *Шашешница (шашасница)* — Даль дает следующие формы: шашечная доска, шашечница, шашница, шашня (Даль. Т. 4. С. 625).

Глава V

С. 82. *Не только гнедой и саврасой...* — Саврасый — «конская масть; светло-гнедой с желтизной» (Даль. Т. 4. С. 127). Гнедой — см. с. 722 наст. изд.

С. 83. *Мадонской хорошенькой овал лица...* — Мадонна — не только итальянское название Богоматери, но и устойчивое название ее изображения в произведениях западноевропейских скульпторов и художников. В западной традиции образ Пресвятой Девы (Madonna) ассоциировался во многом с куртуазным образом Прекрасной Дамы (Doppa). Возможно, поэтому лик Мадонны, в отличие от изображения Христа и в отличие от православной Богородицы, не имел четко выработанного иконографического канона, начиная со Средневековья; художники воплощали в образе Мадонны свои представления о женской красоте. Гоголевское упоминание мадонны могло быть также скрытой парафразой известного стихотворения А.С. Пушкина «Мадонна» (1830), посвященного Н.Н. Пушкиной (Пушкин. Т. III. Кн. 1. С. 224).

С. 84. *...сулся с советом...* — То же, что сунулся (скорее всего, редукция при скорописи).

С. 84. *...пришпандарь кнутом...* — В тексте первого издания: «пришпандорь» (см. с. 736 наст. изд.).

С. 87. *...девиц, увешанных борками ~ гривнами, крестами и всякими пронизками...* — «Борóк, борки — монисты, состоящие из зернышек пронизок» (записная книжка Гоголя 1841–1844 гг.). Ср.: «Купцы из Жаровки рассылают закупа(ть) кошек комиссионеров по деревням. Торг идет меной: меняют их у крестьян на боровки, пронизки стеклянные и всякие ожерелья» (там же). Пронизка — «буса, бисерина, стеклярус; продыренный шелег, монета, камешек, стекляшка {...} для украшения, наряда» (Даль. Т. 3. С. 499).

С. 95. *...издавал звуки вроде икотки...* — В народной культуре икота иногда приписывается порче или нечистому духу (Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 2. М., 1999. С. 402).

С. 105. *Поперхнулся бы ты осиновым клином!* — У славян (как и у многих других народов) осина считалась проклятым деревом, символом предательства (по преданию, на ней повесился Иуда), и как Иудино дерево она символизировала смерть.

Глава VI

С. 109. ...разобрали с них драницы и доски... — Драницы — тонкие узкие дощечки, используемые для изготовления кровли.

Глава VII

С. 147. ...шаромыжка. — Шаромыга, шаромыжка — мошеник, плут, любитель поживиться на чужой счет.

Глава VIII

С. 159. ...как будто свинец или сорокафунтовое ядро в него засело. — В России со времен Петра I использовалась особая единица измерения калибра артиллерийских орудий и снарядов — артиллерийский фунт, равный весу чугунного ядра диаметром в 2 дюйма (около 491 г.). Русский торговый фунт составлял около 409,5 г.

Глава IX

С. 187. ...как серживались встарь во времена прежние за Ревизора... — Об оценках «Ревизора», в том числе негативных, см.: Наст. изд. Т. 4. С. 670–683, 714–734.

С. 204. ...бырчущими загогулинами... — Бырь — «быстрина в потоке; закрут вихря» (Даль. Т. 1. С. 150).

Глава X

С. 230. ...черные наросты ~ зовомые спорынбём... — Ср. в записной книжке Гоголя 1841–1844 гг.: «Рожки или спорынбья во ржи, когда зерно превращается тоже в черный нарост».

Глава XI

С. 238. ...лудить по становой жиле... — Становая жила — позвоночник.

С. 239. ...таким образом арестован... — Арестован — здесь: галлицизм (от франц. *arrêter*), то же, что остановлен.

С. 242. ...в какой(-то) сжатой картине и в тесных рамках проносился пред ним вдруг город... — Возможно, что в данном пассаже отразились модные с конца XVIII в. прогулки с так называемыми стеклами Клода (особого рода оптическими стеклами), которые позволяли структурировать естественный пейзаж и превращать его в своеобразные живописные полотна.

КЪ ЧИТАТЕЛЮ ОТЪ СОЧИНТЕЛЯ.

Кто бы ты ни былъ, мой чптатель, на какомъ бы мѣстѣ ни стоялъ, въ какомъ бы звачіи ни находился, почтенъ ли ты высшмъ чномъ или человекъ простаго сословія, но если тебя вразумилъ Богъ грамотъ и попалась уже тебѣ въ руки моя книга, я прошу тебя помочь мнѣ.

Въ книгѣ, которая передъ тобой, которую, вѣроятно, ты уже прочелъ въ ея первомъ изданіи, изображенъ человекъ, взятый изъ нашего же Государства. Ѣздитъ онъ по нашей Русской землѣ, встрѣчается съ людьми всякихъ сословія, отъ благородныхъ до простыхъ. Взять онъ больше за тѣмъ, чтобы показать недостатки и пороки Русскаго человека, а не его достоинства и добродѣтели, и всѣ люди, которые окружаютъ его, взиты также за тѣмъ, чтобы показать наши слабости и недостатки; лучшіе люди и характеры будуть въ другихъ частяхъ. Въ книгѣ этой много описано невѣрно, не такъ какъ есть, и какъ дѣйствительно происходитъ въ Русской землѣ, потому что я не могъ узнать всего: мало жизни

К читателю от сочинителя

⟨Предисловіе ко второму изданію «Мертвых душ»⟩.
Стр. V первой пагинации второго изданія поэмы (1846)

К читателю от сочинителя

⟨Предисловие ко второму изданию «Мертвых душ⟩

Автограф не сохранился. Печатается по тексту первой публикации: К читателю от сочинителя // Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Издание второе. Москва. В Университетской типографии. 1846 (цензурное разрешение — 25 августа 1846 г., цензор А. Никитенко). 1-я паг. С. V—X.

В письме от 14(26) июля 1846 г. из Швальбаха Гоголь сообщил С.П. Шевыреву, занимавшемуся подготовкой второго издания «Мертвых душ», о своем намерении сопроводить книгу предисловием и обещал прислать его «к концу печатанья».

Работа над предисловием была завершена к началу октября н. ст. 1846 г.: 21 сентября (3 октября) Гоголь выслал рукопись из Франкфурта в Петербург П.А. Плетневу для подписи цензором А.В. Никитенко. Вскоре Плетнев переправил предисловие в Москву Шевыреву, который по просьбе Гоголя исправил в нем «слог». Правка была незначительной и не затронула оригинальных элементов гоголевского стиля (см. письмо Шевырева Гоголю от 20 октября (1 ноября) 1846 г. из Москвы — *Отчет публ. б-ки 1896. С. 27*; то же: *Гоголь. Переписка. Т. 2. С. 325—326*). Подробнее об истории создания текста см. с. 522—524 наст. изд.

Второе издание «Мертвых душ» с предисловием «К читателю от сочинителя» вышло в Москве между 30 декабря 1846 г. и 7 января 1847 г. Однако еще в декабре 1846 г. выдержки из предисловия без ведома автора были опубликованы в «Отечественных записках» (ОЗ. 1846. Т. 49. № 12. (Декабрь.) Отд. VI. С. 57), в рецензии В.Н. Майкова (см. об этом с. 525 наст. изд.).

О реакции критиков и читателей на предисловие см. с. 600—603 наст. изд.

К 1-й части

ЧЗ — черновые заметки к первой части «Мертвых душ». Хранятся: ОР РГБ. Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 33. 4 л. Автограф представляет собой длинный лист (половина разрезанного вдоль листа бумаги флат), сложенный вчетверо; л. 1 об. и 4 (будучи сложенными, оказались рядом) заполнены на одну четверть, л. 2—3 об., 4 об. не заполнены; чернила. Разм. 22,2 × 14,0. Бумага почтовая, без филиграни и штемпеля. Пагинация архивная, полистная, в правом верхнем углу, карандашом. Описание рукописи см. также: *Описание РГБ 1*. С. 14.

Впервые опубликовано: Сочинения и письма Н.В. Гоголя / Изд. П.А. Кулиша. Т. 4. СПб., 1857. С. 546—548 (под заглавием «Заметки на лоскутках. К 1-й части»); включено в *Тих.* Т. 3. С. 254—255 (в раздел «Приложения к первому тому Мертвых Душ», под названием «Заметки, относящиеся к 1-й части»), в *Ак.* Т. VI. С. 692—693 (под названием «〈Заметки〉 К 1-й части»). Предположительно датируется: середина 1845—1846 г.

Печатается по автографу, со следующим исправлением:

С. 757, строки 6—7 (наст. изд., кн. 1): примешиваются частные сплетни — *вместо*: примешивается частные сплетни

* * *

Небольшой по объему автограф под авторским названием «К 1-й части», содержащий заметки, на самом деле относящиеся к обоим томам МД, очень сложен и для интерпретации, и для датировки. Жанровое определение («Заметки»), традиционно присоединяемое к авторскому названию, действительно, в большой мере отражает суть этого достаточно разнообразного по тематике и художественному предназначению текста.

Одни замечания касаются замысла поэмы в целом, другие — трех глав (VIII, IX и X), в которых описано зарождение и развитие различных версий о мотивах поведения Чичикова. Вторая группа замечаний имеет особый подзаголовок, дважды фигурирующий в тексте, — так называемые «Частности». На самом деле эти «Частности» предполагают

довольно существенную переработку и перестройку отдельных сцен и эпизодов. Наиболее значимая корректировка предусмотрена для одного из действующих лиц — «дамы приятной во всех отношениях». Прежде всего ее первое появление переносится из главы IX в более раннюю главу VIII, в сцены бала, где она вступает в кокетливую любовную игру с Чичиковым: «Нет, милая, я люблю, понимаете, сначала мужчину приблизить и потом удалить, удалить и потом приблизить». Таким же образом она поступает и на бале с Чичиковым» (в тексте первого издания факт присутствия «дамы приятной во всех отношениях» зафиксирован лишь постфактум — в главе IX). К главе VIII относится и начерно набросанный в заметках эпизод рассматривания и оценки бальных нарядов — вновь с участием означенной «дамы»: «Сидя рассматривают входящих. Н(адворная) Совет(ница) не умеет одеваться, совсем не умеет. Этот шарф так ей не идет...” “Как хорошо одета Губерн(аторская) дочка (2 нрзб.)”. — “Милая, она так гадко одета”. “Уж если и так и все(?)”». Композиционно такое решение (т.е. перенос появления «дамы приятной во всех отношениях» из главы IX в главу VIII) абсолютно мотивирован: присутствие этой фигуры на балу (особенно учитывая приданный ей автором высокий светский статус) должно быть как-то отмечено, что может послужить одновременно плавным переходом к ее более углубленному раскрытию в дальнейшем (в следующей главе). К главе VIII относятся замечания о прочих, никак не поименованных участницах бальной интриги: «У других тоже состраиваются идеи, как себя вести. Одна почтительна. Две дамы, взявшись под руки, ходили и решили хохотать как можно дол(ьше?)». Потом нашли, что совсем у Чичикова нет манер и восп(итания?) хороших».

Очевидно, и в последующих главах «даме приятной во всех отношениях» была уготована более значительная роль. Во всяком случае ее портрет становится еще более индивидуализированным: «чувственные наклонности», страсть к рассказам об умении побеждать эти самые наклонности «посредством ума», конкретизация вкусов и пристрастий: «Дама приятная во всех отношениях любила читать всякие описания Балов. Описание Венского конгресса ее очень занимает. Туалет любила дама, то есть замечать на других, что на ком хорошо и что не хорошо». Более того, она становится персонажем с прошлым: «...в молодости своей имела что-то похожее на будошника, несмотря на все свои приятности и хорошие качества».

Имеет место психологическая детализация природы дамских сплетен: «Как к общим сплетням примешиваются частные сплетни, как в них не щадят одна другую». И далее: «Дамы ссорятся именно из-за того, что одной хочется, чтобы Чичиков был тем-то, другой тем-то, и потому принимает только те слухи, которые сообразны с ее идеями» (см. также: Тих. Т. 3. С. 515; Манн 1987. С. 196–197).

«Частности» неотделимы от целостной природы намеченного плана, конкретизируя и развивая ее суть: «Очевидно, что общий смысл “частностей” не противостоит у Гоголя их конкретному изображению, а присутствует в нем же и выявляется через него» (Смирнова Е.А. 1983. С. 170); «...поведение “дам”, погруженных в стихию сплетен, слухов и интриг» прямо связано «с идеей демонической пустоты» (Гончаров С.А. Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте. СПб., 1997. С. 46).

В заметках снова прочерчены (видимо, для дальнейшей детальной проработки) две темы, звучавшие в тексте первого тома (причем, от редакции к редакции все сильнее): тема бала (как олицетворенной праздности) и тема не трогающей мир смерти (как отражение «мертвой бесчувственности жизни»).

Окаймляют текст размышления общего характера, касающиеся содержания поэмы в целом (в свете развития и трансформации замысла) и содержащие своего рода художественные формулы каждого из двух томов. В первом томе это «Идея города» с ее тройственной основой: «безделье» как изначальная субстанция («все это возникло из безделья») — сплетни, «перешедшие пределы» («вихрь сплетней», «пустословие») — «пустота». Раскрыт механизм развития событий во второй части (томе) — в сравнении с первой: «Противуположное ему преобразован(ие?) во II, занятой разорванным бездельем». Этот сложный тезис, очевидно, можно истолковать как намеченную тенденцию духовного восхождения героев: «безделье» (том первый) — «разорванное» (разомкнутое?) безделье — «преобразование» (том второй).

Прочерчивается (вероятно, общая для обоих томов) философская линия повествования — нераздельность мира и представляющего его города (через сквозные категории «город» — «жизнь» — «человечество» — «мир»), воплощение которой рассматривается как одна из основных художественных проблем поэмы: «Как низвести все миры безделья во всех родах до сходства с городским бездельем? и как городское безделье возвести до преобразован(ия?) безделья мира?». Конкретные пути решения намечены лишь в самом общем виде: «Для (этого?) включить все сходства и внести постепенный ход».

Заметки запечатлели авторское восприятие недугов общества в их крайних, критических формах, что нашло соответствующее отражение в стилистике: «высшая степень», «перешедшие пределы», «в высшей степени», «совершенные глупости», «верх смешного», «еще сильнее», «не страшно ли великое». В этом же ряду стоит другая особенность текста: постепенное (но очевидное даже в таком небольшом автографе) вытеснение категории смешного категорией страшного: «приняло выражен(ие) смешного в высшей степени», «восходят до верха смешного» — «страшное событие», «страшная мгла жизни», «ужасное» явление.

Опорный лексический ряд заметок («пустота» — дважды, «пустословие», «безделье» — шесть раз, «бездельность жизни всего человечества в массе», «бессильная праздность жизни», «мертвая бесчувственность жизни», «страшная мгла жизни») не характерен для текста первого тома МД, зато имеет многочисленные соответствия в письмах 1840-х гг. и в «Выбранных местах из переписки с друзьями»: «неважные дела и пустота жизни», выставлять которые считает «и доньине важным делом» (письмо Гоголя С.Т. Аксакову от 6(18) августа 1842 г. из Гастейна); свет «от нечего делать пуст и глуп» (письмо Гоголя Ю.Ф. Самарину 22 декабря 1845 г. (3 января 1846 г.) из Рима); пустота «домашней жизни» светской женщины («Выбранные места из переписки с друзьями. II. Женщина в свете (Письмо к ...ой)»; авторская датировка: 1846); просьба описывать пустоту («...описывайте мне даже пустоту, вас окружающую: мне все нужно» — письмо Гоголя А.М. Вьельгорской от 2(14) мая 1846 г., Генуя). Здесь важно отметить не простой факт лексического совпадения, но некоторое внутреннее единство смыслов совпадающих слов. Некоторые из этих слов (в частности, «пустота»), как было справедливо указано (*Воропаев В.А. О датировке гоголевских заметок «К 1-й части» «Мертвых душ» // РЛ. 1987. № 1. С. 181*), встречаются и в ранних письмах Гоголя, однако там они, как правило, несут конкретную, часто житейскую, смысловую нагрузку. Письма позднего периода (т.е. по выходе первого тома) в этом отношении являют пример более тесного, но далеко не абсолютного единства с текстом заметок, поскольку в последних указанные слова приобретают особый философско-художественный смысл и статус. Еще одна переключка с «Выбранными местами из переписки с друзьями» — в строчках, говорящих об общем безучастии к уходу человека из жизни: «Смерть поражает нетрогающ(ийся?) мир» (в заметках, в связи со смертью прокурора в первом томе МД) — «...никого это не поразило. Даже не содрогнулось ветренное племя» (о «насильственной смерти» «первостепенных поэтов» — «Выбранные места... XXXI. В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность»). Здесь также имеет место совпадение более глубокое и конкретное, чем то, которое нам дает сопоставление текста заметок с текстом собственно первого тома, где акцентируется не столько характер отношения окружающих к уходу человека из жизни, сколько трагизм самого ухода («...появление смерти так же было страшно в малом, как страшно оно и в великом человеке...»). О параллелях между заметками и «Выбранными местами...» см. также: *Манн 1987. С. 196*.

Совершенно иная — по отношению к первому тому — природа заметок отчетливо видна в отдельных характерных деталях. Так, например, в первом томе многократно говорится о различного рода «делах», обозначающих различные виды пустого времяпрепровождения (см. подробнее: *Падерина Е.Г. О мотиве дела в первом томе «Мертвых душ» // Текст*

и интерпретация. Новосибирск, 2006. С. 68–85). В заметках на смену этому ироническому наименованию так называемой деятельности приходит совершенно другое — лишенное каких-либо иронических оттенков, оценочно-прямолинейное: «безделье». Такая лексическая замена вполне отвечает общей тональности заметок: строгой, осуждающей и, по точному определению А.А. Елистратовой, «драматической, даже трагической» (Елистратова А.А. Гоголь и проблемы западноевропейского романа. М., 1972. С. 21).

Очевидно, таким образом, что сюжетные связи заметок с текстом первого издания носят хотя и тесный, но опосредованный характер, проявляясь в позднейшей конкретизации «частностей», углублении логики повествования и некоторой трансформации (своего рода трагическому возвышению) общего взгляда на происходящее.

Характерно то, что текст заметок, связан, главным образом, именно с городом, что означено в первых же словах («Идея Города»). За рамками заметок (даже подразумеваемая возможность их соотнесения со всем художественным пространством поэмы) остаются тем не менее основные сюжетные линии пяти глав, относящихся к иной сфере жизни — помещичьей, а также важнейшей главы — заключительной. Трудно себе представить, что заметки, предшествующие созданию или завершению первого тома МД, могли обойтись без этой тематики, т.е. без вякого упоминания основных персонажей книги и более того — ее главного героя. Истолкование же заметок как позднейшего плана усовершенствования первого тома позволяет разъяснить это противоречие, так как именно несовершенство второй половины книги, в которой городская тематика занимает одно из главных мест, более всего беспокоило автора после выхода поэмы в свет: «...последняя половина книги отработана меньше первой (...) в ней великие пропуски (...) главные и важные обстоятельства сжаты и сокращены, неважные и побочные распространены, что не столько выступает внутренний дух всего сочинения, сколько мечется в глаза пестрота частей и лоскутность его» («Выбранные места из переписки с друзьями. XVIII. Четыре письма к разным лицам по поводу “Мертвых душ”». Письмо 2. Авторская датировка — 1843 г.). Косвенным аргументом в пользу позднего происхождения заметок является и само их название «К 1-й части» — т.е. дополнение к уже имеющемуся тексту, а не его первоначальный план, замысел и т.д. Очень характерно и то, что текст заметок в ряде случаев достаточно сложен для истолкования. Более того, пути решения очерченных в них художественных задач не до конца ясны и самому автору, что отражено в вопросительной интонации завершающих строк. Все это тоже в большой степени характерно для позднего этапа работы над текстом МД, отмеченного поисками общих художественных решений для обоих томов поэмы (интерпретацию текста заметок см. также в книге: *Amberg 1986. S. 167–169*).

Датировка заметок представляет собой сложную и дискуссионную проблему. В первой публикации, осуществленной П.А. Кулишом (Сочинения и письма Н.В. Гоголя. Т. 4. СПб., 1857. С. 546–548; под заглавием «Заметки на лоскутках. К 1-й части»), о времени создания автографа не сказано ни слова. В издании Н.С. Тихонравова проблеме датировки уделено пристальное внимание (Тих. Т. 3. С. 509–515). Здесь прежде всего обоснованно отклонена сама возможность трактовки заметок как «первоначального плана первой части “Мертвых Душ”, начертанного при самом начале работ над нею» (там же, с. 510). Аргументы, выдвинутые при этом Тихонравовым: признание самого Гоголя в изначальном отсутствии плана («Я начал было писать, не определивши себе обстоятельного плана...» — «Авторская исповедь»); появление «устного» плана в ходе работы («...обдумал более весь план и теперь веду его спокойно, как летопись» — письмо Гоголя В.А. Жуковскому 31 октября (12 ноября) 1836 г. из Парижа); связь заметок, во всяком случае их заключительной части, со вторым томом МД (Тих. Т. 3. С. 509–510). Позиция Тихонравова (т.е. трактовка заметок как позднего текста, созданного после выхода в свет первого тома МД) разделяется большинством исследователей (Марковский 1902. С. 179–180; Ак. Т. VI. С. 893; Манн 1987. С. 195–197; Смирнова Е.А. 1983. С. 170; Смирнова Е.А. 1987. С. 64).

Имеет место и другая точка зрения на проблему датировки заметок, в основе которой лежит идея трактовки их как первоначального плана МД. Так, А.А. Елистратова, не касаясь подробно проблемы точной датировки заметок, тем не менее истолковывает их как «предварительные черновые заметки к первой части “Мертвых душ”» (Елистратова А.А. Гоголь и проблемы западноевропейского романа. М., 1972. С. 20). Е.Н. Купреянова рассматривает текст заметок как «авторское свидетельство притчеобразной символики замысла, названия и всей художественной структуры» поэмы, предположительно истолковывая при этом фигурирующую в тексте заметок римскую цифру II («Противуположное ему преобразован(ие?) во II, занятой разорванным бездельем») как описку (Купреянова Е.Н. Н.В. Гоголь // История русской литературы: В 4 т. Т. 2. Л., 1981. С. 571). Версия ранней датировки заметок (как предшествующих первому изданию) наиболее полно и аргументированно представлена в специально посвященной этой проблеме статье (с аналитическим обзором других мнений): Воропаев В.А. О датировке гоголевских заметок «К 1-й части» «Мертвых душ» // РЛ. 1987. № 1. С. 179–185. Здесь предложена датировка заметок 1839–1840 гг. — «периодом завершающей стадии работы над первым томом» (там же, с. 185).

Очень существенным для истории создания заметок является наблюдение В.А. Воропаева об их текстологическом сходстве с отдельными положениями рецензии С.П. Шевырева на «Мертвые души» —

в седьмом и восьмом номерах журнала «Москвитянин» за 1842 г. (там же, с. 184–185; см. также: *Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 9 т. / Сост. и коммент. В.А. Воропаева, И.А. Виноградова. Т. 5. М., 1994. С. 602*). Отмеченные здесь совпадения формулировок Шевырева («пустота» жизни людей типа Манилова, «пустая и праздная жизнь», «пустая бессмыслица в действиях города N» — *Шевырев С. Похождения Чичикова, или Мертвые Души. Поэма Н. Гоголя... // Москв. 1842. Ч. IV. № 7. «Критика». С. 211, 220, 227*) с гоголевскими, а также указанное сходство в трактовке «идеи города» (с опорой на слова Шевырева: «Как будто сам демон путаницы и глупости носится над всем городом и всех сливает в одно: здесь (...) целый мир бессмыслицы, воплощенный в полную городскую массу» — *Москв. 1842. Ч. IV. № 8. С. 351*) могут быть трактованы двояко: либо Шевырев до создания рецензии был посвящен — вопреки обыкновенной авторской скрытности на черновых стадиях работы — в текст абсолютно предварительных заметок (если допустить возможность создания последних прежде выхода первого тома МД), либо его рецензия просто отразила чрезвычайно высокую степень проникновения в художественную природу гоголевской поэмы и, может быть, даже оказала творческое влияние на последующую работу Гоголя над текстом МД, в том числе и на работу над заметками (при условии создания последних после выхода первого тома). Вторая версия представляется наиболее вероятной. В ее пользу говорит прежде всего приведенный выше разбор самого текста заметок (а также его соотношение с текстом первого тома поэмы). Нельзя не принимать во внимание чисто этическую сторону дела — трудно допустить, что Шевырев в публичном отзыве о МД мог опираться на черновые, неопубликованные заметки Гоголя. Следует также иметь в виду сам уровень рецензии Шевырева, отразившей глубокую художественную сопричастность идеям и чувствам автора. Последнее подтверждено самим Гоголем — в его отзывах (в связи с МД не имеющих даже близкой аналогии) на рецензию Шевырева: «В обеих статьях твоих (...) есть очень много полезного собственно для меня» (письмо Гоголя Шевыреву от 31 октября (12 ноября) 1842 г. из Рима); «И не столько самое проразуменье твое сил моих как художника, которые ты взвесил эстетическим чутьем своим, как совпаденье душою, предслышанье и предчувствие того, что слышит душа моя... Выше такого чувства я не знаю, его произвел ты. Следы этого везде слышны во 2-й статье твоего разбора М(ертвых) д(уш), который я уже прочел несколько раз» (письмо Гоголя С.П. Шевыреву от 18 февраля (2 марта) 1843 г. из Рима; курсив. — *Ред*). Сами гоголевские слова в большой мере подтверждают возможность творческого взаимодействия писателя и критика.

Определяя время создания заметок, Тихонравов попытался найти своего рода поворотный момент в авторской оценке первого тома и

в работе над вторым. «В 1843 году, — замечает Тихонравов, — Гоголь высказывает еще довольство впечатлением, которое оставила в читателях первая часть “Мертвых душ”» (Тих. Т. 3. С. 511). В подтверждение этого тезиса Тихонравов опирается на признание самого автора поэмы: «Первая часть, несмотря на все свои несовершенства, главное дело сделала: она поселила у всех отвращенье от моих героев и от их ничтожности; она разнесла некоторую мне нужную тоску от самих себя. Покамест для меня этого довольно; за другим я и не гоняюсь» («Выбранные места из переписки с друзьями. XVIII. Четыре письма к разным лицам по поводу “Мертвых душ”». Письмо 3; авторская датировка — 1843 г.). Перемена, по наблюдениям Тихонравова, произошла в период тяжелой болезни Гоголя, в июле 1845 г., когда, после сожжения рукописи второго тома (сжег, «видя перед собою смерть» — Там же. Письмо 4; датировано автором 1846 г.) и разрешения внутренних душевных проблем («...нашел удовлетворение в некоторых главных вопросах» — «Авторская исповедь»), Гоголь обрел силы к продолжению своего труда: «...мог приступить вновь к моему сочинению, первая часть которого составляет еще поныне загадку, потому что заключает в себе некоторую часть переходного состояния моей собственной души...» (там же). К этому времени относится и признание Гоголя в письме А.О. Смирновой (от 13(25) июля 1845 г. из Карлсбада), отражающее авторское недовольство первым томом МД: «Друг мой, я не люблю моих сочинений, доселе бывших и напечатанных, и особенно “Мерт(вых) душ”. Но вы будете несправедливы, когда будете осуждать за них автора, принимая за карикатуру насмешку над губерниями, так же, как были прежде несправедливы хваливши. Вовсе не губерния и не несколько уродливых помещиков, и не то, что им приписывают, есть предмет “Мертвых душ”. Это пока еще тайна, которая должна была вдруг, к изумлению всех (ибо ни одна душа из читателей не догадалась), раскрыться в последующих томах...» (подробнее см.: Тих. Т. 3. С. 511—514). Приблизительно к этому времени Тихонравов и относит «набросок плана переработки первой и второй части “Мертвых душ”» (там же, с. 514). Помимо вышеприведенных, им выдвинут еще ряд серьезных аргументов в пользу предложенной датировки: наличие в заметках совершенно новых, отсутствующих в известных редакциях (в том числе в печатной), «частностей» о характерах дам; развитие темы смерти под влиянием тяжелой болезни, перенесенной Гоголем (там же, с. 514—515). Последний аргумент конкретизирует датировку, ибо относит создание заметок ко времени выздоровления Гоголя (работу в период критического состояния вряд ли можно считать возможной). Один из формальных, но очень существенных аргументов Тихонравова касается бумаги: заметки «набросаны на такой же точно бумаге, на какой написана первая редакция “Размышлений о божественной литургии” {...} восходящая к 1845—1846 году» (там же, с. 515; там же, т. 4, с. 593).

Отметим, что бумага идентична по качеству и по размеру, расхождение в двух миллиметрах связано с характером сгиба листа (см., например, рукописи «Размышлений о божественной литургии»: ОР РГБ. Ф. 74. К. 4. Ед. хр. 29; начало: «Проскомидия. Священник, которому предстоит...»; К. 4. Ед. хр. 31; начало: «...в огнях и в блистаньях неслись перед ним...»).

Проблема датировки заметок (как хорошо видно из комментария Тихонровова) включает в себя два вопроса. Решение первого из них (о том, что заметки не являются первоначальным планом МД и не могли быть созданы ранее выхода в свет первого издания поэмы, т.е. ранее 1842 г.) основано на твердой, четкой аргументации: гоголевское замечание об отсутствии первоначального плана (хотя на каком-то этапе план, т.е. четкий замысел, появился: «Вследствие уже давно принятого плана “Мертвых душ” для первой части поэмы требовались именно люди ничтожные» — «Выбранные места из переписки с друзьями. Четыре письма к разным лицам по поводу “Мертвых душ”». Письмо 3; авторская датировка — 1843 г.); предназначение заметок для обеих частей поэмы (что не могло иметь места на самых ранних этапах работы над текстом); характер так называемых частных замечаний («Частности»), не имеющих никаких аналогий в известных текстах МД и предполагающих, как было показано выше, довольно существенную переработку глав VIII и IX (что соответствует авторскому комментарию в «Выбранных местах...»: «...последняя половина книги отработана меньше первой...» — «Четыре письма к разным лицам...», письмо 2); морально-философский, духовно строгий тон заметок, отражающий черты мироощущения Гоголя середины 1840-х гг. — по его собственному признанию этого времени: «...нынешнего меня, а не прежнего меня...» (письмо Гоголя А.О. Смирновой от 21 марта (2 апреля) 1845 г. из Франкфурта).

Решение второго вопроса (о более или менее точной дате создания заметок) представляет собой гораздо большую трудность. Известно, что о недостатках первой части МД Гоголь писал еще в то время, когда не была решена участь поэмы в цензуре, а впоследствии часто упоминал о них (см. с. 840—842 наст. изд.). Вместе с тем, как отмечалось выше (со ссылкой на Тихонровова), в 1843 г. Гоголь в целом еще был удовлетворен воздействием первой части «Мертвых душ» на читателя. Добавим к этому, что первое время после выхода поэмы Гоголь был занят более оценками читателей, соотнося их со своими предположениями и находя соответствие собственным ожиданиям: «Первое впечатление (...) на публику совершенно то, какое подозревал я заране. Неопределенные толки; поспешность быстрая прочесть и ненасыщенная пустота после прочтения; досада на видимую непрерывную мелочь событий жизни, которая становится невольно насмешкой и упреком. Всё это я знал заране. Бедный читатель с жадностью схватил в руки книгу, чтобы

прочсть ее, как занимательный, увлекательный роман, и, утомленный, опустил руки и голову, встретивши никак не предвиденную скуку. Всё это я знал» (письмо Гоголя С.Т. Аксакову от 6(18) августа 1842 г. из Гастейна). Говоря о несовершенстве только что вышедшей первой части (в отношении к последующим кажется ему «приделанным (...)» наскоро крыльцом к дворцу) — письмо Жуковскому от 14(26) июня 1842 г. из Берлина), Гоголь вместе с тем еще не готов конкретизировать претензии к собственному тексту: «...в ней наберется немало таких погрешностей, которых я пока еще не вижу» (там же).

Среди писем Гоголя с просьбами прислать замечания по поводу вышедшего первого тома МД особенно примечательно адресованное Н.М. Языкову, от 16(28) мая 1843 г. из Мюнхена, в котором определены хронологические рамки предполагаемой автором переработки: «В течение двух лет, т.е. прежде совершенного исправления всего, мне нужно увидеть все дыры и прорухи». Получается, что к середине 1845 г. Гоголь предполагал исправить первую часть (очевидно, одновременно с завершением второй). Выше уже отмечалось, что именно к этому времени Тихонравов относил создание заметок, приурочивая их к моменту, которому предшествовали период «внутреннего самовоспитания», сожжение первоначальной редакции второго тома и «роковая болезнь» (Тих. Т. 3. С. 512—514; подобная точка зрения отражена также в работе: *Марковский 1902. С. 179*). Предположение Тихонравова кажется достаточно убедительным, поскольку текст заметок всем своим внутренним строем явно отражает переломный момент в духовном состоянии и творческом развитии автора. При этом нельзя исключать и возможности создания заметок в более позднее время — во второй половине 1845 — первой половине 1846 г. (в Ак. заметки датированы 1846 г. — Т. VI. С. 893). Во всяком случае именно в письмах Гоголя этого времени имеются свидетельства о возобновлении творческой работы в целом (т.е. главным образом над вторым томом) и над первым томом в частности: «...чувствую в себе и голову и мысли более свежими и, кажется, мог бы теперь засесть за труд...» (письмо Гоголя П.А. Плетневу, 16(28) ноября 1845 г. из Рима); «Я острю перо...» (письмо Гоголя В.А. Жуковскому, 16(28) ноября 1845 г. из Рима); «Прошу вас, если будете отправлять свои вещи в Россию, а с ними и мои книги, вынуть из них два экземпляра “Мертвых душ” и оставить их при вас для меня. (...) первая часть мне потребна при писании второй, и притом нужно ее самую значительно выправить» (письмо Гоголя В.А. Жуковскому, 4(16) марта 1846 г. из Рима); «...второе издание 1-й части будет только тогда, когда она выправится и явится в таком виде, в каком ей следует явиться...» (Гоголь — П.А. Плетневу, 8(20) марта 1846 г. из Рима).

Характерно, что именно в середине 1846 г. Гоголь пытался добиться от А.О. Смирновой (находившейся в ту пору в Калуге, где ее муж был

губернатором) ответов на вопросы, непосредственно связанные с рядом основных тем заметок: «Идея города» (в заметках) — и ожидание от Смирновой такого рассказа, чтобы получить, наконец, о городе «полное понятие»; особый интерес к женской половине города (в заметках) — и желание именно о ней получить подробные сведения («Итак, женщин всех насквозь...»); «вихрь сплетней» в заметках — и такая просьба: «Запишите также две, три сплетни на выдержку (...) чтобы я знал, какого рода сплетни у вас плетутся» (письмо Гоголя А.О. Смирновой от 25 мая (6 июня) 1846 г. из Праги).

С учетом приведенных аргументов в настоящем издании заметки предположительно датируются серединой 1845—1846 г.

Неразрывная связь вновь намеченного плана с обеими частями поэмы сделала невозможной его быструю реализацию — уже 14(26) июля 1846 г. (из Швальбаха) Гоголь обратился к С.П. Шевыреву с просьбой о напечатании первого тома вторым изданием «в том же самом виде». Идеи заметки, таким образом, не получили творческого воплощения.

* * *

С. 757¹. ...какого рода Бабичи и Юпки образуются. — «Бабич любящий разговаривать и водиться с бабами» (из записной книжки Гоголя 1841—1844 гг.). Ср.: Бабич (нижегор.) — «бабий угодник, прихвостень, волокита» (Даль. Т. 1. С. 34).

С. 757при сплетнях и визитных билетах... — «Визитный билет, карточка, с именем посетителя, не заставшего хозяина» (Даль. Т. 1. С. 86). Резкая неприязнь Гоголя к пустым светским визитам, четко обозначенная уже в главе VIII первого тома МД («Визитная карточка, будь она писана хоть на трефовой двойке или бубновом тузе, но вещь была очень священная»), наиболее полно отражена и обоснована в письме Гоголя А.О. Смирновой от 16(28) июля 1845 из Карлсбада (кстати, по времени может совпадать с «Заметками»): «Нападайте на визиты — источники всяких ссор и щекотливых раздражительностей честолюбья и самолюбья. Говорите почаще, что вы совершенно считаете за ничто, сделает ли вам или не сделает кто визита, что принимать это за важное — грех, а выводить из того какие-нибудь заключения — мелко. Говорите, что вы считаете неизвинительным не сделать визита, когда визит чем-нибудь может быть полезен, когда посещаемый находится в горе, в тоске, когда нужно его утешить, развеселить или поднять дух его, и докажите это делом». Ср. в письмах А.С. Пушкина П.А. Плетневу от 24 февраля 1831 г. («Посылаю Вам визитную карточку — жены дома нет, и потому не сама она рекомендуется Ст(епаниде) Ал(ександровне)» — Пушкин. Т. 14. С. 155), Н.Н. Пушкиной от 16 декабря 1831 г. («...письмо мое вероятно будет пахнуть бобковой мазью, как твои визитные билеты» — там же, с. 249); в незавершенном романе М.Ю. Лермонтова «Княгиня

¹ Здесь и ниже указаны страницы кн. 1 наст. изд.

Лиговская» (1836): «...мальчик (...) подал, не говоря ни слова, визитную карточку: Печорин (...) спросил, кто принес. (...) эта визитная карточка, видно, имела свойство возбуждать любопытство...» (Лермонтов М.Ю. Сочинения: В 6 т. Т. VI. М.; Л., 1957. С. 125); в незаконченной повести А.А. Бестужева (Марлинского) «Месть» (1837): «Его визитные карточки служили образцом вкуса и почерка...» (Бестужев А.А. (Марлинский). Ночь на Корабле: Повести и рассказы. М., 1988. С. 342).

С. 759. ...что-то похожее на будошника... — «Страж в городе при будке находящийся» (Словарь Академии российской. Ч. 1. Стб. 329); «...низший служитель градской полиции; полицейский часовой, стоящий перед будкою для наблюдения за благочинием и чистотою улиц в дистанции, порученной его надзору» (Энциклопедический лексикон. Т. 7. 1836. С. 252).

С. 759. Описание Венского конгресса ее очень занимает. — Венский конгресс, состоявшийся в сентябре 1814 — июне 1815 г. и завершивший войны коалиций европейских держав с наполеоновской Францией. Участвовали представители всех европейских государств, за исключением Турции. Деятельность конгресса очень подробно освещалась в периодике того времени. Это касалось как деловой жизни конгресса, так и его обширной светской программы: балов, обедов, приемов, театральных представлений, фейерверков и т.д. Описания развлечений отличались большой пунктуальностью — вплоть до подробного, детализированного воссоздания атмосферы бала, характеристики танцев, нарядов дам (см., например, описание одного из таких балов, по словам автора газетного материала, «великолепного», «превзошедшего всякое воображение» — МВед. 1814. 28 октября. № 86. С. 3002—3003. Рубрика «Из Вены»). По прошествии времени деятельность конгресса стала предметом мемуарной литературы — см., в частности: Записки 1814 и 1815 годов А. Михайловского-Данилевского, бывшего Флигель-адъютанта Государя Императора Александра Павловича. 2-е изд. СПб., 1832. (первое издание: 1831). В этом источнике подробно, день за днем, очерчена деятельность конгресса и отражена его «развлекательная» сторона: «Всякой почти день в продолжение Конгресса бывали (...) балы и вечерние собрания, где царствовало такое веселие, как будто бы давно не вели войны...» (там же, с. 138). Царившую на конгрессе веселость автор объясняет «радостью избавления» от неслыханных волнений, потрясавших Европу в течение двадцати пяти лет и грозивших «все поглотить» (там же, с. 139). По замечанию автора, удовольствия не препятствовали «действиям Конгресса, совершившего (...) исполинский подвиг» (там же).

С. 759. Н(адворная) Совет(ница) не умеет одеваться... — Надворная советница — жена надворного советника. По Табели о рангах надворный советник — чин 7-го класса.

**ЧЕРНОВЫЕ НАБРОСКИ,
НАПИСАННЫЕ ПОСЛЕ ИЗДАНИЯ
ПЕРВОГО ТОМА «МЕРТВЫХ ДУШ»
(ЧН24, ЧН25)**

ЧН24 — черновые наброски к главе VII: ((1), (2), (3), (4)), главе VIII ((1), (2), (3), (4), (5), (6), (7), (8)). Хранятся: ОР РГБ. Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 18. 8 л. Автограф представляет собой четыре двойных листа; л. 1—6 сложены в тетрадь; л. 2 об., 6—6 об., 8—8 об. не заполнены; чернила. Разм. 22,5 × 14,3. Бумага (та же, что и в *ЧН25*) почтовая, без филиграни и штемпеля. На л. 3 чернильное пятно. Пагинация: архивная, полистная, в правом верхнем углу, карандашом. Описание рукописи см. также: *Описание РГБ 1*. С. 12.

Впервые опубликовано: *Тих.* Т. 7. С. 435—443 (в разделе «Страницы, переделанные автором по выходе в свет первого тома “Мертвых душ”»); включено в *Ак.* Т. VI. С. 597—600, 602—609 (в раздел «Сохранившиеся разрозненные черновые отрывки к отдельным главам»); с. 804—805 (набросок 8 к главе VIII — в раздел «Варианты»). Предположительно датируется: вторая половина 1849—1850 г.

ЧН25 — черновой набросок к главе IX и следующей, не имеющей пагинации ((1)). Хранится: ОР РГБ. Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 26. 8 л. Автограф представляет собой четыре двойных листа, сложенных в тетрадь; на середине л. 5 текст обрывается и возобновляется на л. 5 об. уже другим пером; л. 6—8 об. не заполнены; чернила. Разм. 22,5 × 14,3. Бумага (та же, что и в *ЧН24*) без филиграни и штемпеля. На л. 1 чернильное пятно. Пагинации: 1—8 (архивная, полистная, в правом верхнем углу, карандашом); 14—21 (на оборотной стороне листов 1—8, в левом верхнем углу, карандашом); 13, 14 (на лицевой стороне л. 1 и 2). Описание рукописи см. также: *Описание РГБ 1*. С. 13.

Впервые (не полностью) опубликовано М.Н. Катковым: *РВ*. 1856. Т. I. С. 1—10 (под названием «Неизданный отрывок из первого тома “Мертвых душ”, найденный в рукописях Гоголя»; начало: «Судили, судили и решили на том...», конец: «...сказавши их, задумался»); вклю-

чено в *Тих.* Т. 3. С. 255–264 (в раздел «Приложения к первому тому «Мертвых душ»», под названием «Окончание IX главы в переделанном виде»), в *Ак.* Т. VI. С. 628–639 (в раздел «Сохранившиеся разрозненные черновые отрывки к отдельным главам»). Предположительно датируется: вторая половина 1849–1850 г.

* * *

Среди черновых автографов, относящихся к первому тому МД, особое место занимают наброски, хранящиеся в настоящее время в виде двух архивных единиц в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки — *ОР РГБ.* Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 18 (*ЧН24*), 26 (*ЧН25*).

ЧН24 — это четыре наброска к главе VII (*⟨1–4⟩*) и восемь набросков к главе VIII (*⟨1–8⟩*), написанные на восьми листах почтовой бумаги размером 22,5 × 14,3 (без филиграней и штемпелей). Л. 1–6 (представляют собой три двойных листа) сложены в тетрадку, л. 7–8 (один двойной лист) приложены к ней, л. 2 об., 6–6 об., 8–8 об. не заполнены. Наброски к главе VII относятся: к сцене пробуждения Чичикова, «довольного приобретеньем» мертвых душ (*⟨1⟩*), к эпизоду его сборов в гражданскую палату (с чаепитием, бритьем, размышлениями о мужиках и мечтами о собственном будущем — *⟨2⟩*), к описанию путешествия Чичикова и Манилова по палате — до встречи с председателем и Собакевичем (*⟨3⟩*), к вечеринке у полицмейстера (*⟨4⟩*). В набросках к главе VIII развиваются темы, связанные с восприятием Чичикова дамским обществом (*⟨1⟩*), с описанием бала у губернатора (*⟨3–7⟩*) и с отношением самого Чичикова к балам (*⟨2⟩*, *⟨8⟩*).

ЧН25 представляет собой новое окончание главы IX (в котором говорится о принятом чиновниками решении расспросить тех, у которых Чичиков покупал мертвые души, причем, прокурору выпадает жребий идти к Собакевичу, а председатель сам вызывается идти к Коробочке) и, по-видимому, текст (или часть текста) следующей, дополнительной, главы, не имеющей номера (в наброске обозначено: «Глава»). Этот текст содержит подробный опрос Собакевича и Коробочки, а также описание следующего затем совещания в доме председателя палаты. Набросок написан на почтовой бумаге размером 22,5 × 14,3 (без филиграней и штемпелей). Листы (четыре двойных) сложены в тетрадку, при этом на середине л. 5 текст обрывается и возобновляется уже на л. 5 об. другим пером, л. 6–8 об. не заполнены.

Датировка описанных черновых материалов представляет собой очень сложную, давно обозначенную и остро дискуссионную проблему.

В печати первыми появились наброски, обозначенные нами как *ЧН25*. Они были опубликованы М.Н. Катковым, причем, не полностью — только текст на л. 1–5: «Судили, судили, и решили на том ~ сказавши их, задумался» (Неизданный отрывок из первого

тома «Мертвых душ», найденный в рукописях Гоголя // *РВ*. 1856. Т. 1. С. 1–10; вступительная заметка за подписью «Ред.»; в публикации опущены слово «Глава» и два последних слова на л. 5). Катков рассматривал опубликованный отрывок «как вариант окончания IX-й главы», причем, самый первоначальный, содержащий развернутое (в противовес последующему, лаконичному) описание опроса помещиков, продавших Чичикову крестьян, и сопутствующих этому обстоятельств: то, что в окончательном тексте передано «в сжатом рассказе, прежде представлялось автору со всеми подробностями и несколько иначе; в его воображении проходил целый ряд сцен, из которых могла бы развиться особая глава» (там же, с. 1–2). Этой же позиции придерживался Н.Г. Чернышевский в рецензии на указанный том «Русского вестника»: «Сами по себе, страницы этого отрывка своим достоинством не совершенно соответствуют другим страницам поэмы, и Гоголь, с своим тонким вкусом, вероятно, заметил, что довольно подробные сцены, первоначально им написанные, содержат как бы повторение тех положений и описаний, которые уже даны читателю в предыдущих главах, и потому значительно сократил этот эпизод в окончательной редакции (...) отбросив все черты, уже достаточно раскрытые в других сценах» (Заметки о журналах. Декабрь 1855 и январь 1856 года // *Совр.* 1856. Т. 55. № 2. С. 219; без подписи; то же: *Чернышевский*. Т. III. С. 631).

В публикации Каткова отмечено, что автограф найден в рукописях Гоголя Н.П. Трушковским (*РВ*. 1856. Т. I. С. 3). Сам Трушковский, напечатавший этот текст в том же году и в том же виде, как и в «Русском вестнике», склонялся к тому, что опубликованный им «Отрывок» был написан уже после выхода первого тома «Мертвых душ» (Отрывок из «Мертвых душ» // Сочинения Н.В. Гоголя. Т. V. М., 1856. С. 449–463). Обосновывая эту датировку, Трушковский опирался на анализ почерка (там же, с. 449; идентичная публикация, с такой же датировкой в примечании, принадлежащем Трушковскому, в издании: Сочинения и письма Н.В. Гоголя / Изд. П.А. Кулиша. Т. 4. СПб., 1857. С. 538–546, под названием «Вариант окончания IX главы»). К этому же выводу склонялся и Н.С. Тихонравов, напечатавший текст полностью («Окончание IX главы в переделанном виде» — *Тих.* Т. 3. С. 255–264, 518–521) и представивший дополнительные аргументы в пользу этой версии. Прежде всего он обратил внимание на то, что опубликованный текст не имеет соответствий ни в одной из рукописей «Мертвых душ» (там же, с. 517). Кроме того, существенно уточнил наблюдения Трушковского, указав, что почерк и цвет чернил в набросках «совершенно одинаковы с теми, которые господствуют в последней тетради второй части “Мертвых душ”» (там же, с. 518). Тихонравов также указал, что данная группа черновых набросков не связана с «тем планом переработки поэмы, который предположен» в заметках «К 1-й части» (там же, с. 517).

Содержание набросков, по мнению Тихонравова, позволяет отнести их к тому времени, когда «Гоголь думал только о *частичных исправлениях* первой части “Мертвых душ”, о сокращениях и дополнениях» (там же). На основе этих наблюдений Тихонрахов датировал наброски второй половиной 1842 г. — первой половиной 1843 г. (там же, с. 518).

Другая группа набросков, к главам VII и VIII (ЧН24), уже при первой публикации, осуществленной В.И. Шенроком, была интерпретирована как позднейшая, созданная не в процессе подготовки текста первого тома МД к изданию, а после его выхода в свет (Тих. Т. VII. С. 776—787). Этим обусловлено и помещение набросков в специальном разделе: «Страницы, переделанные автором по выходе в свет первого тома “Мертвых душ”» (там же, с. 435—443). Говоря о позднейшем происхождении набросков, предназначенных для главы VII, Шенрок исходил из следующих факторов: наличие нескольких дословных совпадений печатной редакции с текстом набросков (в частности, наброска первого), переадресовка (возможно, под влиянием критических замечаний) размышлений о судьбе купленных мужиков (от Чичикова — автору) и появление в набросках совершенно нового пассажа — раздумий самого Чичикова о возможности сделаться настоящим помещиком, внутренне связанных с трансформацией этого образа во втором томе МД (там же, с. 777—780). Рассматривая наброски к главе VIII, Шенрок обратил внимание на то (там же, с. 782), что упоминаемая в первом из них «утка Турухтан» фигурирует и в записной книжке, датированной им 1842 г. (Тих. Т. 7. С. 782), а в Ак. — 1841—1844 гг. (Ак. Т. VII. С. 327): «Весной, когда понимает Турухтан, зоб [цветет] играет разными цветами». Шенрок не без оснований отмечал, что для точной датировки набросков «мы не имеем совершенно никаких определенных указаний» (Тих. Т. 7. С. 786), но при этом относил наброски к главам VII и VIII «ко времени несколько позднейшему, нежели окончание в переделанном виде IX главы» (там же, с. 787). Тихонрахов, коснувшийся этих набросков лишь попутно, рассматривал их как частичную реализацию идей, намеченных в заметках «К 1-й части», и твердо датировал эту «переделку» 1846 г. (Тих. Т. 3. С. 514).

В первом академическом издании датировки Тихонравова и Шенрока были отвергнуты очень решительно, но без какой бы то ни было серьезной аргументации. Приведенные доводы (отсутствие в набросках «новых веяний», которые позволили бы связать их с «коренной переработкой поэмы в новом плане», или небольшой объем сохранившихся набросков, не сопоставимый с якобы предполагаемой «радикальной перестройкой всего произведения» — Ак. Т. VI. С. 893) не могут рассматриваться как сколько-нибудь основательные. Первый из них просто противоречит приведенному выше замечанию Тихонравова, который подчеркивал, что наброски представляют собой лишь «частичные исправления» текста, а

не кардинальную переработку. Замечание по поводу небольшого объема сохранившихся набросков также выглядит неубедительным: во-первых, работа могла быть не закончена, во-вторых, как и в иных случаях, другие материалы могли просто не сохраниться.

Датировки, предложенные Шенроком и Тихонравовым, базируются на очень тщательном текстологическом анализе черновых набросков. Только на этой основе, т.е. в продолжение предпринятой ими работы, можно попытаться найти дополнительные аргументы для решения поставленной проблемы.

Прежде всего необходимо подтвердить и распространить на обе группы черновых набросков (т.е. *ЧН24* и *ЧН25*) совершенно справедливый вывод Тихонравова: текст этих набросков непосредственно не соотносим ни с одной из сохранившихся рукописей первого тома МД (при этом нужно учесть, что соответствующий текст в первой черновой редакции отсутствует, начало главы VII в рукописи второй черновой редакции (*АК1*) сохранилось только в верхнем, написанном авторской рукой, слое, соответствующие листы с нижним, писарским, слоем из рукописи изъяты). Это обстоятельство делает возможными две взаимоисключающие версии датировки набросков: либо они хронологически предшествуют *АК1* (см.: Ак. Т. VI. С. 894; *Машинский С.* «Мертвые души» Н.В. Голя. М., 1966. С. 103), либо созданы после выхода в свет первого издания МД.

Характерно, что в ряде случаев текст черновых набросков (в *ЧН24* и *ЧН25*) соотносим с соответствующими фрагментами более ранних редакций. Так, мечты Чичикова сделаться настоящим помещиком (набросок *⟨2⟩* к главе VII) тематически перекликаются (но текстологически не совпадают) с его ощущениями в этом же эпизоде в нижнем слое второй черновой редакции (*АК1*): «Он почувствовал себя как бы отцом семейства, помещиком, хозяином, и занялся довольно сурьезно важностью своей обязанности, в уме его родились весьма неглупые солидные мысли и меры очень благоразумные». В описании пребывания Чичикова в гражданской палате (набросок *⟨3⟩* к главе VII) отсутствуют его переговоры с чиновниками, в том числе и с Иваном Антоновичем — этих переговоров не было и в ранних редакциях, они появились лишь в верхнем слое второй («римской») авторизованной копии (*АК2*). То же самое относится и к финалу главы VII — набросок *⟨4⟩*, с новым вариантом этого финала, отодвигает время возвращения Чичикова в гостиницу к утру и тем самым исключает возможность путешествия Селифана и Петрушки в питейное заведение. Это путешествие отсутствовало и в нижнем, писарском, слое *АК1* и появилось лишь на стадии авторской правки этого текста. Отмеченные совпадения как будто бы говорят в пользу датировки набросков ранним периодом, т.е. предшествующим созданию *АК1*. Однако деталь-

ный текстологический анализ выявляет множество фактов, противоречащих этой версии.

Так, в черновых набросках к главе VII появляется ряд новых рассуждений и оценок, совершенно не характерных ни для черновых редакций, ни для печатного текста первого тома. В одном случае — это итоговое авторское обобщение, касающееся помещиков, представших один за другим в предыдущих главах: «...странные образы, которые постепенным появлением, может быть, навели грусть на Читателя». В другом случае необычное наименование купленных Чичиковым крестьян: «фантастические души». В третьем — неожиданная, смягченная характеристика одного из героев: «плут Собакевич» (в предшествующих источниках: «Подлец» (ЧА1, глава V — трижды; ЧН к нижнему слою АК1, глава XI, ЧН9, <8>); АК1: глава V — дважды, глава VII — однажды); в верхнем слое АК2 наряду с «подлецом» появляется «кулак» (глава V — в семи случаях) и такое сочетание сохраняется вплоть до МД1. Очевидно, что определение «плут» никак не вписывается в иерархию наименований Собакевича и может быть объяснено только поздним происхождением, очевидно, связанным с намерением автора ослабить негативную характеристику этого героя и тем самым создать некоторые психологические предпосылки его возможного духовного обновления. Ср. рассуждения Гоголя о природе плута в «Выбранных местах из переписки с друзьями»: «Если вы узнаете плута не только как плута, но и как человека вместе, если вы узнаете все душевные его силы, данные ему на добро и которые он поворотил во зло или вовсе не употребил, тогда вы сумеете так прекратить его им же самим, что он не найдет себе места, куда ему укрыться от самого же себя» (глава «XXVIII. Занимающему важное место»; авторская датировка — 1845 г.).

Одно из существенных подтверждений позднего происхождения набросков — автокоррекция некоторых фрагментов и деталей. Один из случаев, как отмечалось выше, зафиксирован Шенроком (Тих. Т. 7. С. 777–778) — это появившееся в ЧН24 пояснение по поводу раздумий Чичикова о приобретенных мужиках: «Но не мешает уведомить Читател(я), что это размечтался не Чичиков. Сюда несколько впутался сам (так в рукописи. — Ред.) и, как весьма часто случается, вовсе некстати» (набросок <2>). Это замечание, судя по всему, было реакцией на замечания критиков, в частности Белинского: «...поэт весьма неосновательно заставляет Чичикова расфантазироваться о быте простого русского народа, при рассматривании реестра скупленных им мертвых душ. <...> Здесь поэт явно отдал ему свои собственные благороднейшие и чистейшие слезы, <...> свой глубокий, исполненный грустною любовью юмор и заставил его высказать то, что должен был выговорить от своего лица» (Объяснение на объяснение по поводу поэмы Гоголя «Мертвые души» // ОЗ. 1842. Т. XXV. № 11. Отд. V. «Критика». С. 26; без подписи;

ценз. разрешение 31 октября 1842 г.; то же: *Белинский*. Т. VI. С. 427). Сходный упрек исходил и от С.П. Шевырева, который в раздумьях над участью мужиков услышал голос автора и отметил, что здесь он «напрасно уступил место своему герою...» (*Шевырев* С. Похождения Чичикова, или Мертвые Души. Поэма Н. Гоголя... Статья вторая // *Москв.* 1842. Ч. IV. № 8. «Критика». С. 350; см. то же: *Русская эстетика и критика 40–50-х годов XIX века*. М., 1982. С. 57). Дифференциация размышлений автора и героя повлекла за собой характерное исправление текста — он был дополнен описанием внутреннего состояния уже самого Чичикова: «Чичиков, напротив, думал вот что». Следующий далее текст представляет собой несколько видоизмененный фрагмент главы XI (мечты Чичикова о собственном имении т.д.). В этом же ряду стоит еще одно мелкое, но характерное уточнение. В печатном тексте главы VII говорится, что Чичиков вышел на улицу, «тащя на плечах медведя, крытого коричневым сукном». В *ЧН24* (видимо, с учетом некоторого несоответствия описанной одежды теплоту времени года) этот фрагмент исправлен следующим образом: «Набросил шинель на медве(дях), не затем что на дворе было холодно, но чтобы внушить страх канцелярской мелузге».

Говоря о набросках к главе VII, Шенрок справедливо отмечал, что «будущий точный порядок этих набросков» еще не был установлен автором (*Тих.* Т. 7. С. 779). Но при этом можно с определенностью сказать о некоторых существенных изменениях (помимо упомянутых), которые вносили эти наброски в печатный текст первого тома: исключался фрагмент, повествующий о любви Чичикова к собственному лицу и особенно к подбородку; менялась последовательность событий (в печатном тексте Чичиков сначала заканчивает всю подготовительную канцелярскую работу, связанную с покупкой мужиков, а затем задумывается об их судьбе — в набросках наоборот); углублялась сфера внутреннего самосознания и критической самооценки героя (так, авторский комментарий к так называемому танцу Чичикова — «позабыв свою степенность и приличные средние лета» — трансформирован в интроспективное описание: «Скоро, однако ж, почувствовал он, что делает дурачество, неприличное человеку средних лет...»); появилось (в специальном наброске — ⟨2⟩) упоминание об утреннем чаепитии и бритье (во время которого Чичиков продолжает думать о мужиках), добавлена фраза (там же), в которой говорится об опасении Чичикова не успеть завершить дело в тот же день (в противовес печатному тексту, где Чичикову приписана полная уверенность в успехе); существенно сокращалась сцена в присутствии (опущены диалоги с чиновниками, с Иваном Антоновичем, путешествие по присутствию во главе с «Вергилием»); но вместе с тем (в наброске ⟨3⟩) появилось более подробное описание канцелярских комнат (от которого в печатном тексте автор нарочито отказывается); наконец (как уже отмечалось) Гоголь

набросал совершенно новый финал главы (набросок $\langle 4 \rangle$). Очевидно, что наброски предполагали довольно существенную переработку главы VII, в частности, как и в случае с Собакевичем, некоторую коррекцию характера главного героя: устранение фрагмента о самолюбовании, сосредоточенность на мыслях о мужиках, неуверенность и т. д.

Подобная тенденция прослеживается и в набросках к главе VIII. По сравнению с печатным текстом в них появляется ряд совершенно новых характеристик и оценок действующих лиц, и прежде всего самого Чичикова: иначе очерчиваются его взаимоотношения с дамами города N (в тексте первого издания интерес к герою пробуждается меркантильными слухами о том, что он миллионщик, в наброске $\langle 1 \rangle$ отмечается, что Чичиков привлекает внимание приятными манерами, в частности, сочетанием черт военного и штатского); впервые отмечается благотворное влияние «ободрительных» дамских отзывов на внешний вид и манеры Чичикова («Он стал соблазнителен»); в наброске $\langle 2 \rangle$ содержатся достаточно легкомысленные (почти в хлестаковском духе) размышления Чичикова о достоинствах балов (вероятно, они даны в противовес «поношению» балов в конце главы — чтобы психологизировать эти оценки, подчеркнуть их зависимость от внутреннего состояния героя); мужская и женская половины бального общества в наброске $\langle 3 \rangle$ уподоблены миру насекомых («жуки» и «мотыльки»), характеристика присутствующих на бале обретает еще более негативный, резкий характер; впервые подробно говорится о любви в жизни Чичикова, о возможности возникновения в его душе истинного чувства и роли в этом «чистого, ясного девичества»; усиливается противопоставление губернаторской дочки всем другим дамам («Гармония летала в виду всех» — в наброске $\langle 4 \rangle$); появляется совершенно новая тенденция — психологизации персонажей, в частности, почтмейстера и прокурора, которые выделены особо среди тех, кто сразу же постиг исключительность «блондинки» («Почтмейстер понял это», «...делик(атный) Прокурор пришел поглядеть и моргал только бровью» — там же); намечается контур новой «немой» сцены (мужчины, оцепеневшие при виде губернаторской дочки: «...остановили глаза и глядели» — там же); углубляется чувство неприязни к губернаторской дочке со стороны женской половины — появляется выражение «чувство зависти» (набросок $\langle 5 \rangle$); в Чичикове усилена способность видеть собственные недостатки: в разговоре с губернаторской дочкой («как будто стал Дураковат») и в общении с остальными дамами («Я точно в рассеян(ности) поступил совсем неучтиво» и т. д. — набросок $\langle 6 \rangle$); появляется новое замечание о полном крахе всех попыток дамского общества привлечь внимание Чичикова (набросок $\langle 7 \rangle$).

Набросок $\langle 8 \rangle$, с критикой балов, развивает уже имевшийся в тексте первого тома мотив — соответствующий фрагмент появился только на одном из поздних этапов работы над текстом, он вписан в АКЗ (т. е. в

Москве, в 1842 году) и без существенной правки вошел во все последующие источники (т.е. в *АК4*, *МД1* и *МД2*). Этот набросок, в отличие от предыдущих, написан не на листах, сложенных в тетрадку (хотя там еще оставалось место — л. 6—6 об. свободен), а на отдельном листе (л. 7—8), к ней приложенном. Однако по времени создания он примыкает к этим «предыдущим» наброскам, так как представляет собой совершенно новый (по сравнению с печатным текстом) вариант пассажа о балах — более резкий и детализированный: с осуждением мужского и женского безделья («...Муж дурак в присутствии, только греет стул или дует в карты до петухов, а баба дура глазеет перед окном весь день»), с целой программой полезных дел (шить рубахи, ткать ковры, «сидеть по деревням, разводить лес для внуков», растить сад, «воспитывать крестьян»). Как бы предугадывая возможные упреки в некотором несоответствии этих обвинений природе самого главного героя, автор вставляет в текст характерную обмолвку: «Так думал Чичиков, точно как бы и сам никогда не играл до петухов». В.И. Шенрок отмечал непосредственную связь одной из фраз наброска ⟨8⟩ («всяк лезет в чиновники, чтобы на щет всех жить, а не на свой») с текстом второго тома *МД*: «Всем жить на счет казны, сделать себе доходные места из службы...» (*Тих.* Т. 7. С. 786). О более позднем (по сравнению с *МД1*) происхождении этого наброска говорит и одна мелкая, но характерная деталь: упоминание о «подстеге Сидоровне» (фигурирующее в *АК3*, *АК4* и *МД1*) в наброске первоначально воспроизведено, но затем вычеркнуто (подобные и близкие примеры встречаются и в других набросках: «вскочил он с постели» — *МД1*, «он вскочил с постели» — нижний слой наброска ⟨1⟩ к главе VII, затем слова вычеркнуты; «Вы не знаете еще моей дочери?» — *МД1*, «вы еще не знаете мою единственную дочь...» — нижний слой наброска ⟨3⟩ к главе VIII, «Вот вам моя дочь...» — верхний слой того же наброска). Вообще для датировки набросков весь пассаж о балах очень важен. В рукописях *МД* сама тема балов отсутствовала вплоть до верхнего слоя *АК3*, т.е. до ноября 1841 г. — следовательно, указанные наброски (с новой редакцией фрагмента о балах) могли быть написаны только после выхода в свет *МД1*.

Существенно и то, что последовательность набросков к обоим главам строго соответствует хронологии событий в печатном тексте. Это может быть объяснено опять-таки тем обстоятельством, что наброски были написаны применительно к уже сложившейся сюжетной канве, т.е. после *МД1*. Более того, текстологически (даже в мелких деталях) наброски ближе всего стоят именно к печатному тексту поэмы, а это также говорит об их позднейшем происхождении.

Наброски, относящиеся к финалу главы IX и к следующей, дополнительной, главе, не имеющей пагинации, в каком-то смысле еще более сложны для датировки. В зависимости от избранного угла зрения в тексте

можно изыскать аргументы для выдвижения различных и далеко расходящихся версий. Более ранняя датировка может быть обоснована рядом соображений: в сравнении с другими редакциями черновые наброски являются собой более размытую, рыхлую редакцию текста, заключают менее строгое и логичное изложение истории зарождения и развития слухов и версий о Чичикове, в значительном смысле дублируют и расшатывают выверенную, «каноническую» схему визитов к помещикам, несколько разрушают единство и цельность натуры Собакевича (выступающего здесь в почти авторской роли моралиста) и, наряду с этим, вносят очень мало нового в облик Коробочки; в рассказе Селифана о чичиковской тройке (в ответ на расспросы чиновников) фигурирует «серая» лошадь, тогда как в авторской правке АК2 «серый» последовательно исправлено на «чубарый».

Вместе с тем текст набросков содержит очень серьезные основания и для противоположных выводов. В этих черновиках отражено стремление (причем, явно выраженное) к усложнению и даже трансформации характера Собакевича. В противовес прежней, характерной для других рукописей, тенденции (представление Собакевича «подлецом», «кулаком») в набросках, напротив, подчеркнуты черты, заключающие в себе возможность последующего возрождения героя: чувство собственного достоинства, способность не поддаваться общему мнению, осознание долга (отсюда критика прокурора: «Чтобы отечеству как-нибудь послужить, храня това(ри)щей(?) и на пользу ближнему, о том не думаете») и т.д. Эта коррекция характеристики Собакевича объединяет обе группы набросков (ЧН24 и ЧН25), что подтверждает их близость и дополнительно свидетельствует об их позднем происхождении (очевидно, что текст набросков мог быть использован только при одновременной переработке главы V).

Характерно, что во всех редакциях (начиная с АК1 и вплоть до МД1) автор подчеркивает бессмысленность подробного опроса Коробочки, тем самым как бы исключая саму возможность создания детализированного варианта этого «опроса»: «Все, что ни говорила она далее, было повторение почти одного и того же, и чиновники увидели только, что Коробочка была просто глупая старуха». В набросках этот «итог» опроса Коробочки (а значит и наименование ее «просто глупой старухой») отсутствует.

В набросках существенно дополнена линия прокурора. Именно ему «выпадает жребий» расспросить Собакевича и получить в ответ резкое, «неожиданное поучение». Подобная нотация, совершенно обескуражившая прокурора («Разбитый в прах и уничтоженный...»; «Во всю жизнь не был трактован...»), дополнительно мотивирует его внезапный уход из жизни, кстати как будто предугаданный тем же Собакевичем: «Так себе за ничто и пропад(ете), и доброго следа после вас не останется».

В набросках впервые намечается сквозная сюжетная линия правдолюбивого «начальника», разоблачителя Чичикова: здесь говорится, что вновь назначаемый генерал-губернатор прежде был в «казенном большом построении», где завелись «кое-какие грехи» и где он всех «распушил, стер в прах». Очевидно, имеется в виду именно тот начальник, который в тексте *МД1* фигурирует в главе XI как «новый начальник, человек военный, строгий, враг взяточников и всего, что зовется неправдой», разогнавший «комиссию для построения какого-то казенного весьма капитального строения» («все распушено было в пух»).

О позднем происхождении набросков говорит одна из реалий, а именно сообщение Коробочки о том, что птичьи перья у нее будут «о Рождестве». В ранних рукописях фигурировали другие даты, и только в авторской правке *АК2* появился вариант: «к Филиппову посту» (иначе: к Рождественскому посту), сохранившийся вплоть до *МД1* и в несколько измененном виде присутствующий в рассматриваемых черновых набросках (см. также с. 786 наст. изд.).

Отмечена связь одной из реалий набросков (а именно фамилии купца — «Колотыркин») с записной книжкой 1841—1845 гг. (по преимуществу заполненной уже по выходе первого тома *МД*), где фигурируют слова с таким же корнем: «Колотыркий, колотырка» (*Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 9 т. / Сост. и коммент. В.А. Воропаева, И.А. Виноградова. Т. 5. М., 1994. С. 537*).

Существенным аргументом в пользу поздней датировки набросков служит одна мелкая, но важная деталь: в *ЧН24* и *ЧН25* Чичиков именуется коллежским советником. В ранних набросках такое было бы невозможно, так как этот чин (вместо надворного советника) герой «получает» лишь в авторской правке *АК2*.

Все вышеизложенное выявляет художественное единство двух групп набросков, говорящее об их хронологической близости. Дифференцированные датировки, предложенные Тихонравовым (вторая половина 1842 — первая половина 1843 г. для *ЧН25* и 1846 г. — для *ЧН24*), представляются не вполне мотивированным. Отнесение *ЧН24* к 1846 г. Тихонравов объясняет их непосредственной связью с заметками «К 1-й части», рассматривая наброски как первоначальную реализацию заложенного в заметках плана. Но при наличии пересекающихся тем (и прежде всего темы бала), обращает на себя внимание именно то, что ни одна из намеченных в заметках сюжетных линий (в поведении дам на балу) в набросках не реализована.

Уже отмечалось, что, размышляя о датировке набросков, Н.С. Тихонравов обратил внимание на сходство почерка двух рукописных источников: «Окончания IX главы в переделанном виде» (т.е. *ЧН25*) и последней тетради второй части «Мертвых душ» (*Тих. Т. 3. С. 518*). Это наблюдение очень существенно и само по себе, и потому, что намечает

перспективу поиска более точной датировки. Сопоставление *ЧН24* (которые были опубликованы уже после смерти Н.С. Тихонравова) и *ЧН25* друг с другом, а затем обоих вместе с указанным текстом второго тома МД полностью подтверждает выводы Тихонравова. Сравнение двух групп набросков показывает, что *ЧН24* и *ЧН25* написаны на бумаге одинакового формата (22,5 × 14,3) и качества, одинаковыми чернилами и идентичным почерком. Существенно также, что только *ЧН24* и *ЧН25* не имеют общей пагинации с остальными набросками к тексту *АК1*, хранящимися в *ОР РГБ*, что говорит об их особом происхождении. К справедливому замечанию Тихонравова о сходстве почерка и чернил *ЧН25* и последней тетради второго тома МД можно добавить, во-первых, то, что оно касается и *ЧН24*, а, во-вторых, то, что почерк и цвет чернил в указанных набросках близки не просто последней тетради, а определенному слою правки в сохранившейся рукописи второго тома МД в целом: в большой степени в тетрадях 1–4 — в одном из слоев правки (главы I–IV — *ОР РГБ*. Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 34, 35, 36, 37) и особенно в правке тетради 5 (заключительная глава: «Все на свете обдѣлывает свои дела (...) всем темно представляется, и мы ед(ва)» — там же, ед. хр. 38). Цвет чернил этой правки можно определить, используя формулу Тихонравова из его описания пятой тетради: «резко-черные» (*Тих.* Т. 4. С. 563). О сходстве и хронологическом совпадении правки этими «резко-черными» чернилами в первых четырех тетрадях и в пятой тетради впервые упомянуто в комментариях ко второму тому МД в *Ак.* (*Ак.* Т. VII. С. 395, 420).

Тихонравову принадлежит еще одно очень важное наблюдение, проливающее свет на датировку правки упомянутой пятой тетради, а значит и интересующих нас черновых набросков. Он обратил внимание на то, что одна из заметок в записной книжке Гоголя, подаренной ему Жуковским 8(20) октября 1846 г., нашла непосредственное отражение в правке пятой тетради, и предположил, что и заметка и правка рукописи относятся ко времени возвращения Гоголя в Россию из Святой Земли — т.е., не ранее середины апреля 1848 г. (*Тих.* Т. 4. С. 379, 564; см. также: *Тих.* Т. 6. С. 541, 827). Соотношение текста заметки и пятой главы следующее: «Сукна Зибер, Клер и черные...» (записная книжка 1846–1851 гг. — *ОР РГБ*. Ф. 74. К. 6. Ед. хр. 7. Л. 40) — «Здесь сукны зибер, клер и черные» (пятая тетрадь, с текстом последней из сохранившихся глав второго тома МД — *ОР РГБ*. Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 38. Л. 1 об.).

Наблюдение Тихонравова получило дальнейшее развитие в комментариях к второму тому МД в *Ак.* Здесь была датирована как правка черными чернилами в тетрадях первой-четвертой и в пятой (август-сентябрь 1849 — июнь 1850 г. — *Ак.* Т. VII. С. 420, 423), так и заметка о сукнах в записной книжке Гоголя 1846–1851 гг. — по местоположению записи (не ранее 1849–1850 г. — там же, с. 420, 428). Учитывая хронологиче-

скую связь правки сохранившейся рукописи второго тома МД (речь идет о правке «резко-черными» чернилами) с интересующими нас поздними черновыми набросками к первому тому МД можно условно датировать последние второй половиной 1849–1850 г.

Приведенные аргументы в совокупности дают достаточные основания для определения того места, которое занимают указанные наброски (ЧН24 и ЧН25) в системе рукописных и печатных источников МД. Наброски несомненно созданы уже после выхода в свет первого тома поэмы и представляют собой одну из завершающих (по времени) стадию переработки напечатанного текста. Сравнение набросков с текстом первого издания, конечно, во многих случаях выявляет их несовершенство, меньшую проработанность, но это закономерно объясняется сугубо черновым характером данных рукописных источников. Мы не имеем никаких авторских указаний об их дальнейшем использовании, о характере их соотнесения с имеющимся текстом и т.д.

Известно, что о возможности переработки текста МД Гоголь начал задумываться очень рано — еще до выхода первого издания поэмы в свет. 6 февраля 1842 г., допуская возможность отложить «до времени» издание первого тома МД (в связи с появившимися цензурными затруднениями), он писал П.А. Плетневу: «И теперь уже я начинаю видеть многие недостатки, и когда сравню сию первую часть с теми, которые имеются быть впереди, вижу, что и нужно многое облегчить, другое заставить выступить сильнее, третье углубить». Тихонравов связал это письмо с предисловием ко второму изданию (*Тих.* Т. 3. С. 472), а Шенрок писал по поводу этих строк: «Очевидно, в уме Гоголя мелькала уже мысль о переработке “Мертвых душ”, подобной той, которую мы имеем в отрывках, напечатанных на стр. 255–264» (т.е. ЧН25 — Шенрок. Т. 3. С. 381).

Уже после выхода первого тома МД Гоголь неоднократно признавался в том, что он был выпущен в большой спешке: «торопился печатаньем рукописи», а должен был бы подержать «ее у себя с год» («Выбранные места из переписки с друзьями. XVIII. Четыре письма к разным лицам по поводу “Мертвых душ”». Письмо 1; авторская датировка: 1843 г.); «поторопился с первым» томом (там же, письмо 3, авторская датировка — 1843 г.). Здесь же Гоголь подробно писал о недостатках книги: явилась в свет «в таком неопрятном виде»; исполнена «промахов, анахронизмов, явного незнания многих предметов» (письмо 1); сочинение «выкроено было не дурно, но сшито кое-как белыми нитками»; отдельные части «чудовищно длинны в отношении к другим», в отдельных местах «писатель изменил самому себе, не выдержав своего собственного, уже раз принятого тона», «последняя половина книги отработана меньше первой», «в ней великие пропуски», «главные и важные обстоятельства сжаты и сокращены, неважные и побочные распространены», «не столько высту-

пает внутренний дух всего сочинения, сколько мечется в глаза пестрота частей и лоскутность его»; «Своих же собственных мыслей, простых, неголоволомных мыслей, я не сумел передать...» (письмо 2, авторская датировка — 1843 г.).

Посылая В.А. Жуковскому первое издание МД, Гоголь писал ему 14(26) июня 1842 г. из Берлина: «Я переделал ее (первую часть. — *Ред.*) много с того времени, как читал вам первые главы, но все однако же не могу не видеть ее малозначительности в сравнении с другими, имеющими последовать ей частями. Она в отношении к ним все мне кажется похожею на приделанное губернским архитектором наскоро крыльцо к дворцу, который задуман строиться в колоссальных размерах, а без сомнения в ней наберется не мало таких погрешностей, которых я пока еще не вижу. Ради Бога, сообщите мне ваши замечания. Будьте строги и неумолимы как можно больше. Вы знаете сами, как мне это нужно. Не соблазняйтесь даже счастливым выраженьем, хотя бы оно показалось на первый вид достаточным выкупить погрешность. Не читайте без карандаша и бумажки и тут же на маленьких бумажных лоскутках пишите свои замечанья. Потом, по прочтении каждой главы, напишите два-три замечанья вообще обо всей главе. Потом о взаимном отношении всех глав между собою и потом, по прочтении всей книги, вообще обо всей книге (...). Лучшего подарка мне нельзя теперь сделать ни в каком отношении». В черновой редакции письма С.Т. Аксакову от 6(18) августа 1842 г. из Гастейна, рассуждая о вышедшей книге, Гоголь отмечал: «... все толки и мнения мне важны, потому что в ней есть много недостатков. Многие я уже вижу». 23 апреля (5 мая) 1843 г., благодаря В.А. Жуковского «за два слова о “М(ертвых) д(ушах)” и за обещание поговорить при свидании об этом предмете подробно» (в письме, на которое отвечает), Гоголь пояснял ему свое отношение к уже опубликованным сочинениям: «... я не почитаю вовсе дело конченным, если вещь напечатана, а как, отчего и почему — об этом мы поговорим с вами и вы в этом согласитесь со мною». 16(28) мая 1843 г. Гоголь писал Н.М. Языкову: «...перечти еще один раз Мер(твые) души. Во второй раз дело будет очевиднее и всякие ошибки яснее. Мне это слишком нужно. В течение двух лет, т.е. прежде совершенного исправления всего, мне нужно увидеть все дыры и прорухи. Особенно мне нужны теперь вот какие замечания: какая глава сильнее, какая глава слабее другой, где, в каком месте возрастает более сила всего, где устает автор, вял или, если на последнее слово, по деликатности или недалезоркости своей, ты не согласен, то где по крайней мере он уступает самому себе, оказавшемуся в других местах. Одним словом, все то, что относится до всего каркаса машины». Спустя два года после выхода МД в свет Гоголь признавался (в письме П.А. Плетневу между 19 ноября (1 декабря) и 2(14) декабря 1844 г. из Франкфурта), что выступил даже и в роли своего рода профессионального критика соб-

ственной поэмы: «...если бы я напечатал ту критику, которую я написал сам на Мертвые души вскоре после их выхода, ты бы увидел, что я выразился еще строже и еще справедливее тебя» (авторский разбор поэмы неизвестен).

4(16) марта 1846 г. в письме В.А. Жуковскому из Рима снова заходит речь о необходимости переработки первого тома: «Прошу вас, если будете отправлять свои вещи в Россию, а с ними и мои книги, вынуть из них два экземпляра “Мертвых душ” и оставить их при вас для меня. В России они все выпроданы; я нигде не мог достать, а первая часть мне потребна при писании второй, и притом нужно ее самую значительно выправить». Буквально через несколько дней, отвечая отказом на предложение Е.Е. Бернадского о переиздании первой части с иллюстрациями (в письме П.А. Плетневу от 8(12) марта), Гоголь вновь писал о недостатках первого тома (подробнее см. с. 521 наст. изд.). Спустя год о несовершенстве МД было упомянуто в письме Гоголя А.О. Смирновой (от 10(22) февраля 1847 г. из Неаполя): «...у меня есть постоянный труд: эти самые “Мертвые души”, которых начало явилось в таком неприглядном виде». Думая о третьем издании первого тома МД (очевидно, в непосредственной связи с подготовкой второго), Гоголь имел в виду переработку отдельных глав, в частности, главы XI — в той ее части, которая касается детских лет Чичикова: «О детстве Чичикова, — писал Гоголь 16 мая 1849 г. В.И. Белому, — я думал уже сам, предполагая напереть особенно на эту сторону при третьем (исправленном) издании».

Очевидно, что написанные спустя несколько лет после выхода первого тома МД наброски во многом отразили авторское стремление к совершенствованию печатного текста — в частности, и по тем направлениям, которые обозначены в письмах: исключительное внимание именно ко второй половине книги («отработанной меньше первой»); тенденция к сжатию отдельных сюжетных линий и эпизодов и распространению, детализации других; психологическая коррекция ряда персонажей — в сторону углубления внутренней способности к духовному развитию и обновлению, т.е. усиление основной художественной тенденции поэмы или, говоря словами автора, «внутреннего духа всего сочинения».

* * *

С. 760¹. ...отхватал по всей комнате какой(-то) танец из мазурки и трепака на цыганской образец с пришлепкой себя самого пяткой собственной своей ноги. — Ср. в издании МД 1842 г.: «...произвел по комнате два прыжка, пришлепнув себя весьма ловко пяткой ноги». Мазурка — польский танец, получивший распространение в качестве бального (знаменовал кульминацию бала — см.: Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. Л., 1983. С. 86).

¹ Здесь и ниже указаны страницы кн. 1 наст. изд.

Центральная часть мазурки — мужское соло (не лишенное импровизации); упомянутая «пришлепка себя самого пяткой» — один из элементов мазурки (там же, с. 87). Трепак — «пляска с дробным топотом, мелкий перебор и топотня ногами» (*Даль*. Т. 4. С. 428); «...старинная русская пляска, фигуры которой состоят из дробных шагов и притоптываний и импровизируются исполнителями» (*Словарь современного русского литературного языка*. Т. 15. М.; Л., 1963. Стб. 887).

С. 761. ...пить чай надлежащим образом, как пьют по утрам, с кренделем и сливками... — Крендель — от нем. Kringel (крендель). «Нем. Хлебенное, коего тесто, рассучив наподобие палочки, концы пригибают к середине» (*Словарь Академии российской*. Ч. 3. Стб. 393). В гоголевской повести «Майская ночь, или Утопленница»: «...пан голова будет писать ногами немецкие крендели по дороге» (Наст. изд. Т. 1. С. 122). Традиция описанного Гоголем чаепития (но уже вечернего, на закате солнца) спустя много лет нашла отражение в рассказе Чехова («Выгрышный билет», 1887): «После купанья чай со сливками и со сдобными кренделями...» (*Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем*: В 30 т. Сочинения: В 18 т. Т. 6. М., 1985. С. 109).

С. 762. Пустить его в потомственное владение, в Майорат. — Майорат (позднелат. majogatus, от лат. mājor — старший, большой) — наследование недвижимости по принципу первородства в роде или семье, с преимущественным правом старшего сына. В современной Гоголю России учреждение майоратов допускалось только в виде изъятия из установленных правил — по усмотрению державной власти (на основании именного указа), во внимание к заслугам, на основании прошения, с неперменным объявлением имения неделимым и неотчуждаемым, с правом перехода от одного лица к другому по определяемому порядку наследования. Так, во второй половине 1830-х гг. учреждение майората было высочайше разрешено всего лишь в нескольких имениях, в том числе в имении, оставшемся по смерти генерал-фельдмаршала, графа И.И. Дибича-Забалканского («Во внимание к заслугам...» — *Полн. собр. законов* 2. Т. XI. Отд. 1. С. 672—674. № 9284. От 10 июня 1836 г.), в имении графа А.Х. Бенкендорфа («Снисходя на всеподданнейшее прошение...» — Там же. Т. XII. Отд. 1. С. 800—801. № 10593. От 21 октября 1837 г.). 16 июля 1845 г. (за № 19202) было принято специальное «Высочайше утвержденное положение о заповедных наследственных имениях», строго регламентирующее порядок учреждения майоратов (Там же. Т. XX. Отд. 1. С. 528—538). Подобный порядок наследования, по-прежнему, дозволялся «только по особенным {...} обстоятельствам и причинам», «не иначе, как вследствие особого Высочайшего на то разрешения и с утверждения Его Императорского Величества» (там же, с. 529). Учреждение майората предполагало объявление имения заповедным, т.е. неделимым и неотчуждаемым (там же, с. 533, 535).

Наследниками объявлялись законные дети «и нисходящее от них по прямой линии потомство, с соблюдением между ими старшинства по праву первородства (...) и с предпочтением (...) мужского колена женскому...» (там же, с. 529). При отсутствии детей и потомства от них наследниками могли быть назначены родственники по боковой линии (там же, с. 529).

С. 762. ...*Душ всех заложить в Ломбард.* — Имеется в виду получение ссуды под залог населенных помещичьих имений. Подобный залог можно было осуществить в Приказах общественного призрения (Учреждения для управления Губерний... (от 7 ноября 1775 г.) // *Полн. собр. законов 1. Т. XX. С. 271. № 14392*), в ряде банков, в частности, в Заемном банке (под заклад недвижимого имущества, «полагая крестьянина в 40 рублей» — манифест «Об учреждении Государственного Заемного Банка» от 28 июня 1786 г. // *Полн. собр. законов 1. Т. XXII. С. 614, 617–618*; под залог «населенных имений», по 150 или 200 руб., в зависимости от класса губернии — «Положение» от 4 июня 1824 г. // Там же. Т. XXXIX. С. 356. № 29940; см. также: Свод законов Российской Империи... Т. 11. Ч. 1–3. СПб., 1832. С. 1, 52, 58, 88), в Опекунских советах Воспитательных домов (см. с. 777–779 наст. изд.). Кредит под залог помещичьих имений выдавался именно по числу ревизских душ, т.е. под залог крепостных крестьян (подробнее см. там же).

С. 764. ...*народ дюжий, точно Бруты Римских времен.* — Политические и военные деятели Древнего Рима: Брут Луций Юний (Lucius Junius Brutus) — патриций, возглавивший в 509 г. до н.э. восстание римлян против этрусского правителя Тарквиния Гордого и основавший республиканский строй в Риме. Брут Марк Юний (Marcus Junius Brutus, 85–42 гг. до н.э.) — римский политический деятель. Участник заговора против Юлия Цезаря. Брут Децим Юний Альбин (Decimus Junius Albius Brutus, ок. 84–43 г. до н.э.), римский политический и военный деятель, один из военачальников Юлия Цезаря, участник заговора против него.

С. 764. ...*нищие и салопницы...* — Салоп (от франц. *salope* — неряха, небрежная, неопрятная женщина) — «верхняя очень просторная утепленная женская одежда с широкими рукавами или без них, скреплявшаяся лентами или шнурами» (*Кирсанова 1995. С. 240*). «В рус(ском) языке возникло выражение “салопница”, производное от С(алоп); оно имеет сходное значение с франц. *salope*, но обрастает дополнительными смысловыми оттенками (старомодный, бедный) и становится знаком социального положения человека» (там же, с. 241). Ср. с приведенной на той же странице цитатой из очерка Ф.В. Булгарина «Салопница»: «Женский пол сей аристократии разгуливает обыкновенно в старых, некогда черного цвета, а от времени превратившегося в бурый цвет, салопах (...). Одни из них (...) останавливают на улицах прохожих и тихо-пискливым

голосом просят подаяния ⟨...⟩. Другие ⟨...⟩ ходят по домам ⟨...⟩. Третьи продают кошельки, манишки и коробочки, купленные ими в Гостином дворе, выдавая их за свою работу, и просят купить ⟨...⟩. Эти попрошайки называются *салопницами*. Они получили прозвание свое от одежды ⟨...⟩. Этот бурый салоп, ливрея нищеты, есть изображение жизни и характера несчастной» (СП. 1832. 21, 22 января. № 16, 17; без пагинации; подпись: Ф.Б.). Ср.: салопница — «нищая, которая ходит в оборванном салопе» (Даль. Т. 4. С. 131); женщина, ходящая в поношенном салопе и просящая в богатых домах на бедность (Словарь современного русского литературного языка. Т. 13. М.; Л., 1962. Стб. 67).

С. 764—765. ...награждали носы паями березинского табака... — Березинский табак — одна из разновидностей нюхательного табака. В «Прибавлениях» к «Московским ведомостям» рекламировалось несколько сортов березинского табака, по цене от 80 копеек до 2 рублей за фунт, — изделия фабрики покойного санкт-петербургского купца Анисима Головкина, которые можно было приобрести в московских и петербургских табачных магазинах (МВед. 1836. 1 января. № 1. Прибавления. С. 16—17).

С. 766. ...утка Турухтан, которая, когда приходит время любви, расцветает вдруг такими яркими цветами, каких прежде не было. — Ср. в записной книжке Гоголя 1841—1844 г.: «Турухтан в Казанск. цве⟨...?⟩ кулика в траве»; «Весной, когда понимает Турухтан, зоб [цветет] играет разными цветами».

С. 768. ...в ридикули. — Ридикюль (франц. ridicule — сетка) — «дамская сумка небольшого размера, мягкой формы из ткани (шерсти, шелка, бархата и др.)...» (Кирсанова 1995. С. 232).

С. 769. Матовое белое платье из индийской кисеи⟨?⟩... — Кисея — полотно «весьма тонкое и чистое, делаемое из хлопчатой бумаги» (Словарь Академии российской. Ч. 3. Стб. 130). Ср.: «...легкая, тонкая хлопчатобумажная ткань полотняного переплетения с чрезвычайно редким расположением нитей, что делает ее полупрозрачной» (Кирсанова 1995. С. 126). «Долгое время лучшей считалась белая инд⟨ийская⟩ к⟨исея⟩ — бетиль, которую с нач⟨ала⟩ 19 в. стали вытеснять с рынка англ⟨ийские⟩ производители...» (там же, с. 127).

С. 778. ...алтынным гвоздем всякая копейка приби⟨та⟩. — Алтын — старинная русская монета в три копейки; единица денежного счета в старину. «Отсюда присловица, означающая скупягу: У него каждая копейка алтынным гвоздем прибита» (Словарь Академии российской. Ч. 1. Стб. 28). Ср.: «У него всякая копейка алтынным гвоздём прибита» (⟨Княжевич Д.М.⟩ Полное собрание русских пословиц и поговорок, расположенное по азбучному порядку. СПб., 1822. С. 258); «У него (скупова) всякая копейка алтынным гвоздем прибита» (Русские народные пословицы и притчи, изданные И. Снегиревым. М., 1848. С. 420).

С. 778. *Хозяин был купец Колотыркин...* — Отмечено, что фамилия образована от слов, вошедших в записную книжку Гоголя 1842—1844 гг. («Колотыркий, колотырка — промышляющий подлость, низостью, смут(ами), сплетнями») и в его «объяснительный словарь»: «Колотырник, -ница, скупой; колотырничать, колотырить, продавать по мелочам»; «Колотырство, сплетня» (*Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 9 т. / Сост. и коммент. В.А. Воропаева, И.А. Виноградова. Т. 5. М., 1994. С. 537*).

С. 778. *...модного капота на вате...* — Капот (от франц. *capote*, восходящего к итал. *capotto* — пальто, шинель) — «свободное женское платье с рукавами на сквозной застежке»; в первой трети XIX в. — «платье, предназначенное для улицы», в 1840-е гг. «становится также домашней одеждой» (*Кирсанова 1995. С. 117*).

С. 781. *...Гомора.* — Гоморра — один из пяти древних городов Ханаанских, истребленных Господом за нечестивое поведение во времена патриарха Авраама (Быт. 19: 24). В переносном смысле: беспорядок, хаос, развратная жизнь.

С. 784. *...о Рождестве и птичьи перья будут.* — См. с. 727, 785—786 наст. изд.

С. 788. *...сам третьей...* — Втроем.

⟨РАЗМЫШЛЕНИЯ О ГЕРОЯХ «МЕРТВЫХ ДУШ⟩

ЧН26 — черновой набросок, без названия. Хранится: ОР РГБ. Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 32. 8 л. Автограф представляет собой лист, сложенный в восьмерку; л. 3—8 об. не заполнены и не разрезаны; крупный каллиграфический почерк, чернила. Разм. 24,2 × 14,7. Бумага без филиграни и штемпеля. Пагинация архивная, полистная, в правом верхнем углу, карандашом. Описание рукописи см. также: *Описание РГБ 1*. С. 13—14.

Впервые опубликовано: *Тих.* Т. 7. С. 444—445 (под названием «Размышления автора о некоторых героях первого тома “Мертвых Душ”»); включено в *Ак.* Т. VI. С. 690—692 (под названием «⟨Размышления о героях “Мертвых душ”⟩»). Предположительно датируется: конец 1851 — начало 1852 г.

* * *

Текст, имеющий условное название «Размышления о героях “Мертвых душ”», представляет собой черновой автограф, написанный на двух листах бумаги очень крупным, каллиграфическим почерком. Датировать эту рукопись и определить ее место в системе источников первого тома МД чрезвычайно сложно. С одной стороны, в этом тексте получают дальнейшее развитие назидательные идеи из глав VI, VIII, XI. Так, размышления о безудержном мотовстве землевладельцев (невзирая на «голод, неурожай», при заложенных в ломбард крестьянах, при огромных долгах) могут быть соотнесены с соответствующими пассажами главы VIII («В губернии неурожай, дороговизна, так вот они за балы! ⟨...⟩ А ведь на счет же крестьянских оброков...» — в речи Чичикова) и главы XI («И вот те деньги, которые поправили бы сколько-нибудь дело, идут на разные средства для приведения себя в забвенье. ⟨...⟩ а там имение бух с аукциона, и пошел помещик забываться по миру...»). При этом в ⟨«Размышлениях...»⟩ авторские обвинения становятся более лаконичными, твердыми и при этом обретают нового адресата: людей вы-

сокого положения («живущих по Столицам, даже и Генералов по чину»), умственно и душевно развитых («образованных и начитанных, и тонкого вкуса») и при этом глубоко лицемерных («...примерно человеколю(бывых?)», беспрестанно заводящих всякие филантропические заведения»).

Точно так же обстоит дело и с пассажем о старости, имеющим соответствия в главе VI (в заключительных строчках открывающего главу лирического отступления и в характеристике Плюшкина), но вместе с тем включающим в себя и совершенно новые тенденции — «к обобщенным понятиям морально-философского толка»: о гибельной паутине светских условностей и привычек («...нечувствительно обхватывают совсем почти незаметно пошлые привычки света, условия, приличия (...) которые до того, наконец, все(го) опутают и облекут челове(ка), что и не останется в нем его самого»), о всеобщем безделье — «без дела движущееся общес(тво)» (см.: Манн 1987. С. 197).

В отдельных случаях имеют место текстологические переключки и даже дословные совпадения: «А ведь должно согласиться, престранные и пресмешные бывают люди в некоторых провинциях...» (основной текст, глава XI) — «Трудно даже и поверить, какие у нас живут оригиналы во многих губерниях и уездах...» («Размышления...»); «И на этом деревянном лице вдруг скользнул какой-то теплый луч, выразилось не чувство, а какое-то бледное отражение чувства, явление, подобное неожиданному появлению на поверхности вод утопающего...» (основной текст, глава VI) — «...у которого если и выпорхнет иногда что похужее на чувство, то это похоже на последнее усилие утопающего человека» («Размышления...») — оба примера фигурируют в комментарии В.И. Шенрока — Тих. Т. 7. С. 797–798).

С другой стороны, в «Размышлениях...» содержатся совершенно новые характеристики помещиков (Манилова, Собакевича, Коробочки), акцентирующие внимание на их положительных, добродетельных свойствах. В меньшей степени это касается первого из упомянутых персонажей — Манилова, образ жизни которого наиболее резко расходится с авторским представлением об изначальных обязанностях всякого человека, и помещика в частности: «...бесплодно прожил в деревне, ни на грош никому не доставил пользы, опошел, сделался приторным свое(ю) доб(ротою)...». Но даже для Манилова находятся слова более щадящие, чем в тексте первого издания МД. Мы помним, что в главе II «аттестации» Манилова фигурируют определения «приятный» и «добрый», но при этом оговорено, что это впечатления лишь первой минуты знакомства с ним. В «Размышлениях...» оговорка отсутствует, а «доброта» зафиксирована как истинное, природное качество («по природе добрый»). И более того, в характеристике Манилова появляется совершенно новое, почти небывалое для героев МД слово: «благородный» (точнее, «даже благородный»). О Собакевиче говорится еще более благожелательно

(по замечанию В.И. Шенрока, «как будто бы более снисходительное отношение» — *Тих.* Т. 7. С. 798). Он (в отличие от текста первого издания, где аттестован «кулаком», а от лица Чичикова даже и «подлецом») здесь наименован довольно мягко — плутом (как и в позднейших черновых набросках к главе VII первого тома МД — ЧН24, {3} — подробнее см. с. 830 наст. изд.), хотя «вовсе не благородным по духу и чувствам». При этом подчеркнута главная, обращенная к крестьянам, сторона его помещичьей жизни: «...не разорил мужиков, не допустил их быть ни пьяницами, ни праздношатайками». Коробочка представлена почти добродетельной и благонравной помещицей (хотя «не читавшей и книг никаких, кроме часослова, да и то еще с грехом пополам», не выучившейся «никаким изящным искусствам, кроме разве гадания на картах»): «...умела, однако ж, наполнить рублевиками сундучки и коробочки {...} порядок, какой он там себе ни был, на деревне все-таки уцелел, Души в ломбард не заложены, а Церковь, хоть и небогатая, была поддержана, и правилась и заутрени и обедни исправно...». Очевидно, что некоторые акценты по сравнению с текстом первого издания смещены, например, склонность к накопительству, иронически подчеркнутая в главе III («...плачутся на неурожай, убытки {...} а между тем набирают понемногу деньжонок в пестрядевые мешочки...»), мягко трансформирована в бережливость («...умела, однако ж, наполнить рублевиками сундучки и коробочки...» — «Размышления...»)).

Характерно, что намеченная в «Размышлениях...» коррекция характеров находится в русле немногочисленных замечаний, высказанных по поводу первого издания поэмы С.П. Шевыревым. В своей рецензии он отметил недостаток «полноты {...} изображения» главных героев (ввиду особого авторского взгляда на них, определяемого критиком как «комический юмор») и предположил, что «при иных обстоятельствах» в них могли бы проявиться «добрые черты»: в Манилове — милосливость и кротость с крепостными и честность «в житейском отношении»; в Коробочке — набожность и милосливость к нищим; в Ноздреве и Собакевиче — «движения более человеческие» и т.д. (*Шевырев С.* Похождения Чичикова, или Мертвые Души. Поэма Н. Гоголя... Статья вторая // *Москв.* 1842. Ч. IV. № 8. «Критика». С. 365–366; см. то же: *Русская эстетика и критика 40–50-х годов XIX века.* М., 1982. С. 71).

Несомненно, что оценки персонажей в «Размышлениях...» довольно существенно отстоят от психологических характеристик, сложившихся в процессе многолетней работы над первым томом МД и вошедших в текст его первого издания. Даже в позднейших черновых набросках к МД, где налицо довольно существенная психологическая коррекция персонажей (особенно Собакевича), еще ничто не предвещает подобных авторских интерпретаций центральных действующих лиц. Очевидно, что

⟨«Размышления...»⟩ запечатлели своего рода переосмысление текста первого тома поэмы и обозначили некоторые перспективы его предполагаемой переработки — в непосредственной связи с дальнейшим развитием сюжета в следующих томах и возможным духовным возрождением отдельных героев. Более того, заложенная в ⟨«Размышлениях...»⟩ коррекция психологической канвы поэмы неминуемо предполагала соответствующую коррекцию отдельных эпизодов и описаний. Так, замечания о благочестии Коробочки (в частности, о поддержке церкви) с неизбежностью предполагают сколько-нибудь подробное развитие этого мотива в тексте главы III.

Характерно очень сложное соотношение отраженных в ⟨«Размышлениях...»⟩ принципов трактовки характеров с теми оценками, которые содержатся в «Выбранных местах из переписки с друзьями» (СПб., 1847). В тексте, имеющем самое непосредственное отношение к персонажам МД («Четыре письма к разным лицам по поводу “Мертвых душ”»), мы не находим никаких намеков на переоценку главных действующих лиц поэмы, явственно обозначенную в ⟨«Размышлениях...»⟩. Разъясняя суть читательских откликов на первый том (в третьем письме, с авторской датировкой: 1843 г.), Гоголь не вносит дополнительных психологических штрихов в интерпретацию созданных им характеров, не акцентирует ни одного положительного свойства персонажей — напротив, целиком оставаясь в художественном поле текста первого тома, подчеркивает только «ничтожность» выведенных типов: «Герои мои вовсе не злодеи; прибавь я только одну добрую черту любому из них, читатель помирился бы с ними всеми. Но пошлость всего вместе испугала читателей. Испугало их то, что один за другим следуют у меня герои один пошлее другого, что нет ни одного утешительного явления...»; «...первая часть должна быть вся — пошлость ⟨...⟩ в ней все лица до единого должны быть пошлы...». Одно из условных придаточных предположений этого разъяснения («прибавь я только одну добрую черту любому из них») как раз и становится главной идеей ⟨«Размышлений...»⟩ — в них автор занят именно «прибавлением» своим героям «добрых черт». Достигается это, как показано выше, тонкой перестановкой психологических акцентов: смягчением негативных оценок и выдвиганием на первый план положительных, созидательных начал в характерах главных персонажей. Подобная тенденция означена и в «Выбранных местах...», но уже в другом письме, озаглавленном «Занимающему важное место» и входящем в ряд замыкающих книгу текстов (двадцать восьмой в ряду тридцати двух). Здесь, в рассуждениях о натуре плута, мы находим соответствие психологическим принципам ⟨«Размышлений...»⟩: «Если вы узнаете плута не только как плута, но и как человека вместе, если вы узнаете все душевные его силы, данные ему на добро и которые он поворотил во зло или вовсе не употребил, тогда вы сумеете так

попрекнуть его им же самим, что он не найдет себе места, куда ему укрыться от самого же себя». Некоторое психологическое расхождение процитированных текстов (из «Выбранных мест...») предположительно можно объяснить их разновременностью: письмо о МД датировано автором 1843 г. (когда он был целиком погружен в мир читательских откликов, стремясь проанализировать и объяснить их суть), а письмо с рассуждениями о плуте — 1845-м, обозначившим явные признаки авторского переосмысления текста первого тома поэмы. Вероятно и другое объяснение: в «Четырех письмах...» Гоголь просто рассказывал о прошедшем (т.е. читательском восприятии вышедшего тома), не касаясь уже овладевших им новых взглядов на собственных персонажей. Новый этап в гоголевском «душеведении», связанный с более щадящим, смягченным подходом к человеку (сквозь призму его положительных качеств и изначально заложенных возможностей) нашел отражение и в письмах Гоголя 1840-х гг.: «Разум велит нам судить о человеке прежде по его главным качествам, а не по частным (...) Прежде следует взять самое лучшее в человеке, потом сообразить с тем всё замеченное нами в нем дурное и сделать такую посылку: возможны ли, при таких-то хороших качествах, такие-то и такие мерзости? (...) если среди множества дурных (...) качеств находится хотя одно хорошее, тогда за это одно хорошее качество можно ухватиться, как за доску, и спасти всего человека от потопления» (письмо Гоголя М.П. Погодину около 21 октября (2 ноября) 1843 г. из Дюссельдорфа); «Люди, с которыми вы обращаетесь, не все же дурные; они закружились только на светской поверхности (...) Человек все-таки не скотина, есть в нем и добрые стороны...» (письмо Гоголя А.О. Смирновой от 4(16) мая 1844 г., из Франкфурта); «...вы должны научиться снисходительности к людям» (письмо Гоголя А.А. Иванову от 18 марта 1851 г. из Одессы). О коррекции авторского отношения к героям «Мертвых душ» (в связи с работой над вторым томом) Гоголь писал 3 декабря 1849 г. из Москвы К.И. Маркову: «Дело только в том, что характеры *значительнее* прежних и что намеренье автора было войти здесь глубже в высшее значение жизни, нами опошленной, обнаружив видней русского человека не с *одной* какой-либо стороны».

Имеют место и другие переключки «Размышлений...» (текстологически более или менее близкие) как с «Выбранными местами...», так и с письмами Гоголя. Открывающее текст рассуждение о глубоком значении всего того, с чем встречается в жизни человек («...ни малейшее событие в жизни не произошло(?) даром, и все вокруг в наше наученье и вразумление»), звучит в письмах 1840-х гг. многократно (особенно настойчиво после перенесенной летом 1845 г. страшной болезни): «...всё, что ни посылается нам, посылается на вразумление и уяснение очей наших» (письмо Гоголя О.С. Аксаковой, 8(20) июня 1843 г., из Дюссельдорфа); «Все события, особенно неожиданные и чрезвычайные,

суть Божьи слова к нам» (письмо Гоголя М.П. Погодину, около 21 октября (2 ноября) 1843 г., из Дюссельдорфа); «Нет, не будем пропускать даром ничего, что бы ни случилось с нами...» (письмо Гоголя Н.М. Языкову, 3(15) февраля 1844 г. из Ниццы); «Всякий предмет в мире поставлен нам в урок и в упрек» (письмо Гоголя А.О. Смирновой, 4(16) мая 1844 г. из Франкфурта); «Всё, что ни посылается нам, исполнено смысла...» (письмо Гоголя А.О. Смирновой от 15(27) января 1846 г. из Рима); «...все, что ни дается (...) нам в удел, нужно и необходимо» (письмо Гоголя В.А. Жуковскому от 25 января (6 февраля) 1846 г. из Рима). С некоторыми вариациями повторяется упрек лицемерным благотворителям: «...примерно человеколю(бивые?), беспрестанно заводящие всякие филантропические заведения, требуют, однако ж, от своих управителей все денег, не принимая никаких извинений, что голод, неурожай» («Размышления...») — «...человеколюбивые заведения, которые заводят (...) в городах насчет ограбленных провинций» («Выбранные места из переписки с друзьями. XX. Нужно проездиться по России. (Из письма к гр. А.П. Т....му)»); авторская датировка: 1845 г.) Характерные и для более раннего времени (в частности, времени работы над главой VI первого тома МД) идеи о роковой роли подстерегающих человека возрастных перемен (утрата юношеского одушевления, мощная разрушающая сила старости, гибельность светских привычек) воплощаются еще более эмоционально и порой совпадают почти дословно: «начинающего стареть» «*нечувствительно* обхватывают совсем почти незаметно пошлые привычки света, условия, приличия без дела движущегося общес(тва), которые до того, наконец, все(го) опутают и облекут челове(ка), что и не останется в нем его самого, а только куча одних принадлежащих свету условий и привычек. А как попробуешь добраться до души, ее уж и нет. Окременевший кусо(к), и весь превратился человек в страшного Плюшкина...» («Размышления...»); курсив. — *Ред.*) — «дремлющий человек» «*нечувствительно* облекается (...) плотью и стал уже весь плоть, и уже почти нет в нем души. Завопи воплем и выставь ему ведьму старость, к нему идущую, которая вся из железа, перед которой железо есть милосердье, которая ни крохи чувства не отдает назад и обратно. О, если б ты мог сказать ему то, что должен сказать мой Плюшкин, если доберусь до третьего тома “Мертв(ых) душ”!» («Выбранные места из переписки с друзьями. XV. Предметы для лирического поэта в нынешнее время. (Два письма к Н.М. Я....у)»); авторская датировка: 1844 г.; курсив. — *Ред.*) См. также в письме Гоголя А.О. Смирновой от 28 декабря 1844 г. (9 января 1845 г.) из Франкфурта: «...душа его обросла черствую корою всяких привычек светской жизни и не слышит, что она бывает временами далека от самой себя».

Для уточнения датировки («Размышлений...») очень существенны их текстологические переключки и со вторым томом МД, в частности

дословные совпадения. Одно из наиболее очевидных — в пассаже о свете как «живой книге»: «...слова, что свет есть живая книга, повторяются нами уж как-то особенно бестолково и глупо, так что невольно хочешь сказать даже дурака тому, кто это произносит» («Размышления...») — во втором томе эта сентенция используется иронически, как общее место в речи Чичикова: «...видеть свет, коловращенье людей — кто что ни говори, есть как бы живая книга, вторая наука»; «...увидать свет, коловращенье людей... [кто что ни говори,] есть, так сказать: живая книга, та же наука» (глава III); «...видеть свет и коловращенье людей есть уже само по себе, так сказать, живая книга и вторая наука» (глава IV — отмечено в издании: *Манин 1987. С. 198*).

Все вышесказанное позволяет с определенностью исключить возможность создания «Размышлений...» как в период, предшествующий выходу в свет первого тома МД, так и в первые годы после появления книги. Жанровая природа текста — «истолкование» ранее написанного и опубликованного, характерное для второй половины 1840-х гг. (ср. «Предупреждение для тех, которые пожелали бы сыграть как следует "Ревизора"», «Развязку Ревизора»), признаки психологической трансформации действующих лиц (с достаточно резким усилением положительного начала), назидательные интонации, наконец совпадения (порой почти дословные) с отдельными фрагментами «Выбранных мест из переписки с друзьями», а также с письмами — все это позволяет связать «Размышления...» с гоголевскими текстами второй половины 1840-х — начала 1850-х гг. Но и в этих хронологических рамках возможно уточнение, в пользу которого говорят следующие аргументы: отмеченное выше несоответствие психологических трактовок центральных персонажей в «Размышлениях...» и в «Четырех письмах...»; отсутствие каких бы то ни было связей между психологическими изысканиями «Размышлений...» и заметками «К 1-й части», содержащими своего рода план переработки первого тома; текстологические совпадения со вторым томом; очевидное, бросающееся в глаза своеобразие почерка в «Размышлениях...» (отчетливый, очень крупный). Последнее обстоятельство позволяет соотнести «Размышления...» с самыми поздними текстами Гоголя, написанными именно таким почерком — почерком прописи, по определению Тихонравова — «детским» (*Тих. Т. 4. С. 565*). В представленных Тихонравовым разновидностях гоголевского почерка фигурирует под четвертым номером; приведенный образец представляет собой фрагмент из письма Гоголя В.А. Жуковскому от 2 февраля 1852 г. (*Тих. Т. 1. Стр. без пагинации, перед текстом; описание почерка — на с. XXIV*). Нельзя сказать, что почерк и цвет чернил этого письма (*ОР РГБ. Ф. 104. К. VIII. Ед. хр. 46*) и «Размышлений...» идентичны, но вместе с тем они достаточно близки, а качество и размер бумаги совпадают полностью. Конечно, это не говорит о хронологической близости двух текстов наверняка, но все-таки позволяет ее подразумевать.

Исходя из этих аргументов в настоящем издании ⟨«Размышления...»⟩ предположительно датируются концом 1851 — началом 1852 г.

Очень сложно определить предназначение комментируемого автографа. Нельзя исключать возможности его использования для какого-то самостоятельного, отдельного от первого тома МД, текста — с позднейшей (в духе «Развязки Ревизора») интерпретацией ранее опубликованного сочинения. Но вероятнее всего ⟨«Размышления...»⟩ (как и позднейшие черновые наброски к МД — ЧН24 и ЧН25) предназначались для одной из глав первого тома — в связи с предполагаемой переработкой опубликованного в 1842 и 1846 гг. текста. Композиция поэмы допускает включение ⟨«Размышлений...»⟩ (с учетом их начальной фразы: «Он даже и не задал себе запроса, зачем эти люди попали ему на глаза...») в одну из двух глав: VII или XI. Возможное место вставки в главу VII — эпизод пробуждения Чичикова (к этому выводу склонялся Шенрок — *Тих.* Т. 7. С. 797). В позднейших черновых набросках здесь отмечено абсолютное безучастие главного героя к тем, кого привелось ему посетить: «Проснувшись, Чичиков и не вспомнил о помещиках. У него вылетели из головы все эти странные образы, которые постепенным появлением, может быть, навели грусть на Читателя» (ЧН24, ⟨1⟩). Было высказано предположение о связи ⟨«Размышлений...»⟩ с главой XI, а именно с ее последними страницами (*Описание РГБ 1.* С. 14). Соотнесение ⟨«Размышлений...»⟩ с последней главой МД кажется наиболее оправданным, но скорее не с заключительной ее частью, а с тем фрагментом, в котором говорится о состоянии Чичикова в момент выезда из города: «...город N. как будто не бывал в его памяти, как будто проезжал он его когда-нибудь давно, в детстве». В нижнем слое черновой редакции (АК1) здесь фигурировали и смутные воспоминания о конкретных лицах: «Иногда только в самых беглых чертах, в необъемной картине, в сжатых рамках и в уменьшенном виде представлялись ему городское общество, Губернатор и бал, остряк Почтмейстер, медведь Собакевич, сахар Манилов, [подлец] Гостиница, вечные висты до петухов, осетрина, белуга, шампанское, Ноздрев...». Тем не менее отсутствие какого бы ни было авторского указания на отнесенность ⟨«Размышлений...»⟩ к конкретному фрагменту поэмы не позволяет однозначно истолковать их как черновой набросок к той или иной главе и тем самым определяет место размещения ⟨«Размышлений...»⟩ в данном томе — как чернового, но самостоятельного текста.

* * *

С. 793¹. ...слова, что свет есть живая книга, повторяются нами уж как-то особенно бестолково и глупо... — Отмечено, что сравнение света с «живой книгой» неоднократно фигурирует во втором томе «Мертвых душ», причем, в ироническом ключе — как один из излюблен-

¹ Здесь и ниже указаны страницы кн. 1 наст. изд.

ных, шаблонных оборотов речи Чичикова: «...видеть свет, коловращенье людей — кто что ни говори, есть как бы живая книга, вторая наука» (глава III); «...увидать свет, коловращенье людей... есть, так сказать, живая книга, та же наука» (там же); «...видеть свет и коловращенье людей есть уже само по себе, так сказать, живая книга и вторая наука» — глава IV (Манн 1987. С. 198).

С. 793. ...ни на грош... — Грош — «две копейки, медный двукопечник» (Даль. Т. 1. С. 399).

С. 793. ...коллежская регистраторша... — То есть жена коллежского регистратора. Коллежский регистратор — по Табели о рангах — чин самого низшего, 14-го класса (ср. в «Ревизоре»: «елистратишка простой» — см.: Наст. изд. Т. 4. С. 23). В тексте первого издания (1842) и предшествовавших ему рукописных источниках Коробочка имела более высокий статус — коллежской секретарши (коллежский секретарь — чин 10-го класса).

С. 793. ...не читавшая и книг никаких, кроме часослова... — Часослов — книга, содержащая тексты неизменяемых ежедневных церковных чтений. Ср. также: «Книга, содержащая в себе последование прежде реченных церковных обыкновенных часов и междочасий, полунощницы, утрени, вечерни (...) повечерия великого и малого и проч.» (Словарь Академии российской. Ч. 6. 1822. Стб. 1240).

С. 795. ...крестьяне заложены в ломбард и перезаложены... — Имеется в виду залог помещичьих имений по числу ревизских душ с целью получения кредита (см. с. 777—779 наст. изд.). Принятые правила допускали возможность перезаклада имения — с меньшего срока на больший. Так, постановление от 3 июля 1824 г. предусматривало право перезаклада с 8 и 12 лет на 24 года — в то время максимальный срок залога (Полн. собр. законов 1. Т. XXXIX. С. 347. № 29937). Спустя несколько лет (1 января 1830 г.) срок залога (и соответственно перезалога — с 8, 12 и 24) был увеличен до 26 и 37 лет (Полн. собр. законов 2. Т. V. С. 3—7. № 3399). Эти же правила были зафиксированы в Уставе «Сохранных казен» от 2 октября 1838 г. (Полн. собр. законов 2. Т. XIII. Отд. 2. С. 161. № 11579). Действовавшие с 1830 г. правила перезалога имений были хорошо известны Гоголю, так как весной 1835 г. в Петербурге он хлопотал о поручении матери «перезаложить в ломбард имение» (см. письмо Гоголя М.И. Гоголю от 12 апреля 1835 г.). В этом письме он точно изложил суть дела (с незначительной ошибкой — вместо срока в 37 лет назвал 36): «...перезакладывать имения, заложенного на 12 лет, нельзя до совершенной уплаты долга. Имения по новому уставу не на двадцать четыре, а на 26 лет и на 36 закладываются». Положение о выплате при перезакладе имения всего прежнего долга зафиксировано в «Высочайше утвержденных правилах С.Петербургской и Московской Сохранных Казен» от 27 октября 1829 г. (Полн. собр. законов 2. Т. IV. С. 761. № 3262).

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АРХИВОХРАНИЛИЩА

- ИР НБУ* – Институт рукописей Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского (Киев)
- ОР и РК СПб ГТБ* – Отдел рукописей, редкой книги, архивных и изобразительных материалов Санкт-Петербургской государственной Театральной библиотеки
- ОРК и Р НБ МГУ* – Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
- ОР РГБ* – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва)
- ОР РНБ* – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург)
- РГАЛИ* – Российский государственный архив литературы и искусства (Москва)
- РГИА* – Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)
- ЦИАМ* – Центральный исторический архив г. Москвы

ПЕРИОДИКА

- БдЧ* – журнал «Библиотека для чтения»
- ВЕ* – журнал «Вестник Европы»
- ВЛ* – журнал «Вопросы литературы»
- ЕИТ* – Ежегодник императорских театров
- ЖМНП* – Журнал Министерства народного просвещения
- ИВ* – журнал «Исторический вестник»
- КС* – журнал «Киевская старина»
- ЛГ* – Литературная газета
- МВ* – журнал «Московский вестник»
- МВед* – газета «Московские ведомости»

Москв. — журнал «Москвитянин»
ОЗ — журнал «Отечественные записки»
РА — журнал «Русский архив»
РВ — журнал «Русский вестник»
РЛ — журнал «Русская литература»
РМ — журнал «Русская мысль»
РС — журнал «Русская старина»
Сов. иск. — газета «Советское искусство»
СО — журнал «Сын отечества»
Совр. — журнал «Современник»
СПбВед — газета «Санкт-Петербургские ведомости»
СПч — газета «Северная пчела»
Т — журнал «Телескоп»
ТЖ — журнал «Театральная жизнь»
ФН — журнал «Филологические науки»

ЛИТЕРАТУРА¹

Ак. — Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. (Б.м.): Изд-во АН СССР, 1937–1952

Аксаков 1960 — Аксаков С.Т. История моего знакомства с Гоголем / Изд. подгот. Е.П. Населенко и Е.А.Смирнова. М., 1960

Актерское мастерство 1983 — Актерское мастерство Академического театра драмы им. А.С. Пушкина: Сб. науч. трудов. Л., 1983

Альбом — Альбом к столетию здания Александринского театра (1832–1932) (диаграммы группы Д.Н. Нелидова). Хранится в музее Александринского театра

Анненков 1989 — Анненков П.В. Литературные воспоминания / Вступ. ст. В.И. Кулешова; коммент. Л.М. Долотовой, Г.Г. Елизаветиной, Ю.В. Манна, И.Б. Павловой. М., 1989

Барсуков — Барсуков Н. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 1–22. СПб., 1888–1910.

Бахтин 1975 — Бахтин М. Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975

Белинский — Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1953–1959

Белый 1934 — Белый А. Мастерство Гоголя. М.; Л., 1934

Беспрозванный В., Пермяков Е. 1997 — Беспрозванный В., Пермяков Е. Из комментариев к первому тому «Мертвых душ» // Труды по

¹ В список не включены сокращения, соответствующие сигналам, указанным в перечне источников текста к каждому произведению.

русской и славянской филологии: Литературоведение. II (Новая серия). Тарту, 1997

Бодянский 1866 – Бодянский О. Мертвые души, поэма Н.В. Гоголя, сверенная со списком, представленным в цензурный комитет, теперь принадлежащим библиотеке Московского университета // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских при Московском университете. Кн. 3. М., 1866. Отд. V («Смесь»)

Булгаков – Булгаков М.А. Собр. соч.: В 5 т. М., 1989–1990

Вайскопф 1993 – Вайскопф М. Сюжет Гоголя. Морфология. Идеология. Контекст. М., 1993

Веселовский 1912 – Веселовский Ал. Этюды и характеристики. 4-е изд., значит. доп. М., 1912

Генералова 2002 – Генералова Н.П. О первых переводах произведений Н.В. Гоголя во Франции // Н.В. Гоголь: Загадка третьего тысячелетия: Первые Гоголевские чтения: Сб. докладов. М., 2002

Герцен – Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1954–1965

Герчук 2009 – Герчук Ю. Гоголь: Иллюстраторы и интерпретаторы: От А. Агина до М. Шагала // Наше наследие. 2009. № 89–90

Гиппиус 1924 – Гиппиус В.В. Гоголь. Л., 1924

Гиппиус 1931 – Гиппиус В.В. Литературное общение Гоголя с Пушкиным // Учен. зап. Перм. гос. ун-та. Отд. обществ. наук. Вып. II. Пермь, 1931

Гоголевский кинословарь – Гоголевский кинословарь / Сост. Е. Барыкин. М., 2009

Гоголь в изобр. иск. 1953 – Николай Васильевич Гоголь в изобразительном искусстве и театре. М., 1953

Гог. восп. совр. 1952 – Гоголь в воспоминаниях современников. М., 1952

Гоголь и мир. лит. 1988 – Гоголь и мировая литература. М., 1988

Гоголь и театр 1952 – Гоголь и театр. М., 1952

Гоголь и театр 2004 – Н.В. Гоголь и театр: Третьи гоголевские чтения: Сб. докладов. М., 2004

Гоголь. Переписка – Переписка Н.В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А.А. Карпова, сост. и коммент. А.А. Карпова и М.Н. Виролайнен. М., 1988

Грибоедов – Грибоедов А.С. Полн. собр. соч.: В 3 т. СПб., 1995–2006

Григорьев А. 1967 – Григорьев А. Литературная критика / Сост., вступ. ст. и примеч. Б.Ф. Егорова. М., 1967

Грот, Плетнев. Переписка – Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым: В 3 т. СПб., 1896

Даль – Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1978–1980

Данилов 1923 — *Данилов В.В.* «Мертвые души» Гоголя как хроника русской жизни 20-х и 30-х годов // Родной язык в школе: Научно-педагогический сборник. Кн. 4. М., 1923

Данилов 1936 — *Данилов С.С.* Гоголь и театр. Л., 1936

Данилов 1936а — *Данилов С.С.* Гоголь в инсценировках // Н.В. Гоголь: Материалы и исследования: В 2 т. / Под ред. В.В. Гиппиуса. Т. 2. М.; Л., 1936. (Литературный архив)

Динцес 1937 — *Динцес Л., Корнилов П.* Герои Гоголя в изобразительном искусстве. Л., 1937

Достоевский — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972—1990

Елистратова 1972 — *Елистратова А.А.* Гоголь и проблемы западноевропейского романа. М., 1972

Зарецкий 1999 — *Зарецкий В.А.* Народные исторические предания в творчестве Н.В. Гоголя: История и биографии. Монография. Екатеринбург; Стерлитамак, 1999

ИРДТ — История русского драматического театра: В 7 т. М., 1978—1987

Кирсанова 1989 — *Кирсанова Р.М.* Розовая ксандрейка и драдедамовый платок: Костюм — вещь и образ в русской литературе XIX века. М., 1989

Кирсанова 1995 — *Кирсанова Р.М.* Костюм в русской художественной культуре 18 — первой половины 20 вв.: (Опыт энциклопедии). М., 1995

Кирсанова 2009 — *Кирсанова Р.М.* Одежда, ткани, цветообозначения в «Мертвых душах» // Н.В. Гоголь: Материалы и исследования. Вып. 2. М., 2009

Клепиков 1959 — *Клепиков С.А.* Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX века. М., 1959

Клепиков, 1968 — *Клепиков С.А.* Штемпели на бумаге русского и иностранного производства XIX—XX вв. (Дополнение к таблице, опубликованной в 1959 г.) // Археографический ежегодник за 1966 год. М., 1968

Коростин 1949 — *Коростин А.Ф.* П. Соколов. М., 1949

Коростин, Стернин 1952 — *Коростин А., Стернин Г.* Герои Гоголя в русском изобразительном искусстве XIX века // ЛН, т. 58

Котляревский 1915 — *Котляревский Н.* Николай Васильевич Гоголь. 1829—1842. Очерк из истории русской повести и драмы. 4-е изд., испр. Пг., 1915

Кузьминский 1910 — *Кузьминский К.С.* Художник-иллюстратор П.М. Боклевский, его жизнь и творчество. М., 1910

Кулиш 1856 – *Кулиш П.* Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем: В 2 т. СПб., 1856

Кухта 1990 – *Кухта Е.* Мертвые души [Комментарии] // Булгаков М.А. Собр. соч.: В 5 т. Т. 4. М., 1990

Лики Гоголя 2009 – Лики Гоголя: Гоголевская коллекция Государственного литературного музея: К 200-летию со дня рождения писателя. М., 2009

Лихачев 1987 – *Лихачев Д.С.* Социальные корни типа Манилова // Лихачев Д.С. Избранные работы: В 3 т. Т. 3. Л., 1987

ЛН, т. 58 – Литературное наследство. Т. 58: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1952

Лотман 1979 – *Лотман Ю.М.* Повесть о капитане Копейкине (реконструкция замысла и идейно-композиционная функция) // Учен. зап. Тартуск. гос. ун-та. 1979. Вып. 467 (Труды по знаковым системам. <Т.> XI: Семиотика текста)

Лугаковский 1902 – *Лугаковский В.* Гоголь в польской литературе // Литературный вестник. 1902. Т. III. Кн. 1

Лямбек 1902 – *Лямбек Э.* Гоголь у немцев // Литературный вестник. 1902. Т. III. Кн. 4

Манн 1987 – *Манн Ю.* В поисках живой души: «Мертвые души»: Писатель—критика—читатель. 2-е изд., испр. и доп. М., 1987

Манн 1994 – *Манн Ю.* «Сквозь видный миру смех...»: Жизнь Н.В. Гоголя: 1809–1835. М., 1994

Манн 1996 – *Манн Ю.* Поэтика Гоголя. Вариации к теме. М., 1996

Манн 2004 – *Манн Ю.* Гоголь: Труды и дни: 1809–1845. М., 2004

Манн 2008 – *Манн Ю.В.* В пятидесятые годы и позже: Очерки литературной (и не только литературной) жизни // Манн Ю.В. Тургенев и другие. М., 2008

Марковский 1902 – *Марковский М.Н.* История возникновения и создания «Мертвых душ» // Памяти Гоголя: Научно-литературный сборник, изданный Историческим Обществом Нестора-летописца / Под ред. Н.П. Дашкевича. Киев, 1902

Мат. и иссл. 1936 – Н.В. Гоголь: Материалы и исследования: В 2 т. / Под ред. В.В. Гиппиуса. М.; Л., 1936. (Литературный архив)

Мацкин 1984 – *Мацкин А.* На темы Гоголя: Театральные очерки. М., 1984

Муратов 1990 – *Муратов Л.* Шесть версий «Мертвых душ» (телеэкранизация и ее историко-культурная родословная) // Очерки телевизионного кино. Л., 1990

Надеждин 1972 — *Надеждин Н.И.* Литературная критика. Эстетика / Вступ. ст., сост. и коммент. Ю. Манна. М., 1972

Немировский 2004а, б, в — *Немировский Е.Л.* Иллюстрированные издания «Мертвых душ» Н.В. Гоголя // *КомпьюАрт.* 2004. № 1, 2, 3 (соответственно: *Немировский 2004а, Немировский 2004б, Немировский 2004в*)

Никанорова 2007 — *Никанорова Ю.В.* Поэма Н.В. Гоголя «Мертвые души» в немецкой рецепции. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2007

ОА, т. I. — Остафьевский архив князей Вяземских: В 5 т. / Под ред. и с примеч. В.И. Саитова. Т. I: Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым: 1812—1819. СПб., 1899

Описание Нац. биб. Укр. — Описание автографов Н.В. Гоголя / Сост. И.В. Шубинский. Отв. ред. С.И. Петров. АН УССР. Гос. публ. б-ка УССР. Отд. рукописей. Киев, 1952

Описание РГБ 1 — Рукописи Н.В. Гоголя: Каталог / Сост. Г. Георгиевский и А. Ромодановская. М., 1940

Описание РГБ 2 — *Иванова Л.М.* Фонд Н.В. Гоголя (Дополнение к печатному каталогу «Рукописи Гоголя». М., 1940) // *Записки Отдела рукописей Гос. б-ки СССР им. В.И. Ленина.* Вып. 19. М., 1957

Описание РНБ — *Заборова Р.Б.* Рукописи Н.В. Гоголя: Описание. (Гос. публ. б-ка им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Труды Отдела рукописей). Л., 1952

Отчет публ. б-ки 1893 — Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1889 год. СПб., 1893. Приложения

Отчет публ. б-ки 1896 — Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1893 год. СПб., 1896. Приложения

Панаев 1988 — *Панаев И.И.* Литературные воспоминания / Вступ. ст. и коммент. И.Г. Ямпольского. М., 1988

Полн. собр. законов 1 — Полн. собр. законов Российской империи: (Собрание первое). Т. I—XLV. СПб., 1830

Полн. собр. законов 2 — Полн. собр. законов Российской империи: Собрание второе. Т. I—LV. СПб., 1830—1884

Пушкин — *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1937—1949; Т. 17 (спр.). 1959

Пушкин 1999 — *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 20 т. Т. 1: Лицейские стихотворения: 1813—1817. СПб., 1999

Ровинский 1900 — Русские народные картинки: В 2 т. / Собрал и описал Д.А. Ровинский. СПб., 1900

Романова 1997 — *Романова Г.А.* Первые инсценировки «Мертвых душ» // *Время. Личность. Культура: Сб. науч. трудов СПбГАК.* Т. 148. СПб., 1997

Романович-Славатинский 1870 – *Романович-Славатинский А.* Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб., 1870

Рудницкий 1979 – *Рудницкий К.* «Мертвые души»: МХАТ–1932 // Театральные страницы: Сб. статей. М., 1979

Рус. писатели – Русские писатели: 1800–1917: Биографический словарь. Т. 1–5. М., 1989–2007 (продолжающееся изд.)

Сахновский 1937 – *Сахновский В.Г.* Работа режиссера. М.; Л., 1937

Северюхин 2008 – *Северюхин Д.Я.* Иллюстрации к поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души»: Страницы истории (1846–1901) // Гоголь Н.В. Мертвые души: В 2 т. Т. 2. СПб., 2008

Скандура 2003 – *Скандура К.* Итальянские переводы произведений Н.В. Гоголя // Гоголь как явление мировой литературы. М., 2003

Словарь Академии российской – Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. 1–6. СПб., 1806–1822

Смелянский 1981 – *Смелянский А.М.* Наши собеседники: Русская классическая драматургия на сцене советского театра 70-х годов. М., 1981

Смелянский 1986 – *Смелянский А.М.* Михаил Булгаков в Художественном театре. М., 1986

Смелянский 1998 – *Смелянский А.* «Мертвые души» // Московский художественный театр. Moscow Art Theatre: One Hundred Years: Сто лет. Т. 1: Спектакли и сценография. М., 1998

Смирнова Е.А. 1983 – *Смирнова Е.А.* О многозначности «Мертвых душ» // Контекст. 1982. М., 1983

Смирнова Е.А. 1987 – *Смирнова Е.А.* Поэма Гоголя «Мертвые души» / Отв. ред. С.Г. Бочаров. Л., 1987

Смирнова-Россет 1989 – *Смирнова-Россет А.О.* Дневник. Воспоминания / Изд. подг. С.В. Житомирская. М., 1989

Смирнова-Чикина 1974 – *Смирнова-Чикина Е.С.* Поэма Н.В. Гоголя «Мертвые души»: Комментарий. 2-е изд., испр. Л., 1974

Степанов 1959 – *Степанов Н.Л.* Гоголевская «Повесть о капитане Копейкине» и ее источники // Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. 1959. Т. XVIII. Вып. 1

Стернин 1955 – *Стернин Г.* Александр Алексеевич Агин: 1817–1875. М., 1955

Стернин 1985 – *Стернин Г.Ю.* Иллюстрации А.А. Агина и Е.Е. Бернардовского к «Мертвым душам» Н.В. Гоголя // Сто рисунков из сочинения Н.В. Гоголя «Мертвые души»: Факс. изд. М., 1985. Приложение 2

Сухомлинов 1889 – *Сухомлинов М.И.* Появление в печати сочинений Гоголя // Сухомлинов М.И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению: В 2 т. Т. 2. СПб., 1889

Тарасова 2002 – Тарасова Е.К. Н.В Гоголь в немецкоязычном литературоведении: 70–90 годы XX века. М., 2002

Тих. – Сочинения Н.В. Гоголя. 10-е изд.: В 7 т. Т. 1–5. М., 1889. Текст сверен с собственноручными рукописями автора и первоначальными изданиями его произведений Николаем Тихонравовым; Т. 6. М.; СПб., 1896; Т. 7. СПб., 1896. Текст сверен с собственноручными рукописями автора и первоначальными изданиями его произведений Николаем Тихонравовым и Владимиром Шенроком

Топорков 1950 – Топорков В.О. К.С. Станиславский на репетиции: Воспоминания. М., 1950

Тургенев – Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М., 1978–2003 (продолжающееся изд.).

Феномен Гоголя 2011 – Феномен Гоголя: Материалы Юбилейной международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Н.В. Гоголя / Под ред. М.Н. Виролайнен и А.А. Карпова. СПб., 2011

ХЭ – Гоголь Н. Сочинения: В 3 т. / Ред. К. Халабаева и Б. Эйхенбаума. Т. III. М.; Л., 1928

Чернышевский – Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. Т. 16, доп. М., 1939–1953

Чушкин 1967 – Чушкин Н. В спорах о театре // Встречи с Мейерхольдом: Сб. воспоминаний. М., 1967

Шенрок – Шенрок В.И. Материалы для биографии Гоголя: В 4 т. М., 1892–1897

Энциклопедический лексикон – Энциклопедический лексикон. СПб.: В тип. А. Плюшара, 1835–1841. Т. 1–17 (изд. не завершено)

Яновская 1983 – Яновская Л.М. Творческий путь Михаила Булгакова. М., 1983

Amberg 1986 – Amberg L. Kirche, Liturgie und Frömmigkeit im Schaffen von N.V. Gogol'. Bern; Frankfurt a.M.; New York; Paris, 1986

Cadot 1967 – Cadot M. L'image de la Russie dans la vie intellectuelle française, 1839–1856. Paris, 1967

Grève 1983 – Grève C. de. Gogol en Russie et en France: Essai de réception comparée: Thèse pour le doctorat d'Etat. 5 vol. Vol. 1. Université de la Sorbonne nouvelle, 1983

Proffer 1964 – Proffer C. Dead souls in translation // Slavic and East European Journal. 1964. N VIII/4

Seidel-Dreffke 1992 – Seidel-Dreffke B. Die Haupttendenzen der internationalen Gogol'forschung in der zweiten Hälfte des 20. Jahrhunderts (deutschsprachiges Gebiet, USA, Grossbritannien, Sowjetunion). Frankfurt a.M.; Haag; Herchen, 1992

Stolze 1974 – Stolze H. Die französische Gogolrezeption. Köln; Wien, 1974

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Обложка первого издания «Мертвых душ», выполненная по рисунку Н.В. Гоголя	1, 111*
Титульный лист первого издания «Мертвых душ»	1, 181
«Мертвые души». Черновой автограф (первая редакция). Глава V. Л. 103/21. Российская государственная библиотека. Москва.....	1, 286
«Мертвые души». Черновой набросок к нижнему слою первой авторизованной копии. Глава X. Л. 120а. Российская национальная библиотека. Санкт-Петербург.....	1, 360
«Мертвые души». Черновые наброски к верхнему слою первой авторизованной копии. Глава VI. Л. 153 об. Российская национальная библиотека. Санкт-Петербург.....	1, 436
«Мертвые души». Первая авторизованная копия с авторской правкой (вторая редакция). Глава II. Л. 1/2. Российская национальная библиотека. Санкт-Петербург	1, 444
«Мертвые души». Первая авторизованная копия с авторской правкой (вторая редакция). Глава VI. Л. 52. Российская национальная библиотека. Санкт-Петербург	1, 557
«Мертвые души». Черновой набросок к нижнему слою второй авторизованной копии (третья редакция). Глава XI. Л. 125 об. Российская национальная библиотека. Санкт-Петербург	1, 720
Заметки к 1-й части «Мертвых душ». Л. 1. Российская государственная библиотека. Москва.....	1, 758
Черновые наброски, написанные после издания первого тома «Мертвых душ». Л. 7. Российская государственная библиотека. Москва.....	1, 776
⟨Размышления о героях «Мертвых душ⟩. Л. 2. Российская государственная библиотека. Москва	1, 794

* Здесь и далее в списке иллюстраций первая цифра обозначает номер книги в данном томе, вторая — страницу.

«Мертвые души». Вторая авторизованная копия (здесь — рукой В.А. Панова) с авторской правкой (третья редакция). Глава II. Л. 23 об./40. Институт рукописей Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского (Киев)	2, 31
«Мертвые души». Третья авторизованная копия с авторской правкой (третья редакция). Глава III. Л. 44. Российская национальная библиотека. Санкт-Петербург	2, 53
«Мертвые души». Вторая авторизованная копия (здесь — рукой П.В. Анненкова) с авторской правкой (третья редакция). Глава IX. Л. 285/154. Институт рукописей Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского (Киев)	2, 209
«Мертвые души». Черновой автограф фрагмента главы XI, предшествующий нижнему слою третьей авторизованной копии (третья редакция). Л. 1. Российская национальная библиотека. Санкт-Петербург	2, 245
Гоголь, читающий «Мертвые души». Портрет работы Э.А. Дмитриева-Мамонова. Карандаш. 1839. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Санкт-Петербург.....	2, 360
«Мертвые души». Цензурная рукопись (четвертая авторизованная копия). Л. 1 (титульный). Научная библиотека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова	2, 482
Титульный лист второго издания «Мертвых душ».....	2, 526
К читателю от сочинителя (Предисловие ко второму изданию «Мертвых душ»). Стр. V первой пагинации второго издания поэмы (1846)...	2, 811

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абелюк Е.С. 2*: 635
Абрамова М.М. 2: 618
Абрамович С.Д. 2: 759
Августин Блаженный А. 2: 681
Аверинцев С.С. 2: 770, 803
Авраам 2: 843
Агамаян Л.Г. 2: 362
Агин А.А. 2: 521, 649–657, 659,
662, 665, 666, 702, 855, 859
Адамов А. 2: 635, 667, 700, 701
Аддисон Д. 2: 717
Айзеншток И.Я. 2: 560, 561
Айзерман Л. 2: 613
Айхенвальд Ю.И. 2: 620
Акимова Н.Н. 2: 611
Аксаков А.Т. 2: 476, 477
Аксаков Г.С. 2: 359, 361
Аксаков И.С. 2: 359, 361, 430, 470,
476, 513, 527, 738, 747, 748,
773, 774, 780, 783
Аксаков К.С. 2: 359, 361, 363, 364,
375, 376, 380, 417, 418, 422,
429–431, 465, 511, 517, 587–
589, 594, 597–599, 783, 784
Аксаков М.С. 2: 376, 564
Аксаков С.Т. 2: 347, 354, 358–362,
364, 365, 375–377, 380–383,
393, 417, 421, 422, 427–431,
458, 465, 470, 473, 474, 500,
503, 505, 508, 511, 513, 514,
516–519, 555, 564, 585–589,
599, 711, 712, 752, 761, 774,
816, 822, 838, 854
Аксакова В.С. 2: 359, 364, 428, 470,
476, 512, 516, 527, 589, 597
Аксакова Н.С. 2: 364, 575
Аксакова О.С. 2: 848
Аксаковы 2: 359, 361, 364, 376, 377,
380–382, 417, 428, 505, 511,
717, 807
Акутин Ю. 2: 717
Александр I, имп. 2: 551, 557, 766,
770, 771, 789, 805, 824
Александр Македонский 2: 181
Александр Николаевич, вел. кн.
(«наследник»), с 1855 г. — имп.
Александр II 2: 357, 514, 515
Александра Федоровна, имп. («госу-
дарыня») 2: 514, 515, 520, 718
Александрова Н.И. 2: 665
Алексеев И. (Богданов И.А.)
2: 767
Алексеев М.П. 2: 672, 693
Алексеев Н.П. 2: 628
Алексеева Е. 2: 638, 639
Алеман-и-де-Энеро М. 2: 674
Ален Л. 2: 689
Алешина Т.С. 2: 802
Алимов С.А. 2: 666
Али-паша Тепеленский (Али-паша
Янинский) 2: 737
Алкивиад 2: 785
Аллер С.И. 2: 766
Альский В.Н. 2: 621
Альтман М.С. 2: 725, 777
Альтшуллер А.Я. 2: 614
Алянский Ю.Л. 2: 634
Амберг Л. 2: 680, 725, 743, 776,
817, 860
Аммирато С. 2: 580

* Здесь и далее в именном указателе набранные курсивом цифры (1 и 2) обозначают номер книги в данном томе.

- Андреев В.А. 2: 663
 Андрей Юродивый 2: 785
 Анисимо-Яновская М.Г. 2: 544
 Анисимов Г.А. 2: 666
 Анна Леопольдовна 2: 767
 Анненков П.В. 2: 138, 150, 152, 209,
 236, 240, 243, 311, 352, 353,
 364, 366, 367, 417–421, 427,
 439, 468, 473, 490, 494, 496,
 510, 511, 530, 531, 542, 564,
 565, 571, 575, 581, 590, 709,
 740, 854
 Анненкова Е.И. 2: 599, 720, 728
 Анненский И.Ф. 2: 559, 579, 580
 Антон Ульрих 2: 767
 Апчинская Н.В. 2: 664
 Арабов Ю. 2: 646
 Аракчеев А.А. 2: 736, 805
 Арват Н.Н. 2: 697
 Арват Ф.С. 2: 697
 Арендт Х. 2: 682
 Аржевитинов И.С. 2: 354, 357, 483,
 590
 Ариосто Л. (Ариост) 1: 381, 382,
 690; 2: 243, 447, 565–568,
 594, 793
 Аристов Н.Я. 2: 739
 Аристотель 2: 794
 Ариха А. 2: 667
 Армфельд А.О. 2: 365
 Арнольд 2: 617
 Арнольд Н.В. 2: 544
 Арнольди Л.И. 2: 752
 Арну А. 2: 696
 Архаров Н.П. 2: 742
 Арцибашев С.Н. 2: 640
 Арчеллони Р. 2: 643
 Асафьев Б.В. 2: 646
 Астангов М.Ф. 2: 623
 Афанасьев А.Ф. 2: 663
 Ашер В. 2: 700
 Ашукин Н.С. 2: 563
 Ашукина М.Г. 2: 563
 Б. 2: 618
 Бавастро Н. 2: 699
 Багалеи Д.И. 2: 750
 Багно В.Е. 2: 568, 608, 611, 705
 Багратион П.И. 1: 90, 98, 100, 292,
 516; 2: 737, 738, 771
 Багров В.Ф. 2: 636
 Баева А.А. 2: 647
 Баженов Н.М. 2: 561
 Баженов Н.Н. 2: 608
 Бажин Н.Н. 2: 663
 Базили К.М. 2: 738
 Байрон Дж.Н.Г. 2: 575, 599, 671
 Бакии А.М. 2: 638
 Балабина В.О. 2: 574
 Балабина М.П. 2: 369, 478
 Балаганова А. 2: 639
 Балажова А. 2: 692
 Бальзак О. де 2: 561, 574–576, 668,
 670, 679, 703
 Баясный (Вайсман) В.И. 2: 636
 Барабаш Ю.Я. 2: 707
 Баратынский (Боратынский) Е.А. 2:
 587
 Барбе д'Оревиля Ж.А. 2: 671, 672,
 693
 Барклай-де-Толли М.Б. 2: 770, 771
 Барсуков Н.П. 2: 353, 854
 Бартнев П.И. 2: 347, 362, 384,
 543, 544
 Бартош Я.Я. 2: 545
 Бархатов В. 2: 648
 Бархин С.М. 2: 641
 Барыкин Е. 2: 855
 Басилашвили О.В. 2: 645
 Батырев С. 2: 643
 Батюшков К.Н. 2: 565, 566, 754,
 793
 Бахметьева Е.Л. 2: 635
 Бахтин М.М. 2: 546, 547, 683, 854
 Бегер А.Ф. 2: 616, 617
 Бегичев Д.Н. 2: 560, 561, 717, 722
 Безбородко А.А. 2: 312, 313, 317,
 496, 544
 Безруков С.В. 2: 641, 642
 Безсонов П.А. 2: 550
 Белая Э.Н. 2: 634, 645
 Белинский А.А. 2: 634, 645, 854
 Белинский В.Г. 2: 361, 473, 474,
 476, 477, 480, 481, 504, 510,
 516, 517, 574, 582, 583, 592,
 594, 595, 597–599, 602, 615,
 714, 744, 745, 747, 749, 752,
 754, 757, 760, 781, 783, 784,
 830, 831, 854
 Белл Э. 2: 554
 Беловинский Л.В. 2: 804
 Белокуров В.В. 2: 645
 Белоусов А.Ф. 2: 758

- Белый Андрей (Бугаев Б.Н.) 2: 438, 570, 576, 594, 609, 629, 672, 707, 708, 722–724, 769, 854
- Белый В.И. 2: 600, 601, 839
- Бельский Л.П. 2: 659
- Бельчиков Н.Ф. 2: 440, 508
- Беляков В. 2: 632
- Бенкендорф А.Х. 2: 477, 840
- Бенюк Б.М. 2: 641
- Берг Н.В. 2: 355, 356, 367, 527
- Бердяев Н.А. 2: 609, 679
- Березин В. 2: 632
- Березкин В.И. 2: 626, 635, 640
- Бернардский Е.Е. 2: 521, 649–653, 655–657, 659, 666, 839, 859
- Бескин Э.М. 2: 628
- Беспрозванный В. 2: 710, 712, 854
- Бестужев, Бестужев-Марлинский А.А. (псевд.: Марлинский) 2: 757, 793, 824
- Бибихин В.В. 2: 689, 690
- Билинкис Я.С. 2: 634, 636
- Биргер Г.А. (см.: Бюргер Г.А.)
- Битов А.Г. 2: 727
- Блок А.А. 2: 609, 773
- Блудов Д.Н. 2: 787
- Блудова А.Д. 2: 737
- Бобелина (Боболина) 1: 91, 516, 517; 2: 434, 554
- Бобров Е.А. 2: 560
- Боброва Н. 2: 638
- Бобчев И. 2: 694
- Богаевская К.П. 2: 613
- Богатова Н. 2: 632
- Боде Г. 2: 702
- Боде-Кольчев М.Л. 2: 380
- Бодянский О.М. 2: 318, 488, 855
- Бокадоров Н.К. 2: 745
- Боклевский П.М. 2: 656–659, 662, 663, 666, 856
- Боковня А.Г. 2: 783
- Бокшанская О. С. 2: 629
- Болотов А.Т. 2: 553
- Бомарше П.О.К. де 2: 603
- Бонамур Ж. 2: 679
- Боратынская Н.Л. 2: 588
- Борисов А.Ф. 2: 634
- Борн А. 2: 667
- Боровой С.О. 2: 781
- Борх А.М. 2: 355
- Борхардт Н.И. 2: 500
- Боссарт А.Б. 2: 638, 646
- Боткин В.П. 2: 473, 476, 480, 481, 517
- Боткин М.П. 2: 365
- Боткин Н.П. 2: 417
- Бочаров С.Г. 2: 607, 746, 773, 859
- Брагин Ю.А. 2: 696
- Браммелл Д. 2: 806
- Браун М. 2: 675
- Брехт Б. 2: 642
- Брешко-Брешковский Н.Н. 2: 663
- Бровин К. 2: 645
- Броневский В. 2: 705
- Бронников К. 2: 622
- Брут Децим Юний Альбин 2: 841
- Брут Луций Юний 2: 841
- Брут Марк Юний 2: 841
- Бруты 1: 764; 2: 841
- Брюсов В.Я. 2: 414, 672, 699
- Бузескул В.П. 2: 557, 716
- Бук Ф. 2: 703
- Булгаков М.А. 2: 624, 625, 627, 631–634, 636–639, 641, 643, 644, 688, 700, 855, 857, 859, 860
- Булгакова Е.С. 2: 632, 644
- Булгарин Ф.В. (псевд.: Ф.Б.) 1: 248; 2: 370–371, 560, 577, 593, 616, 651, 719, 767, 784, 785, 841, 842
- Булдаков Н.М. 2: 586
- Бурцов А.П. 2: 762
- Бурьянов 2: 621
- Буслаев Ф.И. 2: 353, 380, 416, 421, 563, 575, 795
- Бутков Я.П. 2: 694
- Бутурлин Д.П. 2: 719
- Бухарев А.М. (Феодор, архим.) 2: 606
- Бухарева А.С. 2: 606
- Буше Ф. 2: 799
- Быкова Е.В. 2: 317, 465, 542
- Быстренин В.И. 2: 663
- Бычков А.Ф. 2: 310, 384, 490
- Бычков И.А. 2: 310, 315, 316, 357, 359, 494
- Бэкон Ф. 2: 717
- Бюк О. фон 2: 702, 706
- Бюргер Г.А. 2: 574, 752
- В.В.В. 2: 788
- В.М. 2: 615
- В.П. 2: 620

- Вавра Э. 2: 692
 Вагин Н.Н. 2: 637
 Вайи Л. де 2: 696
 Вайман С.Т. 2: 784
 Вайнштейн О.Б. 2: 806
 Вайскопф М.Я. 2: 553, 560–562,
 573, 583, 689, 708, 718, 722,
 723, 724, 726, 727, 746–748,
 758, 855
 Вайсфельд И.В. 2: 644
 Валлоттон А. 2: 770
 Валтасар 2: 771, 772
 Валуев П.А. 2: 363
 Валуевы 2: 363
 Варламов К.А. 2: 619
 Варяг 2: 621
 Васильев И. 2: 627
 Васильев С. (см.: Флеров С.В.)
 Васьков Н.И. 2: 587
 Вацуро В.Э. 2: 762, 796
 Ващенко-Захарченко А. 2: 695
 Вебер Ж.П. 2: 687
 Вебер Л. 2: 767
 Ведекинд Ф. 2: 623
 Велес де Гевара Л. 2: 578
 Великанов А.А. 2: 638
 Великопольский И.Е. 2: 358
 Вельгорский Э. 2: 696, 697
 Вельтман А.Ф. 2: 549, 761
 Венгеров С.А. 2: 559, 708, 716
 Венецианов А.Г. 2: 769, 800
 Верга Дж. 2: 697
 Вергилий (Виргилий) Марон П. 1:
 136, 573; 2: 581, 594, 671, 674,
 749
 Вердинуа Ф. 2: 698
 Вересаев В.В. 2: 609
 Верховский Ю. 2: 587
 Веселовский А.Н. 2: 567, 577, 581,
 608, 855
 Виардо Л. 2: 667
 Викторов А.Е. 2: 301–308
 Виленкин В.Я. 2: 626, 631
 Вилла А. 2: 699
 Виноцкий И.Ю. 2: 753
 Виноградов В.В. 2: 444, 451, 528,
 541, 607, 609, 734, 735, 744,
 798
 Виноградов И.А. 2: 368, 465, 563,
 572, 808, 819, 835, 843
 Виноградская И.Н. 2: 625
 Виноградская Н.Л. 2: 600, 601, 612,
 664, 795
 Виньи А.В. де 2: 667
 Виролайнен М.Н. 2: 855, 860
 Висковатов, Висковатый П.А. 2:
 725, 744
 Витберг Ф.А. 2: 663
 Владимиров И.Ф. 2: 634
 Владимирова З. 2: 631
 Вогюэ Э.М. де 2: 672
 Водовозов В.И. 2: 567
 Воейков А.Ф. 2: 583
 Войнович В.Н. 2: 688
 Войт В.К. 2: 757
 Вокс Дж. 2: 765
 Волк С. 2: 622
 Волков Н.Д. 2: 628
 Волков Н.Н. 2: 636
 Волконская Э.А. 2: 358
 Волконский Г.П. 2: 502, 503
 Волконский П.М. 2: 503
 Воллар А. 2: 664, 700
 Володин А.М. 2: 634
 Вольховский В.А. 2: 637
 Вонзиатски В. 2: 703
 Вонзиатски Э. 2: 703
 Воронова Е. 2: 639
 Воронский А.К. 2: 607
 Воропаев В.А. 2: 471, 510, 550, 611,
 816, 818, 819, 835, 843
 Врубель В.А. 2: 610
 Вудвард Дж.Б. 2: 547, 673, 674,
 684, 709
 Вульпиус К.А. 2: 738, 762
 Вьельгорская А.М. 2: 816
 Вьельгорские (Виельгорские) 2: 357
 Вьельгорский (Виельгорский) И.М.
 2: 357, 369
 Вьельгорский (Виельгорский) М.М.
 2: 515
 Вьельгорский (Виельгорский, Велье-
 горский) Мих. Ю. 2: 357, 474–
 476, 478, 512, 515
 Вяземские 2: 858
 Вяземский А.И. 2: 719
 Вяземский П.А. 2: 354, 363, 478,
 512, 514, 581, 591, 711, 719, 768,
 783, 786, 793, 858
 Г*** 2: 613, 615
 Габрилович Е.О. 2: 623
 Гавличек-Боровский К. 2: 692

- Гагарин Н. 2: 309, 377, 383
 Гагарины 2: 356
 Гаевская М.Ю. 2: 638—640
 Гаевский П.И. 2: 484
 Гакстгаузен А. 2: 739
 Галахов А.Д. 2: 602, 770
 Галицин А. 2: 670
 Галлам Г. 2: 580
 Галлер А.К. 2: 431, 432
 Гальцева Р.А. 2: 689, 690
 Гамель И.Х. 2: 554
 Гарбуз О.А. 2: 641
 Гарнет К. 2: 704
 Гаспаров М.Л. 2: 795
 Гасперович В. 2: 417
 Гевара Л.В. де 2: 578
 Гегель Г.В.Ф. 2: 567, 682
 Гедеонов А.М. 2: 616
 Гейне Г. 2: 567
 Генералова Н.П. 2: 693, 695, 855
 Георгиевский Г.П. 2: 858
 Гербель Н.В. 2: 313, 315, 496
 Гердер И.Г. 2: 564
 Герик Х.Ю. 2: 681, 708
 Гери Б.Г. 2: 704, 705
 Герцен А.И. 2: 581, 588, 603, 669,
 708, 743, 748, 855
 Герчук Ю.Я. 2: 649, 656, 660, 664,
 855
 Геснер С. 2: 722
 Гете И.В. 2: 577, 578, 599, 637, 751,
 792
 Гецель В.Ф. 2: 770, 771
 Гиллельсон М.И. 2: 354, 356, 363,
 364, 483, 590, 591
 Гиляровский В.А. 2: 544
 Гиппиус В.В. 2: 347, 349, 350,
 375, 401, 483, 499, 545, 549,
 557, 560, 566, 568, 582, 609,
 714—716, 718, 742, 745, 746,
 855—857
 Гиппиус Д.И. 2: 545
 Гладков А.К. 2: 629
 Глебова О. 2: 637
 Глинка С.Н. 2: 753
 Глинка Ф.Н. 2: 689
 Глишич М. (Глишић М.) 2: 696
 Глямшин Ф. 2: 646
 Гнедич Н.И. 2: 565
 Гнедич П.П. 2: 663
 Гоголи, Гоголи-Яновские 2: 544, 754
 Гоголь А.В. 2: 358 («сестры»)
- Гоголь В.А. 2: 717, 774
 Гоголь Е.В. 2: 358 («сестры»)
- Гоголь М.И. 2: 717, 721 («мать»),
 852
- Гоголь О.В. 2: 774
 Гозенпуд А.Н. 2: 633
 Голицын Д.В. 2: 761
 Голицын Ф.Ф. 2: 356
 Головкин А. 2: 842
 Голохвастов Д.П. 2: 471, 472
 Гольщева Е.М. 2: 610
 Гольденберг А.Х. 2: 582, 611, 612,
 724, 733, 773, 774
 Гольденвейзер А.Б. 2: 604
 Гомер 1: 132, 331, 569; 2: 141, 142,
 565, 584, 593, 594, 598, 651,
 674, 713, 714, 749, 777
 Гончаров А.А. 2: 633
 Гончаров И.А. 2: 602, 604, 679,
 694
 Гончаров С.А. 2: 563, 611, 711, 774,
 815
 Горбачев И.О. 2: 634, 645
 Горбунов А.Н. 2: 611
 Горбунов И.Ф. 2: 737
 Горбунова Е.Н. 2: 631
 Горелов Б. 2: 622
 Горький М. (Пешков А.М.) 2: 577,
 701, 705
 Горяинов Д.М. 2: 652, 655
 Гофман М. 2: 700
 Гофман Р. 2: 700
 Гофман Э.Т.А. 2: 571, 677, 743
 Грак Ж. 2: 687
 Гранатович Л. 2: 706
 Грановский Т.Н. 2: 363, 365, 517
 Грачев А. 2: 773
 Грев К. де 2: 667, 671, 688, 690,
 695, 700, 702, 860
 Гредингер М.О. 2: 554
 Греков (Ильин) И.Н. 2: 619
 Гремиславский И.Я. 2: 628
 Грессе Ж.-Б.-Л. 2: 793
 Греч Н.И. 2: 363, 364, 591, 593,
 720
 Гречаная Е.П. 2: 727, 770
 Грибкова А.Б. 2: 648
 Грибов А.Н. 2: 645
 Грибоедов А.С. 2: 554, 574, 579,
 583, 752, 765, 796, 855
 Григорович Д.В. 2: 603, 694

- Григорьев Ап.А. 2: 604, 757, 758, 763, 855
 Григорьев Л. 2: 647
 Григорьев П.Г. 2: 757
 Григорьев П.И. 2: 617
 Гринблат Р.С. 2: 634
 Гриффитс Ф. 2: 674
 Громов Е.С. 2: 666
 Грот К. 2: 616
 Грот Я.К. 2: 428, 475, 502, 514, 515, 522, 523, 525, 808, 855
 Грэхем С. 2: 704, 706
 Гуковский Г.А. 2: 610, 634
 Гульченко В.В. 2: 638
 Гумилев Н.С. 2: 689
 Гуминский В.М. 2: 557, 651, 656, 769
 Гураль С.К. 2: 690
 Гурвич-Лицинер С.Д. 2: 589
 Гуревич Я.Г. 2: 580
 Гурович Н.М. 2: 612
 Гюнтер Г. 2: 679
- Давыдов В.Н. (Горелов И.Н.) 2: 619
 Давыдов Д.В. 2: 762
 Д'Аллоновиль 2: 550
 Далматов В.П. 2: 619
 Даль В.И. (псевд.: Казак Владимир Луганский) 2: 539, 550, 559, 560, 562, 709, 710, 715, 716, 722, 727, 730, 731, 735, 736, 738, 753, 758, 760–764, 773–777, 783, 785–787, 796–801, 804–806, 808–810, 823, 840, 842, 852, 855
 Далькевич М.М. 2: 663
 Данилевский А.С. 2: 351, 369, 422, 501, 510, 562, 590, 763
 Данилевский Г.П. 2: 347, 602
 Данилевский Н.Я. 2: 616
 Данилевский Р.Ю. 2: 744
 Данилов В.В. 2: 556, 558, 562, 725, 856
 Данилов С.С. 2: 613, 614, 616, 617, 619, 621, 623, 625, 631, 856
 Данилова М.Б. 2: 640
 Данте Алигьери (Дант) 1: 136, 573; 2: 580–582, 713, 749, 793
 Дашкевич В.С. 2: 640
 Дашкевич Н.П. 2: 746, 857
 Дашков Д.В. 2: 574
- Деларю М.Д. 2: 795
 Деменьков (Деменков) П.С. 2: 431, 432
 Демидов П.А. 2: 779
 Демиш П. 2: 621
 Демосфен 1: 665; 2: 223, 806
 Демут-Малиновский В.И. 2: 766
 Демченко А.А. 2: 602
 Денников А.С. 2: 637
 Державин Г.Р. 2: 549, 571–573, 678, 744, 770, 796, 799, 800, 808
 Деррида Ж. 2: 678, 686
 Дершау Ф.К. 2: 708, 755
 Дерюгина Л.В. 2: 363, 711, 741
 Дженнес Р.К. 2: 677, 746
 Джонсон И. (см.: Иванов И.В.)
 Джулиани Р. 2: 509
 Дибич-Забаканский И.И. 2: 840
 Дидо А. 2: 698
 Дидро Д. 2: 783
 Дик Н.Е. 2: 638
 Диккенс Ч. 2: 575, 576, 679
 Динцес Л.А. 2: 651, 656, 657, 663, 856
 Диоген 1: 160, 612; 2: 181
 Диринг (Деринг) И.Я. 2: 508
 Дмитриев В.В. 2: 625, 626
 Дмитриев И.И. 2: 567, 711
 Дмитриев М.А. 2: 589
 Дмитриев-Мамонов Э.А. 2: 360–362
 Дмитриева А.И. 2: 636
 Дмитриева Е.Е. 2: 611, 664, 717, 727, 732, 734, 740, 742, 795, 796, 799, 801
 Добродомов И.Г. 2: 734, 735
 Добролюбов Н.А. 2: 603
 Дойтш Дж. 2: 683
 Докусов А.М. 2: 494
 Должанский Р.П. 2: 642
 Долотова Л.М. 2: 854
 Домициан, имп. 2: 770
 Дондуков-Корсаков М.А. 2: 476, 479, 483–484, 501
 Доронина Р.Ф. 2: 692, 696
 Достоевский Ф.М. 2: 586, 604, 607, 608, 630, 644, 655, 674, 679, 686, 687, 690, 697, 704, 719, 720, 772, 808, 809, 856
 Дранах Ш.А. 2: 688, 736
 Дунин А.А. 2: 553

- Дуров Л.К. 2: 636
 Дурылин С.Н. 2: 717, 754
 Дьёрдь А. 2: 696
 Дюма А. 2: 604
- Е.С.** 2: 642
 Евдокимов П. 2: 679
 Евклид (Эвклид) 2: 640
 Егоров Б.Ф. 2: 624, 643, 644, 855
 Егошина О.В. 2: 642
 Екатерина II, имп. 2: 726, 737, 750, 789, 801
 Елагина А.П. 2: 476, 511
 Елагины 2: 359
 Елеонский С.Ф. 2: 577
 Елизавета Петровна, имп. 2: 572
 Елизаветина Г.Г. 2: 854
 Елистратова А.А. 2: 561, 567, 575–577, 582, 608, 714, 817, 818, 856
 Епифаний, св. 2: 785
 Еремеев Л. 2: 632
 Еремина В.И. 2: 773
 Еремина Л.И. 2: 527, 529
 Еремичев В.П. 2: 638
 Ермаков И.Д. 2: 608
 Ермилов В.В. 2: 631
 Ерофеев В.В. 2: 607, 756, 762
 Ефрем Сирин 2: 680
 Ефремов О.Н. 2: 634
- Жамойда Д.С.** 2: 639
 Жан-Поль (Рихтер И.П.Ф.) 2: 595, 677, 746
 Жандарев И. 2: 634
 Жанлис С.Ф. де 1: 385, 693; 2: 248, 686, 772, 795, 796
 Жданов В.А. 2: 537
 Жданов Я.А. 2: 643
 Жданова Е. 2: 643
 Женетт Ж. 2: 678
 Живокини В.И. 2: 615
 Жирмунский В.М. 2: 751
 Житомирская С.В. 2: 859
 Жуковский В.А. 1: 147, 586; 2: 348, 351–355, 357–359, 361–364, 370, 373, 375, 377, 474, 476, 511, 514, 515, 518, 521, 545, 546, 554, 558, 564–566, 569, 573, 574, 580, 584, 586, 692, 739, 752, 793, 795, 796, 818, 822, 836, 838, 839, 849, 850
- Журавлев А.А. 2: 361–363
 Журавлева Е.В. 2: 663
 Журов А.П. 2: 657
- Заболотский П.А.** 2: 696
 Заборова Р.Б. 2: 858
 Загорянский (Кисель) М.Н. 2: 620
 Загоскин М.Н. 2: 560, 587, 724, 757
 Заикин П.Ф. 2: 591
 Зайденштур Э.Е. 2: 537
 Зайцева И.А. 2: 612
 Замыслова Е.Е. 2: 601
 Зарецкий В.А. 2: 716, 732, 742, 769, 784, 856
 Заславский Г.А. 2: 637, 638
 Захаров М.А. 2: 640
 Звиняцковский В.Я. 2: 611
 Зелов Н.С. 2: 466, 747
 Зензинов М.А. 2: 590
 Зеньковский В.В. 2: 605, 606, 679
 Зингерман Б.И. 2: 664
 Злыднева Н.В. 2: 664
 Золотусский И.П. 2: 610, 664, 720, 750, 759
 Зоркая Н.М. 2: 646
 Зощенко М.М. 2: 678, 733
 Зуева А.П. 2: 628, 645, 646
 Зюков Б.Б. 2: 633
- И.М.** 2: 633
 Иваницкий А.И. 2: 611
 Иванов 2: 617
 Иванов А.А. 2: 365, 373, 384, 417, 681, 848
 Иванов В.И. 2: 607
 Иванов Е.П. 2: 756
 Иванов И.В. (псевд.: Джонсон И.) 2: 621
 Иванов С.А. 2: 365, 384, 490
 Иванов С.И. 2: 624
 Иванова Л.М. 2: 858
 Игнатъева М. 2: 637
 Иевлев Н.В. 2: 663
 Иезекииль 2: 738
 Иест П. 2: 779
 Измайлов А.А. 2: 716
 Измайлов А.Е. 2: 781
 Израилевский Б.Л. 2: 626
 Иисус Христос 2: 44, 474, 600, 681, 797, 803, 809
 Ильин И.А. 2: 606

- Илюшин А.А. 2: 582
Иннокентий (Борисов И.А.) 2: 511
Иняхин А.Б. 2: 641
Иов 2: 722
Исаак Сирин 2: 781, 782
Исаия 2: 722
Исаков А.Б. 2: 633, 639
Исаков С.Г. 2: 698
Иуда Искариот 1: 612; 2: 237, 416, 759, 803, 809
Иффланд А.В. 2: 795
Йоллос В. 2: 702
Йыгевеер Я. 2: 698
К-ач 2: 544, 545
Кадо М. 2: 667, 669, 693, 860
Каждан Т.П. 2: 736
Казак В. 2: 681–684, 703
Казакевич А. 2: 678
Казанович Е. 2: 465
Каин 2: 743
Калайдович Н.К. 2: 597
Калаушин М. 2: 617
Калашников И.Т. 2: 560
Калитин (Никитин) Н.И. 2: 633
Каллаш В.В. 2: 652, 653
Калчев П. (Калчевъ П.) 2: 698
Кальм Д. 2: 630
Камерон Ч. 2: 807
Каминская Н. 2: 641
Канарис К. (Канари) 1: 90, 91, 516, 517; 2: 737
Кантемир А.Д. 2: 745
Капелюш Э.Б. 2: 641
Каплан Я.Ф. 2: 608
Капнист В.В. 2: 717
Капнисты 2: 717
Караваджо (Меризи) Микеланджело да 2: 724
Карамзин А.Н. 2: 353, 355
Карамзин Н.М. 1: 147, 336, 587; 2: 444, 451, 570, 743, 753–756, 784, 792, 793, 796
Карамзина Е.А. 2: 353, 355, 787
Карамзины 2: 363, 364
Карась А. 2: 642
Каратыгин П.А. 2: 618
Карбаускис М. 2: 641, 642
Карлинский С. 2: 687
Карпов А.А. 2: 855, 860
Карпук П.А. 2: 632, 639
Карская Т.С. 2: 803
Карташевская М.Г. 2: 364, 428–430, 458, 470, 512, 516, 589, 597
Карташевская Н.Т. 2: 376
Карташевский Г.И. 2: 376
Касснер Р. 2: 610
Кастальский А.Д. 2: 646
Катаева Н. 2: 637, 641
Катарский И.М. 2: 575
Катенин П.А. 2: 796
Катков М.Н. 2: 418, 591, 825–827
Катц М. 2: 686
Кауфман Р.С. 2: 656, 665
Кафанова О.Б. 2: 796
Кafka Ф. 2: 687
Качалов В.И. (Шверубович) 2: 630, 633
Каченовский М.Т. 2: 471, 472, 779
Квитка-Основьяненко Г.Ф. 2: 560–562, 577
Кеведо-и-Вильегас Ф.Г. де 2: 560, 561, 674
Кедров М.Н. 2: 628
Кейль Р.-Д. 2: 583, 680, 703, 722, 775
Кент Л. 2: 686, 687
Кибальник С.А. 2: 795
Ким Ю.Ч. 2: 640
Киреевские 2: 480
Киреевский И.В. 2: 365, 568, 592, 782
Киреевский П.В. 2: 550
Кириленко К.Н. 2: 627
Кирпичников А.И. 2: 520
Кирсанова Р.М. 2: 443, 709, 713, 724, 725, 728, 730, 737, 751, 753, 755, 756, 760–762, 772, 773, 776, 777, 791–793, 798, 804, 807, 841–843, 856
Китаев М.Ф. 2: 634, 635
Киченко А.С. 2: 611
Клапка И. 2: 666
Клепиков С.А. 2: 301–303, 309, 314–318, 389, 856
Клико Н.Б. (урожд. Понсарден) 2: 729
Клико Ф. 2: 729
Клушин А.И. 2: 583
Ключарев Ф.П. 2: 689
Ключевский В.О. 2: 746
Кнебель М.О. 2: 633

- Княжевич Д.М. 2: 718, 776, 842
 Княжнин Я.Б. 2: 803
 Князев В.В. 2: 663
 Кобеко Д.Ф. 2: 617
 Ковалевский П.О. 2: 663
 Коваленко Г.В. 2: 634, 645
 Ковалинский М.И. 2: 563
 Кожин В.В. 2: 611
 Козаков М.М. 2: 636
 Козачинский Ф.С. 2: 663
 Кок Ш.П. де 2: 593
 Колокотронис Т. (Колокотрони) 1: 98, 516; 2: 739
 Колосова Г.А. 2: 572
 Колосова Г.И. 2: 512
 Колридж (Кольридж) С.Т. 2: 806
 Кольдефи-Фокар А. 2: 701
 Комарович В.Л. 2: 537
 Комиссаржевский В.Г. 2: 636
 Комлош А. 2: 696
 Конобеевская И.Н. 2: 418
 Кораблев В. 2: 694, 696, 698
 Коркос Л. 2: 666
 Корнилов А.А. 2: 770
 Корнилов П.Е. 2: 856
 Корнилова А.В. 2: 788, 789
 Корнилова В.В. 2: 788, 789
 Корнилович А.О. 2: 793
 Корнос Дж. 2: 704
 Королева Н.В. 2: 590
 Короленко В.Г. 2: 605, 656, 659
 Корольчук Г.А. 2: 639
 Коростин А.Ф. 2: 656, 660–663, 665, 666, 856
 Корреджо (Аллегри) А. («Корреджио») 2: 357
 Корсаков П.А. 2: 480, 484, 512
 Корш Ф.А. 2: 619, 621
 Косаковская А.И. 2: 667
 Косинка Г. 2: 706
 Костенецкий А.Г. 2: 658, 659
 Котляревский И.П. 2: 581, 743
 Котляревский Н.А. 2: 555, 556, 856
 Коцебу А.Ф.Ф. фон 1: 13; 2: 712, 719, 795, 796
 Коцингер С. 2: 573
 Кочергин Э.С. 2: 635
 Кошелев В.А. 2: 599
 Кошмаль В. 2: 674, 675
 Кравченко К.С. 2: 662
 Краевский А.А. 2: 353, 358, 473, 517
 Красильников (см.: Рябов П.Я.)
 Краснов Ю. 2: 645
 Красовский И.Ф. 2: 620
 Крашевский Ю.И. 2: 690
 Крейтнер Н. 2: 645
 Кремлев А.Н. 2: 620
 Кречетов В.И. 2: 744
 Кривонос В.Ш. 2: 576, 611, 612, 673, 722, 769, 773, 782
 Кривуля Н.Г. 2: 644
 Кройцингер В. 2: 703
 Кротопов А.Ф. 2: 551, 552
 Круглый Л.Б. 2: 639
 Крузе 2: 465
 Крути И.А. 2: 631
 Крутикова Н.Э. 2: 697
 Крылов А.Л. 2: 484
 Крылов В.А. 2: 619–621
 Крылов В.А. 2: 649
 Крылов И.А. 1: 213, 391, 698, 734; 2: 549, 583, 765, 769, 775, 793, 797
 Крылов Н.И. 2: 471, 476
 Крылов П.Н. (Кукрыниксы) 2: 656, 665
 Крюденер В.Ю. 2: 770
 Кузмин М.А. 2: 665
 Кузнецов А. 2: 643
 Кузнецов Г. 2: 632
 Кузнецов М.С. 2: 659
 Кузнецов О. 2: 638
 Кузовкина Т.Д. 2: 785
 Кузьменко Н. 2: 706
 Кузьминский К.С. 2: 652, 653, 657–659, 856
 Кузякина Н.Б. 2: 634
 Кукольник Н.В. 2: 561, 571, 770
 Кукрыниксы (Куприянов М.В., Крылов П.Н., Соколов Н.А.) 2: 656, 665
 Кулешов В.И. 2: 598, 854
 Кулжинский И.Г. 2: 770
 Кулиевич М. 2: 647
 Куликов Н.И. 2: 613–616, 618, 621
 Кулиш П.А. 2: 355, 376, 384, 387, 417, 428, 496, 536, 604, 813, 818, 827, 857
 Кулишкина О.Н. 2: 607
 Куманьков Е.И. 2: 645
 Кумельский В.В. 2: 621
 Купер Д.Ф. 2: 598
 Купреянова Е.Н. 2: 818

- Куприн А.И. 2: 704
 Куприянов М.В. (Кукрыниксы) 2:
 656, 665
 Купцова О.Н. 2: 742
 Курьер С. 2: 672
 Кустодиев Б.М. 2: 663
 Кутик И. 2: 687
 Куторга С.С. 2: 484
 Кутузов М.И. 1: 46, 269, 480
 Кухта Е.А. 2: 625, 627, 636, 857
 Кучеров А. 2: 637
 Кушелев-Безбородко Г.А. 2: 496
 Кюстин А. де 2: 710
 Кюхельбекер В.К. 2: 563, 590

 Лаваль И.С. де 2: 667
 Лавальер Л.Ф. де 1: 199, 385, 693;
 2: 248, 424, 772, 795, 796
 Лавренюк Б. 2: 647
 Лагина Н. 2: 634
 Лагрене В. (урожд. Дубенская В.И.)
 2: 692
 Лажечников И.И. 2: 561
 Ламартин А.М.Л. де 2: 711
 Ланге В. 2: 702
 Лангер Г. 2: 682
 Ланкастер Дж. 1: 146, 585; 2: 157,
 554, 752
 Ланской В.В. 2: 635
 Ланской Л.Р. 2: 592, 708
 Лапенна М.С. 2: 699
 Лаптев А.М. 2: 665, 666
 Ларин И.И. 2: 549
 Ларина К. (Баршева О.А.) 2: 641,
 642
 Ларусс П. 2: 672
 Латтуада А. 2: 645
 Лафонтен Ж. де 2: 795
 Лах Ширма К. 2: 693
 Лебедева О.Б. 2: 357
 Лебенштейн Ф. 2: 669, 690, 691,
 702
 Левенталь В.Я. 2: 636, 647, 648
 Левин Ю.И. 2: 776
 Левитина В.Б. 2: 633
 Левицкий Д.Г. 2: 648
 Леенсон Е.И. 2: 635
 Леже Л. 2: 672, 695
 Лежоп Л. 2: 643
 Лейсте Г.В. 2: 687
 Лейтес А. 2: 695
 Лейтнер Г. 2: 643

 Леман Й. 2: 683
 Лемке М.Н. 2: 477
 Лемонте П.Э. 2: 793
 Лемэр Ф.Ш. 2: 648
 Ленский А.П. 2: 620, 621
 Леонидов Л.М. 2: 628
 Леонидов Ю.Л. 2: 645, 646
 Леонидова И. 2: 638
 Леонтьев А.Н. 2: 638
 Лепилкина О.И. 2: 614
 Лермонтов М.Ю. 2: 450, 611, 687,
 693, 697, 823, 824, 857
 Лернер Н.О. 2: 733
 Лесажа А.Р. 2: 549, 578, 672, 676
 Лесков Н.С. 2: 656, 659, 688, 787
 Лещинский Я.Д. 2: 717
 Ливанов Б.Н. 2: 645
 Лилина М.П. 2: 628
 Липранди И.П. 2: 543
 Лисовец М.В. 2: 642
 Лихачев Д.С. 2: 560, 717, 718, 720,
 722, 857
 Локс К.Г. 2: 413
 Ломоносов М.В. 2: 546, 571–573,
 678, 754, 808
 Лоррен К. (Желле) («Клод») 2: 810
 Лотман Ю.М. 2: 548, 550, 611, 703,
 737, 753, 839, 857
 Лотреамон (Дюкас И.) 2: 687
 Лотто Ч. де 2: 612, 645
 Лугаковский В.А. 2: 690, 694, 697,
 857
 Лузин И. 2: 551
 Лунгин П.С. 2: 646
 Лу Синь 2: 706
 Луспекаев П.Б. 2: 645
 Луценко Е.Л. 2: 637
 Луцкая Е.Л. 2: 636, 648
 Лучников М.Ю. 2: 611
 Львов А.Е. 2: 511
 Львов П.Ю. 2: 717
 Любимов Н.М. 2: 628
 Любимов Ю.П. 2: 635
 Любомудров М.Н. 2: 635
 Людовик XIV 2: 772
 Лютер А. 2: 702
 Лямбек Э. 2: 691, 692, 702, 703,
 857
 Лямина Е.Э. 2: 357, 369
 Лях И.В. 2: 638
 Ляцкий Е.А. 2: 663

- М.Р. 2: 788
 Маврокордатос А. (Маврокордато)
 1: 90, 516; 2: 554, 737
 Магаршак Д. 2: 705, 706
 Мажаров К.С. 2: 639
 Майков В.Н. 2: 525, 559, 602, 653,
 764, 812
 Майков Л.Н. 2: 549
 Макарий (Глухарев М.Я.) 2: 782
 Макаров А.Н. 2: 795
 Макашин С.А. 2: 635
 Макиавелли Н. 2: 580
 Маковский В.Е. 2: 662, 663
 Маковский К.Е. 2: 663
 Макогоненко Г.П. 2: 349
 Максимов А.М. 2: 614, 615
 Максимов С.В. 2: 787
 Максимович И. 2: 696
 Максимович М.А. 2: 365, 511
 Малавази Л.С. 2: 699
 Малиновский Д.К. 2: 601, 602
 Малиновский И.Д. 2: 602
 Мальборо Д.-Ч. («Мальбруг») 1:
 72, 77, 492, 502; 2: 733
 Малягин В.Ю. 2: 640
 Мандельштам И.Е. 2: 610
 Мандельштам О.Э. 2: 594
 Манн Ю.В. 2: 347–350, 355, 365,
 369, 370, 375, 376, 409, 413,
 444, 446, 447, 459, 463, 473,
 511, 513, 519–521, 527, 558,
 564, 568, 573, 576, 579, 582,
 589, 592, 599, 611, 612, 635–
 637, 666, 708, 714, 716, 723,
 742, 758, 782, 789, 794, 814,
 816, 818, 845, 850, 852, 854,
 857, 858
 Мань Тао 2: 706
 Маньковский И.К. 2: 663
 Маранцман В. 2: 635
 Мари Д. 2: 550
 Мария, Богоматерь 1: 429; 2: 785,
 797, 809
 Мария Антуанетта 2: 720, 791
 Мария Николаевна, вел. кн. 2: 475
 Марков К.И. 2: 600, 848
 Марков П.А. 2: 622, 623
 Марковецкий С.Я. 2: 618
 Марковский М.Н. 2: 349, 381, 446,
 463, 509, 818, 822, 857
 Маркс А.Ф. 2: 655, 663, 666
 Маркус М.А. 2: 597
 Мармье К. 2: 670
 Марсо М. 2: 634
 Мартини А. 2: 683, 703
 Мартос П.И. 2: 544
 Мартынов А.Е. 2: 614, 615, 617
 Мартынов А.Л. 2: 636
 Мартынова А. 2: 632
 Марченков А. 2: 612
 Масалитинова В.О. 2: 620
 Масальский К.П. (псевд.: Маркиз
 Глаголь) 2: 593, 594, 744
 Масс В.Э. 2: 623
 Матвеев П.А. 2: 782
 Мацапура В.И. 2: 612
 Мацкин А.П. 2: 623–627, 857
 Мацнев С.Т. (Спиридон-хлебная
 матка) 2: 553
 Махаев Ю.А. 2: 640
 Машинский С.И. 2: 349, 550, 610,
 761, 829
 Медриш Д.Н. 2: 716
 Межевич В.С. 2: 592
 Мейерхольд В.Э. 2: 625, 628, 629,
 638, 643, 682, 860
 Мельгунов Н.А. 2: 357, 358, 520
 Мельникова А.С. 2: 726
 Мельникова Н. 2: 640
 Менелай 2: 785
 Меншиков А.Д. 2: 767
 Меньшиков М.О. 2: 784
 Мережковский Д.С. 2: 562, 605,
 606, 672, 704
 Мерзляков А.Ф. 2: 582
 Мериме П. 2: 575, 668, 669, 692,
 693, 696, 699
 Мерсье Л.-С. 2: 791
 Метьюрин Ч.Р. 2: 561
 Мёллер-Салли Шт. 2: 674, 685,
 687
 Миаулис А.В. (Миаули) 1: 90, 516;
 2: 737
 Мизко Н.Д. 2: 597
 Миллер И. 2: 564
 Милошевич М. 2: 642
 Мильдон В.И. 2: 664
 Милькович Л. (Мильковић Л.) 2:
 696
 Мильтон Д. 2: 594, 717, 793
 Мильчина В.А. 2: 740
 Милоков А.П. 2: 603
 Милотин А.Я. 1: 191, 662, 802; 2:
 768

- Минина Е. 2: 638
Мироновский И.Л. 2: 779
Митрохин Д.И. 2: 665
Михайлов А.В. 2: 649
Михайлов А.Д. 2: 575, 692
Михайлов К.Н. 2: 619
Михайлов М. 2: 691
Михайлова А.А. 2: 626
Михайловский-Данилевский А. 2: 824
Михед П.В. 2: 706
Михеева А.Н. 2: 643
Михельсон М.И. 2: 759, 801
Мишле Ж. 2: 671
Млечин В. 2: 633
Модильяни А. 2: 664
Мольер (Поклен Ж.Б.) 2: 559, 560, 564, 670, 687
Монго А. 2: 664, 669, 692, 700
Моничелли Г. де 2: 643
Мордовченко Н.И. 2: 754
Моро Э. 2: 670, 694, 695, 699
Морозов А. 2: 739
Морщинер М.С. 2: 702
Москвин И.М. 2: 628
Мостовская Н.Н. 2: 603
Мостовский М.С. 2: 556
Моторин А.В. 2: 733, 756
Мочульский К.В. 2: 606
Музиль Р. 2: 708
Муратов Л.Г. 2: 643–646, 857
Муратори Л.А. 2: 580
Мэгуайр Р.А. 2: 685, 686, 689, 705
Мэн Сян-сэнь 2: 706
Мюрат И. 2: 765
Мятлева П.И. 2: 513
- Н.Л.** 2: 623
Набоков В.В. 2: 610, 683, 688, 709, 736, 747
Надеждин Н.И. 2: 584, 589, 858
Наенко М.К. 2: 610
Найдич Э.Э. 2: 567
Наполеон I Бонапарт 1: 194, 195, 197, 667–669, 672; 2: 554, 571, 579, 669, 733, 756, 765, 768–770
Наполеон III (Луи Наполеон Бонапарт) 2: 708
Нарежный В.Т. 2: 547, 550, 560, 561
Населенко Е.П. 2: 854
- Нащокин П.В. 2: 347, 360, 362, 363
Нащокина В.А. 2: 361–363
Нащокины 2: 361
Неверов Я.М. 2: 365
Неверовский Д.П. 2: 765
Некрасов Н.А. 2: 586, 602, 744, 745, 757
Некрасова Е.С. 2: 301, 373, 691, 694
Нелидов Д.Н. 2: 854
Немирович-Данченко В.И. 2: 620, 624, 625, 629, 630
Немировский Е.Л. 2: 613, 652, 655, 659, 664–667, 858
Немчинов И.М. 2: 615
Неплюев И.И. 2: 545
Нерваль (Лабрюни) Ж. де 2: 687
Нерон 2: 770
Нестор 2: 860
Нестьева М.Д. 2: 647
Нетанов П. 2: 617
Неупокоев И.А. 2: 641
Неффорж Ж.-Ф. 2: 736
Нива Ж. 2: 664, 689
Никанорова Ю.В. 2: 669, 672, 673, 675, 681, 690, 691, 702, 703, 858
Никитенко А.В. 2: 318, 319, 474–476, 478–480, 481, 483, 484–488, 498–500, 502, 503, 522–525, 512, 812
Никишаев Е.Ф. 2: 494
Николаев А.С. 2: 501
Николай I, имп. («государь», «император») 2: 472, 474, 475, 477, 503, 514, 548, 630, 669, 710, 718, 722, 771, 779, 802
Никольский Л.Я. 2: 621
Никольский П.И. 2: 571
Николюкин А.Н. 2: 806
Никон 2: 769
Никонов 2: 500
Нимченко Я. 2: 347
Нинов А.А. 2: 624
Нистрем К.М. 2: 353, 431, 767
Новалис (Гарденберг Ф. фон) 2: 677, 678
Новиков В.И. 2: 719
Новиков Н.И. 2: 719
Новицкий П.И. 2: 631
Новосильцев Н.Н. 2: 769

- Новосильцов И.Л. 2: 689
 Носек В. 2: 647
 Нуриев В. 2: 702
- Оболенский А. 2: 686
 Обратнина Е.Р. 2: 665
 Овидий (Публий Овидий Назон) 1: 48, 483; 2: 725
 Овсянко-Куликовский Д.Н. 2: 581
 Овчинникова С.И. 2: 640
 Одина М. 2: 639
 Одоевский В.Ф. 2: 358, 474–478, 503, 514, 520, 798
 Ожегов С.С. 2: 710
 Оклот М. 2: 705
 Оксман Ю.Г. 2: 501
 Окутюрье Г. 2: 700, 701
 Орлов А. 2: 633
 Орлов А.В. 2: 640
 Орлов А.Ф. 2: 548
 Орлов В.Н. 2: 583
 Орлов Ф.Ф. 2: 548, 549
 Орловский А.О. 2: 648
 Осипов Н.П. 2: 581
 Осповат А.Л. 2: 571
 Остолопов Н.Ф. 2: 584
 Островский А.Н. 2: 599, 760
 Оттов Ф. 2: 702
 Очкин А.Н. 2: 484
- Павел, ап. 2: 680, 681, 724, 774, 775
 Павел I, имп. 1: 46, 269, 480; 2: 551, 725, 789, 801
 Павлищев Л.Н. 2: 347
 Павлищева О.С. 2: 347
 Павлов Н.М. 2: 761
 Павлов Н.Ф. 2: 513, 516, 587
 Павлова И.Б. 2: 854
 Паганини Н. 2: 596
 Падерина Е.Г. 2: 456, 484, 816
 Пасий Величковский 2: 782
 Пален 2: 512
 Палкин 1, 190, 801; 2: 492, 767
 Панаев И.И. 2: 359–361, 744, 858
 Панов В.А. 1: 562; 2: 31, 311, 353, 365, 375–378, 380, 381, 383, 391, 416–421, 468, 496, 530, 531, 542
 Пастернак Б.Л. 2: 689
 Пачини Савой Л. 2: 551
 Пашек М. 2: 647
- Пашенко И.Г. 2: 353
 Пезаровиус П.П. 2: 765, 766
 Пекарский М.И. 2: 638
 Первухин К.К. 2: 663
 Переверзев В.Ф. 2: 608, 609
 Перелли Л. 2: 697, 698
 Пермяков Е. 2: 710, 712, 854
 Пермяков О.Р. 2: 637, 854
 Перов В.Г. 2: 663
 Перов Н. 2: 631
 Перовский А.А. (псевд.: Антоний Погорельский) 2: 583
 Перовский Л.А. 2: 789
 Перфильев С.В. 2: 589
 Перфильева Л.А. 2: 736
 Перфильевы 2: 586
 Песков А.М. 2: 587
 Петкер Б.Я. 2: 645, 646
 Петр, ап. 2: 786
 Петр I, имп. 1: 300; 2: 710, 714, 737, 739, 749, 776, 788, 793, 810
 Петров А.П. 2: 648
 Петров С.И. 2: 858
 Петушкова В.П. 2: 776
 Печерская Т.И. 2: 612
 Печорин Я. И. 2: 771
 Пивинские 2: 544
 Пивинский Х.П. 2: 544
 Пивинский Ю.Е. 2: 544
 Пийс Р. 2: 676, 724
 Пикассо П. 2: 609, 664
 Пино П. 2: 643
 Пиотровская А.Г. 2: 690, 705
 Пирогов Н.В. 2: 663
 Писемский А.Ф. 2: 802
 Плавт Тит М. 2: 560
 Планшон Р. 2: 642, 700
 Платек Я.М. 2: 647
 Платон 1: 665; 2: 223, 723, 758, 806
 Платонов В.П. 2: 355
 Плетнев П.А. 1: 235; 2: 353, 354, 363, 368, 376, 417, 428, 470, 472–475, 477–480, 481, 483, 495, 498, 499, 502, 511–515, 520–525, 592, 601, 616, 649, 650, 779, 812, 822, 823, 837–839, 855
 Плетнева С.А. (урожд. Раевская) 2: 823
 Плотников Б.Г. 2: 641
 Плюшар А.А. 2: 860

- По Э.А. 2: 687
- Погодин М.П. 2: 316, 351, 353–356, 358, 365, 373, 375, 376, 378, 382, 383, 393, 421, 422, 428–430, 465–467, 470, 471, 473, 477, 480, 481, 483, 496–497, 499, 500, 501, 502, 504, 505, 512, 513, 516, 553, 562, 584, 585, 590, 597, 599, 708, 737, 751, 757, 766, 848, 849
- Погодина Е.В. 2: 147, 150, 311, 317, 360, 444, 497, 499, 854
- Подкладов П. 2: 638
- Подобедова О.И. 2: 660, 661
- Пожарский Н.И. 2: 702
- Покаржевский Б.В. 2: 632
- Покровский Б.А. 2: 647
- Покровский Н.В. 2: 803
- Полева 2: 617
- Полевой Кс.А. 2: 513
- Полевой Н.А. 2: 519, 547, 596, 597, 630, 711, 726, 773, 782
- Полторацкий Н.П. 2: 606
- Полушко В.Н. 2: 638
- Полуэктова (Полуектова) Л.Ф., (урожд. княжн. Гагарина) 2: 356
- Понсарден Н.Б. 2: 729
- Попкин К. 2: 678, 685, 686, 733
- Поплавский Б.Ю. 2: 612
- Попов А.Н. 2: 598
- Попов В.П. 2: 599
- Попов П.С. 2: 624, 625, 644
- Поспелов Г.Н. 2: 579
- Потебня А.А. 2: 725
- Потемкин Г.А. 2: 750
- Потемкин И.А. 2: 357
- Потехин А.А. 2: 618–621
- Прац Э. 2: 652
- Предеин Н.П. 2: 666
- Прокопович В.Я. 2: 562
- Прокопович Н.Н. 2: 492, 496
- Прокопович Н.Я. 2: 352, 353, 355, 364, 366, 426, 457, 465, 477, 479, 480, 496, 498–501, 503, 505, 506, 510, 513–517, 519, 527, 552, 580, 586, 587, 616
- Проскурин О.А. 2: 787
- Проташинский И.В. (псевд.: Елистрат Фитюлькин) 2: 761
- Проффер К. 2: 685, 694, 698, 714, 860
- Прусаков В.В. 2: 614
- Пукирев В.В. 2: 663
- Пумпянский Л.В. 2: 546
- Пуришев Б.И. 2: 773
- Путята Н.В. 2: 588
- Путята С.А. 2: 588
- Пушкарев И.И. 2: 767
- Пушкин А.М. 2: 768
- Пушкин А.С. 1: 331, 381, 382, 690; 2: 243, 346–354, 359, 362, 363, 365, 369, 375, 447, 450, 495, 497, 520, 543–550, 560, 565, 566, 568–571, 580, 583, 584, 599, 607, 609, 611, 667, 668, 675, 685, 687, 690, 693, 697, 701, 711, 714, 718, 719, 724, 728, 729, 733, 739, 743–746, 753, 754, 757, 758, 765, 766, 773, 781, 783, 788, 789, 793–796, 801, 806, 807, 809, 823, 839, 855, 857, 858
- Пушкина Н.Н. 2: 514, 809, 823
- Пфейфер М. 2: 703
- Пыляев М.И. 2: 553, 710, 711, 744
- Пыррев И.А. 2: 637, 643, 644
- Рабинович С. 2: 674
- Рабле Ф. 2: 668
- Рада В. 2: 667
- Радецки С. фон 2: 702
- Радищев А.Н. 2: 577
- Радожицкий И.Т. 2: 771
- Раевская П.И. 2: 511
- Раевский В.Н. 2: 641
- Райдина И.Н. 2: 621
- Райский-Ступницкий П.П. 2: 622
- Рак В.Д. 2: 590
- Раич С.Е. 2: 565
- Расин Ж. 2: 757
- Раскольников Ф.А. 2: 611
- Рассадин С.Б. 2: 639
- Рачинские 2: 587
- Рейм Э. 2: 703
- Рейсдал (Рейсдаль) Я. ван 2: 799
- Рель Г. 2: 702
- Рем Г.З. 2: 702
- Ремизов А.М. 2: 664, 665, 686, 719, 758
- Репин И.Е. 2: 663
- Репнин Н.Г. 2: 544, 545
- Репнина В.Н. 2: 356, 503
- Репнины 2: 356

- Рехо К. 2: 705
Ривкинд Т.Я. 2: 641
Ригельман Н.А. 2: 617
Рифтин Б.А. 2: 707
Ровинский Д.А. 2: 715, 735, 737, 738, 858
Роган де 2: 808
Рогов 2: 513
Рогов К.Ю. 2: 788
Рогожникова Р.П. 2: 803
Родионов Б. 2: 643
Родионова И. 2: 638
Роднянская И.Б. 2: 689, 690
Розанов В.В. 2: 606, 607, 609, 673, 679
Розовский М.Г. 2: 638
Романова Г.А. 2: 614, 618, 619, 858
Романович-Славатинский А.В. 2: 555, 859
Ромберг М. 2: 666, 667
Ромодановская А.А. 2: 858
Ронга-Фаббрович Г. 2: 699
Рор Ж. 2: 669
Ростопчина Е.П. 2: 806
Ротфукс Х. 2: 703
Рудаков Ю.А. 2: 664
Рудницкий К.Л. 2: 627, 628, 859
Русскин С.В. 2: 638
Руссо Ж.Ж. 2: 796
Рутберг И.Г. 2: 634
Рыбак Л.А. 2: 646
Рюрик 1: 296, 298, 527; 2: 787
Рябов П.Я. (псевд.: Красильников) 2: 617, 618, 621
- С.Р. 2: 621
Сабина М. 2: 647
Савицкая О. 2: 635
Савицкий В.Д. 2: 692
Садовников Д.Н. 2: 711
Садовский П.М. 2: 617
Садур Н.Н. 2: 639, 640
Сажин В.Н. 2: 649
Сазонова Л.И. 2: 611
Сайтов В.И. 2: 858
Сакони К. 2: 643
Салтыков-Щедрин М.Е. 2: 617, 697, 800
Самарин И.В. 2: 615
Самарин Ю.Ф. 2: 364, 589, 816
Самовер Н.В. 2: 357, 369
Самойленко Г.В. 2: 613
- Самойлов В.В. 2: 614
Самойлов Л. 2: 431
Самокиш Н.С. 2: 663
Самокиш-Судковская Е.П. 2: 663
Санд Ж. 2: 598
Саути (Соути) Р. 2: 806
Сахаров И.П. 2: 769
Сахновский В.Г. 2: 622, 623, 624–626, 628, 631, 632, 645, 859
Свербеев Д.Н. 2: 513, 516, 550, 587, 589
Свербеева Е.А. 2: 589
Светозаров В. 2: 633, 639
Свечина С.П. 2: 356
Свиньин П.П. 2: 788, 789
Свирбеев 2: 725
Свиридов Г.В. 2: 646
Свиясов Е.В. 2: 603
Свободин А.П. 2: 639
Свободин (Козиенко) П.М. 2: 619
Северюхин Д.Я. 2: 657, 659, 663, 664, 666, 859
Семанова М. 2: 632
Семевский В.И. 2: 555
Семевский М.И. 2: 760
Семенов И. 2: 756
Семенов М. 2: 699, 700
Семирамида 1: 189, 658, 800; 2: 766
Сен-Жюльен Ш. 2: 667, 668
Сенковский О.И. 2: 510, 519, 559, 594, 763
Сенникова Р.Д. 2: 633
Сенченко И. 2: 706
Сербский Г.П. 2: 440, 508
Сервантес Сааведра М. де 1: 331, 381, 382, 690; 2: 243, 346, 447, 546, 565–568, 598, 671, 672, 675, 793
Сергеев Е. 2: 646
Сечкарев В. 2: 679, 680
Сиверс 2: 513, 521, 522, 524
Сидоров А.А. 2: 651, 662, 663, 664
Сильванский И. 2: 646
Силюнас В.Ю. 2: 640
Симов В.А. 2: 626, 629, 632
Синявский А.Д. (псевд.: Абрам Терц) 2: 607, 673, 724, 747
Сиповская Н. 2: 720
Сироткина И.Е. 2: 608
Скалон С.В. 2: 717
Скандура К. 2: 697, 699, 859
Скарятин А.П. 2: 621

- Сковорода Г.С. 2: 563, 741
Скорочкина О.Е. 2: 638
Скотт В. 1: 331; 2: 351, 558, 564, 565, 598, 599, 786
Славейков П. 2: 694
Славский 2: 617
Слонимский А.Л. 2: 527, 537, 540, 610
Смелянский А.М. 2: 624, 626–628, 635, 636, 640, 859
Смильгис Э. 2: 632
Смирдин А.Ф. 2: 757
Смирнов Н.М. 2: 822 («муж»)
Смирнов Р.В. 2: 641
Смирнова А.О. (урожд. Россет) 2: 348, 355, 367, 428, 474–478, 512–514, 520, 586, 708, 725, 743, 744, 787, 795, 820–823, 839, 848, 849, 859
Смирнова Е.А. 2: 349, 438, 448, 468, 509, 561, 569, 571, 573, 582, 648, 649, 651, 714, 715, 723, 724, 739, 741, 746, 753, 754, 758, 769, 771, 773, 815, 818, 854, 859
Смирнова-Чикина Е.С. 2: 349, 472, 556, 560, 781, 786, 859
Смирновы 2: 353, 355
Смолин Д.П. 2: 624
Снегирев И.М. 2: 433, 460, 465, 470–473, 476, 480, 510, 718, 776, 842
Соболев Ю.В. 2: 623
Соколинский Е.К. 2: 641
Соколов Б.В. 2: 611, 644
Соколов М.Н. 2: 719
Соколов Н.А. (Кукрыниксы) 2: 656, 665
Соколов П.П. 2: 656, 660–663, 856
Соколов П.П. 2: 795
Соколянский А.Ю. 2: 642
Соколянский М.Г. 2: 731, 738, 762, 772
Солеников Е.Н. 2: 318
Солженицын А.И. 2: 689
Соливетти К. 2: 576, 612
Соллогуб, граф 2: 617
Соллогуб В.А. 2: 543, 668, 695, 781
Соллогуб Л.А. 2: 355
Соловьев В.Н. 2: 622
Соловьев В.С. 2: 672–673, 679, 754
Соловьев С.В. 2: 803
Соловьев С.М. 2: 779
Соловьёва А.П. 2: 692, 696
Соловьёва И. 2: 633
Солон 1: 213, 734; 2: 251, 775
Сорока О.П. 2: 690
Сорокин М.П. 2: 595, 596
Сорокин Ю.С. 2: 764
Сосницкая Е.Я. (урожд. Воробьева) 2: 614
Сосницкий И.И. 2: 616
Сохэй М. 2: 705
Сперанский М.М. 2: 726
Сперанский М.Н. 2: 313, 317
Сталь А.Л.Ж., де 2: 756
Станиславский (Алексеев) К.С. 2: 620, 621, 624–632, 634, 645, 646, 864
Станицын (Гезе) В.Я. 2: 628, 645
Старчевский А.В. 2: 720
Стасов В.В. 2: 586, 654
Стендаль (Бейль А.М.) 2: 673
Степанов А.П. 2: 560, 561
Степанов В.П. 2: 551
Степанов Н.Л. 2: 550, 551, 859
Степанов Н.П. 2: 551
Стерн Л. 2: 569, 670
Стернин Г.Ю. 2: 650, 651, 655–657, 660, 663, 665, 666, 856, 859
Столович Л.Н. 2: 777
Столянский П.Н. 2: 767
Стоюнин В.Я. 2: 658
Стравинский И.Ф. 2: 647
Страда В. 2: 546
Страно Д. 2: 612
Стржелеки А. 2: 643
Строганов М.В. 2: 716, 717
Строганов С.Г. 2: 477, 501
Стэнтон Л. 2: 681
Суворин А.С. 2: 619
Суворов А.В. 1: 83; 2: 643, 735, 767
Сумароков А.П. 2: 795
Сусуму У. 2: 705, 706
Сутин Х.С. 2: 664
Сухова-Кобылин А.В. 2: 546, 682
Сухомлинов М.И. 2: 484, 485, 495, 859
Сушков Н.В. 2: 544, 707
Сю Э. 2: 591

- Сюй Цин-дао 2: 706
- Табакон О.П. 2: 636, 641, 642
- Табурич В.А. 2: 663
- Тадич Л. 2: 642
- Тальников Д.Л. 2: 630
- Тамарченко Н.Д. 2: 612
- Тараканов М. 2: 648
- Тарасов А.А. 2: 620
- Тарасова В.М. 2: 591
- Тарасова Е.К. 2: 681, 683, 684, 690, 860
- Тарквиний Гордый 2: 841
- Тарновский В.В. 2: 512
- Тарханов (Москвин) М.М. 2: 628, 630
- Тархова Н.А. 2: 349
- Тассо Т. 2: 565, 581, 594
- Татищев В.К. 2: 621
- Таубман Г. 2: 632
- Телешева Е.С. 2: 624, 632
- Темирканов Ю.Х. 2: 647
- Тенирс Д. (Теньер) 2: 668
- Теннер Дж. 2: 806
- Теребенев И.И. 2: 769
- Терновская О.А. 2: 726
- Террас В. 2: 688
- Терц Абрам (см.: Синяевский А.Д.)
- Тимашева М.А. 2: 640
- Тименчик Р.Д. 2: 571, 634
- Тимофеев Н. 2: 633, 643
- Тихий Ф. 2: 667
- Тихонравов Н.С. 1: 770; 2: 217, 243, 293, 301–308, 310–318, 348, 349, 365, 366, 368, 373, 377, 378, 381–383, 385, 387, 389, 392–395, 397–400, 413, 431, 433, 439, 444, 445, 458, 460–462, 464, 468, 471, 472, 490, 491, 492, 494–497, 508, 509, 513, 517, 519, 521, 523, 527, 537, 540, 580, 601, 746, 813, 814, 818–822, 825–831, 833, 835–837, 844–846, 850, 851, 860
- Товстоногов Г.А. 2: 635
- Тодд У.М. 2: 675, 685
- Токарев Д. 2: 612
- Толстой А.П. 2: 849
- Толстой Л.Н. 2: 599, 604, 628, 630, 674, 679, 690, 704, 710, 711, 714, 771
- Толстой Ф.И. 2: 586, 708
- Толстой Я.Н. 2: 591
- Толубеев Ю.В. 2: 634, 645
- Толченов П.И. (1-й) 2: 614
- Толченова Н. 2: 628
- Томашевский Б.В. 2: 537
- Топорков В.О. 2: 627, 628, 632, 860
- Топоров В.Н. 2: 742
- Трауберг Л.З. 2: 645
- Третьякова Е.М. 2: 657
- Трифонов Ю.В. 2: 635
- Тромонин К.Я. 2: 524
- Тропинин В.А. 2: 800
- Тростин 2: 761
- Трошинский Д.П. 2: 677
- Трушковский Н.П. 2: 827
- Тувим Ю. 2: 705
- Туманский В.И. 2: 554, 751
- Туманский М.Ф. 2: 545, 562
- Турбин В.Н. 2: 636
- Тургенев А.И. 2: 354, 356, 357, 363, 364, 483, 588, 590, 591, 787, 858
- Тургенев И.С. 2: 363, 591, 636, 655, 667, 679, 693, 695, 709, 711, 730, 740, 764, 857, 860
- Тургенев Н.И. 2: 591, 787
- Тыкке В.А. 2: 641
- Тынянов Ю.Н. 2: 648
- Тюменева Г.А. 2: 646
- Тюпа В.И. 2: 548, 724
- Тюрин Е.Д. 2: 779
- Тюрин Ю.П. 2: 644
- Тютчев Ф.И. 2: 708
- Тянь Да-вэй 2: 707
- Тяпкин Н.Д. 2: 658
- Уваров С.С. («министр») 2: 475–477, 479, 499, 501, 512, 788
- Уварова И.П. 2: 637, 639
- Уздеников В.В. 2: 726
- Ульрх П.И. 2: 674
- Улюзау М. 2: 643
- Уоллес (Уоллэс) М.Д. 2: 671
- Урс Х. 2: 682, 684, 686, 759
- Усачев В.И. 2: 504
- Успенский Б.А. 2: 741, 753
- Фадиман К. 2: 704
- Файман Г.С. 2: 643, 644
- Фангер Д. 2: 673, 679

- Фарино Е. 2: 724
 Фасмер М. 2: 804
 Федоров-Иваницкий В.Ф. 2: 665
 Федосюк Ю.А. 2: 726, 730
 Федотов Г.П. 2: 610
 Федотов П.А. 2: 716, 717, 800
 Федотова А.А. 2: 716
 Федченко 2: 553
 Федькин А.А. 2: 638
 Фейнберг И.Л. 2: 495—497
 Фемистокл 2: 720
 Фенарди: 1: 65; 2: 730
 Ферельцт С. фон 2: 562
 Филат Т.В. 2: 552
 Филатова Л. 2: 633, 639
 Филдинг (Фильдинг) Г. 1: 381, 382, 690; 2: 243, 447, 565, 568, 599, 793
 Филипп, ап. 2: 727
 Филиппенко А.Г. 2: 638
 Флеров В.П. 2: 471
 Флеров С.В. (псевд.: Васильев С.) 2: 618
 Флобер Г. 2: 683, 684, 701
 Флориан Ж.П.К. де 2: 566, 567, 722
 Флоровский Г.В. 2: 679, 753, 770
 Фокин В.В. 2: 638
 Фолько В. 2: 699
 Фомичев С.А. 2: 581
 Фонвизин Д.И. 2: 549, 560
 Формозов А.А. 2: 789
 Фохт Ю. 2: 577
 Франк С.К. 2: 678, 681, 782
 Франко И.Я. 2: 697
 Францев В.А. 2: 692
 Фрейганг А.И. 2: 484
 Фрейд Э. 2: 608
 Фрейзиер М. 2: 677, 678
 Фридендер Г.М. 2: 537
 Фридштейн Ю.Г. 2: 636
 Фромм Э. 2: 576
 Фуке Ф. де ла Мотт 2: 574
 Фуко М.П. 2: 674
 Фурман Влад (Фурманов В.Р.) 2: 638
 Фуссо С. 2: 685, 686, 705, 740
 Халабаев К.И. 2: 349, 537, 860
 Ханжонков А.А. 2: 643
 Хансен-Леве А.А. 2: 684
 Харди Дж.Д. 2: 681
 Хаю-Дза 2: 642
 Хвостов Д.И. 2: 795
 Хегенбарт Й. 2: 667
 Херасков М.М. 2: 717
 Хованский А.Н. 2: 775
 Хогарт Д.Дж. 2: 704
 Холл Б.Т. 2: 675
 Хольм К. 2: 703
 Хомук Н.В. 2: 612
 Хомяков А.С. 2: 511, 513, 516, 589, 599
 Хомякова Е.М. 2: 480, 511
 Хохлачева В.Н. 2: 434
 Хохряков Н.Н. 2: 663
 Хэпгуд И.Ф. 2: 698, 704
 Цезарь Гай Юлий 2: 841
 Цехановский М. 2: 644
 Цимбаев Н.Н. 2: 599
 Цимбаева Е.Н. 2: 728
 Цуркан А.В. 2: 611
 Цявловский М.А. 2: 362
 Чаадаев П.Я. 2: 589
 Чалов-Чальский И.П. 2: 622
 Чардынин П.И. 2: 643
 Чегодаев А.Д. 2: 646
 Черепанов Ю. 2: 632
 Чернова-Бургер И.М. 2: 692
 Чернович И.В. 2: 637
 Черных П.Я. 2: 803
 Чернышевский Н.Г. 2: 602—604, 697, 745, 759, 827, 860
 Чехов А.П. 2: 628, 660, 678, 689, 690, 733, 840
 Чжэн Хай-лин 2: 706
 Чиж В.Ф. 2: 608
 Чижевский Д.И. 2: 610, 680, 703, 712, 713, 753
 Чижов Ф.В. 2: 384, 600
 Чильшке Х. фон 2: 683
 Чичагов П.В. 2: 672
 Чичерин А.В. 2: 575
 Чосер Дж. 2: 611, 681
 Чудаков А.П. 2: 609
 Чудакова М.О. 2: 624, 632
 Чудинов А.Н. 2: 789
 Чуковский К.И. 2: 745
 Чушкин Н.Н. 2: 625, 629, 860
 Шагал М.Э. 2: 664, 666, 700, 701, 855

- Шаликов П.И. 2: 793
 Шамурин Ю.И. 2: 742
 Шандыбин М. 2: 700
 Шапиро Г. 2: 677, 723, 738, 756
 Шарапов П.Н. 2: 756
 Шаржинский С.Д. 2: 595
 Шарьер Э. 2: 668, 670, 671, 695, 699
 Шатобриан Ф.Р. де 2: 738, 740
 Шатских А.С. 2: 664
 Шафгоч Ф.К. 2: 702
 Шаховской А.А. 2: 616, 757
 Шаховской Н.П. 2: 663
 Шварцбанд С.М. 2: 576
 Швейцер М.А. 2: 646
 Шевырев С.П. 1: 235; 2: 357, 382, 427, 474, 483, 505, 508, 512–517, 519–525, 527, 560, 564–566, 578, 580, 582, 592, 594–596, 599, 601, 653, 692, 713, 714, 745, 794, 812, 818, 819, 823, 831, 846
 Шейн А.С. 2: 767
 Шейко Н.М. 2: 634, 645
 Шейнцис О.А. 2: 640
 Шекспир У. 1: 381, 382, 689–690; 2: 243, 447, 564, 565, 575, 773, 793
 Шелгунов Н.В. 2: 604
 Шелестов (Шеметов) В. 2: 601
 Шенрок В.И. 1: 770; 2: 217, 243, 348, 349, 357, 365, 366, 368, 369, 373–378, 380–382, 385, 387, 392, 395, 398–400, 413, 458, 468, 490, 495, 503, 513, 517, 587, 589, 600, 763, 828–831, 833, 837, 845, 846, 851, 860
 Шепелев Л.Е. 2: 802
 Шепелевич П. 2: 690
 Шерман А. 2: 641
 Шиканова И.С. 2: 726
 Шиллер И.К.Ф. 1: 124; 2: 550, 578, 599, 674, 682, 743, 744
 Шимадина М.Е. 2: 641
 Широков Г. 2: 646
 Шкловский В.Б. 2: 582, 656, 665
 Шлегель Ф. 2: 583, 677, 678
 Шлецер А.А. 2: 564
 Шлецер Б. де 2: 700, 701
 Шмиговский К. 2: 706
 Шнитке А.Г. 2: 635, 648
 Шолохов М.А. 2: 705
 Шредер Ф.А. 2: 766
 Шрейер Х. 2: 680
 Штебер И. 2: 677
 Штейнман Дж. 2: 687
 Штрандман Р.Р. 2: 654
 Шубинский И.В. 2: 858
 Шукшин В.М. 2: 784
 Щедрин Р.К. 2: 647, 648
 Щепкин М.С. 2: 360, 375, 422, 428, 476, 480, 481, 504, 615–617
 Щербак М.М. 2: 763
 Щербаков К. 2: 641
 Эвклид (см.: Евклид)
 Эджертон В. 2: 687, 688
 Эддис Ю.Ф. 2: 636
 Эйзенштейн С.М. 2: 570
 Эйхенбаум Б.М. 2: 349, 537, 860
 Эйхман К.А. 2: 682
 Эккартсгаузен К. 1: 147; 2: 424, 718, 753
 Экхарт М. 2: 680
 Элиасберг А. 2: 702
 Энгельгардт Н.А. 2: 577
 Эрдман Н.Р. 2: 682
 Эристов-Дженгис-Хан М. 2: 700
 Эрлих В. 2: 682
 Этвуд П. 2: 686
 Эткинд Е.Г. 2: 578
 Эттингер П.Д. 2: 665
 Эфрос А.В. 2: 636, 646
 Эшенбург И.И. 2: 582
 Юдин Г.В. 2: 497
 Юдина Е. 2: 637
 Юкова И.К. 2: 635
 Юнг Э. 1: 147, 336, 586; 2: 679, 752
 Яворский С. 2: 714
 Языков А.М. 2: 427, 470, 589–591
 Языков Н.М. 2: 357, 358, 363, 422, 427, 458, 470, 476, 480, 511, 518, 520, 550, 565, 586, 587, 589–591, 597, 691, 711, 747, 751, 763, 772, 822, 838, 849
 Языков П.М. 2: 427, 458, 511
 Языковы 2: 550
 Яковлев Н.К. 2: 620
 Яковлева О.М. 2: 637
 Якушенко Н.И. 2: 633

Ямпольский И.Г. 2: 858
Янковский Ю.З. 2: 599
Яновская Л.М. 2: 625, 860
Янушкевич А.С. 2: 357, 546
Янушкевич М.А. 2: 777
Яншин М.М. 2: 627
Ян (Янь) Вышатич 2: 769

Achéres V. (см.: Ашер В.)
Adamov A. (см.: Адамов А.)
Agin A. (см.: Агин А.А.)
Alkire G.H. 2: 577
Allain L. (см.: Ален Л.)
Amberg L. (см.: Амберг Л.)
Arnould A. (см.: Арну А.)
Arout G. 2: 701
Asso A. 2: 642
Atkinson Br. 2: 632
Atwood P. (см.: Этвуд П.)
Aucouturier G. (см.: Окутюрье Г.)

Balzac H. de (см.: Бальзак О. де)
Barbey d'Aureville (см.: Барбе д'Оре-
вильи Ж.А.)
Bavastro N. (см.: Бавастро Н.)
Bazzarelli E. 2: 699
Belknap R.L. 2: 689
Bikoulitch V.B. 2: 667
Bitov A. (см.: Битов А.Г.)
Blochel I. 2: 681
Bonamour J. (см.: Бонамур Ж.)
Boulgakov M. (см.: Булгаков М.А.)
Brang P. 2: 583
Brauer H. 2: 680
Braun M. (см.: Браун М.)
Brjusov V. (см.: Брюсов В.Я.)
Broniewski W. (см.: Броневский В.)
Bruins J.A. 2: 698
Brückner A. 2: 673
Brutus Decimus Junius Albius (см.:
Брут Децим Юний Альбин)
Brutus Lucius Junius (см.: Брут Луций
Юний)
Brutus Marcus Junius (см. Брут Марк
Юний)
Buck F. (см.: Бук Ф.)
Buek O. (см.: Бюк О. фон)
Bulgakov M.A. (см.: Булгаков М.А.)
Burkhart D. 2: 686

Cadot M. (см.: Кадо М.)

Cervantes (см.: Сервантес Сааведра
М., де)
Chagall M. (см.: Шагал М.)
Chandibine M. (см.: Шандыбин М.)
Charrière E. (см.: Шаррьер Э.)
Chedrin R. (см.: Шедрин Р.К.)
Chekhov A.P. (см.: Чехов А.П.)
Coldefy-Faucard A. (см.: Кольдефи-
Фокар А.)
Connolly J.W. 2: 688
Cournos J. (см.: Корнос Дж.)
Cournot M. 2: 643
Courrière C. (см.: Куррьер С.)
Creutzinger W. (см.: Кройцингер В.)
Curtius E.R. 2: 776
Cutler M. 2: 686

Deutsch J. (см.: Дойтш Дж.)
Dickens Ch. (см.: Диккенс Ч.)
Didot (Firmin Didot) 2: 670
Dostoevsky F.M. (см.: Достоевский
Ф.М.)
Dranach Sh.A. (см.: Дранах Ш.А.)
Duchartre P.L. 2: 738
Dühning E. 2: 672

Ebbinghaus A. 2: 681, 731
Edgerton W.B. (см.: Эджертон В.)
Eliasberg A. (см.: Элиасберг А.)
Eloesser A. 2: 795
Erdman N.R. (см.: Эрдман Н.Р.)
Eristov Gengis Khan M. (см.: Эри-
стов-Дженжис Хан М.)
Erlich V. (см.: Эралих В.)
Evdokimov P. (см.: Евдокимов П.)

Fanger D. (см.: Фангер Д.)
Farino E. 2: 681
Feuer K. 2: 681
Flaubert G. (см.: Флобер Г.)
Folco V. (см.: Фолько В.)
Folejewski Z. 2: 688
Fraizier M. (см.: Фрейзиер М.)
Frank S.K. (см.: Франк С.К.)
Freedman J. 2: 639
Fromm E. (см.: Фромм Э.)
Fusso S. (см.: Фуссо С.)

Galster B. 2: 705
Garnett C. (см.: Гарнет К.)
Genlis S.F. de 2: (см.: Жанлис С.Ф.
де)
Gerigk H.J. (см.: Герик Х.Ю.)

- Giesemann G. 2: 674, 795
 Gorki M. (см.: Горький М.)
 Goumilëv N. (см.: Гумилев Н.С.)
 Gracham S. (см.: Грэхем С.)
 Grayson J. 2: 685
 Gresset J.-B.-L. (см.: Грессе Ж.-Б.-Л.)
 Grève C. de (см.: Грев К. де)
 Griffiths F. (см.: Гриффитс Ф.)
 Guerneу B.G. (см.: Герни Б.Г.)
 Guillot G. 2: 642
 Günther H. (см.: Гюнтер Г.)
 György A. (см.: Дьёрдь А.)
- Haldas G. 2: 701**
 Hansen-Löve A.A. (см.: Хансен-Леве А.А.)
 Hargood I. (см.: Хэпгуд И.Ф.)
 Harder H.B. 2: 744
 Hardy J.D. (см.: Харди Дж.Д.)
 Heldt B. 2: 684
 Hofmann M. (см.: Гофман М.)
 Hofmann R. (см.: Гофман Р.)
 Hogarth C.J. 2: 705
 Hogarth D.J. (см.: Хогарт Д.Дж.)
 Holl B.T. (см.: Холл Б.Т.)
 Holm K. (см.: Хольм К.)
 Homer (см.: Гомер)
 Honegger J.J. 2: 672
 Hubert M.-C. 2: 642
- Jenness R.K. (см.: Дженнес Р.К.)
 Jollos W. (см.: Йоллос В.)
- Kaman E. 2: 688**
 Karlinsky S. (см.: Карлинский С.)
 Kasack W. (см.: Казак В.)
 Kassner R. (см.: Касснер Р.)
 Katz M. (см.: Катц М.)
 Kayser W. 2: 563
 Keil R.-D. (см.: Кейль Р.-Д.)
 Kent L.J. (см.: Кент Л.)
 Kierdej-Wielhorski Z. (см.: Вельгорский Э.)
 Kirarsk V. 2: 688
 Kirsten U. 2: 690, 703
 Kolb-Seletski N.M. 2: 686
 Kopelew L. 2: 691
 Koschmal W. (см.: Кошмаль В.)
 Kossakovskaia A.I. (см.: Косаковская А.И.)
 Kostka E.K. 2: 744
- Kotzebue (см.: Коцебу А.Ф.Ф. фон)
 Kutik I. (см.: Кутик И.)
 Kutz R. 2: 673
- Lach Szyrma K. (см.: Лак Ширма К.)
 La Fontaine J. (см.: Лафонтен Ж. де)
 Lahti K. 2: 686
 Lang P. 2: 677, 746
 Langer G. (см.: Лангер Г.)
 La Penna M.S. (см.: Лапенна М.С.)
 Larousse P. (см.: Ларусс П.)
 Leblanc (Le Blanc) R.D. 2: 676, 686
 Léger L. (см.: Леже Л.)
 Lehmann J. (см.: Леман Й.)
 Leiste H.W. (см.: Лейсте Г.В.)
 Leitner A. 2: 686
 Lemarchand J. 2: 701
 Lermontov M. (см.: Лермонтов М.Ю.)
 Leskov N.S. (см.: Лесков Н.С.)
 Leśniewska K. 2: 705
 Lévy M. 2: 670, 693
 Löbenstein Ph. (см.: Лебенштейн Ф.)
 Lotman Ju. (см.: Лотман Ю.М.)
- MacAndrew A.R. 2: 705**
 Magarshak D. (см.: Магаршак Д.)
 Maguire R.A. (см.: Мэгуайр Р.А.)
 Malavasi L.S. (см.: Малаваси Л.С.)
 Marie D. (см.: Мари Д.)
 Markof-Belaëff O. 2: 675
 Marks P. 2: 639
 Marmier X. (см.: Мармье К.)
 Martini A. (см.: Мартини А.)
 Mejerhold V. (см.: Мейерхольд В.Э.)
 Merimée P. (см.: Мериме П.)
 Meyer P. 2: 686
 Michailoff H. 2: 705
 Michelet J. (см.: Мишле Ж.)
 Milne L.M. 2: 627
 Moeller-Sally St. (см.: Мёллер-Салли Шт.)
 Molière (см.: Мольер)
 Mongault H. (см.: Монго А.)
 Moreau E. (см.: Моро Э.)
 Munk M. 2: 684
 Müller G. 2: 702
- Nabokov V. (см.: Набоков В.В.)

- Nerval G. de (см.: Нерваль (Лабрю-ни) Ж. де)
 Nikolski A.D. 2: 667
 Nischik R.M. 2: 681, 782
 Nivat G. (см.: Нива Ж.)
- Obolensky A.P.** (см.: Оболенский А.)
 Olivieri C. 2: 697
 Ottow F. (см.: Оттов Ф.)
- Pacini Savoj L.** (см.: Пачини Савой Л.)
 Pascal P. 2: 700
 Pasternak B.L. (см.: Пастернак Б.Л.)
 Paturier M. 2: 668
 Paulus (см.: Павел, ап.)
 Peace R. (см.: Пийс Р.)
 Peppard V. 2: 688
 Perelli L. (см.: Перелли Л.)
 Pevear R. 2: 705
 Pfeiffer M. (см.: Пфейфер М.)
 Planchon R. (см.: Планшон Р.)
 Plaskacz B. 2: 676
 Plato (см.: Платон)
 Podgoriski L. 2: 698
 Popkin C. (см.: Попкин К.)
 Pouchkine, Pushkin A. (см.: Пушкин А.С.)
 Proffer C. (см.: Проффер К.)
 Pseudo-Dionysios 2: 689
- Rabinowitz S.** (см.: Рабинович С.)
 Radecki S. von (см.: Радецкий С. фон)
 Rath W. 2: 673
 Reavey G. 2: 705
 Rehm H.S. (см.: Рем Г.З.)
 Reim E. (см.: Рейм Э.)
 Reissner E. 2: 691, 704
 Renton B. 2: 699
 Reznicek V. 2: 692
 Röhl H. (см.: Рель Г.)
 Rohr J.G. (см.: Рор Ж.)
 Ronga Fabbrovich G. (см.: Ронга-Фаббрович Г.)
 Rothfuchs H. (см.: Ротфукс Х.)
- Saint-Julien Ch.** (см.: Сен-Жюльен Ш.)
 Sareis J. 2: 686
 Scandura C. (см.: Скандура К.)
 Schaffgotsch X. (см.: Шафгоч Ф.К.)
- Schahadat Sch. 2: 682
 Schloezer B.de (см.: Шлессер Б. де)
 Schmid W. 2: 724
 Scholz F. 2: 674, 714
 Schott G. 2: 704
 Schreier H. (см.: Шрейер Х.)
 Seidel-Dreffke B. 2: 679, 690, 860
 Semenoff M. (см.: Семенов М.)
 Setschkarev V. (см.: Сечкарев В.)
 Shabad Th. 2: 632
 Shapiro G. (см.: Шапиро Г.)
 Solivetti C. (см.: Соливетти К.)
 Solohoupe W. (см.: Соллоуб В.А.)
 Staby R.J. 2: 705
 Stanton L.J. (см.: Стэнтон Л.)
 Steinman J. (см.: Штейнман Дж.)
 Stokan N. 2: 696
 Stolze H. 2: 690, 695, 700, 701, 860
 Striedter J. 2: 578
 Suchovo-Kobylin A.V. (см.: Сухово-Кобылин А.В.)
 Suomalainen S. 2: 697
 Sytova A. 2: 756
 Szepielewicz P. (см.: Шепелевич П.)
- Taubman H.** (см.: Таубман Г.)
 Tschizewskij D. (см.: Чижевский Д.)
 Tejada V.D. de la
 Terras V. (см.: Террас В.)
 Thiergen P. 2: 681, 684, 731
 Timmer Ch.B. 2: 706
 Todd W.M. (см.: Тодд У.М.)
 Tolstoj (Tolstoi) L.N. (см.: Толстой Л.Н.)
 Triomphe R. 2: 774
 Tschiltschke Ch. von (см.: Чильшке Х. фон)
- Ulrich P.J.** (см.: Ульрх П.Й.)
 Ulusoy M. (см.: Улюзуа М.)
 Urs H. (см.: Урс Х.)
- Vaux J.** (см.: Вокс Дж. 2: 765)
 Verdinois F. (см.: Вердинуа Ф.)
 Verga G. (см.: Верга Дж.)
 Viardot L. (см.: Виардо Л.)
 Vigny A. de (см.: Виньи А.В. де)
 Villa A. (см.: Вилла А.)
 Vitale S. 2: 699
 Vogüe E.M. de (см.: Вогюэ Э.М. де)
 Volkhonsky L. 2: 705

Vollard A. 2: 664
Voltaire (Arouet M.F.) 2: 686
Wailly L. de (см.: Вайи Л. де)
Wallace M.D. (см.: Уоллес М.Д.)
Weber J.P. (см.: Вебер Ж.П.)
Wegner M. 2: 703
Weiss R.M. 2: 687
Wilson R. 2: 675
Winter C. 2: 683

Witzgell F. 2: 685
Wonsiatsky E. (см.: Вонзиатски Э.)
Wonsiatsky W. (см.: Вонзиатски В.)
Woodward J.B. (см.: Вудвард Дж.Б.)
Z 2: 617
Zabel E. 2: 702
Zand N. 2: 648
Zelinsky B. 2: 664, 681, 708
Zoshchenko M. (см.: Зощенко М.М.)

СОДЕРЖАНИЕ

Мертвые души	<i>1*</i> , 5	2, 11	2, 301
Том первый	1, 7		
Глава I	1, 9	2, 11	
Глава II	1, 20	2, 21	
Глава III	1, 39	2, 37	
Глава IV	1, 59	2, 56	
Глава V	1, 85	2, 81	
Глава VI	1, 104	2, 107	
Глава VII	1, 126	2, 133	
Глава VIII	1, 145	2, 154	
Глава IX	1, 167	2, 186	
Глава X	1, 186	2, 214	
Глава XI	1, 204	2, 236	
К читателю от сочинителя (Предисловие ко второму изданию «Мертвых душ»)	1, 233	2, 812	
Черновые редакции, наброски, заметки	1, 237		
Первая черновая редакция	1, 239		
Черновые автографы и наброски, относящиеся ко второй редакции	1, 335		
Черновые автографы и наброски, предшествующие нижнему слою первой авторизованной копии	1, 335		
Черновые наброски к верхнему слою первой авторизованной копии	1, 424		
Вторая редакция	1, 441		
Черновые наброски, относящиеся к третьей редакции	1, 719		

** Цифры 1 и 2 (набранные курсивом) обозначают номер книги в данном томе, в первом столбце указана страница текста, во втором — «Вариантов», в третьем — «Комментария».*

Черновые наброски к нижнему слою второй авторизованной копии	1, 719	
Черновые наброски к верхнему слою второй авторизованной копии	1, 722	
Черновые наброски к нижнему слою третьей авторизованной копии	1, 729	
Черновые наброски к верхнему слою третьей авторизованной копии	1, 748	
Черновые наброски к верхнему слою четвертой авторизованной копии	1, 753	
К 1-й части	1, 757	2, 813
Черновые наброски, написанные после издания первого тома «Мертвых душ»	1, 760	2, 825
〈Размышления о героях «Мертвых душ»〉	1, 793	2, 844
Другие редакции	1, 797	
Повесть о капитане Копейкине <i>〈цензурная редакция〉</i>	1, 799	2, 293
Варианты	2, 9	
Комментарий	2, 297	
Условные сокращения	2, 853	
Список иллюстраций	2, 861	
Именной указатель	2, 863	

*Печатается по решению
Научно-издательского совета
Российской академии наук*

Николай Васильевич Гоголь

**ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
И ПИСЕМ**

В двадцати трех томах

Том 7, книга 2

Редактор А.Н. Торопцева

Художник В.Ю. Яковлев

Художественный редактор Ю.И. Духовская

Технический редактор Т.А. Резникова

Корректоры Э.Д. Алексеева, Г.В. Дубовицкая,

Е.А. Желнова, Р.В. Молоканова, Т.А. Печко,

Е.А. Сысоева, Т.И. Шеповалова

Подписано к печати 15.11.2012

Формат 60 × 90^{1/16}. Гарнитура Академическая

Печать офсетная

Усл.печ.л. 55,5. Усл.кр.-отт. 57,1. Уч.-изд.л. 69,0

Тип. зак. 3403

Издательство “Наука”

117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru

www.naukaran.ru

Первая Академическая типография “Наука”

199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12/28

ISBN 978-5-02-037547-5

9 785020 375475